
1618

ключительный характеръ; дѣло въ томъ, что, напр
могли вмѣстить больше, чѣмъ переписку за 4
о тома содержатъ письма только за 1888—89 годы! Чисто д
семъ у Чехова почти нѣтъ и всякое слово у него дышитъ св
ми оттѣнками и особенностями его личности.

Извѣстно, что Чеховъ всю жизнь мечталъ написать романъ;
исанъ не былъ, но мечта осуществилась, и Чеховъ, самъ тог
авая, подарилъ насъ романомъ въ видѣ художественной автобі
акъ звено этого длиннаго повѣствованія 3-ій томъ писемъ пре
ъ интересъ исключительный. Всѣ письма указаннаго тома груп
вокругъ трехъ событій жизни Чехова за этотъ срокъ: пут
Сибирь, занявшее почти весь 1890 г., заграничная поѣздка
энергичная дѣятельность Чехова по поводу голода въ Россіи
слѣдующаго года. Причины и цѣль поѣздки въ Сибирь, вся
ѣя, не вяжущаяся съ интересами литератора-художника, предс
овольно темный и неясный пунктъ въ біографіи Чехова; в
тношеніи письма первыхъ 150 страницъ, почти сплошь отно
ь этой поѣздкѣ, даютъ намъ нѣкоторые отвѣты на наши нед
собенно тутъ слѣдуетъ отмѣтить письмо къ Суворину (XVII
арта. Тотъ лихорадочный подъемъ, съ которымъ Чеховъ сталъ г
я къ поѣздкѣ, его нетерпѣніе, томительное ожиданіе вскрыт
онъ ѣхалъ по Волгѣ и Камѣ) и доводы за цѣлесообразность
оторые приводятся въ упомянутомъ письмѣ—все это пока
то Чеховъ видѣлъ большой смыслъ въ той работѣ, которую
редпринять послѣ ознакомленія съ бытомъ ссыльны

Для Чехова, какъ для беллетриста, поѣздка
очти безплодной—всего два небольшихъ раз
ыли написаны подъ впечатлѣніемъ сиб
валось путешествіе на здоровье
въ Москву онъ постоянно
съ этимъ понижается

На слѣдующій
отъ Европы
матеріа

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ II.

ИСТОРІЯ XVI И XVII ВѢКОВЪ.

ИЗДАНІЕ 3-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1904.

3374

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Изученіе реформаціоннаго періода.

Раздѣленіе новой исторіи на періоды и подраздѣленіе реформаціоннаго періода.— Общія сочиненія по исторіи реформаціи.—Анализъ реформаціоннаго движенія.— Главные вопросы при изученіи реформаціи въ отдѣльныхъ странахъ. — Планъ изложенія реформаціи. — Нѣмецкая реформація.—Исторіографія реформаціи въ отдѣльныхъ странахъ Западной Европы. — Общій взглядъ на литературу предмета. — Историко-философскія точки зрѣнія.

XVI и первая половина XVII в. въ исторіи европейскаго Запада составляютъ особый періодъ, вполнѣ заслуживающій названіе реформаціоннаго, такъ какъ основнымъ его фактомъ является религіозная реформація со всѣми непосредственно примыкающими къ ней событіями. Беря круглыя числа, мы можемъ сказать, что реформаціонный періодъ заключается между 1520 и 1650 годами, охватывая такимъ образомъ почти полтора вѣка, за которыми слѣдуетъ другой періодъ тоже приблизительно въ полтора столѣтія, именно между 1648 и 1789 г., т.-е. вторая половина XVII в. и почти весь XVIII,—періодъ, характеризующійся господствомъ на материкѣ Европы абсолютной монархіи. Наконецъ, время отъ 1789 г., т.-е. отъ начала французской революціи до нашихъ дней, составляетъ третій періодъ новой исторіи, который принято называть у насъ (и у нѣмцевъ) исторіей новѣйшей, а у французовъ histoire contemporaine (хотя часто за исходный пунктъ послѣдней принимается 1815 годъ). Подлежащій прежде всего нашему разсмотрѣнію реформаціонный періодъ можетъ быть подраздѣленъ на меньшіе періоды приблизительно одинаковой же продолжительности. Первый періодъ охватываетъ время отъ начала реформаціи до аугсбургскаго религіознаго мира (1527—1555), когда главная роль въ реформаціонномъ движеніи принадлежитъ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи; въ этотъ періодъ распространяется

и утверждается главнымъ образомъ лютеранизмъ, кромѣ того, возникаетъ англиканская церковь, и вообще реформація получаетъ преимущественно монархическій характеръ; со стороны католицизма только къ концу періода начинается настоящее противодѣйствіе протестантизму, который одновременно получаетъ новую форму — кальвинизма. Во второмъ періодѣ—отъ аугсбургскаго религіознаго мира до изданія нантскаго эдикта (1555—1598) происходитъ распространеніе (во Франціи, Шотландіи, Нидерландахъ, Польшѣ и т. д.) кальвинизма, вступающаго въ нѣкоторыхъ странахъ въ борьбу съ королевскою властью и выставляющаго идею народовластія, происходитъ сильная католическая реакція и ведутся религіозныя войны. Третій періодъ составляетъ первая половина XVII вѣка, когда на континентѣ Европы происходитъ религіозно-политическая борьба, извѣстная подъ названіемъ тридцатилѣтней войны (1618—1648), а въ Англіи—борьба между королевскою властью и парламентомъ, завершающаяся первой революціей (1640—1649) и учрежденіемъ сектантской (индепендентской) республики.

Реформаціонный періодъ, какъ одно цѣлое, былъ предметомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ трудовъ или самостоятельныхъ частей историческихъ сочиненій бо́льшаго объема. Такимъ трудомъ является курсъ *Гейсера*: „Geschichte des Zeitalters der Reformation“, существующій въ русскомъ переводѣ подъ редакціей *В. М. Михайловскаго,* который приложилъ къ нему большой историческій очеркъ о „предвѣстникахъ и предшественникахъ реформаціи въ XIV и XV вѣкѣ“. Книга Гейсера, занимающая въ русскомъ переводѣ болѣе 700 страницъ, представляетъ изъ себя первую (1868 г.) попытку свѣтскаго историка (т.-е. не историка церкви [1]) дать общую исторію реформаціоннаго періода въ намѣченныхъ выше рамкахъ. Въ названной книгѣ преобладаетъ, однако, политическая точка зрѣнія (съ международными отношеніями эпохи) и исторія тѣхъ формъ протестантизма, которыя получили оффиціальное признаніе. Гейсеръ игнорируетъ соціальную исторію эпохи, мало обращаетъ вниманія на сектантскія ученія, развивавшіяся параллельно съ правовѣрнымъ протестантизмомъ, и вообще на всю умственную жизнь того времени. Другимъ сводомъ историческихъ работъ по реформаціи является трудъ американскаго историка *Фишера* подъ заглавіемъ: „The Reformation“ (1873). Онъ особенно важенъ

---

[1]) Изъ историковъ церкви см. *Gieseler* (Lehrbuch der Kirchengeschichte, томъ III съ выписками изъ источниковъ), *Baur* (Kirchengeschichte, т. IV), *Hagenbach* (Reformationsgeschichte), *Henke* (Neuere Kirchengeschichte). *Merle d'Aubigné*. Histoire de la réformation au XVI siècle и Histoire de la réformation au temps de Calvin. Для справокъ важна Real-Encyclopädie für protestantische Theologie *Герцога*.

по своей библіографіи источниковъ и пособій, весьма полной, такъ что главное значеніе книги — справочное. Кромѣ того, реформація была предметомъ и историко-философскаго разсмотрѣнія не только въ философіяхъ исторіи, но и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, каковы извѣстные труды: „Философское міросозерцаніе реформаціоннаго времени" (Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit, 1847) *Морица Карьера*, „Разсужденія объ эпохѣ реформаціи" (Betrachtungen über das Zeitalter der Reformation, 1858) *Росмана*, „Реформація" (La réforme), составляющая VIII томъ Etudes sur l'histoire de l'humanité *Лорана*, къ которому нужно прибавить и слѣдующій, IX томъ о религіозныхъ войнахъ (Les guerres de religion), „Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію" *Бэрда* (Beard), англійскаго ученаго, существующая въ нѣмецкомъ (1884) и русскомъ (1897) переводахъ. Кромѣ того, обзоры реформаціонной исторіи представляютъ собою соотвѣтственные томы большихъ всеміpныхъ исторій *Шлоссера*, *Беккера и Вебера*, а также и части большихъ коллекцій *Онкена* и *Флате-Филиппсона* [1]) и новѣйшаго труда *Лависса-Рамбо* [2]).

„Реформаціонное движеніе, писали мы въ другомъ мѣстѣ [3]), было явленіемъ очень сложнымъ, но всѣ его элементы распредѣляются по тремъ главнымъ категоріямъ: у каждой были свои причины, свои движущія силы, своя сфера дѣйствія, свои результаты. Прежде всего реформація была движеніемъ чисто религіознымъ, крупнымъ событіемъ въ исторіи западнаго христіанства, какъ вѣроученія и церковной организаціи. Съ этой стороны въ ея основѣ лежали вѣрующая совѣсть, оскорблявшаяся „язычествомъ" „вавилонской блудницы", и направленная на вопросы вѣры мысль, не сносившая ига непомѣрной власти „антихриста",—говоря языкомъ реформаторовъ и сектаторовъ о римской церкви и папѣ; заявленными цѣлями реформаціи были „возвращеніе христіанства къ апостольскимъ временамъ" посредствомъ „очищенія вѣры отъ людскихъ выдумокъ" и „освобожденіе духа отъ мертвящей буквы преданія". Результаты реформаціи въ этомъ отношеніи—

---

[1]) Въ сборникѣ историческихъ монографій Онкена исторія реформаціи излагается по странамъ. Въ Allgemeine Weltgeschichte von *Th. Flathe*, *G. Herzberg*, *F. Justi*, *J. Pflung-Harttung* und *M. Philippson* исторіи реформаціоннаго періода посвящены VII и первая половина VIII тома, написанные Филиппсономъ, какъ и вся новая исторія. См. также сборникъ статей *Maurenbrecher'a* Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit.

[2]) См. томы IV и V, въ коихъ исторія реформаціи въ отдѣльныхъ странахъ составляетъ лишь §§ главъ, написанныхъ разными авторами.

[3]) „Очеркъ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ". М. 1886, стр. 34—37.

разрушенie религiознаго единства Западной Европы, образованie новыхъ исповѣданiй и основанie новыхъ церквей; развитie мистическаго и рацiоналистическаго сектантства, перерѣшенie догматическихъ, моральныхъ и церковно-практическихъ вопросовъ, новое направленie теологическаго мышленiя, развитie новыхъ религiозныхъ принциповъ, вольномыслie антитринитарiевъ и деистовъ, ученiя которыхъ представляли собой выходъ изъ историческаго христiанства въ философiю „естественной религiи", и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленie умиравшаго католицизма, пересмотръ его догматовъ, починка всей его внутренней организацiи. Протестъ, который мы здѣсь видимъ, истекаетъ изъ глубины религiознаго чувства и изъ нѣдръ пытливой мысли, не удовлетворявшейся традицiоннымъ рѣшенiемъ религiозныхъ вопросовъ. Но средневѣковой католицизмъ не былъ вѣроисповѣданiемъ только: какъ царство отъ мiра сего, онъ вызывалъ противъ себя протесты иного рода изъ-за чисто свѣтскихъ побужденiй, изъ-за отношенiй чисто земной жизни человѣка и общества. Онъ былъ цѣлою системой, налагавшей свои рамки на всю культуру и соцiальную организацiю средневѣковыхъ католическихъ народовъ: его универсализмъ отрицалъ нацiональность, его теократическая идея давила государство, его клерикализмъ, создававшiй духовенству привилегированное положенie въ обществѣ, подчинялъ его опекѣ свѣтскiя сословiя, его спиритуалистическiй догматизмъ представлялъ мысли слишкомъ узкую сферу, да и въ той не давалъ ей свободно двигаться. Поэтому противъ него давно боролись и нацiональное самосознанie, и государственная власть, и свѣтское общество, и усиливавшееся въ послѣднемъ образованie,— боролись не во имя чистоты христiанскаго вѣроученiя, не во имя возстановленiя Библiи, какъ главнаго авторитета въ дѣлахъ религiи, не во имя требованiй внутренняго голоса совѣсти, встревоженной „порчей церкви", и пытливой религiозной мысли, обратившейся къ критикѣ того, что̀ передъ ея судомъ оказывалось „людскими выдумками", а просто потому, что система на все налагала гнетъ и втискивала жизнь въ свои рамки, мѣшая ея свободному развитiю. Борьба противъ Рима, не касавшаяся вопросовъ царства не отъ мiра сего,— явленie довольно раннее въ европейской исторiи: нападенiя на католицизмъ, какъ на вѣроученie и церковь, не согласныя съ духомъ христiанства, съ священнымъ писанiемъ, съ требованiями вѣрующей совѣсти и мысли, возбужденной религiозными вопросами,—нападенie, къ которому подавало поводъ и противорѣчie между системой въ идеѣ и системой на дѣлѣ, подрывавшее ея былую власть надъ душами, — объединяло, усиливало, направляло къ одной цѣли элементы свѣтской борьбы съ католицизмомъ во имя правъ нацiональности, правъ государства, правъ свѣтскихъ сословiй, правъ образованiя,

правъ, въ основѣ которыхъ лежали чисто мірскіе интересы,—и само находило помощь въ этой оппозиціи Риму—національной и политической, въ этой враждѣ къ духовенству—сословной и интеллектуальной. Гуманизмъ также заключалъ въ себѣ идеи, черезъ которыя чисто культурно-соціальная оппозиція могла бы объединиться, формулировать свои требованія, направиться къ одной цѣли, и до извѣстной степени онъ такъ дѣйствовалъ, секуляризируя мысль и жизнь западно-европейскихъ обществъ, но значеніе реформаціи именно въ томъ и заключается, что оппозиція католической культурно-соціальной системы во имя чисто человѣческихъ началъ интереса и права пошла подъ знаменемъ реформированной религіи. Наконецъ, развитіе жизни выдвигало у отдѣльныхъ націй разные другіе вопросы политическаго, соціальнаго, экономическаго свойства, не имѣвшіе сами по себѣ отношенія ни къ „порчѣ церкви", ни къ гнету куріи и клира; въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы велась своя внутренняя борьба и подготовлялись свои домашнія столкновенія, которыя могли, какъ это и случилось въ Испаніи при Карлѣ V, разыграться внѣ всякой связи съ реформаціей церкви и съ оппозиціей куріи и клиру, или же соединиться съ движеніемъ чисто религіознымъ и съ національнымъ, политическимъ, сословнымъ и интеллектуально-моральнымъ протестомъ противъ папы и католическаго духовенства, что̀ мы и видимъ въ Германіи, гдѣ за реформацію схватились и гуманисты, незадолго передъ тѣмъ окончившіе побѣдоносную кампанію противъ „обскурантовъ", и имперскіе рыцари, недовольные новыми порядками, заведенными въ концѣ XV вѣка, и крестьяне, начавшіе волноваться еще раньше, и низшій слой городского населенія, среди котораго происходило соціальное броженіе противъ богатыхъ, и князья, стремившіеся уничтожить послѣдніе признаки власти императора.

Религіозный протестъ противъ „порчи церкви", оппозиція куріи и клиру по побужденіямъ чисто свѣтскаго характера, мѣстныя общественныя дѣла—вотъ три категоріи элементовъ, участвовавшихъ въ реформаціонномъ движеніи XVI вѣка. Гдѣ происходилъ религіозный протестъ, тамъ проявлялась оппозиція противъ Рима и католическаго духовенства, и дѣло соціально-политической реформы или революціи велось подъ знаменемъ религіи; но мѣстная политическая борьба не вызывала сама по себѣ религіозной реформаціи (примѣръ—Испанія), какъ, съ другой стороны, борьба противъ притязаній куріи и привилегій клира могла итти подъ знаменемъ секуляризирующихъ мысль и жизнь идей гуманизма въ широкомъ смыслѣ этого слова, подъ вліяніемъ идей античной философіи и науки, античной политики и римскаго права, вродѣ того, какъ въ Италіи подкапывали католицизмъ сочиненія Лоренцо Валлы, объявившаго подложность грамоты, на

которой средневѣковые папы основывали свои притязанія на свѣтскую власть, или Никколо Маккіавели, видѣвшаго въ папствѣ главную помѣху для объединенія Италіи.

Основныя причины реформаціоннаго движенія XVI вѣка были далеко неравномѣрно распредѣлены по разнымъ странамъ. Не говоря уже о томъ, что у каждаго народа въ его внутренней жизни была своя „злоба дня",—у одного — одна, у другого—другая, у одного—способная уладиться путемъ мирной реформы, у другого — необходимо вызывавшая революціонное столкновеніе, — отдѣльные народы были въ своихъ массахъ и въ своихъ правящихъ классахъ не совсѣмъ одинаково религіозны въ количественномъ и качественномъ отношеніи и различнымъ образомъ должны были относиться къ далекой куріи и своему собственному клиру, такъ какъ и курія въ сущности вызывала къ себѣ разныя чувства, и клиръ одной страны не былъ похожъ на клиръ другой, и сами націи во всемъ остальномъ не вполнѣ походили одна на другую. Однѣ и остались вѣрны и старой религіи, и „святому отцу", и своимъ духовнымъ пастырямъ, тогда какъ другія завели у себя новыя вѣры, отреклись отъ папы, какъ отъ „антихриста", возмутились противъ „волковъ въ овечьей шкурѣ". Мало того: въ одной и той же націи реформація имѣла иногда совершенно разный успѣхъ у отдѣльныхъ сословій и начиналась то снизу, отъ общества, то сверху, отъ власти, да и тутъ вопросъ о томъ, пойдутъ ли правительство за народомъ или народъ за правительствомъ, рѣшался въ общемъ и въ подробностяхъ не вездѣ одинаково. Изслѣдовать съ этой точки зрѣнія происхожденіе реформаціи въ каждой отдѣльной странѣ, анализируя факты, представляемые ея исторіей, и сравнить результаты изслѣдованія, сопоставляя однородные и разнородные факты, — вотъ, по нашему мнѣнію, единственный путь, чтобы не сдѣлать скороспѣлыхъ, односторонних или прямо невѣрныхъ заключеній о причинахъ возникновенія реформаціоннаго движенія вообще или въ той или въ другой странѣ въ частности".

Общія причины реформаціоннаго движенія должны быть понятны изъ того обзора состоянія Западной Европы въ XIV и XV вв., который данъ въ первомъ томѣ настоящей книги, но затѣмъ еще остается цѣлая область исторіи отдѣльныхъ странъ, въ которыхъ эти общія причины комбинировались различнымъ образомъ. При изученіи реформаціи въ какой-либо отдѣльной странѣ нужно имѣть въ виду слѣдующіе четыре общихъ вопроса, отвѣты на которые заключаютъ въ себѣ всѣ данныя, необходимыя для пониманія причинъ и условій, внѣшняго хода и внутренняго характера, слѣдствій и результатовъ реформаціи въ данной странѣ.

Первый общій вопросъ заключаетъ въ себѣ цѣлую категорію вопросовъ *о состояніи страны* въ отношеніяхъ религіозномъ, умственномъ, національномъ, политическомъ и соціальномъ. Религіозное настроеніе отдѣльныхъ странъ было далеко неодинаково, и какъ самъ католицизмъ въ лицѣ своихъ представителей, такъ и отношеніе къ нему отдѣльныхъ народовъ были не одни и тѣ же въ разныхъ странахъ: Испанія, только-что покончившая вѣковую борьбу съ маврами, была вполнѣ довольна своимъ католицизмомъ, сдѣлавшимся ея національнымъ знаменемъ, да и сама воинствующая церковь не подверглась здѣсь порчѣ въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ Германіи, наоборотъ, давно происходило глухое, но глубокое религіозное броженіе, которое рано или поздно должно было прорваться наружу. Въ умственномъ, да и нравственномъ отношеніи опять отдѣльные народы стояли далеко не на одинаковомъ уровнѣ: напр., итальянская гуманистическая интеллигенція была довольно индифферентна къ религіи и церкви, а народная масса суевѣрна и чувственна, между тѣмъ какъ гуманизмъ нѣмецкій соединялся съ богословскими интересами и реформаціонными стремленіями, а въ народныхъ массахъ замѣчалось (въ развитіи сектантства) извѣстнаго рода болѣе моральное отношеніе къ религіи, чѣмъ можно его предполагать въ Италіи. То же самое и въ смыслѣ національной оппозиціи: въ Испаніи католицизмъ и національность сдѣлались синонимами, благодаря религіозной и племенной борьбѣ съ маврами, для Италіи папство было тоже какъ бы національнымъ учрежденіемъ, но въ Германіи беззастѣнчивое хозяйничанье куріи оскорбляло національное чувство въ то же самое время, какъ и нѣмецкіе князья чувствовали всю тяжесть папской опеки, неизвѣстную, напр., во Франціи, гдѣ государственная власть съумѣла оградить себя отъ вмѣшательства папы. Далѣе на исторію реформаціи оказывали вліяніе внутреннія, чисто политическія отношенія отдѣльныхъ странъ и прежде всего ихъ устройство, была ли, напр., страна унитарнымъ или федеративнымъ государствомъ: государства первой категоріи въ общемъ рѣшали у себя вопросъ въ ту или другую сторону, тогда какъ въ такихъ федераціяхъ, какими были Германія и Швейцарія, отдѣльные княжества и кантоны по-своему рѣшали вопросъ, и политическая раздробленность отражалась на религіозномъ разъединеніи, какъ въ свою очередь религіозное разъединеніе способствовало и политическому распаденію федеративной страны (Нидерланды). Форма правленія, существовавшая въ государствѣ, въ общемъ переносилась и въ новое церковное устройство: реформація, возникшая въ Германіи или Англіи, приняла монархическій характеръ, тогда какъ цюрихская и женевская — республиканскій.

Въ связи съ этими вопросами стоятъ вопросы второго рода: *кому принадлежала инициатива реформаціоннаго движенія и кто имъ воспользовался?* Реформа могла итти снизу, отъ народа, или сверху, отъ власти, могла быть общенародной или сословной, могла содѣйствовать усиленію государственной власти или расширенію народныхъ правъ. Въ Германіи реформа шла снизу и была общенародной, но политическое и соціальное движеніе, совершившееся подъ религіознымъ знаменемъ, было подавлено князьями, и всѣ плоды протекшихъ событій выпали на ихъ долю. Въ Шотландіи и Голландіи реформа идетъ тоже снизу, но результаты ея иные. Въ Даніи и Швеціи инициатива реформаціи принадлежитъ королевской власти, такъ же, какъ и въ Англіи, но въ этой послѣдней странѣ рядомъ съ реформаціей, возникшей по инициативѣ правительства и содѣйствовавшей его усиленію, началась другая реформація, народная, и столкновеніе между ними было одной изъ сторонъ той революціи, которая была въ Англіи въ серединѣ XVII в. и содѣйствовала побѣдѣ народныхъ правъ. Во Франціи и Польшѣ ни власть, ни масса населенія не приняли участія въ движеніи, которое въ обѣихъ странахъ получаетъ характеръ сословный, преимущественно дворянскій.

Третій вопросъ — *о моментѣ, когда происходило движеніе въ той или другой странѣ.* Въ этомъ отношеніи важно различіе между странами ранней реформаціи и странами реформаціи поздней: въ первыхъ все было вновѣ, вторыя имѣли уже многое готовымъ; движеніе, совершившееся въ первыхъ странахъ, застало католицизмъ врасплохъ, во вторыхъ оно встрѣтило уже сильное противодѣйствіе со стороны старой церкви. Въ этомъ отношеніи важно дѣленіе исторіи XVI вѣка на первую и вторую половины, и составляющія два главные момента.

Четвертый вопросъ касается *характера ученія, принятаго тою или другою страною, и ученій, параллельно съ ними развивавшихся.* Личность главнаго реформатора — Лютера, Цвингли и Кальвина — играетъ важную роль, но она не должна совсѣмъ заслонять роли ни ихъ помощниковъ, второстепенныхъ реформаторовъ, ни сектаторовъ въ родѣ Ѳомы Мюнцера, Сервета или Социна, основателя антитринитарской церкви въ Польшѣ. Лютеранизмъ, цвингліанизмъ и кальвинизмъ отличались между собою не только по своей способности распространяться внѣ своей родины (кальвинизмъ былъ космополитичнѣе) и не только по своимъ политическимъ принципамъ, что̀ зависѣло отъ момента и среды, въ которыхъ возникло то или другое ученіе, но и съ принципіальной стороны, да и здѣсь опять-таки не только какъ вѣроисповѣданія съ догматическими и обрядовыми отличіями, но и по своимъ отношеніямъ къ образованію, морали, индивидуальнымъ пра-

вамъ, соціальнымъ и политическимъ вопросамъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, наконецъ, особенно любопытна разница между протестантизмомъ всѣхъ оттѣнковъ и сектантствомъ, въ которомъ опять-таки можно говорить о бо́льшемъ или меньшемъ мистицизмѣ и раціонализмѣ, демократизмѣ и аристократизмѣ, соціальномъ или политическомъ характерѣ, о созерцательномъ или дѣятельномъ направленіи, когда мы имѣемъ передъ собою анабаптистовъ, антитринитаріевъ (и въ ихъ числѣ социніанъ), индепендентовъ, христіанскихъ деистовъ и т. п.

Первые два вопроса (состояніе страны и происхожденіе реформаціи) относятся главнымъ образомъ къ тому, что̀ составляетъ особенности въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, два другіе (моментъ движенія и характеръ принятыхъ ученій)—къ тому, въ чемъ отдѣльныя страны могли, наоборотъ, сходиться между собою, напримѣръ, одновременно принимая одну и ту же форму протестантизма. Съ той точки зрѣнія, на какой мы стоимъ въ этой книгѣ, общее должно было бы вообще предшествовать частному, и до извѣстной степени въ послѣдующемъ изложеніи этотъ принципъ будетъ проводиться, но само происхожденіе общаго не будетъ для насъ вполнѣ ясно, если мы не начнемъ съ исторіи реформаціи въ тѣхъ странахъ, гдѣ она впервые возникла и организовалась, и съ исторіи происхожденія главныхъ ея формъ. Въ этомъ отношеніи исторія реформаціи въ Германіи со всѣми вызванными ею или стоявшими съ нею въ связи событіями до аугсбургскаго религіознаго мира, окончившаго собою первый періодъ въ новой исторіи нѣмецкаго народа, заслуживаетъ особаго вниманія. Конечно, реформація только потому и могла стать явленіемъ общеевропейскимъ, что причины ея лежали внѣ какой-либо отдѣльной націи, но по многимъ историческимъ условіямъ ея иниціатива выпала на долю именно нѣмецкаго народа. Почему это случилось, мы уже отчасти видѣли изъ небольшого сравненія между отдѣльными націями, какое было сдѣлано выше. Разсматривая реформацію въ Германіи, мы уже по одному этому не должны упускать изъ виду культурно-соціальныя условія, породившія это движеніе среди нѣмецкаго народа, но есть и другая причина, заставляющая насъ остановиться на Германіи въ реформаціонную эпоху подробнѣе: со времени великаго междуцарствія въ серединѣ XIII вѣка до французской революціи въ концѣ XVIII, т.-е. въ теченіе цѣлой половины одного тысячелѣтія, въ исторіи Германіи не было болѣе рѣшительнаго момента, какъ тотъ, когда въ ней происходила реформація, вызванная всѣмъ предыдущимъ развитіемъ, особенно въ XIV и XV вв. и обусловившая собою всю дальнѣйшую исторію страны и народа съ тридцатилѣтнею войною и политическимъ упадкомъ XVIII в. включительно.

Весьма естественно, что реформаціонная эпоха въ Германіи была предметомъ весьма внимательнаго изученія со стороны національныхъ историковъ. Въ 1839—47 гг. вышли въ свѣтъ шесть томовъ „Нѣмецкой исторіи въ эпоху реформаціи" (Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation) *Леопольда Ранке*, доведенной до аугсбургскаго религіознаго мира въ пяти томахъ, за которыми слѣдуетъ томъ съ дополненіями и примѣчаніями. Собственно говоря, съ этого труда, въ которомъ преобладаетъ политическая точка зрѣнія, какъ и во всѣхъ вообще сочиненіяхъ Ранке и его школы, и начинается научная разработка реформаціонной эпохи въ Германіи, вмѣстѣ съ трехтомнымъ сочиненіемъ *Карла Гагена* о „литературныхъ и религіозныхъ отношеніяхъ въ Германіи" за тотъ же періодъ времени (Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1841—44 годахъ и съ появившеюся въ тѣ же годы (1841—42) трехтомною „Исторіей великой крестьянской войны" (Geschichte des grossen Bauernkrieges) *В. Циммермана*, до сихъ поръ имѣющею значеніе лучшей общей исторіи крестьянскаго движенія въ Германіи [1]). Съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, когда общіе труды Ранке, Гагена и Циммермана освѣтили съ политической, культурной и соціальной точекъ зрѣнія нѣмецкую реформацію, разработка ея исторіи продолжалась неустанно въ цѣлой массѣ сочиненій, главнѣйшія изъ которыхъ будутъ нами указаны въ своемъ мѣстѣ. За самое послѣднее время сдѣланы были три крупныя попытки обозрѣть нѣмецкую исторію за этотъ періодъ. Одна изъ нихъ принадлежитъ католическому писателю *Янсену*, автору большой „Исторіи нѣмецкаго народа съ исхода среднихъ вѣковъ" (Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters [2]), въ которой обращено особое вниманіе на культурныя и соціальныя отношенія, но которой недостаетъ научнаго объективизма, такъ какъ у него все клонится къ тому, чтобы выставить процвѣтаніе Германіи до реформаціи и наоборотъ, упадокъ ея послѣ реформаціи. Гораздо болѣе научное значеніе имѣетъ книга *Бецольда*: „Исторія нѣмецкой реформаціи", входящая въ составъ коллекціи Онкена [3]) и сочиненіе *Г. Эгельгаафа* „Нѣмецкая исторія въ XVI в. до аугсбургскаго религіознаго мира" (Deutsche Geschichte im XVI Jahrhundert bis zum Augsburger Religionsfrieden [3]).

---

[1]) Существуетъ въ русскомъ переводѣ.

[2]) Первый томъ этого труда переведенъ по-русски (см. ниже, гл. II, подстрочное примѣчаніе).

[3]) Переведена по-русски. Интересно все-таки, что на Бецольдѣ сказалось въ значительной мѣрѣ вліяніе Янсена. См. также *Souchay*. Deutschland während der Reformation.

Слѣдуя хронологическому порядку, въ какомъ развивалась и распространялась реформація, мы должны были бы прежде всего указать на сочиненія, въ которыхъ разсматривается реформація въ Швейцаріи и скандинавскихъ странахъ, но швейцарская реформація разсматривается главнымъ образомъ въ біографіяхъ Цвингли и Кальвина, датская и шведская — въ общеисторическихъ сочиненіяхъ [1]). Для Англіи можно уже указать на спеціальную литературу, при чемъ отмѣтимъ прежде всего русскую книгу *В. Соколова* „Реформація въ Англіи". Въ англійской и нѣмецкой исторической литературѣ, кромѣ такихъ болѣе общихъ трудовъ, каковы „History of England from the accesion of James II" *Маколея* (перев. по-русски), въ первомъ томѣ которой есть очень краткій очеркъ XVI и XVII вѣковъ, и „Англійской исторіи преимущественно въ XVI и XVII в." (Englische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert) *Л. Ранке*, важной главнымъ образомъ для эпохи Стюартовъ, есть сочиненія, относящіяся спеціально къ исторіи реформаціи въ XVI вѣкѣ: „Исторія реформаціи въ Великобританіи" (Geschichte der Reformation von Grossbritannien), *Г. Вебера*, Исторія Англіи отъ паденія Вольсея до смерти Елизаветы" (History of England from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth), „Исторія церкви въ Англіи со времени уничтоженія римской власти" (History of the Church of England from the abolition of the roman jurisdiction), *Д. К. Ватсона*, „Исторія религіозной мысли въ Англіи съ эпохи реформаціи" (History of the religions thought in England from the reformation), *Гента* (Hunt) и популярныя лекціи *Мауренбрехера* подъ заглавіемъ: „England im Reformationszeitalter" [2]).

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка происходитъ весьма быстрое распространеніе кальвинизма, и съ этого времени главнымъ образомъ начинается исторія настоящаго реформаціоннаго движенія во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ и въ Польшѣ. Труды по исторіи кальвинизма будутъ названы въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь мы ограничиваемся лишь упоминаніемъ о русской книгѣ *Р. Ю. Виппера* „Церковь и государство въ Женевѣ XVI в. въ эпоху кальвинизма". Исторія реформаціи во Франціи, кромѣ соотвѣтственныхъ отдѣловъ

[1]) *Dahlmann*. Geschichte von Dänemark. — *Munter*. Kirchengeschichte von Dänemark. — *Geijer*. Schwedische Geschichte. — *Weidling*. Schwedische Geschichte im Zeitalter der Reformation. — *Knös*. Darstellung der schwedischen Kirchenverfassung. — *Г. В. Форстенъ*. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ. Тутъ и указанія на шведскую и датскую литературу.

[2]) См. также трудъ Филиппсона объ эпохѣ Филиппа II, Елизаветы англійской и Генриха IV. — *V. Dorean*. Origines du schisme d'Angleterre. — *F. A. Gasquet and E. Bishop*. Edward VI and the book of Common Prayer. — Въ своемъ мѣстѣ будутъ указаны труды по исторіи англійскаго сектантства въ XVII в.

въ общихъ трудахъ *Сисмонди*, *Мишле*, *Анри Мартена*, *Дареста*, а также энциклопедіи „La France protestante" *Haag'a*, была предметомъ изслѣдованія многихъ французскихъ и иностранныхъ (по отношенію къ Франціи) ученыхъ, въ томъ числѣ и русскихъ: *И. В. Лучицкаго* („Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи") и *г. Клячина* („Политическія собранія и политическая организація кальвинистовъ во Франціи XVI вѣка"). Главные французскіе труды суть слѣдующіе: „Исторія реформаціи, лиги и царствованія Генриха IV" (Histoire de la réforme, de la ligue et du règne de Henri IV) *Капфига*, требующая однако большой осторожности при пользованіи, „Исторія протестантовъ во Франціи" (Histoire des protestants en France) *де-Фелиса*, „Исторія политическихъ собраній реформатовъ во Франціи" (Histoire des assemblées politiques des reformés de France) *Анкеза (Anquez)*, „Исторія французской реформаціи" (Histoire de la réforme française) *Пюо (Puaux)*, „Исторія Генриха IV" (Histoire de Henri IV) *Пуарсона*, „Церковь и государство во Франціи при Генрихѣ IV и Маріи Медичи" (L'église et l'état en France sous la règne de Henri IV et la régence de Marie de Medicis) *Перранса*, „Религіозная борьба во Франціи въ XVI в." (Les luttes religieuses en France au XVI s.) *виконта де-Мо*, „Французская реформація до междоусобныхъ войнъ" (La réforme française avant les guerres civiles) *г-жи Куанье*, „Исторія установленія протестантизма во Франціи" (Histoire de l'établissement du protestantisme en France) *Агессо*. Весьма много для исторіи французскаго протестантизма сдѣлано было нѣмецкими учеными: кромѣ охватывающей болѣе продолжительную эпоху и всю политическую жизнь „Французской исторіи преимущественно въ XVI и XVII вѣкахъ" (Französische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert) *Л. Ранке*, нужно назвать труды Зольдана (Geschichte des Protestantismus in Frankreich bis zum Tode Karls IX) и *фонъ-Полленца* (Geschichte des französischen Calvinismus).

Исторія шотландской реформаціи разсматривается какъ въ общихъ исторіяхъ Шотландіи, такъ и въ спеціально посвященныхъ этому предмету трудахъ [1]). Нидерландская реформація излагается въ общихъ исторіяхъ страны, въ сочиненіяхъ, разсматривающихъ исторію возстанія Нидерландовъ противъ Филиппа II, которыя будутъ названы въ другомъ мѣстѣ, а также въ особыхъ трудахъ о реформаціи [2]). За послѣднее время было сдѣлано довольно много для раз-

---

[1]) *Burton*. The history of Scotland.—*Rudolff*. Geschichte der Reformation in Schottland. Кромѣ того, біографія Нокса, указанная ниже.

[2]) Голландскій трудъ *de Hoop Scheffer'a*, переведенный на нѣм. языкъ (Geschichte der Reformation in den Niederlanden von ihrem Beginn bis zum

работки исторіи реформаціи въ Польшѣ, о чемъ можно найти подробныя свѣдѣнія въ моей брошюрѣ „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. въ Рѣчи Посполитой" [1]), а въ сокращенномъ видѣ въ моей книгѣ „Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ". Отмѣтимъ здѣсь лишь русскіе труды *Н. Н. Любовича* („Исторія реформаціи въ Польшѣ" и „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ") и *П. Жуковича*. Кардиналъ Гозій и польская церковь его имени.

Кромѣ указанныхъ странъ, реформація распространилась и въ другихъ государствахъ, каковы Чехія и Венгрія. По исторіи реформаціи въ Чехіи, кромѣ трудовъ о гуситскомъ движеніи въ XV вѣкѣ, указанныхъ въ первомъ томѣ, существуютъ еще труды *Гиндели*, *Червенки*, *Дени* и др. [2]), а для Венгріи — книга *Палаузова* и др. [3]). Южнороманскія страны были также затронуты реформаціоннымъ движеніемъ XVI вѣка, хотя оно здѣсь не привилось, а встрѣтило противъ себя сильный отпоръ, такъ что начало такъ называемой католической реакціи было положено именно въ Италіи, Испаніи и Португаліи. Исторіи этихъ любопытныхъ отношеній посвящено также нѣсколько трудовъ, каковы старыя, переведенныя по-французски и по-нѣмецки сочиненія *M'Crie* „Исторія успѣховъ и подавленія реформаціи въ Италіи" (History of the progress and oppression of the reformation in Italy) и такая же исторія реформаціи въ Испаніи, „Исторія реформаціи въ Италіи" (Storia della riforma in Italia) *Комбы*, „Итальянскіе еретики" (Gli eretici d'Italia) *Канту*, „Реформація и ея мученики въ Италіи" (Die Reformation und ihre Märtyrer in Italien) *Эрдмана*, „Исторія испанскаго протестантизма XVI в." (Geschichte des spanischen Protestantismus im XVI Jahrhundert) *Вилькенса*, „Исторія испанскихъ протестантовъ" (Historia de los protestantes espanoles) *де-Кастро* (есть нѣм. пер.), „Исторія испанскихъ еретиковъ" (Historia de los heterodoxas espanoles) *Менендесъ-Пелайо* и „Исторія испанскаго протестантизма и инквизиціи въ XVI в." (Beiträge zur Gesch. des span. Protest. und der Inquis. im XVI J.). *Э. Шефера*.

Если ко всѣмъ указаннымъ историческимъ трудамъ по исторіи реформаціи вообще и въ отдѣльныхъ странахъ прибавить еще сочи-

Jahre 1531). Старое сочиненіе *Brandt'a* (Hist. abrégée de la réformation des Pays-Bas).

[1]) Напечатана была въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1885 г.

[2]) *Gindely*. Geschichte der böhmischen Brüder. — *Czerwenka*. Geschichte der evangelischen Kirche in Böhmen.—*Dénis*. Fin de l'indépendance bohême.

[3]) *Linberderger*. Geschichte des Evangeliums in Ungarn.—*Balogh*. Gesch. der ungar.-protestantischen Kirche. — *С. Палаузовъ*. Реформа и католическая реакціи въ Венгріи.

нения по общей оцѣнкѣ реформаціи [1]) о предшественникахъ реформаціи и объ ея отношеніи къ гуманизму [2]), о сектантствѣ реформаціонной эпохи [3]), о католической реакціи [4]), которыя будутъ указаны ниже, сочиненія по исторіи отдѣльныхъ событій и движеній, находящихся въ связи съ реформаціей, каковы рыцарское и крестьянское возстаніе въ Германіи, нидерландская и англійская революціи, тридцатилѣтняя война и т. п., то мы получимъ громадную литературу, которая съ разныхъ сторонъ освѣщаетъ намъ этотъ важный періодъ въ Исторіи Западной Европы. Вся приведенная литература относится къ послѣднимъ двумъ третямъ нынѣшняго столѣтія. Дѣйствительно только съ тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ начинается настоящее научное отношеніе къ реформаціонной исторіи. Конечно, ею занимались и раньше, начиная съ современниковъ и ближайшаго потомства реформаторовъ, но долгое время въ сочиненіяхъ по этой эпохѣ преобладали церковное содержаніе и вѣроисповѣдная точка зрѣнія: первыя исторіи реформаціи разсматриваютъ ее главнымъ образомъ, какъ крупное событіе въ исторіи религіи и церкви, причемъ защищаютъ то или другое протестантское вѣроисповѣданіе или, какъ это сдѣлалъ, напр., въ XVII вѣкѣ Боссюэтъ въ своей „Исторіи измѣненій въ протестантскихъ церквахъ", наоборотъ, католицизмъ. Лишь въ XIX в. выдвинуто было впередъ политическое значеніе реформаціи. Книга Гейсера главнымъ образомъ и отразила на себѣ такой политическій взглядъ на реформацію. Новыя научныя направленія — культурное и соціальное — завладѣли также этимъ предметомъ, а именно, одно — примкнувъ къ старому церковно-религіозному направленію, только расширивъ его и лишивъ вѣроисповѣдной окраски, другое — соединившись съ политическимъ взглядомъ, но углубивъ его посредствомъ привлеченія къ изслѣдованію тѣхъ соціальныхъ, въ особенности экономическихъ перемѣнъ, которыя входили въ составъ или причинъ, вызвавшихъ реформаціонное движеніе, или слѣдствій, имъ произведенныхъ. Открытіе экономической подкладки реформаціоннаго движенія, особенно стремленіе къ изученію реформаціи съ этой стороны относятся къ самому послѣднему времени [5]). Во-

[1]) См. ниже, въ примѣч. къ главѣ XX.

[2]) Указаны въ главѣ XXXIV перваго тома.

[3]) *Erbkam.* Geschichte der protestantischen Sekten im Zeitalter der Reformation. Кромѣ того, см. ниже въ главахъ VII (анабаптизмъ), XX (антитринитаризмъ), XXXII (индепенденты) и XLVI (деизмъ).

[4]) См. ниже, главу XXI.

[5]) У насъ объ этомъ впервые заговорилъ *Н. Н. Любовичъ* въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ своей вступительной лекціи „Общественная роль религіозныхъ движеній", а недавно ту же мысль сталъ проводить *Р. Ю. Випперъ* въ статьяхъ „Общество, государство, культура на Западѣ въ XVI в.", помѣщен-

первыхъ, церковь, т.-е. духовенство и монашество, представляла собою общественный классъ, опиравшійся между прочимъ на крупное землевладѣніе, и реформація, уничтожившая сословныя привилегіи клира и церковное землевладѣніе, должна была поэтому произвести переворотъ въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ. Во-вторыхъ, соціальное недовольство, особенно народныхъ массъ, принимало религіозную окраску, и желаніе улучшить свою судьбу заставляло ихъ уходить въ секты, проповѣдовавшія не однѣ религіозныя, но и общественныя доктрины. Эта точка зрѣнія заслуживаетъ большого вниманія, хотя, разумѣется, одна она — при всей важности классовыхъ интересовъ и отношеній — не въ состояніи объяснить такое сложное явленіе, какъ реформація: соціальное направленіе въ изученіи реформаціи есть желательное и необходимое дополненіе, расширяющее прежнія постановки вопроса, но оно только утрачиваетъ свою научность, когда съуживаетъ историческій взглядъ, сводя главныя явленія реформаціонной эпохи къ одному взаимоотношенію общественныхъ классовъ на почвѣ главнымъ образомъ экономическихъ интересовъ [1]).

Нѣсколькихъ общихъ замѣчаній требуетъ и другая сторона дѣла. Грубо-конфессіональная точка зрѣнія первыхъ историковъ реформаціи въ наше время уступила мѣсто болѣе объективной критикѣ. Главная заслуга историческаго выясненія всей эпохи принадлежитъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, писателямъ протестантскимъ или сочувствующимъ протестантизму, какъ извѣстной формѣ религіознаго сознанія, и въ общемъ писатели католическаго лагеря напрасно стараются поколебать ихъ представленіе о реформаціи, хотя въ частныхъ случаяхъ и нужно считаться съ вносимыми и съ этой стороны поправками, тѣмъ болѣе, что на сужденія и протестантскихъ историковъ нерѣдко оказывали вліяніе предвзятые взгляды. Любопытно только, что тяжба между двумя лагерями перенесена теперь на новую почву: прежде споръ шелъ о томъ, на чьей сторонѣ религіозная истина, тогда какъ

ныхъ въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1897 г. Вообще въ этомъ направленіи сдѣлано еще очень мало. Ср. *Th. Rogers.* The economic interpretation of history (глава п. н. „The social effect of religious movements“). *Kautsky.* — Thomas More. Обширное вступленіе, которое было переведено по-русски въ „Сѣв. Вѣстн.“ за 1891 г. и перепечатано въ переводѣ „Очерковъ и Этюдовъ“ *Каутскаго* (Спб. 1895 г.), посвящено изображенію „вѣка гуманизма и реформаціи“ съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. Болѣе всего сдѣлано съ этой точки зрѣнія работами по исторіи секуляризаціи церковной собственности и революціоннаго сектантства. Отсылаемъ еще къ главѣ XLI перваго тома нашей книги („Общественное значеніе религіозныхъ движеній“).

[1]) Ср. нашу книгу „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“.

теперь противники стараются доказать, одни—что реформація содѣйствовала общему культурно-соціальному прогрессу, другіе — что она его затормазила, т.-е. отыскивается нѣкоторый неконфессіональный историческій критерій для рѣшенія вопроса о значеніи реформаціи.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія реформація также обсуждалась въ цѣломъ рядѣ сочиненій метафизическаго или позитивистическаго характера (напр., Бидермана, Бокля, Карьера, Конта, Диркса, Дрэпера, Гизо, Гегеля, Гельвальда, Генне-Ам-Рина, Германа, Кольба, Лорана и друг.) [1]). Но только въ историко-философскихъ обзорахъ послѣдней категоріи дѣлалась попытка выяснить историческое значеніе реформаціи безъ отношенія къ внутренней истинности или ложности протестантизма. Однако и тутъ мы встрѣчаемся съ одностороннимъ отношеніемъ къ дѣлу. Перенося на прошлое тотъ взглядъ на положительное знаніе, съ которымъ въ позитивизмѣ соединены надежды касательно будущаго, легко было объявить „органическимъ" лишь то историческое движеніе, которое проявилось въ развитіи науки, долженствующей дать прочныя основанія для всѣхъ областей мысли и жизни. Рядомъ съ нимъ, какъ расчищающее ему путь, было поставлено другое—критическое, разрушавшее то, что̀ не могло быть уничтожено первымъ по его слабости, но что̀ должно было быть уничтожено для созиданія новаго, и вотъ отъ этихъ двухъ движеній—органическаго, положительнаго, созидательнаго и критическаго, отрицательнаго, разрушительнаго стали отличать третье движеніе — „реформаціонное", какъ таковое, которое лишь по видимости стало во враждебныя отношенія къ старому порядку вещей, но въ дѣйствительности стремилось только преобразовать старину, сохраняя прежнее содержаніе подъ новыми формами. Съ указанной точки зрѣнія первое движеніе представлено успѣхами положительной науки, на первыхъ порахъ въ области естествознанія и лишь гораздо позднѣе въ сферѣ человѣческихъ (культурныхъ и соціальныхъ) отношеній, второе—развитіемъ скептицизма, направленнаго на вопросы отвлеченной мысли и реальной жизни, третье же—возникновеніемъ и распространеніемъ протестантизма, который унаслѣдовалъ отъ католицизма враждебное отношеніе къ свободной мысли. Поэтому многіе склонны видѣть въ реформаціонномъ движеніи болѣе реакціонное, чѣмъ прогрессивное явленіе. Такова въ общихъ чертахъ точка зрѣнія, выставленная французскимъ позитивизмомъ и внушенная ему, конечно, многими дѣйствительными отношеніями реформаціонной и послѣ-реформаціонной эпохъ. Эта точка зрѣнія одностороння. Во-первыхъ, здѣсь имѣется въ виду лишь одно

---

[1]) Полныя заглавія ихъ сочиненій см. въ I томѣ моихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи".

умственное развитіе: только по отношенію къ нему она рекомендуетъ оцѣнивать религіозную реформацію, сопровождавшуюся дѣйствительно паденіемъ свѣтской науки и развитіемъ теологической нетерпимости, но при этомъ забываются другія сферы жизни—моральная, соціальная и политическая, а въ нихъ реформація играла разную роль, смотря по обстоятельствамъ мѣста и времени. Во-вторыхъ, съ разсматриваемой точки зрѣнія внѣ реформаціоннаго движенія въ эпоху его господства дѣйствительную силу могло имѣть только движеніе критическое, такъ какъ органическое едва-едва зарождалось, а потому по своей слабости и ограниченности не могло играть общественной роли. Послѣднее вполнѣ справедливо, но въ такомъ случаѣ, разъ само критическое движеніе имѣло лишь отрицательное и разрушительное значеніе, весьма естественно было, что, имѣя надобность въ положительныхъ воззрѣніяхъ и стремясь къ созданію новыхъ отношеній, люди XVI и XVII вѣковъ должны были итти подъ знаменемъ религіозныхъ идей протестантскихъ и сектантскихъ. Религіозная реформація XVI в. несомнѣнно затерла свѣтское культурное (между прочимъ и научное) движеніе гуманизма, но гуманистическая мораль, политика и наука не могли сдѣлаться такою же силою въ широкихъ кругахъ общества и особенно въ народныхъ массахъ, какую представляли собою въ то время протестантскія и сектантскія движенія,—не могли быть такою силою и по внутреннимъ своимъ свойствамъ, по крайней неразработанности собственнаго содержанія, и по внѣшнимъ условіямъ, по несоотвѣтствію культурнаго состоянія общества. Во всякомъ случаѣ это — историко-философскій взглядъ, примѣнимый лишь къ разсмотрѣнію судебъ свѣтскаго образованія, положительной науки и свободнаго изслѣдованія въ новое время, и онъ, какъ и всякая исключительная точка зрѣнія, не долженъ подавлять собою все при разсмотрѣніи столь сложнаго и разносторонняго историческаго явленія, какимъ была реформація [1]).

---

[1]) Любопытно, что за подобный взглядъ хватаются новѣйшіе католическіе критики реформаціи съ католической точки зрѣнія, какъ это дѣлаютъ, напр., Кампшульте въ „Исторіи эрфуртскаго университета въ эпоху гуманизма и реформаціи", Янсенъ въ своей „Исторіи нѣмецкаго народа" или Шуйскій въ сочиненіи „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ" (Odrodzenie i reformacya w Polsce), хотя, разумѣется, исходный пунктъ у нихъ совсѣмъ иной, чѣмъ у позитивистовъ.—О трудахъ по исторіи реформаціи на русскомъ языкѣ см. еще статью *проф. Любовича* въ „Вѣстникѣ самообразованія" за 1904 г. (№ 13).

РЕФОРМАЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ.

II. Политическое состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка [1]).

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на реформаціонную эпоху въ Германіи?—Національно-религіозная сторона реформаціи. — Отсутствіе въ Германіи опредѣленнаго государственнаго устройства. — Попытки политической реформы. — Связь политическаго вопроса съ церковнымъ. — Планы реформы въ публицистикѣ. — Броженіе среди рыцарства и крестьянства.

Въ числѣ вопросовъ, которые слѣдуетъ ставить при изученіи реформаціоннаго движенія къ той или другой отдѣльной странѣ, вопросъ о внутреннемъ состояніи страны, какъ мы видѣли, занимаетъ первое мѣсто. Указывая на важность этого вопроса, мы коснулись уже нѣкоторыхъ сторонъ того положенія, въ какомъ находилась Германія передъ возникновеніемъ въ ней реформаціи. Нѣмецкій народъ въ началѣ XVI вѣка находился въ состояніи, весьма напоминающемъ намъ то положеніе, въ какомъ былъ французскій народъ передъ началомъ своей великой революціи: и въ Германіи старое политическое зданіе пришло въ ветхость, и въ Германіи обсуждался вопросъ объ общественныхъ преобразованіяхъ, и въ Германіи дѣлались частныя попытки реформы, и, наконецъ, подобно тому, какъ

[1]) Ср. томъ I, гл. XI, XV, XVII, XX, XXIX, XL. Литература по исторіи реформаціи въ Германіи указана выше (стр. 10), а также въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь отмѣтимъ сочиненія о состояніи Германіи передъ реформаціей. *Янсенъ.* Экономическій, правовой и политическій строй Германіи наканунѣ реформаціи. 1898.—*Höfler.* Politische Reformbewegung in Deutschland im XV Jahrhundert.—*Gothein.* Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation. — *Kaset.* Politische und sociale Bewegungen im deutschen Bürgerthum zu Beginn des XVI Jahrhund.—*Ullmann.* Kaiser Maximilian I.—*R. Ehrenberg.* Das Zeitalter der Fugger, Geldcapital und Creditverkehr im XVI Jahrhundert. 1896.—*В. Бауеръ.* Реформація Фридриха III (Лекціи по новой исторіи, т. I).—*Gebhardt.* Die Gravamina der deutschen Nation gegen den römischen Hof.

во Франціи созваніе генеральныхъ штатовъ 1789 г. было сигналомъ къ перевороту, такъ у нѣмцевъ около 1520 г. вступленіе Лютера сдѣлалось исходнымъ пунктомъ общественнаго движенія, глубоко потрясшаго націю, движенія съ характеромъ, какъ и французская революція, политико-соціальнымъ, хотя и пошедшаго подъ знаменемъ реформаціи религіозной. Аналогію представляютъ и весьма значительное развитіе въ обѣихъ странахъ въ указанныя эпохи—памфлетной (въ широкомъ смыслѣ слова) литературы, въ которой заявлялись извѣстнаго рода общественныя требованія и предлагались реформы, и образованіе отдѣльныхъ политическихъ партій съ разными программами, интересами и принципами. Дѣлая это сопоставленіе между реформаціоннымъ временемъ въ Германіи и революціоннымъ во Франціи, мы имѣемъ въ виду отмѣтить то важное обстоятельство, что *нѣмецкая реформація не была явленіемъ исключительно религіознымъ;* это тѣмъ болѣе необходимо, что по традиціи, унаслѣдованной отъ прежнихъ историковъ, и теперь нерѣдко смотрятъ на политическое и общественное движеніе эпохи, какъ на второстепенное и побочное, какъ на движеніе, только мѣшавшее правильному теченію религіозной реформы, дѣлу очищенія религіи отъ людскихъ нововведеній. Рыцарское возстаніе, крестьянская война, борьба между князьями и императоромъ могутъ разсматриваться, какъ второстепенныя, побочныя, ненужныя явленія только при узко-церковной точкѣ зрѣнія, съ которой вся исторія этой эпохи сводится къ одному преобразованію церкви.

Причины реформаціи, заключавшіяся въ порчѣ церкви, въ гнетѣ куріи, въ привилегіяхъ клира, а также и въ чисто соціальной оппозиціи духовенству, существовали вездѣ, но въ Германіи онѣ дѣйствовали особенно сильно, ибо, съ одной стороны, рѣдко гдѣ религіозность отличалась такимъ интимнымъ, моральнымъ характеромъ, какъ въ тогдашнемъ нѣмецкомъ народѣ, а съ другой, и мало какая другая нація находилась въ такомъ униженіи передъ римской куріей, какъ нѣмецкая, вслѣдствіе того, что ея политическое безсиліе было удобной почвой для развитія папскихъ притязаній. Религіозное настроеніе Германіи проявлялось въ переводахъ библіи и развитіи церковной пѣсни еще до Лютера; своимъ знаменитымъ переводомъ и своею богослужебной лирикой онъ только затмилъ болѣе ранніе проблески стремленія читать св. писаніе и молиться на родномъ языкѣ. Обнаруживалось, далѣе, это религіозное настроеніе въ образованіи мистическихъ кружковъ, въ благочестивыхъ трудахъ „братьевъ общей жизни“, въ гуманистическихъ занятіяхъ богословіемъ на новыхъ основахъ, въ существованіи скрытыхъ еретиковъ, въ постоянной заботѣ о церковной реформѣ, для проведенія которой высказывалось

желаніе о новомъ вселенскомъ соборѣ. И вотъ *это національное раздраженіе противъ Рима въ соединеніи съ неудовлетворенностью религіозно-настроеннаго народа тѣмъ, что ему давала церковь, и объясняютъ успѣхъ протеста Лютера во всѣхъ слояхъ нѣмецкой націи.* Уже изъ этого видна двойственность причинъ реформаціи: для многихъ національная сторона дѣла была даже выше религіозной, ибо около 1520 г. нѣкоторые сторонники Лютера прямо совѣтовали ему отказаться отъ догматической части своихъ сочиненій и остаться лишь при томъ, въ чемъ выразились національныя стремленія нѣмцевъ, недовольныхъ вымогательствами куріи и ея вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Германіи: изъ религіознаго реформатора, какимъ былъ Лютеръ, они хотѣли сдѣлать народнаго вождя въ томъ чисто свѣтскомъ и безусловно внутреннемъ переворотѣ, который подготовлялся въ Германіи независимо отъ „порчи церкви“ и хозяйничанія римской куріи.

Германія, какъ одно политическое цѣлое, находилась въ эту эпоху въ состояніи, такъ сказать, неустойчиваго равновѣсія, не имѣя опредѣленнаго центра тяжести, переставъ быть единымъ государствомъ, но и не превратившись окончательно въ простую федерацію. Поэтому здѣсь давно уже чувствовалась необходимость государственной реформы, которая вывела бы страну изъ того хаоса, какой представляли изъ себя ея учрежденія. Главнымъ политическимъ вопросомъ, давнымъ-давно поставленнымъ ходомъ государственнаго развитія Германіи, какъ извѣстно, былъ *вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ императорской и княжеской властей.* Золотая булла Карла IV (1356) узаконяла въ государствѣ особое положеніе курфюрстовъ, на которыхъ переносилась часть императорскихъ прерогативъ, и создавала изъ этихъ семи князей какъ бы зерно имперскихъ сеймовъ. На послѣднихъ рядомъ съ курфюрстами мы видимъ другихъ князей, въ территоріальномъ отношеніи нерѣдко болѣе могущественныхъ, чѣмъ сами курфюрсты. Мало-по-малу курфюршескія права распространились и на нихъ, но это усиленіе значенія князей не сопровождалось выработкою болѣе опредѣленныхъ формъ имперскаго устройства, такъ что и имперскій сеймъ имѣлъ характеръ какой-то незаконченности, и взаимныя отношенія императора, князей и городовъ, тоже представленныхъ на сеймѣ, не отличались ни устойчивостью, ни послѣдовательностью. Это давало себя знать, напримѣръ, въ образованіи частныхъ союзовъ между отдѣльными политическими элементами, каковы союзы городовъ — рейнскій, швабскій и ганзейскій, имѣвшіе своею цѣлью между прочимъ взаимную защиту и поддержку земскаго мира,—давало себя знать и въ тѣхъ столкновеніяхъ, какія происходили между городами и князьями. Извѣстна городская война второй

половины XIV вѣка, въ которой участвовали, съ одной стороны, швабскій союзъ, а съ другой — князья подъ предводительствомъ герцога вюртембергскаго. Послѣдніе вышли побѣдителями изъ этой борьбы. Они нанесли пораженіе не только городамъ (битва у Дёффингена 1388 г.), но и императорскому рыцарству, задумавшему воспользоваться этимъ междоусобіемъ для своихъ цѣлей: послѣ этого были запрещены всякіе союзы, какъ городскіе, такъ и рыцарскіе. Политическая реформа была такимъ образомъ настоятельною необходимостью: нужно было что-либо болѣе опредѣленное и прочное — въ унитарномъ ли, или федеративномъ смыслѣ, все равно, — и это особенно сознается въ серединѣ XV в. при Фридрихѣ III. Иниціативу реформы взяли на себя курфюрсты. Курфюршеская коллегія, благодаря изданной за сто лѣтъ передъ тѣмъ золотой буллѣ, была единственнымъ сколько-нибудь организованнымъ политическимъ учрежденіемъ, которое могло взять на себя иниціативу; но попытки курфюрстовъ главнымъ образомъ на сеймахъ между 1456 и 1476 годами ни къ чему не привели. Помимо того и въ самомъ обществѣ уже создавались планы политической реформы, въ родѣ „Реформаціи короля Сигизмунда, позднѣе „Реформаціи Фридриха III“ и т. п. Но Фридрихъ III вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы можно было ожидать отъ него умѣлаго и энергическаго участія въ этомъ дѣлѣ, а потому всѣ надежды были возложены на его сына Максимиліана, выбраннаго на сеймѣ 1486 г. въ „римскіе короли“, т.-е. наслѣдникомъ Фридриха III. Царствованіе Максимиліана I (1493—1519) главнымъ образомъ и должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія надеждъ, возлагавшихся на этого императора, когда еще его выбирали въ римскіе короли. Любопытно, однако, что въ реформѣ, которая была при немъ предпринята и проведена, выразилось прямо недовѣріе къ тому, чтобы сама императорская власть была способна дать Германіи надлежащее единство. Эта реформа основывала новый порядокъ, — впрочемъ, не утвердившійся въ полномъ своемъ объемѣ, — не на расширеніи власти императора, а, наоборотъ, на усиленіи княжескаго вліянія; въ этомъ и заключалась причина того, что реформа не встрѣтила сочувствія императора. Исключительно занятый своими династическими интересами, создавая обширные политическіе планы, смотря на имперію лишь какъ на средство, которымъ слѣдуетъ пользоваться для достиженія цѣлей, бывшихъ совершенно чуждыми и имперскимъ чинамъ, и всей націи, нуждаясь постоянно въ денежныхъ средствахъ, зависѣвшихъ главнымъ образомъ отъ князей, Максимиліанъ не могъ ставить ребромъ вопроса о своихъ отношеніяхъ къ князьямъ, не смѣлъ противиться ихъ желаніямъ, хотя соглашался на ихъ требованія весьма неохотно, безъ намѣренія

исполнять свои обѣщанія и даже съ тайною мыслью мѣшать тому, что ему казалось невыгоднымъ или даже оскорбительнымъ въ предпринятомъ имперскими чинами дѣлѣ. Вормскій сеймъ 1495 года, установившій „общій и вѣчный земскій миръ", подъ страхомъ имперской опалы и лишенія покровительства законовъ за всякое самоуправство, учредилъ имперскій верховный судъ (Reichskammergericht). Лишь предсѣдатель этого суда назначался императоромъ, а остальные члены (16)—курфюрстами и князьями (14), а также и городами (2). Далѣе, имперія была раздѣлена на десять округовъ (Kreise) съ опредѣленнымъ контингентомъ конницы (4 т.) и пѣхоты (20 т.) для каждаго округа, а во главѣ округовъ было поставлено по два окружныхъ старшинъ (Kreisobersten) изъ наиболѣе могущественныхъ князей для начальствованія надъ окружнымъ войскомъ съ правомъ приводить въ исполненіе приговоры верховнаго суда. Земскій миръ и окружное устройство еще не противорѣчили интересамъ Максимиліана, но онъ весьма непріязненно относился къ верховному суду, и вотъ онъ создалъ ему противовѣсъ въ Вѣнѣ въ видѣ Reichshofrath'а для наслѣдственныхъ габсбургскихъ земель. Но съ особеннымъ нерасположеніемъ отнесся онъ къ плану имперскихъ чиновъ учредить особый правительственный совѣтъ, которому принадлежали бы весьма широкая компетенція въ охранѣ внутренняго мира и внѣшней безопасности имперіи, а также право завѣдовать государственными доходами. Антагонизмъ между императорскою и княжескою властью все болѣе и болѣе обострялся. Максимиліану, однако, *не приходило въ голову опереться на тѣ общественныя и народныя силы, которыя были враждебны княжескому порядку и пошли бы за императоромъ въ дѣлѣ политическаго объединенія и соотвѣтственныхъ государственныхъ реформъ подъ условіемъ преобразованій и въ гражданскомъ быту.* Сами по себѣ измѣненія, введенныя при Максимиліанѣ въ устройствѣ имперіи, не были настолько серьезны, чтобы ими могъ быть рѣшенъ вѣковой политическій вопросъ организаціи верховной власти въ Германіи, а тутъ еще самъ императоръ противодѣйствовалъ всему, что могло внести болѣе опредѣленности, порядка и устойчивости въ государственный бытъ Германіи. Когда въ 1519 г. въ преемники Максимиліану былъ избранъ внукъ его Карлъ, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между императоромъ, какъ нѣмецкимъ королемъ, и князьями оставался такимъ образомъ нерѣшеннымъ, хотя, повидимому, эти отношенія и были опредѣлены избирательной капитуляціей Карла. Поэтому вопросъ опять былъ поставленъ самою жизнью, но рѣшеніе его на этотъ разъ происходило уже въ связи съ религіозной реформаціей. Вѣдь кому фактически принадлежала верховная власть въ странѣ, тотъ и былъ защитникомъ ея національныхъ и политическихъ

интересовъ противъ Рима. Дѣло въ томъ, что передъ началомъ реформаціи, особенно съ царствованія Фридриха III, отличавшагося уступчивостью по отношенію къ папству, представителями политической оппозиціи противъ папства были главнымъ образомъ курфюрсты и вообще князья, хотя и самъ Максимиліанъ становился также въ ряды недовольныхъ вмѣшательствомъ куріи въ нѣмецкія дѣла. Въ Германіи въ началѣ XVI вѣка обнаруживалось *стремленіе не только къ политическому объединенію, но и къ національному освобожденію*, а потому для всей внутренней жизни нѣмецкаго народа было важно, кто станетъ во главѣ этого національнаго движенія—императоръ или князья: такъ какъ національное движеніе было соединено съ религіознымъ протестомъ, то это значило также, чья политика въ церковномъ вопросѣ окажется болѣе національною и кто, защищая народныя права противъ куріи, на этомъ утвердитъ свое политическое значеніе и опредѣляя по новому взаимныя отношенія церкви и государства, воспользуется перемѣною для упроченія своей власти.

Таковъ былъ вопросъ политическій, но онъ еще усложнялся однимъ немаловажнымъ обстоятельствомъ: княжескою властью были недовольны и города, и такъ называемое имперское рыцарство, и крестьянство, да и въ интеллигентныхъ кругахъ Германіи были люди, мечтавшіе о полномъ внутреннемъ переустройствѣ государства. Это не только обнаруживалось въ публицистикѣ того времени, но и проявилось въ двухъ возстаніяхъ—рыцарскомъ и крестьянскомъ, происшедшихъ въ двадцатыхъ годахъ XVI в. и быстро подавленныхъ князьями. Въ Германіи государственная жизнь сложилась такимъ образомъ, что и императоръ, и князья заботились не столько о цѣломъ, сколько объ отдѣльныхъ частяхъ, первый—о своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и связанныхъ съ ними династическихъ интересахъ, вторые—о расширеніи своей власти въ отдѣльныхъ земляхъ. Между тѣмъ въ интеллигентныхъ кругахъ націи были люди, патріотически настроенные, возвышавшіеся до пониманія интересовъ нѣмецкаго народа, какъ націи, до идеи общаго блага, какъ цѣли государства. Изъ ихъ-то среды и выходили планы и проекты реформъ, излагавшіеся въ тогдашней публицистикѣ. Начало послѣдней восходитъ еще къ серединѣ XV в., когда въ Германіи подъ вліяніемъ базельскаго собора и толковъ о реформѣ церкви оживился въ обществѣ интересъ и къ политическимъ вопросамъ. Кромѣ того, къ нѣмцамъ не могли не проникать и дѣйствительно проникали гуситскія идеи, игравшія такую роль въ чешскомъ національномъ движеніи XV в. Въ 1433 г. Николай Кребсъ (впослѣдствіи кардиналъ Николай Кузанскій) въ сочиненіи „De concordantia catholica“, описывая внутреннее разложеніе Германіи, отвѣтственность за него возлагалъ на князей, стремящихся

къ полной самостоятельности, и, предсказывая, что „какъ князья раздираютъ имперію, такъ ихъ самихъ станутъ раздирать народныя силы“ (die Gemeinen aus dem Volke), настаивалъ на необходимости рѣшительныхъ мѣръ, дабы уничтожить общественное зло. За предложеніями Кребса идетъ рядъ другихъ плановъ. Въ народныхъ массахъ также происходило броженіе и дѣлалась популярною мысль о необходимости государственнаго переустройства и притомъ на началахъ демократическихъ съ политическимъ объединеніемъ страны подъ властью императора. Въ 1438 г. и появилась упомянутая „Реформація императора Сигизмунда“ нѣкоего Фридриха Рейзера, въ которой говорилось о печальномъ положеніи страны и высказывалась надежда на то, что города произведутъ ея обновленіе; именно отъ городского сословія авторъ ожидалъ почина во всѣхъ реформахъ. Позднѣе была въ большомъ ходу „Реформація Фридриха III“, написанная, такъ сказать, уже спеціально въ интересахъ крестьянскаго сословія и подвергавшаяся передѣлкамъ сообразно съ ходомъ дѣлъ на сеймахъ конца XV и начала XVI вѣка.

Годы, непосредственно предшествовавшіе выступленію Лютера въ качествѣ реформатора и избранію на престолъ Карла V, были временемъ весьма большого возбужденія, выразившагося въ развитіи литературы памфлетовъ и летучихъ листковъ, но ни въ какихъ другихъ общественныхъ классахъ не происходило такого сильнаго движенія, какъ среди имперскаго рыцарства и крестьянства: мы увидимъ, что еще до начала реформаціи оба эти сословія вполнѣ были готовы къ тому, чтобы произвести переворотъ вооруженною силою; только впослѣдствіи составилось такое представленіе, будто причиною возстаній рыцарскаго и крестьянскаго двадцатыхъ годовъ XVI вѣка было выступленіе Лютера противъ католической церкви. Разумѣется, между рыцарями и крестьянами не могло быть солидарности, такъ какъ одни были въ числѣ угнетателей другихъ, и крестьяне, возставая противъ всѣхъ своихъ господъ, подымались и на рыцарское сословіе. Тѣ и другіе сходились, однако, въ томъ, что стремились къ устраненію княжескаго произвола и къ объединенію всѣхъ земель подъ властью единаго императора. Неудача реформъ, проводившихся на сеймахъ при Максимиліанѣ I, толкала и рыцарство, и крестьянство, и патріотовъ, мечтавшихъ объ обновленіи государства, на другой путь. Итакъ, Германіи предстояло такъ или иначе рѣшить свой политическій вопросъ объ отношеніи между императоромъ и князьями, усложнявшійся вдобавокъ еще антагонизмомъ между отдѣльными политическими элементами: *въ то самое время, какъ князья были настроены противъ императора, противъ нихъ самихъ готово было возстать имперское рыцарство, города находились съ ними въ ссорѣ, а*

крестьяне начинали бунтовать противъ своихъ господъ. Отъ той или другой комбинаціи соціальныхъ силъ, между которыми должно было произойти столкновеніе, и отъ характера идей, господствовавшихъ въ разныхъ слояхъ націи, зависѣли и исходъ, и направленіе того переворота, начавшагося вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Карла V.

III. Культурная борьба и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ [1]).

Умственный расцвѣтъ Германіи въ началѣ XVI вѣка.—Взаимныя отношенія схоластиковъ и гуманистовъ.—Походъ Пфефферкорна противъ еврейскихъ книгъ.—Рейхлиновскій споръ. — «Письма темныхъ людей».—Историческій интересъ личности Ульриха фонъ-Гуттена —Его литературная дѣятельность.—Его отношеніе къ реформаціи.—Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Лютеръ.

Общественное броженіе, происходившее въ Германіи передъ началомъ реформаціи, сопровождалось какъ и всегда это бываетъ, весьма сильнымъ развитіемъ литературной дѣятельности, которая сама приняла боевой характеръ. Конецъ XV и начало XVI вѣка было для Германіи временемъ умственнаго расцвѣта, временемъ наибольшаго процвѣтанія гуманизма, выставившаго такихъ дѣятелей, какъ Рейхлинъ, Эразмъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ: это были годы, когда рядомъ съ старымъ религіознымъ броженіемъ, принимавшимъ мистическій оттѣнокъ, выступало и даже выдвигалось на первый планъ новое гуманистическое движеніе, принимавшее у младшихъ своихъ представителей свѣтскій характеръ, когда рядомъ съ старой народной „грубіянской“ сатирой развивается сатира новая, гуманистическая, нашедшая лучшее свое выраженіе въ „Похвалѣ глупости“ Эразма Роттердамскаго; когда среди образованныхъ людей толки о реформѣ церкви, занимавшіе Европу болѣе столѣтія, сопровождались разсужденіями о реформѣ государства, уже успѣвшими получить значеніе не простыхъ теоретическихъ разговоровъ. По тому, что̀ происходило въ умственной жизни Германіи въ годы, непосредственно предшествующіе реформаціи, *можно было бы подумать, что общественному движенію предстояло совершиться подъ идейнымъ вліяніемъ*

[1]) Ср. т. I, гл. XXX, XXXVII и XL. Сочиненія по исторіи нѣмецкаго гуманизма (кромѣ книгъ *Гагена. Янсена* и др., указанныхъ на стр. 10): *Geiger*. Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland.—*Bursian*. Geschichte der classischen Philologie in Deutschland.—*Kampschulte*. Geschichte der Universität Erfurt.—*Geiger*. Reuchlin.—*Durand de Laur*. Erasme, précurseur et initiateur d'esprit moderne. — *Feugère*. Erasme. Etude sur sa vie et ses oeuvres.—*Drummont*. Erasmus, his life and character. — *Штраусъ*. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. — *П. Висковатовъ*. Эпоха гуманизма въ Германіи (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1872 г.

гуманизма: то было время быстраго расцвѣта классическихъ занятій, появленія въ гуманизмѣ свѣтскихъ стремленій, полнаго разрыва новаго образованія съ схоластикою, время развитія гуманистической сатиры и публицистики, соединенія всѣхъ гуманистовъ для общей борьбы съ представителями старины и необычайной популярности новаго умственнаго направленія въ образованномъ обществѣ. Если въ сферѣ соціально-политической мы наблюдаемъ въ это время не устойчивое равновѣсіе, напряженное состояніе общественныхъ силъ, готовность отдѣльныхъ общественныхъ классовъ ринуться другъ на друга, то въ области культурной мы обнаруживаемъ за тотъ же самый періодъ времени исканіе новыхъ началъ мысли и жизни, сильное умственное напряженіе, страстное желаніе сразиться съ представителями старины. Такъ называемый „рейхлиновскій споръ", получившій широкое общественное значеніе и взволновавшій не только ученые круги, но и вообще образованное общество въ Германіи, служитъ наилучшимъ свидѣтельствомъ того, какое возбужденіе господствовало въ Германіи во второмъ десятилѣтіи XVI вѣка.

Подъ рейхлиновскимъ споромъ, какъ извѣстно, разумѣется полемика, которую вели между собою схоластики и гуманисты изъ-за Рейхлина. Между гуманистами и схоластиками первоначально не было рѣзкихъ столкновеній. Представители стараго образованія только подсмѣивались надъ гуманистами, считая ихъ недалекими людьми, не понимающими своей выгоды, занимающимися пустяками. Съ теченіемъ времени, однако, когда новое образованіе пустило корни и его представители стали отбивать хлѣбъ у схоластиковъ, послѣдніе начали относиться къ гуманистамъ со злобой. Противники не оставались въ долгу и выставляли защитниковъ старины, какъ враговъ истиннаго просвѣщенія, обративъ противъ нихъ свои сатирическія стрѣлы, какъ мы это видимъ въ произведеніяхъ Генриха Бебеля („Баттъ и Евлогъ", „Торжество Венеры", „Фацеціи") и Эразма („Похвала глупости", написанная около 1510 г.). Сначала схоластики не обращали вниманія на гуманистическія нападки, но одинъ частный случай сдѣлался сигналомъ къ борьбѣ по всей линіи. Въ 1504 г. въ Кельнѣ принялъ христіанство одинъ еврей по имени Пфефферкорнъ[1]), сдѣлавшійся фанатическимъ врагомъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Онъ началъ писать противъ нихъ брошюры, за что былъ взятъ кельнскими доминиканцами подъ особое покровительство: обязанностью монаховъ этого ордена было наблюдать за книгами, противными вѣрѣ, и бороться съ ересью, и они стали даже переводить на латинскій языкъ

---

[1]) *Гретцъ*. Рейхлинъ и Пфефферкорнъ. Борьба изъ-за Талмуда („Евр. Библіот.", т. VI).

и издавать антиеврейскіе пасквили Пфефферкорна. Послѣднему между тѣмъ пришла въ голову мысль уничтожить всѣ зловредныя еврейскія книги. Онъ добылъ рекомендательныя письма къ императору Максимиліану и получилъ изъ его канцеляріи указъ, дававшій ему право отбирать у евреевъ и предавать сожженію книги, противныя христіанству и самому моисееву закону. Выраженія указа, однако, была весьма неопредѣленны, и когда Пфефферкорнъ обратился за содѣйствіемъ къ Рейхлину, какъ знатоку еврейскаго языка, тотъ нашелъ, что смыслъ императорскаго повелѣнія недостаточно ясенъ, и отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, какъ лично ему вдобавокъ несимпатичномъ. Между тѣмъ Пфефферкорнъ съ помощью духовныхъ лицъ и солдатъ сталъ въ разныхъ городахъ отбирать у евреевъ ихъ книги, не останавливаясь передъ насиліями надъ бывшими своими единовѣрцами, такъ что даже архіепископъ майнцскій, во владѣніяхъ котораго онъ дѣйствовалъ, вмѣшался въ это дѣло, негодуя на такое распоряженіе непрошеннаго ревнителя въ его епархіи. Дѣло снова дошло до императора, и онъ поручилъ архіепископу составить коммиссію изъ свѣдущихъ лицъ для разбора всего дѣла и спросить о немъ мнѣнія университетовъ и спеціалистовъ. Университеты майнцскій и кельнскій, равно какъ инквизиторъ (magister haereticorum) Гохштратенъ, кельнскій доминиканецъ, высказались въ смыслѣ требованій Пфефферкорна, эрфуртскій и гейдельбергскій университеты дали отвѣты довольно неопредѣленные, но больше противъ проекта уничтоженія еврейскихъ книгъ. Зато Рейхлинъ въ цѣломъ мемуарѣ развилъ ту мысль, что, во-первыхъ, не уничтожаютъ же сочиненій языческихъ авторовъ, изучаемыхъ даже въ школахъ, что, во-вторыхъ, евреи такіе же граждане, какъ и остальные жители Германіи, а потому должны пользоваться общимъ со всѣми правомъ, и что, наконецъ, преслѣдованія лишь еще болѣе укрѣпятъ ихъ въ вѣрѣ отцовъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сдѣлалъ характеристику отдѣльныхъ категорій еврейскихъ книгъ, замѣтивъ, что христіанамъ нельзя судить о правильности іудейскихъ вѣрованій, такъ какъ сами они не позволяютъ евреямъ судить о христіанствѣ, и что нельзя серьезно полагаться на показанія фанатическихъ и безграмотныхъ выкрестовъ. Послѣднее замѣчаніе Пфефферкорнъ принялъ на свой счетъ и написалъ противъ ученаго гуманиста, не согласившагося съ его мнѣніемъ, брошюру „Handspiegel“, представивъ въ ней Рейхлина невѣждою и обвинивъ его въ томъ, что его подкупили евреи. Рейхлинъ принесъ жалобу императору и выступилъ противъ Пфефферкорна съ брошюрой „Augenspiegel“ съ весьма непристойными ругательствами по обычаю того времени. За Пфефферкорна заступился Гохштратенъ. Кельнскіе богословы стали даже застращивать Рейхлина, требовать у него покаянія въ ересяхъ

и печатнаго опроверженія своей брошюры, но тотъ на это не соглашался, хотя въ частныхъ письмахъ и оправдывался передъ Гохштратеномъ. Такъ начался въ 1511 году рейхлиновскій споръ. Въ слѣдующемъ году кельнскіе богословы издали противъ Рейхлина латинскую брошюру, изобразивъ въ оскорбительномъ для него видѣ все его поведеніе въ этомъ дѣлѣ, а одинъ изъ ихъ приспѣшниковъ, Ортуинъ Грацій, человѣкъ, получившій гуманистическое образованіе. а потому сдѣлавшійся въ глазахъ гуманистовъ измѣнникомъ общему дѣлу, написалъ латинскіе стихи о томъ, какъ по поводу защиты Рейхлиномъ евреевъ обрадовался адъ и опечалились небожители, заплакала сама „Jovis alma parens" (т.-е. Св. Дѣва) и Христосъ почувствовалъ боль въ своихъ старыхъ ранахъ. Въ томъ же году Пфефферкорнъ написалъ новую брошюру („Brandspiegel") съ предложеніемъ выселить старыхъ евреевъ и евреекъ на необитаемый островъ, а еврейскихъ дѣтей воспитать въ христіанской вѣрѣ; тутъ были и новыя нападки на Рейхлина. Тогда знаменитый гуманистъ напечаталъ брошюру „Defensio contra calumniatores colonienses" (1513) въ формѣ прошенія къ императору о защитѣ; хотя это не помѣшало ему выражаться о своихъ литературныхъ противникахъ весьма рѣзко, какъ объ ослахъ и свиньяхъ, невѣждахъ и нахалахъ, и даже бросить тѣнь на супружескую вѣрность жены Пфефферкорна. Въ отвѣтъ на это императорская канцелярія издала „silentii mandatum", т.-е. запретила продолжать полемику, пока не будетъ сдѣлано постановленія по этому дѣлу компетентными лицами, такъ какъ университеты продолжали еще его разсматривать. Вопросъ взволновалъ къ этому времени всю ученую и образованную Европу. Имъ заинтересовались даже государи. Людовикъ XII обратился по его поводу къ парижскимъ богословамъ, рекомендуя имъ не дѣлать поблажекъ защитнику талмуда, а его преемникъ Францискъ I прямо сталъ на сторону схоластиковъ, равно какъ и молодой король испанскій Карлъ I (будущій императоръ Карлъ V), тогда какъ Максимиліанъ поддерживалъ, наоборотъ, Рейхлина, нашедшаго покровителя, кромѣ того, и въ герцогѣ вюртембергскомъ. Дѣло дошло наконецъ прямо до суда надъ Рейхлиномъ. Сначала за него взялся Гохштратенъ, но потомъ, по распоряженію папы Льва X, оно было передано шпейерскому епископу, который оправдалъ Рейхлина. Тогда кельнскіе богословы, не желая отказываться отъ своихъ плановъ, все-таки стали судить Рейхлина и приговорили его „Augenspiegel" къ сожженію рукою палача. Обѣ стороны обратились затѣмъ съ апелляціей въ курію, и кельнскіе богословы грозили даже въ случаѣ проигрыша своего дѣла апеллировать ко вселенскому собору. Тогда папа приказалъ прекратить дальнѣйшую полемику и отложилъ окончательное рѣшеніе дѣла.

Извѣстіе о предстоящемъ Рейхлину судѣ вызвало среди гуманистовъ большое къ нему сочувствіе. Оно выразилось въ цѣломъ рядѣ посланныхъ ему писемъ, которыя онъ поспѣшилъ обнародовать въ видѣ сборника подъ заглавіемъ: „Письма знаменитыхъ людей" (Epistolae illustrium virorum, 1514). Молодой гуманистическій поэтъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ издалъ стихотворный памфлетъ „Торжество Капніона" (1517),—Капніонъ было эллинизированное имя Рейхлина,— въ которомъ представилъ смущеніе схоластиковъ и Пфефферкорна вслѣдствіе побѣды ученаго гуманиста. Эти изданія заинтересовали въ дѣлѣ всѣхъ образованныхъ людей и склонили общественное мнѣніе на сторону Рейхлина. Но наиболѣе сильный ударъ всей противной партіи былъ нанесенъ появленіемъ въ концѣ 1515 года знаменитыхъ „Писемъ темныхъ людей" (Epistolae obscurorum virorum). Успѣхъ книжки былъ необычайный: въ началѣ 1516 г. понадобилось второе ея изданіе, и въ томъ же году появилось третье съ добавленіемъ новыхъ писемъ, а когда въ 1517 г. вышла въ свѣтъ и вторая часть, то и она весьма скоро потребовала новаго изданія.

„Epistolae obscurorum virorum" [1]) были дѣломъ кружка молодыхъ гуманистовъ, группировавшихся одно время около эрфуртскаго университета. Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ въ этомъ коллективномъ предпріятіи былъ Іоганнъ Егеръ изъ Дорнгейма, по-гуманистически Кротъ Рубіанъ; во второмъ же томѣ, вѣроятно, участвовалъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Письма эти, написанныя невозможною латынью и наполненныя глупостями и непристойностями, были составлены отъ имени разныхъ „темныхъ", т.-е. неизвѣстныхъ, большею частью вымышленныхъ людей со смѣшными фамиліями и адресованы къ перебѣжчику Ортуину Грацію. Подделка была произведена такъ искусно, что многіе сторонники схоластиковъ,—кто былъ понаивнѣе и поневѣжественнѣе,—сначала радовались тому, какъ разные доктора и магистры отдѣлали въ своихъ письмахъ рейхлинистовъ и самого Рейхлина. Насмѣшка надъ схоластиками, а кстати и надъ монахами, дѣйствительно, была убійственная: варварскій языкъ, пошлые и мелкіе интересы, мнимая ученость и схоластическія разсужденія, скандальное поведеніе представителей старины, — все это было зло и остроумно осмѣяно въ „Письмахъ". Въ нихъ серьезно рѣшаются, наприм., вопросы о томъ, какъ долженъ называться будущій докторъ богословія—magister nostrandus или noster magistrandus, разсказывается о попойкахъ и картежной игрѣ съ ставками въ видѣ индульгенцій или доказывается, что Пфефферкорнъ допустилъ большую ересь, назвавъ себя

---

[1]) О нихъ ср. ст. *Кирпичникова* въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1869 и недавнюю работу: *Brecht*. Die Verfasser der „Epistolae obscurorum virorum".

въ одномъ своемъ сочиненіи нижайшимъ членомъ церкви: нижайшій членъ тѣла есть нога, но нога поддерживаетъ тѣло, церковь же поддерживается папой, слѣдовательно, Пфефферкорнъ приравниваетъ себя папѣ, т.-е. является антипапой, а это есть ересь.

Гуманисты съ восторгомъ привѣтствовали эти „Письма". Лишь немногіе были недовольны ихъ черезчуръ развязнымъ тономъ и грубостью выраженій (а Лютеръ такъ и прямо нашелъ въ нихъ одно балаганное шутовство). Въ общественномъ мнѣніи противники гуманистовъ совершенно погибли, и ни запрещеніе „Писемъ" духовной цензурой, ни „Lamentationes obscurorum virorum" Ортуина Грація, пытавшагося изобразить все дѣло такъ, какъ будто рейхлинисты потерпѣли полную неудачу съ своей сатирой, ни оффиціальный исходъ процесса въ пользу кельнцевъ, ни то, что самъ авторъ „Похвалы глупости" заявилъ о несолидарности своей съ дерзкими памфлетистами, ничто не могло ослабить силы того удара, какой былъ нанесенъ гуманистами кельнскимъ богословамъ.

Если бы мы захотѣли указать на отдѣльнаго человѣка, котораго можно было бы назвать выразителемъ всѣхъ тѣхъ движеній, какія происходили тогда въ Германіи, касалось ли дѣло государственныхъ и общественныхъ реформъ или культурной борьбы гуманизма, національной оппозиціи Риму или соціальной оппозиціи клиру, то безъ всякаго колебанія должны были бы остановиться на имени гуманиста изъ имперскихъ рыцарей Ульриха фонъ-Гуттена.

Личность Ульриха фонъ-Гуттена—одна изъ наиболѣе интересныхъ въ эту любопытную эпоху. Чуткій и отзывчивый, отличаясь какимъ-то вѣчнымъ безпокойствомъ духа и быстротой рѣшеній (animus irrequietes et versatilis), страстно относившійся ко всѣмъ вопросамъ своего времени, человѣкъ съ темпераментомъ публициста и политическаго дѣятеля, гуманистъ, хорошо владѣвшій мечомъ, и рыцарь, еще того лучше владѣвшій перомъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ былъ какъ бы созданъ для того, чтобы сдѣлаться рельефнымъ и всестороннимъ отраженіемъ той соціально-политической, національно-религіозной и вмѣстѣ съ тѣмъ культурной борьбы, которая велась тогда въ Германіи. Онъ былъ настоящимъ воплощеніемъ стремленій передовой части нѣмецкаго общества и, можно сказать, даже опережалъ свою эпоху въ качествѣ свѣтскаго гуманиста и демократическаго радикала, которому суждено было дѣйствовать въ годы сильнаго религіознаго возбужденія и среди сословной розни феодальнаго общества.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ родился въ 1488 г. въ семьѣ имперскаго рыцаря изъ древняго, но захудалаго рода, раздѣлившагося на нѣсколько линій. Отецъ отдалъ Ульриха, какъ младшаго сына, притомъ хилаго и болѣзненнаго, въ фульдскій монастырь, гдѣ онъ долженъ

былъ учиться и впослѣдствіи принять духовный санъ, но когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, его сманилъ оттуда молодой гуманистъ Кротъ Рубіанъ. Юные друзья отправились въ кельнскій университетъ (1505), а оттуда попали въ Эрфуртъ, гдѣ Ульрихъ близко сошелся съ жившими тамъ гуманистами и пользовался матеріальною поддержкою со стороны готскаго каноника Муціана Руфа, стоявшаго во главѣ гуманистическаго кружка со свѣтскимъ направленіемъ. Затѣмъ для Гуттена началась странническая жизнь, наполненная лишеніями и приключеніями. Слѣдъ ихъ остался въ его „Жалобахъ“ (Querelae), заключавшихъ въ себѣ обращеніе „къ богамъ и въ особенности къ знакомому съ страданіями Христу“. Въ это время молодой гуманистъ выступаетъ, какъ поэтъ, обращаетъ на себя вниманіе въ Вѣнѣ стихотвореніемъ къ императору Максимиліану о необходимости войны съ Венеціей и достигаетъ извѣстности въ гуманистическихъ кругахъ, благодаря своему сочиненію „De arte versificandi“, выдержавшему нѣсколько изданій и сдѣлавшемуся даже школьнымъ руководствомъ. Это нѣсколько примирило съ Ульрихомъ его отца, страшно на него разсердившагося за бѣгство изъ монастыря, но онъ все-таки требовалъ отъ сына пріобрѣтенія ученаго диплома, который давалъ бы ему право разсчитывать на духовную или чиновничью карьеру. Отецъ и сынъ порѣшили на томъ, что одинъ дастъ средства, на которыя другой отправится въ Болонью учиться праву. Весною 1512 г. мы видимъ Гуттена въ Италіи. Тамъ въ это время велась война, а Гуттенъ былъ не такого нрава, чтобы воздержаться отъ участія въ какой бы то ни было борьбѣ. Занятія Гуттена юриспруденціей были непродолжительными, тѣмъ болѣе, что онъ больше интересовался греческимъ языкомъ, а затѣмъ онъ поступилъ въ императорскую армію, хотя послѣ этого онъ не переставалъ, какъ самъ онъ выражается, служить музамъ. Къ этому времени относятся его „Эпиграммы къ императору Максимиліану“. Въ нихъ, напримѣръ, императоръ изображенъ орломъ, надменный галлъ—пѣтухомъ, а Венеція—лягушкой, или еще: Италія жалуется Аполлону на то, что на нее напали коварный венеціанецъ, надменный французъ и пьяный нѣмецъ, а Аполлонъ ей отвѣчаетъ, что одинъ всегда вѣроломенъ, другой всегда нахаленъ, а третій иногда бываетъ и трезвымъ, такъ что ей самой видно, кого выбирать. По возвращеніи на родину Гуттенъ получилъ судебную должность у архіепископа майнцскаго. Въ честь этого духовнаго князя онъ написалъ стихотвореніе, любопытное по высказаннымъ въ немъ политическимъ взглядамъ: рыцарь-гуманистъ нападаетъ на глупость, невѣжество и варварство собственнаго сословія, тѣмъ не менѣе заявляющаго притязанія на видную политическую роль. Вскорѣ, впрочемъ, одно обстоятельство пробудило въ немъ сословное чувство: герцогъ

вюртембергскій Ульрихъ, отличавшійся крайнимъ деспотизмомъ, убилъ находившагося у него на службѣ одного изъ многочисленныхъ Гуттеновъ, за то, что тотъ не хотѣлъ уступить ему своей жены (1515). Въ написанныхъ по этому случаю стихотвореніяхъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ обратился къ франконскому рыцарству съ воззваніемъ противъ вюртембергскаго герцога и написалъ противъ него памфлетъ въ формѣ обвинительнаго акта, гдѣ говоритъ о необходимости избавить страну отъ угнетающаго ее чудовища, а въ доказательство жестокости герцога ссылается на бывшее незадолго передъ тѣмъ возстаніе мѣстныхъ крестьянъ, вызванное притѣсненіями герцога и подавленное имъ самымъ ужаснымъ образомъ. Во второй „рѣчи", разочаровавшись въ имперскомъ правосудіи, Гуттенъ прямо заговорилъ революціоннымъ языкомъ: „подымайтесь, швабы! берите свою свободу, которой вы, конечно, хотите! Ваши предки не терпѣли надъ собой королевской власти, и вы не стерпите надъ собою власти разбойника и убійцы". Свою литературную борьбу противъ вюртембергскаго герцога онъ продолжалъ и въ Италіи, куда снова отправился и гдѣ пробылъ съ конца 1515 г. до середины 1517 г.

Вторичное посѣщеніе Италіи Гуттеномъ,—побывавшимъ на этотъ разъ и въ Римѣ,—интересно въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, онъ продолжалъ писать патріотическія стихотворенія по поводу военныхъ событій, бывшихъ крайне неблагопріятными для Максимиліана, съ другой, онъ началъ высказывать рѣзкія вещи противъ папства и клира въ видѣ, наприм., стихотворнаго посланія къ Кроту Рубіану, состоящаго изъ нѣсколькихъ эпиграммъ. Въ это время Гуттенъ окончательно убѣдился, что изъ него выйдетъ „никто" и какъ бы въ отвѣтъ на слова отца, выражавшаго желаніе, чтобы онъ сдѣлался хоть чѣмъ-нибудь, написалъ своего „Никто", гдѣ опять досталось отъ него духовенству. Рейхлиновскій споръ вовлекъ и Гуттена въ гуманистическую борьбу съ схоластиками: въ 1517 г. онъ издалъ упомянутый „Triumphus Capnionis" и участвовалъ въ составленіи второй части „Писемъ темныхъ людей". Послѣ этого наступили для него болѣе счастливые годы, когда онъ, увѣнчанный лаврами самимъ Максимиліаномъ, поступилъ ко двору майнцскаго архіепископа. Какъ разъ въ это время завязался споръ объ индульгенціяхъ между Лютеромъ и Цвингли, и вотъ какъ писалъ Гуттенъ объ этомъ своему другу вестфальскому графу фонъ-Нуэнару, котораго гуманисты назвали comes de Nova Aquila: „въ Виттенбергѣ явилась партія противъ папской власти, а другая отстаиваетъ индульгенціи. Обѣими предводительствуютъ монахи. Недавно они принялись и за строченіе, такъ что типографщикамъ будетъ много работы. Такимъ образомъ, надѣюсь, они уходятъ другъ друга; я не такъ давно сказалъ одному монаху, передавшему

мнѣ это: жрите другъ друга, пусть отъ васъ ничего не останется". Тутъ же Гуттенъ выразилъ пожеланіе, чтобы „сгибли и вымерли всѣ, препятствующіе зарождающемуся просвѣщенію". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ интересоваться и политикой, написавъ въ 1518 г. „Турецкую рѣчь" къ германскимъ князьямъ, гдѣ между прочимъ рекомендуетъ имъ начать войну для предотвращенія внутренняго возстанія, которое онъ уже предвидѣлъ, а въ слѣдующемъ году принявъ участіе въ походѣ на своего давнишняго врага герцога вюртембергскаго. Когда этотъ князь захватилъ имперскій городъ Рейтлингенъ, противъ него поднялись силы швабскаго союза подъ начальствомъ имперскаго рыцаря Франца фонъ-Зиккингена (черезъ три года послѣ того ставшаго во главѣ рыцарскаго возстанія) и герцогъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній. Гуттенъ написалъ еще одну обличительную рѣчь противъ павшаго князя. Это было въ годъ смерти Максимиліана и лейпцигскаго диспута Лютера съ Эккомъ. Извѣстіе о новомъ спорѣ между богословами обрадовало Гуттена, писавшаго по этому поводу своимъ друзьямъ, что эти люди не на шутку отдѣлываютъ другъ друга, но въ томъ же 1519 г. онъ иначе заинтересовался монашескимъ споромъ, когда понялъ, куда ведетъ протестъ Лютера. Его интересъ къ религіозному вопросу, имѣвшій главнымъ образомъ характеръ національной и политической оппозиціи противъ Рима, выразился въ памфлетахъ начала двадцатыхъ годовъ, каковы „Вадискъ или римская троица" (напр., въ Римѣ много трехъ вещей: поповъ, потаскухъ и писцовъ; въ Римѣ торгуютъ тремя вещами: Христомъ, должностями и женщинами и т. п.), „Созерцающіе" и др., гдѣ между прочимъ онъ разсматриваетъ вопросы о папской власти, о бракѣ духовенства и т. п. Въ „Вадискѣ" есть, напримѣръ, весьма сильное мѣсто, въ которомъ Римъ изображается, какъ кладовая награбленнаго во всемъ мірѣ добра, а папа, окруженный пожиралами,— какъ червь, подтачивающій это добро и высасывающій кровь изъ нѣмцевъ. „Неужели нѣмцы не подымутъ оружія? Неужели не пойдутъ на нихъ съ огнемъ и мечомъ? Это—грабители нашей родины: съ жадностью, нахальствомъ и яростью грабятъ они націю, стоящую во главѣ міра, купаются въ потѣ и крови нѣмецкаго народа, набиваютъ брюхо и питаютъ похоть свою на счетъ бѣдныхъ". Еще раньше нашелъ онъ рукопись сочиненія Лаврентія Валы „De falso credita et ementita donatione Constantini, которую онъ издалъ съ посвященіемъ папѣ Льву X, заключавшемъ въ себѣ цѣлое нападеніе на папство: „нельзя, — писалъ онъ здѣсь, — найти достаточнаго порицанія для людей, пользовавшихся малѣйшимъ предлогомъ, чтобы награбить денегъ, торговавшихъ буллами, установившихъ таксу за отпущеніе грѣховъ, продававшихъ духовныя должности, налагавшихъ подати

подъ разными вымышленными предлогами, людей, которые, поступая такимъ образомъ, титуловались святѣйшими и не терпѣли, чтобы ихъ задѣвали, хотя бы однимъ словомъ. Но если бы кто-либо осмѣлился сравнить тебя съ этими разбойниками, этими чудовищными тираннами, развѣ не счелъ бы ты его, великій Левъ, своимъ заклятымъ врагомъ?" Послѣ того, какъ Гуттенъ сталъ открыто на сторону Лютера, ему неудобно уже было оставаться на службѣ у архіепископа майнцскаго. Въ это время онъ сдѣлалъ неудачную попытку привлечь на сторону реформаціи брата Карла V, эрцгерцога Фердинанда, на котораго, какъ и на самого императора, патріоты и сторонники Лютера возлагали неосновательныя надежды. По этому поводу онъ ѣздилъ къ нему въ Вѣну. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ замокъ Эбернбургъ къ Францу фонъ-Зиккингену, съ которымъ сдружился во время рыцарскаго похода на герцога вюртембергскаго.

Послѣдніе четыре года жизни Гуттена (1520—1523) протекли въ сильной агитаціи. Осенью 1520 г. онъ выпустилъ четыре воззванія: къ императору, къ двумъ курфюрстамъ (саксонскому и майнцскому) и къ „нѣмцамъ всѣхъ сословій". Кромѣ того, онъ отвѣтилъ на папскую буллу противъ Лютера своимъ ея разборомъ, а на ея сожженіе Лютеромъ написалъ стихи. Онъ бросаетъ теперь гуманистическую латынь и пишетъ по-нѣмецки [1]) „Жалобу и увѣщаніе противъ непомѣрной и нехристіанской власти римскаго папы". Съ этого памфлета начинается новый періодъ его дѣятельности, характеризующійся, какъ мы еще увидимъ, постепеннымъ переходомъ Гуттена на почву политической революціи, и самъ онъ все болѣе и болѣе превращается изъ имперскаго рыцаря въ демократическаго радикала въ совершенно новомъ духѣ. Онъ и Лютера думалъ тогда превратить въ демагога, но между ними скоро послѣдовалъ разрывъ: ихъ сближала общая національная оппозиція Риму, но это были слишкомъ несходныя натуры, и желали они вещей слишкомъ непохожихъ одна на другую, чтобы имъ можно было долго идти рука объ руку.

Хотя Ульрихъ фонъ-Гуттенъ съ ранняго возраста принималъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ эпохи, каковы итальянскія войны, рейхлиновскій споръ, низверженіе герцога вюртембергскаго, политическое движеніе двадцатыхъ годовъ, хотя въ своихъ сочиненіяхъ онъ отзывался на всѣ вопросы, волновавшіе въ то время нѣмецкую націю, онъ мало могъ быть понятенъ современникамъ, такъ сказать, слишкомъ зарвавшись впередъ и задумавъ осуществить средневѣковыми силами такой общественный строй, для созданія котораго не было необходимыхъ элементовъ въ окружавшей его дѣй-

---

[1]) *Szamatolski.* Ulrichs von Hutten deutsche Schriften.

ствительности. Въ головѣ Гуттена таились мысли, возникали планы, онъ стремился вызвать движеніе и имъ руководить, направляя его въ смыслѣ своихъ политическихъ плановъ, тогда какъ Лютеръ былъ болѣе увлеченъ движеніемъ, чѣмъ его вызвалъ; въ то время, какъ Гуттенъ уже выступалъ политическимъ дѣятелемъ, Лютеръ, отличавшійся менѣе отзывчивой и подвижной натурой, начавшій сознательную жизнь аскетомъ и папистомъ, скрывавшійся въ монастырской кельѣ отъ житейскихъ бурь и лишь съ трудомъ вытащенный на проповѣдническую и профессорскую каѳедру, былъ только богословомъ, подвергшимъ осужденію торгъ индульгенціями и имѣвшимъ въ запасѣ лишь одинъ отвлеченный принципъ—ученіе объ оправданіи посредствомъ вѣры. Правда, этотъ принципъ былъ выстраданъ имъ въ монастырской тиши, но онъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ тогдашнимъ политическимъ и культурнымъ злобамъ дня. И тѣмъ не менѣе Лютеръ дѣлается сразу центральной личностью этой бурной эпохи: на цѣлую голову выше многихъ современныхъ дѣятелей, онъ все-таки былъ болѣе подстать среднему нѣмецкому человѣку, болѣе ему понятенъ, и вотъ всѣ обратились къ нему и поставили его на большую высоту—и князья, которые стали ему покровительствовать, и гуманисты, вступавшіе съ нимъ въ союзъ, и города, принявшіе его ученіе, и рыцари, предлагавшіе ему свою защиту, и крестьяне, искавшіе у него одобренія своихъ требованій, даже самъ императоръ, наконецъ, который въ виттенбергскомъ монахѣ готовъ былъ видѣть удобное орудіе, дабы при случаѣ воспользоваться имъ при сложныхъ политическихъ отношеніяхъ къ куріи. Правда, многіе ошиблись, многимъ пришлось разочароваться въ реформаторѣ и отвернуться отъ него, но Лютеръ съигралъ свою роль объединителя разныхъ движеній, происходившихъ тогда въ Германіи. Результаты этого объединенія оказались совсѣмъ не такими, какихъ ожидалъ, какихъ хотѣлъ достигнуть Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, а въ немъ вѣдь также находили свое объединеніе всѣ главныя движенія эпохи. Причины успѣха Лютера, а неуспѣха Гуттена лежали, конечно, въ нихъ самихъ, но только отчасти: торжество дѣла Лютера, хотя и далеко неполное, и паденіе всѣхъ надеждъ и плановъ Гуттена были результатомъ того, что религіозно-настроенная и недовольная Римомъ Германія была болѣе готова къ принятію церковной реформы, чѣмъ къ той политической свободѣ и тому общественному переустройству, о которыхъ мечталъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

IV. Карлъ V и его общеевропейская политика [1]).

Важность того момента, когда Карлъ V вступилъ на престолъ. — Личность Карла V. — Его избраніе и условія этого избранія. — Международное положеніе Карла V и отношеніе его къ Германіи. — Внѣшняя политика Карла V.— Его политическіе идеи и планы. — Что изъ всего этого вытекало для исторіи реформаціи въ Германіи?

Въ 1517 году съ выходомъ въ свѣтъ второй части „Писемъ темныхъ людей“ окончилась побѣдоносная кампанія нѣмецкихъ гуманистовъ противъ представителей стараго образованія, а начавшійся споръ объ индульгенціяхъ открывалъ собою эпоху религіозной борьбы, во время которой гуманистическіе интересы мало-по-малу заглохли. Конечно, не могло быть простою случайностью то, что тогда весьма рѣзко оборвалось одно движеніе и въ общественномъ настроеніи произошелъ переломъ: и гуманизмъ, и реформація были лишь внѣшними формами, въ которыхъ проявлялись та оппозиція противъ устарѣлыхъ отношеній и то исканіе новыхъ началъ, которыя характеризуютъ тогдашнее состояніе нѣмецкой націи; только реформація, выставлявшая новый религіозный принципъ противъ старой церкви, и болѣе соотвѣтствовала религіозному состоянію Германіи, и ближе соприкасалась съ многими вопросами жизни, чѣмъ гуманизмъ, всетаки остававшійся явленіемъ болѣе литературнымъ, чѣмъ общественнымъ. Впрочемъ, и церковная реформація, и политическіе и соціальные вопросы, ждавшіе своего разрѣшенія, должны были получить то или другое направленіе въ зависимости отъ положенія, занятаго по отношенію къ нимъ императоромъ. Отъ Максимиліана ничего уже не ждали, но когда онъ въ 1519 г. умеръ и въ преемники ему былъ избранъ его внукъ Карлъ V, на него стали возлагать всѣ свои надежды и Лютеръ съ своими сторонниками, и Гуттенъ съ многими гуманистами и всѣ вообще желавшіе обновленія Германіи. Начиналась національная борьба съ папствомъ, относительно которой сходились почти всѣ общественные элементы Германіи, чѣмъ и объясняется колоссальный успѣхъ Лютера; впереди была реформа церкви, и все указывало на то, что она будетъ проведена силами общества и государства, а не папствомъ и не соборомъ; мысль о необходи-

---

[1]) Кромѣ сочиненій по исторіи реформаціи въ Германіи и устарѣлаго труда *Робертсона*, см. два сочиненія *Migné*: Charles Quint и Rivalité de Charles V et François I.—*Pichot*. Charles V.—*Baumgarten*. Geschichte Karls V (новѣйшее сочиненіе). — *Кудрявцевъ*. Карлъ V (во II томѣ „Сочиненій“). См. также *K. Fischer*. Geschichte der auswärtigen Politik und Diplomatie im Reformations-Zeitalter (1485—1556).

мости политическаго переустройства страны совершенно созрѣла и настолько распространилась въ націи, что оставалось, повидимому, только примкнуть къ одной изъ готовыхъ программъ; низверженіе герцога вюртембергскаго союзомъ подъ предводительствомъ Франца фонъ-Зиккингена было какъ бы прелюдіей рыцарскаго возстанія, въ то самое время, какъ крестьянскіе бунты указывали на сильное и повсемѣстное движеніе въ массахъ сельскаго населенія—и въ такой-то моментъ на императорскій престолъ вступаетъ молодой человѣкъ, едва достигшій девятнадцатилѣтняго возраста (Карлъ V родился въ Гентѣ въ 1500 г.). Отношеніе новаго императора и къ національной борьбѣ съ папствомъ, и къ внутренней реформѣ церкви, и къ переустройству государственнаго и общественнаго быта Германіи, и къ силамъ, вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ бросившимся въ революцію, *было въ высшей степени важно для всего дальнѣйшаго хода событій и произведенныхъ ими измѣненій въ историческомъ бытіи нѣмецкаго народа.*

Личный характеръ Карла V и его роль въ общеевропейскихъ событіяхъ первой половины XVI вѣка весьма много занимали историковъ. Какъ по одному, такъ и по другому вопросамъ высказано было не мало разныхъ взглядовъ и сужденій. Къ сожалѣнію, мы не можемъ остановиться здѣсь на Карлѣ V настолько подробно, чтобы дать полный и исчерпывающій обзоръ его столь богатаго событіями царствованія и отношеній къ разнымъ сторонамъ современной ему исторической жизни этого государя, бывшаго самымъ могущественнымъ монархомъ тогдашней Европы. Во-первыхъ, значительная часть его политической дѣятельности обусловлена его войнами съ Франціей и Турціей и его итальянской политикой, а исторія внѣшнихъ отношеній вообще не входитъ въ нашу програму. Во-вторыхъ, Карлъ V соединялъ на своей головѣ нѣсколько коронъ, и его царствованіе имѣетъ поэтому значеніе во внутренней исторіи Испаніи, Неаполя съ Сициліей, Нидерландовъ и габсбургскихъ наслѣдственныхъ земель Германіи, которыми онъ владѣлъ, какъ наслѣдникъ Фердинанда Арагонскаго и Изабеллы Кастильской, императора Максимиліана I и Маріи Бургундской, а насъ занимаетъ теперь исторія Германіи, на императорскій престолъ которой онъ былъ избранъ въ самомъ началѣ реформаціи. Въ-третьихъ, въ самой личности Карла есть много такого, что́ не имѣетъ прямого и непосредственнаго отношенія къ нѣмецкой исторіи въ реформаціонный періодъ; историковъ, напримѣръ, весьма сильно занималъ вопросъ о причинахъ отреченія Карла V въ концѣ жизни и отъ власти, и отъ міра въ уединеніи испанскаго монастыря. Съ другой стороны, конечно, нельзя и не коснуться всего этого, такъ какъ объяснить отношеніе Карла V къ внутренней исторіи Германіи

съ начала двадцатыхъ до середины пятидесятыхъ годовъ XVI вѣка нѣтъ возможности, не имѣя въ виду всей дѣятельности этого государя.

У Карла V, какъ выразился о немъ одинъ историкъ, было только мѣсто рожденія, но не было истиннаго отечества: наслѣдовавъ столь разнородныя и отдаленныя одно отъ другого государства, какъ Испанія и Австрія, Неаполь и Нидерланды, расширивъ эти владѣнія завоеваніями, онъ по самому положенію своему былъ, такъ сказать, государемъ международнымъ. Кромѣ того, сама императорская корона придавала власти его, какъ свѣтскаго главы западнаго христіанства, универсальный, космополитическій характеръ. Человѣкъ съ сильной волей, энергичный и дѣятельный, проникнутый сознаніемъ своего высокаго положенія, Карлъ V стремился осуществить извѣстные политическіе планы; эти планы отчасти вытекали изъ его понятія объ императорствѣ, отчасти были привиты къ нему его воспитателями, готовившими изъ него дипломата и государственнаго человѣка, отчасти были навѣяны общимъ направленіемъ дѣятельности тогдашнихъ государей, особенно итальянскихъ династовъ, задававшихъ тонъ своею политическою виртуозностью государственнымъ дѣятелямъ иныхъ странъ. Въ эти планы Карла V *входило усиленіе власти государя и въ Германіи, но это не была главная его задача.* Передъ такъ или иначе понимаемыми интересами его универсальной монархіи и передъ задачами, вытекавшими для него изъ обладанія Испаніей и Нидерландами, его отношенія къ Германіи отступали на задній планъ, тѣмъ болѣе, что, не будучи вдобавокъ нѣмцемъ, Карлъ *былъ и не въ состояніи проникнуться національными интересами нѣмецкаго народа.* Мы еще увидимъ, какъ въ концѣ своего царствованія онъ сдѣлалъ рѣшительную попытку утвердить свою власть въ Германіи, но и тогда *его политическія идеи расходились съ стремленіями нѣмецкихъ патріотовъ:* послѣдніе мечтали объ объединеніи Германіи подъ единою властью, но на началахъ національной свободы, тогда какъ Карлъ былъ абсолютистъ, почерпавшій политическіе уроки изъ макіавелліева „Государя“ и „Записокъ“ Комина, этого поклонника удачи, оправдывающей всякія средства. Вся его дѣятельность, начиная съ той поры, когда онъ еще по молодости не могъ быть вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что его политической идеей былъ абсолютизмъ, практика котораго вырабатывалась итальянскими тираннами, а теорія формулировалась Коминомъ и Макіавелли. Въ самомъ началѣ его царствованія въ Испаніи правительствомъ было подавлено возстаніе коммунеровъ, и кортесы лишились всякаго значенія. Нидерланды Карлъ держалъ весьма строго, и гентское возстаніе 1539 г. было наказано имъ съ крайней

жестокостью. Въ флорентійской республикѣ онъ посадилъ въ качествѣ герцога и своего вассала Александра Медичи. Весьма естественно, что и въ Германіи онъ не могъ относиться съ симпатіей къ движеніямъ, имѣвшимъ въ виду не только политическое объединеніе страны, но и народныя права. Столь же мало былъ онъ пригоденъ и для той роли, какую охотно заставили бы его играть церковные реформаторы: *и по образу мыслей, и по политическому своему положенію Карлъ не могъ сочувствовать религіозному движенію, остававшемуся для него непонятнымъ, и долженъ былъ поддерживать католическую церковь.* По складу ума и по воспитанію это былъ трезвый и холодный политикъ, которому чужды были идеальные порывы религіозной реформаціи. Самый католицизмъ его былъ, съ одной стороны, чисто обрядовымъ формализмомъ не безъ примѣси, впрочемъ, суевѣрія, съ другой—политической системой, вполнѣ соотвѣтствовавшей его планамъ. Это не мѣшало ему, конечно, приходить въ рѣзкое столкновеніе съ папствомъ—на почвѣ политическихъ отношеній, такъ какъ по самому существу своему обѣ власти, императорская и папская, неизбѣжно были обречены на коллизіи, и такъ какъ папа въ качествѣ одного изъ итальянскихъ государей игралъ роль и въ международныхъ дѣлахъ того времени. Самая идея Священной Римской имперіи, главою которой сдѣлало Карла V избраніе германскихъ курфюрстовъ, *была идея католическая, а религіозная реформація, да еще съ тѣмъ національнымъ характеромъ, какой она получила въ Германіи, разрушала не только папство, но и имперію,* т.-е. по крайней мѣрѣ въ ея католической основѣ. Самъ по себѣ Карлъ былъ человѣкъ недюжинный, но въ его личномъ характерѣ непріятно поражаютъ скрытность, черствость, упрямство въ мелочахъ, мнительность, недовѣрчивость, хотя все это соединялось въ немъ съ неутомимостью въ работѣ, съ настойчивостью въ достиженіи своихъ цѣлей, съ предпріимчивостью, не знавшею никакихъ препятствій.

Когда Максимиліанъ I умеръ, а наиболѣе вліятельный изъ князей, курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый, отказался отъ избранія въ императоры, кандидатами на престолъ выступили, главнымъ образомъ, французскій король Францискъ I [1]) и испанскій—Карлъ I, наслѣдникъ габсбургскихъ владѣній въ Германіи. Выборъ палъ на послѣдняго (28 іюня 1519 г.). Новаго императора курфюрсты связали избирательной капитуляціей (3-го іюля 1519 г.), опредѣлявшей его права и значительно съуживавшей границы его власти. Какъ иностранному государю, ему было вмѣнено въ обязанность не приводить въ Германію, безъ согласія государства, иноземныхъ войскъ, не со-

---

[1]) *Grosch.* Franz I die Kaiserwahl im Jahre 1519.

бирать имперскаго сейма внѣ Германіи и не требовать къ какому-либо суду внѣ Германіи имперскіе чины, а также бралось обѣщаніе назначать на государственныя должности только природныхъ нѣмцевъ, и во всѣхъ дѣлахъ употреблять лишь латинскій и нѣмецкій языки. Далѣе Карлъ V обязывался защищать церковь и въ то же время уничтожить все, въ чемъ римской куріей были нарушены конкордаты нѣмецкой націи. Наконецъ, въ капитуляціи были статьи, касавшіяся утвержденія княжескихъ правъ, установленія имперскаго правленія по назначенію курфюрстовъ и округовъ, котораго такъ не хотѣлъ Максимиліанъ, и запрета отдѣльныхъ союзовъ рыцарей и вассаловъ. На престолъ Германіи такимъ образомъ вступалъ могущественный монархъ, и уже это одно должно было измѣнить политическія отношенія въ Германіи, но Карлъ V лишь на короткое время пріѣхалъ въ Германію, чтобы условиться на сеймѣ (вормскомъ, 1521 г.) относительно подробностей избирательной капитуляціи и относительно религіознаго вопроса; затѣмъ онъ на долгое время оставилъ Германію. Между тѣмъ на этого государя возлагали, какъ было уже сказано, свои надежды всѣ желавшіе церковной и государственной реформы, но онъ не понялъ и не оцѣнилъ общественнаго движенія, предлагавшаго ему опору и искавшаго у него помощи, какъ не понялъ и размѣровъ того дѣла, которое было связано съ именемъ виттенбергскаго монаха. *Въ отсутствіе императора изъ Германіи началась религіозная реформація, произошли рыцарское возстаніе и крестьянская война*, въ то самое время, какъ Карлъ V воевалъ съ Франциском I. Въ смыслѣ внутреннихъ потребностей нѣмецкой націи выборъ Карла V въ императоры былъ поэтому крайне неудаченъ: въ рѣшительную минуту религіозной, политической и соціальной борьбы двадцатыхъ годовъ XVI в. онъ отсутствуетъ изъ Германіи, а потомъ, когда руки у него были развязаны для того, чтобы дѣйствовать въ Германіи, и силы, на которыя онъ могъ бы опереться въ двадцатыхъ годахъ, были сокрушены князьями, въ его отсутствіе очутившимися господами положенія, да и самъ онъ могъ дѣйствовать тогда лишь въ направленіи діаметрально-противоположномъ стремленіямъ и чаяніямъ лучшей части нѣмецкой націи, явившись въ Германіи чуждымъ ей иностраннымъ деспотомъ.

Въ двадцатыхъ годахъ отъ нѣмецкихъ дѣлъ отвлекла Карла V война съ Францискомъ I. Болѣе двадцати лѣтъ продолжались вообще его войны съ французскимъ королемъ, находящія свое объясненіе въ его международномъ положеніи. Будучи сосѣдомъ Франціи по Нидерландамъ и по Испаніи, какъ наслѣдственный ихъ обладатель, сдѣлавшись императоромъ въ Германіи, которая также соприкасалась съ Франціей, онъ имѣлъ слишкомъ много причинъ для того, чтобы вы-

двинуть въ своей дѣятельности на первый планъ отношенія къ этой державѣ, завоевательныя стремленія которой въ достаточной степени проявились и въ отношеніи Людовика XI къ Карлу Смѣлому, герцогу бургундскому, прадѣду Карла по бабкѣ съ отцовской стороны, и особенно въ итальянскихъ походахъ конца XV и начала XVI в. Нидерланды, составлявшіе его бургундское наслѣдство, искали противъ Франціи союза съ Испаніей, прежде нежели родился самъ Карлъ отъ брака сына Маріи Бургундской съ дочерью арагонскаго короля и кастильской королевы, но счеты его съ Франціей по бургундскому наслѣдству не были еще сведены, такъ какъ сама Бургундія осталась за французскими королями. Между Испаніей и Франціей лежало, далѣе, королевство Наваррское, которое также не могло не сдѣлаться яблокомъ раздора между обѣими странами. Ко всему этому присоединялись итальянскія дѣла, тоже вовлекавшія Карла, какъ испанскаго короля и римскаго императора, въ войну съ Франціей: во-первыхъ, въ 1495 г. Неаполь, гдѣ давно велась борьба между французской и арагонской партіями, былъ завоеванъ французскимъ королемъ Карломъ VIII, а послѣ того, какъ французовъ оттуда вытѣснили, его преемникъ Людовикъ XII и испанскій дѣдъ Карла V Фердинандъ Католикъ снова овладѣли Неаполемъ (1502), чтобы рассориться между собою при раздѣлѣ добычи, доставшейся окончательно Фердинанду (1504); во-вторыхъ, Людовикъ XII завладѣлъ Миланомъ (1500), и хотя и отсюда французы были вытѣснены такъ называемой камбрейской лигой (1512), тѣмъ не менѣе Францискъ I снова захватилъ Миланъ (1515), а онъ считался леномъ Священной Римской имперіи; въ-третьихъ, и вообще утвержденіе Франціи въ Сѣверной Италіи было крайне невыгодно для Карла, такъ какъ обладаніе Ломбардіей, разъединяя габсбургскія владѣнія, создавало Франціи доминирующее положеніе въ Италіи. Съ другой стороны, французскій король по всей сухопутной границѣ своего государства сосѣдилъ съ владѣніями Карла, что̀ было для Франціи какъ бы постоянной угрозой. Наконецъ въ 1519 г. оба государя встрѣтились на одномъ и томъ же пути—къ императорской коронѣ.

Этими общими причинами и объясняются тѣ четыре войны, которыя велъ Карлъ V противъ Франциска I (1521—1526, 1527—1529, 1536—1538, 1542—1544). Первыя двѣ войны пришлись на самое горячее время въ Германіи. Но Карлу V суждено было воевать еще и съ Турціей, причемъ онъ и тутъ вовлекался въ борьбу самыми разнообразными интересами. Прежде всего, безпокойное сосѣдство съ Испаніей бывшихъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи Алжира и Туниса, затѣмъ небезопасность Италіи со стороны мусульманской высадки, наконецъ турецкія нашествія на габсбургскія владѣнія въ

Германіи, особенно въ Чехію и Венгрію, принадлежавшія его брату Фердинанду,—все это создавало для него общую задачу борьбы съ турецкимъ могуществомъ, достигшимъ своего апогея именно въ эту эпоху: отдѣльными эпизодами этой борьбы являются какъ сухопутные походы Карла противъ турокъ, такъ и двѣ его морскія экспедиціи въ Тунисъ (1535) и Алжиръ (1541), изъ которыхъ первая, какъ извѣстно, окончилась весьма удачно. Всѣ эти войны объясняютъ намъ не только отсутствіе Карла V изъ Германіи въ самые важные моменты ея внутренней жизни, *но и ту уступчивость, какую онъ обнаруживалъ по отношенію къ нѣмецкимъ князьямъ и къ реформаціонному движенію*, когда у него бывали связаны руки войною на два фронта при политической солидарности французскаго короля и турецкаго султана.

Понятно, что нѣмецкое движеніе, размѣры котораго не могли быть извѣстны, а характеръ не былъ вполнѣ ясенъ самимъ нѣмцамъ, въ немъ участвовавшимъ, должно было казаться Карлу чѣмъ-то второстепеннымъ и совершенно мѣстнымъ сравнительно съ политическими задачами, охватывавшими въ его глазахъ весь западно-европейскій міръ и его трудныя отношенія къ мусульманскому Востоку, ибо турецкій вопросъ былъ тогда однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ политики въ виду грознаго положенія, занятаго турками. Карлъ V шелъ совсѣмъ по другой дорогѣ, нежели та, на которую вступала Германія. Тѣмъ болѣе еще онъ не могъ отдавать этой странѣ предпочтительнаго интереса, что въ ней онъ не былъ наслѣдственнымъ государемъ (хотя и тутъ онъ стремился утвердить императорскую корону за своей династіей). Объединяя въ одной государственной идеѣ Испанію, Италію, Нидерланды и Германію, создавая изъ нихъ одно политическое цѣлое, *онъ не видѣлъ въ реформѣ церкви главнаго своего дѣла*. Если даже онъ считалъ ее необходимою, то отъ этого опять-таки было еще далеко, чтобы онъ долженъ былъ понимать ее такъ, какъ поняли ее Лютеръ и пошедшіе за нимъ нѣмецкіе князья. Его отношеніе къ папамъ отличалось самостоятельностью, его армія въ 1527 г. даже съ боя взяла Римъ, но помимо того, что онъ не былъ и не могъ быть противникомъ самого папства, въ папахъ онъ искалъ такихъ политическихъ союзниковъ, которыми пренебрегать было невозможно и неудобно. Какъ политикъ, смотрѣлъ онъ и на католицизмъ, и, пожалуй, даже на самую реформацію. Въ ней на первыхъ порахъ онъ видѣлъ своего рода средство держать отъ себя въ зависимости папу по отношенію къ своимъ итальянскимъ планамъ, да и религіозный расколъ въ Германіи, раздѣлившій князей на два враждебные лагеря, былъ для него тоже не безвыходенъ.

Вотъ все это и необходимо принимать въ расчетъ, обсуждая отношеніе Карла V къ Германіи и происходившей въ ней рефор-

націи. Нѣмецкіе историки XIX в., разсматривающіе главныя событія реформаціонной эпохи съ той точки зрѣнія, что основною бѣдою Германіи было ея политическое раздробленіе, только усилившееся въ XVI вѣкѣ, и что при Карлѣ V важнѣйшимъ дѣломъ Германіи была церковная реформа Лютера, которою можно было бы воспользоваться для политическаго объединенія нѣмецкаго народа, — подвергаютъ весьма рѣзкой критикѣ всю дѣятельность Карла V, предъявляя ему такія требованія, какія съ полнымъ правомъ могли бы предъявить ему, будь онъ только нѣмецкимъ королемъ, воспитаннымъ на германской почвѣ и въ національной атмосферѣ. Историки, конечно, правы, отмѣчая несоотвѣтствіе Карла V съ задачами, требовавшими настоятельнаго разрѣшенія въ Германіи, но они ошибаются, когда говорятъ, что Карлъ „долженъ былъ“ первѣе всего служить дѣлу нѣмецкой націи, или когда обвиняютъ его въ непониманіи духа времени: дѣйствительно онъ совсѣмъ былъ неспособенъ проникнуться стремленіями нѣмецкихъ патріотовъ, желавшихъ склонить его на сторону политической и церковной реформы, какъ понимали они сами ту и другую, и въ этомъ смыслѣ онъ, дѣйствительно, не понималъ духа времени, но то, что было духомъ времени,—слова, которыми слишкомъ злоупотребляютъ въ исторіи,—для Германіи, какъ она рисуется намъ въ воззваніяхъ Лютера, Гуттена и другихъ дѣятелей эпохи, далеко еще не исчерпывало всего, чѣмъ вообще жила тогдашняя Европа. Мало того, во многихъ отношеніяхъ Карлъ V, наоборотъ, слишкомъ былъ сыномъ своего вѣка: стоитъ только вспомнить его стремленіе къ абсолютизму, въ чемъ онъ сходится со всѣми современными ему государями, его политику, основанную на примѣрахъ итальянскихъ тиранновъ и правилъ Макіавелли, его войны съ турками, бывшія весьма популярными въ виду опасности, какою они грозили, осадивъ самую Вѣну (1529); стоитъ прибавить къ этому его политику по отношенію къ папству, ничѣмъ не отличавшуюся отъ политики другихъ тогдашнихъ государей, настойчивость, съ какою онъ требовалъ созванія собора для рѣшенія религіознаго вопроса, чего хотѣли нѣкоторое время и сами протестанты, и наконецъ его попытку сороковыхъ годовъ собственною властью установить извѣстный религіозный порядокъ, — предпріятіе, напоминающее королевскую реформацію въ Англіи,—стоитъ все это принять въ расчетъ, чтобы признать и въ Карлѣ V человѣка XVI вѣка, какими были и Гуттенъ, и Лютеръ, опять-таки далеко неодинаково понимавшіе задачи своего времени. Вѣдь и Гуттенъ въ извѣстномъ смыслѣ ошибался относительно своей эпохи и своей родины, когда выступалъ съ своими гуманистическими и всесословными планами въ обществѣ, раздѣленномъ на враждовавшія между собою сословія и готовившемся вступить въ

періодъ теологическихъ споровъ и религіозныхъ войнъ. Весьма многаго, конечно, не понималъ, какъ слѣдуетъ, и Лютеръ, подчинявшій всѣ политическіе и соціальные интересы интересамъ своей религіозной реформы, которая, въ свою очередь, оцѣнивалась другими совершенно иначе.

V. Лютеръ до отпаденія его отъ церкви [1]).

Историческая точка зрѣнія на личность и роль Лютера.—Общее объясненіе его дѣятельности. — Его воспитаніе и поступленіе въ монашество. — Теологическое развитіе Лютера. — Споръ объ индульгенціяхъ.—Отношенія Лютера къ папѣ во время этого спора.—Лейпцигскій диспутъ.—Сожженіе буллы и революціонныя воззванія Лютера.—Его надежды на Карла V.—Основной принципъ Лютера.

Національнымъ героемъ Германіи въ разсматриваемую эпоху сдѣлался Мартинъ Лютеръ (1483—1546), родоначальникъ реформаціи и устроитель первой протестантской церкви, которая и получила его имя. Когда исторія реформаціи разсматривалась исключительно съ церковной точки зрѣнія, и весь смыслъ движенія, происходившаго въ Германіи, представлялся заключеннымъ въ преобразованіи религіи, когда вдобавокъ исторія эта писалась преимущественно лютеранами, сочувствовавшими дѣлу виттенбергскаго реформатора и видѣвшими во всемъ остальномъ нѣчто, или помогавшее, или мѣшавшее этому дѣлу, направлявшее его на настоящую дорогу, или, наоборотъ, его искажавшее, когда, однимъ словомъ, не было и не могло быть по состоянію, въ какомъ находилась историческая наука, болѣе широкаго взгляда на нѣмецкую реформацію и въ ея отношеніи къ національной жизни Германіи, и по ея значенію для всей западноевропейской исторіи, — въ то время и личность Лютера не могла получить правильнаго историческаго освѣщенія. Да и впослѣдствіи, когда настала пора для болѣе научной и всесторонней оцѣнки реформаціи, характеръ и дѣятельность знаменитаго реформатора далеко не всегда изображались съ надлежащею критикой: какъ историки эпохи, такъ и біографы Лютера весьма часто впадали въ панегирическій тонъ по отношенію къ его личности и продолжали судить обо всѣхъ событіяхъ эпохи со стороны ихъ вліянія на развитіе того дѣла, которое одно только и было дорого Лютеру, какъ будто только

---

[1]) *Jürgens*. Luther's Leben. — *Köstlin*. M. Luther, sein Leben und seine Schriften.—*Kolde*. M. Luther.—*Kuhn*. Luther, sa vie et son œuvre.—*Lang*. M. Luther. — *A. Berger*. M. Luther in kulturgeschichtlichen Darstellung.—*Seidemann*. Die Leipziger Disputation.—*Th. Wiedemann*. Dr Johannes Eck.—*Lemme*. Die drei grossen Reformationsschriften Luther's von Jahre 1520.

онъ и вѣрные его послѣдователи глубоко, всесторонне и безошибочно понимали, что̀ нужно было нѣмецкому народу и всему западно-европейскому міру для правильнаго историческаго развитія. *Оцѣнивая личность и историческую роль Лютера, не нужно забывать, что главная его сила заключалась въ чисто религіозной реформѣ*, между тѣмъ какъ Германія нуждалась не въ одномъ этомъ.—Нужно имѣть въ виду еще, что и въ той области, гдѣ онъ былъ силенъ, многое подлежитъ критикѣ (конечно, не съ вѣроисповѣдныхъ точекъ зрѣнія, на которыя становятся многіе историки-нелютеране). Въ историческомъ сужденіи о Лютерѣ нужно вообще избѣгать тѣхъ крайностей, которыя проявляются въ діаметрально-противоложномъ, напримѣръ, отношеніи историковъ къ одному и тому же основному факту его дѣятельности, къ тому именно, что онъ удержалъ ее въ предѣлахъ одной задачи: въ то время, какъ одни ставятъ ему въ упрекъ, что онъ отстранилъ себя отъ другихъ совершавшихся въ Германіи движеній, игнорируя при этомъ, съ своей стороны, всю важность одного того дѣла, которое справедливо прославило его имя, другіе, наоборотъ, это самое ставятъ ему въ особую заслугу, видя въ его поведеніи лишь доказательство его величія, мудрости, глубокаго пониманія настоятельныхъ потребностей времени, какъ будто внѣ религіозной реформы у тогдашнихъ людей не было никакихъ другихъ интересовъ. Оставляя въ сторонѣ оцѣнку поведенія Лютера по отношенію къ разнообразнымъ задачамъ, какія ставили своей дѣятельности его современники, нужнѣе всего признать фактъ, благодаря которому Лютеръ былъ прославляемъ лютеранскими церковными историками, порицаемъ писателями, сочувственно отнесшимися къ общественнымъ движеніямъ, отринутымъ Лютеромъ, и защищаемъ, наоборотъ, людьми, находившими, что Лютеръ спасъ реформацію отъ искаженія и отъ ею же самою вызванныхъ опасностей, т.-е. нужно признать тотъ фактъ, что онъ былъ исключительно религіозный реформаторъ. При этомъ слѣдуетъ, конечно, и объяснить себѣ причину этого факта, и понять его значеніе въ исторіи эпохи.

Прежде всего мы познакомимся съ внутреннимъ развитіемъ Лютера до того момента, когда онъ выступилъ въ роли реформатора, такъ какъ безъ этого нельзя понять всего его поведенія съ 1517 г., и такъ какъ *въ исторіи XVI вѣка большую и притомъ вполнѣ самостоятельную роль играетъ религіозный протестъ, имѣвшій глубокій источникъ въ встревоженной совѣсти:* весьма интересно на примѣрѣ Лютера, монаха и паписта, прослѣдить, какъ зарождался этотъ протестъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка.

Когда Лютеръ вступилъ въ открытую борьбу съ католическою церковью, ему было подъ сорокъ лѣтъ: значитъ, это былъ уже чело-

вѣкъ вполнѣ сложившійся, и все его дальнѣйшее поведеніе обусловливалось ранѣе развившимися задатками. Если опредѣлять средневѣковое міросозерцаніе, какъ соединеніе аскетическаго и теократическаго идеаловъ, и видѣть поэтому воплощеніе католицизма въ монашествѣ и папствѣ, то Лютеръ въ молодые свои годы будетъ для насъ человѣкомъ совершенно средневѣковаго настроенія, такъ какъ это былъ образцовый монахъ и ревностный папистъ. Если, далѣе, смотрѣть на годы, которые предшествовали выступленію Лютера въ роли реформатора, какъ на время, когда въ образованныхъ кругахъ нѣмецкаго общества весьма сильно были развиты культурные и соціальные интересы, то Лютеръ представится намъ человѣкомъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ господствовавшихъ теченій своего времени. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ монастыря и отложился отъ папства, но это стоило ему сильной внутренней борьбы, и отъ его прошлаго въ немъ все-таки остался богословъ, священникъ, проповѣдникъ, для котораго дѣло религіи должно было быть на первомъ планѣ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, но изъ всего того, что̀ волновало тогдашнюю Германію, кромѣ вопроса о церковной реформѣ, ему понятна была и близка его сердцу лишь національная оппозиція папству, сливавшаяся въ его душѣ съ религіознымъ протестомъ. Среди различныхъ силъ, боровшихся въ то время за преобладаніе въ странѣ, онъ долженъ былъ выбрать въ союзницы себѣ ту силу, которая могла обезпечить торжество его дѣла, а такъ какъ послѣ самоустраненія Карла V такою силою были князья, то весьма естественно, что къ нимъ и примкнулъ Лютеръ, какъ политическій дѣятель.

Легенда, овладѣвшая личностью Лютера, приписывала его поступленіе въ монастырь обѣту, будто бы данному имъ, когда на его глазахъ умеръ убитый молніей другъ, но если это и было, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что положило конецъ его колебаніямъ относительно поступленія въ монахи, задуманнаго гораздо раньше. Сынъ бѣднаго ломщика шифера изъ тюрингенскихъ крестьянъ, маленькій Мартинъ получилъ дома строгое воспитаніе, въ которомъ побои были, повидимому, главнымъ педагогическимъ средствомъ. „Вслѣдствіе того, говоритъ онъ самъ, что родители поступали со мною такъ сурово, я сдѣлался очень робокъ: ихъ строгость и суровая жизнь, которую я велъ съ ними, были причиною того, что я впослѣдствіи ушелъ въ монастырь и сдѣлался монахомъ“. Въ городской школѣ Мансфельда, куда помѣстилъ его отецъ, обращались съ нимъ не лучше; въ одно послѣ-обѣда, какъ онъ разсказываетъ самъ, его однажды „исполосовали 15 разъ“. Что касается до нравственнаго вліянія родителей на маленькаго Лютера, то особенно сильно

было вліяніе его матери, представлявшей себѣ Іисуса Христа строгимъ судьею, который будетъ жестоко наказывать за грѣхи. „Я, говорилъ впослѣдствіи Лютеръ, постоянно былъ занятъ мыслію, сколько мнѣ надо сдѣлать добрыхъ дѣлъ, чтобы умилостивить Христа, отъ котораго, какъ отъ неумолимаго судьи, многіе, какъ мнѣ говорила мать, убѣгали въ монастырь". Эта мысль уже занимала его, когда онъ былъ только 14-лѣтнимъ мальчикомъ и перешелъ въ магдебургскую францисканскую школу. Въ 1497 г. его поразило зрѣлище ангальтскаго принца, въ припадкѣ меланхоліи постриженнаго отцомъ въ монахи. Лютеръ видѣлъ, какъ принцъ ходилъ по городу въ одеждѣ кающагося грѣшника. „Я видѣлъ, разсказываетъ онъ, своими глазами его, блѣднаго какъ смерть, изможднвшаго тѣло свое суровымъ постомъ и бдѣніемъ; онъ ходилъ въ монашеской шапкѣ, сгибаясь до земли подъ тяжестью нищенской сумы, и просилъ милостыню, между тѣмъ какъ впереди его шелъ здоровый монахъ, которому въ десять разъ легче было бы снести его бремя, но благочестивый князь не давалъ ему этого. Кто смотрѣлъ на него, невольно приходилъ въ умиленіе и учился стыдиться свѣтскаго состоянія". Уже тогда мальчикъ далъ обѣтъ сдѣлаться монахомъ. Въ Эйзенахѣ, куда потомъ переселился Лютеръ, онъ велъ жизнь чуть не нищаго и ужасно бѣдствовалъ: родители не были въ состояніи давать ему содержаніе, и онъ долженъ былъ ходить по городу вмѣстѣ съ другими бѣдными учениками и пѣть благочестивыя пѣсни, чтобы получать милостыню отъ сострадательныхъ жителей города. Положеніе его улучшилось лишь тогда, когда онъ попалъ нахлѣбникомъ въ домъ вдовы Котта. 18-ти лѣтъ Лютеръ поступилъ (1501) въ эрфуртскій университетъ, но очень мало интересовался процвѣтавшимъ тамъ гуманизмомъ. Отецъ Лютера, кое-какъ помогавши сыну, желалъ, чтобы онъ сдѣлался юристомъ, но право столь же мало занимало Лютера, какъ и классики. Онъ интересовался однимъ лишь каноническимъ правомъ, учившимъ о повиновеніи папѣ. „Папу, говоритъ самъ онъ, боготворилъ я отъ чистаго сердца и глубины души, не ради тучныхъ пребендъ, прелатуръ и духовныхъ имѣній, но все, что я дѣлалъ отъ простоты сердца, съ усердіемъ искреннимъ, нелицемѣрнымъ. Я такъ высоко уважалъ папу, что былъ увѣренъ, что кто отступаетъ отъ него въ малѣйшей чертѣ закона, тотъ осужденъ навѣкъ и становится добычею дьявола". Двадцати лѣтъ онъ впервые читалъ библію, произведшую на него большое впечатлѣніе; преимущественно заинтересовали его посланія апостола Павла. Изъ отцовъ церкви онъ полюбилъ бл. Августина, а изъ мистиковъ познакомился съ Таулеромъ, Сузо и Эккартомъ, разсматривавшими религію, какъ внутренній актъ вѣрующей души. Лютеръ выбралъ себѣ карьеру ученаго теолога. Въ Эр-

фуртѣ онъ видался съ картезіанскими монахами, строгій образъ жизни которыхъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и въ 1505 г. самъ поступилъ въ августинскій монастырь, думая, что только тамъ можно спастись. Поступленіе это совершилось, однако, не безъ борьбы. Онъ получилъ тогда степень магистра, и передъ нимъ открывалась лучшая дорога; да и отецъ, узнавъ, что сынъ намѣревался сдѣлаться монахомъ, совершенно съ нимъ разссорился.

Въ монастырѣ Лютеръ строго исполнялъ всѣ обязанности монаха. Но аскетическіе подвиги не могли перемѣнить его тревожнаго душевнаго состоянія: онъ все мучился сознаніемъ своей грѣховности. постился, молился, не спалъ по ночамъ, истязалъ себя и, чувствуя себя недостойнымъ, подолгу не рѣшался причащаться. Въ предисловіи къ изданію всѣхъ своихъ сочиненій онъ самъ писалъ впослѣдствіи: „Пусть читатель не забываетъ, что я былъ монахомъ и отъявленнымъ папистомъ, до такой степени проникнутымъ и поглощеннымъ доктриною папства, что, если бы только могъ, готовъ былъ бы или самъ убивать, или желать казни тѣхъ, кто отвергалъ, хотя на одну іоту, повиновеніе папѣ. Защищая папу, прибавляетъ онъ, я не оставался холоднымъ кускомъ льда, какъ Эккъ и ему подобные, которые, право, сдѣлались, какъ мнѣ казалось, защитниками папы скорѣе ради своего толстаго брюха, чѣмъ по убѣжденію въ важности этого предмета. Даже болѣе: мнѣ и до сихъ поръ кажется еще, что они насмѣхаются надъ папой, какъ истые эпикурейцы. Я же отдавался доктринѣ всѣмъ сердцемъ, какъ человѣкъ, который страшно боится дня суднаго, и, несмотря на то, желаетъ спастись, желаетъ этого съ трепетомъ, проникающимъ до мозга костей“. Все это время Лютера преслѣдовала мысль о грѣховности; сомнѣніе въ возможности собственнаго спасенія наполняло его душу и не давало ему покоя. Ему казалось недостойнымъ дѣломъ слагать съ себя бремя грѣховъ внѣшними дѣлами, иногда чисто формальнаго характера. Его мучили разныя сомнѣнія. Ветхо-завѣтный Богъ гнѣва и мести внушалъ ему одинъ страхъ; его очень смущало изреченіе: „правосудіе Божіе есть гнѣвъ Божій“, и онъ даже думалъ, что лучше было бы, если бы Богъ не открывалъ евангелія, ибо кто же можетъ любить Бога гнѣвнаго и осуждающаго. Разрѣшеніе своихъ сомнѣній Лютеръ нашелъ у бл. Августина, учившаго объ оправданіи посредствомъ вѣры и чрезъ избраніе Божіе, если вѣра эта правая и совершенная; нашелъ его также у мистиковъ, отдававшихъ внутреннему настроенію преимущество передъ внѣшними дѣлами, и въ изреченіи пророка Аввакума: „праведный отъ вѣры живъ будетъ“. Эти слова онъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что праведный есть именно человѣкъ, оправданный передъ Богомъ своею вѣрою, и что правда Божія дѣлаетъ блажен-

ными всѣхъ вѣрующихъ въ него. Эти мысли, какъ извѣстно, и сдѣлались исходнымъ пунктомъ протестантской теологіи. Много содѣйствовалъ разрѣшенію сомнѣній Лютера въ указанномъ смыслѣ Іоганнъ Штаупицъ, генеральный викарій августинскаго ордена. Между тѣмъ въ 1502 г. въ Виттенбергѣ курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый основалъ университетъ, и Штаупицъ рекомендовалъ ему (1509) Лютера на каѳедру философіи, которую впослѣдствіи, получивъ степень доктора богословія, онъ промѣнялъ на каѳедру богословія. Сначала Лютеръ долго отъ этого отказывался. Тотъ же Штаупицъ уговорилъ его потомъ сдѣлаться проповѣдникомъ. На слушателей Лютеръ производилъ сильное впечатлѣніе своимъ искреннимъ и убѣжденнымъ словомъ. Его проповѣди имѣли большой успѣхъ. Новыя занятія оставляли ему мало времени и для аскетическихъ подвиговъ, но онъ продолжалъ имъ предаваться попрежнему. Въ 1510 г. исполнилось давнишнее желаніе Лютера: по дѣламъ ли ордена или въ силу стараго обѣта онъ отправился въ Римъ. Этому путешествію впослѣдствіи приписывали большое вліяніе на измѣненіе его отношенія къ католицизму, но хотя его и скандализировало весьма многое въ образѣ мыслей жизни итальянскаго духовенства, но его впечатлѣнія тогда не были еще обобщены, и онъ возвратился въ Виттенбергъ изъ Италіи добрымъ католикомъ, хотя и съ нерасположеніемъ нѣмца къ итальянскимъ порокамъ. На родинѣ онъ продолжалъ свои богословскія занятія и сталъ изучать греческій и еврейскій языки; лишь въ этомъ періодѣ его жизни мы впервые замѣчаемъ вліяніе на него богословскихъ идей Эразма и нѣкоторое сближеніе съ гуманистами; по крайней мѣрѣ, во время рейхлиновскаго спора онъ выразилъ Рейхлину свое сочувствіе, хотя былъ очень недоволенъ „Письмами темныхъ людей“.

Въ 1717 г. въ окрестностяхъ Виттенберга появился продавать индульгенціи монахъ Іоаннъ Тетцель [1]), человѣкъ наглый, говорившій, что отпущеніе грѣховъ посредствомъ индульгенцій имѣетъ большее значеніе, чѣмъ самое крещеніе, что всякій, кто купитъ индульгенцію, будетъ въ лучшемъ состояніи, нежели былъ Адамъ до своего грѣхопаденія, и т. п. Чуткую религіозную совѣсть Лютера оскорбляло поведеніе Тецеля, но не такъ, какъ оскорбляло оно многихъ его современниковъ, порицавшихъ нахальство продавцевъ, суевѣрную безнравственность покупателей, денежныя вымогательства куріи съ нѣмцевъ; ученіе объ индульгенціяхъ, въ основѣ котораго лежалъ взглядъ на грѣхъ, какъ на чисто формальное нарушеніе закона, формальнымъ же образомъ и могущее быть заглаженнымъ, находилось въ рѣзкомъ

---

[1]) *Paulus*. Johann Tetzel, der Ablassprediger.

противорѣчіи съ тою религіозною мыслью, выстраданною Лютеромъ въ тиши его монастырской кельи и сдѣлавшейся главнымъ предметомъ его богословскихъ занятій. Весьма естественно, что онъ выступилъ съ проповѣдью, осуждавшей торгъ индульгенціями, но такъ какъ, несмотря на это, Тецель находилъ еще многихъ покупателей своего товара, то Лютеръ обратился съ письмомъ къ нѣмецкимъ епископамъ. Отъ большинства онъ не получилъ никакого отвѣта, и лишь одинъ совѣтовалъ ему не мѣшаться не въ свое дѣло. Тогда осенью того же года (31 окт.) онъ прибилъ на дверяхъ церкви виттенбергскаго замка свои 95 тезисовъ, развивъ въ нихъ ученіе о покаяніи, о дѣйствіи Божьей благодати, объ оправданіи вѣрою; но осуждая въ нихъ поведеніе Тецеля, Лютеръ не думалъ ни о разрывѣ съ церковью, ни о порицаніи ея ученій и папы. Онъ строго отдѣлялъ ихъ отъ „проповѣдника отпущенія“. Конечно, онъ не предвидѣлъ, что̀ изъ этого должно было выйти. „Я былъ одинъ, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, и неосторожностью вовлеченъ въ это дѣло; я не только уступалъ папѣ во многомъ, но даже чистосердечно обожалъ его. Ибо кто я былъ тогда? Ничтожный монахъ, походившій скорѣе на трупъ, чѣмъ на живое существо“. Дѣло просто заключалось въ томъ, что тогда существовалъ обычай, по которому каждый, защищавшій какое-нибудь ученіе, выставлялъ изложеніе его на видномъ мѣстѣ и этимъ вызывалъ другихъ ученыхъ на диспутъ. Вотъ чего въ сущности желалъ и Лютеръ, но вышло то, чего онъ не предвидѣлъ; тезисы распространились по всей Германіи, ихъ читали и толковали, и этимъ самъ Лютеръ былъ не особенно доволенъ. Противъ него выступилъ Тецель, и нѣкоторые ученые (Гохштратенъ въ Кельнѣ, Эккъ въ Ингольштадтѣ) доказывали, что ученіе Лютера о безполезности добрыхъ дѣлъ еретическое. Студенты виттенбергскаго университета собрали нѣсколько сотенъ экземпляровъ тезисовъ Тецеля и торжественно сожгли ихъ на кострѣ. Тецель пожаловался папѣ; Лютеръ призванъ былъ въ Римъ къ отвѣту, но курфюрстъ саксонскій не хотѣлъ его пускать, боясь за судьбу своего любимаго проповѣдника. Самъ папа Левъ X, впрочемъ, во всемъ этомъ дѣлѣ видѣлъ лишь споръ монаховъ двухъ разныхъ орденовъ, и къ тому же ему не хотѣлось сталкиваться враждебно съ покровительствовавшимъ Лютеру княземъ, самымъ вліятельнымъ во всей Германіи, имѣя нужду въ нѣмецкихъ деньгахъ на предполагавшуюся большую войну съ турками. Отъ него на сеймъ въ Аугсбургъ поѣхалъ (1518), въ качествѣ легата, ученый кардиналъ Томасъ Віо (Каетанъ), ему между прочимъ поручено было убѣдить Лютера прекратить свою полемику. Каетанъ своего, однако, не добился; денегъ ему не дали, а разговоръ съ Лютеромъ принялъ характеръ богословскаго диспута, въ которомъ оба они горячились и кричали другъ на

друга. Еще раньше Лютеръ написалъ папѣ объяснительное письмо, отвѣтомъ на которое былъ вызовъ въ Римъ, замѣненный по ходатайству покровителей требованіемъ явиться въ Аугсбургъ, гдѣ и произошло объясненіе его съ Каетаномъ. Опасаясь чего-либо худого, Лютеръ ночью бѣжалъ изъ Аугсбурга въ Виттенбергъ и издалъ „appellationem a papa male informato ab papam melius informandum“, но когда это обращеніе осталось безъ отвѣта, онъ апеллировалъ ко вселенскому собору на папу. Между тѣмъ Левъ X послалъ въ Саксонію ловкаго и вкрадчиваго саксонца Мильтица. Ему удалось прійти къ соглашенію съ Лютеромъ въ двухъ пунктахъ: 1) обѣ стороны должны были перестать проповѣдовать, писать и разсуждать по спорному вопросу, и 2) Мильтицъ долженъ былъ передать дѣло папѣ, который и назначитъ ученаго епископа для его изслѣдованія. Какъ Лютеръ все это время относился къ папѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго его письма къ Льву X: „Святѣйшій отецъ! Да удостоитъ Ваше Святѣйшество обратить свой отеческій слухъ, какъ бы слухъ самого Христа, къ Вашей бѣдной овцѣ и выслушать милостиво ея блеяніе. Что̀ дѣлать мнѣ, Отецъ Святѣйшій! Я не могу переносить Вашего гнѣва и я не знаю, какъ его избѣжать. У меня требуютъ отреченія. Я поспѣшилъ бы это сдѣлать, если бы это повело къ предположенной цѣли. Преслѣдованія моихъ противниковъ распространили далеко мои сочиненія, и они слишкомъ глубоко запали въ сердца, чтобы ихъ оттуда искоренить. Отреченіе только еще болѣе нанесло бы ущерба римской церкви и въ уста всѣхъ вложило бы противъ нея новыя обвиненія. Святѣйшій Отецъ! Объявляю предъ лицомъ Бога и всѣхъ его твореній: я никогда не желалъ, да и теперь отнюдь не желаю дѣлать покушенія насиліемъ или хитростью на власть римской церкви и Вашего Святѣйшества. Я признаю, что ничто ни на небѣ, ни на землѣ не можетъ быть поставлено выше этой церкви, кромѣ Христа, Господа всѣхъ“. Такимъ образомъ Лютеръ изъявлялъ готовность отречься отъ своего ученія, но подъ условіемъ, чтобы его опровергли, и свое молчаніе ставилъ въ зависимость отъ молчанія своихъ противниковъ, отказываясь безусловно подчиниться рѣшенію авторитета. Ему, однако, пришлось нарушить данное обѣщаніе. Это произошло такъ: докторъ Экkъ, занимавшій каѳедру въ ингольштадтскомъ университетѣ и бывшій съ Лютеромъ, повидимому, въ пріятельскихъ отношеніяхъ, написалъ возраженія на 95 тезисовъ и сталъ ихъ распространять въ рукописи. На защиту Лютера выступилъ его другъ, профессоръ виттенбергскаго университета Карльштадтъ. Между обоими учеными началась полемика. Осенью 1518 г. Лютеръ видѣлся съ Эккомъ, и они условились, что послѣдній выступитъ на диспутъ съ Карльштадтомъ, „дабы показать, что ученые могутъ и мирно ула-

живать свои споры". Карльштадтъ на это согласился, и мѣстомъ диспута былъ выбранъ Лейпцигъ. Съ трудомъ добились разрѣшенія на устройство диспута, а между тѣмъ Эккъ въ новой брошюрѣ, направленной противъ Карльштадта, задѣлъ и Лютера, который, впрочемъ, и самъ раньше возражалъ Экку. Узнавъ объ этомъ новомъ на него нападеніи, Лютеръ отказался отъ исполненія даннаго Мильтицу обѣщанія. Онъ явился на диспутъ и принялъ въ немъ участіе. Пренія происходили въ залѣ герцогскаго замка, въ которой поставлены были двѣ каѳедры. Сначала (съ 28 іюня) диспутъ велся между Эккомъ и Карльштадтомъ, потомъ (4 іюля) выступилъ и Лютеръ, начавъ съ заявленія своей покорности папѣ: „Во имя Господа, сказалъ онъ, я объявляю, что уваженіе, которое я питаю въ верховному первосвященнику, заставило бы меня не участвовать въ этомъ диспутѣ, если бы почтенный докторъ Эккъ не увлекъ меня". Два дня спорили они объ оправданіи и добрыхъ дѣлахъ, но никакого соглашенія между ними не состоялось. Между прочимъ Эккъ затронулъ вопросъ о папскомъ авторитетѣ, ибо „церковь безъ главы была бы чудовищемъ" (nam quod monstrum esset ecclesiam esse acephalam). Лютеръ, обращаясь къ публикѣ, сказалъ на это: „Когда господинъ докторъ объявляетъ необходимость, чтобы вселенская церковь имѣла главу, онъ дѣлаетъ хорошо. Если есть кто-либо противнаго мнѣнія, пусть встанетъ, но меня это не касается". На вопросъ Экка, кто же этотъ глава, если не папа, Лютеръ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что главою церкви, хотя и невидимымъ, нужно считать Іисуса Христа, и что нужно еще доказать древность папства, какъ установленія болѣе ранняго, чѣмъ первые четыре вѣка. Эккъ, превосходившій Лютера въ познаніяхъ по исторіи церкви и каноническому праву, опровергъ его, но Лютеръ сталъ тогда доказывать, что его противникъ правъ лишь по отношенію къ латинской церкви; единство для нея вышло изъ Рима, но для Востока оно вышло изъ Іерусалима, такъ какъ греки не признаютъ папской власти. Говоря такъ, Лютеръ видѣлъ въ папѣ только избранника западной церкви, а не намѣстника, поставленнаго надъ всею церковью самимъ Богомъ. Это дало Экку поводъ сказать: „Я нахожу, что въ твоемъ ученіи есть сходство съ гуситствомъ". Гуса въ Германіи ненавидѣли, и Эккъ хотѣлъ такою ссылкою погубить Лютера въ глазахъ собранія, но тотъ отвѣчалъ: „Я не люблю и никогда не полюблю раскола. Такъ какъ чехи сами-собою отдѣляются отъ нашего единства, они дѣлаютъ дурно, если бы даже божественное право было на сторонѣ ихъ ученія, ибо высшее божественное право — любовь и единеніе духа". (Замѣтимъ, что съ ученіемъ Гуса Лютеръ познакомился еще въ эрфуртскомъ монастырѣ и тогда еще очень испугался, когда увидѣлъ, что его собственныя мнѣ-

нія сходятся во многомъ съ мнѣніями сожженнаго еретика). Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ прибавить, что „между параграфами Яна Гуса и чеховъ есть вполнѣ христіанскіе“, какъ, напр., „такое утвержденіе: есть вселенская церковь, или другое: для спасенія не нужно вѣрить въ главенство римской церкви и ея первенство надъ другими. Виклифъ ли это сказалъ, заключилъ онъ, Гусъ ли — все равно. Это истина“. Такія слова произвели сильное волненіе въ собраніи, но это не испугало Лютера, и онъ продолжалъ: „греки никогда не признавали власти папы, но ихъ объявляли еретиками“. Когда Эккъ сгоряча объявилъ, что „христіанская церковь и римская одна и та же“, и что греки—еретики, Лютеръ возразилъ ему: „Григорій Назіанзинъ, Василій Великій, Епифаній, Златоустъ не вѣрили въ верховенство римской церкви, такъ неужели они должны быть признаны еретиками?“ Эккъ думалъ вывернуться шуткой: „почтенный отецъ не понимаетъ кухоннаго искусства, мѣшая святыхъ и еретиковъ греческихъ, такъ что запахъ святости однихъ заглушаетъ ядъ другихъ“. На его замѣчаніе, что первенство папы подтверждено констанцскимъ соборомъ, Лютеръ отвѣтилъ непризнаніемъ безусловной авторитетности соборнаго рѣшенія. „Почтенный отецъ, сказалъ тогда Эккъ, если, по-вашему, соборъ, законно собранный, можетъ погрѣшать, вы для меня язычникъ и мытарь“. Такъ окончился лейпцигскій диспутъ, на которомъ произошелъ разрывъ Лютера съ церковью. Мысли, высказанныя имъ въ пылу спора, уже таились раньше въ глубинѣ его души, но онъ не рѣшался признаться самому себѣ въ томъ, какъ далеко разошелся онъ съ церковью, продолжая увѣрять себя, что онъ все еще стоитъ на церковной почвѣ. Послѣ этого у папы вынудили буллу, проклинавшую и отлучавшую Лютера отъ церкви, но многіе князья не хотѣли обнародовать этой буллы, а Фридрихъ Мудрый прямо отказался ее принять. Самъ Лютеръ 10 декабря 1520 года, въ сопровожденіи многихъ профессоровъ и студентовъ виттенбергскаго университета и жителей города, вышелъ загородъ и торжественно сжегъ ее на кострѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми книгами, на которыхъ основывалась папская власть.

Незадолго передъ этимъ (въ іюнѣ 1520 г.) Лютеръ издалъ политическую брошюру, адресованную „Его императорскому величеству и христіанскому дворянству нѣмецкой націи“. Стоя главнымъ образомъ на почвѣ національной оппозиціи, онъ приглашалъ въ ней Карла V и его ближайшихъ слугъ освободить Германію отъ ига, наложеннаго на нее папствомъ, и заявлялъ главные принципы, которые потомъ легли въ основу его реформаціи, т.-е. отрицаніе іерархіи и священства, отмѣну папской власти и церковнаго землевладѣнія, прекращеніе целибата духовныхъ лицъ и т. д. За этою брошюрою

послѣдовала другая (въ октябрѣ)—„О вавилонскомъ плѣненіи церкви", гдѣ церковь представляется какъ бы въ плѣну у папы и отрицаются католическія таинства, за исключеніемъ крещенія и соединеннаго съ покаяніемъ причащенія. „По какому праву, спрашиваетъ здѣсь Лютеръ, установляетъ папа надъ нами законы? Кто далъ ему власть поработить свободу, сообщенную намъ крещеніемъ? Я говорю: ни папа, ни епископъ, ни какой бы то ни было человѣкъ не имѣетъ права установить хотя единую букву надъ христіаниномъ, если не будетъ на то его собственнаго согласія: что́ дѣлается иначе, дѣлается въ тиранническомъ духѣ". Наконецъ, въ отвѣтъ на папское проклятіе Лютеръ выпустилъ въ свѣтъ еще одну брошюру—„Противъ буллы антихриста". Лютеръ искалъ союзниковъ для своего дѣла и возлагалъ надежды на вновь избраннаго императора Карла V, тогда какъ послѣдній обѣщалъ папѣ за поддержку въ Италіи противъ Франціи уничтожить ересь въ Германіи. „Если,—писалъ Лютеръ, обращаясь къ Карлу,—если дѣло, которое я защищаю, достойно предстать предъ престолъ небеснаго величества, оно не должно быть недостойно занять вниманіе государя земного. О, Карлъ, государь земныхъ королей! Я бросаюсь съ мольбой на колѣни передъ вашимъ свѣтлѣйшимъ величествомъ и заклинаю васъ принять подъ покровъ свой не меня, но самое дѣло вѣчной истины, для защиты которой Богъ поручилъ вамъ владѣть мечемъ". „Папа, писалъ онъ еще, видя невозможность подчинить своей волѣ прежнихъ господъ Римской имперіи, придумалъ отнять у нихъ ихъ титулъ и ихъ имперію и отдать ихъ намъ, нѣмцамъ. Такъ и вышло, но мы сдѣлались слугами папскими. Ибо папа овладѣлъ Римомъ и клятвенно принудилъ императора никогда тамъ не жить, такъ что императоръ сдѣлался императоромъ римскимъ безъ Рима. У насъ имя, у папы страна и города. У насъ титулъ и гербъ имперіи, у папы ея достояніе, власть, привилегіи и свобода. Будемъ дѣйствовать согласно съ своимъ именемъ. Римляне хвастаются, что передали намъ имперію, такъ возьмемъ же то, что намъ принадлежитъ. Пусть папа уступитъ намъ Римъ и все, чѣмъ онъ завладѣлъ въ имперіи. Пусть Имперія будетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть имперія, и пусть мечъ государей не склоняется болѣе предъ лицемѣрными притязаніями папы".

Такъ совершилось отпаденіе Лютера отъ католической церкви. Аскетъ, папистъ и теологъ, онъ только постепенно, съ великой внутренней борьбой отложился отъ старой церкви. Исходнымъ пунктомъ его протеста былъ принципъ религіозный, богословское ученіе, которое онъ выносилъ въ душѣ своей, вовсе не думая, что оно приведетъ его къ возстанію противъ папской власти и церковныхъ установленій и сдѣлаетъ изъ него религіознаго реформатора, народнаго вождя въ

національной борьбѣ съ римской куріей и сообщника свѣтской власти въ ея старыхъ счетахъ съ властью духовною. Заявленія Лютера на лейпцигскомъ диспутѣ и въ трехъ названныхъ сочиненіяхъ были логическимъ результатомъ переворота, совершившагося въ его душѣ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что и въ это время, и позднѣе (на вормскомъ сеймѣ 1521 г.), онъ выступалъ, *какъ представитель религіознаго индивидуализма*: онъ училъ, что оправдываетъ человѣка передъ Богомъ только его личная вѣра; онъ соглашался измѣнить свой взглядъ лишь подъ условіемъ такого доказательства, которое, опровергая его мнѣнія, было бы лично для него убѣдительно, онъ отрицалъ за кѣмъ бы то ни было право установить хотя бы одну только букву надъ совѣстью христіанина. Логическимъ выводомъ отсюда должно было быть отверженіе всего внѣшняго въ дѣлѣ вѣры, всего покоящагося на какомъ-либо другомъ авторитетѣ, кромѣ св. писанія, какъ божественнаго откровенія, которому должна подчиняться вѣрующая совѣсть, наконецъ отверженіе какой бы то ни было духовной власти, ибо каждый христіанинъ, говорилъ Лютеръ, есть священникъ. Мы увидимъ, что онъ не удержался на этой точкѣ зрѣнія: старыя привычки теолога и паписта съ теченіемъ времени должны были взять свое; крайнія религіозныя ученія, основывавшіяся на аналогичномъ же принципѣ, заставили Лютера позднѣе отказать отъ послѣдовательнаго его примѣненія; интересы начатой имъ реформы церкви наводили его на мысль о необходимости союза съ свѣтскою властью, и Лютеръ, какъ устроитель новой церкви (послѣ 1522 г.), является передъ нами совсѣмъ другимъ, чѣмъ Лютеръ 1517—1521 гг.

VI. Эпоха вормскаго сейма [1]).

Впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Лютера въ Германіи — Новые памфлеты Гуттена.—Отношеніе Лютера къ Гуттену.—Отношеніе Карла къ дѣлу Лютера.—Продолженіе Лютеровой полемики съ папой. — Стойкость Лютера. — Вормскій сеймъ.—Вормскій эдиктъ.—Лютеръ въ Вартбургѣ.—Распространеніе идей Лютера.

Девяносто пять тезисовъ сразу сдѣлали имя Лютера необыкновенно популярнымъ въ Германіи. До 1517 г. онъ былъ извѣстенъ

---

[1]) Для исторіи общественнаго возбужденія въ Германіи около 1521 года см. *August Baur*. Deutschland in den Jahren 1517—1525 betrachtet im Lichte gleichzeitiger anonymer und pseudonymer deutscher Volks- und Flugschriften. *Jörg*. Deutschland in der Revolutionsperiode (1521 — 26). Сторонники Лютера: *Jäger*. Andreas Bodenstein von Karlstadt.—*Schmidt*. Melanchton's Leben.—*Hartfelder*. Philipp Melanchton, als Praeceptor Germanial.—Въ 1897 г. по случаю

только въ болѣе тѣсномъ кругу своихъ виттенбергскихъ почитателей, къ которымъ принадлежалъ и самъ курфюрстъ, его государь, и извѣстность эта основывалась исключительно на его успѣшной дѣятельности проповѣдника. Лютеръ обладалъ счастливымъ даромъ убѣжденія, и искренность его обращеній къ слушателямъ, горячность, съ какою онъ излагалъ имъ религіозное ученіе, убѣдительность его аргументовъ привлекали на его проповѣди всегда большую толпу, тѣснившуюся у его каѳедры и слушавшую его съ напряженнымъ вниманіемъ. Девяносто пять тезисовъ появились какъ разъ въ то время, когда еще не успѣло улечься общественное возбужденіе, произведенное гуманистическою борьбою съ кельнскими богословами и ихъ сторонниками, когда общество находилось еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Писемъ темныхъ людей". Въ образованныхъ кругахъ стали съ большимъ интересомъ слѣдить за полемикой между Лютеромъ и его противниками. У Лютера явились и сторонники, взявшіе на себя его защиту. Таковъ былъ, напр., виттенбергскій же профессоръ, человѣкъ схоластическаго образованія, Карльштадтъ, диспутировавшій съ Эккомъ въ Лейпцигѣ; таковъ былъ гуманистъ Филиппъ Меланхтонъ (собственно Шварцертъ), родственникъ и ученикъ Рейхлина, впослѣдствіи помощникъ Лютера. Лейпцигскій диспутъ сразу поднялъ Лютера на большую высоту въ общественномъ мнѣніи, а папская булла 1520 г. и страстныя воззванія самого Лютера, выпущенныя въ томъ же году, дѣлали его живымъ воплощеніемъ національной и религіозной оппозиціи Риму. Эти годы замѣчательны еще тѣмъ, что тогда происходило *сближеніе между будущимъ реформаторомъ, съ одной стороны, и гуманистами и политиками съ другой*, сближеніе временное, не имѣвшее подъ собою прочной почвы, но весьма характерное для настроенія, переживавшагося Германіей передъ самымъ началомъ революціоннаго движенія 1522—1525 г. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно поведеніе Ульриха фонъ-Гуттена, видѣвшаго сначала въ виттенбергскихъ спорахъ монашескую грызню и возлагавшаго надежду на то, что монахи во взаимной враждѣ уничтожатъ другъ друга. Смѣлость, съ какою Лютеръ выступилъ противъ папства, привлекла на его сторону Ульриха фонъ-Гуттена. Мы уже упоминали объ его памфлетахъ 1520—1521 гг., о его „Жалобѣ и увѣщаніи противъ непомѣрной и нехристіанской власти римскаго папы". „Прежде, говоритъ онъ въ этомъ памфлетѣ, я писалъ по-латыни, которая не всякому знакома; теперь я взываю къ отечеству,

---

четырехсотлѣтняго юбилея Меланхтона вышли соч. о немъ *Wilson'a*, *Deane* (оба англ,), *Kauffmann*'а, *Haupt*'а, *Sell*'я и др. Болѣе новый трудъ (1902 г.) о Меланхтонѣ написанъ *Ellinherr*'омъ, ср. *Kawerau*. Die Versuche Melanchthon's zur katholischen Kirche zurückzuführen.

къ нѣмецкой націи на ея языкѣ—отмстить за эти дѣла" (zu bringen diesen Dingen Rach). Подобно Лютеру, который обращался къ императору и христіанскому дворянству нѣмецкой націи, и Гуттенъ взываетъ къ государямъ и правящимъ классамъ: „Надѣюсь, говоритъ онъ, это сдѣлаютъ многіе рыцари, многіе графы и дворяне и многіе граждане, также слишкомъ много тяготящіеся этими дѣлами въ своихъ городахъ, чтобы мой призывъ остался безъ отвѣта. Впередъ, съ нами Богъ! Кто захочетъ остаться позади въ такомъ дѣлѣ. Я отважился—таковъ мой лозунгъ!" Въ другомъ памфлетѣ („Оправданіе") онъ писалъ, что всегда обращался къ императору и государямъ съ увѣщаніемъ вступиться въ дѣло, провести реформу, необходимость которой очевидна, ибо, доказываетъ онъ, должно опасаться, что если власти не вступятся, а безчинства куртизановъ и бездушныхъ духовныхъ лицъ дойдутъ до крайности, то грубая толпа и безсмысленная чернь (gemeiner Hauf und das unsinnige Volk) возстанетъ и безъ смысла сокрушитъ все. Впослѣдствіи Гуттенъ самъ приглашалъ эту толпу и этотъ народъ къ дѣйствію, но пока онъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Лютеръ. Онъ тоже въ посланіи къ нѣмецкому дворянству говорилъ, что когда реформы требуютъ свѣтскіе государи, то церковь отвѣчаетъ, будто свѣтская власть не должна мѣшаться въ церковныя дѣла,—и выражалъ желаніе, чтобы Карлъ V занялся реформой. Только неудачный исходъ вормскаго сейма заставилъ Гуттена отказаться отъ надежды на проведеніе реформы сверху. Въ ту же зиму 1520—1521 г. Гуттенъ написалъ латинскій діалогъ „Булла и буллоубійца", въ которомъ драматически изображаетъ борьбу буллы со свободою, влагая въ уста послѣдней такія слова: „на помощь, сограждане! Защитите угнетенную свободу! Неужели никто не рѣшится вступиться за меня? Неужели здѣсь нѣтъ никого истинно свободнаго, никого стремящагося къ добру, никого любящаго право и справедливость, ненавидящаго обманъ и преступленіе?" И Гуттенъ прибавляетъ, что „чей бы ни былъ этотъ кличъ, онъ долженъ вступиться, разъ онъ слышитъ призывъ. Посмотрю, продолжаетъ онъ, что тамъ дѣлается. Вижу дѣло идетъ о свободѣ. Надо бѣжать. Что тутъ такое? Кто кличетъ? Свобода! Свободу угнетаютъ, Гуттенъ! Это я, я зову!" Въ двухъ другихъ діалогахъ („Предостерегатели") Гуттенъ выводитъ, въ одномъ—Лютера, въ другомъ—своего друга Зиккингена, разговаривающими съ людьми, которые хоть и порицаютъ злоупотребленія римской церкви, но еще болѣе порицаютъ возстаніе противъ нея. Собесѣдникъ указываетъ Зиккингену, что всѣ подымавшіеся противъ церкви кончали дурно. „А чехъ Жижка? спрашиваетъ рыцарь. Онъ оставилъ послѣ себя славу, что освободилъ свое отечество отъ ига, выгналъ изъ всей

Богеміи недостойныхъ тварей, лѣнивыхъ поповъ и безполезныхъ монаховъ, имущества ихъ частью возвратилъ наслѣдникамъ жертвователей, частью обратилъ на пользу общественную и т. д.". На панегирикъ Жижкѣ собесѣдникъ замѣчаетъ, что Зиккингенъ, повидимому, не прочь самъ подражать Жижкѣ, — и получаетъ въ отвѣтъ, что, „конечно, не прочь, если добромъ не удастся сладить". Памфлетъ этотъ писался, когда ходъ дѣлъ на вормскомъ сеймѣ не внушалъ нетерпѣливому Гуттену особаго довѣрія. Во время этого сейма, открывшагося 28 января 1521 г., Гуттенъ особенно волновался, издавъ, наприм., еще двѣ инвективы противъ бывшихъ на сеймѣ папскихъ легатовъ. Лютера начинало смущать поведеніе его защитника, и онъ писалъ своему другу Спалатину, духовнику и старшему секретарю Фридриха Мудраго (бывшаго однимъ изъ историковъ реформаціи): „ты видишь, къ чему стремится Гуттенъ, но я не хочу, чтобы евангеліе отстаивали насиліемъ и убійствомъ; въ этомъ смыслѣ я и писалъ ему. Словомъ побѣжденъ міръ, словомъ сохранялась церковь, словомъ же она и возстановится". Лютеру было также очень непріятно, когда подъ конецъ сейма въ Вормсѣ явилось воззваніе четырехсотъ рыцарей, соединившихся за Лютера. Онъ говорилъ, что тутъ дѣйствуетъ хитрость его враговъ, желающихъ его погубить, приписывая ему мятежныя связи.

Прошло меньше двухъ мѣсяцевъ послѣ сожженія буллы, когда собрался въ Вормсѣ сеймъ, на которомъ въ первый разъ присутствовалъ новый императоръ. Левъ X былъ, какъ это тогда же открылось, противъ избранія Карла V и еще весной 1520 года повѣренный императора Мануэль писалъ ему: „ваше величество должны поѣхать въ Германію и тамъ оказать нѣкоторую благосклонность нѣкоему Мартину Лютеру, который находится при саксонскомъ дворѣ и предметомъ своей проповѣди внушаетъ опасенія римской куріи". Но позднѣе, какъ было уже упомянуто, между Карломъ V и папой состоялась сдѣлка: Левъ X-й долженъ былъ помогать императору противъ Франціи, Карлъ же обязывался содѣйствовать уничтоженію ереси въ Германіи. Между тѣмъ борьба Лютера съ папою продолжалась, и Левъ X подтвердилъ проклятіе смѣлаго монаха новою буллою, которую послѣдній послѣ издалъ съ своими комментаріями, могущими служить образчикомъ его полемики [1]). „Левъ, епископъ, гласила булла (епископъ, какъ волкъ, бываетъ пастухомъ, ибо епископъ долженъ поучать по закону спасенія, а не изрыгать проклятій), рабъ рабовъ Божіихъ (вечеромъ, когда мы пьяны, а утромъ мы прозываемся „господинъ всѣхъ господъ"). Римскіе епископы, наши предшественники, имѣли обычай въ этотъ праздникъ (чистый четвергъ)

[1]) Эти комментаріи заключены нами въ скобки.

употреблять оружіе правосудія (которое, по-твоему—отлученіе и анаѳема, а по апостолу Павлу—терпѣніе, кротость и милосердіе). По праву и обязанностямъ апостольскимъ и для поддержанія чистоты христіанской вѣры (т.-е. свѣтскихъ владѣній папы) и единства ея, состоящаго въ единеніи членовъ съ главою Христомъ и его намѣстникомъ (мало одного Христа—другой нуженъ еще), чтобы сохранить святое общеніе вѣрныхъ, мы слѣдуемъ древнему обычаю и мы отлучаемъ и проклинаемъ во имя Всемогущаго Бога Отца (о которомъ сказано: Богъ не посылалъ Своего Сына въ міръ, дабы судить міръ) и Сына Святого Духа и по власти апостоловъ Петра и Павла и нашей собственной (и я тутъ тоже, говоритъ волкъ пожирающій, будто могущество Бога безъ него слишкомъ слабо). Мы проклинаемъ всѣхъ еретиковъ (ибо они хотѣли обладать Св. Писаніемъ и требовали, чтобы папа былъ воздерженъ и проповѣдовалъ слово Божіе)... и Мартина Лютера, недавно осужденнаго нами за подобную ересь, и всѣхъ его приверженцевъ и всѣхъ, кто бы они ни были, которые окажутъ ему какое-либо расположеніе (Благодарю тебя, любезный первосвященникъ, за то, что ты меня осуждаешь со всѣми этими христіанами; для меня это честь, что имя мое провозглашено въ Римѣ въ праздникъ такъ торжественно и теперь обходитъ весь міръ съ именемъ всѣхъ этихъ смиренныхъ исповѣдниковъ Христа"). Когда Лютеръ былъ призванъ молодымъ императоромъ и чинами имперіи на вормскій сеймъ, многіе сторонники будущаго реформатора совѣтовали ему ограничиться оппозиціею противъ свѣтской власти папы, не касаясь религіи, и думали, что Лютеръ отречется отъ своихъ мнѣній. Но Лютеръ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ Спалатину, ведшему съ нимъ отъ имени Карла и Фридриха Мудраго переговоры о томъ, чтобы онъ отрекся отъ своего „Вавилонскаго плѣненія церкви": „Ожидайте отъ меня всего, но только не побѣга и не отреченія. Я не убѣгу и не отрекусь отъ своего сочиненія и отъ своего ученія, которое буду признавать до послѣдняго дня, хотя и увѣренъ, что собаки не успокоятся, пока не покончатъ со мною". Когда Лютеръ ѣхалъ въ Вормсъ, то ему устраивали на дорогѣ торжественныя встрѣчи: собирался народъ, и Лютеръ проповѣдовалъ. Друзья, опасаясь, какъ бы съ нимъ не приключилась въ Вормсѣ какая-либо бѣда, совѣтовали ему не ѣхать туда, но онъ отвѣчалъ: „если бы на дорогѣ къ Вормсу стояли костры и ихъ огонь доходилъ до неба, и если бы въ Вормсѣ было столько чертей, сколько черепицъ на крышахъ домовъ, то я и тогда бы поѣхалъ". Карлу, дѣйствительно, предлагали не исполнять даннаго Лютеру охранною его грамотою обѣщанія не причинять ему зла, но Карлъ не согласился на это.

Время вормскаго сейма было самымъ блестящимъ моментомъ въ жизни Лютера. Онъ не былъ еще основателемъ новой церкви, а отстаивалъ просто право человѣческой личности, свободу совѣсти, и его истинное величіе на этомъ сеймѣ заключалось въ томъ, что онъ торжественно, предъ лицомъ всего свѣта, заявлялъ, что въ жизни человѣка есть сторона, на которую не можетъ посягать никакая земная власть. Въ Вормсъ на сеймъ съѣхалось много народа. По улицамъ не было почти прохода. Лютеръ пошелъ въ ратушу, гдѣ происходили засѣданія, и солдаты должны были силою расталкивать толпящійся народъ. Сначала (17 апрѣля) Лютеръ смутился-было передъ блестящимъ собраніемъ и говорилъ нерѣшительно. Ему представили его сочиненія, спрашивая, признаетъ ли онъ ихъ за свои. Оправившись отъ смущенія, онъ отвѣчалъ, что отъ своихъ сочиненій догматическаго содержанія онъ не можетъ отказаться, такъ какъ не находитъ въ нихъ ничего дурного, и самая булла папы находитъ въ нихъ много хорошаго; что отречься отъ сочиненій, въ которыхъ онъ возставалъ противъ злоупотребленій духовенства, значило бы съ его стороны предать Германію грабежу, и что, наконецъ, онъ не можетъ отказаться также и отъ своихъ полемическихъ сочиненій, ибо это значило бы предоставить торжество своимъ врагамъ. Затѣмъ Лютеръ началъ говорить противъ непогрѣшимости папы и соборовъ, но его прервали такими словами: „ты не отвѣтилъ на сдѣланный тебѣ вопросъ. Ты здѣсь не для того, чтобы подвергать сомнѣнію то, что было рѣшено соборами. У тебя требуютъ прямого и яснаго отвѣта, хочешь ли ты или нѣтъ отказаться?“ И на это Лютеръ сказалъ: „Такъ какъ ваше свѣтлѣйшее величество и ваши высокія власти требуете отъ меня простого, точнаго и яснаго отвѣта, то я его вамъ дамъ безъ сучка и задоринки (dabo illud neque dentatum, neque cornutum). Вотъ онъ: я не могу подчинить своей вѣры ни папѣ, ни соборамъ, ибо ясно какъ день, что они часто впадали въ заблужденія и даже въ противорѣчія съ самими собою. Значитъ, если меня не убѣдятъ свидѣтельствами изъ писанія или очевидными доводами разума, если меня не убѣдятъ тѣми самыми мѣстами, которыя я привелъ, и если такимъ образомъ мою совѣсть не свяжутъ Словомъ Божіимъ, я не могу и не хочу отказываться ни отъ чего, ибо не подобаетъ христіанину говорить противъ своей совѣсти“. И затѣмъ, обращаясь къ собранію, онъ произнесъ: „Hier stehe ich. Ich kann nicht anders. Gott helfe mir. Amen“. Этотъ твердый отвѣтъ произвелъ впечатлѣніе на собраніе, но только не на холоднаго Карла V, сказавшаго, что его „этотъ монахъ не увлекъ бы въ ересь“. Во время рѣчи Лютера слышались громкія одобренія. Ландграфъ Филиппъ Гессенскій пришелъ къ нему потомъ на квар-

тиру и сказалъ: „если ты считаешь, что дѣло твое — Божіе, стой твердо на своемъ“. Имперскіе чины и общественное мнѣніе были на сторонѣ Лютера, и въ виду этого Карлъ долженъ былъ его отпустить, давъ ему приказъ уѣхать домой. На возвратномъ пути устраивались Лютеру многочисленныя оваціи, а самъ онъ написалъ записку къ другу своему, извѣстному живописцу Лукѣ Кранаху, въ которой высказалъ свой взглядъ на то, что случилось на вормскомъ сеймѣ: „Слуга твой, любезный кумъ, Лука! Я думалъ, что его величество соберетъ въ Вормсѣ человѣкъ пятьдесятъ докторовъ богословія, чтобы убѣдить, какъ слѣдуетъ, монаха. Совсѣмъ нѣтъ. Твои эти книги?— Да. — Отказываешься ты отъ нихъ? —Нѣтъ.—Такъ убирайся.—Вотъ и вся исторія“.. Около того же времени онъ написалъ къ Карлу V письмо, въ которомъ проводилъ границу между повиновеніемъ Богу и повиновеніемъ государю. Мало-по-малу изъ Вормса разъѣхались и князья, особенно расположенные къ Лютеру, и никто не ожидалъ какихъ бы то ни было новыхъ постановленій по его дѣлу, какъ вдругъ императоръ предложилъ остававшимся еще князьямъ написанный папскимъ нунціемъ Алеандромъ [1]) эдиктъ, помѣченный заднимъ числомъ, дававшій Лютеру двадцатидневный срокъ для отреченія, а въ случаѣ его отказа налагавшій на него опалу вмѣстѣ съ его послѣдователями, друзьями и покровителями, сочиненія же его обрекались на сожженіе. 26 мая эдиктъ этотъ былъ подписанъ Карломъ. Еще ранѣе того покровитель Лютера Фридрихъ Мудрый, понимая, что жизнь реформатора находилась въ опасности, задумалъ укрыть его на время. Когда Лютеръ возврашался домой, его схватили люди курфюрста и отвезли его въ Вартбургъ. Разнесся слухъ, что Лютера похитили враги его, а онъ между тѣмъ проживалъ въ вартбургскомъ замкѣ подъ именемъ рыцаря Георга. Здѣсь началъ онъ свой переводъ Библіи на нѣмецкій языкъ. Это дѣло не было совершенною новостью въ Германіи, такъ какъ переводы Библіи, хотя и уступавшіе лютерову по своимъ достоинствамъ, существовали уже раньше и были весьма распространены въ народѣ. Предпріятіе Лютера, оконченное только черезъ двѣнадцать лѣтъ, имѣло тѣмъ не менѣе большое значеніе для развитія нѣмецкаго литературнаго языка, не говоря о значеніи его для религіозной реформаціи, такъ какъ Библія стала теперь доступною для всѣхъ въ прекрасномъ переводѣ. Здѣсь же началъ онъ переводить на нѣмецкій языкъ и еврейскіе псалмы, чѣмъ сильно двинулъ впередъ развитіе богослужебной лирики. Между тѣмъ религіозное движеніе, возбужденное проповѣдью и сочиненіями Лю-

---

[1]) *Hausrath.* Aleander und Luther auf dem Reichstage zu Worms.—*Pasquier.* L'humanisme et la réforme: Jerôme Aléandre.

тера, не только не улеглось, но даже стало принимать все болѣе широкіе размѣры. Сторонники Лютера издавали полемическія сочиненія противъ его враговъ; рыцари собирались для защиты дѣла оппозиціи Риму; въ городахъ происходили демонстраціи въ честь Лютера; сами князья уже начинали понимать, какія выгоды для усиленія своей власти могутъ извлечь изъ борьбы съ куріей; даже нѣкоторыя духовныя лица читали сочиненія Лютера, „ohne Verdruss", какъ выразился о себѣ базельскій епископъ, а другой говорилъ даже: „мы всѣ лютеране", указывая этимъ на сходство собственныхъ воззрѣній съ ученіемъ Лютера. Но собственно для большинства нѣмцевъ весь вопросъ заключался въ опредѣленіи отношеній націи къ Риму, для Лютера же—въ догматахъ вѣры, въ силу чего Лютеръ и многіе его приверженцы понимали дѣло реформаціи неодинаково. Основною чертою характера Лютера былъ своего рода консерватизмъ: онъ отдѣлился отъ церкви медленно и постепенно: его приверженцы были рѣшительнѣе, и они сразу порывали съ католическою церковью. Лютеръ пробылъ въ Вартбургѣ до весны 1522 г., а въ его отсутствіе въ Виттенбергѣ и другихъ мѣстахъ началось насильственное ниспроверженіе католицизма, заставившее его выступить уже умѣрителемъ начатой безъ него реформаціи.

VII. Начало религіозной реформаціи [1]).

Что такое начало реформаціи? — Умѣренность и консерватизмъ Лютера.—Его боязнь раціонализма. — Его авторитетный характеръ. — Происхожденіе разлада среди реформаторовъ. — Отношеніе гуманистовъ къ реформаціи. —Разные виды реформаціи въ XVI в.—Карльштадтъ и иконоборчество.—Цвиккаускіе пророки.— Выступленіе Ѳомы Мюнцера. — Подавленіе виттенбергскихъ смутъ и ихъ значеніе.—Зарожденіе антитринитаризма.

Когда желаютъ пріурочить начало реформаціи къ какому-либо событію, то указываютъ или на обнародованіе Лютеромъ девяноста пяти тезисовъ (1517), или на его отторженіе отъ католической церкви

---

[1]) *Th. Kolde.* Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation.— Сочиненія по исторіи сектантства: *Erbkam* (см. выше, стр. 13). — *А. Михайловъ.* Революціонный анабаптизмъ. — *Будринъ.* Антитринитаріи XVI вѣка.— *L. Keller.* Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reichs zu Münster и Ein Apostel der Wiedertäufer. — *Hast.* Geschichte der Wiedertäufer. — *Hase.* Das Reich der Wiedertäufer. — *Тумбюльтъ.* Перекрещенцы. Соціальное и политическое движеніе во время реформаціи.— *Cornelius.* Geschichte des münsterischen Aufruhrs. — *Trechsel.* Die protestantischen Antitrinitarier vor Faustus Socin.— *Seidemann.* Thomas Münzer.— *O. Merx.* Thomas Münzer und Heinrich Pfeifer.— См. также ниже, гл. XI.

на лейпцигскомъ диспутѣ (1519), или на сожженіе имъ папской буллы (1520), но, собственно говоря, ни въ одномъ изъ этихъ событій, въ которыхъ дѣйствовалъ притомъ главнымъ образомъ одинъ Лютеръ, не было еще реформаціи въ смыслѣ преобразованія самой церкви, отпаденія отъ нея какой-либо части вѣрующихъ и принятія ими новыхъ религіозныхъ началъ. Это были все индивидуальные акты Лютера, правда, обратившіе на себя вниманіе общества, встрѣченные послѣднимъ сочувственно, нашедшіе въ немъ поддержку,—безъ чего и самъ Лютеръ не рѣшился бы на свою борьбу съ папой, — но отъ этого общественнаго вниманія, сочувствія, поддержки было еще далеко до того, чтобы въ церковную жизнь, хотя бы одного Виттенберга, *были введены новыя формы, которыми отмѣнялись бы учрежденія католицизма, чѣмъ именно и была религіозная реформація, не ограничивавшаяся однимъ заявленіемъ новыхъ принциповъ, но проводившая ихъ и въ церковную жизнь.* Начало такому движенію положилъ не самъ Лютеръ: не онъ первый началъ перемѣнять старые порядки на новые, и во многихъ отношеніяхъ ему пришлось идти даже не впереди церковныхъ преобразованій, а сдерживать другихъ болѣе рьяныхъ новаторовъ. Реформація въ смыслѣ внѣшнихъ измѣненій, принимавшихся народомъ и даже производившихся имъ самимъ, началась въ то время, когда Лютеръ находился въ вартбургскомъ замкѣ, невольно возвратившись послѣ политической борьбы 1520 г. снова къ своимъ теологическимъ занятіямъ. Когда до него дошла вѣсть о томъ, что́ дѣлается въ Виттенбергѣ, гдѣ происходило насильственное ниспроверженіе католицизма, Лютеръ писалъ виттенбергскимъ новаторамъ (въ декабрѣ 1521 г.), что они не должны были „пускать въ ходъ кулаки" и что онъ не можетъ быть на сторонѣ такихъ дѣятелей: „безъ меня вы начали это дѣло, смотрите же, чтобы безъ меня его и кончить", — и ему казалось, что это дьяволъ поднялъ смуту, чтобы „посрамить новое ученіе". Лютеръ, самъ говорившій въ 1520 г. революціоннымъ языкомъ и всенародно сжигавшій папскую буллу, лишь временно увлекся въ этомъ направленіи. Еще во время вормскаго сейма онъ не одобрялъ затѣй Ульриха фонъ-Гуттена: *всякія смуты лишь компрометировали то дѣло, которое онъ считалъ главнымъ*, и онъ опасался, что онѣ только отвратятъ отъ него власти, на поддержку которыхъ онъ расчитывалъ. Съ другой стороны, принявъ, что существо религіи заключается не во внѣшнихъ формахъ, а въ вѣрѣ, т.-е. во внутреннемъ настроеніи, онъ не придавалъ особаго значенія этимъ формамъ и по отношенію къ нимъ (по крайней мѣрѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ) стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что почитаніе или уничтоженіе иконъ, соблюденіе или непризнаваніе постовъ, поступленіе въ монахи или выходъ изъ монастыря и т. п.

сами по себѣ безразличны, и что нельзя, не нарушая свободы, ни принуждать ко всему этому, ни все это запрещать, а виттенбергскіе новаторы съ большою ревностью истребляли все, что̀ только напоминало католицизмъ. Къ этому *присоединялся у Лютера извѣстный консерватизмъ*, который усиливался по мѣрѣ того, какъ реформація принимала все болѣе и болѣе революціонный характеръ. Онъ не сразу отпалъ отъ католической церкви; самое его отпаденіе совершалось не только медленно, но и постепенно, да и впослѣдствіи онъ оставался вѣрнымъ многому такому, что́ гораздо ранѣе его было оставлено его приверженцами. Католики впослѣдствіи обвиняли Лютера въ томъ, будто онъ затѣялъ реформацію, дабы имѣть право бросить монастырь и жениться, но онъ и не первымъ вышелъ изъ монаховъ и не первымъ изъ священниковъ вступилъ въ бракъ. Изъ августинскаго монастыря ушелъ ранѣе другихъ монаховъ Цвиллингъ, увлекшій за собой сразу кое-кого и еще. Лютеръ же по возвращеніи изъ Вартбурга не покидалъ монастыря и монашескаго одѣянія до 1524 г., хотя догматъ объ оправданіи одною вѣрою заключалъ въ себѣ отрицаніе монашества. Когда онъ узналъ о первыхъ бракахъ священниковъ (Фельдкирхена и Зейдлера), онъ одобрилъ это, но замѣтилъ, что ему, однако, не навяжутъ жены („at mihi non obtrudent uxorem"), самъ же хоть и женился потомъ, но только въ 1525 году. Уничтоженіе католической мессы, причащеніе подъ обоими видами (Карльштадтомъ на Рождество 1521 г.), изгнаніе иконъ и т. д.,—и это все началось безъ него, а когда онъ самъ принялъ участіе въ реформѣ и сдѣлался ея руководителемъ, то въ этомъ дѣлѣ придерживался болѣе консервативнаго принципа—не отвергать ничего такого, что̀ съ полною очевидностью не противорѣчитъ св. писанію, вопреки другимъ реформаторамъ, говорившимъ о необходимости уничтоженія всего, на что́ нѣтъ прямыхъ указаній въ св. писаніи. Въ этомъ смыслѣ онъ не пошелъ за тѣми толкователями евхаристіи, которые, отрицая пресуществленіе, не признавали въ таинствѣ дѣйствительнаго присутствія (praesentia realis) Христа, утверждавшагося Лютеромъ: „я скованъ, говорилъ онъ, текстъ слишкомъ силенъ, я не могу отказаться отъ него, ничто не вырветъ его изъ моего ума". Между прочимъ и въ этомъ вопросѣ, возбужденномъ опять-таки виттенбергскими богословами, какъ и во многихъ другихъ, Лютеръ боялся впасть въ раціонализмъ. Если на вормскомъ сеймѣ онъ ставилъ доводы разума на одну доску съ св. писаніемъ, говоря, что онъ отречется отъ своего ученія лишь убѣжденный св. писаніемъ или очевидными доказательствами разума („nisi scripturae sacrae testimoniis vel evidenti ratione convictus fuero" и на вопросъ: „num hoc vis te non cessurum nisi convictum sacra scriptura?" такой отвѣтъ: plane aut evidentissi-

mis rationibus"), то позднѣе его пугалъ раціонализмъ. Въ немъ, какъ въ чемъ-то опасномъ, онъ обвинялъ, напр., Эразма и Цвингли, и о разумѣ онъ разсуждалъ въ духѣ старыхъ традицій, въ которыхъ самъ былъ воспитанъ: „что, повидимому, несообразнѣе съ разумомъ, какъ божественность Іисуса Христа? Можно ли понять воплощеніе Бога въ утробѣ Дѣвы? Можно ли понять, какимъ образомъ Богъ, присутствующій въ хлѣбѣ и винѣ, дѣлается снѣдью вѣрующихъ? Вся религія—безуміе для разума! Разумъ — блудница дьявола. Онъ только богохульствуетъ и порицаетъ дѣла божіи. Онъ ничего не понимаетъ о Богѣ. Нужно его убить, нужно закрыть глаза, заткнуть уши, всѣ чувства и вѣрить!" Уже раньше Лютеръ ожидалъ содѣйствія реформѣ со стороны свѣтской власти, но виттенбергскіе безпорядки, а за ними рыцарское и крестьянское возстаніе еще болѣе его убѣдили, что дѣло это должно принадлежать не „господину Всѣмъ" (dominus Omnes), а свѣтской власти, *откуда и объясняется союзъ Лютера съ князьями, вытекавшій и изъ его задачи реформировать церковную жизнь, охранивъ ее отъ опасностей, которыя порождались самою реформаціею, и изъ сильнаго въ немъ принципа авторитета.* Послѣдній не только былъ привитъ къ нему католическимъ воспитаніемъ, но и основывался на собственномъ его характерѣ: это была изъ тѣхъ властныхъ натуръ, которыя нерѣдко возстаютъ противъ чужой власти лишь для того, чтобы перенести ее на себя. Въ одной изъ проповѣдей своихъ въ Виттенбергѣ по случаю происшедшихъ тамъ во время его вартбургскаго заключенія безпорядковъ онъ говорилъ такъ: „уничтоженіе мессы согласно съ писаніемъ, это совершенно вѣрно, но какой порядокъ, какое приличіе соблюли вы? Нужно было вознести горячія молитвы, нужно было обратиться къ властямъ,— тогда всѣ увидѣли бы, что это дѣло отъ Бога". Когда былъ возбужденъ впослѣдствіи вопросъ объ избраніи прихожанами своихъ пасторовъ (что̀ допущено было, напримѣръ, Филиппомъ Гессенскимъ), Лютеръ, самъ стоявшій сначала за тотъ же самый принципъ, перемѣнилъ свой взглядъ и рѣшилъ, что назначеніе новыхъ духовныхъ лицъ должно принадлежать свѣтскимъ властямъ. Въ 1526 г. онъ писалъ объ этомъ курфюрсту саксонскому: „среди людей замѣчается столько неблагодарности къ слову Божію, что если бы я могъ такъ сдѣлать по чистой совѣсти, я оставилъ бы ихъ жить безъ пастырей, какъ свиней, но мы не можемъ такъ поступать. Такъ какъ папскій порядокъ отмѣненъ, всѣ учрежденія дѣлаются вашимъ достояніемъ, какъ верховнаго главы. Ваше дѣло всѣмъ этимъ управлять; никто другой объ этомъ не заботится, не можетъ и не долженъ заботиться". Такимъ образомъ Лютеръ призналъ за князьями права, принадлежавшія прежде папѣ. Для того, чтобы были сохранены извѣстные

принципы при устройствѣ церкви, Лютеръ потребовалъ церковной ревизіи. Курфюрстъ саксонскій назначилъ для этого отдѣльную коммиссію, а инструкцію для нея написалъ Меланхтонъ. Этотъ документъ весьма интересенъ заявленіемъ того принципа, что нужно какъ можно болѣе оставлять изъ старыхъ церемоній, ибо всякія новшества причиняютъ только вредъ. (Obsecro, quantum ex veteribus caeremoniis retineri potest, retineas. Omnis novitas pocet in vulgo). Осмотръ реформированныхъ церквей былъ произведенъ Лютеромъ, Меланхтономъ и другими лицами, и онъ еще болѣе утвердилъ Лютера въ его консерватизмѣ. Тогда же онъ написалъ свои два катехизиса, по которымъ должны были учить народъ вѣрѣ всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: законоучители подвергались испытанію въ знаніи катехизиса и не смѣли отъ него уклоняться, преподавая народу законъ Божій.

Мы нарочно нѣсколько забѣжали впередъ, чтобы сопоставить всѣ эти факты, рисующіе намъ Лютера, какъ реформатора. Врагъ насилія и лишняго новаторства, человѣкъ, придававшій главное значеніе внутреннему содержанію религіи и сравнительно индифферентно относившійся къ внѣшнимъ ея формамъ, дѣятель, въ которомъ и личный характеръ, и привычки, привитыя воспитаніемъ, и боязнь за взятое на себя дѣло укрѣпляли извѣстнаго рода консерватизмъ и поддерживали мысль о необходимости прочнаго авторитета, глубоко вѣрующій богословъ, бывшій противникъ разума, когда послѣдній сталкивался съ религіей, естественно и необходимо долженъ былъ разойтись съ людьми, быстро переходившими отъ слова къ дѣлу, сразу хотѣвшими полнаго переворота во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ, полагавшими въ этихъ отношеніяхъ все зло, которое нужно было искоренить, не дорожившими традиціями и требовавшими безусловной свободы, хотя бы ее приходилось вводить насиліемъ. Такъ оно и произошло. Лютеръ, дѣйствительно, разошелся съ людьми, которые сначала считали его своимъ и думали, что идутъ съ нимъ по одному пути. Онъ разошелся съ ними, хотя нерѣдко они дѣлали только логическіе выводы изъ собственныхъ его воззрѣній или примѣняли къ жизни его же слова. На Лютера не могло не подѣйствовать зрѣлище того, что̀ онъ считалъ искаженіемъ своего дѣла, и это направляло его дѣятельность въ опредѣленную сторону: онъ не хотѣлъ позволить начавшейся реформаціи идти далѣе того, передъ чѣмъ онъ останавливался самъ, и онъ думалъ лишить ея враговъ всякаго повода колоть ему глаза указаніемъ на то, что̀ вышло изъ его проповѣди. Онъ и выступилъ противъ новаторовъ. Начавшаяся полемика только разжигала страсти и развивала въ Лютерѣ нетерпимость, которая была присуща его властной натурѣ, привита ему

воспитаніемъ въ принципахъ средневѣковаго католицизма, а потомъ укрѣплена его успѣхомъ, какъ самаго популярнаго человѣка въ Германіи и оффиціально признаннаго руководителя реформаціи. Съ другой стороны, недавніе сторонники Лютера стали обвинять его въ измѣнѣ общему дѣлу, въ неспособности имѣть истинную вѣру, въ томъ, что онъ исторгнулъ церковь изъ рукъ папы, дабы предать ее свѣтскимъ князьямъ, наконецъ въ личной тираніи не лучше папской. Лютеръ разошелся съ политическими дѣятелями въ родѣ Гуттена, желая ограничить свою задачу одной церковной реформой. То же самое заставило его выступить противъ другихъ реформаторовъ, соединившихъ религіозныя преобразованія съ соціальными.

Вообще эта эпоха внесла много чистой личной борьбы въ то напряженное общественное движеніе, которое тогда происходило въ Германіи. Малодушное отношеніе Рейхлина къ дѣлу Лютера сильно вооружило противъ него Гуттена. Эразмъ, котораго враги Лютера считали главнымъ его вдохновителемъ, дошелъ до весьма острой полемики съ реформаторомъ и также долженъ былъ оправдываться отъ обвиненій въ измѣнѣ, указывая на то, что онъ никогда и не приставалъ къ Лютеру. По поводу тѣхъ же отношеній у Эразма произошла серьезная размолвка и съ Гуттеномъ. Да и вообще гуманисты весьма различнымъ образомъ отнеслись къ религіозному движенію. Одни изъ нихъ стали (да и то различнымъ образомъ) на его сторону, какъ поступили Гуттенъ и Меланхтонъ, помощникъ Лютера въ богословскихъ занятіяхъ; другіе остались (и опять-таки по весьма разнымъ побужденіямъ) въ лонѣ старой церкви и даже сдѣлались ея защитниками, какъ Эккъ или самъ Эразмъ, вступившій съ Лютеромъ въ полемику, впрочемъ, болѣе отвлеченнаго и философскаго характера; третьи заняли нейтральное положеніе и съ грустью смотрѣли на наступленіе „желѣзнаго вѣка“ (напр., поэтъ Эобанъ Гессъ, одинъ изъ видныхъ приверженцевъ эрфуртскаго гуманистическаго кружка, свѣтскій поэтъ, на котораго непріятно дѣйствовала враждебная наукѣ мистическая проповѣдь). Однимъ словомъ, въ эту горячую пору столкнулись между собою весьма различныя умственныя теченія, противоположностямъ которыхъ до того времени не было поводовъ проявиться съ такою силою.

Разсматривая Лютера среди этихъ взаимносталкивавшихся идей и стремленій, вовсе не слѣдуетъ дѣлать изъ нихъ только фонъ, на которомъ рельефнѣе выступала бы фигура реформатора, какъ единственнаго человѣка, знавшаго и понимавшаго, что̀ было нужно. Между тѣмъ многіе историки говорятъ о виттенбергскихъ радикалахъ и цвиккаускихъ пророкахъ, выступившихъ на сцену во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ, лишь для того, чтобы въ болѣе выгод-

номъ свѣтѣ представить самого Лютера при сравненіи съ ними. Привычка, унаслѣдованная отъ старыхъ историковъ, смотрѣть на реформацію, главнымъ образомъ, какъ на движеніе, имѣвшее своею задачею создать то, чѣмъ сдѣлалась основанная Лютеромъ новая церковь, — сказалась на многихъ авторахъ, лишь мимоходомъ останавливающихся на внѣлютеранскихъ религіозныхъ движеніяхъ. Протестантское происхожденіе историческихъ взглядовъ на реформацію до сихъ поръ сказывается на томъ, что положительнымъ ея явленіемъ признается лишь ортодоксальный протестантизмъ, а по отношенію къ нему сектантство выставляется, какъ явленіе отрицательное, какъ искаженіе реформаціи. Говоря о католической реакціи противъ протестантизма, эти историки не видятъ, что и самъ протестантизмъ принималъ реакціонный характеръ по отношенію къ сектантству. Въ самомъ дѣлѣ, *лютеранская реформація одновременно началась и въ смыслѣ преобразованія старой церкви на новыхъ принципахъ, и въ смыслѣ подавленія другихъ новыхъ принциповъ въ пользу началъ, взятыхъ у старой же церкви*, а роль Лютера въ этомъ отношеніи напоминаетъ намъ поведеніе другихъ крупныхъ историческихъ дѣятелей, бывшихъ и возмутителями, и умѣрителями движенія (напр., Кромвеля въ первой англійской революціи и Мирабо въ революціи французской).

Лютеръ не былъ единственнымъ религіознымъ реформаторомъ: одновременно съ нимъ выступили и другіе, и, напримѣръ, цюрихскій реформаторъ Ульрихъ Цвингли, ровесникъ Лютера, проповѣдовалъ аналогичное его воззрѣніямъ ученіе еще въ 1516 г., т.-е. какъ самъ онъ пояснялъ, еще въ то время, когда даже имя Лютера было неизвѣстнымъ въ его краю (eo scilicet tempore, quum Lutheri nomen in nostris regionibus inauditum adhuc erat, doctrinam Christi non a Luthero, sed ex verbo Dei didici); были и другіе реформаторы, заявившіе себя позже, въ родѣ базельскаго Эколампадія. Но настоящимъ мѣсторожденіемъ реформаціоннаго движенія былъ все-таки Виттенбергъ, гдѣ у Лютера было много друзей, помощниковъ, сторонниковъ и почитателей. Среди нихъ на первыхъ же порахъ выдвинулся пылкій и увлекающійся Карльштадтъ, схоластическій профессоръ, диспутировавшій въ 1519 г. съ Эккомъ. Въ 1521 г. мы видимъ Карльштадта уже раздѣляющимъ ту точку зрѣнія, съ которой отрицалось все прямо не предписываемое библіей, и стоящимъ во главѣ бурнаго религіознаго движенія, овладѣвшаго жителями Виттенберга и сразу получившаго иконоборческій характеръ. Иконоборство проявлялось не разъ въ реформаціонную эпоху и не въ одной Германіи, такъ какъ почитаніе иконъ и все, что должно было служить украшеніемъ храмовъ и содѣйствовать пышности богослуженія,—священническія обла-

ченія, свѣчи, куренія,—объявлялось идолопоклонствомъ. Виттенбергская народная реформація сдѣлалась прямо цѣлой церковной революціей: вся внѣшность католическаго культа уничтожалась насильственнымъ образомъ, и въ этой разрушительной дѣятельности дѣйствительно было какъ бы только отрицаніе стараго, расчищавшее почву для созиданія новаго, хотя и не на тѣхъ принципахъ, которые были положены въ основу реформы Лютера. Къ иконоборству присоединилась проповѣдь религіозныхъ началъ, въ которыхъ индивидуалистическія стремленія самого Лютера, насколько они были присущи его протесту, получали дальнѣйшее развитіе. Въ небольшомъ саксонскомъ городкѣ Цвиккау, находящемся въ Рудныхъ горахъ, возникло именно особое движеніе, источники котораго доселѣ не вполнѣ ясны. Въ городкѣ было много рудокоповъ, суконщиковъ и иного рабочаго люда; среди нихъ происходило, какъ и во многихъ мѣстностяхъ Германіи, демократическое движеніе соціальнаго оттѣнка. Быть можетъ, продажа индульгенцій, посредствомъ которыхъ богатые могли откупиться отъ грѣховъ, наводила ихъ на мысли, неблагопріятныя для церкви, но не невѣроятно и то, что движеніе было гуситскаго происхожденія. Суконщикъ Николай Шторхъ называется какъ одинъ изъ первыхъ цвиккаускихъ пророковъ: „это былъ человѣкъ, знавшій хорошо св. писаніе“ и находившійся подъ наитіемъ Св. Духа, какъ думали его приверженцы, увлеченные краснорѣчіемъ его проповѣди. Къ нему примкнулъ Максъ Штубнеръ, учившійся въ виттенбергскомъ университетѣ, поклонникъ Лютера, но пошедшій потомъ своей дорогой. Проповѣдники имѣли успѣхъ; около нихъ образовалась секта, назвавшаяся впослѣдствіи баптистами, избраннымъ народомъ, новымъ Израилемъ. Такъ какъ они требовали, чтобы младенцевъ не крестили, а крестили только взрослыхъ, и многіе изъ нихъ вслѣдствіе этого перекрещивались, ихъ стали называть перекрещенцами, анабаптистами. Секта эта получила мистическій характеръ: основываясь на новомъ завѣтѣ и принимая ветхій лишь въ видѣ дополненія къ новому, насколько послѣдній ему не противорѣчилъ, они противопоставляли этому внѣшнему откровенію, которое „Богъ прямо далъ бы съ неба, если бы хотѣлъ только въ немъ одномъ открыть свою волю“, другое откровеніе, внутреннее, совершающееся въ душѣ свыше озаренныхъ лицъ, и переносили на себя обѣщаніе „Дѣяній апостоловъ“, гдѣ ап. Петръ ссылается на предреченное пророкомъ Іоилемъ: „и будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа Моего на всякую плоть; и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ. И на рабовъ Моихъ и на рабынь

Моихъ въ тѣ дни излію отъ Духа Моего, и будутъ пророчествовать“ [1]). Эту черту—мистическую вѣру во внутреннее откровеніе и пророческій даръ—мы встрѣчаемъ и у многихъ другихъ сектантовъ (напр., въ XVII в. у квакеровъ): въ этомъ выразился широкій религіозный индивидуализмъ, дѣлавшій каждаго единственнымъ судьею своей совѣсти и мѣшавшій анабаптизму сложиться въ твердо установленную и прочно организованную религіозную систему. Уже въ XVI вѣкѣ анабаптисты дробились на четыре десятка сектъ, признававшихъ необходимость возвращенія къ церкви апостольскихъ временъ, вѣры въ милосердіе Божіе, послушанія заповѣдямъ Божіимъ и добрыхъ дѣлъ, безъ которыхъ вѣра мертва, и учившихъ, что воля человѣческая свободна, и что потому каждый можетъ вѣрить и думать, какъ хочетъ,—два пункта, по которымъ они расходились съ Лютеромъ. Виттенбергскій реформаторъ развивалъ ученіе о томъ, что оправдываетъ человѣка только вѣра и что вѣра дается въ силу дѣйствія на человѣка благодати, зависящей всецѣло отъ божественнаго предопредѣленія, въ свою очередь устраняющаго возможность свободной воли (liberum arbitrium), дѣлающаго необходимымъ лишь servum arbitrium [1]). Въ 1521 г. Шторхъ и его единомышленники подверглись преслѣдованію: нѣкоторыхъ изъ нихъ посадили въ тюрьму, а затѣмъ ихъ изгнали изъ Цвиккау, но это только содѣйствовало распространенію ихъ ученія, такъ какъ изгнанники стали проповѣдовать новую вѣру въ другихъ мѣстахъ. Однимъ изъ такихъ проповѣдниковъ былъ Ѳома Мюнцеръ, главный герой анабаптизма въ серединѣ двадцатыхъ годовъ. Въ 1521 г. ему было уже около тридцати лѣтъ. Еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ уже устраивалъ заговоръ противъ магдебургскаго архіепископа Эрнста II, скончавшагося въ 1513 году, когда онъ самъ былъ еще совершеннымъ юношей. Это былъ человѣкъ непосѣдливый, постоянно мѣнявшій мѣсто жительства и родъ занятій. Достигши въ 1515 г. степени magistri artium и баккалавра теологіи, онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ, пока въ 1520 г. не получилъ мѣсто проповѣдника въ одной изъ цвиккаускихъ церквей; здѣсь онъ сразу обратилъ на себя вниманіе мѣстныхъ жителей, особенно простого народа, своими рѣзкими нападками на монаховъ. Съ послѣдними у него дѣло дошло до ожесточеннаго спора, по поводу котораго онъ обращался къ Лютеру за совѣтомъ. Затѣмъ у него произошло, все въ томъ же 1520 г., столкновеніе съ проповѣдникомъ, пользовавшимся благосклонностью мѣстной аристократіи, Іоанномъ Виденауеромъ: въ

[1]) Ученіе это было изложено Меланхтономъ въ „Loci communes theologici“. По этому поводу Лютеръ полемизировалъ съ Эразмомъ, а дальнѣйшимъ развитіемъ ученія о спасающей вѣрѣ, дѣйствіи благодати и предопредѣленіи была доктрина Кальвина.

это время обнаружился демократическій характеръ соціальныхъ воззрѣній Мюнцера, и онъ городскими властями былъ отставленъ отъ своей должности. Тогда онъ сблизился съ Николаемъ Шторхомъ и суконщиками, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими агитаторами былъ изгнанъ изъ города, уже совсѣмъ проникнутый идеями не только церковной реформаціи, но и полнаго общественнаго переустройства, вѣря въ силу внутренняго откровенія и убѣжденный въ собственномъ своемъ предъизбраніи. Цвиккаускіе пророки явились въ Виттенбергѣ, гдѣ проповѣдь ихъ съ значительнымъ соціальнымъ оттѣнкомъ произвела сильное впечатлѣніе среди антикатолическаго движенія, руководимаго Карльштадтомъ. Другъ Лютера самъ до извѣстной степени подпалъ подъ вліяніе Мюнцера. Движеніе приняло крайне фанатическій характеръ. Вмѣстѣ съ католическою внѣшностью стали преслѣдоваться и свѣтская наука, признанная за излишнее и мертвое дѣло, и общественныя удовольствія, какъ нѣчто безнравственное. Цвиккаускіе пророки стали требовать и раздѣла богатствъ между бѣдными во имя евангелія. Власти, образованные люди и имущіе классы растерялись. Меланхтонъ колебался, спрашивая себя, не исходитъ ли духъ пророковъ дѣйствительно отъ Бога, а Фридрихъ Мудрый говорилъ, что онъ не можетъ понять этого великаго вопроса, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, но что скорѣе онъ готовъ былъ бы взять въ руку посохъ и удалиться въ изгнаніе, чѣмъ сознательно противиться волѣ Божіей.

Лютеръ жилъ, какъ было сказано, въ Вартбургѣ, когда все это произошло въ Виттенбергѣ. Несмотря на папское проклятіе и имперскую опалу, онъ рѣшился ѣхать въ Виттенбергъ и въ отвѣтъ на предостереженія курфюрста относительно непріязни къ нему герцога саксонскаго Георга писалъ ему, что будь въ Лейпцигѣ (резиденціи герцога) дѣла въ томъ же положеніи, какъ и въ Виттенбергѣ, онъ и туда поѣхалъ бы, „хотя бы тамъ девять дней шелъ дождь изъ герцоговъ Георговъ и каждый былъ бы въ девять разъ свирѣпѣе этого“. Пріѣхавъ въ Виттенбергъ, онъ цѣлую недѣлю проповѣдовалъ противъ Карльштадта и цвиккаускихъ пророковъ. Авторитетъ его былъ такъ великъ, что ему удалось успокоить городъ, конечно, при содѣйствіи власти и университета, который, наприм., запретилъ одну книгу Карльштадта. Въ этомъ дѣлѣ Лютеръ проявилъ большой героизмъ, тѣмъ болѣе, что, уѣзжая въ Виттенбергъ, онъ смѣло писалъ самому курфюрсту, что вовсе не считаетъ его курфюршескую милость человѣкомъ, который могъ бы защищать или спасти его. Это показываетъ, что Лютеръ не изъ малодушія и трусости отказывался отъ движенія съ политическимъ и соціальнымъ характеромъ. Послѣ этого цвиккаускіе пророки убѣдились въ томъ, что имъ нечего было

расчитывать на Лютера и на властей, къ которымъ они тоже обращались съ воззваніями о реформѣ церкви въ своемъ духѣ, и они понесли свою проповѣдь къ давно уже волновавшимся крестьянамъ.

Виттенбергскіе безпорядки 1521—1522 года и были началомъ реформаціоннаго движенія въ народныхъ массахъ. Само событіе это было возможно только при томъ возбужденіи, какое господствовало во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго народа, и совсѣмъ даже не будь Лютера съ его религіозною реформою, общія условія времени и безъ него породили бы тѣ смуты, которыя произошли во всей Германіи въ слѣдующіе за началомъ реформаціи годы: въ нѣмецкомъ народѣ *существовали всѣ данныя для возникновенія сектантства съ мистическимъ и соціальнымъ характеромъ.* Анабаптизмъ, соединившій въ двадцатыхъ годахъ подъ своимъ знаменемъ значительную часть возставшихъ крестьянъ, а въ тридцатыхъ собравшій въ Мюнстеръ массу недовольныхъ для основанія „Новаго сіонскаго царства“, былъ не искаженіемъ реформаціи Лютера, а совершенно самостоятельнымъ явленіемъ. Онъ выросъ на одной почвѣ съ лютеранствомъ, но, такъ сказать, питался изъ нея другими соками, нежели тѣ, которые дали вырости и окрѣпнуть реформаціи Лютера.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. такимъ образомъ стояли другъ противъ друга два взаимно враждебныя направленія, одинаково объявившія войну католицизму: библейская реформація, породившая протестантизмъ, и мистическая реформація, давшая начало сектантству. Въ то же время проявилось впервые, хотя и въ слабой степени, религіозное вольномысліе, которому тоже суждено было играть не малую роль въ культурной исторіи Запада. Намъ еще подробнѣе придется говорить о Михаилѣ Серветѣ (1509—1556) и Фавстѣ Социнѣ (1539—1604), двухъ наиболѣе крупныхъ антитринитаріяхъ XVI в., называемыхъ такимъ именемъ за отрицаніе троичности Божества и божественности Іисуса Христа. Пока отмѣтимъ, что ранній антитринитаризмъ зародился въ анабаптизмѣ. Нѣкоторые сектанты въ своей критикѣ „человѣческихъ измышленій“ въ религіи пошли далѣе Лютера и другихъ реформаторовъ и стали нападать на основные догматы христіанства, приложивъ раціоналистическія толкованія къ ученію о св. Троицѣ и ея второй ипостаси. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Вюртембергѣ былъ казненъ Конрадинъ Бассенъ за отрицаніе богочеловѣчества Христа. Около того же времени въ самомъ Виттенбергѣ явился проповѣдникъ Іоаннъ Кампанъ, вмѣшавшійся сначала въ споръ Лютера съ Цвингли о таинствѣ причащенія, а потомъ начавшій высказываться противъ догмата о троичности Божества. Его ученіе, которое онъ огласилъ въ печати („Возстановленіе и исправленіе божественнаго и священнаго Писанія“, 1532 г.) весьма характерно для

ранняго антитринитаризма. Въ св. писаніи, говорилъ онъ, сказано, что Богъ сотворилъ человѣка по образу своему („сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію“) и прибавлено: „мужа и жену сотворилъ ихъ“, т.-е. создалъ не просто человѣка, а человѣка-супружество, человѣка-чету, два лица въ одномъ человѣкѣ. Адамъ и Ева— одинъ человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, значитъ и въ Богѣ два лица, хотя Богъ и одинъ; и Христосъ сказалъ поэтому: „Азъ и Отецъ едина есма“. Духъ же Св., училъ Кампанъ, не есть особое лицо Бога; это общая природа, общая сущность Отца и Сына и проявленіе обоихъ въ человѣкѣ. Затѣмъ равенство Сына съ Отцомъ онъ отрицалъ: Сынъ рожденъ, сотворенъ и созданъ изъ существа Отца, онъ его служитель, посланникъ и вѣстникъ. Выступивъ и въ качествѣ общественнаго агитатора, Кампанъ былъ наконецъ посаженъ въ темницу, гдѣ и умеръ. Въ Страсбургѣ такая же судьба постигла Мельхіора Гофмана, которому анабаптисты предложили устроить здѣсь „новое царство Христово“. И онъ отрицалъ божественность Іисуса Христа и искупительное значеніе его крестной смерти. Антитринитаріи Лютеромъ были осуждены. Въ диспуты съ ними онъ сначала не вступалъ, не опровергалъ ихъ ученіе богословской полемикой, а только указывалъ на нихъ свѣтской власти, какъ на людей опасныхъ. Лишь успѣхъ позднѣйшаго антитринитарія Сервета заставилъ его приняться и за богословскую полемику.—Нужно прибавить, что и въ Швейцаріи анабаптистское движеніе породило отдѣльные случаи антитринитаризма. Одинъ изъ первыхъ послѣдователей Цвингли, Людвигъ Гетцеръ, очень скоро перешелъ на сторону анабаптистовъ и долженъ былъ покинуть Цюрихъ. Встрѣча его съ анабаптистомъ Іоанномъ Денкомъ, человѣкомъ не безъ значительнаго образованія, снова возвратила его сектѣ. Гетцеръ и Денкъ вмѣстѣ странствовали, распространяя свое ученіе; вмѣстѣ же они исполнили переводъ еврейскихъ пророческихъ книгъ. Денкъ умеръ въ 1528 г., а Гетцеръ черезъ годъ былъ обезглавленъ въ Констанцѣ за нецѣломудренную жизнь. По ученію Денка существуютъ два откровенія, при чемъ внѣшнее откровеніе, т.-е. св. писаніе, имѣетъ второстепенное значеніе; Христосъ не искупитель, а только примѣръ, которому мы должны слѣдовать. Затѣмъ у него мы встрѣчаемся прямо съ пантеистическими взглядами. Гетцеръ былъ также антитринитаріемъ, и свои воззрѣнія на этотъ предметъ онъ такъ формулировалъ въ одномъ стихотвореніи:

„Ich bin allein der einig Gott,
Der one Gehylft alle Dinge beschaffen hat.
Frags du, wie viel meiner sey?
Ich bin's allein, meiner sind nit Drey“.

VIII. Рыцарское возстаніе [1]).

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на соціально-политическое движеніе 1522—1525 гг.?— Взаимныя отношенія рыцарскаго возстанія и крестьянской войны. — Памфлеты и поведеніе Гуттена послѣ вормскаго сейма.—Причины рыцарскаго возстанія.— Францъ фонъ Зиккингенъ.—Рыцарскій союзъ 1522 г.—Планы Зиккингена.— Нападеніе на Триръ.—Побѣда князей надъ рыцарями.—Общій взглядъ на рыцарское движеніе.

Современникамъ Лютера весьма естественно было поставить въ причинную связь его отпаденіе отъ церкви и проповѣдь новыхъ религіозныхъ началъ, съ одной стороны, и тѣ смуты, которыя произошли въ Германіи въ годы, слѣдующіе за вормскимъ сеймомъ, съ другой. Враги и противники Лютера не по однимъ только полемическимъ побужденіямъ утверждали, что волненія и возстанія были произведены дерзкими воззваніями и поступками виттенбергскаго „еретика", да и самъ онъ и сторонники его готовы были признавать въ томъ, что̀ вокругъ нихъ происходило и чего они равнымъ образомъ не одобряли, лишь искаженное продолженіе того, что̀ было начато самимъ Лютеромъ, т.-е. ту же реформацію церкви, но только вышедшую изъ своихъ границъ и тѣмъ самымъ начавшую вредить правому дѣлу. И когда новые историки говорятъ о томъ, что Лютеръ спасъ реформацію отъ опасности, которая ей грозила отъ нея самой, и достигъ этого тѣмъ, что указалъ ей на ея настоящія границы, то и тутъ слышится отголосокъ мнѣнія, по которому ходъ исторіи въ эту эпоху сводится къ слѣдующему: порча церкви вызвала необходимость реформы; явился Лютеръ и показалъ, какъ нужно было провести реформу; его мысль многіе не поняли и вооружились противъ него, а другіе поняли не такъ, какъ слѣдуетъ, и вышли изъ границъ, намѣченныхъ реформаторомъ, пожелавъ итти дальше него въ дѣлахъ церковныхъ и, кромѣ того, примѣнивъ новыя начала къ преобразованію соціальнаго строя; это была ихъ ошибка, но Лютеръ возвратилъ реформу на ея настоящую дорогу. Такой взглядъ обнаруживается даже теперь, когда намъ совершенно ясно, что рыцарское и крестьянское движенія имѣли свои самостоятельныя причины внѣ церковной реформы.

Изслѣдуя крупныя историческія движенія, наука должна обращать особое вниманіе на тѣ соціальныя силы, которыя принимаютъ въ движеніи наибольшее участіе. Рыцарское и крестьянское возстанія въ Германіи, совершившись одно отдѣльно отъ другого, показываютъ

[1]) *Ulmann*. Franz von Sickingen.

намъ ясно, что помимо тѣхъ причинъ, которыя заставляли всѣ общественные классы объединиться подъ знаменемъ религіозной реформаціи (хотя ея окончательная формула не была еще найдена), въ отдѣльныхъ соціальныхъ классахъ существовали свои особыя причины для того, чтобы принять участіе въ движеніи и выставить свои собственныя программы. У націи, какъ цѣлаго, всегда есть свои традиціи и интересы, но въ то же время нація раздѣляется на разные общественные классы съ своими собственными преданіями и стремленіями, а потому одно и то же національное движеніе неодинаково и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ захватываетъ отдѣльные классы, такъ что рядомъ съ движеніемъ общимъ, имѣющимъ характеръ не суммы частныхъ движеній, а нераздѣльнаго движенія цѣлой націи, совершаются еще движенія частныя, нерѣдко противоположныя одно другому и потому неспособныя слиться вмѣстѣ. Въ національной оппозиціи Риму всѣ были болѣе или менѣе солидарны между собою; соціальная оппозиція свѣтскаго общества клиру равнымъ образомъ объединяла въ одномъ стремленіи всѣ сословія, хотя въ силу неодинаковости причинъ недовольства духовенствомъ отдѣльные классы общества могли желать отъ реформаціи не одного того же, когда дѣло шло о преобразованіяхъ, касавшихся духовнаго сословія и его положенія въ обществѣ. Но на этомъ дѣло не кончалось, и такъ какъ помимо „порчи церкви" нѣмецкій народъ тяготился и своими политическими порядками, то должно было произойти политическое движеніе, подготовлявшееся задолго до выступленія Лютера. Тутъ опять были стороны дѣла, которыя можно разсматривать, какъ характеризующія движенія въ цѣломъ, и стороны, наоборотъ, отражавшія на себѣ недовольство тѣхъ или другихъ общественныхъ классовъ, даже оказавшихся неспособными дѣйствовать сообща. Общимъ стремленіемъ всѣхъ политически-недовольныхъ было, какъ мы видѣли, преобразовать государство на началахъ объединенія подъ единою властью съ ослабленіемъ значенія князей, но затѣмъ программы расходились. *Возстанія рыцарей и крестьянъ совершились отдѣльно одно отъ другого*, побитыя, каждое отдѣльно же, князьями, первое, приводя мѣткое замѣчаніе одного историка, какъ возстаніе офицеровъ, у которыхъ не было солдатъ, другое—какъ возстаніе рядовыхъ, не имѣвшихъ офицеровъ. Это обстоятельство не было случайностью, ибо не могло же быть солидарнаго дѣйствія двухъ сословій, между которыми существовалъ рѣзкій антагонизмъ. Причины крестьянской войны лежали въ юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ сельскаго населенія и землевладѣльческихъ классовъ, т.-е. и князей, и клира, и рыцарей: господа угнетали земледѣльцевъ, и послѣдніе во время своего возстанія не дѣлали различія между ду-

ховными и свѣтскими, между крупными и мелкими владѣльцами. Лишь отдѣльныя личности стремились объединить оба сословія,— даже всѣ общественные классы, т.-е. включая сюда и города,—въ одномъ совокупномъ дѣйствіи, придать движенію болѣе широкій характеръ, лишить отдѣльныя возстанія односторонне-сословной окраски и сгладить классовый антагонизмъ. Такимъ лицомъ въ рыцарскомъ движеніи былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, въ крестьянскомъ, какъ мы еще увидимъ, Вендель Гиплеръ; но ихъ программы болѣе широкаго и общаго характера далеко не были приняты всѣми въ томъ или другомъ сословіи. Къ этому присоединилось еще то, что среди самого крестьянства не было единства дѣйствія, и требованія крестьянъ, принявшихъ программу съ лютеранскою окраскою, были совершенно иными, нежели у той части возставшихъ, которая находилась подъ вліяніемъ анабаптистовъ. Однимъ словомъ, *общественное движеніе съ самаго начала пошло въ разбродъ, тогда какъ князья, противъ которыхъ оно совершалось, дѣйствовали солидарно*, оставшись притомъ въ Германіи единственною высшей властью въ отсутствіе молодого императора.

Надежды, возлагавшіяся на Карла V патріотами, исчезли послѣ вормскаго сейма, и мы уже видѣли, что Ульрихъ фонъ-Гуттенъ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ 1521 г. влагаетъ Францу фонъ-Зиккингену въ уста слова, что онъ-де не прочь пойти по стопамъ Жижки, если добромъ не удастся устроить дѣло: этотъ памфлетъ кончается заявленіемъ Зиккингена, что онъ предприметъ что-нибудь рѣшительное, и что у него есть и помощникъ недурной—Гуттенъ. Вскорѣ Гуттенъ написалъ еще одинъ памфлетъ подъ названіемъ „Разбойники“, любопытный по сдѣланной въ немъ характеристикѣ внутренняго состоянія Германіи. Въ этомъ произведеніи Зиккингенъ и самъ Гуттенъ ведутъ разговоръ съ приказчикомъ банкирскаго дома Фуггеровъ, обозвавшимъ рыцарей разбойниками. Это даетъ поводъ Зиккингену распредѣлить всѣхъ разбойниковъ, существующихъ въ Германіи, на четыре класса, причемъ грабители на большихъ дорогахъ признаются имъ еще не за самыхъ важныхъ: хуже ихъ купцы,—а наиболѣе скверные изъ нихъ Фуггеры, - потомъ идутъ юристы, и наконецъ самые вредные—духовные. Противъ этихъ-то послѣднихъ Зиккингенъ и считаетъ нужнымъ дѣйствовать, но удерживаетъ пылкаго Гуттена, желающаго не откладывать дѣла: старшій рыцарь замѣчаетъ, что ждать долго не придется, ибо Лютеръ и Гуттенъ уже достаточно взбудоражили Германію, и рыцари протягиваютъ бюргеру руку. Въ „Новой пѣснѣ“ Гуттенъ приглашаетъ итти за собою и рыцаря, и ландскнехта, а по окончаніи вормскаго сейма онъ сдѣлалъ даже попытку вооруженнаго нападенія на папскаго нунція Алеандра, когда

тотъ ѣхалъ изъ Вормса, что было только началомъ цѣлаго ряда подобныхъ подвиговъ противъ духовныхъ проѣзжихъ, которыхъ Гуттенъ по-рыцарски грабилъ на дорогахъ,—черта сословныхъ нравовъ, оставшаяся въ гуманистѣ. Въ то же время онъ продолжаетъ писать свои зажигательные памфлеты, стремясь объединить въ борьбѣ съ духовенствомъ и князьями уже всѣ сословія. Прежде всего въ „Плачѣ о свободѣ нѣмецкихъ городовъ" онъ выдвигаетъ идею союза „бѣднаго дворянства" съ городами: царство тиранновъ одинаково давитъ дворянъ и города; эти тиранны одни выдвинулись впередъ, „пожираютъ бѣдное дворянство и ежедневно ищутъ путей и способовъ, чтобъ ни одинъ городъ не оставался свободнымъ (dass je bei Freiheit bleib kein Stadt)", такъ какъ они только о томъ и думаютъ, чтобы отнять нѣмецкую свободу; отсюда выводъ—необходимость соединиться городамъ съ дворянствомъ, ибо, прибавляетъ Гуттенъ, „нѣтъ никакого иного лѣкарства, которое освободило бы насъ отъ нашего недуга". Тогда же, въ 1522 г., Гуттенъ написалъ и своего „Neu Karsthans". Въ этомъ стихотворномъ діалогѣ Карстгансъ [1]), крѣпостной духовенства, жалуется на претерпѣваемыя имъ притѣсненія и грозитъ припомнить всѣ обиды, когда дѣло дойдетъ до расчета, котораго и ждать крестьяне не стали бы, былъ бы у нихъ только вождь. Собесѣдникомъ Карстганса Гуттенъ выводитъ Зиккингена. Онъ соглашается въ неизбѣжности возстанія, но выражаетъ опасеніе, что народъ не съумѣетъ отличить праваго отъ виноватаго. Карстгансъ ему на это возражаетъ, что крестьяне собираются пригласить его въ свои вожди, но Зиккингенъ говоритъ ему, что не можетъ сказать, принялъ ли бы онъ на себя начальство, прибавивъ, впрочемъ, что согласенъ съ мыслью о необходимости союза между рыцарями и крестьянами. Такимъ образомъ въ идеѣ Гуттена союзъ дворянства съ городами дополнялся союзомъ рыцарей съ крестьянами. Этотъ демократическій радикализмъ Гуттена совершенно не подходилъ, однако, къ тогдашнему нѣмецкому обществу, въ которомъ дворянство, бюргерство и крестьянство слишкомъ рѣзко отдѣлялись одно отъ другого. Гуттену не пришлось участвовать въ возстаніи Зиккингена, начавшемся еще въ 1522 г., по причинамъ мало выясненнымъ (повидимому, по болѣзни). Вскорѣ послѣ того, какъ надъ Зиккингеномъ разразилась катастрофа, Гуттенъ, изгнанный изъ Базеля, вынужденный бѣжать изъ Мюльгаузена и нашедшій наконецъ пріютъ въ Цюрихѣ, гдѣ онъ сошелся съ Цвингли, написалъ противъ князей, побѣдившихъ Зиккингена, страстный памфлетъ подъ заглавіемъ „Противъ тиранновъ". Это была его лебединая пѣсня, такъ какъ вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

---

[1]) Кличка, данная мужику вообще.

Общія причины возстанія имперскихъ рыцарей заключались въ недовольствѣ ихъ своимъ положеніемъ. По мѣрѣ возвышенія княжеской власти мелкіе феодальные элементы утрачивали свои права, и имперскому рыцарству приходилось опасаться, чтобы не попасть въ полную зависимость отъ князей, какъ это случилось съ земскимъ дворянствомъ отдѣльныхъ княжествъ. Такихъ рыцарей, которые еще стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ императору, т.-е. не были княжескими подданными, было особенно много на западѣ Германіи, и они-то явились противниками развитія земскаго верховенства князей. Между тѣмъ и князья имѣли поводы быть недовольными рыцарствомъ, такъ какъ отъ этого сословія, отличавшагося большимъ своеволіемъ, очень терпѣлъ тотъ самый земскій миръ, о которомъ особенно заботились въ Германіи въ эту эпоху: учрежденія 1495 года, имѣвшія цѣлью охрану земскаго мира, были не особенно пріятны рыцарямъ, тѣмъ болѣе, что князья дѣлались главными блюстителями новаго порядка. Между прочимъ они видѣли, что если каждый имперскій рыцарь самъ по себѣ не представлялъ большой опасности, то нельзя было такъ смотрѣть на рыцарскіе союзы: мы знаемъ, что запрещеніе послѣднихъ было даже однимъ изъ условій, предъявленныхъ Карлу V избирательной капитуляціей. Во всемъ этомъ рыцари видѣли умаленіе своихъ правъ и очень волновались. Экономическое положеніе сословія было также не блестящее: его представители вели хозяйство плохо; ихъ земли дробились вслѣдствіе естественнаго размноженія членовъ сословія и обезцѣнивались, благодаря тому, что промышленность и торговля давали лучшіе доходы, чѣмъ сельское хозяйство, къ тому же прежнія крестьянскія повинности въ эпоху общаго подъема цѣнъ не могли соотвѣтствовать возраставшимъ потребностямъ, тѣмъ болѣе, что рыцарство, въ образѣ жизни мало чѣмъ отличавшееся прежде отъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, теперь начало гнаться за богатымъ бюргерствомъ, за князьями, при дворахъ у которыхъ многіе рыцари состояли на службѣ. Возникалъ своего рода дворянскій пролетаріатъ, и многіе члены сословія предпочитали разбой работѣ, бывшей ниже ихъ благороднаго достоинства. Но ни къ кому не относились они съ такою непріязнью, никого съ такимъ сознаніемъ своего права они не считали возможнымъ грабить, какъ богатыхъ монаховъ и вообще духовныхъ: въ этомъ отношеніи даже Ульрихъ фонъ-Гуттенъ не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Антагонизмъ между дворянствомъ и духовенствомъ—явленіе довольно обычное въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ реформаціонную эпоху: отношеніе имперскаго рыцарства къ духовенству было лишь частнымъ случаемъ этого болѣе общаго явленія. Итакъ, *князья и духовные были главными врагами рыцарства, и духовные князья болѣе, чѣмъ*

кто бы то ни былъ между тѣми и другими. Запрещеніе рыцарскихъ союзовъ условіями избранія Карла V, хотя оно касалось прямо только княжескихъ рыцарей, и начало національнаго движенія противъ католицизма должны были произвести весьма сильное броженіе среди сословія, многіе члены котораго только-что участвовали въ походѣ подъ начальствомъ Франца фонъ-Зиккингена противъ „тиранна", герцога Ульриха Вюртембергскаго (1519 г.).

Францъ фонъ-Зиккингенъ предводительствовалъ и возстаніемъ 1522 г. Этотъ рыцарь, сблизившійся съ Гуттеномъ во время только-что упомянутаго похода, былъ человѣкъ энергичный, храбрый, весьма вліятельный среди членовъ своего сословія и вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ, несомнѣнно одаренный всѣми главными способностями организатора. Ему не могли быть близки культурные и общественные интересы, заставлявшіе Гуттена бросаться въ литературную, религіозную и общественную борьбу, такъ какъ Гуттенъ, по собственнымъ его словамъ („Оправданіе"), „получилъ такой нравъ отъ Бога, что ему и съ большею болью, и глубже, чѣмъ другимъ, проникало въ душу общее страданіе", но онъ раздѣлялъ всѣ воззрѣнія и стремленія своего сословія. Зиккингенъ былъ солдатъ, участвовавшій во многихъ войнахъ, и рыцарство охотно становилось подъ его знамена, подъ которыя охотно же шли и простые ландскнехты, и другіе всякаго званія люди. Переходная эпоха отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени въ исторіи военнаго быта характеризуется паденіемъ старыхъ феодальныхъ ополченій и лишь первыми шагами въ образованіи постоянныхъ армій, но главнымъ образомъ кондотьерствомъ, получившимъ особое развитіе въ Италіи. Въ Германіи старыя вассальныя дружины пришли въ упадокъ, а постояннаго имперскаго войска не образовалось, такъ какъ князья этому постоянно противились, опасаясь усиленія императора, а между тѣмъ потребность въ войскѣ была, и этимъ создавались условія, благопріятныя для развитія кондотьерства: припомнимъ въ эпоху тридцатилѣтней войны роль Валленштейна. Францъ фонъ-Зиккингенъ былъ чѣмъ-то среднимъ между средневѣковымъ рыцаремъ и кондотьеромъ въ родѣ Валленштейна, явившагося на историческую сцену столѣтіе спустя и тоже въ смутную эпоху, которая тогда переживалась Германіей. Зиккингенъ смотрѣлъ еще на себя, какъ на слугу имперіи, и служилъ Максимиліану I въ его войнахъ, но это не мѣшало ему служить и Франциску I. Впрочемъ, онъ отвергъ его золото: когда тотъ, ставя свою кандидатуру на императорскій престолъ, хотѣлъ расположить вліятельнаго рыцаря въ свою пользу. Другими рыцарскими чертами были у Зиккингена ненависть къ князьямъ, духовнымъ и горожанамъ и привычка по собственному произволу прибѣгать къ мечу для защиты

того, что̀ онъ считалъ правымъ дѣломъ, хотя подобный рыцарскій самосудъ считался простымъ разбойничествомъ и со стороны князей, и со стороны горожанъ. Впрочемъ, Зиккингенъ дѣйствительно не забывалъ о своихъ интересахъ, когда выступалъ въ роли карателя виновныхъ. Намъ не разъ ужъ приходилось видѣть, что Ульрихъ фонъ-Гуттенъ прочилъ Зиккингена въ вожди возстанія, которому онъ все болѣе и болѣе придавалъ въ своихъ памфлетахъ характеръ общенароднаго дѣла.

Лѣтомъ 1522 г. Францъ фонъ-Зиккингенъ устраиваетъ рыцарскій съѣздъ въ Ландау, гдѣ съѣхавшіеся заключаютъ между собою союзъ (der Ritterschaft brüderliche Vereinigung). Къ сожалѣнію, условія этого союза остаются не вполнѣ ясными, несмотря на существованіе союзнаго документа (Bundesbrief), равно какъ неясны и побудительныя причины, именно въ это время заставившія Зиккингена пригласить рыцарей на собраніе. Если только не было тайныхъ статей договора, имѣвшаго цѣлью обезпеченіе сословныхъ правъ, союзъ вовсе не былъ направленъ противъ князей: по крайней мѣрѣ, обязываясь не воевать другъ съ другомъ (прекратить Fehde), по всѣмъ же недоразумѣніямъ обращаться къ суду, союзники дѣлали исключеніе для княжескихъ рыцарей на случай войны между ихъ князьями, такъ какъ рыцарямъ послѣднихъ участвовать въ войнѣ не возбранялось подъ условіемъ щадить имѣнія противной стороны и по окончаніи войны возобновлять союзъ. Затѣмъ былъ устроенъ комитетъ, въ составъ котораго входили Зиккингенъ и двѣнадцать рыцарей, такъ сказать, для веденія дѣлъ союза: во всѣхъ важныхъ случаяхъ они должны были обращаться по мѣсту жительства къ ближайшимъ рыцарямъ и спрашивать ихъ совѣта. Разъ въ году предполагались общіе съѣзды съ обязательствомъ являться на нихъ всѣмъ участникамъ союза и съ подчиненіемъ отсутствующихъ принятымъ рѣшеніямъ. Если поставить вопросъ, противъ кого видимо былъ направленъ союзъ, то придется указать на прелатовъ, такъ какъ только ихъ не допускали рыцари въ члены союза, открывъ доступъ въ него и князьямъ, и городамъ, буде они пожелали бы къ нему примкнуть. Есть, однако, указаніе на то, что въ существѣ дѣла союзъ не особенно благоволилъ къ княжеской власти: союзники не должны были обращаться ни къ княжескимъ судамъ, ни къ имперскому верховному суду, члены котораго назначались князьями, но обязывались подъ страхомъ удаленія изъ союза обращаться къ своему третейскому разбирательству безъ всякой апелляціи въ имперскій судъ.

Союзъ заключался на шесть лѣтъ, срокъ слишкомъ малый для крупнаго предпріятія и слишкомъ длинный для достиженія какой-либо временной цѣли. Были ли при этомъ тайныя статьи, прини-

маемыя нѣкоторыми историками на основаніи ходившихъ тогда слуховъ, а также въ виду того, что походъ на трирскаго архіепископа начался очень скоро послѣ съѣзда въ Ландау, или слѣдуетъ тутъ различать, какъ дѣлаетъ Ульманъ, планы рыцарей отъ плановъ самого Зиккингена, что̀ весьма вѣроятно; несомнѣнно только одно то, что за съѣздомъ въ Ландау весьма быстро начался походъ, но что въ немъ участвовали далеко не всѣ тѣ рыцари, которые пріѣзжали въ Ландау и договаривались между собою. Нужно еще замѣтить, что формальное заключеніе союза должно было наступить черезъ десять недѣль, и что Зиккингенъ передъ походомъ не созывалъ новаго собранія. Что касается до самой цѣли нападенія на трирскаго архіепископа, то и тутъ многое остается неяснымъ: враги Зиккингена обвиняли его въ стремленіи создать себѣ самостоятельное княжество на границахъ Германіи и Франціи, а то, что приписываетъ ему Гуттенъ въ своихъ памфлетахъ, въ большинствѣ случаевъ выражаетъ собственныя желанія Гуттена; только, пожалуй, заявленіе Зиккингена, что онъ намѣренъ итти по стопамъ Жижки, отобравшаго у монаховъ и духовныхъ земли, заслуживаетъ вниманія. Затѣмъ извѣстно, что съ архіепископомъ-курфюрстомъ у Зиккингена были личные счеты, и что еще въ 1521 г. онъ началъ вербовать войско, выставляя предлогомъ войну императора съ французскимъ королемъ. Нападеніе свое на архіепископа Зиккингенъ мотивировалъ желаніемъ открыть слову Божію двери, крѣпко запертыя архіепископомъ, во владѣніяхъ котораго дѣйствительно началось религіозное броженіе, соединившееся съ выраженіями неудовольствія на его правленіе. Зиккингенъ даже называлъ въ воззваніи свое ополченіе рыцарями креста противъ враговъ евангелія. Начавъ походъ съ небольшими силами (maximum съ 15 тысячами, изъ которыхъ 10 тысячъ было пѣхоты), онъ, повидимому, расчитывалъ, что къ главному отряду постепенно присоединятся другіе рыцари, что подданные архіепископа окажутъ ему поддержку, что самъ курфюрстъ будетъ застигнутъ врасплохъ, а сосѣди ему не помогутъ. Курфюрстъ пфальцскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Зиккингеномъ, и онъ надѣялся на его нейтралитетъ; майнцскій архіепископъ былъ товарищъ ненадежный, а кёльнскій (Германъ фонъ-Видъ)—кабинетный теологъ, совсѣмъ не интересовавшійся мірскими дѣлами. Быть можетъ, захватъ трирскаго архіепископства долженъ былъ быть лишь началомъ болѣе крупнаго переворота, но Зиккингенъ ошибся въ расчетахъ и встрѣтилъ противъ себя союзъ князей, они были встревожены его предпріятіемъ: не въ первый разъ уже онъ начиналъ враждебныя дѣйствія противъ князей. Напримѣръ, ландграфъ Филиппъ Гессенскій подвергался и раньше нападенію съ его стороны: уже по этому поводу трирскій архіепископъ предостерегалъ

другихъ князей противъ Зиккингена. На первыхъ порахъ Зиккингенъ имѣлъ успѣхъ, объявляя, что онъ идетъ на „врага Бога, императорскаго величества и порядка имперіи“ и что походъ совершается „во имя императора“, но осторожный архіепископъ, знавшій своего противника и ожидавшій бѣды отъ съѣзда въ Ландау, успѣлъ заранѣе приготовиться къ оборонѣ. Осада Трира не удалась, особенно когда курфюрстъ пфальцскій и Филиппъ Гессенскій пришли на помощь къ архіепископу. Зиккингену пришлось изъ наступленія перейти въ оборонительное положеніе, имѣя опорными пунктами сначала два замка Эбернбургъ и Ландштуль, а потомъ только одинъ Ландштуль, который онъ долженъ былъ наконецъ сдать князьямъ. Въ это время онъ былъ смертельно раненъ, и скончался въ присутствіи своихъ побѣдителей (май 1523 г.).

Побѣда была полная, и ею князья воспользовались, чтобы сломить рыцарей и уничтожить ихъ союзы. Среди возставшихъ популярна была мысль о возстановленіи старины, когда Германія была едина подъ властью императора, окруженнаго рыцарствомъ, и князья еще не поднимались такъ высоко; но императоръ въ это время отсутствовалъ, князья оказались солидарными, а союзниковъ у рыцарей не нашлось, хотя Зиккингену и приписывали намѣреніе соединиться съ крестьянами: по крайней мѣрѣ, враги его, чтобы сдѣлать его болѣе ненавистнымъ въ глазахъ князей, представляли дѣло такимъ образомъ, и самъ онъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, впрочемъ, быть можетъ, больше имѣя въ виду запугать противниковъ. Болѣе дальновидные люди не вѣрили, однако, этимъ розсказнямъ, и герцогъ Георгъ Саксонскій резонно говорилъ, что „башмакъ (крестьянскій символъ) направленъ противъ низшаго дворянства (wider den gemeinen Adel), ибо гдѣ власть въ рукахъ крестьянъ, тамъ и дворянство и всякое начальство утѣснены“ (wo die pawern regieren, dasselben ist der Adel und alle Herrschaft vordruckt). Такъ и случилось, ибо возставшіе крестьяне прямо хотѣли уничтожить и рыцарей. Противъ князей Зиккингенъ могъ бы скорѣе расчитывать на города, которымъ de jure позволялось примкнуть къ союзу, тѣмъ болѣе, что въ виду угрожавшихъ Германіи переворотовъ въ мартѣ 1522 г. былъ назначенъ въ Шпейерѣ съѣздъ представителей отъ городовъ. Туда Зиккингеномъ было даже отправлено посольство, но города не довѣряли ни рыцарямъ вообще, ни Зиккингену въ частности, такъ какъ онъ дѣлалъ нападенія и на нихъ. Замѣчательно, что рыцарское возстаніе было подавлено частнымъ княжескимъ союзомъ, а не тѣмъ имперскимъ правленіемъ (Reichsregiment), которое было организовано по капитуляціи на вормскомъ сеймѣ.

Хотя нѣкоторыя подробности рыцарскаго движенія спорны,

тѣмъ не менѣе общій характеръ его ясенъ, будемъ ли мы ставить въ причинную связь рыцарскій союзъ 1522 г. и походъ на трирскаго архіепископа, или станемъ разсматривать оба явленія, какъ независимыя одно отъ другого слѣдствія одной общей имъ причины. *Движеніе это, во-первыхъ, было чисто сословное*, хотя въ немъ и рождалась мысль о необходимости союза съ другими общественными силами, — мысль, впрочемъ, не имѣвшая глубокихъ корней и кромѣ того едва ли бывшая осуществимой при тогдашней сословной розни. Какъ сословное движеніе, рыцарское возстаніе *было, съ одной стороны, попыткой феодальной реакціи противъ княжескаго монархизма, съ другой — проявленіемъ антагонизма между дворянствомъ и духовенствомъ*, соединеннаго съ стремленіемъ къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ пользу свѣтскаго сословія. Далѣе, это возстаніе нужно поставить въ связь вообще съ безпокойнымъ нравомъ рыцарства, ведшаго полуразбойничій образъ жизни, и съ аналогичными прецедентами, въ родѣ нападеній того же Зиккингена на другихъ князей. Поэтому, *конечно, не реформація вызвала войну 1522—1523 г.* Положительные планы Зиккингена намъ неизвѣстны, да и едва ли у рыцарей была опредѣленная и выработанная политическая программа, хотя два пункта ея намѣчались — государственное объединеніе на развалинахъ княжеской тираніи и уничтоженіе силы духовенства посредствомъ отобранія у него поземельной собственности, такъ что не даромъ Зиккингенъ „во имя императора" ополчался въ защиту реформаціи: благодаря послѣднему обстоятельству, *рыцарское возстаніе было первымъ крупнымъ общественнымъ движеніемъ, пошедшимъ подъ знаменемъ реформаціи*. Въ немъ особенно любопытно *соединеніе феодальной реакціи съ новыми началами*, — явленіе, которое мы наблюдаемъ сорока годами позже во Франціи, гдѣ религіозное движеніе покрывало собою сословныя стремленія дворянства, и феодальная реакція шла даже рука объ руку съ идеей народовластія. Впрочемъ, въ рыцарскомъ движеніи 1522 г. религіозный элементъ самъ по себѣ былъ еще слабъ: сильнѣе выступаетъ онъ въ крестьянской войнѣ, но зато въ исторіи этой войны, помимо чисто сословныхъ требованій и помимо сектантскихъ мечтаній о „царствѣ новаго Сіона", мы встрѣчаемся и съ болѣе общей политической программой, въ сравненіи съ которою рыцарское возстаніе носитъ на себѣ черты чисто стихійнаго движенія.

IX. Происхожденіе крестьянской войны [1]).

Установленіе точки зрѣнія на крестьянскую войну 1524 — 1525 гг. — Причины народнаго недовольства. — Отсутствіе юридической защиты. — Свидѣтельства о возбужденіи среди крестьянъ задолго до войны.—Агитація среди крестьянъ и попытки возстанія.—Проповѣдь религіозной реформаціи въ деревняхъ.—Желаніе крестьянъ дать религіозную санкцію своимъ требованіямъ.—Общій выводъ относительно происхожденія крестьянской войны.

Великая крестьянская война 1524—1525 гг. представляетъ изъ себя явленіе въ высшей степени сложное. Охвативъ весьма значительную часть Германіи, движеніе это разбивалось на нѣсколько мѣстныхъ движеній, отличавшихся одно отъ другого по характеру и по тѣмъ требованіямъ, которыя заявляли крестьяне. Стоитъ только изъ утомительныхъ иногда по своему однообразію подробностей объ утѣсненіяхъ крестьянъ, о мѣстныхъ бунтахъ и стычкахъ крестьянъ съ ихъ господами, наполняющихъ „Исторію великой крестьянской войны" Циммермана, выдѣлить приводимыя этимъ историкомъ жалобы и требованія крестьянъ, чтобы увидѣть, что движеніе не было вездѣ однороднымъ. Весьма сложную задачу представляла бы собою и попытка прослѣдить здѣсь судьбы отдѣльныхъ бандъ возставшихъ крестьянъ, не имѣвшихъ общаго начальства и дѣйствовавшихъ независимо одна отъ другой. Дѣло усложняется еще тѣмъ, что къ общему возстанію крестьянъ, имѣвшему свои причины въ юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ сельскаго быта, примѣшивались посторонніе чисто крестьянскому движенію элементы религіозные и политическіе, первые въ двухъ главныхъ своихъ формахъ—зарождавшагося лютеранства и одновременно съ нимъ возникшаго анабаптизма, вторые въ формѣ цѣлой программы переустройства Германіи на новыхъ началахъ. *Будучи вызвана главнымъ образомъ неблагопріятными для крестьянства перемѣнами въ сельскомъ быту*,

[1]) См. т. I, гл. XV. Кромѣ переведенной по-русски книги *Циммермана* (см. выше, гл. I): *Wachsmuth*. Der deutsche Bauernkrieg.—*Dietrich*. Der Bauernkrieg.— *Weil*. Der Bauernkrieg.—*Engels*. Der deutsche Bauernkrieg. *Hartfelder*. Zur Geschichte des Bauernkrieges in Südwestdeutschland.—*Elben*. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524.— *W. Falkenheiner*. Philipp der Grossmüthige im Bauernkriege.—*A. Stern*. Ueber die zwölf Artikel der Bauern und einige andere Aktenstücke aus der Bewegung von 1525.—*Baumann*. Die zwölf Artikel der oberschwäbischen Bauern.—*Stolze*. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges.—*Его же* статья о 12 статьяхъ въ Hist. Zeitschr. за 1903 г.— *Bax*. The peasants war in Germany. Изъ общихъ историковъ особенно много даетъ *Egelhaaf* (см. выше, стр. 10). Наконецъ см. указанныя въ предыдущихъ главахъ соч. *Jörg'a*, *Merx'a* и др., а также указанныя ниже, въ гл. XI.

война 1524—1525 г. имѣла не столь непосредственное отношеніе и къ религіозной реформаціи, и къ планамъ политическаго преобразованія, какіе были у лицъ изъ высшихъ сословій, видѣвшихъ въ крестьянскомъ движеніи лишь средство для проведенія общей государственной реформы. Между тѣмъ относительно крестьянской войны существуютъ невѣрныя представленія, до-нельзя упрощающія дѣло: съ одной стороны, возмущеніе крестьянъ нерѣдко представляется, какъ порожденіе самой религіозной реформаціи, а съ другой—принимается, что послѣдняя въ этомъ своемъ порожденіи была искажена вслѣдствіе характера, полученнаго ею въ грубой и невѣжественной средѣ. Что крестьянская война не была вызвана религіозной реформаціей, а имѣла свои собственныя причины чисто соціальнаго свойства, это явствуетъ изъ того, что *крестьянскіе заговоры и бунты и вообще броженіе среди сельскаго населенія были весьма часты и сильны задолго до начала собственно религіознаго движенія.* Послѣднее только усилило это броженіе, давъ ему идейное знамя. Если вмѣстѣ съ тѣмъ въ войнѣ дѣйствительно было много такого, что́ имѣло чисто разрушительный характеръ, чего, напримѣръ, какъ мы знаемъ, опасался Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, то крайнія воззрѣнія, возбуждавшія страсти на дѣло разрушенія во имя мистическаго идеала царства Божія на землѣ, господствовали лишь въ одной части крестьянъ. Другія части возставшихъ или предъявляли требованія, разумности которыхъ не отвергалъ самъ Лютеръ, не сочувствовавшій лишь попыткѣ осуществленія посредствомъ силы, или шли за болѣе интеллигентными вождями, выработавшими опредѣленный планъ переустройства имперіи на болѣе осуществимыхъ началахъ. *Видѣть въ крестьянской войнѣ лишь анархическое искаженіе реформаціи, выведенной изъ своихъ настоящихъ границъ, и съ этой стороны поэтому совершенно не приходится.*

Задачей нашей не будетъ изложеніе событій, происходившихъ въ Германіи въ это смутное время: намъ нужно лишь остановиться на нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ, характеризующихъ движеніе. Такими пунктами можно считать, во-первыхъ, причины народнаго недовольства, во-вторыхъ, попытки возстанія, дѣлавшіяся раньше общаго взрыва, въ-третьихъ, обстоятельства, при которыхъ началась война. Познакомившись съ этими вопросами, мы разсмотримъ и программы, которыя существовали у возставшихъ или у ихъ вождей.

Къ XVI вѣку въ положеніи нѣмецкаго крестьянства произошла перемѣна къ худшему. Главныя причины этого были слѣдующія. Землевладѣльческое сословіе, въ зависимости отъ котораго находилось крестьянство, усилило въ XV в. свои поборы съ жившихъ на его земляхъ крестьянъ, стало отбирать у нихъ общинныя земли и ли-

шать ихъ права пользованія разными угодьями, бывшими въ ихъ распоряженія, лѣсами, правомъ охоты и рыбной ловли. Дѣло въ томъ, что дворянство начало измѣнять образъ жизни въ смыслѣ бо̀льшей роскоши, въ которой оно подражало богатымъ горожанамъ, а потому стало нуждаться въ бо̀льшихъ доходахъ, и что на помощь дворянамъ явились новые взгляды на сущность юридическихъ отношеній, существовавшихъ между помѣщиками и крестьянами. Въ XV в. въ Германіи происходила рецепція римскаго права, и тѣ самые юристы, которые въ политическомъ отношеніи переносили на князей принципъ абсолютизма, въ соціальномъ отношеніи оказались помощниками феодальныхъ господъ, толкуя разныя формы крестьянской зависимости отъ землевладѣльцевъ въ смыслѣ римскаго рабства и уча, что земля принадлежитъ господамъ на правахъ полной собственности, а крестьяне являются только пользователями своихъ участковъ. Въ народное судопроизводство на сельскихъ сходахъ, бывшихъ даже у крѣпостной части крестьянства, стали вноситься ограниченія въ пользу помѣщичьяго суда. Въ числѣ лицъ, противъ которыхъ возставалъ народъ и его защитники въ XVI в., были поэтому и юристы. Неблагопріятный для сельскаго населенія поворотъ въ юридическихъ отношеніяхъ сопровождался и экономическими измѣненіями, внесшими въ крестьянскую жизнь новыя неблагопріятныя условія. Послѣ открытія Америки въ Европу сразу нахлынула масса благородныхъ металловъ; цѣнность денегъ, благодаря этому, значительно понизилась, что̀ не могло не отразиться на всемъ экономическомъ быту. Вслѣдствіе соотвѣтственнаго вздорожанія всѣхъ товаровъ, помѣщики начали увеличивалъ свои поборы и обезпечивать за собою возможность и впредь получать отъ крестьянъ больше денегъ. Сравнивая степень зажиточности и свободы нѣмецкихъ крестьянъ въ XV и XVI вв., мы должны признать, что въ обоихъ отношеніяхъ положеніе ихъ въ Германіи ухудшилось. Правда, послѣ 1525 г. это ухудшеніе было результатомъ какъ самого возстанія, сопровождавшагося истребленіемъ громаднаго числа крестьянъ и разореніемъ множества селъ и деревень, такъ и неудачнаго для крестьянъ исхода войны, позволившаго побѣдителямъ наложить на усмиренныхъ поселянъ болѣе тяжелое иго, но уже самая война 1524—1525 гг. была вызвана желаніемъ народной массы остановить ухудшеніе своего положенія. Только тенденціозные историки католическаго лагеря могутъ утверждать, будто лишь сама крестьянская война, порожденная своевольной реформаціей церкви, произвела то пониженіе народнаго благосостоянія, которое несомнѣннѣйшимъ образомъ наблюдается въ Германіи къ серединѣ XVI вѣка. О неблагопріятныхъ измѣненіяхъ въ общихъ условіяхъ крестьянскаго

быта свидѣтельствуютъ намъ тѣ жалобы, съ которыми крестьяне еще въ XV вѣкѣ обращаются къ императору, къ юридическимъ факультетамъ, къ швабскому союзу и т. д., не довѣряя судамъ, гдѣ дѣла рѣшались односторонне и пристрастно въ пользу помѣщиковъ, или даже вовсе не имѣя права пользоваться судебною защитою. По общему принципу, крѣпостные крестьяне не могли вчинать исковъ противъ своихъ господъ, а имперскій верховный судъ и совсѣмъ не разсматривалъ никакихъ крестьянскихъ дѣлъ. На сеймѣ 1500 года было даже принято, что крестьяне могутъ жаловаться вообще лишь на чужихъ господъ. Такимъ образомъ имперское законодательство приняло характеръ, крайне невыгодный для земледѣльческаго класса. Ландтаги, не допускавшіе крестьянскаго представительства, равнымъ образомъ ничего не предпринимали въ защиту крестьянъ. Земскіе налоги, которые шли въ княжескую казну съ крестьянъ, также значительно возрастали. Земскіе чины готовы были свалить на сельское населеніе всю податную тяготу, крестьяне же въ сеймахъ не участвовали. Въ 1514 г. волновавшіеся въ Вюртембергѣ крестьяне требовали права отправлять на сеймъ своихъ депутатовъ; „сеймъ, говорили они, только тогда можетъ помочь намъ, если въ немъ будутъ участвовать крестьяне, потому что духовенство, дворянство и горожане не станутъ заботиться о насъ". На сеймъ въ Штутгардтъ въ этомъ году пріѣхали сельскіе депутаты, но вскорѣ сеймъ былъ перенесенъ въ Тюбингенъ, и здѣсь уже безъ крестьянъ сдѣлано было постановленіе, запрещавшее крестьянамъ на будущее время посылать депутатовъ въ ландтаги. Поэтому крестьяне утратили всякое довѣріе и къ этому учрежденію. Когда въ 1525 г. вюртембергскимъ инсургентамъ предложили отдать спорные вопросы на рѣшеніе ландтага, крестьянскій вождь Матернъ Фейербахеръ запальчиво отвѣчалъ: „мы рѣшительно отказываемся отъ ландтага; сеймовъ было много, а какая отъ нихъ польза? Всякій разъ, возвращаясь на родину, на вопросъ о томъ, что̀ далъ сеймъ, только и можешь отвѣтить, что ничего не знаешь, кромѣ одного,—нужно тотчасъ же заплатить деньги". Крестьяне, бывшіе съ Фейербахеромъ, и отъ себя заявили: „мы не хотимъ ландтага, потому что, если онъ будетъ созванъ, мы ни до чего не договоримся, кромѣ новаго налога".

Болѣе дальновидные люди еще задолго до взрыва 1524 г. пророчили, что крестьяне находятся въ возбужденномъ состояніи, грозящемъ смутами. Напримѣръ, уже въ серединѣ XV вѣка одинъ кардиналъ писалъ папѣ Евгенію IV: „Эти злоупотребленія и безпорядки возбуждаютъ народную ненависть противъ всего духовенства, и если ихъ не уничтожатъ, то надо опасаться, чтобы народъ не поступилъ съ духовенствомъ по примѣру гуситовъ. Уже явно слышатся угрозы

въ этомъ духѣ. Всѣ умы съ напряженіемъ ждутъ, что будетъ сдѣлано, и дѣло, повидимому, кончится очень трагически. Ядъ, который они носятъ противъ насъ въ своихъ сердцахъ, обнаруживается явно. Вскорѣ они будутъ думать, что въ угоду Богу надо обращаться съ духовенствомъ, какъ съ людьми, равно ненавистными и Богу, и людямъ". Въ 1492 г. швабскіе земскіе чины оффиціально свидѣтельствовали слѣдующее: „Дѣла въ Швабіи таковы, что подданные не будутъ платить новыхъ налоговъ, потому что и безъ того до крайности обременены податями и оброками; дворянство не можетъ принуждать ихъ къ новымъ платежамъ, не подвергая себя опасности лишиться всѣхъ своихъ ежегодныхъ доходовъ, оброковъ и податей. Въ Швабіи многіе крестьяне свободны, и притомъ существуетъ древній обычай, по которому власти не могутъ взыскивать съ подданныхъ ничего сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, пошлинъ и оброковъ. Если бы, не взирая на это, чины вздумали требовать новыхъ налоговъ, то подданные свергли бы власть и искали бы защиты у другихъ". Въ самомъ началѣ XVI в. императорскій тайный секретарь Грунбекъ въ своемъ „Зерцалѣ всѣхъ золъ, имѣющихъ вскорѣ постигнуть всѣ сословія" (1508) писалъ, что если на духовенство обрушатся разныя бѣды, то „свѣтскіе владѣтели вовсе не должны этому радоваться, потому что при всякомъ несчастіи, упавшемъ на духовное сословіе, почти всѣ обломки посыпятся и на свѣтское; если духовенству первому суждено выпить чашу испытанія, то свѣтскіе господа должны будутъ все-таки проглотить со дна ея всю горечь осадка". Мы видѣли, что и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ предостерегалъ относительно возможности большого возстанія народа.

Впрочемъ, и странно было бы, если бы не было дѣлаемо такихъ заявленій, такъ какъ съ конца XV вѣка тянется длинный рядъ крестьянскихъ безпорядковъ и бунтовъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ зальцбургской области и Верхней Каринтіи волненія происходили въ 1462 и 1478 годахъ. Въ 1491 году было возстаніе нидерландскихъ крестьянъ, получившихъ названіе сырниковъ, такъ какъ на ихъ знамени былъ изображенъ зеленый сыръ съ ячменнымъ хлѣбомъ. Одновременно съ этимъ было возмущеніе крестьянъ кемптенскаго аббатства. Вскорѣ затѣмъ въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи народъ сталъ подниматься подъ знаменемъ „Башмака" (Bundschuh), сдѣлавшагося символомъ крестьянскаго возстанія. Когда впервые мужицкій башмакъ съ ремнями, привязывавшими его къ ногѣ, получилъ такое значеніе, неизвѣстно, но уже въ 1492 г. въ немъ видѣли знамя народнаго бунта. Въ 1493 г. это знамя собрало около себя тайное общество въ Эльзасѣ. Въ 1499 г. во время такъ называемой швей-

царской или швабской войны, когда швейцарцы появились въ Гегау, мѣстные крестьяне стали переходить на ихъ сторону и успѣли разрушить не мало дворянскихъ замковъ. Въ 1502 г. образовался „Башмакъ“ въ шпейерской области, откуда заговоръ распространился внизъ по теченію Рейна, по Майну и Неккару, а въ слѣдующемъ году проникъ въ Вюртембергъ, гдѣ получилъ названіе „Бѣднаго Конрада“. Въ 1512 году „Башмакъ“ возрождается въ Брейсгау, въ деревнѣ Легенъ (Lehen) около Фрейбурга. Въ 1514 г. вюртембергскій „Бѣдный Конрадъ“ поднимаетъ цѣлое возстаніе, участники котораго были потомъ жестоко наказаны. Въ то же время происходятъ возстанія въ Ортенау, въ Венгріи, въ Каринтіи и Виндской мархіи. Въ 1520 г. въ Эйзахѣ въ Троицынъ день собралось около 800 тирольцевъ: они напали на Бриксенъ, резиденцію епископа, осадили городъ и разграбили дома духовныхъ лицъ.

Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, какъ часты были еще задолго до войны 1524—1525 гг. крестьянскіе бунты. Дѣло не обходилось безъ спеціальныхъ агитаторовъ, тайныхъ обществъ и заговоровъ. Въ 1476 г. въ вюрцбургской области Гансъ Бегеймъ изъ Никласгаузена проповѣдовалъ о новомъ царствѣ Господнемъ, въ которомъ не будетъ ни папы, ни господъ, а всѣ будутъ братья, самъ каждый для себя будетъ зарабатывать хлѣбъ; въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнно гуситскимъ вліяніемъ. Въ тайныхъ обществахъ конца XV и начала XVI вѣковъ дѣятельное участіе принималъ Іоссъ Фрицъ изъ Унтергрумбаха, основатель легенскаго „Башмака“. Въ февралѣ 1514 г., когда въ Вюртембергѣ начиналось волненіе „Бѣднаго Конрада“, гохбергскій окружный правитель Людвигъ Горнекъ фонъ-Горнбергъ писалъ совѣту города Фрейбурга въ Брейсгау: „Я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія, что снова существуютъ происки съ цѣлью возстановленія Башмака. Злоумышленники расхаживаютъ и разъѣзжаютъ подъ видомъ священниковъ и богомольцевъ. Иногда также расписываютъ они себѣ лицо язвами, переодѣваются скоморохами и нищенствующими монахами. Поэтому рекомендую городу зорко наблюдать за этими столь зловредными происками, дабы предупредить ихъ послѣдствія“. Въ 1524 году епископу бамбергскому и нюрнбергскому городскому совѣту доносили, что „какіе-то таинственные и неизвѣстные люди“ бродятъ по монастырскимъ имѣніямъ и волнуютъ народъ, уговаривая его не платить десятины. Извѣстія о тайныхъ обществахъ и заговорахъ постоянно переплетаются съ извѣстіями о мѣстныхъ волненіяхъ, и при этомъ видно, что въ этихъ союзахъ участвовали люди и изъ другихъ сословій, а не одни крестьяне. Уже тогда недовольные формулировали свои требованія въ программахъ, напоминающихъ позднѣйшія „двѣнадцать статей“,

и въ пользу своихъ требованій ссылались на св. писаніе. Эльзасскій союзъ 1493 г., напримѣръ, имѣлъ своею цѣлью произвести религіозную и политическую реформу, ограничивъ права духовенства, отмѣнивъ церковный судъ и тайную исповѣдь, какъ главное основаніе власти клира, учредивъ общинное самоуправленіе съ народнымъ судомъ и правомъ податного самообложенія. Чтобы расположить простой народъ къ этимъ преобразованіямъ, члены союза, не принадлежавшіе къ крестьянскому сословію, предполагали отмѣнить разныя повинности, пошлины и т. п. и установить юбилейные годы съ прекращеніемъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ. Брухрайнскій союзъ въ Унтергрумбахѣ, образовавшійся около 1502 г., поставилъ своею задачею добиться уничтоженія крѣпостничества и отмѣны всѣхъ властей, кромѣ императорской, а также десятинъ, оброковъ, налоговъ и повинностей, платившихся князьямъ, дворянамъ и духовенству. Вмѣстѣ съ этимъ онъ хотѣлъ добиться раздачи народу монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а также того, чтобы охота, рыбная ловля, луга и лѣса были доступны всѣмъ. На одномъ совѣщаніи легенскаго „Башмака“ въ 1512 г. заговорщиками приняты были среди другихъ и слѣдующія постановленія: 1) отмѣняются всѣ власти, кромѣ Бога, императора и папы; 2) всѣ будутъ судиться свѣтскимъ судомъ, а духовный судъ будетъ вѣдать только духовныя дѣла; 3) уничтожаются всѣ феодальные оброки и объявляются недѣйствительными всѣ векселя и заемныя письма; 4) относительно процентовъ, которые составляютъ менѣе двадцатой части капитала, будетъ поступлено сообразно съ божественнымъ правомъ; 5) птичья и рыбная ловля, дрова, строевой лѣсъ и сѣнокосъ будутъ свободны; бѣдные и богатые будутъ пользоваться сообща; 6) священники не должны имѣть болѣе одного прихода; 7) число монастырей будетъ ограничено, и лишнее имущество у нихъ будетъ отобрано на военныя нужды; 8) прекращаются всѣ несправедливые налоги и пошлины; 9) будетъ учрежденъ вѣчный миръ для всего христіанства; 10) вступающимъ въ общество должно обезпечить жизнь и имущество, а противящихся этому наказывать. Вюртембергское общество „Бѣднаго Конрада“ изложило свои общіе планы въ двухъ статьяхъ. Въ первой выражалось намѣреніе освободить крестьянъ и горожанъ отъ ига князей, епископовъ, прелатовъ рыцарей и гражданъ имперскихъ городовъ, уничтожить всѣ налоги, подати и повинности и жить свободно. Во второй статьѣ, между прочимъ, говорилось объ отобраніи у монастырей и богатыхъ землевладѣльцевъ излишка имущества, чтобы улучшить бытъ крестьянъ. Такимъ образомъ тайныя общества и заговоры имѣли болѣе или менѣе выработанныя программы. И вообще это было время разныхъ политическихъ программъ, изъ которыхъ

особаго вниманія заслуживаютъ „Реформація Фридриха III“ и тридцать статей, приложенныхъ къ „Новому Карстгансу“ Гуттена. Иногда требованія, заносившіяся въ программы, прямо составлялись со словъ крестьянъ. Напримѣръ, въ іюнѣ 1514 г. была сходка сосѣднихъ жителей въ Бюлѣ въ Ортенау, на которой одинъ изъ мѣстныхъ агитаторовъ велѣлъ крестьянамъ разсказывать свои жалобы. Желанія крестьянъ были слѣдующія: они хотѣли имѣть право гонять, стрѣлять, ловить и всячески убивать дичь, если она вредитъ ихъ виноградникамъ, и оставлять ее себѣ или дарить фохту, по произволу, не подвергаясь наказанію; они желали далѣе отмѣны новаго закона о наслѣдствѣ, по которому супруги не могли наслѣдовать другъ другу, желали уменьшенія новыхъ податей и пошлинъ, уничтоженія долговыхъ обязательствъ, въ которыхъ проценты сравнялись съ капиталомъ, и т. п.

Въ свою очередь дворянство предвидѣло опасность общаго взрыва и кое-гдѣ даже заранѣе готовилось къ отпору. Послѣ подавленія „Бѣднаго Конрада“ швабское дворянство на одномъ изъ своихъ съѣздовъ заключило между собою союзъ, актъ котораго гласилъ слѣдующее: „Мы будемъ всячески поддерживать другъ друга противъ всѣхъ покушеній простого народа, такъ какъ въ настоящее время бунты и возмущенія подданныхъ и бѣдныхъ людей, которые поднимаютъ Башмакъ и заключаютъ незаконные союзы противъ своихъ законныхъ, естественныхъ властей и господъ,—осмѣливаются на попытки сбросить съ себя власть высшихъ классовъ, подавить и истребить дворянство и всѣ высшія сословія, такъ что можно опасаться, чтобы дворянству и рыцарству не пришлось испытать того же, что уже потерпѣли князья, города и духовенство“. Броженіе, дѣйствительно, принимало весьма опасный характеръ, и въ томъ же 1514 году, когда было подавлено вюртембергское возстаніе, мѣстное правительство въ грамотахъ, разосланныхъ въ имперскіе города, приглашая не терпѣть у себя бѣглецовъ, такъ характеризовало стремленія бунтовщиковъ; они „всѣ равно ненавидятъ, губятъ и оскорбляютъ святую вѣру и христіанскую церковь, презираютъ власти и знатныхъ людей, нарушаютъ миръ, преданы ереси, скрываютъ въ себѣ зловредное стремленіе кощунствовать надъ св. вѣрою и христіанствомъ, презирать и истреблять имперію, королевства, герцогства, княжества, графства и господства, и заражать духомъ мятежа города и деревни“.

Вотъ на какую почву въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка стали падать сѣмена новыхъ религіозныхъ ученій, распространявшихся монахами, которые покидали свои монастыри, или сектантами, которыхъ изгоняли изъ городовъ. Проповѣдь новыхъ идей объеди-

няла отдѣльныя движенія, ставила ихъ подъ защиту религіи, вселяла въ крестьянахъ фанатическую увѣренность въ своей правотѣ, хотя были, съ другой стороны, случаи, когда въ войнѣ 1524—1525 гг. участвовали крестьяне, остававшіеся католиками. Напримѣръ, волновавшіеся крестьяне графа Фюрстенберга отвѣчали присланнымъ ихъ успокоивать, что они „не слѣдуютъ евангелическому ученію и собрались вовсе не для слушанія проповѣдей". Клетгаускіе крестьяне увѣряли цюрихцевъ, что причина безпорядковъ не въ религіи, а въ политикѣ. Вюртембергскіе инсургенты, находясь въ Вуннештейнѣ, каждый день просили священника служить обѣдню въ церкви св. Михаила, а ихъ предводитель Матернъ Фейербахеръ до конца жизни оставался католикомъ. Если вообще еще въ тѣ же годы и утвердилось воззрѣніе, по которому все движеніе нужно было объяснять проповѣдью лютеранскихъ или анабаптистскихъ принциповъ, то другіе современники смотрѣли на дѣло иначе и отдѣляли одно движеніе отъ другого. Посланіе одного имперскаго города, нерасположеннаго къ крестьянамъ, городу Ульму прямо указываетъ на то, что „настоящее возстаніе подданныхъ противъ властей происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе мнимыхъ тяжестей — подушной, барщины, повинностей и небольшихъ десятинъ". По словамъ вейсенгорнской хроники, первыя предпріятія крестьянъ „были направлены противъ начальства, которое ихъ обременяло службою, оброками и крѣпостнымъ состояніемъ и отъ котораго они хотѣли освободиться". Самыя ссылки на священное писаніе, считающіяся характернымъ признакомъ реформаціи, дѣлались и раньше начала реформаціоннаго движенія. Летучіе листки, распространявшіеся въ народѣ еще около 1500 г., взывали къ „христіанской свободѣ" или ссылались на волю Божію, которая не можетъ быть несправедлива. „Откуда, читаемъ мы въ одномъ такомъ листкѣ, — откуда они взяли, что Богъ далъ имъ право требовать отъ насъ барщины? Въ хорошую погоду мы трудимся для нихъ, а въ дурную дождь губитъ въ полѣ все, что мы выростимъ для себя своимъ кровавымъ потомъ. Справедливый Богъ не могъ допустить такого ужаснаго вавилонскаго плѣненія!... А попробуй-ка не послушаться ихъ: они поступятъ съ тобой, какъ съ измѣнникомъ: начнется вѣшанье, рѣзанье, четвертованіе,—убьютъ, какъ бѣшеную собаку. Въ какой главѣ вычитали они, что Богъ далъ имъ подобную власть? Какая тутъ воля Божія? Они—слуги дьявола, и сатана начальникъ ихъ. Богу будетъ пріятно, когда вытурятъ этого Моава и Бегемота". Подобные листки и брошюры, распространявшіеся въ народѣ, равнымъ образомъ обращали на себя вниманіе властей и господъ. Еще въ 1522 г. баварскій канцлеръ Леонгардъ Эккъ писалъ своему герцогу: „подумайте, ваша милость, о тревогѣ,

которая теперь повсемѣстна. Для народа издали книжку и въ ней уговариваютъ его сбросить иго князей и дворянства, которымъ онъ подчиняется изъ страха ихъ тираніи; даже увѣряютъ его, что этимъ онъ сдѣлаетъ прекрасное дѣло".

X. Крестьянская война и ея программы.

Районы крестьянской войны и главные ея вожди. — Поведеніе возставшихъ. — Отношеніе къ крестьянамъ Лютера.—Поведеніе городовъ.—Подавленіе крестьянскаго возстанія.—Причины и результаты пораженія крестьянъ.—Необходимость разсмотрѣнія программъ движенія. — Двѣнадцать статей. — Вендель Гиплеръ. — Гейльброннская программа.

Въ 1523 г. было подавлено рыцарское движеніе, въ 1524 началась крестьянская война, принявшая, впрочемъ, особенно большіе размѣры только въ слѣдующемъ году. Лѣтомъ 1524 г. первыя возстанія происходили на верхнемъ Рейнѣ, но мало-по-малу они распространились и на другія части Германіи, а въ 1525 г. почти вся страна была охвачена пожаромъ войны, за исключеніемъ однѣхъ только сѣверныхъ частей. Всѣ тѣ мѣстности, гдѣ поднялись крестьяне, можно раздѣлить на три района, смотря по тому, какіе были главные вожди и основныя требованія возставшихъ. Въ юго-западномъ углу Германіи дѣйствовалъ въ качествѣ вождя Гансъ Мюллеръ изъ Бульгенбаха; изъ этого района вышла программа „двѣнадцати статей", по своему содержанію программа чисто крестьянская. Сначала она объединяла требованія всѣхъ крестьянъ, и ея распространенію много содѣйствовали вѣстники, разносившіе ее по всей Германіи. Въ другомъ районѣ особую силу имѣла политическая программа, составленная бывшимъ гогенлоэскимъ канцлеромъ Венделемъ Гиплеромъ. Этотъ районъ охватывалъ Франконію отъ Ротенбурга и Бенсгейма до Вюрцбурга и Таубера. Здѣсь дѣйствовали между прочимъ такіе неудачные вожди, какъ Метцлеръ и рыцарь Гёцъ фонъ-Берлихингенъ; послѣдній, подобно Зиккингену, имѣлъ свои собственные планы и примкнулъ къ возстанію лишь для того, чтобы осуществить ихъ при помощи крестьянъ. Далѣе къ сѣверу до Тюрингіи и Саксоніи былъ третій районъ войны. Въ этихъ мѣстахъ агитація шла главнымъ образомъ со стороны анабаптистовъ, стремившихся къ полному соціальному переустройству; главнымъ дѣятелемъ былъ здѣсь уже извѣстный намъ Ѳома Мюнцеръ.

Въ общемъ ходѣ войны замѣчается нѣкоторая постепенность: и поведеніе крестьянъ, и ихъ требованія дѣлались болѣе и болѣе насильственными и крайними, по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны,

они встрѣчали сопротивленіе, а съ другой — усиливалась анабаптистская проповѣдь. *Сначала большинство крестьянъ ограничивалось демонстраціями*, которыя должны были подкрѣпить ихъ требованія. Между прочимъ они обращались къ Лютеру съ своими „двѣнадцатью статьями“, но не нашли у него большого сочувствія. Многіе изъ нихъ предлагали дворянамъ третейское разбирательство и полюбовныя сдѣлки; на это они получали иногда согласіе, и тогда расходились. Въ числѣ разныхъ мнѣній о томъ, какъ полюбовно уладить дѣло, заслуживаетъ вниманія мысль о томъ, чтобы дворяне за свои уступки получили вознагражденіе изъ секуляризованныхъ земель духовенства. Когда, однако, крестьяне и ихъ вожди увидѣли, что изъ переговоровъ ничего не выходитъ, именно раннею весною 1525 г., вспыхнуло повсемѣстное возстаніе, и начался настоящій терроръ. Возставшіе думали добиться исполненія своихъ требованій исключительно силою и стали принуждать примкнуть къ общему возмущенію и тѣ деревни, которыя ранѣе не принимали въ немъ участія. Напримѣръ, лимпургскіе инсургенты писали крестьянамъ въ Оттендорфѣ такого рода приглашеніе: „предписываемъ вамъ евангельскую и братскую любовь и просимъ васъ немедленно явиться къ намъ и вступить въ наши священныя полчища для завоеванія евангельской любви и братства. Если вы это сдѣлаете, то доставите намъ великую радость; если же нѣтъ, то вамъ придется плохо“. Такимъ же языкомъ заговорили крестьяне и съ дворянами, равнымъ образомъ приглашая присоединиться къ братству и грозя, въ случаѣ ихъ отказа, заставить ихъ сдѣлать это силою и лишить покровительства законовъ. „Такимъ образомъ, говоритъ одинъ современникъ, вовлечено было въ возстаніе очень много честныхъ и благородныхъ людей“. На первыхъ порахъ крестьянамъ не было оказано большого сопротивленія; въ большинствѣ случаевъ возставшіе побѣждали, принуждая прелатовъ, дворянъ и города принимать ихъ условія, бывшія, впрочемъ, весьма различными. Гансъ Мюллеръ обращался съ дворянами и духовными сравнительно умѣренно, въ духѣ „двѣнадцати статей“. Ѳома Мюнцеръ совсѣмъ не одобрялъ мирныхъ сдѣлокъ, заключавшихся швабскими и отчасти франконскими крестьянами съ ихъ господами, находя, что послѣднихъ нужно истреблять, какъ язычниковъ.

По мѣрѣ усиленія возстанія и сопровождавшихъ его жестокостей отношеніе къ нему другихъ слоевъ населенія становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ. Выразителемъ общественнаго мнѣнія явился Лютеръ. Когда крестьяне обратились къ нему съ „двѣнадцатью статьями“, прося подтвердить ихъ своимъ авторитетомъ, онъ только обвинялъ ихъ въ томъ, что они слишкомъ плотски понимаютъ Еван-

геліе, но не возставалъ противъ ихъ требованій по существу: „христіанинъ долженъ сто разъ предпочесть смерть, чѣмъ хоть бы малѣйшимъ образомъ принять участіе въ возстаніи крестьянъ“, говорилъ Лютеръ. Онъ даже открыто выражалъ ту мысль, что оно было вызвано притѣсненіями со стороны помѣщиковъ. Поэтому онъ совѣтовалъ владѣльцамъ относиться снисходительно къ подвластнымъ: „это вы — причина бунта, писалъ онъ имъ; это ваши нападки на Евангеліе, ваше виновное угнетеніе бѣдныхъ членовъ церкви довело народъ до отчаянія. Не крестьяне, любезные господа, поднялись противъ васъ, это самъ Богъ становится противъ васъ. Крестьяне только орудіе, которое онъ употребляетъ для вашего униженія... Любезные господа, писалъ онъ еще, ради любви къ Богу умѣрьте свое негодованіе, ведите себя благоразумно съ этимъ народомъ, какъ съ пьяными и заблудшими людьми. Кротостью утишьте эти волненія, дабы изъ нихъ не возникло пожара, который охватитъ всю Германію. Между ихъ двѣнадцатью статьями есть хорошія и справедливыя“. Но когда возстаніе приняло ужасающіе размѣры, Лютеръ сталъ совѣтовать рыцарямъ убивать крестьянъ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Онъ самъ отправлялся въ нѣкоторыя мѣстности, гдѣ волновались крестьяне, и проповѣдовалъ имъ безусловное повиновеніе властямъ. „Христосъ показалъ, говорилъ онъ, какое главное право христіанина. Это право терпѣть. Крестъ! Крестъ! Вотъ гдѣ право Христова ученика. Каково бы ни было право крестьянъ, они виновны тѣмъ, что его требуютъ; они должны страдать и молчать, если хотятъ быть христіанами; христіанинъ долженъ позволить обокрасть, ободрать, убить себя, ибо онъ—мученикъ на землѣ“. Мнѣніе Лютера, написавшаго по случаю крестьянскаго возстанія спеціальныя брошюры (главнымъ образомъ „Wider die räuberischen und mörderischen Bauern), не мало содѣйствовало тому, что города, гдѣ его голосъ былъ весьма авторитетенъ, въ общемъ не примкнули къ движенію. Вообще большинство ихъ населенія составляло партію порядка; тѣмъ болѣе, что многіе имперскіе города имѣли внѣ своихъ стѣнъ болѣе или менѣе обширныя территоріи съ зависимымъ отъ нихъ крестьянскимъ населеніемъ. Появленіе крестьянскихъ бандъ, плохо снабженныхъ провіантомъ и потому предававшихся грабежу, также не могло быть пріятно горожанамъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые города должны были примкнуть къ движенію (особенно разные мелкіе города), иногда волею-неволею снабжая возставшихъ оружіемъ или провіантомъ (Ульмъ, Нюрнбергъ), иногда будучи захвачены врасплохъ сосѣдними крестьянами, иногда сами добиваясь правъ (Майнцъ). Такіе города, какъ Мюльгаузенъ или Гейльброннъ, получили даже особое значеніе въ возстаніи, одинъ—какъ резиденція Ѳомы Мюнцера, другой—какъ центръ дви-

женія, гдѣ возникла одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ программъ. Но все это были только исключенія. И въ рыцарскомъ сословіи отдѣльныя лица принимали участіе въ возстаніи, или принужденныя къ тому силою, или имѣя для этого личныя, своекорыстныя побужденія.

Понятно, что если менѣе значительное по своимъ размѣрамъ возстаніе Зиккингена заставило князей соединиться, то они никакъ ужъ не могли сидѣть сложа руки, когда поднялись крестьяне и начали разорять и жечь замки, грабить и убивать духовныхъ и дворянъ. Князья были страшно встревожены. Фридрихъ Мудрый (какъ разъ скончавшійся въ это время) говорилъ даже, что не знаетъ, долго ли продержится его власть. Союзъ князей, въ которомъ приняли участіе Филиппъ Гессенскій, Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій (преемникъ Фридриха Мудраго) и др., собралъ значительное войско противъ возставшихъ. Весьма скоро оно нанесло пораженіе (при Франкенгаузенѣ въ маѣ 1525 г.) ополченію Ѳомы Мюнцера, который былъ взятъ въ плѣнъ и затѣмъ казненъ. Въ Вюртембергѣ крестьянское возстаніе было подавлено полководцемъ швабскаго союза Трухзесомъ фонъ Вальдбургомъ, а также курфюрстами пфальцскимъ и трирскимъ. Въ другихъ мѣстахъ съ крестьянами управлялись и съ меньшими силами. Усмиреннымъ крестьянамъ побѣдители мстили, сжигая и разоряя цѣлыя деревни. Подавляя возстаніе въ верхней Швабіи, Трухзесъ съ такимъ рвеніемъ жегъ и грабилъ деревни, что швабскій союзъ послалъ ему напомнить, что онъ вовсе не имѣетъ въ виду разоренія страны. Трухзесъ не унялся; онъ отвѣчалъ на письмо, что если господа совѣтники хотятъ учить его вести войну, то пусть сами идутъ на поле битвы, ибо онъ охотно помѣняется съ ними ролями и займетъ ихъ мѣсто на перинѣ. Или вотъ еще характерный случай. Когда была разбита одна крестьянская банда, побѣдители рѣшали вопросъ о наказаніи. Одинъ дворянинъ, у котораго бунтовщики убили сына и опустошили имѣніе, предлагалъ, чтобы каждый рыцарь своимъ копьемъ закололъ по девяти мужиковъ, а другой говорилъ, что лучше загнать всѣхъ въ прудъ и тамъ ихъ потопить; тогда третій замѣтилъ, что хотя „эта презрѣнная толпа и заслуживаетъ смерти, но если всѣ умрутъ, кто же будетъ служить и обрабатывать земли“: не лучше ли наказать всѣхъ денежнымъ штрафомъ? Вообще отъ казней погибла тогда масса народа. Разсказываютъ о случаяхъ ослѣпленія чуть не цѣлыхъ отрядовъ: выколятъ глаза и пустятъ на всѣ четыре стороны! Цѣлыя партіи усмиренныхъ вѣшали по дорогамъ.

Въ нѣмецкомъ крестьянскомъ движеніи, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ движеніяхъ, было слишкомъ много стихійнаго.

Цѣлыя толпы шли въ него, не зная, куда идутъ, съ какими силами, чего можно и чего нельзя достигнуть, увлекаясь только страстнымъ чувствомъ своимъ противъ высшихъ сословій, слѣпо вѣря своимъ вождямъ, которые сами были между собою часто не въ ладахъ или попадали въ предводители возстанія случайно, иногда даже по принужденію или по корыстнымъ соображеніямъ. Да и трудно было крестьянамъ, дѣйствовавшимъ безъ общаго плана и общаго вождя, противостоять вооруженной и организованной силѣ князей и городовъ. Политическія и соціальныя слѣдствія этого возстанія и его пораженія были самыя печальныя. *Побѣдители менѣе, чѣмъ когда либо, склонны были пользоваться умѣренно своею властью, и съ особою силою стали налегать на полученіе доходовъ съ земли съ помощью крѣпостного труда безправнаго крестьянства.* Правда, они оставили неотстроенными разрушенные замки и отстали отъ прежняго военнаго быта, но народу отъ этого не было легче.

Познакомимся теперь съ программами крестьянскаго возстанія. Онѣ составлялись въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, и ихъ было великое множество, но всѣ онѣ были, такъ сказать, обобщены въ знаменитыхъ „двѣнадцати статьяхъ“, сдѣлавшихся самою популярною программою крестьянскаго движенія. Вопросы о томъ, изъ какихъ болѣе раннихъ статей онѣ составились, кто былъ составителемъ главной и наиболѣе распространенной редакціи, какимъ измѣненіямъ она сама подвергалась и т. п., занимали многихъ изслѣдователей, но намъ нужно только отмѣтить, что авторомъ ихъ не былъ Ѳома Мюнцеръ, какъ это принималось раньше, ибо его программа была совсѣмъ иного рода. „Двѣнадцать статей“ имѣютъ совершенно особый характеръ: во-первыхъ, это былъ чисто крестьянскій манифестъ, и въ немъ мы встрѣчаемся съ требованіями, которыя касаются почти исключительно крестьянскаго быта и разъясняютъ намъ главныя причины народнаго недовольства; во-вторыхъ, эти требованія отличаются умѣренностью, уваженіемъ къ чужому праву и стремленіемъ установить порядокъ жизни на основаніи взаимнаго соглашенія заинтересованныхъ: въ-третьихъ, составители статей проникнуты были желаніемъ основать свои домогательства на священномъ писаніи безъ малѣйшей примѣси какого-либо другого религіознаго авторитета. Такимъ чисто крестьянскимъ характеромъ „двѣнадцать статей“ отличаются отъ такъ называемой гейльбронnской программы, которая ставила вопросъ о преобразованіяхъ гораздо шире, а своею умѣренностью—отъ программы анабаптистской, соединявшей въ себѣ проповѣдь насильственной революціи съ пророческимъ энтузіазмомъ. Въ „двѣнадцати статьяхъ“ самъ Лютеръ находилъ много вѣрнаго, и онѣ даже принимались нѣкоторыми духовными и свѣтскими владѣльцами.

„Истинныя и справедливыя статьи всего крестьянскаго сословія и всѣхъ захребетниковъ, обиженныхъ своими духовными и свѣтскими властями“, какъ явствуетъ изъ вступленія къ этому документу, были составлены для того, чтобы снять съ крестьянъ обвиненіе, будто они хотятъ только безчинствовать, и чтобы „оправдать съ христіанской точки зрѣнія неповиновеніе и даже открытое возстаніе крестьянъ“, снявъ и клевету съ слова Божія, будто бы повиннаго въ бунтѣ. Не Евангеліе виновато въ мятежахъ и волненіяхъ, а забвеніе Евангелія, крестьяне же хотятъ, наоборотъ, жить по слову Божію, вовсе не желая насилія и бунта. „Если Богъ внялъ моленіямъ сыновъ Израилевыхъ, взывавшихъ къ нему о помощи, и освободилъ ихъ отъ руки Фараона, то развѣ онъ не можетъ и теперь спасти своихъ людей? Да, онъ пошлетъ имъ свое спасеніе и пошлетъ немедленно. Итакъ, сказано далѣе, христіанинъ, читай внимательно эти статьи и глубже обсуди ихъ“. Приводимъ и самыя статьи въ сокращенномъ изложеніи и безъ ссылокъ на св. писаніе.

1. „Во-первыхъ, мы покорнѣйше просимъ и единодушно желаемъ, чтобы... всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника и чтобы прихожане имѣли право смѣщать его, если онъ поступаетъ не по закону. Выбранный пастырь долженъ намъ проповѣдовать Евангеліе ясно и разумно, безъ всякихъ своихъ прибавленій, мудрствованій и пропусковъ“.

2. „Несмотря на то, что справедливая десятина, установленная въ ветхомъ завѣтѣ, была отмѣнена въ новомъ, мы все-таки охотно будемъ выплачивать ее зерномъ, но только тамъ, гдѣ это нужно. Поэтому мы жертвуемъ ее Богу въ пользу ея служителей. Остатокъ долженъ быть подѣленъ между бѣдными прихожанами той же деревни, по мѣрѣ ихъ нуждъ и по усмотрѣнію прихода, а все, что затѣмъ останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастія или войны; изъ этого-то избытка и слѣдуетъ удовлетворять общественныя нужды, не обременяя бѣднаго населенія налогами... Кромѣ того, мы не хотимъ платить ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ никакой малой десятины, такъ какъ Богъ предоставилъ скотину въ полное распоряженіе человѣка“.

3. „До сихъ поръ было въ обыкновеніи считать насъ чужою собственностью, но это противно священному писанію, потому что Христосъ своею божественною кровью всѣхъ насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе, начиная отъ послѣдняго пастуха до могущественнѣйшаго монарха. Вотъ почему священное писаніе говоритъ, что мы свободны,—и мы хотимъ быть на самомъ дѣлѣ свободными... Мы не думаемъ сопротивляться выбраннымъ и установленнымъ правителямъ, потому что законъ Божій запрещаетъ намъ это. Итакъ,

мы не нарушаемъ покорности, потому и вы должны съ своей стороны поспѣшить освободить насъ изъ-подъ ига крѣпостного рабства или евангельскимъ словомъ доказать намъ, что мы должны оставаться рабами".

4. „До сихъ поръ велось обыкновеніе, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ни охотиться на птицъ, ни ловить рыбъ въ господскихъ владѣніяхъ. Это кажется намъ совершенно несправедливымъ, несогласнымъ съ братскою любовью и словомъ Божіимъ... Поэтому мы желаемъ, чтобы всякій, владѣющій рѣкою или озеромъ, представилъ достаточныя письменныя доказательства своего права владѣнія, и тогда пусть его владѣетъ, мы не станемъ употреблять противъ него насилія: надобно поступать со всякимъ по правиламъ христіанской любви и братства. Тотъ же, кто не представитъ удовлетворительныхъ доказательствъ своего владѣнія, пусть отступится отъ захваченнаго въ пользу общины".

5. „Мы считаемъ себя также обиженными и въ отношеніи владѣнія лѣсомъ: наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса, и если бѣдный человѣкъ нуждается въ деревѣ, онъ принужденъ платить за него вдвое дороже, чѣмъ дѣйствительно оно стоитъ. По нашему мнѣнію, лѣса, на владѣніе которыми духовные и свѣтскіе господа не могутъ представить доказательствъ, должны быть отданы въ распоряженіе общины; каждый, въ случаѣ нужды, можетъ получать отъ общины безплатно дрова и лѣсъ, даже и для столярнаго производства, разумѣется, только съ вѣдома лицъ, выбранныхъ общиною, въ видахъ предупрежденія истребленія лѣсовъ".

6. „Мы считаемъ себя горько обиженными тяжелою службою, которая съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе и невыносимѣе. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено вниманіе и чтобы насъ не обременяли такъ жестоко; пусть насъ заставляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ божескимъ писаніемъ".

7. „Мы не хотимъ больше и слышать о поборахъ и несправедливостяхъ господъ: всякій долженъ неприкосновенно пользоваться своими правами, какъ они опредѣлены въ условіяхъ между господиномъ и крестьяниномъ. Господинъ не долженъ болѣе мучить и прижимать крестьянина, не долженъ требовать отъ него ни службы, и ничего другого даромъ, такъ чтобы крестьянинъ могъ свободно и спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянинъ долженъ служить охотно и покорно, впрочемъ, за извѣстное вознагражденіе и только въ опредѣленное время, для устраненія всякихъ потерь и убытковъ".

8. „Многіе изъ насъ, имѣющихъ собственность, отягчены высокимъ оброкомъ, котораго не могутъ выносить ихъ имущества; от-

сюда крестьянамъ часто приходится терять свое достояніе. Мы желаемъ, чтобы господа послали для оцѣнки такихъ имуществъ честныхъ людей и взимали бы оброкъ, смотря по стоимости имуществъ. Крестьянинъ не долженъ работать безъ выгоды для себя, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы".

9. „Мы чувствуемъ себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія; очень часто насъ наказываютъ несоразмѣрно съ виною по злобѣ, а иногда ради пристрастнаго снисхожденія къ другимъ. Мы желаемъ, чтобы насъ наказывали согласно съ древнимъ писаннымъ закономъ, соразмѣрно съ виною, а не пристрастно".

10. „Мы считаемъ себя и тѣмъ еще обиженными, что нѣкоторыя лица присвоили себѣ пашни и луга, принадлежащіе общинамъ. Если эти земли пріобрѣтены въ собственность не честнымъ путемъ, то мы опять отберемъ ихъ въ пользу нашихъ общинъ; но если за нихъ заплачены были деньги, то мы вступимъ въ дружеское и братское соглашеніе съ ихъ владѣльцами, смотря по важности дѣла".

11. „Мы хотимъ совершенной отмѣны обычая, называемаго посмертнымъ отобраніемъ; мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобы у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и Божьей волѣ, такъ безсовѣстно отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ подъ разными видами".

12. „Если одна или нѣсколько изъ нашихъ статей несогласны съ словомъ Божіемъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это намъ докажутъ по писанію. И если даже какая-нибудь изъ нашихъ статей будетъ признана достойною вниманія и названа справедливою, а впослѣдствіи окажется неправильною, то мы немедленно отъ нея откажемся, какъ отъ мертваго и недѣйствительнаго члена. Если даже многія статьи будутъ найдены противными Богу и вредными для ближняго, то мы всѣ ихъ возьмемъ назадъ и будемъ молить Господа, чтобы онъ далъ намъ разумъ поступать и жить по христіанскому ученію, потому что этотъ разумъ исходитъ только отъ Бога, а не отъ кого другого. Благодать Господа нашего Іисуса Христа буди со всѣми нами".

Кромѣ „двѣнадцати статей" (и другихъ аналогичныхъ крестьянскихъ программъ), еще одна программа заслуживаетъ особаго вниманія—по своему, болѣе широкому, характеру. Мы уже видѣли, что въ Германіи въ это время чувствовалась необходимость политическаго переустройства. Когда началось крестьянское возстаніе, у нѣкоторыхъ дѣятелей *явилась мысль провести политическую реформу, опираясь на крестьянъ*, какъ подъ конецъ своей жизни думалъ объ этомъ и Гуттенъ. Въ разсматриваемое время во главѣ кружка лицъ,

примкнувшихъ къ этому взгляду, сталъ Вендель Гиплеръ, пробывшій около двадцати пяти лѣтъ въ должности канцлера при дворѣ гогенлоэскихъ графовъ, оставившій эту должность въ 1515 г. и принявшійся за политическую агитацію. Онъ хорошо зналъ бѣдственное положеніе народа и даже нерѣдко выступалъ въ качествѣ защитника гогенлоэскихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Подобно другимъ общественнымъ дѣятелямъ той эпохи, онъ задумалъ основать тайный союзъ, чтобы провести реформу, и ему удалось изъ разныхъ общественныхъ элементовъ составить нѣчто въ родѣ клуба, гдѣ сосредоточены были всѣ нити заговора. Самъ онъ не принималъ непосредственнаго участія въ крестьянской войнѣ, но внимательно слѣдилъ за ея ходомъ. Подобно тому, какъ Гуттенъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ своей дѣятельности, и въ особенности одинъ изъ вождей крестьянства, Флоріанъ Гейеръ, приходили къ мысли устроить такой порядокъ, при которомъ не существовало бы сословій, а были бы лишь одни равноправные свободные люди и надъ ними одна власть — императора, такъ и Вендель Гиплеръ стремился осуществить широкую политическую реформу, хотя и не считалъ возможнымъ совсѣмъ уничтожить сословный строй; онъ хотѣлъ главнымъ образомъ освободить крестьянъ изъ-подъ власти дворянъ, вознаградивъ послѣднихъ изъ церковныхъ имуществъ. Онъ даже находилъ необходимымъ смягчить требованія „двѣнадцати статей". Съ этою цѣлью была составлена въ Гейльброннѣ коммиссія изъ гейльсбергскаго совѣтника Ганса Берлина, самого Венделя Гиплера и Геца фонъ-Берлихингена, которая рѣшила отмѣнить статьи 6, 7, 8 и 10, обѣщавъ разсмотрѣть ихъ при общемъ государственномъ преобразованіи, какое имѣлось въ виду. Кромѣ того, была сдѣлана характерная прибавка къ этой программѣ въ видѣ объясненія къ ней, по крайней мѣрѣ, какъ думалъ авторъ прибавки. Прибавка эта состояла изъ слѣдующихъ пяти статей:

1. „Никто не имѣетъ права грабить безъ особаго на то разрѣшенія; также подговаривать кого-либо вступать въ шайку запрещается подъ страхомъ смертной казни".

2. „До имѣющихъ совершиться государственныхъ реформъ всѣ пошлины, подати и долги должны быть выплачиваемы безъ всякихъ отговорокъ".

3. „Всѣ недвижимыя имущества, принадлежащія свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, остаются неприкосновенными; свѣтскія же имѣнія, принадлежавшія до этого времени духовенству, секвеструются".

4. „Никто не долженъ оскорблять другъ друга изъ собственныхъ выгодъ, кто бы онъ ни былъ, но каждый долженъ подчиняться мѣстному суду".

5. „Каждый подданный въ городахъ и деревняхъ долженъ повиноваться властямъ; въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть выданъ властямъ главнаго войска для казни".

У Венделя Гиплера была мысль привлечь къ дѣлу задуманной имъ реформы князей, дворянство и города, примиривъ ихъ съ необходимыми преобразованіями путемъ вознагражденія изъ конфискованныхъ владѣній духовенства. Самый планъ реформы, выработанный въ Гейльброннѣ, состоялъ изъ 14 статей слѣдующаго содержанія:

1. „Всѣ духовные высшаго и низшаго званія и состоянія будутъ подвергнуты реформѣ и получатъ достаточное вспоможеніе; ихъ имѣнія обращаются въ общую пользу".

2. „Всѣ свѣтскіе владѣтели будутъ поставлены въ такія условія, что не будутъ въ состояніи лишать простыхъ людей свободы".

3. „Всѣ города и общины преобразовываются по божескому и естественному праву; всѣ старыя и новыя человѣческія выдумки должны быть отброшены. Всѣ поземельные оброки отмѣняются".

4. „Никакой докторъ римскаго права не можетъ быть допущенъ въ судъ или княжескій совѣтъ".

5. „Никакое духовное лицо не можетъ быть допущено въ государственный совѣтъ или въ совѣтники князей или общинъ; никто изъ нихъ не можетъ занимать свѣтской должности".

6. „Всѣ свѣтскіе законы государства отмѣняются, а вводится законъ божескій. Въ государствѣ учреждаются 64 свободныхъ суда съ депутатами всѣхъ сословій и крестьянъ въ томъ числѣ, 16 земскихъ, 4 надворныхъ и 1 имперскій верховный судъ германской націи тоже съ выборными отъ сословій, при чемъ у народа въ каждомъ судѣ должно быть 4 лишнихъ голоса".

7. „Всѣ таможенныя пошлины и поборы прекращаются, кромѣ податей, необходимыхъ для мостовъ, дорогъ и плотинъ".

8. „Всѣ дороги объявляются вольными, всѣ пошлины отмѣняются".

9. „Всѣ налоги отмѣняются, исключая имперскаго, взносимаго разъ въ десять лѣтъ".

10. „Единство монеты для всей германской націи".

11. „Единство мѣры и вѣса вездѣ".

12. „Ограниченіе процентовъ большихъ банкирскихъ домовъ".

13. „Освобожденіе дворянства отъ всякихъ ленныхъ обязательствъ по отношенію къ какому бы то ни было духовному лицу".

14. „Отмѣна всякихъ союзовъ князей, владѣтелей и городовъ; вездѣ только защита и законъ императора".

Это была весьма широкая программа. Ея составители думали

примирить съ новымъ государственнымъ и общественнымъ порядкомъ и князей, и города, и дворянство и упрочить побѣду новаго устройства, болѣе выгоднаго для народа, путемъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ съ отдачею ихъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя понесли бы матеріальные убытки при измѣненіяхъ въ юридическомъ и экономическомъ быту крестьянства, но программа эта требовала, во-первыхъ, сочувствія со стороны императора, во-вторыхъ, большей солидарности между отдѣльными общественными элементами. Между тѣмъ не было ни того, ни другого, связь же программы съ крестьянскимъ возстаніемъ, принявшимъ характеръ жестокой расправы съ властями и господами, положительно ее компрометтировала въ глазахъ всѣхъ, не сочувствовавшихъ этому послѣднему движенію. Что программа Венделя Гиплера не была дѣломъ только тѣснаго кружка, лишь въ 1525 г. пришедшаго къ мыслямъ, изложеннымъ въ 14 статьяхъ, доказательствомъ этому можетъ служить сходство этой программы съ тѣмъ, чтó мы находимъ въ болѣе раннихъ политическихъ памфлетахъ въ родѣ „Реформаціи Фридриха III".

XI. Сектантство и соціальныя движенія [1]).

Религіозное сектантство и соціальныя движенія.—Разныя стороны анабаптизма.—Соціальныя стремленія анабаптистовъ.—Ихъ проповѣдничество въ народѣ.—Роль Ѳомы Мюнцера въ крестьянской войнѣ.—Сектантское движеніе во второй половинѣ двадцатыхъ и въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.—Мюнстерское возстаніе.—Судьба анабаптизма.—Демократическое движеніе въ городахъ.

„Двѣнадцать статей" и гейльбронискій проектъ съ аналогичными имъ программами существеннымъ образомъ отличаются отъ тѣхъ революціонныхъ прокламацій, которыя въ эпоху крестьянской войны составлялись и распространялись анабаптистами, стремившимися къ полному ниспроверженію существующаго соціальнаго строя для замѣны его совершенно новымъ, идеальнымъ обществомъ. Дѣло въ томъ, что самъ анабаптизмъ былъ не только особеннымъ религіознымъ ученіемъ, но и цѣлымъ соціальнымъ міросозерцаніемъ, представляя собою одинъ изъ многихъ другихъ случаевъ, когда *мистическое сектантство тѣснѣйшимъ образомъ соединялось съ*

---

[1]) Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ гл. VII и IX, *Stern*. Die Socialisten der Reformationszeit.—*Karl Kautsky*. Die Vorläufer des neueren Socialismus (I Bd, I Th., III Abschnitt: Der Kommunismus im Mittelalter und im Zeitalter der Reformation. Соч. это составляетъ часть изданія „Geschichte des Socialismus in Einzeldarstellungen").— *Loserth*. Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer im XVI und XVII Jahrhundert.

проповѣдью соціальной революціи. Такое явленіе въ XV вѣкѣ мы наблюдаемъ, напримѣръ, въ крайнихъ гуситскихъ сектахъ за сто лѣтъ до нѣмецкой реформаціи; спустя съ небольшимъ сто лѣтъ, въ серединѣ XVII вѣка, и въ англійскомъ индепендентствѣ мы встрѣчаемся еще съ однимъ случаемъ подобнаго же соединенія религіознаго мистицизма съ стремленіемъ къ соціальному перевороту. Обыкновенно бурный, революціонный періодъ сектантства бываетъ непродолжителенъ: для того, чтобы оно могло получить значеніе крупнаго историческаго фактора, всегда должны существовать такія благопріятныя условія, какія нашелъ нѣмецкій анабаптизмъ XVI в. въ происходившей тогда соціальной борьбѣ и въ вызывавшемъ ее народномъ недовольствѣ. Если въ религіозномъ отношеніи и чешскія, и нѣмецкія, и англійскія секты XV—XVII вѣковъ отличаются значительнымъ развитіемъ индивидуализма, отрицая всякій церковный авторитетъ и становясь иногда на точку зрѣнія внутренняго откровенія, то въ отношеніи соціальномъ наиболѣе характерная ихъ черта, это — господство эгалитарныхъ стремленій, во имя которыхъ отвергался весь исторически-сложившійся порядокъ вещей съ общественнымъ неравенствомъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности. Крайній индивидуализмъ,—когда онъ не ограничивался одною религіозною сферою, а переносился и въ міръ соціальныхъ отношеній, — доходилъ до совершеннаго анархизма, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма рельефно выступавшаго въ этомъ сектантскомъ движеніи, а эгалитарныя стремленія приводили къ отрицанію частной собственности, ученію объ общеніи имуществъ, и даже къ практическому коммунизму. Ортодоксальная реформація XVI вѣка ограничивала свою задачу областью одной религіи, сектантство ставило своею цѣлью перестроить самое общество на новыхъ началахъ. Его соціальные принципы заимствовались изъ религіозной сферы, но если отрѣшиться отъ мистической окраски, какую приняли соціальныя воззрѣнія анабаптизма, послѣдній можетъ разсматриваться, какъ защита принциповъ личной свободы и общественнаго равенства.

Въ общественныхъ движеніяхъ новаго времени идеи свободы и равенства играютъ вообще важную роль. Съ одной стороны, въ области фактическихъ отношеній всякаго рода гнетъ и несправедливость вызывали противъ себя, въ той или другой формѣ, общественную оппозицію, а съ другой стороны, и въ области идей возникали доктрины, которыя, исходя изъ религіозныхъ или философскихъ соображеній, ставили своею задачей выяснить чисто теоретическимъ образомъ, какія неотъемлемыя права принадлежатъ личности въ обществѣ и на какихъ принципахъ должно покоиться правильное людское общежитіе. И свобода, и равенство могутъ быть понимаемы

весьма различно, ибо понятія эти касаются разныхъ отношеній, существующихъ въ человѣческомъ обществѣ, да и въ каждой категоріи отношеній степень или мѣра свободы и равенства бываетъ также различная. Анабаптизмъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученій, въ которыхъ для индивидуума требовалась неограниченная свобода, а для общества — абсолютное равенство: первое требованіе приводило прямо къ воззрѣніямъ чисто анархическаго характера, второе — къ воззрѣніямъ коммунистическимъ. Въ этомъ отношеніи какъ анабаптизмъ XVI в., такъ и другія секты соціальнаго характера должны разсматриваться не только въ исторіи религіозныхъ движеній, но и въ исторіи движеній чисто соціальныхъ. Прямо, безъ какихъ бы то ни было натяжекъ историкъ можетъ примѣнять къ этимъ сектамъ современныя понятія соціализма, коммунизма, анархизма. Въ этихъ новѣйшихъ направленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ тѣми же доктринами и стремленіями, что и въ религіозномъ сектантствѣ реформаціонной эпохи, только въ болѣе законченномъ видѣ и безъ религіозной окраски. Индивидуалистическія и эгалитарныя стремленія получали въ сектантствѣ религіозную санкцію, не только оправдывавшую, но и усиливавшую эти стремленія, ибо они разсматривались, какъ законныя, какъ согласныя съ волею самого Бога, открывающаго свою волю людямъ въ писаніи и въ духѣ. Съ проповѣдью свободы и равенства анабаптисты пошли въ народъ, уже начинавшій возставать противъ наложеннаго на него гнета, и, конечно, проповѣдь эта должна была имѣть успѣхъ: въ ней заключалось обѣщаніе для народа лучшей доли и притомъ на основаніи слова Божія. И проповѣдники, и народная масса вѣрили, что наступаютъ совершенно новыя времена, что вся жизнь должна перестроиться на новыхъ началахъ и что начала эти суть настоящія заповѣди Божіи.

Вопросъ о мѣстѣ анабаптизма въ реформаціи, какъ особой формы этого религіознаго движенія, имѣетъ свой особый интересъ, но мы ограничимся здѣсь лишь разсмотрѣніемъ его отношенія къ соціальной борьбѣ, происходившей въ Германіи въ началѣ XVI в. Вообще необходимо различать эти двѣ стороны въ исторіи нѣмецкаго сектантства XVI в., да и другихъ аналогичныхъ движеній, чтобы понять сущность этого историческаго явленія. Въ анабаптизмѣ сливались воедино религіозные и соціальные элементы: ихъ можно отдѣлять одни отъ другихъ, разсматривая анабаптизмъ, какъ одно изъ видныхъ явленій реформаціонной эпохи, но было бы ошибочно усматривать въ одной изъ этихъ сторонъ основу, а въ другой только придатокъ, которымъ можно и пренебречь. Если, напримѣръ, историки соціальныхъ ученій и движеній склонны въ религіозныхъ воззрѣніяхъ анабаптистовъ видѣть лишь внѣшнюю форму, въ которой

проявилось истинное внутреннее содержаніе сектантства, заключенное въ его соціальныхъ стремленіяхъ, то, наоборотъ, историки религіозной реформаціи готовы считать эти соціальныя стремленія сектантства лишь за нѣкоторое добавленіе къ его религіозному міросозерцанію, составляющему на самомъ дѣлѣ настоящую его сущность. Научному историческому взгляду на анабаптизмъ долго мѣшали не только конфессіональныя точки зрѣнія католиковъ и протестантовъ, смотрѣвшихъ на него, одни—какъ на пагубное заблужденіе, порожденное самовольнымъ отпаденіемъ отъ церкви, другіе—какъ на ненужный и вредный наростъ на благодѣтельной реформаціи; мѣшали этому также и другія попытки выясненія сущности анабаптизма, принимавшія въ расчетъ только одну культурную его сторону сектантства, какъ извѣстной религіозной формы, но не обращавшія достаточнаго вниманія на его сторону соціальную. Соединеніе нравственно-религіозныхъ и соціально-политическихъ воззрѣній въ анабаптизмѣ было такъ тѣсно, что въ сравненіе съ нимъ не можетъ итти даже самъ средневѣковой католицизмъ, самъ бывшій не только вѣроисповѣдной формой, но и цѣлымъ культурно-соціальнымъ міросозерцаніемъ. Послѣдовательные сектанты допускали на землѣ лишь такіе общественные порядки, которые, по ихъ представленію, были бы полнымъ осуществленіемъ на землѣ царства Божія. Средневѣковой католицизмъ тоже исходилъ изъ той идеи, что задача церкви заключается въ водвореніи среди людей Божія царства, но, думая осуществить его принципы путемъ аскетической морали и теократической политики, представители этой системы оставляли существовать внѣ монашества и церковной іерархіи весь исторически сложившійся общественный и государственный строй, хотя отдѣльныя его стороны совсѣмъ противорѣчили идеалу Божія царства: они оставляли неприкосновенными и крѣпостную зависимость крестьянъ, и сословное неравенство, и крупное землевладѣніе, и связанную съ нимъ феодальную власть; они не только не становились въ оппозицію къ этимъ мірскимъ порядкамъ, но сами ими пользовались, будучи самымъ привилегированнымъ сословіемъ, владѣя крѣпостными крестьянами и имѣя въ своихъ рукахъ власть, покоившуюся на чисто матеріальной основѣ землевладѣнія. Другое дѣло—сектанты: они не мирились ни съ какими формами общественнаго неравенства, ни съ какими формами зависимости человѣка отъ человѣка, находя ихъ противными божественному откровенію и ища въ послѣднемъ оправданія своимъ эгалитарнымъ и индивидуалистическимъ стремленіямъ.

Въ короткое время, въ теченіе котораго анабаптизмъ игралъ роль историческаго фактора, въ немъ проявилось нѣсколько, не вполнѣ сходныхъ между собою, направленій, и онъ пережилъ не одинъ фа-

зисъ. Индивидуалистическая подкладка этого религіознаго движенія помѣшала анабаптизму получить какую-либо прочную организацію. Распространившись весьма быстро по Германіи, Швейцаріи и Голландіи, онъ не могъ перерости мелкихъ религіозныхъ общинъ, въ которыхъ все было различно. Впрочемъ, и попытокъ объединить всѣ эти общины въ одномъ исповѣданіи не дѣлалось. Тѣмъ не менѣе, кромѣ перекрещенства, бывшаго общимъ явленіемъ во всѣхъ сектахъ, существовали и нѣкоторые другіе признаки, отличавшіе всѣхъ анабаптистовъ. Такъ какъ многіе изъ этихъ признаковъ были не столько религіознаго, сколько соціальнаго характера, то предержащія власти всегда готовы были видѣть въ сектантахъ бунтовщиковъ даже тогда, когда они настроены были мирно. Между прочимъ анабаптисты отвергали присягу, военную службу, суды, повиновеніе правительству, которое не было христіанскимъ въ ихъ смыслѣ. По ученію, напримѣръ, Ѳомы Мюнцера, перекрещенцы были святы и потому не нуждались въ подчиненіи какимъ-либо законамъ, а разъ свободные не должны кому-либо повиноваться, то на нихъ не лежитъ никакихъ служебныхъ обязательствъ, никакихъ повинностей, пошлинъ, десятинъ и т. п. Далѣе, Ѳома Мюнцеръ утверждалъ, что всѣ люди братья и сестры по духу, что у перерожденныхъ святыхъ не можетъ быть частной собственности, такъ какъ имущество должно быть общимъ достояніемъ всѣхъ связанныхъ между собою узами человѣческаго братства. Отвергая существующій государственный и общественный строй, одни изъ сектантовъ ограничивались пассивнымъ сопротивленіемъ всему, что̀ считалось у нихъ безбожнымъ, но другіе не могли удержаться на этой точкѣ зрѣнія и прямо требовали насильственнаго ниспроверженія всѣхъ отвергавшихся ими порядковъ, находя, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“. Мало-по-малу анабаптизмъ принялъ характеръ проповѣди, главнымъ содержаніемъ которой была кровавая революція, истребленіе огнемъ и мечомъ безбожниковъ и подготовленіе этимъ путемъ окончательнаго торжества святыхъ на землѣ. Преслѣдованія, которымъ ихъ стали подвергать, убѣждали ихъ въ томъ, что наступили послѣднія времена передъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ, „претерпѣвшій же до конца спасется“. Особенно въ періодъ, наступившій послѣ подавленія крестьянскаго возстанія, была въ ходу мысль о послѣднихъ временахъ, чаяніе апокалипсическаго тысячелѣтняго царства святыхъ, напоминающее намъ хиліастическія ожиданія первыхъ вѣковъ христіанства.

Анабаптистская проповѣдь производила сильное впечатлѣніе на народныя массы и внѣшними своими формами. Многіе сектанты одѣвались въ платье особаго покроя и вели необычный образъ жизни,

какъ будто стремясь возстановить строгость древняго аскетизма. Безъ посоха и сумы, слѣдуя евангельскому предписанію, переходили они изъ города въ городъ, изъ села въ село, нерѣдко возвѣщая свое ученіе съ крышъ домовъ, опять-таки буквально примѣняя текстъ писанія. Со многими во время проповѣди дѣлались отъ сильнаго возбужденія конвульсіи и обмороки, сильно дѣйствовавшіе на слушателей. Между ними сильно была распространена вѣра въ сверхъестественныя откровенія, въ пророчества и видѣнія: глубоко убѣжденные въ ихъ истинности, они сообщали ту же увѣренность и другимъ. Впослѣдствіи преслѣдованія и казни, которымъ ихъ подвергали, какъ бунтовщиковъ противъ установленныхъ властей и законовъ, окружали ихъ ореоломъ мученичества за правду, за ту правду, которую они возвѣщали угнетенному народу. Если Ѳома Мюнцеръ и другіе вожди анабаптистовъ оставались на высотѣ идеи, не заботясь даже о выработкѣ болѣе опредѣленнаго плана новыхъ общественныхъ порядковъ, а уповая только на то, что всемогущій Богъ даже совершитъ чудо для доставленія побѣды правому дѣлу и устроитъ человѣческую жизнь, какъ ей слѣдуетъ быть по его святой волѣ, то увлекавшаяся ихъ проповѣдью толпа нерѣдко принимала возвѣщавшуюся ими свободу въ смыслѣ полнаго своеволія, а общность имущества — въ смыслѣ присвоенія чужой собственности. Впрочемъ насилія и жестокости, которыя при этомъ совершались толпою, оправдывались самимъ Мюнцеромъ, видѣвшимъ въ огнѣ и мечѣ законное средство наказанія нечестивыхъ. Наиболѣе непримиримый и особенно кровавый характеръ крестьянская война приняла какъ-разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ распространились анабаптистскія идеи, а во главѣ возставшихъ стоялъ Ѳома Мюнцеръ.

Намъ уже извѣстно, что Мюнцеръ началъ свою революціонную дѣятельность еще до выступленія, а потомъ продолжалъ ее въ Цвиккау, примкнувши къ тамошнимъ пророкамъ, и въ Виттенбергѣ, гдѣ его появленіе совпало съ происходившими среди городского населенія безпорядками. Изгнанный изъ Цвиккау вмѣстѣ съ другими агитаторами, онъ отправился сначала въ Прагу, но и отсюда его удалили власти, испугавшіяся его агитаціи. Именно онъ обратился къ „возлюбленнымъ чешскимъ братьямъ“ съ страстной прокламаціей, характерной между прочимъ по пророческому тону, которымъ вообще отличаются писанія Мюнцера. „Я, — говоритъ онъ въ этомъ своемъ манифестѣ, — я хочу огласить вмѣстѣ съ великимъ поборникомъ Христа, Іоанномъ Гусомъ, своды храма новымъ гимномъ... Долго голодали и жаждали люди святой справедливости, и сбылось на нихъ пророчество Іереміи: „Дѣти просили хлѣба, и никто не далъ имъ его“... Полный скорби и состраданія, я оплакиваю гибель истин-

ной церкви Божіей; среди развалинъ ея христіанскій міръ не видитъ, что его объемлетъ египетскій мракъ. Когда народъ пересталъ избирать проповѣдниковъ, начался обманъ; съ тѣхъ поръ ученіе церкви и порядокъ перестали быть въ Германіи гласомъ Божіимъ... Но возрадуйтесь! всходы вашихъ нивъ побѣлѣли и готовы къ жатвѣ. Небо наняло меня въ поденщики по грошу въ день, и я точу серпъ свой, чтобы жать колосья. Голосъ мой возвѣститъ высшую истину, уста мои проклянутъ безбожниковъ! Я пришелъ въ ваши благословенные предѣлы, о, любезные чешскіе братья, чтобы обличить и истребить безбожниковъ. Не мѣшайте, но помогайте мнѣ! Я обѣщаю вамъ великую славу и честь: здѣсь начнется новая апостольская церковь и изыдетъ отсюда во всѣ страны свѣта. Церковь эта будетъ молиться не нѣмому, а живому, глаголющему Богу. Если я солгу въ живомъ словѣ Божіемъ, которое нынѣ исходитъ изъ устъ моихъ, то готовъ предаться мукамъ здѣшней и вѣчной жизни". Вынужденный оставить Чехію, Мюнцеръ и появился на время въ Виттенбергѣ, гдѣ сблизился съ Карльштадтомъ. Оба они вскорѣ стали полемизировать съ Лютеромъ и по-своему реформировать богослуженіе, Карльштадтъ — въ Орламюнде, Мюнцеръ—въ Альштедтѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто священника. Когда Лютеръ пригласилъ его въ Виттенбергъ для объясненія съ собою, онъ къ нему не поѣхалъ. Тогда Лютеръ сталъ совѣтовать курфюрсту изгнать Мюнцера, но Фридрихъ Мудрый не хотѣлъ удалить альштедтскаго проповѣдника, не выслушавъ его самъ. Въ 1524 г. онъ съ братомъ своимъ пріѣхалъ въ альштедтскій зáмокъ и пригласилъ Мюнцера произнести проповѣдь. Темою для послѣдней Мюнцеръ выбралъ текстъ: „не миръ я пришелъ принести, но мечъ", содержаніемъ же его поученія было доказательство того, что правители должны устранить зловредныхъ людей, препятствующихъ проповѣди Евангелія, и что если они этого не сдѣлаютъ, Богъ отниметъ у нихъ мечъ: „всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ". Христосъ, сказавшій эти слова, не отмѣнилъ заповѣди, данной Моисею, не щадить идолопоклонниковъ, разрушать ихъ алтари, жечь ихъ идоловъ, дабы Господь не прогнѣвался на народъ свой. „Люди, любящіе спокойствіе, говорилъ еще Мюнцеръ, отвергаютъ эту мысль, но я во истину знаю, что духъ Божій открываетъ теперь многимъ избраннымъ благочестивымъ людямъ превосходную неодолимую будущую реформацію, и что она должна быть совершена наперекоръ всѣмъ сопротивляющимся". Это было время, когда Мюнцеръ думалъ еще принимать въ свой союзъ для „осуществленія царства Божія въ свободѣ, равенствѣ и чистотѣ" — правителей и господъ. Скоро, однако, курфюрстъ велѣлъ ему покинуть Альштедтъ за разрушеніе одной капеллы съ чудотворнымъ образомъ

Богоматери. Тогда онъ отправился въ Мюльгаузенъ. Въ этомъ городѣ произошелъ демократическій переворотъ, во главѣ котораго стоялъ бывшій монахъ Генрихъ Пфейферъ. Мюнцеръ примкнулъ къ новому порядку, но вскорѣ вожди не поладили между собою, и старый порядокъ былъ возстановленъ городскимъ патриціатомъ. Въ числѣ агитаторовъ, изгнанныхъ изъ города, былъ и Мюнцеръ. То же случилось съ нимъ и въ Нюрнбергѣ, гдѣ онъ напечаталъ рѣзкій отвѣтъ на обвиненія Лютера съ нападками на князей и господъ, обирающихъ и притѣсняющихъ народъ. Онъ удалился въ Базель, гдѣ ему оказалъ покровительство мѣстный реформаторъ Эколампадій; но когда по сосѣдству началось крестьянское возстаніе, онъ отправился опять въ Мюльгаузенъ, который снова былъ уже въ рукахъ городского простонародья сосѣднихъ сельчанъ. Мюльгаузенъ сдѣлался даже главной квартирой тѣхъ крестьянъ, которые стали подъ предводительство Мюнцера. Отсюда вышелъ одинъ изъ его кровавыхъ манифестовъ, въ которомъ онъ вооружался противъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ между крестьянами и ихъ господами. „Не склоняйтесь, писалъ онъ, если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ дружески молить, стонать, плакать передъ вами, плакать, какъ дѣти, но вы не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ черезъ Моисея. Намъ онъ открылъ то же... Пусть ваши мечи не охлаждаются отъ крови. Выковывайте ихъ на наковальнѣ Немврода; пусть падетъ его башня. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха; вамъ нельзя говорить о Богѣ, пока они управляютъ вами. Итакъ, за дѣло, пока еще не ушло время!.. Не ваша идетъ война, а Господня!" Въ Мюльгаузенѣ было учреждено новое демократическое правленіе („вѣчный совѣтъ"), слѣдовавшее указаніямъ Мюнцера; въ городъ стало стекаться множество народа, чтобы вести отсюда истребительную войну съ врагами Божіими. Прокламаціи Мюнцера къ окрестному населенію не оставались напрасными: онѣ дѣйствовали на страсти; насилія, убійства и грабежи казались возставшему народу завѣтами самого Бога противъ безбожниковъ, тѣмъ болѣе, что Мюнцеромъ приводились въ этомъ смыслѣ тексты изъ писанія, и онъ ссылался, кромѣ того, какъ и другіе анабаптисты, на непосредственныя откровенія, которыя ему были свыше. У Франкенгаузена, гдѣ на крестьянъ, предводимыхъ Мюнцеромъ, напали князья, произошла трагическая развязка: нестройная толпа, которую ея вождь сумѣлъ нафанатизировать, но не сумѣлъ приготовить къ отпору, была перебита, самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, подвергнутъ допросу, жестокой пыткѣ и казненъ. На допросѣ онъ говорилъ, что въ самой ранней юности на него дѣйствовалъ духъ, который требовалъ отъ

него принесенія жертвъ для освобожденія народа отъ угнетеній, и называлъ князей тиранами и врагами Евангелія и христіанской свободы. Своею онъ призналъ такъ называемую программу шварцвальдскаго евангелическаго братства, отличавшуюся отъ остальныхъ тѣмъ, что ею допускалось только одно существованіе, одинаковое для всѣхъ людей. Кто не хотѣлъ вступить въ это братство, тотъ подвергался отлученію, и съ нимъ запрещалось всякое общеніе. Объявлялись отлученными зàмки, монастыри и плебаніи (священническіе дома), такъ какъ въ нихъ выросли измѣна, насиліе и несправедливость. Господа, монахи и священники принимались въ общеніе только подъ условіемъ жизни въ обыкновенныхъ домахъ и отказа отъ своихъ имѣній.

Послѣ крестьянской войны стала подвергаться преслѣдованію самая принадлежность къ анабаптизму, но это только содѣйствовало его распространенію: изгоняемые изъ однихъ мѣстъ, проповѣдники шли въ другія и пріобрѣтали новыхъ послѣдователей главнымъ образомъ въ народной массѣ, хотя въ числѣ его сторонниковъ можно указать и нѣсколькихъ людей съ образованіемъ и даже ученыхъ. Противъ анабаптистовъ принимались мѣры и въ Германіи, и въ Швейцаріи, какъ въ тѣхъ княжествахъ и кантонахъ, которые приняли реформацію Лютера и Цвингли, такъ и въ оставшихся вѣрными католицизму. Въ послѣднихъ, впрочемъ, не дѣлали никакого различія между нововѣрами и жгли всякаго, кого только можно было признать зараженнымъ ересью. Во время пытокъ и казней анабаптисты обнаруживали большую стойкость, напоминающую древнихъ мучениковъ и удивлявшую современниковъ. Лютеръ даже склонялся къ объясненію ихъ упорства особымъ дьявольскимъ внушеніемъ, хотя такую же стойкость проявляли и собственные его послѣдователи, когда и ихъ подвергали гоненіямъ. И сами сектанты нерѣдко подкрѣпляли себя примѣрами христіанскаго мученичества: преслѣдованія ихъ закаляли, придавали всему ихъ нравственному облику характеръ нѣкоторой суровости, развивали въ нихъ нервное возбужденіе, дѣлавшее изъ нихъ визіонеровъ и пророковъ, гнавшее ихъ на апостольскую проповѣдь и даже заставлявшее ихъ ожидать скораго наступленія тысячелѣтняго царства Христа со святыми на землѣ. Хиліастическія чаянія, съ которыми были соединены представленія о новомъ общественномъ строѣ, сдѣлались особенно напряженными около 1530 г., когда явилось нѣсколько пророковъ, предсказывавшихъ скорую кончину міра: въ повсемѣстныхъ гоненіяхъ они видѣли ясные признаки наступленія послѣднихъ временъ и предсказывали скорое торжество праведныхъ и наказаніе грѣшниковъ. Нѣкій Гансъ Гутъ предрекалъ свѣтопреставленіе и страшный судъ на Пасху 1528 года. Въ слѣ-

дующемъ году скорнякъ Августинъ Бадеръ въ Аугсбургѣ говорилъ о возстаніи, послѣ котораго начнется тысячелѣтнее царство его сына. Но особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на анабаптистовъ Мельхіоръ Гофманъ, еще въ 1526 г. предсказывавшій страшный судъ на 1533 г. и въ 1530 г. примкнувшій къ страсбургскимъ анабаптистамъ. Въ Страсбургѣ подъ его вліяніемъ произошло сильное броженіе. Городскія власти посадили въ тюрьму этого „Илію“ „Новаго Іерусалима“, но Гофманъ только благодарилъ Господа за то, что „приближается часъ“: въ своемъ заключеніи онъ видѣлъ только признакъ скораго пришествія Христова. Въ Нидерландахъ, гдѣ Гофманъ еще раньше нашелъ много послѣдователей, въ то самое время, когда онъ сидѣлъ въ страсбургской тюрьмѣ, среди анабаптистовъ выдвинулся гарлемскій булочникъ Янъ Матисенъ, назвавшій себя Енохомъ и выславшій двѣнадцать апостоловъ на проповѣдь совершенно революціоннаго характера. Въ числѣ этихъ миссіонеровъ былъ молодой красавецъ и ораторъ Янъ Боккельсонъ или Боккольдъ, лейденскій уроженецъ, успѣвшій перемѣнить нѣсколько профессій, прежде чѣмъ сдѣлаться провѣдникомъ анабаптизма. Эти миссіонеры явились въ Мюнстеръ, гдѣ давно уже шла религіозная и соціально-политическая борьба, и скоро сдѣлали этотъ городъ главнымъ центромъ новаго сектантскаго движенія.

Еще въ 1525 г. подъ вліяніемъ примѣра, поданнаго крестьянами, мюнстерскіе ремесленники выступали съ цѣлымъ рядомъ требованій, имѣя противъ себя епископа, духовенство и зажиточныхъ гражданъ. Спустя нѣсколько времени это движеніе возобновилось, когда сначала въ окрестностяхъ города, а потомъ и въ немъ самомъ сталъ дѣйствовать лютеранскій проповѣдникъ Ротманъ, пользовавшійся покровительствомъ мѣстныхъ гильдій и вліятельнаго торговца сукномъ Книппердолинга. Ротманъ имѣлъ большой успѣхъ, и результатомъ его проповѣди было введеніе въ большей части городскихъ церквей евангелическаго богослуженія. Городской совѣтъ сталъ на его сторону, и епископу оставалось только согласиться на уступки: въ 1533 г. онъ долженъ былъ отдать приходскія церкви евангеликамъ, оставивъ за собою и капитуломъ одинъ лишь соборъ да монастырскія церкви. Вскорѣ, однако, въ реформаціонной партіи произошелъ раздоръ вслѣдствіе появленія въ городѣ анабаптизма, на сторону котораго склонился самъ Ротманъ. Городскія власти задумали запретить проповѣдь этого ученія, но Ротманъ воспротивился такому распоряженію и поднялъ противъ совѣта ремесленниковъ. Какъ разъ въ это самое время (1534 г.) явились въ Мюнстеръ сначала Янъ Боккольдъ, а потомъ и самъ Матисенъ. Вожди анабаптистовъ объявили, что Господь сдѣлаетъ изъ этого города Новый Іерусалимъ.

Вмѣстѣ съ ними и за ними пришли цѣлыя толпы анабаптистовъ, къ которымъ примкнуло и большинство мѣстныхъ простолюдиновъ. Вскорѣ стали стекаться сюда анабаптисты изо всѣхъ нѣмецкихъ земель. Сектанты совершенно завладѣли городомъ, выбравъ въ городской совѣтъ своихъ единомышленниковъ и назначивъ Книппердолинга бургомистромъ. Затѣмъ они начали устраивать въ Мюнстерѣ царство Христово. Произошло фанатическое истребленіе иконъ, органовъ, церковныхъ украшеній, всего, что̀ только можно было подвести подъ понятіе идолопоклонства, истребленіе всѣхъ книгъ, кромѣ библіи, истребленіе предметовъ роскоши и всего, что̀ напоминало общественное неравенство. Жители города, не принадлежавшіе еще къ анабаптизму, насильно перекрещивались, а въ случаѣ упорнаго отказа это сдѣлать, изгонялись изъ Мюнстера, и имущество ихъ объявлялось общею собственностью святыхъ, завѣдованіе которою поручалось особымъ діаконамъ. Но „избранному народу Божію“, какимъ считали себя сектанты, предстояло еще защищать свое царство отъ „язычниковъ и безбожниковъ“, т.-е. отъ епископа, дворянъ и изгнанныхъ гражданъ, взявшихся за оружіе и осадившихъ городъ. Тогда мюнстерскіе святые кликнули кличъ, и на помощь къ нимъ потянулись въ осажденный городъ новыя толпы сектантовъ: на первыхъ порахъ, пока не всѣ пути въ городъ были отрѣзаны, имъ еще удавалось проникать въ его стѣны. Между тѣмъ внутри города дѣятельно готовились къ борьбѣ подъ начальствомъ вождя-пророка Матисена. Когда онъ былъ убитъ въ одной слишкомъ смѣлой вылазкѣ, Янъ Боккольдъ или, какъ его обыкновенно называютъ, Іоаннъ Лейденскій объявилъ, что по бывшему ему откровенію онъ назначенъ свыше въ преемники убитому пророку. Признанный сектантами въ этомъ санѣ, онъ организовалъ въ Мюнстерѣ теократическое правленіе, руководствуясь собственными фантазіями и указаніями, почерпнутыми изъ ветхаго завѣта. Сначала онъ установилъ для „новаго Израиля“ двѣнадцать старѣйшинъ по числу колѣнъ израилевыхъ, сдѣлавъ изъ нихъ военачальниковъ, правителей и судей. Потомъ, когда одинъ фанатикъ объявилъ, что имѣлъ откровеніе, возвѣстившее ему, что Янъ Боккольдъ долженъ сдѣлаться царемъ новаго Сіона и покорить всѣ царства земныя, пророкъ сталъ именоваться „Іоанномъ, Божіею милостью царемъ новаго Израиля“, назначилъ на высшія должности Ротмана и Книппердолинга, устроилъ цѣлый придворный штатъ и даже завелъ гаремъ. Еще ранѣе этого онъ имѣлъ откровеніе, что въ Новомъ Іерусалимѣ, какъ и въ древнемъ, должно быть дозволено многоженство для размноженія племени святыхъ, а Ротманъ доказывалъ въ проповѣдяхъ истинность этого принципа. Облеченный въ пышную одежду съ короной на головѣ и сидя на

„престолѣ давидовомъ“, царь сектантскаго Сіона самъ судилъ и правилъ своимъ народомъ съ крайнею жестокостью. Еще до принятія имъ царскаго сана противъ него составился заговоръ, въ которомъ участвовали около двухсотъ человѣкъ; они хотѣли его арестовать вмѣстѣ съ его приверженцами и возстановить въ Мюнстерѣ лютеранство, но потерпѣли пораженіе и были безжалостно умерщвлены. Анабаптисты защищались весьма отважно, долгое время расчитывая на помощь своихъ единовѣрцевъ. Послѣдніе, дѣйствительно, сильно волновались по всей Германіи, вѣрили, что въ Мюнстерѣ начинается царство Божіе, и собирались оказать помощь осажденному городу. Послѣ того, какъ было отбито подъ начальствомъ самого Іоанна Лейденскаго нападеніе епископскихъ ландскнехтовъ и осада города поэтому затянулась, сеймъ 1535 г. послалъ на подмогу епископу имперское войско, которое отрѣзало подвозъ провіанта въ Мюнстеръ: князья и имперскіе города начинали опасаться повторенія 1525 г. въ виду того, что снова подняли голову радикальныя партіи, снова зашевелились крестьяне. Въ городѣ обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, и началось дезертирство. Измѣна двухъ перебѣжчиковъ открыла непріятелю доступъ въ городъ: въ ночь на 24 іюня 1535 г. Мюнстеръ былъ взятъ; отчаянно защищавшіеся анабаптисты перебиты или казнены, другіе изгнаны изъ города или подвергнуты другимъ наказаніямъ. Боккольдъ и Книппердолингъ подверглись страшнымъ пыткамъ и были замучены до смерти. Городъ лишился своего самоуправленія, и выборы въ городской совѣтъ были поставлены подъ власть капитула и сосѣднихъ дворянъ, а его жителей должна была держать въ повиновеніи вновь построенная въ немъ цитадель, въ которой былъ поставленъ гарнизонъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ Мюнстерѣ возстановлялся католицизмъ, и евангелическое богослуженіе строго запрещалось.

Анабаптизмъ былъ еще разъ раздавленъ. Но и послѣ катастрофы 1535 г. многіе продолжали вѣрить въ то, что скоро должно наступить тысячелѣтнее царство Божіе на землѣ, въ которомъ избранные будутъ блаженствовать. Впрочемъ, аггрессивный періодъ сектантства окончился съ паденіемъ „новаго Сіона“: преслѣдуемые властями, анабаптисты или уходили изъ отечества въ другія страны, между прочимъ въ Англію, или позволяли себя убивать, не оказывая сопротивленія, какъ это случилось въ Зальцбургѣ. Уже ранѣе между ними существовало мнѣніе о грѣховности войны и о непозволительности избранникамъ Божіимъ носить оружіе: непротивленіе злу сдѣлалось теперь основой анабаптистской этики. На этомъ именно принципѣ построилъ свое ученіе обновитель анабаптизма, Менно Симонсъ, по имени котораго до сихъ поръ называются меннонитами мирные и

трудолюбивые сектанты въ Германіи и Нидерландахъ (баптисты въ Англіи и Америкѣ). Они отличаются моральнымъ ригоризмомъ своихъ родоначальниковъ XVI вѣка, но совершенно порвали съ традиціями соціальной революціи (что, однако, и ихъ не спасало отъ гоненій). Въ общемъ соціально-революціоннымъ характеромъ отличалось нѣмецкое сектантство реформаціонной эпохи лишь въ теченіе какихъ-либо десяти-пятнадцати лѣтъ.

Итакъ, два раза начиналась въ Германіи XVI в. соціальная революція и оба раза—подъ знаменемъ анабаптизма. Въ первомъ случаѣ она была революціей крестьянской, во второмъ—городскою. Подобно тому, однако, какъ крестьянское возстаніе происходило и независимо отъ сектантской пропаганды, такъ и демократическое движеніе въ городахъ не всегда соединялось съ принятіемъ анабаптизма, какъ это было въ Страсбургѣ или Мюнстерѣ. Весьма часто городской патриціатъ былъ на сторонѣ католицизма, а простой народъ сочувствовалъ реформаціи, и гдѣ онъ получалъ участіе во власти, тамъ вводилось лютеранство, какъ это бывало въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверной Германіи. Выдающимся примѣромъ демократическаго движенія среди горожанъ безъ какой бы то ни было сектантской окраски можетъ служить одинъ эпизодъ въ исторіи ганзейскаго и лютеранскаго города Любека. Въ 1530 г. здѣсь произошла политическая реформа въ демократическомъ духѣ. Однимъ изъ ея дѣятелей былъ знаменитый Юргенъ Вулленвеберъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся бургомистромъ. Именно въ городской совѣтъ, состоявшій прежде изъ однихъ знатныхъ гражданъ, были назначены новые члены изъ простолюдиновъ, и совѣтъ этотъ долженъ былъ контролироваться избираемымъ гражданами комитетомъ. Въ 1533 г. Вулленвеберъ настоялъ на отмѣнѣ пожизненности званія членовъ совѣта, и они теперь должны были выбираться лишь на два года. У Вулленвебера были вообще широкіе политическіе планы. Онъ хотѣлъ подчинить родному городу скандинавскія государства, гдѣ онъ думалъ поддержать реформаціонное и демократическое движеніе. Такой планъ требовалъ союза съ другими городами, но исполненіе смѣлаго замысла оказалось имъ не подъ силу. Попытка окончилась неудачей, и въ Любекѣ по опредѣленію имперскаго верховнаго суда въ 1535 г. было возстановлено старое устройство. Павшаго бургомистра, взятаго при этомъ въ плѣнъ, обвиняли потомъ въ намѣреніи пойти по стопамъ мюнстерскихъ анабаптистовъ, и онъ былъ казненъ, хотя въ этомъ обвиненіи не было ни малѣйшей доли правды [1]).

---

[1]) *Waitz*. Lübeck unter Jürgen Wullenweber und die europäische Politik.

XII. Нѣмецкіе князья и лютеранская реформація [1]).

Причины союза Лютера съ князьями и его отказа отъ первоначальныхъ принциповъ.—Нѣмецкіе князья и церковная реформація.—Роль Фридриха Мудраго въ началѣ реформаціи.—Отношеніе князей къ реформаціи въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в.—Реакція и расколъ въ Германіи послѣ рыцарскаго и крестьянскаго возстанія.—Карлъ V и шпейерскій сеймъ 1526 г.—Введеніе новыхъ церковныхъ порядковъ.—Секуляризація церковной собственности.—Нетерпимость Лютера.—Его отношеніе къ Цвингли.—Реакціонныя явленія въ лютеранствѣ.—Внутреннее состояніе Германіи около 1530 г.

Революціонныя движенія, совершавшіяся подъ знаменемъ религіозныхъ идей, и возникновеніе сектантства, разрывавшаго всякую связь съ церковными традиціями, не могли не отразиться на характерѣ лютеранской реформаціи, которой суждено утвердиться въ цѣлой половинѣ Германіи въ качествѣ оффиціально признаннаго вѣроисповѣданія. Мы видѣли, что Лютеръ ограничивалъ свою задачу реформою одной церкви, и что въ его прошломъ были своего рода задатки для того, чтобы реформа эта приняла консервативный характеръ: политическія смуты, отождествлявшіяся съ дѣломъ религіозной реформаціи, въ его глазахъ только портили это дѣло; вредили ему; такое же искаженіе дорогой ему церковной реформы видѣлъ онъ и въ сектантствѣ, уходившемъ въ своемъ очищеніи вѣры отъ человѣческихъ измышленій гораздо далѣе, нежели онъ самъ могъ итти. Ища прочной власти, которая могла бы ему помочь выполнить свою задачу, Лютеръ *долженъ былъ заключить союзъ съ князьями, но этотъ союзъ не могъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ подчиненіемъ церкви государству*. Князья, принимавшіе реформацію Лютера, положительно выигрывали отъ нея, и въ тѣ самые годы, когда они побѣждали

---

[1]) Для этой и слѣд. главы: *Lippert*. Die Reformation in Kirche, Sitte und Schule der Oberpfalz.—*Redlich*. Der Reichstag von Nürnberg von 1522—23.—*Richter*. Der Reichstag zu Nürnberg. 1524.—*Friedensburg*. Der Reichstag zu Speier. 1526.—*Ney*. Geschichte des Reichstags zu Speier im Jahre 1529.—*Erichson*. Das Marburger Religionsgespräch.—*Heyd*. Herzog U. von Würtemberg.—*J. Wille*. Philipp von Hessen und die Restitution Ulrichs von Würtemberg.—*Moses*. Die Religionsverhandlungen zu Hagenau und Worms. 1540—41.—*Vetter*. Die Religionsverhandlungen auf dem Reichstage zu Regensburg. 1541.—*Varrentrapp*. Hermann von Wied und sein Reformationsversuch.—*W. Maurenbrecher*. Karl V und die deutschen Protestanten, 1545—1555.—*Hasenclever*. Die Politik der Schmalkaldener vor Ausbruch des schmalkaldischen Krieges.—*Langen*. Moritz, Herzog und Kurfürst von Sachsen.—*Heister*. Die Gefangenschaft Philipps des Grossmütigen.—*Beutel*. Ueber den Ursprung des Augsburger Interims.—*Druffel*. Kaiser Karl V und die römische Curie.—*G. Wolff*. Der Augsburger Religionsfriede.

возставшихъ рыцарей и крестьянъ, уже намѣчался чисто княжескій характеръ этой реформаціи: князья освобождались отъ власти папы, секуляризировали церковную собственность, подчиняли себѣ мѣстное духовенство, превратившееся въ ихъ чиновниковъ, и вступали въ многія права, которыя прежде принадлежали церкви. Такимъ образомъ, *если иниціатива реформаціоннаго движенія въ Германіи вышла снизу, изъ народа, то воспользовались результатами этого движенія носители государственной власти въ отдѣльныхъ территоріяхъ*, на которыя раздѣлялась тогдашняя Германія. Съ другой стороны, проводя церковную реформу при помощи князей, Лютеръ *отступилъ отъ многихъ началъ своего первоначальнаго религіознаго протеста:* его преобразованія въ вѣроученіи и церковной жизни получили оффиціальное признаніе и въ силу этого стали поддерживаться внѣшнимъ авторитетомъ гражданской власти, хотя это совсѣмъ уже не совпадало съ индивидуалистическимъ исходнымъ пунктомъ религіознаго міросозерцанія Лютера. Говоря о началѣ реформаціи, мы уже отмѣтили, въ какое отношеніе сталъ Лютеръ къ князьямъ, и въ чемъ онъ счелъ нужнымъ отказаться отъ своихъ первоначальныхъ точекъ зрѣнія, но тогда мы имѣли въ виду болѣе психологію самого реформатора, чѣмъ историческое значеніе его реформы: теперь мы разсмотримъ это послѣднее, не упуская изъ виду той роли (хотя и чисто отрицательной), какую въ исторіи лютеранской реформаціи играли и политическія событія эпохи, и появленіе другихъ видовъ религіознаго протеста.

Въ исторіи реформаціи наблюдается вообще *зависимость принятаго тѣмъ или другимъ государствомъ церковнаго устройства отъ политической формы этого государства.* Это явленіе объясняется тѣмъ, что принятіе или непринятіе реформаціи зависѣло отъ государственной власти, которая могла быть монархическою или республиканскою: весьма естественно, что политическая форма отражалась на томъ устройствѣ, какое получала реформированная церковь. *Мысль о правѣ государственной власти вмѣшиваться въ церковныя дѣла существовала уже раньше*, чѣмъ приступили къ проведенію религіозной реформы въ разныхъ государствахъ XVI вѣка, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что къ этой власти обращались и реформаторы, ибо только она своимъ содѣйствіемъ могла дать установиться новому порядку вещей. Съ своей стороны, у государей были особые интересы, помимо религіознаго убѣжденія, стать на сторону реформаціи; политическая оппозиціи противъ куріи, секуляризаціонныя стремленія, желаніе расширенія своей власти,—все это могущественно должно было влечь государей къ церковнымъ преобразованіямъ, сулившимъ имъ освобожденіе отъ папской власти, переходъ въ ихъ

руки собственности духовенства и монашества, подчиненіе имъ клира (хотя, съ другой стороны, существовали и такіе мотивы, которые, опять-таки независимо отъ религіознаго убѣжденія, должны были удерживать ихъ въ лонѣ старой церкви). Для нѣмецкихъ князей, давно уже стоявшихъ въ рѣзкой оппозиціи противъ папства, реформаціонное движеніе, охватившее націю, было весьма выгодно и только революціонныя движенія, соединившіяся съ національнымъ стремленіемъ къ религіозной реформаціи, въ значительной мѣрѣ стали удерживать многихъ князей отъ перехода на сторону новой вѣры. Этимъ до извѣстной степени и объясняется расколъ, внесенный реформаціей въ жизнь Германіи, распавшейся на двѣ части—на католическую и евангелическую. Тамъ, гдѣ князья примкнули къ движенію, они извлекли изъ него для себя большія выгоды, и въ данномъ отношеніи велико было содѣйствіе, оказанное имъ Лютеромъ, который только въ нихъ,—если не считать имперскихъ городовъ, игравшихъ все-таки второстепенную роль,—нашелъ силу, способную поддержать необходимый порядокъ и утвердить господство реформированной религіи. Конечно, эти покровители реформаціи сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ ея опекунами и чрезъ то господами вновь основанныхъ церквей: они подавили общественные элементы, бросившіеся въ соціально-политическую революцію, какъ позднѣе съ успѣхомъ отразили попытку императора поставить въ Германіи выше всего свою волю; сдѣлавшись же господами положенія въ дѣлахъ свѣтскихъ, они не могли устоять передъ соблазномъ занять такую же позицію и по отношенію къ дѣламъ духовнымъ, тѣмъ болѣе, что нужно было кому-нибудь принять на себя устроеніе новыхъ церковныхъ порядковъ. Кто занимался этимъ дѣломъ, тотъ естественно и необходимо вносилъ въ него свои стремленія и интересы, тѣмъ болѣе, что самый авторитетный богословъ реформаціи приглашалъ князей взять въ свои руки весь внѣшній порядокъ новой церковной жизни.

Мы видѣли, что реформація въ смыслѣ церковныхъ нововведеній началась въ Виттенбергѣ безъ Лютера, находившагося еще въ вартбургскомъ замкѣ въ то время, какъ его послѣдователи приступили къ дѣлу замѣны старыхъ порядковъ новыми. Мѣстный государь Фридрихъ Мудрый не только не стѣснялъ свободы религіознаго мнѣнія, но даже защищалъ отщепенцевъ, разрывавшихъ связь съ старою церковью, стараясь только успокоить возникшіе въ городѣ споры и волненія. Мало того: онъ созвалъ съѣздъ депутатовъ отъ августинскихъ монастырей саксонской провинціи, и этотъ съѣздъ объявилъ необязательность монашескихъ обѣтовъ. Благодаря такому отношенію Фридриха Мудраго къ начинавшемуся движенію, въ Виттенбергѣ могла свободно начаться и анабаптистская проповѣдь, такъ какъ кур-

фюрстъ вообще затруднялся принять какое-либо рѣшеніе въ религіозныхъ дѣлахъ, говоря, что, какъ свѣтскій человѣкъ, онъ не можетъ судить, вѣрны ли или ошибочны мнѣнія и дѣйствія, въ защиту которыхъ приводились тексты изъ св. писанія. И сторонники Лютера, напримѣръ, Меланхтонъ, просили его въ это время не стѣснять свободной проповѣди слова Божія. Самъ Лютеръ въ началѣ виттенбергскихъ безпорядковъ совѣтовалъ Фридриху Мудрому не принимать крутыхъ мѣръ, указывая на то, что кто хочетъ имѣть слово Божіе не долженъ бояться споровъ и тревогъ. Въ самыхъ проповѣдяхъ своихъ противъ новаторовъ онъ порицалъ только совершенныя ими насилія, доказывая, что не нужно изъ свободы дѣлать обязанность, что никого не слѣдуетъ принуждать силою, ибо вѣра должна быть добровольная, принятая безъ принужденія. Фридрихъ Мудрый явился защитникомъ реформаціи и передъ имперскимъ правленіемъ, дѣйствовавшимъ въ отсутствіе Карла V. Это учрежденіе, состоявшее изъ курфюрстовъ и изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ округовъ Германіи, пригласило саксонскихъ епископовъ принять мѣры противъ виттенбергскихъ безпорядковъ, но когда Лютеръ успокоилъ виттенбергскія смуты, курфюрсту удалось склонить имперское правленіе къ тому, чтобы вормскій эдиктъ былъ оставленъ безъ послѣдствій. Впрочемъ, въ общемъ само это правленіе относилось благосклонно къ реформаціи, надѣясь посредствомъ нея освободить Германію отъ папскихъ поборовъ. Въ 1523 г. новому папѣ (Адріану VI) имперское правленіе и собравшійся въ Нюрнбергѣ сеймъ прямо отказали привести въ исполненіе церковное отлученіе и государственную опалу, тяготѣвшія надъ Лютеромъ. Сеймъ выставилъ даже цѣлый рядъ жалобъ (centum gravamina) противъ куріи съ требованіемъ наискорѣйшей отмѣны злоупотребленій и созванія вселенскаго собора для реформы церкви. Папскому легату не удалось даже добиться запрещенія лютеранской проповѣди въ самомъ Нюрнбергѣ во время засѣданій сейма. Уполномоченный курфюрста саксонскаго при сеймѣ указывалъ при этомъ на то, что Лютеромъ нужно дорожить, какъ человѣкомъ болѣе умѣреннымъ, сдерживающимъ крайнихъ реформаторовъ, и что устраненіе его было бы равносильно приглашенію, обращенному къ этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ уже въ 1523 г. *власти смотрѣли на Лютера, какъ на умирителя реформаціи*, какъ на человѣка, необходимаго для того, чтобы не дать людямъ болѣе крайняго образа мыслей взять въ свои руки дѣло, въ которомъ были заинтересованы, кромѣ народа, и самыя власти. Въ это время начала уже и распространяться реформація, вводившаяся Лютеромъ въ Виттенбергѣ. У него сразу явилось множество сподвижниковъ въ лицѣ бывшихъ монаховъ или оставившихъ католическую церковь священ-

никовъ, и не только городскія власти и свѣтскіе князья, но даже иногда и князья духовные не стѣсняли проповѣдниковъ и не противились нововведеніямъ. Затѣмъ и сами князья, и города начали вводить у себя виттенбергскіе церковные порядки, т.-е главнымъ образомъ богослуженіе на народномъ языкѣ, замѣнившее католическую мессу. Однимъ изъ первыхъ князей, примкнувшихъ къ реформаціи, былъ ландграфъ Филиппъ Гессенскій.

Дальнѣйшее развитіе церковной реформаціи совершалось, однако, подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое и на князей, и на Лютера произвели революціонныя движенія рыцарей и крестьянъ. *Именно, результатомъ рыцарскаго возстанія и крестьянской войны была реакція*, отразившаяся и на политическихъ, и на религіозныхъ дѣлахъ. Уже предпріятіе Зиккингена встревожило многихъ, и всѣ тѣ, кому были выгодны старые порядки, указывали на опасность, какую въ политическомъ отношеніи представляетъ собою новая проповѣдь. Крестьянская война съ распространеніемъ анабаптизма, принявшаго характеръ соціально-революціонной пропаганды, еще болѣе накинула тѣнь на реформацію въ глазахъ всѣхъ, опасавшихся за общественное спокойствіе и существующій политическій и соціальный строй, что́ какъ нельзя болѣе было на руку всѣмъ, имѣвшимъ интересъ защищать старыя церковныя учрежденія. Рыцарей и крестьянъ побѣдили князья, жаловавшіеся на слабость и бездѣйствіе имперскаго правленія, и вотъ въ 1524 г. личный его составъ былъ измѣненъ сообразно съ желаніемъ партіи, образовавшейся противъ реформаціи. Любопытно, что на сеймѣ 1524 г. мы уже не видимъ того единодушія, которымъ отличалось собраніе имперскихъ чиновъ предыдущаго года: здѣсь образовалась теперь партія, прямо заявлявшая, что не нужно никакихъ перемѣнъ, что все должно остаться по старому. Присланный на сеймъ смѣнившимъ на папскомъ престолѣ Адріана VI Климентомъ VII искусный дипломатъ Лоренцо Кампеджи ловко воспользовался этимъ реакціоннымъ настроеніемъ и не мало содѣйствовалъ возникавшему между князьями расколу. *Въ этой реакціи, которую искусно стала эксплуатировать въ свою пользу курія, и заключается объясненіе того, что не всѣ земли Германіи приняли реформацію.* Когда на нюрнбергскомъ сеймѣ 1524 года Кампеджи потребовалъ исполненія вормскаго эдикта, ему въ этомъ было сначала отказано, но потомъ было рѣшено, что этотъ эдиктъ будетъ исполняться „по мѣрѣ возможности“, чѣмъ, въ сущности, предоставлялось на усмотрѣніе отдѣльныхъ чиновъ имперіи, т.-е. князей и вольныхъ городовъ—исполнять или не исполнять эдиктъ. Впрочемъ, сеймъ все-таки еще бралъ подъ свое покровительство реформацію, объявивъ свободную проповѣдь Евангелія до рѣшенія религіознаго вопроса на вселенскомъ

соборѣ. Между тѣмъ уже раньше, подъ вліяніемъ рыцарской смуты евангелическіе проповѣдники были изгнаны изъ Австріи, Баваріи, Тироля, майнцскаго курфюршества: теперь курія воспользовалась настроеніемъ государей названныхъ земель, чтобы отвратить ихъ окончательно отъ національно-политической оппозиціи папству. Именно имъ сдѣланы были разныя уступки, указывающія намъ на то, что̀ особенно могло интересовать князей въ реформаціи. Государи Австріи, Баваріи и нѣкоторыхъ другихъ земель получили отъ самого папы то, что́ другіе пріобрѣли благодаря реформаціи; согласившись на ограниченіе прежняго произвола куріи прежнихъ поборовъ, Климентъ VII расширилъ вмѣстѣ съ тѣмъ власть князей надъ мѣстнымъ духовенствомъ и даже отдалъ имъ часть церковныхъ имуществъ и доходовъ, за что князья обязывались преслѣдовать лютеранство въ своихъ владѣніяхъ. Такое соглашеніе куріи съ южными нѣмецкими князьями было оформлено на регенсбургскомъ съѣздѣ въ іюнѣ 1524 г., и вотъ въ Австріи, Баваріи, Зальцбургѣ начались гоненія на приверженцевъ реформаціи. Ихъ стали не только изгонять, но сажать въ тюрьмы и даже предавать казни, какъ-разъ въ то самое время, когда, наоборотъ, другіе князья принимали одинъ за другимъ новое ученіе. Крестьянская война только поддержала реакцію и еще болѣе обострила религіозный расколъ: реформація для многихъ сдѣлалась послѣ этого синонимомъ народныхъ смутъ, грозящихъ опасностью государственному строю и правильному гражданскому порядку, и это заставляло власти во многихъ мѣстностяхъ ополчиться на защиту католицизма. И въ земляхъ, уже принявшихъ реформацію, происходила реакція, направлявшаяся главнымъ образомъ противъ анабаптизма. Лютеръ, самъ говорившій въ 1520—1521 гг. революціоннымъ языкомъ не только о папѣ, но и о свѣтскихъ властяхъ, а въ началѣ крестьянскаго возстанія обвинявшій князей и господъ въ томъ, что ихъ угнетенія подняли народъ, къ концу возстанія съ яростью громилъ мятежныхъ крестьянъ, приглашалъ колоть ихъ, бить, убивать, какъ измѣнниковъ, грабителей и людей, которые, прикрывая свои дѣла Евангеліемъ, служатъ на самомъ дѣлѣ чорту. Принципъ безусловнаго повиновенія властямъ, отъ котораго онъ самъ былъ раньше очень далекъ, дѣлается одною изъ любимыхъ темъ его поученій. Расправа съ мятежными крестьянами, соединившая въ общемъ дѣлѣ католическихъ и евангелическихъ князей, вполнѣ одобрялась Лютеромъ, отвѣчавшимъ впослѣдствіи на упреки въ жестокости, что мятежнику не разумомъ нужно отвѣчать, а кулакомъ, да такъ, чтобъ кровь изъ носа потекла, и что „кто не хочетъ добромъ слушать слова Божія, долженъ слушать палача съ топоромъ“. Такимъ образомъ реакція, вызванная смутами первой половины двадцатыхъ годовъ,

не только заставила многихъ отшатнуться отъ реформаціи, но и среди самихъ ея сторонниковъ породила недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ религіозной свободѣ. Послѣ 1525 года получаютъ поэтому дальнѣйшее развитіе какъ распаденіе Германіи на два лагеря, такъ и реакціонное настроеніе среди не однихъ католиковъ, но и среди сторонниковъ реформаціи.

Вслѣдъ за подавленіемъ великаго мятежа лютеранство стало съ особенною жестокостью преслѣдоваться во владѣніяхъ вюрцбургскаго и бамбергскаго епископовъ, во Франконіи и Швабіи, въ габсбургскихъ земляхъ, гдѣ евангелическихъ проповѣдниковъ вѣшали и жгли. Герцогъ саксонскій Георгъ равнымъ образомъ предавалъ казни проповѣдниковъ новаго ученія и даже хлопоталъ о заключеніи между сѣверо-германскими князьями союза для подавленія реформаціи, подобнаго регенсбургскому соглашенію князей южно-нѣмецкихъ. Курфюрстъ саксонскій Іоаннъ, смѣнившій Фридриха Мудраго, и его зять Филиппъ Гессенскій, однако, остались вѣрными реформаціи. Вообще то обстоятельство, что ни рыцарская, ни крестьянская смута не коснулись сѣверной Германіи, было весьма благопріятно для распространенія здѣсь лютеранской реформаціи. Названные князья даже заключили между собою союзъ осенью 1525 года, пригласивъ къ участію въ немъ другихъ князей. Вообще же рѣшено было подвергнуть разсмотрѣнію религіозныя дѣла на шпейерскомъ сеймѣ слѣдующаго года.

Въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ императоръ Карлъ V велъ свою войну съ Францискомъ I, и его не было въ Германіи: безъ него началась реформація, безъ него произошли оба возстанія, усмиренныя князьями. Но въ 1525 году французскій король былъ побѣжденъ и даже взятъ въ плѣнъ въ битвѣ при Павіи, а въ началѣ слѣдующаго года между обоими государями состоялся въ Мадридѣ миръ, по которому Францискъ I отказывался отъ всѣхъ своихъ притязаній на итальянскія владѣнія и уступалъ императору всѣ земли бургундскаго наслѣдства. При этомъ оба государя обязывались дѣйствовать сообща противъ турокъ и еретиковъ, покинувшихъ лоно св. церкви. У Карла V теперь руки были развязаны для того, чтобы дѣйствовать въ Германіи. Къ этому его приглашали между прочимъ и нѣкоторые духовные князья, встревоженные проектами отнять земли у всѣхъ духовныхъ владѣтелей. Прежде всего императоръ отправилъ къ нѣкоторымъ князьямъ декларацію о необходимости подавленія ереси и заключенія католическаго союза, но и евангелическіе князья собирались отстаивать себя, примкнувъ къ саксонско-гессенскому союзу (въ Торгау и Магдебургѣ въ первой половинѣ 1526 г.), хотя Лютеръ порицалъ намѣреніе сопротивляться императору и защищать силою всемогущее слово Божіе. Въ то самое время, однако, когда въ

маѣ 1526 года собрался имперскій сеймъ въ Шпейерѣ, Францискъ I и Климентъ VII заключили между собою союзъ противъ Карла V. Это разстроивало всѣ его политическіе планы и снова создавало благопріятное для реформаціи положеніе въ Германіи. На шпейерскомъ сеймѣ коммиссары императора и католическіе князья требовали исполненія вормскаго эдикта, но они не были достаточно сильны, чтобы на этомъ настоять, да и обстоятельства быстро измѣнились, когда Карлу V пришлось начать войну съ папой. Къ концу сейма было даже получено императорское повелѣніе, отмѣнявшее вормскій эдиктъ и возвѣщавшее. что рѣшеніе религіозныхъ споровъ будетъ предоставлено вселенскому собору. 27 августа сеймъ постановилъ, что въ религіозномъ вопросѣ каждый имперскій чинъ будетъ до разрѣшенія спора на вселенскомъ соборѣ дѣйствовать такъ, какъ сочтетъ это нужнымъ, чтобы быть правымъ передъ Богомъ и императорскимъ величествомъ. Это сеймовое постановленіе было въ высшей степени важно: *имъ впервые установлялся принципъ, по которому вѣроисповѣданіемъ князя опредѣлялось вѣроисповѣданіе его подданныхъ*, принципъ, выраженный впослѣдствіи въ знаменитой формулѣ: „cujus regio, ejus religio“. Одинаковое право съ князьями получали и правительства имперскихъ городовъ и даже имперскіе рыцари. Этимъ постановленіемъ своимъ имперскій сеймъ предоставлялъ свѣтскимъ властямъ, хотя и временно только, рѣшать религіозный вопросъ по собственному усмотрѣнію; *это ставило церковь какъ бы въ зависимость отъ государства, и государственной власти давалось право производить церковныя преобразованія*. Такимъ образомъ въ 1526 г. въ Шпейерѣ князья, только-что побѣдившіе рыцарей и крестьянъ, получили новое расширеніе своей власти, дѣлавшее ихъ независимыми отъ центральнаго правительства въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, какіе только подлежали тогда рѣшенію. и тѣмъ самымъ *способствовавшее усиленію политическаго раздробленія Германіи*. Для лютеранства такое рѣшеніе было благопріятно: сеймъ далъ ему возможность консолидироваться подъ покровительствомъ князей, но эта выгода относилась лишь къ утвержденію и распространенію лютеранства, отнюдь не къ внутреннему его развитію. Въ послѣднемъ отношеніи, наоборотъ, шпейерскій принципъ давалъ территоріальнымъ властямъ право принужденія своихъ подданныхъ: каждый имперскій чинъ могъ дѣйствовать въ религіозномъ вопросѣ, такъ какъ считалъ это совмѣстнымъ съ своими обязанностями по отношенію къ Богу и императору, но ничто не обязывало его принимать въ расчетъ желанія его подданныхъ.

Собственно говоря, только послѣ шпейерскаго сейма 1526 года начала прочно утверждаться въ княжествахъ и имперскихъ городахъ,

принявшихъ реформацію [1]), новая церковная организація. Ранѣе всего приступилъ къ этому дѣлу Филиппъ Гессенскій, пригласившій на совѣщаніе о введеніи новаго устройства церкви земское духовенство, дворянство и горожанъ, но выработанныя на этомъ совѣщаніи (въ Гомбергѣ въ 1526 г.) правила были впослѣдствіи замѣнены составленными по образцу виттенбергскихъ. Гомбергскій сеймъ думалъ дать церкви демократическое устройство: отдѣльныя религіозныя общины съ внутреннимъ самоуправленіемъ и выборными представителями должны были высылать духовныхъ и свѣтскихъ депутатовъ на ежегодные синоды, которымъ подлежало бы рѣшеніе спорныхъ дѣлъ, а кромѣ того, учреждался особый комитетъ, члены котораго назначались бы ландграфомъ и дворянствомъ, для завѣдованія текущими дѣлами между собраніями синодовъ и для того, чтобы руководить совѣщаніями послѣднихъ. Не такъ представлялъ себѣ правильное церковное устройство Лютеръ, самъ незадолго передъ тѣмъ (1523 г.) писавшій еще пражскимъ утраквистамъ, что они имѣютъ право выбирать себѣ епископовъ и пастырей: къ 1526 г. у него окончательно сложилось то убѣжденіе, что епископская власть въ церкви должна быть передана государямъ. Мы уже видѣли, какъ возникъ у него такой взглядъ; онъ естественно и необходимо вытекалъ изъ того отношенія, въ какое поставили его къ свѣтской власти его заботы о церковной реформѣ и его недовѣріе къ общественнымъ силамъ, особенно послѣ крестьянской войны. Лютеранскіе князья сдѣлались верховными правителями (summi episcopi) церквей въ своихъ земляхъ. Они поручили надзоръ за церковною жизнью особымъ суперъ-интендентамъ, а въ серединѣ тридцатыхъ годовъ учредили такъ называемыя консисторіи съ административною и судебною властью надъ духовенствомъ. Введеніе новаго богослуженія и церковнаго устройства сопровождалось секуляризаціей собственности церквей и монастырей. Лютеръ хлопоталъ о томъ, чтобы хотя часть доходовъ съ секуляризованныхъ имѣній шла на содержаніе храмовъ и священниковъ, школъ и учителей, а также благотворительныхъ учрежденій и бѣдныхъ, но лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ эти доходы получали такое назначеніе. Въ большинствѣ случаевъ *бывшія духовныя имѣнія обращались князьями въ личную пользу или раздавались приближеннымъ*, — явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ исторіи реформаціи не въ одной Германіи. Католическіе князья слѣдовали примѣру лютеранскихъ и равнымъ образомъ производили у себя конфискацію церковныхъ имѣній, что̀ дало по-

---

[1]) Саксонія (курфюршество), Гессенъ, Ангальтъ, Франконія, Люненбургъ, В. Фрисландія, Шлезвигъ-Гольштейнъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Страсбургъ и др.

водъ Лютеру шутить надъ ихъ лютеранскимъ усердіемъ, превосходившимъ усердіе самихъ лютеранъ.

Отдача реформированной церкви во власть князей далеко не соотвѣтствовала идеѣ религіозной свободы, защитникомъ которой былъ Лютеръ въ 1520—1521 гг. Реформаторъ, какъ мы видѣли, не удержался на высотѣ своего принципа, и мы знаемъ, что́ было причиной этого явленія. Его отношеніе къ Карльштадту и Ѳомѣ Мюнцеру указывало уже на то, что Лютеръ не проявитъ особой терпимости къ религіозному съ нимъ разномыслію. Одновременно съ лютеранствомъ стало распространяться въ юго-западной Германіи изъ Цюриха ученіе Ульриха Цвингли. Этотъ реформаторъ несогласно съ Лютеромъ училъ о причащеніи, отвергнувъ принятое имъ „дѣйствительное присутствіе Христа“ въ евхаристіи и признавъ въ ней только символъ, такъ какъ, по его толкованію, слово „есть“ въ текстѣ: „сіе есть тѣло мое“ и „сія есть кровь моя“ равносильно выраженіямъ: „обозначаетъ“ или „знаменуетъ“. Между Лютеромъ и Цвингли произошла по этому поводу полемика, и на дружелюбныя объясненія цюрихскаго реформатора Лютеръ отвѣчалъ весьма запальчиво. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ послѣдователямъ обоихъ ученій грозила большая опасность со стороны католиковъ. Она заставила курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго заключить тайное соглашеніе съ Нюрнбергомъ, Ульмомъ и Страсбургомъ для взаимной защиты, но когда Лютеръ узналъ объ этомъ союзѣ, то настоялъ, чтобы курфюрстъ отказался отъ союза съ городами Ульмомъ и Страсбургомъ, принявшими цвингліанское ученіе объ евхаристіи. Онъ даже одобрилъ рѣшеніе шпейерскаго сейма 1526 г., давшее терпимость лютеранству, но исключившее цвингліанцевъ, и совѣтовалъ курфюрсту держаться по отношенію къ послѣднимъ этого постановленія. Съ большимъ только трудомъ удалось Филиппу Гессенскому, дорожившему союзомъ съ швейцарцами, устроить между Лютеромъ и Цвингли диспутъ въ Марбургѣ (1529). Уже раньше дѣлались попытки страсбургскими богословами Буцеромъ и Капитономъ смягчить вражду Лютера противъ Цвингли, но реформаторъ отвѣчалъ, что между Христомъ и Веліаломъ не можетъ быть общенія. И теперь, уступая желанію ландграфа, онъ поѣхалъ въ Марбургъ, напередъ заявивъ, что не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки. На диспутѣ реформаторы и ихъ сторонники пришли къ соглашенію по всѣмъ основнымъ пунктамъ догматическаго характера, за исключеніемъ именно вопроса объ евхаристіи. Лютеръ написалъ на столѣ греческое слово ἐστί („есть“) и постоянно на него указывалъ пальцемъ, требуя буквальнаго его пониманія. Это было его главное возраженіе противъ Цвингли. Цюрихскій реформаторъ тѣмъ не менѣе предложилъ Лютеру примиреніе: „будемъ, ска-

залъ онъ, исповѣдовать наше единеніе во всѣхъ отношеніяхъ, гдѣ оно существуетъ, а что касается до другихъ сторонъ, то будемъ помнить, что мы—братья. Никогда, прибавилъ онъ, не будетъ мира между церквами, если при полномъ сохраненіи великаго ученія объ оправданіи посредствомъ вѣры нельзя будетъ различаться по второстепеннымъ пунктамъ". Лютеръ не принялъ протянутой ему руки и на предложеніе быть единодушными отвѣчалъ: „вашъ духъ не тотъ, что̀ нашъ". Филиппъ Гессенскій, все время хлопотавшій о соглашеніи обѣихъ сторонъ, съ своей стороны сталъ убѣждать Лютера не отказывать въ братской любви швейцарскимъ реформаторамъ. „Я не отказываю имъ въ той любви, какую христіанинъ обязанъ имѣть къ врагамъ", сказалъ на это Лютеръ.

Въ Марбургѣ все-таки было подписано нѣкоторое соглашеніе, касавшееся 14 пунктовъ и указывавшее, въ чемъ обѣ стороны согласны и въ чемъ несогласны относительно евхаристіи. Цвингли придавалъ этому акту большое значеніе. Онъ говорилъ, что Лютеръ тѣмъ самымъ отрѣзалъ себѣ путь возвращенія къ папизму, на которое онъ считалъ его еще способнымъ. Среди лютеранскихъ богослововъ, дѣйствительно, были такіе, которые шли на уступки католицизму. „Аугсбургское исповѣданіе", редактированное главнымъ образомъ Меланхтономъ для представленія Карлу V (1530), излагало евангелическое ученіе, особенно подчеркивая все, въ чемъ оно было сходно съ католическимъ и чѣмъ, наоборотъ, отличалось отъ цвингліанскаго. Лютеръ находилъ, что въ этомъ исповѣданіи было сдѣлано уступокъ больше, чѣмъ слѣдовало дѣлать. Равнымъ образомъ, когда Карлъ V устроилъ комитетъ изъ князей, юристовъ и богослововъ обѣихъ партій, католической и евангелической, для выработки соглашенія, лютеранскіе богословы выказали большую уступчивость. Многіе соглашались даже признавать папскую власть подъ условіемъ свободы евангелическаго ученія; дѣло принимало характеръ подчиненія лютеранъ старой церкви, если бы только съ ея стороны сдѣланы были кое-какія уступки. Лютеръ и на этотъ разъ высказывался принципіально противъ уступокъ. Едва ли поэтому были справедливы предположенія Цвингли относительно возможности возвращенія самого Лютера къ католицизму. Тутъ была только одна вѣрная мысль: въ глазахъ реформатора, болѣе послѣдовательно проводившаго въ своемъ вѣроученіи и церковномъ устройствѣ новые религіозные принципы, само лютеранство должно было казаться возвращеніемъ къ католицизму. Лютеръ, дѣйствительно, дѣлался все болѣе и болѣе нетерпимымъ, искореняя, гдѣ это отъ него зависѣло, несогласныя съ его ученіемъ мнѣнія: цвингліанство онъ называлъ нечестіемъ, его послѣдователей—дѣтьми сатаны, наравнѣ съ анабаптистами.

Такимъ образомъ уже во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. почти выяснился характеръ лютеранской реформаціи. Господами положенія были князья, и реформація приняла чисто княжескій характеръ. Но весь религіозный вопросъ не былъ еще окончательно рѣшенъ. Хотя князья и продолжали переходить на сторону новаго ученія, многіе оставались попрежнему въ лонѣ старой церкви, и взаимное раздраженіе росло. Къ этому присоединялась еще конкурренція, какую дѣлало лютеранству ученіе Цвингли. Германія раздѣлилась такимъ образомъ на два лагеря, а въ одномъ изъ этихъ лагерей былъ еще свой расколъ. Существовалъ помимо этого и политическій вопросъ: наступило время, когда Карлу V представилась возможность вмѣшаться въ религіозныя дѣла Германіи, а это не могло не затронуть основного политическаго вопроса объ отношеніяхъ между императоромъ и князьями. Этотъ политическій вопросъ главнымъ образомъ и разрѣшался въ слѣдующую четверть вѣка (1530—1555) въ связи съ дальнѣйшимъ ходомъ религіозной реформаціи. Около 1530 г. исторія послѣдней вступаетъ въ новый фазисъ: общественныя и народныя движенія предыдущихъ лѣтъ уступаютъ мѣсто борьбѣ между государственными властями, и религіозная реформація изъ живого національнаго дѣла превращается въ дѣло князей. Этими двумя чертами и характеризуется слѣдующій періодъ, который мы теперь разсмотримъ.

XIII. Князья и императоръ.

Соображенія нѣмецкихъ историковъ объ исходѣ реформаціоннаго движенія въ Германіи. — Поведеніе Карла V. — Борьба между императоромъ и князьями. — Война Карла V съ Франциской I и папой. — Шпейерскій сеймъ 1529 г. — Значеніе «протестаціи» и вопросъ о сопротивленіи. — Аугсбургскій сеймъ и «исповѣданіе». — Шмалькальденскій союзъ. — Распространеніе протестантизма въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ. — Шмалькальденская война и побѣда Карла V. — Аугсбургскій интеримъ. — Борьба князей съ Карломъ. — Пассаускій договоръ и аугсбургскій религіозный миръ. — Политическіе итоги нѣмецкой реформаціи.

Реформація въ Германіи началась снизу, но главныя отъ нея выгоды достались князьямъ. Нѣмецкіе историки, оцѣнивающіе реформацію съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ своей родины, нерѣдко указываютъ на то, что реформація могла бы получить иной исходъ, если бы осуществились лучшія стремленія вождей общественнаго движенія, закончившагося катастрофой 1525 года. Въ частности, они указываютъ на то, что если бы въ 1524 г. была осуществлена „умѣренная и справедливая“ программа „двѣнадцати статей“, то

Германія избѣжала бы многихъ бѣдствій и нація не испытала бы дурныхъ послѣдствій, какія обыкновенно влечетъ за собою неудавшаяся революція. Съ такой точки зрѣнія особенно выдвигается впередъ гейльброннскій проектъ переустройства Германіи въ политическомъ отношеніи: въ этомъ проектѣ видятъ „удивительное сходство" съ программой 1789 г. и думаютъ, что если бы планъ этотъ былъ осуществленъ, то Германія достигла бы и государственнаго единства, и общественной свободы, которымъ, наоборотъ, былъ нанесенъ ударъ неудачнымъ исходомъ реформаціи. Не всегда съ достаточною подробностью разбирая вопросъ, насколько Германія,—гдѣ еще силенъ былъ партикуляризмъ земель и сословій и не существовало общественныхъ элементовъ, которые могли бы сдѣлаться опорою политической свободы во всей странѣ,—была готова получить государственное единство и превратиться въ свободную страну; не всегда даже ставя вопросъ, насколько осуществимыя вообще политическія программы вождей общественнаго движенія были выполнимы именно при тогдашнихъ условіяхъ, хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ условій и могли быть устранены, нѣмецкіе національные историки пытаются иногда въ томъ или другомъ единичномъ фактѣ или въ двухъ-трехъ такихъ фактахъ искать причины неудачи. Вообще очень трудно въ исторіи судить о томъ, что̀ было бы, если бы не было того-то и того-то, но тѣмъ не менѣе этотъ пріемъ помогаетъ анализировать сложныя причины сложныхъ событій и съ бо̀льшею или меньшею вѣроятностью опредѣлять значеніе каждой причины, въ отдѣльности взятой. Само собою разумѣется, что здѣсь мы не можемъ входить въ подробный анализъ причинъ неудачи общественнаго движенія въ Германіи въ началѣ реформаціоннаго періода и разбирать вопросъ о шансахъ, какіе имѣло бы то или другое изъ существовавшихъ тогда направленій при легкомъ измѣненіи условій, зависѣвшихъ иногда непосредственно отъ поведенія отдѣльныхъ личностей; но на нѣкоторыхъ соображеніяхъ историковъ слѣдуетъ остановиться. Въ томъ, что общественное движеніе въ Германіи понесло пораженіе, историки, сочувствующіе Лютеру, обвиняютъ между прочимъ крайнія и неумѣренныя требованія, съ какими выступилъ Ѳома Мюнцеръ. Въ этомъ есть доля правды, поскольку характеръ, приданный возстанію анабаптистами, отвратилъ отъ него многихъ, раньше ему сочувствовавшихъ, хотя для князей и господъ и „двѣнадцать статей" казались достаточно крайними. Къ тому же и вина за жестокости, совершонныя въ крестьянскую войну, не можетъ цѣликомъ падать на одну анабаптистскую проповѣдь. Гораздо болѣе истины заключаютъ въ себѣ указанія на поведеніе Лютера, ставимое ему одними историками въ заслугу, другими—въ укоръ. Когда Лютеръ, говоритъ, напримѣръ, Гейсеръ, отрекся отъ всякаго участія въ возстаніи

и затѣмъ произнесъ противъ него свое рѣзкое осужденіе, тогда и все нѣмецкое среднее сословіе, великій ратный станъ его партіи, обратилось противъ этого движенія, что̀ въ принципѣ и рѣшило его участь. Оставляя въ сторонѣ долю преувеличенія, заключающуюся въ этихъ словахъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что авторитетъ и вѣское вліяніе Лютера, дѣйствительно, играли роль въ этомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, и Циммерманъ прямо ставитъ въ вину Лютеру, что онъ помѣшалъ движенію 1524—1525 гг. принести свои хорошіе результаты. Но мы уже говорили, что въ данномъ случаѣ историческая наука должна не столько оправдывать или осуждать историческаго дѣятеля, сколько объяснять его поведеніе, и что Лютеръ именно такъ только и могъ отнестись къ политическимъ вопросамъ своего времени, какъ отнесся къ нимъ на самомъ дѣлѣ.

То же самое разсужденіе мы должны примѣнить и къ оцѣнкѣ роли Карла V въ исторіи нѣмецкой реформаціи. Мы выше разсматривали вопросъ, чѣмъ въ его положеніи и при его характерѣ должны были опредѣляться его отношенія къ Германіи и къ религіозной реформаціи. Мы знаемъ уже какія обстоятельства держали его далеко отъ Германіи, когда въ ней происходили важнѣйшія событія двадцатыхъ годовъ XVI вѣка. Поведеніе Карла V по отношенію къ реформаціи не разъ было предметомъ критики. Между прочимъ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ національныхъ интересовъ ему ставилось въ вину, что онъ не сталъ во главѣ охватившаго Германію въ началѣ его царствованія политическаго и религіознаго движенія. Если бы германскимъ императоромъ въ эту эпоху былъ другой человѣкъ, которому были бы понятны стремленія нѣмецкой націи; если бы такой государь сумѣлъ отрѣшиться отъ традиціоннаго смѣшенія власти германскаго національнаго короля съ властью императора универсальной католической имперіи; если бы онъ не былъ вдобавокъ проникнутъ идеями и стремленіями абсолютизма, недовѣрчиво относившагося къ общественнымъ движеніямъ и народнымъ силамъ, то, конечно, онъ могъ бы воспользоваться стремленіями, проявившимися въ то время въ нѣмецкой націи, чтобы освободить Германію отъ римской куріи, дать ей политическое единство и удовлетворить при этомъ народнымъ желаніямъ. Говорятъ, что кардиналъ Гранвелла совѣтовалъ Карлу V войти въ соглашеніе съ партіей, которая желала государственнаго переустройства Германіи, но у императора были тогда другія дѣла и задачи, отвлекавшія его въ иную сторону. Вѣдь и у самого Карла V нельзя отрицать существованія мысли объ объединеніи Германіи и о борьбѣ съ папствомъ, но объединеніе Германіи стояло у него далеко не на главномъ планѣ и представлялось ему, какъ только могло представляться абсолютисту, образовавшему

свои политическіе взгляды въ школѣ маккіавеллизма, отношенія же его къ папству опредѣлялись не интересами его подданныхъ, а его собственными властолюбивыми стремленіями и разными перипетіями его международной политики.

Какъ бы тамъ ни было, во время рѣшительныхъ событій, происходившихъ въ Германіи, Карлъ V отсутствовалъ, и, пользуясь этими событіями, князья сдѣлали въ короткое время большой шагъ впередъ въ утвержденіи и развитіи своей власти. Когда онъ наконецъ получилъ возможность пріѣхать въ Германію, положеніе вещей было въ ней уже совершенно иное сравнительно съ тѣмъ, какое онъ оставилъ послѣ вормскаго сейма. *Если реформаціей, начавшейся въ Германіи снизу, воспользовались князья и, наоборотъ, совсѣмъ не воспользовался императоръ, которому не могло быть пріятно развитіе княжеской власти, то при существованіи въ странѣ антиреформаціонной партіи и при антиреформаціонномъ настроеніи императора было еще вопросомъ, удержатъ ли князья занятую позицію и удержится ли сама реформація.* Таковъ былъ главный смыслъ событій, происходившихъ въ Германіи въ тотъ періодъ, когда Карлъ V сталъ вмѣшиваться болѣе энергично въ нѣмецкія дѣла, и *въ связи съ религіозными отношеніями между двумя лагерями, на какіе распались князья, долженъ былъ рѣшаться старый политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между князьями и императоромъ.* Возможные союзники послѣдняго, рыцари и крестьяне, понесли пораженіе, а ненаціональная и деспотическая политика Карла въ концѣ концовъ возбудила противъ него народное чувство. Въ критическую минуту *князья выступили противъ него, какъ защитники національной свободы противъ иностраннаго деспота,* и это привело ихъ къ новой побѣдѣ, на этотъ разъ къ побѣдѣ надъ представителемъ государственнаго единства Германіи.

Побѣда Карла V надъ Францискомъ I (1525 г.) и мадридскій миръ (1526 г.) должны были встревожить папу Климента VII, котораго не примиряли съ этими событіями даже взаимныя обѣщанія императора и короля содѣйствовать другъ другу въ искорененіи ереси. Климентъ VII, принадлежа къ фамиліи Медичи, обладавшей въ Италіи однимъ изъ лучшихъ княжествъ, и самъ, какъ папа, владѣя большою итальянскою областью, слѣдовалъ политикѣ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, для которыхъ интересы церкви, какъ ихъ понимали средневѣковые папы, отодвигались на задній планъ сравнительно съ интересами чисто свѣтскаго характера. Съ другой стороны, и Францискъ I не могъ примириться ни съ своимъ пораженіемъ при Павіи, ни съ условіями мадридскаго мира, подписанными имъ въ плѣну. Весною 1526 г. между папой и французскимъ королемъ

въ Коньякѣ была заключена лига противъ императора, и началась новая война. Менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ заключенія этой лиги армія Карла V, въ которой были нѣмецкіе ландскнехты, предводимые Георгомъ Фрундсбергомъ, какъ извѣстно, взяла приступомъ и разграбила Римъ (въ маѣ 1527 г.). Война окончилась въ 1529 г. миромъ императора съ папой (барселонскимъ въ іюнѣ) и съ Франціей (камбрейскимъ въ іюлѣ), по которымъ Карлъ V сдѣлалъ обоимъ противникамъ уступки. Этимъ возобновлялся ихъ прежкій союзъ противъ ереси. Теперь Карлъ V могъ явиться въ Германію, притомъ явиться сюда побѣдителемъ, успѣхъ котораго долженъ былъ содѣйствовать авторитетности его требованій. Еще до окончательнаго замиренія императорскій вице-канцлеръ ѣздилъ по князьямъ и объявлялъ, что ересь должна быть подавлена, и обѣщалъ покорнымъ императорское благоволеніе, грозя всякому, кто откажется отъ повиновенія. Въ февралѣ 1529 г. былъ собранъ въ Шпейерѣ сеймъ, на которомъ отъ имени императора сдѣлано было предложеніе возстановить вормскій эдиктъ, мотивомъ же выставлялось то, что рѣшеніе 1526 г., отдавшее церковныя дѣла на волю каждаго отдѣльнаго имперскаго чина, подало поводъ къ возникновенію разныхъ ужасныхъ сектъ. Сеймовая коммиссія, состоявшая въ большинствѣ изъ католиковъ, выработала на основѣ этого предложенія проектъ рѣшенія, которымъ не дозволялось князьямъ и городамъ, принявшимъ вормскій эдиктъ, отступать отъ него, а гдѣ нельзя было бы безъ новыхъ смутъ его исполнять, тамъ запрещались дальнѣйшія нововведенія и должна была быть дозволена католическая месса для желающихъ. Далѣе, этимъ проектомъ запрещалось отнимать у духовныхъ власть и доходы и объявлялось, что анабаптисты и секты, отвергающіе таинство евхаристіи, не должны быть болѣе терпимы. За нарушеніе правъ католической церкви предполагалось назначить наказаніе, какъ за мятежъ. Сравнивая настроеніе имперскихъ чиновъ по отношенію къ реформаціи на сеймахъ 1523, 1526 и 1529 гг.[1]), мы замѣчаемъ усиленіе реакціоннаго настроенія большинства. Теперь оно прямо выразило согласіе подчиниться вормскому эдикту на условіяхъ, выработанныхъ коммиссіей. Тогда меньшинство составило противъ этого постановленія протестъ, исходя изъ того принципа, что въ дѣлахъ вѣры не можетъ быть рѣшеній по большинству и меньшинству, а только по внушенію собственной совѣсти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, оно требовало, чтобы осталось въ силѣ постановленіе 1526 г., которымъ религіозныя дѣла отдавались не на совѣсть каждаго отдѣльнаго лица, а на усмотрѣніе имперскихъ чиновъ, получавшихъ право

[1]) Въ 1529 г. послѣ шпейерскаго сейма былъ и марбургскій диспутъ.

реформировать или не реформировать церковь въ своихъ владѣніяхъ Здѣсь заключалось одно изъ противорѣчій нѣмецкой реформаціи: *она провозглашала принципъ свободы совѣсти, но примѣняла его лишь къ властямъ*, лишая подданныхъ этой свободы. Протестъ былъ подписанъ пятью князьями (между другими курфюрстомъ саксонскимъ и ландграфомъ гессенскимъ) и уполномоченными 14 имперскихъ городовъ. Они получили названіе „протестантовъ“, распространившееся впослѣдствіи на всѣхъ, оставившихъ католическую церковь. Протестъ былъ актомъ неповиновенія императору: князья и имперскіе города сами становились въ положеніе подданныхъ и заявляли, что во всемъ остальномъ они готовы повиноваться императору, но только не въ такихъ вещахъ, которыя касаются славы Божіей и спасенія души. Протестанты выставляли принципъ невмѣшательства государственной власти въ дѣла совѣсти, но, будучи сами государями въ своихъ владѣніяхъ, они дѣлались въ нихъ верховными устроителями церковныхъ дѣлъ, требовавшими подчиненія подданныхъ новому порядку. Іоаннъ Саксонскій и Филиппъ Гессенскій вошли въ особое соглашеніе съ тремя протестантскими городами, въ числѣ которыхъ два было цвингліанскихъ (Страсбургъ и Ульмъ). Но Лютеръ, какъ мы уже видѣли, отклонилъ своего курфюрста отъ этого союза. Именно тогда и между самими протестантами начинались религіозныя распри, сильно озабочивавшія Филиппа Гессенскаго.

Такимъ образомъ между императоромъ и частью князей начинался серьезный раздоръ на религіозной почвѣ. Въ политическомъ отношеніи, наоборотъ, имперскіе чины проявили большую солидарность въ защитѣ страны отъ турокъ, сдѣлавшихъ въ томъ же 1529 г. страшное нападеніе на Вѣну. Дѣло въ томъ, что султанъ Солиманъ во главѣ войска въ 250 тысячъ задумалъ совершить новыя завоеванія и двинулся на христіанскій Западъ: Германіи грозила страшная опасность, но католическіе и протестантскіе князья (и между послѣдними особенно Филиппъ Гессенскій) соединились и спасли Вѣну отъ осады. Къ шпейерской протестаціи Карлъ V отнесся съ сильнымъ раздраженіемъ и потребовалъ отъ подписавшихся подъ нею подчиненія волѣ сейма подъ страхомъ строгаго наказанія. Въ протестантахъ боролись еще противоположныя чувства повиновенія Богу и повиновенія императору. Голосъ Лютера склонялъ ихъ къ непротивленію: въ правахъ императора онъ видѣлъ продолженіе неограниченной власти ветхозавѣтныхъ царей и римскихъ цезарей, и ему хотѣлось, чтобы самъ Карлъ считалъ его сторонникомъ сильной власти и защитникомъ порядка. Однимъ словомъ, на сопротивленіе императору онъ смотрѣлъ тѣми же глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на поведеніе Гуттена и на

крестьянское возстаніе. Другіе понимали дѣло иначе. Они находили, что угнетаемый имѣетъ право обороны и что власть, данная отъ Бога, перестаетъ быть законною, разъ она возстаетъ противъ Бога или нарушаетъ условія, на какихъ былъ избранъ ея носитель. Благодаря этому въ связи съ протестаціей 1529 г. *уже ставился вопросъ о правѣ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свободу совѣсти*, хотя въ данномъ случаѣ это право принималось только по отношенію къ имперскимъ чинамъ, которые не признали бы такого же права за своими собственными подданными. Впрочемъ, этому вопросу у нѣмецкихъ протестантовъ не было тогда единогласнаго рѣшенія.

Въ 1530 г. Карлъ V послѣ девятилѣтняго отсутствія пріѣхалъ въ Германію, назначивъ собраніе имперскаго сейма въ Аугсбургѣ. Сеймъ этотъ отличался особеннымъ блескомъ, пышностью и торжественностью: императоръ, вообще не любившій церемоній, на этотъ разъ хотѣлъ явиться передъ собравшимися имперскими чинами и народомъ во всемъ своемъ величіи. Побѣдитель папы и французскаго короля, только-что коронованный императорскою короною (Климентомъ VII въ Болоньѣ въ томъ же 1530 г.), думалъ, что ему и въ Германіи легко будетъ установить тотъ порядокъ, какой ему хотѣлось. На требованіе протестантовъ покориться его волѣ онъ получилъ, однако, отказъ, мотивированный тѣмъ, что въ дѣлахъ совѣсти не имѣетъ силы никакое императорское повелѣніе. Когда начитанный въ св. писаніи и отцахъ церкви Филиппъ Гессенскій сталъ доказывать ему на сеймѣ истинность евангелическаго ученія, Карлъ V рѣзко прервалъ его, но старый маркграфъ Георгъ Ансбахскій бросился передъ императоромъ на колѣна и рѣшительно заявилъ, что онъ скорѣе готовъ сложить голову, чѣмъ отступить отъ слова Божія. „Любезный князь, возразилъ ему Карлъ V на ломанномъ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи, голову не надо прочь, голову не надо прочь“ (löwer Först, net Kop ab). Равнымъ образомъ, когда Карлъ V выразилъ желаніе, чтобы всѣ князья явились на процессію Божія тѣла, протестанты ему не повиновались. Въ Аугсбургѣ даже стало отправляться лютеранское богослуженіе въ квартирахъ князей и въ домахъ богатыхъ патриціевъ. Между тѣмъ по желанію Карла V имѣть письменное изложеніе мнѣній членовъ сейма по религіозному вопросу составлена была—издавна, впрочемъ, вырабатывавшаяся и окончательно редактированная Меланхтономъ—„апологія“, главною цѣлью которой было оправдать евангелическое ученіе отъ обвиненія въ ереси. Документъ этотъ, получившій названіе аугсбургскаго исповѣданія (Augsburger Confession, confessio augustana) [1], въ качествѣ изложенія

[1]) Онъ былъ составленъ по-нѣмецки и по-латыни. Лютеръ на аугсбургскій сеймъ не могъ явиться, какъ стоявшій формально подъ опалой.

лютеранскаго ученія былъ подписанъ всѣми лютеранскими князьями и представителями двухъ имперскихъ городовъ. Съ противной стороны по желанію императора послѣдовало опроверженіе (confutatio), составленное 19 католическими богословами. Карлъ V потребовалъ въ немъ нѣкоторыхъ измѣненій, а потомъ приказалъ курфюрсту саксонскому съ его товарищами и богословами присоединиться къ этому акту. Поведеніе Карла V на аугсбургскомъ сеймѣ вообще указываетъ, что онъ считалъ себя въ правѣ диктовать свою волю и въ дѣлахъ церковныхъ. Видя, что папа не хочетъ созывать собора, котораго у него требовали, Карлъ V рѣшился кончить дѣло о реформаціи самъ. Онъ даже назначилъ особый комитетъ для выработки соглашенія между католиками и лютеранами, хотя изъ этой попытки ничего не вышло. Понимая, съ другой стороны, невозможность рѣшительныхъ мѣръ въ виду недовѣрчиваго и даже враждебнаго отношенія католическихъ князей (особенно Баваріи) къ габсбургской политикѣ [1]), онъ предложилъ сейму отсрочить дѣло до весны слѣдующаго года: этимъ постановленіемъ князьямъ, такъ сказать, давалось время одуматься, но къ назначенному сроку они должны были возсоединиться съ католическою церковью подъ страхомъ насильственнаго подавленія ихъ ереси. Правда, при этомъ обѣщался вселенскій соборъ, который и долженъ былъ окончательно разрѣшить всѣ споры. Протестантскіе чины (въ томъ числѣ и лютеранскіе и цвингліанскіе города) протестовали, однако, противъ такого рѣшенія, и отвѣтомъ ихъ на угрозы императора и католиковъ было заключеніе въ самомъ концѣ 1530 г. и началѣ 1531 г. въ Шмалькальденѣ союза протестантскихъ князей и городовъ. Во главѣ союза стали курфюрстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій, а цѣлью его была взаимная оборона отъ возможнаго нападенія. Лютеръ и богословы, учившіе о непротивленіи, должны были сдаться передъ доводами юристовъ, доказывавшихъ, что императоръ Германіи, выбираемый наслѣдственными князьями, не имѣетъ правъ неограниченнаго императора древняго Рима, такъ какъ власть ему дается договоромъ, и что за нарушеніе имъ условій избранія ему можно оказывать сопротивленіе. Съ такою же политическою идеей мы встрѣчаемся и въ исторіи реформаціоннаго движенія въ другихъ странахъ — только съ перенесеніемъ права сопротивленія незаконнымъ требованіямъ высшей власти съ мѣстныхъ правительствъ на весь народъ въ лицѣ его сословныхъ представителей: одинаковыя обстоя-

---

[1]) Баварскій герцогъ Вильгельмъ интриговалъ противъ Габсбурговъ, желая самъ быть выбраннымъ въ короли, что̀ заставило Карла V поспѣшить съ избраніемъ своего брата Фердинанда, состоявшимся въ январѣ 1531 г. при протестѣ не только протестантовъ, но и Баваріи: Фердинандъ долженъ былъ управлять Германіей въ отсутствіе императора.

тельства порождали одинаковыя доктрины, но примѣненіе разнообразилось въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Аугсбургскія угрозы не были приведены въ исполненіе весною 1531 г.: если, съ одной стороны, образовался вооруженный союзъ противъ рѣшенія сейма, то, съ другой, и Карла V удерживали отъ нападенія на протестантовъ многія причины. Франція и Турція давали поводы для новыхъ опасеній. Кромѣ того, Баварія протестовала противъ избранія въ „нѣмецкіе короли" и правители Германіи на время отлучекъ императора его брата Фердинанда. Другіе католическіе князья тоже косо смотрѣли на усиленіе Австріи. Для веденія войны съ турками, угрожавшими габсбургскимъ землямъ, нужно было во что бы то ни стало примириться съ протестантами. Карлъ V вступилъ поэтому въ переговоры съ шмалькальденцами чрезъ пфальцскаго и майнцскаго курфюрстовъ къ великой радости Лютера, совѣтовавшаго своему государю согласиться на требованіе католиковъ, чтобы свобода протестантскаго исповѣданія была признана только за членами шмалькальденскаго союза и ихъ подданными, и чтобы союзъ отказался отъ покровительства своимъ единовѣрцамъ внѣ союза [1]). Наконецъ лѣтомъ 1532 г. состоялось въ Нюрнбергѣ соглашеніе такого содержанія: князья и города, принявшіе уже аугсбургское (отнюдь не цвингліанское) исповѣданіе, оставались при немъ, но отказывались отъ защиты его послѣдователей въ другихъ земляхъ; такое положеніе дѣлъ должно было продолжаться до рѣшенія религіозныхъ споровъ соборомъ, а если бы онъ не былъ созванъ, то, по крайней мѣрѣ, имперскимъ сеймомъ. Постановленіемъ нюрнбергскаго религіознаго мира, заключеннаго уполномоченными императора и шмалькальденскаго союза, въ сущности, были недовольны обѣ стороны. Общее положеніе дѣлъ снова отсрочивало столкновеніе враждебныхъ лагерей. Карлъ V опять былъ отвлеченъ отъ внутреннихъ дѣлъ Германіи своею сложною международною политикою. Огражденная нюрнбергскимъ трактатомъ реформація могла спокойно утверждаться и даже распространяться на новыя земли, хотя по смыслу соглашенія 1532 г. долженъ былъ поддерживаться status quo ante. Въ 1534 г. введена была реформація въ Вюртембергѣ. Это княжество послѣ изгнанія

---

[1]) Характерно разсужденіе Лютера, сводящееся къ слѣдующему: не нужно дѣлать другимъ того, чего не хочешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали; если ни одинъ протестантскій правитель не желаетъ, чтобы другіе князья принуждали его дозволять подданнымъ старую вѣру, то не нужно принуждать князей противной стороны, чтобы они дозволяли своимъ подданнымъ новое богослуженіе; наконецъ, и императора съ другими князьями нельзя принудить распространить на всѣхъ особую привилегію, даруемую членамъ шмалькальденскаго союза.

изъ него жестокаго герцога Ульриха находилось подъ габсбургскимъ правленіемъ, занятое войскомъ императора, но населеніе было этимъ недовольно и стало желать возвращенія своего прежняго князя. Весьма популярный принцъ Христофоръ, его сынъ, принялъ притомъ реформацію, а къ ней въ странѣ было большое тяготѣніе. Самъ Ульрихъ, который раньше былъ готовъ соединиться даже съ мятежными крестьянами, лишь бы только вернуться въ свою родовую землю, тоже обнаруживалъ склонность къ тому, чтобы допустить реформацію въ Вюртембергѣ, если бы это помогло ему вернуться къ власти. Въ шмалькальденскомъ союзѣ явилась мысль реставрировать Ульриха въ Вюртембергѣ и ввести тамъ протестантизмъ. Хотя курфюрстъ саксонскій (Іоаннъ-Фридрихъ, сынъ Іоанна, умершаго въ 1532 г.), находившійся подъ вліяніемъ Лютера, былъ противъ этого, Филиппъ Гессенскій взялъ дѣло на свой страхъ, при денежной помощи со стороны Франціи и протестантскихъ князей и городовъ. Предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кромѣ того, реформація проникла въ другія земли. Тогда главные католическіе князья съ королемъ Фердинандомъ заключили свой союзъ въ Нюрнбергѣ (1538 г.). Въ 1539 г. реформація сдѣлала новыя важныя пріобрѣтенія. Когда умеръ саксонскій герцогъ Георгъ, его преемникъ Генрихъ, поддерживаемый шмалькальденскимъ союзомъ, ввелъ реформацію и въ альбертинской Саксоніи при содѣйствіи свѣтскихъ сословій ландтага. Точно такъ же и Іоахимъ II, курфюрстъ бранденбургскій, уступая народному желанію, ввелъ у себя лютеранство, хотя и съ нѣкоторыми особенностями, отличавшими его здѣсь отъ общераспространенной формы. Въ 1542 г. шмалькальденскій союзъ напалъ на брауншвейгскаго герцога, и послѣдній былъ вынужденъ бѣжать изъ своихъ владѣній; и здѣсь курфюрстъ саксонскій и Филиппъ Гессенскій ввели послѣ этого протестантизмъ. Лютеранская пропаганда дѣйствовала успѣшно и въ католическихъ земляхъ, пріобрѣтая множество послѣдователей. Все это должно было сильно тревожить Карла V, занятаго тогда войною съ Франціей и турками. Особенно сильно на него подѣйствовало то, что одинъ изъ духовныхъ курфюрстовъ, Германъ фонъ-Видъ, архіепископъ кёльнскій, также надумалъ ввести въ своихъ владѣніяхъ реформацію. Опираясь на постановленіе 1526 г., онъ испросилъ на это согласіе свѣтскихъ чиновъ мѣстнаго сейма и поручилъ составленіе проекта реформаціи Меланхтону и Буцеру (1543 г.). Примѣры введенія протестантизма духовными владѣльцами были и раньше: самый видный примѣръ былъ поданъ еще гросмейстеромъ тевтонскаго ордена Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, секуляризировавшимъ орденскія владѣнія и превратившимся въ наслѣдственнаго герцога прусскаго (1525 г.). Въ Германіи было много духовныхъ княжествъ и сохраненіе ихъ за католицизмомъ было весьма важно для

старой церкви. Въ это время три изъ семи курфюршествъ (Саксонія, Бранденбургъ и Пфальцъ) были уже протестантскими: присоединеніе къ реформаціи четвертаго курфюршества дало бы въ курфюршеской коллегіи большинство протестантамъ. Это грозило уже интересамъ габсбургской династіи, за которою Карлъ V стремился утвердить Германію. Онъ поспѣшилъ тогда заключить миръ съ Францискомъ I (въ Крепи въ 1544 г.) на весьма умѣренныхъ условіяхъ, несмотря на военные успѣхи, и оба государя рѣшили общими силами противиться дальнѣйшему распространенію ереси. Въ 1545 г. при посредствѣ Франціи былъ заключенъ миръ и съ турками. Опять у Карла V руки были развязаны. Онъ могъ теперь не опасаться, что шмалькальденцы откажутся помогать ему противъ турокъ или даже вступятъ въ союзъ съ Франціей. Первымъ результатомъ новаго мира было подавленіе кёльнской реформаціи.

Въ 1545 г., по настоянію Карла V, папа Павелъ III созвалъ соборъ въ Тридентѣ, но протестанты отказались на него ѣхать. Въ 1546 г., въ годъ смерти Лютера, началась война между императоромъ и шмалькальденскимъ союзомъ. Этотъ союзъ оказался недостаточно дружнымъ и энергичнымъ: особенно значительны были въ немъ ссоры князей съ городами. Поэтому съ его стороны ничего не было предпринято для того, чтобы помѣшать Карлу V стянуть въ Германію иностранныя войска, хотя на это онъ не имѣлъ права по избирательной капитуляціи 1519 г. Кромѣ того, отъ шмалькальденскаго союза отдѣлился герцогъ саксонскій Морицъ, преемникъ Генриха, введшаго реформацію въ альбертинской Саксоніи, женатый на дочери Филиппа Гессенскаго. Онъ вступилъ даже въ союзъ съ Карломъ V, расчитывая при его помощи расширить свои владѣнія путемъ присоединенія къ нимъ нѣкоторыхъ епископствъ: все равно, говорилъ онъ, они были бы захвачены курфюрстомъ Іоанномъ-Фридрихомъ, а съ нимъ вдобавокъ онъ и не ладилъ. У Морица не было религіознаго убѣжденія, отличавшаго его родственниковъ, курфюрста и ландграфа. Онъ даже прямо указывалъ Карлу V на то, что реформація въ его владѣніяхъ введена была не по его винѣ. Это былъ типичный представитель новаго поколѣнія князей одной политической школы съ Карломъ V,—человѣкъ, у котораго было очень мало общаго съ старыми князьями, лойяльно относившимися къ своимъ имперскимъ обязанностямъ и искренне убѣжденными въ истинности своимъ вѣрованій. За этотъ союзъ Карлъ V обѣщалъ Морицу санъ курфюрста. Военныя дѣйствія со стороны императора были весьма успѣшны. Одни за другими города и цѣлыя области подчинялись приведенному имъ испанскому войску. Въ 1547 г. при Мюльбергѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Іоаннъ-Фридрихъ Саксонскій. Императоръ отнялъ

у него санъ и „конфисковалъ“ владѣнія, передавъ курфюршеское достоинство и часть этихъ владѣній Морицу; другую часть получилъ Фердинандъ. Филиппъ Гессенскій былъ вызванъ къ Карлу V и схваченъ, чтобы раздѣлить вмѣстѣ съ курфюрстомъ саксонскимъ тюремное заключеніе.

Шмалькальденская война кончилась полною побѣдою императора, но это была побѣда иностраннаго государя, это было завоеваніе Германіи иноземнымъ войскомъ. Теперь Карлъ V могъ диктовать свою волю. На сеймѣ 1547—1548 гг. онъ провелъ цѣлый рядъ постановленій въ интересахъ своей власти и габсбургской династіи. Обезпечивалось наслѣдственное господство габсбургскаго дома надъ Нидерландами, какъ частью имперіи; причислялись къ нарушеніямъ земскаго мира покушенія на церковную собственность; преобразовывался рейхскаммергерихтъ съ переходомъ къ императору права назначенія его членовъ; учреждалась имперская военная казна, которая давала бы императору средства на содержаніе войска для подавленія смутъ. Хотя въ началѣ шмалькальденской войны Карлъ V и объявлялъ, что ведетъ ее только противъ политическихъ мятежниковъ, но теперь онъ задумалъ потребовать отъ Германіи подчиненія его волѣ и въ религіозномъ вопросѣ. Таковъ былъ смыслъ „аугсбургскаго интерима“ 1548 г. Это были временныя правила для примиренія лютеранъ съ римскою церковью, выработанныя по порученію императора богословами и заключавшія въ себѣ смѣсь католическихъ и протестантскихъ воззрѣній. Хотя они не удовлетворяли ни той, ни другой стороны, но сеймъ былъ вынужденъ ихъ принять. Карлу V пришлось, однако, только силою принуждать къ принятію интерима. Наиболѣе удобнымъ это оказалось только по отношенію къ южно-германскимъ городамъ, гдѣ было много испанскихъ отрядовъ, но на сѣверѣ интеримъ встрѣтилъ отпоръ (особенно въ Магдебургѣ). Отъ католиковъ еще не требовалось его признанія, но изъ протестантскихъ князей его обнародовали лишь очень немногіе, да и тѣ не встрѣтили повиновенія со стороны подданныхъ. Самъ Морицъ Саксонскій ограничился однимъ наружнымъ подчиненіемъ. Германія теперь снова заволновалась, особенно негодуя на саксонскаго „Іуду-предателя“, и вотъ при такихъ обстоятельствахъ *князьямъ выпало на долю выступить въ роли защитниковъ нѣмецкой свободы* отъ испанскаго деспота. У нихъ нашлись и союзники. Папа боялся усиленія императорской власти, утвержденія Карла V въ Италіи и его плановъ на счетъ собора, особенно послѣ аугсбургскаго интерима и послѣ того, какъ императоръ протестовалъ противъ перенесенія собора изъ Тридента въ Болонью. Для нѣмцевъ это было весьма важно. Франція была тоже въ числѣ

враговъ Карла V: новый французскій король Генрихъ II продолжалъ политику своего отца. Прежній союзникъ императора Морицъ былъ недоволенъ имъ за его поступокъ съ Филиппомъ Гессенскимъ и чувствовалъ себя крайне неловко, такъ какъ всѣ его называли измѣнникомъ. Самовольная расправа Карла V съ двумя популярными князьями, лишенными сана и владѣній и содержавшимися въ тюрьмѣ, какъ самые послѣдніе воры, задѣвала всѣхъ князей, а Карлъ V не остановился даже и передъ произнесеніемъ смертнаго приговора надъ Іоанномъ-Фридрихомъ. Въ чувствѣ негодованія на императора нація была солидарна съ князьями. Императорскіе испанцы притомъ поговаривали, что для Германіи лучше имѣть одного господина, чѣмъ столько тиранновъ, и что принцъ Филиппъ (сынъ Карла) такъ и сдѣлаетъ, когда займетъ престолъ. Все это заставило Морица повернуть фронтъ. Ему поручена была осада непокорнаго Магдебурга, но онъ ее всячески затягивалъ, приберегая свои силы для другой борьбы. Сначала онъ вошелъ въ соглашеніе съ маркграфомъ бранденбургскимъ, потомъ и съ другими князьями для начала общихъ дѣйствій въ интересахъ религіи и свободы и для освобожденія заключенныхъ въ тюрьму князей. Къ этому союзу примкнула Франція, давшая денежныя субсидіи за право занять, хоть и въ ленной зависимости отъ имперіи, города, гдѣ говорили не по-нѣмецки, какъ-то: Камбрэ, Мецъ, Туль и Верденъ (1551). Между тѣмъ Карлъ V отклонялъ всѣ обращавшіяся къ нему просьбы отпустить плѣнныхъ князей и не вѣрилъ слухамъ о замыслахъ „пьяныхъ нѣмцевъ". Въ 1552 г. князья обнародовали манифестъ, въ которомъ говорилось, что они взялись за оружіе для освобожденія Германіи отъ скотскаго рабства. Быстрое движеніе Морица на Тироль, гдѣ находился не ожидавшій нападенія императоръ, заставило его искать спасенія въ бѣгствѣ. Ему оставалось только поручить своему брату договориться съ князьями. Тогда пассаусскимъ соглашеніемъ между ними (1552) было постановлено, что имперскіе чины, держащіеся аугсбургскаго исповѣданія, будутъ пользоваться свободою до возстановленія религіознаго единства Германіи вселенскимъ или національнымъ соборомъ, совѣщаніемъ богослововъ или сеймомъ. Интеримъ отмѣнялся и возстановлялись права всѣхъ, на кого Карломъ V была наложена опала во время шмалькальденской войны. Заставить императора сразу принять это рѣшеніе католическихъ и протестантскихъ князей оказалось, однако, труднымъ. Только въ 1555 г. рѣшился великій вопросъ аугсбургскимъ религіознымъ миромъ. Въ томъ же году Карлъ передалъ своему сыну Филиппу управленіе Нидерландами, а затѣмъ и испанскія, и итальянскія области, а въ 1556 г. оставилъ и имперскія дѣла, отрекшись отъ

власти для жизни въ монастырскомъ уединеніи [1]). Это было естественнымъ результатомъ крушенія всѣхъ его плановъ.

Аугсбургскій сеймъ 1555 г. прекратилъ религіозную борьбу въ Германіи и *санкціонировалъ всѣ главныя пріобрѣтенія князей за реформаціонный періодъ.* Наиболѣе существенныя постановленія этого мира были слѣдующія. Князья и вольные города, державшіеся аугсбургскаго исповѣданія, ограждались отъ какого бы то ни было притѣсненія за свою вѣру, но цвингліанцы и кальвинисты (сильно уже заставлявшіе говорить о себѣ въ то время) исключались изъ этого правила. Далѣе утверждался принципъ: „cujus regio, ejus religio", въ силу котораго подданные должны были слѣдовать вѣрѣ своего правительства, хотя въ пользу протестантскихъ подданныхъ въ духовныхъ княжествахъ сдѣлана была оговорка. Другою оговоркой (reservatum ecclesiasticum) постановлялось, что если бы епископъ задумалъ перейти въ протестантизмъ, то ему уже нельзя было бы секуляризировать свой ленъ. Обѣ эти оговорки не были, однако, утверждены формальнымъ образомъ.

Политическіе итоги нѣмецкой реформаціи можно формулировать въ нѣсколькихъ словахъ. *Реформація содѣйствовала дальнѣйшему раздробленію Германіи, начавшемуся гораздо раньше,* раздѣливъ страну на два враждебныя вѣроисповѣданія, лишь одну часть націи освободивъ отъ Рима, ослабивъ власть императора и *усиливъ, наоборотъ, власть князей.* Сокрушивъ рыцарей и крестьянъ и побѣдивъ императора, князья стали въ болѣе или вполнѣ независимое положеніе по отношенію къ папѣ, подчинили себѣ мѣстное духовенство, секуляризировали церковную собственность и сдѣлались господами въ религіозныхъ дѣлахъ своихъ княжествъ. Дальнѣйшая внутренняя исторія Германіи заключалась въ *освобожденіи княжеской власти отъ тѣхъ ограниченій, какія на нее налагались сверху — имперскими учрежденіями, а снизу—собраніями земскихъ чиновъ.* Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ они достигаютъ многаго во время тридцатилѣтней войны, особенно въ силу постановленій вестфальскаго мира [2]).

---

[1]) Карлъ V умеръ въ 1558 г. въ монастырѣ св. Юста (въ Испаніи). Въ Германіи императоромъ выбрали Фердинанда I.

[2]) Общая характеристика исторіи Германіи во второй половинѣ XVI в. дана ниже (въ главѣ XVIII).

XIV. Цвингліанская реформація [1]).

Германская и швейцарская реформація.—Политическое состояніе и политическіе вопросы въ Швейцаріи.—Связь политической реформы съ религіозною.—Соціальное броженіе въ Швейцаріи.—Общія явленія въ нѣмецкой и швейцарской исторіи.—Жизнь и личность Цвингли въ сравненіи его съ Лютеромъ.—Начало евангельской проповѣди Цвингли и цюрихской реформаціи.—Принятіе цвингліанства другими городами и религіозная война.—Сравненіе лютеранства и цвингліанства съ культурной и политической точекъ зрѣнія.

Одновременно съ Лютеромъ въ качествѣ религіозныхъ реформаторовъ выступило много другихъ богослововъ, болѣе или менѣе отличавшихся другъ отъ друга въ подробностяхъ новаго ученія, но они или примкнули къ виттенбергскому реформатору, сдѣлавшись его сторонниками и помощниками, или содѣйствовали лютеранской реформаціи, подготовляя для нея почву, безсильные по разнымъ причинамъ создать такія формы протестантизма, которыя могли бы итти въ сравненіе съ лютеранствомъ. Впрочемъ, названная форма протестантизма не была дѣломъ одного Лютера, сумѣвшаго сдѣлаться руководителемъ цѣлаго ряда другихъ дѣятелей. Лишь одной формѣ евангелическаго ученія суждено было съ самаго начала вступить въ настоящее соперничество съ лютеранствомъ: это было цвингліанство, возникшее въ двадцатыхъ же годахъ XVI в. въ Цюрихѣ, принятое тогда же нѣкоторыми швейцарскими кантонами и распространившееся оттуда въ нѣмецкихъ имперскихъ городахъ. Правда, этой формѣ не удалось получить въ Германіи такого же значенія, какое выпало на долю аугсбургскаго исповѣданія, принятаго князьями, но она заняла самостоятельное мѣсто вообще въ исторіи религіозныхъ преобразованій и какъ вѣроученіе, и какъ церковное устройство. Сравнивая швейцарскую реформацію съ нѣмецкой, мы еще разъ убѣждаемся въ томъ, какое важное значеніе въ дѣлѣ реформы принадлежало и об-

---

[1]) Швейцарская (нѣмецкая) реформація разсматривается нерѣдко въ сочиненіяхъ, посвященныхъ реформаціи въ Германіи по связи, которая существовала между обѣими странами одного и того же языка и культуры, а кромѣ того, въ общихъ исторіяхъ Швейцаріи (на русск. яз. переводный трудъ *Ванъ-Мюйдена*) или исторіяхъ отдѣльныхъ городовъ (напр., *Bluntschli.* Geschichte der Republik Zürich), особенно же въ біографіяхъ Цвингли, принадлежащихъ многимъ авторамъ, изъ которыхъ назовемъ *Hoffinger'a*, *Sigwart'a*, *Roeder'a*, *Spörri*, *Mörikofer'a*, *Stähelin'a*, и въ другихъ біографіяхъ (*Herzog.* Das Leben Oecolampads und die Reformation zu Basel). Кромѣ того, см. *Escher.* Die Glaubensparteien in der Eidgenossenschaft.—*A. Baur.* Zwinglis Theologie, ihr Werden und ihr System.—*Usteri.* Zwingli und Erasmus.—О сектантскомъ движеніи въ Швейцаріи тѣ же сочиненія, которыя названы въ главахъ VII и XI.

щимъ условіямъ, въ какихъ находилась страна, гдѣ возникало движеніе, и личности реформатора. *Преобладавшею политическою формою въ германскихъ земляхъ была княжеская монархія, тогда какъ швейцарскіе кантоны* [1]) *были республиками:* это различіе и отразилось на томъ направленіи, какое приняли двѣ параллельныя реформаціи. Съ другой стороны, *въ сравненіи съ Лютеромъ, теологомъ и мистикомъ, Цвингли былъ скорѣе гуманистъ и раціоналистъ*, и это опять-таки сказалось на характерѣ общихъ формъ протестантизма. Еще болѣе мы убѣждаемся въ важности этого индивидуальнаго элемента въ исторіи реформаціи, когда знакомимся далѣе съ третьею формою протестантизма, связанною съ именемъ женевскаго реформатора Кальвина: *созданная имъ церковь, какъ и цвингліанская, получила республиканское устройство, но въ вѣроученіи Кальвинъ занялъ совершенно особое положеніе.* Наконецъ, важенъ и моментъ возникновенія той или другой формы протестантизма. Лютеръ и Цвингли начали реформировать церковь одновременно, именно въ двадцатыхъ годахъ, оба, какъ піонеры этого дѣла, тогда какъ Кальвинъ явился въ роли реформатора къ концу тридцатыхъ годовъ, когда уже почва была расчищена. Это обстоятельство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сближаетъ реформу Цвингли съ реформой Лютера.

Какъ и нѣмецкая имперія, швейцарскій союзъ былъ федераціей отдѣльныхъ земель: какъ Германія по аугсбургскому миру 1555 г. раздѣлилась оффиціально на католическую и евангелическую, такъ и Швейцарія еще раньше этого (1531 г.) подобнымъ же образомъ распалась на два исповѣданія, и это распаденіе было признано союзомъ. Въ обѣихъ странахъ такимъ образомъ религіозный вопросъ рѣшался въ ту или другую сторону каждымъ княжествомъ, каждымъ кантономъ отдѣльно, съ тѣмъ лишь различіемъ, что—помимо, конечно, народнаго движенія—въ одномъ случаѣ иниціатива или санкція принадлежала князьямъ, въ другомъ—республиканскимъ властямъ. Параллельно съ дѣломъ церковной реформы и подъ ея знаменемъ въ Германіи рѣшались, какъ мы видѣли, чисто политическіе и соціальные вопросы. То же было и въ Швейцаріи; только общественные вопросы здѣсь были иные. Швейцарскій союзъ, возникшій въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка и тогда же сдѣлавшійся фактически независимымъ, складывался постепенно. Первоначальные кантоны (Швицъ, Ури, Унтервальденъ), а за ними и тѣ, которые были старѣйшими членами союза (Цугъ, Бернъ, Люцернъ, Гларусъ), пользовались въ немъ нѣкоторыми привилегіями сравнительно съ присоединившимися впослѣдствіи. Къ такимъ поставленнымъ въ менѣе выгодныя условія кантонамъ принадлежалъ между прочимъ Цюрихъ. Устройство Швей-

[1]) Равно какъ и нѣмецкіе имперскіе города.

царіи вообще было весьма пестрое: кромѣ кантоновъ съ неодинаковыми правами въ союзѣ, существовали еще союзныя земли, не пользовавшіяся правами кантоновъ, и ландфогтства, находившіяся въ управленіи послѣднихъ. Весьма естественно, что политическое неравенство отдѣльныхъ частей швейцарскаго союза вызывало взаимное неудовольствіе, а запутанность отношеній—споры. Другимъ больнымъ мѣстомъ швейцарской жизни было наемничество. Въ первые два вѣка своей исторіи швейцарцамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отбиваться отъ покушеній на ихъ свободу сначала Габсбурговъ, потомъ бургундскихъ герцоговъ, и только въ 1499 г. по базельскому миру Швейцарія совершенно отпала отъ имперіи, лишь номинально составляя ея часть послѣ этого. Почти безпрерывныя войны развили въ народѣ храбрость и воинственный духъ, такъ что европейскіе государи стали искать союза съ Швейцаріей для того, чтобы имѣть наемныя швейцарскія дружины въ своихъ войскахъ. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени характеризуется вообще развитіемъ кондотьерства и наемничества, и швейцарскія дружины играли поэтому большую роль въ войнахъ той эпохи. Въ этомъ, однако, для страны было большое зло. Наемничество вносило деморализацію и въ правящіе классы, и въ народную массу. Патриціатъ, въ рукахъ котораго была власть, пользовался пенсіями и подарками государей, искавшихъ союза съ Швейцаріей, и торговалъ кровью своихъ согражданъ. Нерѣдко изъ-за этого онъ раздѣлялся на враждебныя партіи, благодаря интригамъ иностранныхъ правительствъ. Съ другой стороны, въ наемникахъ, шедшихъ служить чужимъ государямъ, развивались пренебреженіе къ труду, страсть къ легкой наживѣ, наклонность къ грабежу. Наконецъ, не было никакой гарантіи противъ того, чтобы швейцарскимъ наемникамъ не случилось сражаться въ противныхъ арміяхъ. Въ 1512 г. будущій швейцарскій реформаторъ, въ качествѣ полкового священника, сопровождалъ въ Италію гларусское ополченіе и искренне восторгался подвигами своихъ соотечественниковъ, бывшихъ на службѣ у папы, но во время второго похода (1515 г.) онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ въ битвѣ при Мариньяно часть прекраснаго швейцарскаго войска была подкуплена французами и оставила другую часть въ виду непріятеля, который одержалъ полную побѣду. Къ вопросамъ о политическомъ устройствѣ страны и о томъ злѣ, какое было соединено съ наемничествомъ, прибавлялся еще соціальный антагонизмъ между полноправными гражданами и безправною частью населенія страны, между фамиліями, обогащавшимися на счетъ наемничества и тѣснившими бѣдняковъ, и этими самыми бѣдняками. Это и въ Швейцаріи создавало благопріятную почву для распространенія анабаптизма.

Обѣ реформы, церковная и политическая, объединились въ Швейцаріи такимъ образомъ: на сторону обѣихъ стали общественные элементы, желавшіе перемѣнъ, а именно младшіе кантоны и демократическіе классы, тогда какъ старые кантоны (Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ, Люцернъ съ Фрейбургомъ и Валлисомъ) и патриціанскія олигархіи ополчились на защиту старой церкви и прежняго политическаго устройства. Не въ примѣръ Лютеру *Цвингли выступилъ сразу въ роли и церковнаго, и государственнаго реформатора.* По отношенію ко всему швейцарскому союзу онъ находилъ крайне несправедливымъ, чтобы старые кантоны, маленькіе и невѣжественные, имѣли въ общемъ сеймѣ такое же значеніе, какъ и большіе, могущественные и образованные города. Поэтому онъ хотѣлъ уничтожить неестественное преобладаніе старыхъ кантоновъ, освободивъ отъ ихъ власти ландфогтства и давъ большимъ кантонамъ соотвѣтственное ихъ территоріямъ, матеріальному благосостоянію и большей культурностя положеніе. То, къ чему въ этомъ отношеніи стремился Цвингли, осуществилось лишь въ XIX в. Но въ XVI в. его планы разбились о сопротивленіе старыхъ кантоновъ, о соперничество большихъ кантоновъ (Цюриха и Берна) между собою, объ общую неподготовленность и даже враждебность къ его широкимъ планамъ консервативныхъ классовъ. Счастливѣе онъ былъ только въ своей борьбѣ съ наемничествомъ. Самое его выступленіе на поприще общественной дѣятельности вызвано было его отрицательнымъ отношеніемъ къ этому злу швейцарской жизни. Можно даже сказать, что онъ началъ свою общественную дѣятельность въ качествѣ не столько церковнаго, сколько общественнаго реформатора. Въ своихъ политическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ Цвингли сходился съ Лютеромъ лишь въ томъ отношеніи, что анабаптизмъ—и не въ одной только религіозной своей сторонѣ—встрѣтилъ отпоръ и съ его стороны. При немъ главами анабаптистовъ въ Цюрихѣ были Конрадъ Гребель и Феликсъ Манцъ, ставшіе къ нему въ такое же отношеніе, въ какомъ находился къ Лютеру Ѳома Мюнцеръ. Они обвиняли Цвингли въ томъ, что онъ слишкомъ тянетъ на сторону властей и имущихъ классовъ. Будучи политическимъ реформаторомъ, Цвингли далекъ былъ отъ всякой мысли о соціальномъ переустройствѣ и дѣйствовалъ заодно съ цюрихскими городскими властями противъ анабаптизма. Великая крестьянская война, происходившая по сосѣдству съ Швейцаріей, отразилась и на ея сельскомъ населеніи, такъ что въ нѣкоторыхъ ея фохтствахъ крестьяне по образцу „двѣнадцати статей“ формулировали свои требованія въ 27 статьяхъ объ отмѣнѣ крѣпостничества, барщиныхъ повинностей и десятины, объ установленіи права прихожанъ выбирать и смѣщать своихъ духовныхъ пастырей,

о свободномъ пользованіи земельными, лѣсными и водными угодьями и т. п. Крестьянамъ въ Швейцаріи были сдѣланы нѣкоторыя уступки, а потому анабаптистамъ не пришлось здѣсь сыграть той роли, какая выпала на долю Ѳомы Мюнцера въ Германіи.

Изучая цвингліанскую реформацію, можно относиться къ ней съ двоякой точки зрѣнія, т.-е. имѣя въ виду или исторію самой Швейцаріи, въ которой эта реформація играла важную роль, или общую исторію реформаціи, получившую въ этой странѣ особое направленіе. Общій характеръ нашего труда обязываетъ насъ отдать предпочтеніе второй точкѣ зрѣнія. Если мы и отступили отъ этого принципа въ исторіи германской реформаціи, то лишь потому, что выбрали послѣднюю для болѣе обстоятельнаго изображенія, на частномъ примѣрѣ одной страны, и того, какъ произошла реформація, и того, какъ она совершалась въ связи съ данными культурно-соціальными условіями. Ограничившись общими указаніями на черты сходства и различія между политическими и соціальными вопросами, рѣшавшимися въ Германіи и Швейцаріи, мы можемъ сосредоточить наше вниманіе *на особомъ характерѣ реформаціи, вышедшей изъ Цюриха, принимая въ расчетъ, что объясненія ея особенностей нужно искать не только въ историческихъ условіяхъ, но и въ личности реформатора.*

Лютеръ и Цвингли во многихъ отношеніяхъ были полною противоположностью. Будучи ровесниками [1]) и происходя оба изъ крестьянъ, они съ раннихъ лѣтъ были поставлены въ неодинаковыя условія жизни: одинъ росъ въ бѣдности и подъ суровымъ родительскимъ режимомъ, отчасти содѣйствовавшимъ его позднѣйшему поступленію въ монастырь, тогда какъ отецъ Цвингли былъ зажиточный и весьма уважаемый своими однодеревенцами сельскій староста, въ домѣ котораго рядомъ съ лучшими сторонами патріархальности господствовало мягкое отношеніе къ младшимъ членамъ семьи. Воспитаніе привило Лютеру аскетическій пессимизмъ, направлявшій его къ мистической религіозности, которая выражалась въ двухъ настроеніяхъ — въ чувствѣ грѣховности и въ страхѣ передъ неумолимо-судящимъ и гнѣвно-карающимъ Богомъ, тогда какъ болѣе свѣтлое міросозерцаніе Цвингли, вынесенное имъ изъ дѣтскихъ впечатлѣній и воспоминаній, соединялось въ немъ съ гуманистическимъ образованіемъ. У маленькаго Ульриха былъ дядя священникъ, взявшій на себя воспитаніе племянника. Переходя изъ школы въ школу [2]), гдѣ онъ своимъ мягкимъ нравомъ снискивалъ расположеніе товарищей и наставниковъ, Цвингли подъ руковод-

---

[1]) Лютеръ родился въ концѣ 1483 г., Цвингли—въ началѣ 1484 г.
[2]) Базель, Бернъ, вѣнскій и базельскій университеты.

ствомъ бернскаго гуманиста Вёльфлина (Лупулуса) полюбилъ древнихъ классиковъ. Впослѣдствіи онъ ихъ очень усердно читалъ, наоборотъ, съ отвращеніемъ относясь къ схоластикѣ, какъ это случалось обыкновенно со всѣми, изучавшими античныхъ авторовъ. Повидимому, изъ него, въ 1506 г. уже магистра словесныхъ наукъ, долженъ былъ бы выйти не богословъ, а гуманистъ. Въ то время какъ Лютеръ изучалъ схоластиковъ, мистиковъ, отцовъ церкви, Цвингли, занимая должность приходскаго священника въ Гларусѣ, увлекался Цицерономъ, Сенекой, Саллюстіемъ, Платономъ, Лукіаномъ, Гомеромъ, Пиндаромъ, переписывался съ гуманистами (между прочимъ, съ Эразмомъ) и даже устроилъ въ Гларусѣ латинскую школу. На Цвингли даже Эразмъ смотрѣлъ, какъ на будущую гуманистическую гордость Швейцаріи. Впрочемъ, подобно другимъ нѣмецкимъ гуманистамъ и молодой гларусскій священникъ соединялъ съ занятіями классическими и богословскія занятія, но въ новомъ духѣ свободнаго отношенія къ церковной традиціи съ примѣненіемъ гуманистическихъ методовъ къ толкованію св. писанія. Конечно, Цвингли былъ не единственный реформаторъ съ гуманистическимъ образованіемъ, но мало на комъ съ такою силою запечатлѣлись слѣды этого образованія. Во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи Цвингли былъ противоположностью аскету и мистику Лютеру. Вообще у него весьма рано стало складываться самостоятельное религіозное міросозерцаніе. Около 1505 года онъ охотно слушалъ въ Базелѣ Ѳому Виттенбаха, одного изъ предшественниковъ реформаціи, публично говорившаго, что отпущеніе грѣховъ не можетъ быть покупаемо у церкви, что Христосъ искупилъ грѣхи всѣхъ людей, что благодать сообщается только вѣрою въ Христа. Въ Гларусѣ онъ уже читалъ Виклифа и Гуса, „такъ какъ и среди сорныхъ травъ попадаются питательныя растенія“. У него такимъ образомъ въ сознательномъ возрастѣ не было времени безусловной вѣры въ католическія ученія, и ему не стоило такой борьбы, какъ Лютеру, отдѣленіе отъ церкви. Его никогда не ужасало сходство его воззрѣній съ ученіями еретиковъ. Онъ вполнѣ понималъ, что̀ онъ дѣлалъ, когда выступилъ съ своею проповѣдью, и его реформація съ самаго начала была болѣе рѣшительной. Лютеръ—отрѣшившійся отъ міра монахъ, теологъ, занятый вопросомъ о томъ, какъ оправдаться передъ Богомъ,—стоялъ въ сторонѣ отъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ своего времени: отправною точкою его реформаціи былъ отвлеченный религіозный принципъ, и заявляя его въ своихъ 95 тезисахъ, онъ еще не предвидѣлъ, куда его приведетъ сдѣланный имъ шагъ. Другое дѣло Цвингли: онъ никогда не удалялся отъ общественной жизни, не переставалъ быть гражданиномъ своей родины, принималъ участіе въ ея дѣлахъ: практическій вопросъ о наемничествѣ былъ первый

вопросъ, который заставилъ его высказаться самостоятельно и выступить на общественное поприще. Его живое отношеніе къ современности высказалось, напримѣръ, въ сатирико-аллегорической поэмѣ „Лабиринтъ“ съ характеромъ политическаго памфлета и въ „Сказкѣ о быкѣ и нѣкоторыхъ животныхъ, излагающей ходъ дѣлъ“ (обѣ изъ гларусскаго періода его жизни). Дважды въ это время полковымъ священникомъ участвовалъ онъ въ походахъ швейцарскаго войска въ Италію. Послѣ извѣстнаго событія 1515 г. онъ сталъ въ своихъ проповѣдяхъ нападать преимущественно на наемничество и на иностранныя пенсіи, и это уже тогда вооружило противъ него гларусскія аристократическія фамиліи. Такимъ образомъ его дѣятельность съ самаго начала приняла практическое направленіе, и онъ не побоялся вступить въ борьбу съ правящимъ общественнымъ классомъ. Если Лютеръ, привыкшій къ строгой дисциплинѣ дома и въ монастырѣ, и впослѣдствіи явился сторонникомъ принциповъ власти и непротивленія, то у Цвингли, наоборотъ, болѣе обнаруживалось склонности къ свободѣ и довѣрія къ общественнымъ силамъ.

Въ 1516 г. мы видимъ Цвингли приходскимъ священникомъ въ мѣстечкѣ Эйнзидельнѣ. Здѣсь былъ бенедиктинскій монастырь съ чудотворною иконою Божіей Матери, привлекавшей массу богомольцевъ; по данной монастырю привилегіи, посѣщавшіе святое мѣсто получали отпущеніе грѣховъ. Тутъ впервые и раздалась евангельская проповѣдь Цвингли. Онъ сталъ говорить собиравшимся на его поученія богомольцамъ, что не пилигримства и не другія дѣла формальной набожности, а единственно искреннее покаяніе и чистота жизни даютъ отпущеніе грѣховъ. Вѣсть о такой проповѣди дошла до куріи, и папскій легатъ старался задобрить Цвингли, обѣщая ему почести и доходы, если онъ станетъ учить согласно съ установившимися взглядами, но Цвингли не согласился на это. Уже во время своего пребыванія въ Эйнзидельнѣ онъ высказывался и въ смыслѣ необходимости уничтоженія церковныхъ злоупотребленій. Именно, онъ сдѣлалъ объ этомъ нѣсколько негласныхъ представленій кардиналамъ, епископамъ и прелатамъ, говоря, что иначе злоупотребленія рушатся только съ великимъ потрясеніемъ. Одного кардинала онъ убѣждалъ повліять на папу, хотя и не скрывалъ отъ него, что, по его мнѣнію, само папство не имѣетъ основанія въ священномъ писаніи. Но онъ формально не порывалъ съ католическою церковью и, несмотря на свою непріятную для представителей старой церкви проповѣдь, не только не подвергался проклятію и отлученію, но даже былъ предметомъ заискиваній. Между тѣмъ Цвингли гораздо лучше, чѣмъ Лютеръ, сознавалъ необходимость коренныхъ преобразованій. Нѣмецкій реформаторъ не думалъ объ общей реформѣ церкви, когда публико-

валъ 95 тезисовъ, возставая въ нихъ лишь противъ одного изъ ея злоупотребленій. Его отторженіе отъ католизма произошло скорѣе въ силу обстоятельствъ, когда у него не было еще опредѣленнаго плана богослужебныхъ преобразованій и новаго церковнаго устройства. Наоборотъ, Цвингли уже ранѣе своего отпаденія отъ старой церкви, выработалъ широкій реформаціонный планъ, а прежде чѣмъ приступить къ выработкѣ этого плана, уже указывалъ на необходимость общаго преобразованія, предупреждая, кого слѣдовало, что въ противномъ случаѣ злоупотребленія разрушаются сами собою.

Въ 1518 г. Цвингли, достигшій уже большой извѣстности во всей Швейцаріи, былъ приглашенъ священникомъ въ городской соборъ Цюриха. 1 января 1519 г., въ день своего рожденія, онъ произнесъ здѣсь первую свою проповѣдь, въ которой сказалъ, что въ изложеніи ученія Христова будетъ руководствоваться духомъ св. писанія, а не человѣческими авторитетами. Въ томъ же году городской совѣтъ, по просьбѣ Цвингли, не допустилъ въ Цюрихъ торговца индульгенціями Самсона. Констанцскій епископъ, въ епархіи котораго находился Цюрихъ, даже похвалилъ Цвингли, „отогнавшаго чужого волка отъ своего стада". Римская курія, нуждавшаяся въ наемникахъ, не хотѣла ссориться съ Цюрихомъ и даже считала нужнымъ задобривать вліятельнаго проповѣдника. Любопытно, что папѣ, какъ итальянскому государю, Цюрихъ оказывалъ помощь въ то самое время, какъ его городской совѣтъ предписывалъ священникамъ объяснять народу новый завѣтъ согласно съ духомъ Божіимъ и св. писаніемъ, подготовляя этимъ введеніе реформы. Въ своихъ проповѣдяхъ Цвингли касался политическихъ и общественныхъ вопросовъ, порицая съ нравственно-религіозной точки зрѣнія раздоръ своекорыстныхъ партій, службу наемниковъ у иностранныхъ государей, пороки отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Особенно много ратовалъ онъ противъ наемничества, когда въ Италіи вспыхнула новая война, и иностранные агенты и вербовщики снова явились въ Швейцарію нанимать военные отряды. Дѣятельность Цвингли въ этомъ направленіи создавала ему массу враговъ, называвшихъ его швейцарскимъ Лютеромъ. Въ 1522 г. начались въ Цюрихѣ, подъ вліяніемъ проповѣди Цвингли, первыя нарушенія поста, но вызвали протестъ констанцскаго епископа и цѣлую полемику. Въ томъ же году Цвингли опубликовалъ подписанное имъ и другими священниками посланіе къ епископу о необходимости брака для духовныхъ лицъ (другое такое же посланіе было обращено къ швейцарскому союзу). Наконецъ, городской совѣтъ дозволилъ устройство публичнаго диспута, на которомъ Цвингли брался доказать, основываясь на св. писаніи, правильность своего ученія: этимъ рѣшеніе религіознаго вопроса передавалось свѣтской

власти въ лицѣ цюрихскаго правительства. Ученіе было изложено въ 67 тезисахъ. Это была цѣлая программа, въ которой выразились всѣ особенности цвингліанской реформаціи. Въ то время, какъ Лютеръ вообще отвергалъ только то, что, по его мнѣнію, противорѣчило св. писанію, Цвингли отвергалъ всѣ ученія и учрежденія, которыя признавались имъ не основывающимися прямо на св. писаніи. Съ этой точки зрѣнія имъ и формулировалась цѣлая богословская система, какой еще не было въ то время ни у Лютера, ни у его послѣдователей. Евангеліе имѣетъ значеніе и безъ подтвержденія церковью. Христосъ—единственный путеводитель къ спасенію и единый и вѣчный первосвященникъ, а выдающіе себя за таковыхъ (т.-е. папы) посягаютъ на честь и власть Христа. Христосъ есть вѣчная искупительная жертва, а потому месса есть не жертва, а только память о жертвѣ. Онъ единственный посредникъ между людьми и Богомъ,—тезисъ, которымъ отвергалось заступничество святыхъ. Богъ одинъ прощаетъ грѣхи и только ради Іисуса Христа, Своего Сына, а потому приписывающіе эту власть людямъ посягаютъ на достояніе Божіе. Другими тезисами отвергались монашество и внѣшніе признаки духовнаго сана, безбрачіе духовенства, чистилище и т. д. Въ этихъ же 67 тезисахъ давалось понятіе о церкви. Христосъ—глава вѣрующихъ, которые суть его члены: они-то и составляютъ церковь, или общину святыхъ. Духовная власть не имѣетъ никакого основанія въ ученіи Христа. Отдѣльный человѣкъ не можетъ наложить на другого отлученіе, а только церковь, т.-е. совокупность всѣхъ лицъ, между которыми живетъ наказуемый, вмѣстѣ съ ихъ священникомъ. Тезисы Цвингли касались и политическихъ вопросовъ. Отрицая существованіе особой духовной власти, онъ заявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что свѣтская власть подтверждается ученіемъ Христа, и что христіане обязаны ей повиноваться, если она не предписываетъ чего-либо противнаго Богу: въ противномъ случаѣ съ Божіею помощью ее слѣдуетъ смѣщать. На диспутѣ, устроенномъ городскимъ совѣтомъ, реформатору возражалъ генеральный викарій констанцскаго епископа, указывавшій на некомпетентность такого собранія (цюрихскихъ властей и гражданъ подъ предсѣдательствомъ бургомистра) рѣшать вопросы вѣры. Городской совѣтъ принялъ сторону Цвингли и предписалъ всѣмъ священникамъ кантона проповѣдовать лишь евангельское ученіе. Такимъ образомъ цюрихская община вѣрующихъ, представляемая городскимъ совѣтомъ, какъ своею свѣтскою властью, отлагалась отъ констанцскаго епископа и вступала въ самостоятельное завѣдованіе своими религіозными дѣлами. Какъ въ Германіи, такъ и здѣсь, слѣдовательно, государственная власть рѣшала религіозный вопросъ. Слѣдующіе годы прошли въ проведеніи реформы. Въ богослуженіе былъ введенъ нѣмецкій

языкъ [1]), и само богослуженіе было упрощено: образа, мощи, алтари, свѣчи, органы были вынесены изъ храмовъ (Лютеръ оставилъ больше обрядностей въ культѣ, допустилъ украшеніе церкви религіозными картинами и придалъ особенно важное значеніе музыкѣ). Священники поженились (въ ихъ числѣ и Цвингли), монастыри опустѣли, церковныя имущества были секуляризованы. Вмѣстѣ съ тѣмъ власти клятвенно отказались на будущее время отъ иностранныхъ пенсій. Сеймъ сдѣлалъ-было попытку подавить въ Цюрихѣ религіозныя нововведенія, но она не имѣла никакого успѣха.

Цюрихская реформація распространилась и на другіе кантоны. Цвингліанство было принято Берномъ (1528 г.), Базелемъ (1529 г.), Сенъ-Галленомъ, Шафгаузеномъ (1529 г.); Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Люцернъ остались за католицизмомъ. Въ католическихъ кантонахъ началось преслѣдованіе цвингліанъ, въ евангелическихъ подавляли сопротивленіе католиковъ. Обѣ стороны искали союзниковъ за границей: въ 1529 г. старые кантоны заключили союзъ съ Габсбургами, а также съ лотарингскимъ и савойскимъ герцогами, реформированные—съ нѣкоторыми имперскими городами Германіи и съ Филиппомъ Гессенскимъ,— *первый примѣръ международныхъ договоровъ, въ основу которыхъ были положены вѣроисповѣдныя отношенія.* У Цвингли и Филиппа Гессенскаго былъ даже болѣе широкій планъ— образовать противъ Карла V коалицію, въ которую вошли бы еще Франція и Венеція. Цвингли видѣлъ неизбѣжность вооруженной борьбы и говорилъ, что нужно пустить въ дѣло кулакъ и бить, если не хочешь быть битымъ. Дѣло, однако, не дошло на первый разъ до настоящей войны, и въ 1529 же году между враждебными сторонами былъ заключенъ (въ Капеллѣ) земскій миръ. Такъ какъ слово Божіе и вѣра не такія вещи, къ которымъ можно принуждать, то религіозный вопросъ предоставлялся свободному усмотрѣнію отдѣльныхъ кантоновъ; во владѣніяхъ, находившихся подъ общимъ союзнымъ управленіемъ, каждая община большинствомъ голосовъ должна была рѣшать вопросъ о своемъ вѣроисповѣданіи; реформатская проповѣдь въ католическихъ кантонахъ не допускалась. Каппельскій миръ былъ непроченъ. Въ 1531 г. вспыхнула въ Швейцаріи междоусобная война. Цюрихцы были побѣждены въ битвѣ при Каппелѣ, и въ этой битвѣ палъ самъ Цвингли. По первому миру католическіе кантоны вынуждены были отказаться отъ иностранныхъ союзовъ и заплатить военныя издержки; теперь этому условію должны были подчиниться реформированные, но постановленіе о вѣрѣ сохраняло свою силу. Такимъ образомъ, какъ и въ Германіи, *рѣшеніе религіознаго вопроса*

[1]) Цвингли также перевелъ Библію на нѣмецкій языкъ.

и въ Швейцаріи предоставлялось территоріальнымъ властямъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь вопросъ рѣшался республиканскими общинами, а не князьями. Это придавало и церковной организаціи цвингліанства республиканскій характеръ въ отличіе отъ лютеранскаго монархизма.

Цвингли не успѣлъ придать своей реформѣ вполнѣ законченнаго вида. Основанная имъ реформатская церковь получила республиканскую организацію, которая впослѣдствіи была усовершенствована Кальвиномъ. Во всякомъ случаѣ, однако, иниціаторомъ этого устройства былъ Цвингли. Съ другой стороны, цюрихскій реформаторъ и по складу своего ума и характера, и по своему міросозерцанію и гуманистическому образованію вносилъ въ дѣло реформаціи болѣе широкія культурныя начала, чѣмъ Лютеръ. Послѣдній былъ человѣкомъ прошедшаго, когда-то монахомъ и папистомъ; Цвингли, наоборотъ, опережалъ свое время, какъ гуманистъ и какъ политическій реформаторъ, стремленія котораго осуществились только въ серединѣ XIX в. И въ догматахъ, и въ культѣ, и въ церковномъ устройствѣ Лютеръ и Цвингли осуществляли весьма неодинаковые принципы, а потому, какъ въ культурномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, обѣ реформаціи имѣютъ разное историческое значеніе.

Мы уже упоминали, что цвингліанская реформація получила болѣе радикальный характеръ, чѣмъ реформація лютеранская: одинъ реформаторъ уничтожалъ все, что́ не основывалось на св. писаніи; другой, болѣе консервативный, сохранялъ все, что̀ св. писанію прямо не противорѣчило. Это выразилось, напримѣръ, въ культѣ, который въ цвингліанствѣ гораздо проще, чѣмъ въ лютеранствѣ. Цвингли гораздо свободнѣе, чѣмъ Лютеръ, толковалъ св. писаніе. Онъ примѣнялъ къ этому дѣлу пріемы, бывшіе въ ходу въ гуманистической наукѣ, и давалъ болѣе широкое право человѣческому разуму, чѣмъ допускалъ это Лютеръ. Для нѣмецкаго реформатора евхаристія оставалась таинствомъ (хотя и безъ пресуществленія), для швейцарскаго она была только символической трапезой любви въ воспоминаніе искупительной жертвы Христа. Если на марбургскомъ диспутѣ объ евхаристіи Лютеръ сказалъ, что духъ Цвингли не его духъ, то подъ этимъ онъ, очевидно, разумѣлъ именно различіе между ихъ способами пониманія догматовъ и толкованія св. писанія. Лютеръ даже отчаявался въ спасеніи Цвингли, считая его раціоналистомъ. Цвингли, дѣйствительно, стоялъ на болѣе раціоналистической точкѣ зрѣнія, чѣмъ Лютеръ, и въ этомъ тоже сказалось его гуманистическое образованіе. Меланхтонъ прямо упрекалъ Цвингли въ отрицаніи догмата о первородномъ грѣхѣ. Во взглядѣ Цвингли на этотъ предметъ,

дѣйствительно, скорѣе можно видѣть слѣды его занятія Платономъ, чѣмъ желаніе оставаться вѣрнымъ церковной традиціи. Именно для него первородный грѣхъ повлекъ за собою не порчу человѣческой природы, а только склонность людей къ грѣху, которая гораздо больше объясняется изъ соединенія души съ тѣломъ. Поэтому, по его воззрѣнію, человѣкъ отвѣчаетъ передъ Богомъ лично за себя, т.-е. за свои сознательные поступки, а не за прирожденную грѣховность. Чисто гуманистическимъ характеромъ отличается и одно мѣсто въ его „Изложеніи христіанской вѣры“ (Christianae fidei expositio), написанномъ въ 1531 г. Цвингли раздѣлялъ ученіе объ оправданіи вѣрою, но говорилъ, что если, по словамъ ап. Павла, безъ вѣры нельзя угодить Богу, то относится это лишь къ знающимъ Евангеліе и тѣмъ не менѣе въ него не вѣрующимъ: именно онъ не можетъ допустить, чтобы одинаково осуждены были и тѣ, которые его лишены не по своей винѣ,—чтобы цѣлые народы были отвергнуты за то, что не по собственной винѣ не могли слышать слова Божія. Замѣтивъ далѣе, что было бы дерзостью ставить границы божественному милосердію, Цвингли продолжаетъ: „вы должны надѣяться видѣть (на томъ свѣтѣ) собраніе всѣхъ святыхъ, мужественныхъ и добродѣтельныхъ людей, какіе только были отъ созданія міра. Тамъ увидите вы обоихъ Адамовъ, искупленнаго и Искупителя; вы увидите тамъ Авеля, Ноя и всѣхъ святыхъ ветхаго и новаго завѣта; вы увидите также Геркулеса, Тезея, Сократа, Аристида, Нуму, Камилла, Катоновъ, Сципіоновъ... Наконецъ, не будетъ ни одного хорошаго человѣка, ни одного святого существа, ни одной блаженной души, которыхъ вы не увидѣли бы тамъ съ Богомъ“. Настроеніе, подсказавшее такія слова, было совсѣмъ не похоже на настроеніе Лютера, сомнѣвавшагося въ спасеніи самого Цвингли. Это было однимъ изъ проявленій большей терпимости, которою вообще швейцарскій реформаторъ такъ выгодно отличается отъ нѣмецкаго. Лютеранская реформація заботилась больше объ единствѣ церкви, чѣмъ о свободѣ совѣсти. Цвингли не относился такъ враждебно, какъ Лютеръ, къ разнообразію вѣрованій. Вспомнимъ поведеніе обоихъ на марбургскомъ диспутѣ. *Вообще у Цвингли рѣзче, чѣмъ у Лютера, проведенъ принципъ религіознаго индивидуализма*, принципъ личной свободы въ дѣлахъ вѣры. Но и онъ останавливается передъ выводами, какіе дѣлались отсюда анабаптистами.

Другая сторона цвингліанства, заслуживающая вниманія, это—*церковное устройство, въ основу котораго положенъ былъ принципъ общиннаго самоуправленія*, въ отличіе отъ лютеранской церкви, подчинившейся княжескимъ консисторіямъ и канцеляріямъ. Въ данномъ отношеніи Цвингли не только переносилъ въ церковную жизнь респуб-

никанскій принципъ государственнаго устройства своей родины, но и стремился основать ее на св. писаніи. Его цѣлью было прямо снова призвать къ жизни первобытныя формы христіанской общины. Для него церковь – общество вѣрующихъ, не имѣющее особаго духовнаго начальства. Права, принадлежавшія въ католицизмѣ папѣ и іерархіи, переносились у него не на князей, какъ у Лютера, а на всю общину. Цвингли даже даетъ этой общинѣ право смѣщенія существующей въ ней (выборной) свѣтской власти, если она требуетъ чего-либо противнаго Богу. Дальнѣйшее развитіе такой взглядъ на церковь и такое отношеніе къ свѣтской власти получили въ кальвинизмѣ. Въ 1528 г. Цвингли учредилъ синодъ въ видѣ періодическихъ собраній духовенства, на которыя допускались и депутаты отъ приходовъ или общинъ съ правомъ жаловаться синоду на ученіе или поведеніе своихъ пастырей. Здѣсь же рѣшались разные вопросы церковной жизни, подвергались испытанію и назначались новые проповѣдники и т. п. Такое учрежденіе установилось и въ другихъ евангелическихъ городахъ. Образовались также союзные евангелическіе съѣзды, такъ какъ мало-по-малу вошло въ обычай рѣшать общіе вопросы совѣщаніями лучшихъ богослововъ и проповѣдниковъ. Это синодально-представительное управленіе было отлично отъ консисторіально-бюрократическаго, установившагося въ лютеранскихъ княжествахъ Германіи. Впрочемъ, и въ цвингліанствѣ фактически свѣтская власть, въ лицѣ городскихъ совѣтовъ, получала широкія права въ религіозныхъ дѣлахъ, и религіозная свобода признавалась не за отдѣльнымъ лицомъ, а за цѣлой общиной. Можно сказать, что *цвингліанская реформація передавала республиканскому государству тѣ же права надъ отдѣльною личностью, которыя лютеранство переносило на государство монархическое*. Цюрихскія власти, напримѣръ, не только вводили своимъ авторитетомъ цвингліанское вѣроученіе и богослуженіе, но и запрещали проповѣдовать противъ пунктовъ, принятыхъ ими послѣ новаго религіознаго диспута (осенью 1523 г.); между прочимъ они вооружились противъ анабаптистской проповѣди и стали изгнаніемъ, тюремнымъ заключеніемъ и даже казнями преслѣдовать сектантовъ. Нравственная сторона жизни гражданъ была даже подвергнута со стороны государства строгому полицейскому надзору. Въ 1525 г. цюрихскій городской совѣтъ издалъ рядъ суровыхъ законодательныхъ мѣръ въ духѣ усиленія моральной дисциплины и неукоснительнаго исполненія (подъ угрозою штрафовъ и другихъ наказаній) требованій реформированной религіи. Цвингли, сильно озабоченный подъемомъ народной нравственности, самъ составлялъ проекты этихъ мѣръ. То же самое дѣлалось и въ другихъ евангелическихъ городахъ (напр., въ Базелѣ подъ вліяніемъ Эколампадія). Впрочемъ въ данномъ случаѣ мѣстныя

власти только расширяли на религіозную жизнь тотъ контроль, который и прежде былъ въ ихъ рукахъ по отношенію къ поведенію гражданъ, такъ что въ этомъ не было настоящаго нововведенія. Съ особенною силой надзоръ государства за исполненіемъ гражданами ихъ религіозныхъ обязанностей развился въ Женевѣ при Кальвинѣ.

XV. Происхожденіе кальвинизма [1]).

Историческій моментъ возникновенія кальвинизма и общее значеніе послѣдняго въ религіозной и политической исторіи Запада. — Романское происхожденіе кальвинизма. — Женевская исторія. — Превращеніе Женевы при Кальвинѣ. — Біографія Кальвина до 1536 года. — Его участіе во французскомъ реформаціонномъ движеніи. — Institutio religionis christianae. — Религіозное ученіе Кальвина. — Женевская реформація. — Изгнаніе Кальвина. — Его господствующее положеніе въ Женевѣ съ 1541 г. по 1564 г.

Объясняя различія, установившіяся между отдѣльными формами протестантизма, изъ культурно-соціальныхъ условій возникновенія этихъ формъ и изъ индивидуальныхъ особенностей реформаторовъ, мы должны примѣнить эту точку зрѣнія и къ исторіи происхожденія кальвинизма, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ продолжавшаго собою цвингліанство, но въ то же время и отличнаго отъ него нѣкоторыми своими сторонами. Возникновеніе кальвинизма въ республиканской Женевѣ сближало его съ цвингліанствомъ, но самъ Кальвинъ былъ не похожъ ни на Лютера, ни на Цвингли, что̀ сказалось и на созданномъ имъ ученіи. Наконецъ, нужно еще принять въ расчетъ одно условіе, отличавшее исторію кальвинизма отъ исторіи лютеранства и цвингліанства, именно, историческій моментъ появленія и развитія этой новой формы протестантизма.

Кальвинъ, родившійся въ 1509 г., принадлежалъ совсѣмъ къ другому поколѣнію, чѣмъ Лютеръ и Цвингли, бывшіе старше его на цѣлую четверть вѣка: онъ былъ еще мальчикомъ, когда началась

---

[1]) Кромѣ соч. проф. *Р. Ю. Виппера*, указаннаго на стр. 11, см. *Georg Weber*. Geschichtliche Darstellung des Calvinismus im Verhältniss zum Staat in Genf und Frankreich. — *Roger*. Histoire du peuple de Genève depuis la réforme. — *Kampschulte*. Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Кромѣ того, есть біографіи Кальвина, написанныя *Paul Henry*, *Stähelin*'омъ, *Doumerque'омъ* (новѣйшая, 1900—1903 г.) и др. См. также *Schmidt*. Leben der Väter der reformirten Kirche. — *Chenevière*. Farel, Froment, Viret. — *Jacquemot*. Viret, réformateur de Lausanne. — См. для исторіи реформаціи въ Женевѣ до Кальвина *Pietschker*. Die lutherische Reformation in Genf, для послѣдующей эпохи *Choisy*. L'état chrétien calviniste au temps de Théodore de Bèze.

реформація; Цвингли уже не было въ живыхъ, когда только-что совершилось обращеніе Кальвина въ протестантизмъ; Лютеръ уже кончалъ свою дѣятельность, когда Кальвинъ, наоборотъ, только-что ее начиналъ; только десять лѣтъ отдѣляютъ появленіе въ свѣтъ главнаго сочиненія Кальвина, въ которомъ онъ изложилъ свою систему (Institutio religionis christianae, 1536 г.), отъ смерти нѣмецкаго реформатора. Новому реформатору приходилось дѣйствовать уже при измѣнившихся обстоятельствахъ. Реформація Лютера и Цвингли заключала въ себѣ элементы національной оппозиціи нѣмецкаго народа въ Германіи и Швейцаріи противъ Рима, но ко времени появленія реформы Кальвина *протестантизмъ уже не былъ исключительно національно-нѣмецкимъ явленіемъ*, такъ какъ въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ XVI вѣка реформація произошла въ Швеціи, Даніи и Англіи, и начались уже индивидуальныя отпаденія отъ старой церкви и въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ *протестантизмъ дѣлался уже явленіемъ обще-европейскимъ* и требовалъ созданія для него болѣе универсальной формы, отрѣшенія его отъ той національной окраски, какую онъ имѣлъ въ лютеранствѣ и цвингліанствѣ, мало распространявшихся за предѣлами Германіи и Швейцаріи: *кальвинизмъ и явился въ качествѣ такой универсальной формы*. Съ другой стороны, и въ Германіи, и въ Швейцаріи реформаціонное движеніе потерпѣло во многихъ отношеніяхъ неудачу, далеко не оправдавъ тѣхъ надеждъ, какія на него возлагались. Это ослабляло реформаціонное движеніе, и оно поэтому теряло свою прежнюю энергію, особенно послѣ того, какъ въ Германіи лютеранство связало свое дѣло съ интересами однихъ князей. Въ то время, какъ *реформаціонный пылъ начиналъ ослабѣвать*, начинало развиваться движеніе противоположное: *возникала и усиливалась католическая реакція*, особенно въ сороковыхъ годахъ, когда былъ основанъ орденъ іезуитовъ (1540 г.), реорганизованы были цензура и инквизиція и созванъ тридентскій соборъ (1545 г.), произведшій впослѣдствіи реформу католической церкви въ антипротестантскомъ духѣ. Для борьбы съ католической реакціей протестантизму нужно было, такъ сказать, обновиться, противопоставить законченной системѣ и организаціи католицизма такую же законченную систему и организацію съ своей стороны. Кальвинъ съ своей сильной логикой, съ своимъ твердымъ характеромъ и организаторскимъ талантомъ былъ какъ бы нарочно созданъ для дѣятельности, требовавшейся тогдашними обстоятельствами. Но ему и легче было выполнить выпавшую на его долю задачу. Лютеръ и Цвингли только-что пробивали брешь въ твердыню католицизма, дѣйствовали во многихъ отношеніяхъ ощупью, въ пылу спора заходили дальше, чѣмъ позволяли имъ (особенно Лютеру) ихъ

собственные принципы; имъ приходилось рѣшать многіе вопросы съ постоянными колебаніями и противорѣчіями. Иное было положеніе Кальвина: ему пришлось дѣйствовать уже на почвѣ, расчищенной его предшественниками: уже были готовыя рѣшенія многихъ вопросовъ въ духѣ новаго ученія; ему не было надобности дѣйствовать на спѣхъ, подъ вліяніемъ нетерпящихъ отлагательства обстоятельствъ. Поэтому онъ могъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ систематизировать новое ученіе. Старшіе реформаторы занялись этою работою только позднѣе, тогда какъ Кальвинъ съ нея-то и начинаетъ: и, напримѣръ, между аугсбургскимъ исповѣданіемъ (1530 г.) и „Изложеніемъ христіанской вѣры“ (1531) Цвингли, съ одной стороны, и „Наставленіемъ христіанской религіи“ Кальвина (1536 г.), съ другой, проходитъ только пять-шесть лѣтъ. Кальвинъ былъ и лично лучше подготовленъ къ этой работѣ. Если Лютеръ былъ мистикъ, Цвинги — гуманистъ, то Кальвинъ былъ юристъ. Въ молодыхъ годахъ онъ прилежно изучалъ римское право съ его ясными опредѣленіями, съ его логическими умозаключеніями, съ его стройною системою, на которыхъ и воспитался умъ будущаго реформатора. Съ другой стороны, въ этомъ изученіи Кальвинъ пріобрѣлъ и практическія знанія, пригодившіяся ему впослѣдствіи, такъ какъ ему суждено было, какъ и Цвингли, стать и политическимъ организаторомъ. *Кальвинизмъ и былъ силенъ логичностью и систематичностью своего вѣроученія и своею организаціей*. Это еще не все, что̀ въ этой формѣ протестантизма можетъ быть объяснено историческимъ моментомъ. Въ серединѣ XVI вѣка кальвинизмъ распространяется во многихъ странахъ, правительства которыхъ остаются католическими и начинаютъ сильно преслѣдовать протестантовъ. Послѣдніе выступаютъ на путь оппозиціи, защищая свое вѣроисповѣданіе, но эта оппозиція соединяется съ оппозиціей чисто политической, и ея принципы заимствуются опять-таки въ кальвинизмѣ. Кальвину пришлось дѣйствовать въ Женевѣ вскорѣ послѣ того, какъ она отстояла свою независимость, и *женевская реформація прониклась республиканскимъ духомъ*. Кальвинъ далъ дальнѣйшее развитіе и церковному устройству, и политическимъ принципамъ Цвингли, а историческій моментъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ тому, чтобы эти принципы получили широкое распространеніе: во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ происходила борьба протестантскихъ подданныхъ съ католическими государями, борьба не только религіозная, но и политическая. Тѣ политическія начала, которыя при Цвингли не выходили за тѣсные предѣлы швейцарской жизни, въ эпоху Кальвина играли роль уже въ разныхъ странахъ Запада. Вообще, если оставить въ сторонѣ маленькіе швейцарскіе кантоны и нѣмецкіе имперскіе города, принявшіе цвингліан-

ство, *реформація первой половины XVI вѣка имѣла характеръ по преимуществу монархическій* (нѣмецкія княжества, герцогство прусское, скандинавскія королевства, Англія), тогда какъ *кальвинизмъ соотвѣтствуетъ уже той эпохѣ, когда происходило политическое движеніе противъ королевскаго абсолютизма.*

Жанъ Кальвинъ (собственно Cauvin) былъ французъ, родомъ изъ города Нойона въ Пикардіи. На его реформацію, получившую совершенно универсальный характеръ, иногда смотрятъ, какъ на чисто французскую, но Кальвину суждено было дѣйствовать не на родинѣ, а въ политически чуждомъ Франціи городѣ, въ государствѣ съ французскою, правда, національностью, но принадлежавшемъ первоначально имперіи и лежавшемъ на границѣ разныхъ національностей. И самъ реформаторъ, попавшій на чужбину, и его новое отечество, находившееся на перекресткѣ дороги трехъ сосѣднихъ націй, были, такъ сказать, предназначены къ тому, чтобы созданная въ Женевѣ Кальвиномъ форма протестантизма получила универсальный характеръ. Если *кальвинизмъ по происхожденію своему и былъ реформаціей романскаго племени*, какъ лютеранство и цвингліанство — реформаціей племени германскаго, а гуситство—славянскаго, то все-таки онъ не только не сдѣлался религіей романскихъ націй, но даже не удержался въ самой Франціи. Между тѣмъ послѣдователей онъ нашелъ и среди народовъ германскаго племени (въ Германіи, Нидерландахъ, Англіи и Шотландіи), и у славянъ (въ Польшѣ), и у венгровъ.

Женева была городомъ, въ которомъ существовали три власти. Входя въ составъ священной Римской имперіи, Женева находилась въ зависимости отъ герцоговъ савойскихъ, какъ императорскихъ намѣстниковъ, но непосредственнымъ государемъ былъ епископъ, избиравшійся капитуломъ и отправлявшій свои обязанности совокупно съ особымъ совѣтомъ, и рядомъ съ этими двумя властями существовало еще общинное самоуправленіе: общее собраніе гражданъ (conseil général) два раза въ году, четыре выборныхъ (на годъ) синдика съ широкою судебною властью въ дѣлахъ уголовныхъ, „малый совѣтъ", завѣдовавшій городскими дѣлами, и особый совѣтъ, контролировавшій его дѣйствія. Епископъ установлялъ налоги, имѣлъ право чеканить монету, завѣдовалъ судомъ въ гражданскихъ дѣлахъ, пользовался правомъ помилованія, а на герцогѣ савойскомъ лежала обязанность защиты города. Политическое устройство Женевы было, слѣдовательно, сложное, запутанное, а потому оно давало частые поводы къ столкновеніямъ между властями и образованію разныхъ партій. Столкновенія бывали между герцогомъ и епископомъ, и ими пользовалась община для полученія новыхъ привилегій, но и герцогъ ссорилъ епископа съ общиной, чтобы путемъ посредничества между ними достигнуть господ-

ства и надъ епископомъ, и надъ городомъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. герцогъ задумалъ превратить Женеву въ свою столицу, но встрѣтилъ оппозицію со стороны республиканской партіи „гугенотовъ" [1]), противъ которой образовалась другая партія, стоявшая за герцога и епископа. Въ 1526 г., при помощи Берна и Фрейбурга, одолѣла республиканская партія, и съ обоими этими городами Женева вступила въ союзъ, какъ-разъ въ то время, когда Бернъ ввелъ у себя реформацію. Епископъ, на этотъ разъ державшій сторону герцога, уѣхалъ изъ города, а архіепископъ вьеннскій, въ составъ митрополіи котораго входила женевская епархія, наложилъ на нее интердиктъ. Но это только содѣйствовало отторженію города отъ католицизма, которое и произошло въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Религіозная реформація сопровождалась и въ Женевѣ политической революціей: за освобожденіемъ отъ савойскаго герцога послѣдовала отмѣна свѣтской власти епископа, и городъ сдѣлался независимой республикой. Въ Женевѣ явились реформаторы: Фарель, родомъ изъ Дофинэ, Фроманъ, тоже французъ по происхожденію, Вире и др.; начались религіозныя и гражданскія смуты; перевѣсъ брала то одна партія, то другая; народное движеніе приняло иконоборческій характеръ; у нежелавшихъ подчиняться церковнымъ перемѣнамъ отнимались гражданскія права (1535 г.). Одновременно съ внутренними смутами Женевѣ приходилось отстаивать свою независимость и извнѣ. Для нея особенно была важна помощь Берна, съ которымъ она заключила „вѣчный союзъ" (1537 г.), поставившій ее въ тѣсную связь съ Швейцаріей. Внутреннія смуты долго не могли улечься. Фарель, игравшій въ религіозномъ движеніи главную роль, оказался плохимъ организаторомъ, а Вире и Фроманъ удалились изъ Женевы. Городскія власти считали себя преемниками епископа не только въ свѣтскихъ, но и въ религіозныхъ дѣлахъ, плохо ихъ сами понимая. Въ городѣ и его окрестностяхъ многіе жители оставались еще католиками. Въ это самое время (1536) въ Женеву прибылъ Кальвинъ и прожилъ здѣсь съ небольшимъ перерывомъ вплоть до самой смерти своей въ 1564 г. При немъ Женева сдѣлалась оплотомъ реформаціи, „протестантскимъ Римомъ". Разыгравъ въ городѣ роль Ликурга и сдѣлавшись въ немъ своего рода диктаторомъ, Кальвинъ вполнѣ заслужилъ названіе „женевскаго папы".

Когда Кальвинъ пріѣхалъ въ Женеву, ему было только двадцать семь лѣтъ. Лишь не задолго передъ тѣмъ онъ порвалъ съ католицизмомъ, отказавшись отъ блестящей карьеры, на которую могъ

---

[1]) Это названіе производятъ отъ имени одного изъ вождей или видятъ въ huguenots испорченное нѣмецкое Eidgenossen (швейцарцы).

надѣяться по своимъ связямъ. Отецъ его, по общественному своему положенію чиновникъ, готовилъ его сначала къ духовному сану, но потомъ задумалъ сдѣлать изъ него юриста. У него были аристократическія связи, и нѣкоторое время мальчикъ учился съ дѣтьми одного дворянскаго семейства, откуда онъ вынесъ аристократическія симпатіи. Кромѣ того отецъ Кальвина добылъ для него, когда онъ былъ еще почти ребенкомъ, доходную пребенду, которую онъ получалъ какъ будущій священникъ. Кальвинъ очень хорошо учился сначала въ Буржѣ, куда его отправилъ отецъ въ 1523 г., а потомъ въ Парижѣ и Орлеанѣ, гдѣ онъ изучалъ право. Говорятъ, что школьные товарищи относились къ нему очень непріязненно и прозвали его „винительнымъ падежемъ" (accusativus) за его неуживчивый нравъ и наставительный тонъ, съ какимъ онъ порицалъ ихъ шалости и увлеченія. Между прочимъ Кальвинъ предавался и классическимъ занятіямъ въ духѣ тогдашняго гуманизма. Было даже время, когда честолюбиваго молодого человѣка, рано получившаго вкусъ къ серьезнымъ занятіямъ, привлекала слава Рейхлина и Эразма. Мало-по-малу движеніе, возбужденное Лютеромъ и Цвингли, интересъ, возбужденный имъ во Франціи, первоначальное предназначеніе самого Кальвина къ духовному званію и совѣты одного изъ его наставниковъ заставили его обратиться къ теологіи. Сначала протестантизмъ казался ему мало симпатичнымъ: хаосъ мнѣній и ученій, какой онъ представлялъ собою, долженъ былъ отталкивать умъ Кальвина, искавшій опредѣленности и порядка. Тѣмъ не менѣе онъ увлекся этимъ движеніемъ и усвоилъ основной догматъ Лютера объ оправданіи посредствомъ вѣры, и въ немъ совершается религіозный переворотъ, когда ему было всего двадцать три года (1532). Около этого времени онъ издалъ съ посвященіемъ Франциску I ученый комментарій къ разсужденію Сенеки о кротости (De clementia). Онъ убѣждалъ короля быть кроткимъ къ послѣдователямъ новаго вѣроученія и говорилъ этому монарху, стремившемуся къ абсолютизму, что лучшая опора трона—не войско и не деньги, а любовь подданныхъ. Несмотря на свою молодость, Кальвинъ скоро сдѣлался среди парижскихъ приверженцевъ новаго ученія весьма популяренъ. Онъ проповѣдовалъ имъ ученіе объ оправданіи вѣрою, обличалъ порчу церкви и ободрялъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ сторонниковъ реформаціи своими письмами, доставлявшимися къ нимъ съ большимъ искусствомъ. Неосторожность, съ какою онъ велъ эту пропаганду, навлекла на него преслѣдованіе. Пришлось спастись бѣгствомъ въ южную Францію. Здѣсь Кальвинъ жилъ нѣсколько времени подъ чужимъ именемъ, продолжая проповѣдь новаго ученія. Въ 1534 г. онъ отказался отъ своей пребенды, не считая возможнымъ болѣе пользо-

ваться церковнымъ доходомъ, но уступилъ ее въ другія руки за извѣстное вознагражденіе,—обстоятельство, которое особенно ставятъ ему въ вину католическіе писатели. Покровительство Маргариты Ангулемской, королевы наваррской [1]), сестры Франциска I, обнаруживавшей склонность къ реформаціи, доставило Кальвину возможность вернуться въ Парижъ, гдѣ уже образовалась небольшая протестантская община. Въ ней даже начались внутреннія распри, благодаря появленію сектантовъ. Въ 1534 году парижскіе послѣдователи новаго ученія стали даже весьма смѣло проявлять протестантскія свои стремленія и начали прибѣгать къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ старой церкви. Особенно энергично распространяли они свои обличенія въ прокламаціяхъ (откуда выраженіе: „l'année des placards"), которыя по ночамъ вывѣшивали на дверяхъ и воротахъ церквей, монастырей, Сорбонны и Лувра. Въ началѣ слѣдующаго года даже была устроена по этому случаю „люстрація" Парижа: король въ торжественной процессіи отправился къ архіепископскому дворцу, затѣмъ было богослуженіе, послѣ котораго было объявлено, что король не будетъ больше дозволять оскорблять Бога и приметъ самыя строгія мѣры противъ еретиковъ. Для острастки тутъ же произошло сожженіе на кострахъ нѣсколькихъ нововѣровъ. Кальвинъ долженъ былъ теперь бѣжать изъ отечества. Побывавъ въ Страсбургѣ, гдѣ онъ сблизился съ тамошними реформаторами (Буцеромъ и Капитономъ), онъ на болѣе продолжительное время нашелъ себѣ пріютъ въ Базелѣ, гдѣ и поселился подъ чужимъ именемъ. Тревожная жизнь не мѣшала ему работать. Еще до своего бѣгства онъ написалъ сочиненіе („Психопаннихія") противъ анабаптистовъ, учившихъ о посмертномъ состояніи сна, въ какомъ находятся души до страшнаго суда, а въ Базелѣ принималъ участіе въ переводѣ св. писанія на французскій языкъ, предпринятомъ его единовѣрцами. Весною 1536 г. онъ напечаталъ въ Базелѣ же свою „Institutio religionis christianae", впослѣдствіи перерабатывавшуюся для новыхъ изданій и издававшуюся на двухъ языкахъ—латинскомъ и французскомъ [2]). Въ первой редакціи этого труда было еще мало оригинальнаго. Кальвинъ хотѣлъ только систематизировать уже болѣе или менѣе опредѣлившіяся протестантскія идеи. Тѣмъ не менѣе это было *важнѣйшее произведеніе протестантской богословской литературы въ XVI вѣкѣ*, ибо до появленія этого труда не существовало такого цѣльнаго, стройнаго,

[1]) *А. М. Петрункевичъ.* Маргарита Ангулемская и ея время.—*M-me James Darmsteter.* Reine de Navarre, Marguerite d'Angoulême.

[2]) Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ былъ написанъ текстъ, возбудилъ большіе споры. Несомнѣнно, что французское изданіе (Institution de la religion chrétienne) играло большую роль въ выработкѣ французской прозы.

полнаго, яснаго и точнаго изложенія протестантскаго ученія: это были все такія качества, соединенія которыхъ не представляли собою ни „Loci communes theologici“ Меланхтона, ни „Commentarius de vera et falsa religione“ Цвингли, вышедшіе въ свѣтъ пятнадцатью и десятью годами раньше. Первоначальная цѣль сочиненія была апологетическая: Францискъ I, желавшій союза съ протестантскими князьями Германіи для борьбы съ Карломъ V, представлялъ преслѣдованія, которымъ протестанты подвергались во Франціи, какъ государственную самооборону противъ политически опасныхъ и преслѣдовавшихся самими нѣмецкими князьями анабаптистовъ. Кальвинъ взялъ на себя задачу опровергнуть такое представленіе дѣла, соединивъ ея исполненіе съ ранѣе еще задуманнымъ имъ изложеніемъ новаго ученія. Онъ поставилъ своею цѣлью изобразить протестантизмъ, какъ чистое христіанство первыхъ вѣковъ, не искаженное человѣческими измышленіями. Въ ученіи Кальвина поражаешься строгою опредѣленностью и безпощадною логичностью въ развитіи основныхъ принциповъ — безъ колебаній, непослѣдовательностей, противорѣчій, какія встрѣчались въ ученіи его предшественниковъ. Богъ разъ навсегда открылъ свою волю въ св. писаніи: этимъ было опредѣлено отношеніе Кальвина ко всѣмъ другимъ возможнымъ источникамъ религіознаго знанія, къ церковному преданію, къ ученію отцовъ церкви (съ которыми онъ иногда полемизируетъ), къ человѣческому разуму, объявленному не имѣющимъ цѣны („лучше невѣжество вѣрующаго, чѣмъ дерзость мудрствующаго“), къ сектантскому внутреннему откровенію. Этимъ протестантизмъ рѣзко отдѣлялъ себя и отъ католицизма, и отъ сектантства. Съ волею Божіею, выраженною въ св. писаніи, должна была, далѣе, сообразоваться вся жизнь, не только религія и мораль, но и политика. Церковное устройство также основывалось на св. писаніи. Догматика Кальвина—послѣдовательное проведеніе одного принципа. Вся она основана на ученіи о предопредѣленіи (praedestinatio), какъ формулировалъ бл. Августинъ. И другіе реформаторы стояли на той же точкѣ зрѣнія, но никто не дѣлалъ отсюда такихъ неумолимыхъ выводовъ. Исходный пунктъ догматики Кальвина—лютерево ученіе объ оправданіи вѣрою въ томъ развитіи, какое оно получило у него самого и у Меланхтона: къ спасенію ведутъ не внѣшнія дѣла, но вѣра въ Христово искупленіе; вѣра же эта дается человѣку Божіей благодатью. Кальвинъ пошелъ далѣе въ этомъ направленіи: если спасаетъ человѣка вѣра, которая дается человѣку Божіею благодатью, то человѣкъ собственными силами спастись не можетъ, и его спасеніе или осужденіе зависитъ исключительно отъ Бога; если бы въ этомъ дѣлѣ дѣйствовала свободная воля человѣка (отвергавшаяся и Лютеромъ), то рѣшеніе Божіе

зависѣло бы отъ человѣческой воли, но это противорѣчило бы Божiю всемогуществу, такъ что предопредѣленiе не можетъ быть истолковано въ смыслѣ простого предвидѣнiя Богомъ поступковъ человѣка. Признавая вполнѣ первородный грѣхъ, Кальвинъ училъ, что Богъ для прославленiя своего милосердiя предопредѣляетъ однихъ къ вѣчному блаженству, а другихъ для прославленiя своей справедливости — къ вѣчной погибели: одни люди—избранные (electi), другiе—отверженные (damnati). Истинно вѣрующими, по Кальвину, могутъ быть только „избранные", другiе „осуждены" еще ранѣе того, какъ они совершили что-либо хорошее или дурное, и Богъ самъ ожесточаетъ ихъ. Воля Божiя непреложна: разъ записанный въ книгу живота, изъ нея болѣе не вычеркивается; Божiя благодать имъ не утрачивается, даже когда онъ впадаетъ въ заблужденiе, но отверженный есть сосудъ гнѣва Божiя и не можетъ спастись никакими заслугами. Выполняя своими дурными поступками лишь предначертанiя Бога, грѣшники все-таки должны подлежать вѣчному мученiю за то, что они оскорбляютъ Бога. Самъ Кальвинъ не разъ „содрогался" при мысли о такомъ Богѣ. Такъ какъ далѣе человѣкъ не можетъ знать, къ чему онъ предопредѣленъ неисповѣдимымъ Промысломъ, то онъ долженъ отгонять отъ себя, какъ грѣховное искушенiе, всякiя сомнѣнiя въ своемъ спасенiи и долженъ заботиться о томъ, чтобы быть достойнымъ избранiя, буде оно ему уготовано,—слѣдуя пути, указанному закономъ Божiемъ. Это былъ исходный пунктъ ригористической морали кальвинизма, но здѣсь же былъ источникъ и героическаго закала кальвинистовъ. Человѣкъ, идущiй путями Божiими, долженъ всегда сознавать свою правоту и носить въ себѣ силу оказывать сопротивленiе властямъ, идущимъ противъ Божiей воли. Ученiе о церкви у Кальвина стоитъ въ связи съ тѣмъ же догматомъ. Истинная церковь есть совокупность избранныхъ, и внѣ ея нѣтъ спасенiя; такъ какъ, однако, никто не знаетъ своей конечной судьбы, то всѣ на землѣ должны принадлежать къ видимой церкви, которая въ свою очередь должна заботиться о томъ, чтобы члены ея были достойны спасенiя, поддерживать среди нихъ нравственную жизнь строгою дисциплиною и карами за отступленiя заповѣдей Божiихъ. Въ основу церковнаго устройства полагались—демократическое равенство всѣхъ членовъ церкви, республиканское самоуправленiе и полное подчиненiе отдѣльнаго лица церкви. Это было вполнѣ логично: передъ Богомъ всѣ равны, и никто не можетъ рѣшить кто избранъ, кто отвергнутъ; разъ церковь есть община, она должна пользоваться самоуправленiемъ, невозможность же спасенiя внѣ церкви даетъ ей безусловный авторитетъ надъ отдѣльными членами и сообщаетъ право выборнымъ ея представителямъ слѣдить за чистотою жизни общины. Религiозный

демократизмъ Кальвина, требовавшійся теологической логикой, даже противорѣчилъ его политическому аристократизму, какъ противорѣчила введенная имъ въ Женевѣ теократія принципу независимости церкви отъ государства, логически вытекавшему изъ тѣхъ же идей. Не менѣе замѣчательно, что Кальвинъ связалъ съ основнымъ своимъ принципомъ и спорные въ то время догматы. Наприм., въ спорѣ объ евхаристіи, раздѣлявшемъ лютеранъ и цвингліанъ на двѣ враждебныя стороны, онъ занялъ самостоятельное положеніе, среднее между мистицизмомъ Лютера и раціонализмомъ Цвингли, объявивъ, что вѣрующіе воспринимаютъ духовно, но дѣйствительно тѣло Христово, получаютъ же при этомъ благодать лишь въ случаѣ своего предъизбранія къ спасенію.

Пославъ свою книгу французскому королю съ посвященіемъ, въ которомъ дѣлались возраженія на обвиненія католиковъ, Кальвинъ прожилъ нѣкоторое время при герцогскомъ дворѣ въ Феррарѣ, гдѣ ему оказывала расположеніе склонная къ протестантизму герцогиня Рената, родомъ французская принцесса (дочь Людовика XII). Между тѣмъ въ самое короткое время книга успѣла произвести въ протестантскомъ мірѣ очень сильное впечатлѣніе. Возвращаясь въ томъ же году въ Базель, Кальвинъ по дорогѣ пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ въ то время Фарель никакъ не могъ создать сколько-нибудь прочный церковный порядокъ. Будучи уже знакомъ съ сочиненіемъ Кальвина, Фарель сталъ упрашивать его остаться въ Женевѣ. Сначала Кальвинъ не соглашался, такъ какъ предпочиталъ кабинетную дѣятельность ученаго и литературную пропаганду протестантизма тревогамъ, соединеннымъ съ ролью общественнаго дѣятеля и съ борьбою на аренѣ политической жизни. Фарель тогда „именемъ Бога возвѣстилъ“ ему, что на него „падетъ проклятіе Божіе, если онъ откажется помочь въ дѣлѣ Господа и возлюбитъ себя больше, нежели Христа“. Кальвинъ наконецъ согласился и вмѣстѣ съ Фарелемъ ввелъ въ Женевѣ новое церковное устройство (articles de 1537) при содѣйствіи городского совѣта, на который онъ сталъ оказывать сильное вліяніе. Дѣло не обошлось безъ оппозиціи. Два нидерландскихъ анабаптиста вздумали возбудить народное сопротивленіе, но были изгнаны подъ страхомъ смертной казни. Съ другой стороны, поднялась оппозиція людей, отторгшихся отъ католицизма во имя стѣснявшейся имъ личной свободы: они съ неудовольствіемъ смотрѣли на установленіе еще болѣе суроваго режима Фарелемъ, Кальвиномъ и другими чужеземцами. Правительство требовало отъ гражданъ присяги новой формулѣ вѣры, но многіе отказывались присягать, усматривая въ этомъ требованіи новое порабощеніе; имъ стали грозить изгнаніемъ, но угрозу трудно было привести въ исполненіе, такъ какъ число сопро-

тивлявшихся было слишкомъ велико. Партія противниковъ новой церкви стала искать помощи у Берна, гдѣ были тоже недовольны отступленіемъ женевцевъ отъ швейцарскихъ религіозныхъ порядковъ. Въ февралѣ 1538 г. выборы въ городской совѣтъ дали перевѣсъ оппозиціи. Новое правительство приказало причащать на Пасху по бернскому обычаю, но Фарель, Кальвинъ (обозвавшій новый совѣтъ „чортовой коллегіей") и ихъ приверженцы отказались повиноваться. Тогда имъ запретили проповѣдовать, они не послушались. Фарель и Кальвинъ отказались также дать причастіе своей паствѣ, какъ недостойнымъ. Результатомъ этого было то, что синдики созвали народное собраніе, и неуступчивые проповѣдники были изгнаны изъ Женевы. Кальвинъ поселился въ Страсбургѣ, гдѣ сдѣлался проповѣдникомъ въ общинѣ французскихъ эмигрантовъ. Благодаря ему, эта община получила такое образцовое устройство, что ей прямо удивлялись мѣстные нѣмецкіе проповѣдники. Кальвинъ (принявшій страсбургское гражданство и женившійся на вдовѣ одного обращеннаго имъ анабаптиста) сошелся съ нѣмецкими богословами (между прочимъ съ Меланхтономъ), и они втянули его въ интересы нѣмецкой реформаціи. Въ это время Кальвинъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ соглашенія между всѣми протестантами, чтобы имѣть перевѣсъ надъ католиками. Онъ даже готовъ былъ на нѣкоторыя уступки, лишь бы только усилить свой лагерь. Трехлѣтнее пребываніе въ Германіи сильно расширило умственный горизонтъ Кальвина. Его интересуетъ теперь не та или другая мѣстная церковь, а судьба протестантизма во всей Европѣ. Въ Женевѣ между тѣмъ продолжалась религіозная и политическая борьба, принявшая характеръ настоящей анархіи и грозившая внѣшними опасностями. Въ 1540 г. на выборахъ одержали побѣду сторонники изгнанныхъ реформаторовъ. Съ Кальвиномъ они вступили въ переписку и переговоры объ условіяхъ его возвращенія. Въ общихъ своихъ основахъ реформа Кальвина была принята снова. Въ 1541 г. Кальвинъ съ торжествомъ, какъ побѣдитель, возвращается въ Женеву и съ этого момента до самой смерти (1564) въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ господствуетъ въ Женевѣ. Незадолго до возвращенія онъ еще разъ прославился на весь протестантскій міръ, и вотъ по какому случаю. Въ Ліонѣ съ папскаго одобренія было совѣщанія прелатовъ и изгнанныхъ изъ Женевы католиковъ о способахъ возвращенія этого города къ католицизму. Кардиналу Садолету, когда-то секретарю Льва X, человѣку гуманистическаго образованія, благороднаго характера и большой терпимости, было между [illegible] поручено составить воззваніе къ женевцамъ. Садолетъ съ [illegible] мастерствомъ справился съ своею задачею: его посланіе [illegible] впечатлѣніе, и католики подняли голову. Тогда Кальвинъ

въ шесть дней написалъ отвѣтъ Садолету, считающійся однимъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній теологической полемики XVI вѣка: онъ читался съ восторгомъ не только въ Женевѣ, но и во всей протестантской Европѣ, и даже заслужилъ похвалу Лютера, относившагося вообще не особенно дружелюбно къ Кальвину. Послѣ этого его авторитетъ все болѣе и болѣе возрастаетъ среди протестантовъ всей Европы. Городъ, въ которомъ онъ жилъ, превратился въ убѣжище протестантовъ изъ разныхъ странъ, и сдѣлался школой, гдѣ можно было получить высшее богословское образованіе въ протестантскомъ духѣ. Наплывъ иностранцевъ, благоговѣвшихъ предъ реформаторомъ, былъ такъ великъ, что они одни составляли значительную силу, на которую Кальвинъ могъ опираться для борьбы со всякой оппозиціей. Съ усиленіемъ религіозныхъ преслѣдованій во Франціи только увеличивалось число бѣжавшихъ оттуда эмигрантовъ: Кальвинъ самъ ихъ звалъ въ Женеву, добивался для нихъ правъ гражданства (напр., въ 1555 г. въ одинъ день было принято триста новыхъ гражданъ), оказывалъ имъ покровительство, и эти люди становились главными агентами его диктатуры.

XVI. Характеръ и историческое значеніе кальвинизма [1]).

Положеніе Женевы въ протестантскомъ мірѣ.—Международная роль Кальвина.—Противоположность и сходство между кальвинизмомъ и католицизмомъ.—Контроль духовенства надъ обществомъ.—Моральный ригоризмъ и оппозиція ему.—Отрицаніе индивидуальной свободы.—Серветъ, его ученіе и процессъ въ Женевѣ.—Беза.

Какъ ни интересенъ самъ по себѣ примѣръ, представляемый женевскою диктатурою Кальвина, но его историческое значеніе было бы не больше значенія временной диктатуры Савонаролы во Флоренціи въ концѣ XV в., если бы Женева не сдѣлалась „протестантскимъ Римомъ“, а Кальвинъ не превратился въ „женевскаго папу“. Какъ ни важны въ исторіи возникновенія и развитія кальвинизма мѣстныя женевскія отношенія и роль самого Кальвина въ исторіи этихъ отношеній, съ точки зрѣнія общей исторіи реформаціонной

---

[1]) О Серветѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой главѣ, соч. *Будрина*, указанное въ примѣч. къ гл. VII; въ этомъ сочиненіи приведена литература предмета. *В. М. Михайловскій*. Кальвинъ и Серветъ.—*Tollin*. Lehrsystem M. Servets и Characterbild M. Servets.—*R. Willis*. Servetus and Calvin, а также голландское соч. van der Lindet.—О Кастелліонѣ: *Mähly*. S. Castellio, ein biographischer Versuch nach Quellen.—*Buisson*. S. Castellion, sa vie et son oeuvre.—*И. В. Лучицкій*. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ.

собственные принципы; имъ приходилось рѣшать многіе вопросы съ постоянными колебаніями и противорѣчіями. Иное было положеніе Кальвина: ему пришлось дѣйствовать уже на почвѣ, расчищенной его предшественниками: уже были готовыя рѣшенія многихъ вопросовъ въ духѣ новаго ученія; ему не было надобности дѣйствовать на спѣхъ, подъ вліяніемъ нетерпящихъ отлагательства обстоятельствъ. Поэтому онъ могъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ систематизировать новое ученіе. Старшіе реформаторы занялись этою работою только позднѣе, тогда какъ Кальвинъ съ нея-то и начинаетъ: и, напримѣръ, между аугсбургскимъ исповѣданіемъ (1530 г.) и „Изложеніемъ христіанской вѣры" (1531) Цвингли, съ одной стороны, и „Наставленіемъ христіанской религіи" Кальвина (1536 г.), съ другой, проходитъ только пять-шесть лѣтъ. Кальвинъ былъ и лично лучше подготовленъ къ этой работѣ. Если Лютеръ былъ мистикъ, Цвинги — гуманистъ, то Кальвинъ былъ юристъ. Въ молодыхъ годахъ онъ прилежно изучалъ римское право съ его ясными опредѣленіями, съ его логическими умозаключеніями, съ его стройною системою, на которыхъ и воспитался умъ будущаго реформатора. Съ другой стороны, въ этомъ изученіи Кальвинъ пріобрѣлъ и практическія знанія, пригодившіяся ему впослѣдствіи, такъ какъ ему суждено было, какъ и Цвингли, стать и политическимъ организаторомъ. *Кальвинизмъ и былъ силенъ логичностью и систематичностью своего вѣроученія и своею организаціей.* Это еще не все, что̀ въ этой формѣ протестантизма можетъ быть объяснено историческимъ моментомъ. Въ серединѣ XVI вѣка кальвинизмъ распространяется во многихъ странахъ, правительства которыхъ остаются католическими и начинаютъ сильно преслѣдовать протестантовъ. Послѣдніе выступаютъ на путь оппозиціи, защищая свое вѣроисповѣданіе, но эта оппозиція соединяется съ оппозиціей чисто политической, и ея принципы заимствуются опять-таки въ кальвинизмѣ. Кальвину пришлось дѣйствовать въ Женевѣ вскорѣ послѣ того, какъ она отстояла свою независимость, и *женевская реформація прониклась республиканскимъ духомъ.* Кальвинъ далъ дальнѣйшее развитіе и церковному устройству, и политическимъ принципамъ Цвингли, а историческій моментъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ тому, чтобы эти принципы получили широкое распространеніе: во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ происходила борьба протестантскихъ подданныхъ съ католическими государями, борьба не только религіозная, но и политическая. Тѣ политическія начала, которыя при Цвингли не выходили за тѣсные предѣлы швейцарской жизни, въ эпоху Кальвина играли роль уже въ разныхъ странахъ Запада. Вообще, если оставить въ сторонѣ маленькіе швейцарскіе кантоны и нѣмецкіе имперскіе города, принявшіе цвингліан-

ство, *реформація первой половины XVI вѣка имѣла характеръ по преимуществу монархическій* (нѣмецкія княжества, герцогство прусское, скандинавскія королевства, Англія), тогда какъ *кальвинизмъ соотвѣтствуетъ уже той эпохѣ, когда происходило политическое движеніе противъ королевскаго абсолютизма.*

Жанъ Кальвинъ (собственно Cauvin) былъ французъ, родомъ изъ города Нойона въ Пикардіи. На его реформацію, получившую совершенно универсальный характеръ, иногда смотрятъ, какъ на чисто французскую, но Кальвину суждено было дѣйствовать не на родинѣ, а въ политически чуждомъ Франціи городѣ, въ государствѣ съ французскою, правда, національностью, но принадлежавшемъ первоначально имперіи и лежавшемъ на границѣ разныхъ національностей. И самъ реформаторъ, попавшій на чужбину, и его новое отечество, находившееся на перекресткѣ дороги трехъ сосѣднихъ націй, были, такъ сказать, предназначены къ тому, чтобы созданная въ Женевѣ Кальвиномъ форма протестантизма получила универсальный характеръ. Если *кальвинизмъ по происхожденію своему и былъ реформаціей романскаго племени*, какъ лютеранство и цвингліанство — реформаціей племени германскаго, а гуситство—славянскаго, то все-таки онъ не только не сдѣлался религіей романскихъ націй, но даже не удержался въ самой Франціи. Между тѣмъ послѣдователей онъ нашелъ и среди народовъ германскаго племени (въ Германіи, Нидерландахъ, Англіи и Шотландіи), и у славянъ (въ Польшѣ), и у венгровъ.

Женева была городомъ, въ которомъ существовали три власти. Входя въ составъ священной Римской имперіи, Женева находилась въ зависимости отъ герцоговъ савойскихъ, какъ императорскихъ намѣстниковъ, но непосредственнымъ государемъ былъ епископъ, избиравшійся капитуломъ и отправлявшій свои обязанности совокупно съ особымъ совѣтомъ, и рядомъ съ этими двумя властями существовало еще общинное самоуправленіе: общее собраніе гражданъ (conseil général) два раза въ году, четыре выборныхъ (на годъ) синдика съ широкою судебною властью въ дѣлахъ уголовныхъ, „малый совѣтъ", завѣдовавшій городскими дѣлами, и особый совѣтъ, контролировавшій его дѣйствія. Епископъ установлялъ налоги, имѣлъ право чеканить монету, завѣдовалъ судомъ въ гражданскихъ дѣлахъ, пользовался правомъ помилованія, а на герцогѣ савойскомъ лежала обязанность защиты города. Политическое устройство Женевы было, слѣдовательно, сложное, запутанное, а потому оно давало частые поводы къ столкновеніямъ между властями и образованію разныхъ партій. Столкновенія бывали между герцогомъ и епископомъ, и ими пользовалась община для полученія новыхъ привилегій, но и герцогъ ссорилъ епископа съ общиной, чтобы путемъ посредничества между ними достигнуть господ-

ства и надъ епископомъ, и надъ городомъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI в. герцогъ задумалъ превратить Женеву въ свою столицу, но встрѣтилъ оппозицію со стороны республиканской партіи „гугенотовъ“ [1]), противъ которой образовалась другая партія, стоявшая за герцога и епископа. Въ 1526 г., при помощи Берна и Фрейбурга, одолѣла республиканская партія, и съ обоими этими городами Женева вступила въ союзъ, какъ-разъ въ то время, когда Бернъ ввелъ у себя реформацію. Епископъ, на этотъ разъ державшій сторону герцога, уѣхалъ изъ города, а архіепископъ вьеннскій, въ составъ митрополіи котораго входила женевская епархія, наложилъ на нее интердиктъ. Но это только содѣйствовало отторженію города отъ католицизма, которое и произошло въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Религіозная реформація сопровождалась и въ Женевѣ политической революціей: за освобожденіемъ отъ савойскаго герцога послѣдовала отмѣна свѣтской власти епископа, и городъ сдѣлался независимой республикой. Въ Женевѣ явились реформаторы: Фарель, родомъ изъ Дофинэ, Фроманъ, тоже французъ по происхожденію, Вире и др.; начались религіозныя и гражданскія смуты; перевѣсъ брала то одна партія, то другая; народное движеніе приняло иконоборческій характеръ; у нежелавшихъ подчиняться церковнымъ перемѣнамъ отнимались гражданскія права (1535 г.). Одновременно съ внутренними смутами Женевѣ приходилось отстаивать свою независимость и извнѣ. Для нея особенно была важна помощь Берна, съ которымъ она заключила „вѣчный союзъ“ (1537 г.), поставившій ее въ тѣсную связь съ Швейцаріей. Внутреннія смуты долго не могли улечься. Фарель, игравшій въ религіозномъ движеніи главную роль, оказался плохимъ организаторомъ, а Вире и Фроманъ удалились изъ Женевы. Городскія власти считали себя преемниками епископа не только въ свѣтскихъ, но и въ религіозныхъ дѣлахъ, плохо ихъ сами понимая. Въ городѣ и его окрестностяхъ многіе жители оставались еще католиками. Въ это самое время (1536) въ Женеву прибылъ Кальвинъ и прожилъ здѣсь съ небольшимъ перерывомъ вплоть до самой смерти своей въ 1564 г. При немъ Женева сдѣлалась оплотомъ реформаціи, „протестантскимъ Римомъ“. Разыгравъ въ городѣ роль Ликурга и сдѣлавшись въ немъ своего рода диктаторомъ, Кальвинъ вполнѣ заслужилъ названіе „женевскаго папы“.

Когда Кальвинъ пріѣхалъ въ Женеву, ему было только двадцать семь лѣтъ. Лишь не задолго передъ тѣмъ онъ порвалъ съ католицизмомъ, отказавшись отъ блестящей карьеры, на которую могъ

---

[1]) Это названіе производятъ отъ имени одного изъ вождей или видятъ въ huguenots испорченное нѣмецкое Eidgenossen (швейцарцы).

надѣяться по своимъ связямъ. Отецъ его, по общественному своему положенію чиновникъ, готовилъ его сначала къ духовному сану, но потомъ задумалъ сдѣлать изъ него юриста. У него были аристократическія связи, и нѣкоторое время мальчикъ учился съ дѣтьми одного дворянскаго семейства, откуда онъ вынесъ аристократическія симпатіи. Кромѣ того отецъ Кальвина добылъ для него, когда онъ былъ еще почти ребенкомъ, доходную пребенду, которую онъ получалъ какъ будущій священникъ. Кальвинъ очень хорошо учился сначала въ Буржѣ, куда его отправилъ отецъ въ 1523 г., а потомъ въ Парижѣ и Орлеанѣ, гдѣ онъ изучалъ право. Говорятъ, что школьные товарищи относились къ нему очень непріязненно и прозвали его „винительнымъ падежемъ“ (accusativus) за его неуживчивый нравъ и наставительный тонъ, съ какимъ онъ порицалъ ихъ шалости и увлеченія. Между прочимъ Кальвинъ предавался и классическимъ занятіямъ въ духѣ тогдашняго гуманизма. Было даже время, когда честолюбиваго молодого человѣка, рано получившаго вкусъ къ серьезнымъ занятіямъ, привлекала слава Рейхлина и Эразма. Мало-по-малу движеніе, возбужденное Лютеромъ и Цвингли, интересъ, возбужденный имъ во Франціи, первоначальное предназначеніе самого Кальвина къ духовному званію и совѣты одного изъ его наставниковъ заставили его обратиться къ теологіи. Сначала протестантизмъ казался ему мало симпатичнымъ: хаосъ мнѣній и ученій, какой онъ представлялъ собою, долженъ былъ отталкивать умъ Кальвина, искавшій опредѣленности и порядка. Тѣмъ не менѣе онъ увлекся этимъ движеніемъ и усвоилъ основной догматъ Лютера объ оправданіи посредствомъ вѣры, и въ немъ совершается религіозный переворотъ, когда ему было всего двадцать три года (1532). Около этого времени онъ издалъ съ посвященіемъ Франциску I ученый комментарій къ разсужденію Сенеки о кротости (De clementia). Онъ убѣждалъ короля быть кроткимъ къ послѣдователямъ новаго вѣроученія и говорилъ этому монарху, стремившемуся къ абсолютизму, что лучшая опора трона—не войско и не деньги, а любовь подданныхъ. Несмотря на свою молодость, Кальвинъ скоро сдѣлался среди парижскихъ приверженцевъ новаго ученія весьма популяренъ. Онъ проповѣдовалъ имъ ученіе объ оправданіи вѣрою, обличалъ порчу церкви и ободрялъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ сторонниковъ реформаціи своими письмами, доставлявшимися къ нимъ съ большимъ искусствомъ. Неосторожность, съ какою онъ велъ эту пропаганду, навлекла на него преслѣдованіе. Пришлось спастись бѣгствомъ въ южную Францію. Здѣсь Кальвинъ жилъ нѣсколько времени подъ чужимъ именемъ, продолжая проповѣдь новаго ученія. Въ 1534 г. онъ отказался отъ своей пребенды, не считая возможнымъ болѣе пользо-

ваться церковнымъ доходомъ, но уступилъ ее въ другія руки за извѣстное вознагражденіе,—обстоятельство, которое особенно ставятъ ему въ вину католическіе писатели. Покровительство Маргариты Ангулемской, королевы наваррской [1]), сестры Франциска I, обнаруживавшей склонность къ реформаціи, доставило Кальвину возможность вернуться въ Парижъ, гдѣ уже образовалась небольшая протестантская община. Въ ней даже начались внутреннія распри, благодаря появленію сектантовъ. Въ 1534 году парижскіе послѣдователи новаго ученія стали даже весьма смѣло проявлять протестантскія свои стремленія и начали прибѣгать къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ старой церкви. Особенно энергично распространяли они свои обличенія въ прокламаціяхъ (откуда выраженіе: „l'année des placards"), которыя по ночамъ вывѣшивали на дверяхъ и воротахъ церквей, монастырей, Сорбонны и Лувра. Въ началѣ слѣдующаго года даже была устроена по этому случаю „люстрація" Парижа: король въ торжественной процессіи отправился къ архіепископскому дворцу, затѣмъ было богослуженіе, послѣ котораго было объявлено, что король не будетъ больше дозволять оскорблять Бога и приметъ самыя строгія мѣры противъ еретиковъ. Для острастки тутъ же произошло сожженіе на кострахъ нѣсколькихъ нововѣровъ. Кальвинъ долженъ былъ теперь бѣжать изъ отечества. Побывавъ въ Страсбургѣ, гдѣ онъ сблизился съ тамошними реформаторами (Буцеромъ и Капитономъ), онъ на болѣе продолжительное время нашелъ себѣ пріютъ въ Базелѣ, гдѣ и поселился подъ чужимъ именемъ. Тревожная жизнь не мѣшала ему работать. Еще до своего бѣгства онъ написалъ сочиненіе („Психопаннихія") противъ анабаптистовъ, учившихъ о посмертномъ состояніи сна, въ какомъ находятся души до страшнаго суда, а въ Базелѣ принималъ участіе въ переводѣ св. писанія на французскій языкъ, предпринятомъ его единовѣрцами. Весною 1536 г. онъ напечаталъ въ Базелѣ же свою „Institutio religionis christianae", впослѣдствіи перерабатывавшуюся для новыхъ изданій и издававшуюся на двухъ языкахъ—латинскомъ и французскомъ [2]). Въ первой редакціи этого труда было еще мало оригинальнаго. Кальвинъ хотѣлъ только систематизировать уже болѣе или менѣе опредѣлившіяся протестантскія идеи. Тѣмъ не менѣе это было *важнѣйшее произведеніе протестантской богословской литературы въ XVI вѣкѣ*, ибо до появленія этого труда не существовало такого цѣльнаго, стройнаго,

[1]) *А. М. Петрункевичъ*. Маргарита Ангулемская и ея время.—*M-me James Darmsteter*. Reine de Navarre, Marguerite d'Angoulême.

[2]) Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ былъ написанъ текстъ, возбудилъ большіе споры. Несомнѣнно, что французское изданіе (Institution de la religion chrétienne) играло большую роль въ выработкѣ французской прозы.

полнаго, яснаго и точнаго изложенія протестантскаго ученія: это были все такія качества, соединенія которыхъ не представляли собою ни „Loci communes theologici“ Меланхтона, ни „Commentarius de vera et falsa religione“ Цвингли, вышедшіе въ свѣтъ пятнадцатью и десятью годами раньше. Первоначальная цѣль сочиненія была апологетическая: Францискъ I, желавшій союза съ протестантскими князьями Германіи для борьбы съ Карломъ V, представлялъ преслѣдованія, которымъ протестанты подвергались во Франціи, какъ государственную самооборону противъ политически опасныхъ и преслѣдовавшихся самими нѣмецкими князьями анабаптистовъ. Кальвинъ взялъ на себя задачу опровергнуть такое представленіе дѣла, соединивъ ея исполненіе съ ранѣе еще задуманнымъ имъ изложеніемъ новаго ученія. Онъ поставилъ своею цѣлью изобразить протестантизмъ, какъ чистое христіанство первыхъ вѣковъ, не искаженное человѣческими измышленіями. Въ ученіи Кальвина поражаешься строгою опредѣленностью и безпощадною логичностью въ развитіи основныхъ принциповъ — безъ колебаній, непослѣдовательностей, противорѣчій, какія встрѣчались въ ученіи его предшественниковъ. Богъ разъ навсегда открылъ свою волю въ св. писаніи: этимъ было опредѣлено отношеніе Кальвина ко всѣмъ другимъ возможнымъ источникамъ религіознаго знанія, къ церковному преданію, къ ученію отцовъ церкви (съ которыми онъ иногда полемизируетъ), къ человѣческому разуму, объявленному не имѣющимъ цѣны („лучше невѣжество вѣрующаго, чѣмъ дерзость мудрствующаго“), къ сектантскому внутреннему откровенію. Этимъ протестантизмъ рѣзко отдѣлялъ себя и отъ католицизма, и отъ сектантства. Съ волею Божіею, выраженною въ св. писаніи, должна была, далѣе, сообразоваться вся жизнь, не только религія и мораль, но и политика. Церковное устройство также основывалось на св. писаніи. Догматика Кальвина — последовательное проведеніе одного принципа. Вся она основана на ученіи о предопредѣленіи (praedestinatio), какъ формулировалъ бл. Августинъ. И другіе реформаторы стояли на той же точкѣ зрѣнія, но никто не дѣлалъ отсюда такихъ неумолимыхъ выводовъ. Исходный пунктъ догматики Кальвина—лютерево ученіе объ оправданіи вѣрою въ томъ развитіи, какое оно получило у него самого и у Меланхтона: къ спасенію ведутъ не внѣшнія дѣла, но вѣра въ Христово искупленіе; вѣра же эта дается человѣку Божіей благодатью. Кальвинъ пошелъ далѣе въ этомъ направленіи: если спасаетъ человѣка вѣра, которая дается человѣку Божіею благодатью, то человѣкъ собственными силами спастись не можетъ, и его спасеніе или осужденіе зависитъ исключительно отъ Бога; если бы въ этомъ дѣлѣ дѣйствовала свободная воля человѣка (отвергавшаяся и Лютеромъ), то рѣшеніе Божіе

зависѣло бы отъ человѣческой воли, но это противорѣчило бы Божію всемогуществу, такъ что предопредѣленіе не можетъ быть истолковано въ смыслѣ простого предвидѣнія Богомъ поступковъ человѣка. Признавая вполнѣ первородный грѣхъ, Кальвинъ училъ, что Богъ для прославленія своего милосердія предопредѣляетъ однихъ къ вѣчному блаженству, а другихъ для прославленія своей справедливости — къ вѣчной погибели: одни люди—избранные (electi), другіе—отверженные (damnati). Истинно вѣрующими, по Кальвину, могутъ быть только „избранные", другіе „осуждены" еще ранѣе того, какъ они совершили что-либо хорошее или дурное, и Богъ самъ ожесточаетъ ихъ. Воля Божія непреложна: разъ записанный въ книгу живота, изъ нея болѣе не вычеркивается; Божія благодать имъ не утрачивается, даже когда онъ впадаетъ въ заблужденіе, но отверженный есть сосудъ гнѣва Божія и не можетъ спастись никакими заслугами. Выполняя своими дурными поступками лишь предначертанія Бога, грѣшники все-таки должны подлежать вѣчному мученію за то, что они оскорбляютъ Бога. Самъ Кальвинъ не разъ „содрогался" при мысли о такомъ Богѣ. Такъ какъ далѣе человѣкъ не можетъ знать, къ чему онъ предопредѣленъ неисповѣдимымъ Промысломъ, то онъ долженъ отгонять отъ себя, какъ грѣховное искушеніе, всякія сомнѣнія въ своемъ спасеніи и долженъ заботиться о томъ, чтобы быть достойнымъ избранія, буде оно ему уготовано,—слѣдуя пути, указанному закономъ Божіемъ. Это былъ исходный пунктъ ригористической морали кальвинизма, но здѣсь же былъ источникъ и героическаго закала кальвинистовъ. Человѣкъ, идущій путями Божіими, долженъ всегда сознавать свою правоту и носить въ себѣ силу оказывать сопротивленіе властямъ, идущимъ противъ Божіей воли. Ученіе о церкви у Кальвина стоитъ въ связи съ тѣмъ же догматомъ. Истинная церковь есть совокупность избранныхъ, и внѣ ея нѣтъ спасенія; такъ какъ, однако, никто не знаетъ своей конечной судьбы, то всѣ на землѣ должны принадлежать къ видимой церкви, которая въ свою очередь должна заботиться о томъ, чтобы члены ея были достойны спасенія, поддерживать среди нихъ нравственную жизнь строгою дисциплиною и карами за отступленія заповѣдей Божіихъ. Въ основу церковнаго устройства полагались—демократическое равенство всѣхъ членовъ церкви, республиканское самоуправленіе и полное подчиненіе отдѣльнаго лица церкви. Это было вполнѣ логично: передъ Богомъ всѣ равны, и никто не можетъ рѣшить кто избранъ, кто отвергнутъ; разъ церковь есть община, она должна пользоваться самоуправленіемъ, невозможность же спасенія внѣ церкви даетъ ей безусловный авторитетъ надъ отдѣльными членами и сообщаетъ право выборнымъ ея представителямъ слѣдить за чистотою жизни общины. Религіозный

демократизмъ Кальвина, требовавшійся теологической логикой, даже противорѣчилъ его политическому аристократизму, какъ противорѣчила введенная имъ въ Женевѣ теократія принципу независимости церкви отъ государства, логически вытекавшему изъ тѣхъ же идей. Не менѣе замѣчательно, что Кальвинъ связалъ съ основнымъ своимъ принципомъ и спорные въ то время догматы. Наприм., въ спорѣ объ евхаристіи, раздѣлявшемъ лютеранъ и цвингліанъ на двѣ враждебныя стороны, онъ занялъ самостоятельное положеніе, среднее между мистицизмомъ Лютера и раціонализмомъ Цвингли, объявивъ, что вѣрующіе воспринимаютъ духовно, но дѣйствительно тѣло Христово, получаютъ же при этомъ благодать лишь въ случаѣ своего предъизбранія къ спасенію.

Пославъ свою книгу французскому королю съ посвященіемъ, въ которомъ дѣлались возраженія на обвиненія католиковъ, Кальвинъ прожилъ нѣкоторое время при герцогскомъ дворѣ въ Феррарѣ, гдѣ ему оказывала расположеніе склонная къ протестантизму герцогиня Рената, родомъ французская принцесса (дочь Людовика XII). Между тѣмъ въ самое короткое время книга успѣла произвести въ протестантскомъ мірѣ очень сильное впечатлѣніе. Возвращаясь въ томъ же году въ Базель, Кальвинъ по дорогѣ пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ въ то время Фарель никакъ не могъ создать сколько-нибудь прочный церковный порядокъ. Будучи уже знакомъ съ сочиненіемъ Кальвина, Фарель сталъ упрашивать его остаться въ Женевѣ. Сначала Кальвинъ не соглашался, такъ какъ предпочиталъ кабинетную дѣятельность ученаго и литературную пропаганду протестантизма тревогамъ, соединеннымъ съ ролью общественнаго дѣятеля и съ борьбою на аренѣ политической жизни. Фарель тогда „именемъ Бога возвѣстилъ“ ему, что на него „падетъ проклятіе Божіе, если онъ откажется помочь въ дѣлѣ Господа и возлюбитъ себя больше, нежели Христа“. Кальвинъ наконецъ согласился и вмѣстѣ съ Фарелемъ ввелъ въ Женевѣ новое церковное устройство (articles de 1537) при содѣйствіи городского совѣта, на который онъ сталъ оказывать сильное вліяніе. Дѣло не обошлось безъ оппозиціи. Два нидерландскихъ анабаптиста вздумали возбудить народное сопротивленіе, но были изгнаны подъ страхомъ смертной казни. Съ другой стороны, поднялась оппозиція людей, отторгшихся отъ католицизма во имя стѣснявшейся имъ личной свободы: они съ неудовольствіемъ смотрѣли на установленіе еще болѣе суроваго режима Фарелемъ, Кальвиномъ и другими чужеземцами. Правительство требовало отъ гражданъ присяги новой формулѣ вѣры, но многіе отказывались присягать, усматривая въ этомъ требованіи новое порабощеніе; имъ стали грозить изгнаніемъ, но угрозу трудно было привести въ исполненіе, такъ какъ число сопро-

тивлявшихся было слишкомъ велико. Партія противниковъ новой церкви стала искать помощи у Берна, гдѣ были тоже недовольны отступленіемъ женевцевъ отъ швейцарскихъ религіозныхъ порядковъ. Въ февралѣ 1538 г. выборы въ городской совѣтъ дали перевѣсъ оппозиціи. Новое правительство приказало причащать на Пасху по бернскому обычаю, но Фарель, Кальвинъ (обозвавшій новый совѣтъ „чортовой коллегіей") и ихъ приверженцы отказались повиноваться. Тогда имъ запретили проповѣдовать, они не послушались. Фарель и Кальвинъ отказались также дать причастіе своей паствѣ, какъ недостойнымъ. Результатомъ этого было то, что синдики созвали народное собраніе, и неуступчивые проповѣдники были изгнаны изъ Женевы. Кальвинъ поселился въ Страсбургѣ, гдѣ сдѣлался проповѣдникомъ въ общинѣ французскихъ эмигрантовъ. Благодаря ему, эта община получила такое образцовое устройство, что ей прямо удивлялись мѣстные нѣмецкіе проповѣдники. Кальвинъ (принявшій страсбургское гражданство и женившійся на вдовѣ одного обращеннаго имъ анабаптиста) сошелся съ нѣмецкими богословами (между прочимъ съ Меланхтономъ), и они втянули его въ интересы нѣмецкой реформаціи. Въ это время Кальвинъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ соглашенія между всѣми протестантами, чтобы имѣть перевѣсъ надъ католиками. Онъ даже готовъ былъ на нѣкоторыя уступки, лишь бы только усилить свой лагерь. Трехлѣтнее пребываніе въ Германіи сильно расширило умственный горизонтъ Кальвина. Его интересуетъ теперь не та или другая мѣстная церковь, а судьба протестантизма во всей Европѣ. Въ Женевѣ между тѣмъ продолжалась религіозная и политическая борьба, принявшая характеръ настоящей анархіи и грозившая внѣшними опасностями. Въ 1540 г. на выборахъ одержали побѣду сторонники изгнанныхъ реформаторовъ. Съ Кальвиномъ они вступили въ переписку и переговоры объ условіяхъ его возвращенія. Въ общихъ своихъ основахъ реформа Кальвина была принята снова. Въ 1541 г. Кальвинъ съ торжествомъ, какъ побѣдитель, возвращается въ Женеву и съ этого момента до самой смерти (1564) въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ господствуетъ въ Женевѣ. Незадолго до возвращенія онъ еще разъ прославился на весь протестантскій міръ, и вотъ по какому случаю. Въ Ліонѣ съ папскаго одобренія шли совѣщанія прелатовъ и изгнанныхъ изъ Женевы католиковъ о способахъ возвращенія этого города къ католицизму. Кардиналу Садолету, когда-то секретарю Льва X, человѣку гуманистическаго образованія, благороднаго характера и большой терпимости, было между прочимъ поручено составить воззваніе къ женевцамъ. Садолетъ съ большимъ мастерствомъ справился съ своею задачею: его посланіе произвело впечатлѣніе, и католики подняли голову. Тогда Кальвинъ

въ шесть дней написалъ отвѣтъ Садолету, считающійся однимъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній теологической полемики XVI вѣка: онъ читался съ восторгомъ не только въ Женевѣ, но и во всей протестантской Европѣ, и даже заслужилъ похвалу Лютера, относившагося вообще не особенно дружелюбно къ Кальвину. Послѣ этого его авторитетъ все болѣе и болѣе возрастаетъ среди протестантовъ всей Европы. Городъ, въ которомъ онъ жилъ, превратился въ убѣжище протестантовъ изъ разныхъ странъ, и сдѣлался школой, гдѣ можно было получить высшее богословское образованіе въ протестантскомъ духѣ. Наплывъ иностранцевъ, благоговѣвшихъ предъ реформаторомъ, былъ такъ великъ, что они одни составляли значительную силу, на которую Кальвинъ могъ опираться для борьбы со всякой оппозиціей. Съ усиленіемъ религіозныхъ преслѣдованій во Франціи только увеличивалось число бѣжавшихъ оттуда эмигрантовъ: Кальвинъ самъ ихъ звалъ въ Женеву, добивался для нихъ правъ гражданства (напр., въ 1555 г. въ одинъ день было принято триста новыхъ гражданъ), оказывалъ имъ покровительство, и эти люди становились главными агентами его диктатуры.

XVI. Характеръ и историческое значеніе кальвинизма [1]).

Положеніе Женевы въ протестантскомъ мірѣ.—Международная роль Кальвина.—Противоположность и сходство между кальвинизмомъ и католицизмомъ.—Контроль духовенства надъ обществомъ.—Моральный ригоризмъ и оппозиція ему.—Отрицаніе индивидуальной свободы.—Серветъ, его ученіе и процессъ въ Женевѣ.—Беза.

Какъ ни интересенъ самъ по себѣ примѣръ, представляемый женевскою диктатурою Кальвина, но его историческое значеніе было бы не больше значенія временной диктатуры Савонаролы во Флоренціи въ концѣ XV в., если бы Женева не сдѣлалась „протестантскимъ Римомъ“, а Кальвинъ не превратился въ „женевскаго папу“. Какъ ни важны въ исторіи возникновенія и развитія кальвинизма мѣстныя женевскія отношенія и роль самого Кальвина въ исторіи этихъ отношеній, съ точки зрѣнія общей исторіи реформаціонной

---

[1]) О Серветѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой главѣ, соч. *Будрина*, указанное въ примѣч. къ гл. VII; въ этомъ сочиненіи приведена литература предмета. *В. М. Михайловскій*. Кальвинъ и Серветъ.—*Tollin*. Lehrsystem M. Servets и Characterbild M. Servets.—*R. Willis*. Servetus and Calvin, а также голландское соч. van der Lindet.—О Кастелліонѣ: *Mähly*. S. Castellio, ein biographischer Versuch nach Quellen.—*Buisson*. S. Castellion, sa vie et son oeuvre.—*И. В. Лучицкій*. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ.

эпохи гораздо большій интересъ имѣютъ не внутреннія дѣла Женевы, а ея положеніе въ протестантскомъ мірѣ, не то, что сдѣлано было Кальвиномъ для этого города, а то, что имъ было совершено на болѣе широкой аренѣ европейской исторіи. *Превращеніе Женевы въ духовный центръ протестантизма, а Кальвина въ его духовнаго вождя,* — вотъ главный фактъ, заслуживающій нашего вниманія.

Небольшая городская республика на границѣ католическихъ странъ, въ которыхъ происходила сильная католическая реакція, держалась по отношенію къ нимъ независимо. Впрочемъ, соперничество между ними было лучшею гарантіей ея политической свободы. Религіозные выходцы изъ разныхъ странъ находили въ Женевѣ свой пріютъ; изъ нея выходили страстные и стойкіе проповѣдники протестантизма; отсюда же посылались поощренія — сопротивляться силою католическимъ государямъ. Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ Меланхтонъ думалъ, что въ случаѣ завоеванія Германіи турками Женева будетъ главнымъ оплотомъ реформаціи. Пока еще живъ былъ Лютеръ, т.-е. до середины сороковыхъ годовъ, первенство въ протестантскомъ мірѣ принадлежало Виттенбергу, но послѣ смерти Лютера самымъ вліятельнымъ авторитетомъ для протестантовъ былъ Кальвинъ, а мѣсто Виттенберга заступила Женева, хотя только къ концу своей жизни (1559) Кальвинъ добился учрежденія здѣсь академіи, въ которой могли бы получать богословское образованіе будущіе проповѣдники. Правда, онъ прежде этого читалъ лекціи, привлекавшія сотни слушателей, часто изъ отдаленныхъ странъ. Самая жизнь въ городѣ, гдѣ царствовала весьма суровая церковная дисциплина, была уже своего рода школой. Съ другой стороны, женевскія типографіи работали на всѣ страны, гдѣ не было возможности печатать протестантскія книги, но было не мало охотниковъ ихъ читать. Наибольшее значеніе Женева имѣла, конечно, для сосѣдней Франціи: большинство селившихся здѣсь эмигрантовъ были французы: во Францію же устремлялось отсюда и больше всего неустрашимыхъ проповѣдниковъ, вывозилось или выносилось протестантскихъ книгъ. Самого Кальвина съ Франціей связывали національныя симпатіи: французскихъ единовѣрцевъ своихъ онъ укрѣплялъ въ вѣрѣ во времена гоненій своими письмами; къ нимъ посылалъ онъ своихъ учениковъ. Въ серединѣ XVI в. реформаціонное движеніе въ разныхъ странахъ приняло кальвинистическое направленіе, и при этомъ всегда устанавливаются связи съ Женевою новыхъ протестантскихъ церквей. На противоположныхъ краяхъ католическаго міра, въ Польшѣ и въ Шотландіи, дѣйствуютъ одновременно ученики Кальвина, Янъ Ласкій и Джонъ Ноксъ (Knox). Въ сношеніяхъ съ Кальвиномъ находятся вліятельныя лица не одного французскаго протестантизма, и не изъ

одной Франціи обращаются къ нему за разрѣшеніемъ богословскихъ вопросовъ. Когда въ Англіи происходила реформація, Кальвинъ писалъ письма и къ юному королю Эдуарду VI, и къ его воспитателю и правителю государства герцогу Сомерсету, и къ архіепископу кентерберійскому Кранмеру. Вообще, думая дѣйствовать на государей, Кальвинъ писалъ къ нимъ письма, посвящалъ имъ свои сочиненія (королямъ датскому, шведскому, польскому и др.); польскаго короля Сигизмунда II Августа онъ убѣждалъ произвести реформацію въ своемъ государствѣ. Если вновь образовывавшіяся протестантскія церкви обращались къ нему за совѣтами и рѣшеніями спорныхъ вопросовъ, за проповѣдниками и организаторами, то и среди старыхъ протестантовъ его голосъ былъ весьма авторитетенъ; въ 1556 г. онъ, напримѣръ, даже ѣздилъ въ Франкфуртъ, чтобы положить конецъ тамошнимъ церковнымъ распрямъ. Однихъ писемъ Кальвина осталось около 4 тысячъ.

Для папы и императора, для католическаго духовенства и вообще для католиковъ Кальвинъ былъ самымъ ненавистнымъ еретикомъ, Женева—самымъ ужаснымъ гнѣздомъ ереси. Во многихъ отношеніяхъ *кальвинизмъ былъ настоящею противоположностью католицизму.* Можно сказать, что одновременно католицизмъ на тридентскомъ соборѣ (1545—1563), а кальвинизмъ въ Женевѣ получаютъ значеніе двухъ непримиримыхъ системъ: если на соборѣ спорные религіозные вопросы разрѣшались въ смыслѣ діаметрально-противоположномъ протестантизму, то и кальвинизмъ развивалъ догматическіе принципы протестантизма въ духѣ, наиболѣе враждебномъ католицизму. Кальвинисты относились крайне рѣзко къ католическимъ догматамъ, къ папству, къ внѣшней сторонѣ культа, въ которой видѣли простое идолопоклонство: чувственному, эстетическому характеру католическаго богослуженія Кальвинъ противопоставлялъ голыя стѣны храмовъ, безъ всякихъ изображеній и украшеній, молитвенныя собранія съ длинными проповѣдями и безъ всякой пышности. Имъ были отмѣнены всѣ праздники, кромѣ воскресенья, которое должно было почитаться, какъ іудейская суббота. На богослужебную музыку онъ смотрѣлъ, какъ на поблажку человѣческой слабости. Но была и другая сторона дѣла: именно въ общекультурномъ и въ соціальномъ отношеніяхъ между обѣими системами было, наоборотъ, сходство и столь большое сходство, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отношеній *кальвинизмъ можетъ разсматриваться, какъ своего рода сколокъ съ средневѣковою католицизма, какъ усугубленіе его принциповъ.* Стоитъ припомнить, каковы были тенденціи средневѣковаго католицизма по отношенію къ государству и свѣтскому обществу, по отношенію къ отдѣльной личности, къ ея внутренней и внѣшней свободѣ, для того, чтобы при-

знать въ кальвинизмѣ какъ бы новое изданіе тѣхъ же принциповъ. Своимъ болѣе универсальнымъ характеромъ сравнительно съ чисто національнымъ духомъ лютеранства и цвингліанства кальвинизмъ напоминаетъ католическій космополитизмъ: насмѣшливое сравненіе Женевы съ Римомъ и Кальвина съ папой имѣло серьезное основаніе. Если Лютеръ (да и Цвингли фактически) подчинялъ церковь государству, то въ Женевѣ установлялось, наоборотъ, такое тѣсное между ними единеніе, что церковь грозила поглотить государство: теократическій принципъ католицизма возрождался здѣсь съ новою силою. Протестантское духовенство въ Женевѣ получило право руководить всею жизнью свѣтскихъ людей, что̀ было возстановленіемъ старыхъ отношеній между клиромъ и мірянами. Отдѣльный человѣкъ долженъ былъ подчиняться самой строгой дисциплинѣ: нравственный ригоризмъ женевской жизни былъ недалекъ отъ средневѣкового аскетизма, хотя исходные пункты обоихъ были разные. Дѣло дошло до того, что Женева при Кальвинѣ сдѣлалась какъ бы однимъ большимъ монастыремъ: извѣстно остроумное замѣчаніе Вольтера, что Кальвинъ открылъ двери монастырей не для того, чтобы выпустить оттуда монаховъ, а чтобы, напротивъ, загнать туда людей. Наконецъ, совершенно же въ духѣ средневѣкового католицизма Кальвинъ отрицалъ свободу человѣческаго разума, утверждая, что невѣжество вѣрующаго выше дерзости мудрствующаго. Такимъ образомъ основныя черты католицизма съ его теократическими и клерикальными тенденціями въ области соціально-политической и съ отрицаніемъ индивидуальныхъ потребностей и стремленій въ сферѣ моральной и интеллектуальной возрождались въ новыхъ формахъ, и благодаря этому въ серединѣ XVI в. въ Западной Европѣ *произошло столкновеніе между двумя религіозными системами, одинаково стремившимися къ господству надъ личностью и обществомъ.*

„Единоспасающая“ церковь, по ученію Кальвина, должна была имѣть устройство, предписанное апостолами и существовавшее въ первые вѣка христіанства. Высшую власть въ церкви онъ отдавалъ собранію вѣрующихъ. Оно въ принципѣ имѣло право назначать особыхъ людей для совершенія богослуженія и охраны чистоты вѣры и нравовъ, т.-е. община вручила эту свою власть магистрату. Право быть избраннымъ въ служители слова Божія ограничивалось требованіемъ извѣстнаго испытанія въ способности занимать эту должность. Такимъ образомъ у Кальвина, какъ и у Цвингли, церковь получала республиканское устройство. Церковныя власти, установленныя въ Женевѣ, были слѣдующія: во-первыхъ, проповѣдники (или пасторы), которымъ, какъ служителямъ (министрамъ) слова Божія, принадлежали первенство въ церковномъ управленіи и дѣйствительное право избранія въ этотъ

санъ (такъ какъ общинѣ въ данномъ отношеніи принадлежало только принципіальное и формальное право); за ними шли учители (доктора), бывшіе, такъ сказать, экспертами по богословскимъ вопросамъ; третье мѣсто занимали старѣйшины (сеніоры) изъ мірянъ, избиравшіеся изъ членовъ одного изъ правительственныхъ совѣтовъ по соглашенію съ проповѣдниками для административной дѣятельности; наконецъ, были еще діаконы, завѣдовавшіе дѣлами благотворенія. Изъ пасторовъ и старѣйшинъ составлялся пресвитерій, или консисторія, которая надзирала за правовѣріемъ членовъ общины, за исполненіемъ ими религіозныхъ обязанностей, т.-е. за посѣщеніемъ богослуженія и проповѣди, причащеніемъ и т. д., за домашнею жизнью, за всѣмъ поведеніемъ гражданъ. Этой коллегіи принадлежало право провинившихся отлучать отъ церкви. Проповѣдникъ, доказавшій чистоту своей вѣры и своей жизни и способность поучать народъ, черезъ рукоположеніе (безъ значенія таинства) становился избраннымъ, хотя и совѣту и народу давалось право его отвергнуть, если на то были основанія. Чтобы такіе проповѣдники могли быть независимы, Кальвинъ настаивалъ на необходимости хорошаго ихъ обезпеченія, высказываясь даже въ смыслѣ возвращенія духовнымъ пастырямъ секуляризованной церковной собственности. Вездѣ, гдѣ утверждался кальвинизмъ, его послѣдователи стремились организоваться въ самостоятельныя общины, которыя руководились всемогущими пасторами, хотя и при контролѣ со стороны народа. Кальвинъ реорганизовалъ и государственное устройство Женевы въ аристократическомъ духѣ, отодвинувъ на задній планъ общее собраніе гражданъ и сосредоточивъ всю власть въ маломъ совѣтѣ изъ 25 членовъ. Церковь и государство Кальвинъ представлялъ себѣ, какъ двѣ стороны одной и той же вещи, одинаково необходимыя для блага людей; но въ практической жизни это было сліяніе церкви и государства, дававшее перевѣсъ церкви, такъ что *въ его политикѣ былъ весьма сильный теократическій элементъ*. Отводя свѣтской власти принадлежащую ей сферу, Кальвинъ отрицалъ за нею всякое право надъ совѣстью и дѣлами религіи (въ противность Лютеру), но въ то же время онъ обязывалъ государство всѣми способами, какіе только находятся въ его распоряженіи, содѣйствовать церкви, подчиняясь руководительству и наказывая идолопоклонство и богохульство. Церковная организація Кальвина допускала къ управленію свѣтскій элементъ въ лицѣ старѣйшинъ, и это даже было приманкою для мірянъ, желавшихъ играть роль въ церковной жизни (напр., въ Польшѣ, гдѣ кальвинизмъ принимали паны и богатая шляхта). Въ сущности, однако, старѣйшины были только орудіями духовной власти, сосредоточенной въ рукахъ пасторовъ. Послѣдніе притомъ имѣли право кооптаціи, а принося присягу въ соблюденіи своихъ обязанностей,

обѣщали подчиняться и законамъ государства лишь съ оговоркою относительно обязанностей къ Богу. Пасторамъ вмѣнялось въ обязанность не только отправлять богослуженіе и поучать народъ, но и блюсти за религіозною и моральною жизнью всего народа: они составляли особую коллегію (vénérable compagnie), которая каждую недѣлю собиралась на засѣданія, имѣя во главѣ своей самого Кальвина, и здѣсь нерѣдко намѣчались, обсуждались и вырабатывались для внесенія въ городской совѣтъ проекты мѣръ чисто гражданскаго характера; по соглашенію съ пасторами избирались старѣйшины, судившіе вмѣстѣ съ особой отъ нихъ делегаціей религіозные и нравственные проступки; въ качествѣ членовъ консисторіи они имѣли право домашняго обыска, и въ ихъ распоряженіи былъ тайный надзоръ за гражданами. Однимъ словомъ, *все, что только могъ бы придумать клерикализмъ, было дано кальвинистическому духовенству.*

Мы уже видѣли, съ какой точки зрѣнія Кальвинъ требовалъ отъ членовъ церкви соблюденія правилъ строжайшей нравственности. Его церковное устройство заимствовало изъ католицизма все, что только способно было поддерживать церковную дисциплину — конфирмаціи, эпитеміи, отлученія и т. п. Въ суровомъ реформаторѣ *была даже аскетическая черта*, такъ какъ онъ смотрѣлъ на землю, какъ на юдоль печали и плача. Исходя изъ тѣхъ же началъ, что и Цвингли, но усугубивъ ихъ дѣйствіе, Кальвинъ ввелъ въ Женевѣ крайне строгую цензуру нравовъ и цѣлую систему контроля надъ исполненіемъ предписаній властей относительно религіознаго и моральнаго поведенія. Индивидуальная свобода приносилась въ жертву чисто монастырскому порядку жизни. Человѣкъ, по Кальвину, есть существо, отъ природы имѣющее наклонность ко злу и неповиновенію, а потому, училъ онъ, человѣка нужно держать въ строгости: задача свѣтской власти, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы наказывать безъ послабленія и жалости не за одни преступленія уголовнаго характера, но и за оскорбленія, наносимыя Богу, за всѣ разные виды безнравственности. Наказаніями, налагавшимися на виновныхъ, были: смертная казнь, заключеніе въ тюрьму, выставка у позорнаго столба, штрафы, изгнанія, и такъ какъ консисторія имѣла право предавать свѣтской власти людей, провинившихся въ сферѣ ея компетенціи, то de facto и ей принадлежало право наказывать не однимъ отлученіемъ. Граждане Женевы обязаны были неукоснительно бывать въ церкви, и непремѣнно въ своей приходской. Если кто-либо по случаю болѣзни три дня находился въ постели, то долженъ былъ позвать пастора и причаститься. Окрестныхъ поселянъ за исполненіе католическихъ обрядовъ сажали въ тюрьму. Въ 9 часовъ вечера женевскій житель долженъ былъ быть дома. Время отъ

времени производились домашніе обыски и отбирались вредныя и легкомысленныя книги и тому подобные предметы. Посѣщеніе трактира безъ нужды влекло за собою штрафъ. Театры, балы и танцы изгонялись. Наказывались отлученіями отъ церкви и свѣтскими карами даже незначительные проступки противъ благопристойности и приличій. Оскорбленіе Бога было слишкомъ растяжимое понятіе, и подъ него можно было подвести массу самыхъ разнородныхъ поступковъ. Такой режимъ поддерживался при помощи настоящаго шпіонства, вносившаго въ жизнь общества не мало и деморализаціи. Кромѣ фанатиковъ, которыхъ было особенно много среди иностранцевъ, въ Женевѣ были и люди, плохо мирившіеся съ такими строгостями, и противъ нихъ были направлены всѣ усилія Кальвина. Положеніе, которое Кальвинъ занималъ въ Женевѣ, можно сравнить съ диктатурой: такъ велико было его вліяніе на всѣ дѣла республики. Но Кальвину приходилось бороться и съ значительной оппозиціей. Недовольныхъ было много, между прочимъ, на приливъ иностранцевъ, вступавшихъ въ конкурренцію съ коренными жителями. Кары за такія провинности, какъ танцы, падали даже на высшихъ сановниковъ. Уже въ 1547 г. образовалась въ Женевѣ партія, желавшая бо̀льшаго подчиненія консисторіи и коллегіи пасторовъ городскому совѣту по цвингліанскому образцу, чѣмъ она вызвала къ себѣ сочувствіе въ Бернѣ и другихъ цвингліанскихъ кантонахъ. Члены этой партіи стали проникать въ городской совѣтъ, пользуясь чѣмъ, ихъ единомышленники устраивали пасторамъ враждебныя демонстраціи или демонстративно нарушали моральную дисциплину, оскорбляли французовъ и т. п. На улицахъ происходили схватки, дѣлались попытки возстанія (послѣдняя изъ нихъ была подавлена въ 1555 г.), составлялись заговоры на жизнь Кальвина или съ цѣлью его изгнанія, но враги Кальвина сами подвергались за это казнямъ и изгнанію.

Понятно, что свободнаго изслѣдованія кальвинизмъ не допускалъ: *догматизмъ, характеризующій требованія, которыя предъявлялись человѣческому уму средневѣковымъ католицизмомъ, былъ одною изъ характерныхъ чертъ системы Кальвина*. Образованіе, развитію котораго содѣйствовалъ онъ въ Женевѣ, было исключительно религіозное; свѣтскія науки находились не въ особенномъ почетѣ: чтеніе легкихъ литературныхъ произведеній (напр., рыцарскихъ романовъ) запрещалось. Въ 1547 г. былъ преданъ пыткамъ, а потомъ смертной казни нѣкто Грюэ. При обыскѣ у него нашли собственноручныя записки, въ которыхъ отвергалось безсмертіе души, Кальвинъ назывался мѣтящимъ въ папы шарлатаномъ и доказывалось, что наказанія должны налагаться за одни государственныя и уголовныя преступленія. Отклоненій отъ своей догмы Кальвинъ не допускалъ и

всячески преслѣдовалъ несогласныхъ: *его нетерпимость опять напоминаетъ католицизмъ*. Гумманистически образованный Кастелліонъ (Шатильонъ), одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ дѣятелей этой эпохи, понималъ не такъ, какъ Кальвинъ, кое-какія мѣста св. писанія, и женевскій реформаторъ говорилъ, что скорѣе готовъ былъ бы сдѣлаться папистомъ, чѣмъ Кастелліономъ. Его даже изгнали изъ Женевы, и онъ поселился въ Базелѣ, откуда продолжалъ полемизировать съ Кальвиномъ. Кастелліонъ въ этотъ вѣкъ религіозной нетерпимости выступилъ защитникомъ свободы совѣсти, и, конечно, Кальвинъ не могъ его переносить, хотя самъ вызвалъ его первоначально въ Женеву. Самымъ громкимъ дѣломъ, въ которомъ проявилась нетерпимость Кальвина, было сожженіе на кострѣ знаменитаго антитринитарія первой половины XVI вѣка Михаила Сервета [1]).

Мы видѣли, что антитринитаризмъ зародился въ умахъ нѣкоторыхъ сектантовъ еще въ двадцатыхъ годахъ XVI в. Одновременно съ Кальвиномъ явился и первый систематизаторъ антитринитаризма, Михаилъ Серветъ, человѣкъ недюжиннаго ума, громадной учености и стойкаго характера, соединявшій въ себѣ мистицизмъ въ духѣ цвиккаускихъ пророковъ съ раціонализмомъ итальянскихъ мыслителей XVI в. и потому въ исторіи антитринитаризма являющійся представителемъ эпохи, переходной между сектантствомъ мистическимъ и раціоналистическимъ.

Михаилъ Серветъ (Мигель Серведо), родившійся въ одномъ году съ Кальвиномъ, былъ родомъ испанецъ. Его готовили къ духовному званію и начали учить очень рано. Блестящія способности доставили Сервету, когда ему было едва пятнадцать лѣтъ, мѣсто секретаря у духовника Карла V, что̀ дало ему возможность побывать въ Италіи и Германіи. Живя въ разныхъ мѣстахъ, онъ изучалъ право и медицину (въ которой онъ достигъ большихъ знаній), математику и географію, но преимущественно онъ занимался религіозными вопросами, изучая сочиненія реформаторовъ, а также отцовъ церкви, особенно жившихъ до никейскаго собора. Сервету хотѣлось возстановить христіанство въ первоначальной апостольской чистотѣ. Особенно казалось ему сомнительнымъ церковное ученіе о троичности Божества. Плодомъ этихъ занятій Сервета было сочиненіе, вышедшее въ 1531 г. подъ заглавіемъ: „De trinitatis erroribus“. Издать его во Франціи, гдѣ въ то время жилъ его авторъ, было невозможно, и онъ для этого уѣхалъ въ Германію. Здѣсь онъ побывалъ между прочимъ въ Базелѣ, гдѣ Эколампадій тщетно старался склонить его на сторону

---

[1]) Серветъ первый до Везалія и Гарвея зналъ о дѣятельности легкихъ и ея вліяніи на кровообращеніе.

правовѣрія. Серветъ доказывалъ, что Іисусъ Христосъ былъ простымъ человѣкомъ, и что слово „Духъ“ употребляется въ св. писаніи въ различныхъ смыслахъ. Отрицая троичность, онъ называлъ христіанъ тритеистами, т.-е. трехбожниками. Книга быстро разошлась, но ее стали сжигать, какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ странахъ. Самъ Серветъ долженъ былъ бѣжать изъ Германіи и жить во Франціи подъ вымышленнымъ именемъ, занимаясь медицинской практикой. Эколампадій убѣждалъ Сервета переработать свой трудъ, измѣнить его основные взгляды. Серветъ обѣщалъ это сдѣлать, но на самомъ дѣлѣ сталъ проводить ихъ еще послѣдовательнѣе. Въ 1532 г. вышли въ свѣтъ его „Два діалога о Троицѣ“. Серветъ смотритъ здѣсь на себя, какъ на пророка, и выражаетъ увѣренность въ томъ, что другіе реформаторы за нимъ послѣдуютъ. Послѣ изданія „Двухъ діалоговъ“ онъ началъ писать главное свое сочиненіе „Возстановленіе христіанства“ (Christianismi restitutio), обширный трудъ въ 700 страницъ, который онъ выпустилъ въ свѣтъ только въ 1553 г. Въ этомъ трактатѣ онъ уже весьма рѣзко нападаетъ на реформаторовъ, которыхъ щадилъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, желая ихъ склонить на свою сторону, себя же считаетъ обѣтованнымъ утѣшителемъ. Сущность ученія сводилась къ слѣдующему: Богъ единъ и самъ въ себѣ непознаваемъ, будучи доступенъ познанію лишь посредственно, а именно въ двухъ модусахъ: въ модусѣ самовозвѣщенія, или Словѣ, и въ модусѣ самосообщенія, или Духѣ. Слово и Духъ не ипостаси, не лица Божества: Слово (λόγος) есть Божественный разумъ, который воплотился въ Іисусѣ Христѣ, а Духъ есть душа міра; соединившись съ тварнымъ дыханіемъ жизни, онъ составилъ душу Іисуса Христа. Христіанская вѣра есть упованіе, что человѣкъ Іисусъ Христосъ есть сынъ Божій, умершій и воскресшій ради нашего спасенія. Серветъ признаетъ крещеніе и причащеніе, но смотритъ на нихъ съ особой, мистической точки зрѣнія: чрезъ крещеніе сообщается человѣку духъ Христовъ, чрезъ причащеніе—тѣло Христово; это—новое рожденіе и новое питаніе; внутренній человѣкъ чрезъ эти таинства дѣлается состоящимъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоитъ преображенное тѣло и духъ Христа. Крещеніе, по мнѣнію Сервета, можно совершать только надъ взрослыми. Къ Римской церкви онъ, подобно Кальвину, относился съ крайнею враждебностью: онъ называетъ ее Вавилономъ, Содомомъ, идолопоклонствомъ, а католическихъ священниковъ—преемниками жрецовъ Марса, Изиды и Юноны. Съ протестантами онъ тоже полемизировалъ, доказывая необходимость добрыхъ дѣлъ, молитвы и аскетизма, а не одной только вѣры. Между прочимъ онъ обращается къ Іисусу Христу съ такою молитвою: „Іисусе Христе, сыне Божій, открой себя рабу Твоему, пис-

пошли мнѣ духъ Твой благой и слово Твое, направь умъ мой и перо мое, да возвѣщу славу Божественности Твоей и истинную вѣру въ Тебя. Сіе есть дѣло Твое, говорить о которомъ меня побуждаетъ какое-то божественное вдохновеніе: Ты самъ училъ, что не нужно скрывать свѣтильника подъ сосудомъ, и если я не стану проповѣдовать евангеліе, я совершу беззаконіе". Къ себѣ онъ примѣнялъ апокалипсическія пророчества и видѣлъ въ своей книгѣ знаменіе противъ царства антихриста, которому скоро придетъ конецъ. „Возстановленіе христіанства" не было еще напечатано, когда Серветъ вступилъ въ переписку съ Кальвиномъ, которому предложилъ нѣсколько богословскихъ вопросовъ и послалъ рукопись книги. Кальвинъ былъ страшно возмущенъ ея содержаніемъ и прямо заявилъ одному изъ своихъ сподвижниковъ, что если бы Серветъ попалъ въ Женеву, то живымъ оттуда не ушелъ бы. Серветъ въ это время жилъ въ Віеннѣ медицинской практикой, но подъ чужимъ именемъ. Онъ отпечаталъ свою книгу въ большомъ числѣ экземпляровъ, не выставивъ на ней, впрочемъ, ни своей фамиліи, ни названія типографіи. Однако, віеннскій архіепископъ притянулъ его къ суду по подозрѣнію въ авторствѣ. Сервету удалось, впрочемъ, снять съ себя подозрѣніе, и такъ какъ прямыхъ уликъ противъ него не было, то онъ былъ отпущенъ и остался жить въ Віеннѣ. Тогда Кальвинъ черезъ третье лицо сообщилъ католическому духовному суду письма Сервета, доказывавшія его авторство. Ученому віеннскому врачу пришлось бѣжать изъ города. Судъ приговорилъ какъ его самого, такъ и его книгу къ сожженію. Серветъ направился въ Неаполь, гдѣ было много испанцевъ и гдѣ онъ думалъ жить впредь медицинской практикой. Дорогой онъ остановился въ Женевѣ, но былъ узнанъ и арестованъ по доносу самого Кальвина, находившагося тогда въ борьбѣ съ оппозиціей и боявшагося, какъ бы Серветъ съ нею не соединился. Начался процессъ, во время котораго допросъ нерѣдко превращался въ теологическій диспутъ. Кальвинъ указывалъ на связь ученія Сервета съ политически опаснымъ анабаптизмомъ, и это обвиненіе сильно повредило Сервету въ глазахъ городского совѣта. Въ этомъ процессѣ столкнулись двѣ діаметрально-противоположныя точки зрѣнія: Серветъ отстаивалъ свободу совѣсти и указывалъ на примѣръ древней церкви, которая только отлучала и изгоняла еретиковъ, Кальвинъ ссылался на законы византійскихъ императоровъ, повелѣвавшіе казнить еретиковъ смертью. Скоро въ Віеннѣ узнали, что Серветъ арестованъ въ Женевѣ, и потребовали его выдачи, но женевскій городской совѣтъ, побуждаемый Кальвиномъ и съ согласія другихъ швейцарскихъ церквей, рѣшилъ предать еретика и богохульника казни посредствомъ сожженія: не хотѣли даже уступить его католическому епископу, желавшему предать его

такой же казни. Фарель, не жившій въ Женевѣ, нарочно даже пріѣхалъ на казнь Сервета; Меланхтонъ также оправдывалъ сожженіе богохульника. *Казнь Сервета яснѣе всего доказываетъ, съ какою полнотою и силою возродились въ кальвинизмѣ, бывшемъ столь радикальною формою протестантизма, культурные принципы средневѣковаго католицизма.* Кальвинъ первый въ протестантскомъ лагерѣ порвалъ съ просвѣтительными стремленіями предыдущей эпохи. Не всѣ, однако, одобрили Кальвина. Самымъ рѣзкимъ образомъ выступилъ противъ него по поводу сожженія Сервета Кастелліонъ (подъ псевдонимомъ Беллія) въ особомъ сочиненіи, надѣлавшемъ въ свое время много шума. Кальвинъ вынужденъ былъ оправдывать свою точку зрѣнія въ „Defensio orthodoxae fidei de sacra Trinitate contra prodigioses errores M. Serveti“.

Историческое значеніе кальвинизма заключается такимъ образомъ въ его появленіи въ эпоху ослабленія другихъ формъ протестантизма и усиленія католической реакціи, въ его универсализмѣ, въ систематизаціи протестантизма, какъ вѣроученія въ новой организаціи, какую получалъ протестантизмъ, въ его церковныхъ учрежденіяхъ, въ ригоризмѣ и стоицизмѣ, въ которыхъ воспитывались его послѣдователи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и фанатизмѣ, характеризующемъ прежде всего самого Кальвина. Женевскій закалъ направлялся не на одну религію, но и на политику. *Кальвинъ положилъ начало политическому ученію, получившему религіозную санкцію и сдѣлавшемуся своего рода догматомъ вѣры въ политическихъ движеніяхъ второй половины XVI в.* (и въ XVII в. въ Англіи). Женевскій реформаторъ насчитывалъ три государственныя формы: монархію, аристократію и демократію. Первая (la seigneurie et domination d'un seul homme), по его словамъ, влечетъ за собою общее рабство (une servitude commune de tous), а послѣдняя — анархію. Лучшею формою онъ признавалъ аристократію (la plus passable et la plus sûre est que plusieurs gouvernent aidans les uns aux autres), полагая, что власть должна принадлежать людямъ, выдающимся своими добродѣтелями, знаніями, и опытностью: вѣдь и Богъ приказалъ Моисею выбрать семьдесятъ мужей для управленія Израилемъ. Отдавая свѣтскимъ властямъ безусловное право надъ подданными и требуя отъ послѣднихъ безусловнаго повиновенія, такъ какъ и дурные правители поставляются Богомъ иногда въ наказаніе народу, по свидѣтельству св. писанія, Кальвинъ дѣлалъ, однако, исключеніе для тѣхъ случаевъ, когда за народную свободу заступаются собранные государственные чины, поставленные по волѣ Божіей именно для того, чтобы охранять интересы народа, и когда государь требуетъ чего-либо противнаго велѣніямъ Божіимъ. Эти двѣ *оговорки должны были получить особое значеніе въ*

эпоху, когда, съ одной стороны, шла борьба между королевскою властью и сословно-представительными учрежденіями, и когда, съ другой, католическіе государи преслѣдовали протестантскихъ подданныхъ. Еще при жизни Кальвина и вскорѣ послѣ его смерти въ отдѣльныхъ странахъ—во Франціи, въ Шотландіи, въ Нидерландахъ—начиналась борьба подданныхъ съ государями, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшая этимъ оговоркамъ: кальвинизмъ давалъ религіозную санкцію этой политической оппозиціи.

По смерти Кальвина руководящее значеніе въ его церкви долгое время принадлежало его ученику Теодору де-Безу (de Bèze), болѣе извѣстному по своему латинизированному имени Безы: происходя изъ знатной бургундской фамиліи, получивъ блестящее юридическое и классическое образованіе, онъ отказался отъ богатствъ и почестей и вмѣстѣ съ своей невѣстой уѣхалъ въ 1548 г. въ Женеву, сдѣлался преданнѣйшимъ ученикомъ Кальвина (защищая, напр., и сожженіе Сервета), былъ одно время профессоромъ въ Лозаннѣ, потомъ въ Женевѣ, гдѣ и занялъ мѣсто Кальвина послѣ его смерти. Въ концѣ XVI и началѣ XVII в. онъ былъ въ глазахъ кальвинистовъ патріархомъ реформаціи. Особенно сильно было его вліяніе на французскія дѣла въ эпоху религіозныхъ войнъ.

XVII. Монархическія реформаціи первой половины XVI вѣка [1]).

Пріемъ, положенный въ основу дальнѣйшаго изложенія. — Вопросъ объ отношеніи королей къ реформаціи. — Различіе между первой и второй половиной XVI вѣка. — Францискъ I и Сигизмундъ Старый. — Секуляризація Пруссіи. — Реформація въ Даніи и Швеціи.—Христіанъ II.—Фридрихъ I и утвержденіе реформаціи въ Даніи.—Густавъ Ваза и шведская реформація.—Вестеросскій сеймъ и его послѣдствія. — Важность исторіи англійской реформаціи. — Ея причины.— Генрихъ VIII. — Уничтоженіе папскаго главенства и установленіе королевской супрематіи.—Реформація Генриха VIII и Эдуарда VI.—Англиканская церковь.— Мысль о королевской реформаціи въ Польшѣ.

Въ предыдущемъ мы познакомились съ исторіей реформаціи въ Германіи и Швейцаріи въ связи съ религіозными и соціально-полити-

---

[1]) Сочиненія по исторіи скандинавской и англійской реформаціи названы выше, на стр. 11. Отмѣтимъ здѣсь еще новѣйшее сочиненіе *D. Hague.* The church of England before the Reformation. О вліяніи реформаціи на политическую и соціальную исторію Англіи рѣчь идетъ ниже въ главѣ XXXII. О секуляризаціи Пруссіи см. *Kolberg.* Die Einführung der Reformation im Ordenslande Preussen. *Н. Любовичъ.* Альбрехтъ, герцогъ прусскій, и реформація въ Польшѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1885 г.). Изъ многотомнаго труда *Fryxell'я* (Berättelser ur svenska historian) часть труда, относящаяся къ правленію

ческими движеніями въ этихъ странахъ и съ исторіей возникновенія трехъ основныхъ формъ ортодоксальнаго протестантизма, указавъ при этомъ на пункты сходства и пункты различія реформаціи въ обѣихъ странахъ и въ трехъ главныхъ ея проявленіяхъ. Къ дальнѣйшему разсмотрѣнію реформаціи мы тоже примѣняемъ пріемъ сравненія сходствъ и различій въ ея ходѣ и характерѣ въ отдѣльныхъ странахъ, принимая въ расчетъ тѣ вопросы, которые необходимо ставить, изучая исторію реформаціи въ каждой странѣ, и исходя изъ той идеи, что мѣстныя видоизмѣненія реформаціи зависѣли отъ историческихъ условій отдѣльныхъ странъ. Мы знаемъ, что она начиналась или сверху, по инипіативѣ правительства, или снизу, по иниціативѣ народа и даже вопреки усиліямъ правительства. Въ общемъ первый періодъ реформаціонной исторіи характеризуется (кромѣ Швейцаріи) правительственными реформаціями, усиливающими монархическую власть, второй періодъ—реформаціями народными, получающими въ политическомъ отношеніи характеръ оппозиціи противъ королевской власти, въ чемъ главнымъ образомъ и состоитъ связь религіозной реформаціи съ политическими вопросами XVI вѣка. Съ другой стороны, мы знаемъ также, что въ церковныхъ преобразованіяхъ этой эпохи рѣшающее значеніе принадлежало вообще внѣцерковнымъ сферамъ, а въ частности и болѣе всего — свѣтской власти. Такъ какъ главною политическою формою Западной Европы была въ ту эпоху сословная монархія, стремившаяся, однако, сдѣлаться абсолютною, то весьма естественно прежде всего поставить вопросъ, какъ отнеслись европейскіе короли къ реформаціи, дававшей имъ, какъ мы это видѣли на примѣрѣ нѣмецкихъ князей, возможность освободиться отъ папы, подчинить себѣ мѣстное духовенство, забрать въ свои руки церковныя имущества и даже сдѣлаться господами надъ совѣстью своихъ подданныхъ. Римская курія давно уже стѣсняла свободу государей и вызывала противъ себя съ ихъ стороны оппозицію, да и мысль о секуляризаціи церковной собственности равнымъ образомъ не была совершенно новой; кромѣ того, зарождавшійся абсолютизмъ и прежде стремился расширить сферу вѣдѣнія государственной власти на всѣ проявленія общественной жизни. Понятно, что въ виду всего этого *реформація для государей была удобнымъ случаемъ осуществить свои политическія стремленія*. Но въ дѣлѣ была и другая сторона: при извѣстныхъ условіяхъ католическіе порядки могли представлять для королей и большія выгоды, а новыя ученія между тѣмъ заключали въ себѣ зародыши политическихъ смутъ и несогласныхъ съ ко-

Густава Вазы, переведена по-нѣмецки *Экендалемъ* (*Fryxell*. Gustav Wasas Leben). Кромѣ того, см. *проф. Г. В. Форстенъ*. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ (т. I).—*Дементьевъ*. Введеніе реформаціи въ Швеціи.

ролевскими стремленіями воззрѣній, такъ что *въ иныхъ отношеніяхъ для государей было, пожалуй, выгоднѣе поддерживать католицизмъ.* Отсюда двойственность отношенія королей къ реформаціи, та самая двойственность, которую мы видѣли уже въ Германіи, гдѣ одни изъ князей приняли протестантизмъ, другіе остались вѣрными старой церкви. И у тѣхъ, и у другихъ существовали при этомъ свои политическіе мотивы, но *несомнѣненъ и элементъ религіознаго убѣжденія, однихъ въ ложности католицизма, другихъ, наоборотъ, въ заблужденіи протестантизма.* Впрочемъ, хотя искренній протестантизмъ такихъ нѣмецкихъ князей, каковы саксонскіе курфюрсты этой эпохи, или католическая нетерпимость, напримѣръ, Георга Саксонскаго, не подлежатъ сомнѣнію, но и у католика Карла V, и у протестанта Морица Саксонскаго политическія соображенія все-таки доминировали надъ религіозными. Можно сказать, что вообще *католическіе государи первой половины XVI вѣка въ сравненіи со своими преемниками второй половины того же столѣтія производятъ впечатлѣніе болѣе политиковъ, чѣмъ фанатиковъ.* Поэтому, разсматривая ихъ отношеніе къ реформаціи, приходится имѣть въ виду не столько ихъ убѣжденія, сколько интересы. Передъ началомъ реформаціоннаго движенія элементъ религіознаго убѣжденія былъ вообще еще слабъ. Въ это время совершалась секуляризація жизни индивидуума и государства, проявившаяся въ гуманистической морали и наукѣ и въ свѣтскомъ характерѣ теоретической и практической политики, далекой отъ какого бы то ни было фанатизма. Большая часть монарховъ первой половины XVI вѣка получила воспитаніе именно въ такомъ духѣ. Иное дѣло—вторая половина XVI вѣка: это была эпоха, когда столкнулись между собою два фанатизма: фанатизмъ воинствующаго кальвинизма и фанатизмъ католической реакціи, когда трудно было и отвлеченнымъ мыслителямъ, и практическимъ дѣятелямъ соблюдать нейтралитетъ между Женевой и Римомъ. Если, однако, и тогда политическіе интересы, даже у такихъ фанатиковъ, какимъ былъ Филиппъ II, не могли стушеваться передъ требованіями католической реакціи, тѣмъ болѣе должны они были играть роль до наступленія эпохи крайняго фанатизма. Самъ Карлъ V, будучи врагомъ протестантизма, относился къ нему непріязненно скорѣе съ политической, а не съ религіозной точки зрѣнія, дѣлая ему, когда того требовали обстоятельства, уступки или собственною властью рѣшая религіозные вопросы вопреки папѣ, а также предписывая тридентскому собору примирительную программу. И часть нѣмецкихъ князей была отвращена отъ реформаціи больше или боязнью разнаго рода смутъ, или уступками, какія имъ дѣлало папство.

Но то же, что̀ случилось съ нѣмецкими князьями, могло повто-

риться и съ другими государями. Можно указать и на такихъ королей, которымъ не зачѣмъ было стремиться къ реформаціи, и на такихъ, которые, наоборотъ, сами ее вводили.

Первое относится къ королямъ французскому и польскому. Францискъ I (1515—1547) и Сигизмундъ I (1506—1548), царствовавшіе въ первой половинѣ XVI вѣка, не имѣли ни малѣйшей надобности бросаться въ реформацію, такъ какъ отношенія ихъ къ папству были удовлетворительны. По болонскому конкордату съ Львомъ X (1516 г.) французскій король получилъ право замѣщенія всѣхъ высшихъ церковныхъ должностей въ государствѣ. Это вполнѣ отдавало въ его руки мѣстное духовенство, за что онъ уступалъ папѣ прежніе доходы съ галликанской церкви, отмѣненные въ XV в. буржской прагматической санкціей. Польскій король имѣлъ тѣ же права гораздо ранѣе и за болѣе дешевую цѣну, такъ какъ Польшѣ удалось выхлопотать себѣ право не платить многихъ поборовъ въ Римъ; немногіе спорные пункты были тоже благополучно разрѣшены конкордатомъ Сигизмунда I съ Климентомъ VII (1525). Такимъ образомъ *оба государя были достаточно независимы отъ папы и имѣли обширную власть надъ національнымъ духовенствомъ. Съ другой стороны, оба видѣли въ реформаціи опасное движеніе, грозящее внутренними смутами.* Францискъ I отнесся сначала къ реформаціи индифферентно, но въ 1525 г. папа Климентъ VII убѣдилъ его, что протестанты—бунтовщики противъ власти. Безпорядки, произведенные въ Парижѣ протестантами въ 1535 г., заставили его принять противъ ереси самыя крутыя мѣры. Въ эдиктѣ 1543 г. реформаты были названы „возмутителями и нарушителями общественнаго спокойствія, бунтовщиками противъ короля и правосудія, заговорщиками противъ государственнаго благоденствія, зависящаго по преимуществу отъ сохраненія чистоты католической религіи“. Французскій король держался принципа: „un roi, une loi, une foi“ (одинъ король, одинъ законъ, одна вѣра), и находилъ, что „всѣ эти секты служатъ не столько назиданію душъ, сколько потрясенію государствъ“. На ту же чисто политическую точку зрѣнія еще ранѣе его сталъ и Сигизмундъ I, которому даже пришлось усмирять возстаніе въ Данцигѣ, получившее реформаціонный характеръ. На нововѣріе онъ смотрѣлъ очень просто: „перестали платить десятину духовенству, чего добраго—перестанутъ платить подати государству“. Вообще его эдикты противъ „лютеровой ереси“ полны соображеніями подобнаго рода. Эдикты 1520 и 1522 г., запрещавшіе ввозъ сочиненій Лютера, указываютъ на ихъ опасность для существующаго порядка вещей и спокойствія государства (contra mores et instituta patrum... ac in perturbationem communis status); „что останется въ жизни твердаго и прочнаго, коль

скоро каждому будетъ дозволено по собственному разумѣнію и произволу судить и рядить о вещахъ божественныхъ и *даже* человѣческихъ" (tam de divinis, quam *etiam* humanis rebus)? Эдиктъ 1523 г. противъ ввоза, распространенія и чтенія лютеровыхъ книгъ, грозившій костромъ всѣмъ ослушникамъ, также говоритъ: все это ведетъ только къ смутѣ и происходитъ отъ неповиновенія власти, „которая должна охранять единство и спокойствіе у подданныхъ ей народовъ, а это возможно лишь при томъ условіи, если божескія и человѣческія учрежденія, утвержденныя долговременнымъ обычаемъ и всеобщимъ одобреніемъ, будутъ охраняться и поддерживаться, мятежные же люди, желающіе быть умнѣе, чѣмъ нужно,—наказываться". Еще эдиктъ того же года указывалъ на то, что „послѣ нападенія на религію захотятъ все мутить, а это, какъ свидѣтельствуютъ многіе примѣры, приводитъ къ бунтамъ и къ гибели государствъ". Подавляя протестантизмъ въ собственныхъ владѣніяхъ, и Францискъ I, и Сигизмундъ I, однако, *помогали реформаціи внѣ своихъ государствъ*. Французскій король вступалъ въ союзъ съ нѣмецкими протестантскими князьями противъ Карла V; не безъ французскихъ денегъ произошла и реставрація герцога вюртембергскаго, сопровождавшаяся введеніемъ лютеранства въ его княжествѣ. Когда въ 1546 г. папа Павелъ III склонялъ Польшу къ вмѣшательству въ шмалькальденскую войну, Сигизмундъ I запретилъ своимъ подданнымъ принимать въ ней участіе на томъ основаніи, что онъ связанъ одинаковыми узами дружбы съ обѣими враждующими сторонами, т.-е. и съ католическимъ императоромъ, и съ протестантскими князьями. Но самый замѣчательный фактъ въ исторіи отношеній Сигизмунда къ реформаціи, это—его согласіе на секуляризацію Пруссіи. Въ 1525 г. гросмейстеръ тевтонскаго ордена Альбрехтъ Бранденбургскій задумалъ, оставивъ духовное званіе, превратить владѣнія ордена въ свѣтское наслѣдственное герцогство въ ленной зависимости отъ Польши. Сигизмундъ I не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что Альбрехтъ, собственно говоря, былъ клятвопреступникъ, вѣроотступникъ и святотатецъ, и торжественнымъ актомъ принятія присяги отъ новаго герцога, пріѣхавшаго лично для этого въ Краковъ, онъ санкціонировалъ превращеніе духовнаго владѣнія въ свѣтское герцогство.

Секуляризація Пруссіи имѣетъ и другое значеніе: владѣнія тевтонскаго ордена были *первою страною внѣ тогдашней Германіи* (исключая Швейцарію), *гдѣ произведена была реформація*, не говоря уже о важной политической сторонѣ этого факта [1]). Новый герцогъ

[1]) Этимъ создана была Пруссія, позднѣе соединившаяся съ Бранденбургомъ. Впослѣдствіи по стопамъ Альбрехта Бранденбургскаго пошли гросмейстеръ Меченосцевъ Плеттенбергъ (въ Лифляндіи) и Кеттлеръ (въ Курляндіи).

утвердилъ прежнія права своихъ подданныхъ, а прусскій сеймъ призналъ краковскій договоръ, что также было однимъ изъ первыхъ случаевъ участія сословно-представительнаго собранія въ реформаціи. Этимъ открывался доступъ лютеранству на побережье Балтійскаго моря, что дополнялось принятіемъ вскорѣ затѣмъ реформаціи въ Даніи и Швеціи.

Царствовавшіе въ это время короли датскій и шведскій находились въ положеніи иного рода, чѣмъ короли французскій и польскій: имъ, наоборотъ, прямо выгодно было ввести у себя реформацію. Въ 1397 году состоялось подъ главенствомъ Даніи политическое объединеніе скандинавскихъ государствъ, извѣстное подъ названіемъ кальмарской уніи, но въ началѣ XVI вѣка эта унія распалась, когда датскій король Христіанъ II (1513—1523) возбудилъ противъ себя возстаніе сначала въ Швеціи, а потомъ и въ самой Даніи, причемъ въ Швеціи королемъ сдѣлался вождь возстанія Густавъ Ваза (1523—1560), а въ Даніи—дядя Христіана II, герцогъ шлезвигъ-голштинскій Фридрихъ I (1523—1533).

Въ Даніи власть короля ограничивалась капитуляціями (Handfeste), которыми строго опредѣлялись его права. Государь не могъ предпринимать ничего важнаго безъ согласія государственнаго совѣта и долженъ былъ блюсти весьма обширныя права духовенства и дворянства. Уже Христіанъ II, стремившійся къ усиленію своей власти и съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣвшій на самостоятельность и могущество датской церкви, задумалъ-было воспользоваться реформаціей въ интересахъ королевской власти. Находясь въ родствѣ съ курфюрстомъ саксонскимъ и нашедши сочувствіе въ кружкѣ лицъ, ставшихъ на сторону Лютера, онъ отправилъ ректора одной копенгагенской школы въ Виттенбергъ гдѣ тотъ долженъ былъ выбрать проповѣдника для Даніи. Вскорѣ послѣ этого прибыли въ Копенгагенъ два нѣмца (Мартинъ Рейнгардтъ и Матвѣй Габлеръ) и начали здѣсь проповѣдь новаго ученія. Христіанъ II, кромѣ того, издалъ указъ, запрещавшій обращать вниманіе на папскую буллу противъ Лютера (1520), и даже пригласилъ къ себѣ Карльштадта, который и пріѣхалъ на короткое время въ Копенгагенъ. Такимъ образомъ Христіанъ II былъ однимъ изъ первыхъ монарховъ, понявшихъ, какія выгоды представляла реформація для усиленія королевской власти. Но не ему пришлось довести это дѣло въ Даніи до конца. Самовластіемъ своимъ въ Швеціи, гдѣ онъ тоже опирался на соперничество между духовенствомъ и дворянствомъ, особенно извѣстной „стокгольмской бойней“ 1520 г. (казнями знатнѣйшихъ лицъ изъ духовенства, дворянъ и горожанъ) онъ вызвалъ въ Швеціи цѣлую національную революцію, окончившуюся возведеніемъ на престолъ Густава-Адольфа. Но и въ

Даніи дворянство и духовенство были противъ него сильно возбуждены, и онъ былъ лишенъ престола, переданнаго его дядѣ Фридриху. Шлезвигъ-голштинскій герцогъ, дѣлаясь королемъ Даніи, обязался въ своемъ „Handfeste“ не допускать въ церквахъ лютеранской проповѣди подъ страхомъ строгаго наказанія. Въ это время датское духовенство мечтало о созданіи національно-католической церкви на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ, какія были приняты въ церкви галликанской, но дворянство не желало усиленія клира; въ народѣ же, благодаря сосѣдству и политической связи съ герцогствомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ, уже весьма популярными дѣлались лютеранскіе проповѣдники. Между тѣмъ король и не думалъ исполнять своего обѣщанія. Трудно что-либо сказать съ увѣренностью о религіозномъ настроеніи Фридриха I. Правда, онъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ новому ученію, но неизвѣстно, что̀ именно нравилось ему въ этомъ ученіи, догматы или политическая сторона. Какъ бы тамъ ни было, уже въ 1526 г. король возбудилъ противъ себя неудовольствіе духовенства несоблюденіемъ постовъ и выдачею своей дочери замужъ за герцога прусскаго, только-что перемѣнившаго вѣру и секуляризовавшаго владѣнія тевтонскаго ордена. На сеймѣ въ Одензе (1526—1527) Фридрихъ I сначала предложилъ духовенству требовать утвержденія въ духовномъ санѣ и пожалованія прелатурами не у папы, а у архіепископа Даніи, и отчислять въ государственную казну деньги, высылавшіяся раньше въ римскую курію, а дворянство къ этому прибавило требованіе не отдавать впредь земель подъ залогъ или въ пользованіе церквамъ и монастырямъ. Епископы, съ своей стороны, выразили желаніе, чтобы имъ дано было право наказывать отступавшихъ отъ католическихъ догматовъ. Король не согласился на такое требованіе, заявивъ, что „вѣра свободна“, что „король не можетъ заставить кого бы то ни было вѣрить такъ или иначе“, такъ какъ „ему принадлежитъ власть надъ жизнью и имуществомъ, но не надъ душою: поэтому пусть каждый живетъ свободно и исповѣдуетъ религію, какую желаетъ“. Сеймъ издалъ формальный эдиктъ о терпимости лютеранства. Духовенство потерпѣло пораженіе, и Фридрихъ I вскорѣ затѣмъ началъ назначать на епископскія должности угодныхъ ему лицъ, дѣйствуя, какъ глава церкви, такъ какъ король же и утверждалъ епископа въ его санѣ. Въ 1529 г. протестантизмъ утвердился въ самой столицѣ. Фридрихъ I сумѣлъ воспользоваться настроеніемъ партій, чтобы сдѣлаться господиномъ положенія. Онъ сталъ отдавать въ ленное владѣніе дворянамъ монастыри, насильно изгоняя изъ нихъ монаховъ, но въ то же время онъ не давалъ большой воли новымъ проповѣдникамъ, опасаясь настроенія низшихъ классовъ населенія, продолжав-

шихъ льнуть къ Христіану II. Такъ подготовлено было полное введеніе реформаціи въ Даніи, относящееся уже ко времени, наступившему послѣ смерти Фридриха I. Католики хотѣли возвести на престолъ старшаго сына короля (Іоанна), протестанты — младшаго, который послѣ нѣкоторой борьбы сдѣлался королемъ подъ именемъ Христіана III (1534—1559). Въ его царствованіе рядомъ мѣръ, не останавливавшихся передъ насиліемъ, и утвердилась реформація въ Даніи, гдѣ былое *могущество и владѣнія духовенства подѣлили между собою королевская власть и свѣтская аристократія.*

То же самое, въ одно и то же время и такимъ же образомъ, произошло и въ Швеціи. Къ началу XVI в. здѣсь власть была въ рукахъ дворянства и духовенства; послѣднему въ Швеціи принадлежало болѣе половины поземельной собственности. Густавъ Ваза былъ возведенъ на престолъ народнымъ движеніемъ, и дворянство только противъ собственной воли согласилось на его избраніе. У новаго короля не было почти никакихъ средствъ, а между тѣмъ расходы предстояли большіе: нужно было уплатить значительный долгъ Любеку за помощь въ войнѣ, да и югъ Швеціи оставался еще въ рукахъ датчанъ: вотъ у Густава Вазы и явились тѣ же мысли, что и у Фридриха I. Можно думать, что въ первое время, по крайней мѣрѣ, практическія выгоды плѣняли его гораздо болѣе, чѣмъ внутреннее содержаніе новаго ученія, и только постепенно онъ превратился въ ревностнаго реформатора. Во всякомъ случаѣ въ основѣ его поведенія лежала государственная мысль—сокрушить политическую силу духовенства и обогатиться его имуществами, хотя бы и подѣлившись ими съ свѣтской аристократіей. Но Густаву Вазѣ это сдѣлать нужно было еще такимъ образомъ, чтобы не возбудить противъ себя другихъ общественныхъ классовъ, особенно крестьянъ, на которыхъ онъ опирался въ началѣ своей политической карьеры.

Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. лютеранство уже проникало въ Швецію, и среди шведовъ уже явились свои проповѣдники, Олай и Лаврентій Петерсены и Лаврентій Андерсонъ (Andreae). Густавъ Ваза сталъ имъ оказывать покровительство, хотя католики и обращали его вниманіе на то, что новое ученіе могло принять демократическій характеръ: принадлежность извѣстныхъ имуществъ церкви не въ смыслѣ іерархіи, а въ смыслѣ общины вѣрующихъ (communio bonorum ecclesiae) легко было истолковать въ смыслѣ раздѣла ихъ между членами общины (divisio bonorum inter membra ecclesiae). Затѣмъ Густавъ, самъ думавшій, конечно, не о такой секуляризаціи имуществъ духовенства, началъ помимо папы, одною собственною властью, назначать на епископскія мѣста, поручилъ шведскимъ реформаторамъ сдѣлать переводъ Библіи, а въ 1527 г. созвалъ въ Вестеросѣ сеймъ,

съ представителями городского и крестьянскаго сословій и рѣшилъ поставить ребромъ на этомъ сеймѣ вопросъ объ отношеніи между церковью и государствомъ.

Прежде всего на этомъ сеймѣ король потребовалъ увеличенія своихъ средствъ и, встрѣтивъ несочувствіе, объявилъ, что отрекается отъ престола. Между сословіями начались распри, и дѣло кончилось тѣмъ, что они убѣдили короля отказаться отъ своего намѣренія и согласились на всѣ угодныя ему нововведенія, пожертвовавъ ему духовенствомъ. Сеймовый „рецессъ“ состоялъ изъ четырехъ статей: въ первой предлагались мѣры къ усмиренію возстаній и открытію заговоровъ общими силами всѣхъ сословій; второю вмѣнялось епископамъ помогать королю деньгами и передать ему свои замки и крѣпости, а также отдавалось въ королевское распоряженіе все церковное имущество, какое остается за вознагражденіемъ духовныхъ лицъ, надъ монастырями же ставился королевскій чиновникъ, который долженъ былъ отбирать въ казну излишекъ доходовъ съ ихъ имѣній и опредѣлять число монашествующихъ лицъ; третьею статьею дворяне вознаграждались за военныя издержки церковными и монастырскими ленами, отошедшими отъ нихъ къ духовенству и монастырямъ послѣ 1454 г.; четвертою, наконецъ, рѣшено было не подымать болѣе вопроса о религіозныхъ спорахъ. Густавъ Ваза, такимъ образомъ подѣлившійся съ дворянствомъ имуществами церкви, въ 1528 г. торжественно короновался, а сеймы 1544 и 1545 гг. сдѣлали его власть наслѣдственною. Сначала онъ довольствовался частью доходовъ съ церковныхъ земель, но потомъ онъ наложилъ на нихъ болѣе тяжелую руку, начавъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначать священниковъ помимо епископовъ и запретивъ послѣднимъ (1533 г.) производить какія бы то ни было реформы въ церкви безъ его согласія. Въ заключеніе всего онъ ввелъ въ Швеціи новую систему церковнаго устройства, учредивъ (1539 г.) должность королевскаго ординатора и суперинтендента съ правомъ назначать и смѣнять духовныхъ лицъ и ревизовать церковныя учрежденія, не исключая епископствъ. (Должность епископовъ была сохранена, но власть ихъ была ограничена консисторіями; епископы остались и членами сейма). До реформаціи шведское духовенство (включая и финляндское) получало 170 т. марокъ, а послѣ — лишь 25 т., т.-е. доходы его уменьшились почти въ семь разъ. Реформація вводилась въ Швеціи мирными средствами, и никто за вѣру казненъ не былъ; даже очень рѣдко подвергали удаленію отъ должностей. Когда, однако, тяжелые налоги возбудили въ народѣ неудовольствіе, этимъ воспользовались нѣкоторыя духовныя лица и дворяне, чтобы поднять мятежъ, но онъ былъ скоро подавленъ, какъ было подавлено и возстаніе далекарлійскихъ крестьянъ, оказавшихъ сопротивленіе продажѣ церков-

ныхъ колоколовъ. Такимъ образомъ и въ Швеціи *реформація была произведена королевскою властью, которая и здѣсь должна была, однако, подѣлиться частью церковныхъ имуществъ съ свѣтской аристократіей.*

За примѣромъ Даніи и Швеціи послѣдовала Англія. Исторія реформаціи въ Англіи представляетъ особый интересъ. Во-первыхъ, въ Англіи образовалась особая протестантская церковь, чисто національно-государственная, извѣстная подъ названіемъ англиканской или епископальной,—церковь, представляющая собою нѣчто среднее между католицизмомъ и евангелическими церквами, возникшими на континентѣ. Во-вторыхъ, церковь эта, возникшая по королевской волѣ и сохранившая въ полной силѣ епископатъ, получила монархическій и аристократическій характеръ, сдѣлавшись поэтому факторомъ усиленія королевской власти. Въ-третьихъ, рядомъ съ королевской реформаціей въ Англіи произошла реформація народная, результатомъ которой былъ пуританизмъ, бывшій мѣстною разновидностью кальвинизма и развившій изъ себя сектантство. Въ-четвертыхъ, между этими двумя реформаціями произошла борьба, соединившаяся съ борьбою между королевскою властью и парламентомъ, и пуритане въ политическомъ отношеніи явились защитниками принципа свободы, а въ XVII в. даже выдѣлили изъ себя республиканскую партію индепендентовъ. Наконецъ, секуляризація церковной собственности, произведенная въ Англіи, въ значительной степени содѣйствовала соціальному перевороту, происходившему въ странѣ съ конца среднихъ вѣковъ. Здѣсь мы соотвѣтственно съ задачею этой главы ограничимся пока только исторіей возникновенія королевской реформаціи въ Англіи.

Въ началѣ XVI в. въ Англіи были весьма сильны національно-политическая оппозиція противъ Рима и соціальная оппозиція свѣтскихъ классовъ общества противъ духовенства. Существованіе этой оппозиціи необходимо имѣть въ виду, дабы англійская реформація не могла казаться дѣломъ одного личнаго произвола, слишкомъ бросающагося въ глаза при поверхностномъ знакомствѣ съ фактами. Замѣтимъ еще, что однѣ причины реформаціоннаго движенія были свѣтскія (національныя, политическія и соціальныя), другія—религіозныя (моральныя и интеллектуальныя), и что въ Англіи начала XVI в. рѣшительно преобладали первыя: *настоящее религіозное движеніе въ Англіи началось гораздо позднѣе отторженія страны отъ римской церкви,* такъ что послѣдній фактъ имѣлъ подкладку болѣе политическую, чѣмъ религіозную. Благодаря усиленію королевской власти въ Англіи съ вступленіемъ на престолъ династіи Тюдоровъ (1485), въ политикѣ въ это время рѣшающій голосъ принадлежалъ королю, чѣмъ и объясняется *отпаденіе Англіи отъ Рима по волѣ короля при поддержкѣ послушнаго ему парламента,* бывшаго тѣмъ не менѣе въ

этомъ дѣлѣ выразителемъ національно-политической оппозиціи Риму и соціальной оппозиціи духовенству. Царствовавшій тогда въ Англіи король, Генрихъ VIII (1509—1547), въ началѣ и въ концѣ своего правленія держалъ себя различнымъ образомъ по отношенію къ католической церкви. Въ первый періодъ его отношеніе къ реформаціи было совершенно такое же, какъ и у современныхъ ему французскаго и польскаго королей, только съ большею еще ревностью къ защитѣ католицизма: между прочимъ, онъ писалъ письма нѣмецкимъ князьямъ, убѣждая ихъ, что лютеранская ересь опасна не только для церкви, но и для государства, а въ самой Англіи онъ сдерживалъ парламентскую оппозицію противъ куріи и клира, вытекавшую изъ побужденій мірского характера. Наоборотъ, во второй періодъ онъ идетъ по стопамъ королей датскаго и шведскаго и нѣмецкихъ протестантскихъ князей, не только уже не сдерживая парламентъ, но прямо пользуясь его настроеніемъ, чтобы утвердить надъ англійскою церковью, вмѣсто папской власти, свою собственную.

При жизни своего старшаго брата Артура Генрихъ VIII готовился своимъ отцомъ къ духовному сану, чтобы стать современемъ архіепископомъ кентерберійскимъ. Поэтому его учили теологіи, занятія которою онъ не оставлялъ и впослѣдствіи, сдѣлавшись наслѣдникомъ престола и наконецъ королемъ. Въ 1521 г. онъ даже написалъ противъ Лютера „Защиту семи таинствъ" (Assertio septem sacramentorum), гдѣ между прочимъ доказывалъ божественное установленіе папской власти. За это Лютеръ обрушился на него съ неприличною бранью, бывшею тогда въ ходу въ качествѣ полемическаго пріема, но папа Левъ X далъ королю-богослову титулъ „защитника вѣры" (defensor fidei) и написалъ ему льстивое письмо, гдѣ говорилось, что его сочиненіе написано подъ наитіемъ Св. Духа. Генрихъ VIII сдѣлался поэтому, такъ сказать, личнымъ врагомъ реформаціи, преслѣдуя всѣхъ, кто сколько-нибудь впадалъ въ ересь. Въ Англіи существовалъ строгій законъ de haeretico comburendo, изданный еще въ эпоху подавленія движенія, вызваннаго Виклифомъ, и строго примѣнявшійся еще въ началѣ царствованія Генриха VIII, когда самое имя Лютера было неизвѣстно; напримѣръ, въ одномъ 1511 г. и притомъ въ одномъ только кентскомъ церковномъ округѣ было сожжено пять еретиковъ, а остальные, арестованные вмѣстѣ съ ними, спаслись отъ смерти лишь раскаяніемъ. Причина перемѣны въ отношеніи Генриха VIII къ католицизму заключалась въ размолвкѣ этого своенравнаго и своевольнаго короля съ папой по поводу задуманнаго имъ бракоразводнаго дѣла [1]). Еще до вступленія на пре-

[1]) Эта романическая и дипломатическая исторія разсказывается обыкновенно очень подробно при изложеніи исторіи англійской реформаціи. Изъ осо-

столъ Генрихъ VIII съ разрѣшенія папы Юлія II женился на вдовѣ своего брата, Екатеринѣ Аррагонской, теткѣ императора Карла V, но потомъ онъ захотѣлъ съ нею развестись, чтобы жениться на ея красивой фрейлинѣ Аннѣ Болейнъ. Бывшій въ то время папою Климентъ VII, не желая отмѣнить диспенса Юлія II и обидѣть императора, но и не желая также вооружить противъ себя Генриха VIII отказомъ, тянулъ дѣло цѣлые годы, хотя Генрихъ VIII для оказанія давленія на папу заручился письменными мнѣніями разныхъ университетовъ въ свою пользу. Мало того: въ Римъ былъ отправленъ адресъ отъ имени всей англійской націи, подписанный семидесятью духовными и свѣтскими лордами и одиннадцатью членами палаты общинъ и указывавшій на необходимость второго брака короля, такъ какъ у короля не было наслѣдника мужского пола (была только дочь Марія, впослѣдствіи королева); адресъ даже заключалъ угрозу въ случаѣ отказа рѣшить дѣло инымъ образомъ. Одновременно съ этимъ (1530) конвокація (собраніе англійскаго духовенства) постановила, что бракъ Генриха VIII съ Екатериной незаконенъ, и что диспенсъ Юлія II не имѣетъ силы. Въ 1531 г. дѣло передано было парламенту съ мнѣніями заграничныхъ университетовъ и болѣе, чѣмъ ста трактатами разныхъ ученыхъ, было рѣшено въ пользу развода, причемъ выставлялось на видъ, что папа своимъ отказомъ вредитъ интересамъ англійской націи. Генрихъ VIII еще не предвидѣлъ тогда, куда заведетъ его борьба съ папой: вызвавъ острую національно-политическую оппозицію противъ папства, онъ, такъ сказать, силою вещей былъ доведенъ до разрыва съ Римомъ. Король получилъ разводъ отъ конвокаціи и архіепископа кентерберійскаго и вступилъ въ новый бракъ. Папа отвѣтилъ на это отлученіемъ Генриха VIII отъ церкви.

При тогдашнихъ обстоятельствахъ это было равносильно приглашенію объявить независимость Англіи отъ папы. Благодаря личному дѣлу своего короля, Англія, быть можетъ, раньше получала то, чего, вѣроятно, достигла бы только позднѣе, когда и въ ней къ старой національно-политической оппозиціи присоединился бы религіозный протестъ. При Генрихѣ VIII отторженіе Англіи отъ Рима не сопровождалось какою-либо ясною идеей о реформѣ церкви: въ странѣ не нашлось человѣка, который могъ бы сыграть роль Лютера, Цвингли или Кальвина. Правда, были люди, помогавшіе Генриху VIII въ его церковной политикѣ, Ѳома Кромвель и Кранмеръ, замѣнившіе королю его прежняго фаворита кардинала Вольсея, первый въ качествѣ канцлера, второй въ качествѣ архіепископа кентерберійскаго, но оба

быхъ сочиненій см. *Friedmann*. Anne Boleyn.—*Н. А. Осокинъ*. Процессъ Екатерины Аррагонской по новымъ документамъ..

они были лишены творческой идеи и не имѣли около себя кружка лицъ, который ясно сознавалъ бы цѣли и средства религіозной реформы. Самъ король сначала думалъ только объ ограниченіи папской власти въ юридическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Первыя попытки въ этомъ смыслѣ были сдѣланы въ 21-й годъ (1529—1530) царствованія Генриха VIII, когда парламентскимъ статутомъ было запрещено духовнымъ лицамъ пріобрѣтать папскія диспенсаціи и лиценціи о соединеніи нѣсколькихъ бенефицій въ однѣхъ рукахъ и жительствѣ не на мѣстѣ своего служенія. Далѣе, статутъ 23 года уничтожилъ аннаты и объявилъ, что въ случаѣ папскаго интердикта никто не смѣетъ приводить его въ исполненіе. Затѣмъ и парламентъ 1532—33 г. въ одномъ изъ своихъ статутовъ опредѣлилъ, что Англія—самостоятельное королевство, что король—верховный ея глава въ дѣлахъ свѣтскихъ, и что для религіозныхъ дѣлъ ей достаточно собственнаго духовенства, а посему Риму нечего вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи: кто сталъ бы обращаться въ Римъ и исполнять папскія приказанія, подлежалъ бы за это наказанію. Парламентъ 25 года царствованія Генриха VIII постановилъ, что противящійся папѣ не долженъ считаться еретикомъ, отмѣнилъ всѣ апелляціи къ папѣ и уничтожилъ всякое его вліяніе на назначеніе архіепископовъ и епископовъ въ Англіи. Такъ постепенно развивалось законодательство, ограничивавшее права папы, а рядомъ съ этимъ шли одно за другимъ ограниченія поборовъ куріи. хотя въ статутахъ и дѣлались заявленія, что король и его подданные остаются вѣрными и смиренными чадами св. церкви. Наконецъ, въ исходѣ 1533 г. былъ поставленъ въ королевскомъ совѣтѣ вопросъ о самомъ папствѣ. Этотъ вопросъ обсуждался королевскими совѣтниками не съ догматической или канонической точки зрѣнія, а на основаніи соображеній чисто политическаго свойства. Спрошенные (1534) по этому вопросу оксфордскій и кембриджскій университеты отвѣтили, что по св. писанію римскій епископъ въ Англіи не имѣетъ никакой особенной власти сравнительно съ другими иностранными епископами. Церковныя собранія кентерберійскаго и іоркскаго округовъ тоже составили постановленія въ подобномъ смыслѣ, и такія же заявленія были сдѣланы отдѣльными епископами, капитулами, деканами, пріорами и т. п. Королевскія прокламаціи объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, а въ 1536 г. парламентомъ уже прямо запрещалось подъ страхомъ наказанія защищать папскую юрисдикцію въ Англіи. Было даже постановлено потребовать въ этомъ смыслѣ присягу отъ всѣхъ духовныхъ и всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ. Вмѣсто молитвы за папу, было введено прошеніе: „ab episcopi romani tyrranide libera nos, Domine!“ Съ другой стороны, уже въ 1531 г. Генрихъ VIII потре-

бовалъ отъ духовенства, чтобы его признавали „единственнымъ покровителемъ и верховнымъ главою (supremum caput) церкви и клира въ Англіи“. Конвокація кентерберійскаго округа была смущена такимъ требованіемъ и лишь послѣ долгихъ колебаній согласилась признать короля протекторомъ, господиномъ и даже, насколько позволяетъ законъ Христовъ, главою церкви (et quantum per Christi legem licet etiam supremum caput ipsius, т.-е. церкви). Съ послѣднею оговоркой приняла новый королевскій титулъ и іоркская конвокація, заявивъ сначала, что въ свѣтскихъ дѣлахъ король и безъ того глава, въ духовныхъ же—главенство его противно католической церкви. Въ 1534 г. парламентъ особымъ актомъ о верховенствѣ (act of supremacy) объявилъ, что король, а въ немъ и его преемники, есть единственный верховный на землѣ глава англиканской церкви и долженъ пользоваться и всѣми титулами, почестями, достоинствами, привилегіями, юрисдикціей и доходами, свойственными и принадлежащими верховному главѣ церкви, и что ему съ его наслѣдниками предоставляется право и власть производить время отъ времени визитаціи, реформировать, исправлять, укрощать и подавлять всѣ тѣ заблужденія, ереси, злоупотребленія и безпорядки, которые того требуютъ. Особымъ распоряженіемъ 1535 г. было предписано въ каждый воскресный и праздничный день проповѣдовать народу и учить въ школахъ, что король есть глава церкви въ Англіи; въ этомъ же смыслѣ статутомъ 1536 г. была установлена особая присяга для духовенства и свѣтскихъ чиновниковъ. *Такимъ образомъ въ Англіи реформація началась схизмою, такъ какъ на первыхъ порахъ, кромѣ перемѣны главы церкви, все остальное—догматы, обряды, церковное устройство продолжали оставаться католическими.* Но передъ королемъ-богословомъ, признаннымъ главою церкви, теперь открывалась возможность самому реформировать религію и произвести секуляризацію монастырской собственности. *Переворотъ усиливалъ власть короля*: услужливые богословы и св. писаніемъ, и твореніями св. отцовъ, и исторіей, и ссылками на законы страны доказывали, что верховенство въ англиканской церкви должно было принадлежать королю; такъ, напримѣръ, еп. герефордскій Фоксъ написалъ: „De vera differentia regiae potestatis et ecclesiasticae“, Гардинеръ—„De vera obedientia“ и т. п.

Генрихъ VIII сдѣлался такимъ образомъ въ 1534 г. наслѣдникомъ папской власти въ Англіи. Эта власть была не только политическая, что̀ обозначалось терминомъ „юрисдикція“, но прежде всего религіозная. Уже конвокаціи тридцатыхъ годовъ высказывали недоумѣніе по поводу притязанія короля сдѣлаться главою церкви; духовенство соглашалось на это лишь съ оговорками, ограничивавшими такое главенство одними свѣтскими дѣлами. Король думалъ, однако, иначе, и

вопросъ о томъ, какимъ образомъ свѣтская власть можетъ распоряжаться въ чисто духовныхъ дѣлахъ и въ какія отношенія, будучи сама чужда благодати священства, должна она стать къ подчиненной ей іерархіи, надѣлалъ не мало хлопотъ королевскимъ сторонникамъ, какъ только явилась надобность точнѣе опредѣлить церковное верховенство короля. Своимъ главенствомъ Генрихъ VIII хотѣлъ пользоваться самымъ широкимъ образомъ, и вотъ въ Англіи по волѣ короля, какъ главы церкви, и съ согласія послушнаго парламента, происходитъ сначала секуляризація монастырской собственности, потомъ и настоящая церковная реформація. Первая *произвела цѣлый переворотъ въ поземельныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ Англіи*, но Генрихъ VIII не удержалъ всей конфискованной собственности въ своихъ рукахъ, раздавъ значительную ея часть новому дворянству, и это создало цѣлый классъ очень вліятельныхъ защитниковъ происшедшей въ Англіи церковной перемѣны. Главнымъ помощникомъ короля въ этомъ дѣлѣ былъ его канцлеръ и „генеральный викарій" по церковнымъ дѣламъ, „молотъ монаховъ", какъ его называли, Ѳома Кромвель, человѣкъ деспотическаго нрава и поклонникъ Макіавелли. Генрихъ VIII въ эту эпоху самъ, какъ извѣстно, обнаружилъ много произвола и жестокости. Между прочимъ онъ казнилъ свою вторую жену Анну Болейнъ, а потомъ еще четыре раза вступалъ въ бракъ, съ одной изъ женъ разводился, другую казнилъ, и только шестая жена пережила своего мужа. Деспотизмъ, соединенный съ религіознымъ терроромъ, проявился и въ реформаціи, произведенной Генрихомъ. Казнили всѣхъ, не хотѣвшихъ признать законность развода и второго брака короля или его верховенство въ дѣлахъ вѣры. За непризнаніе несогласія съ св. писаніемъ перваго брака Генриха VIII былъ казненъ восьмидесятилѣтній епископъ рочестерскій Фишеръ (1535); былъ казненъ и Томасъ Морусъ, отказавшійся принять королевскую супрематію. Когда Генрихъ VIII умиралъ, въ Англіи былъ настоящій церковный хаосъ, такъ какъ новый глава церкви внесъ въ рѣшеніе вопросовъ вѣры свой личный капризъ. Разъ Англія отторглась отъ Рима на томъ основаніи, что св. писаніе имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ папа, этотъ принципъ нужно было примѣнять и къ другимъ сторонамъ церковной жизни. Архіепископъ Кранмеръ, сочувствовавшій лютеранству, хотѣлъ произвести въ англиканской церкви соотвѣтственныя измѣненія, но ни король, ни высшее духовенство не обнаруживали къ этому склонности. Самъ король-богословъ вмѣшивался въ дѣло реформы, и въ его царствованіе издано было четыре распоряженія о томъ, во что должны вѣровать его подданные: это были прежде всего „десять статей" 1536 г., затѣмъ „Наставленіе христіанина", или епископская книга того же года, далѣе „шесть статей" 1539 г. и наконецъ „Не-

обходимое ученіе и наставленіе христіанина", или королевская книга 1544 г., всѣ болѣе или менѣе съ католической окраской. Напримѣръ, шесть статей содержали въ себѣ ученія: 1) о пресуществленіи, 2) о причащеніи подъ однимъ видомъ, 3) о безбрачіи духовенства, 4) объ обязательности обѣтовъ цѣломудрія, 5) о дѣйствительности частныхъ мессъ и 6) о необходимости тайной исповѣди. Около времени изданія этихъ статей Генрихъ VIII по политическимъ соображеніямъ вступилъ въ переговоры съ нѣмецкими протестантами: въ Лондонъ въ 1538—1539 гг. явилось изъ Германіи посольство, переговаривавшееся съ Кранмеромъ и другими теологами относительно общаго вѣроученія, но аугсбургское исповѣданіе не было принято. При всемъ своемъ тяготѣніи къ католическимъ догматамъ и обрядамъ Генрихъ VIII не былъ, однако, постояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ, а послушный парламентъ скрѣплялъ его измѣнчивыя постановленія: самъ король находился то подъ вліяніемъ противниковъ папства (Кромвеля, Кранмера), то подъ вліяніемъ тайныхъ папистовъ (еп. винчестерскаго Гардинера, кардинала Реджинальда Поля), и сообразно съ этимъ мѣнялись его взгляды. Въ общемъ до паденія Кромвеля (казненнаго въ 1540 г.) королевская политика имѣла болѣе антикатолическій характеръ, но „шесть статей" уже особенно утверждали католическія понятія и учрежденія и даже монашескіе обѣты—послѣ уничтоженія монастырей. „Шесть статей" вводились съ такою жестокостью, что ихъ прозвали „кровавыми". Преслѣдовались одинаково и паписты, и настоящіе протестанты. Когда Генрихъ VIII умеръ (1547), англиканская церковь по вѣроученію своему была еще католической и этимъ отталкивала отъ себя протестантовъ, хотя и не признавала власти папы, что̀ вооружало противъ нея католиковъ.

Наслѣдовалъ Генриху VIII его сынъ (отъ третьей жены), малолѣтній Эдуардъ VI (1547—1553), за котораго правилъ сначала въ званіи протектора дядя его Сомерсетъ [1]), а потомъ отнявшій у послѣдняго власть герцогъ Нортумберландъ. Оба регента, поставленные въ необходимость вмѣшиваться въ церковныя дѣла, обращались за совѣтами къ Кранмеру, теперь уже болѣе не таившему своей склонности къ протестантизму. Самъ молодой король, обнаружившій раннее умственное развитіе, былъ на сторонѣ реформаціи, не желая, однако, какъ и Кранмеръ, никакихъ насилій въ дѣлахъ вѣры. Въ его царствованіе и была устроена англиканская церковь, существующая съ легкими измѣненіями доселѣ въ томъ видѣ, какой получила около 1550 года. Верховенство короля было сохранено, но „шесть

---

[1]) О немъ недавно (1900) вышла въ свѣтъ книга: *Pollard*. England under Protector Somerset.

статей" отмѣнены, а замѣнены новыми, „статьями вѣры „articles of faith, 1552), къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить утвержденный парламентомъ „общій служебникъ" (common prayerbook). При Кранмерѣ догматическое ученіе англиканской церкви было приближено къ лютеранскому, и только при королевѣ Елизаветѣ въ немъ сдѣланы были измѣненія въ кальвинистическомъ смыслѣ, но въ общемъ *англиканская церковь носитъ на себѣ слѣды компромисса между католицизмомъ и протестантизмомъ:* она сохранила епископатъ, семь таинствъ, пышный культъ, но въ то же время отвергла папство, истолковала въ протестантскомъ духѣ многіе вопросы вѣры и ввела народный языкъ въ богослуженіе. Утвержденіе этой правительственной реформаціи принадлежитъ царствованію королевы Елизаветы (дочери Анны Болейнъ) въ 1558—1603 гг., но передъ этимъ сдѣлана была попытка католической реакціи при ея сестрѣ Маріи (дочери Екатерины Аррагонской), царствовавшей отъ 1553 по 1558 г. [1]).

Таковы были три (датская, шведская и англійская) монархическія реформаціи. Упомянемъ еще, что среди польскихъ протестантовъ въ царствованіе Сигизмунда II Августа (1548 — 1572), когда реформаціонное движеніе въ Польшѣ достигло наибольшей силы, была въ ходу мысль — убѣдить этого короля послѣдовать примѣру Генриха VIII, и были моменты, когда эта мысль была довольно близка къ осуществленію, если бы только Сигизмундъ-Августъ былъ другимъ человѣкомъ.

XVIII. Народныя реформаціи второй половины XVI в. [2]).

Правительственныя и народныя реформаціи.—Національныя движенія.—Секуляризаціонныя стремленія и дворянство.—Распространеніе кальвинизма въ серединѣ XVI в.—Сравненіе разныхъ странъ, гдѣ во второй половинѣ XVI в. было реформаціонное движеніе.—Эпоха распространенія кальвинизма.—Общія замѣчанія о реформаціи въ Польшѣ, Франціи, Нидерландахъ.—Исторія шотландской реформаціи.—Марія Стюартъ и новая революція.

Въ Германіи, гдѣ народное религіозное движеніе предшествовало принятію новаго ученія князьями, шедшей снизу реформаціей

---

[1]) Герцогъ Нортумберландъ уговорилъ молодого короля назначить своей преемницей внуку младшей сестры Генриха VIII Іоанну Грей, бывшую замужемъ за его сыномъ, но Іоанна Грей была низвергнута Маріей.

[2]) Для Шотландіи кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 12, см. *Lorimer.* Precursors of Knox.—*M'Crie.* Life of John. Knox.—*Brandes.* John. Knox.— Имѣющая романическій характеръ исторія Маріи Стюартъ вызвала цѣлую литературу, о которой см. замѣтку *проф. В. П. Бузескула* на стр.132—133 вто-

воспользовались князья; въ Даніи, Швеціи и Англіи самая иниціатива реформаціи принадлежала государямъ, хотя при этомъ они опирались на извѣстные общественные классы и на сословно-представительныя учрежденія, пользуясь или національной оппозиціей противъ Рима, или антагонизмомъ, существовавшимъ между свѣтскими сословіями, особенно дворянствомъ и духовенствомъ. Сами государи были представителями политической оппозиціи противъ Рима, опиравшейся на оппозицію національную и соціальную. Однихъ этихъ факторовъ, какъ показываетъ исторія трехъ названныхъ странъ, было совершенно достаточно, чтобы безъ религіозной реформы поставить цѣлые народы съ ихъ правителями въ новыя отношенія къ Риму: на такихъ примѣрахъ, какъ отторженіе отъ католицизма Англіи и скандинавскихъ государствъ, лучше всего познаются свѣтскія причины, содѣйствовавшія религіозной реформаціи. Въ этихъ странахъ преобразованія въ самой церкви послѣдовали за измѣненіями въ политическомъ положеніи церкви; въ послѣднемъ отношеніи особенно важенъ примѣръ Англіи, гдѣ отторженіе отъ Рима прямо предшествовало настоящей реформѣ церкви. Но если безъ національнаго и общественнаго содѣйствія реформація была прямо немыслима, то понятно, что реформаціонныя движенія могли начаться и дѣйствительно начинались и снизу, то увлекая за собою государственную власть, то, наоборотъ, сталкиваясь съ нею, даже если сама эта власть была протестантская, когда народная реформація была отлична отъ правительственной. Послѣдній случай мы наблюдаемъ въ Германіи, гдѣ народная реформація, получившая сектантскій характеръ, подавлялась реформаціей правительственной, которая была лютеранскою. Такое же явленіе, и притомъ въ болѣе рѣзкомъ видѣ, мы встрѣчаемъ въ Англіи, въ которой столкнулись между собою королевскій англиканизмъ съ народнымъ пуританизмомъ. Особую категорію отношеній мы наблюдаемъ, наконецъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ подданные (или часть подданныхъ) дѣлались протестантами, а правительства оставались католическими, какъ это было въ нѣмецкихъ католическихъ княжествахъ, въ габсбургскихъ владѣніяхъ съ Чехіей и Венгріей, во Франціи и Польшѣ, въ Шотландіи и Нидерландахъ. Цѣлыя націи или отдѣльные классы могли принимать участіе въ реформаціонномъ движеніи безъ своихъ правительствъ и даже вопреки ихъ желанію.

Что было обще и государямъ, и народамъ или отдѣльнымъ со-

рого тома „Лекцій по всемірной исторіи" Петрова (стр. 141—142 по второму изданію 1904 г.). Монографія *Минье* о Маріи Стюартъ переведена по-русски; кромѣ того, по-русски есть о ней еще книжка *Г. Е. Аѳанасьева*, а также въ кн. *М. Юрьева*. Спорные вопросы зап.-евр. историч. науки.—Новѣйшій трудъ: *Fleming*. Mary Queen of Scots (from her birth to her flight into England).

словіямъ, включая суда и духовенство, въ исторіи реформаціоннаго періода, такъ это *національный принципъ, который сближалъ государей съ ихъ подданными, а иногда и свѣтскія сословія съ духовенствомъ* въ одномъ общемъ дѣлѣ. Національный характеръ реформаціоннаго движенія не подлежитъ сомнѣнію вообще, но особенно любопытно то, что духовенство въ эту эпоху само участвовало въ движеніи, даже помимо религіозныхъ мотивовъ, заставлявшихъ отдѣльныхъ представителей этого сословія принимать новое ученіе. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны *факты, указывающіе на стремленіе католическаго духовенства нѣкоторыхъ странъ къ національной независимости отъ Рима* на началахъ галликанской церкви. Такое стремленіе мы замѣчаемъ, напримѣръ, въ Даніи, о чемъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ Польшѣ при Сигизмундѣ II Августѣ мысль о „костёлѣ народовомъ“ была также въ ходу у высшихъ представителей клира съ примасомъ королевства, архіепископомъ гнѣзненскимъ Яковомъ Уханскимъ во главѣ; это даже возбуждало сильныя опасенія въ Римѣ, несмотря на то, что Яковъ Уханскій и другіе епископы были во враждѣ съ протестантами. Та сравнительная легкость, съ какою англійскій клиръ промѣнялъ главенство папы на главенство короля, свидѣтельствуя вообще о разложеніи католицизма въ этой странѣ, указываетъ между прочимъ и на то, что англійское духовенство было болѣе національнымъ, чѣмъ римскимъ. Національный характеръ реформаціи явствуетъ еще изъ переводовъ библіи на народные языки [1]) и изъ введенія ихъ въ богослуженіе.

Но однимъ изъ реформаціонныхъ факторовъ были еще нерасположеніе къ духовенству со стороны свѣтскихъ сословій и *секуляризаціонныя стремленія эпохи, особенно сильныя, кромѣ тогдашнихъ правительствъ, у дворянства.* Предводитель рыцарскаго возстанія Францъ фонъ-Зиккингенъ думалъ наложить руку на церковныя владѣнія. Польская шляхта указывала на церковныя земли, какъ на фондъ, которымъ должно располагать государство; принимая протестантизмъ, она сама производила въ малыхъ размѣрахъ секуляризацію въ своихъ имѣніяхъ, завладѣвая имуществомъ приходскихъ церквей и заставляя крестьянъ выплачивать десятину. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ дѣлали то же самое нѣмецкіе князья, — между прочимъ, по примѣру Альбрехта Бранденбургскаго, и духовные владѣльцы, что̀ вызвало извѣстный reservatum ecclesiasticum 1555 г. Мы видѣли, что нѣмецкіе князья дѣлились секуляризованными землями съ дворянствомъ. Въ обоихъ скандинавскихъ государствахъ происходило

---

[1]) Къ указаннымъ раньше переводамъ прибавимъ англійскій, сдѣланный Тиндалемъ (1538).

то же самое. Наконецъ, и въ Англіи секуляризованная монастырская собственность не удержалась въ королевскихъ рукахъ, а разошлась по рукамъ дворянства, чѣмъ созданъ былъ цѣлый классъ новыхъ собственниковъ, которые матеріально были заинтересованы поддерживать установленную королевскою властью церковь. Однимъ словомъ, въ той или другой формѣ *вездѣ, гдѣ государственная власть производила секуляризацію церковныхъ имѣній, она дѣлилась ими съ дворянствомъ*. Вопросъ о церковной десятинѣ, отъ которой землевладѣльческіе классы, конечно, нерѣдко стремились отдѣлаться, тоже игралъ не малую роль въ эту эпоху.

Какъ ни важны были эти національно-политическія и соціально-экономическія причины реформаціи, онѣ не объясняютъ всего въ исторіи реформаціоннаго движенія: все-таки было прежде всего движеніе религіозное, и элементъ чувства и убѣжденія игралъ въ ней видную роль. Какъ двадцатые и тридцатые годы XVI в. были эпохой религіознаго возбужденія съ характеромъ лютеранскимъ, цвингліанскимъ и анабаптистскимъ, такъ въ серединѣ XVI вѣка распространяется кальвинизмъ, выставившій энергичныхъ религіозныхъ бойцовъ и одушевившій массы непоколебимымъ фанатизмомъ. Въ двухъ странахъ, гдѣ государственная власть осталась строго католическою и преслѣдовала протестантовъ, именно *въ Шотландіи и въ Нидерландахъ, кальвинистическая реформація, отличавшаяся религіознымъ фанатизмомъ, сопровождалась политическими революціями и приняла общенародный характеръ*. Въ двухъ странахъ, наоборотъ, этой реформаціи не удалось получить національнаго значенія, *именно во Франціи и въ Польшѣ, гдѣ протестантизмъ выступилъ съ болѣе сословнымъ характеромъ*, преимущественно дворянскимъ и отчасти городскимъ, такъ какъ государственная власть и народныя массы остались въ обѣихъ странахъ католическими. Вся разница въ томъ, что во Франціи протестантизмъ отличался бо̀льшимъ религіознымъ фанатизмомъ, чѣмъ въ Польшѣ, и что у французовъ въ политическомъ отношеніи на главномъ планѣ стояла оппозиція королю, тогда какъ у поляковъ вражда къ духовенству. Наконецъ, сильное религіозное движеніе, по существу своему кальвинистическое, произошло и въ Англіи, гдѣ этому движенію особенно пришлось играть видную политическую роль. Мы нарочно здѣсь сопоставляемъ Шотландію съ Нидерландами и Францію съ Польшей. Въ первыхъ двухъ странахъ одинаково побѣдила реформація (за исключеніемъ одной части Нидерландовъ), но эта побѣда была куплена цѣной гражданскихъ смутъ: въ обѣихъ странахъ произошли революціи, въ которыхъ нашли примѣненіе кальвинистическіе политическіе принципы. Послѣдніе дѣйствовали и во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, имѣвшихъ также

свою политическую сторону, и это позволяетъ намъ сближать Францію съ Шотландіей, Нидерландами, да и съ Англіей, поскольку вездѣ мы встрѣчаемся съ фактомъ борьбы подданныхъ и представительныхъ учрежденій (въ Англіи въ XVII в.) съ королями, но въ другомъ отношеніи Франція можетъ быть поставлена рядомъ съ Польшею, такъ какъ въ обоихъ государствахъ короли и народная масса остаются католическими, а протестантизмъ въ обоихъ же принимается главнымъ образомъ только дворянами и горожанами, играетъ роль лишь короткое время, а затѣмъ сходитъ со сцены. Въ обѣихъ странахъ побѣждаетъ католическая реакція въ XVII в., и тамъ, и здѣсь у протестантовъ были отняты всѣ права.

Гранью между эпохами королевской и народной реформацій внѣ Германіи и Швейцаріи можетъ служить тотъ самый 1555 г., который имѣетъ столь важное значеніе въ исторіи нѣмецкой реформаціи, также получившей монархическій характеръ: къ этому времени протестантизмъ утвердился въ Даніи и Швеціи и выяснился характеръ англиканской церкви. Съ другой стороны, около того же времени кальвинизмъ дѣлаетъ громадные успѣхи въ Польшѣ, во Франціи, въ Шотландіи, а нѣсколько позже въ Нидерландахъ. Для того, чтобы убѣдиться въ нашемъ правѣ смотрѣть на *середину пятидесятыхъ годовъ XVI в., какъ на эпоху наиболѣе сильнаго распространенія кальвинизма*, сопоставимъ даты и факты.

Мы не будемъ здѣсь говорить о распространеніи кальвинизма въ западной Германіи („реформатская церковь" преимущественно въ Рейнской области и Гессенѣ): здѣсь онъ не игралъ особенно важной роли, такъ какъ былъ встрѣченъ враждебно не только католиками, но и лютеранами; его послѣдователи не были даже включены въ условія аугсбургскаго религіознаго мира.

Въ Польшѣ настоящее реформаціонное движеніе среди шляхты началось только около 1550 года, и лишь въ пятидесятыхъ годахъ на сеймахъ организуется протестантская партія. Долгое время въ польской шляхтѣ происходило колебаніе, къ какому исповѣданію ей примкнуть. Она не сочувствовала лютеранству за его нѣмецкое происхожденіе и его монархическій характеръ. Она мало также симпатизировала и болѣе демократическому ученію братьевъ чешскихъ (гуситовъ), нашедшихъ, однако, все-таки послѣдователей. *Зато кальвинизмъ пришелся какъ нельзя болѣе къ стремленіямъ польской шляхты*: его аристократическо-республиканскій характеръ и допущеніе имъ въ церковное управленіе свѣтскаго элемента въ видѣ старѣйшинъ (сеніоровъ) снискали ему особенное расположеніе шляхты, которая, господствуя въ это время на сеймахъ и уже подчинивъ себѣ крестьянъ и горожанъ, стремилась, кромѣ того, лишить высшее духо-

венство его привилегій и поставить въ зависимость отъ себя приходскихъ священниковъ. Кальвинъ еще въ самомъ началѣ царствованія Сигизмунда II Августа посвятилъ ему свое толкованіе на Посланіе къ евреямъ. Онъ вообще обратилъ вниманіе на Польшу, гдѣ шло религіозное броженіе, и вступилъ въ переписку съ поляками, между которыми въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ была даже мысль пригласить его самого пріѣхать въ Польшу. На польскихъ протестантскихъ съѣздахъ этого времени все еще было, однако, вопросомъ, какое исповѣданіе принять. Въ качествѣ устроителя церкви въ Польшу давно уже (съ 1552 г.) поляки звали своего соотечественника кальвиниста Яна Ласкаго, одного изъ замѣтныхъ на Западѣ реформаторовъ, жившаго долго за границей. Ласкій былъ устроителемъ реформаціи въ Фрисландіи; помогалъ Кранмеру въ Лондонѣ, гдѣ былъ одно время предстоятелемъ протестантской общины иностранцевъ; хлопоталъ въ Германіи объ уніи между лютеранствомъ и реформатствомъ. Его звали къ себѣ и Густавъ Ваза, и Альбрехтъ Прусскій, къ которому онъ лишь потому не поѣхалъ, что тотъ не согласился на его требованіе дать независимость церкви отъ государства и уничтожить нѣкоторые лютеранскіе обряды. Въ 1554 г. Ласкій обратился къ польскому королю, сенату и шляхтѣ съ приглашеніемъ произвести реформацію, а вскорѣ затѣмъ и самъ явился въ Польшу, гдѣ и сдѣлался (1556—1560 г.) организаторомъ кальвинистической церкви („гельветическаго исповѣданія“). Послѣ его смерти среди польскихъ кальвинистовъ начался, однако, антитринитарскій расколъ, да кальвинизму и не удалось вытѣснить ни лютеранства (въ городахъ), ни гуситства. *Принятіе кальвинизма частью польской шляхты произошло такимъ образомъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ*, какъ-разъ въ то время, когда на сеймахъ шла ожесточенная борьба между духовенствомъ и шляхтою изъ-за церковныхъ судовъ, каноническаго („иноземнаго“) права и десятины, которымъ шляхта не хотѣла подчиняться. Но присущей кальвинизму религіозной ревности не было въ Польшѣ; здѣсь—не безъ вліянія со стороны итальянскаго гуманизма—развился религіозный раціонализмъ, выразившійся въ антитринитарскомъ сектантствѣ, имѣвшемъ также аристократическій оттѣнокъ.

Та же вторая половина пятидесятыхъ годовъ была временемъ значительнаго усиленія кальвинизма и во Франціи. Въ 1555 г. здѣсь существовала едва-ли не одна только правильно организованная протестантская община, а въ 1559 г. ихъ было уже около двухъ тысячъ, и впервые собрался въ Парижѣ (тайный) синодъ „гугенотовъ“, какъ стали называть во Франціи послѣдователей кальвинизма. Это былъ годъ смерти Генриха II, когда королевская власть перешла

къ его сыновьямъ Франциску II (1559—1560 г.) и Карлу IX (1560—1574 г.), а за молодостью одного и несовершеннолѣтіемъ другого—къ временщикамъ и опекунамъ. Къ этому времени уже готовы были элементы для образованія протестантской партіи, къ которой примкнули принцы крови (Бурбоны), дворяне и горожане, недовольные усиленіемъ королевской власти. Благодаря связи религіи съ политикой, здѣсь нашли дальнѣйшее развитіе и политическія идеи Кальвина. Что касается до церковной организаціи французскихъ кальвинистовъ, то уже синодъ 1559 г. выработалъ цѣлый планъ ея, который долженъ былъ охватить всю Францію. Отдѣльныя общины соединялись въ „коллоквіи", а эти послѣдніе—въ провинціи съ своими консисторіями и общими собраніями представителей. По этому типу организовалась впослѣдствіи и политическая партія французскихъ кальвинистовъ.

Нѣсколько позднѣе, именно *во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ произошелъ взрывъ народной реформаціи и вмѣстѣ съ нимъ политическая революція въ Нидерландахъ*, гдѣ религіозныя и политическія идеи кальвинизма равнымъ образомъ играли весьма большую роль. Уже около того времени, когда Карлъ V передалъ власть Филиппу II (1555 г.), число послѣдователей реформаціи въ Нидерландахъ было такъ велико, что однихъ выселившихся нововѣровъ было около десяти тысячъ. Церковное устройство Кальвина совершенно подошло къ нидерландскому федѐративному строю, но противъ его догмата о вѣчномъ предъизбраніи и противъ его нетерпимости возникла оппозиція. Въ началѣ XVII в. ею даже былъ вызванъ расколъ въ нидерландскомъ кальвинизмѣ.

Къ исторіи религіозно-политическихъ движеній во Франціи и Нидерландахъ мы еще должны будемъ возвратиться, а здѣсь подробнѣе разсмотримъ лишь *кальвинистическую реформацію въ Шотландіи, начало которой также относится къ 1555—1559 годамъ*.

Королевская власть въ Шотландіи въ средніе вѣка была очень слаба; съ одной стороны, феодальная аристократія отличалась въ этой странѣ особымъ духомъ независимости, съ другой—чувствомъ свободы проникнутъ былъ и простой народъ. Царствовавшая здѣсь династія Стюартовъ находилась въ постоянной борьбѣ съ своими подданными. Послѣдніе то и дѣло возставали противъ своихъ королей, которые, стремясь возвысить собственную власть, не останавливались ни передъ какими средствами. *Шотландскія революціи реформаціоннаго періода были лишь продолженіемъ прежнихъ возстаній*, но съ утвержденіемъ кальвинизма борьба шотландцевъ съ королевскою властью получила религіозный характеръ войны избраннаго народа Божія съ идолопоклонническими государями и сопровожда-

лась поэтому усвоенiемъ съ континента политическихъ идей кальвинизма.

Въ 1542 г. умеръ шотландскiй король Iаковъ V, оставивъ только-что родившуюся дочь Марiю. Регентшей государства сдѣлалась ея мать Марiя изъ извѣстной французской фамилiи Гизовъ. Маленькая Марiя Стюартъ воспитывалась во Францiи, гдѣ и вышла замужъ за дофина, впослѣдствiи короля Франциска II. Овдовѣвъ въ концѣ 1560 г., она лѣтомъ слѣдующаго года прибыла въ свое королевство совсѣмъ еще молодой женщиной. Въ это время въ Шотландiи уже совершился протестантскiй переворотъ. Еще при жизни ея отца изъ Германiи и Англiи къ шотландцамъ стало проникать реформацiонное ученiе, но его послѣдователей тогда же начали преслѣдовать и казнить. Многiе тогда оставили родину, и въ ихъ числѣ были историкъ и поэтъ Джорджъ Бьюкананъ (Buchanan) и профессоръ богословiя Джонъ Ноксъ (Knox). Между тѣмъ въ регентство Марiи Гизъ въ Шотландiи происходили смуты и велась война съ Англiей. Правительство призвало на помощь французское войско, а послѣ отраженiя англiйскаго нашествiя удержало его для цѣлей внутренней политики. Впрочемъ, по разнымъ соображенiямъ королева-мать перестала стѣснять протестантовъ; многiе англiйскiе протестанты въ эпоху реакцiи, происшедшей въ Англiи при Марiи Тюдоръ (1553—1558), даже нашли прiютъ въ Шотландiи. Въ эти-то годы и выступилъ на сцену организаторъ кальвинистическаго движенiя въ странѣ, Джонъ Ноксъ. Во время одной схватки въ Шотландiи онъ попалъ въ плѣнъ къ французамъ, и французское правительство продержало его полтора года на галерахъ, но потомъ онъ уѣхалъ въ Англiю, гдѣ Кранмеръ далъ ему должность священника. Воцаренiе Марiи Тюдоръ заставило его переселиться въ Женеву. Онъ быстро сошелся съ Кальвиномъ и усвоилъ его церковныя воззрѣнiя. Въ сравненiи съ англиканскою церковью кальвинизмъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ его стремленiямъ и воззрѣнiямъ: Ноксу нравилась его республиканская организацiя, нравилась суровая простота его культа, чуждая всякаго „суевѣрiя“ и „идолослуженiя“. Ноксъ—вообще одна изъ крупныхъ личностей протестантизма. Это была натура, родственная Кальвину, фанатическая, въ моральномъ отношенiи весьма строгая, въ основѣ своей честолюбивая. Эти черты соединялись въ Ноксѣ съ теократическимъ рвенiемъ ветхо-завѣтнаго пророка и съ любовью къ свободѣ, отличавшей шотландскую нацiю. Неограниченная власть гдѣ бы то ни было—въ церкви ли, въ государствѣ ли, все равно—была противна всему существу Нокса, и онъ думалъ, что если государи и высшiе классы не хотятъ исполнять священной своей обязанности—уничтожить суевѣрiе и идолослуженiе, то обязанность эта

переходитъ къ общинѣ. Въ 1554 г. его пригласили въ проповѣдники общины англійскихъ протестантовъ въ Франкфуртѣ, сблизившейся съ кальвинистами. Здѣсь, однако, онъ не ужился, опять уѣхалъ въ Женеву со многими послѣдователями, утверждавшими, что каждая община по-своему можетъ устраивать свое богослуженіе. Пріѣхавъ въ 1555 г. въ Шотландію, Ноксъ нашелъ здѣсь уже не мало послѣдователей реформаціи и среди дворянъ, и въ народѣ. Здѣсь онъ сталъ проповѣдовать новое ученіе, а главное—организовать его сторонниковъ для общей церковной жизни и для предстоявшей имъ борьбы, придавъ своей проповѣди характеръ самой ожесточенной ненависти къ католицизму и самаго энергичнаго протеста противъ безнравственности двора и клира. Потомъ онъ опять уѣхалъ въ Женеву, откуда письмами продолжалъ руководить своими единовѣрцами. Въ концѣ 1557 г. нѣсколько протестантскихъ вельможъ (въ ихъ числѣ побочный братъ королевы, впослѣдствіи графъ Муррей) заключили между собою „ковенантъ", обязавшись отречься „отъ сонмища Антихриста съ мерзостнымъ суевѣріемъ его и идолослуженіемъ", дабы установить евангельскую общину Іисуса Христа. Съ религіознымъ мотивомъ у нихъ соединялся и политическій—недовольство регентшей, которая посредствомъ брака своей дочери съ французскимъ дофиномъ хотѣла какъ бы слить Шотландію и Францію воедино и, слѣдуя французской политикѣ, снова стала притѣснять протестантовъ. Къ этому союзу стали присоединяться массы, и тогда „лорды конгрегаціи", какъ назывались иниціаторы движенія, потребовали у правительницы и парламента возстановленія „божественной формы первоначальной церкви", богослуженія на родномъ языкѣ по англиканскому „общему служебнику" и права приходамъ выбирать своихъ священниковъ, дворянству отдѣльныхъ епархій—епископовъ. Парламентъ на это не согласился, регентша же, хлопотавшая по смерти Маріи Тюдоръ о возведеніи своей дочери Маріи Стюартъ на англійскій престолъ вмѣсто Елизаветы, которую папа объявилъ незаконнорожденною, соединилась съ сторонниками католической реакціи на континентѣ для подавленія ереси и въ Шотландіи. Это заставило шотландскихъ протестантовъ обратиться за помощью къ Елизаветѣ. Это было въ 1559 г. Ноксъ снова возвратился въ Шотландію, и вотъ началась бурная народная реформація съ иконоборческимъ характеромъ, съ разрушеніемъ и разграбленіемъ монастырей. Противъ „Христовой конгрегаціи" правительница выставила военную силу. Произошло междоусобіе, въ которое вмѣшалась Франція, чтобы, овладѣвъ Шотландіей, итти на Англію и низвергнуть тамъ Елизавету въ пользу Маріи Стюартъ, сдѣлавшейся въ томъ же самомъ году и французской королевой. Такой оборотъ дѣла заставилъ англійскую королеву оказать

помощь ковенантерамъ, къ которымъ присоединились и нѣкоторые шотландскіе католики, боясь господства французовъ. „Лорды и общины шотландской церкви“ рѣшились тогда отнять власть у регентши, и Ноксъ составилъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ цитатами изъ ветхаго завѣта, что низлагать идолопоклонническихъ правителей—дѣло, угодное Господу. Образовалось временное правительство; однимъ изъ членовъ его былъ Ноксъ. Въ слѣдующемъ, однако, году (1560) враждующія партіи при уступчивости, обнаруженной со стороны Франціи, и при вмѣшательствѣ Англіи примирились. По такъ называемому эдинбургскому договору французскія войска были выведены изъ Шотландіи, парламентъ (или, вѣрнѣе, конвентъ), состоявшій въ громадномъ большинствѣ изъ сторонниковъ реформаціи, ввелъ въ Шотландіи кальвинизмъ и произвелъ секуляризацію церковной собственности, распредѣливъ большую часть церковныхъ земель между дворянствомъ. Марія, жившая въ это время еще во Франціи, отказалась утвердить это рѣшеніе, и ея дяди Гизы, управлявшіе Франціей при Францискѣ II, уже думали о насильственномъ подавленіи происшедшаго въ Шотландіи переворота, когда смерть Франциска II отняла у нихъ власть. Шотландская церковь, получившая названіе пресвитеріанской, заимствовала изъ Женевы суровый режимъ кальвинизма и очень высоко поставила у себя духовенство, управлявшее ею на своихъ синодахъ. Благодаря участію въ шотландскомъ реформаціонномъ движеніи дворянства, сильно поживившагося на счетъ церковной собственности, эта республиканская организація отличалась и аристократическимъ характеромъ.

Католичка и по воспитанію своему француженка, Марія, пріѣхавъ на родину вскорѣ послѣ переворота, попала въ самое невозможное положеніе. Ноксъ и другіе дѣятели реформаціи не только обличали ея „идолослуженіе“ и молились въ церквахъ объ ея освобожденіи изъ „плѣна Сатаны“, но и мѣшали ей пользоваться католическимъ богослуженіемъ. Въ 1565 г. она вышла замужъ за лорда Дарнлея и имѣла отъ него сына Іакова, но вскорѣ разошлась съ мужемъ, который затѣмъ погибъ во время взрыва и пожара въ его домѣ. Послѣ этого она вышла замужъ за лорда Ботвеля, хотя его прямо обвиняли въ убійствѣ Дарнлея. Произошло новое возстаніе, результатомъ чего было низложеніе Маріи Стюартъ и возведеніе на престолъ ея малолѣтняго сына подъ именемъ Іакова VI. Сама Марія должна была бѣжать въ Англію (1568), къ своей соперницѣ Елизаветѣ, и та задержала ее въ плѣну. Въ этомъ возстаніи политическія страсти соединились съ религіозными: пока Марія царствовала, строгіе законы противъ католиковъ не исполнялись, и Ноксъ даже жаловался на увеличеніе идолослуженія; поэтому въ переворотѣ 1567 г. онъ

принялъ весьма дѣятельное участіе. Теперь новый регентъ (Муррей, братъ королевы) созвалъ парламентъ, снова утвердившій въ Шотландіи господство пресвитеріанской церкви и издавшій рядъ законовъ противъ католиковъ. Воспитаніе маленькаго короля было поручено горячему кальвинисту Бьюканану, страстному противнику Маріи Стюартъ, бывшему историкомъ шотландской реформаціи (Rerum scoticarum historiam) и автору политическаго трактата (De jure regni apud Scotas) въ духѣ народовластія.

Кальвинизмъ проникъ и въ Англію, гдѣ его послѣдователи, гонимые свѣтскою властью и оффиціальною церковью, получили названіе пуританъ, такъ какъ „очищали" свою церковь отъ остатковъ католицизма, сохранившихся въ англиканизмѣ.

XIX. Столкновеніе двухъ реформацій въ Англіи [1]).

Особенность исторіи реформаціи въ Англіи и ея важность.—Католическая реакція въ Англіи при Маріи Тюдоръ.—Значеніе этой реакціи.—Раздѣленіе англичанъ на сторонниковъ установленной церкви и на пуританъ.—Воспитаніе Елизаветы и ея отношеніе къ религіи.—Причины утвержденія англиканизма въ Англіи.—Англиканская церковь.—Общій ея характеръ и причины пуританской оппозиціи.—Индивидуализмъ и государственность въ реформаціи.—Преслѣдованія нонконформистовъ при Елизаветѣ.—Пуритане и броунисты.—Противоположность англиканизма и индепендентства.

На общемъ фонѣ религіозной реформаціи XVI в. ея исторія въ отдѣльныхъ странахъ имѣетъ свои особенности, и нерѣдко эти особенности получаютъ рѣзко индивидуальный характеръ. Реформація сверху, принимавшая монархическій характеръ, и реформація снизу, получавшая характеръ оппозиціи противъ королевской власти, представляютъ изъ себя явленія, повторяющіяся въ исторіи разныхъ странъ, но только въ одной Англіи мы наблюдаемъ своеобразное явленіе возникновенія двухъ отдѣльныхъ одна отъ другой реформацій, изъ которыхъ ни одной не удается одолѣть другую, и борьба которыхъ

---

[1]) *Tytler.* England under the reigns of Edward VI and Mary. — *Frere.* The Marian reaction in its relations to english clergy. — Для эпохи Елизаветы Англійской см. *В. Соколовъ.* Елизавета Тюдоръ. — *Его же.* Іерархія англиканской церкви. — *А. Потѣхинъ.* Очерки изъ исторіи борьбы англиканства съ пуританствомъ при Тюдорахъ. — *Marcks.* Königin Elisabeth von England. — *Philippson.* — Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV. — *Wrigth.* Elisabeth and her times. — *Wiesener.* La jeunesse d'Elisabeth d'Angleterre. — *Beesly Edw. Spencer.* Queen Elisabeth. — Сочиненія по исторіи пуританизма и индепендентства будутъ названы при указаніи на литературу по исторіи англійской революціи.

играетъ важную роль какъ въ религіозной, такъ и въ политической исторіи страны. Монархическія реформаціи первой половины XVI в. въ политическомъ отношеніи усиливали власть государей, т.-е. дѣйствовали въ томъ же направленіи, какъ и другіе историческіе факторы, благодаря которымъ происходило почти повсемѣстное усиленіе въ Западной Европѣ королевской власти. Иное мы видимъ въ кальвинистическомъ движеніи второй половины XVI вѣка, соединившемся и въ Шотландіи, и во Франціи, и въ Нидерландахъ съ борьбою сословно-представительныхъ учрежденій противъ начинавшаго развиваться абсолютизма. Въ Англіи какъ-разъ наблюдается совмѣстное существованіе этихъ двухъ направленій: въ первой половинѣ вѣка, въ одно время съ реформаціей въ нѣмецкихъ княжествахъ, въ Даніи, въ Швеціи совершается королевская реформація съ рѣзко выраженнымъ характеромъ правительственнаго происхожденія, но въ народѣ тогда еще не было настоящаго религіознаго движенія; зато во второй половинѣ вѣка, когда кальвинизмъ дѣлалъ свои успѣхи въ странахъ, бывшихъ съ Англіей въ ближайшемъ сосѣдствѣ, выступая при этомъ на путь политической оппозиціи, и Англію не миновало его вліяніе, результатомъ чего было возникновеніе пуританизма. Подобно тому, какъ въ Шотландіи, во Франціи и въ Нидерландахъ во второй половинѣ XVI вѣка столкнулись между собою, съ одной стороны, католическія правительства, съ другой, протестантскіе подданные, такъ и въ Англіи произошло столкновеніе между двумя реформаціями—правительственною и народною,—столкновеніе, получившее, однако, особенно острый и притомъ прямо политическій характеръ лишь въ XVII вѣкѣ. *Въ этомъ возникновеніи двухъ реформацій въ Англіи и въ долговременной ихъ борьбѣ заключается особенность только ея исторіи*, придающая ей своеобразный характеръ. Оставляя пока въ сторонѣ политическую сторону вопроса, мы разсмотримъ, какъ утвердился въ Англіи англиканизмъ, какъ возникло пуританское движеніе и въ какія отношенія стали эти двѣ религіозныя системы. Все это характерно не только для Англіи, но и для другихъ странъ, поскольку мы наблюдаемъ здѣсь отношеніе государственной церкви къ иновѣрію и обратное отношеніе иновѣрія къ государственной церкви.

Окончательное торжество церкви, основанной въ Англіи при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI, относится къ царствованію Елизаветы, т.-е. ко второй половинѣ реформаціоннаго вѣка (1558—1603), но передъ ея вступленіемъ на престолъ англиканизму пришлось выдержать серьезное испытаніе при Маріи Католической, царствовавшей, правда, недолго, всего пять лѣтъ (1553—1558), но успѣвшей начать реставрацію католицизма. Эта королева даже получила прозваніе Крова-

вой за жестокость, съ какою при ней преслѣдовали протестантовъ. Дочь Екатерины Арагонской, она видѣла въ протестантизмѣ не только ересь, но и враждебную силу, надѣлавшую много зла и ея матери, и ей самой. Для ея плановъ было очень благопріятно, что Англія страдавшая отъ религіознаго террора ея отца, не успѣла еще привыкнуть къ основанной имъ церкви и оставалась еще почти совсѣмъ католическою. И вотъ Марія воспользовалась своимъ титуломъ „главы церкви", чтобы, опираясь на свое верховенство, возстановить католицизмъ. Она дѣйствительно приступила къ этому дѣлу, начавъ замѣнять епископовъ, назначенныхъ Кранмеромъ, католиками и пустивъ въ ходъ другія подобныя мѣры. Выборы въ парламентъ и безъ того довольно благопріятные королевѣ, совершались подъ давленіемъ правительства; оппозиціонные кандидаты были устранены разными произвольными средствами, а изъ верхней палаты были удалены епископы, отличавшіеся преданностью реформаціи. Затѣмъ парламентъ принялъ безъ сопротивленія билль, объявлявшій бракъ Генриха VIII съ Екатериной Арагонской за законный. Сильное католическое большинство приняло также и предложеніе уничтожить церковныя преобразованія, введенныя Кранмеромъ при Эдуардѣ VI, причащеніе подъ обоими видами, дозволеніе священникамъ жениться, богослуженіе по новому служебнику, устраненіе иконъ и мощей, какъ предметовъ поклоненія. Конвокація прославляла за это королеву, какъ новую „Деввору", новую „Юдиѳь". Съ другой стороны, своимъ бракомъ (1554) съ сыномъ Карла V Филиппомъ Марія тѣснѣе сближалась съ католиками на континентѣ. Вскорѣ послѣ своей свадьбы она назначила особую коммиссію изъ католиковъ для искорененія ереси, уничтоженія всѣхъ нововведеній, какія были сдѣланы по смерти ея отца, полнаго возстановленія стараго культа и отнятія должностей у женатыхъ священниковъ; коммиссія эта до истеченія еще полнаго года со дня смерти Эдуарда VI успѣла сдѣлать свое дѣло. Затѣмъ послѣ переговоровъ съ папой, котораго убѣждали не настаивать на возвращеніи конфискованныхъ церковныхъ имуществъ, Марія провела въ парламентѣ и другое дѣло: папская власть надъ Англіей была формально возстановлена, хотя при этомъ владѣльцамъ бывшихъ монастырскихъ имѣній было гарантировано спокойное ими обладаніе. Безъ этого парламентъ, какъ это было ясно самой королевѣ, не согласился бы признать папскую власть, такъ какъ среди его членовъ было много лицъ, обогатившихся при секуляризаціи, и они боялись, что за возстановленіемъ папской юрисдикціи послѣдуетъ и возвращеніе монастырямъ ихъ имѣній. Потомъ были возстановлены старые законы противъ еретиковъ, и началась репрессія протестантизма посредствомъ казней. Но въ Англіи въ это время уже было

не мало искреннихъ протестантовъ, которые или бѣжали на континентъ, въ Германію и въ Швейцарію, и основывали тамъ свои общины, или упорно отказывались отречься отъ своей вѣры. Въ самой Англіи начались розыски виновныхъ въ ереси и сожженія еретиковъ. Церковнымъ судамъ была большая работа, благодаря страшно развившемуся шпіонству. Среди погибшихъ были Роджерсъ, сотрудникъ Тиндаля по переводу Библіи, Кранмеръ и другіе дѣятели предыдущаго періода. Твердость мучениковъ за вѣру производила впечатлѣніе на народъ, а эмигранты съ континента наводняли Англію летучими листками, въ которыхъ королева предавалась проклятію, какъ новая „Іезавель". Самымъ безпощаднымъ изъ такихъ памфлетовъ былъ написанный въ Женевѣ Ноксомъ „Трубный гласъ противъ чудовищнаго правленія женщины". Эти произведенія читались въ народѣ, сѣя въ немъ первыя сѣмена будущаго пуританизма. Маріи уже противопоставляли ея сестру, дочь Генриха VIII отъ Анны Болейнъ, Елизавету, а потому католическіе фанатики совѣтовали королевѣ казнить ее, какъ еретичку. За поводомъ дѣло не остановилось бы, такъ какъ имя Елизаветы часто повторялось при открытіи заговоровъ противъ Маріи. Не одно только возобновленіе религіознаго террора было причиной народнаго неудовольствія: когда королева объявила о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ съ Филиппомъ, многіе стали бояться уничтоженія въ Англіи ея внутренней свободы, ея парламента, стали бояться за самую даже независимость Англіи отъ Испанской монархіи. Еще до бракосочетанія своего съ Филиппомъ Марія должна была подавить разныя возстанія, а это повлекло за собою также казни. Въ концѣ 1555 г. королева настояла въ парламентѣ на томъ, чтобы (какъ того требовалъ и папа Павелъ IV) была возвращена церкви, по крайней мѣрѣ, та часть монастырскихъ имуществъ, которая оставалась еще за короной; принятое незначительнымъ большинствомъ голосовъ постановленіе парламента въ этомъ смыслѣ поселило сильную тревогу въ владѣльцахъ секуляризованной монастырской собственности. Наконецъ, внѣшняя политика Маріи, вполнѣ подчинявшаяся видамъ Испаніи, лишила Англію въ войнѣ съ Франціей города Кале, которымъ англичане владѣли со временъ столѣтней войны. Не встрѣтивъ поддержки въ парламентѣ, правительство стало налагать произвольныя подати, а когда ихъ кто-либо отказывался платить и судъ становился на сторону сопротивлявшагося, правительство нападало на независимыхъ судей.

Реакція при Маріи Кровавой показала, какъ, въ сущности, было непрочно церковное зданіе, выстроенное ея отцомъ и братомъ. Въ самое короткое время и съ согласія парламента всѣ нововведенія были отмѣнены, и католицизмъ былъ возстановленъ съ своими стро-

гими законами противъ еретиковъ. Но въ націи были элементы, которые не мирились съ этой реставраціей: то были, во-первыхъ, владѣльцы секуляризованной собственности, во-вторыхъ, протестанты. Одни сдѣлались сторонниками англиканизма за доставленныя имъ выгоды, другіе — послѣдователями зарождавшагося пуританизма по убѣжденію въ идолопоклонствѣ католической церкви. Съ другой стороны, *эта реакція, связавъ дѣло католицизма съ внутреннею тираннiею и ненаціональною внѣшней политикой, отвратила англичанъ отъ католицизма.* Поэтому преемницѣ Маріи было легко произвести реставрацію англиканизма, хотя многіе не могли примириться ни съ королевскою властью въ дѣлахъ вѣры, ни съ остатками римскихъ „суевѣрій“ и „идолослуженія“, сохранившимися въ англиканской церкви. Быть можетъ, раздѣленіе англійской націи во второй половинѣ XVI в. на сторонниковъ установленной церкви и на пуританъ есть одна изъ лучшихъ иллюстрацій того, что въ дѣлѣ принятія реформы одними руководили соображенія, болѣе или менѣе постороннія религіозному убѣжденію, другими — исканіе религіозной истины, хотя чисто практическія соображенія должны были бы отвращать ихъ отъ такого исканія. Англиканская церковь, при созданіи которой Генрихомъ VIII и Эдуардомъ VI, какъ и при ея реставраціи Елизаветой, не дѣйствовалъ никакой самостоятельный религіозный принципъ, а первую роль играли мотивы нерелигіознаго свойства, при извѣстныхъ условіяхъ могла еще сдѣлаться національной, т.-е. найти поддержку въ народѣ, могла еще утвердиться въ его жизни, какъ церковь государственная, но она не была достаточно „очищена“, чтобы удовлетворить настоящихъ протестантовъ, не была проникнута настолько, какъ кальвинизмъ, внутреннею религіозностью, чтобы дѣйствовать на умъ и чувство отдѣльнаго человѣка. Однимъ словомъ, англиканская церковь была создана скорѣе для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей государства, чѣмъ для удовлетворенія духовныхъ запросовъ индивидуума. Государственныя соображенія въ очень значительной мѣрѣ принимались въ расчетъ и при организаціи другихъ протестантскихъ церквей, вводилась реформація законною властью или революціей, но нигдѣ такъ мало не дѣйствовалъ факторъ религіознаго убѣжденія и чувства, какъ при учрежденіи и возстановленіи англиканской церкви. Между тѣмъ Англія подъ конецъ тоже была задѣта религіознымъ движеніемъ вѣка, и, конечно, тѣмъ, кого католицизмъ болѣе не удовлетворялъ, предстояло выбирать между англиканизмомъ и пуританизмомъ, между церковью, въ основаніе которой были положены извѣстные интересы, удобства, выгоды, заднія мысли, и церковью, которая съ необыкновенною послѣдовательностью развивала въ своемъ ученіи и осуществляла въ своемъ устрой-

ствѣ слово Божіе, какъ его понимали реформаторы XVI вѣка. Уже при Генрихѣ VIII обнаруживалось различіе между королевской реформаціей и настоящими протестантскими стремленіями, но, собственно говоря, противоположность между реформаціей, произведенной въ интересахъ государства, и реформаціей, имѣвшей свое начало въ религіозныхъ потребностяхъ личности, обнаружилась вполнѣ только при Елизаветѣ, когда именно, *съ одной стороны, утвердился англиканизмъ, окончательно принявшій характеръ государственной церкви, а съ другой, распространился пуританизмъ, отвѣчавшій на запросы индивидуальнаго религіознаго сознанія.*

Въ царствованіе Маріи протестанты смотрѣли на Елизавету, какъ на свою единовѣрку, католики — какъ на самую зловредную еретичку. Ея положеніе при сестрѣ было не только трудное, но и весьма опасное, хотя по требованію Маріи Елизавета отреклась отъ протестантизма, посѣщала католическую мессу и держала себя въ высшей степени осторожно по отношенію къ возникшей противъ Маріи оппозиціи, на нее возлагавшей всѣ свои надежды, какъ на наслѣдницу бездѣтной сестры, даже какъ возможную ея замѣстительницу еще при ея жизни. Послѣ открытія одного заговора Елизавету подвергли даже допросу и посадили въ Тоуэръ, а сторонники католической реакціи, поддерживаемые въ этомъ отношеніи совѣтами Карла V, прямо требовали головы еретички. Вождь католиковъ, канцлеръ-епископъ Гардинеръ говорилъ, что сѣкиру нужно положить къ самому корню дерева ереси, такъ какъ безполезно только обрывать ея листья и обрубать вѣтви. У Елизаветы, однако, нашелся защитникъ въ лицѣ мужа Маріи, который не желалъ, чтобы вслѣдствіе бездѣтности его жены послѣ ея смерти престолъ достался шотландской королевѣ Маріи Стюартъ, такъ какъ это обозначало бы переходъ Англіи подъ французское вліяніе. Филиппъ, самъ сдѣлавшійся въ это время испанскимъ королемъ, подумывалъ даже о бракѣ съ Елизаветой въ случаѣ кончины Маріи. Его вмѣшательству Елизавета и была обязана тѣмъ, что ее возвратили ко двору. Впрочемъ, и послѣ этого, живя главнымъ образомъ въ уединеніи Гетфильдскаго замка, она находилась подъ сильнымъ надзоромъ, постоянно подозрѣваемая и сама постоянно опасаясь за свою судьбу. Елизавета получила, какъ извѣстно, блестящее классическое образованіе, читала, переводила и даже комментировала греческихъ и латинскихъ авторовъ, хорошо была знакома съ св. писаніемъ (съ Новымъ Завѣтомъ въ подлинникѣ), съ отцами церкви и сочиненіемъ Меланхтона „Loci communes theologici“, но кромѣ того, она прошла еще суровую жизненную школу, въ которой пріобрѣла сдержанность, расчетливость въ поступкахъ, умѣніе притворяться и ладить со всѣми, съ кѣмъ было

нужно. Въ ея отношеніи къ религіозному вопросу на первомъ планѣ стояли тоже политическія соображенія, а не убѣжденіе. Ее воспитывали въ новой вѣрѣ, но въ царствованіе своей сестры она прикидывалась ревностною католичкою, даже высказывала неудовольствіе по поводу того, что ея обращенію плохо вѣрили, а передъ смертью Маріи всячески успокоивала ее относительно будущаго католической церкви въ Англіи. Повидимому, она оставалась вѣрною католицизму и по своемъ вступленіи на престолъ, такъ какъ короновалась съ соблюденіемъ католическаго ритуала. Мало того: англійскіе протестанты, которые послѣ ея вступленія на престолъ стали возвращаться на родину, начали скоро разочаровываться въ новой королевѣ и упрекать ее въ приверженности католицизму. Когда уже вполнѣ была возстановлена церковь ея брата, и съ собственнаго же согласія королевы алтари при богослуженіи были замѣнены простыми столами, въ придворной церкви была сохранена вся католическая обстановка. Въ сущности, Елизавета не была ни католичкою, ни протестанткою и потому не хотѣла видѣть въ Англіи ни папизма, ни пуританизма. Это не значило, чтобы у нея не было никакой религіи: она оставалась христіанкою, но въ глубинѣ души не придавала большого значенія вѣроисповѣднымъ отличіямъ и вообще не понимала ни фанатизма религіозныхъ преслѣдователей, ни фанатизма гонимыхъ за вѣру. Въ эпоху страшной католической реакціи на континентѣ она даже мечтала объ образованіи международнаго невѣроисповѣднаго союза, который отказался бы отъ вмѣшательства въ дѣла вѣры. Въ этомъ отношеніи королева, изъ протестантки сдѣлавшаяся католичкой и изъ католички опять протестанткой, довольно хорошо характеризовала и *религіозное настроеніе большинства англійской націи, безпрекословно подчинявшагося церковнымъ перемѣнамъ, которыя производились въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVI в. ея правителями.* Сравнительно съ Шотландіей и съ государствами континента, „веселая Англія“ королевы Бетси была мало задѣта религіознымъ движеніемъ; въ англійской культурѣ той эпохи чувствовался болѣе духъ Возрожденія, чѣмъ духъ реформаціи, и о величайшемъ писателѣ елизаветина вѣка въ Англіи, Шекспирѣ, трудно сказать, былъ ли онъ католикомъ или протестантомъ. При такомъ настроеніи королевы и большинства націи религіозный вопросъ долженъ былъ рѣшаться на основаніи соображеній, постороннихъ религіи, взятой самой въ себѣ. Такъ оно и вышло, и *церковь Эдуарда VI, бывшая результатомъ компромисса между католическими и протестантскими тенденціями подъ вліяніемъ соображеній политическаго свойства, какъ нельзя болѣе годилась для того, чтобы сдѣлаться учрежденіемъ государственнымъ и національнымъ.*

Съ строго-католической точки зрѣнія Елизавета не была законною дочерью Генриха VIII. Папа протестовалъ противъ ея вступленія на престолъ. Католическіе епископы не хотѣли ее короновать, и лишь одного изъ нихъ кое-какъ убѣдили совершить надъ нею обрядъ. Уже на похоронахъ Маріи епископъ винчестерскій сказалъ въ своей надгробной рѣчи, что покойная королева оставила наслѣдницу, которой нужно повиноваться, потому что „живая собака все-таки предпочтительнѣе мертваго льва". Шотландская королева и вмѣстѣ съ тѣмъ жена французскаго дофина, Марія Стюартъ предъявила притязаніе на англійскій престолъ, какъ правнучка Генриха VII, и присоединила къ своимъ титуламъ титулъ королевы Англіи и Ирландіи. Однимъ словомъ, католическая реакція на континентѣ была противъ Елизаветы, и противъ нея была католическая партія въ самой Англіи. Начались даже заговоры противъ новой королевы. Политическій расчетъ заставилъ Елизавету стать поэтому на сторону протестантизма, но она отнюдь не могла быть сторонницей пуританскаго духа. У нея была извѣстная склонность къ богослужебной эстетикѣ, къ иконамъ, къ разукрашеннымъ алтарямъ, къ торжественнымъ обрядамъ и процессіямъ, къ церковной музыкѣ. Повидимому, она симпатизировала и нѣкоторымъ католическимъ догматамъ, да и сама она не разъ увѣряла католическихъ посланниковъ, что вѣруетъ совершенно такъ же, какъ ихъ государи. Каковы бы ни были ея убѣжденія, ей все-таки приходилось вступать въ сдѣлки съ своею совѣстью, разъ того требовали политическія обстоятельства.

Давъ во время коронаціи клятву охранять католическую церковь, Елизавета не исполнила этой клятвы, если только она не разумѣла подъ этимъ именемъ церковь англиканскую, которая тоже называлась католическою. Въ первый же парламентъ, собранный при ней, правительство внесло предложеніе возстановить англиканскую церковь. Лорды и общины немедленно объявили королеву рожденною отъ законнаго брака и возвратили коронѣ всѣ права, которыя Марія уступила папѣ и іерархіи. Елизавета отказалась только отъ титула „главы церкви", какъ отъ титула іерархическаго, замѣнивъ его, однако, равносильнымъ титуломъ „верховной правительницы церковныхъ и свѣтскихъ дѣлъ". Для завѣдованія первыми установлена была верховная коммиссія, которой, однако, не было дано право объявлять ересью ученія, не противорѣчащія св. писанію и первымъ четыремъ вселенскимъ соборамъ. Лица, занимавшія церковныя и гражданскія должности, должны были принести присягу на вѣрность новому закону. Католическое богослуженіе замѣнялось англиканскимъ по исправленному всеобщему служебнику (Common prayerbook). Католическіе епископы стояли за сохраненіе папской власти и рим-

скаго культа, но королева заявила имъ, что „она и домъ ея будутъ служить Господу“, а не папѣ. Большинство епископовъ отказало въ присягѣ, королева у пятнадцати епископовъ отняла ихъ должности, нѣкоторыхъ отдала подъ надзоръ и даже подвергла тюремному заключенію. Такъ же она поступила и съ другими лицами (напр., профессорами университетовъ и прелатами), отказавшимися признать ея супрематію. Затѣмъ были назначены новые епископы, снова секуляризованы монастыри, возстановленные при Маріи, и введены 42 „статьи вѣры“, утвержденныя парламентомъ при Эдуардѣ VI. Въ новую сессію парламента была внесена исправленная и принятая конвокаціей редакція этихъ статей (39 статей), которая и была имъ утверждена съ объявленіемъ, что отступленіе отъ нихъ будетъ считаться ересью и подвергаться наказанію.

Англиканская церковь вообще сохраняла названіе „вселенской“ (католической), въ томъ смыслѣ, что видимыя національныя церкви суть части единой церкви невидимой, вселенской. Каждая національная церковь имѣетъ видимаго главу въ лицѣ государя, но невидимый глава церкви вселенской есть Христосъ: папа узурпировалъ права государей и присвоилъ себѣ божественное достояніе. Благодаря соединенію церкви и государства подъ однимъ главенствомъ, государство дѣлается христіанскимъ; всѣ подданные одинаково должны принадлежать къ этому единенію, противящіеся же ему, какъ больные члены тѣла, отсѣкаются. Національная церковь свята, ибо имѣетъ божественное происхожденіе отъ апостоловъ, получившихъ отъ Христа Духъ Святой, переданный ими посредствомъ рукоположенія епископамъ, какъ правителямъ церкви; послѣдніе имѣютъ поэтому сообщаемыя Св. Духомъ силы благодати и передаютъ ихъ священникамъ и мірянамъ. Въ ученіи объ епископскомъ преемствѣ и благодатномъ характерѣ іерархіи англиканская церковь стоитъ ближе къ католицизму и существенно отличается отъ другихъ протестантскихъ исповѣданій. Соединивъ въ ученіи о таинствахъ католическій взглядъ на спасающую силу церкви (но безъ исключительной въ этомъ отношеніи силы таинствъ) съ протестантскимъ догматомъ объ оправданіи вѣрою, англиканизмъ, такъ сказать, занялъ среднее положеніе между старою и новыми церквами. Рѣшенія духовныхъ соборовъ (конвокацій) англиканской церкви могли получать силу только по утвержденіи ихъ парламентомъ (т.-е. королемъ, лордами и общинами); епископы сохранили свои мѣста въ верхней палатѣ, но не въ качествѣ духовныхъ сановниковъ, а какъ распорядители имѣній, которыми были дотированы ихъ каѳедры. Формально епископа выбиралъ капитулъ, но на основаніи королевской грамоты, въ которой прописывалось имя кандидата. Высшее духовенство было непосред-

ственно подчинено королевской власти, низшее—высшему, церковный судъ—королю и тайному совѣту. За общиной никакихъ правъ не признавалось въ назначеніи священниковъ. „39 статей“ были составлены въ протестантскомъ духѣ, „служебникъ“—скорѣе въ католическомъ, такъ какъ богослуженіе было въ большинствѣ случаевъ лишь передѣлкою католической мессы и другихъ церковныхъ службъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ характеръ англиканской церкви. Разсматривая ее, нужно имѣть въ виду слѣдующія ея особенности, объясняющія намъ, почему противъ нея должна была возникнуть пуританская оппозиція.

Во-первыхъ, мы видѣли, что *англиканская церковь была результатомъ компромисса между католицизмомъ и протестантизмомъ.* Она заимствовала многое изъ реформаціи, но сохранила католическія понятія видимаго главы церкви и облагодатствованной іерархіи въ лицѣ епископовъ, а также многія подробности культа. Въ этихъ отношеніяхъ англиканская церковь была совершенною противоположностью кальвинизму вообще, какъ господствовавшему тогда виду реформаціи, а въ частности утвердившейся въ сосѣдней съ Англіею Шотландіи церкви пресвитеріанской: одна была церковь монархически-аристократическая, другая — республиканско-демократическая, такъ какъ признавала самоуправленіе религіозной общины и отвергала епископатъ. Англиканскій культъ въ сравненіи съ шотландскимъ былъ тоже мало „очищенъ“ отъ католическихъ примѣсей.

Во-вторыхъ, народное реформаціонное движеніе въ Англіи принимало индивидуалистическій характеръ. Это выразилось съ наибольшею силою въ индепендентствѣ XVII в., зародившемся, однако, во второй половинѣ царствованія Елизаветы. Между тѣмъ *англиканизмъ во имя своего чисто государственнаго характера требовалъ единообразія церковной жизни въ странѣ.* „39 статей“ сдѣлались обязательнымъ символомъ вѣры; культъ долженъ былъ происходить по установленному служебнику, получившему даже названіе „книги общей молитвы“ (Common prayerbook); особымъ „актомъ объ единообразіи“ (act of uniformity) требовалась внѣшняя „сообразность“ (conformity) всѣхъ съ установленными порядками. Хотя при этомъ теоретически мнѣніямъ и предоставлялась свобода, но она не могла быть дѣйствительною, разъ, напр., религіозное мнѣніе католика или пуританина именно въ томъ и состояло, что „сообразоваться“ съ англиканизмомъ противно волѣ Божіей и голосу совѣсти. Характерно, что всѣ, не желавшіе признать того, что требовалось актомъ объ единообразіи, были названы „нонконформистами“.

Въ-третьихъ, *англиканская церковь вводилась не только королевскою властью, но и парламентомъ.* И при Генрихѣ VIII, и при

Эдуардѣ VI, и при Маріи съ Елизаветой парламентъ санкціонировалъ религіозныя перемѣны. Между тѣмъ среди англійскихъ протестантовъ образовалось направленіе, признававшее право на церковное самоуправленіе не за цѣлою страною, а за отдѣльными общинами.

Впрочемъ, почти во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ англиканская церковь мало чѣмъ отличалась отъ другихъ протестантскихъ церквей. Если не de jure, то de facto главами мѣстныхъ церквей были и лютеранскіе государи, а лютеранское духовенство, какъ и англиканское, получало бюрократическій характеръ. Проводя реформу, и лютеранскіе государи опирались на сеймы, да и въ реформатскихъ городовыхъ республикахъ и въ Шотландіи протестантизмъ тоже вводился совѣтами и парламентомъ. Наконецъ, актъ единообразія вполнѣ совпадаетъ по своей идеѣ со всѣми религіозными преобразованіями, какія только вводились князьями, королями, сеймами и городскими совѣтами въ другихъ протестантскихъ странахъ. Другими словами, *была ли реформація правительственною или народною, монархическою или республиканской, она принимала государственный характеръ и требовала себѣ подчиненія отъ индивидуума.* Въ Англіи, благодаря особенному происхожденію ея новой церкви, эта общая черта реформаціи выразилась только рельефнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ что въ этомъ смыслѣ англиканская церковь можетъ служить *образцомъ реформаціи, въ которой первая роль принадлежала государству.* Но реформація имѣла свой источникъ и въ религіозныхъ потребностяхъ индивидуума, а потому *государственному протестантизму какого бы то ни было просхожденія мы имѣемъ право противополагать протестантизмъ индивидуальнаго убѣжденія.* Его представителемъ, напримѣръ, былъ еще Лютеръ, прежде чѣмъ сдѣлаться организаторомъ государственной церкви въ курфюршествѣ саксонскомъ. Индивидуализмъ проявился съ большею силою и въ анабаптизмѣ первой половины XVI в. *Подавленіе анабаптистскаго индивидуализма государственнымъ протестантизмомъ было, въ сущности, тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи было подавленіе пуританизма англиканизмомъ.* Исторія англійской двойной реформаціи тѣмъ и любопытна, что *здѣсь особенно рѣзко развились противоположности королевской и народной реформаціи, государственнаго и индивидуальнаго протестантизма* и пришли между собою въ столкновеніе, осложнившееся въ XVII в. политическимъ *столкновеніемъ между королевскою властью и парламентомъ.* Аналогію послѣднему столкновенію представляютъ собою во второй половинѣ XVI в. шотландская и нидерландская революція, а также попытка ограниченія королевской власти во Франціи путемъ возстановленія генеральныхъ штатовъ.

Вообще аналогіи съ континентомъ въ значительной мѣрѣ по-

могаютъ намъ понять религіозную исторію Англіи при Елизаветѣ. Обнаруживая извѣстную широту религіозныхъ воззрѣній, во всякомъ случаѣ будучи чужда фанатизма и даже способна на компромиссы, Елизавета тѣмъ не менѣе постоянно преслѣдовала нонконформистовъ, одинаково и папистовъ, и пуританъ, и даже бывали отдѣльные случаи примѣненія къ нимъ смертной казни. Сотрудники королевы объясняли такое ея поведеніе политическими мотивами: гонимые ею католики и пуритане были ея политическими врагами, но она вовсе не имѣла намѣренія насиловать совѣсти своихъ подданныхъ. При всемъ интересѣ, какой представляетъ собою психологическая сторона вопроса, нужно помнить, что самое положеніе Елизаветы, какъ высшей церковной власти въ странѣ, при существованіи акта объ единообразіи заставляло ее поддерживать установленную церковь и смотрѣть на всѣхъ нонконформистовъ, какъ на ослушниковъ государственнаго закона: это было тоже своего рода „cujus regio, ejus religio". Собственно говоря, только паписты были настоящими политическими врагами Елизаветы, составляли противъ нея заговоры и вступали въ сношенія съ внѣшними врагами Англіи. Это составляло политическій мотивъ борьбы противъ религіи, одно исповѣданіе которой должно было дѣлать человѣка склоннымъ къ государственной измѣнѣ, какъ это думали весьма многіе англичане, пріучившіе себя смотрѣть на принадлежность къ установленной церкви, какъ на доказательство патріотизма. Наоборотъ, пуритане никакихъ заговоровъ не составляли, убивать королеву не думали, съ иностранными врагами государства не сносились, и тѣмъ не менѣе они также подвергались преслѣдованіямъ, которыхъ нельзя было оправдывать ссылкою на политическую необходимость. Пуританизмъ, который въ XVII в. сталъ играть важную политическую роль, при Елизаветѣ сохранялъ чисто религіозный характеръ, но это не мѣшало пуританамъ быть въ глазахъ королевы все-таки ослушниками ея воли, мятежными подданными, не хотящими повиноваться парламентскимъ статутамъ. Многіе пуритане не были даже враждебны подчиненію церкви коронѣ и только хлопотали объ очищеніи культа и уменьшеніи формализма, введеннаго оффиціальнымъ служебникомъ. Лишь преслѣдованія, которымъ ихъ стали подвергать, сдѣлали ихъ оппозицію болѣе принципіальной. На нихъ, конечно, должно было дѣйствовать и то, что происходило въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, гдѣ ихъ единовѣрцы вели борьбу за права своей совѣсти. Шотландскій пресвитеріанизмъ сдѣлался образцомъ и для англійскихъ кальвинистовъ и своимъ республиканскимъ церковнымъ устройствомъ, и своимъ упрощеннымъ богослуженіемъ, и своею суровою моральною дисциплиною. У кальвинистовъ другихъ странъ пуритане учились

и стойкости въ отстаиваніи своихъ религіозныхъ убѣжденій. Когда обстоятельства заставили Елизавету сдѣлаться заступницей кальвинистовъ на континентѣ, ихъ англійскіе единовѣрцы возносили о ней пламенныя молитвы къ Богу, даже сидя въ тюрьмахъ за свой религіозный „нонконформизмъ", а одинъ пуританинъ, которому отрубили въ видѣ наказанія руку, взялъ въ другую руку шляпу и, махая ею, закричалъ: „Боже, храни королеву!"

Во второй половинѣ царствованія Елизаветы, въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. среди пуританъ возникло новое направленіе, получившее особое значеніе только въ XVII в. подъ названіемъ индепендентства. Это была секта, приверженцы которой назывались первоначально броунистами по имени основателя секты Броуна. Исходя изъ того принципа, что каждый человѣкъ имѣетъ право на религіозную свободу и что такою же свободою должна пользоваться каждая конгрегація, состоящая изъ лицъ однихъ и тѣхъ же религіозныхъ воззрѣній, сектанты отвергали зависимость религіозныхъ общинъ отъ какихъ бы то ни было свѣтскихъ или духовныхъ властей. Поэтому они не признавали въ дѣлахъ вѣры не только королевской или епископской власти, но и власти пресвитеріанскаго національнаго синода. Республиканскіе и демократическіе принципы были послѣдовательно проведены въ церковной жизни броунистовъ: ихъ общины были вполнѣ независимы отъ какой бы то ни было духовной власти, откуда позднѣйшее названіе индепендентовъ, т.-е. независимыхъ; въ каждой общинѣ господствовало полное равенство; общія дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; общины сами выбирали своихъ проповѣдниковъ, не требуя отъ нихъ спеціальной подготовки, но и смѣщая ихъ, когда были ими недовольны. Взаимныя отношенія общинъ были также основаны на началахъ равенства, ибо ни одна другой не подчинялась: когда, напр., какая-либо конгрегація дѣлалась слишкомъ многочисленною, такъ что ея члены не въ состояніи были собираться въ одномъ помѣщеніи для общаго богослуженія, — для котораго, нужно замѣтить, не полагалось никакихъ опредѣленныхъ формъ, — то раздѣлялась на двѣ части, совершенно независимыя одна отъ другой. Единственное наказаніе, какому могъ быть подвергнутъ членъ общины, состояло въ исключеніи изъ общины. Равнымъ образомъ, если одна конгрегація замѣчала, что члены другой ведутъ непохвальный образъ жизни или отступаютъ отъ самыхъ основаній христіанской вѣры, то имѣла право только дѣлать ей внушенія и прекращать общеніе съ нею.

Англиканизмъ и броунизмъ были двѣ противоположности, на которыхъ съ особою наглядностью наблюдается раздѣльное дѣйствіе политическихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и религіозныхъ причинъ

реформаціи XVI в., — противоположности, въ данномъ случаѣ совпавшія съ противоположностями реформаціи королевской и народной, государственной и индивидуалистической. Въ сравненіи съ этою послѣднею противоположностью само пресвитеріанство, сохранявшее всѣ основныя черты кальвинизма, было чѣмъ-то среднимъ, промежуточнымъ, во многихъ отношеніяхъ даже болѣе близкимъ къ англиканизму. Преслѣдованія, которымъ подвергались безразлично всѣ пуритане, сближало пресвитеріанъ и индепендентовъ, которые были подвергнуты страшному гоненію при самомъ своемъ появленіи въ Англіи (уже въ 1583 году было казнено два приверженца этой секты), но въ XVII столѣтіи пресвитеріанскіе и индепендентскіе элементы пуританизма рѣзко разошлись между собою, и главнымъ пунктомъ разногласія между ними сдѣлался вопросъ о свободѣ совѣсти.

XX. Принципы протестантизма [1]).

Итоги реформаціи. — Протестантизмъ и его принципы. — Католицизмъ, гуманизмъ, протестантизмъ. — Принципъ свободы совѣсти Кастелліонъ и Доле. — Свобода мысли и раціонализмъ въ реформаціи. — Социніанизмъ въ Польшѣ. — Протестантское государство. — Соціальные и политическіе вопросы. — Политическое ученіе лютеранъ. — Политическая литература у кальвинистовъ. — Вліяніе реформаціи на оживленіе католицизма.

Разсмотрѣніе реформаціи въ собственномъ смыслѣ нами окончено: мы познакомились съ разными видами реформаціи и съ исто-

---

[1]) Ср. т. I, гл. 24, гдѣ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ гуманизма и реформаціи. Многія изъ затронутыхъ здѣсь культурныхъ явленій, кромѣ общихъ сочиненій, разсматриваются въ исторіяхъ религіи, философіи и политическихъ ученій. Еще *M. Carriere*. Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit in ihrer Beziehunger zur Gegenwart.—*Laurent*. La réforme.—*Бэрдъ*. Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію.—*Berger*. Die Kulturaufgaben der Reformation (есть русск. пер.). — *Jules Jolly*. Histoire du mouvement intellectuel au XVI siècle et pendant la première partie du XVII. — *D. Nisard*. Renaissance et Réforme. — *Блюнчли*. Исторія общаго государственнаго права и политики. — *Чичеринъ*. Исторія политическихъ ученій.—*Его же*. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. — *P. Janet*. Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. — *Маассенъ*. Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти.—*Franck*. Réformateurs et publicistes de l'Europe.— *Weill*. Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion. — *Dareste*. Etude sur François Hotman.— *O. Gierke*. J. Althusius und die Entwickelung der naturrechtlichen Staatstheorien. — *Treumann*. Die Monarchomachen. — *H. H. Любовичъ*. Марниксъ де С. Альдегондъ, какъ политическій писатель. — *P. Ю. Випперъ*. Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1896).—*Méaly*. Origine des idées politiques libérales en France. Les publicistes

и стойкости въ отстаиваніи своихъ религіозныхъ убѣжденій. Когда обстоятельства заставили Елизавету сдѣлаться заступницей кальвинистовъ на континентѣ, ихъ англійскіе единовѣрцы возносили о ней пламенныя молитвы къ Богу, даже сидя въ тюрьмахъ за свой религіозный „нонконформизмъ", а одинъ пуританинъ, которому отрубили въ видѣ наказанія руку, взялъ въ другую руку шляпу и, махая ею, закричалъ: „Боже, храни королеву!"

Во второй половинѣ царствованія Елизаветы, въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. среди пуританъ возникло новое направленіе, получившее особое значеніе только въ XVII в. подъ названіемъ индепендентства. Это была секта, приверженцы которой назывались первоначально броунистами по имени основателя секты Броуна. Исходя изъ того принципа, что каждый человѣкъ имѣетъ право на религіозную свободу и что такою же свободою должна пользоваться каждая конгрегація, состоящая изъ лицъ однихъ и тѣхъ же религіозныхъ воззрѣній, сектанты отвергали зависимость религіозныхъ общинъ отъ какихъ бы то ни было свѣтскихъ или духовныхъ властей. Поэтому они не признавали въ дѣлахъ вѣры не только королевской или епископской власти, но и власти пресвитеріанскаго національнаго синода. Республиканскіе и демократическіе принципы были послѣдовательно проведены въ церковной жизни броунистовъ: ихъ общины были вполнѣ независимы отъ какой бы то ни было духовной власти, откуда позднѣйшее названіе индепендентовъ, т.-е. независимыхъ; въ каждой общинѣ господствовало полное равенство; общія дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; общины сами выбирали своихъ проповѣдниковъ, не требуя отъ нихъ спеціальной подготовки, но и смѣщая ихъ, когда были ими недовольны. Взаимныя отношенія общинъ были также основаны на началахъ равенства, ибо ни одна другой не подчинялась: когда, напр., какая-либо конгрегація дѣлалась слишкомъ многочисленною, такъ что ея члены не въ состояніи были собираться въ одномъ помѣщеніи для общаго богослуженія, — для котораго, нужно замѣтить, не полагалось никакихъ опредѣленныхъ формъ, — то раздѣлялась на двѣ части, совершенно независимыя одна отъ другой. Единственное наказаніе, какому могъ быть подвергнутъ членъ общины, состояло въ исключеніи изъ общины. Равнымъ образомъ, если одна конгрегація замѣчала, что члены другой ведутъ непохвальный образъ жизни или отступаютъ отъ самыхъ основаній христіанской вѣры, то имѣла право только дѣлать ей внушенія и прекращать общеніе съ нею.

Англиканизмъ и броунизмъ были двѣ противоположности, на которыхъ съ особою наглядностью наблюдается раздѣльное дѣйствіе политическихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и религіозныхъ причинъ

реформаціи XVI в., — противоположности, въ данномъ случаѣ совпавшія съ противоположностями реформаціи королевской и народной, государственной и индивидуалистической. Въ сравненіи съ этою послѣднею противоположностью само пресвитеріанство, сохранявшее всѣ основныя черты кальвинизма, было чѣмъ-то среднимъ, промежуточнымъ, во многихъ отношеніяхъ даже болѣе близкимъ къ англиканизму. Преслѣдованія, которымъ подвергались безразлично всѣ пуритане, сближало пресвитеріанъ и индепендентовъ, которые были подвергнуты страшному гоненію при самомъ своемъ появленіи въ Англіи (уже въ 1583 году было казнено два приверженца этой секты), но въ XVII столѣтіи пресвитеріанскіе и индепендентскіе элементы пуританизма рѣзко разошлись между собою, и главнымъ пунктомъ разногласія между ними сдѣлался вопросъ о свободѣ совѣсти.

XX. Принципы протестантизма [1].

Итоги реформаціи. — Протестантизмъ и его принципы. — Католицизмъ, гуманизмъ, протестантизмъ. — Принципъ свободы совѣсти. Кастелліонъ и Доле. — Свобода мысли и раціонализмъ въ реформаціи. — Социніанизмъ въ Польшѣ. — Протестантское государство. — Соціальные и политическіе вопросы. — Политическое ученіе лютеранъ. — Политическая литература у кальвинистовъ. — Вліяніе реформаціи на оживленіе католицизма.

Разсмотрѣніе реформаціи въ собственномъ смыслѣ нами окончено: мы познакомились съ разными видами реформаціи и съ исто-

---

[1]) Ср. т. I, гл. 24, гдѣ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ гуманизма и реформаціи. Многія изъ затронутыхъ здѣсь культурныхъ явленій, кромѣ общихъ сочиненій, разсматриваются въ исторіяхъ религіи, философіи и политическихъ ученій. Еще *M. Carriere*. Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit in ihrer Beziehunger zur Gegenwart.—*Laurent*. La réforme.—*Бэрдъ*. Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію.—*Berger*. Die Kulturaufgaben der Reformation (есть русск. пер.). — *Jules Jolly*. Histoire du mouvement intellectuel au XVI siècle et pendant la première partie du XVII. — *D. Nisard*. Renaissance et Réforme. — *Блюнчли*. Исторія общаго государственнаго права и политики. — *Чичеринъ*. Исторія политическихъ ученій.—*Его же*. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. — *P. Janet*. Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. — *Маассенъ*. Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти.—*Franck*. Réformateurs et publicistes de l'Europe.— *Weill*. Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion. — *Dareste*. Etude sur François Hotman.— *O. Gierke*. J. Althusius und die Entwickelung der naturrechtlichen Staatstheorien. — *Treumann*. Die Monarchomachen. — *Н. Н. Любовичъ*. Марниксъ де С. Альдегондъ, какъ политическій писатель. — *Р. Ю. Випперъ*. Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1896).—*Méaly*. Origine des idées politiques libérales en France. Les publicistes

ріей ея въ разныхъ странахъ. Намъ предстоитъ теперь поставить вопросъ объ общихъ ея результатахъ, какъ прежде мы ставили вопросъ объ ея причинахъ. На однихъ ея результатахъ, каковымъ, напримѣръ, является распаденіе католическаго единства Западной Европы и появленіе новыхъ церквей, останавливаться нечего, такъ какъ они очевидны сами собою; о другихъ, каковы освобожденіе протестантскихъ государей отъ папской власти, подчиненіе имъ мѣстнаго духовенства, обогащеніе ихъ отъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и т. п., мы тоже распространяться не станемъ, потому что факты этого рода были уже указаны и сопоставлены раньше. Съ другой стороны, мы видѣли, что для каждой страны въ отдѣльности въ зависимости отъ мѣстныхъ условій реформація имѣла далеко не одинаковое значеніе; но и въ этомъ отношеніи все наиболѣе важное было уже указано, а какія могутъ быть еще сдѣланы дополненія, для этого найдется мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи событій. Но есть нѣкоторая такая еще область, по отношенію къ которой недостаточно ограничиться итогами реформаціи съ указанныхъ точекъ зрѣнія: это — область общихъ принциповъ, внесенныхъ реформаціей въ культурную и соціальную исторію.

Каждое крупное историческое движеніе имѣетъ свои принципы. Иногда эти принципы прямо и ясно формулируются участниками или свидѣтелями движенія, иногда они составляютъ, такъ сказать, скрытую подкладку фактовъ послѣдняго — и именно въ мотивахъ отдѣльныхъ дѣйствій или въ настроеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Реформація была однимъ изъ такихъ историческихъ явленій: масса фактовъ, его составляющихъ, объединяется своею однородностью, и въ немъ мы должны поэтому искать нѣкоторую совокупность принциповъ, которая и есть протестантизмъ, взятый съ культурной или политической стороны. Каждый культурный или политическій принципъ есть извѣстная идея, но эту идею нельзя разсматривать отвлеченно, разъ она играетъ роль историческаго фактора, опредѣляя мысль, чувство и волю дѣятелей движенія, ставя цѣли ихъ дѣятельности, придавая ей характеръ и направленіе, разъ, далѣе, такая идея су-

---

de la Réforme sous François II et Charles IX.—*Н. Любовичъ.* Люблинскіе вольнодумцы XVI в.—*Н. И Стороженко.* Вольнодумецъ эпохи Возрожденія (Доле; о немъ же франц. соч. *Boulmier* и англ. *Copley Christie*). — *Лекки.* Исторія раціонализма.—Для социніанизма см. мой „Очеркъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ", а также книги проф. *Любовича*, гдѣ разсказана исторія выдѣленія польскихъ антитринитаріевъ изъ кальвинской церкви (до Социна). Спеціально этотъ предметъ въ книгахъ: *Fock.* Der Socinianismus. — *Trechsel.* Die protestantischen Antitrinitarier.—*Будринъ.* Антитринитаріи XVI в. (Теологія социніанъ). — *Левицкій.* Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси. — Объ Окино книга *Benrath'a.*

ществуетъ рядомъ съ другими идеями, родственными ей или враждебными, и рядомъ съ другими факторами, напримѣръ, интересами, вступая съ ними во взаимодѣйствіе и испытывая при этомъ разныя съ ихъ стороны измѣненія, и разъ, наконецъ, не всѣ дѣятели данной эпохи суть представители однѣхъ и тѣхъ же идей, или, будучи ихъ представителями, не всегда дѣлаютъ изъ нихъ логическіе выводы и бываютъ послѣдовательны въ ихъ примѣненіи. Реформаціонное движеніе было прежде всего движеніемъ идейнымъ, и принципы протестантизма оказали гораздо болѣе замѣтное вліяніе на тогдашнюю исторію, чѣмъ принципы гуманизма. Протестантизмъ не оставался мыслью и словомъ, а переходилъ въ дѣло; подъ его знамя становились другіе историческіе факторы, такъ какъ онъ овладѣвалъ умомъ, чувствомъ и волею людей и, такъ сказать, ихъ до извѣстной степени перевоспитывалъ. Разсматривая протестантизмъ не съ точки зрѣнія какихъ-либо абсолютныхъ идей, а съ относительной, т.-е. съ исторической точки зрѣнія, мы должны естественно поставить вопросъ, насколько принципы протестантизма соотвѣтствовали культурно-соціальному состоянію общества, чтобы быть имъ принятыми, и насколько принятое могло осуществиться по условіямъ мѣста и времени. Вмѣстѣ съ этимъ должны взять свой предметъ въ сравненіи съ другими принципіальными явленіями того же порядка — съ католицизмомъ, который, какъ извѣстно, самъ обновился подъ вліяніемъ реформаціи, или съ гуманизмомъ, уже раньше проявившимся въ разныхъ сферахъ умственной дѣятельности общества. Чтобы во всемъ объемѣ и во всей полнотѣ рѣшить поставленную задачу, нужно было бы написать отдѣльное сочиненіе, но иногда бываетъ важно дать вопросу извѣстную постановку, даже и не рѣшая его вполнѣ: этому и посвящена настоящая глава. Еще одно общее замѣчаніе. Современный историкъ отдаленъ отъ событій реформаціонной эпохи на цѣлые вѣка: ему виденъ процессъ реформаціи отъ начала до конца; онъ суммируетъ и обобщаетъ отдѣльныя его явленія, сводитъ въ формулы свои обобщенія, анализируетъ взаимныя отношенія культурныхъ направленій и соціальныхъ силъ, т.-е. для него реформація есть предметъ созерцанія и изслѣдованія, и онъ можетъ въ болѣе чистомъ видѣ схватить основные принципы движенія. Въ иномъ положеніи были дѣятели эпохи: они стояли въ серединѣ событій, часто не зная сами, что̀ созидаютъ и что̀ разрушаютъ, къ чему приведутъ тѣ или другіе ихъ поступки; поэтому они могли формулировать принципы движенія иногда только въ частныхъ положеніяхъ, разрозненными одни отъ другихъ, съ большими противорѣчіями, изъ которыхъ самое главное состояло въ томъ, что *начатая во имя индивидуалистическаго принципа свободы совѣсти реформація*

ріей ея въ разныхъ странахъ. Намъ предстоитъ теперь поставить вопросъ объ общихъ ея результатахъ, какъ прежде мы ставили вопросъ объ ея причинахъ. На однихъ ея результатахъ, каковымъ, напримѣръ, является распаденіе католическаго единства Западной Европы и появленіе новыхъ церквей, останавливаться нечего, такъ какъ они очевидны сами собою; о другихъ, каковы освобожденіе протестантскихъ государей отъ папской власти, подчиненіе имъ мѣстнаго духовенства, обогащеніе ихъ отъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и т. п., мы тоже распространяться не станемъ, потому что факты этого рода были уже указаны и сопоставлены раньше. Съ другой стороны, мы видѣли, что для каждой страны въ отдѣльности въ зависимости отъ мѣстныхъ условій реформація имѣла далеко не одинаковое значеніе; но и въ этомъ отношеніи все наиболѣе важное было уже указано, а какія могутъ быть еще сдѣланы дополненія, для этого найдется мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи событій. Но есть нѣкоторая такая еще область, по отношенію къ которой недостаточно ограничиться итогами реформаціи съ указанныхъ точекъ зрѣнія: это — область общихъ принциповъ, внесенныхъ реформаціей въ культурную и социальную исторію.

Каждое крупное историческое движеніе имѣетъ свои принципы. Иногда эти принципы прямо и ясно формулируются участниками или свидѣтелями движенія, иногда они составляютъ, такъ сказать, скрытую подкладку фактовъ послѣдняго — и именно въ мотивахъ отдѣльныхъ дѣйствій или въ настроеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Реформація была однимъ изъ такихъ историческихъ явленій: масса фактовъ, его составляющихъ, объединяется своею однородностью, и въ немъ мы должны поэтому искать нѣкоторую совокупность принциповъ, которая и есть протестантизмъ, взятый съ культурной или политической стороны. Каждый культурный или политическій принципъ есть извѣстная идея, но эту идею нельзя разсматривать отвлеченно, разъ она играетъ роль историческаго фактора, опредѣляя мысль, чувство и волю дѣятелей движенія, ставя цѣли ихъ дѣятельности, придавая ей характеръ и направленіе, разъ, далѣе, такая идея су-

de la Réforme sous François II et Charles IX.—*Н. Любовичъ.* Люблинскіе вольнодумцы XVI в.—*Н. И Стороженко.* Вольнодумецъ эпохи Возрожденія (Доле; о немъ же франц. соч. *Boulmier* и англ. *Copley Christie*). — *Лекки.* Исторія раціонализма.—Для социніанизма см. мой „Очеркъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ", а также книги проф. *Любовича*, гдѣ разсказана исторія выдѣленія польскихъ антитринитаріевъ изъ кальвинской церкви (до Социна). Спеціально этотъ предметъ въ книгахъ: *Fock.* Der Socinianismus. — *Trechsel.* Die protestantischen Antitrinitarier.—*Будринъ.* Антитринитаріи XVI в. (Теологія социніанъ). — *Левицкій.* Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси. — Объ Окино книга *Benrath'a.*

ществуетъ рядомъ съ другими идеями, родственными ей или враждебными, и рядомъ съ другими факторами, напримѣръ, интересами, вступая съ ними во взаимодѣйствіе и испытывая при этомъ разныя съ ихъ стороны измѣненія, и разъ, наконецъ, не всѣ дѣятели данной эпохи суть представители однѣхъ и тѣхъ же идей, или, будучи ихъ представителями, не всегда дѣлаютъ изъ нихъ логическіе выводы и бываютъ послѣдовательны въ ихъ примѣненіи. Реформаціонное движеніе было прежде всего движеніемъ идейнымъ, и принципы протестантизма оказали гораздо болѣе замѣтное вліяніе на тогдашнюю исторію, чѣмъ принципы гуманизма. Протестантизмъ не оставался мыслью и словомъ, а переходилъ въ дѣло; подъ его знамя становились другіе историческіе факторы, такъ какъ онъ овладѣвалъ умомъ, чувствомъ и волею людей и, такъ сказать, ихъ до извѣстной степени перевоспитывалъ. Разсматривая протестантизмъ не съ точки зрѣнія какихъ-либо абсолютныхъ идей, а съ относительной, т.-е. съ исторической точки зрѣнія, мы должны естественно поставить вопросъ, насколько принципы протестантизма соотвѣтствовали культурно-соціальному состоянію общества, чтобы быть имъ принятыми, и насколько принятое могло осуществиться по условіямъ мѣста и времени. Вмѣстѣ съ этимъ должны взять свой предметъ въ сравненіи съ другими принципіальными явленіями того же порядка — съ католицизмомъ, который, какъ извѣстно, самъ обновился подъ вліяніемъ реформаціи, или съ гуманизмомъ, уже раньше проявившимся въ разныхъ сферахъ умственной дѣятельности общества. Чтобы во всемъ объемѣ и во всей полнотѣ рѣшить поставленную задачу, нужно было бы написать отдѣльное сочиненіе, но иногда бываетъ важно дать вопросу извѣстную постановку, даже и не рѣшая его вполнѣ: этому и посвящена настоящая глава. Еще одно общее замѣчаніе. Современный историкъ отдаленъ отъ событій реформаціонной эпохи на цѣлые вѣка: ему виденъ процессъ реформаціи отъ начала до конца; онъ суммируетъ и обобщаетъ отдѣльныя его явленія, сводитъ въ формулы свои обобщенія, анализируетъ взаимныя отношенія культурныхъ направленій и соціальныхъ силъ, т.-е. для него реформація есть предметъ созерцанія и изслѣдованія, и онъ можетъ въ болѣе чистомъ видѣ схватить основные принципы движенія. Въ иномъ положеніи были дѣятели эпохи: они стояли въ серединѣ событій, часто не зная сами, что̀ созидаютъ и что̀ разрушаютъ, къ чему приведутъ тѣ или другіе ихъ поступки; поэтому они могли формулировать принципы движенія иногда только въ частныхъ положеніяхъ, разрозненными одни отъ другихъ, съ большими противорѣчіями, изъ которыхъ самое главное состояло въ томъ, что *начатая во имя индивидуалистическаго принципа свободы совѣсти реформація*

въ наибольшемъ количествѣ своихъ проявленій была отрицаніемъ этого принципа.

Начнемъ съ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ католицизма, гуманизма и протестантизма.

Исходные пункты протестантизма находились въ полной противоположности съ католицизмомъ, хотя новые принципы и не были цѣликомъ введены въ жизнь: здѣсь были одни противъ другихъ принципы церковнаго авторитета и индивидуальной свободы, формальной набожности и внутренней религіозности, традиціонной неподвижности и прогрессивнаго развитія. Такъ дѣло представляется съ отвлеченной точки зрѣнія, но въ дѣйствительности реформація слишкомъ часто была только перемѣною формы, а не принципа: мы видѣли, напр., что во многихъ отношеніяхъ кальвинизмъ былъ только сколкомъ съ католицизма. Въ самомъ дѣлѣ, реформація нерѣдко лишь замѣняла одинъ церковный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры другимъ или авторитетомъ свѣтской власти, установляла для всѣхъ обязательныя внѣшнія формы и, установивъ извѣстныя начала въ церковной жизни, дѣлалась по отношенію къ этимъ началамъ силою консервативною, не допуская дальнѣйшаго ихъ измѣненія. Такимъ образомъ, *вопреки основнымъ принципамъ протестантизма, реформація въ дѣйствительности нерѣдко сохраняла старыя культурно-соціальныя традиціи.* Протестантизмъ, взятый съ принципіальной своей стороны, былъ религіознымъ индивидуализмомъ и въ то же время попыткою освобожденія государства отъ церковной опеки. Послѣднее удалось въ большей степени, чѣмъ проведеніе индивидуалистическаго принципа: государство не только освобождалось отъ церковной опеки, но само подчиняло себѣ церковь и даже становилось на мѣсто церкви по отношенію къ своимъ подданнымъ прямо вопреки индивидуалистическому принципу реформаціи. Своимъ индивидуализмомъ и освобожденіемъ государства отъ теократической опеки *протестантизмъ сходится съ гуманизмомъ эпохи Возрожденія, въ которомъ, какъ извѣстно, сильны были индивидуалистическія и секуляризаціонныя стремленія.* Общимъ у ренессанса и реформаціи были именно стремленіе личности создать себѣ собственный взглядъ на міръ и критическое отношеніе къ традиціоннымъ авторитетамъ, соединенное съ развитіемъ индивидуализма въ формахъ раціонализма и мистицизма; освобожденіе жизни отъ аскетическихъ требованій и реабилитація инстинктовъ человѣческой природы, выразившіяся въ отрицаніи монашества и целибата духовенства; эманципація государства, секуляризація церковной собственности и т. д. Но, сходясь между собою въ этихъ отношеніяхъ, *протестантизмъ и гуманизмъ расходились въ другихъ, будучи одинъ явленіемъ преимущественно свѣтской культуры, другой—культуры религіозной:*

гуманисты исходили изъ идеи земного благополучія личности, реформаторы—изъ идеи загробнаго спасенія; въ своихъ стремленіяхъ первые опирались на классиковъ, вторые—на св. писаніе и отцовъ церкви; одни радовались возрожденію античной образованности, другіе стремились возвратить церковь къ первымъ вѣкамъ христіанства; въ одномъ направленіи индивидуализмъ принималъ характеръ раціоналистическій, въ другомъ—мистическій. Гдѣ сильно было свѣтское Возрожденіе, тамъ не было реформаціи и, наоборотъ, гдѣ реформаціонное движеніе широко охватывало націю и глубоко въ нее проникало, тамъ гуманизму наносился ударъ[1]). Оба направленія, конечно, сближались: нѣмецкій гуманизмъ, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ итальянскаго, довольно индифферентнаго къ религіи, соединялся обыкновенно съ богословскими занятіями, и нѣкоторые его представители сдѣлались дѣятелями реформаціи, что̀ придавало послѣдней (у Цвингли, у Меланхтона и др.) менѣе фанатическій характеръ; сближеніе между реформаціей и гуманизмомъ мы замѣчаемъ и въ раціоналистическомъ сектантствѣ, о которомъ еще будетъ итти рѣчь. Но иногда оба движенія, наоборотъ, расходились до рѣзкой противоположности: нѣмецкое мистическое сектантство, кальвинизмъ, позднѣе индепендентство отличались пренебреженіемъ и даже прямою иногда враждебностью къ свѣтской наукѣ и литературѣ. *Реформація иногда прямо заявляла себя реакціей противъ свѣтскаго направленія жизни*, которое обвинялось ею въ язычествѣ. Лютеръ говорилъ, что безъ реформаціи весь міръ сдѣлался бы эпикурейскимъ; сектантскій ригоризмъ самимъ реформаторамъ казался возрожденіемъ монашескаго аскетизма. Характеромъ реакціи противъ развитія свѣтской культуры особенно отличался кальвинизмъ, поставившій общество подъ надзоръ духовенства, подчинившій его церковной дисциплинѣ и объявившій войну мудрствующему разуму: въ кальвинизмѣ прямо развились принципы, противоположные гуманистическому индивидуализму и гуманистической секуляризаціи мысли и жизни. Однимъ словомъ, протестантизмъ, какъ и всякое сложное историческое явленіе, заключалъ въ себѣ противорѣчія и непослѣдовательности, но общимъ своимъ религіознымъ характеромъ онъ болѣе подходилъ къ тогдашнему культурному состоянію Европы, чѣмъ свѣтскій гуманизмъ. *Возрожденіе послѣдняго произошло лишь въ „просвѣщеніи" XVIII в., которое восприняло въ себя, однако, и многіе элементы изъ протестантизма*, поскольку въ нихъ обоихъ лежали зародыши индивидуализма и секуляризаціи, оттиравшіеся на задній планъ другими присущими имъ принципами. Наприм., индифферентный или слишкомъ разсудочно относившійся къ религіи

---

[1]) Болѣе подробное развитіе этой мысли въ 24 главѣ I тома.

гуманизмъ оказался неспособнымъ выработать индивидуалистическій принципъ свободы совѣсти, все-таки рожденный, хотя и съ великими муками, реформаціей, которая, въ свою очередь, *оказалась неспособною понять свободу мысли*, возникшую въ культурѣ гуманизма: только позднѣе совершился синтезъ этихъ наслѣдій протестантизма и гуманизма. Съ другой стороны, въ своей политической литературѣ, какъ извѣстно, *гуманизмъ не развилъ идеи политической свободы*, которую, наоборотъ, защищали въ своихъ сочиненіяхъ протестанты (въ XVI в. кальвинисты, въ XVII — индепенденты), но *протестантскіе политическіе писатели не могли отрѣшить государственную жизнь отъ вѣроисповѣдной окраски*, что̀, наоборотъ, было въ духѣ гуманизма: и опять лишь позднѣе произошло сліяніе политическихъ воззрѣній реформаціи и ренессанса. *Религіозная и политическая свобода новой Европы обязана своимъ происхожденіемъ преимущественно протестантизму; наоборотъ, свободная мысль и свѣтскій характеръ культуры ведутъ начало отъ гуманизма.* Обновленный католицизмъ оказался по существу своему принципіальнымъ противникомъ свободы совѣсти и свободы мысли, но онъ входилъ въ сдѣлки и съ политическою свободой, и съ свѣтской культурой, когда считалъ это нужнымъ для возвращенія себѣ прежней власти надъ міромъ, между тѣмъ какъ протестанты, защищавшіе политическую свободу, искренне вѣрили во внутреннюю ея правоту, а „философы“ XVIII в. столь же искренне вѣрили въ истину научнаго знанія. Сопоставляя эти культурно-соціальные принципы протестантизма, гуманизма и обновленнаго католицизма, мы должны признать общую прогрессивность двухъ первыхъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки даже съ точки зрѣнія требованій ихъ времени, и общій регрессивный характеръ католической реакціи, вызванной, впрочемъ, самой реформаціей.

Разсмотримъ же судьбу идей свободы совѣсти, свободы мысли, свободы свѣтскаго государства и политической свободы въ исторіи реформаціи.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что *протестантизмъ породилъ принципъ свободы совѣсти, хотя реформація его и не осуществила.* Исходнымъ пунктомъ реформаціи былъ, какъ извѣстно, религіозный протестъ, имѣвшій въ своей основѣ нравственное убѣжденіе: всѣ, сдѣлавшіеся протестантами по внутреннему убѣжденію, встрѣчали отпоръ со стороны католической церкви, а иногда и со стороны государственной власти, но мужественно и даже претерпѣвая мученичество, они отстаивали свободу своей совѣсти, возводя ее даже въ принципъ религіозной жизни, какъ это дѣлалось особенно индепендентами. Въ большинствѣ случаевъ, однако, принципъ этотъ на практикѣ искажался. Мы видѣли, напр., какъ отступилъ отъ него самъ

Лютеръ, торжественно сначала его провозгласившій передъ лицомъ всего міра, но это былъ лишь частный случай болѣе общаго правила. Весьма часто гонимые ссылались на этотъ принципъ лишь въ видахъ самообороны, не имѣя достаточно терпимости, чтобы не дѣлаться гонителями другихъ, когда къ тому представлялась возможность, и думая, что, какъ обладатели истины, они могутъ принуждать къ ней другихъ. Ставя реформацію подъ покровительство свѣтской власти, сами реформаторы передавали ей права старой церкви надъ индивидуальною совѣстью. Съ другой стороны, завоевывая религіозную свободу, протестанты нерѣдко завоевывали ее только для себя. Нѣмецкіе князья, протестовавшіе на шпейерскомъ сеймѣ противъ вмѣшательства свѣтской власти въ религіозную область и ссылавшіеся при этомъ на тотъ принципъ, что дѣла вѣры не могутъ рѣшаться большинствомъ, сами, однако, пользовались правомъ по-своему рѣшать, какой вѣры должны были держаться ихъ подданные. Польская шляхта, фактически добившаяся для себя самой широкой религіозной свободы, не обращала никакого вниманія на своихъ хлоповъ-католиковъ, превращая ихъ приходскія церкви въ протестантскія и заставляя ихъ себѣ платить десятину. Мы увидимъ еще, что по религіознымъ эдиктамъ, дававшимъ гугенотамъ свободу богослуженія, во Франціи дворянство получало въ этомъ отношеніи болѣе широкія права, чѣмъ горожане. Однимъ словомъ, въ этихъ случаяхъ *свобода совѣсти была лишь привилегіей извѣстныхъ лицъ и состояній*, а не общимъ правомъ личности. Отстаивая, далѣе, свою вѣру, протестанты ссылались не столько на индивидуальное свое право, какъ это дѣлалъ Лютеръ на вормскомъ сеймѣ, но главнымъ образомъ на обязанность болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ, но этимъ же самымъ повиновеніемъ Богу оправдывалось и ихъ нетерпимое отношеніе къ иновѣрію, которое они приравнивали къ оскорбленію Божества. Только позднѣе среди индепендентовъ утвердился принципъ, по которому Христосъ, искупивъ всѣхъ людей своею кровью, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ совѣстью людей. Реформаторы даже признавали за государствомъ право наказывать еретиковъ, съ чѣмъ вполнѣ сходилась съ ними свѣтская власть, видѣвшая въ отступленіи отъ господствующаго вѣроисповѣданія ослушаніе ея велѣніямъ. Правда, на первыхъ порахъ вопросъ объ отношеніи къ несогласнымъ въ вѣрѣ приводилъ реформаторовъ въ немалое смущеніе: не могъ же, напримѣръ, Лютеръ ссылаться на тѣ же самые принципы, на основаніи которыхъ католическая церковь его самого объявила еретикомъ. Поэтому онъ останавливался передъ мыслью о казни еретиковъ и охотнѣе подводилъ ересь подъ понятіе богохульства, наказуемаго и гражданскими законами, а еще больше напиралъ на политическую неблагонадеж-

ность такихъ еретиковъ, какими были анабаптисты. Такое отношеніе даже Меланхтонъ, однако, находилъ „глупо мягкимъ", а Кальвинъ не отступилъ передъ сожженіемъ Сервета. Извѣстно, что большинство протестантскихъ богослововъ, включая въ ихъ число и Меланхтона, стали въ этомъ дѣлѣ на сторону Кальвина. Ученикъ Кальвина, сдѣлавшійся потомъ его преемникомъ, и теоретически защищалъ право свѣтской власти наказывать еретиковъ въ особомъ трактатѣ „De haereticis a civili magistratu puniendis". У протестантовъ разныхъ толковъ вообще не было взаимной терпимости: лютеране и кальвинисты только и дѣлали, что враждовали одни съ другими. Особенно нетерпимость развита была въ кальвинизмѣ и вообще во второй половинѣ XVI в. Вотъ одинъ примѣръ: когда Янъ Ласкій долженъ былъ со многими кальвинистами удалиться изъ Лондона въ царствованіе Маріи Кровавой, имъ не позволяли высадиться такіе лютеранскіе города, какъ Копенгагенъ, Роштокъ, Любекъ, Гамбургъ; лишь въ Эмденѣ послѣ долгихъ скитаній несчастные бѣглецы могли, наконецъ, ступить на твердую землю. Религіозный индифферентизмъ гуманистовъ, конечно, соединялся съ терпимостью къ иновѣрію, но въ немъ не было уваженія именно къ свободѣ религіозной совѣсти, и съ этой точки зрѣнія могло оправдываться насиліе надъ чужою вѣрою, если не въ смыслѣ наказанія за ересь или богохульство, то во имя политической необходимости. Въ протестантизмѣ воззванія къ свободѣ совѣсти у гонимыхъ соединялись съ нетерпимостью у власть имѣющихъ, въ гуманизмѣ широкая терпимость — съ непониманіемъ настоящей свободы совѣсти: нужно было соединеніе свободы совѣсти съ терпимостью, нужно было устраненіе религіозной нетерпимости и политическаго неуваженія къ чужой совѣсти, чтобы могъ возникнуть чистый принципъ религіозной свободы.

Изъ общаго правила были, конечно, исключенія, и чѣмъ меньше ихъ было, тѣмъ больше заслуга тѣхъ, которые представляли собою такія исключенія. Въ исторіи Кальвина мы уже упоминали о Кастелліонѣ [1]), какъ объ авторѣ трактата, протестовавшаго противъ сожженія Сервета. Гонимый на своей французской родинѣ за свободное отношеніе къ католицизму, онъ долженъ былъ ее покинуть и сталъ искать такого уголка, гдѣ его не тревожили бы за его религіозныя мнѣнія. Судьба свела его въ 1540 г. въ Страсбургѣ съ Кальвиномъ, и это впослѣдствіи привело его въ Женеву, но не на долгое время. Кальвину не могла нравиться широкая терпимость Кастелліона, и онъ покинулъ этотъ городъ. Послѣ этого онъ поселился въ Базелѣ, гдѣ съ теченіемъ времени сталъ преподавать греческій языкъ. Когда

---

[1]) Сочиненія о немъ указаны въ примѣчаніи къ главѣ XVI.

онъ издалъ свой „Трактатъ объ еретикахъ, а именно о томъ, можно ли ихъ преслѣдовать и какъ должно съ ними обращаться“, написанный по поводу сожженія Сервета, Кальвинъ и Беза всячески старались повредить своему оппоненту, не останавливаясь даже передъ доносами въ базельскій городской совѣтъ. Свою книгу Кастелліонъ издалъ подъ псевдонимомъ Мартина Беллія, откуда защищавшіяся имъ положенія получили названіе белліанизма. Его ученіе было проникнуто глубочайшимъ уваженіемъ къ правамъ человѣческой личности. Свобода есть самая основа нашей жизни, и отнять у человѣка сознаніе своей свободы все равно, что отнять у него чувства. Кто казнитъ за то или другое мнѣніе, тотъ не истину защищаетъ, а убиваетъ человѣка. Мысль можно защищать только мыслью: это — дѣло ученыхъ, а не палачей. Самъ Кастелліонъ былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, но онъ училъ уважать и чужую вѣру, исходя изъ идей милосердія и справедливости. Другимъ такимъ же представителемъ вѣротерпимости былъ тоже французъ Доле, одинъ изъ видныхъ гуманистовъ первой половины XVI вѣка, сожженный въ Парижѣ въ 1546 г. по обвиненію въ богохульствѣ. Уже двадцати-трехлѣтнимъ юношей онъ смѣло протестовалъ противъ совершоннаго на его глазахъ сожженія тулузскаго профессора Катюрса, обвиненнаго въ сочувствіи къ лютеранству. То же самое преступленіе и ему было поставлено въ вину судившими его католиками. Но и протестанты были настроены по отношенію къ нему такъ же враждебно, называя невѣріемъ его проповѣдь терпимости къ чужимъ религіознымъ мнѣніямъ.

Перейдемъ теперь къ другому выводу. *Реформація непріязненно отнеслась къ свободѣ мысли, хотя и содѣйствовала ея развитію*. Мы знаемъ, напримѣръ, какъ враждебно говорили о дѣятельности разума и Лютеръ, и Кальвинъ, и это опять-таки не было случайностью. Вообще въ реформаціи теологическій авторитетъ ставился выше дѣятельности человѣческой мысли, и обвиненіе въ раціонализмѣ было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ въ глазахъ реформаторовъ. Не предвидя того, къ чему поведутъ заявленія о свободѣ совѣсти и правахъ разума, Лютеръ на вормскомъ сеймѣ еще отстаивалъ и эту свободу, и эти права, но когда на основаніи тѣхъ же принциповъ стали высказывать свои взгляды анабаптисты и антитринитаріи, Лютеръ отшатнулся отъ началъ, приводившихъ къ такимъ результатамъ. То же самое, въ сущности, было и съ другими протестантами, когда передъ боязнью ереси они забывали права чужой совѣсти и отрицали права собственнаго разума. Между тѣмъ самый протестъ реформаторовъ противъ требованія католической церкви вѣрить, не разсуждая, заключалъ въ себѣ признаніе извѣстныхъ правъ за индивидуальнымъ пониманіемъ, и было въ высшей степени нелогично признавать сво-

боду изслѣдованія, а за его результаты наказывать. Элементъ научнаго изслѣдованія былъ внесенъ въ теологическія занятія еще тѣми гуманистами, которые съ интересомъ къ классическимъ авторамъ соединяли интересъ къ св. писанію и отцамъ церкви и прилагали гуманистическіе методы къ богословію. Для самого Лютера изученіе Библіи при помощи новыхъ пріемовъ было цѣлымъ рядомъ научныхъ открытій. Поэтому, несмотря на общій принципъ подчиненія разума авторитету св. писанія, необходимость его толкованія требовала дѣятельности разума, и раціонализмъ, несмотря на вражду къ нему теологовъ и мистиковъ, тѣмъ не менѣе проникалъ въ дѣло церковной реформы. Свободомысліе итальянскихъ гуманистовъ рѣдко направлялось на религію, но, стремясь освободить разумъ отъ теологической опеки, они даже изобрѣли особую уловку, утверждая, что истинное въ философіи можетъ быть ложнымъ въ теологіи и наоборотъ. Въ XVI в. мысль направилась главнымъ образомъ на рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ, и мистическая идея о внутреннемъ откровеніи, какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, была лишь предшественницей того позднѣйшаго ученія, въ которомъ самъ разумъ являлся откровеніемъ Божества, и разсматривался поэтому, какъ источникъ религіозной истины. Мы еще познакомимся съ тѣмъ, какъ англійское сектантство въ соединеніи съ другими культурными факторами привело въ исходѣ XVII в. къ такъ называемому „христіанскому деизму", объявившему себя „естественной религіей", или вѣрой „свободныхъ мыслителей"; но уже въ антитринитаризмѣ анабаптистскаго происхожденія и въ серветизмѣ въ первой половинѣ XVI в. мы наблюдаемъ сильную примѣсь религіознаго раціонализма.

Этотъ религіозный раціонализмъ реформаціонной эпохи съ особою силою развился въ антитринитаризмѣ второй половины XVI вѣка, который нашелъ пріютъ въ Польшѣ, благодаря фактически установившейся тамъ религіозной свободѣ. Въ серединѣ XVI в. въ Швейцаріи было уже нѣсколько антитринитаріевъ изъ итальянскихъ бѣглецовъ, каковы: Камилло Ренато, Франческо Негри, Пьетро-Паоло Верджеріо, Бернардино Оккино, Леліо Социни, Маттео Грибальдо, Джіорджіо Бьяндрата (Бландрата), Джентиле (Гентилій), Паоло Альчіати (Альціатъ), а впослѣдствіи нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ въ Польшѣ. Всѣ они находились еще подъ вліяніемъ анабаптизма и только уже въ Польшѣ, подъ вліяніемъ самаго виднаго изъ антитринитаріевъ второй половины XVI в. Фавста Социна это ученіе порвало связь съ свойственнымъ анабаптизму мистицизмомъ и сдѣлалось совершенно раціоналистической религіей.

Фавстъ Социнъ родился въ Сіенѣ въ 1539 г. и получилъ гуманистическое образованіе, хотя и предназначался къ занятію правомъ.

Обладая острымъ умомъ и живя въ эпоху религіозныхъ споровъ, онъ предался разрѣшенію богословскихъ вопросовъ. Ему достались бумаги его дяди Левія Социна, извѣстнаго антитринитарія, когда тотъ умеръ, и чтеніе ихъ не мало содѣйствовало развитію въ Фавстѣ Социнѣ антитринитарскихъ идей. Живя нѣкоторое время при дворѣ тосканскаго великаго герцога Франческо Медичи, онъ усвоилъ самыя утонченныя манеры придворнаго быта, сдѣлавшіяся впослѣдствіи одной изъ приманокъ, которыя снискали ему расположеніе польской шляхты. Первое его сочиненіе „Объясненіе первой части первой главы Евангелія отъ Іоанна", написанное по-латыни, появилось въ 1562 г. Боясь преслѣдованій инквизиціи за высказанныя здѣсь мысли, Социнъ переселился въ Базель и тамъ занялся изданіемъ своихъ новыхъ трактатовъ „Объ Іисусѣ Христѣ Искупителѣ" и „О состояніи перваго человѣка до грѣхопаденія", доказывая въ послѣднемъ сочиненіи, что Адамъ уже былъ созданъ смертнымъ, а вовсе не сдѣлался таковымъ вслѣдствіе грѣхопаденія. Пріѣхавъ въ Польшу въ 1579 г., онъ поставилъ своею задачею объединить всѣхъ польскихъ антитринитаріевъ, разбившихся въ это время на нѣсколько толковъ. Достигнуть этого было довольно трудно, потому что часть сектантовъ была анабаптистской, Социнъ же не хотѣлъ перекрещиваться для вступленія въ ихъ общество. Тѣмъ не менѣе своимъ вліяніемъ на умы, своею терпимостью къ противоположнымъ мнѣніямъ онъ сумѣлъ преодолѣть препятствія, тѣмъ болѣе, что сектанты сами чувствовали потребность сплотиться въ виду двойной опасности—отъ католиковъ и отъ протестантовъ. Польскіе гуситы, лютеране и кальвинисты прямо исключили антитринитаріевъ изъ сандомирскаго соглашенія 1570 г., въ которое вступили между собою для общей борьбы съ католицизмомъ. Дѣятельность Социна въ Польшѣ была кипучая: онъ составлялъ сочиненія экзегетическаго и дидактическаго содержанія, велъ обширную переписку съ единомышленниками, разъѣзжалъ по странѣ, подвергая опасности свою жизнь вслѣдствіе уже сильной въ это время католической реакціи, и все это служило одной цѣли — антитринитарской пропагандѣ. Въ 1598 г. краковскіе студенты даже напали на его жилище, разграбили его бумаги и книги и сожгли ихъ на площади при крикахъ собравшейся толпы. Ему самому грозили смертью на кострѣ, если онъ не отречется отъ своей ереси. Онъ не отрекся, и его собрались немедленно потопить въ Вислѣ. Уже двигалось къ рѣкѣ шествіе, но, къ счастью для Социна, въ окно своего дома увидѣлъ толпу одинъ профессоръ: онъ спасъ Социна и далъ ему возможность бѣжать изъ Кракова. До самой своей смерти, въ 1604 году, онъ, несмотря на подобныя преслѣдованія, продолжалъ

свое дѣло, и когда онъ умеръ, то значеніе его въ реформаціи последователями его было опредѣлено въ такомъ двустишіи:

Палъ Вавилонъ высокій: Лютеръ разрушилъ въ немъ крышу,
Стѣны Кальвинъ, но Социнъ сокрушилъ и основы [1]).

Социнъ завершилъ развитіе антитринитаризма въ Польшѣ, уложивъ его въ систему, которая была представлена въ такъ называемомъ Раковскомъ катехизисѣ, изданномъ по-польски въ 1605 г. и по-нѣмецки въ 1608. Дальнѣйшія изданія этого катехизиса дѣлались уже по изгнаніи социніанъ изъ Польши, причемъ эти позднѣйшія изданія очень интересны заявленіями о необходимости полной религіозной свободы и объ измѣняемости вѣроученія сообразно съ движеніемъ времени. Социніанизмъ объединилъ большое количество польскихъ сектантовъ; къ нему присоединились и многіе иностранные антитринитаріи, бѣжавшіе въ Польшу отъ преслѣдованій на родинѣ. Центромъ социніанизма сдѣлалось мѣстечко Раковъ, принадлежавшее Сѣнинскому. Владѣлецъ Ракова принялъ ученіе Социна и превратилъ свое мѣстечко въ столицу социніанъ. Раковъ сдѣлался „сарматскими Аѳинами": здѣсь была высшая школа съ тысячею студентовъ въ лучшее время ея существованія, и среди нихъ были и католики, и протестанты, и шляхтичи, и плебеи; здѣсь существовала типографія, выпускавшая социніанскія изданія; здѣсь же собирались ежегодные синоды социніанъ, рѣшавшіе не только религіозныя дѣла, но и свѣтскія, такъ какъ послѣдователи ученія только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали не къ своему суду. Но это процвѣтаніе было непродолжительно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ нафанатизированная іезуитами толпа разсѣяла антитринитарскую общину въ Люблинѣ (1627), и для Ракова пришла очередь, когда онъ достался католическому шляхтичу, который превратилъ „сарматскія Аѳины" въ жалкую деревню. Въ Литвѣ центромъ антитринитаризма былъ Несвижъ. Здѣсь, между прочимъ, это движеніе коснулось отчасти и православнаго населенія рѣчи Посполитой.

Если антитринитарское движеніе зародилось въ нѣмецкихъ земляхъ въ анабаптистскомъ, мистическомъ сектантствѣ, то не эта его форма пришлась по характеру полякамъ. Недаромъ главными дѣятелями сектантскаго движенія въ Польшѣ были итальянцы, уже раньше вліявшіе на нее своей культурой: поляки издавна были предрасположены къ принятію итальянскихъ идей, отличавшихся болѣе скептическимъ и раціоналистическимъ характеромъ. Вообще нѣмецкая

[1]) Alta ruit Babylon: destruxit tecta Lutherus,
Muros Calvinus, sed fundamenta Socinus.

реформація съ своимъ сектантствомъ имѣла совсѣмъ иной психологическій источникъ, чѣмъ социніанизмъ, распространившійся въ Польшѣ. Еще до появленія Лютера отдѣльныя лица провозглашали тезисъ „объ оправданіи посредствомъ вѣры", сдѣлавшійся исходнымъ пунктомъ и краеугольнымъ камнемъ лютеранской, цвингліанской и кальвинистической теологіи. Вопросъ о томъ, какъ спастись отъ первороднаго грѣха, былъ мученіемъ всей жизни Лютера до той поры, когда онъ узналъ, что „праведный отъ вѣры живъ будетъ". Съ другой стороны, въ Германіи давно уже развивался и дѣйствовалъ на умы мистицизмъ, подготовлявшій собою сектантство, и въ послѣднемъ развилось ученіе о „внутреннемъ откровеніи", о непосредственномъ божественномъ дѣйствіи на душу человѣка, стоящемъ выше буквы „внѣшняго откровенія". Между „оправданіемъ" посредствомъ внутренняго акта вѣры по дѣйствію на душу благодати и „божественнымъ озареніемъ" этой души свыше существуетъ глубокая связь: оба ученія выросли на одной и той же психологической почвѣ религіознаго настроенія духа. Иной характеръ религіозное движеніе, охватившее часть интеллигенціи, имѣло въ Италіи: и тамъ въ эту эпоху стали заниматься религіозными вопросами, но интересовались ими больше съ философской стороны, нерѣдко даже безъ спеціально-христіанскаго оттѣнка, и холодный анализъ разума не допускалъ здѣсь никакого мистическаго озаренія. Лютеръ не сомнѣвался въ безсмертіи души: его мучилъ лишь вопросъ о томъ, какъ оправдаться передъ Богомъ, чтобы достигнуть спасенія въ загробной жизни, въ которой онъ былъ твердо увѣренъ. Въ Италіи между тѣмъ вопросъ о личномъ безсмертіи былъ предметомъ сомнѣній (вспомнимъ одного Помпонацци, современника папы Льва X), и это сомнѣніе, а не „оправданіе", сдѣлалось исходнымъ пунктомъ всей социніанской теологіи. Мы упомянули уже, что въ сочиненіи „О состояніи перваго человѣка до грѣхопаденія" Фавстъ Социнъ отвергъ церковное ученіе о созданіи Адама безсмертнымъ, и сталъ, наоборотъ, учить, что всѣ люди родятся смертными. Какъ Лютеръ утверждалъ, что „оправдываетъ" человѣка вѣра во Христа, такъ Социнъ говорилъ, что эта вѣра дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ. Не изъ христіанскаго чувства грѣховности, не изъ боязни передъ страшными послѣдствіями первороднаго грѣха вытекла вся его догматика: это чувство и самое понятіе о первородномъ грѣхѣ имѣли мало силы надъ умомъ итальянца: въ немъ зародилось сомнѣніе, дѣйствительно ли человѣкъ по природѣ своей безсмертенъ послѣ грѣхопаденія. Социнъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно и чисто-раціоналистическимъ путемъ, вопреки вѣковой традиціи всего христіанства, создалъ свое оригинальное ученіе. По его представленію, человѣкъ смертенъ по природѣ, а

вслѣдствіе грѣхопаденія уничтожается и въ загробной жизни; цѣль христіанства въ томъ и состоитъ, чтобы избавить его отъ этой второй смерти: „христіанская религія есть путь, свыше открытый для достиженія вѣчной жизни“. Признавая св. писаніе единственнымъ авторитетомъ, Социнъ толковалъ его, однако, очень широко, различая въ немъ существенное и несущественное, буквальное и иносказательное, откуда критическій раціонализмъ всей системы, порвавшей съ дѣйствительнымъ, историческимъ христіанствомъ. Поэтому Социнъ и его послѣдователи отвергали догматъ о троичности Божества, не находя его буквально формулированнымъ въ св. писаніи и не соглашаясь съ нимъ, кромѣ того, по чисто раціоналистическимъ соображеніямъ. Съ тѣмъ же чисто діалектическимъ творчествомъ собственной мысли Социнъ училъ, что цѣлью пришествія Христова было сообщеніе человѣку безсмертія въ загробной жизни, какъ произвольнаго дара Божія. Это надѣленіе человѣка новымъ качествомъ произошло черезъ воскресеніе Іисуса Христа: оно, говорилъ Социнъ, есть гарантія нашего собственнаго воскресенія. Чтобы это послѣднее утвержденіе имѣло смыслъ, Социну нужно было признаніе Искупителя за простого человѣка: отличайся Христосъ отъ остальныхъ смертныхъ своею божественностью, въ его воскресеніи не было бы указанной гарантіи. Съ другой стороны, съ раціоналистической же точки зрѣнія Социнъ не допускалъ ни воплощенія Божества, ни несліяннаго и нераздѣльнаго соединенія двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ. Впрочемъ, многіе социніане видѣли въ Іисусѣ Христѣ все-таки болѣе, чѣмъ простого человѣка, признавали его сверхъестественное рожденіе, полную его святость и совершенную безгрѣховность, а также сообщенное ему Богомъ за „послушаніе даже до смерти“ могущество, и требовали божескаго поклоненія Христу. Болѣе крайніе изъ нихъ шли дальше, не видя въ Христѣ ничего больше, кромѣ простого человѣка. Крестная смерть для нихъ была не искупительной жертвой, а простымъ переходнымъ моментомъ къ воскресенію, въ которомъ заключается гарантія воскресенія всѣхъ людей. Съ этой же точки зрѣнія причащеніе они принимали за простой символъ, а крещеніе считали за излишнее для спасенія.

Мы еще увидимъ, какая судьба въ серединѣ XVII вѣка постигла социніанъ въ Польшѣ. Гоненія, которымъ они здѣсь подверглись въ эпоху католической реакціи, заставили ихъ перенести свое мѣстопребываніе въ Нидерланды, гдѣ они и продолжали издавать богословскія сочиненія въ духѣ своей системы. Социніане и въ послѣдующія эпохи остаются при вѣрѣ въ боговдохновенность св. писанія, въ которомъ, однако, они признавали за дѣйствительное откровеніе то, что не противорѣчило разуму. Правда, ихъ общій

взглядъ на взаимныя отношенія св. писанія и разума отличается неопредѣленностью, но на практикѣ они все болѣе и болѣе послѣдовательно защищали права разума. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ изданій „Раковскаго катехизиса“ прямо рекомендовалось не вводить ничего, что было бы противно разуму (ne quid statuatur quod ipsi sanae rationi repugnet seu contradictionem involvet). Въ качествѣ историческаго фактора социніанизмъ, утратившій послѣ своего паденія въ Польшѣ значеніе, какъ церковная организація, оказалъ большое вліяніе на позднѣйшій религіозный раціонализмъ. Другимъ аналогичнымъ явленіемъ въ исторіи реформаціи былъ англійскій деизмъ XVII вѣка, въ которомъ, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, тоже былъ очень силенъ раціоналистическій элементъ.

Отъ вопросовъ о свободѣ совѣсти и свободѣ мысли переходимъ къ вопросамъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства и о политической свободѣ, намѣченнымъ въ началѣ этой главы.

Взаимныя отношенія церкви и государства въ католицизмѣ понимались въ смыслѣ главенства первой надъ вторымъ. *Въ реформаціи мы наблюдаемъ стремленіе измѣнить старыя отношенія между церковью и государствомъ.* Теперь церковь или подчинялась государству (лютеранство и англиканство), или какъ бы сливалась съ нимъ воедино (кальвинизмъ), но въ обоихъ случаяхъ происходило, что и государство имѣло конфессіональный характеръ, и церковь являлась учрежденіемъ государственнымъ Освобожденіемъ государства отъ церкви и сообщеніемъ ей характера учрежденія національно-политическаго нарушались принципы католическаго теократизма и универсализма (отчасти сохранявшіеся, однако, въ кальвинизмѣ). Какая бы то ни было *связь между церковью и государствомъ порывалась только въ сектантствѣ.* Въ XVIII в. даже среди католическихъ государей было сильно стремленіе сдѣлать изъ церкви чисто государственное учрежденіе, превратить духовенство въ своего рода чиновничество (реформы „просвѣщеннаго абсолютизма“, французская „constitution civile du clergé, а позднѣе наполеоновскій конкордатъ). Можно сказать, что *въ общемъ реформація дала государству преобладаніе и даже господство надъ церковью,* сдѣлавъ изъ самой религіи одно изъ орудій государственной власти.

Въ какія бы отношенія между собою ни становились церковь и государство въ эпоху реформаціи, во всякомъ случаѣ эти отношенія были соединеніемъ религіи и политики. Все различіе заключалось въ томъ, что́ принималось за цѣль и что́—за средство. Въ общемъ, если въ средніе вѣка политика должна была служить религіи, то, наоборотъ, въ новое время очень часто религію заставляли служить политикѣ. Ранѣе, чѣмъ въ извѣстныхъ формахъ протестантизма церковь

должна была подчиниться государству, уже нѣкоторые гуманисты (напримѣръ, Макіавелли) видѣли въ религіи своего рода instrumentum imperii. Католическіе писатели не безъ основанія указываютъ, что это было возвращеніемъ къ языческому государству: въ христіанскомъ государствѣ религія не должна быть политическимъ средствомъ. На ту же точку зрѣнія становились и сектанты. Самое существо сектантства не позволяло ему организоваться въ какую-либо государственную церковь, и тѣмъ самымъ оно должно было приводить къ постепенному разъединенію религіи и политики. Лучше всего это проявилось въ англійскомъ индепендентствѣ XVII вѣка, но вполнѣ осуществился принципъ отдѣленія церкви отъ государства въ сѣвероамериканскихъ колоніяхъ Англіи, изъ которыхъ возникли Соединенные Штаты. Отдѣленіе религіи отъ политики приводило къ невмѣшательству государства въ вѣрованія своихъ подданныхъ. Это былъ логическій выводъ изъ сектантства, которое видѣло въ религіи прежде всего дѣло личнаго убѣжденія, а не орудіе государственнаго властвованія. Съ этой точки зрѣнія *религіозная свобода явилась неотъемлемымъ правомъ личности*, и въ этомъ смыслѣ религіозная свобода отличается отъ вѣротерпимости, вытекающей изъ уступокъ, дѣлаемыхъ государствомъ, которое само опредѣляетъ и границы этихъ уступокъ. Во всякомъ случаѣ реформація, произведшая религіозные расколы въ отдѣльныхъ государствахъ, *поставила тѣмъ самымъ на практическое разрѣшеніе вопросъ о границахъ власти государства и границахъ свободы гражданъ* въ религіозной сферѣ.

Наконецъ, *реформація оказала большое вліяніе на постановку и рѣшеніе соціальныхъ и политическихъ вопросовъ въ духѣ принциповъ равенства и свободы, хотя она же содѣйствовала и противоположнымъ общественнымъ тенденціямъ*. Мы знаемъ, что мистическій анабаптизмъ въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ былъ и проповѣдью соціальнаго равенства; наоборотъ, раціоналистическій антитринитаризмъ въ Польшѣ былъ характера аристократическаго: многіе польскіе сектанты шляхетскаго званія даже защищали право истинныхъ христіанъ имѣть „подданныхъ“ или рабовъ, ссылаясь на Ветхій Завѣтъ, а самъ Социнъ осторожно не затрогивалъ этого вопроса. Все въ данномъ случаѣ зависѣло отъ среды, въ которой развивалось сектантство. То же самое можно сказать о политическихъ ученіяхъ протестантовъ: лютеранство и англиканизмъ отличались монархическимъ характеромъ, цвингліанство и кальвинизмъ—республиканскимъ. Часто говорятъ, будто протестантизмъ всегда стоялъ на сторонѣ свободы, а католицизмъ всегда на сторонѣ власти, но это невѣрно, такъ какъ роли католиковъ и протестантовъ мѣнялись, смотря по обстоятельствамъ, и тѣ же самые принципы, которыми кальвинисты оправды-

вали свое возстаніе противъ „нечестивыхъ" королей, были въ ходу и у католиковъ, когда они имѣли дѣло съ еретическими государями. Это вообще наблюдается въ іезуитской политической литературѣ, но особенно рѣзко проявляется во Франціи во время религіозныхъ войнъ. Но что имѣетъ преимущественную важность для пониманія дальнѣйшаго политическаго развитія Западной Европы, такъ это *развитіе въ кальвинизмѣ идеи народовластія, которая раньше не чужда была легистамъ, защищавшимъ государство отъ папской власти, и нѣкоторымъ гуманистамъ, хотя большинство ихъ стояло за принципатъ, а позднѣе была въ ходу у іезуитовъ, бывшихъ готовыми усвоивать все, что̀ можно было употребить на пользу церкви*. Несмотря на то, что не кальвинисты были изобрѣтателями этой идеи и что не одни они развивали ее въ XVI в., никогда ранѣе она не получала одновременно такой теоретической обосновки и такого практическаго вліянія, какъ именно въ XVI в., и ни для кого не имѣла такого религіознаго значенія, какъ для кальвинистовъ (а въ XVII в. для индепендентовъ). Они вѣрили въ ея истинность, тогда какъ іезуиты, становясь на ту же точку зрѣнія, видѣли только одну ея выгодность при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Лютеръ одно время во имя свободы сопротивлялся и духовной, и свѣтской власти, но вообще онъ отстаивалъ только внутреннюю свободу, а не внѣшнюю, говоря, напр., по поводу крестьянскаго возстанія, что евангеліе освобождаетъ душу, не касаясь внѣшнихъ сторонъ жизни. Организуя свою церковь, онъ не удержался потомъ и на этой точкѣ зрѣнія, подчинивъ внутреннюю свободу церковному авторитету, а церковь—князьямъ. Онъ допускалъ вообще лишь одно пассивное сопротивленіе, исходя изъ той идеи, что обязанность христіанина—терпѣть. Государство, по его мнѣнію, имѣло даже право вмѣшиваться въ дѣла вѣры въ случаѣ проповѣди возмутительныхъ ученій или ученій несогласныхъ съ ясными текстами св. писанія и въ случаѣ раздоровъ по поводу догматовъ, беря при этомъ на себя обязанность рѣшать, что̀ согласно съ словомъ божіимъ и что̀ нѣтъ. Пересмотромъ всѣхъ главныхъ политическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія новыхъ началъ занимался также и Меланхтонъ въ Loci communes theologici [1]) и въ Epitome philosophiae moralis. Вообще онъ развивалъ слѣдующія положенія: власть происходитъ отъ Бога; Новый Завѣтъ не установляетъ никакого опредѣленнаго государственнаго устройства, но требуетъ вообще повиновенія властямъ предержащимъ; государство есть хранилище законовъ и охрана религіи; государямъ

---

[1]) Отдѣлъ этого труда, озаглавленный: De magistratibus civilibus et dignitate rerum politicarum.

принадлежитъ право преобразованія церкви (jus reformandi, о которомъ Меланхтонъ написалъ и особую статью); нечестивымъ повелѣніямъ свѣтской власти повиноваться не слѣдуетъ. Послѣдняя оговорка устраняла безусловность повиновенія, но то, что̀ было нечестиво для подданнаго, могло казаться именно благочестивымъ для правителя, которому Меланхтонъ въ то же время давалъ право преслѣдовать богохульство; но богохульство правитель могъ усматривать какъ-разъ въ томъ, что для его подданныхъ должно было казаться настоящимъ пониманіемъ писанія. Католики для протестантовъ были идолопоклонники, а протестанты для католиковъ—еретики: и тѣ, и другіе охотно подводили то, въ чемъ упрекали своихъ противниковъ, подъ понятіе богохульства.

Лютеранство допускало только пассивное сопротивленіе Мы видѣли, что подъ извѣстными условіями Кальвинъ допускалъ и активное сопротивленіе и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ его требовалъ, только не со стороны отдѣльной личности, а со стороны государственныхъ чиновъ королевства. И вообще своимъ республиканскимъ церковнымъ строемъ и предоставленіемъ церкви большей независимости по отношенію къ государству кальвинизмъ былъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ лютеранство, для политической свободы. Случилось къ тому же еще и такъ, что кальвинизмъ распространился среди подданныхъ католическихъ (слѣдовательно, „нечестивыхъ") королей, и что стремленіе послѣднихъ къ абсолютизму вызывало въ отдѣльныхъ сословіяхъ политическую оппозицію, соединившуюся съ оппозиціей религіозной. Мы видѣли это на примѣрѣ Шотландіи, увидимъ еще на примѣрахъ Франціи и Нидерландовъ, а въ XVII в. и на примѣрѣ Англіи, гдѣ въ данномъ случаѣ роль католицизма игралъ англиканизмъ. Политическая борьба во всѣхъ этихъ странахъ и сопровождалась появленіемъ политическихъ сочиненій въ оппозиціонномъ духѣ. Во Франціи первымъ изъ нихъ по времени (1573) былъ трудъ Франциска Готмана (Hotman), понъ заглавіемъ „Franco Gallia", гдѣ сдѣлана была попытка доказать исторіей, будто во Франціи королевская власть всегда была ограничена правами народа. При этомъ, ссылаясь на Полибія и Цицерона, авторъ проводитъ ту мысль, что лучшій образъ правленія есть смѣшанный изъ монархіи, аристократіи и демократіи, и что изъ этихъ трехъ формъ вторая имѣетъ значеніе посредствующаго звена между первою и послѣднею. Книга содержитъ въ себѣ, кромѣ того, и теоретическіе доводы въ пользу того, что люди должны управляться разумомъ, собраннымъ отъ многихъ. Нужно, однако, замѣтить, что аналогичныя воззрѣнія на французскую монархію, какъ на ограниченную народными правами, высказывалъ и епископъ Клавдій Сейсель (Claude de Seyssel), на книгу

котораго „La grande monarchie de France“ (1519) Готманъ дѣлаетъ ссылки. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ „Франко-Галліи“ (1580) вышла въ свѣтъ „Тяжба противъ тиранновъ“ (Vindiciae contra tyrannos) Губерта Ланге́ [1]) Languet). Авторъ этого произведенія прямо вооружается противъ Макіавелли, научающаго королей пріобрѣтать самыми незаконными средствами тиранническую власть [2]), и выдвигаетъ на первый планъ теорію договора между правителемъ и народомъ. По ученію Ланге́, государственная власть возникаетъ изъ народнаго избранія, въ доказательство чего онъ ссылался на Библію (избраніе Саула): короли суть исполнители воли Бога (его вассалы), но избираются они народомъ. По природѣ люди свободолюбивы, не терпятъ (impatientes) рабства, а власть установляютъ только для собственной пользы; цѣль верховной власти (imperii)—польза народа, и само достоинство короля есть не льгота, не привилегія, а обязанность, призваніе (non vacatio sed vocatio). Поэтому правитель долженъ подчиняться законамъ, измѣненіе же старыхъ законовъ, установленіе новыхъ и контроль за ихъ исполненіемъ принадлежитъ народу. Впрочемъ, подъ народомъ Ланге́ разумѣлъ не весь народъ, бывшій для него „звѣремъ“ (bellua), а высшія сословія въ лицѣ ихъ представителей. Народъ въ такомъ значеніи слова у него имѣетъ болѣе власти, чѣмъ король, такъ какъ первый есть хозяинъ корабля, а второй только кормчій. Король, нарушающій законы, есть тираннъ по своему поведенію (tyrannus exercitio), хотя бы онъ не былъ незаконно захватившимъ власть деспотомъ (tyrannus absque titulo). Какъ Ланге́, такъ и другіе кальвинистическіе писатели, рисуя такого „тиранна“, брали черты изъ знакомой имъ политической дѣйствительности. Тираннъ отдѣлывается отъ непріятныхъ ему сановниковъ, придумывая, будто противъ него составляются заговоры, преслѣдуетъ справедливыхъ и серьезныхъ людей, избѣгаетъ собранія государственныхъ чиновъ (сеймовъ или штатовъ), держитъ наемныя войска и шпіоновъ, истощаетъ имущества подданныхъ: заимствуя многое у античныхъ авторовъ, особенно у Аристотеля, Ланге́ (подобно другимъ кальвинистическимъ писателямъ) имѣлъ въ виду и практику тогдашняго абсолютизма, и макіавеллево возвеличеніе князя съ тиранническимъ характеромъ. Отношенія короля и народа Ланге́ понималъ въ смыслѣ взаимнаго договора и говорилъ, что неисполненіе первымъ законовъ освобождаетъ второй отъ присяги. Уча объ активномъ сопротивленіи, онъ обставлялъ его, однако, извѣстными ого-

---

[1]) Книга появилась подъ псевдонимомъ Юнія Брута. Многіе считаютъ ея авторомъ Дюплесси-Морне.

[2]) Макіавелли опровергалъ еще одинъ публицистъ протестантскаго лагеря, *Gentillet*, въ книгѣ „Adversus Nic. Machiavellum Florentinum“.

ворками, чего не было у іезуитовъ, оправдывавшихъ даже цареубійство (regicidium) частнымъ лицомъ, когда дѣло шло о королѣ-еретикѣ. Онъ говорилъ, что къ отказу въ повиновеніи нельзя прибѣгать по поводу всѣхъ проступковъ короля, и что нужно всегда подумать, какъ бы лѣкарство не стало хуже болѣзни. Поэтому онъ рекомендовалъ прежде всего обратиться къ поступающему незаконно правителю съ увѣщаніемъ и ограничивалъ право вооруженнаго возстанія иниціативою оптиматовъ, „товарищей" народнаго опекуна: отдѣльное лицо не можетъ имѣть этого права, а потому ему остается только удалиться изъ страны, если государь, напримѣръ, заставляетъ его принять другую вѣру. Весь народъ равнымъ образомъ долженъ покорно терпѣть, если за него не вступятся оптиматы, и если только правитель есть не законный государь, превысившій свои законныя права, а тираннъ, беззаконно захватившій власть. Подъ это понятіе оптиматовъ, которые не только имѣютъ право, но и обязаны оказывать вооруженное сопротивленіе тиранніи, подводятся у Ланге́ и большая часть (plures) властей, и высшія сословія въ лицѣ своихъ представителей, и даже отдѣльные сановники. Сочиненіе Ланге́ было послѣ труда Марсилія Падуанскаго первымъ систематическимъ трактатомъ, написаннымъ въ духѣ народовластія; главная его особенность—идея договора между правителемъ и народомъ.

Около того же времени (въ 1578 г.) Стефанъ де-ла-Боэси (de la Boëtie), талантливый восемнадцатилѣтній юноша, написалъ въ защиту политической свободы страстный памфлетъ подъ заглавіемъ „Противъ одного или рѣчь о добровольномъ рабствѣ" (Contre un ou de la servitude volontaire). Кромѣ Франціи, подобная же литература существовала и у кальвинистовъ другихъ странъ. Изъ нихъ особенно замѣчательно сочиненіе шотландскаго ученаго и поэта, противника Маріи Стюартъ и воспитателя ея сына Іакова (VI по Шотландіи), Бьюканана „О правѣ королевской власти у шотландцевъ" (De jure regni apud Scotos). Подобно французскимъ кальвинистическимъ трактатамъ, написаннымъ въ эпоху вооруженной борьбы гугенотовъ съ королевскою властью, и трактатъ Бьюканана былъ написанъ въ оправданіе политической революціи, которую кальвинисты произвели въ Шотландіи. И у этого писателя мы находимъ опредѣленіе короля не какъ господина, а какъ стража общества (custos societatis), и ученіе о томъ, что законъ выше короля (lex rege potentior est); и онъ дѣлаетъ характеристику тиранна, пользуясь классическими писателями и современными примѣрами среди католическихъ государей; и онъ понимаетъ отношенія между королемъ и народомъ въ смыслѣ договора, видя въ коронаціи (inauguratio) наслѣдственныхъ королей какъ бы народное избраніе. На Бьюкананѣ, по-

лучившемъ классическое образованіе, сильно сказались и политическія идеи гуманизма, что можно видѣть между прочимъ изъ ученія о тиранноубійствѣ, которое было въ ходу въ Италіи эпохи Возрожденія,—черта, отличающая его отъ Ланге́ и другихъ кальвинистовъ. Впрочемъ, въ противоположность Макіавелли съ его пессимистическимъ взглядомъ на человѣческую природу, Бьюкананъ приписываетъ душѣ человѣка нѣчто высокое и благородное (sublime quoddam et generosum insitum), въ силу чего человѣкъ охотно повинуется только тому, кто властвуетъ съ пользою (utiliter). Это „sublime quoddam et generosum" было результатомъ религіознаго воодушевленія, да и самый вопросъ о незаконномъ правленіи и сопротивленія ему возникалъ главнымъ образомъ на почвѣ религіозныхъ отношеній эпохи. Такъ это, кромѣ Франціи и Шотландіи, случилось еще въ Нидерландахъ, гдѣ абсолютизмъ и фанатизмъ Филиппа II вызвали цѣлую революцію. Одинъ изъ ея вождей, Филиппъ Марниксъ де Сентъ-Альдегондъ обыкновенно разсматривается лишь какъ практическій дѣятель, но онъ былъ еще и политическимъ писателемъ, стоявшимъ на той же самой точкѣ зрѣнія, которая была общею у Ланге́ и Бьюканана. Всѣ эти политическіе писатели второй половины XVI вѣка, присоединяя къ нимъ и іезуитовъ, которые тоже проповѣдовали право возстанія противъ тиранновъ, получили названіе монархомаховъ, впервые данное имъ въ сочиненіи шотландца Барклая, жившаго во Франціи, „De regno et regali potestate adversus Buchananum, Brutum. Boucherium et reliquos monarchomachos libri sex" (1600). Завершителемъ этихъ теорій въ XVI в. былъ сѣверо-германскій публицистъ Альтгузій, тоже писавшій около 1600 г. Прибавимъ, что, уча о договорѣ между народомъ и государемъ, монархомахи имѣли въ виду реальныя политическія явленія своего времени, напримѣръ, избирательныя капитуляціи, бывшія въ употребленіи въ Германіи, скандинавскихъ государствахъ, Польшѣ, или договорный характеръ законодательныхъ постановленій въ сословно представительныхъ учрежденіяхъ. Наконецъ, установленіе мирныхъ условій между государями и религіозными партіями совершалось тѣмъ же путемъ.

Если гуманистическая свободная мысль и свѣтская культура были затерты религіознымъ движеніемъ реформаціи, относившимся иногда съ фанатическою нетерпимостью къ разуму и къ свѣтской наукѣ и литературѣ, то свобода религіозная и политическая, находившаяся въ большемъ и меньшемъ пренебреженіи у гуманистовъ, была сильно выдвинута передовыми протестантами. Въ наиболѣе сильной степени ея развитіе совершается въ англійскомъ индепендентствѣ XVII в., черезъ которое главнымъ образомъ протестантскія начала и переходятъ въ „просвѣщеніе" XVIII в.

Мы разсмотрѣли всѣ главныя проявленія реформаціи, протестантизма и сектантства въ XVI вѣкѣ, но *къ числу результатовъ реформаціи нужно еще отнести оживленіе самого католицизма*, слѣдствіемъ котораго была такъ называемая католическая реакція, направившаяся, собственно говоря, противъ реформаціи, но гибельно подѣйствовавшая и на свѣтское Возрожденіе. Хотя на эту реакцію и позволительно смотрѣть, какъ на особый видъ реформаціи рядомъ съ реформаціей протестантской и сектантской, но съ общей точки зрѣнія это было явленіе, явно стремившееся возвратить культурно-соціальную жизнь Европы къ средневѣковымъ началамъ. Такъ какъ, далѣе, въ серединѣ XVI в., когда организовалась эта реакція, начались страшныя религіозныя войны, окончившіяся лишь въ серединѣ XVII в., то мы и можемъ выдѣлить разсмотрѣніе всѣхъ этихъ фактовъ въ особый отдѣлъ „католической реакціи“, какъ первой сильной преграды, поставленной со стороны католицизма культурно-соціальному развитію на основаніи принциповъ ренессанса и реформаціи.

ЭПОХА КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕАКЦІИ.

XXI. Общій взглядъ на католическую реакцію [1]).

Общія соображенія о реакціяхъ вообще и о католической реакціи въ частности.—Силы католическаго міра и ихъ состояніе.—Дезорганизація католицизма.—Причины реакціоннаго настроенія въ обществѣ.—Сущность той реакціи, которая началась въ сороковыхъ годахъ XVI в.—Характеръ новаго католицизма.—Тридентскій соборъ.—Инквизиція и цензура.—Реакція въ Италіи.—Политическая исторія реакціи.—Католическая реакція и политическій абсолютизмъ.

Реформація вызвала католическую реакцію. Это явленіе относится къ числу тѣхъ, весьма часто повторяющихся въ исторіи случаевъ, которые многими писателями возводятся въ законъ исторіи,

---

[1]) По исторіи католической реакціи вообще см. *Maurenbrecher*. Geschichte der katholischen Reformation.—*Philippson*. Les origines du catholicisme moderne. La contrerévolution religieuse (есть руск. перев., изд. въ 1902 г.)—*Его же* соч. о Филиппѣ II, Генрихѣ IV и Елизаветѣ въ Allgemeine Weltgeschichte Онкена. Сюда же относятся нѣкоторые труды по исторіи реформаціи вообще и въ частности по исторіи подавленія протестантизма въ Италіи и Испаніи, названныя выше (на стр. 13). Важны также труды по исторіи папства: *Ранке*. Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII вв.—*Brosch*. Geschichte des Kirchenstaats (въ собраніи Геерена, Уккерта и Гизебрехта).—*Pastor*. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters.—*Creighton*. A history of the Paracy during the period of the Reformation.—Объ отдѣльныхъ папахъ соч. *Höfler'a* (Адріанъ VI), *Lorentz'a* (Сикстъ V), *Hübner'a* (тоже). Для исторіи тридентскаго собора: *Sickel*. Zur Geschichte des Concils von Trient.—*Maynier*. Etude historique sur le Concile de Trente. По инквизиціи *Liorente*. Histoire critique de l'inquisition d'Espagne. Особенно *H. Ch. Lea*. Hist. of Inquisition (есть франц. пер.), на основаніи которой написана книжка *Ланлуа* „Инквизиція по новѣйшимъ трудамъ" (пер. М. Васильевскаго). Для католической реакціи въ Польшѣ, кромѣ соч. *Жуковича, Любовича и Карѣева*, см. еще *Θ. Вержбовскій*. Начало католической реакціи въ Польшѣ.—*Его же*. Христофоръ Варшевицкій и его сочиненія.

ческимъ. И позднѣе въ Нидерландахъ только часть провинцій отторглась отъ католической церкви, во Франціи и Польшѣ главнымъ образомъ лишь дворяне и горожане (да и то далеко не всѣ) принимали протестантизмъ, а въ Шотландіи и Англіи, отпавшихъ окончательно отъ католицизма въ 1559 г., продолжали еще существовать католическія партіи, не говоря уже о томъ, что народонаселеніе Ирландіи осталось вѣрнымъ старой церкви, такъ какъ новая вѣра шла изъ ненавистной ему Англіи. Наконецъ, южно-романскія страны почти не были затронуты реформаціоннымъ движеніемъ. Въ Италіи, гдѣ образованное общество воспитывалось подъ вліяніемъ болѣе или менѣе индифферентнаго къ религіи гуманизма, а народъ былъ преданъ католицизму, который самъ выросъ на итальянской почвѣ, существовали лишь отдѣльные кружки среди интеллигенціи, состоявшіе изъ послѣдователей лютеранства и цвингліанства, да среди высшихъ сановниковъ церкви было нѣсколько лицъ, желавшихъ реформы церкви на основаніи св. писанія. Въ Испаніи католицизмъ и національный патріотизмъ, такъ сказать, даже срослись между собою въ одно фанатическое чувство, благодаря вѣковой борьбѣ съ Маврами, и Испанія съ родственною ей Португаліей сдѣлались главнымъ оплотомъ католической реакціи.

Таковы были силы католическаго міра, но *въ немъ господствовала деморализація и дезорганизація.* То, что называли порчей церкви, было одной изъ причинъ реформаціоннаго движенія, питавшагося справедливыми нареканіями на безнравственность духовенства и его нерадѣніе къ исполненію своихъ обязанностей. Этотъ фактъ въ ходячихъ взглядахъ на реформацію даже выдвигается на первый планъ, какъ главная ея причина, хотя это невѣрно: если ужъ должно было бы по этой причинѣ возникнуть реформаціонное движеніе, такъ это въ Италіи, но оно здѣсь проявилось столь же мало, какъ и въ Испаніи, гдѣ, наоборотъ, клиръ отличался болѣе моральнымъ характеромъ. Во всякомъ случаѣ, однако, пока своимъ поведеніемъ духовенство давало поводъ протестантамъ нападать на церковь, у реформаціи было однимъ шансомъ больше, а значеніе этого шанса увеличивалось, благодаря тому, что въ противодѣйствіи протестантизму деморализованный клиръ могъ отстаивать только свои свѣтскіе интересы, почти совсѣмъ не заботясь объ интересахъ самой религіи и церкви. Мало того: среди него могли быть случаи отпаденія отъ католицизма ради чисто мірскихъ стремленій, въ родѣ секуляризаціи. Конечно, было и между духовными лицами много такихъ, которыя душою были преданы католицизму, свято хранили его традиціи и ревностно исполняли свои обязанности, но не такія лица задавали тонъ общей политикѣ церкви. Сами папы начала реформаціонной эпохи продолжали чисто мірскую политику своихъ дореформаціонныхъ предшественниковъ. Вообще до

системы характеризуется, съ одной стороны, выступленіемъ силъ, стремящихся внести въ жизнь новыя начала, съ другой, полной дезорганизаціей силъ консервативныхъ, что прекрасно иллюстрируется успѣхами гуманистическаго и реформаціоннаго движеній при совершенномъ внутреннемъ разстройствѣ католицизма. Тогда-то и наступаетъ движеніе впередъ, но его успѣхи заставляютъ обыкновенно сплотиться силы консервативныя въ то самое время, какъ одна часть общества, сначала сочувствовавшая перемѣнамъ, отвращается отъ нихъ, если онѣ принимаютъ неожиданный или нежелательный для нея характеръ, а другая часть общества разочаровывается въ движеніи, если оно не исполняетъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ и упованій: напуганные съ обманувшимися или примыкаютъ къ реакціи, или, по крайней мѣрѣ, отступаясь отъ движенія, тѣмъ самымъ его ослабляютъ. Такимъ образомъ происходитъ историческая эволюція, возникая изъ дѣйствія силъ движущихъ и силъ задерживающихъ и слагаясь изъ отдѣльныхъ моментовъ, въ которые берутъ перевѣсъ то однѣ, то другія силы. Поэтому и въ эпохи движенія впередъ задерживающія силы не бездѣйствуютъ совершенно, и когда наступаетъ настоящая реакція, она оказывается уже имѣющею корни и значительную подготовку въ періодѣ движенія, а съ другой стороны, и въ эпохи реакцій дѣйствуютъ не однѣ задерживающія силы, такъ какъ силы движущія, хотя и ослабленныя, продолжаютъ производить свою работу, и если ихъ работа не имѣетъ успѣха въ данное время, то ею все-таки подготовляется будущее наступленіе новой эпохи движенія.

Эти общія соображенія были необходимы для того, чтобы установить ту точку зрѣнія, съ которой мы должны смотрѣть на эпоху католической реакціи. Это было *выступленіе консервативныхъ силъ католицизма, имѣвшее извѣстный успѣхъ, не только благодаря внутреннему оживленію и лучшей организаціи этихъ силъ, но и благодаря тому, что одна часть общества была напугана реформаціей, другая въ ней разочаровалась.*

Къ сороковымъ годамъ XVI в., когда началось возрожденіе католицизма, едва только возникла еще кальвинистическая организація протестантизма, сильное распространеніе которой относится уже къ слѣдующимъ десятилѣтіямъ, когда организовались силы самого католицизма. Къ этому времени цѣлыя еще страны или вовсе не были, или были только слабо затронуты реформаціоннымъ движеніемъ, да и тамъ, гдѣ оно произошло, оно не одержало полной побѣды. Германія и Швейцарія, бывшія родиной протестантизма, оставались каждая на половину вѣрными католицизму; въ скандинавскихъ государствахъ лютеранство утвердилось не сразу; англійская реформація была дѣломъ правительства, а народъ оставался еще въ значительной мѣрѣ католи-

ческимъ. И позднѣе въ Нидерландахъ только часть провинцій отторглась отъ католической церкви, во Франціи и Польшѣ главнымъ образомъ лишь дворяне и горожане (да и то далеко не всѣ) принимали протестантизмъ, а въ Шотландіи и Англіи, отпавшихъ окончательно отъ католицизма въ 1559 г., продолжали еще существовать католическія партіи, не говоря уже о томъ, что народонаселеніе Ирландіи осталось вѣрнымъ старой церкви, такъ какъ новая вѣра шла изъ ненавистной ему Англіи. Наконецъ, южно-романскія страны почти не были затронуты реформаціоннымъ движеніемъ. Въ Италіи, гдѣ образованное общество воспитывалось подъ вліяніемъ болѣе или менѣе индифферентнаго къ религіи гуманизма, а народъ былъ преданъ католицизму, который самъ выросъ на итальянской почвѣ, существовали лишь отдѣльные кружки среди интеллигенціи, состоявшіе изъ послѣдователей лютеранства и цвингліанства, да среди высшихъ сановниковъ церкви было нѣсколько лицъ, желавшихъ реформы церкви на основаніи св. писанія. Въ Испаніи католицизмъ и національный патріотизмъ, такъ сказать, даже срослись между собою въ одно фанатическое чувство, благодаря вѣковой борьбѣ съ Маврами, и Испанія съ родственною ей Португаліей сдѣлались главнымъ оплотомъ католической реакціи.

Таковы были силы католическаго міра, но *въ немъ господствовала деморализація и дезорганизація*. То, что называли порчей церкви, было одной изъ причинъ реформаціоннаго движенія, питавшагося справедливыми нареканіями на безнравственность духовенства и его нерадѣніе къ исполненію своихъ обязанностей. Этотъ фактъ въ ходячихъ взглядахъ на реформацію даже выдвигается на первый планъ, какъ главная ея причина, хотя это невѣрно: если ужъ должно было бы по этой причинѣ возникнуть реформаціонное движеніе, такъ это въ Италіи, но оно здѣсь проявилось столь же мало, какъ и въ Испаніи, гдѣ, наоборотъ, клиръ отличался болѣе моральнымъ характеромъ. Во всякомъ случаѣ, однако, пока своимъ поведеніемъ духовенство давало поводъ протестантамъ нападать на церковь, у реформаціи было однимъ шансомъ больше, а значеніе этого шанса увеличивалось, благодаря тому, что въ противодѣйствіи протестантизму деморализованный клиръ могъ отстаивать только свои свѣтскіе интересы, почти совсѣмъ не заботясь объ интересахъ самой религіи и церкви. Мало того: среди него могли быть случаи отпаденія отъ католицизма ради чисто мірскихъ стремленій, въ родѣ секуляризаціи. Конечно, было и между духовными лицами много такихъ, которыя душою были преданы католицизму, свято хранили его традиціи и ревностно исполняли свои обязанности, но не такія лица задавали тонъ общей политикѣ церкви. Сами папы начала реформаціонной эпохи продолжали чисто мірскую политику своихъ дореформаціонныхъ предшественниковъ. Вообще до

сороковыхъ годовъ XVI в. папы руководились попрежнему болѣе политическими, чѣмъ церковными интересами. Помня констанцскій и базельскій соборы, желавшіе ограничить папскую власть, они не хотѣли созывать вселенскій соборъ, котораго требовали не только протестанты (въ началѣ), но и католики, видѣвшіе необходимость реформы. Когда былъ наконецъ созванъ тридентскій соборъ (1545—1563 г.), они колебались еще между прежнимъ направленіемъ, приводившимъ ихъ въ столкновеніе изъ-за итальянскихъ дѣлъ съ католическими государями, и новымъ направленіемъ, которое, наоборотъ, требовало союза съ послѣдними въ интересахъ церкви. Вмѣстѣ съ папствомъ находилось въ упадкѣ и монашество, и старые органы борьбы съ „ересью" болѣе не годились уже для успѣшной борьбы вслѣдствіе деморализаціи и невѣжества, съ особою силою обнаружившихся во время знаменитаго рейхлиновскаго спора. Наконецъ, церковь давно нуждалась въ реформѣ, которая была тѣмъ настоятельнѣе теперь, что многихъ толкало въ протестантизмъ видимое нежеланіе духовной власти произвести самыя необходимыя преобразованія, и что развивавшемуся и систематизировавшемуся протестантизму нужно было противопоставить твердое католическое ученіе, само находившееся въ неудовлетворительномъ состояніи, благодаря существованію нерѣшенныхъ высшимъ авторитетомъ спорныхъ пунктовъ.

Все это вмѣстѣ взятое позволяло протестантизму развиваться и распространяться безъ всякихъ почти препятствій со стороны церкви, если не считать отлученій, проклятій и обращеній къ свѣтской власти. По тѣмъ же причинамъ и *реакціонное настроеніе, существовавшее у многихъ въ свѣтскомъ обществѣ, сравнительно мало приносило выгоды церкви*, а такое настроеніе несомнѣнно было: революціонный характеръ движенія напугалъ многихъ нѣмецкихъ князей и отвратилъ ихъ отъ реформаціи, да и другіе государи смотрѣли на нее съ той точки зрѣнія, что она опасна въ политическомъ отношеніи; демократическія и коммунистическія ученія, выступившія подъ религіознымъ знаменемъ, были часто причиною реакціоннаго настроенія въ правящихъ и имущихъ классахъ; самыя неудачи реформаціи,—въ Германіи, напримѣръ, гдѣ реформація не привела ни къ полному національному освобожденію отъ куріи, ни къ большему политическому единству, ни къ лучшимъ государственнымъ и общественнымъ порядкамъ, — охлаждали прежнее къ ней рвеніе и заставляли менѣе враждебно смотрѣть на католицизмъ; реформаціонное разновѣрство, богословскіе споры, появленіе крайнихъ сектъ смущали многихъ католиковъ, не желавшихъ поэтому покидать старую церковь съ ея прочно установленными ученіями ради хаоса новыхъ вѣрованій, отвращавшаго отъ себя первоначально самого Кальвина; наконецъ, на-

силія, которыя господствующій протестантизмъ позволялъ себѣ надъ религіозною совѣстью католиковъ, прямо вызывали оппозицію, которая даже при своей пассивности должна была составлять одинъ изъ элементовъ реакціи, разъ послѣдняя получила бы организацію.

Реформація застала старую церковь совершенно врасплохъ, и *организація католической реакціи противъ реформаціи сразу возникнуть не могла*, тѣмъ болѣе, что ея иниціаторамъ пришлось еще бороться со всѣмъ, что составляло причины деморализаціи и дезорганизаціи клира, да и сами эти иниціаторы явились не тотчасъ же, а когда реформація приняла уже весьма внушительные размѣры. Для того, чтобы воспользоваться реакціоннымъ настроеніемъ разныхъ общественныхъ элементовъ, усилить это настроеніе, сплотить склонныя къ нему соціальныя силы, направить ихъ къ одной цѣли, католическая церковь должна была сама подвергнуться нѣкоторой починкѣ, дисциплинировать клиръ, заставить папство отказаться отъ черезчуръ свѣтской политики, создать новыя средства для борьбы, вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ католическими государями, противопоставить „еретической" реформаціи свою легальную реформацію. Все это мало-по-малу и произошло, начавшись въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка, когда *на помощь реакціи былъ основанъ новый орденъ іезуитовъ, ставшихъ главными ея дѣятелями (1540), учреждено было верховное инквизиціонное судилище въ Римѣ (1542), одновременно организована была строгая книжная цензура и былъ созванъ тридентскій соборъ (1545)*, произведшій позднѣе католическую реформацію. Католицизмъ организовался для борьбы какъ-разъ въ то время, когда протестантизмъ развился въ направленіяхъ, враждебныхъ одно другому, вступившихъ между собою въ борьбу и не поддававшихся попыткамъ примиренія и соединенія, благодаря исключительности оффиціальныхъ церквей и теологической нетерпимости: во второй половинѣ XVI в. въ Германіи боролись между собою лютеранство и реформатство (раньше цвингліанство, позднѣе кальвинизмъ), въ Польшѣ—лютеранство, исповѣданіе чешскихъ братьевъ, кальвинизмъ и антитринитаризмъ, въ Англіи—англиканизмъ и пуританизмъ и т. п. Это несогласіе между собою нововѣровъ было также на руку католической реакціи.

Протестантская и сектантская реформація заставила старую церковь произвести реформацію въ самой себѣ, *но католицизмъ новаго времени, который былъ моложе и протестантизма, и сектантства XVI в., значительно отличался отъ католицизма дореформаціоннаго.* Передъ началомъ реформаціи католицизмъ былъ чѣмъ-то окоченѣвшимъ въ оффиціальномъ формализмѣ, теперь онъ получилъ жизнь и движеніе. Это не была церковь XIV и XV вв., которая не могла ни жить, ни умереть, а дѣятельная система, приспособляю-

щаяся къ обстоятельствамъ, заискивающая у королей и народовъ, всѣхъ заманивающая, кого—деспотизмомъ и тиранніей, кого—снисходительной терпимостью и свободой; это не безсильное учрежденіе, которое ищетъ помощи извнѣ, не имѣя внутренней силы, всюду обращается съ просьбой о реформѣ и излѣченіи, не обнаруживая искренняго желанія исправиться и обновиться, а стройная организація, которая пользуется въ обществѣ, ею же перевоспитанномъ, большимъ авторитетомъ и, умѣя фанатизировать массы, руководитъ ими въ борьбѣ съ протестантизмомъ. Педагогика и дипломатія были двумя великими орудіями, которыми дѣйствовала эта церковь: моделировать личность на свой фасонъ и сумѣть заставить ее служить чужимъ цѣлямъ такъ, чтобы она сама этого не замѣчала, были два искусства, особенно отличающія дѣятельность главныхъ представителей возродившагося католицизма. Одной прежней церковной каѳедры и громовъ папскаго отлученія было мало для власти надъ новымъ обществомъ: его нужно было еще такъ воспитать, чтобы оно не шло слушать другихъ проповѣдниковъ, кромѣ католическихъ, чтобы оно не оставалось равнодушнымъ къ отлученію; нужно было еще эксплуатировать человѣческія слабости, чтобы былъ интересъ оставаться католикомъ и служить римской церкви, и нужно было оказывать человѣку поблажки, когда въ этомъ была какая-либо выгода. Эта новая политика имѣла и новый органъ — органъ іезуитовъ. Вотъ почему мы должны будемъ остановиться болѣе подробно на іезуитахъ и іезуитизмѣ, ограничившись лишь бѣглымъ очеркомъ другихъ факторовъ возрожденія и реакціи католицизма.

Начало реакціи относится къ понтификату Павла III (1534—1549), въ первые годы котораго сдѣлались кардиналами благочестивые, склонные къ реформѣ церкви и думавшіе почти одинаково съ Лютеромъ объ оправданіи посредствомъ вѣры Контарини и Садолетъ. Послѣдній даже находился въ перепискѣ съ реформаторами (напр., съ Меланхтономъ). Въ это время сдѣлался кардиналомъ и Караффа, отличавшійся благочестіемъ и сознаніемъ необходимости преобразованій въ церкви, но не раздѣлявшій склонности къ усвоенію протестантскаго догмата объ оправданіи. Въ куріи возникла даже мысль о возможности примиренія съ протестантами при помощи кое-какихъ уступокъ и была организована особая коммиссія для составленія проекта преобразованій (consilium de emendanda ecclesia), обнародованнаго потомъ въ 1538 г.: въ немъ совершенно прямо указывалось на то, что упадокъ церкви былъ причиной отпаденія отъ нея протестантовъ. Примирительныя попытки ни къ чему, конечно, не привели, и однимъ изъ главныхъ сторонниковъ неуступчивости былъ упомянутый кардиналъ Караффа. Между тѣмъ Павелъ III, чтобы предупредить

Карла V, который желалъ въ это время соглашенія съ лютеранами, созвалъ соборъ въ Тридентѣ (1542), но онъ вскорѣ былъ отсроченъ (1543) и открытъ только въ 1545 году. Не разсказывая исторіи этого собора, продолжавшагося съ большими перерывами до 1563 [1]) и переносившагося въ Болонью, мы ограничимся однимъ выясненіемъ общаго его значенія. Идея соборной реформы церкви была вообще популярна въ первой половинѣ XVI в., но это была идея старая, во имя которой въ первой половинѣ XV в. созывались соборы въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ. Воспоминаніе объ этихъ соборахъ было крайне непріятно для папства реформаціонной эпохи, ибо созывались они въ силу той идеи, что вселенскій соборъ выше папы, и что причина порчи церкви заключается въ неограниченности папской власти. Кромѣ того, и въ требованіи Карла V созвать соборъ папы видѣли для себя большую опасность, такъ какъ соборъ могъ бы сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ властолюбиваго императора. Значеніе тридентскаго собора въ томъ прежде всего и заключается, что *на немъ возобладало направленіе строго папистское* — и въ смыслѣ папскаго главенства въ церкви, и въ смыслѣ господства церкви надъ государствомъ,—направленіе, которое было діаметрально противоположно и прежней соборной идеѣ XIV—XV в., и государственнымъ стремленіямъ эпохи, и, разумѣется, самому протестантизму. Произошло это благодаря тому, что большинство на соборѣ было итальянское, что націи, на немъ присутствовавшія, имѣли неодинаковые интересы, и что въ послѣдній періодъ его засѣданій уже дѣйствовала главная сила возрождавшагося католицизма—іезуиты. Съ другой стороны, на этомъ соборѣ была пересмотрѣна вся церковная догматика, были рѣшены спорные ея вопросы и всѣ ученія церкви уложены въ систему, но все это было сдѣлано такъ, что вездѣ преобладала тенденція—*какъ можно рѣзче противопоставить католическое ученіе протестантскому*, въ то время, какъ Карлъ V предлагалъ, наоборотъ, такую программу, которая сглаживала бы различія между обоими вѣроисповѣданіями. Этотъ строго-реакціонный характеръ тридентскій соборъ получилъ, однако, не сразу. Въ первое время на немъ преобладали даже иныя теченія, вмѣстѣ съ чѣмъ обнаружились всѣ тѣ внутреннія несогласія, какія были въ лонѣ самой церкви: догматическія опредѣленія, которыми занялся соборъ, вызвали споры разныхъ схоластическихъ школъ, а съ ними и антагонизмъ монашескихъ орденовъ, державшихся разныхъ направленій; между епископами и генералами этихъ орденовъ равнымъ образомъ происходили несогласія

[1]) Всѣхъ съѣздовъ собора было три: 1545—1547, 1551—1552 и самый главный съ начала 1562 по конецъ 1563 г.

изъ-за монаховъ, не хотѣвшихъ подчиняться епархіальной власти; расходились далѣе интересы отдѣльныхъ націй, интересы духовной и свѣтской власти, интересы епископата и папы. Но къ концу засѣданій все было рѣшено при сильномъ вліяніи іезуитовъ къ наибольшей выгодѣ для папства и католическихъ традицій. Настоящимъ папой реставраціи католицизма сдѣлался Караффа, занимавшій престолъ св. Петра подъ именемъ Павла IV отъ 1555 до 1559 г., возстановитель инквизиціи и организаторъ цензуры. Онъ пытался даже взять дѣло реформы въ свои руки помимо собора, который и не засѣдалъ, пока онъ былъ папой. Соборъ возобновился и окончился уже при его преемникѣ Піи IV, когда старыя тенденціи окончательно возобладали, и соборъ имѣлъ уже строго-католическій, рѣзко анти-протестантскій характеръ. Своими постановленіями онъ не только опредѣлилъ, во что должны были вѣровать католики, но и принялъ цѣлый рядъ мѣръ для того, чтобы сдѣлать духовенство болѣе образованнымъ, нравственнымъ, дисциплинированнымъ, преданнымъ интересамъ церкви, и чтобы устранить изъ церковной жизни все, что подавало поводъ къ особому соблазну даже среди католиковъ, напримѣръ, торгъ индульгенціями. Послѣ этого *католическая церковь получила характеръ неподвижности* въ противоположность протестантизму, въ которомъ продолжалось внутреннее развитіе. Въ теченіе трехъ вѣковъ, до ватиканскаго собора 1869—1870 г., провозгласившаго догматъ папской непогрѣшимости, въ католической церкви не созывалось болѣе общаго собора. Задачею католицизма, кромѣ борьбы съ протестантизмомъ, сдѣлалось теперь поддерживать систему, созданную тридентскимъ соборомъ, преслѣдуя, даже среди строго вѣрныхъ церкви богослововъ, малѣйшее отступленіе отъ разъ навсегда утвержденныхъ понятій. Эта неизмѣнность могла быть только результатомъ искусно направленной къ тому дѣятельности и сочетанія разныхъ репрессивныхъ мѣръ, придуманныхъ въ эту пору, съ мѣрами педагогическими и дипломатическими, въ которыхъ особыми мастерами были іезуиты.

Въ 1564 г. Пій IV утвердилъ тридентскія постановленія, заявивъ, что право ихъ толкованія принадлежитъ исключительно папѣ, подъ угрозою церковнаго наказанія всякому, кто вздумалъ бы создавать къ нимъ собственные комментаріи [1]). Постановленія эти встрѣтили, однако, протесты со стороны императора Фердинанда I, испанскаго короля Филиппа II и французскаго правительства, принявшихъ ихъ лишь съ оговорками, главнымъ образомъ въ виду заявленій о папскомъ полновластіи надъ государствомъ и въ виду ихъ несогла-

[1]) По окончаніи собора папа Пій IV обнародовалъ еще „Тридентское исповѣданіе вѣры“ (Confessio fidei tridentinae).

сованности съ мѣстными законами. Духовенство равнымъ образомъ не вездѣ дружелюбно къ нимъ относилось и даже ихъ оспаривало, какъ это случилось, напр., въ Польшѣ, гдѣ высшій клиръ принялъ ихъ лишь черезъ тринадцать лѣтъ (1577) послѣ того, какъ далъ на нихъ свое согласіе король Сигизмундъ-Августъ (1564). Главными дѣятелями въ проведеніи тридентскихъ реформъ въ жизнь отдѣльныхъ странъ были опять-таки іезуиты. Со стороны протестантовъ тридентскій соборъ былъ встрѣченъ полемикою, начатою еще въ первые годы его засѣданій Кальвиномъ (Acta synodi tridentinae cum antidoto, 1547), но продолжавшеюся и послѣ его закрытія (Examen concilii tridentini лютеранскаго богослова Хемница и др.).

Тридентскій соборъ возродилъ католическую церковь, но на основаніи возвращенія къ старымъ началамъ. Еще раньше, чѣмъ составлены были его постановленія и стали входить въ жизнь въ католическихъ странахъ, папство уже начало безпощадную реакцію въ Италіи. Главнымъ ея орудіемъ былъ „sanctum officium", какъ оффиціально называлась инквизиція, имѣвшая свою верховную конгрегацію, организованную по образу испанской инквизиціи съ неограниченною властью въ дѣлахъ вѣры. Во главѣ этого страшнаго учрежденія сталъ Караффа, разославшій шпіоновъ по всей Италіи, такъ какъ отдѣльныя итальянскія правительства приняли инквизицію, не вездѣ даже подчинивъ ее своему надзору (1542). Въ 1543 г. безъ одобренія sancti officii запрещено было печатать книги, а въ 1559 г. былъ составленъ знаменитый Index librorum prohibitorum, въ который попали не только протестантскія сочиненія, но и всѣ книги, не подходившія къ духу строгаго католицизма. Начались розыски и гоненія. Одни спасались отъ нихъ бѣгствомъ, чтобы не попасть въ тюрьму или на костеръ, другіе спѣшили подчиниться церкви, но и при всемъ томъ было совершено не мало казней еретиковъ. Въ этихъ гоненіяхъ нанесенъ былъ ударъ не только религіозному разномыслію, но и свѣтскому гуманизму, нанесенъ былъ страшный ударъ всей итальянской культурѣ. Въ итальянскомъ обществѣ не было большого религіознаго энтузіазма, при которомъ могли бы проявиться не одно мученичество за вѣру, но и борьба за свободу совѣсти, не было и свободнаго общественнаго духа, давно подавленнаго деспотизмомъ князей и усыпленнаго льстивою придворною литературою, такъ что фанатическая реакція не вызвала противъ себя ни малѣйшаго политическаго движенія. Мало того: итальянцы продолжали гордиться тѣмъ, что клиръ всѣхъ странъ подчиняется итальянскому владыкѣ, живущему въ Римѣ, и видѣли въ могущественномъ папствѣ даже условіе, необходимое для того, чтобы ихъ отечество было политически независимо и могущественно. Понемногу Италія изъ передовой страны,

въ которой ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проявились первые признаки наступленія новаго времени, сдѣлалась одною изъ тѣхъ странъ, гдѣ господствовалъ безраздѣльно нетерпимый католицизмъ, убивавшій всякое живое культурное и общественное движеніе и уничтожавшій результаты, которые были уже произведены такими историческими движеніями, какъ Возрожденіе и реформація. Италія, впрочемъ, не была единственною страною, которою овладѣла реакція: послѣдняя охватила еще государства Пиренейскаго полуострова, католическія земли Германіи, Польшу, присоединивъ къ главному своему церковному центру—Риму, три центра политическихъ: Мадридъ на юго-западѣ, Вѣну въ центрѣ и Варшаву на сѣверо-востокѣ католическаго міра.

Католическая реакція имѣетъ длинную и сложную исторію, но сущность этой исторіи всегда и вездѣ была одна и та же. Въ культурно-соціальномъ отношеніи это была исторія теологическаго и клерикальнаго подавленія независимой мысли и общественной свободы,—подавленія, въ которомъ съ представителями возрожденнаго и воинствующаго католицизма соперничали иногда, но далеко не съ такою ревностью и такимъ успѣхомъ, представители протестантской нетерпимости и протестантскаго ригоризма. У католической реакціи была и своя политическая исторія, сводившаяся къ подчиненію внутренней и внѣшней политики цѣлыхъ государствъ реакціонному направленію, къ образованію изъ нихъ большого международнаго союза, къ возбужденію въ его членахъ вражды противъ протестантскихъ странъ, даже къ вмѣшательству во внутреннія дѣла этихъ послѣднихъ. Главными политическими силами реакціи были съ середины XVI в. Испанія Филиппа II (1555—1598) и его преемниковъ, съ послѣдней четверти того же вѣка—Австрія, которая особую роль играетъ въ первой половинѣ XVII в., наконецъ, съ исхода XVI столѣтія—Польша, сдѣлавшаяся операціоннымъ базисомъ католической церкви и противъ православія. Изъ этихъ трехъ государствъ два принадлежали Габсбургамъ, Испанія—старшей линіи, которая вела свое происхожденіе отъ Филиппа II, сына Карла V, Австрія—младшей линіи, происходившей отъ брата Карла V и его преемника на императорскомъ престолѣ (1556—1564) Фердинанда I. Габсбурги сдѣлались поэтому главными представителями католической реакціи и въ эпоху религіозныхъ войнъ второй половины XVI в., когда на первомъ планѣ стояла Испанія, и въ первой половинѣ XVII в., когда велась громадная общеевропейская война, извѣстная подъ названіемъ тридцатилѣтней, когда австрійскіе Габсбурги стремились къ тому, чтобы поднять свое значеніе въ Германіи и въ Европѣ въ союзѣ съ католической реакціей. Послѣдняя дѣлала попытки завладѣть и Франціей,

но соперничество французскихъ королей съ Габсбургами, ставшими во главѣ реакціонной международной политики, уже одно было препятствіемъ къ тому, чтобы эта страна могла вообще долго находиться въ одномъ лагерѣ съ Испаніей и Австріей. Отъ традиціонной политики соперничества съ Габсбургами во Франціи бывали лишь временныя отступленія. Уже Францискъ I, все свое царствованіе боровшійся съ Карломъ V, начинаетъ прибѣгать къ протестантскимъ союзамъ (съ нѣмецкими князьями); той же политики держится Генрихъ II; въ концѣ XVI и началѣ XVII в. ее прямо возводитъ въ систему Генрихъ IV, и ея же въ первой половинѣ XVII столѣтія придерживается въ царствованіе Людовика XIII Ришелье, благодаря которому Франція приняла участіе въ тридцатилѣтней войнѣ не на сторонѣ католиковъ. Не нужно, далѣе, забывать, что католическая реакція началась какъ-разъ въ то время, когда возникло и стало распространяться реформаціонное движеніе въ странахъ, которыя до того времени лишь слабо были имъ затронуты, въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ: движеніе это не могло уже совершаться внѣ всякихъ международныхъ осложненій, и политическій интересъ заставлялъ сближаться между собою единовѣрныя государства. Въ Шотландіи, когда тамъ совершалась реформація, боролись между собою французское и англійское вліянія; во внутреннія дѣла Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ вмѣшалась Испанія; реформація въ Нидерландахъ была въ то же время возстаніемъ противъ Испаніи, въ которомъ оказались заинтересованными и французскіе протестанты, и англійское правительство. Какъ Испанія во второй половинѣ XVI в. была главною силою католическаго лагеря, такъ Англія при Елизаветѣ играла роль защитницы протестантизма на континентѣ, вслѣдствіе чего на эту страну были направлены особенныя усилія католической реакціи и Филиппа II. Реакція дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи и въ Швеціи; между прочимъ одинъ изъ внуковъ Густава Вазы (Сигизмундъ III, избранный на польскій престолъ, еще будучи шведскимъ королевичемъ) принимаетъ католицизмъ и мечтаетъ объ его реставраціи въ странѣ, опираясь на Польшу, уже перешедшую при немъ въ реакціонный лагерь. До усиленія реакціи въ серединѣ XVI в. религіозныя междоусобія не получали международнаго характера: напримѣръ, и въ тѣхъ смутахъ, которыя происходили въ Германіи въ первой половинѣ XVI в., иностранное вмѣшательство было едва замѣтно, но новыя смуты въ той же Германіи въ первой половинѣ XVII в. повели къ большой международной войнѣ, въ которой приняли участіе главныя силы католическаго міра, съ одной стороны, а въ качествѣ защитниковъ протестантизма выступили между прочимъ и Данія, и Швеція. Наконецъ, при Кромвелѣ Англія еще разъ

играла роль защитницы протестантизма. Хотя послѣ вестфальскаго мира религіозныя войны кончаются, но и въ эпоху Людовика XIV противоположность католической и протестантской политики выразилась въ той оппозиціи, какую дѣлала Франціи Голландія, особенно когда во Франціи начали преслѣдовать протестантовъ, а въ Англіи Іаковъ II Стюартъ замыслилъ реставрацію католицизма.

Въ этой политической борьбѣ католицизма съ протестантизмомъ до нѣкоторой степени мы *наблюдаемъ и борьбу абсолютизма съ политической свободой*, не только въ отдѣльныхъ странахъ—въ Шотландіи, Франціи и Нидерландахъ, но и на болѣе широкой аренѣ общеевропейской политики: съ середины XVI в. до середины XVII в. католическія габсбургскія государства, а во второй половинѣ XVII в. реакціонная Франція Людовика XIV, съ одной стороны, съ другой же Англія и Голландія, въ которыхъ протестантизмъ и политическая свобода соединили свои интересы, могутъ разсматриваться, какъ представительницы католическаго абсолютизма и протестантской свободы. Конечно, не слѣдуетъ обобщать эти факты безусловно, такъ какъ абсолютизмъ былъ силенъ и въ нѣмецкихъ протестантскихъ княжествахъ, а въ Польшѣ эпоха католической реакціи была временемъ и наибольшаго, хотя и въ высшей степени уродливаго развитія политической свободы. Впрочемъ, и случайнаго ничего въ указанномъ явленіи не было: католическая реакція и политическій абсолютизмъ, такъ сказать, заключили между собою союзъ въ виду выгодъ, какія изъ него вытекали для государственной власти и для церкви, а въ Голландіи XVI в., равно какъ и въ Англіи XVII в. политическая свобода вышла побѣдительницей изъ борьбы съ абсолютизмомъ при сильномъ содѣйствіи передового протестантизма, выставившаго уже извѣстныя намъ политическія теоріи.

XXII. Орденъ іезуитовъ [1]).

Общее значеніе іезуитовъ.—Разложеніе монашества.—Новые монашескіе ордена.—Отличіе отъ нихъ іезуитовъ. — Игнатій Лойола. — Основаніе Societatis Jesu. — Распространеніе ордена.—Его внутреннее устройство и орденская дисциплина.— Дѣятельность іезуитовъ. — Іезуитская педагогія, мораль и политика.

Орденъ іезуитовъ играетъ слишкомъ видную роль въ исторіи реставраціи католицизма и его реакціи противъ всѣхъ передовыхъ

[1]) *Genelli*. Des Leben des heil. Ignaz von Loyola. — *Baumgarten*. Ignatius von Loyola. — *Gothein*. Ignatius von Loyola und die Gegenreformation. — *Reusch*. Beiträge zur Geschichte des Jesuitenordens.—*Druffel*. I. von Loyola an der römischen Kurie. — *Cretineau-Joly*. Histoire de la compagnie de Jusus. —

культурно-соціальныхъ явленій, чтобы на немъ не остановиться подробнѣе, тѣмъ болѣе, что, возникши въ южно-романскихъ странахъ, онъ пріобрѣлъ весьма скоро общеевропейское значеніе, какъ организованная сила католической реакціи. Общій духъ этого ордена въ высшей степени характеристиченъ для возродившагося католицизма, а его дѣятельность постоянно замѣчается и въ дѣлѣ реформаціи самой католической церкви, произведенной на тридентскомъ соборѣ, и въ перевоспитаніи свѣтскаго общества въ строго-католическомъ духѣ, и въ той внутренней и внѣшней политикѣ западныхъ государствъ, которая имѣла отношеніе къ борьбѣ католицизма съ протестантизмомъ, начиная отъ аугсбургскаго религіознаго мира (1555 г.) и кончая миромъ вестфальскимъ (1648 г.).

Іезуиты не были единственнымъ новымъ орденомъ, основаннымъ въ эту эпоху для надобностей католической церкви, такъ какъ старые ордена не соотвѣтствовали новымъ задачамъ, какія ставило церкви распространеніе протестантизма. Вообще католицизмъ не разъ прибѣгалъ къ созданію новыхъ монашескихъ орденовъ или реформировалъ старые, когда представлялась необходимость какой-либо борьбы: напримѣръ, въ XIII в., въ эпоху альбигойства и вальденства, были созданы нищенствующіе ордена доминиканцевъ и францискан-

---

Huber. Der Jesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte charakterisirt (есть русскій переводъ). — *Reusch*. Beiträge zur Geschichte des Jesuitenordens (ср. статью А. З—ва въ авг. вып. „Вѣры и Разума“ за 1891 г.).—*Sugenheim*. Geschichte der Jesuiten in Deutschland.—*Lang*. Geschichte der Jesuiten in Bayern. — *Krasicki*. De Societatis Jesu in Polonia primordiis.—*Moraczewski*. Jesuici w Polsce. Кромѣ того, о польскихъ іезуитахъ есть соч. *кс. Залэнскаго* подъ заглавіемъ „Іезуиты ли погубили Польшу?“ (Czy Iezuici sgubili Polskę?). — Извѣстно, что іезуиты имѣли отношеніе и къ русской исторіи, о чемъ см. сочиненія *гр. Д. Толстого* Le catholicisme romain en Russie), *Морошкина* (Іезуиты въ Россіи), *Pierling'a* (Rome et Moscou. — Un nonce de pape en Moscovie.—Le Saint siège, la Pologne et Moscou и др.), *Любовича* (Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ). Объ іезуитской педагогіи и политическихъ ученіяхъ вообще см. въ сочиненіяхъ по исторіи воспитанія и обученія и политическихъ теорій, но есть нѣсколько и особыхъ работъ, каковы: *Ranke*. Die Idee der Volkssouveränität in den Schriften der Jesuiten.—*Michael*. Die Jesuiten und der Tyrannenmord.—*R. Krebs*. Die politische Publicistik der Jesuiten und ihrer Gegner in den letzten Jahrzehnten vor. d. Ausbruch des dreissigjährigen Krieges. — *Baumgarten*. Das Schulwesen der Jesuiten. — *Muczkowski*. Szkoly jezuckie. О другихъ орденахъ: *Helyot*. Histoire des ordres monastiques (1718), а также біографіи отдѣльныхъ дѣятелей въ родѣ основателя ораторійцевъ Филиппа Нери (*Copecelatro*. The life of St. Philipp Neri), Викентія де-Поля (*Loth*. St. Vincent de Paul.—*Feillot*. La misère en temps de la Fronde et S. V. de Paul. — *E. de-Broglie*. S. V. de P. и др.). О янсенизмѣ см. *Sainte-Beuve*. Histoire de Port-Royal. — *Reuchlin*. Geschichte von Port-Royal. Der Kampf des reform. und des jesuit. Katholicismus unter Ludwig XIII und Ludwig XIV.

цевъ. Старые ордена часто, однако, приходили въ упадокъ, такъ какъ общая порча церкви касалась и ихъ. Доминиканскій орденъ, славившійся своею ученостью, отсталъ отъ просвѣщенія своего вѣка, и побѣда гуманистовъ надъ его представителями въ знаменитомъ рейхлиновскомъ спорѣ указывала на то, что не этому ордену было бороться съ новыми, враждебными церкви движеніями. Другіе ордена состояли изъ невѣжественныхъ монаховъ, своею алчностью и часто зазорнымъ поведеніемъ возбуждавшихъ противъ себя насмѣшки, негодованіе и ненависть, такъ что оппозиція противъ католицизма даже приняла преимущественно антимонашескій характеръ: гуманисты были принципіальными противниками аскетизма и врагами схоластическаго характера монашеской учености; моралисты и публицисты эпохи преслѣдовали монаховъ сатирой и обличеніями, и въ томъ же смыслѣ дѣйствовали предшественники реформаціи; народъ, наконецъ, былъ недоволенъ праздностью и корыстолюбіемъ монаховъ, а монастырское землевладѣніе уже обращало на себя взоры дворянства и правительствъ, какъ возможная добыча. Не надо забывать и того, что изъ монашества подчасъ возникала и оппозиція противъ папства, какъ это было, напримѣръ, въ XIV вѣкѣ, когда съ развращенной куріей вступили въ борьбу минориты. Сама реформація въ лицѣ Лютера вышла изъ августинскаго монастыря, который быстро опустѣлъ послѣ первыхъ протестовъ Лютера, а примѣру августинскихъ монаховъ въ Виттенбергѣ послѣдовали и монахи другихъ орденовъ. Гдѣ не сами они уходили, тамъ ихъ выгоняли насильно, когда началась секуляризація монастырской собственности. Новыя воззрѣнія на монашескіе обѣты стали проникать и въ католическую среду, и все это вносило еще бòльшее разложеніе и разстройство въ жизнь монастырей. Но въ католическихъ націяхъ были элементы, не тронутые ни гуманизмомъ, ни реформаціей, да и въ самихъ монастыряхъ не было недостатка въ людяхъ, вѣрныхъ обѣтамъ аскетизма и преданныхъ интересамъ церкви. Реформація во многихъ изъ нихъ даже оживила католическія чувства, а церковь не могла отказаться ни отъ принциповъ аскетизма, ни отъ той помощи, какую оказывали ей разные ордена, и вотъ, результатомъ этого было преобразованіе старыхъ и основаніе новыхъ орденовъ, такъ что *реформація, наносившая ударъ монашеству тамъ, гдѣ она утвердилась, содѣйствовала, наоборотъ, его возрожденію въ странахъ, оставшихся за католическою церковью*. Въ 1528—29 гг. часть францисканскаго ордена получила новое устройство и сдѣлалась извѣстной подъ названіемъ капуциновъ (отъ капюшона остроконечной формы). Хотя послѣдніе пришли-было въ столкновеніе съ куріей, тѣмъ не менѣе на нихъ была возложена задача проповѣдовать простонародью, отъ котораго они не отличались

ничѣмъ — ни своею неопрятностью, ни грубостью понятій, ни рѣзкостью и часто неприличностью выраженій; изъ Италіи капуцины распространились по Франціи, Испаніи, Германіи, Швейцаріи. Около 1540 г. возникли и другіе ордена. Не перечисляя ихъ всѣхъ, отмѣтимъ урсулинокъ, взявшихъ на себя воспитаніе дѣтей въ строгомъ католицизмѣ (учр. 1538 г., утвержд. 1544); театинцевъ, учрежденныхъ для воспитанія будущихъ священниковъ въ строгихъ нравахъ,— орденъ, къ которому принадлежалъ кардиналъ Караффа (папа Павелъ IV); ораторійцевъ или тринитаріевъ (братство св. Троицы) — для поддержанія благочестія въ духовенствѣ. Упомянемъ еще вообще, что разныя другія религіозныя братства и общины брали на себя заботы о бѣдныхъ и больныхъ, поддержку въ простомъ народѣ нравственности, обученіе дѣтей и т. п., такъ что монашество, позабывшее-было матеріальныя и духовныя нужды народа, которымъ оно служило въ былыя времена, опять стало брать на себя труды по общественной благотворительности, народному образованію и моральному воспитанію массъ, что̀ весьма сильно содѣйствовало возрожденію католицизма и развитію аскетическихъ стремленій въ самой церкви. Вся исторія второй половины XVI в. и слѣдующаго столѣтія наполнена примѣрами появленія новыхъ братствъ и общинъ съ благочестивыми цѣлями или отдѣльныхъ личностей, прославившихся святостью жизни и подвигами благотворенія, въ родѣ итальянца Карла Борромея (1538—1584), савойца Франсуа де Саля (1567—1622), француза Викентія де Поля (Saint Vincent de Paul, 1576—1666) или испанца Іосифа Каласансе (1556—1648), основателя ордена піаровъ (fratres scholarum piarum), поставившихъ своею задачею безплатное обученіе дѣтей.

Все это была, однако, реставрація средневѣковой старины: *совершенно новыя явленія мы встрѣчаемъ только въ орденѣ іезуитовъ.* Хотя многіе изъ орденовъ, возникшихъ въ XVI в., имѣли своею задачей поддерживать католицизмъ противъ разрушительнаго дѣйствія реформаціи, тѣмъ не менѣе ни одинъ не дѣлалъ изъ этого прямой своей задачи, какъ іезуиты: всѣ остальные ордена были учреждаемы съ спеціальными цѣлями—или проповѣди простонародью, или образованія духовенства, или обученія дѣтей и т. п., тогда какъ дѣятельность іезуитовъ отличалась крайнимъ разнообразіемъ, получила характеръ универсальный. Съ другой стороны, многія другія братства имѣли чисто мѣстное значеніе, утвердившись, главнымъ образомъ, въ одной какой-либо странѣ, а іезуиты распространились по всѣмъ европейскимъ государствамъ, покрывъ сѣтью своихъ учрежденій всю Западную Европу и даже начавъ играть важную роль въ странахъ внѣ-европейскихъ — въ роли миссіонеровъ и колонизаторовъ. Но что

особенно важно, *средневѣковой аскетизмъ въ орденѣ іезуитовъ былъ, такъ сказать, замѣненъ дипломатическимъ искусствомъ новаго времени*, благодаря чему возрожденный католицизмъ и получилъ совершенно новый характеръ. Родоначальниками ордена были преимущественно испанцы (съ португальцами) и итальянцы: можно сказать, что до фанатизма преданная католической церкви Испанія поставила ордену его цѣль служить этой церкви, тогда какъ Италія, въ которой папство давно сдѣлалось по своему характеру учрежденіемъ мірскимъ, и гдѣ особое развитіе получили не стѣснявшаяся средствами политика („макіавеллизмъ"), тонкое дипломатическое искусство, индифферентная въ истинѣ софистика, — создала систему средствъ, которыми орденъ достигалъ своихъ цѣлей. Всякими, дозволенными и недозволенными, средствами іезуиты содѣйствовали внутреннему возрожденію въ католицизмѣ его средневѣковыхъ началъ, закрѣпляли связи между католиками разныхъ странъ и св. престоломъ, содѣйствовали организаціи силъ католицизма для борьбы съ ересью, возвращали въ лоно церкви отпавшихъ ея членовъ, вознаграждали убыли католицизма новыми пріобрѣтеніями, направивъ свою дѣятельность и на православный Востокъ [1]) и на внѣ-европейскія страны. При этомъ они занимали самыя разнообразныя положенія въ церкви, государствѣ и обществѣ, выступая въ роли духовниковъ и совѣтниковъ государей, политическихъ и дипломатическихъ агентовъ, свѣтскихъ и простонародныхъ проповѣдниковъ, воспитателей и наставниковъ юношества и организаторовъ, начальниковъ, учителей публичныхъ школъ, ученыхъ и писателей, благотворителей и христіанскихъ миссіонеровъ въ другихъ частяхъ свѣта. Поэтому среди членовъ ордена находилось мѣсто для людей разныхъ способностей, настроеній и характеровъ, и дѣятельность ихъ разнообразилась до безконечности въ зависимости отъ личныхъ качествъ самихъ дѣятелей и тѣхъ людей, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло, отъ самаго свойства той или другой политической, педагогической, литературной или всякой иной задачи, отъ той, наконецъ, культурно-соціальной среды, въ какой приходилось дѣйствовать. И вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ имѣлъ организацію, въ которой были соединены принципы католической іерархіи съ такими началами, на какихъ обыкновенно бываютъ основаны военная дисциплина и бюрократическая тайна или весь строй и все поведеніе тайныхъ обществъ.

Основателемъ ордена былъ испанскій дворянинъ Игнатій (Иниго) Лойола (1491—1556), но настоящимъ его организаторомъ, безъ кото-

---

[1]) Іезуиты въ русскихъ земляхъ Польско-литовскаго государства и ихъ попытки, направленныя на тогдашнюю „Московію".

раго орденъ, быть можетъ, и не получилъ бы такого значенія, былъ преемникъ Лойолы Діего Лайнесъ (ум. 1565 г.), одинъ изъ видныхъ дѣятелей тридентскаго собора, при которомъ (1558 г.) іезуиты окончательно приняли написанный Лойолою уставъ (Constitutiones) съ объясненіями (declarationes) новаго своего начальника, и членамъ ордена разрѣшено было вести свѣтскій образъ жизни.

Лойола въ ранней юности былъ пажемъ при дворѣ Фердинанда Католика, но праздная жизнь придворнаго кавалера ему надоѣла, и стремленіе къ подвигамъ и приключеніямъ, воспитывавшееся въ то время между прочимъ и чтеніемъ рыцарскихъ романовъ, увлекло его въ военную службу. Тридцати лѣтъ отъ роду онъ участвовалъ въ войнѣ Карла V съ Франциском I, во время которой однажды ядро раздробило ему правую ногу; пришлось подвергнуться мучительной операціи, послѣ которой онъ остался все-таки хромымъ. Во время продолжительнаго лѣченія Лойола предался чтенію житій святыхъ, которое направило его страстную и дѣятельную натуру къ новой цѣли—служить св. церкви въ качествѣ духовнаго рыцаря, такъ какъ святые подвижники, жизнеописанія которыхъ онъ читалъ, увлекли его воображеніе и своимъ героизмомъ, и своею славою. Это было, однако, религіозное настроеніе, весьма отличное отъ того, которое нѣсколько раньше сдѣлало Лютера монахомъ: если нѣмецкій реформаторъ, идя въ монастырь, заботился прежде всего о своемъ личномъ спасеніи, то цѣлью стремленій Лойолы было служеніе церкви, какъ онъ только и могъ его, конечно, понимать при своемъ строго-католическомъ воспитаніи и рыцарскомъ настроеніи, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что это богоугодное дѣло доставитъ ему небесную славу. Указанный переворотъ въ жизни Лойолы произошелъ въ томъ самомъ году (1522), когда въ Германіи уже начиналось реформаціонное движеніе, и весьма естественно, что для рыцаря католицизма борьба съ ересью должна была впослѣдствіи сдѣлаться одною изъ главныхъ задачъ. Случилось это, впрочемъ, не сразу. Вскорѣ по выздоровленіи Лойола отправился въ Монсерратъ, гдѣ былъ чудотворный образъ Богоматери, повѣсилъ при этой иконѣ свой мечъ и съ посохомъ въ рукахъ простоялъ цѣлую ночь у нея на стражѣ, подобно тому, какъ это дѣлали романтическіе рыцари, оказывая тѣмъ почетъ дамамъ своего сердца. Затѣмъ онъ задумалъ итти на богомолье въ Святую Землю въ подражаніе прежнимъ паломникамъ и крестоносцамъ, но это ему удалось не тотчасъ же, по причинѣ заразной болѣзни, свирѣпствовавшей на Востокѣ. На нѣкоторое время онъ поступилъ въ одинъ доминиканскій монастырь, гдѣ удручалъ свою плоть аскетическими подвигами,—по преданію, жилъ даже въ какой-то пещерѣ,—и до такой степени разстроилъ свое здоровье, что его стали посѣщать галлюцинаціи ре-

лигіознаго характера: ему являлись Христосъ, Св. Дѣва; онъ видѣлъ отверстыя небеса и мученія грѣшниковъ въ аду. Въ 1523 г. онъ, питаясь подаяніями, добрался наконецъ до Іерусалима съ планомъ обращенія турокъ въ христіанство: это было временемъ развитія турецкаго могущества, угрожавшаго всему христіанству, и немудрено, что у Лойолы явилась мысль соединить паломничество въ Палестину, съ миссіонерствомъ среди магометанъ. Планъ былъ совершенно фантастическій: Лойола не зналъ по-турецки, совсѣмъ не былъ знакомъ съ ученіемъ Магомета, да и въ христіанскомъ богословіи оказался весьма слабымъ. Палестинскіе францисканцы, къ которымъ онъ явился, отнеслись къ нему съ величайшимъ недовѣріемъ и постарались его выпроводить на родину. Лойола понялъ тогда необходимость образованія и сталъ учиться въ разныхъ испанскихъ школахъ грамматикѣ, философіи, богословію, навлекая на себя своимъ страннымъ поведеніемъ подозрѣніе инквизиціи, два раза подвергавшей его даже заключенію и допросу и чуть-было не приговорившей его къ сожженію. Тридцати слишкомъ лѣтъ отъ роду Лойола отправился въ Парижъ, чтобы закончить въ этомъ городѣ свое образованіе, продолжая жить въ крайней нищетѣ и питаться милостыней. Здѣсь онъ сблизился съ савойцемъ Лефевромъ, испанцами Францискомъ Ксавіеромъ, Алонзо Сальмерономъ, Діего Лайнесомъ и Николаемъ Бобадильей, а также съ португальцемъ Симономъ Родригесомъ, которыхъ и склонилъ къ мысли объ основаніи ордена для обращенія въ лоно истинной церкви невѣрныхъ и еретиковъ, ибо протестанты въ это время (1534 г.) уже заставляли сильно о себѣ говорить. Къ этому маленькому обществу скоро (1537 г.) присоединилось по одному французу (Жанъ Кодюръ), женевцу (Ле Же) и нидерландцу (Паскаль Бруэ), такъ что съ самаго начала намѣчался уже интернаціональный характеръ будущаго ордена. Сдѣланная затѣмъ Лойолою новая попытка отправиться въ Турцію не удалась. По случаю бывшей въ то время войны самъ онъ и сопровождавшіе его товарищи задержались въ Венеціи, гдѣ народъ началъ смотрѣть на нихъ, какъ на святыхъ, а подозрительныя власти наоборотъ—какъ на людей опасныхъ: здѣсь они совершали полные самоотверженія подвиги, посвятивъ себя уходу за больными, страдавшими самыми отвратительными болѣзнями, а своею экзальтаціей Лойола и ранѣе уже обращалъ на себя вниманіе испанской инквизиціи, такъ что въ случившихся въ Венеціи съ маленькой компаніей непріятностяхъ не было ничего удивительнаго. Еще ранѣе члены будущаго ордена дали торжественный обѣтъ въ случаѣ неудачи миссіонерства въ Палестинѣ отдать себя въ полное распоряженіе папы и въ 1538 г. привели въ исполненіе этотъ обѣтъ, когда для нихъ вполнѣ выяснилось, что наилучшимъ образомъ они

могли бы служить церкви, борясь съ протестантизмомъ, и когда ихъ мысль объ основанiи Iисусовой дружины (phalanx Jesu, позднѣе societas Jesu) достаточно созрѣла, чтобы осуществиться. Тогдашнiй папа, Павелъ III, долго колебался согласиться на ихъ просьбу разрѣшить основанiе новаго ордена. Онъ самъ находилъ странности въ поведенiи Лойолы и притомъ не соглашался съ нѣкоторыми пунктами проектированнаго устава, а кромѣ того, его отговаривали отъ согласiя представители другихъ орденовъ, вообще ревниво относившихся другъ къ другу и не благоволившихъ къ основанiю новыхъ орденовъ. Съ другой стороны, однако, будущiе iезуиты, живя въ Римѣ, своимъ аскетизмомъ, проповѣдничествомъ, дѣлами благотворенiя изъ собираемой милостыни, успѣли уже настолько прославиться, что португальскiй король просилъ у Лойолы миссiонеровъ для Индiи, и въ Португалiю на этотъ зовъ отправились Ксавiеръ и Родригесъ. Только осенью 1540 г. Павелъ III, увидѣвшiй въ концѣ концовъ во всемъ этомъ перстъ Божiй („digitus Dei hic est“), буллою „Regimini militantis“ утвердилъ орденъ, первымъ пожизненнымъ генераломъ котораго вскорѣ былъ избранъ самъ Лойола, еще до основанiя ордена, какъ и товарищи его, принявшiй санъ священника.

Такъ какъ члены „Societatis Jesu“ отдавали себя въ безусловное распоряженiе папы, какъ намѣстника самого Бога на землѣ, то на новый орденъ посыпались вскорѣ всякiя блага и привилегiи. Въ 1540 г. число членовъ „Общества Iисуса“ было опредѣлено шестьюдесятью, но въ 1543 г. ему дано было право имѣть неограниченное число членовъ. Далѣе, въ сороковыхъ же годахъ, при Павлѣ III, члены ордена получили право повсемѣстной—на улицахъ и въ церквахъ — проповѣди и повсемѣстнаго исполненiя церковныхъ требъ (исповѣди и причащенiя), а также право отпущенiя грѣховъ въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, которые были папскими (causae papales), и были освобождены отъ подчиненiя епископамъ, и генералъ iезуитовъ былъ объявленъ подвластнымъ помимо какихъ бы то ни было инстанцiй самому папѣ. Далѣе, при томъ же папѣ началось освобожденiе членовъ ордена отъ нѣкоторыхъ монашескихъ обѣтовъ и обязанностей, продолжавшееся и при преемникахъ Павла III. Сначала именно имъ было дозволено не собираться на тѣ церковныя службы („часы“), которыя священникъ можетъ прочесть въ своей комнатѣ; потомъ были установлены въ орденѣ духовные и свѣтскiе коадъюторы, т.-е. такiе члены, которые, вступая въ орденъ, не давали безповоротнаго обѣта ему служить. Папа Юлiй III сдѣлалъ исключенiе изъ обязанности соблюдать обѣтъ нестяжанiя для тѣхъ членовъ, отъ которыхъ польза церкви требовала жизни среди богатыхъ людей, и разрѣшилъ учрежденiямъ ордена владѣть недвижимою собственностью,

сохраняя тѣмъ не менѣе привилегіи нищенствующихъ орденовъ (1550 г.), а потомъ освободилъ высшихъ его сановниковъ отъ обѣта безусловно повиноваться приказаніямъ, касавшимся миссіонерства (1555 г.). Наконецъ, уже по смерти Лойолы іезуиты, какъ они стали называться около этого времени, были освобождены отъ монастырской жизни, и Общество перестало быть обыкновеннымъ монашескимъ орденомъ, получивъ характеръ небывалаго еще въ католической церкви учрежденія—обширной международной духовно-политической корпораціи, съ своеобразными устройствомъ и дисциплиной, пріемами и цѣлями дѣятельности, моральными и политическими ученіями.

Орденъ іезуитовъ распространилъ свои учрежденія и навербовалъ себѣ членовъ въ разныхъ странахъ Европы весьма быстро. Вотъ нѣкоторыя цифры, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ онъ возрасталъ въ теченіе двухъ вѣковъ своего существованія до уничтоженія его во второй половинѣ XVIII столѣтія. Число его членовъ, равнявшееся только одной тысячѣ въ годъ смерти Лойолы, доходило въ началѣ тридцатилѣтней войны, т.-е. черезъ двѣ трети вѣка до тринадцати тысячъ: значитъ, среднимъ числомъ въ каждыя десять лѣтъ число его членовъ увеличивалось на двѣ тысячи; около 1750 г., когда противъ ордена началось гоненіе, въ немъ насчитывалось уже двадцать двѣ тысячи членовъ. Въ 1574 г. іезуиты обладали 125 учебными заведеніями, въ 1608 г.—306, въ 1616 г.—372, въ 1681 г.—578, т.-е. въ сто сорокъ лѣтъ со времени основанія ордена въ немъ среднимъ числомъ прибавлялось по четыре новыхъ учебныхъ заведенія въ годъ. Ранѣе всего іезуиты утвердились въ Италіи, Португаліи и Испаніи, въ послѣдней странѣ несмотря на то, что ни Карлъ V, ни даже Филиппъ II сначала особенно дружелюбно къ нимъ не относились. На Италію и Пиренейскій полуостровъ приходилось и наибольшее количество первоначальныхъ „провинцій" ордена, которыхъ на общее число 12 (вскорѣ 14) было въ Италіи 3, а въ государствахъ Пиренейскаго полуострова 7 (въ 1556 г.), тогда какъ особая польская провинція образовалась только въ 1574 г., раздѣлилась же на польскую и литовскую лишь въ 1608 г. Въ 1626 г. число провинцій ордена доходило уже до 39 (съ 16 тысячами членовъ). Внѣ Италіи, Португаліи и Испаніи іезуиты имѣли большой успѣхъ въ католическихъ земляхъ Германіи, гдѣ они утвердились довольно рано, особенно въ Баваріи и Австріи: Бобадилья и Ле Же уже въ концѣ сороковыхъ годовъ XVI вѣка дѣйствовали въ Баваріи; здѣсь іезуиты завладѣли ингольштадтскимъ университетомъ; въ началѣ пятидесятыхъ годовъ они основались и въ Вѣнѣ; тамошній университетъ тоже подчинился ихъ вліянію. Изъ нѣмецкихъ іезуитскихъ школъ вышли многіе дѣятели тридцатилѣтней войны. Около того же времени и все

еще при жизни основателя своего ордена іезуиты сдѣлали попытку утвердиться во Франціи, но встрѣтили отпоръ со стороны высшаго духовенства, парламента и Сорбонны: высшій клиръ все еще былъ проникнутъ идеями галликанизма, тогда какъ іезуиты стояли на ультрамонтанской точкѣ зрѣнія; парламентъ усматривалъ политическую опасность со стороны этого ордена; Сорбонна находила его излишнимъ и даже вреднымъ для монашества въ виду того, что іезуитамъ дозволено было вести свѣтскій образъ жизни. Лишь при Карлѣ IX основали іезуиты во Франціи весьма быстро прославившійся collège de Clermont. Въ эпоху же религіозныхъ войнъ они были желанными союзниками для фанатическихъ католиковъ. Въ концѣ XVI вѣка политическія покушенія (на жизнь Генриха IV) привели-было къ временному удаленію іезуитовъ изъ Франціи, но въ началѣ XVII вѣка они были возвращены, такъ какъ Генрихъ IV думалъ воспользоваться ихъ услугами въ политическихъ интересахъ Франціи и даже сдѣлалъ одного іезуита своимъ духовникомъ. Первая мысль о приглашеніи іезуитовъ въ Польшу для воспитанія молодежи была высказана еще на варшавскомъ синодѣ 1561 г., но тогда она встрѣтила возраженіе въ томъ смыслѣ, что въ странѣ найдутся и свои наставники. Впервые призвалъ ихъ въ свою епархію вармійскій (Ermland) епископъ, позднѣе кардиналъ, Гозій, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей католической реакціи, котораго за его дѣятельность на тридентскомъ соборѣ протестанты прозвали „богомъ папистовъ", и который внушалъ Сигизмунду-Августу крайне реакціонныя мѣры противъ еретиковъ. Еще на тридентскомъ соборѣ онъ вошелъ въ сношенія съ Лайнесомъ по поводу приглашенія іезуитовъ въ Польшу; въ 1564 г. прибыла первая ихъ партія въ вармійскую епархію, а въ слѣдующемъ году въ Брунсбергѣ была открыта іезуитская коллегія. Послѣ этого и въ чисто польскихъ епархіяхъ (вармійская была населена нѣмцами и не подчинялась архіепископу гнѣзненскому, который былъ примасомъ Польши) стали основываться іезуиты, прежде всего въ сосѣдней епархіи плоцкой, гдѣ епископъ Носковскій (1566 г.) основалъ іезуитскую школу (въ Пултускѣ). Какъ извѣстно, Стефанъ Баторій и Сигизмундъ III оказывали особое покровительство ордену.

Не довольствуясь дѣятельностью въ католическихъ странахъ, іезуиты направили ее и на иновѣрныя земли. Въ Дуэ, Реймсѣ и Римѣ существовали іезуитскія школы для молодыхъ англичанъ католическаго вѣроисповѣданія; въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка въ самой Англіи проживало около трехсотъ тайныхъ іезуитовъ. Въ семидесятыхъ годахъ іезуиты проникли въ Швецію ко двору Іоанна III; изъ нихъ особенно прославился Антоніо Поссевино, имя котораго упоминается и въ русской исторіи. Извѣстны также іезуитскія покушенія

на православіе и въ польско-литовской Рѣчи Посполитой, и въ Московскомъ государствѣ. Въ началѣ XVII вѣка орденъ утвердился (правда, ненадолго) даже въ Турціи (іезуитская коллегія въ Галатѣ). Мы не говоримъ уже о миссіонерской дѣятельности іезуитовъ во внѣ-европейскихъ странахъ (въ Остъ-Индіи и Японіи, гдѣ дѣйствовалъ Ксавіеръ, въ Китаѣ, въ Абиссиніи, въ Мексикѣ и южной Америкѣ, гдѣ они даже основали въ началѣ XVII вѣка цѣлое государство—Парагвай въ зависимости отъ испанскаго короля). Всѣ эти „провинціи" съ ихъ разнообразными учрежденіями и многочисленными членами были тѣсно связаны между собою весьма искусною организаціей, въ которой царствовала строжайшая дисциплина.

Во главѣ ордена былъ поставленъ пожизненный генералъ, жившій въ Римѣ, гдѣ подъ вліяніемъ іезуитовъ находились и разныя религіозныя учрежденія. Между послѣдними особенно были важны національныя коллегіи (collegia nationalia) для подготовки католическихъ миссіонеровъ въ протестантскихъ земляхъ, отданныя въ началѣ XVII вѣка въ завѣдованіе особой конгрегаціи распространенія вѣры (congregatio de propaganda fide). Высшее инквизиціонное судилище (congregatio sancti officii) также было подъ вліяніемъ іезуитовъ. Такимъ образомъ орденъ іезуитовъ съ своимъ генераломъ въ Римѣ входилъ въ составъ центральныхъ учрежденій католицизма, возникшихъ для борьбы съ протестантизмомъ. Самый орденъ былъ основанъ на началахъ строгой централизаціи. Генералу принадлежала безусловная власть надъ отдѣльными членами ордена, но при самомъ генералѣ начальники провинцій (провинціалы) назначали особаго адмонитора, дабы контролировать его дѣйствія, и четырехъ (или шесть) ассистентовъ въ качествѣ совѣщательной коллегіи. Такимъ образомъ самъ генералъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ необходимостью сообразоваться съ приставленными къ нему лицами, а общее собраніе, или генеральная конгрегація ордена, въ которой принимали участіе только высшіе чины и которой принадлежала законодательная власть, имѣла право и смѣстить генерала въ случаѣ важныхъ проступковъ съ его стороны. Во главѣ отдѣльныхъ провинцій стояли провинціалы, назначавшіеся генераломъ обыкновенно на три года точно такъ же, какъ и другія начальствующія лица, находившіяся во главѣ отдѣльныхъ учрежденій (ректоры, суперіоры). Всѣ они были обязаны посылать генералу періодическіе отчеты. Подъ управленіемъ генерала, провинціаловъ и низшихъ властей находилось цѣлое іерархически расчлененное общество, и для достиженія высшихъ положеній нужно было обыкновенно пройти длинную школу, такъ сказать, дрессировки въ послушаніи ордену. Молодые люди отбывали сначала новиціатъ въ особыхъ общежитіяхъ, гдѣ изучался ихъ характеръ, а сами они

пріучались жить только интересами ордена, отрываясь отъ всѣхъ мірскихъ воспоминаній и связей, такъ что, напримѣръ, для нихъ даже родители становились „бывшими родителями". По окончаніи искуса эти послушники дѣлались коадъюторами, служа ордену часто въ роли прислуги или простыхъ рабочихъ (свѣтскіе коадъюторы). Слѣдующею ступенью въ іезуитской іерархіи были схоластики („школьники"), занимавшіеся сначала сами изученіемъ разныхъ наукъ, а потомъ обученіемъ имъ другихъ; вступленіе въ схоластики сопровождалось обѣтами монашества, а между 20 и 25 годами схоластики обыкновенно дѣлались духовными коадъюторами ордена, которымъ уже поручались разныя должности. Дальнѣйшую ступень составляли священники, въ свою очередь раздѣлявшіеся на двѣ категоріи: трехъ-обѣтныхъ и четырехъ-обѣтныхъ профессовъ (professi trium votorum и professi quattuor votorum); первые изъ нихъ давали обыкновенные обѣты монашества, вторые присоединяли къ нимъ еще обѣтъ отправляться по приказанію папы безпрекословно куда бы то ни было; они-то и составляли зерно общества (congregatio professa), и изъ нихъ же выбирались начальники провинцій и отдѣльныхъ болѣе важныхъ учрежденій. Кромѣ пяти чиновъ, составлявшихъ весь орденъ (послушники, схоластики, коадъюторы и профессы обѣихъ категорій), у него были еще внѣшніе члены, или такъ называемые аффиліированные, съ которыми не нужно смѣшивать еще настоящихъ, но тайныхъ іезуитовъ, скрывавшихъ свою принадлежность къ ордену. Аффиліированными къ ордену лицами могли быть и духовные, и свѣтскіе люди: между первыми встрѣчались прелаты, между вторыми— даже государи, какъ, напримѣръ, въ эпоху тридцатилѣтней войны оба царствовавшіе тогда императора (Фердинанды II и III).

Для членовъ ордена существовали свои общежитія съ особыми начальниками: послушническіе дома, коллегіи, дома профессовъ. Всѣ эти учрежденія находились подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ. Члены ордена имѣли и свое особое платье, не походившее на монашеское, бывшее скорѣе костюмомъ свѣтскихъ ученыхъ — черные кафтанъ, плащъ и шляпу съ загнутыми полями. Кромѣ того, орденскія правила опредѣляли и мелочи поведенія — какъ ходить, какъ разговаривать, какое выраженіе лица принимать, какъ вести себя дома и въ общественныхъ мѣстахъ и т. п. Внѣшность вообще играла большую роль у іезуитовъ: они предпочитали вербовать въ свой орденъ обладателей пріятной наружности, учили утонченнымъ манерамъ, искательнымъ и вкрадчивымъ пріемамъ обращенія, располагающей интонаціи голоса, потому что все это были средства уловлять людей въ сѣти ордена. Ради этого аскетическій идеалъ изможденнаго свое тѣло, суроваго по своей внѣшности монаха былъ

не въ расчетахъ іезуитовъ. „Хотя, говорилось въ ихъ правилахъ, слишкомъ большая забота о жизненныхъ потребностяхъ и достойна порицанія, но отнюдь не стòитъ пренебрегать здоровьемъ и силою, предназначенными на пользу служенія Богу. Слѣдуетъ избѣгать обременительной работы: она, утомляя тѣло, вредно дѣйствуетъ и на духъ. Непомѣрныя умерщвленія плоти, бдѣнія, лишенія, труды, очищенія покаяніемъ и т. д. могутъ дурно влiять на существо человѣка. Кто пользуется наилучшимъ положеніемъ въ этомъ мірѣ, тотъ полезнѣйшій членъ ордена“.

При своемъ устройствѣ іезуиты не могли принимать въ орденъ перваго встрѣчнаго. Они изучали жизнь каждаго, желавшаго присоединиться къ нимъ; изучали свойства его характера и требовали отъ него полной откровенности. Такой искусъ продолжался довольно долго, и того, кто оказывался годнымъ, принимали въ орденъ лишь по истеченіи извѣстнаго срока (въ „неофиты“ можно было поступать 14-ти лѣтъ отъ роду). Годнымъ считался тотъ, кто особенно обѣщалъ отличаться безусловнымъ повиновеніемъ, одною изъ главнѣйшихъ обязанностей іезуита. Вотъ что говоритъ самъ Лойола о послушаніи членовъ своего ордена: „Пусть другія религіозныя братства превосходятъ насъ воздержаніемъ, бдѣніемъ и лишеніями въ пищѣ и одеждѣ; по безусловному повиновенію и отрѣшенію отъ собственной воли и сужденій братья нашего ордена далеко оставятъ другихъ за собой“... „Вы обязаны, говорилъ онъ еще, слѣпо стремиться волею вашею къ цѣли, выставленной вамъ высшими, и допустить склонить васъ безъ всякаго сопротивленія по примѣру Авраама, рѣшившагося безусловно принести сына своего въ жертву. Несовершенное повиновеніе имѣетъ къ собственному несчастію два глаза, совершенное же—слѣпо, но въ этой-то слѣпотѣ и заключается мудрость его и достоинство“... „Слѣдуетъ повиноваться слѣпо, развивалъ ту же мысль Родригесъ, т.-е. не доискиваться, почему намъ дается извѣстное приказаніе, а исполнять потому только, что этого требуетъ высшій, и долгъ повиновенія предписываетъ такое отношеніе къ дѣлу“. Одному неофиту Лойола сказалъ: „Volo et nolo non habitant in hac domo“. Такія же предписанія мы находимъ и въ уставѣ ордена: „Каждый долженъ быть убѣжденъ, что съ тѣми, которымъ суждено жить и выносить все безпрекословно, высшіе надъ нами распоряжаются, какъ съ трупами. Да вѣдаетъ каждый, что желающій пребывать въ повиновеніи долженъ уподобиться посоху въ рукахъ высшихъ, управляющихъ имъ подъ руководствомъ божественнаго Провидѣнія, или явиться трупомъ, которому можно придать любое положеніе“. Выраженіе „perinde ac cadaver“—обозначало безусловное повиновеніе. Для того, чтобы никто не уклонялся отъ общей дисциплины и исполненія своихъ обязан-

ностей, введено было тайное наблюденіе за всѣми, и члены ордена обязаны были доносить на своихъ товарищей своимъ начальникамъ, почему между отдѣльными іезуитами существовало постоянное недовѣріе. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ іезуитъ Маріана (1535—1624), авторъ книги „О недостаткахъ Общества Іисуса“: „уставъ утвержденъ на цензурѣ и доносѣ, отчего желчь разливается по всему тѣлу и производитъ повсемѣстную желтуху. Никто не смѣетъ довѣрять собрату изъ боязни, чтобы тотъ его не выдалъ или не сталъ домогаться на чужой счетъ милости начальника или генерала“. Поэтому вся жизнь іезуита подчинена была строгой дисциплинѣ. Іезуитъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ родственниковъ; всѣ письма, которыя онъ получалъ, живя въ общежитіи, просматривались старшими; безъ особаго дозволенія ему запрещалось читать книги, выходить одному на улицу, хранить что-либо подъ замкомъ. Цѣли и дѣятельность ордена извѣстны были только старшимъ, и лишь одинъ генералъ могъ знать все, хотя и за нимъ шпіонили. „Никакой монархъ въ свѣтѣ, говорится въ одномъ свидѣтельствѣ середины XVII в., не можетъ имѣть такихъ свѣдѣній, какъ генералъ іезуитовъ. Число ежегодныхъ оффиціальныхъ донесеній простирается до 1584, не считая частныхъ сообщеній и рапортовъ ректоровъ объ учителяхъ коллегій. Ежемѣсячные отчеты 37 провинціаловъ къ концу года возвышаются до цифры 444; отъ начальниковъ коллегій получается 2448 отчетовъ; отъ начальниковъ резиденцій—1360; каждые три мѣсяца 59 начальниковъ новиціата доставляютъ болѣе 236 отчетовъ; наконецъ, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ 1048 консультаторовъ присылаютъ 2096 рапортовъ“. При этомъ соблюдалась самая строгая тайна, и употреблялись иногда особые шифры.

Для исполненія всѣхъ тѣхъ обязанностей, какія орденъ налагалъ на своихъ членовъ, нужны были разные характеры, разныя способности, и іезуиты въ этомъ отношеніи каждому своему сочлену находили подходящее мѣсто. Поэтому въ орденѣ встрѣчались люди самыхъ противоположныхъ качествъ: фанатики, готовые мучить другихъ и сами итти на мученія, и расчетливые политики; добряки, служившіе орудіемъ въ чужихъ рукахъ, и безсердечные эгоисты, не останавливавшіеся ни предъ какими средствами, и т. п. Разнообразная дѣятельность ордена, члены котораго занимались самыми неодинаковыми профессіями, требовала и соотвѣтственныхъ тому людей, но кромѣ того іезуиты должны были приспособляться и сами къ обстоятельствамъ. Мы увидимъ еще, что на принципѣ приспособленія къ обстоятельствамъ были основаны въ частности и этика, и политика іезуитовъ, но та же черта проходитъ и черезъ всю ихъ дѣятельность вообще: въ качествѣ духовниковъ это были самые покладистые руко-

водители, облегчавшіе людямъ возможность грѣшить, не тревожа своей совѣсти, что особенно было важно по отношенію къ государямъ, дѣлавшимъ іезуитовъ своими духовными отцами; въ качествѣ педагоговъ они подлаживалась къ воспитанникамъ и, подмѣтивъ ихъ слабыя стороны, эксплуатировали ихъ въ цѣляхъ ордена. Гдѣ важны были благочестіе и благотворительность, тамъ іезуиты отличались этими качествами; гдѣ дорожили образованіемъ, они устраивали школы и давали безплатное обученіе; на ученыхъ людей они дѣйствовали своей эрудиціей, своими литературными трудами, на народныя массы— особою пышностью богослуженія, внѣшнею занимательностью проповѣди, въ которую вставлялись смѣшные анекдоты, остроты, шутки и т. п. Какъ миссіонеры, они приспособлялись даже къ вѣрованіямъ и обычаямъ язычниковъ, дѣлая уступки ихъ суевѣріямъ, позволяя соблюденіе ихъ обрядовъ, скрывая подробности христіанскаго ученія, если замѣчали, что послѣднія шокировали язычниковъ, однимъ словомъ, довольствуясь нерѣдко чисто внѣшнимъ присоединеніемъ ихъ къ христіанству. Все это и многіе другіе факты той же категоріи относятся къ *основному принципу дѣятельности іезуитовъ—не становиться въ слишкомъ рѣзкую оппозицію къ мнѣніямъ и привычкамъ того общества, на которое нужно было дѣйствовать*, напротивъ, приспособляться, прилаживаться къ нему, когда нужно, потакать ему, поощрять даже его дурныя наклонности, ибо и это могло быть направлено A. M. D. G. (ad majorem Dei gloriam, каковъ былъ девизъ ордена).

Главными средствами, которыми дѣйствовали іезуиты, были педагогія и дипломатія, имѣвшія свои особыя руководящія начала главнымъ образомъ въ моральныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ ордена. Іезуиты основали громадное количество школъ, съ которыми часто не могли соперничать школы протестантскія по собственному сознанію самихъ протестантовъ. Іезуиты были хорошими организаторами и въ школьномъ дѣлѣ. Они завели въ немъ образцовые внѣшніе порядки, лучшіе методы обученія, приспособивъ къ возрасту учениковъ бывшее тогда въ ходу классическое образованіе. Въ іезуитскія школы даже протестанты нерѣдко отдавали своихъ дѣтей, видя всѣ преимущества новыхъ школъ. Самъ знаменитый Бэконъ Веруламскій находилъ, что лучшей системы образованія юношества, какъ та, которая была въ іезуитскихъ классахъ, не могло существовать. Іезуиты, дѣйствительно, прилагали большое стараніе къ развитію школьнаго дѣла въ духѣ той „ratio studiorum“, которая была интегральною частью ихъ „конституціи“. Но вся ихъ система была на дѣлѣ простою дрессировкою ума безъ сообщенія ему способности къ самостоятельному развитію: ученики іезуитовъ выучивались не только читать, но и го-

ворить, писать, даже сочинять стихи по-латыни, пріобрѣтали массу знаній въ видѣ хронологическихъ датъ, знаменитыхъ изреченій, анекдотовъ, знакомились съ философіей и богословіемъ по средневѣковымъ методамъ и воззрѣніямъ, но настоящей науки, не испорченной очищеніями ad usum scholarum, въ этой системѣ не было. Рука объ руку съ этимъ шло воспитаніе въ духѣ безусловнаго повиновенія и неразсужденія, соперничества между товарищами и взаимнаго шпіонства, наушничества и потаканія нравственнымъ недостаткамъ, когда это казалось удобнымъ или выгоднымъ для воспитателей, для ордена или для церкви. Однимъ словомъ, это была система, которою калѣчились и умъ, и нравственное чувство подростающихъ поколѣній, потому что и въ школу іезуитами вносились тѣ же пріемы, съ какими они дѣйствовали въ жизни, являясь при дворахъ государей духовниками, совѣтниками, посланниками, интригуя при высокопоставленныхъ лицахъ и вождяхъ политическихъ партій, сѣя раздоры между націями, исповѣданіями, классами общества, между государями и ихъ подданными и т. п. И педагогія, и политическая дѣятельность іезуитовъ имѣли одни и тѣ же руководящія начала въ томъ, что всѣмъ слѣдуетъ пользоваться, ничѣмъ не нужно пренебрегать, если только это можетъ служить „къ вящшей славѣ Божіей".

Іезуитская мораль совершенно убивала личное начало въ жизни человѣка. Лойолою былъ составленъ особый планъ „духовныхъ упражненій" (exercita spiritualia), посредствомъ которыхъ человѣкъ долженъ былъ доводить себя путемъ искусственной экзальтаціи до состоянія, когда можно было вкушать высшее блаженство, отказываясь отъ собственныхъ сужденій, отъ собственной воли, сознавая себя лишь служебною частью цѣлаго. Слѣпое повиновеніе равнымъ образомъ могло осуществляться лишь при полномъ отреченіи человѣка отъ своего *я*: младшій долженъ былъ, какъ мы видѣли, стать какъ бы трупомъ, которому старшій придаетъ какое угодно положеніе. Индивидуальная совѣсть вынуждалась, такъ сказать, молчать передъ коллективною совѣстью цѣлаго ордена, потому что требованіе послушанія не знало никакихъ ограниченій. Прежнее іерархическое повиновеніе „даже до смерти" имѣло свои предѣлы въ тѣхъ случаяхъ, когда старшіе стали бы приказывать младшимъ совершеніе какихъ-либо поступковъ, имѣющихъ значеніе смертныхъ грѣховъ, у іезуитовъ же начальникъ бралъ на себя полную моральную отвѣтственность за всѣ поступки подчиненныхъ, совершонные по его приказанію, такъ какъ у подчиненныхъ не могло быть ни своего сужденія, ни своей воли, ни, слѣдовательно, своей совѣсти, разъ предполагалось, что то или другое совершается ad majorem Dei gloriam. Отсюда было недалеко до разрѣшенія грѣшить съ принятіемъ грѣха старшимъ на

самого себя и до знаменитаго оправданія средствъ цѣлью („цѣль оправдываетъ средства"), хотя оно и не было спеціальнымъ іезуитскимъ изобрѣтеніемъ. Не меньшую знаменитость, чѣмъ это „правило", получила такъ называемая „reservatio mentalis", разрѣшавшая говорить неправду подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правду держать въ умѣ, или думать при этомъ о чемъ-либо постороннемъ, или же суживать смыслъ даваемаго обѣщанія и приносимой присяги и ставить ихъ исполненіе въ зависимость отъ умалчиваемыхъ условій. Тѣмъ же духомъ проникнута и іезуитская теорія, извѣстная подъ названіемъ пробабилизма: грѣшитъ человѣкъ лишь тогда, когда сознательно совершаетъ завѣдомый грѣхъ, но если относительно поступка существуетъ лишь вѣроятность грѣха, то совершать его можно даже вопреки голосу совѣсти. Іезуиты, учившіе въ своихъ школахъ искусству защищать діаметрально противоположные тезисы, въ качествѣ духовниковъ создали цѣлую казуистическую теорію, которою оправдывались разные грѣхи, и въ духѣ этой теоріи писались цѣлыя руководства для исповѣдниковъ. *Самое существо морали убивалось грубымъ утилитаризмомъ іезуитской этики*, тѣмъ болѣе, что и голосъ совѣсти долженъ былъ молчать передъ мнѣніемъ какого-либо авторитета или повелѣніемъ папы, хотя бы онъ предписывалъ грѣхъ и осуждалъ добродѣтель. Эта легкая, покладистая и выгодная мораль была весьма сильнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Въ богословскомъ спорѣ объ оправданіи они стали на точку зрѣнія, діаметрально противоположную протестантской, признавъ свободную волю и собственныя усилія человѣка въ дѣлѣ спасенія: естественная свобода ведетъ къ грѣху, отпускаемому лишь церковью, а при спасеніи собственными заслугами нужно духовное руководство со стороны той же церкви, — вотъ почему іезуитамъ удобно было принять теорію свободной воли и собственныхъ усилій человѣка.

Іезуиты не оставили безъ своего вниманія и области теоретической политики. По вопросамъ этого рода они написали нѣсколько трактатовъ, сдѣлавшихся въ свое время знаменитыми. Цѣльной системы они не выработали, потому что *ихъ политическія теоріи обусловливались не какими-либо опредѣленными принципами, а обстоятельствами мѣста и времени*. Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ примѣръ польскихъ іезуитовъ. Члены ордена явились въ Польшу съ строго монархическими принципами, въ духѣ этихъ принциповъ учили и проповѣдовали, за что и пользовались, напримѣръ, покровительствомъ Стефана Баторія. Такъ продолжалось до перваго десятилѣтія XVII в., когда одновременно противъ Сигизмунда III и противъ іезуитовъ произошло въ извѣстной части шляхты значительное движеніе: тогда іезуиты повернули фронтъ, сдѣлались защитниками,

могли бы служить церкви, борясь съ протестантизмомъ, и когда ихъ мысль объ основаніи Іисусовой дружины (phalanx Jesu, позднѣе societas Jesu) достаточно созрѣла, чтобы осуществиться. Тогдашній папа, Павелъ III, долго колебался согласиться на ихъ просьбу разрѣшить основаніе новаго ордена. Онъ самъ находилъ странности въ поведеніи Лойолы и притомъ не соглашался съ нѣкоторыми пунктами проектированнаго устава, а кромѣ того, его отговаривали отъ согласія представители другихъ орденовъ, вообще ревниво относившихся другъ къ другу и не благоволившихъ къ основанію новыхъ орденовъ. Съ другой стороны, однако, будущіе іезуиты, живя въ Римѣ, своимъ аскетизмомъ, проповѣдничествомъ, дѣлами благотворенія изъ собираемой милостыни, успѣли уже настолько прославиться, что португальскій король просилъ у Лойолы миссіонеровъ для Индіи, и въ Португалію на этотъ зовъ отправились Ксавіеръ и Родригесъ. Только осенью 1540 г. Павелъ III, увидѣвшій въ концѣ концовъ во всемъ этомъ перстъ Божій („digitus Dei hic est“), буллою „Regimini militantis“ утвердилъ орденъ, первымъ пожизненнымъ генераломъ котораго вскорѣ былъ избранъ самъ Лойола, еще до основанія ордена, какъ и товарищи его, принявшій санъ священника.

Такъ какъ члены „Societatis Jesu“ отдавали себя въ безусловное распоряженіе папы, какъ намѣстника самого Бога на землѣ, то на новый орденъ посыпались вскорѣ всякія блага и привилегіи. Въ 1540 г. число членовъ „Общества Іисуса“ было опредѣлено шестьюдесятью, но въ 1543 г. ему дано было право имѣть неограниченное число членовъ. Далѣе, въ сороковыхъ же годахъ, при Павлѣ III, члены ордена получили право повсемѣстной—на улицахъ и въ церквахъ — проповѣди и повсемѣстнаго исполненія церковныхъ требъ (исповѣди и причащенія), а также право отпущенія грѣховъ въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, которые были папскими (causae papales), и были освобождены отъ подчиненія епископамъ, и генералъ іезуитовъ былъ объявленъ подвластнымъ помимо какихъ бы то ни было инстанцій самому папѣ. Далѣе, при томъ же папѣ началось освобожденіе членовъ ордена отъ нѣкоторыхъ монашескихъ обѣтовъ и обязанностей, продолжавшееся и при преемникахъ Павла III. Сначала именно имъ было дозволено не собираться на тѣ церковныя службы („часы“), которыя священникъ можетъ прочесть въ своей комнатѣ; потомъ были установлены въ орденѣ духовные и свѣтскіе коадъюторы, т.-е. такіе члены, которые, вступая въ орденъ, не давали безповоротнаго обѣта ему служить. Папа Юлій III сдѣлалъ исключеніе изъ обязанности соблюдать обѣтъ нестяжанія для тѣхъ членовъ, отъ которыхъ польза церкви требовала жизни среди богатыхъ людей, и разрѣшилъ учрежденіямъ ордена владѣть недвижимою собственностью,

товъ, но дальнѣйшіе изъ нея выводы могли быть различные. Беллярминъ, напримѣръ, все-таки лучшею формою правленія считаетъ монархію, подчиняя ее косвенно (indirecte) папѣ. Суаресъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, только открытѣе выставляя папскій авторитетъ въ свѣтскихъ дѣлахъ: и по его ученію, Богъ силою естественнаго закона связалъ существо общественной власти съ собраніемъ людей, предоставивъ человѣческому усмотрѣнію ея формы: народъ по собственному изволенію переноситъ власть на тѣ или другія лица, откуда происходятъ разныя формы правленія съ лучшею между ними—монархіей, которая у Суареса, однако, подчиняется папству. Но іезуиты, подобно кальвинистамъ, должны были поставить вопросъ о правѣ не повиноваться нечестивымъ правителямъ и сопротивляться тираннамъ, разъ папа могъ низлагать еретическихъ государей и разрѣшать ихъ подданныхъ отъ присяги: мало-по-малу и среди католиковъ стала развиваться мысль, особенно популярная во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, по которой верховная власть неотъемлемо принадлежитъ народу, имѣющему на этомъ основаніи право смѣнять королей,—ученіе, соединявшееся съ призывами къ цареубійству, каковыя и были совершены надъ Генрихами III и IV. На ту же точку зрѣнія, на какой стояли фанатики католицизма во Франціи въ своихъ проповѣдяхъ и памфлетахъ, сталъ испанскій іезуитъ Маріана, авторъ между прочимъ уже упоминавшейся книги „О недостаткахъ Общества Іисуса". Около 1600 г. онъ издалъ трактатъ подъ заглавіемъ: „De rege et regis institutione". Въ немъ смѣшаны воедино самыя преувеличенныя представленія о королевской власти съ крайними выводами изъ теоріи народовластія; въ силу послѣднихъ Маріана допускаетъ низложеніе королей народнымъ возстаніемъ, а въ случаѣ невозможности это сдѣлать дозволяетъ прямо цареубійство, прославляя въ своей книгѣ всѣхъ извѣстныхъ исторіи убійцъ тиранновъ до Жака Клемана, убійцы Генриха III включительно. Двойственный характеръ этой одобренной орденомъ книги, благопріятной для абсолютизма вѣрныхъ католицизму королей и революціонной по отношенію къ государямъ, которые были неугодны іезуитамъ, явствуетъ изъ того, что она была посвящена испанскому королю Филиппу III и напечатана съ одобреніемъ королевской цензуры. во Франціи же почитателями книги были враги Генриха IV. Послѣ его смерти многіе стали даже говорить, будто книгу написалъ протестантъ, чтобы тѣмъ повредить ордену, и тогда генералъ ордена запретилъ оправдывать цареубійство. Разсматривая разныя формы правленія, Маріана отдаетъ предпочтеніе монархіи. Если, говоритъ онъ между прочимъ, нѣтъ правленія, которое было бы хуже тиранніи, то это есть лишь доказательство превосходства монархіи, такъ какъ извращеніе однѣхъ

еще при жизни основателя своего ордена іезуиты сдѣлали попытку утвердиться во Франціи, но встрѣтили отпоръ со стороны высшаго духовенства, парламента и Сорбонны: высшій клиръ все еще былъ проникнутъ идеями галликанизма, тогда какъ іезуиты стояли на ультрамонтанской точкѣ зрѣнія; парламентъ усматривалъ политическую опасность со стороны этого ордена; Сорбонна находила его излишнимъ и даже вреднымъ для монашества въ виду того, что іезуитамъ дозволено было вести свѣтскій образъ жизни. Лишь при Карлѣ IX основали іезуиты во Франціи весьма быстро прославившійся collège de Clermont. Въ эпоху же религіозныхъ войнъ они были желанными союзниками для фанатическихъ католиковъ. Въ концѣ XVI вѣка политическія покушенія (на жизнь Генриха IV) привели-было къ временному удаленію іезуитовъ изъ Франціи, но въ началѣ XVII вѣка они были возвращены, такъ какъ Генрихъ IV думалъ воспользоваться ихъ услугами въ политическихъ интересахъ Франціи и даже сдѣлалъ одного іезуита своимъ духовникомъ. Первая мысль о приглашеніи іезуитовъ въ Польшу для воспитанія молодежи была высказана еще на варшавскомъ синодѣ 1561 г., но тогда она встрѣтила возраженіе въ томъ смыслѣ, что въ странѣ найдутся и свои наставники. Впервые призвалъ ихъ въ свою епархію вармійскій (Ermland) епископъ, позднѣе кардиналъ, Гозій, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей католической реакціи, котораго за его дѣятельность на тридентскомъ соборѣ протестанты прозвали „богомъ папистовъ", и который внушалъ Сигизмунду-Августу крайне реакціонныя мѣры противъ еретиковъ. Еще на тридентскомъ соборѣ онъ вошелъ въ сношенія съ Лайнесомъ по поводу приглашенія іезуитовъ въ Польшу; въ 1564 г. прибыла первая ихъ партія въ вармійскую епархію, а въ слѣдующемъ году въ Брунсбергѣ была открыта іезуитская коллегія. Послѣ этого и въ чисто польскихъ епархіяхъ (вармійская была населена нѣмцами и не подчинялась архіепископу гнѣзненскому, который былъ примасомъ Польши) стали основываться іезуиты, прежде всего въ сосѣдней епархіи плоцкой, гдѣ епископъ Носковскій (1566 г.) основалъ іезуитскую школу (въ Пултускѣ). Какъ извѣстно, Стефанъ Баторій и Сигизмундъ III оказывали особое покровительство ордену.

Не довольствуясь дѣятельностью въ католическихъ странахъ, іезуиты направили ее и на иновѣрныя земли. Въ Дуэ, Реймсѣ и Римѣ существовали іезуитскія школы для молодыхъ англичанъ католическаго вѣроисповѣданія; въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка въ самой Англіи проживало около трехсотъ тайныхъ іезуитовъ. Въ семидесятыхъ годахъ іезуиты проникли въ Швецію ко двору Іоанна III; изъ нихъ особенно прославился Антоніо Поссевино, имя котораго упоминается и въ русской исторіи. Извѣстны также іезуитскія покушенія

на православіе и въ польско-литовской Рѣчи Посполитой, и въ Московскомъ государствѣ. Въ началѣ XVII вѣка орденъ утвердился (правда, ненадолго) даже въ Турціи (іезуитская коллегія въ Галатѣ). Мы не говоримъ уже о миссіонерской дѣятельности іезуитовъ во внѣ-европейскихъ странахъ (въ Остъ-Индіи и Японіи, гдѣ дѣйствовалъ Ксавіеръ, въ Китаѣ, въ Абиссиніи, въ Мексикѣ и южной Америкѣ, гдѣ они даже основали въ началѣ XVII вѣка цѣлое государство—Парагвай въ зависимости отъ испанскаго короля). Всѣ эти „провинціи" съ ихъ разнообразными учрежденіями и многочисленными членами были тѣсно связаны между собою весьма искусною организаціей. въ которой царствовала строжайшая дисциплина.

Во главѣ ордена былъ поставленъ пожизненный генералъ, жившій въ Римѣ, гдѣ подъ вліяніемъ іезуитовъ находились и разныя религіозныя учрежденія. Между послѣдними особенно были важны національныя коллегіи (collegia nationalia) для подготовки католическихъ миссіонеровъ въ протестантскихъ земляхъ, отданныя въ началѣ XVII вѣка въ завѣдованіе особой конгрегаціи распространенія вѣры (congregatio de propaganda fide). Высшее инквизиціонное судилище (congregatio sancti officii) также было подъ вліяніемъ іезуитовъ. Такимъ образомъ орденъ іезуитовъ съ своимъ генераломъ въ Римѣ входилъ въ составъ центральныхъ учрежденій католицизма, возникшихъ для борьбы съ протестантизмомъ. Самый орденъ былъ основанъ на началахъ строгой централизаціи. Генералу принадлежала безусловная власть надъ отдѣльными членами ордена, но при самомъ генералѣ начальники провинцій (провинціалы) назначали особаго адмонитора, дабы контролировать его дѣйствія, и четырехъ (или шесть) ассистентовъ въ качествѣ совѣщательной коллегіи. Такимъ образомъ самъ генералъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ необходимостью сообразоваться съ приставленными къ нему лицами, а общее собраніе, или генеральная конгрегація ордена, въ которой принимали участіе только высшіе чины и которой принадлежала законодательная власть, имѣла право и смѣстить генерала въ случаѣ важныхъ проступковъ съ его стороны. Во главѣ отдѣльныхъ провинцій стояли провинціалы, назначавшіеся генераломъ обыкновенно на три года точно такъ же, какъ и другія начальствующія лица, находившіяся во главѣ отдѣльныхъ учрежденій (ректоры, суперіоры). Всѣ они были обязаны посылать генералу періодическіе отчеты. Подъ управленіемъ генерала, провинціаловъ и низшихъ властей находилось цѣлое іерархически расчлененное общество, и для достиженія высшихъ положеній нужно было обыкновенно пройти длинную школу, такъ сказать, дрессировки въ послушаніи ордену. Молодые люди отбывали сначала новиціатъ въ особыхъ общежитіяхъ, гдѣ изучался ихъ характеръ, а сами они

пріучались жить только интересами ордена, отрываясь отъ всѣхъ мірскихъ воспоминаній и связей, такъ что, напримѣръ, для нихъ даже родители становились „бывшими родителями". По окончаніи искуса эти послушники дѣлались коадъюторами, служа ордену часто въ роли прислуги или простыхъ рабочихъ (свѣтскіе коадъюторы). Слѣдующею ступенью въ іезуитской іерархіи были схоластики („школьники"), занимавшіеся сначала сами изученіемъ разныхъ наукъ, а потомъ обученіемъ имъ другихъ; вступленіе въ схоластики сопровождалось обѣтами монашества, а между 20 и 25 годами схоластики обыкновенно дѣлались духовными коадъюторами ордена, которымъ уже поручались разныя должности. Дальнѣйшую ступень составляли священники, въ свою очередь раздѣлявшіеся на двѣ категоріи: трехъ-обѣтныхъ и четырехъ-обѣтныхъ профессовъ (professi trium votorum и professi quattuor votorum); первые изъ нихъ давали обыкновенные обѣты монашества, вторые присоединяли къ нимъ еще обѣтъ отправляться по приказанію папы безпрекословно куда бы то ни было; они-то и составляли зерно общества (congregatio professa), и изъ нихъ же выбирались начальники провинцій и отдѣльныхъ болѣе важныхъ учрежденій. Кромѣ пяти чиновъ, составлявшихъ весь орденъ (послушники, схоластики, коадъюторы и профессы обѣихъ категорій), у него были еще внѣшніе члены, или такъ называемые аффиліированные, съ которыми не нужно смѣшивать еще настоящихъ, но тайныхъ іезуитовъ, скрывавшихъ свою принадлежность къ ордену. Аффиліированными къ ордену лицами могли быть и духовные, и свѣтскіе люди: между первыми встрѣчались прелаты, между вторыми—даже государи, какъ, напримѣръ, въ эпоху тридцатилѣтней войны оба царствовавшіе тогда императора (Фердинанды II и III).

Для членовъ ордена существовали свои общежитія съ особыми начальниками: послушническіе дома, коллегіи, дома профессовъ. Всѣ эти учрежденія находились подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ. Члены ордена имѣли и свое особое платье, не походившее на монашеское, бывшее скорѣе костюмомъ свѣтскихъ ученыхъ — черные кафтанъ, плащъ и шляпу съ загнутыми полями. Кромѣ того, орденскія правила опредѣляли и мелочи поведенія — какъ ходить, какъ разговаривать, какое выраженіе лица принимать, какъ вести себя дома и въ общественныхъ мѣстахъ и т. п. Внѣшность вообще играла большую роль у іезуитовъ: они предпочитали вербовать въ свой орденъ обладателей пріятной наружности, учили утонченнымъ манерамъ, искательнымъ и вкрадчивымъ пріемамъ обращенія, располагающей интонаціи голоса, потому что все это были средства уловлять людей въ сѣти ордена. Ради этого аскетическій идеалъ изможднвшаго свое тѣло, суроваго по своей внѣшности монаха былъ

не въ расчетахъ іезуитовъ. „Хотя, говорилось въ ихъ правилахъ, слишкомъ большая забота о жизненныхъ потребностяхъ и достойна порицанія, но отнюдь не стòитъ пренебрегать здоровьемъ и силою, предназначенными на пользу служенія Богу. Слѣдуетъ избѣгать обременительной работы: она, утомляя тѣло, вредно дѣйствуетъ и на духъ. Непомѣрныя умерщвленія плоти, бдѣнія, лишенія, труды, очищенія покаяніемъ и т. д. могутъ дурно вліять на существо человѣка. Кто пользуется наилучшимъ положеніемъ въ этомъ мірѣ, тотъ полезнѣйшій членъ ордена“.

При своемъ устройствѣ іезуиты не могли принимать въ орденъ перваго встрѣчнаго. Они изучали жизнь каждаго, желавшаго присоединиться къ нимъ; изучали свойства его характера и требовали отъ него полной откровенности. Такой искусъ продолжался довольно долго, и того, кто оказывался годнымъ, принимали въ орденъ лишь по истеченіи извѣстнаго срока (въ „неофиты“ можно было поступать 14-ти лѣтъ отъ роду). Годнымъ считался тотъ, кто особенно обѣщалъ отличаться безусловнымъ повиновеніемъ, одною изъ главнѣйшихъ обязанностей іезуита. Вотъ чтò говоритъ самъ Лойола о послушаніи членовъ своего ордена: „Пусть другія религіозныя братства превосходятъ насъ воздержаніемъ, бдѣніемъ и лишеніями въ пищѣ и одеждѣ; по безусловному повиновенію и отрѣшенію отъ собственной воли и сужденій братья нашего ордена далеко оставятъ другихъ за собой“... „Вы обязаны, говорилъ онъ еще, слѣпо стремиться волею вашею къ цѣли, выставленной вамъ высшими, и допустить склонить васъ безъ всякаго сопротивленія по примѣру Авраама, рѣшившагося безусловно принести сына своего въ жертву. Несовершенное повиновеніе имѣетъ къ собственному несчастію два глаза, совершенное же—слѣпо, но въ этой-то слѣпотѣ и заключается мудрость его и достоинство“... „Слѣдуетъ повиноваться слѣпо, развивалъ ту же мысль Родригесъ, т.-е. не доискиваться, почему намъ дается извѣстное приказаніе, а исполнять потому только, что этого требуетъ высшій, и долгъ повиновенія предписываетъ такое отношеніе къ дѣлу“. Одному неофиту Лойола сказалъ: „Volo et nolo non habitant in hac domo“. Такія же предписанія мы находимъ и въ уставѣ ордена: „Каждый долженъ быть убѣжденъ, что съ тѣми, которымъ суждено жить и выносить все безпрекословно, высшіе надъ нами распоряжаются, какъ съ трупами. Да вѣдаетъ каждый, что желающій пребывать въ повиновеніи долженъ уподобиться посоху въ рукахъ высшихъ, управляющихъ имъ подъ руководствомъ божественнаго Провидѣнія, или явиться трупомъ, которому можно придать любое положеніе“. Выраженіе „perinde ac cadaver“—обозначало безусловное повиновеніе. Для того, чтобы никто не уклонялся отъ общей дисциплины и исполненія своихъ обязан-

ностей, введено было тайное наблюденіе за всѣми, и члены ордена обязаны были доносить на своихъ товарищей своимъ начальникамъ, почему между отдѣльными іезуитами существовало постоянное недовѣріе. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ іезуитъ Маріана (1535—1624), авторъ книги „О недостаткахъ Общества Іисуса": „уставъ утвержденъ на цензурѣ и доносѣ, отчего желчь разливается по всему тѣлу и производитъ повсемѣстную желтуху. Никто не смѣетъ довѣрять собрату изъ боязни, чтобы тотъ его не выдалъ или не сталъ домогаться на чужой счетъ милости начальника или генерала". Поэтому вся жизнь іезуита подчинена была строгой дисциплинѣ. Іезуитъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ родственниковъ; всѣ письма, которыя онъ получалъ, живя въ общежитіи, просматривались старшими; безъ особаго дозволенія ему запрещалось читать книги, выходить одному на улицу, хранить что-либо подъ замкомъ. Цѣли и дѣятельность ордена извѣстны были только старшимъ, и лишь одинъ генералъ могъ знать все, хотя и за нимъ шпіонили. „Никакой монархъ въ свѣтѣ, говорится въ одномъ свидѣтельствѣ середины XVII в., не можетъ имѣть такихъ свѣдѣній, какъ генералъ іезуитовъ. Число ежегодныхъ оффиціальныхъ донесеній простирается до 1584, не считая частныхъ сообщеній и рапортовъ ректоровъ объ учителяхъ коллегій. Ежемѣсячные отчеты 37 провинціаловъ къ концу года возвышаются до цифры 444; отъ начальниковъ коллегій получается 2448 отчетовъ; отъ начальниковъ резиденцій—1360; каждые три мѣсяца 59 начальниковъ новиціата доставляютъ болѣе 236 отчетовъ; наконецъ, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ 1048 консультаторовъ присылаютъ 2096 рапортовъ". При этомъ соблюдалась самая строгая тайна, и употреблялись иногда особые шифры.

Для исполненія всѣхъ тѣхъ обязанностей, какія орденъ налагалъ на своихъ членовъ, нужны были разные характеры, разныя способности, и іезуиты въ этомъ отношеніи каждому своему сочлену находили подходящее мѣсто. Поэтому въ орденѣ встрѣчались люди самыхъ противоположныхъ качествъ: фанатики, готовые мучить другихъ и сами итти на мученія, и расчетливые политики; добряки, служившіе орудіемъ въ чужихъ рукахъ, и безсердечные эгоисты, не останавливавшіеся ни предъ какими средствами, и т. п. Разнообразная дѣятельность ордена, члены котораго занимались самыми неодинаковыми профессіями, требовала и соотвѣтственныхъ тому людей, но кромѣ того іезуиты должны были приспособляться и сами къ обстоятельствамъ. Мы увидимъ еще, что на принципѣ приспособленія къ обстоятельствамъ были основаны въ частности и этика, и политика іезуитовъ, но та же черта проходитъ и черезъ всю ихъ дѣятельность вообще: въ качествѣ духовниковъ это были самые покладистые руко-

водители, облегчавшіе людямъ возможность грѣшить, не тревожа своей совѣсти, что̀ особенно было важно по отношенію къ государямъ, дѣлавшимъ іезуитовъ своими духовными отцами; въ качествѣ педагоговъ они подлаживалась къ воспитанникамъ и, подмѣтивъ ихъ слабыя стороны, эксплуатировали ихъ въ цѣляхъ ордена. Гдѣ важны были благочестіе и благотворительность, тамъ іезуиты отличались этими качествами; гдѣ дорожили образованіемъ, они устраивали школы и давали безплатное обученіе; на ученыхъ людей они дѣйствовали своей эрудиціей, своими литературными трудами, на народныя массы—особою пышностью богослуженія, внѣшнею занимательностью проповѣди, въ которую вставлялись смѣшные анекдоты, остроты, шутки и т. п. Какъ миссіонеры, они приспособлялись даже къ вѣрованіямъ и обычаямъ язычниковъ, дѣлая уступки ихъ суевѣріямъ, позволяя соблюденіе ихъ обрядовъ, скрывая подробности христіанскаго ученія, если замѣчали, что послѣднія шокировали язычниковъ, однимъ словомъ, довольствуясь нерѣдко чисто внѣшнимъ присоединеніемъ ихъ къ христіанству. Все это и многіе другіе факты той же категоріи относятся къ *основному принципу дѣятельности іезуитовъ—не становиться въ слишкомъ рѣзкую оппозицію къ мнѣніямъ и привычкамъ того общества, на которое нужно было дѣйствовать*, напротивъ, приспособляться, прилаживаться къ нему, когда нужно, потакать ему, поощрять даже его дурныя наклонности, ибо и это могло быть направлено A. M. D. G. (ad majorem Dei gloriam, каковъ былъ девизъ ордена).

Главными средствами, которыми дѣйствовали іезуиты, были педагогія и дипломатія, имѣвшія свои особыя руководящія начала главнымъ образомъ въ моральныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ ордена. Іезуиты основали громадное количество школъ, съ которыми часто не могли соперничать школы протестантскія по собственному сознанію самихъ протестантовъ. Іезуиты были хорошими организаторами и въ школьномъ дѣлѣ. Они завели въ немъ образцовые внѣшніе порядки, лучшіе методы обученія, приспособивъ къ возрасту учениковъ бывшее тогда въ ходу классическое образованіе. Въ іезуитскія школы даже протестанты нерѣдко отдавали своихъ дѣтей, видя всѣ преимущества новыхъ школъ. Самъ знаменитый Бэконъ Веруламскій находилъ, что лучшей системы образованія юношества, какъ та, которая была въ іезуитскихъ классахъ, не могло существовать. Іезуиты, дѣйствительно, прилагали большое стараніе къ развитію школьнаго дѣла въ духѣ той „ratio studiorum", которая была интегральною частью ихъ „конституціи". Но вся ихъ система была на дѣлѣ простою дрессировкою ума безъ сообщенія ему способности къ самостоятельному развитію: ученики іезуитовъ выучивались не только читать, но и го-

ворить, писать, даже сочинять стихи по-латыни, пріобрѣтали массу знаній въ видѣ хронологическихъ датъ, знаменитыхъ изреченій, анекдотовъ, знакомились съ философіей и богословіемъ по средневѣковымъ методамъ и воззрѣніямъ, но настоящей науки, не испорченной очищеніями ad usum scholarum, въ этой системѣ не было. Рука объ руку съ этимъ шло воспитаніе въ духѣ безусловнаго повиновенія и неразсужденія, соперничества между товарищами и взаимнаго шпіонства, наушничества и потаканія нравственнымъ недостаткамъ, когда это казалось удобнымъ или выгоднымъ для воспитателей, для ордена или для церкви. Однимъ словомъ, это была система, которою калѣчились и умъ, и нравственное чувство подростающихъ поколѣній, потому что и въ школу іезуитами вносились тѣ же пріемы, съ какими они дѣйствовали въ жизни, являясь при дворахъ государей духовниками, совѣтниками, посланниками, интригуя при высокопоставленныхъ лицахъ и вождяхъ политическихъ партій, сѣя раздоры между націями, исповѣданіями, классами общества, между государями и ихъ подданными и т. п. И педагогія, и политическая дѣятельность іезуитовъ имѣли одни и тѣ же руководящія начала въ томъ, что всѣмъ слѣдуетъ пользоваться, ничѣмъ не нужно пренебрегать, если только это можетъ служить „къ вящшей славѣ Божіей“.

Іезуитская мораль совершенно убивала личное начало въ жизни человѣка. Лойолою былъ составленъ особый планъ „духовныхъ упражненій“ (exercita spiritualia), посредствомъ которыхъ человѣкъ долженъ былъ доводить себя путемъ искусственной экзальтаціи до состоянія, когда можно было вкушать высшее блаженство, отказываясь отъ собственныхъ сужденій, отъ собственной воли, сознавая себя лишь служебною частью цѣлаго. Слѣпое повиновеніе равнымъ образомъ могло осуществляться лишь при полномъ отреченіи человѣка отъ своего *я*: младшій долженъ былъ, какъ мы видѣли, стать какъ бы трупомъ, которому старшій придаетъ какое угодно положеніе. Индивидуальная совѣсть вынуждалась, такъ сказать, молчать передъ коллективною совѣстью цѣлаго ордена, потому что требованіе послушанія не знало никакихъ ограниченій. Прежнее іерархическое повиновеніе „даже до смерти“ имѣло свои предѣлы въ тѣхъ случаяхъ, когда старшіе стали бы приказывать младшимъ совершеніе какихъ-либо поступковъ, имѣющихъ значеніе смертныхъ грѣховъ, у іезуитовъ же начальникъ бралъ на себя полную моральную отвѣтственность за всѣ поступки подчиненныхъ, совершонные по его приказанію, такъ какъ у подчиненныхъ не могло быть ни своего сужденія, ни своей воли, ни, слѣдовательно, своей совѣсти, разъ предполагалось, что то или другое совершается ad majorem Dei gloriam. Отсюда было недалеко до разрѣшенія грѣшить съ принятіемъ грѣха старшимъ на

самого себя и до знаменитаго оправданія средствъ цѣлью („цѣль оправдываетъ средства"), хотя оно и не было спеціальнымъ іезуитскимъ изобрѣтеніемъ. Не меньшую знаменитость, чѣмъ это „правило", получила такъ называемая „reservatio mentalis", разрѣшавшая говорить неправду подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правду держать въ умѣ, или думать при этомъ о чемъ-либо постороннемъ, или же суживать смыслъ даваемаго обѣщанія и приносимой присяги и ставить ихъ исполненіе въ зависимость отъ умалчиваемыхъ условій. Тѣмъ же духомъ проникнута и іезуитская теорія, извѣстная подъ названіемъ пробабилизма: грѣшитъ человѣкъ лишь тогда, когда сознательно совершаетъ завѣдомый грѣхъ, но если относительно поступка существуетъ лишь вѣроятность грѣха, то совершать его можно даже вопреки голосу совѣсти. Іезуиты, учившіе въ своихъ школахъ искусству защищать діаметрально противоположные тезисы, въ качествѣ духовниковъ создали цѣлую казуистическую теорію, которою оправдывались разные грѣхи, и въ духѣ этой теоріи писались цѣлыя руководства для исповѣдниковъ. *Самое существо морали убивалось грубымъ утилитаризмомъ іезуитской этики*, тѣмъ болѣе, что и голосъ совѣсти долженъ былъ молчать передъ мнѣніемъ какого-либо авторитета или повелѣніемъ папы, хотя бы онъ предписывалъ грѣхъ и осуждалъ добродѣтель. Эта легкая, покладистая и выгодная мораль была весьма сильнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Въ богословскомъ спорѣ объ оправданіи они стали на точку зрѣнія, діаметрально противоположную протестантской, признавъ свободную волю и собственныя усилія человѣка въ дѣлѣ спасенія: естественная свобода ведетъ къ грѣху, отпускаемому лишь церковью, а при спасеніи собственными заслугами нужно духовное руководство со стороны той же церкви,—вотъ почему іезуитамъ удобно было принять теорію свободной воли и собственныхъ усилій человѣка.

Іезуиты не оставили безъ своего вниманія и области теоретической политики. По вопросамъ этого рода они написали нѣсколько трактатовъ, сдѣлавшихся въ свое время знаменитыми. Цѣльной системы они не выработали, потому что *ихъ политическія теоріи обусловливались не какими-либо опредѣленными принципами, а обстоятельствами мѣста и времени.* Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ примѣръ польскихъ іезуитовъ. Члены ордена явились въ Польшу съ строго монархическими принципами, въ духѣ этихъ принциповъ учили и проповѣдовали, за что и пользовались, напримѣръ, покровительствомъ Стефана Баторія. Такъ продолжалось до перваго десятилѣтія XVII в., когда одновременно противъ Сигизмунда III и противъ іезуитовъ произошло въ извѣстной части шляхты значительное движеніе: тогда іезуиты повернули фронтъ, сдѣлались защитниками,

шляхетской „золотой вольности“, которую, какъ они старались убѣдить шляхту, лучше всего можно было охранить только въ союзѣ съ самымъ строгимъ католицизмомъ. Знаменитый Петръ Скарга еще около 1600 г. развивалъ въ своихъ „Сеймовыхъ проповѣдяхъ“ (Kazania sejmowe) идеалъ католической монархіи, но вскорѣ послѣ того, какъ обнаружились безсиліе королевской власти и недовольство шляхты, іезуиты, дѣлая новое изданіе этихъ проповѣдей, прямо выкидываютъ изъ нихъ мѣста, проникнутыя идеей монархизма. Принципіально іезуиты были сторонниками папскаго главенства и въ мірскихъ дѣлахъ, хотя и не всѣ отваживались, по соображеніямъ дипломатическаго свойства, заявлять объ этомъ открыто и рѣзко, и многіе смягчали это ученіе указаніемъ на то, что сама религіозная власть папъ косвенно подчиняетъ ихъ вѣдѣнію и дѣла политическія. Изъ іезуитскихъ политическихъ писателей слѣдуетъ, какъ наиболѣе замѣчательныхъ выразителей тенденцій ордена, назвать жившихъ въ одно и то же время Беллярмина (1542—1621), Суареса (1548—1617) и Маріану (1536—1624). Беллярминъ (вѣрнѣе Беллярмино), уроженецъ Тосканы, достигшій сана кардинала и самъ чуть не сдѣлавшійся папою, былъ весьма виднымъ полемистомъ противъ протестантовъ и защитникомъ средневѣковыхъ ученій. Онъ возносилъ религіозную власть папы на такую высоту, что воля папы дѣлалась у него главнымъ критеріумомъ истины, такъ какъ, по его словамъ, безусловно хорошо все, что̀ ни повелѣвается папою, и безусловно грѣховно все, что̀ папою запрещается. Папа Сикстъ V (1585—1590) былъ, однако, недоволенъ его ученіемъ о томъ, что у папы нѣтъ прямой, т.-е. непосредственной власти въ дѣлахъ гражданскихъ, а есть только власть косвенная. Суаресъ въ послѣднемъ отношеніи шелъ далѣе и безъ оговорокъ, какія дѣлалъ Беллярминъ, утверждалъ, что папѣ принадлежитъ власть низлагать еретическихъ королей и разрѣшать ихъ подданныхъ отъ присяги, за что̀ трактатъ, въ которомъ проводилось такое ученіе, былъ сожженъ между прочимъ въ Парижѣ. Но особенно любопытно то, что іезуиты, подобно кальвинистамъ, явились защитниками идеи народовластія. Въ сочиненіи Беллярмина „Разсужденія о спорныхъ вопросахъ христіанской вѣры противъ еретиковъ нашего времени“ (1586) есть особый трактатъ о римскомъ первосвященникѣ, гдѣ развивается мысль такого рода: духовная власть основана Богомъ непосредственно, свѣтская—чрезъ посредство естественнаго закона, по которому она принадлежитъ народу, облекающему ею по своему усмотрѣнію тѣ или другія лица. Эта теорія, принятая еще тридентскимъ соборомъ ради приниженія свѣтской власти, какъ происходящей отъ людей, передъ властью духовною, имѣющею происхожденіе божественное, была вообще оффиціальнымъ ученіемъ іезуи-

товъ, но дальнѣйшіе изъ нея выводы могли быть различные. Беллярминъ, напримѣръ, все-таки лучшею формою правленія считаетъ монархію, подчиняя ее косвенно (indirecte) папѣ. Суаресъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, только открытѣе выставляя папскій авторитетъ въ свѣтскихъ дѣлахъ: и по его ученію, Богъ силою естественнаго закона связалъ существо общественной власти съ собраніемъ людей, предоставивъ человѣческому усмотрѣнію ея формы: народъ по собственному изволенію переноситъ власть на тѣ или другія лица, откуда происходятъ разныя формы правленія съ лучшею между ними—монархіей, которая у Суареса, однако, подчиняется папству. Но іезуиты, подобно кальвинистамъ, должны были поставить вопросъ о правѣ не повиноваться нечестивымъ правителямъ и сопротивляться тираннамъ, разъ папа могъ низлагать еретическихъ государей и разрѣшать ихъ подданныхъ отъ присяги: мало-по-малу и среди католиковъ стала развиваться мысль, особенно популярная во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, по которой верховная власть неотъемлемо принадлежитъ народу, имѣющему на этомъ основаніи право смѣнять королей,—ученіе, соединявшееся съ призывами къ цареубійству, каковыя и были совершены надъ Генрихами III и IV. На ту же точку зрѣнія, на какой стояли фанатики католицизма во Франціи въ своихъ проповѣдяхъ и памфлетахъ, сталъ испанскій іезуитъ Маріана, авторъ между прочимъ уже упоминавшейся книги „О недостаткахъ Общества Іисуса“. Около 1600 г. онъ издалъ трактатъ подъ заглавіемъ: „De rege et regis institutione“. Въ немъ смѣшаны воедино самыя преувеличенныя представленія о королевской власти съ крайними выводами изъ теоріи народовластія; въ силу послѣднихъ Маріана допускаетъ низложеніе королей народнымъ возстаніемъ, а въ случаѣ невозможности это сдѣлать дозволяетъ прямо цареубійство, прославляя въ своей книгѣ всѣхъ извѣстныхъ исторіи убійцъ тиранновъ до Жака Клемана, убійцы Генриха III включительно. Двойственный характеръ этой одобренной орденомъ книги, благопріятной для абсолютизма вѣрныхъ католицизму королей и революціонной по отношенію къ государямъ, которые были неугодны іезуитамъ, явствуетъ изъ того, что она была посвящена испанскому королю Филиппу III и напечатана съ одобреніемъ королевской цензуры, во Франціи же почитателями книги были враги Генриха IV. Послѣ его смерти многіе стали даже говорить, будто книгу написалъ протестантъ, чтобы тѣмъ повредить ордену, и тогда генералъ ордена запретилъ оправдывать цареубійство. Разсматривая разныя формы правленія, Маріана отдаетъ предпочтеніе монархіи. Если, говоритъ онъ между прочимъ, нѣтъ правленія, которое было бы хуже тиранніи, то это есть лишь доказательство превосходства монархіи, такъ какъ извращеніе однѣхъ

самыхъ лучшихъ вещей создаетъ другія самыя худшія. Изобразивъ (по Аристотелю) тираннію, ученый іезуитъ ставитъ вопросъ о позволительности тиранноубійства и, разсмотрѣвъ доводы pro и contra, соглашается съ богословами и философами, утверждавшими, что похитителя власти можетъ убивать всякій. Въ согласіи съ нѣкоторыми кальвинистическими писателями, Маріана находитъ также, что законнаго короля, злоупотребляющаго своею властью, нужно прежде увѣщавать; лишь въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній Маріана разрѣшаетъ убійство, причемъ пускается въ разсужденіе о томъ, можно ли для этого прибѣгать къ отравѣ ядомъ. Любопытно и то, что въ эпоху, когда кальвинисты въ Шотландіи, Франціи, Нидерландахъ, а потомъ и англійскіе пуритане ставили имѣвшій тогда не одно теоретическое значеніе вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между королевскою властью и государственными чинами, и Маріана касается этого вопроса, но дѣлаетъ различіе между такими странами, гдѣ установлены власти, ограничивающія правителя, и такими, гдѣ король собственною властью издаетъ законы, къ исполненію которыхъ никто и не можетъ его принудить. Демократическія воззрѣнія, защищаемыя Маріаною въ примѣненіи къ странамъ первой категоріи, не прилагались имъ къ родной Испаніи, да иначе и трудно было бы посвятить книгу абсолютному испанскому королю. Самъ демократизмъ іезуитскихъ ученій, въ сущности, скрывалъ за собою теократическія тенденціи. И замѣчательно, что іезуиты одинаково пользовались почетомъ и вліяніемъ и при дворахъ абсолютныхъ монарховъ, и въ домахъ анархической польской шляхты, потому что они эксплуатировали всякій политическій порядокъ въ интересахъ своего ордена.

XXIII. Культурныя слѣдствія реакціи.

Средневѣковой католицизмъ и іезуиты.—Католическая реакція и общественная деморализація. — Оппозиція янсенизма. — Іезуиты и духъ новаго времени. — Оппозиція іезуитизму и борьба съ нимъ протестантизма. — Культурное вліяніе католицизма и протестантизма въ новое время.—Сохраненіе церковнаго землевладѣнія и монашества. — Болѣе высокій культурный уровень протестантизма. — Примѣры католической реакціи въ Италіи и въ Польшѣ.

Католическая реакція, воплощеніемъ духа которой сдѣлался іезуитизмъ, была попыткою возстановленія средневѣковой церкви съ ея господствомъ надъ личностью и обществомъ. Все, что характеризуетъ культурныя и политическія отношенія средневѣкового католицизма, является столь же характеристичнымъ и для католицизма новаго времени, хотя исторія внесла въ него и совершенно новыя

черты—главнымъ образомъ въ системѣ средствъ, которыми онъ достигалъ своихъ цѣлей. Универсализмъ, отрицавшій самостоятельность національнаго начала, теократическій духъ, требовавшій отъ государственной власти подчиненія папству, клерикальное стремленіе поставить свѣтское общество подъ опеку духовенства,—все это характеризуетъ и іезуитскую политику совершенно такъ же, какъ и средневѣковой католицизмъ въ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ націямъ, государствамъ и сословіямъ. Что касается отдѣльной личности, то идеаломъ іезуитовъ было такое же ея подчиненіе принятымъ церковью ученіямъ съ подавленіемъ индивидуальной свободы въ области мысли, какого требовала и добивалась по отношенію къ личности и старая церковь въ средніе вѣка. Въ одномъ лишь іезуитизмъ отступалъ отъ прежней традиціи; возстановляя всѣ существенные ея элементы, *іезуитизмъ въ области морали отступалъ отъ средневѣковыхъ воззрѣній*. Послѣднія, какъ извѣстно, заключались въ аскетическомъ взглядѣ на жизнь съ вытекавшими изъ него требованіями, но іезуиты подчинились духу новаго времени, которое было въ общемъ неблагопріятно для аскетизма, сдѣлавъ это, однако, очень своеобразно, внѣ всякаго сходства съ другими антиаскетическими направленіями. Съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія монашество было отвергнуто и гуманизмомъ, и протестантизмомъ, однимъ—какъ противное человѣческой природѣ, другимъ—какъ не имѣющее основанія въ св. писаніи. Съ своей стороны, іезуиты въ принципѣ не отрицали аскетизма; они даже требовали его отъ неофитовъ, видя въ немъ воспитательное средство, и предоставляя желающему предаваться подвигамъ благочестія, — но весь орденъ не былъ монашескимъ въ строгомъ смыслѣ слова и, какъ мы видѣли, удрученіе плоти считалось въ немъ не только излишнимъ, но даже могущимъ сдѣлаться вреднымъ для настоящаго служенія церкви. Вотъ почему въ самомъ католическомъ мірѣ высказывалось мнѣніе, что іезуиты погубятъ монашество. Но особенно новая тактика отличается отъ старой тѣмъ оппортунизмомъ, представителями котораго явились іезуиты, создавая легкую мораль, чтобы при ея помощи заманивать въ свои сѣти лицъ разныхъ званій и сословій, хотя, конечно, по всѣмъ казуистическимъ ученіямъ, формальному взгляду на грѣхъ и „благочестивымъ обманамъ“ (piae fraudes), къ которымъ они прибѣгали, у нихъ были предшественники и въ среднихъ вѣкахъ [1]). Во всякомъ случаѣ *въ нравственномъ отношеніи іезуитизмъ воскрешалъ не строгую этику средневѣковаго аскетизма, а ту порчу церкви, противъ которой раз-*

---

[1]) Казуистику разрабатывали еще въ XV вѣкѣ доминиканцы, основавшіе и теорію пробабилизма.

давался моральный протестъ лучшихъ людей эпохи, такъ что въ наиболѣе безнравственныхъ своихъ проявленіяхъ іезуитизмъ былъ непосредственнымъ порожденіемъ деморализаціи, характеризующей католическое духовенство въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Исканіе новой морали гуманистами, какъ ни безплодно оно подчасъ бывало, и моральный духъ, проникающій собою протестантизмъ, были явленіями, указывавшими на то, что Ренессансъ и реформація заключали въ себѣ элементы нравственнаго возрожденія, тогда какъ реакція, наоборотъ, готова была достигать своихъ цѣлей, принося имъ въ жертву общественную нравственность. И дѣйствительно, іезуиты — вездѣ, гдѣ они забирали въ свои руки воспитаніе и вообще духовное руководительство,—*вносили деморализацію въ общество, особенно въ высшія его сферы, въ правящіе классы и интеллигентные слои*. Такимъ характеромъ своей дѣятельности они нерѣдко прямо возбуждали моральный протестъ со стороны лучшихъ представителей самого католицизма. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно возникновеніе особаго антиіезуитскаго направленія въ католицизмѣ въ XVII в., когда орденъ окончательно превратился въ политическое учрежденіе съ богатыми поземельными владѣніями и большими денежными капиталами, которые онъ пріумножалъ разными промышленными, торговыми и банкирскими предпріятіями,—и вполнѣ развилъ свои ученія о пробабилизмѣ, мысленныхъ оговоркахъ, и т. п. Это оппозиціонное іезуитизму направленіе получило названіе янсенизма по имени Корнелія Янсенія (Янсена), бывшаго сначала профессоромъ въ Лувенѣ, потомъ ипрскимъ епископомъ и умершаго въ этомъ санѣ (1638 г.). Янсеній написалъ книгу подъ заглавіемъ „Августинъ“, противопоставивъ въ ней ученію іезуитовъ строгую этику бл. Августина, вдохновлявшаго и реформаторовъ. Вслѣдствіе этого ученіе Янсенія получило характеръ католическаго пуританизма. Существовало даже нѣкоторое сходство между янсенизмомъ и протестантизмомъ въ вопросѣ объ оправданіи, такъ какъ Янсеній выдвигалъ на первый планъ благодать Божію, вѣру и внутреннее душевное расположеніе и потому былъ противникомъ формалистики, которую поддерживали іезуиты, учившіе, что человѣкъ спасается собственными заслугами и между прочимъ дѣлами внѣшняго благочестія. По смерти Янсенія его друзья напечатали этотъ трудъ (въ 1640 г.), который создалъ ему не мало послѣдователей. Самыми видными янсенистами были аббатъ Сенъ-Сиранскаго монастыря (во Франціи) Дювержье де Гораннъ (Duvergier de Hauranne) и нѣкто Антуанъ Арно. Оба они сильно содѣйствовали распространенію янсенизма во Франціи, гдѣ у него образовался особый центръ (парижскій женскій монастырь Поръ-Рояль). Къ числу янсенистовъ

принадлежали и такіе люди, какъ Паскаль и Расинъ. Извѣстно, что Паскаль въ своихъ остроумныхъ „Провинціальныхъ письмахъ" (Lettres provinciales, 1656), выходившихъ сначала брошюрками, а потомъ выпущенныхъ отдѣльной книгой, разоблачилъ іезуитскую безнравственность. Такими же врагами іезуитизма, какими во Франціи были янсенисты, сдѣлались въ Польшѣ піары (fratres scholarum piarum), основывавшіе школы, въ которыхъ они держались принциповъ, противоположныхъ іезуитской морали.

Оппозиція многихъ католиковъ противъ іезуитизма вытекала не изъ однихъ моральныхъ побужденій, да и не одному протестантизму, противъ котораго орденъ направлялъ главнымъ образомъ свою дѣятельность, нужно было отстаивать себя въ борьбѣ съ іезуитами. Католическая реакція, которой они служили, *имѣла вообще болѣе широкое значеніе, чѣмъ одно противодѣйствіе реформаціи: это была реакція противъ всего духа новаго времени*, поскольку онъ воплощался не только въ протестантизмѣ, но и въ гуманизмѣ, не только въ стремленіяхъ индивидуума, но и въ стремленіяхъ государства. Свобода совѣсти и свобода мысли, свѣтская культура и свѣтское государство имѣли въ іезуитахъ принципіальныхъ противниковъ, а потому іезуиты сдѣлались главными борцами противъ религіозной терпимости, противъ свободнаго изслѣдованія, противъ общественной самодѣятельности, противъ независимой отъ церковныхъ интересовъ политики. Поэтому-то все новое и жизненное и стояло въ оппозиціи іезуитизму. Когда въ XVIII в. возродились свѣтская культура („просвѣщеніе") и свѣтская политика („просвѣщенный абсолютизмъ") новаго времени, борьба съ іезуитизмомъ приняла въ самыхъ католическихъ странахъ очень острый характеръ, и дѣло дошло до изгнанія іезуитовъ изъ отдѣльныхъ государствъ, а потомъ и до уничтоженія самого ордена. Реакція противъ философскихъ идей и общаго направленія политики XVIII в., наступившая послѣ паденія имперіи Наполеона и принявшая характеръ не только феодально-абсолютистическій въ отношеніяхъ соціальномъ и политическомъ, но и клерикальный въ отношеніи культурномъ, была какъ нельзя болѣе благопріятна для возстановленія ордена іезуитовъ, который и въ XIX в. сталъ играть ту же роль реакціоннаго фактора, какая ему принадлежала и раньше. Разсматривая въ цѣломъ всѣ фазисы католической реакціи противъ Возрожденія, реформація, „просвѣщенія" XVIII в., просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи и всюду обнаруживая дѣятельность іезуитовъ, знакомясь съ тою враждою, какую орденъ встрѣчалъ по отношенію къ себѣ со стороны защитниковъ разныхъ національныхъ, политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ интересовъ, мы не можемъ, конечно, при-

давать исключительнаго значенія той полемикѣ, которую вели противъ іезуитовъ протестанты. Притомъ по самому существу обѣихъ враждующихъ сторонъ, какъ представительницъ двухъ противоположныхъ религіозныхъ системъ, эта полемика должна была принимать преимущественно богословскій характеръ. Наконецъ, сами протестанты обнаруживали догматическую нетерпимость и клерикальныя тенденціи, имѣвшія въ протестантскихъ странахъ столь же пагубныя культурныя слѣдствія, какъ и католическая реакція. Нужно было бы прослѣдить исторію богословскихъ споровъ въ Германіи второй половины XVI в., распрей въ ней лютеранъ и кальвинистовъ, религіозныхъ преслѣдованій въ самихъ протестантскихъ княжествахъ или познакомиться съ фактами культурной отсталости въ пресвитеріанской Шотландіи [1]), чтобы прійти къ тому заключенію, что и протестантизмъ могъ въ культурномъ отношеніи мало чѣмъ отличаться отъ реакціоннаго католицизма. Тѣмъ не менѣе *сравненіе въ культурномъ отношеніи странъ, подпавшихъ католической реакціи, съ тѣми, въ которыхъ утвердился протестантизмъ, показываетъ, что отрицательныя стороны послѣдняго не имѣли такого гибельнаго вліянія, какъ католическая реакція.* До извѣстной степени это обстоятельство позволяетъ намъ обобщить относящіяся сюда явленія, чтобы въ наиболѣе вѣрныхъ принципамъ своимъ проявленіяхъ протестантизма видѣть элементы и факторы культурнаго прогресса, а въ стремленіяхъ католицизма — элементы и факторы регресса. Конечно, это обобщеніе не можетъ претендовать на безусловную вѣрность. Изъ общихъ правилъ есть, понятно, исключенія: не въ одномъ протестантизмѣ заключались прогрессивныя силы новой исторіи, да и въ немъ самомъ были регрессивныя стороны, а кромѣ того, и жизненныя условія отдѣльныхъ странъ могли парализовать то хорошее или то дурное, что̀ приносили съ собою общеевропейскія историческія теченія. Поэтому для сравненія культурнаго значенія католицизма и протестантизма удобнѣе брать не отдѣленныя одна отъ другой страны, напримѣръ, католическую Испанію и протестантскую Голландію, но католическія и протестантскія части однихъ и тѣхъ же государствъ или одни и тѣ же государства въ разныя эпохи. Историки давно уже выставляли на видъ, что въ протестантскихъ частяхъ Германіи обнаруживалось гораздо болѣе умственной жизни и движенія впередъ, чѣмъ въ католическихъ, и что съ усиленіемъ въ Германіи католической реакціи и іезуитскаго вліянія (съ послѣдней четверти XVII в.) произошло въ ней и общее культурное пониженіе. Такое же наблюденіе дѣлалось надъ католическими и протестантскими канто-

[1]) Факты собраны въ извѣстной „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ Бокля.

нами Швейцаріи. Еще рѣзче бросается въ глаза разница между двумя частями Нидерландовъ, изъ которыхъ одна осталась католическою и подчинилась реакціонному направленію Испаніи (Бельгія), а другая сдѣлалась протестантской и отвоевала свою свободу (Голландія). Бельгія страшно отстала отъ Голландіи въ культурномъ отношеніи и до временъ французской революціи была страной клерикальнаго консерватизма, между тѣмъ какъ въ Голландіи въ XVII в. расцвѣла промышленная и умственная дѣятельность, сдѣлавшая ее одною изъ наиболѣе передовыхъ странъ тогдашней Европы. Стоитъ также сравнить Польшу XVI вѣка, когда въ ней сильно было вліяніе гуманизма и развивалось реформаціонное движеніе, съ Польшею XVII и XVIII в., Польшею эпохи іезуитовъ, католической реакціи, преслѣдованія диссидентовъ, умственнаго застоя, общественной деморализаціи и политической анархіи. Во Франціи въ эпоху дѣйствія нантскаго эдикта (1598 — 1685) протестантская часть населенія славилась особенно трудолюбіемъ и духомъ предпріимчивости.

Впрочемъ, для такихъ контрастовъ можно указать и на общія причины, такъ или иначе связанныя съ реформаціей. Уничтоживъ церковное землевладѣніе и праздное монашество, реформація возвратила гражданскому обороту громадное количество земель, подлежавшихъ „мертвой рукѣ“, создала классъ новыхъ собственниковъ на этихъ земляхъ, отдала обществу массу рабочихъ рукъ, избавивъ его отъ монашескаго паразитизма. *Католическія страны въ XVI—XVIII вѣкахъ продолжали испытывать на себѣ всѣ неудобныя стороны церковнаго землевладѣнія и многочисленнаго монашества*, отмѣненныхъ въ протестантскихъ странахъ реформаціей. Мало того: реакція въ нѣкоторыхъ странахъ (напримѣръ, въ Испаніи и въ Неаполѣ) прямо сопровождалась увеличеніемъ площади церковныхъ владѣній и числа духовныхъ и монаховъ, равно какъ умноженіемъ праздниковъ, сокращавшихъ годовое рабочее время. Все это не могло не отражаться невыгодно на экономической жизни католическихъ странъ, гдѣ, кромѣ того, и духъ населенія, опекаемаго священниками и монахами, не могъ проявить такой энергіи, какою отличались болѣе свободные, менѣе стѣсняемые и менѣе обираемые протестанты. Конечно, нельзя въ одномъ католицизмѣ видѣть причину культурной отсталости, а въ одномъ протестантизмѣ—причину прогресса, какъ нельзя думать, что бо́льшая культурность содѣйствовала принятію протестантизма, и что вѣрными католицизму оставались страны болѣе отсталыя (вспомнимъ культурную Италію и „варварскую“ Шотландію); многое тѣмъ не менѣе заставляетъ признать, что *протестантизмъ все-таки соотвѣтствовалъ болѣе высокому культурному уровню*, и какъ религія, и какъ вообще историческое явленіе. Въ религіи это былъ протестъ про-

тивъ господства внѣшняго надъ внутреннимъ, формы надъ содержаніемъ, чувственнаго надъ духовнымъ, обрядности надъ моралью, протестъ противъ суевѣрій и нравственной порчи. Въ своей культурной сторонѣ реформація была однимъ изъ проявленій того индивидуализма, того личнаго начала, которое нужно считать главнымъ факторомъ прогрессивнаго историческаго процесса. Какъ ни страдалъ протестантизмъ противорѣчіями, онъ въ сравненіи съ духомъ католической реакціи, воплотившимся въ іезуитизмѣ, былъ явленіемъ неизмѣримо болѣе прогрессивнымъ, особенно если мы возьмемъ его въ основныхъ его принципахъ, а не въ полныхъ, непослѣдовательныхъ и противорѣчивыхъ его примѣненіяхъ. Во всякомъ случаѣ онъ выводилъ человѣческую личность на новую дорогу, воспитывалъ ее къ самоопредѣленію и самостоятельности; тогда какъ іезуитизмъ убивалъ личность, дрессируя ее для служенія цѣлямъ, ей постороннимъ. Протестантизмъ былъ продуктомъ пробудившейся совѣсти, іезуитизмъ заглушалъ ея голосъ своими казуистическими успокоеніями. Протестантизмъ оживлялъ дѣятельность мысли, іезуитизмъ зарывалъ её въ ворохъ мертвой учености. Протестантизмъ оживлялъ чувство національнаго и политическаго патріотизма, іезуитизмъ не зналъ родины и не научалъ ее любить. Южнороманскія страны, католическая Германія съ Австріей и Баваріей во главѣ, Польша, — вотъ страны, въ которыхъ реакція одержала полную побѣду, и откуда дѣлались попытки католической реакціи у сосѣдей — въ Нидерландахъ, Англіи съ Шотландіей, во Франціи, въ протестантской Германіи, въ Швеціи, и вездѣ мы наблюдаемъ упадокъ культуры. Послѣдній замѣчался и во Франціи, когда она измѣняла вѣяніямъ новаго времени и подчинялась духу реакціи, какъ это было въ эпоху религіозныхъ войнъ во второй половинѣ XVI вѣка и въ эпоху отмѣны нантскаго эдикта во второй половинѣ XVII столѣтія.

Лишенная политическаго единства, раздробленная на мелкія владѣнія, бывшія большею частью подъ властью деспотическихъ государей, и даже входя нѣкоторыми своими частями въ составъ Испанской монархіи, Италія, которая и раньше не выработала у себя духа общественной свободы, весьма быстро испытала на себѣ всю тяжесть католической реакціи. Съ 1550 г. начались въ папской области казни „еретиковъ“ при помощи костра, висѣлицы и плахи; въ томъ же духѣ дѣйствовала римская инквизиція въ другихъ частяхъ Италіи. Напрасно, напримѣръ, неаполитанцы выхлопотали у Филиппа II освобожденіе отъ испанской инквизиціи: ее съ успѣхомъ замѣнила инквизиція римская. Въ Миланѣ Филиппъ II тоже долженъ былъ отказаться отъ введенія испанской инквизиціи, но это нисколько не мѣшало тому, чтобы и здѣсь безъ всякой пощады гнали

еретиковъ. Одно время нѣкоторою свободой въ религіозномъ отношеніи пользовалась Венеція, гдѣ было довольно значительное число протестантовъ и бойко шла торговля протестантскими книгами. Напримѣръ, въ періодъ отъ 1543 по 1549 годъ было продано здѣсь сорокъ тысячъ экземпляровъ протестантскаго сочиненія „Del beneficio del Cristo". Около 1560 г. и тутъ еретиковъ стали топить по ночамъ въ лагунахъ. Въ Феррарѣ протестантамъ покровительствовала герцогиня Рената, но папское бре́ве потребовало у ея мужа искорененія ереси, и здѣсь тоже начались преслѣдованія протестантовъ. Папы второй половины XVI вѣка, отказавшись отъ исключительно свѣтской политики своихъ предшественниковъ, давали тонъ этой реакціи, особенно усилившейся послѣ тридентскаго собора. Таковы были Пій V, Григорій XIII, современникъ варѳоломеевской ночи (1572 — 1585), Систъ V, Климентъ VIII (ум. 1605 г.). Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось отношеніе Рима и къ классическому Возрожденію, для котораго онъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ. Нѣсколько долѣе поддерживались гуманистическія занятія при другихъ дворахъ, но Возрожденіе вообще вездѣ уступало мѣсто реакціи. Однимъ изъ признаковъ этой реакціи былъ „Освобожденный Іерусалимъ" Торквато Тассо (1544 — 1595), старавшійся внушить уваженіе къ средневѣковымъ традиціямъ, одною изъ наиболѣе выдающихся ея жертвъ—Джіордано Бруно, сожженный на кострѣ въ Римѣ въ 1600 г. [1]).

Примѣръ Бруно, философа-пантеиста и ученаго, жившаго во второй половинѣ XVI в., весьма характеристиченъ для этой эпохи. Въ Италіи его времени гуманистическая философія, возобновлявшая идеи Платона и Аристотеля, уже уступала мѣсто возрожденной іезуитами схоластикѣ, и Бруно былъ послѣднимъ представителемъ свободной философской мысли въ Италіи. Воспринявъ всѣ культурные элементы гуманистической эпохи и ставъ въ самое рѣзкое отношеніе къ реакціи, господствовавшей въ Италіи, онъ сначала покинулъ свою родину, чтобы въ протестантской Европѣ имѣть болѣе свободы, но онъ горько ошибся въ своихъ расчетахъ: ему вездѣ жилось тяжело, всюду его гнали и католики, и протестанты, и онъ возвратился въ Италію, но лишь для того, чтобы въ Венеціи быть схваченнымъ инквизиціей и выданнымъ въ Римъ, гдѣ его предали пламени костра, какъ атеиста и нарушителя монастырскихъ обѣтовъ (въ молодости Бруно былъ доминиканцемъ). Фанатики хотѣли даже совершенно истребить память о немъ и объ его сочиненіяхъ. До извѣстной степени они достигли этого, такъ какъ позднѣе пришлось почти со-

---

[1]) *Cecchi*. T. Tasso e la vita italiana nel secolo XVI. — *Berti*. Vita di G. Bruno.

всѣмъ вновь открывать этого философа. Какъ вообще безпощадна была итальянская реакція по отношенію къ книгамъ, ей не правившимся, можно судить по слѣдующему факту: изъ громаднаго количества экземпляровъ „Del beneficio del Cristo", бывшихъ въ обращеніи въ XVI в., къ нашему столѣтію уцѣлѣло такъ мало, что одному историку литературы лишь съ большимъ трудомъ удалось отыскать одинъ его экземпляръ. Такая же судьба, какъ Бруно, чуть было не постигла и знаменитаго Галилео Галилеи (1564—1642). Его ученіе о вращеніи земли вокругъ солнца инквизиція объявила ересью, а ученіе о вращеніи ея вокругъ своей оси—ложнымъ и опаснымъ, хотя и не еретическимъ: великаго ученаго привлекли къ суду инквизиціи, заставили отречься отъ своихъ заблужденій и до конца жизни держали подъ надзоромъ [1]).

О католической реакціи въ Испаніи и Германіи придется еще упоминать въ другой связи. Что касается до Польши, то католическая реакція въ этой странѣ, подчинявшейся въ XVI в. и вліянію гуманизма, и вліянію реформаціи, достойна вниманія, какъ одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ того, какъ іезуиты овладѣвали цѣлымъ обществомъ, въ которомъ были задатки развитія въ иномъ духѣ. Въ эпоху религіозныхъ войнъ и сильнаго фанатизма, какъ католическаго, такъ и протестантскаго, Польша представляла изъ себя страну, въ которой, хотя бы и для одного сословія только, существовала столь широкая религіозная свобода, что лишь здѣсь нигдѣ не терпѣвшійся и всюду преслѣдовавшійся антитринитаризмъ имѣлъ возможность организоваться въ цѣлую церковь. Было время, когда въ Римѣ даже отчаявались относительно возможности удержать Польшу въ лонѣ католической церкви, и іезуитамъ, начавшимъ дѣйствовать въ этой странѣ лишь по прошествіи четверти вѣка со времени основанія ихъ ордена, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представлялась задача не совсѣмъ легкая. Не то было труднымъ, что нужно было искоренять „ересь": протестанты не составляли большинства націи, были притомъ раздѣлены въ вѣроисповѣдномъ отношеніи на четыре лагеря, не отличались особой энергіей и не проявляли въ общемъ никакого фанатизма, съ которымъ приходилось бы считаться. Если шляхтичъ битьемъ гналъ народъ въ реформированную имъ церковь, то это дѣлалось не изъ фанатизма, а потому, что панъ считалъ себя собственникомъ костёла и могъ дѣлать съ нимъ что̀ хотѣлъ, смотря и на холоповъ, какъ на людей, отданныхъ ему въ полную власть. На эти массы, бывавшія часто лишь нѣмыми свидѣтелями „профанаціи" церквей, на шляхетское разновѣрство, на властолюбіе шляхты іезуиту можно

[1]) *Gebler*. G. Galilei und die römische Curie.—*Reusch*. Der Prozess Galilei's.

было даже очень удобно опереться,—только стоило немножко разнуздать въ массѣ сидѣвшаго въ ней звѣря, дискредитировать реформацію именно ея разновѣрствомъ и втереться въ довѣріе господствующаго сословія, льстя его слишкомъ бросавшимся въ глаза инстинктамъ. И опять не то было трудно, что приходилось дѣйствовать въ странѣ, гдѣ правительство давало молчаливое и даже формальное согласіе на религіозную свободу: правительства мѣняются, а законы—дѣло рукъ человѣческихъ. Самое трудное, повидимому, представляли изъ себя весь духъ молодого польскаго общества, его индифферентизмъ и склонность къ вольномыслію, его антипатія къ клерикализму, и (что было еще важнѣе) общее настроеніе польскаго духовенства, болѣе заботившагося о своихъ десятинахъ и мѣстахъ въ сенатѣ, чѣмъ о вѣрѣ, бывшаго даже готовымъ вступать въ компромиссы съ нововѣрами, если дѣло только не касалось доходовъ и власти, болѣе ревностно хлопотавшаго о національномъ соборѣ, чѣмъ о борьбѣ съ „ересью“ и даже сопротивлявшагося принятію тридентскихъ постановленій. Предстояло передѣлать старыхъ католиковъ въ католиковъ новаго образца, созданнаго совокупными усиліями ордена и тридентскаго собора, а для этого нужно было воспитать подроставшія поколѣнія въ иномъ духѣ, чѣмъ воспитывались ихъ отцы, и найти другія средства, чтобы подѣйствовать на тѣхъ, кого воспитывать было слишкомъ поздно, — однимъ словомъ, предстояло направить и на шляхту, и на духовенство орудія педагогіи и дипломатіи, а у іезуитовъ обѣ системы были уже готовы: они и явились въ Польшу опытными воспитателями и искусными мастерами политическихъ дѣлъ. Первымъ дѣломъ нужно было всѣхъ перевоспитать въ духѣ нетерпимости, а потомъ водворить нетерпимость и въ законодательствѣ и, опираясь на двойную силу общества и государства, нанести ударъ тѣмъ еретикамъ, которыхъ нельзя было пронять ни увѣщаніемъ, ни проповѣдью, ни лестью, ни обѣщаніями, ни страхомъ передъ разнузданною толпой. Начать іезуитамъ предстояло съ высшаго духовенства, затронувъ его интересы и показавъ ему, что лучше всего оно сохранитъ свое положеніе подъ защитою папскаго Рима,—и съ дѣтей, воспитавъ ихъ такъ, чтобы они не были похожи на своихъ отцовъ: іезуитамъ дѣйствительно удалось и организовать католическую партію съ епископами, которой раньше не существовало, и создать новое поколѣніе добрыхъ католиковъ, готовыхъ не останавливаться и предъ прямыми насиліями надъ „еретиками“ и ихъ „синагогами сатаны“. Понятное дѣло, что при всемъ этомъ вездѣ и во всемъ нужно было мѣшать предпріятіямъ нововѣровъ и болѣе всего препятствовать имъ закрѣпить формальнымъ закономъ фактически установившуюся въ Рѣчи Посполитой религіозную свободу.

Успѣхъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ при Сигизмундѣ-Августѣ вообще обусловливался въ значительной мѣрѣ слабостью оказаннаго со стороны духовенства отпора. Польскій епископатъ середины XVI в. былъ болѣе или менѣе самъ затронутъ реформаціонными стремленіями и вольномысленнымъ духомъ, а потому въ немъ не было убѣжденія въ истинности и правотѣ защищавшагося имъ дѣла, когда ему приходилось ex officio выступать въ роли судей и карателей. Чуть не всѣхъ епископовъ современники самихъ подозрѣвали въ склонности къ ереси. Примасъ Яковъ Уханскій обвинялся въ тайномъ лютеранствѣ, да и на самомъ дѣлѣ онъ велъ себя не такъ, чтобы не вызывать никакихъ подозрѣній. У него даже былъ свой собственный планъ реформы церкви посредствомъ національнаго собора. Епископы готовы были итти на прямые компромиссы съ протестантами. Напримѣръ, на сеймѣ 1556 г. они предложили шляхтѣ содержать при своихъ домахъ протестантскихъ проповѣдниковъ, но только подъ условіемъ утвержденія ихъ епископами! На сеймѣ 1565 г. Уханскій серьезно совѣтовалъ своимъ товарищамъ итти на уступки требованіямъ шляхты, чтобы путемъ компромисса сохранить часть своихъ правъ и привилегій. Со стороны свѣтскаго общества энергичнаго противодѣйствія протестантизму не было оказано: крестьянская масса была пассивна; горожане въ большинствѣ случаевъ были недовольны появленіемъ ереси, но сидѣли смирно; органы администраціи не хотѣли приводить въ исполненіе приговоровъ церковнаго суда, когда таковые еще постановлялись, и исполненіе ихъ поручалось свѣтскимъ властямъ. Что касается до шляхты, то и католическая ея часть во многомъ дѣйствовала заодно съ протестантами и помогала имъ или, по крайней мѣрѣ, не препятствовала защищать религіозную свободу.

Іезуиты въ Рѣчи Посполитой начали свою дѣятельность съ педагогіи. Въ XVI в. краковская академія и подвѣдомственныя ей школы сильно отстали отъ подобныхъ учрежденій на Западѣ, и шляхта не разъ жаловалась на духовенство, что оно плохо учитъ, а между тѣмъ стремленіе къ образованію составляло одну изъ самыхъ почтенныхъ чертъ тогдашняго польскаго общества. За вармійской, а потомъ плоцкой епархіей въ дѣлѣ открытія іезуитскихъ коллегій послѣдовали и другія епархіи, и даже сами протестанты стали отдавать въ эти коллегіи своихъ дѣтей. Впослѣдствіи только одни социніане могли своей раковской академіей и другими подобными учрежденіями соперничать съ іезуитами на педагогическомъ поприщѣ. Іезуиты подмѣтили въ обществѣ нѣкоторые признаки возможной реакціи и ихъ эксплуатировали, особенно въ той части шляхты, которую начиналъ пугать антитринитаризмъ. Уже во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ бывали случаи возвращенія въ католицизмъ

„по причинѣ разнообразія сектъ и проклятій, которыя онѣ одна на другую налагаютъ". Многіе помѣщики уже тогда прогоняли изъ своихъ имѣній протестантскихъ проповѣдниковъ и водворяли въ „профанированныхъ" костелахъ католическихъ священниковъ. Со времени введенія іезуитовъ такія обращенія дѣлаются чаще и систематичнѣе. Понятно, что кто проходилъ новую школу, былъ уже инымъ человѣкомъ: іезуиты даже прямо подстрекали своихъ учениковъ ко всякимъ насиліямъ надъ диссидентами. На жалобы познанскихъ протестантовъ, у которыхъ школьники поджигали церкви, іезуиты отвѣчали, что ихъ ученики заслуживаютъ всякой похвалы за ревность къ вѣрѣ; одинъ такой пожаръ въ Познани, произведенный школьниками, сдѣлался даже предметомъ особой защитительной брошюры, написанной іезуитами. Кромѣ школы, іезуиты дѣйствовали проповѣдью, публичными диспутами (часто поддѣльными), печатной пропагандой (первое польское іезуитское сочиненіе: Postylla catoliczna Вуйка 1575 г.) и т. п. До іезуитовъ почти вся польская печать была въ рукахъ нововѣровъ. Протестантскія сочиненія были численнѣе католическихъ: послѣднихъ передъ 1570 г. можно насчитать два-три десятка только, а въ 1572 г. протестантскихъ типографій было больше, чѣмъ католическихъ. Въ первой четверти XVII в. съ іезуитами въ развитіи литературной дѣятельности могли потягаться развѣ одни социніане, вообще не мало потрудившіеся на этомъ поприщѣ.

Но въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ долго еще было уваженіе къ свободѣ совѣсти, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ членамъ своего сословія. Варѳоломеевская ночь чуть-было не оттолкнула поляковъ отъ Франціи и вызвала противъ нея рядъ памфлетовъ. Знаменитый впослѣдствіи Янъ Замойскій, которому „лучше было не родиться, чѣмъ не быть католикомъ", и который „готовъ былъ отдать полъ-жизни, чтобы видѣть католиками другихъ", и тотъ былъ за свободу въ дѣлахъ вѣры и соглашался скорѣе умереть, чѣмъ потерпѣть, чтобы одинъ хоть полякъ насильно былъ вынужденъ принять католицизмъ". Въ 1573 г. шляхта даже заключила генеральную варшавскую конфедерацію, содержавшую въ себѣ „во избѣжаніе какого-либо междоусобія по причинѣ несогласія въ религіи" торжественное и клятвенное объявленіе подписавшихся, что они будутъ соблюдать религіозный миръ, не будутъ другъ друга преслѣдовать, а также не станутъ помогать въ этомъ никакой власти или ея органамъ и даже будутъ защищать преслѣдуемыхъ за вѣру. И первый іезуитскій покровитель изъ польскихъ королей, Стефанъ Баторій не былъ королемъ, какой былъ бы желателенъ крайнимъ представителямъ католической реакціи: онъ былъ противъ насильственнаго искорененія „ереси", котораго добивались іезуиты. Говорятъ, что

когда ему совѣтовали сдѣлать такъ, чтобы въ Польшѣ былъ одинъ законъ и одна религія, онъ отвѣчалъ, что его дѣло царствовать надъ народами, а не надъ религіозными убѣжденіями: „rex sum populorum, non conscientiarum“. Давъ присягу въ соблюденіи варшавской религіозной конфедераціи, онъ старался и на дѣлѣ оградить протестантовъ отъ начинавшихся насилій, хотя и косо смотрѣлъ на дальнѣйшіе успѣхи разновѣрства въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе его царствованіе (1575—1586) было временемъ, когда въ Польшѣ окончательно консолидировался іезуитскій католицизмъ. Въ Піотрковѣ въ 1577 году собралось польское духовенство и приняло тридентскія постановленія, которыхъ тринадцать лѣтъ не хотѣло принять. Это былъ отказъ польскаго клира отъ идеи національной церкви, это было объявленіе, что протестантизму уже уступокъ болѣе дѣлаться не будетъ. Піотрковскій синодъ протестовалъ и противъ варшавской конфедераціи и предалъ проклятію лицъ, признающихъ религіозную свободу. Все, что̀ только могло поддержать въ Польшѣ политическое значеніе и моральный авторитетъ клира, было одобрено, принято и утверждено на синодѣ 1577 г.: для Рѣчи Посполитой онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ тридентскій соборъ для остальной Европы. Съ другой стороны, іезуиты продолжали воспитывать польское юношество въ духѣ повиновенія католической церкви. Сами разновѣрцы начинали уже бояться усиленія „неизвѣстной доселѣ секты іезуитовъ“, исподтишка и исподоволь опутывавшей польское общество. Понятно, что іезуиты не могли оставить въ покоѣ и самого Стефана Баторія: они ему твердили, что воспитываютъ молодежь въ духѣ преданности монархіи и порядку. Знаменитый проповѣднимъ Петръ Скарга, уже іезуитъ изъ поляковъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, выступающимъ около этого времени на сцену, въ своихъ проповѣдяхъ отстаивалъ идею прочной королевской власти и громилъ земскихъ пословъ, проводившихъ теорію шляхетской вольности. Сигизмундъ III (1587—1632), самъ воспитанникъ іезуитовъ (знаменитаго Поссевино), и во внутренней, и во внѣшней политикѣ стоялъ въ рядахъ католической реакціи, окруживъ себя іезуитами, перенесши столицу въ правовѣрную Варшаву, сдѣлавъ изъ нея такую же опору католицизма, какою на другомъ концѣ Европы былъ Мадридъ. Въ началѣ XVII в. реакція была въ полномъ разгарѣ: въ городахъ у диссидентовъ отбирали или разрушали церкви, лишали разновѣрцевъ должностей, наносили имъ публичныя оскорбленія, и въ то время, какъ все уменьшалось число протестантовъ отъ переходовъ въ католицизмъ, среди католиковъ развивалась нетерпимость и т. д. Въ 1617 г. въ Краковѣ вводится Index librorum prohibitorum; въ 1618 установляется строгая цензура. Особенно много потерпѣли въ эту эпоху антитринитаріи, отвергнутые

другими диссидентами и изгнанные наконецъ изъ предѣловъ государства, чѣмъ создавался опасный прецедентъ и для прочихъ разновѣрцевъ. Это было „начало конца“, конца печальнаго для польскихъ протестантовъ, которые, не помѣшавъ удару, нанесенному одной „ереси“, укрѣпляли руку, имѣвшую поразить и другія. Съ одной стороны, антитринитаріи подвергались нападеніямъ, съ другой—дѣлались попытки законодательнымъ путемъ уничтожить эту форму иновѣрія въ Польшѣ. Въ 1627 г., напримѣръ, насиліе нафанатизированной толпы положило конецъ существованію люблинской социніанской общины; въ 1638 году социніанская столица, Раковъ, лишилась своей церкви, школы и типографіи; въ 1656 году три тысячи крестьянъ напали на Сандечъ, гдѣ разграбили и сожгли дома социніанъ и многихъ предали смерти; подобныя явленія были въ Чарковѣ и другихъ мѣстахъ. На сеймахъ 1632 и 1648 г. католики уже прямо заявляли, что готовы жить въ мирѣ со всѣми диссидентами, но только не съ тѣми, которые заблуждаются относительно св. Троицы, и потому требовали исключить ихъ изъ пользованія вѣротерпимостью: ихъ и оффиціально въ 1648 г. не хотятъ называть диссидентами, какъ это дѣлалось раньше, а называютъ прямо еретиками. Въ 1647 г. сеймъ приговорилъ къ сожженію социніанскую книгу „Confessio fidei christianae“ Шлихтинга, самого же автора, успѣвшаго бѣжать за границу,—къ безчестію и конфискаціи; особый сеймовый декретъ подъ страхомъ такого же наказанія запрещалъ печатать и распространять социніанскія книги. На сеймѣ 1658 г. духовенство потребовало примѣненія къ еретикамъ, „отнимающимъ у Сына Божія предвѣчность“, которые „начали распространяться съ недавняго времени“ (non a longis temporibus,—это послѣ столѣтней давности!),—стараго статута Ягеллы 1424 г., изгонявшаго изъ страны гуситовъ. Сеймовая конституція 1658 г. подъ страхомъ смертной казни запрещала исповѣданіе и распространеніе „ереси“, а упорнымъ, которые не желали бы перейти въ католицизмъ, давала трехлѣтній срокъ для распродажи своихъ имѣній и выселенія изъ предѣловъ государства. Сеймъ 1659 г. сократилъ на годъ прежній трехлѣтній срокъ. Этого добились іезуиты, зорко слѣдившіе вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы социніане отнюдь за это время не производили „оказательства“ своей ереси.

На чужбинѣ (преимущественно въ Голландіи) ученые социніане писали свои апологіи и мартирологи, предостерегая поляковъ отъ испанской инквизиціи и австрійскаго деспотизма. Впослѣдствіи идеи польскихъ социніанъ были отчасти усвоены англійскими деистами и нѣмецкими раціоналистами, но большинство изгнанныхъ и бѣжавшихъ изъ Польши сектантовъ денаціонализировалось весьма быстро и примкнуло къ протестантизму. А въ Польшѣ и остальнымъ дис-

сидентамъ пришлось плохо. Сеймъ 1669 г. подъ страхомъ смертной казни или изгнанія запретилъ отпаденіе отъ католицизма и постановилъ, что только католикъ можетъ быть польскимъ королемъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого одинъ случай показалъ, въ какомъ положеніи была тогда въ Польшѣ умственная свобода. Литовскій шляхтичъ Казиміръ Лещинскій, читая „Естественное богословіе" Генриха Альстеда, нашелъ, что его доказательства бытія Божія составлены весьма неумѣло и скорѣе могутъ достигнуть противоположной цѣли; въ насмѣшку надъ неостроумнымъ авторомъ онъ приписалъ на полѣ книги: „ergo non est Deus". На него донесли, какъ на безбожника, и познанскій епископъ привлекъ его къ суду. Ни шляхетская вольность, ни заступничество короля Яна Собѣскаго, ни покорное подчиненіе подсудимаго епископамъ не могли его спасти: сеймъ приговорилъ его къ экстирпаціи языка и сожженію на кострѣ. Антидиссидентскія постановленія слѣдовали одно за другимъ, все болѣе и болѣе ограничивая права не-католиковъ: при переходѣ въ XVIII в. реакція была совершенной побѣдительницей. Въ 1696 г. въ pacta conventa Августа II вносится запрещеніе вводить въ сенатъ и принимать на важныя должности вообще не-католиковъ. Въ 1716 г. шляхтѣ запрещается строить протестантскія церкви въ своихъ имѣніяхъ, а во время домашняго богослуженія не дозволялись ни пѣніе, ни проповѣдь. Исключались изъ этого правила посланники иноземныхъ государей, но на богослуженіи въ ихъ жилищахъ посторонніе лица не имѣли права присутствовать. Конституціей 1717 г. у протестантской шляхты отнято было право засѣдать въ посольской избѣ, въ коммиссіяхъ и въ трибуналахъ и составлять конфедераціи для своихъ религіозныхъ цѣлей. Единственный протестантскій членъ сейма 1717 г. Піотровскій былъ исключенъ изъ числа земскихъ пословъ по настоянію одного посторонняго сейму каноника (Ancuta), автора вышедшей черезъ годъ книжки „Полное право католической религіи въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ".

Извѣстно, что умственная жизнь и свѣтская литература сильно пали въ Польшѣ XVII в. сравнительно съ XVI столѣтіемъ. На Рѣчь Посполитую въ эпоху католической реакціи мы имѣемъ право вообще смотрѣть, какъ на одинъ изъ лучшихъ примѣровъ того, какъ гибельно отзывалась эта реакція на всѣхъ проявленіяхъ исторической жизни въ странахъ, имѣвшихъ несчастье подчиниться въ умственномъ отношеніи іезуитамъ. Только новыя культурныя вѣянія XVIII в. стали выводить Польшу изъ застоя, созданнаго въ ней реакціей.

XXIV. Католическая политика, Филиппъ II и Елизавета Англійская [1]).

Общій взглядъ на эпоху международной борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ.—Смыслъ этой борьбы въ культурной исторіи Европы.—Габсбурги и Франція.—Католическая политика и роль въ ней Испаніи.—Отношеніе между папствомъ, іезуитами и Филиппомъ II.—Испанскій католицизмъ.—Силы Испаніи.—Испанская инквизиція.—Личный характеръ Филиппа II.—Филиппъ II и Англія.—Отношенія между Англіей, Шотландіей, Франціей и Испаніей при Елизаветѣ и Филиппѣ II.—Казнь Маріи Стюартъ и непобѣдимая армада.—Неудачи Филиппа II въ концѣ его царствованія.—Упадокъ Испаніи.

Католическая реакція дѣйствовала не только литературной полемикой съ протестантами или тѣми педагогическими и дипломатическими средствами, которыми такъ хорошо въ ея цѣляхъ пользовались іезуиты, не только жгла людей и книги въ отдѣльныхъ католическихъ странахъ и добивалась въ нихъ изданія законовъ, запрещавшихъ самое существованіе „еретиковъ", но располагала еще и силами католическихъ государствъ и международныхъ союзовъ, заключавшихся для вооруженной борьбы съ протестантизмомъ во всей Европѣ. За непродолжительными и, въ сущности, имѣвшими мѣстный характеръ религіозными междоусобіями въ Швейцаріи и Германіи въ первой половинѣ XVI в. *наступаетъ эпоха страшныхъ религіозныхъ войнъ, получившихъ международный характеръ,—эпоха, охватывающая собою цѣлое столѣтіе* и распадающаяся на „вѣкъ" Филиппа II Испанскаго, главнаго дѣятеля международной реакціи во второй половинѣ XVI столѣтія, и на времена тридцатилѣтней войны въ первой половинѣ XVII вѣка. Едва окончилась шмалькальденская война и заключенъ былъ аугсбургскій религіозный миръ, признавшій за лютеранизмомъ право на существованіе въ Германіи (1555), едва окончилась со смертью Маріи Тюдоръ (1558) католическая реакція въ Англіи и въ этой странѣ сталъ утверждаться англиканизмъ, едва

[1]) *Прескоттъ*. Исторія царствованія Филиппа II.—*Ranke*. Die Osmanen und die spanische Monarchie im XVI und XVII Jahrhundert. — *Philippson*. Westeuropa im Zeitalter von Philipp II.— *Weisz*. L'Espagne depuis Philippe II jusqu'à l'avénement des Bourbons.—*Forneron*. Histoire de Philippe II.—*Morel-Fatio*. L'Espagne au XVI et au XVII siècles.—*Brix*. Geschichte der spanischen Armee.—*Circourt*. Histoire des morisques.—*Ranke*. Don Carlos.—*Gachard*. Don Carlos et Philippe II —*De-Mouy*. Don Carlos et Philippe II.—*Maurenbrecher*. Don Carlos. — *M. Büdinger*. Don Carlos' Haft und Tod. Соч. по исторіи реформаціи въ Испаніи указаны выше. Кромѣ того см. ниже сочиненія по исторіи нидерландской революціи, а также указанныя раньше соч. по исторіи Англіи при Елизаветѣ. Къ послѣднимъ нужно еще прибавить *Kretzschmer*. Die invasionsprojecte der katholischen Mächte gegen England zur Zeit Elisabeths.

религіозно-политическая революція (1559) ввела кальвинизмъ въ Шотландіи, какъ начинаются религіозныя войны во Франціи, а затѣмъ возстаніе Нидерландовъ противъ Филиппа II. Католики отдѣльныхъ странъ протягиваютъ другъ другу руку, возлагая свои надежды и въ Шотландіи, и въ Англіи, и во Франціи на могущественную Испанію. Ея фанатическій и деспотическій король становится во главѣ международной реакціи, пользуясь не только собственными средствами, какія доставляла ему громадная монархія, но и поддержкою католическихъ партій въ отдѣльныхъ странахъ, и всякаго рода помощью папскаго престола, на которомъ сидѣли теперь фанатики реакціи. Конечно, это заставляло и протестантовъ разныхъ государствъ сближаться между собою: кальвинисты въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ и англійскіе протестанты считали свое дѣло общимъ. Современница Филиппа II на англійскомъ престолѣ, королева Елизавета, которую папа объявилъ незаконнорожденною, права которой на корону оспаривали въ пользу Маріи Стюартъ, и противъ которой составлялись католическіе заговоры въ самой Англіи, сама была всѣмъ этимъ вынуждена оказывать содѣйствіе протестантамъ въ Шотландіи, въ Нидерландахъ, во Франціи. Реакціоннымъ попыткамъ Филиппа II былъ данъ отпоръ. Въ 1588 г. потерпѣла крушеніе его „непобѣдимая армада", посланная на завоеваніе Англіи; въ 1589 г. во Франціи вступилъ на престолъ Генрихъ IV, умиротворившій страну послѣ внутренней смуты и въ одномъ и томъ же году (1598) давшій свободу вѣроисповѣданія протестантамъ и заключившій миръ съ Испаніей, которая вмѣшалась-было въ религіозную войну во Франціи; наконецъ, и Нидерланды успѣшно вели борьбу съ Филиппомъ II и вскорѣ послѣ его смерти принудили его преемника заключить перемиріе. Но едва окончились эти войны, раздиравшія крайній западъ Европы, какъ въ другой ея части начала готовиться новая религіозная борьба. Генрихъ IV, еще въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. предлагавшій Елизаветѣ Англійской устройство общаго протестантскаго союза, мечталъ о немъ и въ концѣ своей жизни, обративъ теперь взоры на Германію, гдѣ раздоры между католиками и протестантами грозили уже междоусобіемъ. Только насильственная смерть отъ руки католическаго фанатика (1610) положила конецъ его планамъ относительно новой борьбы. Въ это время только-что (1609) въ силу перемирія, заключеннаго на двѣнадцать лѣтъ, прекратилась война между католической Испаніей и протестантской Голландіей, чтобы въ скоромъ времени возобновиться опять, а въ Германіи уже заключались протестантская унія (1608) и католическая лига (1609), которымъ черезъ десять лѣтъ послѣ того пришлось вступить между собою въ вооруженную борьбу. Послѣднее случилось

какъ-разъ въ то время, какъ снова начались враждебныя дѣйствія между Испаніей и Голландіей, во Франціи гугеноты произвели новое возстаніе, а на сѣверо-востокѣ шла война между протестантской Швеціей и католической Польшей. Польскій король Сигизмундъ III изъ шведской династіи Ваза, лишившійся вслѣдствіе своей приверженности шведской короны, оспаривалъ послѣднюю у дяди своего Карла IX и двоюроднаго брата Густава-Адольфа, помышляя о реставраціи католицизма въ Швеціи.

Такимъ образомъ *въ международной политикѣ второй половины XVI и первой половины XVII вѣка мы видимъ раздѣленіе европейскихъ государствъ на два вѣроисповѣдныхъ лагеря.* Изъ нихъ и бо̀льшею сплоченностью, и болѣе аггрессивнымъ характеромъ отличался лагерь католическій, во главѣ котораго стояли Габсбурги, сначала испанскіе (во времена Филиппа II), потомъ австрійскіе (въ тридцатилѣтней войнѣ). Если бы въ XVI в. Филиппу II удалось сломить сопротивленіе Нидерландовъ, пріобрѣсти Францію для своего дома, а Англію съ Шотландіей превратить въ одну католическую Британію, если бы въ XVII вѣкѣ осуществились стремленія императоровъ Фердинанда II и Фердинанда III подавить протестантизмъ въ центрѣ Европы, а Сигизмундъ III справился съ Швеціей и съ Москвою и употребилъ часть тѣхъ силъ, какія дѣйствовали въ Россіи въ такъ называемое смутное время, для борьбы на западѣ Европы въ интересахъ католицизма,—побѣда реакціи была бы полною. Но и у протестантизма явились защитники въ лицѣ такихъ государей и политическихъ дѣятелей, какъ Елизавета, Вильгельмъ Оранскій, Генрихъ IV и Густавъ-Адольфъ, и въ лицѣ цѣлыхъ народовъ, *національной независимости которыхъ грозила католическая реакція.* Дѣйствительно, борьба принимала такой характеръ, что и Шотландіи въ царствованіе Маріи Стюартъ, и Англіи при Елизаветѣ, и Нидерландамъ при Вильгельмѣ Оранскомъ, и Швеціи при Карлѣ IX и Густавѣ-Адольфѣ приходилось отстаивать свою независимость, тогда какъ *въ католическомъ лагерѣ господствовало стремленіе къ политической гегемоніи надъ Европой,* бывшее у Габсбурговъ наслѣдіемъ средневѣковой имперіи, на возстановленіе которой столько было положено труда Карломъ V. Такимъ образомъ католицизмъ, соединявшійся въ габсбургскихъ владѣніяхъ съ подавленіемъ духовной и политической свободы, стремился въ международной политикѣ къ подавленію національной независимости, и, наоборотъ, протестантизмъ, содѣйствовавшій въ такихъ государствахъ, какъ Голландія и Англія, культурному развитію и политической свободѣ, связывалъ свое дѣло съ дѣломъ національной независимости. Вотъ почему можно сказать, что съ точки зрѣнія современнаго историка, изучающаго общую эволюцію куль-

турно-соціальныхъ направленій, *международная борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ была и борьбою между культурной реакціей, абсолютизмомъ и порабощеніемъ національностей, съ одной стороны, и культурнымъ развитіемъ, политической свободой и національною независимостью, съ другой.* Конечно, при болѣе детальномъ изученіи всѣхъ войнъ той эпохи и даже при поверхностномъ знакомствѣ съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности мы обнаруживаемъ и иныя причины ихъ происхожденія. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ сами по себѣ могли дѣйствовать даже сильнѣе, чѣмъ религіозный интересъ, но всѣ эти причины (династическія, національныя, политическія, экономическія и т. п.) не имѣли такой принципіальной связи между собою, какую обнаруживали на протяженіи столѣтія и въ разныхъ странахъ всѣ эти попытки искорененія протестантизма.

Мы уже говорили, что главными дѣятелями международной реакціи были испанскіе и австрійскіе Габсбурги, наслѣдовавшіе отъ Карла V его обширныя владѣнія, его стремленіе къ гегемоніи въ Европѣ, его политическую связь съ католицизмомъ, но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ соперничество съ Франціей. *Династическое соперничество Габсбурговъ съ Валуа, а впослѣдствіи и съ Бурбонами, выразившееся въ первой половинѣ XVI вѣка въ войнахъ Карла V и Франциска I, было факторомъ, усложнявшимъ международныя отношенія католицизма и протестантизма.* Габсбурги и Франція находились въ противоположныхъ лагеряхъ, когда во Франціи политическія соображенія брали перевѣсъ надъ интересами католицизма. Могущество Габсбурговъ грозило политическому равновѣсію: съ Франциска I и Генриха II, которые вступали въ сношенія съ протестантскими князьями Германіи противъ Карла V, до открытаго участія Франціи въ тридцатилѣтней войнѣ въ союзѣ съ протестантами, т.-е. въ теченіе цѣлаго вѣка мы наблюдаемъ антигабсбургскую тенденцію французской политики, по необходимости дѣлавшуюся протестантскою, за исключеніемъ моментовъ господства во Франціи реакціоннаго направленія. Конечно, для Испаніи было особенно важно поддержать во Франціи католическую реакцію, чѣмъ и объясняется испанское вмѣшательство въ религіозныя войны, происходившія во Франціи. Своею антигабсбургскою политикою Франція одна изъ первыхъ эманципировала международныя отношенія отъ вѣроисповѣднаго характера, который имъ навязывала борьба католицизма съ протестантизмомъ. Впрочемъ, отдѣльные факты такого рода представляетъ намъ и политика самого Филиппа II: и онъ, напримѣръ, противодѣйствовалъ французскому католическому вліянію въ Шотландіи, когда послѣдняя дѣлалась протестантскою, что̀ равнымъ образомъ указываетъ на небезуслов-

ность политическихъ комбинацій, основанныхъ на вѣроисповѣдныхъ началахъ.

На службѣ у католической реакціи обезсилили себя всѣ державы, которыя дѣйствовали въ ея интересахъ на поприщѣ международной политики. Ранѣе всего это почувствовала на себѣ Испанская монархія при Филиппѣ II, обширныя предпріятія котораго, связанныя съ задачами католической реакціи въ разныхъ странахъ, въ соединеніи съ внутреннимъ духовнымъ и политическимъ гнетомъ привели государство къ упадку. Во время тридцатилѣтней войны точно такъ же нанесла и себѣ, и всей Германіи ударъ Австрія, какъ въ XVIII в. погубила себя и Польша своею связью съ католической реакціей. Послѣ тридцатилѣтней войны, т.-е. во второй половинѣ XVII в. наслѣдіе габсбургской политики переходитъ къ Франціи, которая съ крайнимъ абсолютизмомъ и католической реакціей внутри соединяла тогда стремленіе къ европейской гегемоніи. Такимъ образомъ *католическая политика представляла изъ себя цѣлую систему подавленія всякой свободы*—политической, религіозной, національной, а на службѣ у этой политики были въ разное время разныя государства. Наоборотъ, *протестантизмъ при столкновеніи съ этой системой защищалъ свободу*, какъ это случилось и во второй половинѣ XVII в., когда противъ Людовика XIV боролись протестантскія Голландія и Англія, своею второю революціей утвердившая у себя и политическую свободу, и свободу религіозную. Мы сдѣлали бы, однако, ошибку, если бы приписали возникновеніе этой системы только второй половинѣ XVI в. вообще и Филиппу II въ частности: настоящимъ ея родоначальникомъ былъ все-таки Карлъ V съ его представленіемъ государства, какъ абсолютной монархіи, опирающейся на католическую церковь и не знающей національныхъ различій, а элементами, изъ которыхъ складывалось такое представленіе, были и политическое ученіе Макіавелли, столь популярное у государей XVI в., и религіозно-политическій деспотизмъ съ инквизиціей въ роли государственнаго орудія, установившійся въ Испаніи еще при дѣдѣ и бабкѣ Карла V, и сама средневѣковая идея космополитической Священной Римской имперіи. Филиппъ II только продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего отца, съ бо̀льшимъ, пожалуй, фанатизмомъ и въ болѣе опредѣленныхъ видахъ католической реакціи, едва только начинавшейся при его отцѣ. Вообще во второй половинѣ XVI в. католическая политика становится болѣе фанатичной, и наступленіе католической реакціи дѣлаетъ ея вѣроисповѣдный характеръ болѣе интензивнымъ.

Какъ мы уже видѣли, папство измѣнило свою политику и искало союза съ католическими государями. Во второй половинѣ XVI в. наиболѣе желаннымъ для нихъ союзникомъ былъ именно Филиппъ II.

Хотя онъ и не любилъ чужого, даже папскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи, и протестовалъ противъ буллы Пія V (1566—1572) In coena Domini, подвергавшей анаѳемѣ нарушителей папскихъ правъ, тѣмъ не менѣе папы всячески ему помогали. Безусловное подчиненіе папства политикѣ Филиппа II началось еще при Піи IV. Пій V одобрялъ мѣры Филиппа II въ Нидерландахъ; а Григорій XIII посылалъ ему деньги для войны съ Англіей и Нидерландами; то же дѣлалъ и Григорій XIV, употребивъ на это большія средства, собранныя его предшественникомъ Сикстомъ V. Впрочемъ, тѣ же папы, которые помогали испанскому королю, посылали деньги и католической партіи во Франціи въ періодъ религіозныхъ войнъ. Дѣло въ томъ, что въ куріи существовала, кромѣ испанской, и французская партія. Избранный этою партіей Климентъ VIII даже искалъ себѣ опоры во врагѣ Филиппа II, Генрихѣ IV, когда послѣдній принялъ католицизмъ. Общей политикой папства было поддерживать равновѣсіе между католическими державами, такъ что имъ было крайне непріятно соперничество между Испаніей и Франціей, мѣшавшее совокупному дѣйствію обѣихъ державъ въ борьбѣ съ протестантами, хотя это же соперничество охраняло курію отъ окончательнаго порабощенія Испаніей. Іезуиты также оказывали большую помощь Филиппу II, несмотря на то, что онъ сначала относился къ нимъ недружелюбно. При помощи іезуитовъ онъ овладѣлъ, напримѣръ, Португаліей (1580); они содѣйствовали ему и въ его попыткахъ овладѣть Франціей и были ревностными его помощниками въ подавленіи Нидерландовъ и борьбѣ съ Англіей; наконецъ, они сильно способствовали искорененію протестантизма и поддержкѣ католицизма въ той части Нидерландовъ, которая осталась вѣрной Габсбургамъ. Первые генералы ордена были притомъ испанцы. Когда въ генералы были выбраны сначала одинъ нидерландецъ (Меркуріанъ), а затѣмъ неаполитанецъ Клавдій Аквавива (1582—1615), испанскіе іезуиты были этимъ крайне недовольны. Филиппъ II и доминиканская инквизиція, имѣя на своей сторонѣ и папу Климента VIII, соединились съ ними противъ этого деспотическаго генерала; но дѣло кончилось тѣмъ, что Аквавива, одолѣвшій своихъ противниковъ, прямо перешелъ отъ испанскаго союза къ дружбѣ съ Франціей. Такимъ образомъ и курія, и іезуиты только въ концѣ его царствованія охладѣли къ чисто испанскимъ интересамъ.

Въ общей исторіи Европы на долю отдѣльныхъ народовъ выпадала далеко не одинаковая роль. Въ той реакціонно-католической политикѣ, общій очеркъ которой намъ нужно было предпослать болѣе подробному разсмотрѣнію религіозныхъ войнъ во второй половинѣ XVI в., первенствующею державою была Испанія. Можно сказать,

что въ Испаніи и нація, и король прямо были созданы для того, чтобы играть эту реакціонную роль. Испанія XVI столѣтія въ культурномъ отношеніи жила еще совершенно въ среднихъ вѣкахъ: католицизмъ господствовалъ здѣсь такъ же безраздѣльно, какъ въ остальной Европѣ развѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Извѣстно, что испанская нація въ теченіе цѣлыхъ семи вѣковъ боролась съ мусульманами, отвоевывая у нихъ каждую пядь земли, совершенно отождествивъ свое національное существованіе съ принадлежностью къ католической церкви. Сама церковь продолжала здѣсь быть воинствующею, дѣлая одно дѣло съ націей, религіозный энтузіазмъ которой доходилъ до настоящаго фанатизма. Эта-то нація и дала Европѣ орденъ іезуитовъ, дала Филиппа II. Въ XVI вѣкѣ католическій фанатизмъ соединился здѣсь съ крайнимъ политическимъ деспотизмомъ. Королевскому абсолютизму начало было положено еще Фердинандомъ Арагонскимъ и Изабеллой Кастильской. Уже при нихъ въ концѣ XV вѣка однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для подавленія свободы въ странѣ сдѣлалась знаменитая испанская инквизиція, послужившая въ сороковыхъ годахъ XVI в. образцомъ для организаціи центральнаго инквизиціоннаго судилища и въ Римѣ: это учрежденіе было въ Испаніи не только судомъ по дѣламъ ереси, но и по дѣламъ политическаго характера, орудіемъ утверждавшагося абсолютизма. И Карлъ V особенно хлопоталъ о водвореніи абсолютизма въ Испаніи, оставивъ безъ измѣненія тѣ политическія формы, какія нашелъ при своемъ вступленіи на престолъ въ Нидерландахъ и въ Германіи. Но этотъ государь не былъ еще такъ тѣсно связанъ съ испанскимъ народомъ, какъ его сынъ, который почти съ самаго начала своего царствованія (1559 г.) не покидалъ Испаніи, бывшей при томъ его родиной. Карлъ V передалъ Филиппу II власть вполнѣ уже упроченною, и новый король могъ пользоваться самымъ широкимъ произволомъ, опираясь на инквизицію. Духовенство въ испанскихъ владѣніяхъ было ему подчинено, но онъ хотѣлъ еще владычествовать и надъ самимъ папствомъ. Фанатизмъ, характеризующій всю его политику, отнюдь не доводилъ его до какихъ бы то ни было уступокъ папамъ; упомянутая выше булла In coena Domini была имъ запрещена во всѣхъ испанскихъ владѣніяхъ, несмотря на угрозы папы по адресу Филиппа II. Фанатическій народъ и деспотическій государь были какъ бы предназначены именно къ тому, чтобы выступить въ качествѣ реакціонной силы въ международной политикѣ.

Отъ своего отца Филиппъ II получилъ, кромѣ Испаніи, итальянскія владѣнія (Сицилію, Неаполь, Миланъ), Бургундію, Нидерланды и богатыя американскія колоніи. Это обширное государство въ одной

Европѣ имѣло около 20 милліоновъ жителей, тогда какъ во Франціи было лишь около 10 милліоновъ, а въ Англіи около 5 милліоновъ. У него были громадныя средства, лучшая въ то время армія, самые искусные полководцы, первый въ мірѣ флотъ (нанесшій при Филиппѣ II въ 1571 г. пораженіе туркамъ при Лепанто). Все это само по себѣ и безъ той помощи, которую оказывали испанской политикѣ папство, іезуиты, католики разныхъ странъ, давало перевѣсъ Испаніи надъ ея политическими противниками и позволяло ея королю, увеличившему свои владѣнія присоединеніемъ Португаліи, мечтать о гегемоніи въ Европѣ. Съ такими средствами Филиппъ II, унаслѣдовавшій государственную идею своего отца, могъ дѣйствительно помышлять и о полномъ объединеніи своихъ владѣній, и о подчиненіи своей политикѣ остальной Европы, и о томъ, чтобы, истребивъ ересь въ своемъ государствѣ, утвердить господство католицизма и въ другихъ странахъ.

Въ Испаніи подавленіе „ереси" не представляло большихъ затрудненій. И самихъ еретиковъ мало было въ Испаніи, и народъ сочувствовалъ казнямъ (auto da fe) „еретиковъ". Инквизиція, захватывавшая для допросовъ гораздо болѣе людей, чѣмъ нужно было для охраны чистоты католической вѣры, находилась въ полной зависимости отъ короля и дѣйствовала въ королевскихъ интересахъ. Члены инквизиціоннаго трибунала назначались монархомъ, имѣвія осужденныхъ конфисковались. Кромѣ ереси, былъ еще другой грѣхъ, за который можно было попасть въ руки инквизиторовъ,—тайная склонность къ мусульманству; тотъ, кого въ этомъ заподозрѣвали, долженъ былъ доказывать, что четыре поколѣнія его предковъ были чистыми испанцами, т.-е. никто изъ нихъ не вступалъ въ браки съ маврами или морисками, насильно обращенными въ христіанство при Фердинандѣ Католикѣ и Изабеллѣ Кастильской, но остававшимися всегда въ сильномъ подозрѣніи у правительства и инквизиціи. Общія гоненія на морисковъ, усмиреніе ихъ возстанія, вызваннаго этими гоненіями, и послѣдовавшее затѣмъ жестокое изгнаніе этого народца свидѣтельствуютъ также о томъ, на что̀ былъ способенъ испанскій фанатическій деспотизмъ.

Что касается до протестантизма, то среди образованныхъ классовъ испанскаго общества онъ нашелъ нѣкоторое количество приверженцевъ. Уже сама связь, установившаяся между Испаніей и Германіей съ избраніемъ Карла въ императоры, содѣйствовала распространенію въ Испаніи сочиненій Лютера. Въ серединѣ XVI в. здѣсь существовали уже тайныя протестантскія общины въ Севильѣ, Вальядолидѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ 1558 г. властями было открыто случайно одно изъ такихъ протестантскихъ сообществъ. Инквизиція

тотчасъ же произвела массу арестовъ, и Карлъ V, бывшій тогда еще въ живыхъ, потребовалъ самаго строгаго наказанія виновнымъ. Сожженіе осужденныхъ инквизиціей еретиковъ происходило въ присутствіи Филиппа II, его побочнаго брата Дона-Жуана Австрійскаго и сына Дона-Карлоса. При этомъ король вынулъ мечъ и поклялся защищать инквизицію, ея слугъ и ея рѣшенія, прибавивъ, что „если бы и его сынъ впалъ въ ересь, онъ самъ принесъ бы дровъ на костеръ, чтобы его сжечь“. Даже примасъ испанскій, архіепископъ толедскій Варѳоломей Карранза, на рукахъ котораго скончался Карлъ V, былъ арестованъ (1559) за склонность къ лютеранству, и только папское заступничество спасло его отъ костра. Такими энергичными мѣрами въ самомъ же началѣ своего царствованія Филиппъ II сразу очистилъ Испанію отъ „еретиковъ“. Отдѣльныя жертвы были, впрочемъ, и въ слѣдующіе годы.

По своему мрачному фанатизму и по другимъ своимъ свойствамъ Филиппъ II какъ нельзя болѣе годился для той роли, которую ему пришлось играть и по своимъ національнымъ и политическимъ традиціямъ. Холодный, сосредоточенный и сдержанный, неспособный къ непосредственнымъ порывамъ и недоступный никакому мягкому чувству, нелюдимый, надменный и напыщенный, онъ былъ настоящимъ мизантропомъ. Поэтому онъ никогда и никому не внушалъ къ себѣ расположенія: когда въ 1548 г. онъ предпринялъ по желанію отца путешествіе по Европѣ, то „весьма мало понравился итальянцамъ, возбудилъ отвращеніе къ себѣ во фламандцахъ и ненависть въ нѣмцахъ“, какъ сказано было въ одномъ дипломатическомъ донесеніи. Все безсердечіе Филиппа II особенно проявилось въ трагической судьбѣ его старшаго сына Дона-Карлоса, столь неосновательно идеализированнаго Шиллеромъ. Болѣзненный и взбалмошный, малоспособный, но уже обнаруживавшій задатки жестокости, инфантъ жилъ не въ ладахъ съ отцомъ, который боялся съ своей стороны, что его наслѣдникъ окажется неспособнымъ продолжать исполненіе его политическихъ и церковныхъ плановъ. Однажды принцъ признался своему духовнику въ злоумышленіи на жизнь отца. Узнавъ объ этомъ, Филиппъ II въ ночь на 20 января 1568 г. лично арестовалъ сына и холодно отвѣчалъ на его дикія ругательства, что теперь будетъ обращаться съ нимъ не какъ отецъ, а какъ король. Черезъ полгода послѣ этого Донъ-Карлосъ умеръ въ тюрьмѣ, доведенный до полнаго отчаянія своимъ отцомъ, который не сдавался ни на какія мольбы несчастнаго. Извѣстно, что онъ рѣшилъ себя уморить сначала голодомъ, но потомъ неумѣренно набросился на пищу и ледяное питье, что̀ и было, кажется, причиною его предсмертной болѣзни. Съ мрачною жестокостью Филиппъ II соединялъ страшное упорство въ достиженіи своихъ цѣлей.

Онъ былъ лишенъ выдающихся способностей, у него не было ни умственной живости, ни любви къ знанію, но онъ все-таки отличался большимъ трудолюбіемъ, входилъ самъ во всѣ мелочи управленія, прекрасно зналъ, что̀ гдѣ дѣлается, и насквозь видѣлъ каждаго своего сановника или генерала. Поэтому онъ былъ весьма добросовѣстнымъ исполнителемъ, лишеннымъ какой бы то ни было творческой мысли: его политика была, въ сущности, политикой Карла V и вытекала изъ требованій, которыя ему, какъ католическому государю, предъявляла тогдашняя реакція. Весьма добросовѣстно исполняя предписанія церкви насчетъ молитвъ, посѣщенія мессы, постовъ, исповѣди, онъ не менѣе аккуратно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы и во всей Испаніи господствовало такое же строгое отношеніе къ религіи, и прибѣгалъ для поддержки католицизма и своего деспотизма къ шпіонству, интригамъ, тайнымъ убійствамъ и казнямъ. На свою роль въ европейской политикѣ онъ смотрѣлъ, какъ на выполненіе миссіи свыше, и не жалѣлъ средствъ для осуществленія своихъ плановъ. Съ этою цѣлью онъ широко пользовался и церковными доходами въ своемъ государствѣ къ неудовольствію папъ и клира, которые, однако, опасались слишкомъ итти съ нимъ въ разрѣзъ, видя въ Испаніи главную политическую силу реакціи. Можно положительно сказать, что Филиппъ II не только духовно убилъ, но и матеріально разорилъ Испанію своими предпріятіями, направленными къ подавленію протестантизма и утвержденію испанскаго владычества.

Филиппъ II дѣятельно вмѣшивался въ дѣла другихъ государствъ. Мы остановимся здѣсь пока на одномъ вмѣшательствѣ его въ дѣла Англіи и Шотландіи, такъ какъ о другихъ фактахъ подобнаго рода рѣчь будетъ итти при разсмотрѣніи исторіи другихъ странъ.

Отношенія Филиппа II къ Англіи начались еще, когда онъ былъ наслѣдникомъ испанскаго престола. Карлъ V, мечтавшій одно время о передачѣ своему сыну императорской короны, думалъ вознаградить себя за постигшую его въ этомъ дѣлѣ неудачу на счетъ Англіи, женивъ Филиппа на Маріи Тюдоръ, искавшей себѣ опоры въ той реакціи, которую она начала въ Англіи. Бракъ этотъ былъ бездѣтенъ, да и самъ Филиппъ не долго оставался въ Лондонѣ, а въ 1558 г. Марія умерла. На престолъ вступила Елизавета, и въ Англіи произошла реставрація англиканизма какъ-разъ въ то время, когда въ Испаніи подавлялась ересь страшными auto da fe. Въ царствованіе новой королевы Англія пришла во враждебное столкновеніе съ Испаніей. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, политическія обстоятельства принудили Елизавету сдѣлаться защитницей протестантизма не только у себя, но и въ другихъ государствахъ, а это, конечно, должно было особенно вооружить противъ нея всѣхъ вождей католической реакціи. Во-вторыхъ,

между Испаніей, сильной своимъ флотомъ, и Англіей, которая при Елизаветѣ тоже начинала морскую политику, возникло соперничество и на этомъ поприщѣ. Наконецъ, Елизавета отвергла руку Филиппа II, не желавшаго выпускать Англію изъ своей политической комбинаціи, и гордый испанецъ не могъ ей этого простить. Сначала Елизавета держала себя весьма примирительно по отношенію къ куріи, къ Испаніи и къ своимъ собственнымъ католическимъ подданнымъ. Она даже нерѣдко высказывалась въ католическомъ смыслѣ, манила католиковъ надеждой на свой бракъ съ однимъ изъ габсбургскихъ принцевъ, вовсе не думая на самомъ дѣлѣ накладывать на себя брачныя узы, и защищала англичанъ-католиковъ отъ нетерпимости англиканскихъ прелатовъ, по крайней мѣрѣ, относилась къ католикамъ терпимѣе, нежели къ пуританамъ, въ которыхъ ее пугалъ демократическій духъ. Политика требовала именно такого отношенія къ Испаніи и къ католицизму: съ одной стороны, Филиппъ II былъ единственнымъ союзникомъ Англіи противъ Франціи и Шотландіи, а съ другой—въ сѣверныхъ и западныхъ графствахъ Англіи, въ Уэльсѣ и Ирландіи было очень много католиковъ, съ которыми тоже приходилось считаться. Потому Елизавета съ большимъ искусствомъ лавировала въ началѣ своего царствованія между противоположными направленіями, остановившись внутри страны на англиканскомъ компромиссѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ и избѣгая рѣзкостей во внѣшней политикѣ. Главный совѣтникъ Елизаветы Вильямъ Сесиль, впослѣдствіи лордъ Бёрлей (Burghley), которому нѣкоторые новѣйшіе историки склонны приписывать всѣ главныя дѣянія царствованія Елизаветы во внѣшней политикѣ, склонялъ королеву къ болѣе рѣшительному протестантизму, желая сдѣлать изъ Англіи его оплотъ и руководящее государство во всей Европѣ. Еще ближе стоялъ къ протестантизму любимецъ королевы, графъ Лейстеръ, мечтавшій даже сдѣлаться ея супругомъ. Прежде всего заставили Елизавету оказать помощь сосѣднимъ протестантамъ шотландскія дѣла, когда Марія Стюартъ объявила себя королевой Англіи и Ирландіи, присоединивъ этотъ титулъ къ своему и своего мужа Франциска II титулу королей Франціи и Шотландіи. Благодаря поддержкѣ Елизаветы въ Шотландіи была ослаблена королевская власть и введенъ протестантизмъ (1560), а также расторгнутъ и ея союзъ съ Франціей. Но и послѣ этого Марія Стюартъ оставалась постоянной угрозой для Елизаветы. Будучи строгой католичкой, она вскорѣ послѣ своего второго брака вступила въ весьма дѣятельныя сношенія съ Филиппомъ II (около 1565 г.) и стала стремиться къ реставраціи католицизма въ Шотландіи и Англіи: ей уже представлялась будущая католическая Великобританія подъ ея абсолютною властью. Агентъ папы и фран-

цузскихъ дядей Маріи, герцоговъ Гизовъ, враговъ протестантизма, пьемонтецъ Давидъ Риччіо, сдѣлался въ качествѣ ея секретаря главнымъ ея посредникомъ въ сношеніяхъ съ Испаніей, съ куріей и съ Франціей, гдѣ уже разгорѣлась религіозная борьба. Между тѣмъ ей самой не удалось удержаться на престолѣ и пришлось искать спасенія отъ возмутившихся подданныхъ бѣгствомъ въ Англію (1568). Елизавета задержала ее навѣки у себя, стѣснивъ ея свободу настолько, чтобы вызвать къ себѣ съ ея стороны страстную ненависть, но не настолько, чтобы лишить ее всякой возможности составлять заговоры для своего освобожденія. Длинный рядъ такихъ заговоровъ открывается заговоромъ герцога Норфолька, желавшаго освободить Марію, жениться на ней и сдѣлаться королемъ сначала Шотландіи, а потомъ и Англіи. Марія Стюартъ съ самаго начала обращалась за помощью и къ Филиппу II, и къ французскому королю Карлу IX, но одинъ былъ занятъ войною съ маврами и подавленіемъ нидерландскаго возстанія, другой велъ войну съ своими протестантскими подданными. Испанія и Франція дали, однако, свое согласіе на предпріятіе Норфолька, надѣявшагося на болѣе дѣятельную помощь съ ихъ стороны и соединившаго свой честолюбивый планъ съ недовольствомъ англійскихъ католиковъ. Между тѣмъ отношенія Англіи и Испаніи сдѣлались весьма натянутыми: испанскіе корабли, везшіе деньги въ Нидерланды и зашедшіе въ англійскіе порты отъ пиратовъ, были задержаны по приказанію Елизаветы, а Испанія поступила такимъ же образомъ съ англійскими кораблями. Какъ-разъ въ это время заговоръ былъ открытъ, и оказалось, что въ числѣ его участниковъ были даже нѣкоторые ближайшіе совѣтники Елизаветы, склонявшіе ее къ мирнымъ переговорамъ съ Испаніей. Одновременно съ этимъ на сѣверѣ въ Англіи началось католическое возстаніе, въ которомъ участвовали мѣстная аристократія и народъ; толпы подъ знаменемъ распятаго Христа истребляли признаки протестантизма въ церквахъ и возстановляли католическій культъ (1569). Это возстаніе было уже подавлено, когда папа объявилъ, что онъ освобождаетъ подданныхъ Елизаветы отъ присяги, данной ими еретичкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ и Норфолькъ, сначала помилованный королевой, снова вступилъ въ переговоры съ куріей и Испаніей, давъ имъ обѣщаніе принять католицизмъ. Филиппъ II опасался въ это время брака Елизаветы съ французскимъ принцемъ, грозившаго соединеніемъ Франціи и Англіи противъ Испаніи, и обѣщалъ военную помощь заговору. Особенно нравилась тогда католикамъ мысль взять въ плѣнъ или даже убить Елизавету. Испанскій король самъ думалъ, что это было бы наиболѣе простое средство, и даже подвергалъ его обсужденію своихъ совѣтниковъ. Новый заговоръ былъ, однако, открытъ, и Норфолькъ теперь по-

платился за него головою (1572). Съ этого момента, когда во Франціи какъ-разъ свирѣпствовало междоусобіе и вскорѣ произошла варѳоломеевская ночь, а въ Нидерландахъ господствовалъ терроръ герцога Альбы, прежнія сносныя отношенія между Елизаветою и католическимъ міромъ сдѣлались совершенно невозможными. Послѣ подавленія перваго возстанія парламентъ объявилъ государственной измѣной нападеніе на законность королевы и государственнымъ преступленіемъ всякую попытку ниспровергнуть англиканскую церковь (1571). Католиковъ, продолжавшихъ свои заговоры, стали преслѣдовать весьма строго, но это только еще больше ихъ раздражало противъ Елизаветы и протестантизма. Такъ какъ всѣ свои надежды они попрежнему возлагали на Марію Стюартъ, то протестантскіе богословы, юристы и обѣ палаты парламента стали все громче и громче требовать преданія казни плѣнной шотландской королевы, какъ самаго опаснаго врага Англіи и епископальной церкви. Важно было и измѣненіе въ международномъ положеніи Англіи. Извѣстіе объ избіеніи французскихъ протестантовъ въ ночь св. Варѳоломея возбудило страшное негодованіе въ Англіи и Шотландіи. Принимая французскаго посла, Елизавета явилась на аудіенцію въ траурѣ и объявила послу, что въ этомъ дѣлѣ видитъ со стороны Франціи измѣну, и что она, иностранная королева, не можетъ полагаться на людей, подвинувшихъ своего государя на убійство собственныхъ подданныхъ. Потребность въ самооборонѣ подсказывала Елизаветѣ необходимость оказывать помощь континентальнымъ протестантамъ, боровшимся противъ католическихъ государей, тѣмъ болѣе, что и папа, и испанскій король возбуждали противъ нея ея католическихъ подданныхъ. Между прочимъ въ Ирландіи въ защиту католицизма то и дѣло подымались возстанія противъ англійскаго владычества. Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ былъ даже составленъ планъ основанія самостоятельнаго ирландскаго королевства съ побочнымъ братомъ Филиппа II, Дономъ-Жуаномъ Австрійскимъ во главѣ. Онъ былъ сдѣланъ около этого времени испанскимъ намѣстникомъ въ Нидерландахъ, и Марія Стюартъ предлагала ему свою руку и даже обѣщала шотландскій престолъ въ томъ случаѣ, если бы ея, тогда еще малолѣтній, сынъ Іаковъ VI не былъ достаточно ревностнымъ католикомъ. Филиппъ II въ то время еще не рѣшался на исполненіе такого плана, требовавшаго открытой войны съ Англіей, но его лондонскій посланникъ (Мендоза) былъ au courant всѣхъ католическихъ заговоровъ противъ Елизаветы. Въ этихъ заговорахъ стали участвовать и іезуиты, особенно послѣ того, какъ въ Дуэ, Реймсѣ и Римѣ были основаны католическія училища для подготовки насадителей католицизма въ Англіи. Для большинства англичанъ въ эту эпоху королева Елизавета

и установленная церковь сдѣлались какъ бы символами національной независимости, а протестантская политика королевы до извѣстной степени примиряла съ нею даже гонимыхъ ею пуританъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе разгоралась борьба, въ которой Испанія и Англія защищали стремленія и интересы двухъ враждебныхъ вѣроисповѣданій. Елизавета стала помогать во Франціи гугенотамъ, въ Нидерландахъ—гёзамъ, какъ назывались защитники національной, политической и религіозной свободы страны противъ деспотизма и фанатизма Филиппа II, а католики продолжали попрежнему составлять заговоры противъ Елизаветы. Между прочимъ они обратили снова свои взоры на Шотландію, послѣ того какъ Іаковъ VI, достигнувъ совершеннолѣтія (13 лѣтъ въ 1581 г.), отстранилъ регентство и приблизилъ къ себѣ тайнаго католика Обиньи, дѣйствовавшаго въ интересахъ папы и католическаго союза. Въ Шотландіи, по новому плану, должна была образоваться армія подъ начальствомъ одного изъ Гизовъ, главныхъ дѣятелей католической реакціи во Франціи, и отсюда вторгнуться въ Англію. Марія Стюартъ одобрила этотъ планъ. Заговоръ былъ, однако, открытъ, благодаря бдительности Вольсингэма (Walsingham), главнаго раскрывателя заговоровъ этой эпохи въ Англіи, державшаго на службѣ у себя массу агентовъ и шпіоновъ. Елизавета извѣстила кальвинистическихъ лордовъ Шотландіи о грозящей опасности, и тѣ захватили молодого короля, заставивъ Обиньи (графа Леннокса) бѣжать во Францію (1582). Въ слѣдующемъ году Іакову VI удалось освободиться отъ своихъ пресвитеріанскихъ опекуновъ; онъ окружилъ себя католическими лордами, друзьями своей матери, вошелъ въ сношенія съ Гизами и даже написалъ папѣ письмо, въ которомъ увѣрялъ „его святѣйшество" въ преданности и просилъ у него помощи противъ враговъ; виновники нападенія, сдѣланнаго на него въ предыдущемъ году, были казнены, имѣнія ихъ конфискованы. Англійскіе католики опять стали питать надежду на появленіе герцога Гиза съ испанскими и французскими войсками на корабляхъ кастильскаго флота, хотя Филиппъ II все еще не рѣшался дѣйствовать столь энергичнымъ образомъ. И этотъ новый планъ нападенія на Англію сдѣлался извѣстнымъ Елизаветѣ; испанскій посланникъ, посвященный во всѣ его подробности и сносившійся съ Маріей Стюартъ, былъ высланъ изъ Лондона, и дипломатическія сношенія между обоими государствами прервались. Для англичанъ это было какъ бы новымъ доказательствомъ того, что дѣло протестантизма должно быть ихъ національнымъ дѣломъ, и парламентъ объявилъ, что въ случаѣ насильственной смерти Елизаветы Марія Стюартъ и ея потомство будутъ лишены правъ престолонаслѣдія въ Англіи. Съ своей стороны Елизавета помогла

пресвитеріанскимъ лордамъ въ Шотландіи взять верхъ, а въ 1586 г. Іаковъ VI вынужденъ былъ даже заключить оборонительный союзъ съ Англіей. Незадолго передъ этимъ (1585) Елизавета оказала вооруженную помощь возставшимъ нидерландцамъ подъ предводительствомъ графа Лейстера, потомъ послала флотъ подъ начальствомъ Дрека (Drake) въ Вестъ-Индію.

Рѣшительная политика Елизаветы въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ нашла сильную поддержку въ націи и въ парламентѣ. Въ 1586 г. былъ открытъ новый планъ убіенія королевы. Главными его участниками были нѣкто Севеджъ, видѣвшій въ этомъ убійствѣ по внушенію реймской католической семинаріи богоугодное дѣло, и дворянинъ Бабингтонъ, и о немъ знала Марія Стюартъ. Вольсингэмъ сумѣлъ перехватывать ея переписку съ Бабингтономъ. На этотъ разъ сама Марія Стюартъ сложила голову на плахѣ (1587).

Это были годы наибольшаго ожесточенія въ борьбѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ: въ Нидерландахъ послѣ формальнаго отложенія одной ихъ части отъ испанской монархіи (1581) и послѣ убіенія (1584) главнаго защитника ихъ свободы, Вильгельма Оранскаго, велась попрежнему война, во Франціи свирѣпствовало междоусобіе, превратившееся въ такъ называемую „войну трехъ Генриховъ“ (1588—1589), и временно торжествовала католическая лига. Внутреннія смуты во Франціи, относившейся къ Филиппу II враждебно, развязывали ему руки для того, чтобы, не боясь союза Англіи съ Франціей, отомстить Елизаветѣ за все, что только могъ ей онъ поставить въ вину, за помощь, оказанную ею Нидерландамъ, за смерть Маріи Стюартъ, главной надежды англійскихъ и шотландскихъ католиковъ. Теперь Филиппъ II счелъ время удобнымъ для того, чтобы привести въ исполненіе уже давно существовавшій планъ завоеванія Англіи для возвращенія ея католицизму. Онъ не смотрѣлъ на то, что нидерландское возстаніе не было еще подавлено, и что армія, которая сражалась противъ мятежниковъ, не могла быть поэтому употреблена въ дѣло, хотя многіе совѣтовали ему подождать, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда его войско и флотъ лучше утвердятся въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ возставшихъ Нидерландовъ. Къ лѣту 1588 г. былъ готовъ громадный флотъ изъ 130 кораблей съ 30 тысячами людей, чтобы двинуться на Англію и соединиться съ такимъ же войскомъ изъ Нидерландовъ. Успѣху этой „непобѣдимой армады“ должно было, повидимому, содѣйствовать и общее положеніе дѣлъ въ Европѣ: во Франціи торжествовали Гизы и католическая лига, послушные союзники Филиппа II; Нидерланды, за исключеніемъ трехъ-четырехъ прибрежныхъ провинцій, были тогда подъ его властью; въ Германіи усиливалась католическая реакція,

поддерживаемая императоромъ Рудольфомъ II; папа Сикстъ V, объявившій Елизавету лишенною покровительства законовъ и поручившій Филиппу II приведеніе въ исполненіе надъ нею приговора, оказалъ ему значительную денежную помощь. Успѣхъ въ Португаліи, которую Филиппъ II подчинилъ себѣ незадолго передъ тѣмъ, еще болѣе окрылялъ его надежды. Казалось, что Англія была на краю гибели, тѣмъ болѣе, что испанскій король сумѣлъ до поры до времени отклонить подозрѣнія Елизаветы переговорами, но и здѣсь, какъ въ Нидерландахъ, онъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны народа, рѣшившагося защищать свою свободу до послѣдней крайности. Елизавета тоже проявила въ эту трудную годину настоящее величіе духа. Наскоро англичане составили ополченіе, укрѣпили берега, вооружили на частныя и общественныя пожертвованія около 160 небольшихъ, но болѣе подвижныхъ, чѣмъ испанскіе колоссы, кораблей. При помощи бурь этотъ флотъ весьма скоро сокрушилъ „непобѣдимую армаду", изъ которой лишь 30 кораблей вернулись подъ начальствомъ герцога Медины-Сидоніи въ Испанію. Собственно говоря, въ этой экспедиціи Филиппъ II поставилъ на карту все свое военное могущество: *это былъ рѣшительный моментъ въ исторіи Западной Европы, такъ какъ гибель „непобѣдимой армады" была ударомъ для папской политики, стремившейся къ національному, политическому и религіозному порабощенію Западной Европы*. Пораженіе „непобѣдимой армады" благопріятно было и для англійской свободы, которой суждено было впослѣдствіи получить міровое значеніе, и для независимыхъ Нидерландовъ, равнымъ образомъ сыгравшихъ не малую роль въ исторіи Европы, и для Франціи, гдѣ представители реакціи тоже понесли пораженіе. Послѣдніе годы царствованія Филиппа II были годами постоянныхъ неудачъ, которымъ соотвѣтствовало и уменьшеніе его матеріальныхъ средствъ: въ Нидерландахъ сѣверныя (отложившіяся въ 1581 г.) провинціи расширили свои владѣнія на счетъ южныхъ, гдѣ удерживалось испанское владычество; во Франціи католическая партія была побѣждена, и въ послѣднемъ году жизни Филиппа II Испаніи пришлось заключить съ Франціей миръ; въ 1596 г. англичане напали у Кадикса на испанскій флотъ и одержали надъ нимъ побѣду, испанская же экспедиція къ берегамъ Ирландіи окончилась безъ всякихъ результатовъ; само папство въ лицѣ Климента VIII стало болѣе благопріятствовать французской политикѣ.

Съ конца царствованія Филиппа II начинается и внутренній упадокъ Испаніи, который съ особою силою обнаруживается послѣ его смерти. Продолжительныя войны и тяжелые налоги разорили страну; Англія и Голландія отняли у нея преобладаніе на моряхъ; промышленность и торговля упали; деспотизмъ и инквизиція пода-

вили всякую свободу и умственную жизнь. Выиграла только одна католическая церковь, которая имѣла въ странѣ до 60 архіепископствъ, чуть не семьсотъ епископствъ, болѣе 11 тысячъ монастырей съ 60 тысячами монаховъ (46 т.) и монахинь (14 т.) и около 300 т. бѣлаго духовенства, владѣла громадною поземельною собственностью; распоряжалась массою разнообразныхъ учрежденій и оказывала безусловное вліяніе надъ духовною жизнью націи.

XXV. Нидерландская революція [1]).

Историческое значеніе нидерландской революціи. — Состояніе Нидерландовъ до начала царствованія Филиппа II. — Первыя дѣйствія Филиппа II. — Вильгельмъ Оранскій. — Народное недовольство въ Нидерландахъ — Начало протестовъ.— Компромиссъ.— Гёвы.— Реформаціонное движеніе и реакція.— Возстаніе.— Гентская пацификація, утрехтская унія и низложеніе Филиппа II.— Роль Вильгельма Оранскаго.— Голландская республика.

Намъ уже извѣстно, что религіозная реформація въ отдѣльныхъ странахъ сопровождалась нерѣдко важными политическими переворотами, и что эпоха реформаціи съ послѣдовавшей за нею католической реакціей была въ то же время эпохой развитія абсолютной монархіи и паденія сословно-представительныхъ учрежденій. Въ исторіи

---

[1]) *Bonn.* Spaniens Niedergang während Preisrevolution des XVI Jahrhundert.— *Häbler.* Die wirthschaftliche Blüte Spanien im XVI Jahrhundert und ihr Verfall.— *Wenzelburger.* Geschichte der Niederlande (въ Geschichte der europäischen Staaten Геерена. Уккерта и Гизебрехта). Болѣе новыя исторіи Голландіи и Бельгіи написаны *Block*'омъ и *Pirenne*'омъ. — *Freeman.* History of the federal government. — *Henne.* Histoire du règne de Charles Quint en Belgique. — *Juste.* Les Pays-Bas sous Charles Quint. — Соч. *Шиллера* (Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Monarchie) имѣетъ только литературныя достоинства. Научному изученію начало положено трудомъ *Мотлея* „Исторія нидерландской реворюціи" (The rise of the Dutch republic) и History of the united Nitherlands. Знаменитые труды Мотлея страдаютъ, однако, нѣкоторыми недостатками, восполняемыми *Juste*'омъ въ Histoire de la révolution des Pays-Bas sous Philippe II (1555—1572) и Histoire du soulevement des Pays-Bas contre la domination espagnole (1574—1576).— *Holzwarth.* Der Abfall der Niederlande. — *Borgnet.* Philippe II et la Belgique, résumé politique de l'histoire de la révolution. — *Kervyn de Lettenhove.* Les Huguenots et les Gueux. — *Kloses-Wuttke.* Wilhelm I von Oranien. — *Juste.* Guillaume le Taciturne. — *Rahlenbeck.* L'inquisition et la réforme en Belgique. — *E. Marks* Studien zur Geschichte des niederländischen Aufstandes. — По-русски къ этой эпохѣ относится указанное раньше соч. Н. Л. Любовича о Марниксѣ де Сентъ-Альдегондѣ (см. стр. 215), въ которомъ есть краткій обзоръ литературы вопроса.

взаимныхъ отношеній между государственною властью и подданными въ Западной Европѣ реформаціонному періоду принадлежитъ особое мѣсто благодаря тому, что попытки католическихъ государей стѣснить вѣру своихъ подданныхъ значительно обостряли политическій антагонизмъ, развившійся на иной почвѣ. Это случилось именно во второй половинѣ XVI в., когда кальвинизмъ распространился по Шотландіи, Франціи и Нидерландамъ, гдѣ протестантамъ пришлось вступить въ борьбу съ католическими государями, и гдѣ во время этой борьбы развилась политическая литература, заключавшая въ себѣ проповѣдь идеи народовластія. Во Франціи, какъ мы увидимъ, политическія стремленія протестантовъ потерпѣли пораженіе, и съ новой династіей Бурбоновъ (съ 1589 г.) утвердился абсолютизмъ; въ Шотландіи политическій вопросъ оставался нерѣшеннымъ, когда Іаковъ VI по смерти Елизаветы (1603) сдѣлался подъ именемъ Іакова I королемъ Англіи, и дальнѣйшая шотландская исторія тѣсно сплелась съ исторіей Англіи. Въ этой послѣдней странѣ въ XVI в. еще не возникало вопроса о взаимныхъ правахъ королевской власти и поданныхъ, такъ какъ въ силу особыхъ причинъ этому вопросу суждено было стать на очередь лишь въ XVII в., въ серединѣ котораго и произошли одновременно шотландская и англійская революціи. Во второй половинѣ XVI в. *отложившіеся отъ Испаніи Нидерланды были единственной страной, гдѣ въ эту эпоху восторжествовали свободныя политическія начала протестантизма*, а впослѣдствіи и бо́льшая религіозная свобода. Если борьба Англіи съ Испаніей имѣетъ важное значеніе въ исторіи попытки Филиппа II утвердить въ Западной Европѣ испанскую гегемонію, то въ борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніей мы видимъ главнымъ образомъ *примѣненіе къ внутренней государственной жизни принциповъ, діаметрально-противоположныхъ политической идеѣ Филиппа II.* Это была первая въ новой исторіи революція подъ лозунгомъ политической свободы, имѣвшая своимъ результатомъ образованіе свободнаго государства, которе притомъ сдѣлалось въ XVII в. оплотомъ не только протестантизма, но и религіозной и политической свободы. Въ XVI в. благодаря католической политикѣ дѣло протестантизма въ Англіи отождествилось съ вопросомъ о ея національной независимости, но только въ XVII столѣтіи здѣсь произошло сліяніе протестантской религіи и политической свободы: въ Нидерландахъ одновременно и національная независимость, и политическая свобода, и протестантская религія объединились въ сознаніи населенія, поднявшагося на защиту всего того, что оно считало въ немъ элементарными правами свободы индивидуальной. Въ борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніей столкнулись не двѣ враждебныя державы, которыя разъединялись, какъ Испанія и Франція,

противоположными политическими интересами или, какъ Испанія и Англія, — принадлежностью къ двумъ повсюду боровшимся между собою вѣроисповѣданіямъ: здѣсь пришли въ столкновеніе два разныхъ политическихъ принципа — принципъ абсолютизма и принципъ народовластія (въ той формѣ, какую онъ только и могъ получить въ тогдашнемъ обществѣ). Мы увидимъ, что тѣ же самые принципы пришли въ столкновеніе во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, и въ Англіи въ эпоху революціи XVII в. Въ этомъ и заключается общеевропейское значеніе нидерландскаго возстанія противъ Филиппа II.

Нидерландами назывались 17 отдѣльныхъ маленькихъ областей, въ концѣ среднихъ вѣковъ принадлежавшихъ въ качествѣ ленныхъ владѣній частью Франціи и бургундскимъ герцогамъ изъ дома Валуа, частью Германіи. Филиппъ Смѣлый, герцогъ бургундскій (1363—1404), сынъ короля Іоанна, пріобрѣлъ Фландрію, Артуа и Франшконте, его внукъ Филиппъ Добрый († 1467)—Намюръ (1428), Брабантъ, Лимбургъ (1430), Геннегау, Голландію, Зеландію, часть Фрисландіи и Люксембургъ (1433). Черезъ сына Филиппа Добраго, Карла Смѣлаго († 1467), его дочь Марію Бургундскую, жену императора Максимиліана, и ихъ сына Филиппа Красиваго, эти земли достались Карлу V, который присоединилъ къ нимъ еще другую часть Фрисландіи, Оберъ-Иссель, Утрехтъ, Гельдернъ и Цютфенъ. Карлъ V составилъ изъ этихъ земель, совпадающихъ главнымъ образомъ съ теперешними Бельгіей, Голландіей и Люксембургомъ, самостоятельную имперскую землю, пользовавшуюся полной автономіей по отношенію къ имперіи, но не тронулъ ихъ внутренняго устройства. Каждая провинція была маленькимъ самостоятельнымъ цѣлымъ, и каждая соединялась съ другими подобными провинціями скорѣе посредствомъ личной уніи и во всякомъ случаѣ болѣе федеративною, чѣмъ государственною связью. Страна была богатая, и этимъ она была обязана прежде всего своему счастливому географическому положенію, способствовавшему развитію въ ней промышленности и торговли. Жители провинцій и по роду занятій, и по экономическому быту, и по соціальному своему строю представляли собою значительное разнообразіе, но вездѣ отличались большою предпріимчивостью. Здѣсь были и землепашцы, и скотоводы, и рыболовы, и мореходы, и ремесленники, и купцы. Карлъ V получалъ отсюда не мало доходовъ. Богатству страны и зажиточности населенія соотвѣтствовала и довольно высокая духовная культура, поддерживавшаяся многочисленными высшими и низшими школами, въ которыхъ рано возобладало гуманистическое направленіе. Въ соціальномъ отношеніи на западѣ, особенно во Фландріи и Брабантѣ, преобладала могущественная феодальная аристократія, владѣвшая громадными помѣстьями; въ дру-

гихъ частяхъ, особенно въ сѣверныхъ приморскихъ городахъ, благодаря развитію промышленности и торговли, большое значеніе имѣли города, въ которыхъ образовалась богатая буржуазія: внутри страны на сѣверѣ (во Фрисландіи) строй жизни былъ чисто-демократическій, крестьянскій. Сообразно съ различіями въ соціальномъ быту отдѣльныхъ мѣстностей и политическое ихъ устройство было различное: въ однихъ мѣстахъ власть была въ рукахъ поземельной или денежной аристократіи, въ другихъ, наоборотъ, правленіе получало болѣе демократическій характеръ. Вездѣ, однако, оно было основано на началахъ свободы, хотя и съ преобладаніемъ формъ средневѣкового феодальнаго, муниципальнаго и даже старонароднаго быта. Нидерландцы были очень привязаны къ этимъ учрежденіямъ и дорожили своимъ самоуправленіемъ и своими привилегіями. Самою замѣчательною изъ этихъ привилегій была такъ называемая брабантская „joyeuse entrée“, присяга, которую при вступленіи на престолъ давалъ владѣлецъ страны въ томъ, что безъ согласія дворянъ и горожанъ онъ не станетъ расширять власти духовенства, не будетъ судить своихъ подданныхъ иначе, какъ въ законномъ судѣ и по закону страны, не вздумаетъ раздавать должностей иностранцамъ и т. д., въ случаѣ же нарушенія этихъ обѣщаній подданные могли протестовать и считать себя свободными отъ принесенной ими присяги. Особенно была важна законодательная власть съ правомъ вотированія налоговъ, находившаяся въ рукахъ отдѣльныхъ „штатовъ“, которые не отказывали Карлу V въ его „просьбахъ“, какъ оффиціально назывались правительственныя предложенія. Хотя Карлъ V въ общемъ и оставилъ неприкосновенными эти привилегіи, но онъ держалъ Нидерланды строго, особенно по отношенію къ вормскому эдикту, который только здѣсь главнымъ образомъ и исполнялся въ его царствованіе. Мѣстные штаты ревниво оберегали свои права не только отъ захватовъ со стороны государя, но и отъ расширенія власти „генеральныхъ штатовъ“, или общаго нидерландскаго сейма, имѣвшаго поэтому чисто конгрессивный характеръ. Въ царствованіе Карла V произошло лишь одно серьезное политическое столкновеніе, когда жители Гента отказались платить большой налогъ, установленный фландрскими штатами. Дѣло дошло до возстанія, и оно было подавлено съ большою жестокостью: Карлъ V хотѣлъ на Гентѣ показать примѣръ другимъ городамъ, роптавшимъ на тяжелыя жертвы, которыя отъ нихъ требовались для того, чтобы государь могъ вести совсѣмъ для нихъ ненужныя войны. Примѣръ, дѣйствительно, оказалъ свое дѣйствіе. Между тѣмъ Карлъ V безъ нарушенія *областныхъ* привилегій началъ понемногу устраивать *общее* управленіе страной, опираясь на партикуляризмъ отдѣльныхъ провинцій и на противоположность интере-

совъ аристократіи, буржуазіи и демократіи. Сами нидерландцы видѣли въ Карлѣ V какъ бы земляка, гордились тѣмъ, что онъ считаетъ себя фламандцемъ, и прощали ему очень многое ради выгодъ, какія вытекали для нихъ изъ соединенія съ его обширной имперіей, бывшей громаднымъ рынкомъ для ихъ промышленности и торговли и взявшей на себя военную защиту ихъ родины. Въ отношеніи къ протестантизму Карлъ V былъ неумолимъ, а новое религіозное ученіе еще при немъ проникло въ Нидерланды. Устрашенные казнями нѣсколькихъ проповѣдниковъ, послѣдователи новаго ученія должны были таиться, не могли организоваться, не могли устроить публичнаго отправленія богослуженія. Анабаптистская пропаганда давала правительству поводъ оправдывать преслѣдованія и казни политическими соображеніями. Карлъ V подумывалъ даже ввести въ Нидерланды испанскую инквизицію, но его тѣмъ легче удалось отговорить отъ этого, что и обыкновенные епископскіе суды дѣлали свое дѣло по отношенію къ ереси весьма исправно. Особенно много было сожжено еретиковъ въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Карла V. Въ 1550 г. онъ велѣлъ даже предавать казни всѣхъ распространителей „ереси“ и всѣхъ присутствовавшихъ въ протестантскихъ богослужебныхъ собраніяхъ, съ отдачею доносчикамъ половины конфискованнаго у казнимыхъ имущества, и лишь по чужому совѣту онъ назвалъ „духовными судьями“, а не инквизиторами четырехъ особыхъ сановниковъ, которымъ было предписано завѣдовать процессами еретиковъ. Въ это время такое количество людей было сожжено, потоплено, живьемъ зарыто въ землю, обезглавлено, что протестантскіе историки говорили даже о цѣлыхъ пятидесяти тысячахъ погибшихъ.

Въ 1555 г. въ Брюсселѣ Карлъ V передалъ Филиппу II власть надъ Нидерландами. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго государя было возобновленіе эдикта 1550 года, такъ что, собственно говоря, *религіозная политика Филиппа II въ Нидерландахъ была предначертана еще его отцомъ*. Покидая Нидерланды, чтобы навсегда поселиться въ Испаніи, Филиппъ II сдѣлалъ ихъ правительницей свою побочную сестру Маргариту Пармскую [1]), усердную католичку, духовникомъ которой одно время былъ самъ Лойола. При правительницѣ былъ учрежденъ особый государственный совѣтъ, постоянными членами котораго были назначены графъ Эгмонтъ, намѣстникъ Фландріи и Артуа, принцъ Вильгельмъ Оранскій, намѣстникъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта, владѣтель маленькаго нассаускаго княжества въ Германіи, и адмиралъ нидерландскаго флота графъ Горнъ съ нѣ-

[1]) *Rachfall.* Margaretha von Parma, Statthalterin der Niederlande.

которыми другими мѣстными вельможами. Другіе намѣстники областей, пріѣзжая въ Брюссель, тоже могли засѣдать въ совѣтѣ. Для Филиппа II названныя лица были люди подозрительные, и этимъ объясняется, что ни одного изъ нихъ онъ не сдѣлалъ правителемъ государства, какъ того всѣ ожидали. Маргарита Пармская съ своей стороны, чтобы самой занять выдающійся постъ правительницы, поселила въ Филиппѣ II недовѣріе къ нидерландской знати. Рядомъ съ государственнымъ совѣтомъ были два другіе: одинъ для судебной части и финансовъ, другой—такъ называемая консульта—для всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ. Во главѣ консульты былъ поставленъ кардиналъ Гранвелла, въ сущности и бывшій фактическимъ правителемъ, человѣкъ умный и энергичный, но вмѣстѣ съ этимъ раболѣпный и жадный. Онъ былъ готовъ исполнять всѣ приказанія своего повелителя и давалъ понять всякому, что собственно онъ, а не другой кто поставленъ править Нидерландами. Филиппъ II присягнулъ соблюдать всѣ законы страны и привилегіи отдѣльныхъ провинцій и городовъ, но на первыхъ же порахъ у него произошло столкновеніе съ подданными. Передъ отъѣздомъ въ Испанію онъ собралъ генеральные штаты, которые дали ему денегъ, но выразили желаніе, чтобы испанскія войска по заключеніи мира съ Франціей (въ Шато-Камбрези въ 1559 г.) были выведены изъ Нидерландовъ; это требованіе поддержали также гр. Эгмонтъ, Вильгельмъ Оранскій и другіе вельможи. Филиппъ II былъ крайне раздосадованъ, ссылался на то, что вѣдь и самъ онъ испанецъ,—такъ и его, что-ли, хотятъ выгнать,—и предложилъ Эгмонту и Вильгельму принять начальство надъ испанскими отрядами. Тѣ, однако, отказались, и королю осталось лишь обѣщать, что испанцы будутъ удалены, какъ только получатъ недоданное жалованье. Уже въ этомъ первомъ столкновеніи намѣтились вожди оппозиціи, между которыми главную роль суждено было играть Вильгельму Оранскому.

Когда Филиппъ II покидалъ Брюссель, Вильгельму было всего двадцать шесть лѣтъ, но онъ уже былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ представителей нидерландской аристократіи. Происходя изъ нассаускаго княжескаго рода, давшаго Германіи одного императора, онъ унаслѣдовалъ родовое княжество въ Германіи, владѣлъ въ Нидерландахъ большими землями и, между прочимъ, получилъ еще княжество Оранжское, что дѣлало его однимъ изъ самыхъ богатыхъ вельможъ въ странѣ. Его предки давно уже служили въ Нидерландахъ—сначала бургундскимъ, потомъ габсбургскимъ государямъ. Самого Вильгельма особенно любилъ Карлъ V. Онъ взялъ его къ себѣ, поручивъ своей сестрѣ Маріи Венгерской, тогдашней правительницѣ

Нидерландовъ, обучить его католической вѣрѣ [1]), и впослѣдствіи не разъ отличалъ его отвѣтственными и почетными порученіями: напримѣръ, онъ былъ посланъ Карломъ V извѣстить нѣмецкихъ князей объ отреченіи его отъ престола и убѣдить ихъ выбрать въ императоры Фердинанда. Своему сыну Карлъ V особенно рекомендовалъ пользоваться услугами Вильгельма, и Филиппъ II по заключеніи мира съ Франціей далъ ему важное порученіе въ Парижъ. Здѣсь онъ узналъ отъ французскаго короля (Генриха II), видѣвшаго въ Вильгельмѣ вполнѣ довѣренное лицо своего государя, что у него съ Филиппомъ II состоялось соглашеніе общими силами истребить ересь. Уже тогда Вильгельмъ разгадалъ намѣренія Филиппа II. Это былъ человѣкъ обширнаго ума, предусмотрительный и осторожный, но вмѣстѣ съ тѣмъ энергичный и „спокойный среди свирѣпыхъ волнъ“ (saevis tranquillus in undis), какъ гласилъ выбранный имъ самимъ девизъ. Несомнѣнно отличаясь большимъ честолюбіемъ, онъ ставилъ себѣ всегда только благородныя цѣли. Наконецъ, это былъ блестящій рыцарь, который даже славился своимъ краснорѣчіемъ, несмотря на полученное прозваніе „Молчаливаго“. Такимъ образомъ независимо отъ своего происхожденія и своего общественнаго положенія, Вильгельмъ Оранскій и по личнымъ качествамъ былъ призванъ играть политическую роль въ странѣ, гдѣ свободныя учрежденія вошли въ нравы населенія. По первоначальному воспитанію онъ долженъ былъ сочувствовать протестантизму; и впослѣдствіи онъ всегда отличался вѣротерпимостью. Рано овдовѣвъ послѣ перваго брака, онъ женился на дочери Морица Саксонскаго, на внучкѣ Филиппа Гессенскаго, жившей при дворѣ своего дяди Августа, курфюрста саксонскаго: новая его родня была, слѣдовательно, протестантская, антигабсбургская. Сначала онъ старался ладить съ Гранвеллой, но вскорѣ разссорился, когда увидѣлъ, что кардиналъ былъ оставленъ въ Нидерландахъ для того, чтобы положить конецъ старой системѣ управленія. Вообще вся нидерландская аристократія, при Карлѣ V игравшая роль, теперь отодвинутая на задній планъ, была недовольна новыми порядками, заведенными Филиппомъ II.

Испанскія войска были удалены изъ Нидерландовъ только въ 1561 г. правительницею и Гранвеллою, боявшимися народнаго раздраженія, такъ какъ постой иностраннаго войска противорѣчилъ стариннымъ привилегіямъ и дорого обходился населенію, потерпѣвшему къ тому же отъ голода, да и сами полуголодные наемники своимъ буйнымъ поведеніемъ вызывали неудовольствіе мирныхъ жителей. Фи-

[1]) Вильгельмъ, какъ сынъ князя, бывшаго членомъ шмалькальденскаго союза, былъ воспитанъ въ протестантизмѣ.

липпъ II этимъ распоряженіемъ былъ, однако, страшно недоволенъ и даже писалъ, что раздраженіе можно было бы и уничтожить, хотя бы пришлось для этого отрубить нѣсколько головъ. Не успѣли спровадить испанцевъ, какъ пришло извѣстіе, что король уговорилъ папу Пія IV учредить въ Нидерландахъ десять новыхъ епископствъ, тогда какъ прежде ихъ было только четыре, и что въ каждой епархіи будетъ по два инквизитора. Старшимъ архіепископомъ (мехельнскимъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ „великимъ инквизиторомъ“ при этомъ назначался иноземецъ Гранвелла, что̀ прямо противорѣчило законамъ страны (между прочимъ брабантской joyeuse entrée). Вслѣдствіе этой мѣры духовенство теряло часть доходовъ, которыми оно должно было теперь дѣлиться съ новыми товарищами. Съ своей стороны аристократія и буржуазія боялись, что новые епископы, большею частью иноземцы, дадутъ перевѣсъ въ штатахъ испанскимъ стремленіямъ среди духовенства и что введеніе инквизиторовъ будетъ только предисловіемъ къ установленію въ странѣ настоящей испанской инквизиціи. Вильгельмъ Оранскій, Эгмонтъ и Горнъ, какъ члены государственнаго совѣта, рѣшились поэтому послать Филиппу II протестъ, поставивъ вопросъ такъ, что или Гранвелла, нарушающій законы страны, долженъ былъ быть удаленъ, или они, вѣрноподданные короля и отвѣтственные члены государственнаго совѣта, должны были быть освобождены отъ этой своей должности. Въ то же время Гранвелла писалъ Филиппу II, что въ странѣ правительствомъ недовольны лишь немногіе честюлюбцы. Впрочемъ, и это новое церковное устройство, планъ котораго напрасно приписывали Гранвеллѣ, въ существенныхъ чертахъ было задумано еще Карломъ V, и Филиппъ II, выполнявшій всѣ предначертанія своего отца, не обратилъ никакого вниманія на протестъ вельможъ. Новые церковные суды начали дѣлать свое дѣло, тѣмъ болѣе, что реформаціонное движеніе уже усиливалось, особенно среди городскихъ жителей французской (валлонской) части Нидерландовъ, во Фландріи и Брабантѣ подъ вліяніемъ религіознаго движенія во Франціи и вспыхнувшей тамъ войны (1562) между протестантами и католическимъ правительствомъ. Когда въ Валансьенѣ приговорили къ сожженію двухъ кальвинистическихъ проповѣдниковъ (Фаво и Мальяра), и ихъ уже привязали къ столбу, собравшійся на зрѣлище этой казни народъ ихъ освободилъ; послѣ этого Фаво даже продолжалъ свою проповѣдь, но былъ вторично схваченъ и сожженъ. Начало религіознаго движенія, получившаго въ сосѣдней Франціи политическій характеръ, заставило Филиппа II и Гранвеллу усилить строгости. Кромѣ того, у Гранвеллы родилась даже мысль послать нидерландскія войска во Францію на помощь католикамъ противъ гугенотовъ, но сдѣлать это безъ генеральныхъ штатовъ было невозможно, созвать же ихъ

правительница не рѣшалась. Самъ Филиппъ II высказался противъ этого, и правительство ограничилось денежною помощью французскимъ католикамъ, не взирая на возраженія штатовъ отдѣльныхъ провинцій. Тогда вожди аристократической оппозиціи отправили къ Филиппу II посла, еще разъ напрасно писали ему и наконецъ заключили между собой тайный союзъ, когда до нихъ дошли слова Гранвеллы о необходимости снять съ плечъ нѣсколько головъ. Съ своей стороны кардиналъ приглашалъ короля явиться лично въ Нидерланды съ сильнымъ войскомъ для подавленія мятежныхъ правителей провинцій и другихъ магнатовъ. Филиппъ II отвѣчалъ недовольнымъ, что пріѣдетъ самъ и разберетъ дѣло. Между тѣмъ и Маргарита Пармская, оскорблявшаяся самовластіемъ Гранвеллы, дала знать брату, что дѣла такъ дальше итти не могутъ. Это заставило Филиппа II подъ благовиднымъ предлогомъ удалить (1564) кардинала, котораго онъ сдѣлалъ впослѣдствіи вице-королемъ неаполитанскимъ и предсѣдателемъ кастильскаго совѣта [1]). Устраняя Гранвеллу, король, однако, не уступалъ по существу дѣла. Онъ требовалъ новыхъ казней еретиковъ и принялъ для Нидерландовъ тридентскія постановленія, многія изъ которыхъ противорѣчили мѣстнымъ вольностямъ. Въ 1565 г. въ Мадридъ былъ отправленъ Эгмонтъ съ просьбою дать настоящую власть государственному совѣту, состоящему изъ національныхъ членовъ, подчинивъ ему тайный совѣтъ правительницы, и отмѣнить инквизиціонные суды. Филиппъ II отвѣчалъ уклончиво, обманувъ своимъ ласковымъ пріемомъ довѣрчиваго Эгмонта, а правительницѣ написалъ, что ни на то, ни особенно на другое согласиться онъ не можетъ, хотя бы ему и пришлось положить сто тысячъ жизней. Стали только воздерживаться отъ публичныхъ казней: еретиковъ попросту топили въ бочкахъ съ водою.

Приближался взрывъ и, какъ выразился Вильгельмъ Оранскій, нидерландцамъ предстояло „увидѣть начало прекрасной трагедіи", узнавъ отвѣтъ короля. Броженіе было всеобщее: многіе, въ особенности иностранцы, покидали страну; въ народѣ распространялись летучіе листки революціоннаго содержанія: брабантскіе штаты предъявили протестъ. Самымъ важнымъ фактомъ, вызваннымъ новыми строгостями, было (1566) составленіе многими дворянами особаго союза для сопротивленія инквизиціи съ взаимнымъ обѣщаніемъ или „компромиссомъ", актъ котораго былъ составленъ кальвинистомъ Филиппомъ Марниксомъ де-Сентъ-Альдегондомъ, списанъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и покрытъ массою подписей и дворянъ, и горожанъ, и católи-

[1]) *Philippson*. Ein Ministerium unter Philipp II (Kardinal Granvella am spanischen Hofe).

ковъ, и кальвинистовъ. Въ этомъ документѣ говорилось, что кучка честолюбивыхъ и жадныхъ иностранцевъ сумѣла, подъ видомъ рвенія къ католической религіи и необходимости сохраненія народнаго единства, убѣдить всемилостивѣйшаго короля не ослаблять эдиктовъ противъ ереси и ввести противную божескимъ и человѣческимъ законамъ инквизицію, которая варварствомъ своимъ превосходитъ всякую тираннію и должна разорить страну, такъ какъ можетъ повести къ умаленію королевской власти и къ народнымъ возмущеніямъ. „Принимая во вниманіе свое призваніе и долгъ, лежащій на всѣхъ вѣрноподданныхъ его величества, а въ особенности на дворянахъ,—которые, какъ сказано было въ компромиссѣ, служатъ его помощниками съ цѣлью содѣйствовать ему своими скорыми и добровольными услугами въ поддержкѣ его власти и величія, и заботясь о благѣ страны",— подписавшіеся подъ документомъ нашли нужнымъ и для личной безопасности своей, и для безопасности своихъ имуществъ „составить законную и святую конфедерацію и союзъ (confédération et alliance), обѣщая и взаимно обязуясь торжественною клятвою препятствовать всѣми своими силами, чтобы эта инквизиція не была принята и не была введена ни открыто, ни подъ какою-либо другою формою", напротивъ, „искоренять ее, какъ мать и причину всякаго безпорядка и несправедливости". Конфедераты клялись далѣе, что въ ихъ союзѣ нѣтъ посягательства ни на славу Божію. ни на королевскую власть, такъ какъ намѣреніе ихъ — сохранить короля въ его государствѣ, удержать порядокъ и сопротивляться всякому народному возстанію, заговорамъ и мятежамъ,—и обѣщались жертвовать жизнью и имуществомъ, чтобы гарантировать безопасность конфедератовъ отъ гоненій и преслѣдованій. Составитель этого замѣчательнаго документа воспитывался въ Женевѣ, куда онъ былъ посланъ учиться своими родителями, склонными къ кальвинизму; и гдѣ онъ пріобрѣлъ основательное богословское образованіе, воспринявъ и извѣстныя намъ политическія воззрѣнія. Впослѣдствіи Марниксъ де-Сентъ-Альдегондъ самъ сдѣлался политическимъ писателемъ въ духѣ новыхъ идей и въ своихъ сочиненіяхъ защищалъ и возстаніе Нидерландовъ, и низложеніе Филиппа, съ презрѣніемъ отзываясь при этомъ о „политической грамматикѣ Макіавелли". Такимъ образомъ *хотя оппозиція противъ Филиппа II въ Нидерландахъ и была по существу своему политическаго происхожденія*, такъ какъ протестъ подымался противъ нарушенія законовъ страны и въ защиту индивидуальной свободы противъ тиранніи, тѣмъ не менѣе *главнымъ пунктомъ протеста была религіозная реакція, а первымъ выразителемъ народнаго недовольства выступилъ кальвинистъ женевской школы*, весьма послѣдовательно и въ дальнѣйшей своей дѣятельности, и какъ одинъ изъ вождей возстанія,

и какъ литературный его защитникъ, примѣнявшій къ жизни выработавшіеся у кальвинистовъ политическіе принципы. Къ компромиссу не примкнули ни Вильгельмъ Оранскій, ни Эгмонтъ. Послѣдній былъ вѣрный королю католикъ, желавшій только примирительныхъ мѣръ. Онъ даже настоялъ, чтобы еще разъ написали Филиппу II, потому что опасался, какъ бы конфедерація патріотовъ не зашла слишкомъ далеко.

Между тѣмъ конфедераты остановились на проектѣ подать правительницѣ коллективное прошеніе объ уничтоженіи инквизиціи, устроивъ при этомъ внушительную демонстрацію. Въ началѣ апрѣля 1566 г. триста съѣхавшихся въ Брюссель дворянъ отправились цѣлой процессіей во дворецъ Маргариты и подали ей петицію, составленіе которой приписывается разнымъ лицамъ (въ ихъ числѣ Людовику Нассаускому, брату Вильгельма Оранскаго, и Марниксу де-Сентъ-Альдегонду). Никогда, говорилось въ этомъ прошеніи, не отрѣшались мы отъ вѣрности своему королю, да и теперь весьма далеки отъ этого. Однако, мы предпочитаемъ скорѣе подвергнуться опасности навлечь на себя немилость своего государя, нежели оставить его въ невѣдѣніи относительно дурныхъ послѣдствій, угрожающихъ нашему отечеству вслѣдствіе насильственнаго введенія инквизиціи и настоятельной поддержки эдиктовъ". Такъ какъ ни вельможи, ни генеральные штаты не взяли на себя труда предупредить правительницу, то вотъ они, дворяне, и рѣшились сдѣлать это, съ одной стороны, опасаясь народныхъ волненій, а съ другой—боясь, что, пожалуй, въ Нидерландахъ скоро не останется ни одного человѣка, у котораго не конфискуютъ имущества. „Если же, сказано было въ концѣ документа, на смиренное прошеніе наше не будетъ обращено вниманія, то мы беремъ Бога, короля, правительницу и всѣхъ ея совѣтниковъ въ свидѣтели того, что мы сдѣлали все для насъ возможное, какія бы несчастныя послѣдствія ни произошли отъ этого". Маргарита была смущена очень этой демонстраціей, но одинъ изъ ея совѣтниковъ сказалъ, что нечего ей бояться какой-то толпы нищихъ (gueux). Это названіе „гёзы" было усвоено участниками подачи прошенія: они даже стали ходить по улицамъ въ одеждѣ нищенствующихъ монаховъ и выбили для ношенія на шеѣ медаль съ портретомъ короля на одной сторонѣ и съ изображеніемъ на другой нищенской сумы и двухъ вложенныхъ одна въ другую рукъ и съ надписью: „во всемъ вѣрные королю (en tout fidèles au roy) до нищенской сумы (jusque à porter la besace)". Правительница обѣщала смягченіе (modération) эдиктовъ, и проектъ его съ новыми представленіями былъ посланъ въ Испанію, но народъ эту „модерацію" называлъ „мордераціей". Лица, занимавшія высокія правительственныя мѣста, вообще были недо-

вольны шагомъ, сдѣланнымъ конфедератами, находя его мятежнымъ, но народъ вездѣ привѣтствовалъ ихъ появленіе криками: „vivent les gueux!“ Движеніе быстро перешло въ народныя массы и приняло религіозный характеръ. Тогда и конфедераты сдѣлались смѣлѣе и потребовали у правительницы, чтобы она дала полномочіе Вильгельму Оранскому, Эгмонту и Горну уладить ихъ дѣла съ королемъ и чтобы были созваны генеральные штаты. Въ то же время, однако, они успокоивали народъ, убѣждая его вести себя смирно и ждать созванія генеральныхъ штатовъ.

Этимъ движеніемъ не замедлили воспользоваться протестантскіе проповѣдники. Религіозныя собранія протестантовъ стали совершаться открыто въ поляхъ, и на нихъ являлись конфедераты, приходили тысячныя толпы народа, среди которыхъ были и конные вооруженные люди, и продавцы протестантскихъ книгъ и т. п. Собраніе обыкновенно баррикадировалось опрокинутыми повозками, срубленными деревьями и досками. Здѣсь пѣлись псалмы, произносились проповѣди, и массы горожанъ и поселянъ дѣлались кальвинистами, такъ что реформированная религія прямо становилась выраженіемъ національной и политической оппозиціи. Правительство не рѣшалось разгонять сборища вооруженной силой, и скоро движеніе приняло уже совсѣмъ грозный характеръ: какъ буря, пронеслось по всей странѣ иконоборство, поразившее современниковъ своею быстротою и трудностью открыть виновныхъ. Дворяне оказались безсильными утишить народное волненіе. Многіе изъ нихъ тогда даже отпали отъ союза гёзовъ, тѣмъ болѣе, что правительница сдѣлала кое-какія уступки. Это было началомъ цѣлой революціи, но на первыхъ порахъ правительству все-таки удалось справиться съ движеніемъ.

Филиппъ II въ это время послалъ въ Нидерланды своего полководца герцога Альбу. При извѣстіи объ этомъ Вильгельмъ Оранскій удалился въ свои германскія владѣнія и убѣждалъ Эгмонта тоже уѣхать. Но онъ остался на родинѣ, не желая, чтобы его имѣнія были конфискованы и вовсе не думая, что съ нимъ случится что-либо дурное, такъ какъ онъ былъ преданный королю слуга, католикъ и даже наказывалъ кальвинистовъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить предположенію Вильгельма Оранскаго, что Филиппъ рѣшился уничтожить вождей народа, „отрубить у тѣла голову, чтобы оно не могло болѣе двигаться“. Извѣстіе о назначеніи Альбы заставило выселиться изъ страны и многихъ другихъ; въ числѣ уѣхавшихъ былъ и Марниксъ-де-Сентъ-Альдегондъ, начавшій за границей свою литературную полемику противъ религіознаго фанатизма и политическаго деспотизма герцога Альбы. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Нидерланды съ испанскимъ войскомъ Альба смѣнилъ Маргариту, и въ странѣ начался на-

стоящій терроръ. Совершены были казни, причемъ погибли Эгмонтъ, Горнъ и другіе вліятельные магнаты; былъ учрежденъ вмѣсто законныхъ судовъ „совѣтъ о мятежахъ", прозванный кровавымъ совѣтомъ, и въ него назначены нѣкоторые испанскіе члены: совѣтъ этотъ всегда находилъ виновнымъ того, кого Альбѣ хотѣлось погубить, иногда просто для того, чтобы взять въ казну или прямо себѣ имѣніе приговореннаго къ смерти. Политическій символъ вѣры новаго правителя былъ простъ — въ духѣ самого Филиппа II: лучше, говорилъ онъ, страна разоренная, но вѣрная Богу и королю, чѣмъ богатая, но еретическая и преданная дьяволу; юристы осуждаютъ только за доказанныя преступленія, но государственныя дѣла такъ вестись не могутъ; нужно, чтобы каждый постоянно трепеталъ, какъ бы его собственный домъ сегодня же на него не обрушился, потому что только этимъ можно заставить человѣка заплатить деньги за прощеніе его преступленій. Палачамъ и тюремщикамъ было много дѣла при такомъ правителѣ: тюрьмы наполнялись дворянами, горожанами, поселянами; совершались настоящія коллективныя юридическія убійства; тѣла казнимыхъ оставлялись на висѣлицахъ, деревьяхъ, кострахъ, колесахъ; имущества казнимыхъ и эмигрировавшихъ конфисковались; сама эмиграція была, однако, запрещена, и попытка къ выселенію наказывалась смертью. Мѣстныя вспышки противъ испанцевъ, отдѣльныя партизанскія попытки тоже сурово подавлялись. Кончилась неудачей и попытка, сдѣланная Вильгельмомъ Оранскимъ, хотя ему оказали помощь гугеноты. Герцогъ Альба поставилъ своей задачей ввести въ Нидерландахъ абсолютизмъ и, не обращая вниманія на законы страны, сталъ установлять косвенные налоги. Купцы прекращали торговлю и закрывали лавки, но Альба грозилъ вѣшать тѣхъ, которые не откроютъ лавокъ. Этотъ терроръ, начавшись въ 1567 г., продолжался нѣсколько лѣтъ. Даже ходатайство императора Максимиліана II за Нидерланды по просьбѣ нѣмецкихъ курфюрстовъ ни къ чему не привело: на его совѣтъ по возстановленіи спокойствія въ странѣ дать ей религіозный миръ, которымъ она, какъ часть имперіи, имѣла право пользоваться, Филиппъ II отвѣчалъ, что никто не можетъ вмѣшиваться въ его дѣла и что всѣ католики должны были бы скорѣе благодарить его за усмиреніе подданныхъ, оскорбляющихъ религію, а не вступаться за бунтовщиковъ. Въ нидерландскомъ дѣлѣ начинали уже заинтересовываться правительства Франціи и Англіи и ихъ подданные обоихъ исповѣданій, а самъ Филиппъ II смотрѣлъ на Нидерланды, какъ на страну, изъ которой удобнѣе всего было бы нанести ударъ Англіи, тѣмъ болѣе, что Елизавета позволяла скрываться въ англійскихъ гаваняхъ судамъ „морскихъ гёзовъ", нападавшихъ на испанскіе корабли и грабившихъ ихъ.

Международныя отношенія вообще сильно усложняли ходъ нидерландскихъ дѣлъ, но мы не будемъ останавливаться на этомъ предметѣ, чтобы лишь въ общихъ чертахъ разсказать, какъ началось освобожденіе Нидерландовъ. Вильгельмъ Оранскій въ качествѣ германскаго владѣтельнаго князя имѣлъ право содержать войско и флотъ. Онъ воспользовался этимъ правомъ, чтобы на свои и нидерландскихъ патріотовъ средства, а также и на гугенотскую субсидію снарядить флотъ „морскихъ гёзовъ"; послѣдніе въ апрѣлѣ 1572 г. овладѣли крѣпостью Брилемъ, жители которой присягнули на вѣрность Вильгельму, какъ королевскому намѣстнику въ Голландіи. Это было началомъ новаго возстанія, скоро распространившагося по многимъ сѣвернымъ провинціямъ. Инсургенты заявляли, что возстаютъ только противъ Альбы, и даже присягали на вѣрность королю и его намѣстнику (штатгальтеру) Вильгельму Оранскому. Такой образъ дѣйствій былъ принятъ и дордрехтскимъ съѣздомъ голландскихъ дворянъ и горожанъ. Такъ и началась формальная война нидерландцевъ съ Испаніей. Въ томъ же самомъ году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, произошла во Франціи варѳоломеевская ночь, внесшая еще болѣе ожесточенія въ борьбу нидерландскихъ патріотовъ и испанскихъ войскъ. Въ слѣдующемъ году Филиппъ II, недовольный дѣйствіями Альбы, прислалъ на его мѣсто правителемъ Дона Луиса Реквезенсъ-и-Зунига, остававшагося въ Нидерландахъ до 1576 г. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Нидерланды новый правитель писалъ королю слѣдующее: „до прибытія своего сюда я не понималъ, какимъ образомъ мятежники могутъ содержать такія значительныя флотиліи, но теперь я вижу, что люди, сражающіеся за свою жизнь, семейства, имущества, за свою ложную религію, однимъ словомъ, за дѣло, которое считаютъ своимъ, довольствуются однимъ скуднымъ продовольствіемъ, не требуя никакого жалованья".

Начавшаяся въ 1572 г. война продолжалась болѣе тридцати пяти лѣтъ (до 1609 г.) и окончилась уже по смерти Филиппа II перемиріемъ на двѣнадцать лѣтъ, за которымъ, однако, послѣдовало возобновленіе войны опять болѣе, чѣмъ на двадцать пять лѣтъ (1621 — 1648). Такимъ образомъ въ общей сложности Нидерланды отстаивали свою независимость отъ Испаніи около шестидесяти пяти лѣтъ, а если включить сюда и перемиріе, во время котораго нужно было готовиться къ продолженію борьбы, то послѣдняя тянулась цѣлыя три четверти вѣка (1572 — 1648), не считая первыхъ попытокъ возстанія. Но не всѣмъ Нидерландамъ удалось сдѣлаться независимыми отъ Испаніи, и лишь одна освободившаяся часть сдѣлалась протестантской: *въ религіозномъ отношеніи съ федераціей самостоятельныхъ провинцій произошло то же самое, что съ нѣмецкой*

федераціей княжествъ и вольныхъ городовъ и швейцарской федераціей кантоновъ, т.-е. Нидерланды распались на католическую и протестантскую части. Вильгельму Оранскому пришлось бороться противъ духа нетерпимости, обуявшаго въ эту эпоху въ Нидерландахъ и кальвинистовъ, и католиковъ. Такъ какъ протестантизмъ былъ особенно силенъ только на сѣверѣ, гдѣ и испанскія войска терпѣли пораженія отъ „морскихъ гёзовъ", а на югѣ, гдѣ и испанцы держались въ открытомъ полѣ крѣпче, „ересь" проявлялась лишь спорадически, то смѣнившему Альбу правителю удалось болѣе мягкой политикой пріобрѣсти довѣріе южныхъ провинцій и положить начало розни между обѣими частями Нидерландовъ, которая коренилась и въ разномъ составѣ ихъ населенія, романскаго на югѣ, германскаго на сѣверѣ, и въ томъ, что сѣверныя провинціи были большею частью новыми пріобрѣтеніями габсбургскаго дома. Только однажды вслѣдствіе возмущенія испанскихъ наемниковъ, фландрское и брабантское дворянство обращалось за помощью къ Голландіи и Зеландіи, освободившихся отъ испанскаго владычества: результатомъ этого была гентская пацификація или договоръ южныхъ провинцій съ сѣверными, по которому устанавливался тѣсный союзъ между договаривающимися, требовалось удаленіе испанцевъ и созваніе генеральныхъ штатовъ, отмѣнялись эдикты противъ ереси, и объявлялась неприкосновенность католицизма, гдѣ его еще продолжали исповѣдовать, а Вильгельмъ Оранскій признавался штатгальтеромъ Голландіи и Зеландіи. Но этотъ союзъ не былъ проченъ, и главнымъ образомъ потому, что католики южныхъ провинцій видѣли въ сѣверныхъ кальвинистахъ и лютеранахъ еретиковъ, а фландрская и брабантская знать съ завистью смотрѣла на увеличивавшееся значеніе Вильгельма. Слѣдующіе два испанскіе правителя, Донъ Жуанъ Австрійскій (1576—1578) и Александръ Пармскій, сынъ Маргариты (1578—1589), ловкой политикой и уступчивостью сумѣли достигнуть расторженія этого союза. Сѣверныя провинціи, видя ненадежность своего союза съ южными, ихъ нерѣшительность и постоянныя колебанія, особенно же двусмысленное поведеніе фландрской и брабантской знати, въ январѣ 1579 г. заключили между собою такъ называемую утрехтскую унію, благодаря которой семь провинцій (Голландія, Зеландія, Гельдернъ, Цютфенъ, Утрехтъ и фризскія области Оверисcель и Гронингенъ) положили начало особому федеративному государству. Самый актъ уніи былъ еще составленъ во имя короля, но въ 1581 г. соединенныя провинціи и формально отложились отъ Испаніи. Утрехтская унія по внѣшнимъ дѣламъ образовывала изъ семи провинцій какъ бы единое государство, но по дѣламъ внутреннимъ каждая область, каждый городъ пользовались полной автоно-

міей, чѣмъ и разграничивалась главнымъ образомъ компетенція генеральныхъ и мѣстныхъ штатовъ. Что касается до религіозныхъ дѣлъ, то они были оставлены на усмотрѣніе отдѣльныхъ провинцій и городовъ, но каждому предоставлялось открыто исповѣдовать свою вѣру и имѣть свое богослуженіе безъ малѣйшаго стѣсненія своей совѣсти. Нужно еще обратить вниманіе на то, что низложеніе Филиппа II въ отдѣлившихся отъ Испанской монархіи провинціяхъ *совершилось въ силу принципа, развивавшагося политическими писателями изъ кальвинистовъ*, въ частности въ брошюрахъ Марникса де-Сентъ-Альдегонда. Этотъ политическій дѣятель одно время вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Оранскимъ даже хлопоталъ о передачѣ суверенитета герцогу Франциску Анжуйскому (ранѣе Алансонскому), брату французскаго короля Генриха III, и по этому поводу велъ съ нимъ переговоры; на это даже послѣдовало согласіе самого Генриха III. Хотя французскій принцъ и не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, замѣна имъ Филиппа II облегчила дѣло низложенія, на которое долго не могли рѣшиться соединенныя провинціи. 23 января 1581 г. былъ скрѣпленъ въ Бордо актъ, дававшій Нидерландамъ (собственно Брабанту и Фландріи) новаго государя, но только 26 іюля генеральные штаты опубликовали актъ низложенія Филиппа II. „Не народъ, гласилъ этотъ документъ, созданъ для государя, а государь для народа, ибо безъ народа не было бы и государя. Государь существуетъ для того, чтобы править своими подданными по закону и справедливости и любить ихъ, какъ отецъ дѣтей, охранять ихъ, какъ пастухъ стадо. Если же онъ поступаетъ съ ними не такъ, а какъ съ рабами, то тѣмъ самымъ перестаетъ быть государемъ и становится тиранномъ, и подданные, когда не остается другого средства, т.-е. когда никакими представленіями о своихъ страданіяхъ они не могутъ получить отъ тиранна никакого обезпеченія свободы, жизни и собственности для себя и своихъ семействъ, имѣютъ право по законному рѣшенію своихъ представителей на генеральныхъ штатахъ его покинуть“. За этимъ теоретическимъ вступленіемъ, какъ бы выхваченнымъ изъ кальвинистической политической литературы, перечислялись факты, доказывавшіе, что въ Нидерландахъ Филиппъ II велъ себя, какъ тираннъ. Въ силу этого генеральные штаты и постановили, „лишивъ его всякаго права на власть въ Нидерландахъ, перестать признавать его государемъ и освободить этимъ своимъ актомъ всѣхъ должностныхъ лицъ, начальниковъ, господъ, вассаловъ и жителей отъ присяги повиновенія и вѣрности, данной ими Филиппу II, королю испанскому“. На сѣверѣ власть была передана Вильгельму Оранскому, а въ Фландріи и Брабантѣ принялъ власть Францискъ Анжуйскій. Вильгельмъ убѣждалъ и Голландію съ Зеландіей признать власть этого принца.

Въ 1584 г. герцогъ умеръ, вскорѣ послѣ чего былъ убитъ (Бальтазаромъ Жераромъ) и Вильгельмъ Оранскій. Еще ранѣе (1580) онъ былъ Филиппомъ II объявленъ внѣ закона и подвергался неоднократнымъ покушеніямъ вслѣдствіе наградъ, которыя были публично обѣщаны убійцѣ испанскимъ королемъ (25 т. кронъ, потомственное дворянство и прощеніе за самыя тяжкія преступленія, буде такія были имъ совершены).

Вильгельмъ Оранскій былъ истиннымъ основателемъ республики нидерландскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Между отдѣльными провинціями было мало единодушія, и Вильгельму Оранскому стоило большихъ трудовъ примирять разные интересы и стремленія и религіозныя разногласія католиковъ и протестантовъ. Не мало хлопотъ доставляло ему и противодѣйствіе не довѣрявшихъ и завидовавшихъ ему магнатовъ, которые призывали одного изъ австрійскихъ Габсбурговъ, Матѳія, и герцога Анжуйскаго и вступали въ переговоры съ Александромъ Пармскимъ. Какъ Австрійскій эрцгерцогъ, пріѣзжавшій въ Нидерланды, такъ въ особенности французскій принцъ, задумавшій занять французскими гарнизонами крѣпости Фландріи и Брабанта, вовсе и не помышляли о свободѣ Нидерландовъ. Наоборотъ, Вильгельмъ Оранскій, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ въ Голландіи и Зеландіи и облеченный диктатурой по военнымъ дѣламъ уніи, держалъ себя съ величайшею умѣренностью и, не желая, чтобы его заподозрѣли въ стремленіи къ личному господству, сначала признавалъ себя лишь намѣстникомъ Матѳія (какъ прежде Филиппа II), а потомъ убѣждалъ всѣ провинціи признать герцога Анжуйскаго. Въ 1582 г. генеральные штаты убѣдили Вильгельма Оранскаго принять на себя главное начальство на все время войны и сдѣлали его наслѣдственнымъ графомъ Голландскимъ съ правомъ на наслѣдственное же управленіе войскомъ и флотомъ всего союза и завѣдованіе его внѣшними сношеніями, но съ сохраненіемъ всей законодательной власти, права войны и мира и установленія налоговъ за генеральными штатами и съ условіемъ, по которому генеральные и мѣстные штаты могли низложить штатгальтера въ случаѣ нарушенія имъ законовъ страны. Эта конституція, заключавшая въ себѣ сочетаніе монархическихъ и республиканскихъ началъ и зародышъ позднѣйшей борьбы двухъ партій, была утверждена въ 1583 г., но въ 1584 г. рука убійцы положила конецъ жизни Вильгельма. До самой смерти герцога Анжуйскаго Вильгельмъ Оранскій поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія, звалъ его вернуться въ Нидерланды и долго не соглашался на принятіе титула графа Голландскаго. Онъ самъ участвовалъ въ составленіи статей, которыми конституція 1583 г. ограничивала права, соединенныя съ этимъ зва-

ніемъ. Послѣ его смерти эти права были переданы его сыну Морицу, какъ штатгальтеру (или статгоудеру) основанной его отцомъ республики. Морицъ, какъ замѣчательный полководецъ, вполнѣ замѣстилъ своего отца въ дѣлѣ обороны страны отъ испанцевъ; да и политическія обстоятельства во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ сложились такъ, что Филиппъ II потомъ до самой своей смерти долженъ былъ заниматься больше отношеніями своими къ Франціи и Англіи, и это было также очень благопріятно для нидерландской независимости. Въ 1609 г. голландцы, какъ стали называться жители свободныхъ Нидерландовъ, заключили съ Испаніей перемиріе на 12 лѣтъ, бывшее, собственно говоря, признаніемъ со стороны Испаніи своего пораженія.

Несмотря на то, что въ новой республикѣ происходила сильная внутренняя борьба политическихъ партій и религіозныхъ сектъ, Голландія въ XVII вѣкѣ сдѣлалась значительной политическою силой, страною весьма богатою, благодаря своей промышленности и торговлѣ, и развитію своего флота. Она даже овладѣла многими колоніями своихъ бывшихъ притѣснителей. Вмѣстѣ съ этимъ она сдѣлалась убѣжищемъ для гонимыхъ другихъ странъ за свои религіозныя и политическія убѣжденія; сюда уходили, напримѣръ, польскіе социніане, англійскіе пуритане, французскіе гугеноты. Эта политическая и духовная свобода много содѣйствовала и культурному преуспѣянію Голландіи, въ то самое время, какъ другая часть Нидерландовъ, оставшаяся за Испаніей Бельгія, наоборотъ, испытывала на себѣ послѣдствія католической реакціи.

XXVI. Религіозныя войны во Франціи и нантскій эдиктъ [1]).

Общее значеніе религіозныхъ войнъ во Франціи. — Причины долговременной смуты. — Протестантизмъ во Франціи. — Событія начала шестидесятыхъ годовъ и генеральные штаты. — Религіозный вопросъ по законамъ 1560, 61 и 62 гг. — Религіозныя войны и эдикты о терпимости.—Сенъ-жерменскій миръ — Колиньи и Екатерина Медичи. — Варѳоломеевская ночь. Генрихъ III. — Лига и штаты 1576 г. — Феодально-муниципальная реакція и ученіе о народовластіи. — Вопросъ о престолонаслѣдіи и «война трехъ Генриховъ». — Генрихъ IV король. — Заговоры на жизнь Генриха IV и его отношеніе къ католицизму. — Генрихъ IV и гугеноты. — Нантскій эдиктъ. — Судьба нантскаго эдикта.

Исторія религіозныхъ войнъ во Франціи, какъ и исторія нидерландской революціи, входитъ въ общую исторію борьбы католицизма

---

[1]) Кромѣ указанной на стр. 12 литературы по исторіи реформаціи во Франціи и др. сочиненій, относящихся къ эпохѣ, *Lacretelle*. Hist. de France

съ протестантизмомъ временъ Филиппа II, который, какъ извѣстно, вмѣшался и во французскую смуту. Но эта смута имѣетъ и другое значеніе. Въ общей политической исторіи эпохи мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ случаевъ борьбы подданныхъ противъ королевскаго абсолютизма, въ которой,—что̀ дѣлаетъ этотъ случай особенно любопытнымъ,—*оппозиція шла подъ знаменемъ идеи народовластія; провозглашавшейся не одними кальвинистами, но и католиками, хотя съ этимъ стремленіемъ къ политической свободѣ въ духѣ новыхъ идей соединялась здѣсь феодальная и муниципальная реакція.* Какъ реакцію эту, такъ и политическую оппозицію постигла неудача, и во Франціи утвердился абсолютизмъ. Однако, побѣда католицизма въ этой странѣ не сопровождалась католическою реакціей, и *французскій абсолютизмъ, по крайней мѣрѣ въ большей части XVII в., отличался отъ испанскаго своимъ болѣе свѣтскимъ характеромъ.* Что касается до утвержденія абсолютизма, то, подготовленный всею предъидущею исторіей Франціи, онъ сдѣлался своего рода политическою необходимостью въ виду *анархіи, въ какую повергла Францію упомянутая феодальная и муниципальная реакція.* Внутреннее умиротвореніе Франціи дарованіемъ протестантамъ свободы вѣроисповѣданія и установленіе въ странѣ сильной государственной власти, но безъ реакціонныхъ стремленій въ религіозномъ вопросѣ имѣли весьма

---

pendant les guerres civiles.—*Bouillé.* Hist. des ducs des Guises.—*De Croze.* Les Guises, les Valois et Philippe II.—*Forneron.* Les ducs des Guises et leur époque.—*Lacombe.* Catherine de Médicis entre Guise et Condé.—*Reumont.* Die Jugend Catharina's de Medici (ср. статью *Кудрявцева* въ „Сочиненіяхъ" на основаніи этой книги).—*Jules Tessier.* L'amiral Coligny.—*Jules de Laborde.* Gaspard de Coligny. — *E. Bersier.* Coligny avant les guerres civiles.—*Erich Marcks.* G. von Coligny, sein Leben und das Frankreich seiner Zeit.—*Taillandier.* Recherches historiques sur L'Hospital. — *Dupré-Lasal.* Michel de l'Hospital. — *Geuer.* Die Kirchenpolitik L'Hospitals. — *Amphux.* M. de L'Hospital et la liberté de Conscience au XVI siècle.—*Atkinson.* Michel de L'Hospital (англ.).—*Klüpffel.* Le colloque de Poissy. — *Schaeffer.* Les huguenots du XVI siècle. — *Baumgarten.* Vor der Bartholomaeusnacht.—*Rémusat.* La Saint-Barthélemy.—*H. While.* Massacre of St. Bartholomew preceeded by a narrative of the religions wars.—*De la Ferrière.* La Saint-Barthélemy.—*Labitte.* De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue. — *De Crue.* Le parti des Politiques au lendemain de la Saint-Barthélemy. — *A. de Ruble.* Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albert.—*Challe.* Le calvinisme et la Ligue.—*Vitet.* La Ligue.—*Stähelin.* Der Uebertritt Heinrichs zur römischen Kirche. Литература о генеральныхъ штатахъ: *A. Thierry.* Essai sur l'histoire du tiers état. — *Picot.* Histoire des états généraux. Раньше Пико о томъ же писали *Rathéry, Thibaudeau* и *Boullée.* См. также *De Maulde de Clavière.* Les origines de la révolution française au XVI siècle. La veille de la réforme, а также ст. *Hauser*'a. La réforme et les classes populaires en France au XVI siècle (въ Revue d'histoire moderne et contemporaine за 1899 г.).

цевъ, иногда даже вырывая ихъ изъ рукъ солдатъ, ведшихъ ихъ на казнь, и т. п. Въ 1560 году протестантская партія задумала захватить молодого короля, чтобы передать его подъ опеку Антуану Бурбону, но заговоръ этотъ („амбуазскій") былъ открытъ, и Гизы за участіе въ заговорѣ предали Людовика Конде обыкновенному суду, вопреки его праву, какъ принца крови, судиться лишь въ парламентѣ; это было своего рода угрозой и для другихъ дворянъ. Только смерть Франциска II и переходъ власти къ Екатеринѣ Медичи спасли принца Конде: онъ былъ немедленно выпущенъ на свободу. Хитрая итальянка хотѣла держаться у власти, не давая перевѣса ни Гизамъ, ни Бурбонамъ, а потому и Гизы были ею оставлены при своихъ должностяхъ. Малолѣтній король на престолѣ, иностранка-королева во главѣ правленія, занимающаяся интригами, заискивающая у всѣхъ партій, неспособная заставить однихъ не дѣлать нападеній на установленную религію, а другихъ — уважать свободу совѣсти своихъ согражданъ,—все это было на-руку феодальной реакціи, формулировавшей свои идеи такимъ образомъ: „какой-такой король? мы сами—короли, а этого короленка еще розгами можно сѣчь".

Такое время было благопріятно и для возрожденія давно уже не собиравшихся генеральныхъ штатовъ. И прежде, когда въ государствѣ происходили смуты, Франція прибѣгала къ генеральнымъ штатамъ, которые одно время даже были въ рукахъ королевской власти могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ феодальнымъ раздробленіемъ. Теперь снова сочли нужнымъ прибѣгнуть къ этому средству. Первое собраніе генеральныхъ штатовъ происходило по мысли умнаго, честнаго и вѣротерпимаго канцлера Лопиталя (L'Hospital или L'Hôpital), въ Орлеанѣ, въ 1560 г.; въ 1561 г. въ Понтуазѣ состоялось еще собраніе депутатовъ свѣтскихъ сословій, духовенство же собралось отдѣльно въ Пуасси, гдѣ Лопиталь устроилъ религіозный диспутъ между католиками и протестантами. Канцлеръ дѣйствовалъ вообще въ примирительномъ духѣ и убѣждалъ орлеанскіе штаты „оставить дьявольскія клички (ces mots diaboliques) лютеранъ, гугенотовъ, папистовъ и не мѣнять христіанскаго имени на другія". Въ собраніи штатовъ духовенствомъ требовалось преслѣдованіе еретиковъ; въ томъ же смыслѣ высказалась часть дворянъ, тогда какъ другая была за вѣротерпимость; въ послѣднемъ отношеніи съ нею были заодно и горожане, выразившіе желаніе, чтобы преслѣдованія были прекращены до рѣшенія религіозныхъ споровъ вселенскимъ соборомъ. Понтуазское собраніе 1561 г. свѣтскихъ чиновъ еще рѣшительнѣе выставило необходимость терпимости и даже поставило вопросъ о продажѣ церковныхъ имуществъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Что касается до диспута въ Пуасси,

гдѣ выступили другъ противъ друга Беза и кардиналъ Лотарингскій (Карлъ Гизъ), то на немъ, конечно, никакого соглашенія не состоялось. Единственнымъ результатомъ штатовъ 1560 г. былъ такъ называемый орлеанскій ордоннансъ, которымъ Лопиталь осуществлялъ нѣкоторыя желанія, высказанныя въ обширномъ проектѣ реформъ, составленномъ штатами. И въ 1560 г. представители сословій высказали, и въ 1561 г. еще разъ повторили желаніе, чтобы генеральные штаты были учрежденіемъ постояннымъ, собирающимся въ опредѣленные сроки; въ 1561 г. къ этому очень рѣшительно прибавлялось еще, что король долженъ дѣлить свою власть съ штатами. Послѣ этого, однако, штаты опять не собирались пятнадцать лѣтъ, но *въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ мысль о періодическихъ генеральныхъ штатахъ съ прямымъ участіемъ ихъ въ верховной власти сдѣлалась во Франціи еще болѣе популярною.*

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Лопиталь цѣлымъ рядомъ мѣръ думалъ уладить религіозный вопросъ. Эдиктъ 1560 г. (édit de Romorantin) установлялъ епископскую юрисдикцію по дѣламъ ереси, дабы помѣшать введенію во Франціи инквизиціи, и только одни парламенты могли изрекать смертные приговоры. Другимъ эдиктомъ (1561 г.) смертная казнь за ересь замѣнялась изгнаніемъ, кромѣ случаевъ нарушенія общественнаго спокойствія. Кромѣ того, Лопиталь въ частныхъ случаяхъ останавливалъ чрезмѣрно усердствовавшихъ преслѣдователей и смягчалъ участь обвиненныхъ. Наконецъ, въ 1562 г. правительство нашло нужнымъ сдѣлать новую уступку протестантамъ, подъ извѣстными условіями узаконивъ ихъ существованіе въ государствѣ. Именно по сенъ-жерменскому эдикту 1562 года кальвинисты получили право отправлять свое богослуженіе, хотя и не иначе, какъ внѣ городовъ, и безъ права собирать синоды своей церкви. Они были, однако, недовольны этими ограниченіями своей религіозной свободы, а католики негодовали на уступку ереси. Впрочемъ, этотъ эдиктъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ томъ же самомъ году произошла первая религіозная война во Франціи.

Въ 1562 г. герцогъ Францискъ Гизъ съ большою свитою проѣзжалъ черезъ мѣстечко Васси, гдѣ онъ и его приближенные услышали пѣніе протестантскихъ гимновъ гугенотами, собравшимися въ одномъ сараѣ для богослуженія. Лица, сопровождавшія герцога, попробовали разогнать собраніе, но, встрѣтивъ сопротивленіе, напали на безоружныхъ гугенотовъ и многихъ изъ нихъ ранили и убили. Послѣ этого происшествія въ Парижѣ, отличавшемся въ то время особенною преданностью католицизму, Гиза приняли съ восторгомъ, и онъ совершенно завладѣлъ королемъ и регентшей. Тогда принцъ Конде

собралъ гугенотовъ въ Ларошели, откуда они обратились за помощью къ Елизаветѣ Англійской. Началась война, нѣсколько разъ прерывавшаяся и возобновлявшаяся. Силы противниковъ были почти равныя, перевѣсъ не склонялся ни на ту, ни на другую сторону, но тѣмъ ожесточеннѣе они боролись между собою, не останавливаясь передъ избіеніями невинныхъ жертвъ и тайными убійствами и разоряя чужія церкви; все, что у кого-либо было противъ другихъ людей, теперь, при господствѣ анархіи, могло безпрепятственно проявиться въ кровавомъ сведеніи счетовъ: въ то самое время, какъ дворяне боролись съ государственною властью, крестьяне подымались противъ своихъ сеньеровъ. Въ этой борьбѣ погибли одинъ за другимъ Антуанъ Бурбонъ, Францискъ Гизъ, убитый однимъ гугенотомъ, принцъ Конде. Вскорѣ этихъ вождей обѣихъ враждующихъ партій смѣнили новые: Генрихъ Гизъ (сынъ Франциска) и адмиралъ Колиньи изъ протестантской фамиліи Шатильоновъ, честный и убѣжденный кальвинистъ, подобно Вильгельму Оранскому сражавшійся не противъ короля, а противъ овладѣвшихъ королемъ лицъ. Онъ сдѣлался главнымъ руководителемъ молодого Генриха Наваррскаго, сына Антуана Бурбона, поставленнаго теперь во главѣ протестантовъ. Въ это французское междоусобіе самими же враждующими сторонами были впутаны впослѣдствіи иностранцы: Елизавета Англійская и Филиппъ II Испанскій, нидерландскіе гёзы и нѣмецкіе ландскнехты, швейцарскіе (католическіе), итальянскіе и испанскіе наемники. Сила протестантовъ была настолько значительна, что правительство вынуждалось дѣлать имъ уступки, хотя само оно было безсильно поддерживать миръ. Поэтому гугеноты стали требовать у короля передачи имъ нѣскольких крѣпостей, гдѣ они могли бы чувствовать себя въ безопасности: гугеноты договаривались съ королемъ, какъ совершенно самостоятельная воюющая сторона. Первая война окончилась миромъ въ Амбуазѣ въ 1563 г. По амбуазскому эдикту допущена была *свобода протестантскаго богослуженія, но съ нѣкоторыми сословными ограниченіями*, — весьма характерная черта для французскаго протестантизма: высшее дворянство, имѣвшее право уголовнаго суда въ своихъ имѣніяхъ (hauts justiciers), могло строить въ нихъ протестантскія церкви не только для себя и своей домашней челяди, но и для всѣхъ подвластныхъ ихъ суду (justiciables), тогда какъ богослуженіе у низшаго дворянства могли посѣщать лишь ихъ домашніе, для всѣхъ же остальныхъ гугенотовъ изъ не-дворянъ назначался въ каждомъ округѣ одинъ городъ, въ окрестностяхъ котораго только и допускалось протестантское богослуженіе. Этотъ эдиктъ былъ подтвержденъ послѣ второй войны (1567—1568) по миру въ Лонжюмо. Третья война (1569 — 1570), бывшая особенно удачною для гугенотовъ (Колиньи шелъ прямо на Парижъ), окончилась миромъ

въ Сенъ-Жерменѣ (Saint-Germain en Laye), по которому кальвинистамъ давалась свобода совѣсти и право домашняго богослуженія во всемъ государствѣ, право публичнаго культа въ имѣніяхъ высшаго и низшаго дворянства, съ запрещеніемъ, однако, всякаго богослуженія, кромѣ католическаго, въ Парижѣ, его окрестностяхъ и въ какомъ бы то ни было мѣстопребываніи короля; далѣе имъ предоставлялось право занимать всякія должности и поступать въ университеты и другія школы; протестантамъ позволялось еще при тяжбахъ съ католиками отводить извѣстное число (4, 6, 8) судей въ той палатѣ парламента, которая рѣшала дѣло: вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они должны были уплачивать на старыхъ основаніяхъ десятину католическому клиру. Въ обезпеченіе всѣхъ этихъ правъ гугеноты получили на два года четыре крѣпости (Ларошель, Монтобанъ, Коньякъ и Лашарите). Это было дальнѣйше развитіе амбуазскаго эдикта, и всѣ позднѣйшіе переговоры о мирѣ въ слѣдующія войны велись на основахъ этого договора. Самъ нантскій эдиктъ, заключившій эпоху религіозныхъ войнъ черезъ 28 лѣтъ послѣ этого, былъ въ существенныхъ своихъ чертахъ составленъ по образцу амбуазскаго эдикта. Но и съ сенъ-жерменскимъ договоромъ случилось то же самое, что̀ и съ прежними договорами: католики не хотѣли подчиняться условіямъ мира, и потому какъ только гугеноты клали оружіе, то немедленно подвергались нападеніямъ со стороны фанатиковъ, подстрекаемыхъ извнѣ, правительство же съ Екатериной Медичи во главѣ становилось то на одну, то на другую сторону.

Въ самомъ дѣлѣ, за „вѣчнымъ и неотмѣнимымъ“ сенъ-жерменскимъ эдиктомъ въ довольно непродолжительномъ времени послѣдовала новая война, вызванная знаменитою варѳоломеевскою ночью. Гугеноты одержали побѣду, между прочимъ, благодаря нѣмецкимъ солдатамъ и англійскимъ деньгамъ. Сенъ-жерменскій миръ крайне раздражилъ папу Пія V и Филиппа II, испанскаго короля — тѣмъ болѣе, что успѣхъ французскихъ протестантовъ поощрялъ къ сопротивленію его нидерландскихъ подданныхъ, поднявшихъ около этого же времени знамя возстанія и весною 1572 г. имѣвшихъ уже значительный успѣхъ. Франція опять переходила, кромѣ того, въ противный Габсбургамъ лагерь: сближалась съ нѣмецкими князьями, съ Англіей, съ недовольными нидерландцами. При дворѣ Гизы потеряли прежнее свое значеніе, и двадцатилѣтній Карлъ IX приблизилъ къ себѣ адмирала Колиньи (1571), сдѣлалъ его даже своимъ совѣтникомъ. Католики были крайне недовольны новою политикою правительства. Въ массахъ городского населенія раздраженіе противъ гугенотовъ было весьма сильно; мѣстами уже происходили вспышки фанатизма, но насилія противъ протестантовъ строго наказывались.

Въ это время уже была значительная партія католиковъ, желавшихъ вѣротерпимости: она старалась противодѣйствовать возобновленію религіозныхъ войнъ, и за это ее назвали „политиками". Карлъ IX, не отличавшійся устойчивостью характера, между тѣмъ совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе Колиньи, совѣтовавшаго ему держаться національной, антииспанской политики и даже оказать вооруженную помощь Нидерландамъ. Молодой король носился еще съ мыслью отнять у Испаніи Миланъ и Наварру къ югу отъ Пиренеевъ, чтобы возвратить эту страну Генриху Бурбону, за котораго онъ хотѣлъ выдать замужъ свою сестру Маргариту. Католики, во главѣ которыхъ стоялъ братъ короля Генрихъ Анжуйскій, вмѣстѣ съ послами Испаніи и папы старались противодѣйствовать этимъ планамъ, но не имѣли успѣха. Внѣшнія обстоятельства были, однако, неблагопріятны для этихъ плановъ: хотя брату Вильгельма Оранскаго, Людовику Нассаускому, овладѣвшему Монсомъ въ Бельгіи, была оказана небольшая военная помощь, но испанцы взяли верхъ; нѣмецкіе лютеране и думать не хотѣли о союзѣ съ нидерландскими и французскими кальвинистами; Елизавета Англійская, съ своей стороны, не желала усиленія Франціи на счетъ Бельгіи; турки, прежніе союзники Франціи, послѣ пораженія при Лепанто (1571) не имѣли уже прежней силы. Екатерина Медичи, понимавшая, что протестанты всегда будутъ составлять лишь партію въ государствѣ, что народъ останется не только католическимъ, но и враждебнымъ протестантизму, недовольная, кромѣ того, потерей вліянія на сына, стала противодѣйствовать Колиньи. Совершенно основательно она видѣла въ немъ своего личнаго врага: онъ самъ не скрывалъ своихъ непріязненныхъ чувствъ къ королевѣ и даже совѣтовалъ Карлу IX устранить отъ дѣлъ и ее, и Генриха Анжуйскаго. По его мнѣнію, нужно было выбирать между внѣшней или внутренней войной; первая въ его глазахъ была предпочтительнѣе, а между тѣмъ Генрихъ Анжуйскій, любимецъ матери, легко могъ бы возбудить вторую. Этотъ выборъ для Карла IX былъ равносиленъ выбору между „еретикомъ" и матерью. Королева наконецъ побѣдила. 9 августа 1572 г. Карлъ IX объявилъ, что мира съ Испаніей онъ не нарушитъ. „Дай Богъ, воскликнулъ Колиньи, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, дай Богъ, чтобы не возникла другая война, которой король не будетъ въ состояніи избѣжать!" Эти слова были истолкованы въ смыслѣ угрозы. Между тѣмъ на свадьбу Маргариты съ Генрихомъ Бурбономъ собралось въ Парижѣ нѣсколько тысячъ протестантскаго дворянства. Екатерина, увидѣвшая въ этомъ большую опасность, задумала отдѣлаться отъ адмирала посредствомъ убійства, но выстрѣлъ изъ-за угла его только ранилъ (22 августа). Королева-мать стала бояться мести съ его стороны, да и собравшіеся въ Парижѣ гугеноты приняли по

отношенію къ ней угрожающее положеніе. Тогда Екатерина, которой еще раньше испанскіе дипломаты совѣтовали покончить съ гугенотами однимъ ударомъ, рѣшилась сразу истребить опасныхъ для нея людей; притомъ она знала, что парижское населеніе, преданное католицизму, доставитъ ей достаточное количество помощниковъ. Таково было происхожденіе варѳоломеевской ночи: старое представленіе всего дѣла, будто оно было подготовлено заранѣе и притомъ по тайному соглашенію съ Испаніей, приходится оставить въ виду новыхъ историческихъ работъ по этому вопросу [1]). Слабохарактернаго Карла IX убѣдили въ необходимости задуманнаго дѣла, и наскоро поручили парижскому купеческому старшинѣ организовать шайки убійцъ. Въ ночь наканунѣ дня св. Варѳоломея (съ 23 на 24 августа) и въ слѣдующіе затѣмъ дни произошло въ Парижѣ избіеніе двухъ тысячъ гугенотовъ. Подобная же расправа съ еретиками совершилась въ провинціи, гдѣ по тайнымъ приказамъ обезумѣвшаго Карла IX (который также стрѣлялъ изъ дворцоваго окна въ ночь на 24 августа) было перебито до 30 т. гугенотовъ. Генрихъ Бурбонъ и его кузенъ, принцъ Конде, спаслись только принятіемъ католицизма. Вслѣдъ за этимъ ударомъ протестантизмъ былъ запрещенъ во Франціи. Въ память событія была выбита медаль съ надписями: „Virtus in rebelles“ и „Pietas excitavit justitiam“. Въ Мадридѣ и Римѣ извѣстіе было встрѣчено дикой радостью и торжественно отпраздновано. Папа Григорій XIII также выбилъ медаль со своимъ портретомъ на одной сторонѣ и съ изображеніемъ на другой ангела, держащаго въ рукѣ крестъ и поражающаго гугенотовъ, вокругъ была надпись: „ugonottorum strages, 1572“.

За варѳоломеевской ночью послѣдовала новая (четвертая въ царствованіе Карла IX) религіозная война. Знамя возстанія подняли на этотъ разъ жители Ларошели и другихъ городовъ, съ которыми соединились остатки неистребленнаго въ конецъ кальвинистическаго дворянства. Манифестомъ этого возстанія сдѣлался памфлетъ Готмана „De furoribus gallicis“. Эта война была непродолжительна (1572 — 1573). Генрихъ Анжуйскій, стоявшій во главѣ католиковъ, уѣхалъ въ Польшу, избравшую его въ 1573 г. въ свои короли; его младшій братъ, герцогъ Алансонскій, ненавидѣвшій его и мечтавшій о бракѣ съ Елизаветой Англійской, примкнулъ къ „политикамъ“; само правительство испугалось притязаній Филиппа II на европей-

---

[1]) См. Philippson. Westeuropa, II, 255—259. — Kervyn de Lettenhove. Documents relatifs à l'hist. du XVI siècle (I, 157 и слѣд.) и второй томъ Huguenots et gueux, а также Baumgarten въ Hist. Zeitschr. (N. F., XIV: Nachtrag zur Geschichte der Bartholomaeusnacht). Поленцъ думаетъ, что планъ былъ задуманъ maximum за десять дней до исполненія.

скую гегемонію. Среди такихъ обстоятельствъ Карлъ IX умеръ (1574), и ему наслѣдовалъ съ именемъ Генриха III герцогъ Анжуйскій, тайкомъ покинувшій Польшу, чтобы занять французскій престолъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, изнѣженный и легкомысленный, но онъ не даромъ прошелъ школу своей матери. Католики думали, что герой варѳоломеевской ночи будетъ настоящимъ королемъ ихъ партіи, и собирались всецѣло подчинить его своему вліянію. Въ своихъ расчетахъ они, однако, ошибались. Новый король хотѣлъ удержать во всей неприкосновенности права своей короны, и онъ понималъ, что полнымъ истребленіемъ гугенотовъ онъ только усилилъ бы Гизовъ. Принятый имъ образъ дѣйствія состоялъ въ томъ, чтобы не давать перевѣса ни Гизамъ съ католиками, ни Бурбонамъ съ кальвинистами. Съ другой стороны, въ это время происходило нѣкоторое сближеніе между гугенотами и „политиками": одни видѣли, что имъ не навязать своего вѣроисповѣданія всей Франціи, другіе сознавали, что протестантизма и не уничтожишь. Сходясь между собою относительно необходимости религіознаго мира, обѣ партіи вмѣстѣ съ тѣмъ желали созванія генеральныхъ штатовъ.

Вступленіе Генриха III на престолъ совершилось во время новаго междоусобія, когда во главѣ возстанія стоялъ младшій братъ короля, въ союзѣ съ Бурбонами и при нѣмецкой (пфальцграфа Рейнскаго) военной и англійской денежной помощи. Новый миръ, которымъ поспѣшили окончить войну, былъ выгоденъ для протестантовъ: утвердивъ прежнія свои уступки, правительство согласилось на то, чтобы въ парламентахъ были смѣшанныя палаты для разбора тяжбъ между католиками и реформаторами и чтобы послѣдніе могли съѣзжаться на синоды, но только въ присутствіи правительственнаго делегата. Въ обезпеченіе соблюденія договора правительство отдало гугенотамъ двѣнадцать крѣпостей. Оппозиціонные принцы получили вознагражденіе, Францискъ Алансонскій — Берри, Турренъ и Анжу въ свое управленіе и пенсію въ сто тысячъ экю; принцъ Конде — Пикардію въ управленіе и т. д. И послѣ этого, какъ мы не разъ еще увидимъ, *королевская власть во Франціи неоднократно откупалась отъ аристократической оппозиціи раздачею денегъ, доходныхъ мѣстъ, или цѣлыхъ провинцій въ управленіе*. Это свидѣтельствовало не только о слабости правительства, но и о корыстномъ характерѣ оппозиціи, которая дѣйствительно пользовалась религіозными смутами или народнымъ недовольствомъ лишь для того, чтобы начинать мятежъ и потомъ продавать свою покорность за матеріальныя выгоды.

Гугеноты и „политики", добившись отъ правительства уступокъ и обѣщанія созвать генеральные штаты, показали католикамъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать съ правительствомъ. Уже кардиналъ Лотаринг-

скій въ концѣ своей жизни († 1574) настаивалъ на необходимости болѣе прочной организаціи католиковъ. Уступки Генриха III еретикамъ заставили теперь папистовъ заключить между собою лигу, во главѣ которой сталъ Генрихъ Гизъ. Король съ своей стороны нашелъ нужнымъ сблизиться съ лигою въ надеждѣ на то, что она поможетъ ему выйти побѣдителемъ изъ борьбы, которая неминуемо должна была возникнуть между нимъ и генеральными штатами, гдѣ „политики" и гугеноты стали бы проводить непріятныя для него мѣры. Лига, начавшая снова фанатизировать народъ, побѣдила на выборахъ въ генеральные штаты, и такой исходъ выборовъ заставилъ „политиковъ" и гугенотовъ воздержаться отъ участія въ собраніи. Генеральные штаты 1576 г., засѣдавшіе въ Блуа, были настроены крайне фанатически: они требовали полнаго уничтоженія протестантизма во Франціи и отмѣны всѣхъ льготъ, данныхъ гугенотамъ по послѣднему миру. Правительство, пожалуй, готово было дѣйствовать въ ихъ духѣ въ религіозномъ вопросѣ, но *въ политическомъ отношеніи рьяные католики желали того же самаго, къ чему стремились и кальвинисты, т.-е. ограниченія королевской власти.* Напримѣръ, штаты стали дѣлать различіе между законами короля и законами королевства, между временными распоряженіями государственной власти и постановленіями генеральныхъ штатовъ, которыя не могли бы никѣмъ быть отмѣняемы, кромѣ самихъ штатовъ, и не нуждались бы въ королевскомъ утвержденіи въ случаѣ единогласія сословій. Были даже голоса, требовавшіе участія штатовъ въ назначеніи членовъ тайнаго совѣта, т.-е. министровъ короля. Третье сословіе потребовало возстановленія муниципальныхъ вольностей, пришедшихъ въ упадокъ съ усиленіемъ королевской администраціи. Правительство особымъ ордоннансомъ (ord. de Blois) удовлетворило разныя другія просьбы сословій, но политическія идеи, которыя проповѣдовались на штатахъ, прямо заставили и короля, и его мать отшатнуться отъ лиги. Теперь все указывало на то, что *за аристократической оппозиціей, принявшей характеръ феодальной реакціи, начиналась еще оппозиція и демократическая, представлявшая изъ себя муниципальную реакцію противъ королевскаго абсолютизма.* Подобно тому, какъ дѣлались преимущественно кальвинистами дворяне, и въ ихъ лагерѣ получали все большую популярность политическія идеи кальвинизма, такимъ же образомъ католицизмъ наибольшее количество защитниковъ насчитывалъ въ городахъ, гдѣ также, но только въ католической оболочкѣ, распространялись идеи народовластія. Городами съ Парижемъ во главѣ преимущественно и держалась „святая" лига. Среди ея членовъ вообще и особенно среди городского населенія сѣверной Франціи было въ большомъ ходу ученіе іезуитовъ о правѣ народовъ низлагать ко-

ролей и убивать тиранновъ. Происходила даже (главнымъ образомъ въ восьмидесятыхъ годахъ) въ этомъ духѣ и литературная защита политической свободы противъ абсолютизма, такъ что *одновременно съ кальвинистическими трактатами на тему народовластія ту же идею въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ защищали и крайніе католики* [1]). Католическая демократія не хотѣла признавать иного истиннаго суверена, кромѣ Бога и его намѣстника на землѣ, папы, и отказывала въ своемъ повиновеніи непослушнымъ церкви монархамъ. Проповѣдники лиги объявляли такихъ государей тираннами, которыхъ слѣдуетъ убивать. Идею народовластія усвоили и генеральные штаты этой эпохи. Съ другой стороны, однако, при Генрихѣ III *возрождался феодальный и муниципальный бытъ среднихъ вѣковъ съ обычной своей анархіей*: губернаторы дѣлались независимыми отъ центральной власти и мечтали о княжеской самостоятельности: сеньеры возстановляли свои старыя права надъ населеніемъ и присвоивали себѣ право войны; муниципальныя власти брали на себя начальство надъ милиціей, отказывались въ судебномъ отношеніи повиноваться парламентамъ, не хотѣли никому отдавать отчета по городскимъ финансамъ, грабимые и притѣсняемые крестьяне бунтовали и требовали, чтобы имъ показали въ Библіи, гдѣ это сказано, чтобы ихъ такъ можно было угнетать.

Возрожденію средневѣковой анархіи и усиленію ярости религіозной войны много содѣйствовало то, что со смертью младшаго брата короля (1584), при бездѣтности его самого, корона Франціи должна была перейти къ Генриху Бурбону, снова перешедшему въ протестантизмъ. Католическая лига, поддерживаемая Испаніей, никакъ, конечно, не могла допустить перехода французской короны къ еретику. Глава лиги, Генрихъ Гизъ, считавшій себя потомкомъ Карла Великаго, стремился самъ сдѣлаться королемъ; чтобы получить поддержку націи, онъ обѣщалъ возстановленіе всего, что̀ было въ политическомъ быту Франціи разрушено усиленіемъ королевской власти. Собственно говоря, лига окончательно организовалась лишь въ 1585 г., когда въ замкѣ Жуанвилѣ былъ заключенъ формальный союзъ между Гизами и Филиппомъ II для подавленія ереси въ Нидерландахъ и Франціи. Послѣ этого дѣйствительнымъ главою католической Франціи сдѣлался Генрихъ Гизъ. Генрихъ потерялъ всякое значеніе. Католики и гугеноты, предводительствуемые двумя Генрихами (Гизомъ и Бурбономъ), не обращали никакого вниманія на третьяго Генриха (короля), тоже

---

[1]) Анонимное (іезуита Райнальдса, писавшаго подъ псевдонимомъ Россеуса?) соч. De justa reipublicae christinae in reges impios authoritate. Памфлеты Буше: De justa Henrici tertii abdicatione a Francorum regno и Sermons. De la simulée conversion et nullité de l'absolution de Henri de Bourbon Ср. то, что̀ сказано выше (стр. 232 и слѣд.) о „монархомахахъ“.

принявшаго участіе въ войнѣ, которая и получила названіе „войны трехъ Генриховъ". Въ 1588 г. въ самомъ Парижѣ произошло возстаніе. Его населеніе организовалось въ боевую силу подъ начальствомъ такъ называемой „лиги шестнадцати" революціоннаго правительства, состоявшаго изъ 16 членовъ по числу городскихъ кварталовъ (ligue des seize) и дѣйствовавшаго по инструкціямъ Генриха Гиза. Въ городѣ шла агитація противъ „политиковъ" и короля, „оскорблявшихъ Бога" уступчивостью еретикамъ; въ тайныхъ совѣщаніяхъ лиги поговаривали прямо о низложеніи Генриха III. Король вынужденъ былъ даже принять нѣкоторыя мѣры для огражденія своей личной безопасности. но лигисты приняли ихъ за угрозу и призвали въ Парижъ Генриха Гиза. Несмотря на королевское запрещеніе, герцогъ явился на этотъ зовъ. Попытка Генриха III окружить свою резиденцію, Лувръ, вѣрными войсками вызвала знаменитый „день баррикадъ" (12 мая). Дѣло могло бы кончиться низложеніемъ короля, если бы этого захотѣлъ Генрихъ Гизъ, но онъ потребовалъ только, чтобы его назначили намѣстникомъ королевства (lieutenant général du royaume), чтобы созваны были генеральные штаты для утвержденія его въ этомъ санѣ и чтобы Генрихъ Бурбонъ былъ объявленъ лишеннымъ правъ на престолъ. Во время переговоровъ, вызванныхъ этими требованіями, Генрихъ III бѣжалъ изъ Парижа, и столица государства осталась въ рукахъ Гиза. Въ октябрѣ 1588 г. въ Блуа открылись засѣданія генеральныхъ штатовъ. Въ нихъ господствовали католики, раздѣлявшіе политическія воззрѣнія католической демократіи. Они требовали передачи штатамъ всей верховной власти и стояли за полное господство католицизма во Франціи: штаты не прочь даже были поставить Генриха Гиза во главѣ государства. Король отдѣлался тогда отъ опаснаго соперника посредствомъ убійства (въ дек. 1588 г.), но этимъ возбудилъ противъ себя новое возстаніе подъ предводительствомъ парижской „лиги шестнадцати", успѣвшей сдѣлаться для городовъ сѣверной Франціи настоящимъ правительствомъ. Съ своей стороны, Сорбонна объявила, что вслѣдствіе вѣроломнаго поступка Генриха III во вредъ католической церкви французскій народъ освобождается отъ своей присяги на вѣрность королю и получаетъ право взяться противъ него за оружіе. Такимъ образомъ черезъ восемь лѣтъ послѣ того, какъ Филиппъ II былъ низложенъ нидерландскими протестантами въ силу ученія о правѣ народовъ лишать власти дурныхъ правителей, то же ученіе примѣнялось теперь во Франціи, но уже крайними католиками; только мотивъ у Сорбонны былъ иной—не тиранническое поведеніе по отношенію къ гражданской свободѣ, а измѣна интересамъ католицизма. Это право доказывалъ и лигистъ Буше въ трактатѣ „О справедливомъ низложеніи Генриха III". Въ своемъ со-

чиненіи Буше какъ бы повторялъ только доводы кальвинистовъ въ пользу той мысли, что государь получаетъ свою власть отъ народа, что между государемъ и народомъ существуетъ договоръ, и что въ случаѣ нарушенія этого договора со стороны государя народъ освобождается отъ присяги. Поэтому Буше доказывалъ, что генеральные штаты могутъ судить короля, что народу надъ королемъ даже принадлежитъ право жизни и смерти, и что даже всякій имѣетъ право убить тиранна, незаконно захватившаго власть, и даже законнаго государя, тираннически пользующагося властью, если народные представители объявятъ его врагомъ общества. Трактатъ этотъ еще не былъ оконченъ, когда Буше получилъ извѣстіе объ убіеніи самого Генриха III, и онъ прославилъ тогда въ своемъ сочиненіи „вдохновленнаго Христомъ и движимаго любовью" мстителя, возобновившаго дѣло Юдиѳи надъ Олоферномъ и Давида надъ Голіаѳомъ.

Генрихъ III, почти всѣми покинутый и отвергнутый послѣ убіенія Гиза,—и генеральными штатами, прекратившими свои засѣданія, и послами Филиппа II и Сикста V, оставившими его дворъ,—рѣшился на миръ съ Генрихомъ Бурбономъ. Въ Плесси-Ле-Турѣ они заключили между собою договоръ, имѣвшій тотъ результатъ, что оставшіеся вѣрными королю католики соединились съ гугенотами противъ мятежныхъ папистовъ. Лига назначила своимъ главнокомандующимъ герцога Майенскаго. Въ то же время папа сталъ грозить королю отлученіемъ, если онъ не оправдается, а Сорбонна объявила, что всякій можетъ убить тиранна, вредящаго религіи. Заключивъ союзъ, оба Генриха подошли къ Парижу и осадили его, но вскорѣ король былъ убитъ доминиканскимъ монахомъ Жакомъ Клеманомъ, подосланнымъ, повидимому, герцогинею Монпансье, сестрою Генриха Гиза. Молодому доминиканцу дали письмо къ королю; со спрятаннымъ подъ рясой отравленнымъ ножомъ онъ пришелъ въ непріятельскій лагерь, попросилъ свиданія съ Генрихомъ III, вообще благоволившимъ къ монахамъ, и нанесъ ему смертельную рану въ животъ. Черезъ нѣсколько часовъ Генрихъ III скончался, назначивъ передъ смертью своимъ преемникомъ Генриха Бурбона (1589).

Въ католическомъ лагерѣ радость по поводу убіенія „тиранна" была большая, и въ церквахъ поминали, какъ мученика, преданнаго казни цареубійцу. Сторонники „Беарнца" поспѣшили провозгласить его королемъ подъ именемъ Генриха IV. Католики, конечно, не хотѣли признать его права на корону.Никстъ V объявилъ, что не допуститъ его царствовать даже въ томъ случаѣ, если бы онъ отказался отъ ереси; Филиппъ II даже двинулъ во Францію цѣлое войско подъ начальствомъ Александра Пармскаго; лига тоже продолжала бороться и въ 1593 г. собрала въ Парижѣ генеральные штаты. Испанскій

посланникъ предложилъ имъ отдать французскій престолъ дочери Филиппа II отъ его брака съ Елизаветой Валуа съ тѣмъ, чтобы будущая королева вышла замужъ за одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ или за одного изъ Гизовъ. Это предложеніе не было, однако, принято, такъ какъ даже самые фанатическіе католики вовсе не хотѣли итти подъ власть испанскаго короля.

Генрихъ IV продолжалъ мужественно бороться за свое королевское право, опираясь на гугенотовъ и поддерживаемый Англіей. Ему много помогали и всеобщее утомленіе, и боязнь испанскихъ стремленій и раздробленія Франціи между вождями лигистовъ, и усиленіе партіи „политиковъ", ведшей памфлетную пропаганду, которая раскрыла глаза націи на истинное положеніе дѣлъ. Но лишь переходъ Генриха IV въ католицизмъ (1593) отворилъ передъ нимъ ворота столицы (1594) и снялъ (1595) съ него папское отлученіе. Въ 1598 г. и Испанія вынуждена была заключить миръ съ Генрихомъ IV. Мы еще вернемся къ тому, какъ Генрихъ IV возстановилъ королевскую власть во Франціи, окончательно подавивъ феодально-муниципальную реакцію; здѣсь же ограничимся лишь разсмотрѣніемъ отношенія новаго короля къ католическому міру и его нантскаго эдикта, которымъ онъ установилъ въ своемъ государствѣ свободу протестантскаго вѣроисповѣданія.

Переходъ Генриха IV въ католицизмъ былъ мѣрой чисто политическаго характера, такъ какъ „Парижъ стоилъ того, чтобы пойти на мессу" (Paris vaut une messe). Понятно, что наиболѣе рьяные католики не довѣряли искренности обращенія короля [1]) и составляли заговоры на его жизнь. Первый изъ нихъ относится къ 1593 г., но онъ былъ своевременно открытъ. Въ 1594 г. 19-лѣтній воспитанникъ іезуитовъ Жанъ Шатель сдѣлалъ покушеніе на жизнь Генриха IV, но только ранилъ его въ верхнюю губу; такъ какъ слѣдствіе показало, что въ дѣлѣ были замѣшаны іезуиты, то ихъ тогда изгнали изъ Франціи. Впослѣдствіи (1604), впрочемъ, они были возвращены, потому что Генрихъ IV считалъ болѣе удобнымъ удержать іезуитовъ даже при дворѣ, чѣмъ подвергаться опасности тайнаго убійства. На жизнь Генриха IV составлялись и другіе заговоры, и умеръ онъ отъ руки убійцы, дѣйствовавшаго, какъ были по крайней мѣрѣ убѣждены французы, по внушенію испанскаго правительства. Дѣло въ томъ, что Генрихъ IV возвратилъ Францію къ антигабсбургской политикѣ, и крайніе представители католической реакціи смотрѣли на него, какъ на самаго опаснаго врага. Для плановъ

---

[1]) См. названное выше (стр. 328) соч. Буше, автора книги, написанной противъ Генриха III.

Генриха IV было весьма важно, что даже самъ папа Климентъ VIII сталъ склоняться на его сторону, ища у него поддержки противъ испанскихъ притязаній. Согласившись на разводъ Генриха IV съ Маргаритой Валуа, папа даже выдалъ за него замужъ свою племянницу Марію Медичи. У Испаніи съ Франціей и при Филиппѣ III продолжались натянутыя отношенія. Генрихъ IV оказалъ помощь Голландіи и этимъ заставилъ испанскаго короля заключить съ нею перемиріе 1609 г. Въ концѣ своей жизни Генрихъ IV хотѣлъ соединить въ одну большую коалицію нѣмецкихъ, нидерландскихъ, скандинавскихъ и итальянскихъ противниковъ испанско-австрійскаго владычества. Сюлли, сподвижникъ Генриха IV и его первый помощникъ въ управленіи государствомъ, сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ цѣлый планъ реорганизаціи Европы, будто бы имѣвшійся въ виду королемъ. Сущность его заключалась въ томъ, чтобы раздѣлить всю Западную Европу на 15 государствъ (шесть наслѣдственныхъ монархій, пять монархій избирательныхъ и четыре республики) съ установленіемъ религіозной равноправности и вѣчнаго мира между ними посредствомъ рѣшенія международныхъ споровъ на общеевропейскомъ конгрессѣ. Въ настоящее время, однако, достовѣрность этого извѣстія опровергается историками, изслѣдовавшими вопросъ [1]). Несомнѣнно только то, что въ 1610 г. Франція была наканунѣ войны противъ главной представительницы католической реакціи и притомъ въ союзѣ съ протестантами. Кинжалъ Равальяка нанесъ ударъ Генриху IV какъ-разъ въ наиболѣе удобную для католической реакціи минуту.

Генрихъ IV былъ *первымъ государемъ новаго времени, который ставилъ государственную идею выше вѣроисповѣдной исключительности и ограниченности и пытался устроить мирное сожительство граждан разныхъ исповѣданій въ одномъ и томъ же государствѣ*, хотя бы въ этомъ дѣлѣ онъ и имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ Лопиталя или „политиковъ", а изданный имъ нантскій эдиктъ въ существенныхъ своихъ чертахъ лишь воспроизводилъ прежніе эдикты о терпимости. Въ задуманномъ имъ дѣлѣ онъ имѣлъ противъ себя одинаково и католическую, и протестантскую нетерпимость, но за него были лучшіе люди обоихъ исповѣданій. Самъ онъ не дѣлалъ между католиками и протестантами никакого различія при назначеніи на важныя должности, такъ что современники даже удивлялись, видя кальвиниста Сюлли въ качествѣ главнаго помощника католическаго короля. Переходъ самого Генриха IV въ католицизмъ естественно долженъ былъ встревожить протестантовъ, хотя въ ихъ рукахъ оставалось около 200 укрѣ-

---

[1]) *Moritz Ritter*. Die Memoiren Sullys und der grosse Plan Heinrichs IV.— *Rott*. Henri IV, les Suisses et l'Italie.

пленныхъ мѣстъ. Въ 1594 г. они создали свою особую организацію, что-то въ родѣ гугенотской республики во французскомъ королевствѣ. и нѣкоторые изъ нихъ мечтали даже о томъ, чтобы имѣть особаго „протектора“, хотя бы его пришлось искать въ Англіи или Голландіи. Когда Генрихъ IV отрекся отъ протестантизма, между нимъ и вождями гугенотовъ начались переговоры, во время которыхъ послѣдніе требовали допущенія ко всѣмъ должностямъ наравнѣ съ католиками содержанія протестантскаго духовенства и школъ на государственный счетъ, разрѣшенія публично отправлять реформированное богослуженіе повсюду, равнаго числа католическихъ и кальвинистическихъ членовъ въ парламентахъ и другихъ судахъ и предоставленія себѣ двухсотъ укрѣпленныхъ мѣстъ съ гарнизонами, содержимыми, однако, на государственный счетъ. Соглашаясь на два первыя требованія, Генрихъ IV указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ публичный протестантскій культъ положительно невозможенъ, такъ какъ вызвалъ бы немедленно католическое возстаніе, и что кальвинисты, составляя десятую часть населенія, не могутъ претендовать на половину мѣстъ въ парламентахъ. Къ этому онъ прибавлялъ, что и прежніе эдикты никогда не давали протестантамъ такого количества крѣпостей, какого они теперь требовали. Недовольные гугеноты готовы были обратиться къ посредничеству Англіи и Голландіи, но среди нихъ самихъ не было единодушія: кальвинистическое духовенство не хотѣло подчиняться дворянамъ, которые, въ качествѣ сеніоровъ, играли роль въ церковномъ управленіи, а съ другой стороны, и между гугенотской аристократіей и буржуазіей происходили распри.

Наконецъ, обѣ стороны пришли къ извѣстному соглашенію, и въ 1598 г. былъ изданъ нантскій эдиктъ, почти цѣлое столѣтіе послѣ этого (1598—1685) регулировавшій положеніе французскихъ кальвинистовъ. Онъ разрѣшалъ свободное отправленіе протестантскаго богослуженія въ дворянскихъ замкахъ (числомъ около 3500) съ прежними ограниченіями и въ двухъ городахъ каждаго сенешальства или бальяжа, равно какъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ, гдѣ оно уже установилось раньше (до 1597 г.). Правительство брало, далѣе, на казенный счетъ содержаніе кальвинистическаго духовенства и школъ. За протестантами признавались всѣ тѣ же права, что̀ и за католиками: изъ-за вѣры, напримѣръ, родители не могли лишать дѣтей наслѣдства, насилуя тѣмъ ихъ совѣсть. Въ каждомъ парламентѣ учреждалась особая смѣшанная палата (chambre mi-partie, chambre de l'édit) для разсмотрѣнія спорныхъ дѣлъ. Кальвинисты допускались къ занятію всѣхъ должностей. Имъ разрѣшалось созывать религіозныя собранія (консисторіи, синоды) и даже допускать на нихъ иностранныхъ единовѣрцевъ, но послѣдніе не могли появляться на политическихъ собра-

ніяхъ, равнымъ образомъ разрѣшавшихся кальвинистамъ. Двѣсти крѣпостей и укрѣпленныхъ замковъ, бывшихъ въ ихъ рукахъ, временно (на 8 лѣтъ, потомъ еще на 4 года) оставлялись въ ихъ распоряженіи, какъ „places de sûreté", и король обязывался содержать на свой счетъ ихъ гарнизоны и ставить во главѣ ихъ только кальвинистовъ, пока не будутъ найдены другія средства для обезпеченія свободы вѣроисповѣданія протестантовъ. *По нантскому эдикту во Франціи законнымъ образомъ установлялась полная равноправность католиковъ и протестантовъ*—впервые въ ту пору, когда въ католическихъ государствахъ преслѣдовали протестантовъ, а въ протестантскихъ—католиковъ, но эта религіозная свобода имѣла чисто сословный оттѣнокъ не только въ согласіи съ соціальнымъ строемъ самого государства, но и съ сословнымъ характеромъ французской реформаціи. Эта свобода вводилась властью абсолютнаго монарха въ странѣ, въ населеніи которой господствовала нетерпимость. Большая часть парламентовъ долго отказывалась вносить въ свои реестры нантскій эдиктъ. Населеніе Парижа такъ-таки и не допустило протестантскаго храма въ стѣнахъ своего города. Въ цѣлыхъ бальяжахъ и во множествѣ городовъ протестанты подвергли бы себя большой опасности, если бы только вздумали публично отправлять свое богослуженіе. Терпимость французскаго государства къ гугенотамъ сохранилась даже тогда, когда они въ двадцатыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія, при министрѣ, бывшемъ въ то же время католическимъ кардиналомъ (Ришелье), дважды возставали противъ правительства, обращались даже къ англійской помощи и были побѣждены. Правда, они были лишены своей республиканской организаціи, своихъ политическихъ собраній, своихъ крѣпостей; но такъ называемый „эдиктъ милости" (édit de grâce, 1629 г.) тѣмъ не менѣе оставлялъ за ними ихъ религіозныя права и ихъ равноправность съ католиками въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ихъ установлялъ нантскій эдиктъ. И это дѣлалъ высокій сановникъ католической церкви относительно побѣжденныхъ протестантовъ въ томъ самомъ году, когда въ Германіи свирѣпствовала религіозная война и католическая реакція одерживала полную побѣду. Послѣ двадцатыхъ годовъ XVII в. гугеноты были уже совершенно мирными гражданами, и мало-по-малу знатныя фамиліи, составлявшія прежде силу протестантизма, стали переходить въ католицизмъ, такъ что реформированная религія сдѣлалась религіей мелкихъ дворянъ и горожанъ, однимъ словомъ, „мѣщанской вѣрой". Лишь внукъ Генриха IV (Людовикъ XIV) началъ стѣснять права своихъ реформированныхъ подданныхъ (1665), а потомъ и совсѣмъ уничтожилъ нантскій эдиктъ (1685), черезъ 87 лѣтъ послѣ его изданія, спустя 56 лѣтъ послѣ его вторичнаго подтвержденія. Въ данномъ случаѣ торжествовала не только католическая реакція,

отнюдь не желавшая признавать во Франціи существованія протестантовъ, торжествовалъ и политическій принципъ: cujus regio, ejus religio. Вѣротерпимость установлялась во Франціи абсолютною властью, видѣвшею, однако, въ утверждавшейся ею свободѣ вѣры не естественное право личности, а дарованіе королевской милости (édit de grâce): потому-то власть и считала себя въ правѣ взять назадъ эту милость при общемъ сочувствіи подданныхъ—и это послѣ того, какъ тридцатилѣтняя война заставила Германію отказаться отъ этого права государей надъ совѣстью подданныхъ (по вестфальскому миру 1648 г.), а въ Англіи индепендентское движеніе положило начало свободѣ совѣсти на болѣе прочной основѣ, чѣмъ согласіе государства, т.-е. на ученіи о томъ, что государство вообще не должно и не можетъ вмѣшиваться въ дѣла вѣры.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА.

Взглядъ на экономическую исторію Западной Европы въ XVI в. [1]).

Попытки связать исторію реформаціи съ экономической исторіей.—Въ чемъ заключается дѣйствительная связь между ними?—Судьба церковнаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ. — Экономическія перемѣны, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ реформаціи. — Успѣхи капитализма въ XVI столѣтіи. — Перемѣны въ торговлѣ.—Денежныя операціи.—«Вѣкъ Фуггеровъ».—Новое государственное хозяйство.—Вліяніе новыхъ экономическихъ силъ въ области политики.—Измѣненіе въ экономическихъ воззрѣніяхъ.

Въ предыдущихъ главахъ нашею задачею было разсказать исторію реформаціи XVI вѣка, которая была, такъ сказать, главнымъ историческимъ явленіемъ этой эпохи. Мы видѣли, что явленіе это

---

[1]) Этой главы не было въ первомъ изданіи. См. *Э. Зевортъ*. Исторія новаго времени (дополненія проф. *И. В. Лучицкаго*).—*Каутскій*. Вѣкъ гуманизма и реформаціи (введеніе къ его книгѣ о *Т. Морѣ*, переведенное въ „Сѣв. Вѣстн.“ за 1889 г. и перепечатанное въ „Очеркахъ и Этюдахъ“). — *Р. Випперъ*. Общество, государство, культура на Западѣ въ XVI вѣкѣ („Міръ Божій“, 1897). — *М. Ковалевскій*. Секуляризація монастырской собственности въ Англіи и ея ближайшія послѣдствія („Русская Мысль“, 1886). — *Его же*. Поворотный моментъ въ исторіи землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ классовъ въ Англіи („Истор. Обозрѣніе“, т. III). — *Rogers*. Economic interpretation of history. (См. особенно главу „The social effects of religions movements). — *Эшли*. Экономическая исторія Англіи.—*Ehrenberg*. Das Zeitalter der Fugger. Geldkapital und Kreditverkehr im XVI Jahrhundert. 1896. 1 Bd. Die

отличается большою сложностью: какъ причины, такъ и слѣдствія реформаціи выходили за границы собственно религіозной жизни и церковныхъ перемѣнъ. Изслѣдуя факторы, которые произвели эпоху церковныхъ преобразованій и религіозныхъ междоусобій и войнъ, историки останавливались на самыхъ разнообразныхъ объясненіяхъ, но долгое время менѣе всего обращали вниманія на экономическую сторону явленія; однако въ данную минуту уже нельзя жаловаться на то, чтобы эта сторона оставалась въ пренебреженіи. Напротивъ, экономическій факторъ выдвигается на первый планъ, а многіе думаютъ даже о томъ, чтобы къ одному этому фактору свести все объясненіе событій, совершившихся въ XVI в. Къ сожалѣнію, фактическая разработка вопроса до сихъ поръ оставляетъ еще желать весьма многаго. Напримѣръ, въ то самое время, какъ изслѣдованы самыя иногда мелочныя подробности теологическихъ споровъ или дипломатическихъ сношеній реформаціоннаго періода, такой важный фактъ экономической исторіи той же эпохи, какъ секуляризація церковной собственности, только-что начинаетъ обращать на себя особое вниманіе историковъ. Нельзя не радоваться, что столь важныя отношенія, какъ отношенія экономическія, начали наконецъ приниматься въ расчетъ при объясненіи историческихъ движеній, подобныхъ реформаціи. Но у дѣла есть и другая сторона, которой нужно остерегаться. Мы говоримъ именно о попыткахъ связать непосредственно съ экономической исторіей объясненіе *всѣхъ* явленій культурной и соціальной жизни, какъ будто, напримѣръ, различія между гуманизмомъ и протестантизмомъ, между мистицизмомъ и раціонализмомъ,

---

Geldmächte des XVI Jahrhunderts. (Кромѣ исторіи Фуггеровъ, свѣдѣнія о другихъ нѣмецкихъ, итальянскихъ и нидерландскихъ домахъ и компаніяхъ). II Bd. Die Weltbörsen und Finanzkrisen des XVI Jahrhunderts.—*Konrad Häbler*. Die Stellung der Fugger zum kirchenstreite des XVI Jahrhundert (въ Hist. vierteljahrschr. за 1899) и его же. Die Geschichte der Fugger'schen Handlung in Spanien.—Кромѣ того, см. многія сочиненія, названныя въ главахъ XIII—XIX перваго тома „Исторіи Западной Европы".—Книга *Эренберга*—одно изъ капитальнѣйшихъ сочиненій по экономической исторіи новаго времени. Какъ мало, однако, экономическая исторія XVI вѣка, особенно въ области денежнаго хозяйства, связана съ исторіей реформаціи, какъ таковой, видно изъ того, что о послѣдней авторъ едва упоминаетъ въ своемъ трудѣ. Замѣтимъ кстати, что Эренбергъ не желаетъ, чтобы ему приписывали воззрѣнія экономическаго матеріализма, хотя онъ и признаетъ „за экономическими интересами eine überaus grosse Bedeutung für die Entwickelung der Menschheit". Въ pendant къ книгѣ Эренберга отмѣтимъ только-что вышедшій трудъ *Sieveking'a* для нѣсколько болѣе ранней эпохи" „Genueser Finanzwesen vom XII bis zum XIV Jahrhundert". *Ehrenberg'y* принадлежитъ еще Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth. Ср. *В. Базаровъ* и *И. Степановъ*. Общественныя движенія въ средніе вѣка и эпоху реформаціи.

между реформаціей и реакціей или въ частности между системой Лютера или системой Кальвина, между антитринитаризмомъ Сервета и антитринитаризмомъ Социна могутъ быть объяснены исключительно съ экономической точки зрѣнія. Въ исторической жизни каждаго народа одновременно совершается нѣсколько процессовъ съ разнымъ содержаніемъ и съ разнымъ, конечно, значеніемъ. Однимъ изъ такихъ процессовъ и была въ XVI в. реформація. Понятно, что, имѣя свое собственное содержаніе, свои причины и свои слѣдствія, — притомъ причины и слѣдствія довольно разнообразныя, реформація не могла быть порожденіемъ только одного какого-либо фактора, но не могла также породить только одинъ какой-нибудь результатъ. Сказать, что вся реформація была слѣдствіемъ совершавшагося въ XVI в. экономическаго процесса — легко, но сказать не значитъ еще доказать. Можно, разумѣется, привести и доводы въ пользу того, что реформація XVI в. происходила подъ вліяніемъ извѣстнаго экономическаго процесса, но разъ существуютъ факты, свидѣтельствующіе объ этомъ вліяніи, никто, понятно, отрицать его не станетъ. Но изъ того, что экономическій процессъ оказывалъ свое вліяніе на реформацію, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы это вліяніе было единственнымъ и исключительнымъ. Совершающіеся въ жизни народовъ историческіе процессы всегда находятся между собою во взаимодѣйствіи. Извѣстными своими сторонами экономическая эволюція, безспорно, вліяла на реформацію, но только извѣстными сторонами и притомъ не всегда въ одинаковой степени; другія же стороны этой эволюціи прошли для реформаціи безслѣдно. И наоборотъ, извѣстными своими сторонами реформація оказала свое дѣйствіе на экономическій процессъ, другими же сторонами никакого дѣйствія. Напримѣръ, секуляризація церковныхъ имуществъ, играющая такую роль въ исторіи реформаціи, можетъ быть разсматриваема и какъ важный фактъ въ экономической исторіи, т.-е. тутъ оба процесса соприкасаются, вступаютъ во взаимодѣйствіе, вліяютъ одинъ на другой. Но появленіе антитринитаризма, въ высшей степени интересное для историка религіозныхъ движеній XVI в., уже не имѣетъ никакого отношенія къ экономическимъ перемѣнамъ. Совершенно такъ же и исторія биржевыхъ операцій или государственныхъ займовъ въ XVI в., которую недавно такъ прекрасно освѣтилъ Эренбергъ въ своемъ капитальномъ трудѣ, не имѣетъ никакого прямого отношенія къ теологическимъ спорамъ эпохи и ни малѣйшимъ образомъ не объясняетъ намъ направленій тогдашняго религіознаго мышленія.

Итакъ, мы не отрицаемъ связи между религіозной и экономической исторіей XVI вѣка. Мы только считаемъ нужнымъ опредѣлить ея границы и установить разныя степени ея близости. Болѣе

отдаленная, т.-е. вообще посредственная связь можетъ быть установлена въ исторіи между какими угодно фактами, представляемыми жизнью одного и того же общества въ одну и ту же эпоху. Въ числѣ причинъ реформаціи были и причины экономическія, но не всѣ экономическія явленія эпохи дѣлались непремѣнно причинами реформаціи. Съ другой стороны, реформація несомнѣнно имѣла и экономическія слѣдствія, но не всѣ ея слѣдствія имѣли исключительно экономическій характеръ. Нужно всегда принимать въ расчетъ, въ какой именно сферѣ историческихъ явленій реформація непосредственно соприкасалась съ экономическими отношеніями. Когда, напримѣръ, намъ говорятъ о роли аграрныхъ отношеній въ исторіи возникновенія реформаціи, именно, когда намъ говорятъ о желаніи свѣтскихъ сословій поживиться на счетъ церковнаго землевладѣнія, о пререкаіяхъ, возникавшихъ у землевладѣльцевъ съ церковью изъ-за десятины, о недовольствѣ церковныхъ крѣпостныхъ разнаго рода оброками и барщинами, мы совершенно ясно понимаемъ, какъ извѣстные экономическіе порядки повлекли за собою протестъ противъ данной церковной системы. Или еще когда мы слышимъ, что, съ другой стороны, реформація оказала вліяніе на аграрныя отношенія, благодаря совершонной ею секуляризаціи церковной собственности, мы тоже видимъ тѣсную связь между фактами обоихъ порядковъ. Другое дѣло, наоборотъ, отношеніе религіозной реформаціи къ перемѣнамъ въ цеховой организаціи промышленности въ XVI в. Между католическою церковью и цеховой организаціей не было такой тѣсной связи, какая была между католицизмомъ и землевладѣніемъ. Реформація непосредственно не затрогивала обрабатывающей промышленности, и послѣдняя сама не имѣла прямого вліянія на реформацію. Кромѣ указаннаго примѣра церковнаго землевладѣнія и секуляризаціи, можно привести и другой, на которомъ легко прослѣдить иного рода связь между судьбами реформаціи и экономической исторіей—связь болѣе отдаленную, но не менѣе дѣйствительную. Реформація раздѣлила всю Западную Европу на два лагеря и вызвала цѣлый рядъ религіозныхъ междоусобій и войнъ. Историки уже давно говорили о необходимости подсчета, во что обошелся Европѣ религіозный фанатизмъ, раздѣлявшій разныя части одного и того же народа или цѣлыя націи на враждебные лагери. Но есть и другой вопросъ, который тѣсно связанъ съ исторіей этихъ войнъ: откуда, въ самомъ дѣлѣ, брались тѣ громадныя матеріальныя средства, которыя позволяли западно-европейскимъ государямъ собирать большія арміи, снаряжать огромные флоты? Ходъ исторіи реформаціи на Западѣ, несомнѣнно, былъ бы иной безъ грандіозныхъ международныхъ столкновеній, сдѣлавшихся въ XVI в. возможными лишь вслѣдствіе важ-

ныхъ перемѣнъ въ денежномъ хозяйствѣ,—тема, вся широта которо лишь недавно стала вполнѣ понятной историкамъ. Мы слегка и затронемъ ее въ концѣ этой главы.

Особый интересъ получаетъ вопросъ о связи религіозной реформаціи съ экономической исторіей по отношенію къ классовымъ различіямъ западно-европейскаго общества XVI вѣка. Никто не станетъ отрицать, что въ основѣ классовыхъ различій лежатъ экономическія отношенія, и что не только политическія, но и религіозныя партіи въ большей или меньшей степени отражаютъ на себѣ эти различія. Въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда мы указывали, что причины недовольства католическимъ духовенствомъ и церковными порядками, имѣвшія очень часто экономическій характеръ (обѣдненіе дворянства, тяжесть десятинъ, обремененіе крестьянъ поборами), далеко были неодинаковыми въ отдѣльныхъ сословіяхъ и классахъ, на которые распадалось тогдашнее общество. Мы имѣли также случаи наблюдать, что реформація принимала разный характеръ—то болѣе аристократическій, то, наоборотъ, болѣе демократическій. Если не классовые интересы сами по себѣ заставляли ту или другую часть населенія становиться подъ знамя той или иной формулы, какъ это часто наблюдается въ реформаціонную эпоху, то во всякомъ случаѣ классовыя различія оказывали свое, хотя бы и косвенное вліяніе на образованіе религіозныхъ партій. Напримѣръ, въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи гугенотская партія имѣла характеръ преимущественно дворянскій, а католическая сила состояла преимущественно изъ городского простонародья, тогда какъ „политики" представляли собою главнымъ образомъ зажиточную буржуазію.

Ошибочныя сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ исторій могутъ быть двоякаго рода. Если у нѣкоторыхъ современныхъ историковъ замѣчается тенденція искать вездѣ прежде всего дѣйствія экономическихъ причинъ, то прежніе историки, наоборотъ, склонны были выводить и чисто экономическіе факты изъ такихъ явленій, какъ реформація. Извѣстно то мѣсто въ „Исторіи Англіи" Маколея, гдѣ на счетъ католицизма и протестантизма ставятся нищета однѣхъ странъ Западной Европы и благосостояніе другихъ, какъ будто въ данномъ случаѣ не дѣйствовали еще и многія другія причины, не имѣющія ничего общаго съ религіей и вѣроисповѣдной политикой. „Прелестнѣйшія и плодоноснѣйшія области Европы, говоритъ Маколей, подъ владычествомъ римской церкви впали въ нищету, между тѣмъ какъ протестантскія страны, безплодіе и варварство которыхъ служили нѣкогда поговоркою, были превращены искусствомъ и промышленностью въ сады. Кто, зная, что̀ такое Италія и Шотландія отъ природы и чѣмъ онѣ четыреста лѣтъ назадъ были на дѣлѣ, сравнитъ

отдаленная, т.-е. вообще посредственная связь можетъ быть установлена въ исторіи между какими угодно фактами, представляемыми жизнью одного и того же общества въ одну и ту же эпоху. Въ числѣ причинъ реформаціи были и причины экономическія, но не всѣ экономическія явленія эпохи дѣлались непремѣнно причинами реформаціи. Съ другой стороны, реформація несомнѣнно имѣла и экономическія слѣдствія, но не всѣ ея слѣдствія имѣли исключительно экономическій характеръ. Нужно всегда принимать въ расчетъ, въ какой именно сферѣ историческихъ явленій реформація непосредственно соприкасалась съ экономическими отношеніями. Когда, напримѣръ, намъ говорятъ о роли аграрныхъ отношеній въ исторіи возникновенія реформаціи, именно, когда намъ говорятъ о желаніи свѣтскихъ сословій поживиться на счетъ церковнаго землевладѣнія, о пререканіяхъ, возникавшихъ у землевладѣльцевъ съ церковью изъ-за десятины, о недовольствѣ церковныхъ крѣпостныхъ разнаго рода оброками и барщинами, мы совершенно ясно понимаемъ, какъ извѣстные экономическіе порядки повлекли за собою протестъ противъ данной церковной системы. Или еще когда мы слышимъ, что, съ другой стороны, реформація оказала вліяніе на аграрныя отношенія, благодаря совершонной ею секуляризаціи церковной собственности, мы тоже видимъ тѣсную связь между фактами обоихъ порядковъ. Другое дѣло, наоборотъ, отношеніе религіозной реформаціи къ перемѣнамъ въ цеховой организаціи промышленности въ XVI в. Между католическою церковью и цеховой организаціей не было такой тѣсной связи, какая была между католицизмомъ и землевладѣніемъ. Реформація непосредственно не затрогивала обрабатывающей промышленности, и послѣдняя сама не имѣла прямого вліянія на реформацію. Кромѣ указаннаго примѣра церковнаго землевладѣнія и секуляризаціи, можно привести и другой, на которомъ легко прослѣдить иного рода связь между судьбами реформаціи и экономической исторіей—связь болѣе отдаленную, но не менѣе дѣйствительную. Реформація раздѣлила всю Западную Европу на два лагеря и вызвала цѣлый рядъ религіозныхъ междоусобій и войнъ. Историки уже давно говорили о необходимости подсчета, во что обошелся Европѣ религіозный фанатизмъ, раздѣлявшій разныя части одного и того же народа или цѣлыя націи на враждебные лагери. Но есть и другой вопросъ, который тѣсно связанъ съ исторіей этихъ войнъ: откуда, въ самомъ дѣлѣ, брались тѣ громадныя матеріальныя средства, которыя позволяли западно-европейскимъ государямъ собирать большія арміи, снаряжать огромные флоты? Ходъ исторіи реформаціи на Западѣ, несомнѣнно, былъ бы иной безъ грандіозныхъ международныхъ столкновеній, сдѣлавшихся въ XVI в. возможными лишь вслѣдствіе важ-

ныхъ перемѣнъ въ денежномъ хозяйствѣ,—тема, вся широта которо лишь недавно стала вполнѣ понятной историкамъ. Мы слегка и затронемъ ее въ концѣ этой главы.

Особый интересъ получаетъ вопросъ о связи религіозной реформаціи съ экономической исторіей по отношенію къ классовымъ различіямъ западно-европейскаго общества XVI вѣка. Никто не станетъ отрицать, что въ основѣ классовыхъ различій лежатъ экономическія отношенія, и что не только политическія, но и религіозныя партіи въ большей или меньшей степени отражаютъ на себѣ эти различія. Въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда мы указывали, что причины недовольства католическимъ духовенствомъ и церковными порядками, имѣвшія очень часто экономическій характеръ (обѣднѣніе дворянства, тяжесть десятинъ, обремененіе крестьянъ поборами), далеко были неодинаковыми въ отдѣльныхъ сословіяхъ и классахъ, на которые распадалось тогдашнее общество. Мы имѣли также случаи наблюдать, что реформація принимала разный характеръ—то болѣе аристократическій, то, наоборотъ, болѣе демократическій. Если не классовые интересы сами по себѣ заставляли ту или другую часть населенія становиться подъ знамя той или иной формулы, какъ это часто наблюдается въ реформаціонную эпоху, то во всякомъ случаѣ классовыя различія оказывали свое, хотя бы и косвенное вліяніе на образованіе религіозныхъ партій. Напримѣръ, въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи гугенотская партія имѣла характеръ преимущественно дворянскій, а католическая сила состояла преимущественно изъ городского простонародья, тогда какъ „политики“ представляли собою главнымъ образомъ зажиточную буржуазію.

Ошибочныя сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ исторій могутъ быть двоякаго рода. Если у нѣкоторыхъ современныхъ историковъ замѣчается тенденція искать вездѣ прежде всего дѣйствія экономическихъ причинъ, то прежніе историки, наоборотъ, склонны были выводить и чисто экономическіе факты изъ такихъ явленій, какъ реформація. Извѣстно то мѣсто въ „Исторіи Англіи“ Маколея, гдѣ на счетъ католицизма и протестантизма ставятся нищета однѣхъ странъ Западной Европы и благосостояніе другихъ, какъ будто въ данномъ случаѣ не дѣйствовали еще и многія другія причины, не имѣющія ничего общаго съ религіей и вѣроисповѣдной политикой. „Прелестнѣйшія и плодоноснѣйшія области Европы, говоритъ Маколей, подъ владычествомъ римской церкви впали въ нищету, между тѣмъ какъ протестантскія страны, безплодіе и варварство которыхъ служили нѣкогда поговоркою, были превращены искусствомъ и промышленностью въ сады. Кто, зная, что̀ такое Италія и Шотландія отъ природы и чѣмъ онѣ четыреста лѣтъ назадъ были на дѣлѣ, сравнитъ

теперь окрестности Рима съ окрестностями Эдинбурга, тотъ будетъ въ состоянiи составить себѣ нѣкоторое понятiе о томъ, къ чему ведетъ папское владычество. Упадокъ Испанiи, нѣкогда первой между монархiями, а нынѣ дошедшей до крайнихъ предѣловъ униженiя, возвышенiе Голландiи, достигшей, несмотря на многiя естественныя невыгоды, такого положенiя, какого не достигало ни одно столь небольшое государство, служатъ урокомъ того же самаго рода. Переходя въ Германiи изъ римско-католическаго въ протестантское княжество, въ Швейцарiи изъ римско-католическаго въ протестантскiй кантонъ, въ Ирландiи изъ римско-католическаго въ протестантское графство, замѣчаешь, что переходишь изъ низшей въ высшую ступень цивилизацiи. По ту сторону Атлантическаго океана господствуетъ тотъ же самый законъ. Протестанты Соединенныхъ Штатовъ оставили далеко за собою католиковъ Мексики, Перу и Бразилiи. Католики Нижней Канады коснѣютъ въ бездѣйствiи, тогда какъ цѣлый материкъ вокругъ нихъ кипитъ протестантскою дѣятельностью и предпрiимчивостью". Это обобщенiе способно, конечно, вызвать то впечатлѣнiе, на которое и расчитывалъ Маколей, дѣлая свои сопоставленiя, но по отношенiю къ нашей темѣ это не отвѣтъ на вопросъ, а скорѣе новая задача для рѣшенiя. Во-первыхъ, нужно отличать прямыя экономическiя слѣдствiя реформацiи отъ слѣдствiй косвенныхъ. Къ первымъ мы отнесемъ уничтоженiе церковнаго землевладѣнiя, сокращенiе числа духовныхъ лицъ, упраздненiе монастырей и самаго монашества, уменьшенiе количества праздничныхъ дней въ году и т. п.; ко вторымъ — болѣе высокую духовную культуру протестантовъ, которая въ свою очередь отразилась и на ихъ экономической дѣятельности. Во-вторыхъ, рядомъ съ неодинаковыми религiозными формами дѣйствовали и неодинаковыя формы политическiя, бывшiя результатами, конечно, не того или другого вѣроисповѣданiя. Въ-третьихъ, наконецъ, особенно слѣдуетъ принять въ расчетъ, что экономическая судьба отдѣльныхъ странъ зависѣла отъ многихъ мѣстныхъ или чисто мiровыхъ причинъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ религiей или политикой. Не столько выводя экономическiе успѣхи извѣстныхъ народовъ изъ ихъ протестантизма, сколько объясняя упадокъ другихъ побѣдою въ нихъ католической реакцiи, мы не должны забывать и того, что сама католическая реакцiя могла одержать полную побѣду лишь тамъ, гдѣ общiя условiя были неблагопрiятны для дальнѣйшаго развитiя. Маколей упоминаетъ о „многихъ естественныхъ невыгодахъ" Голландiи, совершенно умалчивая о тѣхъ „естественныхъ выгодахъ", которыя именно и создали цвѣтущую Голландiю новыхъ вѣковъ. Возвышенiе однѣхъ странъ и упадокъ другихъ въ экономическомъ отношенiи объясняется не тѣмъ, что однѣ страны

приняли протестантизмъ, а другія остались вѣрными католицизму: возвышеніе и упадокъ отдѣльныхъ государствъ зависѣли и отъ причинъ чисто матеріальныхъ, болѣе всего отъ того значенія, какое выпало на ихъ долю въ начинавшемся около этого времени міровомъ хозяйствѣ. Въ XVI в. на западѣ Европы совершалась въ высшей степени важная экономическая эволюція, благопріятная для однихъ и неблагопріятная для другихъ. Сама католическая реакція проявлялась во всей своей силѣ именно въ тѣхъ странахъ, которыя были обойдены новымъ движеніемъ исторіи. При всемъ томъ Маколей и слишкомъ односторонне въ концѣ концовъ обобщаетъ факты. Если правильно, что католическая реакція приводила къ экономическому упадку,—какъ это, впрочемъ, бываетъ со всякой реакціей, насильственно подавляющей свободное развитіе жизни, то далеко еще не вездѣ реформація влекла за собою экономическіе и культурные успѣхи. Быть можетъ, даже наоборотъ: именно необходимы были прежде всего извѣстные успѣхи въ обоихъ отношеніяхъ, чтобы сдѣлалась возможною реформація, если только она была дѣйствительно общественнымъ движеніемъ, а не извѣстною правительственною мѣрою.

Въ экономической исторіи Запада въ самой непосредственной связи съ религіозной реформаціей, какъ мы уже сказали, находится секуляризація церковной собственности. Не нужно забывать, что въ рукахъ духовенства и монастырей сосредоточено было громадное количество населенныхъ имѣній, иногда чуть не треть или не половина всей территоріи. Тамъ, гдѣ происходила секуляризація церковной собственности, совершался поэтому цѣлый аграрный переворотъ, имѣвшій важныя экономическія послѣдствія. На счетъ духовенства и монастырей поживилось преимущественно дворянство, съ которымъ государственная власть, производившая секуляризацію, большею частью дѣлилась своей добычей. Новые владѣльцы очень часто по новому распоряжались доставшимися имъ землями, т.-е. заводили на нихъ иные, чѣмъ прежде, экономическіе порядки [1]). Секуляризація церковной собственности совпала по времени съ двумя важными процессами въ соціальной исторіи Западной Европы. Во-первыхъ, повсемѣстно происходило обѣднѣніе дворянскаго сословія, которое, ища способовъ поправить свои дѣла, съ одной стороны, налегло на крестьянскую массу, какъ это мы видѣли, напримѣръ, въ Германіи въ эпоху великой крестьянской войны, а съ другой — стало усиленно стремиться къ завладѣнію поземельною собственностью клира и монастырей. Во-вторыхъ, это была эпоха, когда начался переходъ отъ

---

[1]) Ср. главу XXXII этого тома, гдѣ рѣчь идетъ между прочимъ о результатахъ секуляризаціи въ Англіи.

прежней, средневѣковой формы хозяйства къ новой, которая была расчитана на болѣе обширное производство. Старые способы извлеченія доходовъ изъ земли, конечно, легче всего могли удерживаться тамъ, гдѣ собственность сохраняла прежнихъ владѣльцевъ, и нигдѣ именно до такой степени не господствовалъ хозяйственный консерватизмъ, какъ на церковныхъ земляхъ. Переходъ послѣднихъ къ новымъ владѣльцамъ долженъ былъ только содѣйствовать перемѣнамъ хозяйственнаго характера. Въ данномъ случаѣ церковная реформація лишь помогала процессу, имѣвшему происхожденіе въ самой экономической сферѣ.

Вообще экономическія перемѣны совершаются не такъ быстро и замѣтно, какъ перемѣны чисто политическаго характера. Бываютъ, однако, времена, когда эволюція экономическихъ отношеній какъ бы ускоряется и, съ одной стороны, болѣе непосредственнымъ образомъ, а съ другой — и болѣе разнообразными слѣдствіями отражается на жизни. Въ иныхъ случаяхъ приходится даже прямо говорить объ экономическихъ революціяхъ. Одна изъ такихъ революцій, какъ извѣстно, произошла въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ, одновременно съ революціей политической. Другую подобную же „революцію" мы имѣемъ право пріурочить къ реформаціонной эпохѣ.

Въ самомъ концѣ XV столѣтія произошло событіе первостепенной важности — открытіе Америки. Однимъ изъ результатовъ этого событія былъ небывалый наплывъ въ Европу золота и серебра, повлекшій за собою упадокъ цѣнности монеты, а съ нимъ, какъ его обратную сторону, и вздорожаніе предметовъ потребленія. Это должно было, конечно, оказать вліяніе на всю экономическую жизнь XVI в. Въ самое короткое время количество денегъ увеличилось въ двѣнадцать разъ, и если прежде всегда жаловались на недостатокъ въ монетѣ, то теперь стали жаловаться уже на то, что деньги падаютъ въ цѣнѣ. Одновременно всюду начинаютъ отмѣчать, что цѣны на всѣ предметы потребленія сильно возрастаютъ. Въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи Екатеринѣ Медичи была представлена записка подъ заглавіемъ: „Discours sur l'excessive cherté", въ которой говорилось, что за шестьдесятъ лѣтъ цѣны на всѣ предметы потребленія поднялись въ двѣнадцать разъ, и это общее положеніе доказывалось цѣлымъ рядомъ фактическихъ подробностей. Нужно, однако, замѣтить, что цѣны на разные предметы возрастали далеко неодинаково, а потому, кромѣ обезцѣненія монеты, нужно искать и другихъ объясненій этого общаго явленія. Обнаружено, что, напримѣръ, въ той же Франціи цѣны на съѣстные припасы росли въ XVI вѣкѣ гораздо быстрѣе, нежели цѣны на произведенія обрабатывающей промышленности, и это объясняютъ тѣмъ, что сравнительно съ сельскимъ хо-

зяйствомъ городскіе промыслы сдѣлали въ эту эпоху бóльшіе техническіе успѣхи. Но и возрастаніе цѣнъ на предметы потребленія говорило бы еще очень мало, если бы оно сопровождалось соотвѣтственнымъ увеличеніемъ заработной платы. На самомъ дѣлѣ этого-то какъ-разъ и не было. Правда, росла и заработная плата, но далеко не такъ быстро, какъ цѣны на продукты. Напримѣръ, во Франціи въ серединѣ XVI вѣка лѣтъ за тридцать-сорокъ заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ росла вдвое медленнѣе цѣны на продукты земледѣлія (возрастаніе цѣны на 30—40%, платы—на 15—20%), а ростъ платы ремесленнымъ рабочимъ тоже нѣсколько отставалъ отъ роста цѣны на продукты обрабатывающей промышленности (20 — 30% и 25—35%). Разумѣется, такое положеніе дѣлъ должно было отзываться весьма неблагопріятно на благосостояніи народной массы, и многія народныя возстанія XVI вѣка были естественнымъ результатомъ общаго обѣднѣнія. Крестьянская война въ Германіи—самый рельефный примѣръ подобнаго рода проявленій народнаго неудовольствія. Понятно, впрочемъ, что не для всѣхъ общественныхъ классовъ это общее измѣненіе цѣнъ имѣло одно и то же значеніе. Кромѣ рабочихъ, теряли при этомъ землевладѣльцы вслѣдствіе уменьшенія доходности сельскаго хозяйства сравнительно съ обрабатывающею промышленностью. Наоборотъ, особенно выигрывало купечество, а потому противъ этого класса главнымъ образомъ и было сильно народное озлобленіе. Подъ вліяніемъ этого процесса въ городахъ все болѣе и болѣе происходила общественная дифференціація, хотя въ общемъ города выигрывали сравнительно съ деревнями, которыя, наоборотъ, приходили въ упадокъ.

Другимъ важнымъ слѣдствіемъ открытія Америки и одновременно совершившагося открытія морского пути въ Индію было расширеніе торговли и перемѣщеніе ея путей. До конца XV в. средоточіемъ торговли было Средиземное море. Главными ея пунктами были Барселона, Генуя и особенно Венеція. Послѣдняя вела торговлю съ Востокомъ черезъ Египетъ, но послѣ завоеванія Египта турками въ началѣ XVI вѣка этотъ торговый путь, и безъ того бывшій труднымъ и небезопаснымъ, сдѣлался еще болѣе неудобнымъ, а между тѣмъ и португальцы, открывъ для торговли съ Индіей новый путь вокругъ мыса Доброй Надежды, сильно подорвали венеціанскую торговлю. Хотя итальянцы еще около 1300 г. вели торговлю съ Нидерландами, посылая свои корабли чрезъ Гибралтаръ, Атлантическій океанъ и Ламаншъ, однако, въ торговомъ отношеніи Атлантическій океанъ до конца XV вѣка игралъ самую незначительную роль. Открытіе Америки и морского пути въ Индію мало-по-малу сдѣлали названный океанъ новымъ Средиземнымъ моремъ и выдвинули на

первый планъ въ торговомъ отношеніи страны, лежащія у этого океана. Въ средніе вѣка главный торговый путь отъ итальянскихъ портовъ къ Нѣмецкому морю шелъ черезъ Альпы и Германію: на этомъ пути по верхнему теченію Дуная и среднему и нижнему теченію Рейна преимущественно и процвѣтали богатые торговые города. Съ паденіемъ прежней итальянской торговли эти города стали приходить тоже въ упадокъ. Перемѣщеніе торговыхъ путей отразилось неблагопріятнымъ образомъ и на Ганзѣ, такъ какъ у нея явились конкурренты въ видѣ, съ одной стороны, Англіи и Нидерландовъ, съ другой—Даніи и Швеціи. Особенно отъ разсмотрѣннаго перемѣщенія торговыхъ путей выиграли Нидерланды, которые, развивъ собственную промышленность, кромѣ того, посредничали еще между старыми торговыми городами Германіи, Аугсбургомъ и Нюрнбергомъ и Лиссабономъ. Но самую первую роль въ торговлѣ въ XVI вѣкѣ играли Португалія и Испанія, и только къ концу столѣтія ихъ стали вытѣснять Нидерланды, Франція и Англія. Оба государства Пиренейскаго полуострова положили начало и заведенію внѣ-европейскихъ колоній, получившихъ впослѣдствіи въ высшей степени важное экономическое и политическое значеніе.

Наплывъ въ Европу драгоцѣнныхъ металловъ и расширеніе торговли въ высшей степени благопріятствовали развитію денежнаго хозяйства. Извѣстно, что первыми капиталистами въ средніе вѣка были купцы, ведшіе иностранную торговлю. Чѣмъ болѣе появлялось въ оборотѣ денегъ, чѣмъ большее количество продуктовъ поступало въ продажу и чѣмъ бо̀льшій районъ охватывали торговыя операціи, тѣмъ шире развивался и коммерческій капитализмъ. XVI вѣкъ былъ эпохою такого же роста коммерческаго капитализма, какимъ для капитализма индустріальнаго сдѣлалось XIX столѣтіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ эту эпоху впервые происходитъ поразительная концентрація денежныхъ капиталовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту же эпоху и денежные люди начинаютъ играть видную общественную и даже политическую роль.

Въ самыхъ способахъ торговли въ XVI вѣкѣ совершились важныя перемѣны. Въ прежнія времена купецъ самъ привозилъ свои товары для ихъ продажи въ тотъ и другой пунктъ, гдѣ обыкновенно и „гостилъ" лишь нѣкоторое время, но затѣмъ купцы постепенно стали переходить къ оставленію въ средоточіяхъ торговли своихъ постоянныхъ агентовъ, и этимъ въ торговое дѣло вносилась уже извѣстная непрерывность. Число подобныхъ агентовъ стало постепенно рости въ такихъ мѣстахъ, гдѣ все болѣе сосредоточивались торговые обороты и умножались склады товаровъ. Рядомъ съ этимъ происходила и другая перемѣна. Въ средніе вѣка въ наиболѣе важныхъ сре-

доточіяхъ торговли обмѣнъ совершался обыкновенно лишь въ извѣстные сроки. Это была система ярмарочной торговли, т.-е. въ извѣстный городъ купцы съѣзжались и привозили свои товары лишь въ опредѣленное время года. По мѣрѣ того, какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ устраивались агентуры и постоянные товарные склады, прежнее значеніе ярмарокъ стало падать, или, что̀ то же, въ нѣкоторыхъ городахъ возникли постоянныя ярмарки. Наконецъ, въ связи съ расширеніемъ и съ большею непрерывностью торговыхъ оборотовъ находится также еще одинъ въ высшей степени важный фактъ. Онъ заключается въ томъ, что самыя деньги сдѣлались, такъ сказать, предметомъ торговли. Впервые это явленіе наблюдается еще въ средневѣковой Италіи, которая и была настоящей родиной банкирскаго дѣла. Расширеніе торговыхъ оборотовъ и непрерывность торговыхъ сдѣлокъ вызвали къ жизни новое учрежденіе—биржи, въ которыхъ уплаты по счетамъ стали происходить не въ ярмарочные только сроки, а постоянно, и гдѣ купцы или ихъ приказчики стали встрѣчаться ежедневно для коммерческихъ или денежныхъ сдѣлокъ; сюда же стали стекаться разнаго рода извѣстія, интересныя для купцовъ, равно какъ и политическія новости, сколько-нибудь важныя для торговыхъ людей. Такія биржи возникли въ нѣсколькихъ городахъ, но самыя знаменитыя въ XVI вѣкѣ находились въ Ліонѣ и Антверпенѣ. Благодаря росту торговаго значенія Нидерландовъ, антверпенская биржа стала играть особенно выдающуюся роль. Она получила настоящее международное значеніе, и на выстроенномъ для нея зданіи красовалась надпись: „In usum negotiatorum cujuscunque nationis ac lingvae“. Возникновеніе биржъ внесло въ торговлю элементъ спекуляцій и рискованныхъ предпріятій, которыя еще болѣе оживляли торговую дѣятельность, но зато очень часто вызывали и настоящіе кризисы: денежныя сдѣлки или уже сразу сильно обогащали, или совершенно сразу же разоряли. Каждая биржа обыкновенно находилась въ рукахъ нѣсколькихъ богачей, бывшихъ настоящими королями биржи. Разныя историческія обстоятельства отражались на биржахъ весьма различнымъ образомъ. Религіозныя войны во Франціи и Нидерландахъ, равно какъ государственное банкротство Франціи и Испаніи, имѣвшихъ дѣла съ ліонскою и антверпенскою биржами, значительно поколебали положеніе этихъ двухъ учрежденій, и къ концу XVI вѣка ихъ значеніе упало. Зато получили большое развитіе Генуя и Франкфуртъ на Майнѣ, которые и прежде имѣли важное значеніе въ денежныхъ дѣлахъ, во второй же половинѣ XIX вѣка прямо стали отбивать практику у Ліона и Антверпена.

Въ XVI вѣкѣ чисто денежныя операціи получили особенно быстрое и значительное развитіе. Мы уже видѣли, что до открытія

Америки денегъ въ оборотѣ было мало. Какія у кого были деньги, тѣ часто совсѣмъ не пускались въ оборотъ, а хранились въ видѣ кладовъ, что было даже положительной необходимостью во времена постоянныхъ междоусобій и развитія разбойничества. Періодичность торговыхъ оборотовъ, связанная съ ярмарочною системою, приводила къ тому, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ перемежались времена обильнаго притока денегъ и полнаго почти безденежья, и это отражалось весьма рѣзко на неустойчивости товарныхъ цѣнъ. Особенно былъ затруднителенъ обмѣнъ золота на серебро. Денежныя операціи, которыя получили большое развитіе въ XVI вѣкѣ, заключались, съ одной стороны, въ посредничествѣ между лицами, нуждавшимися въ деньгахъ на какія бы то ни было предпріятія—промышленныя, торговыя, военныя и т. п., и лицами, у которыхъ, хотя бы и въ малыхъ количествахъ, были лишнія деньги. Задача банкировъ заключалась въ томъ, чтобы путемъ заключенія мелкихъ займовъ получать возможность выдавать большія ссуды, притомъ такъ, чтобы деньги не залеживались, и чтобы эти финансовыя операціи приносили возможно бо̀льшую прибыль. Въ денежныя операціи этой эпохи вносился духъ смѣлой предпріимчивости и рискованныхъ приключеній, такъ что недаромъ сравниваютъ тогдашнихъ финансовыхъ дѣльцовъ съ кондотьерами и конквистадорами, бывшими такими же счастливыми авантюристами, какъ и короли биржи. На торговыхъ и денежныхъ операціяхъ уже съ конца среднихъ вѣковъ стали выростать громадныя состоянія. Такое, напримѣръ, происхожденіе въ XIV вѣкѣ имѣло замѣчательное богатство фамиліи Медичи во Флоренціи. Въ XV вѣкѣ во Франціи своими колоссальными средствами поражалъ Жакъ Керъ, сынъ кожевника, не получившій почти никакого образованія, но проявившій необычайную энергію и даже геніальность въ веденіи разнообразныхъ торговыхъ и финансовыхъ предпріятій. Его коммерческій и банкирскій домъ могъ соперничать даже съ домомъ Медичи. Въ XVI столѣтіи первенствующее положеніе въ денежномъ мірѣ заняла аугсбургская фамилія Фуггеровъ. Недаромъ новѣйшій историкъ „денежнаго капитала и кредитныхъ оборотовъ въ XVI столѣтіи", Эренбергъ, назвалъ свою книгу объ этомъ предметѣ „Вѣкъ Фуггеровъ".

Предки Фуггеровъ были мастерами аугсбургскаго ткацкаго цеха, ведшими, кромѣ того, торговлю полотномъ. Генеалогію этой фамиліи можно прослѣдить до XIV вѣка, но настоящее ея возвышеніе относится лишь ко второй половинѣ XV столѣтія, когда отдѣльные ея члены обогатились уже настолько, что стали выбирать себѣ женъ изъ старинныхъ и зажиточныхъ дворянскихъ семействъ и сами начали получать дворянство. Императоръ Максимиліанъ I заложилъ братьямъ Ульриху, Георгу и Якову Фуггерамъ графство Кирхбергъ

и сеньерію (Herrschaft) Вейсенгорнъ за 70 т. гульденовъ, а позднѣе, по ходатайству папы Юлія II, они ссудили императору еще 170 т. гульденовъ на войну съ Венеціей. Ульрихъ Фуггеръ велъ весьма разнообразную торговлю; между прочимъ даже художественныя произведенія Альбрехта Дюрера, продававшіяся въ Италію, не могли миновать рукъ предпріимчиваго Ульриха. Другой братъ, Яковъ, арендовалъ горное дѣло въ Тиролѣ и очень на немъ нажился, благодаря чему могъ, напримѣръ, ссудить австрійскимъ эрцгерцогамъ 150 т. гульденовъ. Такъ какъ Яковъ умеръ бездѣтнымъ, и сыновья Ульриха тоже умерли, не оставивъ потомства, то всѣ богатства обоихъ братьевъ достались дѣтямъ третьяго брата, Георга. Основателями денежнаго могущества фамиліи и были сыновья послѣдняго Раймундъ и Антонъ, современники Карла V, который возвелъ ихъ въ графское достоинство и передалъ имъ въ ленъ обѣ ранѣе заложенныя Фуггерамъ земли. Послѣ ихъ смерти (1535 и 1560) фамилія Фуггеровъ раздѣлилась на двѣ линіи, распавшіяся потомъ на отдѣльныя вѣтви. Раймундъ и Антонъ Фуггеры владѣли большими денежными суммами, громаднымъ количествомъ всевозможныхъ драгоцѣнностей и обширными имѣніями въ разныхъ странахъ Европы и обѣихъ Индій. Въ домѣ Антона Фуггера, удивлявшемъ современниковъ своимъ великолѣпіемъ, останавливался Карлъ V во время имперскаго сейма въ Аугсбургѣ (1530), и даже возникла легенда, будто хозяинъ за оказанную ему честь сжегъ долговыя обязательства императора. Въ это время многіе князья стремились породниться съ фамиліей Фуггеровъ. Ихъ благотворительность, покровительство, которое они оказывали ученымъ и художникамъ, ихъ собранія произведеній искусства и книгохранилища тоже не мало содѣйствовали ихъ славѣ. Какъ быстро возрастали денежныя средства Фуггеровъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1511 г. активы ихъ торговли не доходили до полныхъ 250 т. гульденовъ, въ 1527 г. ихъ состояніе оцѣнивалось въ 2 милліона, а въ 1546 г.—въ 4.700.000, что равно теперешнимъ 160 милліонамъ марокъ (около 80 милліоновъ рублей).

Особое политическое значеніе получили Фуггеры въ качествѣ, такъ сказать, поставщиковъ денегъ для Габсбурговъ. Можно сказать, что безъ содѣйствія Фуггеровъ Габсбурги были бы лишены возможности вести свою широкую политику. Уже Максимиліанъ I на рубежѣ XV и XVI вв., вѣчно носясь съ грандіозными планами и вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, долженъ былъ прибѣгать къ Фуггерамъ. Именно безъ помощи Якова (II) Фуггера Максимиліанъ I не могъ бы предпринять ни своихъ итальянскихъ походовъ, ни войны съ Швейцаріей. Когда у императора зародился странный планъ сдѣлаться преемникомъ папы Юлія II на св. престолѣ, опять Фуггеры должны были доставить для

этого необходимыя денежныя суммы (1511). Избраніе Карла V въ 1519 г. тоже имѣло денежную сторону, притомъ игравшую въ этомъ избраніи далеко не послѣднюю роль. Молодой испанскій король и его соперникъ, король французскій Францискъ I, оба пустили въ ходъ деньги и обѣщанія денегъ: весь вопросъ заключался въ томъ, кто больше дастъ и чьи обѣщанія будутъ надежнѣе, а къ числу преимуществъ, которыя были у Карла V, относилось и то обстоятельство, что на его сторонѣ были Фуггеры. Въ 1523 г. Яковъ Фуггеръ прямо писалъ императору: „извѣстно и вполнѣ очевидно, что ваше величество не могли бы получить римской короны безъ моей помощи". Въ самомъ дѣлѣ, на подкупъ курфюрстовъ, ихъ совѣтниковъ и т. п. Карлъ V истратилъ около 850 т. гульденовъ, изъ которыхъ около 540 т. было имъ взято у Фуггеровъ. Избраніе Фердинанда I въ римскіе короли тоже не обошлось безъ фуггеровскихъ денегъ. Войны обоихъ этихъ Габсбурговъ съ Франціей, съ турками и съ шмалькальденскимъ союзомъ равнымъ образомъ велись на деньги, дававшіяся Фуггерами. Въ 1524 г. они не оказали Карлу V своевременной помощи въ войнѣ съ Францискомъ I, и вслѣдствіе этого предпринятый Карломъ V походъ въ южную Францію окончился неудачею, что позволило французамъ отвоевать Миланъ. Быть можетъ, если бы въ 1527 г. Фуггеры скорѣе ссудили Карлу V необходимыя суммы, его армія не стала бы разграблять Римъ, чтобы хотя такимъ образомъ вознаградить себя за свои труды и выйти изъ состоянія крайней нужды. И камбрейскій миръ 1529 г. императоръ былъ вынужденъ заключить опять-таки потому, что Фуггеры не дали ему тогда денегъ для продолженія войны. Есть основаніе думать, что если бы они ссудили Карла V суммой, необходимой для того, чтобы вполнѣ удовлетворить жадность Морица Саксонскаго, то Мецъ, Туль и Верденъ остались бы за Германіей. Во всякомъ случаѣ, жалкая роль, которую сначала пришлось играть Карлу V въ 1552 г. во время пассаускихъ переговоровъ, прямо объясняется его безденежьемъ, но едва Фуггеры снабдили его 400 т. дукатовъ, какъ Карлъ V заговорилъ совсѣмъ инымъ языкомъ. Такимъ образомъ Фуггеры держали въ своихъ рукахъ судьбы войны и мира, а вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени и судьбы Священной Римской имперіи и католической церкви. Оставаясь всегда вѣрными Габсбургскому дому, они помогали также и Испаніи, за которою они даже особенно много потеряли денегъ. Во второй половинѣ XVI в. они были уже не такъ богаты, какъ, напримѣръ, въ 1546 г. Съ другой стороны, Фуггеры оставались вѣрными сынами и римской церкви. Уже при папѣ Александрѣ VI они завязали денежныя сношенія съ римской куріей. Въ началѣ XVI в. папство получало свои доходы изъ Венгріи и Польши при посредствѣ „societatis de Fucharis".

За услуги, оказанныя Фуггерами, Левъ X передалъ имъ сборъ аннатъ въ Германіи, Венгріи и Польшѣ. Въ торгѣ индульгенціями они приняли тоже посредническое участіе. Немудрено, что послѣ того, какъ началась въ Германіи религіозная реформація, Фуггеры выступили сторонниками старой церкви. Не менѣе видную роль играли они и во второй половинѣ XVI вѣка. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ Филиппъ II ясно увидѣлъ, что и ему трудно было бы обходиться безъ этихъ денежныхъ тузовъ. Поэтому и онъ занималъ у нихъ деньги подъ солидныя обезпеченія и въ придачу къ нимъ за разныя торговыя монополіи и льготы.

Вообще новою денежною силою особенно охотно начали пользоваться государи, которые въ эту эпоху переходятъ тоже къ болѣе широкой политикѣ. Въ средніе вѣка не было большихъ международныхъ войнъ на западѣ Европы. Ихъ эпоха открывается лишь въ концѣ XV столѣтія, когда начались такъ называемыя итальянскія войны. Внѣшняя политика XVI вѣка ведется государями уже прямо на широкую ногу, а для этого имъ нужны были громадныя средства. Особою предпріимчивостью отличались въ эту эпоху Карлъ V и Филиппъ II, обладавшіе Америкой, откуда получалось столько золота и серебра. Обоимъ сразу нужны были большія суммы денегъ, и если бы въ то время не существовало королей биржи, умѣвшихъ собирать въ своихъ рукахъ большія массы денежнаго капитала, предпріимчивая политика Габсбурговъ не имѣла бы возможности развиться. Имѣя нужду въ деньгахъ, государи обращались за помощью къ биржамъ, и лишь съ теченіемъ времени переняли у банкировъ способъ составлять большія суммы изъ малыхъ взносовъ путемъ публичной подписки на займы. Весьма естественно также, что, стремясь увеличить свои доходы, государи стали призывать къ себѣ на службу крупныхъ коммерсантовъ и банкировъ. Не все, однако, обстояло благополучно въ этихъ отношеніяхъ. Ведя неумѣло государственное хозяйство, занимая деньги подъ огромные проценты, тратя большія средства на войны и придворную роскошь, короли оказывались нерѣдко настоящими банкротами. Случаи подобнаго рода нѣсколько разъ встрѣчаются въ исторіи XVI вѣка. Напримѣръ, Филиппъ II банкротился три раза — въ началѣ, серединѣ (1575 г.) и концѣ (1596 г.) своего царствованія. Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ и Франція была въ полномъ разореніи, что̀ и заставило обѣ державы прекратить войну (1559). Отъ этихъ банкротствъ страшно потерпѣли и сами Фуггеры. Съ другой стороны, занимая деньги для своихъ нуждъ и предпріятій какъ бы лично, монархи этой эпохи имѣли возможность обходиться до извѣстной степени безъ новыхъ налоговъ и, слѣдовательно, не созывать сословно-представительныхъ учрежденій.

Въ исторіи взаимныхъ отношеній государственной власти и общественныхъ классовъ всегда наблюдается то явленіе, что чѣмъ болѣе государственная власть нуждается въ услугахъ какого-либо класса, тѣмъ болѣе подчиняется его видамъ въ своей внутренней и даже внѣшней политикѣ. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, впервые создается сколько-нибудь правильное государственное хозяйство, которое требуетъ отъ власти болѣе или менѣе сознательной и цѣлесообразной экономической политики, и вотъ теперь въ извѣстной мѣрѣ тонъ экономической политикѣ государства задаютъ негоціанты и банкиры. Они были истинными родоначальниками такъ называемаго меркантилизма, который вполнѣ расцвѣлъ уже въ XVII столѣтіи. Основнымъ правиломъ этой системы было убѣжденіе, что богатство и благосостояніе народовъ создаются деньгами, которыя добываются лишь внѣшнею торговлею. Эта экономическая политика превратилась въ своего рода теорію, которая выдвигала на первый планъ деньги и торговлю въ ущербъ труду и добывающей промышленности. Разъ, однако, особымъ способомъ обогащенія отдѣльныхъ лицъ сдѣлалась отдача денегъ въ долгъ за проценты, то долженъ былъ измѣниться и средневѣковой взглядъ на денежный ростъ. Церковь осуждала взиманіе процентовъ и разрѣшала его лишь евреямъ, „которые продали Христа". Средневѣковое законодательство также запрещало отдачу денегъ въ ростъ. Мало-по-малу государству, которое само стало платить проценты по ссудамъ, пришлось начать отмѣну своихъ строгихъ законовъ противъ роста, сначала допустивъ фиктивныя покупки кредиторомъ на извѣстный срокъ той или другой вещи, принадлежащей должнику, и дохода, ею приносимаго, а потомъ допустивъ и самый ростъ не въ видѣ вознагражденія за пользованіе капиталомъ, но за расходы по управленію кредитными учрежденіями. Впрочемъ, когда было нужно, каноническое запрещеніе роста снова появлялось на сцену. Мы упомянули, что въ первые же годы своего царствованія Филиппъ II оказался банкротомъ. Богословы успокоили совѣсть короля ссылкою на грѣховность всякихъ формъ денежнаго роста, и онъ, отобравъ у своихъ кредиторовъ всѣ обезпеченія, какія были въ ихъ рукахъ (разные государственные доходы), далъ имъ все-таки пятипроцентныя государственныя бумаги, которыя при немедленной реализаціи едва давали четверть своей номинальной стоимости.

Вообще въ разсматриваемую эпоху государственное хозяйство велось по образцу частныхъ денежныхъ предпріятій. Подобно тому, какъ въ частной жизни понятіе богатства все болѣе и болѣе отождествлялось съ понятіемъ денегъ, и государственное богатство стало пониматься въ смыслѣ накопленія какъ можно бо̀льшаго количества золота и серебра. Мало-по-малу этотъ взглядъ систематизировался въ

особой экономической теоріи, получившей названіе меркантилизма и господствовавшей до середины XVIII вѣка. Меркантилисты стали признавать главною цѣлью государственнаго управленія указанное накопленіе денегъ, которое легче всего совершается путемъ внѣшней вывозной торговли, такъ какъ, вывозя товары за границу, страна обогащается ввозомъ заплаченныхъ за эти товары денегъ; наоборотъ, ввозъ товаровъ, какъ операція, сопровождающаяся вывозомъ денегъ, считался невыгоднымъ. Съ этой точки зрѣнія правительства, слѣдовавшія меркантилистической политикѣ, не обращали никакого вниманія на интересы потребителей, но зато интересы предпринимателей въ области производства товаровъ, вывозимыхъ за границу, считались вполнѣ совпадающими съ интересами государственной казны. Новыя экономическія идеи создали цѣлую литературу, въ которой разрабатывались преимущественно вопросы о деньгахъ, торговлѣ и кредитѣ. Начало этой литературы относится къ XVI вѣку, но полнаго своего развитія она достигла лишь въ слѣдующемъ столѣтіи. Впрочемъ, меркантилизмъ былъ не столько научной теоріей, сколько своего рода практическимъ искусствомъ, и во многихъ отношеніяхъ о меркантилизмѣ приходится судить не на основаніи высказывавшихся въ литературѣ взглядовъ, а на основаніи разныхъ правительственныхъ мѣропріятій. Возвращаясь къ вопросу, поставленному въ началѣ этой главы, прибавимъ, что между зародившимся въ XVI в. меркантилизмомъ и протестантизмомъ, какъ главнымъ явленіемъ культурной исторіи того же столѣтія, не существуетъ никакой внутренней связи—за исключеніемъ развѣ только того общаго явленія, что государство новаго времени обнаружило тенденцію господствовать и надъ хозяйственною, и надъ религіозною жизнью общества. Этотъ выводъ тоже не можетъ служить въ пользу теоріи экономическаго матеріализма, которая хотѣла бы и религіозную реформацію, и вырабатывавшееся въ ней новое религіозное міросозерцаніе представить лишь непосредственными слѣдствіями экономическаго процесса.

ТРИДЦАТИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.

XXVII. Реакція въ Германіи и происхожденіе тридцатилѣтней войны [1]).

Борьба католицизма съ протестантизмомъ въ первой половинѣ XVII в.—Общій взглядъ на исторію Германіи съ 1555 по 1648 г. — Протестантская Германія во второй половинѣ XVI вѣка. — Раздоры католиковъ и протестантовъ изъ-за духовныхъ владѣній. — Габсбурги и протестантизмъ въ ихъ владѣніяхъ.—Іезуиты въ Германіи и начало реакціи. — Фердинандъ Штирійскій и Максимиліанъ Баварскій.—Событія въ габсбургской монархіи при Рудольфѣ II и Матѳіи и сравненіе ихъ съ событіями въ другихъ странахъ. — Начало чешскаго возстанія. — Баварія при Максимиліанѣ I.—Нападеніе на Донаувертъ.—Унія и лига въ Германіи.

Эпохой изданія нантскаго эдикта въ одинъ годъ со смертью главнаго вождя католической политики въ почти полувѣковое его царство-

---

[1]) Литература по исторіи Германіи во второй половинѣ XVI в.: *Ranke*. Zur deutschen Geschichte vom Religionsfrieden bis zum dreissigjährigen Krieg.—*Ritter*. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des dreissigjährigen Krieges.—*Lösche*. Geschichte des Protestantismus in Oesterreich.—*Loserth*. Geschichte der Reformation und der Gegenreformation in den inner-österreichischen Ländern im XVI Jahrhunderts.—*Bucholtz*. Gesch. der Regierung Ferdinands I.—*Maurenbrecher*. Maximilian II und die deutsche Reformation.—*Reitzes*. Zur Geschichte der religiösen Wandlung Maximilians II.—*Hollzman*. Kaiser Maximilian bis zu seiner Thronbesteigung.—*Gindely*. Rudolf II und seine Zeit.—*Heppe*. Gesch. des deutschen Protestantismus и *его же* Die Restauration des Katholicismus in Fulda, auf dem Eichsfelde und in Würzburg.—*Löwe*. Die Stellung Ferdinands I zum Trienter Konzil.—*Sugenheim*. Bayerns Kirchen und Volkszustände im XVI Jahrhundert.— *Wimmer*. Die religiösen Zustände in Bayern um die Mitte des XVI Jahrhunderts —*A. Knöpfler*. Die Kelchbewegung Bayerns unter Herzog Albrecht V. — *Aretin*. Geschichte des Kurfürsten Maximilian I.—*Callinich*. Kampf und Untergang des Melanchthonismus in Sachsen. — *Preger*. Mathias Flacius Illyricus und seine Zeit.—*Göschel*. Die Concordienformel nach Geschichte, Lehre und Bedeutung.—*Frank*. Die Theologie der Concordienformel.—

ваніе, за которою скоро послѣдовали: кончина главной его соперницы, освободившая англійскій престолъ для шотландской династіи Стюартовъ, признаніе преемникомъ Филиппа II самостоятельности части возставшихъ противъ него Нидерландовъ и убіеніе французскаго короля, который началъ свою политическую карьеру въ качествѣ главы протестантской партіи,—этой эпохой можно окончить второй отдѣлъ реформаціоннаго періода, начавшагося съ аугсбургскаго религіознаго мира, вообще съ той поры, когда произошло быстрое распространеніе кальвинизма и параллельно съ этимъ возникла и организовалась католическая реакція. Папство, Филиппъ II, Гизы потерпѣли неудачу въ своихъ стремленіяхъ, направленныхъ противъ протестантизма въ Шотландіи, Франціи, Нидерландахъ и Англіи, несмотря на іезуитскія интриги, на терроръ Альбы, на варѳоломеевскую ночь, на непобѣдимую армаду. Въ первой половинѣ XVII в. реакція дѣлаетъ новую попытку подавить протестантизмъ, но на этотъ разъ главною сценою борьбы дѣлается Германія, главными представителями католицизма—австрійскіе Габсбурги, а на защиту протестантизма выступаетъ Швеція, т.-е. *въ первой половинѣ XVII в. на новой сценѣ и съ новыми дѣйствующими силами повторяется все та же борьба католицизма и протестантизма, которая во второй половинѣ XVI в. происходила въ странахъ болѣе отдаленнаго Запада*, конечно, съ отличіями, вытекавшими изъ мѣстныхъ причинъ и особыхъ обстоятельствъ историческаго момента. О связи между обѣими эпохами религіозныхъ войнъ сказано было выше, и мы не будемъ возвращаться къ этому предмету.

Исторія тридцатилѣтней войны, какъ международной борьбы, въ которой участвовала почти вся Западаная Европа и выступали не только религіозныя противоположности, но и политическіе интересы разныхъ странъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ исторія происходившаго въ Германіи междоусобія, въ которомъ играли роль не одна распря между католиками и протестантами, а и столкновеніе князей съ императоромъ,

---

Для исторіи конца XVI в. и начала XVII см. *Muffat*. Die Verhandlungen der protestantischen Fürsten in den Jahren 1590 und 1591 zur Gründung einer Union. — *M. Ritter*, Geschichte der deutschen Union von den Vorbereitungen des Bundes bis zum Tode Kaisers Rudolfs II.—*Hurter*. Geschichte Kaisers Ferdinands II und seiner Eltern.—*A. Gindely*. Geschichte der Ertheilung des böhmischen Majestätsbriefes.—*Stieve*. Die Politik Bayerns.—Die Reichsstadt Kaufbeuren und die bayerische Restaurationspolitik.—*M. Lossen*. Die Reichsstadt Donauwörth und Herzog Maximilian. — *Stieve*. Der Ursprung des 30-jährigen Krieges. Der Kampf um Donauwörth. — *Egloffstein*. Der Reichstag zu Regensburg im Jahre 1608.—*Ritter*. Sachsen und der Jülicher Erbfolgestreit.—Исторіи Чехіи *Палацкаго*, *Gaisler'a* (польск.), *Томка* (перев. съ чешскаго), *Задѣвацкаго* (русск.), *Peschek'a* (Geschichte der Gegenreformation in Böhmen), *Bachmann'a*, *Dénis* (см. въ примѣч. къ слѣд. главѣ) и др.

и своекорыстныя стремленія отдѣльныхъ княжествъ, отличается крайнею сложностью, тѣмъ большею еще, что эта послѣдняя борьба двухъ враждебныхъ вѣроисповѣданій, втянувшая въ войну многія страны съ ихъ особыми интересами и сдѣлавшая ея театромъ Германію, подготовлялась издавна и притомъ не только въ связи со сложными и безъ того отношеніями между разными европейскими государствами, но и въ связи съ довольно запутанными отношеніями, существовавшими въ самой Германіи. Одно это должно было бы заставить насъ ограничиться лишь общимъ очеркомъ этой войны, такъ какъ малѣйшая попытка войти въ бо́льшія подробности неминуемо повлекла бы за собою необходимость слишкомъ расширить рамки нашего изложенія. Но есть и другія причины, которыя позволяютъ намъ предпочесть общій обзоръ болѣе подробному разсказу. *Судьба религіозной реформаціи и вмѣстѣ съ этимъ политическаго устройства Германіи была рѣшена уже въ первой половинѣ XVI вѣка*, такъ что вся дальнѣйшая исторія Германіи заключалась уже въ постановленіяхъ аугсбургскаго мира 1555 г., узаконившаго раздѣленіе и Германіи на католическую и протестантскую, и преобладаніе въ ней княжеской власти; въ сущности, ни событія второй половины XVI в., ни тридцатилѣтняя война не измѣнили этого положенія, хотя католической реакціи и тутъ удалось одержать не мало побѣдъ надъ протестантизмомъ. Къ серединѣ XV в. выяснился и характеръ нѣмецкой реформаціи, когда въ другихъ странахъ только-что начиналось кальвинистическое движеніе, благодаря чему въ исторіи реформаціоннаго движенія до пятидесятыхъ годовъ XVI в. главный интересъ сосредоточивается на Германіи, послѣ этого времени—на государствахъ болѣе отдаленнаго Запада. Политическія и соціальныя движенія подъ знаменемъ религіозныхъ идей равнымъ образомъ распредѣляются такъ, что въ Германіи они относятся преимущественно къ двадцатымъ годамъ XVI в., въ другихъ государствахъ—лишь ко второй половинѣ этого столѣтія. Въ Германіи оставался нерѣшеннымъ только одинъ вопросъ—объ отношеніи между императоромъ и князьями, но ему суждено было—по условіямъ нѣмецкой политической жизни—рѣшаться не общественными силами, а самими правительствами, а это-то именно и произошло во времена тридцатилѣтней войны, почему въ нѣмецкой усобицѣ первой половины XVII в. почти не было *того* политическаго элемента, который отразился на кальвинистической политической литературѣ въ Шотландіи, Франціи и Нидерландахъ, такъ какъ политическая оппозиція возникла главнымъ образомъ только въ Австріи, да въ не-нѣмецкихъ Венгріи и Чехіи. Если уже указывать на страну, представляющую наибольшій интересъ въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ реформаціоннаго періода, то такою страною будетъ Англія, гдѣ только въ первой по-

ловинѣ XVII в. происходитъ религіозно-политическое движеніе, аналогичное тѣмъ, какія были въ Германіи въ первой половинѣ XVI в., въ Шотландіи, Франціи и Нидерландахъ—во второй половинѣ того же столѣтія; здѣсь именно получаетъ развитіе новая форма протестантизма (индепендентство) и совершается борьба въ его собственныхъ нѣдрахъ (англиканская церковь, пресвитеріанство и индепендентство), передъ которою блѣднѣютъ богословскіе споры въ Германіи и Нидерландахъ и раздоры лютеранъ съ кальвинистами въ первой странѣ или двухъ фракцій кальвинизма въ другой [1]), а одновременно съ этимъ происходитъ и такое столкновеніе націи съ королевскою властью, въ сравненіи съ которымъ не могутъ итти ни событія нѣмецкой политической исторіи въ первой половинѣ XVI в., ни политическая борьба въ Шотландіи и Франціи и даже въ Нидерландахъ. Вотъ почему главный интересъ реформаціоннаго движенія, сосредоточивавшійся въ первой половинѣ XVI столѣтія на исторіи Германіи, во второй—на исторіи Шотландіи, Франціи и Нидерландовъ, въ XVII вѣкѣ сосредоточивается на исторіи Англіи. Затѣмъ у тридцатилѣтней войны остается ея значеніе въ общеевропейской международной политикѣ, но рѣшительное преобладаніе, даваемое нами внутренней исторіи передъ внѣшнею, заставляетъ насъ останавливаться на послѣдней главнымъ образомъ лишь по ея отношенію къ внутреннему культурно-соціальному развитію, бывшему въ занимающую насъ эпоху преимущественно развитіемъ религіозно-политическимъ. Наконецъ, самый планъ, положенный въ основу нашего изложенія, не позволяетъ останавливаться особенно подробно на томъ, что̀ въ цѣломъ исторической эволюціи не имѣетъ первостепеннаго значенія. Важно въ нѣмецкой исторіи особенно только то, что̀ имѣетъ отношеніе къ исторіи вѣротерпимости, и лишь это заставляетъ насъ предпослать исторіи тридцатилѣтней войны очеркъ событій въ Германіи отъ аугсбургскаго мира до ея начала.

Протестантизмъ продолжалъ усиливаться и распространяться въ Германіи послѣ названнаго религіознаго мира, но вмѣстѣ съ этимъ стала между прочимъ усиливаться и католическая реакція, преимущественно благодаря іезуитамъ, о которыхъ императоръ Фердинандъ I (1556—1564) говорилъ, что лишь они одни были бы въ состояніи спасти „жалкіе остатки“ (reliquia miserabilia) католицизма. Успѣху этой реакціи, доведшей и Германію до страшной религіозной войны, весьма много содѣйствовало то, что̀ происходило въ самомъ нѣмецкомъ протестантскомъ мірѣ. *Главныя явленія въ исторіи нѣмецкаго протестан-*

---

[1]) Въ Голландіи Арминій, проф. лейденскаго университета, началъ смягчать суровое ученіе Кальвина (догматъ о предопредѣленіи, теократическія

тизма во второй половинѣ XVI в. сводятся къ деспотическому вмѣшательству князей въ церковныя дѣла, къ утвержденію въ лютеранизмѣ сухого формализма и нетерпимости и къ мелочнымъ богословскимъ спорамъ и религіознымъ раздорамъ. „Cujus regio, ejus religio" открывало широко дверь княжескому произволу: пфальцскіе курфюрсты не одинъ разъ мѣняли религію, переходя изъ лютеранства въ кальвинизмъ и обратно, и заставляли своихъ подданныхъ слѣдовать за ними; князья вводили у себя нѣсколько отличныя одна отъ другой формулы вѣры, переходя отъ одной къ другой, принуждая населеніе принимать эти формулы и запрещая у себя полемику противъ установленнаго церковнаго порядка, который, однако, ничѣмъ не гарантировался отъ новыхъ измѣненій; если князья входили въ соглашенія между собою, то на подданныхъ это отражалось новыми религіозными притѣсненіями. Рядомъ съ княжескимъ произволомъ дѣйствовала теологическая нетерпимость. Гуманистическое направленіе, какое принимала духовная культура нѣмецкой націи, еще ранѣе начинало уже уступать мѣсто направленію схоластическому, которое проникло въ лютеранскую теологію, но теперь мертвый формализмъ все болѣе и болѣе начиналъ господствовать надъ умами, направлявшими свою дѣятельность на разрѣшеніе религіозныхъ вопросовъ, суживая послѣдніе, внося въ ихъ разработку схоластицизмъ, выдвигая на первый планъ мелочи; помимо же теологическихъ вопросовъ мало чѣмъ интересовались въ это время, такъ что уже тогда и въ самомъ протестантскомъ мірѣ начиналось то пониженіе культуры, которое окончательно было произведено католической реакціей и тридцатилѣтнимъ междоусобіемъ. При такомъ направленіи церковная каѳедра служила не столько дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, сколько теологической полемикѣ съ противномыслящими, да и вообще споры между теологами разныхъ оттѣнковъ овладѣвали общественнымъ вниманіемъ, благодаря развитію богословско-полемической литературы, пріучая, конечно, и свѣтское общество къ формализму, мелочности и нетерпимости. Послѣдняя была особенно велика въ лютеранскомъ лагерѣ. Вражда, какою еще Лютеръ встрѣтилъ цвингліанство, была теперь перенесена на кальвинизмъ, который сталъ распространяться также и въ Германіи, несмотря на то, что аугсбургскій миръ давалъ равноправность съ католиками лишь однимъ лютеранамъ, прямо исключивъ изъ нея реформатовъ. По смерти Лютера Меланхтонъ сдѣлался главнымъ представителемъ лютера-

стремленія, религіозную нетерпимость), но встрѣтилъ отпоръ въ другомъ профессорѣ того же университета Гомарѣ, рьяномъ кальвинистѣ. Въ Голландіи образовались партіи арминіанъ и гомарисовъ, раздѣлившіяся и въ политическомъ отношеніи и ведшія между собою ожесточенную борьбу.

низма, но его уступчивость кальвинистамъ не только въ безразличныхъ формальностяхъ, но и въ толкованіи евхаристіи вызвала противъ него и „филиппистовъ“ (т.-е. его послѣдователей, такъ какъ его имя было Филиппъ) оппозицію правовѣрныхъ лютеранъ. Центромъ послѣдней сдѣлался іенскій университетъ, во главѣ фанатиковъ котораго сталъ нѣкій Флацій: эта полемика іенскихъ и виттенбергскихъ богослововъ, вполнѣ соотвѣтствовавшая враждѣ эрнестинской и альбертинской саксонскихъ княжескихъ линій, подданными которыхъ были противники, еще болѣе усилилась, когда Меланхтонъ отступилъ отъ ученія Лютера о благодати, допустивъ, что собственное влеченіе человѣческой воли содѣйствуетъ ея полученію (синергизмъ). Въ этой и другихъ подобныхъ распряхъ принимали участіе и князья, и имперскіе города, напр., съ Бременомъ за склонность его къ кальвинизму, который и былъ тамъ введенъ, нѣкоторые города разорвали свои торговые договоры. Когда курфюрстъ пфальцскій Фридрифъ III принялъ кальвинизмъ („Гейдельбергскій катехизисъ“, 1563), лютеране на имперскомъ сеймѣ потребовали исключенія его изъ числа государей, которымъ миръ 1555 года гарантировалъ защиту отъ религіозныхъ враговъ, а ортодоксальные богословы стали особенно неистовствовать противъ „филиппизма“, или „скрытаго кальвинизма“ (криптокальвинизма), продолжавшаго существовать и по смерти Меланхтона (1560) и даже утвердившагося въ курфюршествѣ саксонскомъ (Corpus doctrinae Philippicum sive Misnicum, т.-е. Мейсенскій). Эти богословы разъяснили ничего не понимавшему въ теологіи курфюрсту Августу, что онъ губитъ душу свою ересью, и вотъ началась въ Саксоніи страшная лютеранская реакція противъ яда кальвинизма съ изгнаніями, тюремными заключеніями, пытками и т. п., ибо курфюрстъ „хотѣлъ, какъ самъ онъ объявилъ, держать лишь такихъ слугъ, которые исповѣдуютъ ту же вѣру, чтó и онъ“. Лютеранскимъ раздорамъ соотвѣтствовали кальвинистическіе въ Пфальцѣ, гдѣ суровый женевскій режимъ вызвалъ противъ себя оппозицію, встрѣтившую сочувствіе въ Англіи и Шотландіи [1]), и гдѣ фанатики обвиняли своихъ противниковъ въ социніанизмѣ. Послѣ того какъ умеръ курфюрстъ пфальцскій Фридрихъ III, введшій у себя кальвинизмъ, а его преемникъ, Людвигъ, возвратилъ свое княжество лютеранизму, главные богословскіе представители послѣдняго составили „формулу согласія“ (Concordienformel) въ духѣ строгой ортодоксальности и предложили ее принять князьямъ и городамъ, но на нее не соглашались отдѣльные священники и богословы въ княжествахъ и городахъ, ее подпи-

---

[1]) Фанатики и тамъ называли менѣе суровыхъ кальвинистовъ эрастіанцами, по имени гейдельбергскаго профессора и врача Эраста.

савшихъ, какъ и нѣкоторые князья и города. Это не помѣшало обнародовать формулу въ Дрезденѣ (1580) съ подписями 86 государей и городскихъ правительствъ, а введенію ея сопровождаться новыми преслѣдованіями несогласно мыслящихъ. Вскорѣ Людвигъ пфальцскій умеръ, и опекунъ малолѣтняго его преемника снова перевелъ его княжество изъ лютеранства въ кальвинизмъ; затѣмъ и саксонскій курфюрстъ, женившись на дочери князя ангальтскаго, который отвергъ формулу, сталъ менѣе ревностно ее поддерживать, за что лютеранскіе фанатики стали осыпать его бранью. Таковы были отношенія въ протестантскомъ мірѣ въ первыя же десятилѣтія послѣ религіознаго мира. *Для католической реакціи было какъ нельзя болѣе на руку такое состояніе протестантизма*, и если тѣмъ не менѣе послѣдній продолжалъ распространяться, то, съ одной стороны, это указывало на еще большее разложеніе, господствовавшее въ католицизмѣ, а съ другой — объяснялось существованіемъ нѣкоторыхъ выгодъ, сопряженныхъ съ переходомъ въ протестантизмъ. Кромѣ того, *раздоры въ протестантскомъ лагерѣ объясняютъ намъ недружное его дѣйствіе въ началѣ тридцатилѣтней войны, новые же переходы въ протестантизмъ были одною изъ причинъ особаго ожесточенія католиковъ*. Съ самаго религіознаго мира между католическими и протестантскими чинами имперіи происходили именно пререканія изъ-за секуляризаціи. Дѣло въ томъ, что аугсбургскій миръ утвердилъ лишь тѣ ея случаи, которые были совершены до пассаускаго договора (1552 г.), но относительно другихъ опредѣленнаго постановленія не было, и только императоръ личнымъ своимъ распоряженіемъ объявилъ, что духовный князь, переходящій въ протестантизмъ, утрачиваетъ вмѣстѣ съ саномъ и соединенныя съ нимъ владѣнія: вотъ католики и настаивали на этомъ правилѣ, утверждая, что протестантъ не можетъ быть епископомъ или аббатомъ, а протестанты говорили, что епископы и аббаты владѣютъ землями не какъ духовные сановники, а какъ имперскіе князья, которымъ никто не можетъ помѣшать переходить въ протестантизмъ. Отсюда возникала масса споровъ, такъ какъ церковныя земли то и дѣло переходили въ руки протестантовъ. Но распри до войны еще не доходили; только неудовольствіе накоплялось среди однихъ на существованіе статьи, мѣшавшей, хотя чисто теоретически, распространенію протестантизма, среди другихъ — на частыя нарушенія этой статьи.

Братъ Карла V, выбранный послѣ него въ императоры, и сынъ послѣдняго Максимиліанъ II (1564—1576) были миролюбивы и вѣротерпимы,—первый, наученный опытомъ старшаго брата, второй, возбудивъ даже предположеніе о возможности своего перехода въ аугсбургское исповѣданіе. По всей вѣроятности, отъ этого шага Макси-

миліана II воздерживали не религіозныя причины: священная Римская имперія нѣмецкой націи была связана съ католическою церковью; самъ Максимиліанъ, какъ Габсбургъ, какъ двоюродный братъ Филиппа II, женатый на дочери Карла V и выдавшій свою дочь Анну за испанскаго короля, подчинялся шедшему изъ Мадрида политическому вліянію; далѣе, католики указывали ему на то, что отступленіе отъ св. церкви ведетъ за собою раздоры, ссылаясь на религіозныя войны, на распри лютеранъ съ кальвинистами; наконецъ, и та политическая борьба, какую въ его время вели протестанты внѣ Германіи противъ своихъ государей, не могла, конечно, располагать императора въ пользу разрыва съ церковью. Тѣмъ не менѣе онъ отличался вѣротерпимостью и даже ходатайствовалъ передъ Филиппомъ II за болѣе мягкую политику въ Нидерландахъ, а курфюрсту саксонскому совѣтовалъ быть снисходительнѣе по отношенію къ криптокальвинистамъ. Благодаря такому отношенію габсбургскихъ государей къ религіозному вопросу, протестантизмъ распространялся въ собственныхъ ихъ владѣніяхъ, и *продолжай преемники Фердинанда I и Максимиліана II дѣйствовать въ ихъ духѣ, габсбургская политика раздвоилась бы, и одною изъ побѣдъ католической реакціи было то, что она перетянула австрійскихъ Габсбурговъ на сторону испанскихъ.* Но и другіе германскіе государи этого времени отличались вѣротерпимостью, и даже въ Баваріи герцогъ Альбрехтъ, зять Фердинанда, дозволялъ протестантское богослуженіе и самъ слушалъ проповѣди одного лютеранскаго пастора, долго жившаго при дворѣ Максимиліана II,—въ той самой Баваріи, которая раньше была противъ реформаціи, а позднѣе сдѣлалась главою католической лиги. Вообще *католики до усиленія іезуитской реакціи отличались въ Германіи меньшею нетерпимостью, чѣмъ сами протестанты*: и на первыхъ Габсбургахъ младшей линіи это положительно сказывалось, и вездѣ строгій католицизмъ держался такъ плохо, что всей Германіи пророчили современемъ переходъ въ протестантизмъ,—отвращавшій теперь многихъ своею нетерпимостью и своими раздорами.

Распространеніе нововѣрія въ габсбургскихъ владѣніяхъ – фактъ вдвойнѣ интересный: онъ свидѣтельствуетъ о терпимости государей, а съ другой стороны, имѣетъ близкое отношеніе къ возникновенію тридцатилѣтней войны. Въ Чехіи, выбравшей въ свои короли (1526) Фердинанда, уже раньше существовало близкое къ протестантизму иновѣріе (гуситство), даже сильно поднявшее голову во время шмалькальденской войны, а при Максимиліанѣ II большинство дворянъ и горожанъ уже не были католиками. И въ Венгріи, тоже принявшей габсбургскаго короля въ лицѣ Фердинанда, при немъ и при его сынѣ большіе успѣхи сдѣлали лютеранство—среди нѣмецкихъ колонистовъ—и

кальвинизмъ—среди самихъ мадьяръ, среди магнатовъ, мелкаго дворянства и городовъ. Ко времени вступленія на престолъ Рудольфа II (1576) почти все дворянство и почти всѣ города Нижней и Верхней Австріи также исповѣдовали протестантскую вѣру. Въ Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ равнымъ образомъ было много протестантовъ. Максимиліанъ II положительно удостовѣрялъ ненарушимость свободы аугсбургскаго богослуженія въ эрцгерцогствѣ Австріи и утраквистскаго въ земляхъ чешской короны, а въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ сдѣлалъ то же самое его братъ Карлъ, которому достались эти земли [1]), отецъ Фердинанда Штирійскаго, одного изъ героевъ тридцатилѣтней войны.

Со вступленіемъ на престолъ Рудольфа II (1576) отношеніе императорской власти къ иновѣрію измѣнилось. При этомъ вяломъ и апатичномъ государѣ, занимавшемся только астрологіей и алхиміей, католическая реакція была уже въ полномъ ходу, подготовленная предшествовавшей дѣятельностью іезуитовъ, которые передъ этимъ имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлую четверть вѣка, пользуясь всѣми средствами для борьбы съ протестантами и для воспитанія будущихъ борцовъ за интересы католицизма. Сначала Баварія, гдѣ они овладѣли ингольштадтскимъ университетомъ, потомъ Австрія, въ которой они захватили столичный университетъ, подъ ихъ вліяніемъ пошли по дорогѣ крайней реакціи. Въ Баваріи началось гоненіе на все протестантское, и дозволенная для мірянъ чаша была опять отнята у народа, а протестантскіе депутаты не были болѣе допускаемы въ засѣданія ландтага (1563). Въ ингольштадтскомъ университетѣ воспитались и два главные дѣятеля тридцатилѣтней войны, двоюродный братъ Рудольфа II Фердинандъ Штирійскій (впослѣдствіи императоръ) и Максимиліанъ Баварскій (впослѣдствіи глава католической лиги), еще въ молодыхъ годахъ поклявшіеся истреблять протестантизмъ. Въ 1596 г. 18-лѣтній Фердинандъ сдѣлался штирійскимъ княземъ, съѣздилъ въ скоромъ времени послѣ этого въ Италію, посѣтилъ Лоретто, гдѣ передъ знаменитой иконой Богоматери далъ клятву въ вѣчной ненависти къ еретикамъ и, пріѣхавъ въ Грацъ, запретилъ протестантское богослуженіе, прогналъ проповѣдниковъ, отнялъ должности у лютеранъ, заставилъ своихъ подданныхъ или переходить въ католицизмъ, или выселяться, говоря, что свобода

---

[1]) Фердинандъ I отдалъ Максимиліану II Венгрію, Богемію и Австрію, которыя не должны были одна отъ другой отдѣляться, второму сыну—Тироль съ юго-западными владѣніями въ Германіи, а третьему сыну (Карлу)—Штирію, Каринтію, Крайну и Герцъ. Рудольфъ II и Матѳій, царствовавшіе послѣ Максимиліана II, были его сыновья, а Фердинандъ II—сынъ Карла Штирійскаго отъ брака съ Изабеллою Баварской, теткою Максимиліана Баварскаго. Это примѣчаніе необходимо для пониманія послѣдующаго.

вѣроисповѣданія, данная его отцомъ мѣстному дворянству, была личной уступкой покойнаго, отнюдь для него самого необязательною. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Рудольфъ II, еще ранѣе начавшій искорененіе протестантизма въ Австріи, Чехіи и Венгріи. Въ Австріи протестантскіе члены ландтаговъ (верхнеавстрійскаго и нижнеавстрійскаго) даже заключили между собою союзъ (1603) для защиты своей свободы, на что̀ католики отвѣтили своимъ союзомъ (1605). Въ Чехіи, кромѣ католицизма, допускался только утраквизмъ, согласный съ базельскими компактатами. Въ Венгріи произошло даже національное возстаніе, и мадьяры обратились съ просьбою о защитѣ къ туркамъ. Сами габсбургскіе принцы нашли нужнымъ отнять у Рудольфа правленіе въ пользу его брата Матѳія, и такъ какъ сословные чины отдѣльныхъ частей монархіи становились также на сторону послѣдняго, то, чтобы удержать за собою хоть Чехію, Матѳій далъ ей знаменитую грамоту величества.

Такимъ образомъ въ самомъ габсбургскомъ домѣ въ Австріи произошелъ разладъ, и католическая реакція отъ этого проигрывала. Рудольфъ II вынужденъ былъ (1608) формально уступить Матѳію всѣ свои владѣнія, кромѣ Чехіи, и объявить его своимъ наслѣдниковъ въ послѣдней, а Матѳій, съ своей стороны, долженъ былъ подтвердить религіозныя и политическія права венгерскаго дворянства и дать (1609) австрійскимъ протестантамъ грамоту („резолюцію“), по которой всѣ жители эрцгерцогства Австріи получали свободу вѣроисповѣданія, а дворяне сверхъ того и свободу богослуженія въ своихъ имѣніяхъ. Чеховъ Рудольфъ II удержалъ за собою только обѣщаніемъ отдать на разсмотрѣніе ихъ сейма религіозный вопросъ; сначала онъ не соглашался-было на сдѣланныя ими предложенія, но чехи приготовились къ возстанію, и Рудольфъ II уступилъ, подписавъ составленный сеймомъ актъ, получившій названіе „грамоты величества“ (1609). Этимъ закономъ католики, утраквисты (подъ которыми разумѣлись въ Чехіи и протестанты другихъ исповѣданій) и чешскіе братья сравнивались въ правахъ съ католиками безъ различія сословій, въ обезпеченіе же этого акта чехи-протестанты получили право выбрать комитетъ изъ 24 дефенсоровъ (по 8 отъ трехъ сословій), которые не только управляли бы ихъ религіозными дѣлами (и пражскимъ университетомъ), но и могли бы созывать представительное собраніе своихъ единовѣрцевъ, собирать войско и взимать налоги для его содержанія. Въ этихъ событіяхъ, происходившихъ въ габсбургскихъ владѣніяхъ въ самомъ началѣ XVII в., нельзя не видѣть аналогіи съ тѣмъ, что̀ совершалось въ другихъ государствахъ во второй половинѣ XVI в., гдѣ католическія правительства толкали протестантскихъ подданныхъ на путь политической оппозиціи, и гдѣ реформа-

ціонное движеніе сопровождалось сопротивленіемъ сословно-представительныхъ учрежденій королевскому абсолютизму. Въ частности, религіозная свобода и тутъ, какъ и во Франціи, получала сословный характеръ; для обезпеченія же правъ, данныхъ чешскимъ протестантамъ грамотою величества, Рудольфъ II вынужденъ былъ имъ дать особую гарантію, признавъ цѣлую политическую ихъ организацію, согласившись на учрежденіе сословнаго комитета дефенсоровъ. Чешское движеніе приняло особенно оппозиціонный характеръ. Въ концѣ концовъ чехи отложились и отъ Рудольфа II, сдѣлавъ королемъ своимъ Матѳія (1611), хотя и ошиблись въ расчетѣ, думая, что онъ передастъ правленіе протестантамъ. Рудольфъ II, всѣми покинутый, умеръ въ 1612 г. Курфюрсты избрали въ императоры Матѳія, царствованіе котораго собственно въ габсбургскихъ земляхъ прошло въ пререканіяхъ съ областными чинами, стремившимися отстоять свободу отъ абсолютизма, такъ какъ Матѳій думалъ утвердить его въ своей монархіи, предпринимая и мѣры, направленныя къ стѣсненію религіозной свободы. Для спасенія владѣній габсбургскаго дома отъ грозившаго монархіи распаденія австрійскіе эрцгерцоги назначили Матѳію опекуна въ лицѣ Фердинанда Штирійскаго, какъ наиболѣе способнаго изъ всѣхъ габсбургскихъ принцевъ, но онъ началъ примѣнять и въ Чехіи тѣ мѣры, которыя уже съ успѣхомъ проводились имъ въ Штиріи. Извѣстно, что въ 1618 г. онъ приказалъ въ Чехіи разрушить одну протестантскую церковь, а другую закрыть послѣ ряда другихъ мѣръ, указывавшихъ на крайне реакціонныя намѣренія правительства. Это заставило дефенсоровъ созвать представителей чешскихъ протестантовъ на совѣщаніе о средствахъ, къ какимъ нужно было бы прибѣгнуть для защиты религіи. Рѣшили сначала жаловаться правительственному совѣту, оставленному Матѳіемъ въ Прагѣ; послѣ отказа съ его стороны послали жалобу самому королю, но отвѣтъ его заключалъ въ себѣ порицаніе протестантскому съѣзду за его поведеніе и запрещеніе его повторять съ угрозою принять строгія мѣры противъ повторенія незаконныхъ поступковъ. Дефенсоры тѣмъ не менѣе созвали второй съѣздъ, и тогда произошла знаменитая „дефенестрація" двухъ членовъ совѣта, Мартиница и Славаты, которыхъ подозрѣвали въ томъ, что ими были внушены королевскія распоряженія и отвѣтъ на жалобу съѣзда. Послѣ этого протестантскій съѣздъ принялъ на себя права чешскаго сейма и, увѣряя Матѳія въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, сталъ оправдывать передъ нимъ свои поступки тѣмъ, что дѣйствовалъ-де онъ такимъ образомъ не противъ него, а противъ нарушителей ихъ религіозныхъ правъ. Во главѣ этой оппозиціи стояли магнаты и дворяне,—причемъ отъ протестантовъ не отставали и католики,—а затѣмъ къ возстанію, начатому аристократіей, примкнули

и горожане. Въ самомъ началѣ чешской революціи, сдѣлавшейся, какъ извѣстно, началомъ тридцатилѣтней войны, умеръ (1619) Матѳій, и почти одновременно курфюрсты выбрали въ императоры Фердинанда Штирійскаго (28 августа 1619), а чешскій сеймъ низложилъ его съ престола Чехіи и передалъ королевскую власть (сильно ограниченную въ пользу сейма) курфюрсту пфальцскому Фридриху V. Такимъ образомъ *въ началѣ XVII в. и австрійскіе Габсбурги своимъ католическимъ фанатизмомъ и стремленіемъ къ абсолютизму довели часть своихъ подданныхъ до открытаго возстанія и даже до отложенія отъ ихъ власти*, и если чешскія событія, приведшія при Рудольфѣ II къ грамотѣ величества, были какъ бы повтореніемъ того, что̀ происходило во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, то въ возстаніи 1618 г. Чехія шла уже по стопамъ Нидерландовъ, низложивъ австрійскаго Габсбурга и выбравъ на его мѣсто другого государя совершенно такъ же, какъ четырьмя десятилѣтіями раньше поступили нидерландскіе генеральные штаты, когда объявили испанскаго Габсбурга лишеннымъ власти и призвали для своей защиты Вильгельма Оранскаго, сильно ограничивъ власть новаго правителя. Но чехи, боровшіеся за религіозную и политическую свободу, не были такъ счастливы, какъ голландцы: союзниковъ и помощниковъ у нихъ не было, тогда какъ Фердинандъ II могъ расчитывать на помощь Испаніи [1]) и Польши, на нейтралитетъ Франціи, правительство которой (Людовикъ XIII) не хотѣло воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Габсбурговъ, ибо видѣло въ чехахъ мятежныхъ подданныхъ и враговъ католической церкви; сверхъ того Фердинандъ былъ выбранъ въ императоры, что̀ заинтересовало въ чешскомъ дѣлѣ Германію, а здѣсь тогда уже существовала грозная католическая сила въ видѣ лиги князей подъ главенствомъ Максимиліана Баварскаго. Начавшаяся война не могла быть локализирована въ одной Чехіи: она должна была сдѣлаться сначала общегерманской, потомъ общеевропейской.

Пока происходило подавленіе протестантизма при Рудольфѣ II и Фердинандѣ Штирійскомъ въ габсбургскихъ владѣніяхъ, въ католической Германіи также усиливалась реакція, примѣръ которой, какъ мы видѣли, былъ поданъ Баваріей. Выше былъ уже названъ двоюродный братъ Фердинанда II Максимиліанъ Баварскій, учившійся у іезуитовъ въ ингольштадтскомъ университетѣ. Еще очень молодымъ человѣкомъ (20 лѣтъ) онъ побывалъ въ Римѣ, чтобы представиться папѣ и поговорить съ нимъ о дѣлахъ церкви, а когда ему исполни-

---

[1]) Испанскими Нидерландами въ это время правилъ эрцгерцогъ австрійскій Альбрехтъ (ум. 1621), младшій братъ Рудольфа II и Матѳія, слѣдовательно, кузенъ Фердинанда II.

лось 24 года (1597), отецъ его Вильгельмъ V, уже начавшій реставрацію католицизма въ Баваріи, передалъ ему управленіе этимъ герцогствомъ. Молодой князь Максимиліанъ I оказался искуснымъ правителемъ, улучшивъ администрацію, поправивъ финансы, набравъ войско изъ своихъ подданныхъ, а не изъ наемниковъ, что̀ было удобнѣе, но вмѣстѣ съ этимъ подчинилъ всю жизнь страны какъ полицейскому надзору своимъ правительственнымъ уставомъ (Landrecht-Polizei- Gerichte- und Malefiz-Ordnung 1616 г.), такъ и іезуитской опекѣ; при немъ быстро гегемонія въ католической Германіи перешла къ Баваріи отъ Австріи. Скоро онъ сталъ внушать опасенія протестантамъ. Лютеранскій городъ Донауве̇ртъ, нѣкогда принадлежавшій Баваріи, но давно уже (съ императора Альбрехта I) сдѣлавшійся имперскимъ, имѣлъ въ своихъ стѣнахъ независимый отъ мѣстной власти католическій монастырь, подчинявшійся епископу аугсбургскому. Аббатъ этого монастыря возобновилъ крестные ходы по улицамъ, отмѣненные его предшественникомъ во избѣжаніе непріятностей, и вѣнскій Reichshofrath, конкурировавшій съ имперскимъ судомъ, безъ всякаго права предписалъ городскимъ властямъ не мѣшать этимъ процессіямъ подъ страхомъ наказанія, но однажды (1606) между католиками, пришедшими изъ окрестностей, и протестантскими жителями города во время подобнаго хода произошла драка, вслѣдствіе чего Максимиліанъ захватилъ (1607) городъ и поставилъ въ немъ свой гарнизонъ. Это дѣло послужило предметомъ раздора между протестантскими и католическими чинами на собравшемся въ 1608 г. имперскомъ сеймѣ. Въ томъ же году протестантскіе князья заключили между собою унію, сдѣлавъ ея директоромъ и главнокомандующимъ ея войсками курфюрста пфальцскаго Фридриха IV (14 мая), а черезъ два мѣсяца (10 іюля) въ Мюнхенѣ была заключена Максимиліаномъ съ сосѣдними духовными князьями католическая лига, къ которой, спустя шесть недѣль, присоединились духовные курфюрсты, потомъ и Фердинандъ Штирійскій, въ слѣдующемъ же году лига признала протекторомъ своимъ испанскаго короля, который обязался давать ей денежную субсидію, хотя фактическимъ распорядителемъ ея силъ былъ попрежнему Максимиліанъ Баварскій, положившій начало союзу. Такимъ образомъ *въ началѣ XVII вѣка Германія возвращалась къ политикѣ, которая привела ее къ шмалькальденской войнѣ*, и между обѣими враждебными силами, т.-е. между уніей и лигой, чуть-было не вспыхнула общая война тогда же по слѣдующему поводу. Въ 1609 г. умеръ бездѣтнымъ владѣлецъ территоріи, состоявшей изъ трехъ герцогствъ (юлихскаго, клевскаго и бергскаго) и двухъ графствъ (маркскаго и равенсбергскаго). Изъ-за наслѣдства начались споры, но младшій братъ Фердинанда (тогда

еще герцога штирiйскаго) Леопольдъ захватилъ Юлихъ и сталъ просить помощи у духовныхъ курфюрстовъ и Испанiи, но унiя, увеличившаяся присоединенiемъ новыхъ членовъ, рѣшилась этому воспрепятствовать, точно такъ же, какъ и Генрихъ IV, не желавшiй допустить усиленiя Габсбурговъ; поэтому унiя и Генрихъ IV, соединились вмѣстѣ, а у французскаго короля союзниками были голландцы и герцогъ савойскiй, да Iаковъ I Англiйскiй обѣщалъ еще свою помощь. Война уже началась нападенiемъ трехъ князей (ансбахскаго, пфальцскаго, баденскаго) на сосѣднихъ духовныхъ владѣтелей, и французская армiя двинулась уже на Юлихъ, но на этотъ разъ суждено было разгорѣться пожару. Передъ самымъ отъѣздомъ Генриха IV въ Германiю кинжалъ Равальяка положилъ конецъ его жизни, а Марiя Медичи, правительница Францiи въ малолѣтство Людовика XIII, измѣнила направленiе политики мужа; Iаковъ I помощи не оказалъ; глава унiи скончался, и враждующiя стороны заключили перемирiе, а юлихскiя владѣнiя достались курфюрсту бранденбургскому и пфальцграфу нейбургскому; эти два князя не поладили между собою и начали новую войну, въ которую вмѣшались-было Испанiя и Голландiя, но она скоро прекратилась (1614). Въ 1613 г. былъ послѣднiй имперскiй сеймъ передъ тридцатилѣтней войной. Избранiе чехами въ 1619 г. въ короли молодого Фридриха V Пфальцскаго, главы унiи, и обращенiе Фердинанда II за помощью къ главѣ лиги, Максимилiану Баварскому, которому за содѣйствiе въ борьбѣ съ чехами и съ курфюрстомъ пфальцскимъ, обѣщались всякiя блага и между ними курфюршество пфальцское, — были ближайшими поводами того, что чешская революцiя 1618 г. сдѣлалась началомъ тридцатилѣтней войны.

XXVIII. Тридцатилѣтняя война [1]).

Дѣленiе тридцатилѣтней войны на перiоды. — Чешская война. — Причина пораженiя чеховъ. — Реакцiя въ Пфальцѣ. — Датская война и Валленштейнъ. — Реституцiонный эдиктъ. — Отставка Валленштейна и выступленiе Швецiи. — Густавъ Адольфъ въ Германiи. — Вторичное появленiе Валленштейна. — Гейльбронскiй союзъ. — Катастрофа Валленштейна. — Французское вмѣшательство. — Вестфальскiй миръ. — Результаты тридцатилѣтней войны. — Заключенiе къ оконченному отдѣлу.

Тридцатилѣтняя война была порожденiемъ католической реакцiи. Возстанiе чеховъ было вызвано начавшимися религiозными притѣсне-

---

[1]) См. общiя исторiи Австрiи *Krones'a*, *Huber'a* (обѣ нѣмецкiя), *Léger* (франц.) и др. Спецiальная литература по исторiи тридцатилѣтней войны вообще весьма обширна. Не считая устарѣлаго (1793) сочиненiя *Шиллера*,

ніями, шедшими рука объ руку съ попытками уничтоженія политической свободы. Если чешская война сдѣлалась началомъ борьбы во всей Германіи, то лишь потому, что тамъ давно готовилось вооруженное столкновеніе католиковъ съ протестантами, подготовленное іезуитской реакціей. Наконецъ, вмѣшательство другихъ государствъ въ германскую распрю объясняется, между прочимъ, кромѣ причинъ чисто политическихъ, и тѣмъ, что въ тогдашней Западной Европѣ продолжалось еще раздѣленіе всѣхъ государствъ на два лагеря, изъ которыхъ аггрессивнымъ характеромъ отличался лагерь католическій. Обыкновенно исторію тридцатилѣтней войны дѣлятъ на періоды, которыхъ можно установить четыре. Первымъ нужно считать чешско-пфальцскій: онъ окончился побѣдою императора и католиковъ надъ Чехіей и курфюрстомъ пфальцскимъ, принявшимъ чешскую корону, что̀ вызвало иностранное вмѣшательство, и тогда начался датскій періодъ, такъ какъ во главѣ протестантскихъ силъ въ Германіи сталъ датскій король Христіанъ IV. За новою побѣдою Габсбурговъ и католицизма послѣдовало шведское вмѣшательство, и третій періодъ называется поэтому шведскимъ, послѣдній же — французскимъ по открытому участію въ войнѣ и Франціи. Кромѣ того, въ самомъ началѣ

имѣющагося и по-русски, укажемъ на соч. *Richter'a*, *Barthold'a* (Gesch. des grossen deutsch. Krieges), *M. Ritter'a* (Deutsche Gesch. im Zeitalt. der Gegenreform. und des dreissigjähr. Kr.), *Droysen'a* (Das Zeitalt. des dr. Kr. въ „Weltgeschichte“ Онкена), *Gardiner'a* (The thirty years war), *Charvériat* (Histoire de la guerre de Trente ans), *Droysen'a* (Gesch. der preuss. Politik, соотвѣтственные отдѣлы), а также сочиненія по исторіи Франціи при Ришелье и Мазарини (между прочимъ *Fagnier*. Le père Joseph et Richelieu), но самая подробная исторія тридцатилѣтней войны начата *Gindely* (Gesch. des dr. Kr., первые три тома которой посвящены чешскому возстанію), написавшимъ и болѣе краткую исторію всей войны. Кромѣ того, существуетъ масса сочиненій біографическаго и монографическаго характера; одинъ такъ называемый „валленштейновскій вопросъ“ имѣетъ цѣлую спеціальную литературу, о чемъ см. обширное примѣч. проф. В. П. Бузескула въ III т. „Лекцій по всемірной исторіи“ Петрова (стр. 196—199 по первому изданію, стр. 207—209 по второму, 1904 г.). Главныя біографіи Валленштейна и др. соч. о немъ принадлежатъ *Ranke*, *Förster'y*, *Aretin'y*, *Dudik'y*, *Hurter'y*, *Hunziker'y*, *Gädeke*, *Hallwig'y*, *Gindely*, *Schebeck'y*, *Bilek'y*, *Hildebrandt'y*, *Дворскому*, *Irmer'y*, *Пекаржу* и др. Вопросъ о томъ, были ли у Валленштейна лишь одни честолюбивыя стремленія или же онъ ставилъ своей дѣятельности болѣе широкія цѣли, а также и о томъ, онъ ли впослѣдствіи измѣнилъ императору или, наоборотъ, императоръ поступилъ съ нимъ, какъ человѣкъ неблагодарный, до сихъ поръ раздѣляетъ ученыхъ на два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ рѣшаютъ вопросъ въ первомъ смыслѣ (*Gindely*), въ другомъ—во второмъ (*Ranke*). Знатокъ эпохи, Гиндели, сравниваетъ работу надъ этимъ вопросомъ съ работой миѳическаго Сизифа. Далѣе, см. *Zwiedenek-Südenhorst*. Venetianische Gesandtschafts-Berichte über die böhmische Rebellion (1618—1620). — *Krebs*. Die Schlacht am Weissen

войны возобновилась и прерванная перемиріемъ 1609 г. борьба Голландіи съ Испаніей.

Чешское возстаніе 1618 г. сперва имѣло успѣхъ, тѣмъ болѣе, что къ чехамъ присоединились моравскіе, силезскіе и лужицкіе земскіе чины, сами чехи набрали войско, а Фердинандъ II не былъ готовъ къ нападенію. Глава возстанія, графъ Турнъ, сдѣланный главнымъ начальникомъ чешскаго ополченія, и графъ Эрнстъ Мансфельдъ, присланный чехамъ съ войскомъ отъ курфюрста пфальцскаго, вели войну, такъ что первый изъ нихъ подступилъ къ самой Вѣнѣ, гдѣ, кромѣ того, и австрійскіе подданные Фердинанда II сильно волновались, но одно пораженіе войска Мансфельда, открывшее арміи Фердинанда II путь къ Прагѣ, заставило гр. Турна отойти изъ-подъ Вѣны. Для Фердинанда II было настоящимъ спасеніемъ, что среди такихъ обстоятельствъ его выбрали въ императоры. Въ то время другого серьезнаго кандидата на престолъ не было, послѣ того, какъ Максимиліанъ Баварскій отказался отъ кандидатуры, а онъ еще все-таки могъ быть опаснымъ соперникомъ; Германія по привычкѣ не покидала Габсбургскаго дома въ трудномъ положеніи, хотя это влекло за собою войну для самой Германіи. Чехи между тѣмъ низложили Фердинанда II и выбрали Фридриха Пфальцскаго. За двѣсти лѣтъ передъ этимъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, именно когда въ ихъ странѣ происходила гуситская революція, они обращались за помощью и съ предложеніемъ короны

Berge.—*Opel.* Der niedersächsisch—dänische Krieg.—*Geley.* Fancan et la politique de Richelieu.—*Tupetz.* Der Streit um die geistlichen Güter und das Restitutionsedikt von 1629.—*Helbig.* Gustav Adolf und die Kurfürsten von Sachsen und Magdeburg.—*Wittig.* Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly. *Его же* Zur Katastrophe des 10/20 Mai 1631.—*Droysen.* Studien über die Belagerung Magdeburgs.—*Von Soden.* Gustav Adolf und sein Heer in Süddeutschland.—*A. Kusel.* Der Heilbronnerkonvent.—*Stöckert.* Die Admission der deutschen Reichsstände zum Westfälischen Friedenskongresse. О Максимиліанѣ Баварскомъ *Aretin*, о Тилли соч. *Villermont* (франц.), *Klopp* (нѣм.) и др., о Мансфельдѣ *Villermont* (франц.) и *Uetterodt zu Scharffenberg* (нѣм.), о Хр. Брауншвейгскомъ *Westkamp* и *Mittendorf*, объ Эггенбергѣ (министрѣ Фердинанда II) *Zwiedenek-Südenhorst*, о Густавѣ Адольфѣ *Droysen*, *Cronholm* (нѣм. переводъ съ шведскаго), *Gfrörer*, *Helbig*, *Heising* (Die Politik Gustav Adolfs in Deutschland), о Бернгардѣ Веймарскомъ *Droysen*, о Фердинандѣ III *Koch.* Къ этому нужно прибавить сочиненія по польско-шведскимъ отношеніямъ, указанныя въ „Исторіи Польши" *Бобржинскаго*, а также *Theiner.* Schweden und seine Stellung zum heiligen Stuhl unter Johann III, Sigismund III und Karl IX.—*Schiemann.* Russland, Polen und Livland bis zum XVII Jahrhundert (въ коллекціи Онкена).—*Форстенъ.* Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Т. II: Борьба Швеціи съ Польшею и Габсбургскимъ домомъ. Что касается, наконецъ, чешскихъ отношеній, то см. труды *Denis* подъ общимъ заглавіемъ „Fin de l'independance bohême". Изъ нихъ относятся къ эпохѣ: a) Les premiers Habsbourgs, la défénestration de Prague и b) La Bohême depuis la Montagne Blanche.

нымъ возобновить протестантскій союзъ, а Христіанъ IV Датскій, владѣвшій въ Германіи Шлезвигомъ и Гольштейномъ, имѣя и особые политическіе планы, съ денежною поддержкою со стороны Англіи, рѣшившейся тогда заступиться за протестантовъ и королевскаго зятя, и со стороны Голландіи принялъ на себя веденіе войны. Но тогда выступилъ на сцену знаменитый авантюристъ XVII в. Альбрехтъ Вальдштейнъ или, какъ чаще его называютъ, Валленштейнъ.

Валленштейнъ (род. въ 1583 г.) получилъ, какъ извѣстно, іезуитское воспитаніе, несмотря на свое протестантское происхожденіе, и сдѣлалъ изъ службы интересамъ католицизма средство къ личному возвышенію. Женившись на одной наслѣдницѣ большихъ помѣстій въ Моравіи, онъ рано овдовѣлъ и, ставъ владѣльцемъ имѣній покойной жены, женился вторично на дочери одного изъ вліятельныхъ совѣтниковъ императора, родственницѣ притомъ фонъ-Эггенберга, впослѣдствіи министра Фердинанда II. Уже до начала чешскаго возстанія онъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе Фердинанда личною храбростью и военными способностями, съ начала же войны въ Чехіи оказывалъ ему постоянныя услуги, и не подумавъ примкнуть къ чешско-моравскому дворянству, къ которому принадлежалъ по рожденію и имѣніямъ: въ 1619 г. онъ начальствовалъ отрядомъ войскъ моравскаго сейма, но когда послѣдній примкнулъ къ чехамъ, Валленштейнъ увелъ свой отрядъ къ Фердинанду II и захватилъ военную кассу. Инсургенты конфисковали тогда его имѣнія, но впослѣдствіи императоръ его щедро вознаградилъ. За участіе въ подавленіи революціи онъ получилъ въ подарокъ огромныя имѣнія изъ конфискованныхъ владѣній чешскихъ пановъ, да накупилъ еще самъ по дешевой цѣнѣ и на выгодныхъ условіяхъ много земли, такъ что сдѣлался страшно богатымъ человѣкомъ. Кромѣ того, Фердинандъ II далъ ему по одному изъ его владѣній (Фридландъ), герцогскій титулъ съ княжескими правами. Когда противъ императора составилась коалиція европейскихъ державъ, онъ вызвался образовать для него армію, т.-е. выступилъ на путь прибыльнаго кондотьерства, тѣмъ болѣе, что Мансфельдъ уже показалъ въ началѣ войны, какъ можно содержать армію лишь контрибуціями да грабежами. Дѣло въ томъ, что чешскіе эмигранты и низложенный курфюрстъ хлопотали (даже въ Турціи) объ устройствѣ коалиціи противъ Габсбурговъ, и о томъ же самомъ хлопоталъ кардиналъ Ришелье, взявшій въ то время политику Франціи въ свои руки и давшій ей антигабсбургское направленіе. Уже въ то время была мысль о шведскомъ вмѣшательствѣ, но Густава-Адольфа предупредилъ датскій король. Въ 1625 году сначала Англія (уже при Карлѣ I) и Голландія заключили союзъ между собою, а потомъ обѣ онѣ вступили въ союзъ съ Даніей, короля которой еще раньше выбрали

обращались въ католицизмъ, и однимъ изъ средствъ были солдатскіе постои „душеспасителей“ (die Seligmacher), напоминающіе позднѣйшія драгонады, посредствомъ которыхъ Людовикъ XIV обращалъ гугенотовъ. Съ ударомъ вѣротерпимости и политической свободѣ въ Чехіи былъ нанесенъ ударъ и чешской національности, возрожденіе которой произошло лишь черезъ два столѣтія. Населеніе страны пало съ 4 милліоновъ до 700—800 тысячъ (цифра Гиндели); изгнано было изъ страны 30 тысячъ семействъ, въ ихъ числѣ 5 тысячъ дворянскихъ фамилій; земли мятежныхъ пановъ съ ихъ титулами сдѣлались достояніемъ нѣмцевъ; на чешскія книги было поднято гоненіе. Моравію постигла такая же судьба, и лишь въ Силезіи и Лузаціи, благодаря вмѣшательству курфюрста саксонскаго, взявшаго на себя экзекуцію противъ мятежниковъ, дѣло обошлось мягче. Такъ *католическая реакція наносила ударъ западному славянству*, разъединивъ силы чеховъ и поляковъ, уничтоживъ политическую самостоятельность, культурное развитіе и матеріальное благосостояніе Чехіи, открывъ путь для германизаціи въ эту страну и сопредѣльныя съ нею земли съ славянскимъ же населеніемъ, а позднѣе направивъ внутреннюю и внѣшнюю политику Польши по дорогѣ, которая вела это государство къ гибели.

За Чехіей очередь дошла до Пфальца, куда съ самаго начала войны вопреки закону, запрещавшему императору призывать иноземныя войска, двинулся изъ испанскихъ Нидерландовъ Спинола, и ему унія не оказала сопротивленія совершенно такъ же, какъ и движенію Максимиліана Баварскаго и его полководца Тилли въ Чехію. Послѣ покоренія послѣдней театръ войны былъ перенесенъ въ Пфальцъ: началось завоеваніе этого княжества, отданнаго Фердинандомъ II Максимиліану вмѣстѣ съ курфюршескимъ саномъ, но хотя унія въ это время уже распалась, сражаться противъ католиковъ явились сюда Мансфельдъ и маркграфъ Баденъ-Дурлахскій и Христіанъ Брауншвейгскій, что̀, однако, и Пфальцъ не спасло отъ католической реакціи. За неистовства, совершонныя во владѣніяхъ католическихъ церковныхъ сановниковъ „другомъ Бога, врагомъ поповъ“, какъ величалъ себя Христіанъ Брауншвейгскій, выбившій даже талеръ съ этимъ девизомъ (Gottes Freund, der Pfaffen Feind), сторицею заплатили пфальцскимъ протестантамъ. Въ 1523 г. передача курфюршества Максимиліану была оформлена регенсбургскимъ княжескимъ съѣздомъ (неправильнымъ сеймомъ), состоявшимъ изъ однихъ католиковъ.

Такой исходъ пфальцской войны встревожилъ протестантскихъ князей, которымъ могла грозить отъ императора и католиковъ судьба Фердинанда V, а также обратила на Германію вниманіе и иностранныхъ державъ. Курфюрсты саксонскій и бранденбургскій нашли нуж-

нымъ возобновить протестантскій союзъ, а Христіанъ IV Датскій, владѣвшій въ Германіи Шлезвигомъ и Гольштейномъ, имѣя и особые политическіе планы, съ денежною поддержкою со стороны Англіи, рѣшившейся тогда заступиться за протестантовъ и королевскаго зятя, и со стороны Голландіи принялъ на себя веденіе войны. Но тогда выступилъ на сцену знаменитый авантюристъ XVII в. Альбрехтъ Вальдштейнъ или, какъ чаще его называютъ, Валленштейнъ.

Валленштейнъ (род. въ 1583 г.) получилъ, какъ извѣстно, іезуитское воспитаніе, несмотря на свое протестантское происхожденіе, и сдѣлалъ изъ службы интересамъ католицизма средство къ личному возвышенію. Женившись на одной наслѣдницѣ большихъ помѣстій въ Моравіи, онъ рано овдовѣлъ и, ставъ владѣльцемъ имѣній покойной жены, женился вторично на дочери одного изъ вліятельныхъ совѣтниковъ императора, родственницѣ притомъ фонъ-Эггенберга, впослѣдствіи министра Фердинанда II. Уже до начала чешскаго возстанія онъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе Фердинанда личною храбростью и военными способностями, съ начала же войны въ Чехіи оказывалъ ему постоянныя услуги, и не подумавъ примкнуть къ чешско-моравскому дворянству, къ которому принадлежалъ по рожденію и имѣніямъ: въ 1619 г. онъ начальствовалъ отрядомъ войскъ моравскаго сейма, но когда послѣдній примкнулъ къ чехамъ, Валленштейнъ увелъ свой отрядъ къ Фердинанду II и захватилъ военную кассу. Инсургенты конфисковали тогда его имѣнія, но впослѣдствіи императоръ его щедро вознаградилъ. За участіе въ подавленіи революціи онъ получилъ въ подарокъ огромныя имѣнія изъ конфискованныхъ владѣній чешскихъ пановъ, да накупилъ еще самъ по дешевой цѣнѣ и на выгодныхъ условіяхъ много земли, такъ что сдѣлался страшно богатымъ человѣкомъ. Кромѣ того, Фердинандъ II далъ ему по одному изъ его владѣній (Фридландъ), герцогскій титулъ съ княжескими правами. Когда противъ императора составилась коалиція европейскихъ державъ, онъ вызвался образовать для него армію, т.-е. выступилъ на путь прибыльнаго кондотьерства, тѣмъ болѣе, что Мансфельдъ уже показалъ въ началѣ войны, какъ можно содержать армію лишь контрибуціями да грабежами. Дѣло въ томъ, что чешскіе эмигранты и низложенный курфюрстъ хлопотали (даже въ Турціи) объ устройствѣ коалиціи противъ Габсбурговъ, и о томъ же самомъ хлопоталъ кардиналъ Ришелье, взявшій въ то время политику Франціи въ свои руки и давшій ей антигабсбургское направленіе. Уже въ то время была мысль о шведскомъ вмѣшательствѣ, но Густава-Адольфа предупредилъ датскій король. Въ 1625 году сначала Англія (уже при Карлѣ I) и Голландія заключили союзъ между собою, а потомъ обѣ онѣ вступили въ союзъ съ Даніей, короля которой еще раньше выбрали

своимъ главнокомандующимъ нѣмецкіе князья нижнесаксонскаго округа. Протестанты соединялись, а въ католическомъ лагерѣ шелъ разладъ между Максимиліаномъ Баварскимъ и австро-испанскимъ габсбургскимъ союзомъ: Максимиліану были подозрительны намѣренія императора и испанскаго короля; Фердинандъ былъ недоволенъ военною зависимостью отъ лиги, такъ какъ до той поры главное католическое войско было то, которое находилось подъ начальствомъ Максимиліана. Предложеніе Валленштейна было поэтому охотно принято императоромъ (1525), и весьма быстро составилась императорская армія въ 50 т. изъ разнаго сброда, искавшаго добычи. Въ соединеніи съ Тилли Валленштейнъ скоро нанесъ пораженіе протестантамъ и датскому королю, заставивъ послѣдняго искать мира. Фердинандъ отдалъ новому полководцу герцогство Мекленбургское и назначилъ его генералиссимусомъ Балтійскаго и Океанійскаго морей. Передъ Габсбургами открывались широкіе горизонты: въ перспективѣ были образованіе австро-испанскаго флота, пораженіе Англіи и Голландіи, передача Даніи Швеціи съ введеніемъ въ обѣихъ странахъ католицизма. Въ Германіи Фердинандъ II былъ въ положеніи Карла V послѣ побѣды надъ шмалькальденцами, и какъ послѣдній воспользовался побѣдою для изданія аугсбургскаго интерима, такъ Фердинандъ II издалъ теперь (1629) „реституціонный эдиктъ“ [1]). Мы уже знаемъ, что передъ началомъ войны главнымъ предметомъ пререканій между католиками и протестантами были секуляризованныя послѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в. земли, каковыхъ было два архіепископства, двѣнадцать епископствъ и безчисленное множество монастырскихъ владѣній съ протестантскимъ населеніемъ и подъ управленіемъ протестантовъ. Католики задумали воспользоваться побѣдой для того, чтобы возвратить себѣ все это. Валленштейнъ, стремившійся къ цѣлямъ чисто политическимъ, былъ противъ эдикта, но фанатическій Фердинандъ II подчинился настояніямъ Максимиліана Баварскаго. Реституціонный эдиктъ отнималъ у протестантовъ всѣ церковныя земли, перешедшія въ ихъ руки послѣ пассаускаго договора 1552 г., объявлялъ религіозный миръ существующимъ только для приверженцевъ аугсбургскаго исповѣданія и разрѣшалъ католическимъ имперскимъ князьямъ подавлять насильственно протестантизмъ въ ихъ княжествахъ. Въ столь опасную для протестантизма въ Германіи минуту въ католическомъ лагерѣ произошелъ новый разладъ, а у протестантовъ явился новый защитникъ.

Образованіе императорской арміи было непріятно Максимиліану Баварскому, тѣмъ болѣе, что Валленштейнъ заботился не столько о

[1]) *Th. Tupetz.* Der Streit um die geistlichen Güter und das Restitutionsedikt von 1629.

церковныхъ, сколько о политическихъ и своихъ личныхъ интересахъ. Съ другой стороны, Валленштейнъ внушалъ опасеніе и другимъ католическимъ князьямъ. Фердинандъ II распоряжался самовольно, безъ сейма; поговаривали, что Валленштейнъ внушалъ ему мысль отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ курфюрстовъ да князей, чтобы быть единственнымъ повелителемъ въ Германіи на подобіе французскаго или испанскаго короля. Княжескую оппозицію поддерживала французская политика. Дѣло кончилось тѣмъ, что регенсбургскій княжескій съѣздъ 1630 г. потребовалъ у императора отставки Валленштейна, и Фердинандъ II, самъ побаивавшійся генералиссимуса, уступилъ, хотя и не безъ колебаній. Съ равнодушнымъ видомъ, но затаивъ въ душѣ месть, принялъ Валленштейнъ извѣстіе объ отставкѣ, далъ богатые подарки и задатки своимъ офицерамъ и солдатамъ, которые были распущены, и удалился въ Чехію, гдѣ сталъ вести княжескій образъ жизни. Но въ томъ же самомъ 1630 г. у Габсбурговъ явился новый врагъ, шведскій король Густавъ-Адольфъ, военные успѣхи котораго черезъ нѣсколько времени заставили Фердинанда II снова призвать Валленштейна.

Вмѣшательство Швеціи въ войну предвидѣлось раньше. Причины этого вмѣшательства были слѣдующія. Во-первыхъ, Швеція при преемникахъ Густава Вазы все болѣе и болѣе утверждалась на берегахъ Балтійскаго моря, и уже одно намѣреніе Габсбурговъ устроить флотъ на этомъ морѣ грозило Швеціи опасностью; когда Валленштейнъ во время своихъ походовъ по сѣверной Германіи осадилъ Штральзундъ, этому городу съ моря была оказана шведская помощь; потомъ шведы, пользуясь нѣмецкой усобицей, уже легко могли утвердиться на южномъ берегу Балтійскаго моря. Во-вторыхъ, Густаву-Адольфу, а раньше его отцу Карлу IX пришлось воевать съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, потерявшимъ шведскую корону, но стремившимся получить ее обратно для введенія въ Швеціи католицизма, за что онъ и лишился престола, отданнаго шведами его дядѣ Карлу Зюдерманландскому, отцу Густава-Адольфа. Война Густава-Адольфа съ его польскимъ двоюроднымъ братомъ была успѣшна въ смыслѣ расширенія шведскихъ владѣній, но кардиналъ Ришелье, агенты котораго дѣйствовали на регенсбургскомъ княжескомъ съѣздѣ, содѣйствовалъ заключенію мира между Швеціей и Польшей, чтобы силы первой могли быть направлены въ Германію. Сигизмундъ III былъ въ союзѣ съ Габсбургами, ихъ соединялъ общій католическій фанатизмъ, и для Швеціи было бы крайне невыгодно, если бы Фердинандъ II получилъ полный перевѣсъ, ибо это обозначало бы помощь Польшѣ противъ Швеціи. Съ этими причинами соединялось у Густава-Адольфа при его религіозности стремленіе помочь единовѣрцамъ въ Германіи. Сдѣлавъ своимъ подданнымъ уступки и заставивъ ихъ присягнуть своей дочери Христинѣ, онъ съ небольшимъ,

но хорошо организованнымъ и дисциплинированнымъ національно-шведскимъ войскомъ высадился въ Помераніи лѣтомъ 1630 г. Это не была армія Мансфельда или Валленштейна—изъ разнаго сброда, съ жадными инстинктами: это было войско, въ которомъ господствовало религіозное убѣжденіе въ святости предпринятаго дѣла. Во главѣ этого войска стоялъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ, какимъ былъ самъ король. Протестантскій народъ въ Германіи смотрѣлъ на него, какъ на избавителя, но кромѣ бездѣтнаго померанскаго герцога, заключившаго съ нимъ договоръ, который обезпечивалъ за Швеціей обладаніе его страной, другіе сѣверные князья даже не пропускали Густава-Адольфа черезъ свои владѣнія. Тщетно взывалъ къ нему о помощи Магдебургъ, осажденный Тилли, суровымъ исполнителемъ реституціоннаго эдикта: прошло около года послѣ того, какъ шведы стали твердою ногою въ Помераніи (24 іюня 1630 года), а двинуться далѣе не могли, и Магдебургъ палъ (10 мая 1631), взятый штурмомъ, былъ разграбленъ, сожженъ и лишился 30 тысячъ населенія. Курфюрстъ саксонскій, думавшій все время о нейтралитетѣ, долженъ былъ выбирать между Тилли, угрожавшимъ силою принудить его къ союзу, и Густавомъ-Адольфомъ, и онъ соединился съ послѣднимъ. Началась борьба католическаго полководца и шведскаго короля за Саксонію. Тилли при Лейпцигѣ потерпѣлъ отъ Густава-Адольфа такое рѣшительное пораженіе, что саксонцамъ былъ послѣ этого открытъ путь въ Чехію, а самимъ шведамъ—къ Рейну. Въ это время у шведскаго короля явились смѣлые планы относительно Германіи, которую онъ сравнивалъ съ старымъ зданіемъ, годнымъ только для крысъ и мышей. Въ Майнцѣ, гдѣ онъ основалъ свою зимнюю квартиру (1631—1632), его, какъ въ старое время германскаго императора, окружали протестантскіе князья; народъ протестантскихъ земель относился къ нему съ энтузіазмомъ. Изъ Майнца онъ объявилъ, на какихъ условіяхъ онъ согласенъ мириться: это были—отмѣна реституціоннаго эдикта, общая вѣротерпимость по отношенію къ протестантамъ, возвращеніе Чехіи, Моравіи и Силезіи въ прежнее ихъ состояніе, реставрація Фридриха Пфальцскаго въ его владѣніяхъ и курфюршескомъ санѣ, который долженъ былъ быть отнятъ у Баваріи, изгнаніе іезуитовъ, а по одному извѣстію шведскій король требовалъ даже, чтобы его выбрали въ римскіе короли. Другими источниками послѣднее извѣстіе не подтверждается, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Густавъ-Адольфъ стремился сдѣлаться главою и протекторомъ протестантскаго союза въ Германіи, а то, что онъ не возвращалъ Фридриха въ завоеванный Пфальцъ, принималъ присягу отъ франконскихъ городовъ и въ Вюрцбургѣ ввелъ шведское управленіе, поселяло недовѣріе къ нему въ самихъ протестантскихъ

князьяхъ, хотя другіе были съ нимъ въ тѣсномъ союзѣ, а Бернгардъ Веймарскій поступилъ къ нему даже на службу. Такъ какъ „майнцскія“ условія не могли привести къ миру, то весною 1632 г. Густавъ-Адольфъ двинулся на Баварію, разбилъ Тилли (павшаго въ этой битвѣ) на Лехѣ, занялъ Аугсбургъ и вступилъ въ столицу Максимиліана Баварскаго—Мюнхенъ, откуда открыта была дорога въ габсбургскія наслѣдственныя владѣнія. Шведскому королю совѣтовали отомстить на Мюнхенѣ за Магдебургъ, но онъ не только запретилъ какія бы то ни было насилія, но даже весьма милостиво отнесся къ мѣстнымъ католикамъ.

Фердинандъ II среди такихъ обстоятельствъ снова рѣшился просить Валленштейна набрать войско. Въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во время своей отставки бывшій полководецъ императора вступилъ въ переговоры съ шведскимъ королемъ, имѣя въ виду въ качествѣ герцога мекленбургскаго въ союзѣ съ нимъ вести свою собственную политику, враждебную императорской, которой онъ не одобрялъ съ самаго реституціоннаго эдикта; но успѣхи Густава-Адольфа были такъ велики, что Валленштейнъ охладѣлъ къ мысли дѣлиться съ кѣмъ-либо добычей, а когда императоръ обратился къ нему съ своей просьбой, онъ уже отстранялся отъ плана совокупнаго дѣйствія съ шведскимъ королемъ [1]). Валленштейнъ, что называется, сначала поломался, но потомъ образовалъ войско, хотя и отказался имъ предводительствовать; онъ взялъ на себя главную команду лишь послѣ того, какъ императоръ съ своей стороны далъ согласіе на выставленныя имъ условія, которыя, къ сожалѣнію, въ томъ видѣ, какъ они были приняты, остались неизвѣстными. Повидимому, ему отдавалось безграничное и безконтрольное веденіе войны вмѣстѣ съ веденіемъ и политическихъ дѣлъ на всю жизнь съ правомъ непосредственно сноситься съ императоромъ, казнить и миловать въ завоеванныхъ провинціяхъ, предлагать князьямъ условія мира, лично же за генералиссимусомъ утверждалось обладаніе Мекленбургомъ и обѣщались другія земли. Только отчаянное положеніе, въ какомъ находился императоръ, могло его склонить къ принятію условій („зноемскія или „цнаймскія“ пунктуаціи), дѣлавшихъ призрачною самую его власть, и въ нихъ уже лежалъ зародышъ извѣстной катастрофы слишкомъ могущественнаго полководца.

---

[1]) *Hildebrand* (Wallenstein und seine Verhandlungen mit den Schweden) открылъ въ стокгольмскомъ архивѣ данныя, свидѣтельствующія о переговорахъ Валленштейна съ Густавомъ-Адольфомъ, а затѣмъ то же своими разысканіями подтвердили *Gädeke* (Wallenstein und seine Verhandlungen mit Schweden und Sachsen) и *Irmer* (Die Verhandlungen Schwedens und seiner Verbündeten mit Wallenstein und dem Kaiser).

Съ вторичнымъ выступленіемъ Валленштейна дѣла католиковъ стали поправляться, и его пестрое войско, состоявшее изъ авантюристовъ и любителей легкой наживы изъ разныхъ странъ, различныхъ вѣроисповѣданій и національностей, начало наступательную войну противъ протестантовъ. При Люценѣ произошла битва, въ которой палъ шведскій король, но поле осталось однако за шведами подъ начальствомъ Бернгарда Веймарскаго (1632). Смерть Густава-Адольфа лишила нѣмецкихъ протестантовъ побѣдоноснаго вождя, но вмѣстѣ съ этимъ освободила Германію отъ укрѣпленія въ ней чуждой власти. Канцлеръ Оксеншёрна (Oxenstierna), которому шведскій государственный совѣтъ въ малолѣтство королевы Христины поручилъ веденіе военныхъ и политическихъ дѣлъ Швеціи въ Германіи, не имѣлъ уже плановъ Густава-Адольфа, но рѣшился продолжать войну для полученія какого-либо вознагражденія за принесенныя жертвы и съ этою цѣлью образовалъ изъ верхнегерманскихъ и прирейнскихъ князей (1633) гейльброннскій союзъ подъ „директоріей" Швеціи, оставивъ за собою и главное въ немъ распорядительство. Шведское войско подъ начальствомъ Бернгарда Веймарскаго и шведскаго генерала Горна было уже не то, что привелъ съ собою Густавъ-Адольфъ: его пришлось увеличить; стали набирать жадныхъ до добычи наемниковъ авантюристовъ, которые составляли собственные отряды; давали офицерскія мѣста и награды изъ завоеваній, такъ что и послѣдній солдатъ, думавшій о грабежѣ, и Оксеншёрна, мечтавшій о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, стремились только къ одному—къ добычѣ, каждый соотвѣтственно своему положенію. Шведскія стремленія вносили раздвоеніе въ протестантскій лагерь: шведы и ихъ союзники были сами по себѣ, нѣмецкіе протестантскіе князья сами по себѣ, и для нѣкоторыхъ изъ нихъ,—тѣхъ самыхъ, которые раньше уже косо смотрѣли на высадку Густава-Адольфа въ Помераніи, — эти стремленія были прямо непріятны и опасны. Этимъ раздвоеніемъ интересовъ нѣмецкихъ князей, съ одной стороны, и шведскихъ интересовъ, съ другой, характеризуется вся вторая половина войны. Но раздвоеніе существовало и въ католическомъ лагерѣ: сначала оно выражалось въ антагонизмѣ между лигой и императоромъ, позднѣе въ томъ, что католическая Франція вмѣшалась въ войну противъ католическаго императора и стремилась отторгнуть отъ союза съ нимъ католическую Баварію, но особенно любопытно раздвоеніе интересовъ императора и Валленштейна.

Герцогъ Фридландскій уже раньше обнаружилъ, именно во время изданія реституціоннаго эдикта, что у него былъ свой взглядъ на вещи, не сходившійся со взглядами Фердинанда II. Данная ему отставка чуть-было не сблизила его съ главнымъ врагомъ императора. Когда ему снова

пришлось выступить въ роли главнокомандующаго императорской арміей, онъ особенно настаивалъ во время переговоровъ, предшествовавшихъ принятію имъ главнаго начальства надъ войскомъ, на заключеніи мира съ Саксоніей и на отмѣнѣ реституціоннаго эдикта. Между императорскими и саксонскими уполномоченными, дѣйствительно, начались переговоры о мирѣ, но параллельно съ ними началъ Валленштейнъ и самъ вести таковые же, обнаруживая гораздо больше уступчивости: Фердинандъ II, соглашаясь на религіозную свободу въ имперіи, не хотѣлъ ея допустить въ габсбургскихъ земляхъ, а Валленштейнъ въ своихъ переговорахъ на это соглашался и даже поддерживалъ сношенія съ чешскими эмигрантами, между прочимъ съ графомъ Турномъ, черезъ котораго снова началъ сноситься и со шведами, т.-е. съ Оксеншёрною. Среди чешскихъ эмигрантовъ возникла даже мысль о томъ, чтобы возложить на голову Валленштейна чешскую корону, и Франція, съ которою у него также установились связи, эту мысль поддерживала. Вмѣстѣ съ этимъ онъ носился съ планами о вознагражденіи себя за потерю Мекленбурга, желая между прочимъ получить Нижній Пфальцъ съ курфюршескимъ достоинствомъ. Что̀ бы ни замышлялъ Валленштейнъ, вѣрно, что онъ велъ тайные отъ императора переговоры съ саксонцами, шведами и Франціей, что у него были свои политическіе виды, которые онъ даже готовъ былъ проводить съ ущербомъ для интересовъ императора, и что онъ вообще былъ гораздо уступчивѣе, чѣмъ Фердинандъ, по отношенію къ протестантамъ. Медлительное поведеніе Валленштейна, перемирія, которыя онъ заключалъ, нѣкоторые необъяснимые поступки дѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ императора, который могъ бояться измѣны со стороны генералиссимуса, находившагося во главѣ на этотъ разъ уже чуть не стотысячной арміи наемниковъ. При вѣнскомъ дворѣ были у Валленштейна враги, начавшіе подъ него подкапываться: тутъ былъ и Максимиліанъ Баварскій, недовольный Валленштейномъ за то, что онъ не пошелъ на помощь Баваріи, и президентъ придворнаго военнаго совѣта, и папскій нунцій, и испанскій посланникъ, и духовникъ императора, и всѣ они указывали на то, что нельзя въ интересахъ церкви дозволять Валленштейну заключать миръ по собственному усмотрѣнію. Говорилось даже, что честолюбецъ стремится къ императорству. Происки враговъ были извѣстны Валленштейну, и онъ взялъ съ офицеровъ, которымъ передалъ о томъ, что подъ него подкапываются, подписку въ вѣрности, но двору удалось найти завистниковъ и недовольныхъ среди лицъ, окружавшихъ самого Валленштейна: они составили заговоръ на его жизнь и убили его въ крѣпости Эгерѣ (1634). Убійцы были награждены, приверженцы его, оставшіеся вѣрными до послѣдней минуты, наказаны, но армія осталась спокойной, такъ какъ съ

вождемъ ее связывали деньги и добыча, которыя можно было получить и подъ новымъ начальствомъ. Эта армія даже въ томъ же самомъ году и безъ вождя нанесла при Нердлингенѣ страшное пораженіе шведскому войску, бывшему подъ начальствомъ Бернгарда Веймарскаго, что̀ повело къ распаденію гейльброннскаго союза. Въ 1635 г. императоръ и Саксонія заключили, наконецъ, сепаратный миръ въ Прагѣ, къ которому примкнули и другіе князья, за исключеніемъ немногихъ, оставшихся на сторонѣ шведовъ. По вопросу о церковныхъ земляхъ императоръ дѣлалъ большія уступки и давалъ амнистію, но только не по отношенію къ чешскимъ, австрійскимъ и пфальцскимъ дѣламъ. Саксонія получила при этомъ Лузацію.

Новая побѣда императора и его миръ съ Саксоніей заставили Францію, давно уже своею дипломатіей и деньгами дѣйствовавшую въ Германіи во вредъ Габсбургамъ, принять открытое участіе въ войнѣ. Заключивъ договоръ (1635) съ Бернгардомъ Веймарскимъ, который долженъ былъ вести войну на французскія деньги и въ пользу Франціи, Ришелье отправилъ въ Германію и собственный корпусъ, вступивъ въ сношенія съ нѣкоторыми князьями. Послѣднія тринадцать лѣтъ войны были самыми гибельными для Германіи (гдѣ съ 1637 г. царствовалъ Фердинандъ III, такъ какъ именно въ эту вторую половину войны (1635—1648) еще сильнѣе, чѣмъ въ первую, крупная и мелкая погоня за наживой руководила дѣйствіями людей: теперь совершенно отступили на задній планъ интересы религіи, какъ ихъ понимали обѣ стороны, и политическія комбинаціи болѣе широкаго характера. Шведы и французы вели войну въ Германіи, не обращая вниманія на то, что нѣмцы давно уже желали мира, но мира не могло быть, кромѣ того, и вслѣдствіе упорства, обнаруженнаго и императоромъ Фердинандомъ III. Въ 1640 г. собрался въ Регенсбургѣ первый послѣ 1613 года имперскій сеймъ, и тутъ было рѣшено назначить для переговоровъ о мирѣ вестфальскіе города Мюнстеръ и Оснабрюкъ, но совѣщанія этого конгресса (императора, шведовъ, католиковъ и протестантовъ въ Оснабрюкѣ, Германіи и Франціи въ Мюнстерѣ) начались не скоро, а начавшись затянулись на долгое время (съ апрѣля 1645 по октябрь 1648). Заключенію мира сильно мѣшали іезуиты; когда же мирные договоры были подписаны и ратифицированы (1649), папа Иннокентій X обнародовалъ буллу (1651), которою осуждалъ вестфальскій миръ, такъ какъ на немъ рѣшались религіозные вопросы безъ его согласія и гарантировалась свобода вѣроисповѣданія.

Вестфальскій миръ, въ которомъ участвовали всѣ западныя державы, кромѣ Англіи, положилъ начало тому международному порядку, который въ существенныхъ сторонахъ своихъ держался, какъ

законный, до французской революціи, т.-е. въ теченіе полутора вѣка (1648—1789). Для Германіи съ него начинается эпоха внутренняго разложенія, подготовленнаго тридцатилѣтнимъ междоусобіемъ. Международное значеніе имперіи пало, и отдѣльныя ея части сдѣлались добычей Швеціи и Франціи: первая получила почти всю Померанію съ Штетиномъ и Рюгеномъ, мекленбургскій городъ Висмаръ, а также епископства бременское (кромѣ вольнаго города Бремена) и верденское и сдѣлалась членомъ Римско-Германской имперіи, а Франція утвердила за собою три епископства (Мецъ, Туль и Верденъ) и Эльзасъ на весьма, впрочемъ, сложныхъ условіяхъ и безъ Страсбурга. Внутри Германіи увеличены были Бранденбургъ (присоединеніемъ части Помераніи, архіепископства магдебургскаго, епископствъ гальберштадтскаго, минденскаго и каминскаго), Баварія (сохранившая курфюршество и часть Пфальца, другая часть котораго была возвращена съ восьмымъ курфюршескимъ титуломъ сыну Фридриха V), Саксонія (присоединеніемъ Лузаціи еще по пражскому миру 1635 г.) и т. п. Имперія признала давно уже фактически существовавшую независимость Швейцаріи (какъ Испанія особымъ договоромъ—независимость Нидерландовъ). Особенно для Германіи было важно то, что *вестфальскій миръ призналъ полную самостоятельность князей, которые могли теперь, какъ независимые государи, заключать союзы даже съ иностранными державами.* Вѣковая борьба, которая шла между князьями и императоромъ, заключилась формальнымъ признаніемъ побѣды князей, и это случилось какъ-разъ въ то время, когда въ Англіи наступалъ періодъ окончательнаго разрѣшенія тоже вѣкового спора между королевскою властью и парламентомъ, а во Франціи утверждался абсолютизмъ. *Извнѣ это ослабляло Германію, внутри вело къ установленію княжескаго деспотизма.*

Тридцатилѣтняя война началась изъ-за религіозной нетерпимости католиковъ подъ вліяніемъ іезуитской реакціи, и папа протестовалъ противъ вестфальскаго мира. Конецъ войны совпадаетъ съ эпохой, когда *церковные интересы отходятъ на задній планъ передъ государственными,* и папскій протестъ не имѣлъ никакого значенія. Вестфальскій миръ наносилъ ударъ не только средневѣковой имперіи, но и папству, первой—окончательно разлагая ее въ федерацію князей и городовъ, второму—санкціонируя преобладаніе политическаго интереса надъ церковнымъ и прямо вводя оговорку о недѣйствительности какихъ бы то ни было протестовъ со стороны духовной власти. Подтверждая въ существенныхъ чертахъ постановленія 1552 и 1555 гг. по религіозному вопросу, миръ 1648 г. расширялъ ихъ, объявивъ закономъ равноправность (aequalitatem exactam mutuamque) между курфюрстами, князьями, чинами и отдѣльными лицами обоихъ испо-

вѣданій съ распространеніемъ правъ, принадлежавшихъ прежде только лютеранамъ, и на реформатовъ. Правило „cujus regio, ejus religio" отмѣнялось, причемъ срокомъ отмѣны считалось 1 января 1624: католическіе князья должны были оставить своимъ протестантскимъ подданнымъ свободу богослуженія, разъ послѣдніе имѣли ее 1 января 1624 (и наоборотъ, протестантскіе князья — католическимъ подданнымъ), но зато князь имѣлъ право изгонять тѣхъ подданныхъ, которые приняли неодинаковое съ нимъ исповѣданіе послѣ этого срока, хотя онъ и не могъ ихъ стѣснять и лишать гражданскихъ правъ, если не изгонялъ. Протестанты требовали, чтобы срокъ былъ назначенъ на 1618 г., какъ на наиболѣе для нихъ выгодный, а католики настаивали на 1630 г., какъ для нихъ болѣе выгодномъ, ибо тогда дѣйствовалъ реституціонный эдиктъ: 1624 г. былъ выбранъ, какъ средній между 1618 и 1630 гг. Тотъ же срокъ былъ принятъ и въ вопросѣ о секуляризованныхъ имѣніяхъ, но дальнѣйшая секуляризація запрещалась. Наконецъ, въ имперскомъ верховномъ судѣ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ должно было существовать равное число католическихъ и протестантскихъ членовъ, а по отношенію къ имперскому сейму, гдѣ подавляющее большинство было католическое, было принято, что религіозныя дѣла будутъ рѣшаться лишь по полюбовному соглашенію.

Кромѣ политическаго ослабленія и раздробленія, тридцатилѣтняя война имѣла своими слѣдствіями матеріальное разореніе и культурное одичаніе нѣмецкаго народа. Населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи до сихъ поръ не сравнялось съ тѣмъ, какимъ было до войны, а вообще оно уменьшилось за 30 лѣтъ на цѣлую половину, мѣстами даже на четыре пятыхъ, на девять десятыхъ. Цѣлыя населенныя мѣста исчезали съ лица земли, а въ уцѣлѣвшихъ городахъ и селахъ стояло безъ жителей иногда до двухъ третей домовъ. Покинутыя пашни заростали кустарникомъ, и лѣсъ являлся тамъ, гдѣ прежде велось полевое хозяйство. Крестьянство, положеніе котораго стало ухудшаться еще раньше, не могло поправиться послѣ тридцатилѣтней войны. Промышленность и торговля были разорены и перешли къ Англіи и Голландіи, съ которыми потомъ Германіи соперничать было уже трудно. Война не только уносила народное благосостояніе, но и деморализировала населеніе: содержавшія себя грабежомъ войска состояли изъ наемниковъ, любителей легкой наживы, изъ бродягъ, пропоицъ, мошенниковъ самыхъ разнообразныхъ націй, начиная съ ирландцевъ и кончая казаками, и совершали страшныя звѣрства надъ плѣнными и мирными жителями. Дичали нравы, падала и умственная жизнь. Догматизмъ ортодоксальнаго лютеранства, безвкусное подражаніе чужимъ образцамъ въ литературѣ, суевѣрія съ вѣрою въ колдовство и

процессами вѣдьмъ включительно,—вотъ что̀ характеризуетъ эту эпоху въ исторіи Германіи. Неудовлетворительный исходъ нѣмецкой реформаціи, католическая реакція и тридцатилѣтняя война были тремя актами той исторической драмы, которая имѣла своимъ финаломъ печальное прозябаніе старой священной Римской имперіи во второй половинѣ XVII вѣка и въ XVIII столѣтіи до начала новыхъ культурнаго и политическаго движеній [1]). Не одна, впрочемъ, Германія пострадала отъ религіозныхъ войнъ; онѣ въ свое время надѣлали много зла, напримѣръ, и Франціи, но послѣдняя быстрѣе оправилась отъ того разоренія, какое постигло и ее во второй половинѣ XVI вѣка.

Вестфальскимъ миромъ, заключившимъ тридцатилѣтнюю войну на материкѣ Западной Европы (а для Англіи первой революціей, т.-е. сороковыми и пятидесятыми годами XVII в.), оканчивается реформаціонный періодъ новой исторіи. Намъ остается разсмотрѣть еще въ этомъ періодѣ именно англійскую исторію въ первой половинѣ XVII вѣка, но помимо своего интереса для религіозной исторіи реформаціоннаго періода на западѣ Европы она представляетъ еще высокій интересъ политическій, а потому мы и разсмотримъ ее въ другой связи, переходя теперь къ эпохѣ, когда церковныя дѣла отступили на задній планъ передъ государственными, какъ бы въ ожиданіи того, чтобы и въ духовной культурѣ, въ которой реформація и реакція возстановили теологическое направленіе, произошло соотвѣтственное же измѣненіе — въ данномъ случаѣ въ смыслѣ возвращенія къ тому, что̀ было начато свѣтскимъ Ренессансомъ XIV—XV вв.

---

[1]) *K. F. Hanser*. Deutschland nach dem dreissigjährigen Kriege.—*K. Biedermann*. Deutschlands trübste Zeit, oder der dreissigjährige Krieg in seinen Folgen für das deutsche Culturleben. — *G. Freytag*. Bilder aus der deutschen Vergangenheit (третій томъ).—*Трачевскій*. Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе.

ФРАНЦУЗСКІЙ АБСОЛЮТИЗМЪ И АНГЛІЙСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

XXIX. Политическія противоположности XVI и XVII вѣковъ [1]).

Характеръ государственной власти въ эпоху реформаціи и католической реакціи.—Религіозная и политическая борьба противъ абсолютизма.—Взаимныя отношенія королевской власти и сословно-представительныхъ учрежденій въ эпоху реформаціи и реакціи.—Значеніе французской и англійской исторіи въ XVII вѣкѣ.—Сословность въ религіозной и политической оппозиціи.—Сущность французскаго абсолютизма.—Роль Голландіи въ XVII в.—Противоположность между Франціей и Англіей въ XVII в. — Политическія формы XVII—XVIII вв. — Личность и государство.

Однимъ изъ главныхъ политическихъ вопросовъ въ средніе вѣка былъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ.

---

[1]) Для общей характеристики абсолютной монархіи см. *П. Ардашевъ*. Абсолютная монархія на Западѣ. *Laurent*. La politique royale (XI томъ его Etudes sur l'histoire de l'humanité). — *Ferrari*. Histoire de la raison d'état.— *Koser*. Die Epochen der absoluten Monarchie (Hist. Zeitschrift Зибеля за 1889 г.). Приводимъ опредѣленіе абсолютной монархіи, которое дѣлаетъ *Авенель* въ своемъ трудѣ о Ришелье и абсолютной монархіи во Франціи (см. въ слѣдующей главѣ). При господствѣ обычая, прецедентовъ, традиціи въ государственной жизни среднихъ вѣковъ и самая монархія того времени была традиціонной (la monarchie traditionnelle). „Если мы противоположили традиціонную монархію монархіи абсолютной, говоритъ Авенель, то потому, что первая, какъ мы думаемъ, уважала обычаи, которые составляли изъ себя ея конституцію, тогда какъ послѣдняя растоптала ихъ ногами и собственнымъ своимъ авторитетомъ поставила новую систему на мѣсто старой. То, что существовало по обоюдному соглашенію, было разрушено одной изъ сторонъ, чтобы спустя нѣкоторое время другая разрушила то, что было безъ нея сдѣлано“. Этимъ былъ нанесенъ ударъ старой конституціи, т.-е. „совокупности законовъ и обычаевъ, опредѣляющихъ взаимныя права общественныхъ властей и ихъ отношенія къ гражданамъ“. Традиціонная монархія во Франціи, по опредѣле-

Въ общемъ, это была эпоха преобладанія церкви надъ государствомъ, но въ новое время начинается освобожденіе государства изъ-подъ церковной опеки. Стремленіямъ государственной власти въ этомъ отношеніи много помогало въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ одной стороны, новое культурное направленіе, рельефнѣе всего выразившееся въ гуманизмѣ и въ зарожденіи свѣтской политической мысли, съ другой — общее недовольство католическою церковью, какъ по причинамъ чисто свѣтскаго характера, такъ и вслѣдствіе ея порчи. Но свѣтскому гуманистическому направленію, возникшему въ XIV в., пришлось уступить мѣсто направленію религіозному, реформаціонному, возникающему въ концѣ того же столѣтія въ проектѣ соборной реформы и въ религіозномъ протестѣ Виклифа, но особенно возобладавшему въ XVI вѣкѣ, когда оно почти совсѣмъ и затерло гуманистическое направленіе. Первыя попытки реформы церкви не привели къ желанной цѣли: великіе соборы первой половины XV в. (пизанскій, констанцскій и базельскій) оставили церковныя дѣла почти въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ нашли, уничтоживъ только — да и то съ большимъ трудомъ — расколъ, а первое очень сильное реформаціонное движеніе, — гуситское въ Чехіи, — было подавлено. Неспособность самой церкви исцѣлить свои недуги была причиной того, что въ дѣло реформы вмѣшались внѣцерковныя силы и между ними государственная власть. То, что въ Чехіи начала XV в. окончилось неудачей, возобновилось черезъ сто лѣтъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ въ Германіи, откуда реформація распространилась и по другимъ странамъ. Государственной власти пришлось вездѣ рѣшать вопросъ, какъ отнестись къ этому движенію, и мы знаемъ, что вопросъ этотъ рѣшался двояко, но *становилась ли государственная власть на сторону реформы, или противодѣйствовала ей, она получала отъ реформы выгоду*, которая, конечно, была различная въ протестантскихъ и католическихъ странахъ: въ первыхъ, какъ мы не разъ уже видѣли, *государство само становилось на мѣсто церкви, во вторыхъ между обѣими силами заключался союзъ для взаимной поддержки*, — союзъ, благодаря которому государство выигрывало отъ содѣйствія, какое ему оказывалъ католицизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, государственная власть пріобрѣтала вмѣстѣ съ другими сторонами

нію Авенеля, была монархіей представительной, т.-е. такой, „гдѣ король управляетъ при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи своихъ подданныхъ и въ согласіи съ ними, но гдѣ, въ случаѣ несогласія короля и народа, король беретъ верхъ“, чѣмъ представительная монархія отличается отъ конституціонной, дающей перевѣсъ народу. Ср. также *М. А. Рейснеръ*. Общественное благо и абсолютное государство (отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Права“ за 1902 г.).

жизни конфессіональный—католическій или протестантскій— характеръ, и то политическое отношеніе къ церковной реформѣ, которое преобладало у королей первой половины XVI в., подъ вліяніемъ общаго духа эпохи, въ частности подъ вліяніемъ католической реакціи, замѣнилось религіознымъ фанатизмомъ, характерными представителями котораго во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. были испанскіе и австрійскіе Габсбурги (особенно Филиппъ II и Фердинандъ II), Максимиліанъ Баварскій и Сигизмундъ III Польскій. Благодаря этому, абсолютизмъ, развивавшійся въ эту эпоху въ нѣкоторыхъ государствахъ, получилъ вѣроисповѣдный характеръ: *къ тому свѣтскому политическому направленію, которое выразилось въ теоріи и практикѣ маккіавеллизма, присоединился религіозный фанатизмъ въ духѣ іезуитской реакціи.* Въ сравненіи съ фанатическимъ абсолютизмомъ главныхъ его представителей въ эпоху религіозныхъ войнъ, т.-е. испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ, особое значеніе получаетъ политика такихъ дѣятелей абсолютизма, какъ Генрихъ IV и кардиналъ Ришелье во Франціи, поддерживавшіе силою государственной власти вѣротерпимость въ этой странѣ, въ ту эпоху, когда въ другихъ государствахъ происходили религіозныя преслѣдованія, причемъ исключенія изъ общаго правила не составляла и протестантская Англія. На тотъ же путь вступала уже и габсбургская политика въ двадцатилѣтіе, занятое царствованіемъ Фердинанда I и Максимиліана II, и къ тому же вынуждали реакціоннаго Рудольфа II обстоятельства, когда онъ подтверждалъ свободу вѣроисповѣданія своихъ подданныхъ, но католическая реакція взяла свое, и въ наслѣдственныхъ габсбургскихъ земляхъ утвердился нетерпимый католицизмъ, шедшій рука объ руку съ абсолютизмомъ. Да и Франція въ концѣ XVII вѣка, когда Людовикъ XIV уничтожилъ нантскій эдиктъ (1685), находилась въ томъ же лагерѣ. Отмѣна нантскаго эдикта была крупнымъ торжествомъ принципа конфессіональнаго абсолютизма, водворить который стремились въ Англіи и Стюарты.

Но въ реформаціи и католической реакціи была еще и другая сторона, которою онѣ соприкасались не съ государственною властью, а съ индивидуальною свободою: реформація провозгласила принципъ свободы совѣсти, хотя и не провела его въ жизнь протестантскихъ государствъ, реакція, наоборотъ, вооружилась противъ какой бы то ни было вѣротерпимости. *На почвѣ великаго вопроса о правѣ человѣка свободно исповѣдовать свою вѣру и произошли на Западѣ главныя столкновенія государственной власти съ подданными въ XVI и XVII вв.* Съ конца среднихъ вѣковъ почти повсемѣстно происходитъ усиленіе королевской власти и паденіе сословно-представительныхъ учрежденій, и реформаціонная эпоха занимаетъ особое мѣсто въ исто-

рiи ихъ взаимныхъ отношенiй. Противоположные принципы абсолютной и ограниченной монархiи, изъ которыхъ одинъ былъ происхожденiя римскаго, другой—германскаго и феодальнаго, въ политической жизни Европы вели долговременную борьбу. Къ концу среднихъ вѣковъ побѣда склонялась въ сторону абсолютизма даже въ Англiи, гдѣ съ вступленiемъ династiи Тюдоровъ начинается перiодъ личнаго правленiя. *Реформацiонное движенiе вдохнуло новую жизнь въ сословно-представительныя учрежденiя*, а политическая литература кальвинистовъ создала цѣлую теорiю сословно-представительной монархiи. Стѣсненiе религiозной свободы протестантовъ католическими государями заставляло первыхъ защищать права своей совѣсти, и съ оппозицiей религiозной, поддерживая ее и ею усиливаясь, получая отъ нея высшую санкцiю и принципiальный характеръ, соединялась оппозицiя политическая, оппозицiя сословно-представительныхъ учрежденiй противъ стремленiя королевской власти къ абсолютизму. Мы наблюдаемъ это явленiе въ XVI в. въ Шотландiи, во Францiи (гдѣ и католики становятся на точку зрѣнiя народовластiя), въ Нидерландахъ, потомъ въ началѣ XVII в. во владѣнiяхъ австрiйскихъ Габсбурговъ, особенно въ несчастной Чехiи, одновременно съ этимъ и въ Англiи, гдѣ въ послѣднiе годы происходившей на материкѣ тридцатилѣтней войны дѣло дошло (какъ и въ Шотландiи сначала въ 1637 г.) до революцiи, и съ этою *эпохою протестантской главнымъ образомъ борьбы сословно-представительныхъ учрежденiй съ королевскою властью можно сравнить лишь эпоху конституцiонныхъ движенiй на Западѣ въ первой половинѣ XIX в.*, происходившихъ уже подъ влiянiемъ идей французской революцiи.

Церковная реформацiя и католическая реакцiя, содѣйствовавшiя усиленiю королевской власти, и протестантизмъ, вносившiй въ историческую жизнь начала религiозной свободы, какъ одного изъ видовъ свободы индивидуальной, такимъ образомъ вызывали постановку на очередь одного изъ главныхъ политическихъ вопросовъ новаго времени. Въ разныхъ мѣстахъ онъ рѣшается въ это время различнымъ образомъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условiй и историческихъ обстоятельствъ. Въ борьбѣ съ габсбургскимъ абсолютизмомъ нидерландскiе государственные чины (да и то лишь въ одной части страны) одерживаютъ побѣду, чешскiе (а съ ними моравскiе и силезскiе) терпятъ страшное пораженiе. И вообще въ Западной Европѣ XVI и XVII вѣковъ *развивается противоположность между двумя типами государствъ*, самыми рельефными представителями которыхъ съ XVII вѣка и для всего XVIII столѣтiя вплоть до 1789 г. являются Францiя и Англiя: въ XVII в. абсолютизмъ первой сдѣлался такимъ же предметомъ подражанiя для другихъ государствъ („вѣкъ Людовика XIV“), какимъ стали англiйскiя конституцiонныя учрежде-

нія съ эпохи французской революціи. Въ то самое время, какъ Англія въ борьбѣ съ Стюартами отстаивала свою парламентскую свободу, во Франціи консолидировался абсолютизмъ, благодаря Генриху IV и Ришелье, современникамъ двухъ первыхъ Стюартовъ, и Людовику XIV, современнику двухъ послѣднихъ Стюартовъ: французской политической системѣ въ это время начинали подражать не только на континентѣ, но и въ самой Англіи. Послѣдняя, сказали мы, отстояла свою политическую свободу, но на континентѣ утвердилась абсолютная монархія, именемъ которой и обозначаютъ второй большой отдѣлъ новой исторіи—отъ вестфальскаго мира до французской революціи (1648—1789), слѣдующій за реформаціоннымъ періодомъ (1517—1648). Исключивъ тридцатилѣтнюю войну, составляющую главное явленіе нѣмецкой исторіи въ XVII в., все вниманіе въ исторіи этого столѣтія вообще мы должны сосредоточить на Франціи, занявшей господствующее положеніе въ Европѣ и начинавшей уже давать тонъ культурной и политической жизни другихъ странъ, и на Англіи, гдѣ въ эпоху первой революціи завершилось религіозное движеніе реформаціоннаго періода и откуда Европа XVIII вѣка стала заимствовать религіозныя и политическія идеи.

Разсматривая съ самой общей точки зрѣнія судьбы протестантизма и представительныхъ учрежденій, а вмѣстѣ съ ними религіозной и политической свободы, мы можемъ сказать, что *чѣмъ болѣе протестантизмъ имѣлъ народный характеръ и чѣмъ менѣе представительныя учрежденія отличались сословною замкнутостью, тѣмъ вѣрнѣе была ихъ побѣда*. Пораженіе протестантизма въ Польшѣ, во Франціи, во владѣніяхъ австрійскихъ Габсбурговъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ былъ здѣсь преимущественно (хоть и не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ) исповѣданіемъ дворянъ и горожанъ, которыхъ не поддерживала или мало поддерживала народная масса. Замѣчательно, что и политическая оппозиція имѣла въ ту эпоху преимущественно аристократическій, дворянскій характеръ, и въ этомъ заключалась одна изъ причинъ ея подавленія, хотя бы временно протестантскому дворянству и удавалось добиться такихъ правъ, какія во Франціи давались ему нантскимъ эдиктомъ, а въ Чехіи—грамотой величества, дѣлавшихъ изъ союзовъ протестантскихъ дворянъ въ обѣихъ странахъ вооруженныя политическія силы. Самая свобода совѣсти пріобрѣтала видъ (особенно въ Польшѣ) дворянской привилегіи. Въ Нидерландахъ религіозно-политическую оппозицію, начатую дворянами же, вынесли потомъ на своихъ плечахъ главнымъ образомъ горожане и народъ сѣверныхъ частей страны, тогда какъ южная, гдѣ особенно сильна была аристократія, такъ-таки и не могла освободиться отъ Испаніи. Вся исторія французскихъ генеральныхъ шта-

товъ въ сравненіи съ англійскимъ парламентомъ показываетъ, что одна изъ причинъ ихъ неуспѣха заключалась въ сословныхъ раздорахъ, а въ эпоху религіозныхъ войнъ дворяне-кальвинисты получали бóльшія религіозныя права, чѣмъ ихъ единовѣрцы изъ горожанъ; притомъ масса этого послѣдняго сословія оставалась вѣрною католицизму, составивъ главную силу лиги. Послѣ 1560, 1561, 1576, 1588 и 1593 гг. штаты во Франціи собирались только одинъ разъ еще (1614—1615), но это были послѣдніе штаты (если не считать созванныхъ черезъ 175 лѣтъ, т.-е. въ 1789 г.) и это-то послѣднее собраніе сословныхъ представителей въ началѣ XVII в. ознаменовалось страшнымъ между ними раздоромъ. Въ соціальномъ отношеніи эта дворянская оппозиція и реформація соединялась или съ феодальной реакціей (какъ было во Франціи), или съ захватомъ всей власти надъ народомъ (какъ было въ Польшѣ), и *дальнѣйшая политика абсолютизма въ томъ и заключалась, чтобы отклонять политическую оппозицію аристократическаго происхожденія, поддерживая силою государственной власти соціальныя права дворянства.* Однимъ словомъ, западно-европейскій абсолютизмъ, зародившійся въ борьбѣ государства съ католицизмомъ и феодализмомъ, заключилъ потомъ союзъ съ церковью и аристократіей, подавивъ въ пользу первой религіозную свободу и уступивъ второй свободу народа, на которомъ оставались старыя феодальныя путы. Типическимъ представителемъ такой клерикальной и аристократической политики сдѣлался Людовикъ XIV, которому подражала почти вся Европа. Дѣло, начатое гуманизмомъ и реформаціей, пріостановилось, какъ пріостановилось и разрушеніе феодализма, соціальная сторона котораго оставалась неприкосновенною до середины XVIII в. Только черезъ сто лѣтъ послѣ вступленія Людовика XIV на престолъ *абсолютизмъ измѣнилъ свой характеръ, порвавъ свои связи съ католической реакціей и приступивъ къ общественнымъ реформамъ подъ вліяніемъ новаго просвѣщенія* (просвѣщенный абсолютизмъ).

Направленіе, противоположное системѣ Людовика XIV, развивалось въ протестантскихъ Голландіи и Англіи. Людовикъ XIV возобновилъ притязанія на европейскую гегемонію, которыя заявлялись раньше Габсбургами. Его абсолютизмъ былъ враждебенъ національной независимости, а душою всѣхъ коалицій, которыя составлялись противъ французскаго короля, дѣлалась Голландія. Въ этой же странѣ нашли пріютъ гонимые гугеноты и впервые стали появляться французскія оппозиціонныя сочиненія. Отсюда же была подана помощь Англіи, протестантизму и свободѣ которой грозилъ союзъ короля-католика Іакова II съ Людовикомъ XIV, и которую Голландіи было выгодно имѣть на своей сторонѣ въ рѣшительной борьбѣ съ Франціей. Но особенно развилась въ XVII в. политическая противоположность

между Франціей и Англіей, — противоположность, коренившаяся въ первоначальныхъ условіяхъ ихъ исторіи. Еще въ XIII в. намѣтилась будущая исторія обѣихъ странъ — возвышеніе королевской власти въ одной и ея ограниченіе въ другой. Въ XVI в. Тюдоры были сильнѣе послѣднихъ Валуа, но въ XVII в. отношенія при Стюартахъ въ Англіи и при Бурбонахъ во Франціи измѣнились. Въ то время, какъ французскіе генеральные штаты въ 1614—15 гг. обнаружили полную свою несостоятельность, англійскій парламентъ, наоборотъ, доказывалъ свою жизненность. Стюарты, подражая французскимъ королямъ, начали вести себя въ духѣ абсолютизма, забывая, что политическія условія въ Англіи были не тѣ, что во Франціи, и соединяя съ политическимъ абсолютизмомъ религіозный, — чего въ ту эпоху (первая половина XVII вѣка) во Франціи не было, — и этимъ вызвали противъ себя политическую и религіозную оппозицію. Парламентъ, бывшій болѣе національнымъ представительствомъ, чѣмъ штаты съ ихъ сословнымъ устройствомъ, и пуританизмъ, отличавшійся болѣе демократическимъ духомъ, чѣмъ аристократическій кальвинизмъ во Франціи, одержали побѣду надъ королевскимъ абсолютизмомъ, что́ повело за собою даже образованіе въ Англіи демократической республики сектантовъ, не могшей, однако, получить твердой основы въ странѣ; когда же возвратившіеся Стюарты возобновили политику своихъ предшественниковъ, англичане повторили надъ ними въ лицѣ Іакова II то, что за сто лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлали нидерландскіе генеральные штаты съ Филиппомъ II и за семьдесятъ лѣтъ чешскій сеймъ съ Фердинандомъ II. Замѣчательно, что одновременно съ первой англійской революціей, т.-е. въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVII в. и во Франція происходила политическая смута, но здѣсь своимъ безъидейнымъ, легкомысленнымъ характеромъ она лишній разъ доказывала неспособность тогдашняго французскаго общества съ своей аристократіей во главѣ къ политическому самоуправленію, и названіе „фронда“, полученное этимъ движеніемъ по имени одной дѣтской игры (la fronde), какъ нельзя болѣе подошло къ сдѣланной въ это время попыткѣ ограничить королевскую власть. Однимъ словомъ, въ *XVII в. у абсолютизма было столь же мало шансовъ въ Англіи, какъ во Франціи у политической свободы*, и политическое развитіе обѣихъ странъ пошло по разнымъ дорогамъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи XVII вѣка мы сосредоточимъ все вниманіе на развитіи этой противоположности, причемъ главное вниманіе обратимъ на Англію, у которой сама Франція въ XVIII в. заимствовала идеи и хотѣла заимствовать учрежденія. Здѣсь же мы должны будемъ познакомиться и съ новымъ фазисомъ реформаціоннаго движенія, составляющаго главный предметъ настоящаго тома. Болѣе подроб-

ное изложеніе французской исторіи по принятому плану должно быть отнесено къ исторіи XVIII в., которой посвященъ слѣдующій томъ.

Называя періодъ отъ 1648 г. по 1789 г. періодомъ абсолютной монархіи, мы не должны представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, чтобы на континентѣ Европы это была единственная политическая форма въ ту эпоху. Наоборотъ, до французской революціи существовали весьма разнообразныя формы политическаго устройства. Нѣмецкая имперія была чѣмъ-то среднимъ между единымъ государствомъ и международнымъ союзомъ государствъ, чѣмъ-то такимъ, что̀ не поддавалось политико-юридическому опредѣленію: даже представители государственныхъ наукъ совершенно напрасно ломали голову, опредѣляя, чѣмъ же была имперія, лишь склоняясь къ тому результату, что это не была ни монархія, ни аристократія, ни демократія, а было какое-то чудище (monstrum), какъ выразился знаменитый государствовѣдъ Пуфендорфъ въ своемъ „De statu imperii Germanici liber“ (1667), дѣйствительно характеризующемъ хаосъ имперскаго устройства [1]), и только въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи развивался княжескій абсолютизмъ на счетъ земскихъ чиновъ. Не менѣе странно было устройство и свѣтлѣйшей польской республики (Рѣчи Посполитой), о которомъ сами поляки говорили, какъ о безнарядьѣ, которымъ, по ихъ мнѣнію, стояла Польша (Polska nierządem stoi). Весьма своеобразна была и конституція Голландіи, которая, подобно Швейцаріи, сохранившей средневѣковое устройство, была федераціей съ сильнымъ развитіемъ остатковъ средневѣковой муниципальной старины. Но эти федеративныя формы отживали свой вѣкъ, чтобы не возрождаться (кромѣ Швейцаріи) послѣ ударовъ, нанесенныхъ имъ въ эпоху французской революціи. Абсолютизмъ утвердился въ Испаніи, въ Португаліи, въ самостоятельныхъ итальянскихъ княжествахъ (кромѣ республикъ Венеціанской и Генуэзской) съ папскою областью, во Франціи, въ княжествахъ Германіи, въ габсбургскихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, не исключая Венгріи, гдѣ, однако, велась борьба, въ новомъ королевствѣ Пруссіи, въ Даніи и временно утверждался въ Швеціи, гдѣ, впрочемъ, брала верхъ и дворянская олигархія. Но и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ утвердился абсолютизмъ, сохранялось много средневѣковыхъ отношеній. Во-первыхъ, это можно сказать вообще о средневѣковыхъ сословныхъ привилегіяхъ, такъ что эпоху эту слѣдуетъ характеризовать, какъ *время господства политическаго абсолютизма въ союзѣ съ соціальными привилегіями.* Во-вторыхъ, не

---

[1]) *Jastrow.* Pufendorfs Lehre von der Monstrosität der Reichsverfassung. Указанное соч. Пуфендорфа вышло въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Severinus de Monzambano.

вездѣ „чины“ такъ погибли, какъ во Франціи, хотя, сохраняясь, они уже не играли прежней роли, но и въ самой Франціи рядомъ съ королевскою властью вплоть до революціи продолжали существовать парижскій и провинціальные парламенты, притязанія которыхъ противорѣчили королевскому полновластію. Средневѣковыя учрежденія въ абсолютныхъ монархіяхъ были большею частью феодальнаго происхожденія и доживали до французской революціи, общій же тонъ политической жизни задавался не ими, а абсолютною королевскою властью. Абсолютныя же монархіи, а не уродливая нѣмецкая „имперія“ и не безпорядочная польская „республика“ играютъ главную роль въ международной политикѣ эпохи. Кромѣ нидерландской федераціи, усвоившей съ протестантизмомъ и новыя начала политической жизни, приспособленныя къ старому устройству, такія отжившія свой вѣкъ федераціи, какъ нѣмецкая „имперія“ и польская „республика“, не могли состязаться съ большими унитарными государствами, какія окончательно сформировались къ этому времени, а сами монархіи эти были результатомъ сплоченія областей, тянувшихъ въ разныя стороны, но такъ, что *государственное единство покупалось на счетъ мѣстной свободы*. Одна Англія изъ большихъ націй еще въ средніе вѣка сумѣла сочетать государственное единство, которымъ такъ гордились монархіи въ родѣ французской, съ мѣстною свободой, бывшей предметомъ гордости нѣмцевъ (die deutsche Libertät) и поляковъ (złota wolność). Исторія Западной Европы рѣшительно шла по дорогѣ отъ федеративныхъ началъ средневѣковаго быта къ государственному сплоченію новаго времени, такъ сказать, выразившемуся вполнѣ въ монархіи Бурбоновъ, причемъ средствомъ такого сплоченія была политическая централизація, уничтожавшая мѣстныя привилегіи и вольности, за которыя держались областные чины и сеймы. Въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ и французской революціи централизаціонное стремленіе новаго государства проявилось съ особою силою, но съ того же времени начался и поворотъ къ англійскимъ началамъ политической жизни, которыя, благодаря двумъ революціямъ XVII вѣка, получили въ слѣдующемъ за тѣмъ столѣтіи дальнѣйшее развитіе.

Какъ реформаціонный періодъ былъ эпохой господства церковности (протестантской и католической), такъ *періодъ абсолютной монархіи былъ временемъ развитія государственнаго начала*. Индивидуализмъ новаго времени, религіозныя проявленія котораго стѣснялись требованіями государственной церковности реформаціоннаго періода, продолжалъ и въ слѣдующій періодъ отстаивать свое право на существованіе, встрѣчая нерѣдко отпоръ со стороны государства, которое, опираясь на свое всемогущество, отрицало за индивидуумомъ какія бы то ни было естественныя права: и въ этомъ отношеніи

между Франціей и Англіей выработался контрастъ. Отмѣна нантскаго эдикта во Франціи стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ правительственнымъ произволомъ, который лишалъ личную свободу всякихъ гарантій: полную противоположность французскимъ „lettres de cachet" или приказамъ объ арестѣ безъ слѣдствія и суда представляетъ собою англійскій „habeas corpus act", утвердившій законную гарантію личной свободы, истинный источникъ всѣхъ другихъ вольностей англійскихъ гражданъ, каковы: свобода слова, свобода печати, свобода собраній и т. п.[1]). Въ Англіи это была одна изъ политическихъ традицій, которая шла еще со временъ великой хартіи 1215 года, но особенно оживилось въ ея населеніи чувство личной свободы благодаря протестантскому движенію, лозунгомъ котораго былъ индивидуализмъ и изъ котораго вышелъ трактатъ Локка, написанный въ защиту политической и индивидуальной свободы, вышло даже цѣлое направленіе „свободныхъ мыслителей". *Въ XVIII вѣкѣ вопросъ о правахъ личности и предѣлахъ власти государства сталъ на очередь.* Конечно, онъ существовалъ и раньше въ формѣ вопроса о свободѣ совѣсти и о принудительной власти въ дѣлахъ вѣры, принадлежала ли эта власть церкви или государству, но лишь тогда онъ обобщился и распространился на всѣ сферы индивидуальной жизни. Протестантскія государственныя церкви и тѣмъ болѣе католическая реакція не признавали свободы совѣсти; государство или по нуждѣ, или отрѣшаясь отъ конфессіональныхъ стремленій, „терпѣло" иновѣріе, допуская его, какъ милостивую съ своей стороны уступку, которую могло взять и назадъ, по впервые въ Англіи въ очень широкихъ размѣрахъ и съ прочными гарантіями нашелъ примѣненіе принципъ свободы совѣсти, какъ неотъемлемаго права личности. Гарантія религіозной свободы, которую французское или чешское дворянство видѣло въ военной организаціи своихъ союзовъ, сдѣлавшихся государствами въ государствѣ, создавалась въ Англіи общимъ строемъ жизни и тѣмъ спеціальнымъ закономъ, который обезпечивалъ индивидуальную свободу.

---

[1]) Мысль о законномъ огражденіи индивидуальной свободы, какъ объ источникѣ всѣхъ спеціальныхъ свободъ въ Англіи, хорошо аргументируетъ *Дайси*, въ „Основахъ государственнаго права Англіи" (русск. пер. подъ ред. П. Г. Виноградова), Ср. томъ III, главу VI настоящаго труда, гдѣ разсматривается вопросъ о личной и общественной свободѣ въ XVIII вѣкѣ, причемъ равнымъ образомъ сопоставляются французскіе и англійскіе порядки. Нужно еще оговориться, что окончательно свобода прессы и свобода собраній установились въ Англіи лишь въ XIX столѣтіи.

XXX. Утвержденіе абсолютизма во Франціи [1]).

Политическія идеи во Франціи и государственная теорія Бодена. — Идеалъ монарха у Бодена и Генрихъ IV.—Побѣда Генриха IV надъ феодальной реакціей.—Нотабли 1596 г.—Характеръ власти Генриха IV.—Смуты въ малолѣтство Людовика XIII и генеральные штаты 1614—15 гг.—Общій характеръ внутренней политики Ришелье.—Политическая литература при Ришелье и его «политическое завѣщаніе».—Мнѣніе Авенеля о Ришелье.—Мазарини и фронда.—Отсутствіе политической идеи въ движеніи фронды.

Религіозныя войны во Франціи прервали на время развитіе королевскаго абсолютизма, достигшаго при Францискѣ I и Генрихѣ II,

---

[1]) Для эпохи Генриха IV, кромѣ сочиненій, указанныхъ выше (стр. 12 и 315), *Michelet*. Henri IV et Richelieu —*Philippson*. Heinrich IV und Phillipp III. Begründung des französischen Uebergewichts in Europa.—*Guadet*. Henri IV, sa vie, ses oeuvres, ses écrits. — *E. Jung*. Henri IV considéré comme écrivain. — *Mercier de la Combe*. La politique de Henri IV.—*Lavisse*. Sully.—*Baudrillard*. Jean Baudin et son temps.—*Faigniez*. L'industrie en France sous Henri IV.—*Его же*. L'économie sociale de la France sous Henri IV.—*Moreau de Jonnès*. Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV.—*Jung*. Henri IV écrivain.—Эпоха Ришелье представлена въ исторической литературѣ многими сочиненіями, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ нужно назвать три наиболѣе новыхъ: *D'Avenel*. Richelieu et la monarchie absolue. — *Его же*. La noblesse française sous Richelieu. — *Hanotaux*. Histoire du cardinal de Richelieu.—*Его же*. Tableau de la France en 1614 есть въ русск. пер. подъ заглавіемъ „Франція передъ Ришелье".—*Perkins*. France under Richelieu and Mazarin. — Кромѣ того, *Basin*. Histoire de la France sous Louis XIII. — *Caillet*. Histoire de l'administration sous le ministère de Richelieu.—*Dussieux*. Le cardinal de Richelieu. — *Martineau*. Le cardinal de Richelieu. — *Marius Topin*. Louis XIII et Richelieu.—*B. Zeller*. Richelieu et les ministres de Louis XIII.—*Его же*. Louis XIII (1614—1616).—*De la Garde*. Le duc de Rohan et les protestants sous Louis XIII.—*В. А. Гольцевъ*. Государственное хозяйство во Франціи въ XVII вѣкѣ. — По эпохѣ Мазарини и фронды: *Bazin*. Histoire de la France sous le cardinal de Mazarin. — *Chéruel*. Histoire de la France pendant la minorité de Louis XIV.—*Его же*. Histoire de la France sous le ministère de Mazarin. — *Freer*. The regency of Anne of Austria. — *Debidour*. La Fronde angevine.—*Caffarel*. La Fronde en Provence.—*Feillet*. La misère au temps de la Fronde et Saint Vincent de Paul.—Кромѣ того, къ эпохѣ и предмету имѣютъ отношеніе: *B. Zeller*. Le conétable de Luynes.—*Duc d'Aumale*. Hist. des princes de Condé aux XVI et XVII siècles. — *Chantelauze*. Le cardinal Retz (пр. Конде и кард. Рецъ были дѣятели Фронды). Для исторіи французскихъ учрежденій см. *Chéruel*. (Hist. de l'administration) и *Dareste* (то же).—*Hanotaux*. Origine de l'institution des intendants.—*De Luçay*. Les secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à Louis XVI. Кромѣ того, см. *Henri Martin*. Hist. de France.—*L. Ranke*. Französische Geschichte.—*A. Thierry*. Essai sur l'histoire et la formation du tiers état.

т.-е. въ первой половинѣ XVI в., передъ усиленіемъ религіознаго движенія весьма значительныхъ результатовъ. Генеральные штаты 1439 г. отказались отъ своего права вотировать субсидіи, и съ этого времени учрежденіе, никогда не достигавшее прочнаго вліянія во Франціи, приходитъ въ упадокъ. Ихъ созвалъ одинъ разъ Людовикъ XI, одинъ разъ — Карлъ VIII, одинъ разъ — Людовикъ XII, ни разу не созывалъ Францискъ I и опять-таки — лишь одинъ разъ созвалъ Генрихъ II, да и въ періодъ религіозныхъ войнъ они собирались только пять разъ, если даже считать собраніе депутатовъ отъ дворянства и третьяго сословія въ 1561 г. за полные штаты. Несмотря на всю популярность, какою пользовалась во Франціи теорія народовластія въ кальвинистической и іезуитской обработкѣ, дѣйствительность соотвѣтствовала не этой теоріи, а другой, которая въ XVI в. нашла своего выразителя въ Жанѣ Боденѣ. Кромѣ фанатическихъ католиковъ, сочетавшихъ въ своихъ воззрѣніяхъ демократическія начала съ теократическими, и кромѣ кальвинистовъ, у которыхъ идея народовластія получала аристократическій или сословный оттѣнокъ, во Франціи, какъ мы видѣли, въ эпоху религіозныхъ войнъ существовала еще партія „политиковъ“, къ которой принадлежалъ Лопиталь и которая, наконецъ, увидѣла осуществленіе своихъ стремленій съ воцареніемъ Генриха IV. Къ числу представителей вѣротерпимости и къ числу писателей, проводившихъ свѣтскія идеи въ эту эпоху, когда на религіозную почву ставились и политическіе вопросы, принадлежалъ одинъ изъ основателей науки государственнаго права въ новое время Жанъ Боденъ (Jean Bodin, латинизированный въ Bodinus), книга котораго „О государствѣ“ (De la république) играетъ важную роль въ исторіи политическихъ ученій. Боденъ, подобно Макіавелли, своему предшественнику въ качествѣ свѣтскаго политическаго писателя, относится—не въ хронологическомъ, конечно, смыслѣ—къ эпохѣ классическаго возрожденія, а не къ эпохѣ религіозной реформаціи, и вотъ этотъ писатель выступаетъ въ своемъ сочиненіи, какъ убѣжденный монархистъ. По его теоріи, государства произошли не отъ добровольнаго соглашенія людей, а путемъ насильственнаго покоренія однихъ людей другими, въ силу чего существенный признакъ гражданина есть подчиненіе верховной власти, а не участіе въ совѣтѣ и судѣ, какъ опредѣлялъ гражданина Аристотель; подъ верховною же властью Боденъ разумѣлъ постоянную и неограниченную власть государства: она постоянна лишь тогда, когда перенесена на извѣстное лицо всецѣло, на неопредѣленный срокъ, — и именно лишь въ томъ случаѣ можетъ быть названа верховною, когда передается безъ всякихъ условій, такъ что по существу своему власть эта есть право издавать и отмѣнять законы, въ силу котораго ея носитель не можетъ

связывать себя какими бы то ни было обѣщаніями. Если бы, между прочимъ говоритъ Боденъ, государь былъ обязанъ соблюдать законы государства, которые исходятъ отъ народа, а не отъ него самого, то верховная власть принадлежала бы народу. Генеральные штаты равнымъ образомъ не могутъ ограничивать власти короля, разъ она ему принадлежитъ: все ихъ значеніе въ совѣтѣ, въ принесеніи жалобъ и раскрываніи злоупотребленій. Въ этомъ законодательномъ правѣ безъ чьего бы то ни было согласія Боденъ видѣлъ основу всѣхъ другихъ правъ верховной власти. Съ точки зрѣнія единства и нераздѣльности суверенитета онъ отрицалъ смѣшанныя формы правленія и, признавая лишь чистыя монархіи, аристократіи и демократіи, отдавалъ преимущество первой изъ названныхъ формъ. На народъ онъ, подобно нѣкоторымъ кальвинистамъ, смотрѣлъ, какъ на многоголоваго и неразумнаго звѣря, но онъ находилъ недостатки и въ аристократіи, указывая между прочимъ на раздоры между вельможами, которые, не имѣя надъ собою высшаго судьи, должны рѣшать свои разногласія оружіемъ, не говоря уже о томъ, что аристократамъ и противъ народа трудно держаться вслѣдствіе его къ нимъ ненависти. Самое важное преимущество монархіи Боденъ усматривалъ въ томъ, что лишь въ ней можетъ существовать единая верховная власть. Опровергая мнѣніе тѣхъ, которые доказывали, что Франція была избирательной монархіей, онъ особенно настаивалъ на томъ, что, наоборотъ, здѣсь королевская власть была всегда наслѣдственною, а наслѣдственная монархія у него является вообще единственнымъ порядкомъ, основаннымъ на законахъ природы. Боденъ различаетъ, однако, между законною монархіей и тиранніей, приглашая, впрочемъ, съ осторожностью примѣнять это различіе, ибо государь часто бываетъ вынужденъ дѣйствовать такъ, что его поступки имѣютъ видъ тиранническихъ: строгость не есть тираннія, безъ строгости же нельзя возстановить нарушенное спокойствіе въ государствѣ, нельзя остановить насилія вельможъ. Само собою разумѣется, что Боденъ отрицалъ право сопротивленія властямъ: если онѣ у подданнаго требуютъ чего-либо противнаго закону Божію или естественному, онъ не обязанъ повиноваться, но скорѣе долженъ претерпѣть смерть, чѣмъ прибѣгнуть къ самоуправству. Боденъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы правители стояли выше партій: это удобнѣе бываетъ именно для монарховъ, такъ какъ въ аристократіяхъ и демократіяхъ сами правители дѣлятся на партіи. Съ точки зрѣнія интересовъ государства Боденъ требовалъ и вѣротерпимости: нерѣдко междоусобія производятся религіозными сектами; но пренія о религіи должны быть запрещены, такъ какъ они-то и ведутъ къ распрямъ и колеблютъ истину въ умахъ, безъ религіи же государство существовать не можетъ. Разъ

существуютъ въ государствѣ секты, противъ нихъ не должно дѣйствовать насиліемъ, ибо оно своимъ слѣдствіемъ имѣетъ лишь большее упорство и недовольство подданныхъ своимъ государемъ. Правитель долженъ, по Бодену, стоять не только выше партій и вѣроисповѣдныхъ различій, но и выше сословій: въ монархіи происходитъ сочетаніе правды уравновѣшивающей, сильной въ демократіи, и правды распредѣляющей, сильной въ аристократіи, ибо монархъ въ управленіи можетъ давать мѣсто и демократическому, и аристократическому элементамъ. Наконецъ, монархъ, какъ представитель государственнаго единства, имѣетъ подъ собою три сословія, умѣряющія, но не ограничивающія его власть. По представленію Бодена, такое государственное устройство отражаетъ на себѣ и міровой порядокъ, установляемый единымъ, надъ всѣмъ возвышающимся и все приводящимъ къ единству Богомъ.

Генрихъ IV довольно близко подходилъ къ этому идеалу монарха, изображенному въ сочиненіи Бодена о государствѣ. Ставя государя выше всякаго человѣческаго закона, Боденъ подчинялъ его, однако, закону Божію и естественному, отъ которыхъ никто не имѣетъ права отступать: Генрихъ IV, возстановившій во Франціи абсолютную королевскую власть, также полагалъ, что „король не долженъ дѣлать всего, что̀ могъ бы дѣлать“. Боденъ находилъ весьма полезными совѣщанія монарха съ подданными, но хотя Генрихъ IV и ни разу не созывалъ генеральные штаты, тѣмъ не менѣе онъ все-таки обращался къ нотаблямъ (1596), правда, „слушая ихъ со шпагою у бока“; равнымъ образомъ онъ выслушивалъ ремонстранціи парламентовъ, хотя и не обратилъ на нихъ вниманія, когда захотѣлъ издать нантскій эдиктъ. Боденъ желалъ, чтобы монархъ былъ верховнымъ миротворцемъ, между прочимъ и въ дѣлахъ вѣры, и Генрихъ IV выполнилъ эту свою задачу въ религіозномъ вопросѣ нантскимъ эдиктомъ, стремясь къ установленію правильнаго общежитія между приверженцами разныхъ вѣроисповѣданій въ одномъ и томъ же государствѣ. Но въ книгѣ Бодена есть и другая черта, обращающая на себя вниманіе, это—желаніе имѣть въ государствѣ такую власть, которая стояла бы выше разрозненныхъ соціальныхъ элементовъ и подчиняла бы ихъ высшему государственному единству. Боденъ не теоретически только указывалъ на недостатки аристократіи: передъ его глазами происходили раздоры аристократическихъ партій, совершались насилія вельможъ, нарушалось спокойствіе государства.

Теоріи народовластія во Франціи XVI в. были только знаменемъ для феодальной реакціи, поднявшей голову при первомъ ослабленіи власти. Политическая оппозиція противъ королевской власти во Франціи лишь въ требованіи религіозной свободы происходила во

имя болѣе высокой политической идеи, но въ остальныхъ отношеніяхъ это было стремленіе вернуться къ старому быту, именно къ феодолизму. Генриху IV приходилось прямо совершать ту же работу, надъ которою трудились его предшественники въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ,—работу собиранія земли, ибо политическій феодализмъ положительно оживалъ: *абсолютная монархія оправдывалась во Франціи тѣмъ, что только она могла поддержать государственное единство народа и страны и умиротворить ее внутри.* Генрихъ IV засталъ при своемъ вступленіи на престолъ такой порядокъ вещей: въ отдѣльныхъ провинціяхъ королевскіе губернаторы изъ католической знати, въ томъ числѣ шесть Гизовъ, сдѣлались независимыми правителями, не желавшими признавать Генриха IV королемъ, опираясь на мѣстные парламенты и на лигу, а протестантскіе вельможи тоже по своему усмотрѣнію устанавливали налоги, начальствовали войсками. Воскресали феодальныя понятія, и одинъ изъ вельможъ откровенно выражалъ желаніе, чтобы губернаторства были отданы въ собственность ихъ замѣстителямъ подъ условіемъ простой феодальной присяги, „какъ это нѣкогда дѣлалось“. Губернаторамъ провинцій, не повиновавшимся королю, не хотѣли въ свою очередь подчиняться коменданты отдѣльныхъ крѣпостей и мѣстные сеньеры, возрождавшіе времена феодальной анархіи съ нападеніями на деревни, грабежами крестьянъ, неистовствами надъ мирными жителями. Это возстановленіе феодализма заставляло населеніе искать защиты у короля: даже католическая буржуазія начинала видѣть въ Генрихѣ IV спасителя отъ анархіи. Ліонъ, принадлежавшій къ лигѣ, возсталъ противъ намѣренія герцога Немурскаго устроить себѣ княжество въ его области. Гренобльскій парламентъ, тоже лигистскій, воспротивился плану герцога Савойскаго возстановить древнее Арелатское королевство. Сеньеръ Баланьи, отнявшій Камбрэ у герцога Анжуйскаго, предпочелъ подчиниться королю подъ условіемъ сохраненія губернаторства, чѣмъ отдать городъ герцогу. Генриху IV стоило тѣмъ не менѣе большого труда и много денегъ возвратить коронѣ отдѣльные замки, города, провинціи. Многіе пришлось покупать за деньги и выгодныя должности; Вилларъ за передачу нормандскихъ крѣпостей получилъ около 4 милліоновъ ливровъ, Гизъ—столько же за Шампань, герцогъ Майенскій (изъ Гизовъ)—немного менѣе за Бургундію и т. д., а послѣднею поддалась Бретань, губернаторъ которой Меркёръ (тоже одинъ изъ Гизовъ) взялъ 4 милліона ливровъ и выговорилъ условіе, чтобы его дочь вышла замужъ за одного изъ незаконныхъ сыновей короля, герцога Вандома. Всего-на-все было заплачено такимъ образомъ тридцать два милліона. Весьма естественно, что аристократическіе оппоненты, тираннически относившіеся къ населенію и оказавшіеся

продажными, не могли пользоваться сочувствіемъ народной массы, и послѣдняя обратилась къ королевской власти. Но и послѣ подчиненія вельможъ у Генриха IV было съ ними не мало хлопотъ, такъ какъ они продолжали дѣйствовать по старому. Биронъ, получившій отъ короля герцогскій титулъ, маршальство и губернаторство въ Бургундіи, задумалъ сдѣлаться независимымъ княземъ и заключилъ договоръ съ испанскимъ королемъ и савойскимъ герцогомъ, а герцогъ Бульонскій хотѣлъ передать испанцамъ Седанъ. Многіе города подчинились Генриху IV лишь подъ извѣстными условіями — не имѣть въ своихъ стѣнахъ королевскаго гарнизона, не допускать у себя возведенія цитадели и т. п., и Амьенъ, напримѣръ, выразившій желаніе быть охраняемымъ лишь собственными гражданами, поплатился за это, врасплохъ захваченный испанцами (1597). Послѣ этого нечего удивляться, что и гугеноты равнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы сдѣлать изъ своей организаціи государство въ государствѣ. Все это обнаруживаетъ истинный характеръ борьбы противъ королевской власти въ XVI в.: тутъ было не стремленіе измѣнить государственный строй во имя высшей идеи, а стремленіе расхитить государство. Стоило только Генриху IV сомкнуть навѣки глаза, какъ феодальная реакція снова подняла голову, но собранные тогда *генеральные штаты показали, что ихъ время прошло, и что тогдашнее французское общество было неспособно къ политическому самоуправленію.*

Самъ Генрихъ IV лишь одинъ разъ созвалъ собраніе нотаблей, указанія которыхъ сдѣлались исходнымъ пунктомъ его крупныхъ реформъ, ибо, какъ мы еще увидимъ, *французская абсолютная монархія тотчасъ по своемъ возрожденіи начала совершать органическую работу въ видѣ цѣлаго ряда реформъ.* Нотабли вотировали налоги лишь на три года, выразивъ желаніе быть снова созванными по истеченіи этого срока, а для контроля за употребленіемъ части казенныхъ денегъ назначили особый счетный комитетъ (conseil de raison), но члены этого совѣта весьма скоро между собою перессорились, и отказавшись отъ веденія возложеннаго на нихъ дѣла, просили короля взять его въ свои руки.

Генрихъ IV, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ королей Франціи, уже по одному тому не дѣлавшій всего для него возможнаго, что многое было возможно лишь въ теоріи, а на практикѣ встрѣчало массу препятствій, совершенно, какъ идеальный монархъ Бодена, умѣлъ возвышаться надъ противоположными интересами партій, вѣроисповѣданій, сословій и отдѣльныхъ мѣстностей, соединяя всѣхъ и вся въ высшемъ государственномъ единствѣ. Старыя провинціальныя, феодальныя, муниципальныя вольности не ограничивали, какъ того хотѣлъ и Боденъ, а только умѣряли его власть, которою

онъ и не могъ бы, если бы даже захотѣлъ, пользоваться на всей своей волѣ, такъ какъ ему приходилось сообразоваться съ очень многимъ. Это еще не была вполнѣ абсолютная монархія, какую создалъ Ришелье, ибо Генриху IV нельзя было еще не считаться съ сильными политическими традиціями отдѣльныхъ мѣстностей и сословій. Только его ловкая рука направляла все къ одной цѣли, и онъ уже думалъ воспользоваться плодами своей мудрой внутренней политики, когда кинжалъ Равальяка пресѣкъ его дни.

Генриху IV наслѣдовалъ его малолѣтній сынъ Людовикъ XIII (1610—1643), регентство же досталось матери маленькаго короля, Маріи Медичи. Для феодальной реакціи опять наступило удобное время, и только когда кардиналъ Ришелье взялъ въ свои крѣпкія руки веденіе дѣлъ (1624), работа, столь успѣшно начатая Генрихомъ IV, стала продолжаться. Разсказъ о смутахъ въ началѣ царствованія Людовика XIII потребовалъ бы слишкомъ много мѣста: коротко сказать, вельможи (принцъ Конде и др.) снова подняли возстаніе подъ предлогами дурного веденія дѣлъ фаворитомъ регентши Кончини и обремененія народа, но, увидѣвъ, что послѣдній не подымается, что лига умерла, что протестанты не думаютъ къ нимъ присоединиться, они примирились съ дворомъ, получивъ за это по сотнямъ тысячъ ливровъ (1614). Имъ удалось настоять на созваніи генеральныхъ штатовъ, а когда они были распущены, Конде снова подымаетъ возстаніе подъ тѣмъ предлогомъ, что желанія штатовъ остаются неудовлетворенными, но весьма скоро удовлетворяется самъ новою подачкою въ полтора милліона ливровъ (1616). Черезъ нѣсколько времени, когда Конде задумалъ снова приняться за старое, онъ былъ арестованъ, и особый королевскій манифе́стъ объявилъ, что принцы Конде, Майенскій, Неверскій, Лонгвильскій, Вандомскій и Бульонскій стремились создать по отдѣльной тираннін въ каждой провинціи. Затѣмъ къ 1617 г. молодой король отдѣлался отъ Кончини и изгналъ свою мать, что́ было причиною новой смуты, во время которой фаворитъ короля Люинъ дѣйствовалъ такъ же, какъ прежде Кончини, а королева-мать потребовала себѣ губернаторство въ Анжу и три крѣпости въ обезпеченіе своей безопасности. Богатые сеньеры, державшіе массу домочадцевъ и слугъ, не знавшіе никакой сдержки и находившіеся въ вѣчныхъ ссорахъ между собою, составляли опасную силу для слабаго правительства. Собственно говоря, на нихъ держалось все былое могущество протестантской партіи, но въ царствованіе Людовика XIII начался ихъ обратный переходъ въ католицизмъ: уже въ смутахъ второго десятилѣтія XVII вѣка протестанты изъ горожанъ не участвуютъ, хотя Конде и приглашалъ ихъ къ нему присоединиться, ибо они были довольны своимъ положеніемъ и возстали въ двадцатыхъ годахъ уже по иному поводу. *Въ феодальной реакціи начала*

царствованія Людовика XIII не было никакой идеи, и то же можно сказать о смутахъ въ малолѣтство Людовика XIV, о знаменитой фрондѣ, въ которой главную роль играли тѣ же принцы и магнаты, думавшіе послѣ смерти Генриха IV, что „время королей прошло, и что наступило время вельможъ и князей", или, какъ сказалъ одинъ дворянинъ-кальвинистъ: „le roi est mineur, soyons majeurs".

Генеральные штаты, собранные въ 1614 г. и распущенные въ 1615 г., показали и націи, и самой королевской власти, что *никакая солидарность не была возможна между тремя сословіями государства, вслѣдствіе чего третье сословіе предпочло королевскій абсолютизмъ крайней неуступчивости и заносчивости привилегированныхъ сословій*. Сословный антагонизмъ, сдѣлавшій и въ Германіи въ XVI в. невозможнымъ союзъ общественныхъ элементовъ, недовольныхъ князьями,—которые, благодаря этому, и вышли побѣдителями изъ всѣхъ смутъ,—во Франціи былъ одною изъ причинъ установленія королевскаго абсолютизма: именно окружающая дѣйствительность приводила еще раньше Бодена къ мысли о королѣ, какъ верховномъ умиротворителѣ противоположныхъ общественныхъ элементовъ. Исторія генеральныхъ штатовъ 1614—15 г. весьма печальна. Въ своей рѣчи передъ открытіемъ засѣданій король указалъ на задачу штатовъ—представить ему жалобы и желанія отдѣльныхъ сословій, и вотъ въ томъ, что изложили три государственныхъ чина, нашлось мѣсто только для страшнаго антагонизма, существовавшаго въ междусословныхъ отношеніяхъ французской націи; лишь одно третье сословіе, имѣвшее противъ себя два высшихъ, въ своихъ желаніяхъ обнаружило больше политическаго смысла. Духовенство отказывалось что бы то ни было платить государству, требовало обнародованія тридентскихъ постановленій при соблюденіи, однако, и галликанскихъ вольностей, но третье сословіе высказалось противъ этого и даже рѣшительно заявило, что французская корона независима отъ какой бы то ни было власти на землѣ и что никто не можетъ освободить подданныхъ отъ присяги, данной королю, и такимъ образомъ протестовало противъ ученія о подчиненіи государства церкви. Оно требовало, далѣе, чтобы впредь монастырскія имущества не увеличивались, чтобы духовные, владѣющіе недвижимой собственностью въ городахъ, платили городскіе налоги, чтобы іезуиты подчинялись однимъ и тѣмъ же государственнымъ постановленіямъ, какъ и другіе ордена. Еще сильнѣе былъ разладъ между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ. Дворъ былъ солидаренъ съ аристократіей, а третье сословіе подвергалось униженіямъ: въ то время, какъ члены высшихъ сословій сидѣли въ присутствіи короля съ покрытыми головами, третье сословіе представлялось ему, стоя на колѣнахъ и безъ шляпъ; когда же одинъ депутатъ послѣд-

няго сравнилъ короля съ отцомъ семейства, у котораго три сына: духовенство, дворянство и tiers état, дворяне протестовали противъ такого оскорбленія, заявивъ, что они не желаютъ быть братьями сыновей сапожниковъ и шорниковъ и что между ними и третьимъ сословіемъ такая же разница, какая существуетъ между господами и лакеями. Одинъ депутатъ третьяго сословія подвергся однажды палочнымъ ударамъ, нанесеннымъ ему дворяниномъ, и не могъ добиться суда. Такимъ отношеніямъ соотвѣтствовали и требованія дворянъ. Они желали, чтобы третье сословіе было лишено права занимать извѣстныя должности, чтобы жены горожанъ не смѣли одѣваться, какъ дворянскія дамы, чтобы ходить на охоту могли только одни благородные и т. д. Третье сословіе съ своей стороны жаловалось на обиды, чинимыя ему дворянствомъ, на то, что послѣднее грабитъ государство, что своими вымогательствами благородные довели страну до полнаго разоренія, что народу придется, какъ скотинѣ, питаться травой, и это заявленіе вызвало въ собраніи цѣлую бурю. Въ cahier de doléances третьяго сословія мы находимъ, далѣе, цѣлую программу реформъ и, между прочимъ, просьбу объ отмѣнѣ феодальныхъ привилегій сеньеровъ и о томъ, что послѣдніе обязаны были освободить своихъ крѣпостныхъ за извѣстный выкупъ. Замѣчательна была также рѣчь парижскаго купеческаго старшины Роберта Мирона, бывшаго предсѣдателемъ третьяго сословія: въ ней онъ изобразилъ бѣдственное положеніе народа и просилъ короля спасти этотъ „бѣдный народъ, у котораго остаются только кости да кожа“, а для этого королю нужно только употребить свою власть, нуженъ лишь „un coup de majesté“. Тѣмъ не менѣе третье сословіе присоединялось къ двумъ высшимъ въ желаніи, чтобы генеральные штаты созывались, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ десять лѣтъ. Но штаты болѣе не созывались вплоть до 1789 г., а послѣ собранія нотаблей 1617 и 1626 г. Франція совершенно была лишена какого бы то ни было народнаго представительства, хотя на значеніе такового и заявилъ притязаніе парижскій парламентъ съ другими высшими государственными учрежденіями, какъ мы это видимъ въ эпоху фронды и какъ это повторилось потомъ въ XVIII в.

Въ числѣ депутатовъ отъ духовенства на генеральныхъ штатахъ 1614—15 гг. былъ епископъ люсонскій (Luçon) Ришелье (род. 1585), который вскорѣ вступилъ въ королевскій совѣтъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, совершенно овладѣвъ безхарактернымъ королемъ, сталъ во главѣ управленія Франціей, занимая это мѣсто въ санѣ кардинала въ теченіе девятнадцати лѣтъ (1624—1642). Время, когда Ришелье управлялъ государствомъ, и было эпохой окончательнаго утвержденія абсолютной монархіи во Франціи на мѣстѣ той традиціонной мо-

нархіи (monarchie traditionnelle), которая основывалась на своего рода обычномъ государственномъ правѣ и въ которой королевская власть если не ограничивалась, то все-таки умѣрялась генеральными штатами и парламентомъ, провинціальными, муниципальными, сословными и корпоративными привилегіями, а также извѣстными преданіями и обычаями. Королевская власть уже раньше развивалась въ направленіи полнаго абсолютизма, и Ришелье своею дѣятельностью завершилъ этотъ процессъ. Человѣкъ властный по самой своей природѣ, онъ *по воззрѣніямъ своимъ былъ прежде всего государственникъ, смотрѣвшій на все исключительно съ государственной точки зрѣнія, стремившійся подчинить все государственному началу.* Въ области фактическихъ отношеній онъ шелъ по стопамъ тѣхъ французскихъ королей, которые во имя государственной идеи нарушали права церкви, сословій, провинцій, городовъ, корпорацій, частныхъ лицъ, шелъ тою же дорогою, по которой въ новое время въ другихъ государствахъ шли итальянскіе князья, Карлъ V и Филиппъ II, австрійскіе Габсбурги, Максимиліанъ Баварскій, графъ Страффордъ. Въ области теоріи Ришелье принадлежалъ *къ направленію, заимствовавшему у античнаго міра идею всемогущаго государства съ полнымъ отрицаніемъ какихъ бы то ни было индивидуальныхъ правъ* и выставившему такихъ государственниковъ, какими въ XVI в. былъ Макіавелли, а въ серединѣ XVII столѣтія англійскій философъ Гоббзъ. Отъ испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ, отъ Максимиліана Баварскаго, также „подтягивавшаго“ свое княжество, Ришелье отличался тѣмъ, что *его абсолютизмъ не имѣлъ вѣроисповѣднаго характера, что его концепція государства была свѣтская*, и, быть можетъ, въ этомъ отношеніи съ Ришелье изъ его современниковъ можно было бы сравнить Валленштейна, такую же притомъ властную натуру, такой же организаторскій талантъ. Отъ Генриха IV Ришелье также весьма сильно отличался: этотъ король былъ въ родѣ идеальнаго монарха Бодена, сдерживающаго себя божескимъ и естественнымъ закономъ, ибо онъ самъ находилъ, что онъ не долженъ былъ дѣлать всего, что̀ только могъ, а своей власти хотѣлъ придать характеръ отеческаго управленія, заботливаго по отношенію къ народу, примирительнаго по отношенію къ дворянству, во всякомъ случаѣ милостиваго, чѣмъ его поведеніе не совсѣмъ соотвѣтствовало боденовой строгости. Другое дѣло—первый министръ Людовика XIII: это былъ дѣятель во вкусѣ Макіавелли, знавшій только государственную необходимость (raison d'état), вмѣсто всякихъ божескихъ и естественныхъ законовъ, оберегающихъ личность; онъ считалъ себя въ правѣ дѣлать все, что̀ фактически было въ его власти, когда этого требовала „государственная польза“, истолкователемъ которой онъ признавалъ только себя, какъ лицо, облеченное

властью; его правленіе далеко было отъ отеческой строгости, рекомендовавшейся Боденомъ, ибо это было правленіе, которое и по опредѣленію этого писателя подошло бы подъ категорію тиранническаго. Деспотизмъ Ришелье, несомнѣнно, былъ гораздо суровѣе того, который отличаетъ и Людовика XIV, но между Ришелье и Людовикомъ XIV была та разница, что у великаго министра на первомъ планѣ стояла идея государства, какимъ бы одностороннимъ характеромъ она ни отличалась, тогда какъ у короля, котораго тоже называли великимъ (Louis le Grand), эта идея замѣнялась представленіемъ о королевскомъ *я* (l'état, c'est moi), не говоря уже о томъ, что кардиналъ былъ вѣротерпимъ, а Людовикъ XVI гналъ гугенотовъ и отмѣнилъ нантскій эдиктъ. *Политическая идея французскихъ правителей постепенно суживалась:* Генрихъ IV былъ представителемъ идеи народнаго блага, которому должно служить государство; Ришелье отдѣлилъ принципъ государственной пользы отъ идеи общественнаго благосостоянія; Людовикъ XIV и интересы государства, какъ ихъ понималъ Ришелье, приносилъ въ жертву личнымъ и династическимъ выгодамъ. Вотъ почему вполнѣ можно согласиться съ тѣми историками, которые утверждаютъ, что лучшимъ временемъ въ исторіи старой Франціи было короткое царствованіе Генриха IV.

Ришелье былъ не только практическимъ государственникомъ, но и теоретикомъ государственнаго начала и королевскаго абсолютизма. Въ качествѣ министра онъ поощрялъ развитіе публицистики въ этомъ направленіи: въ ней уже звучитъ нота того обожествленія королевской власти, которое потомъ вполнѣ проявилось въ политическихъ воззрѣніяхъ Людовика XIV. Самъ Ришелье утверждалъ, что короли суть живыя изображенія Божества, а по поводу предсмертнаго причащенія Людовика XIII было сказано, что въ этомъ моментѣ произошла встрѣча ихъ величествъ — небеснаго и земного! Одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ при Ришелье Лебре (Lebret) написалъ книгу „Traité de la souverainité du roy“ (1632), заключавшую въ себѣ теорію, которая сдѣлалась впослѣдствіи теоріей Людовика XIV. Самъ Ришелье высказалъ свои воззрѣнія на государственную дѣятельность въ своихъ „Мемуарахъ“, въ своихъ „Maximes d'état“, въ своемъ знаменитомъ „Политическомъ завѣщаніи“ (Testament politique). Нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненій могутъ быть прямо лучшей характеристикой его системы [1]). „Для правительства, писалъ, напримѣръ, Ришелье, прежде всего необходимо безусловное повиновеніе всѣхъ. Для этого правительство само должно имѣть

---

[1]) Подлинность этого завѣщанія была заподозрѣна, но въ ея пользу авторитетно высказался *Hanotaux* въ „Journal des savants“ за 1879.

твердую волю въ исполненіи того, что оно считаетъ справедливымъ, никогда не должно колебаться при исполненіи своихъ намѣреній и строго наказывать тѣхъ, которые являются ослушниками. Правленіе государствомъ требуетъ мужской силы и непоколебимой твердости. Необходимо, чтобы государственная цѣль всегда, во всякомъ случаѣ, стояла впереди всѣхъ другихъ соображеній. Относительно государственныхъ преступленій надобно отложить всякое состраданіе, пренебречь жалобами участниковъ и ропотомъ невѣжественной толпы, которая не знаетъ, что̀ ей полезно и необходимо. Обязанность христіанина забывать личныя оскорбленія, обязанность правительства никогда не забывать оскорбленій, наносимыхъ государству. Государи обязаны въ духовныхъ дѣлахъ подчиняться папамъ, но не должны позволять имъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла". Эти взгляды Ришелье на верховенство, всемогущество и непогрѣшимость государства дополняются его взглядомъ на значеніе отдѣльныхъ сословій: „Дворянство нужно защищать отъ чиновниковъ, которые поднялись въ ущербъ ему; но должно положить предѣлъ насиліямъ дворянства относительно простого народа. Надобно охранять имѣнія дворянства и облегчить пріобрѣтеніе новыхъ, чтобы оно могло служить государству на войнѣ: это его главная обязанность, ибо дворянство, которое не готово итти на войну по первому призыву государства, есть роскошь и бремя для государства и не заслуживаетъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя отличаютъ его отъ горожанъ. Судьи должны судить, и только: нельзя позволять имъ вмѣшиваться въ законодательство государственное. Народъ долженъ быть содержимъ въ покорности; подати служатъ къ тому, чтобы ему не было слишкомъ хорошо, дабы онъ не перешелъ границы своихъ обязанностей. Но подати не должны быть слишкомъ тяжелы; государи обязаны не брать у своихъ подданныхъ болѣе нужнаго, а въ случаѣ нужды прежде обращаться къ излишку богатыхъ". Не менѣе интересенъ и взглядъ на науку, на которую Ришелье смотритъ съ исключительно государственной точки зрѣнія. „Науки служатъ однимъ изъ величайшихъ украшеній государства и обойтись безъ нихъ нельзя; но понятно, что ихъ не должно и преподавать всѣмъ безъ различія, иначе государство будетъ похоже на безобразное тѣло, которое во всѣхъ частяхъ своихъ будетъ имѣть глаза. Усиленное занятіе науками повредитъ торговлѣ, обогащающей государства, и земледѣлію, питающему народы, произведетъ опустошеніе въ рядахъ солдатъ, которымъ приличнѣе грубое невѣжество, чѣмъ тонкость знанія".

Ко всему сказанному позволимъ себѣ прибавить нѣсколько соображеній, высказанныхъ о Ришелье лучшимъ историкомъ его системы, Авенелемъ. Этотъ историкъ держится вообще того мнѣнія,

что французская конституція, созданная временемъ, съ теченіемъ времени могла бы и улучшаться, какъ это было въ Англіи. То, что въ этой конституціи Ришелье считалъ безпорядкомъ, въ сущности, было нормальнымъ явленіемъ, такъ какъ въ столкновеніи противоположныхъ элементовъ и заключается жизнь свободнаго народа. Между тѣмъ, говоритъ Авенель, во имя общей безопасности стали подкапываться подъ самыя основы государства, и это дѣло было тѣмъ болѣе несправедливо, что нація вовсе не обнаруживала склонности къ бунту (n'était nullement factieuse). Съ Ришелье совершенно измѣняется взглядъ на королевскую власть: мы, замѣчаетъ Авенель, лучше не могли бы резюмировать этотъ взглядъ, какъ заимствовавъ изъ катехизиса опредѣленіе могущества Божія. Ришелье просто-на-просто хотѣлъ королевскаго абсолютизма: дворянство само упало, и изъ мятежнаго духа нѣсколькихъ лицъ нельзя было дѣлать вывода о всемъ сословіи. Если Ришелье былъ врагомъ дворянства, то въ такой же степени онъ былъ врагомъ третьяго сословія, врагомъ народа. Онъ ничего ни для кого не сдѣлалъ, но онъ все дѣлалъ для короля. Этотъ разрушитель былъ человѣкомъ короля, а не человѣкомъ Франціи (во внутреннихъ дѣлахъ, конечно)". — „Революціонеръ по своей цѣли, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, Ришелье необходимо былъ революціонеромъ и въ своихъ средствахъ", такъ какъ онъ возвелъ l'illégalité en légalité. Что касается до націи, то она была такъ мирно настроена, что никто не помышлялъ о сверженіи ига: все почти безропотно покорилось. „За исключеніемъ народа, который бунтовалъ отъ голода, и нѣсколькихъ интригановъ, составлявшихъ заговоры по властолюбію, вся масса дворянства и горожанъ оставалась равнодушной. Держась въ сторонѣ отъ бунтовъ и заговоровъ, она даже не пробовала издать крикъ свободы; она жаловалась, она стонала въ молчаніи, она не осмѣлилась бы подняться противъ министра: до такой степени королевская власть уважалась даже въ своихъ злоупотребленіяхъ". Единство Франціи было создано раньше Ришелье: онъ хотѣлъ навязать ей однообразіе, но не ради того, чтобы подданные по возможности одинаково благоденствовали, а чтобы всѣ одинаково были подчинены королю. Уравнивая состоянія, онъ думалъ не о томъ, чтобы поднять обдѣленныхъ свободой на высоту тѣхъ, которые ею пользовались, а о томъ, чтобы всѣхъ смѣшать въ общемъ рабствѣ передъ королевскою властью. Наконецъ, разрушая старыя учрежденія, Ришелье не создавалъ на ихъ мѣстѣ новыхъ, такъ что отсутствіе политическихъ учрежденій сдѣлалось отличительной чертой новой системы, если не считать двора, получившаго въ эту эпоху преобладаніе.

Ришелье умеръ въ 1642 г., и скоро за нимъ послѣдовалъ въ

могилу и Людовикъ XIII (1643), оставивъ малолѣтняго сына Людовика XIV и вдову Анну Австрійскую, которая, сдѣлавшись регентшей, приблизила къ себѣ, какъ довѣренное лицо и перваго министра, итальянца кардинала Мазарини. До самой своей смерти (въ 1661 г.) ловкій и хитрый министръ держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, хотя ему и приходилось даже удаляться въ изгнаніе. Мазарини продолжалъ войну, начатую его предшественникомъ въ Германіи, и при немъ былъ заключенъ выгодный для Франціи вестфальскій миръ, а пиренейскимъ миромъ 1659 г. была окончена война съ Испаніей, происходившая во время смутъ фронды (послѣдній миръ былъ скрѣпленъ бракомъ Людовика XIV, достигшаго тогда двадцати-одного-лѣтняго возраста, съ испанской инфантой Маріей-Терезіей). Мазарини вышелъ съ успѣхомъ и изъ тѣхъ затрудненій, какія создала ему фронда, но тутъ ему, кромѣ его изворотливости, большую помощь оказала слабость, разрозненность и, можно даже сказать, полная безтолковость оппозиціоннаго движенія, снова происшедшаго во Франціи при малолѣтнемъ королѣ и женщинѣ во главѣ правленія. Началась старая исторія, осложнившаяся только новыми явленіями. Знать съ принцами крови во главѣ, importans, какъ ихъ называли за ихъ заносчивость (Конде, Конти, Бофоръ, герцогъ Бульонскій), требовала, чтобы имъ передали управленіе государствомъ, стремились къ полученію губернаторствъ, вымогали у правительства деньги въ видѣ пенсій, ссорились между собою, то переходили на сторону двора, то опять противъ него возставали, интриговали при дворѣ съ помощью дамъ, соединялись и разъединялись съ другими силами, участвовавшими въ движеніи, вступали въ договоры съ Испаніей и переходили къ ней на службу, такъ что путаница была страшная, но толку никакого въ ней не было. Но кромѣ дворянства, въ эти годы противъ правительства возставали и демократическіе элементы, населеніе Парижа и другихъ городовъ: самъ дворъ долженъ былъ обращаться въ бѣгство, переселяться въ Сенъ-Жерменъ, такъ что раннія впечатлѣнія, полученныя Людовикомъ XIV, должны были сдѣлать его крайнимъ врагомъ общественныхъ движеній. Парижской милиціи пришлось даже вести формальную войну съ королевскими войсками, во главѣ которыхъ стоялъ принцъ Конде, впрочемъ, союзникъ ненадежный, такъ какъ впослѣдствіи онъ самъ сражался противъ королевскихъ войскъ, имѣя противъ себя Тюренна, бывшаго сначала на противной же сторонѣ, и даже становился во главѣ испанскихъ отрядовъ. Но и буржуазія могла бояться движенія среди низшихъ классовъ общества; все тотъ же Конде однажды возбудилъ въ Парижѣ простонародное движеніе, результатомъ котораго была рѣзня въ ратушѣ (Hôtel de ville) представителей городского самоуправленія

и именитыхъ гражданъ. Сельское населеніе, въ которомъ раньше происходили бунты, въ фрондѣ участія не принимало, но оно страшно страдало отъ междоусобія и отъ анархіи, отъ произвола сеньеровъ, отъ грабительства наемныхъ солдатъ самыхъ разнообразныхъ національностей, переносившихъ во Францію такіе же способы веденія войны, какіе практиковались въ Германіи въ оканчивавшейся тогда тридцатилѣтней войнѣ. Вмѣстѣ съ знатью и съ нѣкоторыми городами, особенно съ Бордо, одно время сдѣлавшимся какъ бы столицею фронды, въ этомъ движеніи приняла участіе и высшая магистратура. Парижскій парламентъ, за которымъ Ришелье не признавалъ никакихъ политическихъ правъ, выступаетъ въ эти годы въ роли защитника народныхъ интересовъ, то становясь на сторону знати, то ссорясь съ нею, то поддерживаемый демократическимъ движеніемъ, то отставая отъ него. Королева-испанка, первый министръ-итальянецъ, итальянецъ же и министръ финансовъ (Particelli d'Emeri, surintendant des finances) сорили деньгами, между прочимъ раздавая большія суммы знати, чтобы та смирно сидѣла, установляли новые налоги, не выплачивали долговъ кредиторамъ и задѣвали интересы самой магистратуры слѣдующимъ образомъ. По старому закону о продажности должностей, членъ парламента могъ перепродать свою должность другому лицу, уплативъ королю треть цѣны, но продажа считалась дѣйствительной лишь тогда, когда совершалась болѣе чѣмъ за сорокъ дней до смерти продавца, въ противномъ же случаѣ должность возвращалась королю. Генрихомъ IV это ограниченіе было въ 1604 г. уничтожено по совѣту финансиста Поле (Paulet) подъ условіемъ уплаты ежегодной пошлины, получившей названіе полетты (la paulette) и равнявшейся одной шестидесятой дохода съ должности. Правительство теперь нарушало эту привилегію, требуя отъ членовъ парламента за ея подтвержденіе ихъ жалованья за цѣлые четыре года. По такъ называемому arrêt d'union (13 мая 1648) четыре „верховныя куріи" (cours souveraines), пользовавшіяся тѣмъ же положеніемъ, какое имѣлъ парламентъ, т.-е. самъ парламентъ, счетная палата (cour des comptes), финансовая палата (cour des aides) и большой совѣтъ вздумали замѣнить собою генеральные штаты, т.-е., другими словами, наслѣдственное чиновничество (noblesse de robe), королевскіе слуги (gens du roi) хотѣли играть роль сословнаго представительства. Какъ бы тамъ ни было, только въ этомъ предпріятіи и была еще политическая идея, такъ какъ собраніе членовъ верховныхъ курій, къ которымъ примкнула такая же noblesse de robe въ провинціяхъ, составило цѣлый конституціонный проектъ. Такъ какъ правительство прибѣгло къ насильственнымъ мѣрамъ противъ магистратуры, то среди парижскаго населенія и вспыхнуло возстаніе (день

баррикадъ, 26 авг. 1648 г.) въ защиту парламента, нашедшаго поддержку и въ аристократіи. Но парламентъ скоро отсталъ отъ фронды: хотя онъ сначала и ссылался на происходившую тогда въ Англіи революцію, но казнь Карла I (30 января 1649), союзъ съ Испаніей, заключенный мятежными принцами, и бурный характеръ городского движенія заставили членовъ парламента сблизиться съ дворомъ (весна 1649), удовольствоваться нѣсколькими уступками и не настаивать болѣе на своемъ проектѣ, который въ концѣ 1648 г. (24 окт.) былъ принятъ королевой, какъ законъ государства. Послѣ этого фронда лишилась какой бы то ни было руководящей идеи и превратилась въ аристократическую усобицу и простой народный бунтъ, продолжавшіеся еще нѣсколько лѣтъ. Конституція, придуманная верховными куріями, заключала въ себѣ такія двѣ статьи (всѣхъ было 27): налоги и пошлины должны установляться только съ согласія верховныхъ курій (3); никто не можетъ быть арестованъ безъ того, чтобы въ теченіе сутокъ не быть допрошеннымъ и переданнымъ его естественному судьѣ (6). Другими словами, парламентъ стремился ограничить королевскую власть и уничтожить произволъ администраціи, оградивъ отъ него личную свободу, но вмѣсто того, чтобы сдѣлать первое въ пользу представителей народа, онъ задумалъ создать во Франціи чиновничью олигархію. А это была единственная еще серьезная мысль во всемъ движеніи, хотя въ рѣчахъ и политическихъ памфлетахъ этой эпохи было много громкихъ фразъ о свободѣ, о республикѣ, о правахъ народа, много ссылокъ на древнихъ римлянъ и англичанъ, которые тогда тоже вели борьбу съ своимъ королемъ. Послѣднія ссылки менѣе всего подходили къ обстоятельствамъ, ибо *въ Англіи борьба велась народнымъ представительствомъ при извѣстной солидарности представленныхъ классовъ, во имя опредѣленныхъ идеаловъ, въ защиту утвердившихся въ общественномъ сознаніи принциповъ*, во французскомъ же движеніи конца сороковыхъ годовъ ничего этого не было. Когда верховныя куріи устранились изъ борьбы, въ ней участвовали только придворныя дамы, вѣтреные кавалеры, мятежные принцы, хитрые интриганы (въ родѣ коадъютора архіепископа парижскаго, Гонди, впослѣдствіи кардинала Реца), что̀ и доставило торжество Мазарини (1652). Въ политической литературѣ отъ этой смутной эпохи остались только тысячи „мазаринадъ", летучихъ листковъ со стихами и прозой противъ Мазарини, который дурно говорилъ по-французски, произносилъ „union" (въ arrêt d'union) почти какъ oignon и т. п. [1]). Это какъ бы доказывало и *отсутствіе серьезной политической идеи въ движеніи фронды*, — идеи, которая могла бы соединить разрозненные соціаль-

[1]) *Moreau*. Bibliographie des mazarinades.

ные элементы въ одномъ общемъ дѣлѣ. Каждый изъ участниковъ фронды потерпѣлъ пораженіе, и возстановленный Мазарини абсолютизмъ уже не встрѣчалъ сопротивленія. Анархія, какъ это часто бываетъ въ исторіи, только подготовляла усиленіе деспотизма, и нація, уставшая отъ смутъ, готова была жертвовать свободой внутреннему спокойствію и порядку. Но абсолютизмъ приносилъ Франціи не одно внутреннее спокойствіе: *французская монархія приняла на себя реформаторскую дѣятельность, къ сожалѣнію, скоро оставленную или исказившуюся вслѣдствіе односторонняго своего направленія.*

XXXI. Организаціонная работа французской монархіи.

Внутреннія преобразованія и органическая работа государства въ XVI и XVII вв.— Генрихъ IV и Сюлли. — Заботы о сельскомъ хозяйствѣ и крестьянскомъ благосостояніи. — Заботы о промышленности и торговлѣ. — Улучшеніе финансовъ. — Ришелье и гугеноты.—Установленіе внутренняго порядка.—Бюрократизмъ новаго государства.—Учрежденія Ришелье.—Государство новаго времени. — Умственная жизнь.—Происхожденіе меркантилизма.

Въ XVI в. на первомъ планѣ стояла церковная реформа, которой съ конца XVI в. требовало просвѣщенное общественное мнѣніе и въ которой, кромѣ самой церкви, нуждались и государство, и общество. Но послѣднія и сами по себѣ нуждались во внутреннихъ преобразованіяхъ; въ нѣкоторыхъ странахъ потребность въ политической и соціальной реформѣ чувствовалась даже съ особою силою, особенно ясно сознавалась. Такою страною была въ XVI в., главнымъ образомъ, Германія, гдѣ со второй половины предыдущаго столѣтія создавались многочисленные планы „Реформаціи“ въ тогдашнемъ значеніи слова, гдѣ дѣлались попытки преобразованій на сеймахъ, гдѣ подъ знаменемъ религіознаго движенія совершилось и движеніе общественное съ болѣе или менѣе широкими программами внутреннихъ преобразованій. Мы видѣли, что политическая и соціальная реформа потерпѣла въ Германіи крушеніе: ей не удалось расположить императора въ свою пользу, а князья были противъ нея, такъ что общее положеніе дѣлъ, какимъ оно было при началѣ религіозной реформаціи, не только не улучшилось, но даже ухудшилось, благодаря ходу послѣдующихъ событій, въ особенности вслѣдствіе тридцатилѣтней войны. Весь вопросъ въ Германіи заключался въ томъ, чтобы осуществить преобразованіе, опираясь на крѣпкую государственную власть. Такая власть существовала въ другихъ государствахъ, но она увлекалась широкими планами внѣшней политики, вѣроисповѣдною борьбой, расширеніемъ своихъ правъ и добываніемъ денегъ всякими

правдами и неправдами, мало заботясь объ экономическомъ развитіи и еще менѣе объ умственной культурѣ. Типическою страною, гдѣ государство безпечно относилось и къ матеріальному благосостоянію, и къ духовному просвѣщенію подданныхъ, была въ XVII вѣкѣ Испанія, зато и падавшая все ниже и ниже. Да и другія страны были не лучше, напримѣръ, Австрія, или лишь позднѣе являлись въ нихъ государственные люди съ болѣе широкими планами внутренняго переустройства (великій курфюрстъ въ Пруссіи во второй половинѣ XVII в.). Франція въ XVIII в., когда въ другихъ государствахъ дѣйствовала политика „просвѣщеннаго деспотизма“, была тоже примѣромъ подобнаго законодательнаго застоя, но зато *въ первой половинѣ XVII вѣка, при Генрихѣ IV и Ришелье, и позднѣе, при Людовикѣ XIV, когда дѣйствовалъ еще Кольберъ, она, наоборотъ, была страною, въ которой шла дѣятельная органическая работа государства.* Имена Генриха IV и его не только перваго, но и всеобщаго министра Сюлли тѣсно связаны съ начальнымъ періодомъ этой органической работы, оканчивающимся въ 1610 г.

Послѣ религіозныхъ войнъ, продолжавшихся съ перерывами болѣе тридцати лѣтъ, Франція находилась въ весьма печальномъ состояніи. Генрихъ IV серьезно занялся уврачеваніемъ ранъ, нанесенныхъ Франціи этой анархіей, и съ особенною заботою отнесся онъ къ положенію народной массы. Знаменитая курица въ горшкѣ крестьянина по воскреснымъ днямъ, о которой говорилъ король, была чѣмъ-то новымъ и чѣмъ-то скоро послѣ Генриха IV позабытымъ, когда Ришелье проповѣдовалъ, что народъ не нужно содержать слишкомъ хорошо. Пусть у Генриха IV было и то соображеніе, что „если разорятъ народъ, то кто же станетъ содержать короля и нести на себѣ бремя государственныхъ расходовъ“, но и это соображеніе приходило тогда далеко не всѣмъ въ голову. Поднять экономическое благосостояніе народной массы — такова была одна изъ задачъ, поставленныхъ Генрихомъ IV для своей дѣятельности, какъ правителя, и онъ нашелъ хорошаго исполнителя своихъ мыслей на этотъ счетъ въ маркизѣ де-Рони (Rosny), позднѣе носившемъ титулъ и имя герцога Сюлли. Генрихъ IV и Сюлли были друзья съ молодыхъ лѣтъ, вмѣстѣ дѣлили труды, опасности и невзгоды военнаго времени, а совѣтамъ своего друга король былъ даже очень многимъ обязанъ, хотя подчасъ Сюлли читалъ не особенно пріятныя нотаціи слишкомъ подвижному и зарывавшемуся королю. Суровый гугенотъ, хотя и не безупречный, какъ человѣкъ, бережливый хозяинъ, вѣрный слуга короля, онъ былъ во внутреннемъ управленіи всѣмъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ разныя вѣдомства, но главнымъ образомъ его спеціальностью было народное и государственное хозяйство. Относи-

тельно перваго онъ держался той идеи, что двумя сосцами, питающими государство, являются земледѣліе и скотоводство: такимъ образомъ онъ былъ предшественникомъ физіократовъ, державшихся той же мысли. Генрихъ IV съ нимъ расходился въ этомъ отношеніи, придавая значеніе обрабатывающей промышленности и торговлѣ и оказывая имъ покровительство. Въ государственномъ хозяйствѣ Франціи Сюлли принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ въ сравнительно короткое время исправилъ финансовое положеніе Франціи, расплатившись со многими долгами, возвысивъ доходы государства, собравъ большой запасный капиталъ, который послѣ него, однако, сталъ расхищаться, такъ что безъ Сюлли Генриху IV было бы трудно выкупить Францію у подѣлившихъ между собою ея провинціи вельможъ.

Участливое отношеніе Генриха IV къ народной массѣ выразилось между прочимъ въ томъ, что когда дворянскія насилія въ 1594 г. вызвали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянскій бунтъ „крокановъ“ (croquants), въ которомъ приняло участіе до 50 т. человѣкъ, онъ старался успокоить волненіе мягкими мѣрами и обѣщаніями улучшить судьбу сельскаго населенія, замѣтивъ, что, пожалуй, и самъ онъ сдѣлался бы крокономъ. Въ его время (1600 г.) одинъ протестантскій дворянинъ Оливье де Серръ написалъ книгу, выдержавшую въ короткое время нѣсколько изданій и обратившую на себя большое вниманіе короля: это былъ „Театръ земледѣлія (Théatre d'agriculture), гдѣ дѣлается одна изъ первыхъ попытокъ поставить сельское хозяйство на научную почву. Книга такъ заинтересовала Генриха IV, что онъ прочиталъ ее цѣликомъ, несмотря на крайне спеціальные предметы, о которыхъ въ ней трактовалось: король ежедневно отводилъ полчаса времени на чтеніе „Театра земледѣлія“. Вотъ главныя мѣры, которыми Генрихъ IV думалъ облегчить положеніе крестьянъ: уменьшеніе налоговъ, запрещеніе продавать скотъ, домашнюю утварь и земледѣльческія орудія за казенныя недоимки и частные долги, разрѣшеніе приходамъ выкупать отчужденныя общинныя земли (les communaux) и т. д. Идеаломъ Генриха IV, Сюлли и Оливье де Серра былъ добрый помѣщикъ, живущій въ своемъ замкѣ и вслѣдствіе разумнаго расчета благодѣтельствующій своимъ крестьянамъ. Это было, конечно, довольно наивно, и ихъ, какъ выражается Мишле, „романъ не осуществился“, ибо „они полагали, что волкъ сдѣлается пастухомъ, а вышло наоборотъ“. Въ хозяйственной жизни страны это была эпоха, когда зарождалось во Франціи фермерство, заставлявшее землевладѣльцевъ уничтожать наслѣдственныя цензивы крестьянъ для отдачи ихъ въ краткосрочную аренду съ повышеніемъ платы при каждомъ возобновленіи контракта.

Промышленность и торговля, равно какъ и буржуазія, ими занимавшаяся, нашли въ Генрихѣ IV покровителя, рѣшительно предпочитавшаго промышленный типъ общества военному. Онъ лично принималъ большое участіе въ томъ, чтобы во Франціи развить шелковое, ковровое, стеклянное, стальное и др. производства. Государство занялось дѣятельною постройкою дорогъ, мостовъ, каналовъ, заводило почтовыя сообщенія, осушало болота, заключало торговые трактаты съ иностранными державами, учреждало компаніи для заморской торговли, заводило колоніи. Въ короткое время сталъ обнаруживаться подъемъ благосостоянія, отразившійся и на финансахъ, въ которые Сюлли внесъ порядокъ и бережливость, позволивши ему сдѣлать одно изъ значительныхъ облегченій для народа—произвести пониженіе главнаго налога (таліи) съ двадцати милліоновъ ливровъ на четырнадцать.

Эта плодотворная работа, въ которой съ современныхъ точекъ зрѣнія, конечно, можно найти не мало промаховъ и даже вредныхъ сторонъ, но которую нужно оцѣнивать, принимая въ расчетъ то, куда были направлены интересы другихъ современныхъ правительствъ, была прервана по смерти Генриха IV и устраненіи Сюлли отъ дѣлъ расточительностью регентства и новой смутой. Къ хозяйственному направленію внутренней политики Франція вернулась только черезъ полстолѣтіе, въ началѣ царствованія Людовика XIV благодаря Кольберу, которому, однако, мѣшала крайняя расточительность этого короля. Но кромѣ экономической задачи, у французскаго правительства была другая—создать новую систему внутренняго управленія, и эта-то работа была совершена Ришелье.

Ришелье вступилъ въ отправленіе должности перваго министра въ 1624 году, въ то время, когда въ Германіи уже происходила тридцатилѣтняя война и католическая реакція уже свирѣпствовала въ Чехіи и Пфальцѣ. Въ началѣ своего правленія онъ ведетъ двѣ войны съ гугенотами, побѣждаетъ ихъ, отнимаетъ у нихъ политическія права, которыя дѣлали изъ нихъ государство въ государствѣ, но, какъ было уже сказано, оставляетъ за ними права религіозныя. Войну съ гугенотами Ришелье наслѣдовалъ отъ предыдущаго періода, такъ какъ еще въ 1620 г. у Людовика XIII произошло столкновеніе съ протестантами. Дѣло въ томъ, что Генрихъ IV обѣщалъ папѣ возстановить свободу католическаго богослуженія въ протестантскомъ Беарнѣ, но противъ этого были мѣстные штаты и мѣстный парламентъ, равно какъ и все населеніе. Людовикъ XIII задумалъ силою заставить беарнцевъ допустить у себя религіозную свободу, но протестанты всполошились и даже провозгласили особый законъ „республики реформированныхъ церквей Франціи и Беарна“, обратившись

за помощью къ иностраннымъ протестантамъ. Людовикъ XIII торжественно подтвердилъ эдиктъ, но это не остановило возстанія, которое было, однако, подавлено (1623 г.), послѣ чего у гугенотовъ оставлено было лишь двѣ крѣпости (Ларошель и Монтобанъ), но всѣ другія постановленія нантскаго эдикта были подтверждены. Двумя своими войнами противъ гугенотовъ (1625 и 1628—29 гг.) Ришелье сокрушилъ ихъ, какъ политическую силу, потому что это входило въ его политическій планъ не допускать никакого государства въ государствѣ, стояло въ связи со всею его борьбою противъ аристократіи (бывшею, какъ извѣстно, однимъ изъ любимыхъ предметовъ извѣстнаго рода историческихъ произведеній) и вообще относилось къ установленію того внутренняго порядка, ради котораго предприняты были и административныя реформы. Ришелье лично былъ вѣрующій и набожный католикъ; онъ занималъ, какъ кардиналъ, выдающееся положеніе въ римской церкви; но это не мѣшало его вѣротерпимости, ибо онъ находилъ, что религіозныя различія могутъ имѣть значеніе для судьбы человѣка въ будущей жизни и отнюдь не должны отражаться на немъ въ земныхъ дѣлахъ, что политическіе интересы не должны быть приносимы въ жертву интересамъ вѣроисповѣднымъ. Отсюда и его возвращеніе къ политической системѣ Генриха IV въ международныхъ отношеніяхъ, его участіе въ тридцатилѣтней войнѣ въ союзѣ съ протестантами, отсюда и то, что внутри Франціи онъ поручалъ протестантамъ важныя должности и поощрялъ предпріятія промышленной части гугенотскаго населенія. Онъ самъ заявилъ монтобанскому протестантскому духовенству, что король не дѣлаетъ никакого различія между ними и католическими подданными. Весьма естественно, что враги Ришелье, которыхъ у него было не мало, величали его папой гугенотовъ и патріархомъ атеистовъ.

Любопытно, что, будучи католикомъ и высокимъ сановникомъ римской церкви, Ришелье оберегалъ французское государство отъ вѣроисповѣдной политики и отъ вмѣшательства куріи въ свѣтскія дѣла, а будучи по происхожденію дворяниномъ и раздѣляя предразсудки своего сословія, даже стараясь поддержать его привилегіи и принижая передъ нимъ буржуазію, онъ главнымъ образомъ велъ борьбу противъ аристократіи. Дворянство въ свою очередь дѣлало нѣсколько попытокъ низвергнуть кардинала, не останавливаясь даже передъ мыслью замѣнить Людовика XIII его братомъ Гастономъ Орлеанскимъ: извѣстно нѣсколько заговоровъ дворянъ противъ Ришелье и даже два случая, когда вельможи (лангедокскій губернаторъ Монморанси и графъ Суассонъ въ 1641 г.) брались за оружіе, но Ришелье съ безпощадною суровостью каралъ своихъ враговъ, которыхъ считалъ и врагами государства (когда у Ришелье уже на смертномъ одрѣ духов-

никъ спросилъ, прощаетъ ли онъ врагамъ, онъ отвѣтилъ, что у него не было личныхъ враговъ и что его враги были враги государства). Поддерживая соціальныя привилегіи дворянства, какъ это и вообще дѣлала королевская политика въ эпоху абсолютизма, министръ Людовика XIII боролся съ этимъ сословіемъ, поскольку оно хотѣло играть политическую роль и поскольку оно вносило элементы безпорядка въ государственную жизнь. Отсюда его приказанія на счетъ уничтоженія феодальныхъ замковъ, за исключеніемъ пограничныхъ (1626 и 1629 гг.), на счетъ безпрерывныхъ дуэлей, на счетъ огражденія сельскихъ жителей отъ дворянскаго самоуправства, и смотря на дворянскія привилегіи съ той точки зрѣнія, что онѣ должны быть лишь вознагражденіемъ за службу государству, онъ хотѣлъ даже сдѣлать послѣднюю обязательной, основываясь на старинномъ правѣ королей требовать хотя и временной только военной службы у владѣльцевъ феодовъ. Эта попытка превратить дворянство въ служилое сословіе окончилась полною неудачей, такъ какъ встрѣтила отпоръ со стороны всего сословія. Впрочемъ, феодальная аристократія въ это время была въ упадкѣ. „Если, однако, говоритъ Авенель, дворянство пало, то не вслѣдствіе того или другого единичнаго событія, не вслѣдствіе дѣйствія того или другого человѣка, а потому, что оно сдѣлалось неспособнымъ управлять. Паденіе дворянства обусловили двѣ причины: перемѣна нравовъ и политика правительства, а изъ нихъ — болѣе важною причиною была первая, и ея одной было бы достаточно, чтобы сокрушить феодализмъ". Перемѣна нравовъ зависѣла отъ того, что ослабѣлъ военный духъ дворянства, развилась образованность и литература, явилась денежная аристократія. Съ другой стороны, правительство унижало это сословіе продажей дворянства и поддерживало противъ него такъ называемую „noblesse de robe", въ сущности, однако, не довѣряя и ей. Исторія царствованія Генриха IV и регентства Маріи Медичи показываетъ, что лично король былъ достаточно силенъ, чтобы всегда подавить мятежное дворянство, но что правительственныя учрежденія были, наоборотъ, для этого слишкомъ слабы: задачей Ришелье было поэтому усиленіе не личной власти короля, но административныхъ учрежденій страны. Всемогущій министръ, дѣйствительно, былъ бы въ состояніи превратить военное дворянство въ гражданское, сдержать мятежный духъ, развить общественное мнѣніе, „дисциплинировать, не разрушая, реформировать, не низвергая". Между тѣмъ происходило одно разрушеніе, такъ какъ Ришелье употребилъ вообще мало средствъ, направленныхъ противъ всей массы дворянства.

Ришелье смирялъ неповиновеніе государству самыми суровыми мѣрами, благодаря которымъ не было существенной разницы между

его внутренней политикой и деспотизмомъ испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ: выше былъ уже приведенъ взглядъ Ришелье на государственныя преступленія, подъ которыя подводилось очень многое, а въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло получало такой характеръ, нарушались самыя элементарныя требованія правильнаго суда, такъ какъ имѣлось въ виду только, чтобы другимъ неповадно было. Ришелье находилъ, что въ случаяхъ оскорбленія величества и бунта,— а подъ эти понятія подводились всякія безъ разбора проявленія политической оппозиціи, — должны наказываться самыя мысли или даже недонесеніе въ такой же мѣрѣ, какъ и преступленія, должны наказываться по мѣрѣ надобности безъ слѣдствія [1]): чрезвычайныя судебныя коммиссіи устраивались въ домѣ самого Ришелье, въ королевскомъ кабинетѣ и засѣдали въ присутствіи кардинала и даже подъ предсѣдательствомъ самого Людовика XIII. Въ этомъ не было ничего необыкновеннаго по тѣмъ временамъ,—хотя бы, напримѣръ, герцогъ Альба за полвѣка передъ Ришелье дѣйствовалъ въ Нидерландахъ такъ же, какъ и послѣдній,—но въ другихъ мѣстахъ подобный произволъ встрѣчалъ отпоръ, тогда какъ во Франціи масса населенія примирялась съ такимъ деспотизмомъ власти, потому что видѣла въ немъ средство избавленія отъ аристократической тиранніи. Подавляя безпорядки, Ришелье не дѣлалъ никакого различія между знатными и незнатными, и когда въ Нормандіи вспыхнуло при немъ крестьянское возстаніе босоножекъ (les nus-pieds), онъ поступилъ и съ ними по тому же самому принципу: „чтобы другимъ не было повадно“.

Обсуждая систему Ришелье, нужно принимать въ расчетъ состояніе общества, къ жизни котораго она могла привиться. Народная масса давно привыкла къ феодальной тиранніи, и замѣна одного произвола другимъ не могла произвести въ ней какого бы то ни было движенія; болѣе свободнымъ духомъ отличалась буржуазія, но во Франціи она въ громадномъ большинствѣ случаевъ становилась на сторону государства въ его борьбѣ съ аристократіей, послѣдняя же понимала свободу въ старомъ смыслѣ феодальнаго самоуправства, вслѣдствіе чего сельское населеніе тоже лишь съ сочувствіемъ могло относиться къ подавленію подобной свободы. Весьма естественно, что при такомъ состояніи общества *организаціонная работа французскаго правительства должна была получить характеръ развитія бюрократическаго управленія.* Во Франціи чиновничество стало играть роль еще въ очень отдаленное время, но оно само проникалось феодальными воззрѣніями, какъ это явствуетъ изъ исторіи парижскаго

---

[1]) Il y a des crimes où il faut punir et puis informer, — слова самого Ришелье.

парламента, а продажность должностей создавала неестественное положеніе чиновника, т.-е. агента власти, который являлся вмѣстѣ съ тѣмъ собственникомъ своей должности и потому былъ несмѣняемъ. Одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя слѣдствія: чиновничество являлось вездѣ, гдѣ падало старое феодальное или муниципальное самоуправленіе, но не вырабатывалось такого самоуправленія земскаго, какое мы наблюдаемъ въ Англіи; не одинъ Ришелье поэтому былъ организаторомъ бюрократическаго управленія, ибо оно вводилось и въ Испанской монархіи, особенно при Филиппѣ II, при которомъ значительно развилось даже бумажное судопроизводство, или въ нѣмецкихъ княжествахъ, гдѣ бюрократическій принципъ былъ проведенъ въ церковное управленіе (въ протестантскихъ земляхъ), а Максимиліанъ Баварскій еще раньше создавалъ въ своемъ герцогствѣ настоящее полицейское государство (Polizeistaat) позднѣйшаго времени, такъ что Ришелье дѣйствовалъ только въ направленіи, какое ранѣе его приняла уже внутренняя французская политика, и въ томъ же духѣ, въ какомъ дѣйствовали представители того же самаго принципа абсолютной монархіи въ другихъ странахъ до него, при немъ и послѣ него. Весьма естественно, что Ришелье вооружился противъ независимости органовъ власти, противъ самостоятельности исполнителей воли правительства, объявивъ парламентамъ, что у нихъ нѣтъ иной власти, кромѣ той, какая имъ дана королемъ, отнявъ у нихъ право сопротивляться королевскимъ ордонансамъ и дѣлать ремонстранціи (съ исключеніемъ для финансовыхъ дѣлъ), выкупивъ должности коннетабля Франціи и великаго адмирала и занявъ самъ ихъ мѣста, устранивъ изъ государственнаго совѣта (conseil d'Etat) знать и магистратуру, лишивъ губернаторовъ того значенія, какое они имѣли и благодаря которому могли дѣлаться опасными самой центральной власти, и т. д. *Основывая управленіе государствомъ на бюрократическомъ началѣ, Ришелье съ особеннымъ искусствомъ вводилъ въ это управленіе и централизацію.* Самъ онъ былъ первымъ министромъ, имѣя подъ собою нѣсколько министровъ статсъ-секретарей (ministres secrétaires d'état), въ числѣ которыхъ былъ одинъ по военнымъ дѣламъ, другой для иностранныхъ дѣлъ, третій—по финансамъ (surintendant des finances), четвертый—для юстиціи (chancelier). Изъ государственнаго совѣта онъ исключилъ сановниковъ, которые могли быть независимы по своему общественному положенію, наполнивъ это учрежденіе настоящими чиновниками и сосредоточивъ въ немъ завѣдованіе всѣми внутренними дѣлами. За губернаторами, попрежнему назначавшимися изъ знати, оставлено было только право блестящаго представительства центральной власти въ провинціяхъ, дѣйствительная же власть была поручена назначавшимся изъ мелкаго дворян-

ства и буржуазіи „интендантамъ полиціи, юстиціи и финансовъ", которые, впрочемъ, были сначала скорѣе временными коммиссарами правительства, и лишь впослѣдствіи сдѣлались постоянными. Во времена фронды и знать, и магистратура требовали ихъ уничтоженія, такъ какъ эта новая должность съ самыми широкими полномочіями была противна старымъ провинціальнымъ и сословнымъ административнымъ традиціямъ; въ XVIII в. интендантовъ сравнивали съ персидскими сатрапами и съ турецкими пашами, и въ этомъ не было преувеличенія, такъ какъ интенданты, въ сущности, были мѣстными, ничѣмъ не ограниченными представителями государственнаго всемогущества.

Государство новаго времени, весьма характерно олицетворявшееся французской монархіей XVII в., несмотря на всѣ остатки средневѣковой старины, стремясь къ всемогуществу, *обнаруживало и тенденцію подчинить себѣ всѣ проявленія общественной жизни, не исключая и духовныхъ*. Реформація, какъ мы не разъ имѣли случай видѣть, отдала въ протестантскихъ странахъ въ государственное вѣдѣніе самую религію, но помимо религіи были и другія проявленія культурной жизни, которыя государство подчиняло своей опекѣ. Ришелье въ этомъ отношеніи показывалъ примѣръ. Созданная имъ „французская академія" должна была сдѣлаться государственнымъ учрежденіемъ для литературы, которою Ришелье не прочь былъ заниматься и самъ: оффиціальные представители литературы должны были служить въ качествѣ установителей правилъ грамматики и правописанія и законодателей литературнаго вкуса [1]). Съ другой стороны, Ришелье началъ проводить въ жизнь ту систему покровительства наукамъ, литературѣ и искусствамъ, которую съ еще бо̀льшимъ успѣхомъ продолжалъ Людовикъ XIV: они тоже должны были не только служить государству, но и руководствоваться его указаніями, что̀ особенно выразилось въ возникновеніи при Ришелье оффиціальной прессы, вдохновлявшейся видами правительства. То моральное воздѣйствіе на общество, которое въ средніе вѣка принадлежало церкви, а затѣмъ стало переходить къ независимымъ выразителямъ общественнаго мнѣнія въ литературѣ, по мысли Ришелье, должно было перейти къ государству. Если послѣднее, по его мнѣнію, могло быть вполнѣ индифферентно къ религіознымъ разномысліямъ, такъ какъ послѣднія имѣютъ значеніе лишь по отношенію къ загробной жизни, а не къ жизни въ этомъ мірѣ, то для правительства, наоборотъ, не безразлично было, какъ думаютъ и что̀ говорятъ люди о земныхъ дѣлахъ: литература, возникавшая періодическая пресса (Gazette de France) [2]), наука

[1]) По исторіи франц. академіи соч. *Pelisson'a*, *Fontenelle* и др.
[2]) *Hatin*. Histoire de la presse.

должны были безусловно подчиняться той силѣ, какую начинало представлять собою государство новаго времени. *Покровительство государства просвѣщенію, начавшееся еще въ меценатствѣ гуманистической эпохи, получало односторонній характеръ*, такъ какъ при этомъ имѣлись въ виду либо цѣли чисто утилитарныя, либо тотъ внѣшній блескъ, за которымъ впослѣдствіи особенно гнался Людовикъ XIV, но во всякомъ случаѣ такой режимъ не благопріятствовалъ ни свободѣ философской и научной мысли, главнымъ образомъ въ вопросахъ общественныхъ, ни независимости литературы, какъ выразительницы неподдѣльнаго общественнаго мнѣнія.

Всепоглощающее государство новаго времени, нуждавшееся притомъ въ деньгахъ для достиженія своихъ цѣлей въ международныхъ отношеніяхъ и для успѣшнаго выполненія своихъ внутреннихъ задачъ, *не могло оставить внѣ своего вѣдѣнія и внѣ правительственнаго вмѣшательства экономическую жизнь народовъ*. Но подобно тому, какъ въ вопросахъ духовнаго просвѣщенія оно имѣло въ виду не потребности индивидуальнаго развитія, а исключительные интересы государства, односторонне понятые, такъ и въ своей хозяйственной политикѣ оно руководилось соображеніями не столько о благосостояніи самаго населенія, сколько о безразличномъ по отношенію къ индивидуальному благу національномъ богатствѣ, какъ основѣ государственнаго могущества и источникѣ для наполненія государственнаго казначейства деньгами. Такая экономическая политика особенно развилась во Франціи же при Кольберѣ, т.-е. въ первую половину царствованія Людовика XIV (и при Кромвелѣ въ Англіи), но то, что называется кольбертизмомъ, протекціонизмомъ, меркантализмомъ, имѣетъ происхожденіе въ общемъ характерѣ эпохи [1]). Ришелье прямо находилъ, что народу не должно быть слишкомъ хорошо, но что государство должно обогащаться, и это было лишь очень рѣзкое выраженіе главной идеи меркантилизма, какъ экономической доктрины эпохи. Историки экономическихъ отношеній и ученій, говоря о меркантилизмѣ, обращаютъ главное вниманіе на его хозяйственное значеніе [2]), но въ немъ проявилась вообще государственность новаго времени съ одностороннею заботливостью объ однихъ интересахъ казны, сообразно съ которыми государство всѣми зависящими отъ него средствами направляло въ ту или другую сторону хозяйственную дѣятельность народа, заботясь о его благосостояніи, насколько онъ былъ лишь платежною силою страны,

---

[1]) О Кольберѣ см. ниже въ главѣ о Людовикѣ XIV.

[2]) Замѣна натуральнаго хозяйства денежныхъ, мелкаго производства крупнымъ, поощреніе обрабатывающей промышленности и торговли въ ущербъ сельскому хозяйству, мелочная регламентація производства, запрещеніе иностраннаго ввоза, взглядъ на деньги, какъ на главное богатство.

а также выразилось и стремленіе государства прибрать къ своимъ рукамъ всѣ сферы соціальной жизни, предоставляя какъ можно менѣе мѣста индивидуальному почину и общественной самодѣятельности[1]). Экономическія, коммерческія, колоніальныя, финансовыя соображенія и стремленія начинаютъ руководить внѣшнею политикой государствъ, отодвигая на задній планъ вѣроисповѣдныя различія эпохи реформаціоннаго движенія и католической реакціи. Но было бы ошибочно думать, что лишь въ серединѣ XVII вѣка возникла эта система: она создана была многими факторами болѣе ранняго происхожденія, каковы возникновеніе въ концѣ ср. вв. крупной торговли, развитіе промышленности, денежнаго капитала и буржуазіи, какъ представителей этихъ силъ, обогащеніе цѣлыхъ странъ (Португаліи, Испаніи) благодаря внѣшней торговлѣ, особенно развившейся послѣ открытія Америки и морского пути въ Индію, наконецъ, интересы правительствъ, которыя, сильно нуждаясь въ деньгахъ, видѣли воочію, что промышленность, торговля, мореплаваніе, колоніи представляютъ изъ себя источникъ національнаго богатства, а это при развитіи международнаго соперничества въ политическомъ отношеніи должно было вести за собою и конкурренцію промышленную и торговую. Еще Карлъ V выступилъ на тотъ путь, который сдѣлался впослѣдствіи общимъ для экономической политики всѣхъ государствъ, и у него были уже подражатели среди современныхъ государей, но настоящее господство экономической политики, создававшей богатство и благосостояніе народовъ посредствомъ обогащенія ихъ деньгами, добываемыми внѣшнею торговлею, начинается только съ середины XVII в. Система эта установилась не безъ борьбы, ибо существовало въ томъ же XVI в., когда впервые стала опредѣляться меркантильная политика, и другое направленіе, представители котораго смотрѣли на торговлю, какъ на опасную и разорительную дѣятельность, скорѣе подлежащую стѣсненіямъ, чѣмъ поощренію, и такъ же относились къ промышленности, создающей продукты для вывозной торговли. Послѣднимъ виднымъ представителемъ такого взгляда, напримѣръ, былъ Сюлли, по словамъ котораго земледѣліе и скотоводство должны были замѣнить для Франціи всѣ рудники и сокровища Перу, обогащавшіе Испанію, промышленность же есть только паразитъ, вредный для сельскаго хозяйства; но Генрихъ IV держался иныхъ взглядовъ и покровительствовалъ промышленности. Впрочемъ, отъ всѣхъ начинаній этого короля и его министра при слѣдовавшихъ за ними правительствахъ ничего не осталось. Ришелье не былъ ни экономистомъ,

[1]) Объ установленіи и характерѣ меркантилизма см. прибавленія проф. *И. В. Лучицкаго* къ русск. пер. Исторіи новаго времени *Э. Зеворта*, стр. 165—173, 530 и слѣд.

ни финансистомъ, и только Кольберъ снова обратилъ вниманіе на хозяйственную жизнь, но уже возводя въ систему существовавшія до него меркантилистическія воззрѣнія (оказавшія сильное вліяніе и на экономическую политику Англіи при Кромвелѣ). *При всемъ различіи, которое образовалось между Франціей и Англіей въ государственномъ отношеніи, ихъ экономическая политика все больше и больше подчинялась однимъ и тѣмъ же принципамъ*, отразившимъ на себѣ историческую жизнь цѣлаго періода, когда начинало господствовать и въ этой жизни государственное начало, выросшее на развалинахъ средневѣковыхъ силъ католицизма и феодализма. Государству новаго времени, разрушившему средневѣковыя формы, предстояло взять на себя работу организаціи новыхъ отношеній, а между ними особенное вниманіе его стали обращать на себя именно формы хозяйственнаго быта и разные виды хозяйственной дѣятельности. Французская монархія XVII в., благодаря лучшимъ своимъ дѣятелямъ этой эпохи, опережала совершавшеюся въ ней организаціонною работою другія страны.

Но государственное начало способно воплощаться въ разныхъ формахъ. Познакомившись съ тою формою, которую оно приняло во Франціи, задававшей со второй половины XVII в. тонъ почти всему континенту, мы перейдемъ теперь къ государству другого типа, которому суждено было своими принципами оказать вліяніе на политическую жизнь самой Франціи и другихъ странъ Западной Европы въ болѣе позднее время.

XXXII. Тюдоры и парламентъ [1]).

Абсолютизмъ во Франціи и его шансы въ Англіи.—Необходимость познакомиться съ внутренней исторіей Англіи XVI в. въ политическомъ отношеніи.—Потеря парламентомъ своего значенія въ концѣ среднихъ вѣковъ и причины этого явленія.—Вліяніе реформаціи на исторію парламента.—Значеніе секуляризаціи монастырской собственности.—Правительство, народъ и имущіе классы.—Политика Генриха VIII по отношенію къ парламенту.—Парламентъ въ эпоху Маріи Кровавой.—Королевская власть и парламентъ при Елизаветѣ.—Англійская нація въ XVII в.—Новые общественные классы и пуританизмъ.—Измѣненія, происшедшія въ англійскомъ парламентѣ.

Въ то время, когда во Франціи царствовали два первые Бурбона, Англіей управляли первые два Стюарта—Іаковъ I (1603—1625)

---

[1]) О вліяніи реформаціи на соціальную исторію *Rogers* (соч., указанное на стр. 14).—См. также *Эшли* (*Ashley*). Экономическая исторія Англіи.—*Ehrenberg*. Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth.—*М. Ковалевскій*. Секуляризація монастырской собственности въ Англіи и ея ближайшія послѣдствія (Русск. Мысль, 1888).—*Его же*. Поворотный моментъ въ исторіи

и Карлъ (1625—1649), а въ томъ самомъ 1642 г., когда умеръ кардиналъ Ришелье, окончательно превратившій Францію въ абсолютную монархію, въ Англіи началось междоусобіе между королевскою властью и парламентомъ, имѣвшее гораздо болѣе важное значеніе для этой страны, чѣмъ смуты фронды для Франціи въ малолѣтство Людовика XIV: причиною этого междоусобія было стремленіе Карла I къ абсолютизму, встрѣтившее отпоръ со стороны парламента. *У абсолютизма въ Англіи въ XVII в. вообще не было такихъ благопріятныхъ шансовъ, какіе существовали для абсолютизма во Франціи.* Начать съ того, что политическія традиціи обѣихъ странъ въ этомъ отношеніи были совершенно различныя. Въ самомъ дѣлѣ, власть французскихъ королей, имѣвшая свое начало въ правахъ, которыя унаслѣдовали отъ Римской имперіи надъ населеніемъ Галліи короли франковъ, въ теоріи всегда оставалась абсолютною, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ народной массы, церкви и легистовъ, такъ что здѣсь существовала почва для развитія абсолютистическихъ стремленій королевской власти, тогда какъ англійскій король былъ наслѣдникомъ королей англосаксонскихъ, никогда не бывшихъ неограниченными повелителями своихъ подданныхъ, и

землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ классовъ въ Англіи (Истор. Обозрѣніе, т. III). — *А. Савинъ.* Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ. — *Ченей.* Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI в. — По исторіи англійской конституціи въ новое время см. *Hallam.* Constitutional history of England from the accession of Henri VII to the death of George II. — *Гнейстъ.* Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. — *Бутми.* Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи. — *Фишель.* Государственный строй Англіи. — *Б. Чичеринъ.* О народномъ представительствѣ. — *Александренко.* Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. — По исторіи Стюартовъ и революціи литература весьма обширна. Кромѣ трудовъ, охватывающихъ всю исторію Англіи (Гринъ, томъ III), см. *Маколей.* Исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова II (въ первомъ томѣ краткій очеркъ XVI и XVII вв.). — *Гизо.* Исторія англійской революціи. — *Ranke.* Englische Geschichte vornehmlich im XVII Jahrhundert. — *A. Stern.* Gesch. der Revolution in England (переведено по-русски). — *Forster.* Statesmen of the Commonwealth (Біографіи, нѣкоторыя изъ которыхъ названы выше). — *Гардинеръ.* Пуритане и Стюарты въ Англіи (Гардинеру принадлежитъ цѣлый рядъ работъ по этой эпохѣ, указываемыхъ въ слѣд. главахъ; за смертью автора онѣ доведены лишь до 1656 г. — *Бернштейнъ.* Общественное движеніе въ Англіи XVII в. — Сочиненія по религіозной исторіи Англіи въ эту эпоху: кромѣ старой (1732 и слѣд. гг.) History of the puritans *Ниля* (*Neal*), см. *Hopkins.* The puritans. — *Drysdale.* Hist. of the presbyterians in England. — *Fletcher.* The history of the revival and progress of Independency in England. — *Barclay.* Inner life of the religious of societies the Commonwealth. — *Weingarten.* Die Revolutionskirchen Englands (рус. пер. подъ заглавіемъ „Народная реформація въ Англіи XVII вѣка"). — *Waddington.* Congregational history. Въ книгѣ *С. Ѳ. Фортунатова* „Представитель индепендентовъ Генри Вэнъ" есть небольшой обзоръ главныхъ сочиненій по эпохѣ (до 1875 г.).

уже съ самаго начала англійской исторіи такимъ образомъ взглядъ на королевскую власть былъ здѣсь иной, чѣмъ во Франціи. Установленіе во Франціи феодализма и завоеваніе Англіи норманнами, первое—ослабивъ власть короля, второе ее, наоборотъ, усиливъ, лишь временно задержали развитіе тѣхъ политическихъ началъ, съ какими обѣ страны начинаютъ жить самостоятельною политическою жизнью. Въ то самое время, какъ во Франціи королевская власть усиливается во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, въ Англіи происходитъ ея ограниченіе, и къ серединѣ XV в. вырабатывается тотъ взглядъ на отношенія короны и подданныхъ, который все болѣе и болѣе утверждается въ сознаніи націи въ послѣдующіе вѣка,—взглядъ, выраженный Фортескью въ его теоріи ограниченной монархіи. Судьба сословно-представительныхъ учрежденій въ обѣихъ странахъ была разная: генеральные штаты, возникшіе почти одновременно съ парламентомъ, пришли въ упадокъ, какъ-разъ въ то время, когда парламентъ, напротивъ, добился наиболѣе важныхъ правъ, и между тѣмъ какъ попытки воскресить французское сословно-представительное учрежденіе, сдѣланныя во второй половинѣ XVI в., совершенно были неудачны, англійскаго парламента въ это время не уничтожила даже деспотическая политика Тюдоровъ,—фактъ, заслуживающій особаго разсмотрѣнія. Главною причиною того, что генеральные штаты не могли добиться такого положенія въ государствѣ, какое занималъ англійскій парламентъ, была, какъ извѣстно, сословная рознь, до такой степени обостренная, что нація обнаружила полную неспособность къ самоуправленію при посредствѣ сословнаго представительства и къ солидарному дѣйствію противъ захватовъ абсолютизма, между тѣмъ какъ, наоборотъ, въ Англіи выработался правящій классъ, имѣвшій большую силу и въ мѣстной, и въ общегосударственной жизни. Во Франціи окончательному утвержденію абсолютизма предшествовала феодальная реакція, каждый разъ подымавшая голову, какъ только власть попадала въ слабыя руки, и каждый разъ эта реакція сопровождалась анархіей, требовавшей усмиренія и заставлявшей народъ содѣйствовать укрѣпленію королевскаго авторитета. Въ исторіи Англіи послѣ великой феодально-династической усобицы, извѣстной подъ названіемъ войны алой и бѣлой розы, до „великаго мятежа“ середины XVII в., вызваннаго нападеніемъ короля на старую конституцію, не было ничего похожаго на французскія смуты XVI и XVII в., ничего, что̀ могло бы оправдать необходимость диктатуры; не было ничего похожаго ни на религіозныя войны, ни на смуту въ малолѣтство Людовика XIII, ни на фронду. Мало того, политическая оппозиція во Франціи все болѣе и болѣе теряла идейный характеръ, тогда какъ въ Англіи было наоборотъ. Еще въ эпоху религіозныхъ войнъ фран-

цузская оппозиція одушевляется идеей свободы совѣсти, но впослѣдствіи, въ началѣ трехъ царствованій конца XVI и XVII вв., т.-е. по вступленіи на престолъ Генриха IV и въ регентство Маріи Медичи и Анны Австрійской на первый планъ выступаютъ личныя страсти и стремленіе къ наживѣ, и полная безпринципность фронды особенно указываетъ на то, что французское общество не выработало идей, которыя могло бы противопоставить идеѣ абсолютизма. Послѣдняя идея въ Англіи XVI и XVII вѣковъ была заноснаго происхожденія,—сначала итальянскаго, потомъ французскаго, такъ какъ большинство націи было одушевлено идеей политической свободы, сдѣлавшейся одною изъ ея наиболѣе дорогихъ традицій, а тутъ еще весьма значительная и притомъ очень энергичная часть націи проникалась суровымъ религіознымъ настроеніемъ. Абсолютизмъ во Франціи въ эпоху своего окончательнаго установленія при Генрихѣ IV и Ришелье былъ совершенно свѣтскаго характера: въ политику французскаго правительства входило успокоеніе религіозныхъ страстей посредствомъ вѣротерпимости, да и Людовикъ XIV рѣшился въ концѣ XVII в. нанести ударъ протестантизму лишь послѣ того, какъ послѣдній уже не имѣлъ прежней духовной и матеріальной силы, утративъ оппозиціонный характеръ и лишившись поддержки со стороны аристократіи. Другое дѣло — Англія: если во Франціи даже кардиналъ, бывшій министромъ, умѣлъ отдѣлить интересы государства отъ интересовъ церкви, то въ Англіи, благодаря монархической реформаціи, сдѣлавшей короля главою религіи, а церковь превратившей въ чисто государственное учрежденіе, стремленія свѣтской и духовной власти, бывшей такимъ образомъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, не отдѣлялись одно отъ другихъ, и абсолютизмъ политическій былъ необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ и абсолютизмомъ религіознымъ. Тогда какъ во Франціи лишь полное торжество перваго дало возможность только впослѣдствіи безпрепятственно проявиться и второму, въ Англіи Стюарты сразу хотѣли достигнуть безусловнаго господства въ государствѣ и церкви и встрѣтились съ двойною оппозиціей—политической и религіозной, опиравшеюся на старыя національныя традиціи, на привычку общества къ самоуправленію, на болѣе развитое чувство законности, такъ какъ все это не могло примириться съ новыми политическими началами, которыя проповѣдовались Стюартами, съ бюрократическими порядками и съ административнымъ произволомъ, къ которымъ они тяготѣли. *Вотъ почему Стюартамъ въ Англіи и не удалось то дѣло, которое съ успѣхомъ совершено было Бурбонами во Франціи, но имъ не удалось удержаться и на той позиціи, которую занимали Тюдоры:* Англія XVII в. была не похожа не только на современную ей Францію, но и на то, чѣмъ она сама была въ XVI

столѣтіи. Прежде чѣмъ говорить о разницѣ въ положеніи двухъ англійскихъ династій, смѣнившихъ одна другую въ началѣ XVII в., нужно познакомиться съ исторіей взаимныхъ отношеній между королевскою властью и парламентомъ въ ту эпоху, исторіи которой мы до сихъ поръ касались лишь съ точки зрѣнія главныхъ событій XVI в., волновавшихъ всю Европу,—религіозной реформаціи и борьбы протестантизма съ католицизмомъ. Мы нарочно не входили въ подробности парламентской исторіи въ царствованіе Тюдоровъ, чтобы предпослать ея краткій очеркъ — исторіи политической борьбы при Стюартахъ.

Въ исторіи англійскаго парламента два столѣтія, протекшія отъ войны алой и бѣлой розы до первой революціи, были временемъ упадка: съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ это учрежденіе, т.-е. въ теченіе шестисотъ лѣтъ—ни разу королевская власть не была такъ могущественна, а потому самъ онъ никогда—ни раньше, ни позже— не былъ такъ безсиленъ, какъ въ эти 200 лѣтъ. Если отъ этого періода отнять царствованіе іоркскаго дома, когда началось паденіе, и время первыхъ двухъ Стюартовъ, ознаменованное уже борьбою парламента съ королевскою властью ради возвращенія себѣ прежняго положенія въ государствѣ, то эпоха наибольшаго униженія парламента будетъ совпадать съ царствованіемъ Тюдоровъ, т.-е. съ тѣмъ XVI в., когда совершалась религіозная реформація и происходила борьба протестантизма съ католицизмомъ. Мы знаемъ, что и та, и другая въ исторіи Англіи, какъ и въ исторіи другихъ странъ, имѣли отношеніе не только къ той области, которой непосредственно касались, т.-е. къ области религіи, церкви, духовенства, но и къ политическому и соціальному быту. Исторія англійскаго парламента въ XVI в. довольно тѣсно связана съ исторіей реформаціи, и эта связь продолжается въ XVII в. благодаря тому, что столкновеніе королевской прерогативы съ парламентскими привилегіями было въ то же время столкновеніемъ между англиканскою церковью и пуританизмомъ. Поэтому время Тюдоровъ въ исторіи англійскаго парламента представляетъ большой интересъ.

Позднѣе сами англичане опредѣляли характеръ той власти, какою пользовались Тюдоры, называя ее деспотизмомъ, абсолютизмомъ, личнымъ правленіемъ и прилагая тѣ же самыя опредѣленія къ отдѣльнымъ царствованіямъ, изъ которыхъ самыми замѣчательными были царствованія Генриха VIII и Елизаветы. Поведеніе королей изъ этой династіи даетъ полное основаніе дѣлать такую квалификацію, но этотъ деспотизмъ былъ фактомъ, а не правомъ, ибо въ теоріи Англія продолжала оставаться ограниченною монархіей, и парламенты попрежнему продолжали собираться, тогда какъ во Франціи, напримѣръ,

генеральные штаты совсѣмъ не созывались въ теченіе цѣлыхъ царствованій. Сравнивая, далѣе, то, чѣмъ былъ парламентъ при вступленіи Тюдоровъ на престолъ, т.-е. въ восьмидесятыхъ годахъ XV в., съ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ къ концу этой династіи, т.-е. къ началу XVII столѣтія, мы наблюдаемъ слѣдующія два явленія: *какія-то причины въ серединѣ XV в. ослабили парламентъ, и какія-то причины возвратили ему силу къ первой половинѣ XVII столѣтія.*

Главныя причины ослабленія парламента въ концѣ среднихъ вѣковъ заключались въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, война алой и бѣлой розы, сопровождавшаяся насиліями побѣдителей надъ побѣжденными, не могла вообще содѣйствовать развитію внутренней свободы: собранія парламента въ эту смутную эпоху были главнымъ образомъ собраніями побѣдившей партіи, только узаконявшими насилія, которымъ подвергались побѣжденные. Самое вступленіе на престолъ іоркскаго дома, вмѣсто Ланкастеровъ, царствовавшихъ въ силу парламентскаго акта, было нарушеніемъ права, созданнаго парламентомъ. Конфискаціи имущества, контрибуціи съ мятежниковъ, принудительные займы и другіе незаконные поборы, развившіеся въ ту эпоху, когда право должно было склоняться передъ силой, дозволили королевской власти обходиться безъ частаго созыванія палаты общинъ для вотированія субсидій. Какъ можно рѣже созывать парламентъ входило даже въ правительственную систему, и въ этомъ отношеніи Стюарты только продолжали политику королей изъ іоркскаго дома и Тюдоровъ. Если въ теченіе 105 лѣтъ, занятыхъ царствованіемъ трехъ Эдуардовъ (1272—1377), въ эпоху, когда парламентъ только-что организовался, онъ собирался 119 разъ, если при Ланкастерахъ происходили почти ежегодныя его собранія, то уже въ двадцать два года царствованія Эдуарда IV онъ созывался только шесть разъ, а въ послѣднія тринадцать лѣтъ Генриха VII—лишь два раза. Вообще всѣ Тюдоры рѣдко прибѣгали къ созыву палатъ: на 118 лѣтъ, въ теченіе которыхъ династія эта была на англійскомъ престолѣ, лишь 58 разъ были собранія парламента и еще сравнительно чаще въ царствованіе самаго деспотическаго Тюдора, Генриха VIII, чѣмъ при его дочери Елизаветѣ: при первомъ въ 37 лѣтъ былъ 21 парламентъ, при второй въ 45 лѣтъ—только тринадцать. Если Генрихъ VIII относительно часто созывалъ палаты, особенно во вторую половину своего царствованія, то ихъ сессіи, вмѣстѣ взятыя, составляютъ лишь около сорока мѣсяцевъ. Ослабленію парламента много содѣйствовало, далѣе, и то, что во внутреннихъ его отношеніяхъ также произошли перемѣны. Главныя общественныя силы, которыя были представлены въ парламентѣ, при слабости въ средневѣковой Англіи городского элемента заключались въ землевладѣльческихъ классахъ, а таковыми были церковь, сама по себѣ бывшая могуществен-

ной организацией, и феодальная аристократія, имѣвшая большой вѣсъ въ мѣстной жизни. Средоточіемъ аристократическихъ вліяній была палата лордовъ, у которой лишь въ новое время отняла первенство палата общинъ, и всякое ослабленіе значенія этого аристократическаго учрежденія должно было вести за собою и ослабленіе всего парламента. Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ верхней палатѣ число духовныхъ пэровъ значительно перевѣшивало число свѣтскихъ, весьма уменьшившееся во время феодальной усобицы двухъ розъ, но прелаты, засѣдавшіе въ парламентѣ, стали въ это время въ довольно зависимыя отношенія къ королю по двумъ причинамъ. Сначала именно антагонизмъ съ баронами, дѣлавшими нападенія на земли духовенства, и особенно антиклерикальная оппозиція лоллардовъ заставляли высшее духовенство, епископовъ и аббатовъ большихъ монастырей,—а тѣ и другіе были духовными пэрами,—искать поддержки у короны противъ своихъ враговъ. Лишь при новыхъ отношеніяхъ, установившихся между королевскою властью и церковными сановниками, и возможно было признаніе со стороны послѣднихъ королевскаго главенства въ церкви при Генрихѣ VIII. Секуляризація монастырской собственности и уничтоженіе монастырей, совершившіяся при этомъ королѣ, имѣли своимъ слѣдствіемъ уменьшеніе числа духовныхъ пэровъ, такъ какъ таковыми остались лишь одни епископы, санъ которыхъ былъ удержанъ англиканскою церковью; но та власть, какую король получилъ надъ этою церковью, еще болѣе увеличила зависимость отъ него епископата, притомъ еще весьма богато дотированнаго. Англиканская церковь, какъ государственное учрежденіе съ характеромъ монархическо-аристократическимъ, привязывала епископатъ къ королевской власти, дѣлала изъ него защитника королевской суприматіи въ дѣлахъ вѣры, на которую Тюдоры смотрѣли, какъ на одну изъ прерогативъ короны, но по связи церкви съ государствомъ эта защита должна была получить характеръ и политическій: „высокая церковь“ (high church) прониклась монархическимъ принципомъ и въ политикѣ. До назначенія Тюдорами новыхъ свѣтскихъ лордовъ и до исключенія изъ верхней палаты аббатовъ и пріоровъ эта палата состояла главнымъ образомъ изъ духовныхъ пэровъ. Свѣтская аристократія къ концу среднихъ вѣковъ стала приходить въ упадокъ благодаря тому, что ея цвѣтъ погибъ во время феодальнаго междоусобія двухъ розъ, а мѣстное ея значеніе нѣсколько ослаблялось вслѣдствіе замѣны феодальныхъ способовъ держанія земли новыми, начинавшими выдвигать на сцену и новые соціальные классы, уже не находившіеся въ прежней связи съ лендлордами. Когда Генрихъ VII созвалъ первый свой парламентъ, въ верхней его палатѣ засѣдали лишь 29 свѣтскихъ лордовъ. Если, однако, число ихъ стало впослѣдствіи превышать число лордовъ ду-

ховныхъ, то не по одному тому только, что послѣднее уменьшилось вслѣдствіе исключенія изъ палаты аббатовъ и пріоровъ: Тюдоры создали около полутораста новыхъ пэровъ преимущественно изъ представителей старинныхъ рыцарскихъ родовъ, составлявшихъ придворную знать, и въ эпоху реформаціи щедро наградили ихъ бывшими монастырскими имѣніями. Уже Генрихъ VII назначилъ 20 новыхъ лордовъ, но Генрихъ VIII и Эдуардъ VI создали ихъ 89 (первый 66, второй 23), да Марія съ Елизаветой 38 (одна 9, другая 29). Новая аристократія, обязанная своимъ возвышеніемъ придворной службѣ, королевскому пожалованію и секуляризаціи церковной собственности, особенно на первыхъ порахъ была тѣсно связана съ престоломъ и имѣла свой интересъ поддерживать англиканскую церковь, не желая возстановленія католицизма, грозившаго отобраніемъ тѣхъ земель, которыми завладѣли свѣтскіе люди. Такимъ образомъ реформація въ Англіи, вообще, какъ извѣстно, послужившая усиленію королевскаго могущества, *особеннымъ образомъ содѣйствовала еще тому, чтобы привязать къ интересамъ короны духовную и свѣтскую аристократію.*

Секуляризація монастырской собственности и уничтоженіе монастырей съ отобраніемъ въ казну и всей ихъ движимости имѣли также громадныя послѣдствія и экономическаго, и политическаго свойства. Старыя владѣнія короны были большею частью расхищены; теперь она сдѣлалась обладательницею громаднаго имущества, доходами съ котораго королевская власть могла бы существовать, не созывая парламентовъ для вотированія субсидій. Королевская власть, однако, не удержала всей этой массы бывшихъ монастырскихъ имѣній въ своихъ рукахъ. Секуляризаціонныя стремленія въ Англіи, какъ и вездѣ, существовали еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ, и англійское землевладѣльческое сословіе въ XV столѣтіи не скрывало, что, становясь на сторону ученія, по которому духовенству не приличествуетъ владѣть землями, оно имѣетъ въ виду пособить самому себѣ, получивъ при дѣлежѣ добычи львиную долю. Какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ Англіи, отбирая у церкви ея земли, королевская власть дѣлилась ими съ землевладѣльческимъ сословіемъ, причемъ множество имѣній было роздано въ надѣлъ новой аристократіи, а также и въ дотацію послушнымъ епископамъ. Раздача земель, начавшаяся еще при Генрихѣ VIII, особенно усилилась при несовершеннолѣтнемъ Эдуардѣ VI, остановилась на время при Маріи Католической, но возобновилась при Елизаветѣ, такъ что въ XVII в. уже опять повторялись жалобы на обѣднѣніе короны. *Переходъ церковной собственности въ новыя руки создавалъ цѣлый общественный классъ, имѣвшій интересъ защищать государственную церковь подъ главенствомъ короля*, и весьма естественно, что пока отъ короны можно было получать новыя

земли, у нея было особенно много защитниковъ. Что касается до экономическаго значенія секуляризаціи монастырей, то прежніе историки не всегда вѣрно понимали всю ея важность, порицая ее, напримѣръ, за то, что она уничтожила монастырскую благотворительность (Галламъ), или, наоборотъ, восхваляя за то, что она возвратила труду праздныя прежде руки монаховъ (Маколей). Дѣло, однако, въ томъ, что новые владѣльцы заводили на бывшихъ монастырскихъ земляхъ новые порядки, примѣняя луговое хозяйство и разводя овецъ тамъ, гдѣ раньше пахали землю крестьяне, ограничивая право мѣстнаго населенія пользоваться пустошью и лѣсомъ, сосредоточивая въ рукахъ болѣе крупныхъ фермеровъ прежнія мелкія земельныя „держанія“, такъ что въ исторіи переворота, совершавшагося въ формахъ землевладѣнія и въ быту землевладѣльческихъ классовъ Англіи, секуляризаціи монастырской собственности принадлежало важное значеніе. XVI в. въ экономической исторіи Англіи былъ эпохой, когда вслѣдствіе большого заграничнаго спроса на шерсть и малаго спроса на хлѣбъ, вслѣдствіе дороговизны первой и дешевизны второго земледѣліе замѣнялось скотоводствомъ, что̀ сопровождалось обращеніемъ пахотей въ луга. Съ другой стороны, развивается фермерское хозяйство, и помѣщики отдаютъ въ аренду не только тѣ земли, которыя были въ непосредственномъ ихъ хозяйствѣ, но и тѣ, которыми пользовались прежде крестьяне: иногда для образованія одной фермы нужно было снести двадцать-тридцать крестьянскихъ дворовъ. Обѣ эти перемѣны вели къ тому, что крестьянство отрывалось отъ земли; для расширенія же земель, отводившихся подъ пастбища и подъ фермы, стали выгораживаться участки изъ общинныхъ земель, и хотя послѣднее происходило повсемѣстно, нигдѣ, однако, явленіе это не было такъ развито, какъ въ Англіи въ XVI в., несмотря на то, что Тюдоры и боролись съ нимъ. Какое важное значеніе имѣло все это, свидѣтельствуетъ масса дошедшихъ до насъ жалобъ относительно обезземеленія крестьянства въ тогдашней публицистикѣ. Секуляризація помогла указанному процессу, и съ этой точки зрѣнія намъ сдѣлаются понятными многіе факты англійской исторіи XVI в. Во-первыхъ, въ защиту католицизма происходили крестьянскія возстанія, въ которыхъ особую роль играли требованія, касавшіяся уничтоженія изгородей; да и вообще аграрными безпорядками полна эта эпоха. Во-вторыхъ, страшное развитіе пауперизма заставило правительство обратить вниманіе на это зло, и результатомъ было изданіе закона о бѣдныхъ. Пока въ Англіи (уже къ концу царствованія Елизаветы) не началось развитіе обрабатывающей промышленности, мало-по-малу поглотившей впослѣдствіи рабочія руки, оторванныя отъ земледѣлія экономическимъ переворотомъ въ деревняхъ, въ Англіи была масса празднаго,

бродячаго люда, жившаго нищенствомъ, примыкавшаго ко всѣмъ волненіямъ, какія происходили въ странѣ, даже составлявшаго грабительскія шайки. Правительство дѣйствовало по отношенію къ нищимъ, бродягамъ, разбойникамъ, весьма легко переходившимъ отъ одной профессіи къ другой, исключительно репрессивными мѣрами; но въ самомъ началѣ своего царствованія Елизавета, опасаясь смутъ, для которыхъ бродяги были весьма подходящимъ элементомъ, издала указъ (1561) о необходимости изслѣдовать средства къ тому, чтобы прекратить пауперизмъ. Законодательными мѣрами 1562 и 1572 гг. мѣстныя власти должны были устраивать бытъ бѣдняковъ на средства, которыя составлялись бы изъ особаго налога въ пользу бѣдныхъ съ зажиточнаго населенія городовъ и отдѣльныхъ приходовъ въ графствахъ, а также доставлять имъ заработокъ. Эти мѣры были дополнены другими (устройство рабочихъ домовъ для неисправныхъ бродягъ, передача сборовъ налога въ руки надсмотрщиковъ надъ пауперами, предоставленіе имъ права отдавать въ ученіе дѣтей, родители которыхъ не въ состояніи были ихъ содержать и т. п.), и законодательство Елизаветы о бѣдныхъ, завершонное актомъ 43 года ея царствованія, сдѣлалось основою англійской системы призрѣнія бѣдныхъ [1]). Мѣры эти имѣли успѣхъ въ томъ смыслѣ, что достигли цѣли, ради которой были изданы; но борьба правительства съ бродяжничествомъ и возведеніемъ въ систему обязанности мѣстныхъ союзовъ прокармливать своихъ бѣдняковъ, свидѣтельствуя о томъ, какихъ размѣровъ достигло обезземеленіе народной массы, указываетъ еще и на то, какъ правительство было озабочено и опасностью, вытекавшею отсюда для общественнаго спокойствія. Но не менѣе власти были озабочены и имущіе классы аграрными безпорядками, развитіемъ разбойничества, народными возстаніями, и *одною изъ причинъ того, что общество не препятствовало усиленію королевской власти, было его стремленіе поддержать общественный порядокъ*, которому грозило народное недовольство, возбуждавшееся экономическими причинами, т.-е., между прочимъ, дѣйствіями самихъ же имущихъ классовъ въ свою пользу и во вредъ народу.

Все это, вмѣстѣ взятое, объясняетъ намъ, почему при Тюдорахъ королевская власть получила такой перевѣсъ надъ парламентомъ. Но парламентъ не былъ отмѣненъ. Напротивъ того, наиболѣе деспотическій король изъ Тюдоровъ, правившій Англіей совершенно тираннически, въ концѣ своего царствованія возведшій даже терроръ въ систему, особенно содѣйствовалъ тому, чтобы парламентъ почувствовалъ себя

---

[1]) *Nicholls*. History of the english poor law. — *Aschrott*. Das englische Armenwesen in seiner historischen Entwickelung.

впослѣдствіи въ правѣ вмѣшиваться и въ тѣ дѣла, которыя корона считала своею прерогативою. Въ первую половину своего царствованія, находясь еще въ единеніи съ католическою церковью и въ союзѣ съ папствомъ, Генрихъ VIII избѣгалъ созыва парламента, что было и системою его главнаго совѣтника, кардинала Вольсея, лишившагося потомъ королевской милости вслѣдствіе своего несогласія на бракъ Генриха VIII съ Анной Болейнъ и умершаго по дорогѣ въ Тоуэръ. Новымъ временщикомъ сдѣлался тогда Ѳома Кромвель, извѣстный „молотъ монаховъ“, главный помощникъ короля-реформатора въ церковныхъ дѣлахъ, организаторъ террора, державшаго въ трепетѣ всю страну, самъ, однако, также сложившій голову на плахѣ (1540). Кромвель измѣнилъ королевскую политику по отношенію къ парламенту, *задумавъ сдѣлать изъ послѣдняго лишь орудіе тираніи, послушное во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда власти нужно было легализировать свои произвольныя дѣйствія* и придать имъ видъ мѣръ, принимаемыхъ съ народнаго согласія. Церковная революція, которую начали Генрихъ VIII и Кромвель, едва-ли могла бы быть проведена безъ помощи парламента, ибо вопросъ шелъ о такихъ вещахъ, какъ уничтоженіе папской юрисдикціи въ Англіи, подчиненіе національной церкви королю, секуляризація монастырской собственности и т. п., а между тѣмъ изъ безсильнаго парламента можно было сдѣлать такое же покорное орудіе королевскаго произвола въ дѣлахъ государственныхъ, какимъ церковь должна была сдѣлаться въ дѣлахъ религіозныхъ, для чего стоило лишь создать послушную палату лордовъ и наполнить нижнюю палату креатурами правительства. Парламентъ былъ, дѣйствительно, вполнѣ покорнымъ орудіемъ власти, раболѣпно соглашался на все, что ни требовалось королемъ, утверждалъ всѣ его церковныя новшества, издавалъ билли of attainder, чтобы посылать на эшафотъ непріятныхъ правительству людей, освобождалъ короля отъ долговъ, заключенныхъ у подданныхъ, не протестовалъ, когда обходились или прямо нарушались старые парламентскіе статуты, когда администрація дѣйствовала произвольно, когда на суды оказывалось давленіе, а въ 1540 г. согласился даже признать, что въ извѣстныхъ случаяхъ королевскія прокламаціи имѣютъ силу законовъ (что было отмѣнен въ первый годъ Эдуарда VI). Такой парламентъ можно было созывать часто, дѣлать его сессіи болѣе продолжительными, расширять его компетенцію, и все это дѣлалось во вторую половину царствованія Генриха VIII, когда черезъ парламентъ проводились всѣ церковныя новшества, и парламенту же король отдавалъ на разсмотрѣніе дѣла, которыя его предшественниками ревниво оберегались отъ вмѣшательства палатъ, именно дѣла семейныя (законность брака, виновность жены) и отношенія къ совѣтникамъ (вопросъ о государ-

ственной измѣнѣ министровъ). Само собою разумѣется, что *такое расширеніе компетенціи парламента самымъ деспотическимъ королемъ могло служить прецедентомъ на будущія времена и должно было внушать палатамъ сознаніе важности ихъ значенія въ государствѣ.*

Результаты такой политики заставили себя ждать не особенно долго. Восшествіе на престолъ Маріи Кровавой по праву, основанному на парламентскомъ статутѣ, и вопреки завѣщанію короля (Эдуарда VI), отдавшаго корону Англіи несчастной Дженни Грей, было побѣдою закона надъ произволомъ; но Марія напрасно думала, что парламентъ будетъ во всемъ послушенъ ея волѣ. Къ великому ея неудовольствію, парламентъ протестовалъ противъ ея намѣренія вступить въ бракъ съ Филиппомъ Испанскимъ; ей не удалось лишить правъ престолонаслѣдованія Елизавету; ея предложеніе возстановить старые статуты противъ еретиковъ было отвергнуто въ первомъ парламентѣ; особенно жестокое пораженіе потерпѣла королева въ вопросѣ о возвращеніи церкви секуляризованныхъ земель, и лорды даже говорили, что пока они носятъ мечи, они не позволятъ лишить себя законной собственности. Такимъ образомъ уже въ пятидесятыхъ годахъ XVI в. парламентъ начиналъ возвращать себѣ свою самостоятельность, такъ что властолюбивая Елизавета должна была вернуться къ прежней политикѣ Тюдоровъ, къ политикѣ рѣдкихъ созывовъ парламента, и это ей позволяли ея бережливость и заведенный ею порядокъ. Но вмѣстѣ съ этимъ *она должна была и умѣть ладить съ палатами, которыя все болѣе и болѣе возвращаются во второй половинѣ XVI в. къ старымъ традиціямъ.*

Королева Елизавета отличалась несомнѣнно властолюбивымъ характеромъ: это дало поводъ извѣстному англійскому историку XVIII вѣка Юму говорить о ея чисто-турецкомъ деспотизмѣ, да и современнымъ историкамъ—отмѣчать тотъ фактъ, что Елизавета пользовалась своею властью въ очень широкихъ размѣрахъ. Королева не терпѣла ослушанія ея волѣ, которой должны были безпрекословно повиноваться фавориты-министры, сановники и епископы; она не остановилась передъ судомъ и казнью своего любимца графа Эссекса; преданнаго ей совѣтника своего Сесиля (лорда Берлея) однажды она назвала въ глаза дуракомъ; епископы получали отъ нея выговоры, а архіепископъ Гриндаль за противорѣчіе былъ даже отставленъ. Понятное дѣло, что такая королева не могла быть особенно расположенною къ тому, чтобы ея власть ограничивалась парламентомъ, а потому она сравнительно рѣдко собираетъ палаты и не разъ даетъ почувствовать свое неудовольствіе, если онѣ, какъ она думаетъ, вмѣшиваются не въ свое дѣло. Когда въ парламентѣ возникали вопросы, ей почему-либо непріятные, она обращалась къ нему съ выговорами и прика-

зывала не продолжать обсужденія внесенныхъ биллей или вовсе ихъ не читать, а въ случаѣ ослушанія или слишкомъ свободныхъ рѣчей подвергала членовъ парламента аресту, даже тюремному заключенію. Но уже одно то, что королевѣ приходилось прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ, указываетъ на совершившуюся перемѣну: парламентъ уже не былъ безгласнымъ орудіемъ королевской власти, въ немъ появлялись члены, которые не довольствовались предоставлявшимся имъ со стороны королевы правомъ говорить „да“ или „нѣтъ“, а ставили даже прямо вопросы о привилегіяхъ парламента. Англійская нація удивительно выросла въ полвѣка, занятые царствованіемъ Елизаветы, и если королева вполнѣ не отдавала себѣ отчета въ важности происходившихъ вокругъ нея перемѣнъ, то въ силу политическаго такта, обнаруженнаго вообще всѣмъ ея поведеніемъ, она по возможности смягчала и ограничивала пользованіе своими прерогативами, не ставя ребромъ конституціонныхъ вопросовъ сколько-нибудь спорнаго характера, въ случаѣ надобности даже дѣлая уступки. Она не могла не видѣть оживленія парламентской дѣятельности. Наполненіе нижней палаты угодными правительству членами, широко практиковавшееся раньше при помощи оффиціальныхъ кандидатовъ, уже не совсѣмъ удавалось. При Эдуардѣ VI и Маріи множество новыхъ мѣстечекъ (boroughs) получило право посылать депутатовъ въ парламентъ, которые тамъ были бы въ полномъ распоряженіи короны; сама Елизавета создала такимъ образомъ новыхъ 62 мѣста, расчитывая на ихъ зависимость отъ короны, но и это не всегда помогало, такъ какъ выборы дѣлались все независимѣе и независимѣе. Совсѣмъ устранить парламентъ королева, однако, не думала; ея собственное право на занятіе престола опиралось на парламентскомъ актѣ, и самой ей въ началѣ же царствованія пришлось регулировать церковныя отношенія при помощи парламента. Считая, однако, что вопросы престолонаслѣдія и религіи подлежатъ ея исключительному вѣдѣнію, она вопреки прецедентамъ дѣлала парламенту выговоры, когда онъ начиналъ заниматься или тѣмъ, или другимъ. Въ 1566 г. она прямо взглянула, какъ на бунтъ, на желаніе парламента, вопреки ея волѣ, разсуждать объ ея преемникѣ и объ ея замужествѣ: дѣло дошло до столкновенія, но Елизавета воздержалась отъ того, чтобы довести его до разрыва. Планы церковныхъ реформъ, возникавшіе въ парламентѣ, равнымъ образомъ раздражали королеву, считавшую, что и тутъ палаты вмѣшиваются не въ свое дѣло. Съ другой стороны, притязанія Маріи Стюартъ, козни католиковъ, заговоры и возстанія, внѣшнія опасности заставляли Елизавету искать въ народѣ поддержки и популярности, и, дѣйствительно, она пользовалась и тою, и другою. Самая казнь Маріи Стюартъ была примѣненіемъ парламентскаго акта, изданнаго въ огражденіе личной

безопасности королевы. Наиболѣе замѣчательнымъ случаемъ, въ которомъ выразилась вся тактичность поведенiи Елизаветы, былъ слѣдующiй. Королевской власти въ Англiи принадлежало верховное управленiе торговой полицiей, т.-е. все, что касалось монеты, вѣса, мѣръ, ярмарокъ, рынковъ, портовъ и т. п., и пользуясь этимъ правомъ, правительство создавало монополiи, патенты на которыя въ XVI в. раздавались десятками. Парламенты 1571 и 1591 гг. жаловались на развитiе монополiй, но Елизавета смотрѣла на ихъ заявленiя, какъ на вмѣшательство въ ея право. Въ парламентѣ 1601 г. возникъ даже билль объ уничтоженiи монополiй, чему напрасно старались помѣшать совѣтники королевы. Когда Елизавета увидѣла, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, она уступила, объявила парламенту, будто ей раньше не было извѣстно существованiе зла, и даже поблагодарила парламентъ за то, что онъ печется объ общественномъ благѣ, а затѣмъ она, дѣйствительно. уничтожила всѣ выданные ею монопольные патенты. Благодаря такой политикѣ Елизавета была весьма популярна, и ея столкновенiя съ парламентомъ не доходили до разрыва.

Все это указываетъ и на то, что англiйская нацiя вышла въ царствованiе Елизаветы изъ прежняго пассивнаго состоянiя. Вторая половина XVI в. въ исторiи Англiи была временемъ сильнаго роста матерiальныхъ и духовныхъ силъ страны. Въ управленiи были заведены порядокъ и экономiя. Сельское хозяйство дѣлало успѣхи и давало больше дохода, чѣмъ прежде. Начинала развиваться промышленность, и, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы отправлять свою шерсть на материкъ, англичане начали выдѣлывать сукно дома. Торговля равнымъ образомъ процвѣтала, особенно послѣ того, какъ Англiя пошла по стопамъ Португалiи и Испанiи въ мореплаванiи и колонизацiи, главнымъ образомъ послѣ уничтоженiя „непобѣдимой армады“: въ Америкѣ основана была первая колонiя (Виргинiя въ честь королевы-дѣвственницы), устроена была остъ-индская компанiя (1600), въ Лондонѣ открыта биржа. Великiя событiя эпохи, роль Англiи, какъ защитницы протестантизма на материкѣ Европы, опасная борьба съ могущественной Испанской монархiей способствовали подъему нацiональнаго духа англичанъ. Нравственному возбужденiю соотвѣтствовали успѣхи въ области знанiя и поэтическаго творчества: Бэконъ и Шекспиръ принадлежатъ вѣку Елизаветы. Понятное дѣло, что всѣ эти шаги впередъ на поприщѣ хозяйственной, промышленной, торговой, колонизацiонной дѣятельности, все это культурное движенiе въ области духа не могли не отразиться на сознанiи обществомъ того, что законами страны оно призвано къ свободѣ. Развитiе матерiальнаго благосостоянiя особенно подняло провинцiальное дворян-

ство (джентри) и купечество, которыя по своему богатству могли теперь поспорить съ лордами: въ XVII в. сдѣлалось уже общепризнанной истиной, что палата общинъ гораздо богаче палаты лордовъ. Члены перваго изъ названныхъ соціальныхъ классовъ въ концѣ царствованія Елизаветы съ особою силою стремятся попасть въ палату общинъ, отказываясь отъ того вознагражденія, которое избиратели давали своему депутату: они овладѣваютъ даже представительствомъ отъ мелкихъ мѣстечекъ, высылавшихъ прежде мѣстныхъ купцовъ, и, опираясь на свой матеріальный достатокъ, на свои мѣстныя связи, вносятъ въ парламентскую дѣятельность духъ независимости. Общіе интересы сближаютъ ихъ съ зажиточными горожанами, обогатившимися торговлею. Такимъ образомъ, въ Англіи *формируется могущественное среднее сословіе*, и въ немъ главнымъ образомъ *вербуетъ приверженцевъ суровый пуританизмъ, который отвергаетъ установленную церковь и подчиненіе велѣніямъ государственной власти ставитъ въ зависимость отъ ихъ согласія съ волей Божіей*: пуритане вѣрили въ божественное происхожденіе королевской власти, но эта власть была законною въ ихъ глазахъ только при ея согласіи съ старыми законами страны, ибо, по ихъ представленію, Богъ просвѣтляетъ и совѣтниковъ короны, собравшихся въ парламентѣ.

Если Генрихъ VIII пріучилъ парламентъ заниматься церковными дѣлами, семейными отношеніями короля, судомъ надъ его совѣтниками, если Елизавета сочла себя вынужденною уступить паламъ въ дѣлѣ верховнаго надзора за торговлею, то не въ этомъ одномъ заключались *перемѣны, которыя произошли въ жизни англійскаго парламента*. Выше уже былъ отмѣченъ тотъ фактъ, что для наполненія нижней палаты преданными людьми Эдуардъ VI, Марія Кровавая и Елизавета раздавали право представительства разнымъ мѣстечкамъ, которыя его раньше не имѣли, чтобы депутатами изъ городскихъ торговцевъ ослабить оппозицію, вождями которой были старые рыцари отъ графствъ. Послѣдніе однако овладѣвали и представительствомъ отъ „боруговъ". Прежде существовало правило, по которому каждый избирательный округъ долженъ былъ высылать въ парламентъ лишь мѣстныхъ жителей, но оно нарушалось, несмотря на постоянныя напоминанія, пока, наконецъ, не было совсѣмъ уничтожено (1571 г.). Послѣдствія этого были весьма важны, ибо теперь явилась возможность для землевладѣльческаго дворянства ставить свою кандидатуру и добиваться избранія въ депутаты, гдѣ кому было угодно, а члены этого сословія и вносили духъ независимости въ палату общинъ. Далѣе, не безъ борьбы съ королевой нижняя палата добилась права (1586 г.) рѣшать собственною властью вопросы, касавшіеся выборовъ: съ этого момента право повѣрки правильности

выборовъ, принадлежавшее дотолѣ агентамъ власти, которые, пользуясь имъ, могли устранять непріятныхъ правительству членовъ, перешло къ самому парламенту. Важно было и то, что аресты членовъ парламента могли дѣлаться теперь только съ разрѣшенія палаты, которой одной стало принадлежать право исключать и наказывать своихъ членовъ за все, что ими дѣлалось противозаконнаго въ стѣнахъ парламента, хотя о безусловной свободѣ рѣчи и преній палаты въ то время еще не думали.

XXXIII. Политика Стюартовъ и столкновенія Іакова I съ парламентами [1]).

Положеніе и политика Тюдоровъ и Стюартовъ.—Союзъ королевской власти съ „высокою церковью“ и новыя политическія теоріи. — Династическія традиціи Стюартовъ. — Иностранныя вліянія на политику Стюартовъ. — Тайный совѣтъ, звѣздная палата и верховная коммиссія при Тюдорахъ и Стюартахъ.—Предметы борьбы Стюартовъ съ парламентомъ. — Личный характеръ и политическія идеи Іакова I.—Его отношеніе къ католикамъ и пуританамъ. — Столкновенія съ первымъ парламентомъ.—Фавориты Іакова I.—Парламенты 1614 и 1621 гг.—Послѣдніе годы царствованія Іакова I.

Со смертью Елизаветы въ 1603 г. прекратилась на англійскомъ престолѣ династія Тюдоровъ, и осиротѣлый тронъ достался шотландской династіи Стюартовъ въ лицѣ тогдашняго короля Шотландіи Іакова VI, сына Маріи Стюартъ, который сталъ царствовать въ Англіи подъ именемъ Іакова I. Передъ смертью Елизаветы въ Англіи ожидали борьбы за корону въ виду того, что существовали разныя партіи, имѣвшія каждая своего кандидата или кандидатку, но самыя значительныя и наиболѣе вліятельныя партіи сходились на шотландскомъ королѣ, тѣмъ болѣе, что его вступленіе на престолъ влекло за собою соединеніе двухъ королевствъ. Елизавета не хотѣла, чтобы притязанія Іакова были формально признаны парламентомъ, но вмѣстѣ съ этимъ дала обязательство, что не допуститъ, чтобы парламентъ какимъ-либо образомъ повредилъ его правамъ, и едва лишь она скончалась, какъ тайный совѣтъ призналъ Іакова королемъ Англіи, такъ какъ по женской линіи онъ происходилъ отъ Тюдоровъ, будучи правнукомъ сестры Генриха VIII. Сдѣлавшись преемниками Тюдоровъ, Іаковъ I, равно какъ сынъ его Карлъ I наслѣдовали уже

[1]) *Gardiner*. History of England from the accession of James I.—*Его же*. England under the Duke of Buckingham.—*Его же*. History of spanish marriages.—*Его же*. The personal government of Charles the First.—*Forster*. Sir John Eliot.—*Его же*. Thomas Wentworth, earl of Strafford.—*Его же*. Pym.—*Его же*. Hempden.

совсѣмъ не ту Англію, какую оставилъ послѣ себя Генрихъ VIII и какая досталась Елизаветѣ, да и сами они притомъ не нашли нужнымъ итти по стопамъ своей знаменитой предшественницы. Англія первой половины XVII вѣка была уже далеко не та, что при переходѣ короны къ Елизаветѣ, въ царствованіе которой особенно выросъ парламентъ, Стюарты же не хотѣли и не умѣли съ нимъ ладить такъ, какъ это удавалось Елизаветѣ, ибо тамъ, гдѣ она считала нужнымъ уступать, чтобы не обострять отношеній до послѣдней крайности, Стюарты шли, наоборотъ, напроломъ и заявленіемъ своихъ абсолютистическихъ теорій раздражали парламентъ, все болѣе и болѣе утверждавшійся въ сознаніи своихъ правъ и своего значенія въ государствѣ. Съ другой стороны, къ концу царствованія Елизаветы въ Англіи усилился пуританизмъ, представители котораго многое еще прощали Елизаветѣ, какъ покровительницѣ кальвинизма во Франціи и Нидерландахъ, но она умерла какъ-разъ въ промежутокъ времени между дарованіемъ французскимъ протестантамъ свободы вѣроисповѣданія по нантскому эдикту въ 1598 г. и перемиріемъ 1609 г., которое Испанія вынуждена была заключить съ отпавшими отъ нея и перешедшими въ протестантизмъ Нидерландами: англійскимъ кальвинистамъ нечего было бояться въ началѣ царствованія Іакова I за судьбу своихъ континентальныхъ единовѣрцевъ. Между тѣмъ Іаковъ I замѣнилъ протестантскую политику своей предшественницы, доставившую англійской націи выдающееся и почетное положеніе въ Европѣ, сближеніемъ съ тою самою Испаніей, которая была главнымъ врагомъ протестантизма и Англіи въ царствованіе Елизаветы. Такимъ образомъ отношенія, какія существовали въ Англіи XVI вѣка, не перешли въ неизмѣнномъ видѣ въ XVII столѣтіе, а самое поведеніе Стюартовъ было иное, чѣмъ поведеніе Тюдоровъ, главная же перемѣна заключалась въ томъ, что *въ то самое время, когда парламентъ началъ возвращать себѣ прежнюю силу, королевская власть, наоборотъ, самымъ неосторожнымъ образомъ выступила съ заявленіями, противорѣчившими политическимъ традиціямъ націи*, на которыя даже Тюдоры не рѣшались и не считали нужнымъ дѣлать нападеній. Если ужъ при Тюдорахъ въ Англіи не установился королевскій абсолютизмъ, когда, повидимому, для этого существовали наиболѣе благопріятныя условія, то Стюартамъ было и совсѣмъ невозможно осуществить свои стремленія.

Правда, у Стюартовъ въ Англіи нашлись помощники. Главную опору въ своемъ стремленіи къ неограниченной власти они находили въ англиканской церкви или, говоря точнѣе, въ высшемъ духовенствѣ, которое само нуждалось въ опорѣ противъ пуританизма, отрицавшаго епископатъ. Уже въ XVI столѣтіи нѣкоторые публи-

цисты, подъ вліяніемъ иностранныхъ (итальянскихъ) политическихъ воззрѣній, высказывали мысль о превосходствѣ абсолютной монархіи надъ другими государственными формами и даже пытались доказать, что англійскимъ королямъ принадлежитъ неограниченная власть, но это были или итальянцы (напримѣръ, Alberico Gentile) или „италіонаты", какъ назвалъ одинъ современникъ Елизаветы молодыхъ англичанъ, зараженныхъ италоманіей и поклонявшихся Макіавелли. Подобныя воззрѣнія, находившіяся въ противорѣчіи съ національными традиціями англичанъ, нашли удобную почву для своего развитія главнымъ образомъ въ „высокой церкви" (high church), между богословами, изъ среды которыхъ выходили въ XVII вѣкѣ политическіе писатели, защищавшіе божественное право королей ссылками на св. писаніе, доказывавшіе, что королевская власть есть продолженіе власти ветхозавѣтныхъ патріарховъ, и приводившіе мнѣнія объ этомъ авторитетныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ или выдержки изъ постановленій протестантскихъ синодовъ. Такимъ идеямъ соотвѣтствовали и собственныя воззрѣнія Іакова I, излагавшаго ихъ письменно. Между Стюартами и „высокою церковью" былъ заключенъ *союзъ, направленный одинаково противъ политическихъ правъ англійской націи и противъ пуританизма*, ибо съ своей стороны Іаковъ I передъ всѣми церковными формами отдавалъ предпочтеніе англиканизму: въ католицизмѣ приходилось признавать надъ собою высшую власть—папы, въ пресвитеріанизмѣ король не пользовался никакою исключительною властью, епископальная же церковь казалась Іакову лучшей опорой той формы монархіи, которая была его политическимъ идеаломъ. „Нѣтъ епископа, нѣтъ короля", говорилъ онъ и грозилъ сдѣлать насильно всѣхъ нонконформистовъ „конформистами". Главенство въ церкви должно было дополняться и соотвѣтственнымъ положеніемъ въ государствѣ. Католики, питавшіе тайныя надежды на то, что король по личному своему почину установитъ для нихъ свободу, равнымъ образомъ благопріятствовали подобнымъ стремленіямъ: защитники народныхъ правъ даже прямо обвиняли папистовъ въ томъ, что они научили Іакова I смотрѣть на свою власть несогласно съ преданіями, обычаями и законами страны. Весьма естественно, что союзъ королей, стремившихся къ абсолютизму, и „высокой церкви", поддерживавшей это стремленіе, рано или поздно долженъ былъ привести *къ союзу парламента съ пуританизмомъ*, а все это влекло за собою образованіе двухъ партій, которымъ предстояло столкнуться и на почвѣ политики, и на почвѣ религіи.

Стюарты явились въ Англію изъ Шотландіи. Ту политику, которой они держались на родинѣ, они перенесли съ собою и въ новое отечество. Вся исторія этой династіи въ Шотландіи была исторіей

неустанной борьбы королевской власти съ непокорной феодальной аристократіей,—борьбы, кончавшейся для большей части королей насильственною смертью. Реформація, благодаря которой шотландское дворянство завладѣло громадными имѣніями церкви, содѣйствовала еще большему усиленію аристократіи, а пресвитеріанская организація церкви, введенная реформаціей, благодаря своему республиканскому и демократическому характеру призывала и простой народъ къ участію въ общественной жизни. Аристократія и пресвитеріане низвергли мать Іакова съ престола; аристократія возмущалась противъ него самого, а пресвитеріане „въ королевствѣ Христа“, т.-е. въ церкви, считали его не королемъ, не повелителемъ, не господиномъ, а такимъ же членомъ, какимъ былъ и послѣдній крестьянинъ, дѣлали ему выговоры, бранили его съ каѳедръ и т. п. Мятежные вельможи и непокорные проповѣдники были ему одинаково ненавистны, и всю свою жизнь до вступленія на англійскій престолъ ему пришлось провести въ борьбѣ съ тѣми и другими, потому *онъ и понималъ политическую дѣятельность только въ смыслѣ борьбы за права короны*, борьбы противъ аристократіи и народа, всѣми дозволенными и недозволенными средствами, — такой, какую вели его предки. Его воспитывали въ кальвинизмѣ, его учителемъ былъ республиканецъ Бьюкананъ, но изъ богословскихъ уроковъ и политическаго образованія, которое ему было дано, онъ вынесъ совсѣмъ не то, что ему внушали: *политическія стремленія Іакова сложились подъ вліяніемъ династической традиціи и тѣхъ впечатлѣній, какія онъ получалъ съ раннихъ лѣтъ отъ окружавшей его дѣйствительности*, и то, что внушено было новому англійскому королю прошлымъ и настоящимъ Шотландіи, должно было быть перенесено имъ на будущее Англіи.

Примѣръ того, что́ совершалось въ это время въ великихъ монархіяхъ материка, также не могъ быть безслѣднымъ для Стюартовъ. Въ XVI в. Шотландія находилась подъ сильнымъ французскимъ вліяніемъ. Дѣдъ Іакова I былъ женатъ на француженкѣ Маріи Гизъ; мать его воспитывалась во Франціи и была въ первомъ бракѣ за французскимъ принцемъ. Шотландскія традиціи Іакова I были отчасти и традиціями французскими. Кромѣ того, онъ ищетъ союза съ Испаніей, а его сынъ даже весьма значительно подчиняется испанскимъ традиціямъ, между тѣмъ какъ самый видный совѣтникъ послѣдняго (Вентвортъ, гр. Страффордъ) стремится вести Англію по той дорогѣ, на которую Францію вывелъ Ришелье. Наконецъ, два послѣдніе Стюарта, современники Людовика XIV, также сильно подчинялись французскому вліянію. Однимъ только не могли или не хотѣли проникнуться Стюарты — національными традиціями Англіи, духомъ ея учрежденій, настроеніемъ общества и народа. Новая династія съ

своими шотландскими, испанскими и французскими идеями должна была вооружить противъ себя и самую англійскую націю, которая, переживъ двѣ революціи, сохранила свою привязанность къ старой формѣ монархіи, но совершенно отреклась отъ династіи, не сумѣвшей сдѣлаться національною.

Стюарты оттолкнули отъ себя еще одну силу, на которую опирались Тюдоры: это былъ такъ называемый тайный совѣтъ (privy council), признаніе которымъ за самимъ Іаковымъ его права на престолъ было первою санкціей его воцаренія. Старинное учрежденіе, состоявшее не только изъ совѣтниковъ короля (министровъ), но и изъ членовъ высшей аристократіи и государственныхъ сановниковъ, играло весьма видную роль въ эпоху упадка парламента, и по отношенію къ Тюдорамъ оно было не только опорой, но и извѣстнаго рода сдержкою, съ которою приходилось считаться даже деспотическому Генриху VIII, не говоря уже о томъ, что въ административныхъ дѣлахъ тайный совѣтъ былъ главнымъ органомъ управленія. Стюартамъ было крайне несимпатично это учрежденіе вслѣдствіе его аристократическаго состава и большого вліянія, какимъ оно пользовалось: они и *постарались отнять фактически у тайнаго совѣта всякое участіе въ правленіи, сосредоточивъ послѣднее въ своихъ рукахъ или, вѣрнѣе, въ рукахъ своихъ фаворитовъ*, которые часто были люди совершенно недостойные. Такое поведеніе отталкивало отъ Стюартовъ и тѣ аристократическіе элементы, союзъ съ которыми тоже помогалъ Тюдорамъ обходиться безъ частыхъ созывовъ парламента. Ослабляя значеніе тайнаго совѣта, Стюарты, наоборотъ, усиливали дѣятельность двухъ другихъ учрежденій, которыя, возникши при Тюдорахъ, совершенно не были согласованы съ общимъ духомъ англійскихъ учрежденій, могли еще существовать въ эпоху наибольшаго королевскаго могущества, да и то лишь при извѣстныхъ условіяхъ, когда нужно было подавлять дѣйствительныя преступленія, смуты, заговоры, возстанія, но должны были сдѣлаться ненавистными при большемъ развитіи духа свободы въ націи и при томъ употребленіи, какое дѣлали изъ этихъ учрежденій Стюарты. Это были звѣздная палата (star chamber) и верховная коммиссія. Звѣздная палата была чрезвычайнымъ судомъ въ дѣлахъ политическихъ, нарушавшимъ основные законы англійскаго судопроизводства, поскольку оно ограждало личную свободу; верховная коммиссія изъ временнаго комитета, возникшаго вмѣстѣ съ установленіемъ королевской супрематіи въ церкви, превратилась (1583) въ постоянное судилище по религіознымъ дѣламъ, не стѣснявшееся никакими законами, налагавшее штрафы и назначавшее въ виду наказанія тюрьму, а при Стюартахъ сдѣлалась настоящимъ инквизиціоннымъ трибуналомъ англиканской церкви. Въ ру-

кахъ представителей политическаго абсолютизма и религіознаго фанатизма эти два чрезвычайныя судилища должны были превратиться въ главныя орудія тиранніи, къ которымъ особенно охотно Стюарты и прибѣгали. Звѣздная палата и верховная коммиссія были наслѣдіемъ, которое новой династіи оставила старая, какъ два орудія, которыми Стюарты дѣйствовали въ ущербъ свободѣ политической и для подавленія нонконформизма въ церкви. Между прочимъ, еще при Елизаветѣ эти учрежденія стали дѣйствовать противъ свободы печати, ибо въ 1585 г. звѣздная палата организовала въ Англіи цензурное дѣло.

Предметами политической борьбы въ Англіи при Стюартахъ сдѣлались слѣдующія отношенія. Во-первыхъ, переходъ руководящей роли въ государственныхъ дѣлахъ отъ тайнаго совѣта къ королевскимъ фаворитамъ вызвалъ оппозицію, которая выразилась въ стремленіи парламента призывать къ своему суду королевскихъ совѣтниковъ, дающихъ дурные совѣты государю: еще въ средніе вѣка парламентъ добивался этого права, а прецеденты царствованія Генриха VIII только утверждали парламенты XVII в. въ сознаніи за собою такого права. Во-вторыхъ, произвольныя дѣйствія звѣздной палаты и верховной коммиссіи, нарушавшія элементарныя гарантіи личной свободы, равнымъ образомъ вызывали недовольство. Въ-третьихъ, однимъ изъ условій, благодаря которымъ правительственный произволъ не могъ одержать окончательной побѣды надъ законностью въ Англіи, была независимость судей, достигавшаяся ихъ несмѣняемостью, но Стюарты предпочитали систему временныхъ порученій (durante bene placito), дабы держать судъ въ зависимости отъ себя и въ случаѣ надобности утверждать свои права путемъ рѣшеній обыкновенныхъ судовъ: а это тоже должно было вызывать протестъ. Въ-четвертыхъ, несомнѣннѣйшимъ правомъ парламента было вотировать субсидіи, Стюарты же сдѣлали нападеніе и на это право, чѣмъ вызвали въ парламентѣ не только раздраженіе, но и желаніе точнѣе опредѣлить свою финансовую власть въ назначеніи субсидій и контролѣ надъ ихъ расходованіемъ. Въ-пятыхъ, въ англійской конституціи существовало множество нерѣшенныхъ вопросовъ, и для нѣкоторыхъ изъ нихъ при томъ значеніи, какое получили въ конституціонной жизни прецеденты, можно было ссылаться на весьма несходныя рѣшенія въ прежней практикѣ парламента; Тюдоры обходили такіе пункты, по крайней мѣрѣ, не возбуждая теоретическихъ споровъ, но Стюарты не только ставили подобные вопросы ребромъ, но прямо провозглашали принципы, которые были несогласны съ самыми несомнѣнными правами націи; между прочимъ, они постоянно издавали „прокламаціи“, установлявшія новые законы. Наконецъ, эта борьба осложнялась еще

и борьбою религіозною, такъ какъ, съ одной стороны, сами Стюарты нисколько не думали ослаблять строгостей Елизаветы противъ нонконформизма, а съ другой стороны, усиливалось протестантское движеніе, дѣлавшееся все болѣе и болѣе аггрессивнымъ по отношенію къ англиканской церкви. Но если въ религіозной сферѣ именно установленная церковь сдѣлалась предметомъ нападенія, въ политической жизни, наоборотъ, это была *сама королевская власть, которая произвела нападеніе на законное государственное устройство*, такъ что если парламентъ выступилъ на путь систематической оппозиціи, приведшей „къ великому мятежу", какъ назвали англичане свою первую революцію, то именно лишь защищая старую конституцію королевства, хотя конечнымъ результатомъ борьбы парламента съ сыномъ Іакова I и было установленіе республики.

Разъяснивъ общія отношенія внутренней исторіи Англіи при первыхъ двухъ Стюартахъ, мы можемъ не останавливаться на подробностяхъ царствованія Іакова I, чтобы имѣть возможность посвятить болѣе мѣста разсмотрѣнію политики Карла I и вызванной ею борьбы. Іаковъ I по личнымъ своимъ качествамъ былъ совершенно неспособенъ къ той роли, которую онъ хотѣлъ играть на тронѣ Англіи: неуклюжій и вульгарный, хотя и не лишенный остроумія,—преданный грубымъ удовольствіямъ и трусливый, что вовсе не гармонировало съ его смѣлою болтовнею о характерѣ той власти, какую онъ имѣлъ въ Англіи,—обладая основательнымъ богословскимъ образованіемъ и вообще большою начитанностью, которая проявлялась въ его разнообразныхъ писаніяхъ, но будучи въ то же время педантомъ, неспособнымъ понимать какъ слѣдуетъ дѣйствительность,—прекрасный знатокъ иностранныхъ отношеній, плохо понимавшій, однако, условія англійской жизни,—окруживъ себя, наконецъ, любимцами, которые не пользовались ничьимъ уваженіемъ и оттолкнувъ отъ себя все, что было въ Англіи выдающагося по уму и таланту, Іаковъ I далеко не подходилъ къ типу тѣхъ внушающихъ къ себѣ уваженіе и властныхъ натуръ, тѣхъ знатоковъ людей и обстоятельствъ, тѣхъ государственныхъ умовъ, умѣющихъ ставить цѣли своей дѣятельности, находить наиболѣе пригодныя средства и выбирать способныхъ помощниковъ, однимъ словомъ — къ типу тѣхъ дѣятелей, которые являются разрушителями старыхъ политическихъ отношеній и организаторами новыхъ. Іаковъ I не походилъ на современника своего Генриха IV, и этотъ французскій король весьма зло характеризовалъ своего англійскаго современника, какъ самаго мудраго дурака во всемъ христіанскомъ мірѣ. Въ разговорахъ, въ своихъ ученыхъ трактатахъ (напримѣръ, „Истинный законъ свободной монархіи"), въ посланіяхъ парламенту онъ постоянно проводилъ ту теорію, что король выше законовъ, что если

онъ руководится законами, то лишь по своей доброй волѣ и для примѣра, которому должны слѣдовать подданные, и что всѣ привилегіи парламента суть даръ короля, который можетъ и отнять ихъ. Теоретическій абсолютизмъ Іакова I основывался, однако, не на той государственной идеѣ, какую проводилъ Макіавелли въ своемъ „Государѣ“ (а позднѣе Гоббзъ въ своихъ политическихъ трактатахъ, въ которыхъ, какъ и въ знаменитомъ сочиненіи Макіавелли, основная идея была не богословская): Іаковъ I стоялъ именно на теологической почвѣ, ссылаясь на тексты св. писанія, или утверждая, что королевская власть ведетъ начало отъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, что короли суть намѣстники Бога на землѣ и т. п., т.-е. аргументируя совершенно такъ же, какъ впослѣдствіи аргументировали въ Англіи Фильмеръ, во Франціи Боссюэтъ и наконецъ самъ Людовикъ XIV. Въ лицѣ Іакова I абсолютная монархія *основывала свои притязанія на божественномъ правѣ королей*, какъ это дѣлали и названные писатели и названный французскій король, а не на той государственной необходимости, о которой учили Макіавелли въ XVI вѣкѣ, Гоббзъ въ XVII или Фридрихъ II Прусскій въ XVIII столѣтіи. Теологическому пониманію абсолютизма была въ эпоху англійской революціи противопоставлена и теологическая идея народовластія: отъ свѣтской культуры гуманизма XVI вѣка, давшей странѣ Шекспира и Бэкона, Англія перешла къ теологическому направленію пуританизма, выставившаго такого поэта и мыслителя, какъ Мильтонъ.

Въ самомъ началѣ царствованія Іакова I религіозныя отношенія, которымъ суждено было дать окраску всей политической борьбѣ эпохи, сильно занимали короля, бывшаго и богословомъ, и главою государственной церкви. Положеніе католиковъ въ Англіи по законамъ Елизаветы было весьма тяжелое. Въ качествѣ „рекузантовъ“, какъ называли ихъ за отказъ посѣщать англиканское богослуженіе, наиболѣе состоятельные изъ нихъ подвергались ежемѣсячному штрафу въ 20 ф. стерлинговъ, а кто не могъ заплатить такого штрафа, лишался двухъ третей своего годового дохода. Каждаго рекузанта можно было отлучить отъ церкви, а это значило, что его можно было безъ соблюденія всякихъ формальностей посадить въ тюрьму. Священникъ, служившій мессу, подлежалъ смертной казни. Собственно говоря, законы эти строго не исполнялись, но тѣмъ не менѣе были вѣчною угрозою рекузантамъ. Когда Іаковъ I вступилъ на престолъ, католики возлагали на него большія надежды, и это отразилось даже на томъ, какъ подѣйствовало извѣстіе о его воцареніи на папу Климента VIII: онъ именно отслужилъ по этому случаю молебенъ, такъ какъ Іаковъ уже раньше заигрывалъ съ куріей. Сначала дѣйствительно католикамъ въ Англіи стали дѣлаться послабленія, но когда они увидѣли, что

преемникъ Елизаветы, въ сущности, не отступаетъ отъ ея системы, и когда Іаковъ нашелъ нужнымъ даже усилить строгости, чтобы тѣмъ самымъ опровергнуть слухъ, порожденный его переговорами съ куріей, будто онъ перешелъ въ католицизмъ, католики устроили извѣстный „пороховой заговоръ“ съ цѣлью взорвать на воздухъ короля и парламентъ и произвести общее возстаніе (1605 г.). Опасность, грозившая одинаково и королю, и парламенту, сблизила ихъ на короткое время и вызвала взрывъ негодованія въ народѣ противъ католиковъ, у которыхъ тогда отняты были многія гражданскія права. Но врагами установленной церкви были не одни католики. Пуританизмъ, сдѣлавшій большіе успѣхи въ народѣ, коснулся и низшаго духовенства, которое было недовольно высокомѣрною гордостью и властолюбивой тиранніей епископовъ. При первомъ появленіи Іакова I въ Англіи ему была подана „петиція тысячи“ (millenary petition), подписанная, впрочемъ, лишь 827 священниками, т.-е. приблизительно десятою частью духовенства, и заключавшая въ себѣ кое-какія требованія въ пуританскомъ смыслѣ, хотя и не касавшаяся организаціи и управленія церковью (1603 г.). Іаковъ принялъ петицію, созвалъ конференцію (1604 г.) для ея обсужденія и самъ возражалъ на выраженныя въ прошеніи желанія, указывая на то, что петиціонеры хотятъ шотландскаго пресвитеріанства съ его нападками на короля и на королевскій совѣтъ (чего на дѣлѣ не было), и заявивъ, что онъ этого не допуститъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ гдѣ нѣтъ епископа, нѣтъ короля. „Я, сказалъ онъ при этомъ, сдѣлаю ихъ конформистами или, если они не хотятъ, выгоню ихъ изъ Англіи, а не то пусть ихъ вѣшаютъ“. Преслѣдованія, которымъ продолжали подвергать послѣ этого диссидентовъ, заставили многихъ выселиться изъ Англіи въ Америку, чѣмъ въ теченіе XVII в. и было положено начало будущимъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Оксфордскій университетъ еще раньше королевскаго отвѣта также объявилъ, что пуританскія требованія суть предвозвѣстники пресвитеріанизма, не признающаго королевской власти, а епископы послѣ провозгласили, что отвѣтъ Іакова I внушенъ ему самимъ Св. Духомъ. Иначе отнесся къ дѣлу первый парламентъ, созванный въ царствованіе Іакова (1604 г.), ибо въ немъ прямо было выражено желаніе церковныхъ реформъ и заявлено, что совершенно ложно мнѣніе, будто бы король можетъ издавать церковные законы безъ согласія парламента: прецеденты XVI в. были за парламентъ, съ которымъ Іаковъ I, навязавшій между прочимъ своею собственною властью епископатъ Шотландіи (1610 г.), ужъ никакъ не хотѣлъ дѣлиться своею супрематіей. Вообще столкновенія Іакова I съ парламентами его царствованія стали происходить съ самаго начала. Въ 1604 г. одною изъ причинъ

было вмѣшательство палаты общинъ въ религіозныя дѣла, и дѣлая въ адресѣ королю заявленіе о своихъ правахъ на такое вмѣшательство, палата предлагала ему принять общественное извѣщеніе отъ общинъ королевства о злоупотребленіяхъ какъ въ церкви, такъ и въ правительствѣ. Пороховой заговоръ лишь временно сблизилъ короля и парламентъ, ибо въ 1606 г. парламентъ уже протестовалъ противъ наложенія безъ его согласія пошлинъ на ввозимые и вывозимые товары: на этой почвѣ происходила борьба между властью и представительствомъ еще при Эдуардахъ, которые были вынуждены отказаться отъ своихъ притязаній, но Тюдоры возобновили старую практику, хотя пользовались ею въ рѣдкихъ случаяхъ и въ незначительныхъ размѣрахъ; Іаковъ I не довольствовался вотированными ему субсидіями и хотѣлъ показать свою власть, сталъ произвольно установлять пошлины и не обратилъ вниманія на протестъ парламента. Къ этому присоединились еще многочисленныя „прокламаціи“ короля, создававшія новые законы, вопреки законодательному праву парламента, а политическая теорія Іакова, которую онъ заявлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ и которую, кромѣ того, проповѣдовали епископы съ своихъ каѳедръ, усвоили университетскіе богословы, стали преподавать въ школахъ, внушала націи сильное недовѣріе къ новой политикѣ, тѣмъ болѣе, что король былъ вдобавокъ расточителенъ и держался несимпатичнаго англичанамъ направленія въ международныхъ дѣлахъ.

При жизни Роберта Сесиля (сына Вильяма Бёрлея, помощника Елизаветы), который былъ совѣтникомъ Іакова, поддерживавшимъ значеніе тайнаго совѣта и смягчавшимъ политику короля, дѣло до открытой вражды не доходило, но въ 1612 г. Сесиль умеръ и настало время королевскихъ фаворитовъ и самыхъ острыхъ столкновеній. Правда, и Сесиль былъ представитель уже отжившихъ традицій вѣка Елизаветы и вообще политики Тюдоровъ, которая казалась теперь парламенту деспотическою, не удовлетворяя въ то же время и Іакова I, находившаго ее, наоборотъ, слишкомъ уступчивой. Приближенными и довѣренными лицами Іакова сдѣлались теперь новые люди, между ними особенно легкомысленный Джорджъ Вильерсъ, получившій титулъ герцога Бёкингэма, не имѣя 25 лѣтъ отъ роду, знаменитый философъ лордъ-канцлеръ Бэконъ Веруламскій, запятнавшій себя взяточничествомъ, лордъ - казначей Мидльсексъ и др.; главною цѣлью внутренней дѣятельности правительства сдѣлалось въ это время добываніе денегъ всякими законными и незаконными средствами. А оппозиція между тѣмъ росла. Въ парламентѣ 1614 г. нижняя палата на двѣ трети состояла изъ пуританъ и оппозиціонно настроенныхъ членовъ, хотя королю было обѣщано подстроить выборы

въ его пользу; и въ числѣ трехсотъ новыхъ членовъ, усилившихъ собою старую оппозицію, находились будущіе вожди парламентской борьбы: Джонъ Эліотъ, Джонъ Пимъ, Томасъ Вентвортъ. Эта палата прямо объявила, что не приступитъ къ вотированію субсидій, пока не будутъ уничтожены правительственныя злоупотребленія, но у нея вышла рѣдкая въ лѣтописяхъ парламента ссора съ верхней палатой, чѣмъ воспользовался Іаковъ, чтобы распустить парламентъ, который такъ-таки и ничего не рѣшилъ, и ничего не далъ; четверо его членовъ было заключено въ тюрьму. Іаковъ I рѣшился послѣ этого управлять безъ парламента и, дѣйствительно, не созывалъ его семь лѣтъ, издавая „прокламаціи", налагая произвольные сборы, между прочимъ, подъ видомъ беневоленцій или займовъ, нарушая права судовъ и частныхъ лицъ и т. п., задумавъ, кромѣ того, женить своего сына на католичкѣ, испанской принцессѣ, чтò противорѣчило всѣмъ національнымъ традиціямъ и интересамъ Англіи. Въ этотъ семилѣтній промежутокъ, когда главнымъ совѣтникомъ короля былъ Бёкингэмъ [1]) съ своими приспѣшниками, Бэкономъ и Мидльсексомъ, случилось событіе, заставившее Іакова снова собрать парламентъ для полученія большой субсидіи, такъ какъ незаконными поборами нельзя было составить суммы, требовавшейся новыми обстоятельствами. Въ 1618 г. въ Германіи началась война, которой суждено было продолжаться потомъ тридцать лѣтъ: чехи низложили своего государя и, хотя выбрали въ свои короли зятя англійскаго короля, послѣдній не могъ отнестись къ этому иначе, какъ съ сильнѣйшимъ негодованіемъ, и даже требовалъ удаленія Фридриха изъ Праги, думая вмѣшаться въ это дѣло въ союзѣ съ Испаніей, хотя въ Англіи, наоборотъ, всеобщимъ желаніемъ было, чтобы протестантамъ была оказана помощь. Общественное мнѣніе даже требовало войны, которой нельзя было начать безъ большихъ денежныхъ средствъ, и Іаковъ I на этотъ разъ долженъ былъ сдѣлать уступку. Когда (1620 г.) испанскій полководецъ захватилъ Пфальцъ, а Тилли одержалъ бѣлогорскую побѣду, собравшійся въ Вестминстерѣ въ январѣ 1621 г. парламентъ былъ, однако, крайне разочарованъ, узнавъ, что Іаковъ I вовсе не думаетъ стать во главѣ угрожаемаго на континентѣ протестантизма, а только проситъ субсидій, намѣреваясь уладить распрю въ Германіи дипломатическими средствами. Все вызванное такимъ поведеніемъ короля недовольство нижней палаты, вотировавшей поэтому лишь незначительныя субсидіи, выразилось въ рѣзкихъ нападкахъ на внутреннюю политику. Іакову I пришлось уступать передъ сдѣланнымъ на его правительство нати-

[1]) *Gardiner.* A history of England under the duke of Buckingham and Charles I.

скомъ, тѣмъ болѣе, что полной солидарности не было въ самомъ правительствѣ, такъ какъ Бёкингэмъ, не всегда довольный Бэкономъ, рѣшилъ пожертвовать имъ парламенту, чтобы отвести ударъ отъ самого себя. Извѣстно, что нижняя палата обвинила лорда-канцлера,—каковую должность Бэконъ занималъ съ 1618 г., — во взяточничествѣ. Онъ прямо сознался, отказавшись отъ защиты и лишь умоляя о пощадѣ „къ сломанной тростинкѣ“, а палата лордовъ присудила его къ большому денежному штрафу, который былъ, впрочемъ, сложенъ съ него королемъ. Кромѣ того, Іаковъ долженъ былъ отказаться отъ монополій, лишь за двадцать лѣтъ передъ этимъ уничтоженныхъ Елизаветой, но снова имъ введенныхъ. Мало того, палаты потребовали отъ Іакова I объявленія войны Испаніи и женитьбы наслѣдника престола непремѣнно на протестанткѣ. На составленную въ этомъ смыслѣ петицію король отвѣчалъ угрозами, но его отвѣтъ вызвалъ рѣзкій протестъ парламента, въ которомъ значилось, что „свобода, привилегіи и юрисдикція парламента суть прирожденное и наслѣдственное достояніе англійскаго народа“, что парламентъ имѣетъ несомнѣнное право обсуждать „всѣ трудныя и нетерпящія отлагательства дѣла, касающіяся короля, государства и церкви Англіи“, и что каждый членъ парламента при обсужденіи этихъ дѣлъ „имѣетъ и по праву имѣть долженъ свободу рѣчи“. Король, узнавъ объ этомъ протестѣ, велѣлъ принести себѣ книгу протоколовъ палаты общинъ и вырвалъ изъ нея листы съ такимъ заявленіемъ, вслѣдъ за чѣмъ парламентъ былъ отсроченъ и наконецъ распущенъ.

Между тѣмъ Испанія, союза съ которой добивался Іаковъ I, дѣлалась все требовательнѣе и требовательнѣе по отношенію къ условіямъ, на какихъ ея правительство соглашалось на бракъ дочери Филиппа III съ наслѣдникомъ англійскаго престола. Поѣздка самого жениха съ Бёкингэмомъ въ Мадридъ (1623) не помогала дѣлу, и проектъ брака разстроился къ великому удовольствію націи, но къ крайней обидѣ принца и фаворита, которые стали думать послѣ этого уже о войнѣ съ Испаніей. Имъ удалось уговорить Іакова I созвать новый парламентъ, передать ему на разсмотрѣніе дѣло объ испанскихъ переговорахъ и просить субсидій на войну съ Испаніей, причемъ на сей разъ Бёкингэмъ пожертвовалъ парламенту Мидльсексомъ, обвиненнымъ въ подкупности и принужденнымъ выйти въ отставку. Но въ виду слуховъ о новомъ проектѣ брака принца Карла съ французской принцессой Генріеттой-Маріей палата вотировала субсидіи только подъ условіемъ, чтобы Англія не давала Франціи никакихъ обязательствъ относительно терпимости къ католицизму, которыя могли бы быть поводомъ для сосѣдней державы вмѣшиваться во внутреннія дѣла самой Англіи. Іаковъ I выразилъ на это свое согласіе, но принцъ и

фаворитъ вынудили у него нарушеніе даннаго обѣщанія, и брачный договоръ былъ подписанъ какъ-разъ со статьями, которыхъ опасался парламентъ. Наконецъ, парламентъ согласился на субсидіи подъ условіемъ, чтобы война велась исключительно морская и съ одной Испаніей, но правительство стало выполнять отвергнутый парламентомъ планъ Бёкингэма войны на материкѣ и не противъ одной Испаніи. Вскорѣ затѣмъ (1625 г.) Іаковъ I умеръ съ сознаніемъ, что не достигъ своей цѣли; внѣшняя политика и давленіе фаворита, имѣвшаго свои планы, которые, впрочемъ, легко мѣнялись, заставили его подъ конецъ жизни сойти съ того пути, по которому онъ шелъ съ середины своего царствованія. Но и помимо того онъ не только не достигъ своей цѣли и остался совершенно одинокъ, но видѣлъ еще, какъ усиливался пуританизмъ, какъ расширялъ парламентъ свою компетенцію даже по отношенію къ внѣшней политикѣ, какъ колебалось уваженіе къ трону, и какъ его собственный фаворитъ подчинялъ королевскую волю своимъ личнымъ планамъ.

XXXIV. Карлъ I, Страффордъ и Лоудъ [1]).

Политическое положеніе, характеръ, поведеніе и періоды царствованія Карла I.— Исторія парламентовъ 1625, 1626 и 1628 — 29 годовъ. — Петиція о правахъ.— Разрывъ Карла I съ парлементомъ.—1629 годъ въ Германіи, Франціи и Англіи.— Настроеніе оппозиціи и короля въ 1629 г.—Карлъ I, Страффордъ и Лоудъ въ 1629—1640 гг.—Различіе ихъ стремленій.—Личный характеръ Страффорда.—Его управленіе Ирландіей.—Правительственная тираннія.—Корабельная подать и дѣло Гемпдена.—Шотландское возстаніе и «короткій» парламентъ.

Между царствованіемъ Карла I и той эпохой, когда парламентъ находился въ наибольшемъ униженіи, прошло сто лѣтъ. Этотъ періодъ, какъ мы видѣли, былъ, однако, временемъ постепеннаго возвращенія парламентомъ прежняго своего значенія, причемъ нижняя палата даже начинала играть небывалую прежде роль. Несмотря на деспотизмъ Генриха VIII, на самовластіе Елизаветы, на стремленіе Іакова I къ абсолютизму, каждое изъ этихъ царствованій фактически расширяло компетенцію парламента, хотя названные государи и неодинаково относились къ этому учрежденію. Съ другой стороны, послѣдній самъ усилился благодаря развитію матеріальнаго благосостоянія представленныхъ въ палатѣ общинъ классовъ общества, благодаря развитію образованія и чувства свободы. Карлъ I вступилъ на престолъ въ такой моментъ, когда парламентъ вполнѣ созналъ свое значеніе въ жизни англійскаго на-

---

[1]) Біографія Лоуда въ соч. *Hook'a* Lifes of the archbishops of Canterbury.

рода, а между тѣмъ новый король былъ, какъ и отецъ его, наслѣдникомъ династической традиціи Стюартовъ, раздѣляя политическія воззрѣнія Іакова I, тяготѣлъ къ испанской политической системѣ, находился подъ вліяніемъ своей жены, француженки и католички, отличавшейся высокомѣрнымъ и властнымъ характеромъ, толкавшей его на борьбу противъ политическихъ учрежденій Англіи, а началъ свое царствованіе съ того, что подчинился вполнѣ фавориту своего отца Бёкингэму, человѣку вздорному, обнаружившему совершенную неспособность къ толковому веденію государственныхъ дѣлъ, въ дѣлахъ же церковныхъ сталъ слѣдовать совѣтамъ епископа Лоуда, котораго подозрѣвали въ склонности къ католицизму. Лично Карлъ I во многихъ отношеніяхъ стоялъ выше своего отца: соединяя счастливую наружность съ обходительнымъ характеромъ, онъ поведеніемъ своимъ не навлекалъ на себя тѣхъ нареканій, которыя вызывались безнравственными поступками его отца; въ немъ не было ни педантизма, ни болтливости Іакова I; онъ былъ и осторожнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ упорнѣе въ проведеніи своихъ идей, хотя и не обладалъ достаточною рѣшительностью поступать такъ, какъ ему совѣтовали болѣе рѣшительные сторонники абсолютизма, при всемъ его подчиненіи вліянію послѣднихъ, какое замѣтно во всѣхъ важныхъ случаяхъ этого царствованія. Но каковы бы ни были свойства его ума и характера, его главное несчастье заключалось въ томъ, во-первыхъ, что онъ усвоилъ идеи, которыя отвергались громаднымъ большинствомъ англичанъ, и въ томъ, во-вторыхъ, что, будучи человѣкомъ довольно нравственно щепетильнымъ въ личныхъ отношеніяхъ, онъ считалъ вполнѣ для себя дозволительнымъ политическое вѣроломство, т.-е. давалъ обѣщанія, которыхъ не исполнялъ, исходя изъ той идеи, что между нимъ и націей нѣтъ договора и что королевское слово, данное по нуждѣ, не можетъ связывать на вѣчныя времена, разъ благо государства не требуетъ исполненія обѣщаній. Понятно, что между парламентомъ и королемъ при такихъ отношеніяхъ не могло быть ладу, и вся масса спорныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ конституціи должна была всплыть наружу, тѣмъ болѣе, что даже въ простомъ желаніи палатъ отмѣнить то, въ чемъ онѣ справедливо видѣли злоупотребленія, король усматривалъ какъ бы прямое посягательство на его власть. *Обѣ стороны полагали, что защищаютъ свое право, хотя, какъ мы увидимъ, каждая пошла далѣе того, что ей давалось ея правомъ*, но инціатива въ этомъ отступленіи отъ законнаго пути принадлежала королю, который своимъ нападеніемъ на конституцію заставилъ ея защитниковъ, дѣйствительно, желать уменьшенія королевскихъ прерогативъ. Царствованіе Карла I естественно распадается на три части: въ 1625—1629 гг. происходитъ борьба съ парламентами, и главнымъ

совѣтникомъ короны является Бёкингэмъ, затѣмъ наступаетъ одиннадцатилѣтній періодъ (1629—1640) безпарламентскаго правленія, когда помощникомъ Карла въ проведеніи новой системы дѣлается Страффордъ, наконецъ, въ 1640 г. собирается долгій парламентъ, и начавшееся между нимъ и королемъ столкновеніе приводитъ къ междоусобной войнѣ, оканчивающейся полнымъ пораженіемъ Карла I.

Тронная рѣчь, которою этотъ король открылъ засѣданія перваго своего парламента (1625), должна была бы произвести очень хорошее впечатлѣніе на палаты, такъ какъ онъ говорилъ о защитѣ протестантизма на материкѣ, но послѣднія дѣйствія прежняго правительства не внушали палатамъ особеннаго довѣрія; онѣ вотировали поэтому субсидію въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ было нужно королю, а, кромѣ того, обидѣли его тѣмъ, что отдали ему главныя таможенныя пошлины, т.-е. такъ называемые грузовые и вѣсовые сборы (tonnage und poundage) не на всю жизнь, какъ это дѣлалось раньше, а лишь на одинъ годъ, чтобы успѣть въ теченіе этого времени разсмотрѣть вопросъ о добавочныхъ пошлинахъ, незаконно собиравшихся Іаковымъ I. Вмѣстѣ съ этимъ палаты просили короля отмѣнить вкравшіяся въ управленіе злоупотребленія и выразили желаніе, чтобы онъ окружилъ себя хорошими совѣтниками, хотя и поясняли, что вовсе не думаютъ слѣдовать мятежнымъ парламентамъ Эдуарда II и Ричарда II, хотѣвшимъ отъ себя навязывать королю совѣтниковъ. Въ этомъ желаніи былъ намекъ на Бёкингэма. Парламентъ былъ распущенъ; правительство прибѣгло къ принудительнымъ займамъ, надѣясь будущими успѣхами на войнѣ сдѣлать палату общинъ сговорчивѣе, но какъ-разъ внѣшняя политика Бёкингэма потерпѣла пораженіе, особенно вслѣдствіе неудачи англійскаго флота подъ Кадиксомъ, и опять пришлось созывать парламентъ (1626), въ которомъ вождемъ оппозиціи сдѣлался Джонъ Эліотъ, потребовавшій разслѣдованія причинъ неудачи морской экспедиціи къ берегамъ Испаніи. Хотя Бёкингэмъ и пожертвовалъ неудовольствію общинъ лордомъ-казначеемъ Кранфильдомъ, но именно онъ самъ и имѣлся въ виду при возбужденіи упомянутаго вопроса, что̀ отлично понялъ и самъ Карлъ I, заявившій, что онъ не потерпитъ требованія отвѣтственности королевскихъ слугъ передъ парламентомъ (хотя прецеденты были противъ короля). Несмотря на это, Эліотъ продолжалъ настаивать на обвиненіи Бёкингэма въ неспособности и подкупности, а палата общинъ заявила, что разсмотритъ вопросъ о субсидіяхъ, когда изложитъ свои жалобы королю и получитъ отъ него отвѣтъ. Карлъ I призвалъ палату во дворецъ и, съ своей стороны, объявилъ ей, что ея созваніе, отсрочка и распущеніе всецѣло зависятъ отъ королевской власти, и что парламентъ будетъ существовать

или нѣтъ, смотря по тому, какими найдены будутъ результаты его дѣятельности—полезными или, наоборотъ, вредными. Тѣмъ не менѣе палата общинъ предала Бёкингэма суду палаты лордовъ, гдѣ Эліотъ въ страстныхъ рѣчахъ обвинялъ этого королевскаго совѣтника, какъ причину всѣхъ бѣдствій и болѣзней королевства. Палаты обратились къ Карлу I съ прямою просьбою дать отставку Бёкингэму, видя въ такомъ обращеніи свое конституціонное право, но король лично объявилъ въ палатѣ лордовъ, что все сдѣланное Бёкингэмомъ приказано было имъ, самимъ королемъ; посадилъ въ тюрьму Эліота и другого члена парламента, поддерживавшаго обвиненіе, отвергъ просьбу тайнаго совѣта не распускать парламента, а по распущеніи его велѣлъ подъ формой беневоленцій, бывшихъ въ сущности принудительными займами, собирать субсидіи. На этотъ разъ со стороны плательщиковъ правительство встрѣтило отпоръ, и тогда (1627) было приказано прямо начать принудительный заемъ безъ всякой маскировки, причемъ правительству помогали священники своими проповѣдями, а военная сила прямо дѣйствіями — заборомъ сопротивлявшихся въ солдаты и матросы, сажаніемъ въ тюрьму и т. п. Былъ тогда отставленъ отъ должности верховный судья, протестовавшій противъ этой мѣры, отстраненъ временно отъ исполненія своихъ обязанностей архіепископъ кентерберійскій и т. п. Вездѣ, однако, оказывалось сопротивленіе насилію, и одинъ молодой сквайръ (помѣщикъ), столь знаменитый впослѣдствіи Джонъ Гемпденъ, подвергшійся суровому тюремному заключенію, объяснилъ тѣмъ свой отказъ отъ уплаты незаконнаго сбора, что у него нѣтъ никакого желанія подвергаться проклятію за нарушеніе magnae chartae, которая должна была бы дважды въ годъ прочитываться народу. Между тѣмъ Бёкингэмъ еще болѣе запуталъ внѣшнюю политику Англіи, навязавъ ей кромѣ войны съ Австріей и Испаніей новую войну — съ Франціей, и опять потерпѣлъ неудачу подъ Ларошелью, гдѣ гугеноты отбивались тогда отъ войскъ кардинала Ришелье при помощи посланнаго къ нимъ англійскаго флота. Дѣлать было нечего, и весною 1628 г., обремененный долгами, покрытый безславіемъ, возбудившій противъ себя общественное неудовольствіе, Карлъ I созвалъ третій парламентъ своего царствованія.

Парламентъ, собравшійся въ 1628 г. и распущенный въ 1629 г., принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ въ исторіи англійской конституціи. Правительственные кандидаты на выборахъ не прошли, вездѣ успѣхъ имѣли люди, пострадавшіе въ 1627 году отъ принудительнаго займа, военныхъ постоевъ, тюремнаго заключенія, и многіе дѣятели долгаго парламента уже встрѣчаются въ этомъ собраніи (Пимъ, Гемпденъ, Кромвель, а Эліотъ не дожилъ до 1640 г.). Съ

самаго же начала проявился оппозиціонный духъ палаты общинъ, и однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ Бёкингэма оказался Томасъ Вентвортъ, который вскорѣ послѣ того сдѣлался, однако, главнымъ сторонникомъ королевскаго абсолютизма. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ было сильное. Тронная рѣчь Карла I заключала въ себѣ предостереженіе: если парламентъ, сохрани Боже, не исполнитъ обязанности своей помочь нуждамъ королевства, то онъ, король, обратится къ другимъ средствамъ, которыя далъ ему Богъ, но пусть парламентъ не принимаетъ этого заявленія за угрозу, такъ какъ король унизилъ бы свое достоинство, если бы сталъ грозить людямъ, которые ему неравны, а лордъ-канцлеръ пояснилъ съ своей стороны, что если король обратился къ парламенту, то не изъ нужды, а по милости своей. *Главнымъ дѣломъ парламента 1628 г. было составленіе петиціи о правахъ (petition of rights)*, отъ принятія которой королемъ было поставлено въ зависимость окончательное рѣшеніе о щедро вотированныхъ въ принципѣ субсидіяхъ. Въ революціонныхъ рѣчахъ, говорившихся уже въ этомъ парламентѣ, однако, указывалось на то, что онъ добивался не какихъ-либо нововведеній, а только закрѣпленія старыхъ правъ, дабы они не подвергались болѣе нарушеніямъ. Карлъ I пытался-было мѣшать обсужденію петиціи, но новая неудача подъ Ларошелью и расчетъ на то, что истолкователями петиціи будутъ судьи, зависимые отъ короны, склонили его къ тому, чтобы принять петицію и такимъ образомъ получить субсидіи, которыя были нужны Бёкингэму для новой экспедиціи. Многія лица, отказывавшіяся платить по принудительному займу, подвергались произвольному аресту, и въ числѣ членовъ палаты 1628 г., какъ мы видѣли, было не мало такихъ депутатовъ, которые потерпѣли отъ произвола власти. Эти лица жаловались въ суды на незаконные аресты, ссылаясь на право личной свободы, но суды, опасаясь правильно рѣшать дѣла такого рода, затягивали ихъ разсмотрѣніе, и по этому поводу пришлось высказаться уже парламенту, который ополчился въ защиту личной неприкосновенности, гарантированной еще знаменитой 39 статьей великой хартіи, принявъ за принципъ, что судьи имѣютъ право принимать жалобы на аресты и въ случаѣ незаконности послѣднихъ освобождать арестованныхъ. Петиція о правахъ, бывшая какъ бы второю великою хартіей, и взяла подъ свою защиту личную неприкосновенность англійскихъ подданныхъ. Этотъ замѣчательный актъ, заключавшій перечисленіе недавнихъ злоупотребленій и ссылки на статьи magnae chartae, равно какъ на старые статуты еще временъ Эдуардовъ, былъ по формѣ просьбою къ королю о томъ, чтобы впредь законы страны не нарушались, и чтобы это утверждено было королевской подписью. По существу дѣла содержа-

ніе петиціи сводилось къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) безъ разрѣшенія парламента не существуетъ никакихъ налоговъ, принудительныхъ займовъ и другихъ платежей; 2) никто не можетъ быть подвергаемъ аресту или наказанію по незаконному суду и безъ предоставленія обвиняемому возможности оправдаться; 3) чрезвычайные суды и экзекуціонныя военныя команды не должны существовать. Король утвердилъ петицію, получившую значеніе законнаго толкованія великой хартіи, спустя слишкомъ четыреста лѣтъ послѣ ея изданія, но когда по требованію парламента петиція была напечатана въ громадномъ количествѣ экземпляровъ для распространенія въ народѣ, палаты увидѣли, что въ утвержденіи были оговорки. Когда, далѣе, палата приняла ремонстранцію, требовавшую удаленія Бёкингэма, Карлъ I поспѣшилъ отсрочить засѣданія парламента. Вскорѣ послѣ этого фаворитъ былъ убитъ нѣкіимъ Фельтономъ, и извѣстіе объ этомъ было принято всею Англіей съ нескрываемою радостью. Народное возбужденіе усиливалось еще тѣмъ, что на материкѣ дѣла протестантовъ шли плохо, Валленштейнъ нанесъ ударъ нѣмецкимъ лютеранамъ и кальвинистамъ, во Франціи пала гугенотская Ларошель, и все это было въ то самое время, какъ англійская высокая церковь, руководимая лондонскимъ епископомъ Лоудомъ, стремилась, съ одной стороны, къ обособленію среди другихъ протестантскихъ исповѣданій и какъ бы хотѣла приблизиться къ католическимъ доктринамъ и церемоніямъ, т.-е. къ тому, что съ протестантской точки зрѣнія было суевѣріемъ и идолослуженіемъ, а съ другой—ея выдающіяся личности проповѣдовали уже извѣстныя намъ теоріи о ничтожности правъ парламента. Еще раньше, напримѣръ, придворный священникъ Монтэгю публично поносилъ континентальный протестантизмъ и защищалъ римскую церковь, за что парламентъ 1625 г. отправилъ его въ тюрьму; Карлъ I, однако, не только освободилъ этого духовнаго, такъ какъ онъ училъ о божественномъ происхожденіи королевскихъ правъ, но даже сдѣлалъ его въ 1628 г. епископомъ. Около того же времени другое духовное лицо, говорившее, что парламенты суть простые нули въ государственной жизни Англіи, получило весьма богатый приходъ. Политическіе дѣятели не могли не замѣчать, что число духовныхъ лицъ такого направленія, сравнительно небольшое при Іаковѣ I, сильно увеличилось при Карлѣ I, а потому весьма естественно, что, вновь собравшись въ январѣ 1629 г. послѣ отсрочки, парламентъ обратилъ особое вниманіе на религіозныя дѣла. Именно по почину Эліота въ палатѣ общинъ было сдѣлано заявленіе о правѣ парламента участвовать въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ,—*заявленіе, не оставлявшее никакого сомнѣнія въ томъ, что парламентъ былъ настроенъ въ пуританскомъ духѣ,* хотя,

съ другой стороны, парламентъ проявлялъ и стремленія подавлять всѣ религіозныя мнѣнія, которыя были несогласны съ мнѣніями, господствовавшими въ странѣ. Кромѣ того, палата постановила протестовать противъ незаконнаго взиманія грузовыхъ и вѣсовыхъ сборовъ, вопросъ о которыхъ все еще не былъ рѣшенъ. Тогда Карлъ I поспѣшилъ распустить парламентъ.

1629 г. имѣетъ важное значеніе въ исторіи трехъ главныхъ странъ Европы, которыя уже четыреста лѣтъ шли по разнымъ дорогамъ: одна—къ политическому раздробленію, другая—къ абсолютизму, третья — къ упроченію свободныхъ учрежденій: въ Германіи это былъ годъ реституціоннаго эдикта, во Франціи—годъ эдикта милости, въ Англіи—годъ, когда Карлъ I рѣшился не созывать болѣе парламентовъ, но всѣ эти три факта не имѣли долговѣчнаго значенія, такъ какъ реституціонный эдиктъ, бывшій выраженіемъ побѣды императора, пришлось скоро отмѣнить, эдиктъ милости не обезпечивалъ прочно за французскими протестантами свободы вѣроисповѣданія, намѣреніе же Карла I обходиться безъ парламента оказалось неисполнимымъ. Такимъ образомъ временная побѣда императора не остановила раздробленія Германіи, эдиктъ милости оказался безсильнымъ передъ произволомъ власти, утвердившимся во Франціи, да и попытка Карла I не уничтожила политической свободы въ Англіи. Кромѣ того, три названные факта стоятъ въ тѣсной связи съ религіозною борьбой того времени—одинъ, какъ результатъ побѣды католицизма, другой, какъ результатъ временнаго торжества вѣротерпимости, а третій—потому, что въ 1629 г. *въ Англіи самымъ яснымъ образомъ объединились оппозиціи политическая и религіозная*. Послѣ того, какъ Карлъ I рѣшился не созывать болѣе парламента, о войнѣ на материкѣ нечего было и думать, и Англія послѣ этого болѣе не играла уже никакой роли въ событіяхъ тридцатилѣтней войны.

Въ какомъ настроеніи расходился парламентъ 1628 — 29 гг., можно видѣть изъ того, что передъ его роспускомъ Карлъ I велѣлъ отложить засѣданіе, но общины не послушались королевскаго приказа. Эліотъ напалъ на новаго лорда-казначея за то, что онъ присовѣтовалъ королю незаконный сборъ пошлинъ, и заявилъ, что всякій, кто пытался нарушать права парламента, въ концѣ концовъ парламентомъ и поражался. Съ своей стороны, палата провозгласила, что кто измѣняетъ религію и собираетъ субсидіи безъ согласія парламента, тотъ есть врагъ отечества и общества, а кто добровольно подчиняется произвольнымъ распоряженіямъ, тотъ измѣнникъ англійской свободѣ. Можно себѣ представить, какъ все это должно было подѣйствовать на Карла, который и объявилъ въ особой прокламаціи, что такъ какъ съ парламентами ладить ему невозможно, то онъ

будетъ „считать дерзкимъ вызовомъ, если кому-либо придетъ въ голову предписывать ему обязанность относительно созванія парламента въ извѣстные сроки“. Вожди оппозиціи были заключены въ тюрьму, въ которой Элiотъ и кончилъ свои дни (1632).

Началось одиннадцатилѣтнее правленіе безъ парламента. Это было время, когда въ сосѣдней Франціи великій министръ, только-что справившійся съ гугенотами, установлялъ королевскій абсолютизмъ. Какъ у Людовика XIII былъ Ришелье, какъ въ Германіи въ пользу абсолютизма дѣйствовалъ, впрочемъ, не забывавшій и самого себя современникъ кардинала-министра, военный вождь Валленштейнъ, такъ и въ Англіи у Карла I въ то же самое время явился совѣтникъ, имѣвшій въ виду цѣлую политическую систему, которая напоминаетъ систему Ришелье, и собиравшійся вводить ее при помощи военной силы, которая составляла главную опору и Валленштейна, и нужно прибавить, что и по способностямъ своимъ, и по своему властолюбію онъ былъ сродни обоимъ названнымъ дѣятелямъ. Это былъ именно Томасъ Вентвортъ, одинъ изъ вождей оппозиціи въ парламентѣ 1628 г., но еще въ томъ же году перешедшій на королевскую службу, возведенный впослѣдствіи въ званіе графа Страффорда и назначенный королевскимъ намѣстникомъ въ Ирландіи. Явился у Карла I тогда же и другой совѣтникъ въ лицѣ лондонскаго епископа, впослѣдствіи (съ 1633 г.) архіепископа кентерберійскаго Лоуда: подобно тому, какъ Страффордъ представлялъ собою одну тенденцію эпохи—политическій абсолютизмъ, Лоудъ былъ выразителемъ другой ея тенденціи — религіозной реакціи, такъ какъ подъ управленіемъ Лоуда англиканская церковь заразилась всѣми стремленіями реакціоннаго католицизма. И Карлъ I, и Страффордъ, и Лоудъ стремились, въ сущности, къ одной цѣли, но они различнымъ образомъ представляли себѣ средства, которыми ее можно было осуществить. Уже при Тюдорахъ нѣкоторые государственные люди называли Англію абсолютною монархіей, понимая подъ этимъ терминомъ независимость англійской короны отъ папской опеки или какого бы то ни было иностраннаго суверенитета, и только Іаковъ I сталъ придавать этому выраженію тотъ смыслъ, что король свободенъ отъ контроля и отвѣтственности равнымъ образомъ и передъ парламентомъ. Карлъ I, „ненавидѣвшій самое имя парламента“, тоже понималъ старую англійскую конституцію такимъ образомъ, будто она ни малѣйшимъ образомъ не уменьшала его правъ, какъ абсолютнаго монарха, и видѣлъ въ парламентской оппозиціи одно лишь неповиновеніе подданныхъ своему государю. Онъ—по крайней мѣрѣ, сначала—надѣялся, однако, на то, что рано или поздно его подданные образумятся, и тогда, конечно, опять можно было бы собирать пар-

ламенты, а пока нужно было править лично и заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ будетъ оспариваться королевское право, судьи становились на сторону власти и, разъясняя англичанамъ своими приговорами обязанность повиноваться королевской волѣ, тѣмъ самымъ переубѣждали тѣхъ его подданныхъ, которые въ ложномъ видѣ представляли себѣ законныя отношенія, какія должны существовать между королемъ и народомъ. На континентѣ главною опорою абсолютизма сдѣлались постоянныя войска, но Карлъ I болѣе надѣялся на свое право, ложно имъ понимавшееся, чѣмъ на матеріальную силу, тѣмъ болѣе, что для содержанія войска у него и не было достаточныхъ средствъ. Между тѣмъ Страффордъ держался именно того взгляда, что королю нужно имѣть прежде всего хорошую армію, и самъ набиралъ войско, самовластно распоряжаясь въ Ирландіи, въ предвидѣніи той борьбы, какую нужно было выдержать въ Англіи при установленіи новой системы, представлявшейся ему притомъ не иначе, какъ въ видѣ суроваго режима Ришелье. Страффордъ хотѣлъ итти на проломъ („thorough", было его девизомъ), но при дворѣ не понимали его системы, не любили его самого за высокомѣріе и даже противъ него интриговали,—какъ при французскомъ дворѣ интриговали противъ Ришелье,—вооружая противъ него короля; въ особенности ненавидѣла его королева. Съ другой стороны, Страффордъ въ религіозныхъ дѣлахъ держался, какъ и Ришелье, чисто политическаго взгляда, т.-е. его политика не имѣла вѣроисповѣдной окраски. Къ ирландскимъ католикамъ онъ относился съ терпимостью, даже раздражавшей протестантовъ, хотя его планъ колонизаціи Ирландіи англичанами возбуждалъ противъ него и католиковъ. Равнымъ образомъ онъ относился съ раздраженіемъ къ стремленію парламента законодательствовать въ религіозныхъ дѣлахъ и преслѣдовать всѣхъ несогласно мыслящихъ. Страффордъ и не думалъ, впрочемъ, о примиреніи враждующихъ исповѣданій: напротивъ, на ихъ взаимномъ отчужденіи, на ихъ раздорахъ, дѣлавшихъ для обѣихъ сторонъ необходимою нравственную поддержку власти, онъ думалъ основать свое господство въ Ирландіи, бывшее необходимымъ для организаціи арміи. Во всякомъ случаѣ, *абсолютизмъ Страффорда не имѣлъ строго вѣроисповѣдной окраски, тогда какъ, наоборотъ, система Лоуда именно въ томъ и состояла, чтобы доставить прежде всего торжество извѣстнымъ церковнымъ принципамъ.* Человѣкъ узкаго и ограниченнаго ума, но такого же властнаго характера, какъ и Страффордъ, Лоудъ не могъ похвалиться тѣмъ пониманіемъ дѣйствительности, которое составляло силу его товарища. Оба они отличались безкорыстіемъ, трудолюбіемъ, упорствомъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, оба обладали даромъ органи-

заціи и административными способностями, но у Лоуда совсѣмъ не было политической проницательности Страффорда. Подобно королю и еще въ бóльшей степени, нежели онъ, Лоудъ былъ доктринеромъ, видѣвшимъ дѣйствительность въ свѣтѣ теоріи, которая мало имѣла общаго съ этою дѣйствительностью. Какъ Карлъ I превратно представлялъ себѣ англійскую конституцію, не понимая истиннаго ея характера,—не укрывшагося, однако, отъ Страффорда, который самъ раньше былъ парламентскимъ бойцомъ,—такъ и Лоудъ составилъ себѣ совершенно особенный взглядъ на англиканскую церковь, обязанную, какъ бы то ни было, своимъ происхожденіемъ великому реформаціонному движенію XVI вѣка, что̀ ставило ее въ связь съ протестантскими церквами материка, какъ-разъ и отрицавшуюся Лоудомъ. У него составилась на этотъ счетъ своя особая теорія. Англиканская церковь, какъ часть церкви вселенской, благодаря реформаціи возстановила въ себѣ истинную вѣру и жизнь первыхъ вѣковъ христіанства, искаженную новшествами Рима, Лютера и Кальвина. Тѣмъ не менѣе англиканская церковь все-таки ближе къ римской, которая попрежнему остается частью вселенской церкви, сохраняя епископское преемство, тогда какъ лютеранство и кальвинизмъ не могутъ даже считаться церквами, ибо они отвергли божественное установленіе епископата. Симпатіи Лоуда были поэтому на сторонѣ католицизма, и его мечтою было достигнуть возсоединенія съ римскою церковью, когда папство отречется отъ своихъ заблужденій, а англиканская церковь приблизится къ римской и по общему своему характеру, и по своему культу. Общая политика Лоуда приняла такой характеръ, что курія тайно предлагала ему кардинальство, которое было имъ, впрочемъ, отвергнуто. Разсказываютъ, что одна дама поспѣшила принять католицизмъ, чтобы не затеряться въ толпѣ, которая должна будетъ пойти за Лоудомъ, когда онъ возвратится подъ папскую власть. На самомъ дѣлѣ, однако, архіепископъ вовсе не думалъ объ этомъ—при всемъ своемъ католическомъ настроеніи. Къ протестантамъ Лоудъ относился вообще нетерпимо, и, напримѣръ, англійскій посланникъ въ Парижѣ получилъ предписаніе больше не посѣщать кальвинистическаго богослуженія, отправлявшагося неподалеку отъ этого города. Такое же запрещеніе послѣдовало и для англичанъ вообще, находившихся на материкѣ. Иностранные выходцы въ Англіи также должны были отказаться отъ кальвинистическаго богослуженія, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ предпочли выселиться въ Голландію. Пуританизмъ преслѣдовался строжайшимъ образомъ, хотя имъ была заражена значительная часть націи.

Такимъ образомъ политика короля и политика двухъ его совѣт-

никовъ *были непохожи одна на другую: Карлъ I полагался на силу времени, которое должно было пріучить англичанъ къ повиновенію, Страффордъ думалъ итти „напроломъ“, опираясь на военную силу, и былъ весьма далекъ отъ вѣроисповѣднаго фанатизма, тогда какъ Лоудъ былъ сторонникомъ главнымъ образомъ именно церковной репрессіи.* Но прежде нежели говорить о характерѣ того правленія, которое установилось въ Англіи послѣ 1629 г., нужно сказать еще нѣсколько словъ о самомъ Страффордѣ. Обращеніе одного изъ наиболѣе видныхъ членовъ оппозиціи въ той самой палатѣ, которая выработала петицію о правахъ, въ ревностнаго защитника абсолютизма представляетъ большой психологическій интересъ, и для объясненія перехода Вентворта изъ одного лагеря въ другой историки прибѣгали къ разнымъ предположеніямъ. По одному мнѣнію, онъ былъ просто „купленъ“ королемъ: такое представленіе дѣла даже дополнялось тѣмъ соображеніемъ, что самая его оппозиція въ парламентѣ 1628—1629 г. была только напускная, потому что ему хотѣлось только выставить въ выгодномъ свѣтѣ свои таланты, чтобы потомъ подороже себя продать. Этому противорѣчитъ, однако, не только личное безкорыстіе Страффорда, но и все его независимое поведеніе по отношенію ко двору и королевскому совѣту, гдѣ его ненавидѣли. Другое предположеніе исходитъ изъ того, что человѣкъ властолюбиваго нрава могъ удовлетвориться или рѣзкой оппозиціей, разъ самъ онъ не стоялъ у власти, или крайней тираніей, разъ власть была въ его рукахъ; и такое объясненіе ближе къ истинѣ, но оно неполно, такъ какъ въ немъ еще не заключается никакихъ указаній на политическое міросозерцаніе Страффорда. Дѣло въ томъ, что съ его стороны, повидимому, не было никакой измѣны какимъ-либо старымъ взглядамъ: онъ еще раньше, въ концѣ царствованія Іакова I, стремился попасть на коронную службу, но его постоянно оттиралъ Бёкингэмъ, и вотъ у него по отношенію къ этому фавориту должно было поэтому возникнуть смѣшанное чувство личной ненависти и политическаго негодованія, вызывавшагося неспособностью фаворита, который своимъ поведеніемъ ронялъ престижъ власти и достоинство страны. Отсюда—страстная оппозиція Вентворта противъ Бёкингэма; нападая въ своихъ рѣчахъ на министра, онъ, такъ сказать, выгораживалъ короля, не потому, чтобы это подсказывалось ему чутьемъ интригана, думавшаго спихнуть человѣка и сѣсть на его мѣсто, а потому, что, въ сущности, Вентвортъ никогда не былъ такимъ сторонникомъ парламента, какъ Эліотъ; если даже до нѣкоторой степени онъ и заражался общимъ духомъ палаты, выработавшей петицію о правахъ, то тутъ могло быть временное увлеченіе, которое скоро и прошло. Если Эліотъ стремился утвердить власть на обще-

ственномъ мнѣніи, то Страффордъ, наоборотъ, общественное мнѣніе презиралъ. Онъ думалъ, что власть должна быть основана не на мнѣніяхъ, а на разумѣ, а свой собственный разумъ онъ ставилъ выше разума другихъ. По смерти Бёкингэма Вентвортъ вступилъ въ королевскій совѣтъ, давъ обѣщаніе защищать права монарха отъ всѣхъ посягательствъ на нихъ со стороны подданныхъ, и вскорѣ вполнѣ подчинилъ Карла I своему вліянію. Въ качествѣ королевскаго намѣстника въ Ирландіи (1633) онъ правилъ совершенно деспотически, попирая право и законъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ защищая простой народъ отъ тираніи дворянства, устраняя злоупотребленія администраціи судовъ. Онъ содѣйствовалъ, кромѣ того, экономическому благосостоянію страны и ограждалъ общественную безопасность преслѣдованіемъ морского разбоя у ея береговъ, словомъ, вводилъ въ Ирландіи ту систему управленія, которая принесла свои плоды во Франціи при кардиналѣ Ришелье. „Девизомъ его жизни, говоритъ Гардинеръ, могли бы быть слѣдующія слова: „справедливость безъ различія лицъ". Ничто не вызывало такого негодованія съ его стороны, какъ претензіи богатыхъ на особое значеніе или исключительныя милости. Палата общинъ была въ его глазахъ органомъ землевладѣльцевъ и юристовъ въ ущербъ бѣднымъ. Слабая сторона его заключалась въ его презрительномъ отношеніи къ народу и къ закону, какъ къ опорѣ справедливости. Все, что́ народу нужно, должно было быть сдѣлано для него, но не имъ самимъ". Но Ирландія была только для Страффорда средствомъ: здѣсь онъ составлялъ армію, которую при надобности можно было бы перевести въ Англію для того, чтобы и тамъ итти „напроломъ", желая упорядочить всѣ внутреннія отношенія Англіи исключительно силою власти и сдѣлать изъ нея такую же политическую силу въ европейскомъ мірѣ, какою была Франція. Съ 1633 г. Страффордъ большею частью отсутствовалъ изъ Англіи и переписывался съ Лоудомъ: въ одномъ, какъ показываетъ ихъ корреспонденція, они были солидарны, именно въ томъ, что нужно итти „напроломъ". Система Страффорда, повидимому, приводила къ желанной цѣли, но дѣло было, какъ увидимъ, испорчено Лоудомъ.

Одиннадцатилѣтнее правленіе безъ парламента было въ Англіи временемъ настоящей тиранніи, какъ будто воскресли черезъ сто лѣтъ годы правительственнаго терроризма, возведеннаго въ систему при Генрихѣ VIII канцлеромъ Кромвелемъ. Въ это именно время дѣйствовали съ особою жестокостью звѣздная палата и верховная коммиссія, сдѣлавшіяся для Англіи тѣмъ, чѣмъ были кровавый совѣтъ Альбы въ Нидерландахъ или инквизиція въ Испаніи: безъ соблюденія законныхъ формъ судили здѣсь за государственныя пре-

ступленія, подводя подъ это понятіе все, что было угодно; за неосторожныя слова или политическіе памфлеты осужденныхъ сажали въ тюрьмы, публично сѣкли, обрѣзывали имъ уши, привязывали къ столбу; священники и міряне, зараженные пуританизмомъ, тоже подвергались разнымъ наказаніямъ. Все это было прямымъ нарушеніемъ законности, но дѣло не ограничивалось еще уничтоженіемъ гарантій личной свободы, установленныхъ великою хартіей и подтвержденныхъ петиціей о правахъ, такъ какъ теперь и деньги беззаконно стали браться у англичанъ подъ разными благовидными предлогами, лишь бы дѣло не имѣло вида установленія новыхъ налоговъ: звѣздная палата посредствомъ денежныхъ штрафовъ и конфискацій наполняла королевскую казну, какъ будто главная задача этого суда состояла въ томъ, чтобы изобрѣтать случаи для имущественныхъ наказаній; возстановлена была продажа монополій; продолжали взимать грузовые и вѣсовые сборы; прибѣгали къ беневоленціямъ, выманивая у богатыхъ людей деньги всѣми правдами и неправдами и т. п. Особенно охотно копались въ старинѣ, отыскивая прецеденты для новыхъ способовъ добыванія денегъ. Однимъ изъ такихъ способовъ явилась корабельная подать. Въ старыя времена въ случаѣ войны портовые города должны были давать королю корабли, а приморскія графства доставлять провіантъ, теперь же рѣшились замѣнить и то, и другое корабельною податью, но уже какъ постояннымъ налогомъ, притомъ распространявшимся на всю Англію, хотя это не имѣло за себя никакихъ прецедентовъ и даже было отступленіемъ отъ собственнаго же первоначальнаго намѣренія правительства не налагать прямо податей безъ парламента; наконецъ, здѣсь и не флотъ имѣлся уже въ виду, а сухопутная армія, создать которую Страффордъ убѣждалъ Карла I, дабы онъ могъ быть абсолютнымъ господиномъ Англіи и сильнымъ монархомъ въ Европѣ. Изъ-за этой корабельной подати у правительства произошло знаменитое столкновеніе съ Джономъ Гемпденомъ, который уже разъ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, не хотѣлъ платить по принудительному займу и за это былъ посаженъ въ Тоуеръ. Гемпденъ и теперь отказался внести причитавшуюся съ него долю новой подати (1636), а когда Карлъ I объявилъ, что судьи признаютъ право короля на взиманіе этой подати, то пожелалъ суда надъ собою. Однако судьи, утратившіе всякую независимость, большинствомъ семи голосовъ противъ пяти высказались противъ смѣлаго сквайра, и корона вышла побѣдительницей изъ этого спора (1637). Страффордъ думалъ въ это время, что пора было бы розгами научить Гемпдена и ему подобныхъ господъ, какъ слѣдуетъ быть благоразумными. И вотъ въ томъ же самомъ году, когда исходъ дѣла Гемпдена не только усилилъ на-

дежду короля на то, что скоро его власть восторжествуетъ, но и увеличилъ опасенія сторонниковъ парламента, заставившія многихъ (въ томъ числѣ и Гемпдена, а по преданію и его двоюроднаго брата по матери Оливера Кромвеля) задумать переселеніе въ Америку, которое для многихъ уже сдѣлалось единственнымъ средствомъ спастись отъ деспотизма на родинѣ,—въ Шотландіи вспыхнуло возстаніе, вызванное попыткой Лоуда водворить въ этой странѣ строгій англиканизмъ со всѣми нововведеніями въ католическомъ духѣ, которыя имъ къ тому времени были сдѣланы въ оффиціальномъ вѣроисповѣданіи Англіи. Въ сущности, это было завершеніе дѣла, начатаго еще при Іаковѣ I, но новая литургія, сближенная съ католической мессой, вызвала въ Шотландіи единодушный протестъ (1637). Въ Лондонъ полетѣли просьбы объ отмѣнѣ нововведенія, но король не уступалъ. Тогда шотландцы заключили между собою ковенантъ (союзъ) на защиту своей религіи, самовольно созвали парламентъ, собрали денегъ, образовали войско и начали войну съ Карломъ I. Скоро шотландцы стали одерживать побѣды надъ незначительными военными силами короля въ то самое время, какъ и въ самой Англіи далеко уже не было спокойствія, царившаго въ ней раньше и обманывавшаго короля относительно общаго настроенія націи. Карлъ I обращался за денежною помощью къ Испаніи, предлагая ей начать за это войну съ Голландіей (это было еще время тридцатилѣтней войны), а въ ожиданіи этой помощи пользовался контрибуціями, которыя ему были предложены англійскими католиками. Испанія не дала, однако, желаемыхъ денегъ, а католическія приношенія были слишкомъ ничтожны. Между тѣмъ сочувствіе большинства англичанъ стало переходить на сторону шотландцевъ, которые, кромѣ того, вступили въ переговоры съ Ришелье, желавшимъ создать для Англіи затрудненіе при обнаруженномъ ею стремленіи снова вмѣшаться въ континентальную войну. Страффордъ и Лоудъ стояли за рѣшительное подавленіе шотландскаго мятежа. Карлъ I, въ руки котораго попала переписка ковенантеровъ съ Франціей, задумалъ воспользоваться ею, чтобы настроить противъ нихъ своихъ англійскихъ подданныхъ и заставить ихъ дать ему большія субсидіи. Въ апрѣлѣ 1640 г. былъ собранъ поэтому парламентъ, но расчетъ Карла I и Страффорда оказался невѣрнымъ, такъ какъ члены парламента, руководимые Пимомъ и Гемпденомъ, очень хорошо понимали, что дѣло шотландцевъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло всѣхъ англичанъ. Палата общинъ прямо объявила, что согласится на субсидіи лишь подъ условіемъ прекращенія злоупотребленій, на которыя и было при этомъ указано правительству. Этотъ парламентъ былъ распущенъ всего черезъ три недѣли послѣ своего открытія и потому получилъ названіе

„короткаго"; въ это-то время правительственныя войска и стали терпѣть пораженія, а въ самой Англіи начались безпорядки. Карлъ I сдѣлалъ-было попытку обратиться къ одной верхней палатѣ, которую въ качествѣ „великаго совѣта" созвалъ въ Іоркѣ, но лорды, которымъ не принадлежало права вотировать субсидіи, наотрѣзъ отказались дать денегъ [1]). Королю послѣ этого не оставалось ничего болѣе, какъ созвать новый парламентъ. Это и былъ знаменитый долгій парламентъ 1640 г.

XXXV. Долгій парламентъ, кавалеры и круглоголовые [2]).

Пораженіе политики Страффорда.—Значеніе исторіи 1640—1660 гг. въ Англіи.—Характеръ англійской революціи. — Броженіе въ англійскомъ обществѣ въ 1637—1640 гг.—Памфлетная публицистика и ея политическія идеи.—Джонъ Пимъ и его политическая теорія. — Первыя дѣйствія долгаго парламента. — Процессъ Страффорда. — Взаимное недовѣріе Карла I и парламента. — Ирландское возстаніе. — Образованіе въ парламентѣ партій. — «Великая ремонстранція». — Попытка ареста пяти членовъ.—Разрывъ короля съ парламентомъ и парламентскія требованія 1642 г. — Междоусобная война.

Событія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ съ конца тридцатыхъ годовъ XVII вѣка, доказывали, *какъ незначительны были шансы установленія въ Англіи абсолютизма:* дѣйствуя „напроломъ" въ Шотландіи, правительство встрѣтилось съ оппозиціей, перешедшей въ открытое возмущеніе, которое и въ Англіи заставило отказаться отъ этой системы. Одинъ Страффордъ оставался непоколебимъ. Въ 1637 г. онъ думалъ, что настала пора вразумлять розгами непокорныхъ людей въ родѣ Гемпдена. Когда начались шотландскія волненія, онъ стоялъ за подавленіе ихъ силою и говорилъ, что нужно бичами прогнать шотландцевъ за ихъ границы. Передъ созваніемъ „короткаго" парламента онъ, предвидя возможность отказа въ субсидіяхъ, совѣ-

[1]) По англійскому государственному праву еще съ XIV в. право вотировать субсидіи принадлежитъ одной палатѣ общинъ.

[2]) *М. Ковалевскій.* Кавалеры и круглоголовые. Опытъ изученія ихъ политическихъ воззрѣній (Сѣв. Вѣстн., 1892).—*Его же.* Родоначальники англійскаго радикализма (Руск. Мысль, 1892).—*Forster.* The great remonstrance. — *Его же.* Arrest of the five members by Charles I.—Для исторіи междоусобной войны въ Англіи см. *Gardiner.* History of the great civil war., а также сочиненія, касающіяся Рупрехта Пфальцскаго, сына Фридриха V (зимняго короля) и племянника Карла I, какъ начальника въ арміи послѣдняго: *Warburton.* Memoirs of prince Rupert and the Cavaliers.—*Spruner.* Rupert the Cavalier.—О королевѣ Генріеттѣ-Маріи, которая проявила большую энергію въ междоусобіи, сама принявъ участіе въ добываніи денежныхъ средствъ и формированіи войска на материкѣ, см. соч. *Baillon'a* (Henriette-Marie de France).

товалъ прибѣгнуть въ такомъ случаѣ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, а въ Ирландіи прямо добился отъ мѣстнаго парламента, бывшаго лишь пассивнымъ орудіемъ его власти, большой субсидіи, на которую снарядилъ войско. Убѣдивъ Карла собирать деньги самовольно въ виду оппозиціоннаго поведенія палатъ, онъ лично сталъ во главѣ ирландской арміи, чтобы подавить шотландцевъ. Несмотря на неудачу, постигшую армію изъ разнаго сброда, онъ и тутъ не падалъ духомъ. Когда два пэра подали королю петицію о необходимости примиренія съ шотландцами, Страффордъ арестовалъ этихъ лордовъ и даже предложилъ тайному совѣту разстрѣлить ихъ. какъ бунтовщиковъ, на что послѣдній, однако, не согласился. Когда открылись засѣданія долгаго парламента, Страффордъ хотѣлъ предупредить своихъ враговъ, зная, что они не замедлятъ сами сдѣлать на него нападеніе: у него уже готово было обвиненіе вождей парламентской оппозиціи въ преступной перепискѣ съ шотландцами, когда онъ самъ былъ арестованъ по приказанію палаты лордовъ. *Уже созваніе перваго парламента 1640 г., получившаго названіе короткаго, было признакомъ того, что политика, внушавшаяся Карлу I Страффордомъ, потерпѣла пораженіе*: королю въ одиннадцать лѣтъ правленія безъ парламента не удалось переубѣдить англичанъ, какъ онъ объ этомъ думалъ, а Страффордъ не успѣлъ создать значительной военной силы, которая могла бы утвердить королевскій абсолютизмъ, такъ какъ религіозная политика Лоуда создала правительству затрудненія, какихъ оно совсѣмъ не предвидѣло при введеніи въ жизнь страны новой системы. Если шансы англійскаго абсолютизма вообще были малы, то тѣмъ меньшими дѣлало ихъ еще то обстоятельство, что лица, проводившія его въ жизнь страны, далеко не соотвѣтствовали своей задачѣ — ни Іаковъ I, ни Бёкингэмъ. ни Лоудъ, ни самъ Карлъ I, за исключеніемъ развѣ одного лишь Страффорда, съ самаго начала новой политики не ошибавшагося въ настроеніи общества и видѣвшаго неизбѣжность борьбы, а потому сознававшаго необходимость имѣть въ распоряженіи военную силу и бывшаго готовымъ продолжать свое „напроломъ", когда послѣднее было уже крайне трудно. Если, съ другой стороны, онъ былъ единственною крупною личностью въ лагерѣ абсолютизма, то *изъ защитниковъ старыхъ правъ націи выдвинулся, наоборотъ, цѣлый рядъ крупныхъ историческихъ дѣятелей*, съ именами которыхъ неразрывно связана бурная эпоха англійской исторіи, охватывающая собою сороковые и пятидесятые годы XVII вѣка: назовемъ только Пима, Гемпдена, Кромвеля, Мильтона.

Два указанныя десятилѣтія (1640 — 1660) въ исторіи Англіи дѣйствительно имѣютъ громадное значеніе: въ то время, какъ во Франціи упрочивался абсолютизмъ, а въ Германіи—княжеское мелко-

державіе,—двѣ политическія формы, къ которымъ вела исторія обѣ страны въ теченіе четырехъ столѣтій, — въ Англіи отстаивала себя отъ деспотическаго покушенія старая политическая свобода, равнымъ образомъ зародившаяся за четыреста лѣтъ передъ тѣмъ. Но сопоставляя англійскую исторію съ нѣмецкой и французской, мы невольно обращаемся мыслью при воспоминаніи о первой англійской революціи къ аналогичнымъ эпохамъ въ жизни и Германіи, и Франціи: *въ исторіи Англіи сороковые и пятидесятые годы XVII в. были тѣмъ же самымъ, чѣмъ для Германіи были двадцатые годы XVI в., чѣмъ для Франціи сдѣлалась эпоха, наступившая въ 1789 г.*, т.-е. временемъ крайняго національнаго возбужденія, наибольшаго напряженія общественныхъ силъ, временемъ расчетовъ съ стариною, рѣшенія спорныхъ вопросовъ настоящаго и стремленій къ новому будущему, временемъ культурной, религіозной, соціальной и политической борьбы. Находясь въ хронологическомъ отношеніи какъ-разъ на одинаковомъ почти разстояніи отъ нѣмецкой реформаціи и французской революціи, и въ смыслѣ историческомъ англійскій „великій мятежъ" былъ чѣмъ-то среднимъ между реформаціей въ Германіи и революціей во Франціи: въ первой религіозная сторона господствовала надъ политическою, во второй политическая — надъ религіозной, тогда какъ англійская революція, если можно такъ выразиться, *была революціей наполовину политическою, наполовину религіозною*. Съ другой стороны, несомнѣнна также и ея глубокая историческая связь съ религіознымъ переворотомъ въ Германіи и политическимъ переворотомъ во Франціи. Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. въ нѣмецкомъ народѣ произошло реформаціонное движеніе, бывшее лишь началомъ цѣлаго ряда аналогичныхъ движеній въ другихъ европейскихъ странахъ, а въ этомъ ряду послѣднимъ событіемъ является англійская революція съ своимъ пуританскимъ характеромъ, съ своими церковными реформами, съ своимъ сектантствомъ: многіе религіозные вопросы, впервые поставленные нѣмецкой реформаціей, разрѣшаются англійскою,—не тою, которая была въ XVI в., а тою, которой суждено было произойти въ XVII столѣтіи. И въ то же время въ Англіи ставятся и рѣшаются какъ практически, такъ и теоретически политическіе вопросы, наполняющіе собою и исторію французской революціи, а та политическая форма, которая восторжествовала въ Англіи, особенно тѣ политическія идеи, развитіе которыхъ совершалось въ Англіи XVII в., играли весьма важную роль въ указанной исторіи. Дѣло въ томъ, что борьба между королевскою властью и парламентомъ, образованіе двухъ политическихъ партій, предъявленіе новыхъ требованій къ политической жизни, т.-е. зарожденіе рядомъ съ идеями абсолютизма демократическихъ стремленій, — все это должно было

отразиться и на тогдашней литературѣ, и Англія, дѣйствительно, выставила цѣлую плеяду политическихъ писателей, развивавшихъ идеи, которыя потомъ оказали большое вліяніе на политическую мысль европейскаго континента. Отличіе англійской революціи отъ аналогичныхъ движеній въ Германіи и во Франціи заключалось въ томъ, что и нѣмцы въ двадцатыхъ годахъ XVI в., и французы въ концѣ XVIII столѣтія стремились къ коренному измѣненію государственныхъ и общественныхъ формъ, которыя существовали въ обѣихъ странахъ, тогда какъ англичане думали сначала главнымъ образомъ не о переворотѣ, а о томъ, чтобы отстоять существующія отношенія, подвергшіяся опасности со стороны королевской власти: въ Германіи и во Франціи предстояло только еще завоевать свободу, тогда какъ въ Англіи послѣдняя была старымъ достояніемъ, и *это придало англійской революціи оттѣнокъ нѣкотораго консерватизма*. Во всѣхъ трехъ случаяхъ, наконецъ, одновременно съ религіозными и политическими вопросами, изъ которыхъ первые были рѣзче поставлены въ XVI в., а вторые — въ XVIII в., въ XVII же в., какъ было сказано, и тѣ, и другіе играли одинаково важную роль, — происходили и соціальныя движенія, обусловленныя борьбою классовъ. Рѣзче всего проявилось это во французской революціи, весьма рѣзко и въ нѣмецкой реформаціи, особенно благодаря тому, что въ обоихъ случаяхъ происходили крестьянскія возстанія весьма грознаго характера и не менѣе грозныя волненія городского простонародья, тогда какъ въ Англіи не было ничего такого, чтó приняло бы размѣры и характеръ великой крестьянской войны и мюнстерскаго анабаптистскаго возстанія въ Германіи или крестьянскихъ бунтовъ, сопровождавшихся пожарами замковъ въ началѣ французской революціи и якобинскаго режима, опиравшагося на городской пролетаріатъ. Тѣмъ не менѣе и у англійской революціи была своя соціальная сторона, чтó между прочимъ отразилось и на составѣ политическихъ партій той эпохи.

Настроеніе англійской націи, бывшее, повидимому, спокойнымъ послѣ 1629 г., стало быстро измѣняться съ 1637 г., когда разыгралось дѣло Гемпдена и начались шотландскія волненія. До этого времени все шло хоть и не особенно гладко, но такъ, что при дворѣ были увѣрены въ успѣхѣ новой системы, тѣмъ болѣе, что Англія благодаря внѣшнему миру въ тѣ годы, какъ на материкѣ велась война, и благодаря отчасти именно этой войнѣ въ матеріальномъ отношеніи благоденствовала, развивала свое сельское хозяйство, промышленность и торговлю. За всѣ эти годы англичане или терпѣливо ожидали перемѣны обстоятельствъ, или эмигрировали въ Америку. Переселилось въ Новый Свѣтъ болѣе двадцати тысячъ, и въ числѣ

переселенцевъ были и священники, и ученые, и адвокаты, и купцы, и фермеры; ихъ примѣру собирались слѣдовать даже сквайры и лорды. Впервые дѣло Гемпдена произвело сильное впечатлѣніе. Когда въ томъ же году звѣздная палата приговорила нѣсколькихъ памфлетистовъ, напавшихъ на епископатъ, къ отсѣченію ушей, выставкѣ у позорнаго столба и пожизненному тюремному заключенію, сто тысячъ лондонцевъ, собравшихся на ихъ пути отъ мѣста наказанія въ тюрьму, устроили имъ овацію, какъ мученикамъ за свободу. Во время шотландской войны лондонское простонародье сдѣлало даже нападеніе на архіепископскую резиденцію и помѣшало засѣданію верховной коммиссіи. Далѣе случалось, что милиціонеры, вообще неохотно шедшіе на „епископскую войну“ (т.-е. войну съ Шотландіей), убивали офицеровъ, которыхъ заподозрѣвали въ папизмѣ, разбивали рѣшетки у алтарей въ храмахъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, и разбѣгались по домамъ. Въ весенній парламентъ 1640 г. поступала масса петицій отъ разныхъ графствъ и городовъ съ требованіемъ о прекращеніи произвола. Въ палату второго парламента того же года,—которому суждено было сдѣлаться „долгимъ“,—каждый депутатъ привезъ съ собой петицію объ устраненіи какихъ-либо злоупотребленій, и независимо отъ этого поступило еще такъ много петицій, что цѣлая недѣля прошла лишь въ ихъ пріемѣ и разборѣ; назначено было сорокъ коммиссій для ихъ подробнаго разсмотрѣнія и составленія по нимъ отчетовъ. Наконецъ, какъ будто сразу прекратилась пуританская эмиграція въ Америку, а пуританская проповѣдь стала раздаваться особенно смѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ началось развитіе той брошюрной литературы, которая въ теченіе двадцати лѣтъ дошла до громадной цифры цѣлыхъ тысячъ.

Въ этой литературѣ обращаютъ на себя вниманіе тѣ политическія идеи, въ которыхъ формулировались стремленія начинавшагося столкновенія: впослѣдствіи онѣ получили систематическую обработку въ настоящихъ трактатахъ. Программа партіи, вступившей впослѣдствіи въ борьбу съ королемъ, въ то время была весьма ясна. Тогда еще никто не думалъ о республикѣ, и общимъ лозунгомъ было сохраненіе королевской прерогативы; даже самые крайніе лишь считали нужнымъ ограничить королевскую прерогативу во имя свободы, признавая, однако, оба элемента—и прерогативу, и свободу—одинаково необходимыми, хотя они и доходили въ ограниченіи первой до требованій, напоминающихъ современный парламентаризмъ. Нѣсколько позднѣе возникла въ Англіи республиканская партія, но пока вся оппозиція думала защищать старые принципы смѣшаннаго образа правленія съ равновѣсіемъ короля, палаты лордовъ и палаты общинъ. Однако, ближе знакомясь съ политическими воззрѣніями членовъ

долгаго парламента и тогдашнихъ литературныхъ защитниковъ свободы противъ злоупотребленій прерогативою, мы можемъ сказать, что идеаломъ этихъ дѣятелей и писателей *была скорѣе республика съ наслѣдственнымъ президентствомъ, именуемымъ королевскою властью, нежели тою монархіей, ограниченной законами и парламентами*, о которой говорили прежніе писатели въ родѣ Фортескью. Именно, признавая въ теоріи равновѣсіе и раздѣленіе властей, сторонники парламента на самомъ дѣлѣ урѣзывали прерогативу, доказывая, напримѣръ, что король не имѣетъ права отклонять билли, прошедшіе черезъ обѣ палаты, что парламентъ долженъ непосредственно выбирать королевскихъ совѣтниковъ, а король лишь—утверждать представленныхъ ему кандидатовъ, что парламенту принадлежитъ завѣдованіе военною обороною страны и т. п. Въ одномъ анонимномъ памфлетѣ 1642 г., подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя соображенія о взаимныхъ обязанностяхъ короля и народа", передъ всѣми формами правленія отдается предпочтеніе смѣшанной формѣ, какъ самой прочной и непоколебимой, такъ какъ лишь при ней монархъ, аристократія и народъ имѣютъ каждый столько власти, сколько необходимо для ихъ самостоятельности: стоитъ лишь одному элементу получить перевѣсъ надъ двумя другими, какъ смѣшанная форма превратится въ тираннію. Въ другомъ памфлетѣ того же 1642 г. о „Привилегіяхъ палаты общинъ" доказывается, что общины были призваны къ власти вслѣдствіе того, что аристократія узурпировала королевскія права, а это въ свою очередь было вызвано превращеніемъ монархіи въ тираннію. Другія рѣчи и брошюры восхваляютъ англійскую конституцію за то, что она удачно примиряетъ монархію, аристократію и демократію или прерогативу и свободу и т. п. Между тѣмъ, недовѣріе къ Карлу I въ то же самое время заставляло людей, считавшихъ необходимымъ оставить самостоятельность за всѣми тремя чинами государства, всячески ограничивать королевскую прерогативу,—явленіе, которое поражаетъ насъ и въ исторіи составленія французской конституціи 1791 г., лишь по формѣ бывшей монархическою, по существу же республиканской. Мало того, нѣкоторыми и теоретически высказывалась мысль, что права обѣихъ палатъ парламента важнѣе правъ короля и что права одной палаты общинъ важнѣе правъ короля и палаты лордовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Во всякомъ случаѣ произошло такъ, что одну и ту же конституцію король и парламентскіе вожди понимали совершенно различно, и притомъ обѣ стороны думали, что остаются на строго конституціонной почвѣ: Карлъ I, включая въ конституцію абсолютную власть короля, тѣмъ самымъ какъ бы заставилъ парламентскую оппозицію увидѣть въ прерогативѣ опасность для свободы и пожелать ея ограниченія путемъ расширенія правъ

нижней палаты, которыя и стали казаться защитникамъ парламентскихъ привилегій самыми основными во всей конституціи.

Выразителемъ такой политической теоріи и главнымъ вождемъ оппозиціи сдѣлался уже раньше упоминавшійся нами Пимъ, сомерсетширскій сквайръ, имѣвшій тогда уже подъ шестьдесятъ лѣтъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей первой англійской революціи, энергичный организаторъ, политическій вождь, умѣвшій внушить къ себѣ довѣріе и потому сразу занявшій въ парламентѣ первое мѣсто. Какъ старый боецъ за свободу, посаженный даже въ тюрьму за свое поведеніе въ парламентѣ 1614 года, Пимъ уже раньше пользовался большою популярностью въ странѣ, а передъ собраніемъ долгаго парламента онъ объѣхалъ всю Англію, всюду возбуждая избирателей къ энергичному протесту, такъ что вновь избранные члены, большая часть которыхъ впервые попала въ парламентъ, уже заранѣе привыкала видѣть въ немъ своего вождя. Еще болѣе придавало ему вѣса и то, что у него былъ вполнѣ ясный взглядъ на столкновеніе конституціонныхъ элементовъ, между тѣмъ какъ другіе дѣятели большею частью недоумѣвали, какъ нужно поступать въ данныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ для подобныхъ случаевъ не было ни подходящихъ законовъ, ни прецедентовъ. Стоя теоретически на той точкѣ зрѣнія, что королевская прерогатива и народная свобода опредѣляются закономъ, что одна является поддержкою другой, пока каждая не выходитъ изъ своей сферы, и доказывая поэтому, что въ противномъ случаѣ или побѣда прерогативы повлечетъ за собою тираннію, или, наоборотъ, установится анархія, разъ свобода подкопается подъ прерогативу, Пимъ на практикѣ твердо держался того мнѣнія, что въ англійской конституціи парламенту принадлежитъ болѣе важное значеніе, чѣмъ коронѣ, и что самую существенную часть парламента представляетъ собою именно палата общинъ. Въ этой идеѣ Пима, нашедшей тогда многочисленныхъ сторонниковъ, *заключалась въ общихъ очертаніяхъ не конституція прежней Англіи, а конституція Англіи будущей*, т.-е. Англіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ такомъ именно смыслѣ на старыхъ своихъ основахъ и развивалось дѣйствительно англійское государственное устройство путемъ постепенныхъ переходовъ, но конечная цѣль всего развитія, если можно такъ выразиться, была такимъ образомъ уже намѣчена въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка. Хотя идея Пима и не соотвѣтствовала тому, что представляла собою современная ему англійская конституція, тѣмъ не менѣе идея эта все-таки была къ ней ближе и абсолютистическихъ толкованій конституціи Стюартами, съ одной стороны, и республиканскаго режима, который думали установить въ Англіи индепенденты, — съ другой.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи XVII вѣка не было элементовъ ни для абсолютизма, ни для республики, а тѣ элементы, изъ которыхъ созидался ея государственный строй, развивались именно въ направленіи, уже намѣченномъ въ идеѣ о томъ, что самую существенную часть конституціи составляла палата общинъ. Долгій парламентъ прямо на фактахъ сталъ доказывать это положеніе, да и самое установленіе въ Англіи республики, какъ мы увидимъ, было не столько дѣломъ принципа, сколько политической необходимости, созданной тѣмъ, что послѣ побѣды надъ королемъ и лордами нижняя палата долгаго парламента фактически сдѣлалась единственною властью въ государствѣ.

Что побѣда должна была склониться на сторону парламента, это было весьма естественно въ виду всеобщаго раздраженія на систему Страффорда и нравственнаго авторитета, которымъ пользовался парламентъ въ населеніи. Въ 1640 г. Карлъ I совсѣмъ упалъ духомъ, тогда какъ парламентъ былъ особенно крѣпокъ тѣмъ, что въ немъ совсѣмъ еще не существовало тогда партій, и его единодушіе, поддерживаемое народнымъ сочувствіемъ, было такою силою, какой не было въ распоряженіи короля. Вотъ почему съ самаго же начала *долгій парламентъ дѣйствуетъ такъ смѣло и энергично, а Карлъ I, наоборотъ, идетъ на уступки и не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго противъ оппозиціи*, хотя и съ затаенною мыслью взять назадъ свои уступки, разъ обстоятельства позволятъ дѣйствовать болѣе твердо. Однимъ изъ первыхъ рѣшеній долгаго парламента было требованіе, чтобы во всѣхъ графствахъ составлены были списки чиновниковъ, приводившихъ въ исполненіе незаконныя предписанія правительства, и былъ начатъ процессъ противъ Страффорда по обвиненію въ государственной измѣнѣ: парламентъ открылся 3 ноября, а 11-го Страффордъ былъ уже посаженъ въ Тоуеръ. Двое менѣе важныхъ совѣтниковъ короля, чуя бѣду, поспѣшили спастись бѣгствомъ; Лоудъ былъ тоже арестованъ (въ декабрѣ), за нимъ—еще одинъ изъ судей, доказывавшихъ законность корабельной подати (въ февралѣ 1641 г.). Кромѣ того, парламентъ освободилъ изъ тюремъ упомянутыхъ раньше „мучениковъ", и народъ усыпалъ ихъ путь лаврами, когда они торжественно вступали въ Лондонъ. Рѣшеніе суда по дѣлу Гемпдена было кассировано, а корабельная подать объявлена незаконною. Особый статутъ самымъ точнымъ образомъ опредѣлялъ, что безъ согласія парламента корона не имѣетъ права ни на какіе сборы. Далѣе, по трехгодичному акту (triennal act) парламенты должны были собираться, по крайней мѣрѣ, разъ въ три года и не распускаться ранѣе пятидесяти дней по открытіи засѣданій. Звѣздная палата и верховная коммиссія были уничтожены. Въ мартѣ 1641 г.

почти единогласно прошелъ въ нижней палатѣ билль объ удаленіи епископовъ изъ верхней палаты. Карлъ I на все давалъ согласіе, какъ не мѣшалъ и процессу противъ Страффорда, рѣшившись, однако, спасти его жизнь и даже давъ ему обѣщаніе, что ни одинъ волосъ не падетъ съ его головы.

Процессъ противъ Страффорда (конецъ марта и начало апрѣля 1641 г.) былъ возбужденъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Стоя на точкѣ зрѣнія конституціоннаго принципа, по которому король не можетъ дѣлать неправды (the king cannot wrong), Пимъ за всѣ злоупотребленія правительства обвинялъ Страффорда, подававшаго королю дурные совѣты, но подсудимый очень искусно защищался, указывая на то, что дѣйствія, вмѣняемыя ему въ вину, не подходятъ ни подъ одинъ парламентскій статутъ, потому что въ Англіи, дѣйствительно, не было ни одного закона, который прилагалъ бы названіе измѣны къ нападенію на существующія учрежденія. Тогда парламентъ осудилъ Страффорда на основаніи билля of attainder, т.-е. законодательнымъ порядкомъ, пополнивъ пробѣлъ въ законахъ и подведши представившійся случай подъ новое опредѣленіе государственной измѣны. Страффордъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Карлъ I, сначала отказавшій въ утвержденіи билля, черезъ нѣсколько же дней послѣ этого далъ свое согласіе на казнь своего бывшаго совѣтника, уступая настойчивымъ представленіямъ королевы, которая говорила, что было бы безразсудно, спасая Страффорда, губить самихъ себя. Не задолго передъ этимъ она также убѣждала мужа прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ парламента, и уже составлялся съ его вѣдома военный заговоръ, но это сдѣлалось извѣстнымъ Пиму и только усилило бдительность парламента. Казнь Страффорда (май 1641 г.) вызвала ликованія во всей Англіи. Въ это время еще существовала надежда на мирный исходъ конфликта, и шли даже переговоры о томъ, чтобы парламентскіе вожди были назначены на главныя государственныя должности, т.-е. сдѣланы совѣтниками короны; если бы эта идея осуществилась, *въ Англіи восемьюдесятью годами раньше образовалось бы парламентарное министерство*, возникшее только въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка и сдѣлавшееся столь характерною принадлежностью государственнаго ея строя въ наше время. Въ новомъ министерствѣ Карла I предполагалось участіе Пима, такъ что его политическая идея осуществилась бы, если бы совѣтниками короны, отвѣтственными за всѣ случаи пользованія ея прерогативою, сдѣлались вожди парламентскаго большинства. Эти переговоры кончились, впрочемъ, неудачей, хотя, съ другой стороны, не очень-то довѣряя королю, парламентъ добился изданія особаго закона, по которому парламентъ, созванный

въ 1640 г., не могъ быть распущенъ иначе, какъ съ собственнаго на то согласія. Карлъ I и на это далъ свое соизволеніе: отказываясь въ данномъ случаѣ отъ пользованія своею несомнѣнною прерогативою распускать парламентъ, король сдѣлалъ эту уступку, считая, что она, подобно всѣмъ другимъ уступкамъ, какъ вынужденная у него противъ его желанія, ни къ чему его не обязываетъ. Недовѣріе къ Карлу I проявилось и въ томъ, какъ отнеслись парламентскіе вожди къ нему, когда по прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Шотландіи онъ поѣхалъ въ Эдинбургъ, чтобы лично уладить тамошнія дѣла. Хотя парламентъ, недовольный этой поѣздкой, и согласился отсрочить свои засѣданія на время королевскаго отсутствія, но немедленно же образовалъ двѣ коммиссіи—одну съ Пимомъ во главѣ для веденія дѣлъ въ Лондонѣ, другую — подъ предсѣдательствомъ Гемпдена для сопровожденія короля, т.-е. въ сущности для наблюденія за нимъ. Карлъ I быстро примирился съ шотландцами, сдѣлавъ имъ всевозможныя уступки, но подъ условіемъ отказа съ ихъ стороны отъ какого бы то ни было вмѣшательства во внутреннія дѣла Англіи. Но какъ-разъ въ это время Ирландія, не чувствуя на себѣ болѣе тяжелой руки Страффорда, раздраженная его деспотизмомъ и отобраніемъ въ одной провинціи половины земель для англійской колонизаціи, возмутилась противъ Англіи. Ирландское возстаніе приняло чисто католическій характеръ и сопровождалось истребленіемъ мѣстныхъ протестантовъ, которыхъ, какъ насчитывали, погибло тогда около пятидесяти тысячъ. Уже это одно должно было произвести сильное впечатлѣніе на парламентъ, а тутъ еще инсургенты объявляли вдобавокъ, будто они дѣйствуютъ по порученію Карла I, называли себя королевской арміей (хотя войско Страффорда еще раньше было распущено) и говорили, что будутъ наказывать всѣхъ, кто осмѣлится наносить ущербъ прерогативѣ короны. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы возстаніе было дѣйствительно возбуждено Карломъ I, хотя бы онъ самъ и считалъ его счастливымъ для себя событіемъ, въ данномъ случаѣ сильно ошибаясь въ оцѣнкѣ его значенія. Подавить ирландскій мятежъ можно было только военной силой, которая по конституціи должна была находиться подъ верховнымъ начальствомъ короля, и весьма естественно, что парламентъ, вѣря въ участіе короля въ этомъ дѣлѣ, думая, что совпаденіе мира съ шотландцами и возстанія ирландцевъ произошло не спроста и ожидая новыхъ событій въ столь опасномъ для свободы направленіи, боялся довѣрить королю военную силу, которая, пожалуй, могла бы соединиться съ ирландскими инсургентами, вмѣсто того, чтобы противъ нихъ сражаться. Гемпденъ подробно извѣщалъ Пима обо всемъ, что узнавалъ относительно Карла I, его намѣреній и дѣйствій, и

уже тогда этотъ вождь всей парламентской оппозиціи сталъ формировать милицію для защиты парламента подъ начальствомъ графа Эссекса—будущее парламентское войско.

Къ этому моменту относится и образованіе въ домомъ парламентѣ партій. Сначала, когда дѣло шло о прекращеніи злоупотребленій, въ парламентѣ господствовало замѣчательное единодушіе, и даже предложеніе о томъ, чтобы настоящій парламентъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго на то согласія, вышло изъ среды будущихъ защитниковъ королевской прерогативы, несмотря на прямо революціонный характеръ этой мѣры, ограничивавшей корону въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ ея правъ—созывать, отсрочивать и распускать парламентъ. Но уже въ концѣ 1641 г. *произошло образованіе въ парламентѣ особой королевской партіи,* и это было, такъ сказать, началомъ реакціи противъ дальнѣйшаго развитія требованій, предъявлявшихся королю со стороны парламента въ смыслѣ все бо́льшаго и бо́льшаго ограниченія прерогативы. Впрочемъ, желая только остановиться на сдѣланныхъ уже пріобрѣтеніяхъ и на сохраненіи старыхъ законовъ о взаимныхъ отношеніяхъ властей, эти роялисты, консерваторы и легитимисты вовсе не были сторонниками того абсолютизма, къ которому стремились сами Стюарты. Наоборотъ, очень многимъ членамъ данныя Карломъ I гарантіи казались недостаточными, такъ какъ они знали, что на обѣщанія короля полагаться трудно; требуя поэтому еще бо́льшихъ гарантій, они уже сходили съ почвы традиціонныхъ отношеній между тремя главными конституціонными силами и выводили англійское государственное устройство на новую дорогу. *Это раздѣленіе политическихъ людей Англіи на консерваторовъ и либераловъ,* выражаясь политическими терминами нашего времени, *не прекратилось съ исчезновеніемъ повода, который далъ ему начало:* черезъ сорокъ лѣтъ оно возобновилось по иному случаю, когда обѣ партіи получили названіе торіевъ и виговъ, и послѣ этого,—особенно благодаря образованію въ XVIII вѣкѣ парламентарнаго министерства изъ вождей большинства въ нижней палатѣ,—Англія всегда управлялась одною изъ этихъ партій. Въ исторіи Англіи вообще поражаетъ насъ непрерывность ея учрежденій съ древнѣйшихъ временъ до вчерашняго дня, и вотъ уже два съ половиною вѣка существуютъ въ этой странѣ двѣ великія политическія партіи, изъ которыхъ одна въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка получила названіе „кавалеровъ“, другая—„круглоголовыхъ“. Дѣло тогда усложнялось, однако, тѣмъ, что, защищая прерогативу, роялисты должны были сблизиться съ другими сторонниками королевской власти, учившими объ ея всемогуществѣ, а среди круглоголовыхъ про-

изошло въ свою очередь новое раздѣленіе—на конституціоналистовъ и республиканцевъ.

Событіемъ, которое впервые повело къ прямому раздѣленію парламента на партіи, было внесеніе Пимомъ въ нижнюю палату „великой ремонстранціи“, именно въ формѣ петиціи къ королю былъ составленъ документъ, въ которомъ перечислялись старыя злоупотребленія, устраненныя парламентомъ, и указывались новыя затрудненія, встрѣчающіяся на его пути; въ сущности, это было чѣмъ-то въ родѣ апелляціи на короля къ народу. Тѣ, которые были противъ подачи ремонстранціи, доказывали совершенную ненадобность подобнаго акта послѣ того, какъ злоупотребленія были отмѣнены, но Пимъ считалъ нужнымъ придать дѣлу наибольшую гласность. По поводу этого предложенія произошла въ парламентѣ страстная борьба между двумя противоположными мнѣніями, причемъ на сторону, противную Пиму, стали Гайдъ (впослѣдствіи лордъ Кларендонъ) и Фальклaндъ, изъ которыхъ одинъ считалъ вполнѣ достаточными данныя королемъ обезпеченія, а другой особенно высказывалъ опасенія относительно узкаго догматизма пуританъ, находившихся въ рядахъ оппозиціи. Ремонстранція была въ концѣ концовъ принята большинствомъ только 11 голосовъ (159 противъ 148) и представлена (1 декабря 1641 г.) королю, вернувшемуся изъ Шотландіи. Карлъ I принялъ ее очень холодно. Къ этому времени общественное возбужденіе достигло уже значительной силы. Въ защиту палатъ составлялись въ графствахъ особыя общества. На улицахъ Лондона происходили волненія. Особенно сильные безпорядки вызвало несогласіе верхней палаты на билль объ исключеніи епископовъ. Лондонское простонародье взялось защищать парламентъ, и когда однажды собравшуюся толпу народа королевскіе солдаты обозвали „круглоголовыми“ [1]), а народъ сталъ бранить ихъ „кавалерами“, то клички эти мало-по-малу превратились въ названія парламентскихъ партій, хотя обѣ онѣ состояли одинаково изъ джентельменовъ.

Скоро затѣмъ дѣло дошло до окончательнаго разрыва парламента съ королемъ. Карлъ I задумалъ нанести ударъ вождямъ оппозиціи — Пиму, Гемпдену и еще тремъ членамъ палаты общинъ, а также одному лорду, обвинивъ ихъ передъ верхней палатой въ государственной измѣнѣ за сношенія съ шотландцами и потребовавъ ихъ выдачи. Такъ какъ королевское требованіе, нарушавшее привилегію членовъ парламента, не было имъ уважено, Карлъ I на другой же день (4 янв. 1642 г.) лично явился арестовать своихъ враговъ, под-

[1]) Roundheads, по тогдашней привычкѣ коротко стричь волосы, тогда какъ джентельмены отпускали волоса почти до плечъ.

биваемый къ тому особенно своей женой, которой онъ обѣщалъ вернуться неограниченнымъ господиномъ королевства. При извѣстіи о прибытіи короля въ палату пять членовъ, выдачи которыхъ онъ требовалъ, заблаговременно удалились. Не видя Пима на его обычномъ мѣстѣ, Карлъ I нѣсколько разъ спросилъ, гдѣ находится онъ и его товарищи, но палата хранила глубокое молчаніе. Тогда онъ обратился съ этимъ вопросомъ лично къ спикеру палаты, но тотъ упалъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ, что здѣсь, въ парламентѣ, у него нѣтъ ни глазъ, ни ушей, и что онъ можетъ видѣть и слышать лишь то, что прикажетъ ему палата. Разгнѣванный король замѣтилъ, что у него самого глаза не хуже, чѣмъ у другихъ, и сталъ вглядываться въ лица членовъ палаты. Убѣдившись, что между ними не было ни одного изъ пятерыхъ, онъ гнѣвно объявилъ, что хотя „птицы и улетѣли“, онъ все-таки надѣется, что ихъ ему доставятъ, а не то онъ и самъ сумѣетъ ихъ достать. Случись такъ, что пять членовъ находились бы тогда на своихъ мѣстахъ, замѣчаетъ одинъ современникъ, и позови король солдатъ для произведенія ареста, тутъ же могло бы произойти кровопролитіе. Пимъ и Гемпденъ съ товарищами нашли убѣжище въ Сити, и ихъ королю не выдали. Когда Карлъ I возвращался домой изъ парламента, въ народѣ кричали вслѣдъ: „привилегія!“ Вскорѣ послѣ этого король узналъ о томъ, что пять членовъ съ торжествомъ должны были вернуться въ палату, и тогда онъ поспѣшилъ покинуть Лондонъ (начало января 1642 г.). Обѣ стороны уже готовились въ это время къ войнѣ, на которую Карлъ I теперь рѣшился окончательно и передъ которой не отступала также и палата общинъ. Хотя билль объ исключеніи епископовъ изъ палаты лордовъ въ концѣ концовъ и прошелъ въ этой послѣдней и получилъ королевскую санкцію, но когда палата задумала особымъ биллемъ (militia bill) отдать военную команду въ каждомъ графствѣ преданнымъ парламенту лицамъ, Карлъ I уже не далъ на это своего согласія. Готовясь къ борьбѣ, каждая сторона должна была собственною своею властью безъ всякаго участія другой составлять свое войско, и обѣ стороны такимъ образомъ сошли съ легальной почвы конституціи. Когда король явился въ Гулль и пожелалъ, чтобы его пустили въ тамошній арсеналъ, губернаторъ, въ почтительныхъ выраженіяхъ и стоя на колѣнахъ, отказался исполнить его требованіе, за что получилъ похвалу отъ парламента. Это постановленіе вызвало удаленіе изъ парламента роялистической партіи (32 пэра и 60 коммонеровъ), но ея вожди все еще думали предупредить междоусобіе и пытались отклонить Карла I отъ его воинственныхъ намѣреній. Роялисты присоединились къ нему въ Іоркѣ, изъ котораго онъ сдѣлалъ свою главную квартиру. Удаленіе предста-

вителей этой партіи изъ парламента только усилило послѣдній, возвративъ ему однородность состава. Впрочемъ, самъ парламентъ сдѣлалъ попытку примиренія, предложивъ свои условія въ 19 параграфахъ. *Эти парламентскія требованія 1642 г. замѣчательны тѣмъ, что главнѣйшія изъ нихъ осуществились въ XVIII столѣтіи*, но не путемъ законодательныхъ актовъ, а путемъ, такъ сказать, образованія своего рода обычнаго государственнаго права, которое и до сихъ поръ сохраняетъ всю свою силу и все свое значеніе. Эти требованія, вытекавшія изъ крайняго недовѣрія, съ какимъ парламентъ относился къ Карлу I, были естественнымъ выводомъ изъ новыхъ политическихъ идей, развивавшихся въ парламентскихъ рѣчахъ и памфлетной публицистикѣ. Поэтому весьма естественно, что король, уже рѣшившійся на войну, не принялъ предложенныхъ ему условій и отвѣтилъ, что, принявъ эти условія, онъ превратился бы въ простой призракъ монарха. Хотя парламентскія требованія 1642 г. и были отвергнуты, они тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, съ одной стороны, характеризуя тогдашнія стремленія долгáго парламента, съ другой—какъ политическія начала, которымъ было суждено все-таки осуществиться въ государственной жизни Англіи, хотя и не въ то время, не тѣмъ путемъ и не въ томъ видѣ, какъ объ этомъ думали парламентскіе вожди 1642 г. Самое главное желаніе послѣднихъ заключалось въ томъ, чтобы король бралъ себѣ совѣтниковъ не иначе, какъ по указанію парламента, и чтобы онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; равнымъ образомъ и назначеніе на другія важныя государственныя должности, а также и возведеніе въ пэры должны были совершаться лишь съ одобренія парламента; далѣе, подъ контроль палатъ должны были быть поставлены браки въ королевской семьѣ и воспитаніе королевскихъ дѣтей; созваніе милиціи тоже должно было зависѣть отъ парламента; требовались, наконецъ, и церковныя реформы въ пуританскомъ духѣ. Когда окончательно сдѣлалось очевиднымъ, что примиреніе невозможно, парламентъ выбралъ особый комитетъ общественной безопасности, въ составъ котораго вошли Пимъ и Гемпденъ, а 12 іюля 1642 г. сдѣлалъ постановленіе о собраніи арміи „для защиты короля и парламента“ подъ начальствомъ графа Эссекса, которому и было поручено посредствомъ сраженія или какимъ-либо инымъ способомъ освободить короля отъ злокозненныхъ совѣтниковъ, дабы возвратить его парламенту. Въ октябрѣ того же года произошла первая битва между враждебными войсками.

Въ междоусобной войнѣ короля съ парламентомъ, въ этой вооруженной борьбѣ кавалеровъ и круглоголовыхъ, такъ сказать, столкнулись двѣ разныя Англіи, отличавшіяся одна отъ другой и въ территоріальномъ, и въ соціальномъ отношеніяхъ. На сторонѣ короля

стояла сѣверо-западная часть королевства, сильно отставшая въ культурномъ и экономическомъ отношеніи отъ болѣе просвѣщеннаго и зажиточнаго юго-востока, бывшаго на сторонѣ парламента: на сѣверо-западѣ были именно сильны тѣ соціальные элементы, которые примкнули къ кавалерамъ, тогда какъ на юго-востокѣ, наоборотъ, эти элементы были слабѣе; зато здѣсь въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ встрѣчались элементы, которые были представлены въ населеніи другой части и рѣже, и незначительнѣе. Къ партіи кавалеровъ присоединились католики, которыхъ особенно много было въ Уэльсѣ, высшее англиканское духовенство, сторонники епископальной церкви, оксфордскій университетъ, но главнымъ образомъ феодальная знать, весьма сильная въ сѣверныхъ графствахъ, гдѣ еще были живы и старыя традиціи, и старыя отношенія. Парламентская Англія, въ которой находились самые значительные города и порты, заводы и арсеналы, была и населеннѣе, и богаче, а преобладающимъ соціальнымъ элементомъ здѣсь были классы, составлявшіе всю силу нижней палаты, т.-е. джентри и купечество; въ религіозномъ отношеніи это была именно та часть Англіи, гдѣ особенно былъ силенъ пуританизмъ. Любопытно, между прочимъ, что въ виду нерасположенія пуританъ къ театральнымъ зрѣлищамъ драматическіе писатели, актеры, даже балаганные увеселители стали на сторону королевской партіи. Основнымъ чувствомъ, соединявшимъ роялистовъ подъ знаменами короля, была своего рода лойяльность, заставлявшая ихъ видѣть въ круглоголовыхъ бунтовщиковъ, но и тутъ была разница между епископалами, защищавшими идею королевскаго абсолютизма, и такими джентельменами, которые считали себя связанными съ королемъ лишь узами вассальной вѣрности. Во всякомъ случаѣ это была старая Англія, Англія прошлаго, та Англія, которую создали средневѣковыя силы католицизма и феодализма; недаромъ и настоящіе католики примкнули къ этой партіи. Противъ этого лагеря боролась Англія новая, Англія будущаго, та Англія, въ которой были сильны начала новаго времени — протестантизмъ и государственная идея, отрицавшая феодализмъ. У обѣихъ партій были разные политическіе и религіозные принципы, и борьба между ними, какъ представителями противоположныхъ идейныхъ началъ, сопровождалась литературной полемикой. Въ первое время междоусобіе отличалось даже нѣкоторою сдержанностью обѣихъ сторонъ: многое казалось одинаково непозволительнымъ и джентельменамъ, считавшимъ своимъ долгомъ сражаться за короля, и суровымъ пуританамъ, также по чувству долга взявшимся за оружіе въ защиту свободы. Но съ теченіемъ времени обѣ стороны вынуждены были прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, какія вообще бываютъ въ ходу при всякихъ междоусо-

вителей этой партіи изъ парламента только усилило послѣдній, возвративъ ему однородность состава. Впрочемъ, самъ парламентъ сдѣлалъ попытку примиренія, предложивъ свои условія въ 19 параграфахъ. *Эти парламентскія требованія 1642 г. замѣчательны тѣмъ, что главнѣйшія изъ нихъ осуществились въ XVIII столѣтіи*, но не путемъ законодательныхъ актовъ, а путемъ, такъ сказать, образованія своего рода обычнаго государственнаго права, которое и до сихъ поръ сохраняетъ всю свою силу и все свое значеніе. Эти требованія, вытекавшія изъ крайняго недовѣрія, съ какимъ парламентъ относился къ Карлу I, были естественнымъ выводомъ изъ новыхъ политическихъ идей, развивавшихся въ парламентскихъ рѣчахъ и памфлетной публицистикѣ. Поэтому весьма естественно, что король, уже рѣшившійся на войну, не принялъ предложенныхъ ему условій и отвѣтилъ, что, принявъ эти условія, онъ превратился бы въ простой призракъ монарха. Хотя парламентскія требованія 1642 г. и были отвергнуты, они тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, съ одной стороны, характеризуя тогдашнія стремленія долгаго парламента, съ другой—какъ политическія начала, которымъ было суждено все-таки осуществиться въ государственной жизни Англіи, хотя и не въ то время, не тѣмъ путемъ и не въ томъ видѣ, какъ объ этомъ думали парламентскіе вожди 1642 г. Самое главное желаніе послѣднихъ заключалось въ томъ, чтобы король бралъ себѣ совѣтниковъ не иначе, какъ по указанію парламента, и чтобы онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; равнымъ образомъ и назначеніе на другія важныя государственныя должности, а также и возведеніе въ пэры должны были совершаться лишь съ одобренія парламента; далѣе, подъ контроль палатъ должны были быть поставлены браки въ королевской семьѣ и воспитаніе королевскихъ дѣтей; созваніе милиціи тоже должно было зависѣть отъ парламента; требовались, наконецъ, и церковныя реформы въ пуританскомъ духѣ. Когда окончательно сдѣлалось очевиднымъ, что примиреніе невозможно, парламентъ выбралъ особый комитетъ общественной безопасности, въ составъ котораго вошли Пимъ и Гемпденъ, а 12 іюля 1642 г. сдѣлалъ постановленіе о собраніи арміи „для защиты короля и парламента“ подъ начальствомъ графа Эссекса, которому и было поручено посредствомъ сраженія или какимъ-либо инымъ способомъ освободить короля отъ злокозненныхъ совѣтниковъ, дабы возвратить его парламенту. Въ октябрѣ того же года произошла первая битва между враждебными войсками.

Въ междоусобной войнѣ короля съ парламентомъ, въ этой вооруженной борьбѣ кавалеровъ и круглоголовыхъ, такъ сказать, столкнулись двѣ разныя Англіи, отличавшіяся одна отъ другой и въ территоріальномъ, и въ соціальномъ отношеніяхъ. На сторонѣ короля

стояла сѣверо-западная часть королевства, сильно отставшая въ культурномъ и экономическомъ отношеніи отъ болѣе просвѣщеннаго и зажиточнаго юго-востока, бывшаго на сторонѣ парламента: на сѣверо-западѣ были именно сильны тѣ соціальные элементы, которые примкнули къ кавалерамъ, тогда какъ на юго-востокѣ, наоборотъ, эти элементы были слабѣе; зато здѣсь въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ встрѣчались элементы, которые были представлены въ населеніи другой части и рѣже, и незначительнѣе. Къ партіи кавалеровъ присоединились католики, которыхъ особенно много было въ Уэльсѣ, высшее англиканское духовенство, сторонники епископальной церкви, оксфордскій университетъ, но главнымъ образомъ феодальная знать, весьма сильная въ сѣверныхъ графствахъ, гдѣ еще были живы и старыя традиціи, и старыя отношенія. Парламентская Англія, въ которой находились самые значительные города и порты, заводы и арсеналы, была и населеннѣе, и богаче, а преобладающимъ соціальнымъ элементомъ здѣсь были классы, составлявшіе всю силу нижней палаты, т.-е. джентри и купечество; въ религіозномъ отношеніи это была именно та часть Англіи, гдѣ особенно былъ силенъ пуританизмъ. Любопытно, между прочимъ, что въ виду нерасположенія пуританъ къ театральнымъ зрѣлищамъ драматическіе писатели, актеры, даже балаганные увеселители стали на сторону королевской партіи. Основнымъ чувствомъ, соединявшимъ роялистовъ подъ знаменами короля, была своего рода лойяльность, заставлявшая ихъ видѣть въ круглоголовыхъ бунтовщиковъ, но и тутъ была разница между епископалами, защищавшими идею королевскаго абсолютизма, и такими джентельменами, которые считали себя связанными съ королемъ лишь узами вассальной вѣрности. Во всякомъ случаѣ это была старая Англія, Англія прошлаго, та Англія, которую создали средневѣковыя силы католицизма и феодализма; недаромъ и настоящіе католики примкнули къ этой партіи. Противъ этого лагеря боролась Англія новая, Англія будущаго, та Англія, въ которой были сильны начала новаго времени — протестантизмъ и государственная идея, отрицавшая феодализмъ. У обѣихъ партій были разные политическіе и религіозные принципы, и борьба между ними, какъ представителями противоположныхъ идейныхъ началъ, сопровождалась литературной полемикой. Въ первое время междоусобіе отличалось даже нѣкоторою сдержанностью обѣихъ сторонъ: многое казалось одинаково непозволительнымъ и джентельменамъ, считавшимъ своимъ долгомъ сражаться за короля, и суровымъ пуританамъ, также по чувству долга взявшимся за оружіе въ защиту свободы. Но съ теченіемъ времени обѣ стороны вынуждены были прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, какія вообще бываютъ въ ходу при всякихъ междоусо-

біяхъ. Что касается до народной массы, особенно до населенія деревень, то она не была глубоко затронута этой политической борьбой. „Великій мятежъ" середины XVII в. не сопровождался въ Англіи кровавыми народными бунтами, и даже когда война стала затягиваться, населеніе во многихъ мѣстностяхъ начало устраивать нѣчто въ родѣ вооруженнаго нейтралитета, чтобы не пускать къ себѣ военныхъ отрядовъ ни той, ни другой стороны.

Во время междоусобія умерли одинъ за другимъ Гемпденъ, тяжело раненый въ одной стычкѣ, и Пимъ (въ декабрѣ 1643 г.), успѣвшій, однако, организовать защиту парламента и союзъ съ шотландцами. Вмѣсто нихъ выдвигается теперь Оливеръ Кромвель, имя котораго отмѣчаетъ новый фазисъ въ развитіи событій первой англійской революціи. Ему, главнымъ образомъ, былъ обязанъ парламентъ окончаніемъ войны съ королемъ. Сначала перевѣсъ въ этой вооруженной борьбѣ былъ на сторонѣ роялистовъ (битва при Эджиллѣ, первая въ войнѣ въ 1642 г. и другіе военные успѣхи лучше обученной королевской арміи), но потомъ побѣда стала склоняться и совсѣмъ перешла на сторону парламента (битвы при Мэрстонъ-Мурѣ въ іюлѣ и при Ньюбери въ октябрѣ 1644 г., особенно же при Нэзби въ іюлѣ 1645 г.), благодаря преимущественно новой силѣ—индепендентамъ. Но *окончаніе войны съ Карломъ I, вынужденнымъ послѣ битвы при Нэзби удалиться къ шотландцамъ, совпало по времени съ возникновеніемъ разлада среди самихъ круглоголовыхъ*.

XXXVI. Выступленіе индепендентовъ [1]).

Пресвитеріане и индепенденты. — Религіозныя отношенія въ Англіи въ эпоху долгаго парламента.—Союзъ съ шотландцами и побѣда пресвитеріанизма въ парламентѣ.—Причины неудачи пресвитеріанъ.—Характеръ пресвитеріанизма и отношеніе къ нему Мильтона.—Индепенденты, анабаптисты, квакеры.—Историческое значеніе индепендентства.—Оливеръ Кромвель и «желѣзнобокіе».—Билль о самоотреченіи.—Индепендентская армія.—Ея политическія стремленія.—Начало разлада парламента съ арміей.

Въ исторіи англійской революціи мы вообще наблюдаемъ соединеніе партій политическихъ съ партіями религіозными, и самая

---

[1]) Литература объ индепендентахъ см. выше, стр. 419. О Кромвелѣ существуетъ значительная литература: *Forster*. Oliver Cromwell. — *Carlyle*. Oliver Cromwells letters und speeches with elucidations.—*Brosch*. Oliver Cromwell und die puritanische Revolution.—*Picton*. Oliver Cromwell. — *Hoenig*. Oliver Cromwell. — *Gardiner*. Cromwells place in history. — *Harrison* (въ Twelve english statesmen и русск. пер.).—*Morley*. Oliver Cromwell (тоже переведено по-русски).—

революція была не только столкновеніемъ между королевскою прерогативою, стремившеюся къ абсолютизму, и парламентскими привилегіями, отстаивавшими свое существованіе, но и между англиканской церковью, созданной королевскою реформаціей, и пуританизмомъ, получившимъ значеніе реформаціи народной. Но среди самихъ круглоголовыхъ и пуританъ произошелъ разрывъ, имѣвшій и политическое, и религіозное значеніе: именно между поборниками правъ парламента возникли въ свою очередь двѣ партіи, изъ которыхъ *одна желала сохранить въ Англіи конституціонную монархію, а другая стремилась къ установленію республики, а вмѣстѣ съ этимъ и въ пуританизмѣ проявилось два теченія — пресвитеріанское и индепендентское.* Это новое раздѣленіе на партіи было какъ бы продолженіемъ стараго, ибо и тутъ извѣстнымъ традиціямъ, съ одной стороны, были противопоставлены совершенно новые принципы, — съ другой: традиціей пресвитеріанъ были, съ одной стороны, старая монархія, хотя бы и измѣненная новыми постановленіями, а съ другой—прежнее церковное единовѣріе, хотя бы и въ пресвитеріанской, а не въ епископальной формѣ, индепенденты же стояли за республику и религіозную свободу.

Религіозныя отношенія въ Англіи были въ эту эпоху весьма сложны. Извѣстно, что здѣсь еще въ царствованіе Генриха VIII существовали единичные протестанты, не подчинявшіеся королевской реформаціи, но особенно усилился такой непризнанный государствомъ протестантизмъ въ царствованіе Елизаветы. Англиканская церковь и правительство одинаково преслѣдовали какъ католиковъ, такъ и кальвинистовъ, не желавшихъ подчиниться акту объ единообразіи, не дѣлая никакого различія между отдѣльными оттѣнками пуританизма, хотя въ восьмидесятыхъ годахъ XVI в. рядомъ съ направленіемъ, болѣе или менѣе строго-кальвинистическимъ, зарождалось другое, изъ котораго выросло позднѣйшее сектантство. Преслѣдованія, которымъ подвергались безразлично всѣ пуритане, не дали развиться противоположностямъ, образовавшимся въ пуританизмѣ, а наиболѣе крайніе его оттѣнки даже совсѣмъ не могли утвердиться въ Англіи, такъ какъ представители религіозныхъ мнѣній, особенно рѣзко расходившихся съ установленною церковью, предпочитали переселяться на жительство сначала въ сосѣднюю Голландію, а позднѣе и въ

Н. А. Осокинъ. Личный и историческій характеръ Оливера Кромвеля. — *М. М. Ковалевскій.* Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи (Кіевскій Сборникъ 1892 г.). — *Е. Соловьевъ.* Кромвель (въ біограф. библіотекѣ Павленкова). — О Мильтонѣ см. *Masson.* The life of John Milton. — *A. Stern.* John Milton und seine Zeit.— *Маколей* (въ I т. Собранія сочиненій). — О Генри Венѣ вышеуказанная (стр. 419) книга *С. Ѳ. Фортунатова.*

Америку, потому что на чужбинѣ, особенно за океаномъ, имъ легче было осуществлять свои стремленія. Болѣе умѣренная фракція пуританъ желала лишь реформы установленной церкви въ болѣе протестантскомъ и демократическомъ смыслѣ, не нарушая принципа государственнаго единовѣрія; въ этомъ отношеніи для нихъ примѣромъ служила шотландская пресвитеріанская церковь, которая, какъ и епископальная въ Англіи, была церковью государственною и отличалась такою же исключительностью и нетерпимостью. Когда Лоудъ началъ приближать англиканизмъ къ католицизму, на сторону религіозной оппозиціи перешли и многіе приверженцы самой англиканской церкви, но въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до нововведеній Лоуда. Такимъ образомъ *пуританизмъ заключалъ въ себѣ весьма различные оттѣнки, начиная отъ довольно умѣреннаго англиканизма и кончая очень крайнимъ сектантствомъ.* Петиція тысячи, которая, почти за сорокъ лѣтъ до начала междоусобной войны, требовала у Іакова I церковныхъ преобразованій, исходила отъ сторонниковъ пуританизма, наиболѣе мирившагося съ учрежденіями установленной церкви. Позднѣе многіе вооружались противъ епископальнаго устройства лишь потому, что прелаты поддерживали королевскій абсолютизмъ; этимъ и объясняется, какъ чисто политическая мѣра, исключеніе епископовъ изъ верхней палаты въ началѣ революціи. Между тѣмъ въ парламентѣ существовали люди, которые желали уничтоженія и самого епископата и реорганизаціи церкви на началахъ пресвитеріанскихъ, подобныхъ шотландскимъ,—и на ихъ сторонѣ былъ между прочимъ Гемпденъ. Пимъ, который вмѣстѣ съ другими вождями палаты общинъ былъ умѣреннымъ епископаломъ, долго этому сопротивлялся. Рано или поздно, однако, *пресвитеріанизмъ долженъ былъ одержать побѣду въ домомъ парламентѣ*, и причины этого были слѣдующія. Во-первыхъ, когда началось междоусобіе, епископы и большинство духовныхъ лицъ, преданныхъ англиканизму, были на сторонѣ короля, и этимъ въ своихъ видахъ, конечно, пользовались парламентскіе пресвитеріане. Во-вторыхъ, въ войнѣ съ Карломъ I парламенту выгодно было имѣть на своей сторонѣ шотландцевъ, снова ставшихъ въ рѣзкія отношенія къ королю и въ свою очередь сознававшихъ, что для независимости ихъ родины нужна побѣда парламента въ Англіи. Послѣднимъ дѣломъ Пима и было заключеніе (сентябрь 1643) „ковенанта“ съ Шотландіей, переговоры о которомъ уже давно велись Генри Веномъ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей и писателей этой эпохи. Первымъ условіемъ этого союза шотландцы поставили единство вѣры, т.-е. принятіе Англіей пресвитеріанства, и это тоже усиливало пресвитеріанскую партію въ парламентѣ. По заключенному съ Шотландіей договору

англійскій парламентъ самымъ торжественнымъ образомъ прямо обязался привести церкви всѣхъ трехъ королевствъ (Англіи, Шотландіи и Ирландіи) къ полному единообразію въ вѣрѣ, въ устройствѣ, въ культѣ и обученіи вѣрующихъ, и истреблять папизмъ, прелатство, суевѣріе и расколы. Парламентъ послѣ этого занялся вмѣстѣ съ особою коммиссіей изъ богослововъ реформою государственной церкви въ новомъ направленіи. Въ 1645 биллемъ of attainder былъ приговоренъ къ смертной казни и отправленъ на эшафотъ бывшій архіепископъ Лоудъ, въ чемъ тоже выразилось торжество ненавидѣвшихъ его пресвитеріанъ. *Побѣда пресвитеріанъ не могла быть, однако, прочною.* Англійскій парламентъ принялъ шотландскую церковную систему главнымъ образомъ по чисто политическимъ соображеніямъ тогда какъ шотландцы на первый планъ выдвигали именно вопросъ церковный. Далѣе, если въ Англіи и было много пуританъ, то изъ этого еще не слѣдовало, чтобы всѣ они были сторонниками шотландскаго пресвитеріанизма, а многимъ изъ нихъ даже казалось оскорбленіемъ національной гордости задуманное парламентомъ подчиненіе страны чужой церковной системѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе въ Англіи не могли примириться съ той суровой дисциплиной, съ тѣмъ полицейскимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь, которыя введены были въ Шотландіи реформаторами женевской школы и стали теперь переноситься въ Англію. Вообще къ серединѣ XVII в. англійскій пуританизмъ становится все болѣе суровымъ, мрачнымъ, нетерпимымъ; особенно былъ онъ строгъ къ свѣтскому образу жизни, къ театральнымъ представленіямъ, къ литературѣ въ духѣ ренессанса. Лишь наиболѣе выдающіеся умы изъ диссидентскаго лагеря не подчинялись тогда узкому фанатизму, развившемуся среди пуританъ подъ вліяніемъ гоненій и преслѣдованій, которымъ ихъ подвергали свѣтскія и духовныя власти. Понятно, что шотландская система, бывшая сколкомъ съ женевской во времена Кальвина, пришлась по душѣ англійскимъ пресвитеріанамъ, но она была невыносима для тѣхъ англичанъ, которые не принадлежали къ строгимъ пуританамъ. Наконецъ, стремленіе парламента подчинить всѣхъ пресвитеріанскому единовѣрію должно было встрѣтить отпоръ со стороны сектантовъ, стоявшихъ за свободу совѣсти. Точно такъ же и веденіе политическихъ дѣлъ пресвитеріанами было не особенно удачнымъ, отчасти благодаря ихъ собственной непослѣдовательности. Они упорно держались фикціи, что ведутъ войну „за короля, королевство и парламентъ", а ихъ генералы, среди которыхъ были представители аристократіи, вовсе не думали о томъ, чтобы нанести Карлу I окончательное пораженіе, а хотѣли только принудить его вступить съ парламентомъ въ переговоры о мирѣ. Это затягивало войну, что̀ въ свою очередь вызы-

вало ропотъ въ народѣ. Но самою главною причиною неудачи пресвитеріанскаго господства было развитіе въ Англіи болѣе свободнаго направленія, представителями котораго дѣлаются индепенденты. Но прежде чѣмъ говорить объ этой новой силѣ, нужно сдѣлать еще нѣсколько общихъ замѣчаній о пуританизмѣ.

Въ XVI вѣкѣ Англія подчинялась вліянію итальянскаго ренессанса. Установленіе англиканской церкви правительствомъ и принятіе ея обществомъ вытекали главнымъ образомъ изъ политическихъ мотивовъ, и общій характеръ англійской культуры въ XVI столѣтіи былъ свѣтскій: достаточно указать на Шекспира и Бэкона, изъ которыхъ одинъ изучалъ внутренній міръ человѣка, а другой—внѣшнюю природу съ чисто свѣтскихъ точекъ зрѣнія, безъ всякой теологической окраски. Мы даже хорошенько не знаемъ, былъ ли Шекспиръ католикомъ или протестантомъ въ этотъ вѣкъ религіозныхъ распрей. *Развитіе въ Англіи пуританизма въ XVII в. было побѣдою протестантизма надъ гуманизмомъ, реформаціи надъ ренессансомъ*, и это представляетъ собою лишь частный случай того общаго явленія, которое мы наблюдаемъ въ другихъ странахъ въ XVI—XVII вѣкахъ. Пуританскій фанатизмъ пугалъ многихъ людей, жившихъ традиціями старой Англіи и раздѣлявшихъ идеи того болѣе широкаго пониманія религіи въ самой епископальной церкви, которое получило названіе латитудинаризма. Къ числу такихъ людей принадлежалъ, напримѣръ, Фалькландъ, даже прямо порвавшій съ парламентомъ, когда въ немъ усилилось пуританское направленіе. Съ другой стороны, и въ самомъ пуританизмѣ зарождалось направленіе болѣе широкое и болѣе свободное, чѣмъ шотландское пресвитеріанство. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ его представителей былъ знаменитый поэтъ Джонъ Мильтонъ. Онъ родился (въ 1608 г.) въ пуританской семьѣ, онъ очень долго учился въ кембриджскомъ университетѣ, совершенствуясь въ разныхъ отрасляхъ знанія. Сначала онъ готовился къ занятію духовнаго званія, но предпочелъ отъ него отказаться, когда увидѣлъ, что по совѣсти не могъ дать присягу на вѣрность англиканской церкви съ ея духовнымъ рабствомъ. Весьма рано обнаруживъ поэтическій талантъ, онъ сильно увлекался свѣтской литературой и стремился въ Италію, въ виду чего превосходно изучилъ итальянскій языкъ, которымъ даже пользовался для своихъ поэтическихъ произведеній. Когда, наконецъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ Мильтонъ поѣхалъ въ Италію, посѣтивъ по дорогѣ Францію, онъ уже былъ извѣстенъ, какъ поэтъ, и на материкѣ. И въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ, и во Флоренціи, гдѣ прожилъ особенно долго, онъ вращался въ кругу ученыхъ, поэтовъ и художниковъ, и всѣ они относились къ нему съ большимъ уваженіемъ; въ Парижѣ подружился

съ Гуго Гроціемъ, во Флоренціи — съ Галилеемъ. Изъ Италіи Мильтонъ думалъ проѣхать въ Аѳины, но извѣстія изъ Англіи заставили его вернуться на родину, и здѣсь онъ выступилъ съ рядомъ сочиненій по вопросамъ, волновавшимъ тогда Англію. Сначала онъ высказывался въ смыслѣ пресвитеріанства, но принципъ религіозной свободы, вытекавшій изъ всего его міросозерцанія, заставилъ его перейти на другую точку зрѣнія. Въ 1644 г. парламентскіе пресвитеріане задумали установить въ Англіи строгую цензуру, и вотъ Мильтонъ ополчился противъ нихъ въ своей замѣчательной апологіи свободы печати (Areopagitica), представляющихъ изъ себя одно изъ самыхъ сильныхъ сочиненій, какія когда-либо были написаны на эту тему [1]). Онъ оставилъ свою пресвитеріанскую точку зрѣнія, нашедши, что „слово пресвитеръ обозначаетъ то же, что и попъ, только иначе написанное". Понятно, что узкій пресвитеріанизмъ не могъ быть по душѣ такимъ образованнымъ людямъ, какъ Мильтонъ, но въ этомъ отношеніи они сходились и со многими совсѣмъ уже простыми людьми, среди которыхъ въ это время съ особою силою развивалось сектантство.

Сектантство въ Англіи, какъ извѣстно, было явленіемъ старымъ, которое въ сороковыхъ годахъ XVII в. могло уже насчитывать около шестидесяти лѣтъ существованія, но только во время долгаго парламента оно сразу стало дѣлать быстрые успѣхи, отчасти благодаря возвращенію многихъ эмигрантовъ-индепендентовъ на родину. Къ этому времени индепенденты успѣли вполнѣ выработать свою систему независимыхъ одна отъ другой церковныхъ общинъ или конгрегацій, откуда и происходитъ ихъ названіе конгрегаціонистовъ или индепендентовъ. Въ то время, какъ другія протестантскія исповѣданія признавали ту или другую церковную организацію, и эти организаціи охватывали цѣлыя государства, подчиняясь сами власти королей или князей, епископовъ или консисторій и пресвитеріанскихъ синодовъ, *индепенденты были представителями принципа полной общинной автономіи*. Весьма послѣдовательно развивая и проводя въ жизнь свои принципы, они отвергали необходимость опредѣленнаго клира и установленнаго ритуала, такъ что въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ всякій, кто чувствовалъ вдохновеніе, тотъ проповѣдовалъ или молился отъ лица всей общины, и само молитвенное настроеніе общины выражалось внѣ какихъ бы то ни было заранѣе опредѣленныхъ формъ. Какъ и въ нѣмецкомъ анабаптизмѣ XVI в., въ англійскомъ индепендентствѣ XVII в. *проявлялся съ особою силою религіозный инди-*

---

[1]) Ареопагитика была переведена по-русски и помѣщена въ „Современномъ Обозрѣніи" 1868 г. См. о ней ст. *Е. В. Тарле* въ „Правѣ" за 1904 г.

видуализмъ, потому что и здѣсь мистическое внутреннее откровеніе съ сопровождавшими его пророчествомъ, апостольскою проповѣдью и т. п. создавало особаго рода отношеніе къ откровенію внѣшнему. Что индепендентство относилось къ тому же роду явленій, какъ и нѣмецкій анабаптизмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; среди англійскихъ сектантовъ XVII в. даже прямо были люди, отдѣлявшіеся отъ господствующей церкви именно по вопросу о крещеніи взрослыхъ (такъ называемые баптисты, поддерживавшіе связи съ Голландіей). Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ сектанты еще не давали чувствовать обществу своего значенія, но возвращеніе въ Англію эмигрантовъ, начавшееся при первыхъ признакахъ готовившейся бури, общее возбужденіе, вызванное борьбою съ королемъ, само паденіе англиканизма, — все это способствовало тому, что новое религіозное движеніе увлекло сразу и съ необыкновенной быстротой за собою наиболѣе искреннихъ и энергичныхъ пуританъ. Парламентскіе дѣятели стояли на точкѣ зрѣнія государственной церкви: если они боролись съ королемъ и на религіозной почвѣ, то главнымъ образомъ потому, что признавали за парламентомъ право установлять религію страны, которая, по ихъ мнѣнію, не должна была допускать никакого нонконформизма. Въ то время, однако, какъ парламентъ перестраивалъ англійскія учрежденія на пресвитеріанскихъ началахъ, все, что, только было въ Англіи наиболѣе проникнуто внутреннею, задушевною религіозностью, стояло очень далеко отъ принциповъ и традицій государственной церкви, епископальной или пресвитеріанской—все равно. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ одинъ испуганный движеніемъ памфлетистъ насчитывалъ уже полтора десятка сектъ, отрицавшихъ всякую установленную церковь, а одинъ епископъ говорилъ о существованіи въ одномъ Лондонѣ восьмидесяти конгрегацій, руководимыхъ башмачниками, портными, суконщиками и „тому подобною сволочью". Въ графствахъ также было множество „благочестивыхъ" фермеровъ, приставшихъ къ новому религіозному движенію, и особенно важно было то, что въ политическомъ отношеніи люди, примкнувшіе къ сектантству, были главною опорою парламента, который въ религіозномъ отношеніи держался какъ-разъ враждебной имъ системы. Подобно крайнимъ гуситамъ въ XV вѣкѣ или анабаптистамъ въ XVI столѣтіи, и индепенденты, вдохновляясь ветхозавѣтными идеями, смотрѣли на себя, какъ на святыхъ, какъ на избранный народъ Божій. Мало-по-малу *въ соціально-политическомъ отношеніи это движеніе приняло характеръ демократическій*, и вообще на почвѣ индепендентства развились въ Англіи разныя *явленія, оставившія глубокій слѣдъ на духовной жизни англійскаго народа*. Между сектантами „даромъ пророчества" отличались особенно упо-

мянутые баптисты, „люди пятой монархіи“, вѣрившіе въ близкое наступленіе царства Христова на землѣ, антиномисты и перфекціонисты, утверждавшіе, что послѣ искупительной смерти Христовой въ церкви святыхъ Божіихъ, къ которымъ они себя причисляли, нѣтъ уже болѣе грѣха, и т. п. Въ этомъ же броженіи разнообразнѣйшихъ религіозныхъ идей, мистическихъ чаяній, моральныхъ стремленій зародилось и квакерство, которое только временно, въ пятидесятыхъ годахъ, выступало на арену политической борьбы, но и по первоначальному своему духу, и по окончательно выработавшемуся въ немъ настроенію представляло собою чисто морально-религіозное ученіе. Вообще нужно замѣтить, что *лишь временно англійское сектантство отличалось бурнымъ агрессивнымъ, революціоннымъ характеромъ*, но во второй половинѣ XVII в. оно вошло въ колею мирной гражданской жизни; квакеры [1]) даже прямо, подобно и позднѣйшимъ нѣмецкимъ анабаптистамъ, сдѣлались самыми выдающимися представителями спокойнаго и трудового существованія, отрицающаго всякое противленіе злу, какую бы то ни было войну и самое военное званіе. Основатель этой секты, Джорджъ Фоксъ, родившійся въ 1621 г., былъ зажиточнымъ кожевенникомъ изъ пуританской семьи. Онъ рано углубился въ изученіе св. писанія и въ религіозныя думы, тревожившія его чуткую совѣсть. Убѣдившись въ томъ, что „истина дана не въ книгахъ, а въ сердцахъ людей“, онъ сдѣлался странствующимъ проповѣдникомъ. За свою экзальтацію ему пришлось много разъ подвергаться насмѣшкамъ, брани, побоямъ, заключенію въ тюрьмѣ, но ничто его не останавливало, и въ концѣ концовъ своею пламенною проповѣдью онъ пріобрѣлъ своему ученію много сторонниковъ. Фокса часто посѣщали видѣнія, которыя онъ ставилъ выше св. писанія, и когда на него находилъ духъ Божій, онъ въ судорогахъ падалъ на землю (откуда кличка quacker, т.-е. дрыгунъ, послѣдователи же Фокса называли себя „обществомъ друзей“). Квакерство особенно усилилось въ пятидесятыхъ годахъ, когда безсвязныя проповѣди Фокса были приведены въ нѣкоторую систему, и само „общество друзей“ получило организацію и выступило на политическую сцену въ качествѣ прямо революціонной силы. Квакерское ученіе состояло въ томъ, что догматы и обряды имѣютъ мало значенія въ сравненіи съ благочестивою жизнью, что кто искренне ищетъ Господа, тотъ получаетъ внутреннее откровеніе, имѣющее авторитетъ, равный св. писанію и даже болѣе высокій, и что богословская ученость есть не что иное, какъ суемудріе.

Однимъ словомъ, въ англійской религіозной исторіи середины XVII вѣка *проявились тѣ великія противоположности реформаціон-*

[1]) *Cunningham*. The quakers.

наго періода, съ которыми мы уже раньше познакомились на исторіи континентальныхъ странъ (а отчасти и самой Англіи) въ XVI вѣкѣ: англиканизмъ былъ монархическимъ церковнымъ устройствомъ, пресвитеріанизмъ—республиканскимъ; однообразная государственная религія, на точкѣ зрѣнія которой стояли и кавалеры, защитники епископальной церкви, и круглоголовые, вводившіе пресвитеріанство, отрицалась индепендентами, сторонниками принципа, что религія есть внутреннее дѣло индивидуума, до котораго государству нечего касаться; наконецъ, и тутъ принципъ индивидуализма въ религіи,—въ его мистическихъ, а позднѣе раціоналистическихъ проявленіяхъ,—столкнулся съ противоположнымъ принципомъ ограниченія личной вѣры и мысли рамками внѣшняго авторитета и традиціонной ортодоксіи. Какъ и на материкѣ, сектантское движеніе въ Англіи по существу своему было демократическимъ, но и въ Англіи сторонниками нѣкоторыхъ его принциповъ сдѣлались люди, принадлежавшіе къ культурной части общества. Индепендентство увлекло многихъ религіозно настроенныхъ людей изъ образованнаго слоя и правящихъ классовъ, благодаря чему его принципы проникли въ литературу и политику, а чрезъ это оказали болѣе положительное вліяніе какъ на духовное развитіе, такъ и на государственную и общественную жизнь, въ сравненіи съ нѣмецкимъ анабаптизмомъ XVI вѣка. Мильтонъ, ученѣйшій англичанинъ своего времени, величайшій поэтъ и публицистъ эпохи, сдѣлался однимъ изъ вѣрныхъ представителей индепендентства. Онъ служилъ своимъ перомъ разъясненію и защитѣ культурныхъ и политическихъ принциповъ этого новаго направленія, но если послѣднее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ играло и видную политическую роль, то этимъ оно обязано преимущественно организатору своихъ силъ—Кромвелю.

Оливеръ Кромвель происходилъ по прямой линіи отъ Ѳомы Кромвеля, который при Генрихѣ VIII былъ государственнымъ канцлеромъ и главнымъ совѣтниковъ и помощникомъ этого короля, какъ въ проведеніи его церковныхъ преобразованій, такъ и въ организаціи той тиранніи, съ какою онъ правилъ Англіей во вторую половину своего царствованія. Родившись въ 1599 г., Оливеръ Кромвель впервые выступилъ на политическое поприще въ 1628 г. благодаря старымъ связямъ съ лицами, принимавшими близкое участіе въ государственной жизни страны: его отецъ и трое дядей засѣдали въ парламентахъ конца царствованія Елизаветы, а Гемпденъ, бывшій въ родствѣ или пріятельскихъ отношеніяхъ со многими вліятельными фамиліями эпохи, приходился ему двоюроднымъ братомъ. По своему общественному положенію Кромвель былъ помѣщикомъ (сквайромъ). Въ молодости онъ учился недолгое время въ Кембриджѣ, но рано

былъ оторванъ отъ научныхъ занятій смертью отца и, поселившись въ деревнѣ, сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Политика сначала его интересовала очень мало, и только, главнымъ образомъ, съ 1640 года онъ предпочелъ тревоги общественной дѣятельности мирнымъ сельско-хозяйственнымъ хлопотамъ. Впрочемъ, если ранѣе этого времени онъ не игралъ политической роли, то уже давно весьма сильно увлекался религіозными вопросами, принадлежа къ пуританской семьѣ и самъ придерживаясь пуританскаго образа мыслей. Онъ былъ выбранъ и въ короткій, и въ долгій парламентъ, гдѣ на первыхъ порахъ онъ обращалъ на себя вниманіе преимущественно своимъ внѣшнимъ видомъ: высокій, съ краснымъ лицомъ, съ рѣзкимъ голосомъ, онъ и одѣвался крайне неряшливо, но рѣчь его звучала страстью; однажды на вопросъ о томъ, что это за субъектъ, Гемпденъ отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, которому, можетъ быть, суждено сдѣлаться первымъ лицомъ въ Англіи. Когда началась междоусобная война, Кромвель со старшимъ своимъ сыномъ принялъ въ ней дѣятельное участіе, пожертвовавъ на ея веденіе и значительную по своему состоянію сумму денегъ. Съ самаго же начала военныхъ дѣйствій онъ понялъ, что люди, составлявшіе парламентскую армію, большею частью слуги и ремесленники, не въ состояніи были бороться съ кавалерами, и пришелъ къ мысли о необходимости набрать въ войско побольше людей, проникнутыхъ религіозною ревностью. Скоро Кромвель образовалъ кавалерійскій полкъ въ тысячу человѣкъ по своему вкусу, установивъ въ этомъ отрядѣ, получившемъ за свою стойкость названіе „желѣзнобокихъ“ (ironsides), самую строгую дисциплину. Онъ не допускалъ въ немъ ни пьянства, ни божбы, ни ругательствъ, и этого тѣмъ легче ему было достигнуть, что въ свой полкъ онъ выбиралъ людей благочестивыхъ и честныхъ, и онъ очень дорожилъ „прекрасными людьми“ изъ простолюдиновъ, давая имъ, чего раньше никогда не дѣлалось, даже офицерскія мѣста, разъ находилъ ихъ способными командовать, хотя по всѣмъ своимъ симпатіямъ и оставался всегда настоящимъ сквайромъ. Кромвель особенно искалъ для своего отряда подходящихъ людей среди религіозно настроенныхъ фермеровъ, не обращая вниманія на то, совпадали ли ихъ религіозныя вѣрованія съ его собственными; для него было столь же неважно, какого толка придерживался человѣкъ, какъ и то, на какой ступени общественной лѣстницы онъ стоялъ, лишь бы это былъ честный человѣкъ и хорошій солдатъ. Самъ онъ, однако, далеко не раздѣлялъ воззрѣній разныхъ сектантовъ, шедшихъ въ его отрядъ. Парламентскіе дѣятели были очень недовольны такимъ составомъ полка Кромвеля, но „желѣзнобокіе“ стали одерживать побѣды, и при Ньюбери ихъ вождь могъ бы окончательно нанести ударъ Карлу I, если бы графъ Манчестеръ

пресвитеріанскій генералъ, подъ начальствомъ котораго онъ находился, согласился позволить ему преслѣдовать короля, чего Кромвель страстно желалъ. Графъ Манчестеръ вовсе не стремился къ полной побѣдѣ надъ Карломъ I, стоя на пресвитеріанской точкѣ зрѣнія, будто война ведется „за короля и парламентъ", тогда какъ Кромвель съ самаго начала отвергалъ эту фикцію. Онъ долженъ былъ, однако, подчиниться своему начальнику, но воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы провести въ парламентѣ свой собственный планъ касательно военныхъ дѣлъ. Послѣднія, конечно, нерѣдко дѣлались предметомъ обсужденія въ парламентѣ, и это однажды дало Кромвелю случай произнести рѣчь, въ которой онъ доказывалъ непригодность прежняго способа веденія войны. Между прочимъ, онъ указалъ на недовольство народа, который объясняетъ себѣ продолжительность войны желаніемъ важныхъ господъ, засѣдающихъ въ парламентѣ, подольше сохранить за собою свои мѣста. По мнѣнію Кромвеля, успѣшно вести войну можно было, только преобразовавъ армію, но особенно же онъ нападалъ на генераловъ, „боявшихся побѣды", чтобы не оказаться измѣнниками въ глазахъ короля, и потому онъ настаивалъ на томъ, чтобы перемѣнить начальство. Эта рѣчь Кромвеля не была простою критикою поведенія генераловъ, подобныхъ Манчестеру: практическій выводъ изъ нея заключался въ „биллѣ о самоотреченіи" (self-denying ordinance), внесенномъ въ парламентъ Кромвелемъ и Генри Веномъ, тоже весьма виднымъ дѣятелемъ возникавшей индепендентской партіи. Дѣло заключалось въ томъ, что члены парламента, занимавшіе какія-либо военныя или гражданскія должности, должны были отъ нихъ отказаться. Венъ даже самъ сложилъ съ себя должность по завѣдованію финансами, которую занималъ по порученію парламента. Исполнить требованіе Кромвеля по отношенію къ войску обѣ палаты долго не рѣшались, такъ какъ отнять военную команду у своихъ членовъ значило порвать ту тѣсную связь, которая существовала между народнымъ представительствомъ и арміей, но въ концѣ концовъ въ апрѣлѣ 1645 г. парламентскіе генералы должны были уступить свое мѣсто главнокомандующему, взятому внѣ парламента. Эта должность была отдана Ферфаксу, но онъ при реорганизаціи войска, требовавшейся всѣми обстоятельствами момента, дѣйствовалъ не иначе, какъ по указаніямъ Кромвеля, для котораго сдѣлано было исключеніе изъ общаго правила, установленнаго актомъ о самоотреченіи. Для Кромвеля настала теперь пора распространить на все парламентское войско „новый образецъ" (new model), т.-е. порядки, существовавшіе въ его отрядѣ „желѣзнобокихъ", благодаря чему *англійское индепендентство получило военную организацію*, и рядомъ съ парламентомъ, въ которомъ преобладали пресвитеріане-конституціоналисты, явилась новая

сила—индепендентская армія, мало-по-малу въ политическомъ отношеніи перешедшая на ту точку зрѣнія, что единственною законною формою правленія должна была быть республика. *Возникновеніе индепендентской арміи и опиравшейся на нее республиканской партіи* составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи англійской революціи, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году, какъ началась реорганизація парламентскаго войска, была одержана надъ королемъ побѣда при Нэзби (1645), заставившая его, какъ извѣстно, послѣ нѣсколькихъ новыхъ неудачъ бѣжать къ шотландцамъ (1646).

Индепендентская армія была однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ явленій этой бурной эпохи. Сравнивая ее съ войскомъ Валленштейна, впервые составившимся лишь за двадцать лѣтъ передъ этимъ, мы не только находимъ между ними значительную разницу, но во многихъ отношеніяхъ полную противоположность. Офицеры и солдаты католическаго кондотьера, какъ и самъ онъ, были большею частью авантюристы, сражавшіеся ради наживы или честолюбивыхъ цѣлей, не связанные никакими принципіальными узами, и въ эту армію шелъ всякій сбродъ. Жадные до добычи, развращенные и лишенные всякаго сколько-нибудь идеальнаго пониманія событій, въ которыхъ приходилось участвовать, эти люди грабили и убивали мирныхъ жителей, разоряли и сжигали города и села. Англійская армія „новаго образца“ была, наоборотъ, одушевлена сознаніемъ, что сражается за дѣло политической и религіозной свободы, и несмотря на общественное различіе положеній среди ея офицеровъ, между которыми были и джентельмены, и простолюдины, всѣхъ ихъ связывало одно общее дѣло, ради котораго они бросили свои семьи, насиженныя мѣста, прибыльныя занятія, часто жертвовали своимъ имуществомъ, даже содержали себя на войнѣ на собственный счетъ. Лондонское пресвитеріанское духовенство и самъ парламентъ, какъ мы видѣли, весьма косо смотрѣли на то, что Кромвель принималъ въ свой отрядъ диссидентовъ, но послѣ того, какъ этотъ отрядъ доказалъ свою пригодность на войнѣ, въ которой солдаты парламентской арміи, наоборотъ, терпѣли пораженія, Кромвелю удалось настоять, чтобы Ферфаксу было позволено принимать въ военную службу и такихъ благочестивыхъ людей, которые не стали бы подписывать пресвитеріанскаго ковенанта. Сектантство, дѣлавшее въ это время большіе успѣхи въ городахъ и графствахъ, подымало подъ вліяніемъ совершавшихся событій духъ мирныхъ торговцевъ и фермеровъ, и они-то составляли большинство арміи „новаго образца“: ихъ гнала въ войско не нужда и не страсть къ легкой наживѣ, какъ солдатъ Валленштейна; это были не такъ называемые подонки общества, составлявшіе главную силу въ арміи нѣмецкаго кондотьера, а степенные и почтенные люди, у

которыхъ съ религіознымъ одушевленіемъ соединялись нравственная выдержка, пуританская щепетильность и серьезная важность,—люди, для которыхъ молитвенныя собранія, проповѣди, пѣніе священныхъ гимновъ и т. п. замѣняли всякія развлеченія. Поэтому индепендентской арміи были совершенно чужды пороки, дѣлавшіе изъ войска Валленштейна сборище самыхъ развращенныхъ людей во всей Германіи. Когда вся парламентская армія сдѣлалась индепендентской, включивъ въ себя всевозможныхъ сектантовъ, какіе въ это время только были въ Англіи, ея образцами при сектантской склонности руководиться указаніями ветхаго завѣта сдѣлались бойцы избраннаго народа Божія за вѣру, совершенно такъ же, какъ это было съ воинами Жижки или Ѳомы Мюнцера. Религіозный духъ и нравственный ригоризмъ были основою той удивительной дисциплины, которою отличалась эта армія, и, напримѣръ, Маколей, давшій весьма извѣстную блестящую характеристику индепендентскаго войска, хотя и съ нѣсколько сгущенными красками, справедливо замѣчаетъ, что эта армія „могла, безъ вреда для самой себя, пользоваться такими вольностями, которыя, будучи предоставлены инымъ войскамъ, подѣйствовали бы разрушительно на всю дисциплину. Таковы, продолжаетъ Маколей, были разумъ, серьезность и самообладаніе воиновъ, дисциплинированныхъ Кромвелемъ, что въ ихъ лагерѣ политическая и религіозная организація могла существовать, не разрушая организаціи военной. Тѣ самые люди, которые внѣ службы были извѣстны, какъ демагоги и полевые проповѣдники, отличались стойкостью, духомъ порядка и безпрекословнымъ повиновеніемъ на стражѣ, на ученіи и на полѣ битвы. Въ одномъ лишь лагерѣ Кромвеля строжайшая дисциплина встрѣчалась рядомъ съ самымъ крайнимъ энтузіазмомъ. Его войска ходили съ точностью машинъ, пылая въ то же время необузданнѣйшимъ фанатизмомъ крестоносцевъ". Въ самомъ дѣлѣ эти религіозные энтузіасты, молившіеся со слезами и рыданіями, проповѣдовавшіе до обмороковъ и конвульсій, отличались большимъ самообладаніемъ, когда имъ приходилось вести военныя или политическія дѣла, и здѣсь они проявляли способность и къ холоднымъ соображеніямъ, и къ неуклонному достиженію своихъ цѣлей. Суровые, гордые, часто честолюбивые, они самое честолюбіе свое видѣли въ исполненіи завѣтовъ Божіихъ, завѣтовъ гнѣва и мести, съ которыми знакомились въ исторіи избраннаго народа. Въ собственныхъ глазахъ они сами были „святые", сами были избраннымъ народомъ Божіимъ, и аггрессивный характеръ, какой получила ихъ дѣятельность, вытекалъ и у нихъ, какъ у крайнихъ гуситовъ XV вѣка или у анабаптистовъ XVI столѣтія, изъ представленія, что имъ дано посланничество

свыше. Само краснорѣчіе ихъ, вдохновенное и бурное, имѣло чисто библейскій характеръ.

Армія, составленная изъ такихъ офицеровъ и солдатъ, не могла не сдѣлаться политической партіей съ особыми принципами, далекими отъ политическихъ стремленій пресвитеріанъ. Соединяя въ своемъ міросозерцаніи библейское представленіе объ избранномъ народѣ съ кальвинистическимъ догматомъ о предопредѣленіи, считая себя какъ-разъ арміей „святыхъ“ и вѣря именно въ свое предъизбраніе къ спасенію, индепенденты въ политической сферѣ явились демократическими радикалами, переносившими на государство то воззрѣніе, которое выработали относительно наилучшаго устройства церковной жизни,—идею самоуправляющейся народной общины съ полнымъ равенствомъ всѣхъ ея членовъ.

Конечно, не сразу сложилась такая армія, не сразу вполнѣ обнаружился ея характеръ, не сразу проявились и политическія стремленія организовавшагося въ ней индепендентства. Тѣмъ не менѣе уже въ 1645 г. пресвитеріанское большинство парламента и шотландскіе коммиссары были встревожены энергіей, какую проявила новая партія, требуя настойчиваго веденія войны и добиваясь религіозной свободы. Желая предупредить опасный переворотъ въ государственныхъ и церковныхъ учрежденіяхъ страны, которымъ грозило появленіе этой силы, пресвитеріане вступили-было въ переговоры съ Карломъ I за полгода до битвы при Нэзби, но король прервалъ ихъ, надѣясь, что начавшаяся реорганизація арміи поможетъ ему справиться съ парламентомъ. То обстоятельство, что побѣдою при Нэзби парламентъ былъ обязанъ Кромвелю, еще болѣе усилило значеніе послѣдняго и въ парламентѣ, и въ арміи. Послѣ этой битвы Кромвель еще рѣшительнѣе сталъ требовать, чтобы люди, рискующіе жизнью за свободу родины, пользовались сами свободой совѣсти; онъ указывалъ и на то, что было бы крайне несправедливо, если бы въ иныхъ мѣстахъ не существовало той равноправности между пресвитеріанами и индепендентами, которая установилась въ военномъ лагерѣ. Какъ Мильтонъ въ 1644 г. добивался для печатнаго выраженія мысли полной свободы отъ стѣсненій, создавшихся пресвитеріанами, такъ въ 1645 г. Кромвель особенно энергично отстаивалъ свободу совѣсти отъ тѣхъ же пресвитеріанъ, которые, стоя на точкѣ зрѣнія единообразія, готовы были прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ противъ диссидентовъ и опасались обратиться къ этимъ мѣрамъ лишь въ виду настроенія, господствовавшаго въ арміи. Другимъ бойцомъ за религіозную свободу въ парламентѣ сдѣлался тогда Генри Венъ, и эту идею защищали еще многіе новые члены палаты, занявшіе мѣста удалившихся роялистовъ. Извѣстія о несогласіяхъ

между пресвитеріанами и индепендентами, т.-е. между парламентомъ и арміей, конечно, доходили до Карла I, и онъ на этомъ раздорѣ сталъ основывать всѣ свои надежды относительно будущаго. Хотя послѣ битвы при Нэзби переговоры опять возобновились, онъ поэтому и не особенно охотно шелъ на встрѣчу дѣлавшимся ему предложеніямъ, полагая именно, что сумѣетъ поправить свои дѣла безъ особыхъ уступокъ, какія отъ него требовались въ это время, хотя шотландцы, къ которымъ Карлъ I бѣжалъ весною 1646 г. изъ Оксфорда, умоляли его согласиться на условія англійскаго парламента. Этими требованіями были теперь право парламента завѣдовать арміей и флотомъ въ теченіе двадцати лѣтъ, исключеніе изъ государственной службы роялистовъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, и введеніе пресвитеріанской церкви. Расчеты побѣжденнаго короля, однако, оказались невѣрными, хотя онъ и не ошибался, ожидая, что *между пресвитеріанскимъ парламентомъ и индепендентской арміей произойдетъ борьба.* На дѣлѣ конечнымъ результатомъ этой борьбы было не возстановленіе королевской власти, а введеніе республики. Прежде всего онъ ошибся относительно шотландцевъ, думая, что они всегда будутъ на его сторонѣ, какъ ихъ земляка. Послѣднее обстоятельство нисколько не помѣшало имъ выдать Карла I англичанамъ. Пресвитеріанскій парламентъ хотѣлъ теперь во что бы то ни стало имѣть короля въ своихъ рукахъ, чтобы имѣть возможность распустить индепендентскую армію, а шотландцы не желали признавать Карла I своимъ королемъ, такъ какъ онъ не присягнулъ ковенанту, и вотъ въ январѣ 1647 г. Карлъ I былъ ими выданъ англичанамъ за 400.000 ф. стерлинговъ какъ бы въ уплату понесенныхъ шотландцами военныхъ издержекъ. Послѣ этого пресвитеріане считали себя господами положенія, но и они ошиблись въ расчетѣ, такъ какъ настоящими побѣдителями оказались не они, а индепенденты.

XXXVII. Установленіе республики въ Англіи.

Общій взглядъ на исторію республики въ Англіи. — Религіозныя, политическія и соціальныя противоположности въ исторіи англійской республики. — Значеніе предварительнаго анализа внутренней исторіи республики.—Планъ послѣдующаго изложенія. — Первый конфликтъ арміи съ парламентомъ въ 1647 году. — «Смиренное представленіе» и «актъ объ устроеніи».—Взаимныя отношенія арміи, парламента и короля въ 1647—48 гг.—«Прайдова очистка».—Парламентское постановленіе 4 янв. 1649 г. — Процессъ и казнь Карла I. — Англійская республика.

Когда въ 1642 г. вспыхнула въ Англіи междоусобная война, ни въ парламентѣ, ни въ странѣ, какъ было отмѣчено въ своемъ

мѣстѣ, еще не существовало республиканской партіи. Мы видѣли, что круглоголовые хотѣли сначала только отстоять старыя учрежденія, правда, при помощи новыхъ гарантій, которыя должны были содѣйствовать упроченію этихъ учрежденій. Они взялись и за оружіе и начали войну съ королемъ, вовсе не имѣя въ виду уничтоженіе монархической власти: долгое время у нихъ даже господствовала фикція, по которой война велась парламентомъ какъ бы „за короля, королевство и парламентъ". И до начала враждебныхъ дѣйствій, и во время войны, и послѣ того, какъ Карлъ I попалъ въ плѣнъ, парламентскіе дѣятели не покидали надежды на то, что посредствомъ переговоровъ можно будетъ прійти къ какому-нибудь соглашенію, и примиренію мѣшало только упорство самого короля, расчитывавшаго на то, что несогласія между его врагами позволятъ ему вернуть себѣ всю полноту власти, какъ онъ ее понималъ. Затрудненія, съ какими пришлось встрѣтиться республикѣ, оказавшейся безсильною въ борьбѣ съ ними, кратковременность самаго ея существованія при отсутствіи притомъ сколько-нибудь прочнаго и опредѣленнаго внутренняго порядка, легкость, наконецъ, съ которою совершилась реставрація Стюартовъ на одиннадцатомъ году послѣ провозглашенія республики,— все это показываетъ, что новый политическій строй не имѣлъ подъ собою настоящей почвы въ націи. *Учрежденіе въ Англіи республиканскаго правленія было дѣломъ одной индепендентской арміи*, хотя сама эта сила стала формироваться лишь въ 1645 г. Можно сказать, что республика была навязана Англіи ея вооруженною силою, хотя государственная форма, сторонниками которой явилось тогдашнее войско, казалось бы, менѣе всего могла быть результатомъ насилія надъ волей націи, такъ какъ лежащая въ основѣ этой формы идея народовластія требовала, чтобы правительство опиралось главнымъ образомъ, если не исключительно даже, на добровольномъ согласіи, а не на принужденіи. Энергическое меньшинство, сплоченное общими религіозными и политическими стремленіями, сумѣвшее организоваться въ прочную силу для достиженія опредѣленной цѣли, доставило побѣду парламенту въ его распрѣ съ королемъ, но зато теперь оно само стало диктовать свою волю парламенту, а это *открывало путь для установленія въ странѣ военнаго деспотизма*, бывшаго въ противорѣчіи съ республиканскою идеей самихъ индепендентовъ и совершенно не соотвѣтствовавшаго нравамъ, преданіямъ и учрежденіямъ націи. Такимъ образомъ республика не только не имѣла прочныхъ корней въ странѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была опираться на вооруженную силу, которая именно только въ качествѣ такой силы могла диктовать свою волю. Вся исторія республики въ Англіи, какъ и время, ей непосредственно предшествовавшее, проходитъ *въ по-*

стоянныхъ столкновеніяхъ между парламентомъ и арміей: уже долгій парламентъ, стремившійся къ всемогуществу въ государствѣ, встрѣтилъ противъ себя другое всемогущество, какимъ фактически сдѣлалось и хотѣло остаться индепендентское войско, а затѣмъ тотъ же самый антагонизмъ проходитъ черезъ всю эпоху, вплоть до реставраціи Стюартовъ. Мало того: какъ установленіе республики въ 1649 г., такъ и ея низверженіе въ 1660 г. одинаково были подготовлены разногласіями, которыя происходили между парламентомъ и арміей. Мы видѣли, что *въ основѣ этого разлада первоначально лежалъ религіозный вопросъ:* пресвитеріанскій парламентъ стоялъ за церковное единообразіе, индепендентская армія—за религіозную свободу; послѣ побѣды надъ Карломъ I парламентъ хотѣлъ отдѣлаться отъ арміи и, примирившись съ королемъ, утвердить въ Англіи пресвитеріанизмъ, тогда какъ армія считала, что ея задача будетъ исполнена лишь тогда, когда вполнѣ будетъ обезпечена религіозная свобода, хотя бы для этого пришлось установить чисто военный режимъ. На почвѣ этого чисто религіознаго антагонизма развился потомъ и антагонизмъ политическій: пресвитеріанскій монархизмъ встрѣтился съ индепендентскимъ республиканизмомъ, и такъ какъ матеріальная сила была на сторонѣ второго, то Англія и получила республиканскую форму. Такъ какъ, однако, республика фактически перешла въ военный деспотизмъ, то это и совсѣмъ оттолкнуло отъ нея прежніе правящіе классы и всѣхъ, кто только дорожилъ старыми вольностями, обезпечивавшимися традиціонной конституціей.

Кромѣ религіознаго и политическаго антагонизма, обнаруживавшагося между пресвитеріанствомъ и индепендентствомъ, между парламентомъ и войскомъ, между принципами государственной церкви и конституціонной монархіи, съ одной стороны, и религіозной свободы и народовластія, съ другой, *въ исторіи англійской республики мы наблюдаемъ еще рядъ явленій, позволяющихъ намъ говорить и о соціальномъ антагонизмѣ*, какъ о факторѣ, тоже игравшемъ роль въ этихъ событіяхъ, хотя вообще соціальная сторона той эпохи весьма мало изслѣдована сравнительно съ сторонами религіозной и политической. Побѣда нижней палаты не только надъ королемъ, но и надъ верхнею палатою, уничтоженною при установленіи республики, была побѣдою новаго дворянства и городской буржуазіи, этихъ, такъ сказать, среднихъ классовъ, надъ старыми аристократическими элементами. Нижняя палата долгаго парламента состояла преимущественно изъ „сквайровъ“, представителей землевладѣльческаго класса, къ которому принадлежалъ и самъ Кромвель: они жили традиціями ограниченной монархіи, и для большинства этого класса война была лишь крайнимъ средствомъ принудить короля возвратиться на путь

законности. Иное дѣло — армія: она состояла уже изъ совершенно другихъ общественныхъ элементовъ, правда, изъ такихъ, которые все еще возвышались надъ общимъ уровнемъ народной массы, но сравнительно съ сквайрами занимавшіе положеніе значительно болѣе скромное. Весьма естественно поэтому, что *индепендентское движеніе получило демократическій характеръ*, пугавшій представителей землевладѣльческихъ классовъ въ палатѣ и особенно заставлявшій ихъ искать соглашенія съ королемъ, что армія ставила парламенту въ большую вину. Подобно тому, какъ въ Германіи въ ея революціонный періодъ двадцатыхъ годовъ XVI в. образовалось радикально-демократическое теченіе, такъ и въ Англіи еще до установленія республики уже существовалъ политическій радикализмъ, требовавшій введенія въ государственную жизнь демократическаго начала: вожди и послѣдователи этого политическаго направленія получили названіе „левеллеровъ“ (levellers), т.-е. „уравнителей“. Не слѣдуетъ смѣшивать съ уравнительствомъ возникшія тогда же направленія съ соціальнымъ характеромъ, въ родѣ коммунизма (диггеровъ) и анархизма („людей пятой монархіи“): подобно тому, какъ и въ Германіи двадцатыхъ годовъ XVI в., и въ Англіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII в. нужно отличать сторонниковъ государственнаго преобразованія отъ сторонниковъ соціальнаго переворота, хотя бы и тѣ и другіе дѣйствовали революціонными средствами Коммунистическое и анархическое движеніе не получило въ Англіи большого развитія, хотя и увлекло нѣкоторую часть наиболѣе бѣдныхъ или прямо неимущихъ жителей: эта часть, впрочемъ, была столь незначительною, что въ Англіи не повторилось ни нѣмецкой крестьянской войны, ни мюнстерской коммуны, и что правительству не стоило большого труда подавить это броженіе. Появленіе левеллеровъ, требовавшихъ только государственной реформы, имѣло болѣе серьезный характеръ, но неудача постигла и это чисто политическое движеніе левеллеровъ, такъ что *демократическіе элементы Англіи ничего не выиграли отъ установленія новаго режима*. Какъ мы еще увидимъ, вся выгода, какая могла быть извлечена изъ переворота, выпала на долю одного землевладѣльческаго класса. Демократическимъ принципамъ левеллеровъ, съ которыми мы познакомимся подробнѣе ниже, не суждено было осуществиться въ Англіи, и только въ американскихъ ея колоніяхъ,— въ будущихъ Соединенныхъ Штатахъ, — принципы эти легли непосредственно въ основу политическаго быта. Въ самой Англіи левеллеры (точно такъ же, какъ диггеры и „люди пятой монархіи“) сдѣлали своими трактатами, памфлетами, прокламаціями и манифестами лишь вкладъ въ тогдашнюю политическую литературу, внесши въ нее идеи, совершенно отличныя отъ идей круглоголовыхъ. Въ общемъ

англійская республика, сама же при помощи военной силы подавившая демократическое движеніе левеллеровъ, является такимъ образомъ въ исторіи революціи не столько логическимъ выводомъ изъ предыдущей исторіи Англіи, сколько преходящимъ результатомъ временнаго стеченія обстоятельствъ. Эти обстоятельства, можно сказать, навязывали республику даже людямъ, въ глубинѣ души хранившимъ идею о томъ, что наилучшею политической формой является форма, смѣшанная изъ монархіи, аристократіи и демократіи,—людямъ, принадлежавшимъ по своему рожденію и по своимъ симпатіямъ къ землевладѣльческимъ классамъ, на союзѣ которыхъ съ королевскою властью держалась вся прежняя конституція.

Такова въ общихъ чертахъ внутренняя исторія англійской республики. Этотъ анализъ нужно было предпослать изложенію событій, чтобы легче было въ нихъ оріентироваться, особенно въ виду путаницы отношеній, обусловливавшейся тѣмъ, что между религіозными сектами, политическими партіями и соціальными классами не было полнаго совпаденія, которое позволяло бы историку говорить только о двухъ рѣзко обозначенныхъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ противоположностяхъ: основныя явленія эпохи, наоборотъ, какъ-разъ складываются въ весьма сложную систему отношеній, сильно затрудняющую изложеніе происходившихъ тогда событій. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, мы постоянно присутствуемъ здѣсь при развитіи новыхъ и новыхъ противоположностей, каковыми являются сначала кавалеры и круглоголовые, потомъ — пресвитеріане и индепенденты, наконецъ среди самихъ индепендентовъ разныя религіозныя, политическія и соціальныя партіи Во-вторыхъ, принципы этихъ партій комбинируются весьма различнымъ образомъ: напримѣръ, можно было, раздѣляя съ извѣстной партіей стремленіе къ установленію религіозной свободы, вовсе не раздѣлять ее политическихъ принциповъ или общественныхъ интересовъ. Лишь имѣя предварительный анализъ главныхъ явленій эпохи, мы можемъ облегчить себѣ задачу не только распутать сложную и запутанную борьбу, происходившую тогда въ Англіи, но и понять роль въ ней отдѣльныхъ личностей. Послѣднее особенно важно по отношенію къ Кромвелю, о которомъ въ исторической литературѣ высказывалось столько противорѣчивыхъ сужденій. Руководясь общими взглядами, изложенными въ началѣ настоящей главы, мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію событій, приведшихъ къ установленію въ Англіи республики, чтобы сдѣлать потомъ очеркъ самой исторіи этой республики и остановиться затѣмъ нѣсколько подробнѣе какъ на личности и дѣятельности человѣка, управлявшаго Англіей въ эту эпоху, такъ и на тѣхъ общественныхъ движеніяхъ, которыя имѣютъ наиболѣе

важное значеніе въ эти годы рѣзкихъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ разногласій.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на раздоръ пресвитеріанъ и индепендентовъ, перешедшій въ острое столкновеніе между парламентомъ и арміей. Выше было уже сказано о томъ, какъ начался антагонизмъ двухъ религіозныхъ партій, образовавшихся среди побѣдителей въ междоусобной войнѣ. Дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитіи этого антагонизма были отношенія, возникшія между обѣими сторонами послѣ того, какъ въ январѣ 1647 г. шотландцы выдали бѣжавшаго къ нимъ короля англичанамъ. Война была теперь окончена; Карлъ I находился въ рукахъ парламента; армія исполнила свою задачу и была послѣ этого нужна развѣ только для того, чтобы подавить ирландское возстаніе. При такихъ обстоятельствахъ пресвитеріане могли рѣшиться на такой шагъ, какъ распущеніе арміи „святыхъ“ въ самой Англіи и на удаленіе нѣкоторой ея части въ Ирландію, но уже подъ начальствомъ пресвитеріанскихъ генераловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они могли заняться подготовленіемъ безусловнаго торжества для своихъ церковныхъ принциповъ, вслѣдствіе чего и потребовали отъ офицеровъ присоединенія къ ковенанту и пресвитеріанскому устройству церкви. Но армія не хотѣла повиноваться парламенту: фермеры и мелкіе торговцы, составлявшіе настоящую ея силу, содержавшіе притомъ себя большею частью на собственный счетъ (подобно Кромвелю, который пожертвовалъ на ея организацію почти всѣмъ своимъ состояніемъ), говорили, что они не янычары, не наемники, которыхъ можно отправить на всѣ четыре стороны, какъ только надобность въ нихъ миновала, что, сдѣлавшись солдатами, они не перестали быть гражданами, добивавшимися извѣстной цѣли, когда брались за оружіе, что они готовы будутъ разойтись по домамъ и возвратиться къ своимъ занятіямъ не ранѣе, какъ по исполненіи миссіи, данной имъ самимъ Господомъ, что безъ измѣны своему обѣту они поэтому не могутъ оставить необезпеченнымъ то дѣло, ради котораго они, по волѣ Божіей, проливали свою кровь и ради котораго погибло столько ихъ друзей. Свою задачу армія понимала *въ смыслѣ завоеванія свободы совѣсти*, которой все еще угрожала тираннія, *и улучшенія государственнаго устройства*, не соотвѣтствовавшаго, по ея мнѣнію, своей цѣли. Въ обоихъ отношеніяхъ армія стала дѣлать представленія парламенту; но такъ какъ послѣдній упорно стоялъ на своемъ и даже заявилъ, что всякій, принимающій участіе въ религіозной и политической агитаціи, есть врагъ государства и нарушитель общественнаго спокойствія, то армія вышла изъ повиновенія. Солдаты каждаго полка выбрали по два офицера въ особый совѣтъ адъютаторовъ или ассисентовъ; этотъ совѣтъ со-

звалъ общее войсковое собраніе, и на немъ было отвергнуто предложеніе парламента получить жалованье и разойтись по домамъ. Вскорѣ послѣ того военный отрядъ въ 500 человѣкъ овладѣлъ королемъ, смѣнивъ парламентскую стражу въ замкѣ Гольмби, гдѣ проживалъ плѣнникъ (іюнь 1647), и армія двинулась къ Лондону. Въ ея рядахъ былъ и Кромвель. Сначала онъ выступилъ-было въ роли посредника между обѣими сторонами, но въ парламентѣ его стали обвинять въ подстрекательствѣ арміи къ мятежу, и самые энергичные протесты Кромвеля противъ этого обвиненія остались безсильными. Тогда онъ покинулъ парламентъ и уѣхалъ къ арміи. Теперь онъ рѣшительно перешелъ на сторону арміи, въ которой самымъ вліятельнымъ въ вопросахъ политическихъ сдѣлался его зять Эйртонъ (Ireton). Эти вопросы стали теперь предметомъ не только обсужденія въ военныхъ кругахъ, но и переговоровъ, въ которые вожди арміи вступили и съ парламентомъ, и съ плѣннымъ королемъ. Парламенту было послано „смиренное представленіе“ (humble representation), въ которомъ офицеры и солдаты просили главнымъ образомъ двухъ вещей: вѣротерпимости, обѣщая, однако, не вмѣшиваться въ устроеніе парламентомъ пресвитеріанской церкви, и удаленія изъ палаты общинъ — одиннадцати членовъ съ вождемъ пресвитеріанъ Голльсомъ во главѣ, какъ людей, ссорящихъ парламентъ съ войскомъ и тѣмъ работающихъ надъ вызовомъ новой гражданской войны. Парламентъ вынужденъ былъ уступить, такъ какъ армія стояла подъ самимъ Лондономъ: одиннадцать членовъ удалились, и была назначена особая коммиссія для разсмотрѣнія „смиреннаго представленія“. Съ другой стороны, Эйртономъ сдѣланы были отъ имени арміи нѣкоторыя предложенія и Карлу I. Они были изложены въ „актѣ объ устроеніи“ (act of settlement), представлявшемъ собою цѣлый проектъ новой конституціи, которая должна была быть введена послѣ заключенія мира, и почти всеобщей амнистіи, тоже ставившейся арміей въ число условій: по этому плану предполагались трехгодичные парламенты, контроль палатъ въ теченіе десяти лѣтъ надъ арміей и флотомъ, замѣщеніе по указанію палатъ важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, реформа избирательной системы, болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ, уничтоженіе всѣхъ актовъ о церковномъ единообразіи, освобожденіе всѣхъ, не исключая и католиковъ, отъ обязанности посѣщать общественное богослуженіе (хотя бы и при сохраненіи ограниченія правъ католиковъ въ другихъ отношеніяхъ), объявленіе общей свободы совѣсти и культа. Карлъ I, ранѣе отвергавшій болѣе умѣренныя требованія парламента, отклонилъ и эти предложенія. Онъ даже сказалъ Эйртону, что не онъ нуждается въ арміи, а, наоборотъ, она въ немъ въ виду ея враждебныхъ отно-

шеній къ парламенту, на что, впрочемъ, Эйртонъ возразилъ ему такими словами: „вы, государь, желаете сдѣлаться посредникомъ между нами и парламентомъ, но мы сами хотимъ быть посредниками между вами и парламентомъ". Въ этомъ заявленіи заключалось болѣе вѣрное пониманіе тогдашняго положенія дѣлъ, чѣмъ въ отвѣтѣ Карла I на сдѣланныя ему предложенія. Въ парламентѣ тоже обнаружилось стремленіе войти въ соглашеніе съ королемъ, но Карлъ I въ конфликтѣ представителей націи съ ея вооруженною силою видѣлъ обстоятельство для него только благопріятное и не обнаруживалъ поэтому склонности къ уступкамъ, не принимая въ расчетъ, что если бы даже онъ и парламентъ пришли къ заключенію между собою окончательнаго мира, послѣдній могъ бы быть отвергнутъ арміей, разъ не были бы исполнены тѣ желанія, которыя армія предъявляла съ своей стороны и парламенту, и королю. Она чувствовала свою силу и имѣла опредѣленныя стремленія въ области религіозныхъ и политическихъ вопросовъ.

Армія продолжала между тѣмъ свои переговоры и съ парламентомъ; но вмѣшательство въ дѣло новой силы, именно лондонскихъ гражданъ, настроенныхъ въ пресвитеріанскомъ смыслѣ, осложнило и безъ того трудное положеніе дѣлъ. Населеніе столицы было раздражено противъ индепендентовъ и стало требовать отъ парламента примиренія съ королемъ и болѣе рѣшительнаго введенія пресвитеріанизма. Въ городѣ произошли безпорядки, заставившіе парламентъ отсрочить свои засѣданія на нѣсколько дней (конецъ іюля 1647 г.). Тогда сторонники религіозной свободы въ палатѣ общинъ съ Генри Веномъ во главѣ покинули Лондонъ, ища убѣжища въ арміи, а въ парламентѣ, наоборотъ, заняли свои мѣста одиннадцать ранѣе удалившихся изъ него членовъ. Результатомъ всего этого было вступленіе арміи въ самый Лондонъ, водвореніе въ парламентѣ бѣжавшихъ членовъ и новое изгнаніе одиннадцати главныхъ пресвитеріанъ (августъ 1647 г.). Пока происходили переговоры военныхъ вождей съ королемъ и парламентомъ, попрежнему не соглашавшихся на ихъ предложенія, въ арміи началась новая агитація уже прямо въ пользу отмѣны палаты пэровъ (въ ней тогда оставалось лишь 12 человѣкъ) и самой королевской власти и въ пользу избранія новаго парламента. Кромвелю, вліяніе котораго въ войскѣ въ это время все болѣе и болѣе возрастало, не безъ хлопотъ удалось добиться того, чтобы вопросъ о королевской власти не былъ тотчасъ же сдѣланъ предметомъ обсужденія въ совѣтѣ офицеровъ. Въ это время онъ все еще надѣялся, что съ Карломъ I можно будетъ прійти къ соглашенію, и эту надежду раздѣляли съ нимъ и Ферфаксъ, и Эйртонъ. Король, однако, по старому затягивалъ переговоры со всѣми партіями,

расчитывая теперь и на то еще, что между Англіей и Шотландіей вспыхнетъ война изъ-за несоблюденія ковенанта. Такъ какъ армія плохо стерегла своего плѣнника, то онъ рискнулъ даже бѣжать на островъ Уайтъ, гдѣ былъ, однако, задержанъ и снова подвергнутъ заточенію. Извѣстіе о бѣгствѣ Карла I произвело въ арміи сильное броженіе, и ея вождямъ, а въ ихъ числѣ и Кромвелю — стоило не малаго труда поддержать въ ней порядокъ и предупредить возстаніе. Въ войскѣ обнаружилось сильное республиканское и демократическое движеніе, встревожившее Ферфакса и Кромвеля, и мы уже встрѣчаемся въ немъ съ именемъ Лильберна (Lilburne), будущаго главы радикальной партіи, получившей названіе левеллеровъ (уравнителей). Это движеніе было подавлено только мѣрами строгости. Въ это время Кромвель, однако, окончательно убѣдился въ томъ, что съ королемъ едва-ли придется устроить какое-либо соглашеніе, что довѣряться ему нельзя, что онъ замышляетъ совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ во время всѣхъ попытокъ прійти къ прекращенію возникшей распри. Дѣйствительно, Карлъ I попрежнему велъ переговоры со всѣми — и съ обѣими палатами парламента, и съ арміей, и съ шотландцами, которымъ даже онъ далъ согласіе на возстановленіе пресвитеріанизма. Онъ все еще возлагалъ надежды на раздоры, возникшіе среди его противниковъ, и обрадовался, когда узналъ, что шотландцы, недовольные плохимъ исполненіемъ условій союза, начали враждебныя дѣйствія противъ Англіи, тѣмъ болѣе, что и въ ней самой снова зашевелились роялисты и даже опять взялись за оружіе (1648 г.). Впрочемъ, такой оборотъ дѣлъ былъ на руку и самому парламенту, тяготившемуся присутствіемъ арміи въ Лондонѣ: ей снова пришлось выступить въ походъ, а это дало возможность исключеннымъ членамъ снова вернуться въ парламентъ. Теперь уже ничто не мѣшало палатѣ общинъ принять громаднымъ большинствомъ законы объ ереси и кощунствѣ, назначавшіе за нихъ смертную казнь, и законъ, грозившій тюремнымъ заключеніемъ за обнаруженіе католическихъ и индепендентскихъ воззрѣній. Настроеніе парламентскаго большинства къ арміи и къ ея вождямъ было самое враждебное, и индепендентское меньшинство оказывалось совершенно безсильнымъ противиться тому, что̀ дѣлали пресвитеріане. Между прочимъ въ парламентѣ былъ поставленъ вопросъ о государственной измѣнѣ Кромвеля. Хотя по своему соціальному положенію и по своимъ политическимъ взглядамъ Кромвель стоялъ гораздо ближе къ членамъ парламента, враждебнымъ демократіи и народовластію, чѣмъ къ арміи, но съ послѣднею онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ сходился во взглядѣ на религіозный вопросъ. Его неудачное посредничество, возбудившее въ парламентѣ лишь подозрѣнія и даже прямыя

обвиненія, заставило его перейти окончательно на сторону арміи, но въ ней онъ всячески содѣйствовалъ предупрежденію демократическаго и республиканскаго взрыва. Возможность этого взрыва тревожила и палату общинъ. Еще передъ выступленіемъ въ новый походъ войско на общемъ своемъ собраніи торжественно обѣщалось въ случаѣ побѣды надъ защитниками „Карла Стюарта" призвать къ отвѣту этого „кроваваго человѣка" за всю пролитую имъ кровь, за все содѣянное имъ зло. Когда затѣмъ Ферфаксъ и Кромвель стали весьма успѣшно подавлять возстаніе въ Англіи и отражать шотландское нашествіе, парламентъ поспѣшилъ окончить переговоры съ Карломъ I путемъ уступокъ изъ болѣе раннихъ своихъ требованій. Парламентъ готовъ былъ скорѣе потерять всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя за послѣдніе годы, чѣмъ подчиниться тому политическому порядку, который стремились установить новые общественные элементы, составлявшіе силу индепендентской арміи. Въ ней, дѣйствительно, все болѣе и болѣе усиливалось движеніе, ставившее своею цѣлью роспускъ стараго и созывъ новаго парламента и замѣну наслѣдственной королевской власти властью выборною и притомъ безъ права отвергать парламентскіе билли. Однимъ словомъ, парламенту приходилось выбирать между возстановленіемъ старой конституціи и государственной церкви, которая могла быть и пресвитеріанской, съ одной стороны, и новымъ политическимъ порядкомъ и отдѣленіемъ церкви отъ государства, съ другой, причемъ въ перспективѣ были еще не только новые выборы, но и вступленіе въ политическую жизнь новыхъ соціальныхъ элементовъ. Только ослѣпленіе Карла I, все еще думавшаго вернуться къ власти при помощи междоусобія среди своихъ враговъ, мѣшало примиренію между королевскою властью и законнымъ представительствомъ страны. Подъ конецъ парламентъ ограничивалъ свои требованія почти лишь тѣмъ, чтобы ему на двадцать лѣтъ было передано начальство надъ войскомъ и введено было на три года пресвитеріанское устройство церкви, но Карлъ I затягивалъ дѣло примиренія къ великому неудовольствію пресвитеріанъ. Парламентъ тѣмъ болѣе долженъ былъ спѣшить, что ему была представлена отъ арміи петиція, составленная при участіи Лильбёрна и крайне враждебная не только къ Карлу I, но и къ королевской власти вообще: это было изложеніе религіозныхъ и политическихъ требованій индепендентовъ (сентябрь 1648 г.).

Вторая гражданская война противъ возставшихъ роялистовъ была непродолжительна; армія побѣдила и чувствовала свою силу; вожди не удерживали болѣе ея революціонныхъ порывовъ, и Кромвель уже прямо совѣтовалъ въ письмѣ къ спикеру палаты общинъ принять во вниманіе желанія „народа Божія", такъ какъ онъ въ

это время окончательно изверился въ возможности соглашенія съ королемъ, вѣроломно нарушавшимъ свои обѣщанія.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ, находившейся въ С. Альбансѣ, состоялся подъ предсѣдательствомъ Ферфакса „великій совѣтъ“ офицеровъ, подавшій парламенту (16 ноября) новую ремонстранцію, составленную Эйртономъ. Это было уже чѣмъ-то въ родѣ апелляціи къ народу. Требуя уничтоженія монархіи и передачи верховной власти „представителямъ народа“, ремонстранція добивалась въ религіозномъ вопросѣ свободы индивидуальной совѣсти отъ какой бы то ни было власти самихъ представителей народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ армія выражала желаніе, чтобы виновники второй гражданской войны, а въ ихъ числѣ и король — подверглись судебному преслѣдованію. Одновременно съ этимъ армія снова овладѣла Карломъ I, который послѣ бѣгства на островъ Уайтъ содержался подъ парламентскою стражею. Парламентъ, однако, не сдавался и, заявивъ протестъ противъ арміи, захватившей короля, постановилъ большинствомъ 140 голосовъ противъ 104, что прежніе отвѣты Карла I на его предложенія могутъ быть признаны удовлетворительными для дальнѣйшаго веденія дѣла о заключеніи мира. Тогда (6 дек. 1648 г.) произошла знаменитая „прайдова очистка“ парламента: въ согласіи со многими членами индепендентскаго меньшинства палаты общинъ полковникъ Прайдъ (Pride) силою исключилъ изъ парламента цѣлую партію — главнѣйшихъ пресвитеріанъ, предъявивъ ему „предложенія и желанія лорда Ферфакса и совѣта офицеровъ“. Послѣ этого долгій парламентъ, лишенный множества своихъ членовъ, получилъ, какъ извѣстно, названіе „охвостья“ (rump-parliament). На другой день послѣ очистки Кромвель снова занялъ свое мѣсто въ нижней палатѣ среди оставшихся въ ней индепендентовъ и сторонниковъ арміи. Поступокъ Прайда показывалъ, въ какомъ направленіи армія будетъ вести политическія дѣла: это былъ *ударъ, нанесенный не однимъ пресвитеріанамъ, но и всему законному представительству страны*. Другими словами, сторонники религіозной свободы попирали свободу политическую, защитники которой въ свою очередь вызвали противъ себя возмездіе за то, что сами не хотѣли признать свободы религіозной. Черезъ двѣ-три недѣли послѣ этого (23 дек. 1648 г.) былъ нанесенъ ударъ и самой монархіи, когда состоялось назначеніе особаго комитета для разрѣшенія вопроса о судѣ надъ королемъ и другими главными виновниками второй гражданской войны. Еще черезъ недѣлю (1 января 1649 г.) палата общинъ образовала чрезвычайный судъ изъ 150 членовъ обѣихъ палатъ, юристовъ, офицеровъ и ольдерменовъ надъ „Карломъ Стюартомъ, бывшимъ королемъ“. Двѣнадцать лордовъ, остававшихся въ верхней палатѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ про-

тестовали противъ этого шага, но общины не обратили вниманія на протестъ и 4 января 1649 г. въ духѣ требованій арміи провозгласили слѣдующіе принципы новаго англійскаго государственнаго права: источникъ всякой власти послѣ Бога есть народъ; верховная власть въ націи принадлежитъ общинамъ, какъ избраннымъ народнымъ представителямъ; то, что общины объявляютъ закономъ, и есть законъ, хотя бы на то не было согласія короля или пэровъ. Вскорѣ затѣмъ нижняя палата заказала сдѣлать новую государственную печать съ словами: „въ первый годъ вновь милостію Божіею возстановленной свободы“.

Засѣданія суда надъ королемъ происходили подъ предсѣдательствомъ Джона Брадшо, двоюроднаго брата Мильтона, весьма крупнаго юриста и человѣка съ сильнымъ характеромъ, въ числѣ же судей были Кромвель, Эйртонъ, Лильбёрнъ, Прайдъ и др., но многіе изъ лицъ, назначенныхъ въ судьи, воздержались принять участіе въ дѣлѣ; между ними были Ферфаксъ и Генри Венъ. Въ сущности, это не былъ настоящій судебный процессъ: допросъ Карла I превратился въ споръ подсудимаго съ предсѣдателемъ трибунала, такъ какъ король не хотѣлъ признавать компетенціи учрежденнаго надъ нимъ суда, а Брадшо, наоборотъ, доказывалъ правомъ общинъ на то, чтобы отъ ихъ имени производился судъ. Судебныя формальности тоже были оставлены въ сторонѣ, и Карлъ I напрасно на это указывалъ, потому что на его протестъ не обращали вниманія. Судъ приговорилъ его къ смерти, какъ „тиранна, измѣнника, убійцу и врага государства“, и казнь была совершена надъ нимъ 30 января 1649 г. Въ сущности, это было юридическимъ убійствомъ, да и не юридическія основанія, а политическіе мотивы руководили членами трибунала, приговорившаго Карла I къ смерти. Судьи думали нанести ударъ самому принципу монархіи, но ихъ расчеты не оправдались: обвиненіе, постановленное вопреки общему праву чрезвычайнымъ судомъ, мужество, обнаруженное Карломъ I во время процесса и на эшафотѣ, вызывали къ нему народное сочувствіе, которое стало обнаруживаться къ побѣжденному королю уже въ самомъ началѣ процесса; когда же вскорѣ за его казнью наступили времена военнаго деспотизма, казненный король, когда-то покушавшійся на права націи, сталъ даже считаться мученикомъ за свободу Англіи. Какъ страстотерпца, невинно принявшаго смерть, выставляла его съ большимъ искусствомъ книга богослова Гаудена „Королевскій образъ“ (Eikon basilike); авторство ея даже приписывалось самому королю, и говорили, будто онъ написалъ ее передъ смертью [1]). Впечатлѣніе, про-

[1]) Эту мысль поддерживали въ послѣднее время Wordsworth, а за нимъ лѣтъ 25 тому назадъ еще Scott (въ новомъ изданіи этого сочиненія).

изведенное ею, было такъ сильно, что въ видѣ опроверженія Мильтонъ, вообще сдѣлавшій защиту англійскаго народа главнымъ предметомъ своей публицистической дѣятельности въ періодъ республики, написалъ „Иконокластъ“ (иконоборецъ). Прибавимъ, что палата общинъ не тотчасъ же послѣ казни Карла I установила республику. Нѣсколько дней прошло въ какой-то нерѣшительности, какъ будто „охвостье“ долгаго парламента еще останавливалось передъ чѣмъ-то. Вмѣстѣ съ королевскою властью была отмѣнена и верхняя палата. Долгій парламентъ оставался послѣ этого у власти до 1653 г., когда онъ былъ насильственно распущенъ Кромвелемъ; затѣмъ наступилъ пятилѣтній періодъ, когда правителемъ Англія былъ самъ Кромвель, главною опорою котораго была индепендентская армія.

XXXVIII. Историческая роль Оливера Кромвеля.

Кромвелевскій вопросъ.—Валленштейнъ, Ришелье и Кромвель.—Причины разногласій въ сужденіяхъ историковъ о Кромвелѣ. — Взгляды на его личный характеръ и его политическое поведеніе. — Вопросъ объ идеяхъ Кромвеля. — Свобода совѣсти при Кромвелѣ. — Его политическое міросозерцаніе. — Общій взглядъ на его образъ дѣйствій.—Кромвель, какъ представитель землевладѣльческаго класса.— Мѣсто Кромвеля въ англійской исторіи.

Остановимся прежде всего на личности вождя индепендентовъ, которому суждено было сдѣлаться главою основанной ими республики.

Личность и поведеніе Кромвеля всегда привлекали къ себѣ вниманіе историковъ, но до сихъ поръ задача выясненія его характера и исторической роли остается одною изъ наиболѣе трудныхъ между другими вопросами подобнаго рода. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, причина трудности лежитъ не въ свойствахъ матеріала, на основаніи котораго приходится дѣлать заключенія, какъ это можно сказать о вопросахъ, касающихся, напримѣръ, Маріи Стюартъ или Валленштейна, а въ противорѣчіяхъ, представляемыхъ самою личностью Кромвеля и его поведеніемъ, въ двойственности той роли, которую онъ игралъ, сначала какъ революціонеръ, потомъ какъ консерваторъ, въ возможности разной оцѣнки этой роли, смотря по той точкѣ зрѣнія, которую выбираешь, рѣшая поставленный вопросъ. Но изъ сказаннаго можно видѣть, что „кромвелевскій вопросъ“, взятый не со стороны психологическаго, а историческаго интереса, имѣетъ и несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ вопросъ, напримѣръ, о томъ же Валленштейнѣ: въ біографіи знаменитаго нѣмецкаго кондотьера загадкою могутъ оставаться только личныя его намѣренія, которыя однако начинаютъ теперь разоблачаться, благодаря новымъ архив-

нымъ матеріаламъ. Наоборотъ, когда дѣло идетъ о вождѣ индепендентовъ, установившихъ въ Англіи республику, о революціонномъ дѣятелѣ, ставшемъ главою этой республики, о лордѣ-протекторѣ, распоряжавшемся судьбами государства, какъ рѣдкій изъ законныхъ его королей, то спорнымъ предметомъ дѣлаются не какіе-либо тайные замыслы и двусмысленные поступки, объясненія которыхъ ждутъ изъ архивовъ, а явныя дѣянія рѣзко очерченнаго характера, вліявшія притомъ на ходъ событій и на развитіе внутреннихъ отношеній въ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ англійской исторіи. Другими словами, вопросъ о Валленштейнѣ сводится къ тому, чего онъ добивался лично и что̀ могло бы быть, если бы его планы осуществились, тогда какъ вопросъ о Кромвелѣ есть вопросъ о томъ, что̀ совершилъ въ дѣйствительности этотъ государственный человѣкъ Англіи, что̀ вытекало для страны изъ его политическаго поведенія.

Съ другой стороны, не могло бы быть никакого вопроса о Кромвелѣ и въ томъ случаѣ, если бы самъ онъ представлялъ собою такую же цѣльную и несложную натуру, какою является передъ нами, напримѣръ, Ришелье, и если бы дѣло, которое онъ дѣлалъ, было и столь же ясно и просто, и столь же успѣшно и прочно по своимъ результатамъ, какъ и дѣло великаго министра Франціи, но въ обоихъ отношеніяхъ существуетъ полнѣйшая противоположность между этими двумя политическими дѣятелями. Ришелье былъ человѣкъ цѣльный; положеніе его было весьма опредѣленное; задача, имъ себѣ поставленная, отличалась ясностью; результаты его дѣятельности для насъ очевидны, и потому о послѣдней не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній: и личное честолюбіе, и политическая идея сливались въ его поведеніи въ нѣчто такое, что̀ не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній. То же можно сказать и о Валленштейнѣ: въ немъ равнымъ образомъ не было внутреннихъ противорѣчій; и началъ, и кончилъ онъ свою политическую карьеру въ качествѣ обыкновеннаго кондотьера, ставившаго на первый планъ своекорыстные интересы; все поведеніе его обличаетъ въ немъ авантюриста, и лишь желаніе историковъ найти идейную подкладку и для его дѣятельности заставляло приписывать ему широкія политическія стремленія. Наконецъ, и приговоръ объ исторической роли Валленштейна можетъ быть лишь одинъ: что бы онъ тамъ ни замышлялъ и что бы тамъ еще ни могло выйти изъ его замысловъ, если бы ему удалось довести свое дѣло до конца, его дѣятельность оставила въ исторіи нѣмецкаго народа только одинъ отрицательный слѣдъ. Пусть французскій кардиналъ-министръ не былъ,—что̀ понятно само собою,—исключительно человѣкомъ государственной идеи, пусть даже и нѣмецкій генералиссимусъ-кондотьеръ не былъ всецѣло только честолюбивымъ искателемъ

приключеній, въ обоихъ этихъ людяхъ тѣмъ не менѣе личныя стремленія вполнѣ совпадали съ тѣмъ дѣломъ, которому каждый изъ нихъ служилъ и оба они, разъ ставши на извѣстную дорогу, такъ-таки до самаго конца ея и не покидали. Отношеніе личныхъ стремленій Кромвеля къ дѣлу, имъ защищавшемуся, отличается, наоборотъ, крайнею сложностью, да и самое дѣло съ перваго взгляда не оставалось неизмѣннымъ, разъ революціонеръ сороковыхъ годовъ превратился въ пятидесятыхъ въ консерватора. Опредѣляя мѣсто Ришелье въ исторіи современной ему Франціи и мѣсто Валленштейна въ исторіи тогдашней Германіи, мы не затрудняемся видѣть въ той роли, которую игралъ первый, служеніе государственнаго человѣка издавна развивавшемуся въ странѣ абсолютизму, которому въ данную минуту особенно благопріятствовали обстоятельства, и не затрудняемся тоже разсматривать самую возможность появленія Валленштейна и его необычайнаго успѣха, какъ одинъ изъ результатовъ государственнаго разложенія Германіи, только и дѣлавшаго, конечно, понятною такую странную карьеру, какова была карьера герцога Фридландскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если въ серединѣ XVII в. во Франціи завершился вѣковой процессъ развитія королевской власти, а въ Германіи—политическаго раздробленія, и если въ этомъ заключается главная характеристика разсматриваемаго момента въ исторіи обѣихъ странъ, то мы безъ особаго труда ставимъ въ связь дѣятельность Ришелье и Валленштейна съ соотвѣтственными политическими явленіями въ исторической жизни обѣихъ странъ. Но въ то время, когда во Франціи торжествовалъ абсолютизмъ, а въ Германіи рушилось государственное единство, Англіи пришлось отстаивать свою политическую свободу, стражемъ которой былъ парламентъ, и вотъ самымъ крупнымъ человѣкомъ эпохи здѣсь былъ Кромвель: спрашивается, однако, можно ли опредѣлить взаимоотношеніе, существующее между личнымъ поведеніемъ Кромвеля и историческимъ моментомъ, который переживался Англіей, такъ же просто, какъ опредѣляется связь между политическимъ поведеніемъ Ришелье и развитіемъ абсолютизма во Франціи или между кондотьерствомъ Валленштейна и государственнымъ разложеніемъ Германіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный: и съ этой стороны Кромвель не укладывается въ готовую схему, но требуетъ приложенія къ себѣ особой мѣрки, такъ какъ здѣсь дѣло не такъ просто, какъ въ случаѣ Ришелье или даже Валленштейна. Загадочный элементъ въ біографіи послѣдняго, конечно, можетъ имѣть значеніе пробѣла для характеристики его личности, но онъ совершенно безразличенъ для пониманія сущности историческаго момента, переживавшагося Германіей въ эпоху тридцатилѣтней войны. Но нельзя сказать то же самое относительно загадочнаго

элемента въ личности Кромвеля: онъ былъ *представителемъ извѣстныхъ религіозныхъ идей, политическихъ принциповъ, соціальныхъ интересовъ*, т.-е. выразителемъ извѣстныхъ теченій, существовавшихъ въ англійскомъ обществѣ, а потому имѣлъ за и противъ себя цѣлыя соціальныя и культурныя партіи и группы, предъявлявшія новыя требованія и къ церкви, и къ государству, и къ обществу, тогда какъ Валленштейнъ стоялъ одиноко среди окружавшаго его общества, если только не имѣть въ виду мотива личной наживы, на почвѣ котораго объединялись стремленія и его самого, и его пестрой арміи.

Противорѣчія въ самой личности Кромвеля, двойственность его роли въ началѣ и концѣ карьеры, сложность тѣхъ отношеній, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, и сложность его собственнаго отношенія ко всему, что̀ совершалось вокругъ него или при его участіи,—вотъ что̀ само по себѣ затрудняетъ историка, ищущаго отвѣта на вопросъ объ исторической роли Кромвеля. Но независимо отъ этого историки сами создаютъ себѣ и новыя затрудненія, подходя, такъ сказать, не съ того конца къ рѣшенію задачи. Главнымъ образомъ тутъ нужно имѣть въ виду, что вмѣсто исторической оцѣнки на первый планъ нерѣдко выдвигается оцѣнка моральная или политическая, т.-е. ставится прежде всего вопросъ не о томъ, почему Кромвель дѣйствовалъ именно такимъ-то и такимъ-то образомъ, а о томъ, какъ онъ дѣйствовалъ, т.-е. поступалъ ли онъ дурно или хорошо съ моральной или политической точекъ зрѣнія, при чемъ вдобавокъ то вторая точка зрѣнія подчиняется первой, то, наоборотъ, первая — второй: какъ противорѣчія въ личныхъ свойствахъ подсудимаго, такъ и двойственность его роли и позволяютъ историкамъ высказывать о немъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія діаметрально противоположные взгляды.

О Кромвелѣ, какъ о человѣкѣ, разсматриваемомъ съ моральной стороны, составились, дѣйствительно, самыя разнорѣчивыя сужденія, до такой степени противоположныя, что иногда одни изъ нихъ совершенно исключаются другими и среднее представленіе дѣлается немыслимымъ. Долгое время господствовало мнѣніе, будто это былъ только честолюбивый интриганъ, посредствомъ самаго гнуснаго лицемѣрія пользовавшійся въ своихъ цѣляхъ легковѣріемъ фанатическихъ сектантовъ, дабы захватить власть въ свои руки и пользоваться ею самымъ тиранническимъ образомъ. Такая точка зрѣнія нашла, напримѣръ, выраженіе въ извѣстной „Исторіи Англіи" Юма, одного изъ наиболѣе видныхъ англійскихъ писателей прошлаго вѣка, но и тѣ авторы, которые не раздѣляютъ такого взгляда на Кромвеля, тѣмъ не менѣе находятъ, что онъ прибѣгалъ въ извѣстныхъ случаяхъ къ лицемѣрію и вѣроломству, хотя сами же считаютъ

нужнымъ оправдывать такое поведеніе политическою необходимостью. Наоборотъ, другими историками доказывается то, что Кромвель имѣлъ самыя твердыя убѣжденія, которымъ готовъ былъ жертвовать имуществомъ и самою жизнью, что онъ ставилъ себѣ весьма широкіе политическіе планы, осуществленіе которыхъ должно было составить благо его родины, какъ онъ его понималъ, и что онъ чувствовалъ всю тяжесть той отвѣтственности передъ народомъ, которую онъ взялъ на себя въ качествѣ распорядителя его судебъ. На почвѣ такого отношенія къ Кромвелю сдѣлалась вполнѣ возможною крайняя его идеализація, какъ личности, въ нравственномъ отношеніи чистой, безукоризненной, какъ дѣятеля, вполнѣ безкорыстнаго, преданнаго одной идеѣ долга. Такимъ, напримѣръ, является Кромвель у Карлейля, издавшаго его письма и рѣчи съ своимъ предисловіемъ и примѣчаніями. Этотъ поэтъ-историкъ причисляетъ Кромвеля прямо къ „героямъ“ въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ у него вообще употребляется этотъ терминъ, когда онъ проповѣдуетъ о поклоненіи героямъ и о героическомъ въ исторіи. Извѣстно, что въ книжкѣ, посвященной этому предмету [1]), въ числѣ немногихъ избранныхъ,— какого-нибудь десятка лицъ, долженствующихъ иллюстрировать героическое въ исторіи,—Карлейль помѣщаетъ и Кромвеля, „героя въ качествѣ вождя“, какъ „единственнаго человѣка на протяженіи пятнадцати вѣковъ англійской исторіи“, какъ избранника Божія, поражающаго насъ своею удивительною искренностью, а искренность Карлейль какъ-разъ и считаетъ отличительнымъ признакомъ провиденціальнаго героя. Весьма естественно, что между діаметрально противоположными взглядами Юма и Карлейля не можетъ быть примиренія: одинъ пишетъ обвинительный актъ противъ величайшаго лицемѣра, другой въ панегирическомъ тонѣ прославляетъ воплощенное чистосердечіе. Само собою разумѣется, что и Юмъ, и Карлейль неправы, хотя нельзя отрицать того, что оба они лишь преувеличивали дѣйствительныя свойства человѣка, уживавшіяся въ одной и той же человѣческой душѣ. Исходить, однако, въ оцѣнкѣ исторической роли Кромвеля изъ психологическаго анализа его личности, конечно, не слѣдуетъ, такъ какъ у историка на первомъ планѣ должны стоять не сокровенные, часто даже совсѣмъ недоступные наблюденію мотивы дѣятельности лица, а сама эта дѣятельность, т.-е. отдѣльные поступки, изъ которыхъ она складывается, общее направленіе, въ какомъ она совершается. Но и тутъ не слѣдуетъ подходить къ дѣятелю съ предвзятою мѣркой и оцѣнивать его роль

---

[1]) *Carlyle.* On heroes, hero-worship and the heroic in history (эта книжка существуетъ въ нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ переводахъ).

на основаніи, напримѣръ, политическихъ сочувствій и несочувствій, а нужно доискиваться, какія идеи могли бы разсматриваться, какъ руководившія его дѣятельностью, и какіе результаты имѣла послѣдняя для общества, въ которомъ историческое лицо родилось, жило, дѣйствовало. Кромвель выступилъ въ роли революціонера и кончилъ узурпацією власти: уже одного этого было достаточно для консервативно настроеннаго Юма, чтобы отнестись отрицательно къ такому человѣку, которому съ своей партійной точки зрѣнія этотъ историкъ противополагаетъ Карла I, украшеннаго, наоборотъ, всѣми добродѣтелями. Напротивъ того, какъ тиранна, подавлявшаго свободу, весьма строго Кромвеля осуждаетъ также Форстеръ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ его біографовъ и историковъ англійской революціи, давшій свой особенный портретъ лорда-протектора, не похожій на изображеніе, сдѣланное Юмомъ, но столь же далекое и отъ карлейлевской идеализаціи. Конечно, и тутъ двойственность роли, какую игралъ Кромвель въ исторіи революціи, была причиною того, что осуждалась эта роль и съ консервативной, и съ либеральной точки зрѣнія, и опять-таки съ обѣихъ же точекъ зрѣнія эта роль вызывала къ себѣ равнымъ образомъ и сочувствіе и притомъ, что̀ особенно замѣчательно, въ одномъ и томъ же писателѣ, два раза высказавшемся о Кромвелѣ, но въ двѣ разныя поры своей жизни. Это именно случилось съ Маколеемъ, который въ двадцатыхъ годахъ (въ essay о „Конституціонной исторіи Англіи" Галлама) сочувствовалъ Кромвелю, какъ радикалъ, за его борьбу во имя свободы, а въ концѣ сороковыхъ годовъ (въ „Исторіи Англіи") тоже высказывалъ къ нему симпатію, но уже какъ къ человѣку, спасшему общественный порядокъ отъ грозившей ему анархіи.

Мы выбрали лишь нѣсколько наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ разногласія въ оцѣнкѣ Кромвеля, и какъ человѣка, и какъ политическаго дѣятеля, не имѣя ни возможности, ни надобности разбирать здѣсь всѣ взгляды на него, высказанные хотя бы и наиболѣе крупными историками. Во всякомъ случаѣ, исходнымъ пунктомъ историческаго взгляда на того или другого дѣятеля должны быть не моральная оцѣнка его характера и не приговоръ надъ нимъ съ точки зрѣнія того или другого политическаго міросозерцанія; этимъ исходнымъ пунктомъ должно быть изслѣдованіе вопроса о томъ, какія идеи проводилъ онъ въ жизнь, безкорыстно служа этимъ идеямъ или эксплуатируя ихъ въ свою личную пользу, и какъ бы сами мы ни относились къ этимъ идеямъ, а затѣмъ уже можно поставить вопросъ, какъ же самъ дѣятель — искренне или неискренне, съ полнымъ убѣжденіемъ или безъ неизмѣнной преданности—относился къ этимъ идеямъ, и соотвѣтствовали ли онѣ тому, что̀ въ данную минуту вы-

зывалось потребностями даннаго общества или его отдѣльныхъ классовъ. Если мы приложимъ такое требованіе къ личности Кромвеля, то наше представленіе о немъ много выиграетъ въ ясности, и какъ его личный характеръ, такъ и его историческая роль покажутся намъ менѣе противорѣчивыми и двойственными, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что мы получимъ здѣсь хоть нѣкоторое объясненіе тому, что̀ при употребленіи другихъ пріемовъ должно оставаться страннымъ и загадочнымъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, рѣшавшихся въ бурную эпоху первой англійской революціи, былъ вопросъ религіозный. Кромвель сошелся вполнѣ съ индепендентами по этому вопросу, *выступивъ защитникомъ свободы совѣсти*, въ которой онъ видѣлъ одинъ изъ „основныхъ“ (fundamental) законовъ государственнаго общежитія. Каковы были собственныя вѣрованія Кромвеля, это—предметъ посторонній, но несомнѣнно, что самъ онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный, цѣнилъ и въ другихъ религіозность и уважалъ свободу чужой совѣсти; въ послѣднемъ отношеніи онъ никогда не сходилъ съ той дороги, на которую вступилъ въ самомъ началѣ революціи. Первыя его столкновенія съ пресвитеріанами произошли именно изъ-за того, что онъ допускалъ сектантовъ въ свой кавалерійскій полкъ, какъ и впослѣдствіи, когда онъ былъ уже лордомъ-протекторомъ. онъ не дѣлалъ никакого различія между индепендентами и пресвитеріанами при назначеніи на должности придворныхъ проповѣдниковъ или полковыхъ священниковъ, вызывая этимъ неудовольствіе среди нетерпимой части сектантовъ. Распространяя, однако, принципъ свободы совѣсти, какъ мы это еще увидимъ, лишь на извѣстную категорію вѣроисповѣданій, Кромвель относился въ высшей степени терпимо къ католикамъ, англиканамъ и даже евреямъ. Предубѣжденіе англійскаго общества противъ папистовъ было особенно сильно, такъ какъ въ нихъ оно видѣло не только послѣдователей „суевѣрія“ и „идолослуженія“, но и людей, опасныхъ въ политическомъ отношеніи, именно сторонниковъ абсолютизма. Тѣмъ не менѣе по отношенію къ католикамъ Кромвель держалъ себя такимъ образомъ, что имѣлъ полное право указывать во время переговоровъ своихъ съ кардиналомъ Мазарини на то, что никогда англійскіе католики не имѣли такъ мало основаній жаловаться на притѣсненія ихъ совѣсти, какъ въ его правленіе: онъ даже писалъ кардиналу, что считаетъ только несвоевременнымъ издать публичную декларацію въ пользу терпимости по отношенію къ католикамъ, хотя въ умѣ своемъ и держитъ мысль о необходимости для нихъ свободы. Сторонники епископальной церкви равнымъ образомъ были предметомъ недовѣрія и нерасположенія со стороны пуританъ, между прочимъ

мстившихъ имъ за старыя обиды, но Кромвель фактически смягчалъ (и даже прямо не соблюдалъ) изданныя противъ англиканскаго духовенства строгія постановленія. Евреямъ онъ оказывалъ настоящее покровительство: онъ дозволилъ имъ селиться въ Англіи и даже разрѣшилъ выстроить въ Лондонѣ синагогу; среди послѣдователей моисеева закона возникла даже мысль, не происходитъ ли англійскій лордъ-протекторъ отъ племени давидова. Наконецъ, Кромвель сдѣлался защитникомъ свободы совѣсти и на материкѣ Европы.

Но въ вопросѣ о религіозной свободѣ Кромвель не во всемъ сходился съ другими индепендентами. Именно среди послѣднихъ были сторонники полнаго отдѣленія церкви отъ государства (впослѣдствіи осуществившагося въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ), но Кромвель былъ противникомъ этой идеи. Онъ скорѣе сходился съ тою фракціей индепендентства, которая ограничивала принципъ свободы совѣсти лишь простою терпимостью къ христіанскимъ сектамъ, не отнесеннымъ къ числу ересей и не противорѣчащимъ добрымъ нравамъ и общественному порядку. Разное пониманіе одного и того же принципа приводило, конечно, къ столкновеніямъ между отдѣльными фракціями индепендентства и этихъ послѣднихъ съ Кромвелемъ. Стоя на той точкѣ зрѣнія, что верховной власти принадлежитъ право придать тому или другому исповѣданію значеніе государственной церкви, Кромвель между прочимъ и по этому вопросу разошелся съ однимъ изъ республиканскихъ парламентовъ (бербонскимъ), желавшимъ полнаго невмѣшательства государства въ религіозныя дѣла. Но изъ своего принципа государственнаго исповѣданія онъ не дѣлалъ вывода въ смыслѣ „единообразія“, полагая, что свобода совѣсти есть одно изъ естественныхъ правъ человѣка, и находя поэтому, что желающій самъ пользоваться такою свободою обязанъ предоставлять ее и другимъ, такъ какъ свобода совѣсти можетъ быть основана лишь на началѣ взаимной терпимости между отдѣльными сектами. Однако и тутъ онъ встрѣчался съ противниками, исключавшими изъ этого общаго правила католиковъ и англиканъ. Съ другой стороны, однако, и самъ Кромвель признавалъ право на религіозную свободу лишь за послѣдователями христіанскаго вѣроученія. Онъ отрицалъ его право не только за сторонниками безнравственныхъ и анархическихъ доктринъ, но и за атеистами, и за сектами, не вѣрившими въ святость Писанія и допускавшими внутреннее откровеніе. На этомъ основаніи онъ, напримѣръ, отказывалъ квакерамъ въ правѣ публичнаго культа и пропаганды, хотя и не преслѣдовалъ за простую принадлежность къ ихъ сектѣ. Если, впрочемъ, у Кромвеля религіозная свобода была такимъ образомъ обставлена извѣстными условіями, то въ этомъ отношеніи съ нимъ

одинаково думали и очень многіе индепенденты, среди которыхъ было, напримѣръ, распространено убѣжденіе, что лишь христіане, вѣрующіе въ тріединаго Бога, въ Христа и въ Библію, имѣютъ во всемъ остальномъ право свободной совѣсти, и что послѣднее не можетъ быть распространено на евреевъ, язычниковъ, раціоналистовъ (отождествляющихъ Бога съ разумомъ) или атеистовъ. Даже левеллеры, которыхъ самихъ противники обвиняли въ обожествленіи разума и въ отрицаніи божественности Христа и безсмертія души, признавали право свободы совѣсти лишь за вѣрующими въ Бога, исключая изъ пользованія этимъ правомъ атеистовъ. Такимъ образомъ, являясь защитникомъ религіозной свободы, Кромвель выступалъ въ этой области, какъ представитель индепендентства, не раздѣляя, впрочемъ, воззрѣній ни тѣхъ сектантовъ, которые желали полнаго отдѣленія церкви отъ государства, ни тѣхъ, которые не распространяли принципа на папистовъ, епископаловъ и нехристіанъ, вѣрующихъ въ Библію.

Иначе рѣшается вопросъ объ отношеніи Кромвеля къ индепендентскимъ политическимъ идеямъ. Кромвель унаслѣдовалъ политическую теорію круглоголовыхъ, по которой лучшая форма государственнаго устройства есть смѣшанное правленіе, и по которой законные интересы личности и общества обезпечиваются наилучшимъ образомъ лишь при надлежащемъ сочетаніи свободы и власти, раздѣленной въ свою очередь между правительствомъ и націей такимъ образомъ, чтобы между ними существовало извѣстное равновѣсіе. Такое *политическое міросозерцаніе шло однако въ разрѣзъ съ принципомъ народовластія*, провозглашеннымъ индепендентскою партіей въ долгомъ парламентѣ 4-го января 1649 г.: республиканскій парламентъ, т.-е. палата общинъ „безъ короля и лордовъ", разсматривая себя, какъ собраніе представителей сувереннаго народа, желалъ сосредоточить въ себѣ всю полноту верховенства, тогда какъ Кромвель былъ сторонникомъ самостоятельной и независимой исполнительной власти, попавшей притомъ въ его руки. Поэтому онъ не допускалъ, чтобы парламенты дѣлались вѣчными, и хотѣлъ, чтобы распоряженіе военною силою было совмѣстно у обѣихъ, одна отъ другой независимыхъ властей; безъ этого, по его мнѣнію, либо одна, либо другая получила бы перевѣсъ, чѣмъ нарушился бы только основной принципъ ихъ обоюдной независимости. Эта идея была осуществлена въ конституціи 1653 г. поставившей рядомъ другъ съ другомъ единоличнаго главу исполнительной власти (лорда-протектора) и законодательное собраніе народныхъ представителей (парламентъ), при чемъ лордъ-протекторъ могъ всегда своимъ правомъ распускать парламентъ парализовать враждебныя дѣйствія послѣдняго, а парламентъ, наоборотъ, всегда могъ

воспользоваться своимъ правомъ отказывать въ субсидіяхъ, чтобы сдѣлать прямо невозможною всю административную дѣятельность лорда-протектора. Такая конституція была расчитана на дружное содѣйствіе взаимно ограничивающихся властей, но на самомъ дѣлѣ между протекторомъ и парламентомъ происходили постоянные конфликты. Чѣмъ болѣе встрѣчалъ Кромвель оппозицію со стороны партіи, которая стояла за всемогущество парламента, тѣмъ болѣе *убѣждался онъ въ превосходныхъ качествахъ старой конституціи* и тѣмъ сильнѣе долженъ былъ желать если и не полнаго ея возстановленія, то, по крайней мѣрѣ, внесенія ея принциповъ въ республиканское устройство, введенное въ Англіи индепендентами. Его практическій смыслъ подсказывалъ ему необходимость этого, но онъ долженъ былъ считаться и съ республиканскою партіей въ парламентѣ, и съ республиканскимъ настроеніемъ въ арміи, той самой арміи, которая была его главной матеріальной опорой. Такимъ образомъ, раздѣляя религіозныя стремленія индепендентовъ и пользуясь вообще поддержкою состоявшей изъ нихъ арміи, Кромвель не раздѣлялъ всѣхъ политическихъ воззрѣній этой партіи, которая, съ своей стороны, не могла относиться съ сочувствіемъ къ его стремленію возстановить старые принципы государственнаго устройства. Самое установленіе республики въ Англіи не было личнымъ дѣломъ Кромвеля, какъ это казалось историкамъ, представлявшимъ событія англійской революціи такимъ образомъ, будто все это было весьма послѣдовательнымъ выполненіемъ хитраго плана, заранѣе составленнаго Кромвелемъ съ цѣлью погубить короля, учредить республику, захватить въ ней власть въ свои руки и въ концѣ концовъ самому сдѣлаться королемъ. Если Кромвель въ послѣдніе годы своей жизни и мечталъ о коронѣ, то это объясняется не столько личнымъ его честолюбіемъ, сколько политическою теоріей, которая проходитъ черезъ всю его дѣятельность: лишь корона могла быть настоящею основою для исполнительной власти, для ея самостоятельности и независимости отъ парламента.

Здѣсь умѣстно будетъ бросить бѣглый взглядъ на все поведеніе Кромвеля до основанія республики. Въ долгомъ парламентѣ онъ выступаетъ горячимъ бойцомъ за религіозную и политическую свободу, тратитъ на дѣло защиты этой свободы свое состояніе и обнаруживаетъ въ войнѣ съ Карломъ I громадный организаторскій талантъ и непреоборимую энергію. Король побѣжденъ, но между побѣдителями происходитъ борьба изъ-за религіознаго вопроса, и вотъ Кромвель, какъ сторонникъ свободы совѣсти, расходится съ пресвитеріанскимъ парламентомъ, стоявшимъ за церковное единообразіе, и соединяется съ индепендентской арміей, которая отстаивала свободу въ дѣлахъ вѣры. Армія стремится посредничать между парламентомъ и побѣ-

жденнымъ королемъ. Кромвель самъ ведетъ съ нимъ переговоры, вызывающіе даже неудовольствіе арміи, но только убѣдившись въ томъ, что Карлу I совсѣмъ нельзя довѣрять, онъ оставилъ всѣ надежды на примиреніе и позволилъ совершиться тому, чего требовалъ политическій фанатизмъ арміи. Если однако и прежде съ точки зрѣнія теоріи о равновѣсіи властей онъ считалъ нужнымъ отстаивать права парламента. то эта же самая теорія позднѣе, въ эпоху республики, заставляла его возставать противъ всемогущества самого парламента и защищать отъ него независимость исполнительной власти, тѣмъ болѣе, что послѣдняя, благодаря поддержкѣ арміи, была въ его собственныхъ рукахъ. Но именно эта поддержка, сдѣлавшаяся даже чисто матеріальною основою его власти, и получила значеніе одной изъ причинъ того полнаго противорѣчій положенія, въ какое попалъ Кромвель: не лишаясь поддержки арміи, онъ не могъ осуществить ту политическую теорію, которая казалась ему наиболѣе правильною теоретически и наиболѣе соотвѣтствовавшею преданіямъ, нравамъ и законамъ Англіи. Мало того: армія даже прямо толкала его на путь военнаго деспотизма. Тѣмъ не менѣе Кромвель и передъ самою еще своею смертью не отказывался отъ мысли править, опираясь на парламентъ.

Кромвель весьма часто оправдывалъ противорѣчія, какія находили между его заявленіями и поступками,—ссылками на необходимость. Въ качествѣ политика, дѣйствительно, прибѣгавшаго къ хитростямъ и уловкамъ, онъ нерѣдко, пожалуй, и самъ искусственно создавалъ такія необходимости, которыми потомъ объяснялъ тѣ или другія свои мѣры, но въ общемъ и цѣломъ и на самомъ дѣлѣ необходимость нерѣдко заставляла его итти сегодня на то, противъ чего онъ протестовалъ еще вчера. Имѣя свой идеалъ государственнаго устройства, онъ считалъ тѣмъ не менѣе, что лучше уже имѣть дурное правительство, чѣмъ не имѣть никакого (misrule is better than norule). Правительство Карла I ему, конечно, казалось дурнымъ, но онъ самъ предпочиталъ создать такое дурное правительство, чѣмъ позволить водвориться въ странѣ безначалію. Сторонникъ смѣшанной формы правленія, онъ былъ противникомъ не только абсолютизма, но и чистой демократіи, которая, по его мнѣнію,—да и по мнѣнію многихъ другихъ круглоголовыхъ,—необходимо приводила къ анархіи. Если онъ въ арміи не дѣлалъ различія между джентельменами и простолюдинами, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и въ государственной жизни онъ хотѣлъ провести демократическое начало. Между тѣмъ идея республики несомнѣнно приводила къ идеѣ народовластія, а составъ индепендентской арміи прямо былъ демократическій: нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этой арміи возникло и „уравнительное“ движеніе какъ политическаго, такъ и соціальнаго характера.

Такому движенію вообще не могли сочувствовать представители землевладѣльческихъ классовъ, которымъ принадлежали и почти всѣ мѣста въ нижней палатѣ, и въ духѣ этихъ классовъ писались и издавались памфлеты, предостерегавшіе общество отъ демократическихъ увлеченій и при этомъ удобномъ случаѣ ссылавшіеся на ужасы крестьянскаго возстанія подъ начальствомъ Уота Тэйлора („Идолъ клоуновъ или бунтъ Уота Тэйлора") или мюнстерскаго царства анабаптистовъ съ Іоанномъ Лейденскимъ во главѣ. Кромвелю до установленія республики приходилось самому сдерживать демократическое движеніе въ арміи, а въ самомъ началѣ республики такое движеніе потребовало прямо подавленія, получивъ характеръ военнаго бунта. Чистая демократія совершенно не соотвѣтствовала политическимъ воззрѣніямъ Кромвеля, тѣмъ болѣе, что *онъ былъ представителемъ землевладѣльческаго сословія*, которое въ государственной жизни Англіи все болѣе и болѣе пріобрѣтало значеніе настоящаго правящаго класса. Принадлежа по рожденію, по воспитанію и по первоначальному роду своихъ занятій къ этому классу, онъ не скрывалъ того, что защита землевладѣльческихъ интересовъ весьма ему дорога, и что въ этомъ отношеніи его роль уподобляется роли „констебля", т.-е. приходскаго блюстителя порядка. Политическихъ радикаловъ своего времени онъ упрекаетъ въ томъ, что они хотятъ арендатора (tenant) сдѣлать равнымъ землевладѣльцу (landlord). Приписывая всѣмъ „уравнителямъ" коммунистическія стремленія, онъ возражалъ имъ тѣмъ, что установи они равенство, къ которому стремятся, послѣднее долго не продержалось бы, такъ какъ, добившись надѣленія землею, они немедленно начали бы сами доказывать необходимость охраненія собственности и землевладѣльческихъ интересовъ. Такъ какъ въ радикальномъ движеніи эпохи, дѣйствительно, были и коммунистическое, и анархическое направленія, то Кромвель съ особеннымъ недовѣріемъ сталъ относиться къ народной толпѣ и ссылаться на Соломона, говорившаго, что когда начинается угнетеніе со стороны бѣдныхъ, оно уподобляется ливню, который смываетъ все съ лица земли.

Въ указанныхъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ Кромвеля мы и должны искать объясненія его исторической роли. Въ религіозномъ отношеніи онъ искренне примыкалъ къ индепендентству, но сталъ расходиться съ нимъ, когда послѣднее въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ начало вырабатывать направленія, несогласныя съ его собственными взглядами на государство и общество. Онъ самъ создалъ силу, которая помогла ему побѣдить короля, и самъ же содѣйствовалъ развитію въ ней республиканскаго духа и демократическихъ стремленій, не предвидя, что все это въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи пойдетъ въ разрѣзъ съ его собственными идеями

и что сила, доставившая ему побѣду, сдѣлается къ концѣ концовъ и помѣхою на пути къ осуществленію его политическихъ плановъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ арміи орудіе, но послѣднее ускользало изъ его рукъ: ему же самому пришлось противодѣйствовать дальнѣйшему развитію движенія, зарожденію котораго онъ невольно содѣйствовалъ. Только при такомъ объясненіи мы можемъ понять превращеніе революціонера въ консерватора, о которомъ говорятъ многіе историки: Кромвель выступилъ на политическое поприще, имѣя болѣе сорока лѣтъ отъ роду, слѣдовательно, уже съ сложившимися убѣжденіями и установившимися стремленіями, и не онъ имъ измѣнялъ, а измѣнялись окружающія обстоятельства, заставившія его сначала сдѣлаться революціонеромъ, когда странѣ грозилъ деспотизмъ, а потомъ стать консерваторомъ, когда передъ нимъ открывалась опасность анархіи,—измѣнялись, конечно, и сами эти убѣжденія и стремленія, поскольку Кромвель не былъ человѣкомъ, не умѣющимъ ничего забывать и ничему не научаться, т.-е. его убѣжденія измѣнялись въ зависимости отъ указаній опыта, а не потому, что цѣною измѣны имъ можно было достигнуть власти или удержать ее въ рукахъ. Съ другой стороны, обстоятельства, управлять которыми стремился Кромвель, оказывались сильнѣе его: правда, онъ не останавливался иногда даже передъ лицемѣріемъ и вѣроломствомъ, но въ то же время онъ бывалъ дѣйствительно и вполнѣ искреннимъ, и необходимость управлять страною, не имѣя легальной, общепризнанной власти, лишая націю ея законныхъ правъ, опираясь исключительно на военную силу, была настоящей мукой послѣднихъ лѣтъ его жизни. Интересуясь, впрочемъ, не столько внутреннимъ міромъ Кромвеля, сколько его внѣшнею ролью, нельзя не признать, что эта роль, въ сущности, была диктатурой, т.-е. тѣмъ же абсолютизмомъ, къ которому стремился и Страффордъ. Но въ Англіи, какъ мы видѣли, у абсолютизма совсѣмъ не было благопріятныхъ шансовъ, и это-то именно сама жизнь дважды доказала на протяженіи какихъ-нибудь двадцати лѣтъ: то, чего такъ хотѣлъ, но не могъ достигнуть Страффордъ, поплатившись даже головою за свою попытку, почти само собою давалось въ руки Кромвеля, но онъ тяготился необходимостью тиранніи и самъ искалъ возстановленія того равновѣсія между политическими властями страны, нарушеніе котораго началось съ абсолютистической попытки Страффорда. Въ этомъ заключается главный политическій смыслъ борьбы, такъ сильно потрясшій Англію, и одинъ и тотъ же Кромвель, революціонеръ сороковыхъ годовъ XVII в. и консерваторъ пятидесятыхъ, является передъ нами, какъ человѣкъ, на личной судьбѣ котораго можно убѣдиться, какъ прочно утвердился въ жизни Англіи государственный строй, сдѣлавшійся главной характеристикой ея поли-

тической исторіи. Но Кромвель связанъ не съ одною исторіей своей родины, но и съ тѣмъ великимъ культурнымъ движеніемъ, которое подъ именемъ реформаціи охватило почти всю Западную Европу: какъ представитель религіозной секты индепендентовъ, онъ выступилъ въ качествѣ защитника свободы совѣсти, которую онъ понималъ шире, чѣмъ кто-либо другой изъ государственныхъ людей эпохи. То, что за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Ришелье давалъ французскимъ протестантамъ, какъ „милость" со стороны государства (édit de grâce), — лордъ-протекторъ Англіи разсматривалъ, какъ право самой личности, какъ основное и неотъемлемое право индивидуальной совѣсти. Такимъ образомъ въ общемъ его дѣятельность, такъ сказать, совпадала съ историческимъ развитіемъ политическихъ и религіозныхъ отношеній Англіи, и принятію такого вывода не могутъ помѣшать ни разногласія въ характеристикѣ Кромвеля, какъ человѣка, ни разногласія въ оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ революціонера въ одну пору жизни и консерватора въ другую.

XXXIX. Политическая и соціальная исторія англійской республики [1]).

Англійская революція и Западная Европа. — Международное положеніе Англіи въ эпоху республики и роль Кромвеля. — Покореніе Ирландіи и Шотландіи. — Война съ Голландіей. — Союзъ съ Франціей и война съ Испаніей. — Защита протестантизма. — Консервативная оппозиція республикѣ внутри страны. — Политическая программа левеллеровъ. — Джонъ Лильбёрнъ. — Долгій парламентъ, армія и Кромвель. — Бербонскій парламентъ и конституція 1653 г. — Военный деспотизмъ. — Вопросъ о возстановленіи старой конституціи. — Послѣдній годъ Кромвеля. — Смуты по его смерти и реставрація Стюартовъ. — Соціальная исторія англійской республики. — Сектантскій коммунизмъ и анархизмъ. — Новая секуляризація церковной собственности. — Отмѣна феодальной собственности.

Исторія англійской революціи можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія: по отношенію къ самой Англіи это былъ одинъ изъ

---

[1]) Кромѣ указанныхъ сочиненій, см. *Guizot*. Histoire de la république d'Angleterre et de Cromwell. — *Его же*. Hist. du protectorat de Richard Cromwell et du rétablissement des Stuarts. — *Его же*. Monk, chute de la république et rétablissement de la monarchie en Angleterre. — *Gardiner*. History of the Commonwealth and the Protectorate (только до 1656 г.). — *A. Bisset*. History of the Commonwealth in England from the death of Charles I to the expulsion of the long parliament by Cromwell (написано на основаніи протоколовъ государственнаго совѣта, изданныхъ послѣ появленія книги въ свѣтъ). — *Murphy*. Cromwell in Ireland. — *Prendergast*. The Cromwellian settlement of Ireland. — *I. Bourelly*. Cromwell et Masarin. — *Rob. Vaughan*. The protectorate of Oliver Cromwell and the state of

эпизодовъ въ исторіи той вѣковой борьбы, которая велась здѣсь между королевскою властью и парламентомъ, а по отношенію ко всей Западной Европѣ — эпизодомъ въ исторіи религіозной реформаціи, соединявшейся, какъ извѣстно, съ рѣшеніемъ мѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Новымъ государственнымъ и религіознымъ идеямъ англійской революціи не суждено было осуществиться на родинѣ: паденіе республики и реставрація Стюартовъ возвратили Англію на старый историческій путь, съ котораго она сошла-было, но въ далекихъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ, превратившихся черезъ полтора вѣка въ первую настоящую демократическую республику съ широкимъ развитіемъ политической и индивидуальной свободы и съ полнымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства, англійскіе эмигранты положили начало осуществленію на новой исторической почвѣ тѣхъ принциповъ, которые индепендентамъ не удалось провести въ жизнь метрополіи. На остальную Западную Европу первая англійская революція не оказала непосредственнаго вліянія: съ этой стороны она не была похожа ни на нѣмецкую реформацію, бывшую какъ бы первымъ сигналомъ для начала аналогичныхъ движеній во всѣхъ почти странахъ католической культуры, ни на французскую революцію, равнымъ образомъ получившую общеевропейское значеніе. Мало того: политическая исторія континента въ XVII—XVIII вв. развивалась въ направленіи, какъ-разъ противоположномъ тому, которое возобладало въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣмецкая реформація XVI вѣка и французская революція XVIII столѣтія не стоятъ одиноко среди того, что происходило и въ другихъ странахъ, то объ англійской революціи XVII в. этого уже никакъ нельзя сказать въ томъ именно смыслѣ, что борьба націи съ абсолютизмомъ и успѣхъ этой борьбы въ Англіи представляютъ собою исключительное явленіе въ ту эпоху, когда повсюду на материкѣ такой борьбы или вовсе уже не велось, или она не принимала сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ и не достигла своихъ цѣлей. Несмотря на всѣ связи, существующія между первой англійской революціей и событіями на континентѣ, она все-таки—явленіе мѣстное, если только не считать ея слѣдствій болѣе отдаленныхъ, не непосредственныхъ. Въ хронологическомъ отношеніи первая англійская революція почти на одинаковые періоды времени удалена отъ религіозной реформаціи XVI в. и отъ политической революціи XVIII в.: дѣйствительно, по отношенію къ первой она была явленіемъ запоздалымъ, по отношенію

Europe during the yearly part of the reign Louis XIV.—*М. М. Ковалевскій.* Общественный строй Англіи въ эпоху республики (Юрид. Вѣстн., 1891).—Особенно см. *Бернштейнъ.* Общественное движеніе въ Англіи XVII в. (индепенденты, левеллеры и квакеры).

ко второй—слишкомъ опережавшимъ свое время, такъ какъ середина XVII в. на материкѣ была эпохой прекращенія религіозной борьбы, вызванной реформаціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой утвержденія абсолютной монархіи, движеніе противъ которой въ остальной Европѣ началось лишь черезъ полтора вѣка. Другое дѣло — отдаленныя, не непосредственныя слѣдствія англійской революціи для остальной Западной Европы, но объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди.

Если однако англійская революція *не оказала никакого дѣйствія на внутреннюю жизнь континентальныхъ странъ,* не считая весьма и весьма слабаго ея отголоска въ смутахъ фронды, то въ международной политикѣ ей суждено было сыграть, наоборотъ, очень видную роль. Междоусобная война сороковыхъ годовъ совпала съ послѣднимъ періодомъ тридцатилѣтней войны; учрежденіе республики по тогдашнему англійскому календарю, начинавшему новый годъ съ марта, произошло въ одномъ году съ вестфальскимъ миромъ и смутами фронды, въ которыя вмѣшалась Испанія; пиренейскій миръ, окончившій войну Франціи съ Испаніей, былъ заключенъ въ 1659 г., т.-е вскорѣ послѣ смерти Кромвеля (1658 г.) и незадолго до реставраціи Стюартовъ (1660 г.), всего за два года до начала „вѣка Людовика XIV“ (1661 г.). Такимъ образомъ, если исторія международной политики въ первой половинѣ XVII в. есть главнымъ образомъ исторія тридцатилѣтней войны, а вторая половина XVII в. характеризуется преобладаніемъ Франціи при Людовикѣ XIV, вызывавшимъ противъ себя коалиціи другихъ державъ, то небольшой промежутокъ времени между окончаніемъ тридцатилѣтней войны и началомъ единодержавія Людовика XIV (1648—1661) былъ какъ-разъ временемъ англійской республики (1649—1660). *Англія въ эту эпоху играла весьма видную роль въ международныхъ отношеніяхъ эпохи,* благодаря не только благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, но и весьма искусной политикѣ Кромвеля.

Англійской республикѣ пришлось встрѣтиться и съ внѣшними, и съ внутренними затрудненіями: если послѣднія ей не удалось преодолѣть, то, наоборотъ, во внѣшней политикѣ *Кромвель сумѣлъ доставить Англіи такое блестящее положеніе, какого она раньше никогда почти не занимала.* Гемпденъ когда-то предсказывалъ, что Кромвель сдѣлается первымъ человѣкомъ въ Англіи, но онъ сдѣлался первымъ человѣкомъ и въ Европѣ—притомъ по отзыву короля, который самъ готовился въ то время играть первенствующую роль въ международной политикѣ. Однажды молодой Людовикъ XIV, которому какъ будто и неловко было бы называть „цареубійцу“, правившаго Англіей, своимъ „кузеномъ“, сказалъ одному изъ своихъ министровъ, что если бы ему пришлось назвать Кромвеля даже „mon père“, то и на это нужно

было бы пойти, такъ какъ, прибавилъ Людовикъ XIV, „это—самый сильный человѣкъ въ Европѣ".

Очеркъ политической исторіи англійской республики мы и начнемъ съ самаго краткаго обзора внѣшней политики Кромвеля, чтобы перейти потомъ къ внутреннимъ отношеніямъ.

Англійской республикѣ прежде всего пришлось считаться съ возстаніями въ Ирландіи и въ Шотландіи. Первое изъ нихъ было почти уже совсѣмъ подавлено Кромвелемъ, проявившимъ въ усмиреніи Ирландіи страшную жестокость, такъ что Эйртону уже не стоило большого труда довершить это дѣло, когда самъ Кромвель былъ отозванъ въ Шотландію, которая признала своимъ королемъ Карла II, сына казненнаго короля, послѣ того какъ онъ согласился на сильное ограниченіе своей власти и на заявленіе своего несочувствія „идолопоклонству" своихъ родителей. Въ 1651 г. и Шотландія должна была смириться, когда Кромвель при Ворчестерѣ разбилъ Карла II, рѣшившагося-было на вторженіе въ Англію. Всѣ три королевства были теперь соединены подъ одною властью, какъ части единаго цѣлаго. Уже эти побѣды Кромвеля сильно льстили національному самолюбію англичанъ и способствовали упроченію его положенія во главѣ арміи; но Кромвель сумѣлъ доставить Англіи почетное мѣсто и на континентѣ. Иностранная политика вообще была слабымъ мѣстомъ царствованія Стюартовъ. Кромвель возвращалъ эту политику къ традиціямъ лучшихъ временъ королевы Елизаветы, когда Англія являлась независимой и могущественной, и ея правительство брало подъ свою защиту дѣло континентальнаго протестантизма. Онъ мечталъ, между прочимъ, о союзѣ съ другимъ протестантскимъ и республиканскимъ государствомъ—съ Голландіей, но вмѣсто союза ему пришлось начать войну съ этимъ государствомъ. Англійскіе посланники при иностранныхъ дворахъ встрѣчались за границей послѣ казни Карла I не особенно дружелюбно, но никто такъ непріязненно не отнесся къ республикѣ, какъ именно голландскій штатгальтеръ, да и сама страна не была расположена къ союзу съ новой республикой, опасаясь развитія ея морского могущества. Кромвель отомстилъ Голландіи своимъ „навигаціоннымъ актомъ" (1651 г.), имѣющимъ большое значеніе въ исторіи меркантилизма [1]): запрещеніе привозить въ Англію товары иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ или на корабляхъ тѣхъ странъ, которыя эти товары производятъ, нанесло сильный ударъ голландской торговлѣ. Послѣдовавшая затѣмъ война между Англіей и Голландіей, имѣвшей первый для того времени флотъ въ мірѣ, окончилась неудачно для Гол-

---

[1]) Объ этомъ см. ниже (въ главѣ XL).

ландіи: послѣ нѣсколькихъ пораженій на морѣ она должна была подчиниться навигаціонному акту, отказаться отъ оказанія поддержки Стюартамъ и присоединиться въ международныхъ дѣлахъ къ англійской политикѣ (1654). Когда уже въ званіи лорда-протектора Кромвель созвалъ первый свой парламентъ (осенью 1654 г.), онъ могъ съ гордостью указать въ своей рѣчи на результаты своей политики, къ которымъ нужно еще присоединить выгодные договоры съ другими государствами (съ Даніей, Швеціей и Португаліей) и ожидавшійся тогда трактатъ съ Франціей, и онъ съ полнымъ правомъ сказалъ, что въ Европѣ не было ни одной націи, которая не желала бы жить въ мирѣ съ Англіей. Съ Франціей вскорѣ былъ дѣйствительно заключенъ оборонительный союзъ противъ Испаніи, а въ 1657 г. онъ перешелъ въ союзъ наступательный. Послѣдовавшая затѣмъ война съ Испаніей также кончилась для Кромвеля весьма успѣшно: Англія завоевала Дюнкирхенъ и Ямайку. Благодаря всему этому въ Европѣ боялись Англіи и преклонялись передъ ея правителемъ, проявившимъ и необычайныя дипломатическія способности [1]). Немудрено, что Кромвелю приписывались самые грандіозные планы—образованіе протестантскаго союза для борьбы съ Габсбургами, помощь венеціанцамъ противъ турокъ, завоеваніе обѣихъ Индій, и въ немъ видѣли уже „самаго непобѣдимаго изъ государей". Вмѣстѣ съ тѣмъ Кромвель сдѣлался, какъ совершенно вѣрно говорили венеціанскіе послы, „главою и покровителемъ" (capo e protettore) протестантовъ на материкѣ. Къ нему, между прочимъ, обратились за защитою савойскіе вальденсы, приславъ ему свои символическія книги, и онъ вступился въ Туринѣ за ихъ религіозную свободу. Переписка Кромвеля съ Мазарини касалась и вопроса о вѣротерпимости, и это не могло пройти совершенно безслѣдно для французскихъ гугенотовъ, разъ кардиналъ нуждался въ англійской помощи для войны съ Испаніей. Само папство, незадолго передъ этимъ протестовавшее противъ вѣротерпимости, принятой вестфальскимъ миромъ, должно было считаться съ такимъ направленіемъ англійской политики. Принципіальная сторона послѣдней въ международныхъ отношеніяхъ была та же, что и въ отношеніяхъ внутреннихъ—поддержка вѣротерпимости. Но если таковы были успѣхи Кромвеля во внѣшней политикѣ,—успѣхи, которыми, какъ думаютъ нѣкоторые историки, онъ хотѣлъ отвлечь вниманіе общества отъ дѣлъ внутреннихъ, — то именно въ этихъ внутреннихъ дѣлахъ ему не удавалось достигнуть ничего прочнаго.

Причина такой неудачи заключалась въ томъ, что республика была встрѣчена враждебно общественными элементами, которые за-

[1]) Морскія побѣды одерживалъ Блекъ. О немъ соч. *Hepworth-Dixon*. Robert Blake, admiral and general at Sea.

нимали вліятельное положеніе при монархіи, а теперь съ самаго же начала стали оказывать пассивное сопротивленіе несимпатичному для нихъ политическому порядку. Съ другой стороны, новые общественные элементы, составлявшіе республиканскую партію, были еще слишкомъ слабы въ матеріальномъ отношеніи, слишкомъ недостаточно организованы внѣ арміи, слишкомъ непривычны къ политической дѣятельности, чтобы сразу и притомъ съ успѣхомъ взять на себя трудное дѣло управленія государствомъ. Мы уже видѣли, что самъ вождь республиканской арміи былъ противникомъ чистой демократіи и потому не только не поддерживалъ ея стремленій, но даже оказывалъ имъ сопротивленіе, тогда какъ, наоборотъ, соціальные элементы, съ которыми онъ охотно пошелъ бы рука объ руку въ политическомъ отношеніи, сами устранялись отъ публичной дѣятельности, предпочитая пассивную оппозицію какому бы то ни было участію въ государственной жизни непріятной для нихъ республики. Такимъ образомъ, Кромвель не приставалъ вполнѣ къ людямъ, его поддерживавшимъ, и, наоборотъ, не находилъ поддержки въ людяхъ, въ которыхъ наиболѣе нуждался для осуществленія своихъ плановъ. Аристократія, игравшая всегда такую роль въ исторіи Англіи, не могла найти для себя мѣста въ новомъ государственномъ строѣ. Палата пэровъ, состоявшая къ 1649 г. изъ какой-нибудь дюжины членовъ и оказавшая сопротивленіе суду надъ королемъ, вскорѣ послѣ его казни была уничтожена, какъ „безполезное и опасное учрежденіе“ (6 февр. 1649), и это случилось даже днемъ раньше того, какъ произошла формальная отмѣна монархіи (7 февр.).

Сначала исполнительная власть въ республикѣ была вручена назначенному парламентомъ государственному совѣту, рядомъ съ которымъ были организованы разные спеціальные комитеты, и этому учрежденію, составленному изъ 41 члена, выбиравшихся на годъ, вручены были такія полномочія, какими никогда не обладалъ самъ Карлъ I. Въ составъ государственнаго совѣта вошли всѣ выдающіеся члены побѣдившей партіи—военные вожди (Ферфаксъ и Кромвель), парламентскіе дѣятели (Генри Венъ), юристы (Брадшо), ученые (Мильтонъ), даже нѣкоторыя лица изъ высшей знати, признавшія республику; но многіе члены этого совѣта прямо отказались принести присягу въ первоначальной ея редакціи, заключавшей одобреніе казни короля и уничтоженіе монархіи и верхней палаты: пришлось придумать новую формулу, заключавшую только обѣщанія относительно будущаго. Если, такимъ образомъ, уже среди новыхъ правителей были люди, не вполнѣ сочувствовавшіе всему совершившемуся, то побѣжденные прямо отнеслись враждебно къ новому порядку: и кавалеры, и пресвитеріане теперь соединялись вмѣстѣ въ отказѣ

присягнуть на вѣрность „республикѣ безъ короля и палаты лордовъ", какъ того потребовали осенью 1649 г. отъ всѣхъ, занимавшихъ какія-либо должности. Во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не были приведены въ исполненіе предписанія, касавшіяся торжественнаго объявленія республики или уничтоженія монархическихъ эмблемъ на публичныхъ зданіяхъ. На „цареубійцъ" сыпались еще вдобавокъ памфлеты, пользовавшіеся часто большою популярностью. Положеніе государственнаго совѣта было вообще крайне затруднительнымъ, а тутъ еще *рядомъ съ консервативной оппозиціей роялистовъ и пресвитеріанъ возникла оппозиція радикальная среди самихъ индепендентовъ.*

Порядокъ, установленный въ началѣ 1649 г., не удовлетворялъ многихъ дѣятелей республиканской арміи, и они рѣшились на активное ему сопротивленіе во имя болѣе рѣшительнаго проведенія въ жизнь республиканскихъ началъ. Это были „уравнители", „левеллеры", которые видѣли въ отмѣнѣ королевской власти и палаты лордовъ лишь первый шагъ къ переустройству государства на совершенно новыхъ принципахъ. Въ ихъ стремленіяхъ сочетались двѣ идеи, съ примѣненіемъ которыхъ къ политической жизни мы встрѣчаемся впослѣдствіи въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и во Франціи въ эпоху великой революціи. Левеллеры *были именно защитниками самой широкой индивидуальной свободы и самыми послѣдовательными сторонниками народовластія:* по ихъ ученію, такія права гражданъ, какъ свобода совѣсти и равенство всѣхъ передъ закономъ съ гарантіями личной неприкосновенности въ родѣ суда присяжныхъ, суть права неотъемлемыя, т.-е. такія, отнять которыя не можетъ у гражданъ сама верховная власть народа; что же касается до послѣдней, то она либо осуществляется представителями народа въ парламентѣ, либо передается въ формѣ судебнаго права избираемымъ гражданами присяжнымъ, подъ условіемъ, чтобы правомъ избранія представителей пользовался весь народъ безъ различія классовъ и состояній. Такимъ образомъ левеллеры требовали демократическаго устройства государства съ обезпеченіемъ личной свободы отъ посягательства на нее со стороны законодательства и суда. Въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между законодательною и исполнительною властями они совершенно отступали отъ старыхъ англійскихъ традицій, высказывая ту мысль, что администрація должна была быть вполнѣ подчинена парламенту, и требуя, чтобы особая парламентская коммиссія между двумя сессіями надзирала за дѣйствіями исполнительной власти. Наконецъ, они рѣшительнѣйшимъ образомъ отдѣляли отъ этой послѣдней судебную власть, вручая ее однимъ присяжнымъ безъ всякаго содѣйствія со стороны государ-

ственныхъ судей: они мотивировали это свое требованіе тѣмъ, что въ интересахъ свободы не слѣдуетъ поручать однимъ и тѣмъ же лицамъ составленіе, примѣненіе и приведеніе въ исполненіе законовъ. Рядомъ съ этой политической программой левеллеры выставили и программу преобразованій соціальныхъ съ сохраненіемъ, однако, историческихъ основъ семейнаго быта и частной собственности: въ этой области они *выдвигали на первый планъ лишь уничтоженіе всѣхъ остатковъ феодализма*, т.-е. добивались прекращенія отношеній, коренившихся въ средневѣковомъ крѣпостничествѣ, главнымъ же образомъ желали установленія свободной и полной поземельной собственности вмѣсто феодальныхъ формъ условнаго землевладѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и введеніе полнаго гражданскаго равенства, откуда они и получили свое названіе „уравнителей"; поэтому въ ихъ программу соціальныхъ реформъ входила борьба съ какими бы то ни было привилегіями и монополіями (торговыхъ компаній), свобода выбора занятій для всѣхъ гражданъ, равномѣрное по возможности обложеніе на основѣ пропорціональности налога съ доходомъ каждаго отдѣльнаго лица. Наконецъ, они желали, чтобы духовенство содержалось не государствомъ, а отдѣльными общинами, что́ равносильно было отдѣленію церкви отъ государства. Эти требованія вызывались, съ одной стороны, всѣмъ ходомъ событій и всѣми явленіями внутренней жизни, приведшими англійскую націю къ междоусобію и учрежденію республики, съ другой — обстоятельствами, наступившими послѣ казни Карла I.

Главнымъ выразителемъ стремленій левеллеровъ сдѣлался Джонъ Лильбёрнъ, оставившій потомству свою автобіографію. Лильбёрнъ былъ въ числѣ лицъ, пострадавшихъ въ періодъ самовластія Карла I: какъ противникъ епископата, онъ судился въ звѣздной палатѣ, подвергался наказанію розгами и трехлѣтнему тюремному заключенію. Во время междоусобной войны онъ сражался подъ начальствомъ Кромвеля, въ которомъ особенно цѣнилъ „дорогую сердцу своему вѣротерпимость"; съ нимъ онъ даже вступилъ въ весьма тѣсную дружбу. Такъ какъ у Лильбёрна вышло столкновеніе съ гр. Манчестеромъ, начальникомъ самого Кромвеля, то палата общинъ за якобы оскорбленіе своего члена приговорила Лильбёрна къ тюремному заключенію. За то, что онъ протестовалъ противъ этого особымъ памфлетомъ, онъ подвергся-было и новому преслѣдованію, но Кромвелю удалось настоять на его освобожденіи изъ тюрьмы. Уже въ это время по чисто личнымъ поводамъ будущій агитаторъ въ своихъ памфлетахъ высказываетъ политическіе взгляды, вошедшіе въ составъ програмы левеллеровъ. Армія еще раньше участвовала въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, и въ ней не прекращалась агитація, про-

тивъ которой, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, принимались мѣры высшимъ военнымъ начальствомъ и въ томъ числѣ Кромвелемъ. Это было вообще время сильнаго развитія брошюрной публицистики, самыхъ преувеличенныхъ ожиданій отъ совершившагося переворота, борьбы между отдѣльными дѣятелями за разныя политическія программы и за власть, необходимую для ихъ осуществленія, власть же фактически давалась признаніемъ со стороны арміи. Въ арміи, главнымъ образомъ, и велась агитація левеллеровъ съ Лильбёрномъ во главѣ, которые, впрочемъ, вербовали своихъ сторонниковъ и среди низшихъ слоевъ лондонскаго населенія, отчасти и въ сосѣднихъ графствахъ. Дѣло окончилось прямо военнымъ бунтомъ. Въ арміи очень многіе были недовольны тѣмъ, что „мѣсто одного тиранна занялъ другой“ (парламентъ), ничего не дѣлающій для народа; лозунгомъ возстанія сдѣлалась радикальная программа Лильбёрна, который какъ-разъ въ это время развивалъ ее въ рядѣ памфлетовъ; самый замѣчательный изъ нихъ носилъ названіе „Разоблаченія новыхъ цѣлей Англіи“ (England's new chaines discovered). Около того же времени обнаружилось въ Англіи движеніе и съ характеромъ чисто соціальнымъ, которое нужно отличать отъ политическаго радикализма левеллеровъ; но ихъ тогда смѣшивали, и тѣмъ опаснѣе казалось правящимъ классамъ движеніе левеллеровъ особенно въ соединеніи съ военнымъ бунтомъ. Поэтому противъ агитаціи своевременно были приняты мѣры, и вспышка была подавлена (май 1649). Лильбёрнъ подвергся судебному преслѣдованію, какъ подстрекатель, но вслѣдствіе недостаточности уликъ былъ отпущенъ, послѣ чего удалился въ Голландію и оттуда преслѣдовалъ „узурпатора, тиранна и лицемѣра“ Кромвеля своими памфлетами, уже въ 1651 г. обвиняя его въ стремленіи къ королевской власти [1]). Прежде, нежели партія левеллеровъ сошла со сцены, она успѣла создать цѣлую систематическую программу политическаго радикализма, которая полнѣе всего была изложена въ трактатѣ подъ заглавіемъ: „Основные законы и вольности Англіи“ (The fundamental laws and liberties of England).

Пассивное сопротивленіе республикѣ со стороны приверженцевъ стараго политическаго строя и зарожденіе радикальной оппозиціи не составляли еще всей трудности положенія. Во главѣ государства стоялъ долгій парламентъ, въ которомъ многіе видѣли лишь „охвостье“ настоящаго парламента: въ народѣ жаловались на то, что всѣ дѣла рѣшаются небольшою кучкою людей; указывали на того или другого

---

[1]) Лильбёрнъ вернулся въ Англію въ 1653 г., просилъ у Кромвеля заступничества и обѣщалъ жить мирно. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ роялистами, но оправдали, хотя и посадили въ тюрьму. Въ концѣ своей жизни онъ перешелъ въ квакерство, а умеръ за годъ до кончины Кромвеля.

члена, какъ на людей, которые пользовались своимъ положеніемъ самымъ своекорыстнымъ образомъ; многихъ обвиняли въ томъ, что они обогащались при распродажѣ коронныхъ и церковныхъ имуществъ, при наложеніи секвестровъ на роялистовъ и т. п. Поэтому давно уже считали нужнымъ, чтобы были произведены новые выборы, и этого хотѣли даже такіе люди, которые вовсе не раздѣляли желанія левеллеровъ измѣнить избирательные порядки. Ко всему этому присоединялось сильное недовольство на то, что оставалось много нерѣшенныхъ дѣлъ и въ особенности, что не былъ еще регулированъ церковно-политическій вопросъ. Внѣшняя политика начáла пятидесятыхъ годовъ — война съ протестантской Голландіей — тоже не одобрялась. Весьма естественно, что rump-parliament подвергался постояннымъ нападкамъ въ тогдашней прессѣ, между тѣмъ республиканская партія боялась новыхъ выборовъ, и, напримѣръ, Генри Венъ, хорошо понимая всю справедливость требованія относительно новыхъ выборовъ, въ то же время находилъ нужнымъ, чтобы члены, засѣдавшіе въ старомъ парламентѣ, сохранили свои мѣста и въ новомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ даже составилъ билль о реформѣ (1650 г.), предлагавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшенія избирательной системы: многія незначительныя мѣстечки должны были лишиться своего права; города, не имѣвшіе представительства, наоборотъ, должны были его получить, и при лучшемъ распредѣленіи округовъ должно было явиться бóльшее количество избирателей; но Венъ не былъ сторонникомъ требованія левеллеровъ о полной демократіи и удерживалъ избирательный цензъ. Между тѣмъ армія давно уже требовала роспуска парламента, а побѣды ея вождя дѣлали его самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ государствѣ. Самъ Кромвель, бывшій въ принципѣ противъ всемогущества парламента, ясно сознавалъ всю ненормальность положенія, благодаря которому, въ сущности, лишь меньшинство долгаго парламента управляло страною, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ себя призваннымъ свыше спасти государство отъ внутренней неурядицы. Уже изъ шотландскаго похода онъ посылалъ наставленія спикеру общинъ, а вернувшись въ Лондонъ, немедленно началъ домогаться назначенія новыхъ выборовъ. Вскорѣ, въ ноябрѣ 1651 г., и было наконецъ рѣшено, что крайнимъ срокомъ стараго парламента будетъ 3 ноября 1654 г., но прежніе члены должны были сохранить свои мѣста и въ новомъ парламентѣ. Кромвель былъ не совсѣмъ доволенъ такимъ рѣшеніемъ вопроса, и въ арміи продолжалось сильное броженіе. Послѣ подавленія ирландскаго и шотландскаго возстаній численность войска была уменьшена, и парламентъ намѣревался итти далѣе въ этомъ направленіи. Въ августѣ 1652 г. арміей была поэтому подана парламенту петиція, въ которой выра-

жалось желаніе относительно разныхъ реформъ и заявлялось, что въ будущій парламентъ должны быть выбраны лишь извѣстные своимъ благочестіемъ люди. Хотя эта петиція и была принята благосклонно, но между парламентомъ и арміей не прекращалась скрытая вражда. Правда, палата возобновила обсужденіе вопроса объ избирательной реформѣ и даже сократила срокъ своихъ засѣданій до 3 ноября 1653 г.; но Кромвель и армія были недовольны ходомъ работъ парламента, такъ какъ онъ, повидимому, стремился, во что бы то ни стало продолжить себя въ новомъ представительствѣ. Морскія побѣды, которыя одерживала Англія, позволяли парламенту искать теперь опоры во флотѣ противъ сухопутной арміи, и это лишь усиливало неудовольствіе послѣдней. Самъ Кромвель видѣлъ въ адмиралѣ Блекѣ опаснаго соперника, а его еще подбивали дѣйствовать противъ парламента генералъ Джонъ Ламбертъ, ставившій выше всего интересы арміи, и Томасъ Гаррисонъ, религіозно-политическій энтузіастъ, видѣвшій въ долгомъ парламентѣ препятствіе для задуманнаго имъ преобразованія государства. Дѣло дошло до переговоровъ между вліятельными лицами палаты и арміи, но соглашенія состояться не могло, и вожди парламента даже стали спѣшить съ обсужденіемъ своего билля о реформѣ къ крайнему неудовольствію офицеровъ.

Тогда (20 апрѣля 1653 г.) произошло знаменитое распущеніе долгаго парламента Кромвелемъ. Узнавъ, что палата приступила къ рѣшительнымъ преніямъ, онъ явился въ Вестминстеръ и занялъ свое мѣсто, поставивъ у дверей зданія солдатъ. Черезъ нѣкоторое время онъ попросилъ позволенія говорить и произнесъ цѣлую обвинительную рѣчь противъ парламента, заявивъ, что Богъ избралъ болѣе достойныя орудія для своей воли. Его перебили указаніемъ на оскорбительность такого тона, но онъ еще съ большею силою и страстностью продолжалъ свои обличенія, прямо начавъ обвинять отдѣльныхъ членовъ въ разныхъ порокахъ. „Вы не парламентъ, воскликнулъ онъ, и я положу конецъ вашимъ засѣданіямъ!“ Когда спикеръ отказался по его требованію покинуть свое кресло, Гаррисонъ по знаку Кромвеля открылъ двери, и въ залу вошли солдаты. „Вы сами меня къ этому принудили, кричалъ Кромвель вслѣдъ удалявшимся членамъ, но я день и ночь молилъ Господа, чтобы онъ скорѣе лишилъ меня жизни, чѣмъ подвинулъ на такое дѣло“. Въ тотъ же день Кромвель далъ отчетъ въ своихъ поступкахъ собранію офицеровъ и отправился съ Ламбертомъ и Гаррисономъ въ государственный совѣтъ. Предсѣдательствовалъ Брадшо; онъ заявилъ Кромвелю, что случившееся ему извѣстно, но что никакая сила въ мірѣ не можетъ распустить парламента, кромѣ самого парламента. Протестовали и другіе члены государственнаго совѣта, но вынуждены были подчиниться

силѣ. Исполнительная власть была теперь въ рукахъ комитета изъ 13 лицъ, большею частью высшихъ офицеровъ, съ Кромвелемъ во главѣ. Генри Венъ, которому было предложено мѣсто въ новомъ совѣтѣ, отказался отъ этого назначенія. Офицеры арміи издали затѣмъ прокламацію, въ которой объявляли, что ихъ намѣреніемъ вовсе не было захватить власть въ свои руки.

Разогнанный парламентъ, который давно уже обвиняли въ стремленіи къ узурпаціи власти, былъ до такой степени непопуляренъ, что никто не поднялся на его защиту. Однако, нужно было созвать новую палату. Произвести выборы по старой системѣ правительственный совѣтъ не хотѣлъ, а новая система не была еще утверждена. Тогда Кромвель остановился на мысли объ учредительномъ собраніи, „конвентѣ", бывшемъ, въ сущности, собраніемъ нотаблей индепендентской партіи, такъ какъ его члены были назначены государственнымъ совѣтомъ, хотя и подъ условіемъ, чтобы черезъ пятнадцать мѣсяцевъ конвентъ передалъ свою власть правильно созванному парламенту. Это собраніе получило въ исторіи насмѣшливое названіе „бербонскаго парламента" по имени одного изъ своихъ членовъ, Бербона, что̀ значитъ „голая кость". У нѣкоторыхъ историковъ (у Маколея и у Гизо) мы встрѣчаемся съ крайне несочувственнымъ и презрительнымъ отношеніемъ къ этому парламенту; но въ настоящее время (между прочимъ послѣ Ранке) взглядъ на него измѣнился, и ему въ заслугу ставятъ, что онъ *задумалъ цѣлый рядъ такихъ реформъ, осуществленія которыхъ Англіи пришлось ждать потомъ до XIX вѣка.* Но на дѣлѣ эти реформы оказались слишкомъ радикальными для своего времени, такъ какъ, между прочимъ, бербонскій парламентъ проектировалъ введеніе гражданскаго брака, замѣну церковной десятины духовенству добровольными взносами конгрегацій, что̀ вело къ отдѣленію церкви отъ государства, и т. п. Дѣйствія и планы сектантскаго парламента встревожили юристовъ и духовенство. Кромвель, равнымъ образомъ, былъ недоволенъ радикализмомъ, проявившимся въ поступкахъ и намѣреніяхъ конвента, и потому, воспользовавшись несогласіями, возникшими среди его членовъ, онъ поспѣшилъ закрыть его засѣданія. Этотъ парламентъ еще ранѣе учредилъ новый государственный совѣтъ, который теперь составилъ принятый впослѣдствіи и офицерами новый „инструментъ управленія", заключавшій въ себѣ въ сущности цѣлую конституцію. Сущность ея была такова. Въ палатѣ должно было быть 460 представителей— отъ Англіи (400), Шотландіи (30) и Ирландіи (30). Избирательная система измѣнялась въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ этого желалъ бербонскій парламентъ: мелкія мѣстечки лишались права представительства въ пользу бо̀льшихъ округовъ, и разныя старыя постановле-

нія относительно избирательнаго права замѣнялись однимъ общимъ закономъ, по которому этимъ правомъ пользовались всѣ жители, имѣвшіе недвижимое или движимое имущество въ 200 фунтовъ. Если бы эта реформа упрочилась, Англія 180 годами ранѣе получила бы первую парламентскую реформу, которой ей пришлось ждать до 1832 г. На этихъ новыхъ основаніяхъ долженъ былъ быть собранъ парламентъ, которому и предоставлялось устроить все внутреннее управленіе, а пока во избѣжаніе могущихъ произойти смутъ Кромвелю было предложено званіе протектора съ ограниченною, правда, властью: назначавшіеся протекторомъ члены государственнаго совѣта могли быть смѣщаемы лишь съ согласія этого послѣдняго; безъ согласія совѣта протекторъ не могъ дѣлать ничего важнаго ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ; совѣтъ же получилъ право избранія всѣхъ будущихъ протекторовъ. Кромѣ того, парламенты должны были собираться, по крайней мѣрѣ, каждые три года, и разъ созванная палата не могла быть распускаема—и даже отсрочиваема—ранѣе пяти мѣсяцевъ. Парламенту, наконецъ, предоставлялось право вотировать субсидіи, издавать законы, не нуждавшіеся притомъ ни въ чьемъ утвержденіи, потому что черезъ двадцать дней послѣ вотированія они получали силу даже и въ такомъ случаѣ, если бы со стороны протектора не было согласія. Конституція 1653 г. имѣла характеръ временнаго правительства, нуждавшагося еще въ парламентской санкціи. Въ 1654 г. былъ созванъ парламентъ. Несмотря на то, что избирательнаго права были лишены католики и такъ называемые „малиньянты“ (роялисты) и что изъ числа избранныхъ устранены были немногіе радикалы, попавшіе въ палату, парламентъ этотъ можетъ считаться вполнѣ свободнымъ: въ немъ даже появилось не мало пресвитеріанъ, появились многіе члены разогнаннаго долгаго парламента, появились люди, протестовавшіе противъ поступка Кромвеля, напримѣръ, Брадшо, Венъ и др. Конституція 1653 г. новымъ парламентомъ была утверждена, и Кромвель оставленъ въ своей должности по единогласному рѣшенію палаты, такимъ образомъ санкціонировавшей не только совершившійся фактъ, но и отношеніе къ нему большинства націи, которая признала новую власть. Тѣмъ не менѣе, между протекторомъ и народнымъ представительствомъ скоро возникли пререканія. Именно въ палатѣ стали обсуждать вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между законодательною и исполнительною властями, тогда какъ Кромвель настаивалъ на проведеніи практическихъ реформъ, начатыхъ имъ въ девятимѣсячный промежутокъ между принятіемъ протектората и созывомъ парламента на основаніи полученнаго имъ права дѣлать временныя распоряженія. Парламентъ хотѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ и законодательную,

и исполнительную власти, и противъ этого сильно возставалъ Кромвель. Съ вотированіемъ субсидій произошла также затяжка, чѣмъ особенно была раздражена армія, долго не получавшая своего жалованья. Въ январѣ 1655 г. Кромвель распустилъ парламентъ, находя, что палата настроена по отношенію къ нему враждебно, и опасаясь, что намѣревается отнять у него право, данное ему самимъ Богомъ и признанное за нимъ народомъ.

Со стороны Кромвеля это было большою ошибкою. Устраняя парламентъ, на который нація возлагала всѣ свои надежды, протекторъ не могъ устранить другой силы, давно уже находившейся въ антагонизмѣ съ парламентомъ. Если онъ былъ противъ всемогущихъ парламентовъ во имя раздѣленія власти между „единою личностью“ и представительствомъ, то въ странѣ была еще армія, тоже смотрѣвшая на себя, какъ на всемогущую силу въ государствѣ. Кромвель хотѣлъ раздѣлить власть съ парламентомъ, но, распуская палату, онъ вынуждался тѣмъ самымъ дѣлиться властью съ генералами арміи. Въ этой арміи также были честолюбивые и властолюбивые элементы: высшіе ея офицеры играли видную роль и въ первомъ, и во второмъ государственномъ совѣтѣ; они засѣдали и въ бербонскомъ парламентѣ; съ ними и теперь пришлось протектору дѣлиться властью. Въ странѣ въ это время начиналось броженіе: выражалось сожалѣніе о гибели монархіи; высказывалась мысль о необходимости реставраціи короля; поднимались снова роялисты, и Кромвель долженъ былъ подавлять начинавшіяся возстанія. Тогда вся Англія была раздѣлена имъ на десять округовъ, и во главѣ каждаго изъ нихъ поставленъ генералъ-маіоръ арміи съ широкими полномочіями, позволявшими ему тираннически править своею областью. Роялисты должны были уплачивать десятую часть своихъ доходовъ на содержаніе арміи; налоги взимались на основаніи самовластныхъ приказовъ протектора. Однимъ словомъ, *Кромвель вполнѣ осуществлялъ въ это время правительственный идеалъ Страффорда*, и подобно тому, какъ французскій абсолютизмъ предыдущей эпохи былъ соединенъ съ широкою организаціонною работою, такъ и теперь Кромвель пользовался своею властью, чтобы устраивать и преобразовывать внутреннія отношенія страны. Многое настоятельно требовало реформы: въ этомъ отношеніи сходились между собою и бербонскій парламентъ 1653 г., и самъ протекторъ, правившій въ 1655 г., какъ абсолютный государь. Между прочимъ, онъ собственною властью реорганизовалъ государственную церковь, въ которой послѣ паденія епископальной системы и неудачи пресвитеріанства не было никакого порядка. Впрочемъ, создавая порядокъ въ церкви, онъ лишалъ ее права преслѣдовать диссидентовъ.

Когда въ 1656 г., будучи отчасти вынужденъ внѣшними дѣлами,

Кромвель снова рѣшилъ созвать парламентъ, свобода выборовъ была имъ на этотъ разъ уже стѣснена, и многіе избранные члены были устранены самовольнымъ рѣшеніемъ государственнаго совѣта: протекторъ, какъ въ былыя времена Тюдоры и Стюарты, хотѣлъ править съ парламентомъ, но не желалъ имѣть оппозиціонной палаты, боясь повторенія того, что́ случилось въ 1654 г. Несмотря, однако, на принятыя мѣры, палата обнаружила достаточно независимости, чтобы осудить систему генералъ-маіоровъ, и Кромвель, наоборотъ, ее защищавшій, долженъ былъ въ концѣ концовъ подчиниться рѣшенію общинъ. Парламентъ 1656 г. поставилъ своею задачею возстановленіе въ Англіи законности. Вліятельная въ немъ партія юристовъ держалась того взгляда, что законы страны знаютъ лишь прерогативу короны и ничего не вѣдаютъ о правахъ протектора, которыхъ притомъ пока ничто не ограничиваетъ. Самъ Кромвель приходилъ къ той мысли, что лишь возстановленіе старой конституціи могло бы упрочить его власть и вернуть Англіи свободу. Когда, однако, въ мартѣ 1657 г. въ палатѣ зашла рѣчь о возстановленіи королевскаго сана въ пользу Кромвеля, армія стала выражать свое негодованіе, и Кромвель вынужденъ былъ отказаться отъ предлагавшейся ему короны, чтобы „не наложить на плечи войска такихъ трудностей, которыхъ они не въ состояніи были бы вынести". Это не помѣшало парламенту измѣнить конституцію 1653 г. въ болѣе монархическомъ духѣ. Въ іюлѣ 1657 г. парламентъ торжественно провозгласилъ Кромвеля лордомъ-протекторомъ, и согласіе на это со стороны самого Кромвеля было какъ бы признаніемъ незаконности прежняго правленія; при этомъ была устроена церемонія инавгураціи, подобная коронованію. Далѣе, Кромвель получилъ право назначить себѣ преемника, хотя потомъ званіе протектора снова должно было сдѣлаться избирательнымъ, и вмѣстѣ съ этимъ учреждалась „другая палата", куда лордъ-протекторъ имѣлъ право назначить 70 членовъ. Этой конституціей подтверждались старыя права палаты общинъ и давалась свобода богослуженія всѣмъ, кромѣ католиковъ, епископаловъ и сектантовъ, отрицавшихъ божественность Христа и боговдохновенность св. писанія, но свобода совѣсти была признана за всѣми. Это подобіе возстановленія старой конституціи было совершенно призрачнымъ, и Кромвелю приходилось попрежнему имѣть дѣло съ двоякой оппозиціей, одинаково видѣвшей въ его власти узурпацію непринадлежащихъ ему правъ. Съ одними „святыми" онъ все еще стоялъ на одной и той же почвѣ, желая не только свободы совѣсти, но и повсемѣстнаго водворенія того моральнаго ригоризма, которымъ отличалась созданная имъ армія, но то, что могло удаться Кальвину въ республикѣ, состоявшей изъ одного города, трудно было распространить на цѣлую большую страну.

Кромвель и въ государствѣ думалъ водворить духъ благочестія, господствовавшій въ арміи „святыхъ", но народная масса тяготилась этимъ режимомъ и готова была видѣть въ религіозности простое ханжество и лицемѣріе, тѣмъ болѣе, что иногда при помощи святости стали обдѣлываться выгодныя дѣла и добываться хорошія должности. Приверженцы старой монархіи и сторонники епископальной церкви составляли консервативную оппозицію противъ протектората, но одновременно выступила и республиканская оппозиція, и она уже прямо проявилась въ парламентѣ, когда послѣ шестимѣсячной отсрочки онъ снова былъ созванъ въ январѣ 1658 г. Въ палатѣ общинъ заняли теперь мѣста всѣ тѣ члены, которыхъ раньше исключилъ государственный совѣтъ, такъ какъ въ 1657 г. за палатою была утверждена привилегія самой повѣрять правильность избраній. На этотъ разъ въ парламентѣ стали оспаривать права „другой палаты", членовъ которой Кромвель неосторожно назвалъ лордами. Новый конфликтъ кончился тѣмъ, что въ началѣ февраля протекторъ, сдѣлавшійся въ это время крайне раздражительнымъ вслѣдствіе болѣзни (которая черезъ семь мѣсяцевъ и свела его въ могилу), пригласилъ къ себѣ обѣ палаты и распустилъ парламентъ, осыпавъ его упреками и призвавъ Бога въ судьи между собою и имъ. Армія была довольна этой ссорой, но Кромвель все еще думалъ о созваніи новаго парламента, несмотря даже на оппозицію государственнаго совѣта. Смерть помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе.

Кромвель назначилъ преемникомъ старшаго сына своего Ричарда, а другой его сынъ, Генрихъ. былъ намѣстникомъ въ Ирландіи. У новаго правителя не было ни способностей, ни заслугъ, ни авторитета его отца, общее же положеніе оставалось труднымъ попрежнему. Нужда въ деньгахъ заставила Ричарда созвать въ январѣ 1659 г. парламентъ, но между палатой и арміей произошло опять столкновеніе. По требованію военнаго совѣта спикеръ долгаго парламента снова созвалъ тѣхъ его членовъ, которые засѣдали въ немъ послѣ 1648 г., такъ какъ этого желала армія, а Ричаръ теперь отставленъ отъ своей должности. Военные вожди, однако, ошиблись, думая, что долгій парламентъ будетъ съ ними заодно. Между тѣмъ какъ представители, изгнанные изъ парламента въ 1648 г. и снова не допущенные въ палату въ 1659 г., возбуждали къ сопротивленію свои графства, а роялисты начинали опять подымать голову, армія и парламентъ были въ рѣзкомъ разладѣ. Дѣло дошло до того, что генералъ Ламбертъ овладѣлъ зданіемъ парламента и не допустилъ продолженія засѣданій, а генералъ Флитвудъ былъ провозглашенъ главнокомандующимъ. Высшіе офицеры готовились теперь снова организовать военное управленіе, но у новаго высшаго вождя арміи не было

такого превосходства надъ остальными генералами, которое заставило бы ихъ подчиняться ему такъ, какъ они подчинялись Кромвелю. Почти неизбѣжно было уже междоусобіе между генералами, когда одинъ изъ нихъ Монкъ, стоявшій въ Шотландіи, не желая подчиняться Флитвуду, но и не чувствуя въ себѣ достаточно силы, чтобы занять мѣсто Кромвеля, рѣшился произвести реставрацію Стюартовъ, которой желало, повидимому, громадное большинство націи. Объявивъ себя „защитникомъ старыхъ законовъ и свободы“, Монкъ съ войскомъ двинулся къ столицѣ государства, гдѣ уже начиналась настоящая анархія, вступилъ въ Лондонъ и при помощи остатковъ долгаго парламента созвалъ „свободный парламентъ“, котораго требовала вся страна. Генералъ Ламбертъ, оказавшій-было сопротивленіе, былъ разбитъ, а другіе полки оказались безсильными что-либо предпринять. Новая палата, получившая названіе конвента, собралась 25 апрѣля 1660 г. на этотъ разъ съ лордами, снова получившими доступъ въ верхнюю палату; но прежде нежели самъ конвентъ вступилъ въ переговоры съ Карломъ II, Монкъ уже былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, съ самаго начала извѣстивъ его, чтобы онъ переѣхалъ изъ Испаніи въ Голландію. Послѣ того, какъ Карлъ II обѣщалъ общую амнистію, вѣротерпимость и удовлетвореніе арміи, конвентомъ была возстановлена старая конституція Англіи. 25 мая король высадился въ Дуврѣ при ликованіи народа, заставившемъ армію покориться совершившемуся факту. *Политическая роль пуританизма окончилась*, но онъ оставилъ неизгладимые слѣды на характерѣ англійской націи и на развитіи ея духовной культуры.

Пуританизмъ былъ связанъ въ Англіи середины XVII в. и съ соціальнымъ движеніемъ, которое, однако, не получило здѣсь большого развитія. Соціальная исторія англійской революціи еще ждетъ своихъ изслѣдователей [1]), но и то, что уже извѣстно, даетъ намъ право намѣтить главную ея сущность. Уже Гизо, напримѣръ, замѣтилъ, что между общими причинами всего движенія была одна, которая заключалась въ сильномъ ростѣ общественныхъ классовъ, представленныхъ палатою общинъ, и съ этой точки зрѣнія революція была какъ бы торжествомъ сельскаго дворянства и городской буржуазіи надъ аристократическими элементами, сосредоточенными въ верхней палатѣ. Свѣтская и духовная знать составляла остатки средневѣковыхъ феодальныхъ и католическихъ началъ (послѣднихъ — поскольку англиканская церковь сохранила епископатъ и духовное землевладѣніе, за исключеніемъ монастырскаго). Между этою аристократіей и среднимъ сословіемъ, въ которомъ главную роль играли помѣщики (сквайры),

---

[1]) Изъ новѣйшихъ трудовъ см. названную выше книгу *Бернштейна*.

существовалъ нѣкоторый антагонизмъ, хотя и не обострявшійся до такой степени, какъ то было во Франціи въ эпоху реставраціи, когда роялистическая партія опиралась на феодальныя стремленія дворянства, а къ либераламъ примыкала буржуазія. Но не этотъ классъ, представители котораго обыкновенно наполняли палату общинъ, установилъ республику въ Англіи. Между нимъ и простонародьемъ въ тѣсномъ смыслѣ былъ еще, такъ сказать, другой средній классъ, фермеры и лавочники, изъ которыхъ образовалась индепендентская армія: отсюда-то и вышло демократическое движеніе, получившее названіе левеллеровскаго,—движеніе, поставившее своею задачею осуществленіе гражданскаго равенства, между прочимъ, и въ видѣ расширенія избирательныхъ правъ населенія. Въ протестѣ противъ соціальнаго феодализма,—отмѣны котораго, какъ мы еще увидимъ, по особымъ соображеніямъ желалъ и землевладѣльческій классъ,—сходились между собою и левеллеры, и люди, не раздѣлявшіе ихъ демократическихъ стремленій; но главныя требованія левеллеровъ были все-таки политическія, а не соціальныя, хотя они и высказывались, напримѣръ, противъ огораживанія общинныхъ земель, отъ котораго страдали интересы массы, но на которое жаловались не одни демократы. Такъ какъ одновременно съ „уравнительнымъ“ политическимъ движеніемъ происходило еще другое „уравнительное“ движеніе, но уже съ характеромъ соціальнымъ, то противникамъ демократіи, не особенно вникавшимъ въ различія между отдѣльными несимпатичными имъ направленіями, весьма легко было смѣшать оба движенія, не взирая на то, что левеллеры не раздѣляли воззрѣній соціальныхъ реформаторовъ и отказывались отъ союза съ лицами, желавшими уравнять состоянія. Стремленія чисто соціальнаго характера могли проявиться главнымъ образомъ среди безземельнаго или обезземелившагося крестьянства, въ которомъ продолжались мѣстныя и частныя вспышки неудовольствія главнымъ образомъ противъ огораживанія полей, хотя вспышки эти и не объединились въ одно большое движеніе, подобное нѣмецкой крестьянской войнѣ. Между тѣмъ и въ англійскомъ сектантствѣ XVII в. повторилось то, что было въ нѣмецкомъ анабаптизмѣ XVI в. или въ крайнемъ гуситствѣ въ Чехіи XV в., т.-е. и здѣсь *религіозный мистицизмъ соединился съ коммунистическими или анархическими стремленіями къ полному соціальному перевороту*. Если политическая программа левеллеровъ была продуктомъ, возникшимъ на почвѣ чисто англійскихъ отношеній, даже какъ бы логическимъ выводомъ изъ основныхъ началъ великой хартіи, на которую поэтому очень охотно ссылались левеллеры, то соціальныя стремленія эпохи, наоборотъ, были, повидимому, главнымъ образомъ происхожденія заноснаго, анабаптистскаго. Постоянные про-

тесты населенія противъ „огораживанія“ полей были, впрочемъ, удобною почвою для анабаптистской проповѣди, такъ что соціальные агитаторы прямо заявляли, что ихъ цѣль — возвратить народу его землю (folkland), отнятую у него норманнскимъ завоеваніемъ, съ котораго они вели начало также и только-что низвергнутой монархіи. Все дѣло ограничилось лишь такою проповѣдью, да незначительными попытками неимущихъ, „диггеровъ“ (копальщиковъ), овладѣть посредствомъ обработки общинною пустошью, въ чемъ они встрѣтили сопротивленіе со стороны крестьянъ же (1649). Диггеры, повидимому, не думали о насильственномъ переворотѣ, стоя на точкѣ зрѣнія „непротивленія злу“, хотя и вѣря въ наступленіе новыхъ временъ. Въ своихъ манифестахъ и прокламаціяхъ, — между прочимъ на имя Ферфакса и Кромвеля, — или въ свой просьбѣ государственному совѣту (1653) эти „коммунисты“ даже понизили свои требованія, начавъ добиваться того, чтобы лишь однѣ государственныя земли (домены) пошли въ надѣлъ неимущимъ, при чемъ они доказывали, что побѣда надъ потомкомъ Вильгельма Завоевателя должна завершиться возстановленіемъ имущественнаго равенства, которое, по ихъ представленію, было нарушено именно норманнскимъ завоеваніемъ. Главнымъ литературнымъ памятникомъ этой агитаціи остался памфлетъ нѣкоего Вистанле „Законъ свободы, выраженный въ формѣ прокламаціи, или реставрація настоящаго правительства, скромно рекомендуемая Кромвелю“. На этомъ произведеніи сказалось нѣкоторое вліяніе „Утопіи“ Томаса Моруса [1]).

Другое параллельное движеніе съ соціальнымъ характеромъ было анархическое, и представителями его явились „люди пятой монархіи“, вѣрившіе въ наступленіе царства Христова на землѣ. Это были анабаптистскіе хиліасты [2]), въ принципѣ отрицавшіе всякую власть на землѣ, кромѣ непосредственной власти Христа; нѣкоторые изъ нихъ проникли-было въ бербонскій парламентъ, но Кромвель нашелъ нужнымъ принять мѣры противъ этого движенія. Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ „люди пятой монархіи“ даже устроили заговоръ противъ Кромвеля, вошедши въ сношенія съ недовольными республиканцами и съ голландскими анабаптистами, но заговоръ этотъ былъ открытъ (1657), и его вожаки посажены въ тюрьму. И отъ этого движенія, кромѣ нѣсколькихъ другихъ памятниковъ, осталось подробное изложеніе ученія подъ заглавіемъ: „Поднятое знамя, подъ которое должны собраться всѣ святые, объявившіе себя за агнца

[1]) Къ числу сторонниковъ царства святыхъ нужно отнести Гаррисона, о которомъ выше, стр. 523.

[2]) Въ духѣ утопіи было еще написано сочиненіе Джемса Гаррингтона „Oceana“ (1656), посвященное Кромвелю.

Божія противъ звѣря и лжепророка" (1657), гдѣ подъ именемъ звѣря (въ апокалиптическомъ смыслѣ) слѣдуетъ разумѣть Кромвеля.

Соціальное движеніе, которое могло бы вербовать сторонниковъ въ низшихъ классахъ общества, вообще не пустило глубокихъ корней и скоро прекратилось. Въ эпоху реставраціи сектантство даже совершенно утратило свой аггрессивный характеръ и перестало стремиться къ соціальному перевороту. Независимо отъ того, что *процессъ постепеннаго обезземеленія народной массы отнюдь не былъ остановленъ республикой*, самъ религіозно-политическій переворотъ послужилъ лишь на пользу землевладѣльческому сословію. Въ эпоху реформаціи въ Англіи была секуляризована лишь монастырская собственность, но у епископовъ, декановъ и капитуловъ прежнія ихъ земли были оставлены. Уничтоженіе епископальной церкви въ сороковыхъ годахъ XVII в. *сопровождалось новой секуляризаціей церковной собственности*. Объ этомъ даже велись переговоры съ Карломъ I, когда онъ находился на островѣ Уайтѣ, но король отвергъ предложеніе о секуляризаціи, какъ святотатственное, хотя соглашался на то, чтобы временно епископскія земли были обращены на удовлетвореніе свѣтскихъ нуждъ. Впослѣдствіи долгій парламентъ назначилъ особый комитетъ для завѣдованія распродажею конфискованныхъ церковныхъ имѣній, но такъ какъ ихъ раскупали плохо,—очевидно, не очень-то довѣряя прочности пріобрѣтенія,—то было рѣшено изъ этого земельнаго фонда удовлетворять армію, которая подолгу не получала жалованья и содержала себя на свой счетъ. Именно офицеры и солдаты могли получать за половинную цѣну и взамѣнъ жалованья земельные участки изъ той части секуляризованной церковной собственности, которой государство не оставляло за собою. Кромѣ церковнаго землевладѣнія, какъ наслѣдія средневѣкового католицизма, реформація удержала въ Англіи и церковную десятину въ видѣ налога на содержаніе духовенства; но *въ эпоху республики происходила сильная агитація и противъ церковной десятины*, ложившейся довольно тяжелымъ бременемъ на землевладѣльцевъ. Впрочемъ, большинство послѣднихъ далеко не раздѣляло стремленія части индепендентовъ — отдѣлить церковь отъ государства и тѣмъ самымъ отмѣнить общій налогъ на содержаніе духовенства. Попытка бербонскаго парламента уничтожить десятину ни къ чему не привела, сторонники же государственной церкви не находили другого способа обезпечить духовенство, какъ сохранивъ въ неприкосновенности старый церковный налогъ.

Наибольшую выгоду получилъ *землевладѣльческій классъ въ эпоху республики отъ уничтоженія феодальныхъ стѣсненій собственности*. Бо́льшая часть земли въ Англіи разсматривалась, какъ ленная

собственность, налагавшая на владѣльца извѣстныя обязанности по отношенію къ королю: при вступленіи во владѣніе собственникъ долженъ былъ платить большую пошлину; для отчужденія хотя бы одного акра нужно было купить особое разрѣшеніе; малолѣтніе наслѣдники попадали подъ королевскую опеку и лишались при этомъ значительной части доходовъ, а наслѣдницы стѣснялись въ своемъ правѣ выходить замужъ за кого хотѣли. Тюдоры и Стюарты охотно вспоминали о своихъ средневѣковыхъ правахъ, которыя, однако, какъ-то начинали выходить изъ употребленія, и, напримѣръ, Карлъ I въ годъ своей коронаціи обложилъ землевладѣльцевъ большимъ выкупомъ въ виду уклоненія большинства отъ принесенія феодальной присяги (hommagium). Агитація въ пользу уравненія имѣній на ленномъ правѣ съ имѣніями свободными началась еще при Іаковѣ I, а въ сороковыхъ годахъ палата общинъ сдѣлала изъ этого вопроса одинъ изъ пунктовъ, о которыхъ велись тогда переговоры съ Карломъ I. Землевладѣльцы стремились покончить съ феодальными отношеніями, стѣснявшими ихъ и съ иной еще стороны. Въ Англіи давно начался процессъ замѣны старыхъ крестьянскихъ „держаній“ феодальной эпохи, т.-е. наслѣдственныхъ арендъ арендою временною, и въ этомъ помѣщикамъ помогали юристы, учившіе, что крестьянскія „держанія“ основаны на обоюдномъ договорѣ, зависящемъ отъ доброй воли сторонъ. Между тѣмъ старая форма землевладѣнія была какъ-бы помѣхою для этого процесса, и землевладѣльцы очень желали полнаго уничтоженія всякихъ стѣсненій, лежавшихъ на поземельной собственности, были ли то права короля, какъ всеобщаго сюзерена, или права населенія на наслѣдственныя держанія. Кромвель, самъ принадлежавшій къ классу сквайровъ, въ 1556 г. объявилъ уравненіе рыцарскихъ и свободныхъ имѣній, вслѣдствіе чего вся поземельная собственность превращалась въ „free and common soccage“, но зато этимъ распоряженіемъ не обезпечивались ни права населенія на надѣлы, ни интересы фермеровъ, дѣлавшихъ улучшенія на арендуемыхъ участкахъ и рисковавшихъ не возвратить соединенныхъ съ этимъ затратъ въ случаѣ невозобновленія контракта. Послѣдній парламентъ Кромвеля санкціонировалъ это его распоряженіе, и оно не погибло въ эпоху реставраціи. Если Карлъ II оставилъ въ полной силѣ только тѣ акты долгаго парламента, которые были утверждены его отцомъ, и никакихъ другихъ нововведеній больше не хотѣлъ признавать, то лишь для акта 1556 г. было имъ сдѣлано исключеніе. Новымъ закономъ (1660 г.), въ изданіи котораго одинаково были заинтересованы и кавалеры, и круглоголовые, онъ отмѣнилъ феодальныя права короны, уничтоживъ и ту палату (court of wards), которая ими завѣдовала. Такимъ образомъ изъ всего законодательства

республики реставраціей былъ удержанъ лишь одинъ актъ, изданный въ исключительныхъ интересахъ землевладѣльческаго класса [1]).

XL. „Вѣкъ Людовика XIV" [2]).

Общій взглядъ на характеръ второй половины XVII в.—«Вѣкъ Людовика XIV».—Эпоха королевскаго абсолютизма. – Внѣшняя политика этого періода.—Развитіе меркантилизма въ «вѣкъ Людовика XIV». — Навигаціонный актъ Кромвеля. — Меркантилизмъ и международныя отношенія. — Кольбертизмъ. — Историческое значеніе Кольбера. — Меркантилизмъ, новое государство и буржуазія. — Культурно-соціальное развитіе новаго времени и Людовикъ XIV.—Людовикъ XIV и «старый порядокъ».

Середина XVII в., эпоха вестфальскаго мира и первой англійской революціи — крайняя грань реформаціоннаго періода западноевропейской исторіи въ новое время,—періода, открывающагося и заключающагося религіозными движеніями въ Германіи и Англіи, съ которыми были соединены бурные политическіе и соціальные перевороты, Времена церковной реформаціи окончились, а времена реформаціи политической и соціальной были еще далеко впереди. Начался новый

[1]) „При реставраціи Стюартовъ землевладѣльцы узаконили ту узурпацію, которая повсюду на континентѣ совершалась безъ всякихъ легальныхъ церемоній. Они уничтожили феодальныя поземельныя учрежденія, т.-е. сбросили съ себя свои обязанности къ государству, „вознаградили" государство налогами на крестьянство и остальной народъ, присвоили себѣ современное право частной собственности на земли, на которыя прежде они имѣли только феодальное право" и т. д. *Марксъ*. Капиталъ.

[2]) По эпохѣ Людовика XIV, кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Франціи и „Французской исторіи въ XVI и XVII вѣкахъ" *Ranke*, а также соч. *A. Thierry*. Essai sur l'histoire et la formation et des progrès du tiers état (главы IX и X), въ исторической литературѣ есть труды *Capefigue'a* (далеко не изъ лучшихъ, чтобы не сказать больше), *Bonnemère'a*, *Gaillardin'a* (съ католической точки зрѣнія), *Philippson'a* (въ Weltgeschichte Онкена, съ очеркомъ исторіи Франціи въ первой половинѣ XVII в. и обзоромъ исторіи другихъ странъ въ вѣкъ Людовика XIV), но ни одно изъ этихъ сочиненій не можетъ быть названо капитальнымъ. На русскомъ языкѣ брошюра *Я. Г. Гуревича* „Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности". Зато отдѣльныя стороны этого царствованія разсмотрѣны въ цѣломъ рядѣ сочиненій. Для государствъ, исторія которыхъ во второй половинѣ XVIII в. нами не излагается, см., кромѣ указывавшихся ранѣе, между прочимъ: *Ch. Weiss*. L'Espagne depuis Phillippe II jusqu'à l'avénement des Bourbons. — *Joh. Mailath*. Gesch. des österreichischen Kaiserstaates. — *W. Coxe*. History of the house of Austria. — *L. v. Ranke*. Genesis des preussischen Staates. — *L. v. Orlich*. Geschichte des preussischen Staates im XVII Jahrhundert. — *Lefèvre Pontalis*. Vingt années de république en parlemantaire au XVII siècle. Jean de Witt, grand pensionnaire de Hollande.

періодъ въ исторіи Западной Европы, — періодъ между окончаніемъ одного сильнаго историческаго движенія и началомъ другого еще болѣе могучаго историческаго движенія, вышедшаго изъ французской революціи 1789 г.: подобно тому, какъ въ международныхъ дѣлахъ порядокъ, установленный вестфальскимъ миромъ, продержался—съ не особенно важными измѣненіями—до французской революціи, такъ и во внутреннихъ отношеніяхъ западныхъ государствъ это было время, когда не происходило въ общемъ ни такой борьбы, какая характеризуетъ XVI и первую половину XVII в., ни такихъ крупныхъ перемѣнъ, которыя совершились въ указанныя полтора столѣтія. Нужно дойти до самаго конца XVIII в., чтобы снова наблюдать въ исторической жизни Запада крупные политическіе перевороты и бурныя общественныя движенія, какими ознаменованы въ исторіи полтора вѣка реформаціоннаго періода, когда и внѣшняя политика была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ внутреннею борьбою, происходившею въ отдѣльныхъ государствахъ. Намъ предстоитъ теперь перейти къ разсмотрѣнію главныхъ явленій новаго періода европейской исторіи, наступившаго послѣ окончанія реформаціонныхъ бурь. Если въ смыслѣ исторіи политическихъ и общественныхъ движеній періодъ этотъ по своей важности уступаетъ одинаково и тому, который ему предшествовалъ, и тому, который за нимъ послѣдовалъ, то въ немъ, съ одной стороны, все-таки происходили значительныя измѣненія въ экономической жизни, а съ другой, совершались перемѣны и въ идеяхъ, сами по себѣ представляющія большой интересъ и получающія еще большій интересъ въ виду новыхъ общественныхъ движеній, которыя пошли впослѣдствіи подъ ихъ знаменемъ Развитіе этихъ идей принадлежитъ главнымъ образомъ уже XVIII вѣку и совершается преимущественно во Франціи, хотя основа такому развитію была положена раньше и прежде всего въ Англіи. Вторая половина XVII столѣтія и въ этомъ отношеніи можетъ не останавливать на себѣ большого вниманія, такъ какъ если въ это время умственная жизнь и дѣлаетъ громадные успѣхи, то все-таки главнымъ образомъ въ области чисто философскаго и научнаго знанія, а не въ сферѣ тѣхъ идей, которыя по самому существу своему могутъ называться идеями общественными. Можно даже сказать, что теоретическая мысль и практическая жизнь въ эту эпоху болѣе или менѣе разъединяются, и развитіе первой, совершаясь какъ бы внѣ вліяній со стороны второй, въ то же время и въ свою очередь мало вліяетъ на эту послѣднюю. Исключеніе нужно сдѣлать лишь для Англіи, гдѣ долго еще не могло улечься броженіе, вызванное первой революціей, и гдѣ возобновленіе политической борьбы, приведшей къ второй революціи (1688), должно было поддерживать развитіе идейной публицистики. Полити-

ческая литература, играющая столь видную роль въ исторіи реформаціоннаго періода и снова начинающая играть роль въ „просвѣщеніи“ XVIII в., на материкѣ Европы во второй половинѣ XVII в. получаетъ характеръ ученаго „государствовѣдѣнія“, стоявшаго довольно далеко отъ жизни. Вмѣстѣ съ этимъ и литература въ болѣе тѣсномъ смыслѣ утрачиваетъ въ эту эпоху общественный характеръ: вторая половина XVII в.—блестящая пора исторіи такъ называемаго „классицизма“ (или ложноклассицизма), индифферентнаго къ окружающей жизни, какъ бы расчитаннаго лишь на то, чтобы быть однимъ изъ украшеній царствованія короля, который далъ свое имя всей этой порѣ. Если такимъ образомъ отъ середины XVII вѣка прошло около полутора столѣтія до политическаго переворота, послужившаго началомъ новѣйшему историческому движенію, и около полувѣка до расцвѣта замѣчательной литературы съ общественнымъ характеромъ въ XVIII столѣтіи и—прибавимъ еще—около вѣка до наступленія того періода, когда представители государственной власти стали проникаться новыми идеями касательно государства и общества, то вторая половина XVII столѣтія вообще представится намъ временемъ, когда въ исторіи Западной Европы, взятой съ самой общей точки зрѣнія, наименѣе пришлось бы отмѣчать новыхъ явленій,—представится временемъ какого-то отдыха послѣ напряженной дѣятельности предъидущихъ полутораста лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была *эпоха, въ которой наименѣе всего можно искать сколько-нибудь замѣтнаго общаго движенія впередъ, но часто, наоборотъ, бываетъ нужнымъ отмѣчать факты, свидѣтельствующіе о застоѣ и даже о возвращеніи вспять.* Вотъ почему и намъ можно ограничиться лишь бѣглымъ очеркомъ этой эпохи, не останавливаясь на подробностяхъ, тѣмъ болѣе, что многое, относящееся къ ней, будетъ нами разсмотрѣно въ связи съ однородными явленіями XVII в. для характеристики такъ называемаго „стараго порядка“ (ancien régime), унесеннаго бурей французской революціи [1]).

Въ исторической литературѣ принято называть указанное время „вѣкомъ Людовика XIV“. Этотъ король вступилъ на престолъ (1643 г.) ребенкомъ, въ то время, когда въ Англіи только-что началась междоусобная война и за три года до вестфальскаго мира, а началъ самостоятельно управлять государствомъ (1661 г.) около года спустя послѣ того, какъ въ Англіи пала индепендентская республика; послѣ этого его царствованіе продолжалось еще 54 года, захвативъ часть XVIII вѣка, въ началѣ котораго вскорѣ послѣ смерти (1715) Людовика XIV уже обнаруживалось новое культурное движеніе, подготовлявшее собою

[1]) См. первый отдѣлъ III тома.

будущія общественныя и политическія движенія. Недаромъ эти полстолѣтія называются „вѣкомъ Людовика XIV“. Внутри Франціи это была пора наибольшаго развитія монархическаго абсолютизма, когда, казалось, вся страна жила жизнью своего „короля-солнца“, вся нація сосредоточивалась въ его особѣ, и государство какъ бы воплощалось въ личности государя (знаменитое „l'état c'est moi“). Извнѣ Франція въ это время занимала такое же господствующее положеніе, какое въ XVI столѣтіи принадлежало Испаніи Карла V и Филиппа II. Это послѣднее государство все болѣе и болѣе падало и въ серединѣ XVII в. уже не могло соперничать съ Франціей. Австрійскіе Габсбурги были тоже обезсилены тридцатилѣтнею войною, которая нанесла страшный ударъ и всей Германіи, разоривъ ее матеріально, убивъ въ ней духовную культуру, окончательно уничтоживъ въ ней всякое подобіе государственнаго единства. Англія, при Кромвелѣ игравшая столь видную политическую роль, въ эпоху реставраціи снова была ослаблена внутреннею политическою борьбою, да и сами два послѣдніе Стюарта искали поддержки Людовика XIV. Оставались Голландія да едва только зарождавшаяся Пруссія. Первая изъ нихъ сдѣлалась душою коалицій противъ завоевательныхъ стремленій Людовика XIV, но только въ концѣ его царствованія Франція дѣйствительно стала терпѣть серьезныя пораженія. Во всякомъ случаѣ, во всей Западной Европѣ ни одно государство не могло сравниться съ Франціей Людовика XIV, и подобно тому, какъ это постоянно бываетъ въ исторіи, первенствующее государство, какимъ она сдѣлалась, стало служить примѣромъ для другихъ правительствъ. Французскій король, въ которомъ трудно найти черту, отдѣляющую европейскаго монарха отъ азіатскаго деспота, сдѣлался предметомъ подражанія для большинства своихъ коронованныхъ современниковъ; въ числѣ государей, воспринимавшихъ его идеи и слѣдовавшихъ его примѣру, были и нѣмецкіе имперскіе князья, только-что получившіе полный земскій суверенитетъ (Landeshoheit). То была вообще эпоха установленія и развитія королевскаго абсолютизма: онъ утверждался и въ нѣмецкихъ княжествахъ, и въ Пруссіи „великаго курфюрста“, и въ Даніи, гдѣ въ 1660 г. онъ ввелъ Фридрихъ III, и въ Швеціи, гдѣ аналогичная попытка не безъ успѣха сдѣлана была Карломъ XI (1660—1697), не говоря уже о странахъ, гдѣ абсолютизмъ былъ введенъ еще ранѣе (Испанія, Португалія, Австрія и др.), такъ что нерѣдко эпоху, начавшуюся послѣ вестфальскаго мира, вообще обозначаютъ, какъ „періодъ абсолютной монархіи“. Мы знаемъ, что однородныя явленія въ исторической жизни разныхъ западно-европейскихъ народовъ получаютъ неодинаковое развитіе въ отдѣльныхъ странахъ, и если дѣйствительно вторая половина XVII вѣка характеризуется

развитіемъ абсолютизма, то нигдѣ именно абсолютизмъ не выразился такъ рельефно, какъ во Франціи Людовика XIV, гдѣ онъ сдѣлался господствующимъ факторомъ исторической жизни. Если мы примемъ все это въ расчетъ—и первенствующую роль Франціи во второй половинѣ XVII в., и особенное развитіе во Франціи той государственной формы, которая въ это время установлялась болѣе или менѣе повсемѣстно, и то, что Людовикъ XIV повсюду находилъ сторонниковъ своей системы, то мы должны будемъ согласиться, что эту эпоху по праву можно назвать „вѣкомъ Людовика XIV“. Довольно характерно вообще, что цѣлую эпоху приходится обозначать только именемъ одного лица: для нея нѣтъ такихъ названій, какъ ренессансъ, реформація, католическая реакція, „просвѣщеніе“, „просвѣщенный абсолютизмъ“, такъ какъ эта *эпоха не создала никакого новаго принципа, который далъ бы ей имя*: ей нельзя дать названіе періода абсолютизма, потому что послѣдній и начинается задолго до средины XVII вѣка, и кончается много спустя послѣ начала XVIII столѣтія. Отсутствіе какого-либо принципа, который давалъ бы внутренній смыслъ эпохѣ, выразилось и въ области внѣшней политики: въ самомъ дѣлѣ, если въ періодъ реформаціи и католической реакціи международныя отношенія опредѣлялись не одними интересами, но и принципами, то въ періодъ, наступившій послѣ вестфальскаго мира и смерти Кромвеля, союзы и войны государствъ утратили какое бы то ни было принципіальное отношеніе къ внутреннимъ вопросамъ: война и миръ были болѣе или менѣе личнымъ дѣломъ королей, и внѣшняя исторія утрачиваетъ поэтому тотъ интересъ, какой она имѣла раньше, въ эпоху борьбы католицизма съ протестантизмомъ или получила позднѣе, въ эпоху французской революціи. Конечно, внѣшняя политика Людовика XIV весьма характеристична для его царствованія, но ея подробности могутъ быть опущены безъ ущерба для пониманія той внутренней исторіи, которой главнымъ образомъ посвящена настоящая книга. Только вторая англійская революція стоитъ еще въ связи съ исторіей международныхъ отношеній въ „вѣкъ Людовика XIV“. Впрочемъ, разсуждая такъ, мы не имѣли въ виду коммерческихъ интересовъ, которымъ суждено было играть видную роль въ вопросахъ войны и мира уже и въ эту эпоху.

Здѣсь вообще будетъ у мѣста указать на то, что „вѣкъ Людовика XIV“ *былъ временемъ наибольшаго развитія такъ называемаго меркантилизма*. Къ серединѣ XVII столѣтія экономическая политика, носящая это названіе, сдѣлалась господствующею и стала вліять не только на внутреннюю хозяйственную жизнь, но и на международныя отношенія, не только проводилась на практикѣ, но

и нашла теоретическихъ проповѣдниковъ [1]). Главнымъ ея представителемъ въ это время былъ министръ Людовика XIV Кольберъ, система котораго нашла многочисленныхъ подражателей и въ другихъ государствахъ.

Не нужно, однако, думать, что исключительно Францiя влiяла своимъ примѣромъ на развитiе меркантилизма: одинаковыя причины порождали одинаковыя слѣдствiя, и подобно тому, какъ абсолютизмъ утверждался повсемѣстно,—не потому, что Людовикъ XIV показывалъ примѣръ,—и подобно тому, какъ его система была лишь наиболѣе яркимъ проявленiемъ того, что совершалось въ политической жизни почти всѣхъ западноевропейскихъ странъ, такъ и меркантилизмъ вытекалъ изъ однородныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ государствахъ: примѣръ Кольбера, которому, дѣйствительно, сильно подражали, былъ равнымъ образомъ опять-таки лишь особенно рельефнымъ проявленiемъ того, что дѣлалось или начинало дѣлаться въ экономической жизни и другихъ странъ. Между прочимъ, на развитiе меркантилизма повлiяла и Англiя XVII в. Въ этой странѣ начиналось развитiе торговой дѣятельности, и уже съ конца XVI столѣтiя здѣсь стали появляться трактаты, написанные въ меркантилистическомъ духѣ („Краткое изложенiе жалобъ нашихъ соотечественниковъ“ Страффорда въ 1581 г.), но особенно важное значенiе имѣлъ здѣсь навигацiонный актъ Кромвеля, о которомъ уже пришлось упомянуть выше. Содержанiе этого акта, силою навязаннаго Кромвелемъ Голландiи, заключалось въ слѣдующемъ: лишь англичане на судахъ метрополiи или колонiй имѣли право привозить въ колонiи или вывозить оттуда какiе бы то ни было товары; занятiе промышленностью и торговлею въ колонiяхъ было запрещено лицамъ, не состоявшимъ въ англiйскомъ подданствѣ; въ Англiю всѣ товары должны были ввозиться лишь на корабляхъ тѣхъ странъ, гдѣ товары эти производились; изъ англiйскихъ колонiй всѣ вывозимые оттуда продукты не могли быть отправляемы куда-либо, помимо метрополiи. Это постановленiе наносило сильный ударъ голландской торговлѣ, такъ какъ Голландiя имѣла большой коммерческiй флотъ и занималась преимущественно посредничествомъ между разными странами, обмѣнивавшими между собою свои продукты. Голландiя еще сильнѣе почувствовала причиненный ей вредъ, когда въ началѣ царствованiя Карла II навигацiонный актъ былъ дополненъ новымъ распоряженiемъ, по которому и въ англiйскiя колонiи чужiе товары могли ввозиться лишь черезъ Англiю и на судахъ, выстроенныхъ въ Англiи.

---

[1]) Напр., Thomas Mun, въ первой половинѣ XVII в., о которомъ см. къ книгѣ *проф. И. И. Янжула* „Англiйская свободная торговля“.

Англійскій навигаціонный актъ открываетъ собою новую эпоху въ исторіи международнаго соперничества. Цѣли экономической политики остаются попрежнему меркантилистическія — добываніе денегъ и привлеченіе ихъ въ страну изъ-за границы, но старая политика Испаніи, смотрѣвшей на свои заморскія колоніи лишь какъ на мѣста, откуда привозится много золота и серебра, замѣняется теперь другою системою, состоявшею въ томъ, чтобы привозить изъ колоній какъ можно болѣе товаровъ, по самой дешевой цѣнѣ и на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ сравнительно съ другими странами. На материкѣ Европы еще въ первую половину XVII в. держались правила привлекать деньги въ страну, но отнюдь не вывозить ихъ изъ страны. Англія одною изъ первыхъ отступила отъ этого правила, и ея практика доказала, что есть извѣстная выгода прямо вывозить изъ страны деньги для закупки заморскихъ товаровъ, которые потомъ съ барышемъ можно было бы перепродавать въ другихъ европейскихъ государствахъ. Весьма естественно, что послѣ этого всѣ заботы правительствъ въ дѣлѣ обогащенія внѣшнею торговлею были направлены къ тому, чтобы монополизировать коммерческія сношенія съ колоніями посредствомъ запрещенія вывоза изъ нихъ продуктовъ въ чужія страны и запрещенія ввоза товаровъ вообще не изъ метрополіи. Таково было и *значеніе Кромвелева навигаціоннаго акта въ исторіи меркантилистической политики*. Изъ указанной перемѣны мало-по-малу выработалась система торговаго баланса, по которой наибольшую выгоду страна могла извлекать изъ торговли, лишь увеличивая какъ можно болѣе вывозъ своихъ произведеній и сокращая по мѣрѣ возможности ввозъ чужихъ, причемъ государство весьма естественно должно было особенно поощрять производство такихъ издѣлій, какъ мануфактурныя, вслѣдствіе ихъ большей дороговизны сравнительно съ продуктами сельскаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе ихъ болѣе легкой перевозки. Отсюда — развитіе такихъ правительственныхъ мѣропріятій, каковы запрещеніе вывоза и ввоза опредѣленныхъ товаровъ, введеніе высокихъ пошлинъ на ввозимые товары, поощреніе преміями вывоза изъ страны ея продуктовъ и т. п.; всѣ подобныя мѣропріятія равнымъ образомъ получали характеръ боевыхъ средствъ въ той промышленной борьбѣ между отдѣльными государствами, которая начинаетъ сильно усложнять международныя отношенія. Уже во второй половинѣ XVI столѣтія, напримѣръ, Англія и Ганза находились въ борьбѣ, установляя другъ противъ друга высокія пошлины; но съ особою силою возгорѣлась таможенная война между отдѣльными государствами только съ середины XVII столѣтія. Между прочимъ, та самая Голландія, которая пострадала отъ навигаціоннаго акта Кромвеля, вскорѣ испытала на себѣ и результаты враждебной

политики Франціи, когда Кольберъ установилъ противъ ввоза голландскихъ товаровъ во Францію весьма высокій тарифъ.

Запретительная политика меркантилизма по отношенію къ промышленности чужихъ странъ дополнялась покровительственною по отношенію къ собственной промышленности. Переманивали, напримѣръ, изъ-за границы искусныхъ мастеровъ, и уничтоженіе Людовикомъ XIV нантскаго эдикта, заставившее массу промышленнаго люда выселиться изъ Франціи, весьма сильно содѣйствовало основанію новыхъ мануфактуръ въ Голландіи, въ Англіи и въ Германіи. Правительства заботились также о созданіи дешеваго труда, что достигалось мѣрами двоякаго рода: запрещали вывозить хлѣбъ или совсѣмъ, или при извѣстной на него цѣнѣ, дабы поддерживать его дешевизну и тѣмъ способствовать пониженію рабочей платы, а кромѣ того, регламентировали въ пользу предпринимателей и другія условія труда, напримѣръ, установляя нормальныя таксы или крайне затрудняя оставленіе рабочими ихъ мѣстъ. Все это должно было значительно облегчать для капиталистовъ веденіе мануфактурныхъ предпріятій. Правительства, впрочемъ, и иными способами оказывали имъ всякаго рода поощренія, установляя привилегіи и монополіи, раздавая безпроцентныя ссуды и субсидіи, учреждая акціонерныя компаніи, стараясь заключать выгодные торговые трактаты съ сосѣдними государствами, заботясь о сбытѣ продуктовъ въ самой странѣ, покровительствуя роскоши придворныхъ и т. п., хотя въ то же время они устанавливали и самую мелочную опеку надъ промышленностью, вполнѣ гармонировавшею съ общимъ характеромъ государства, которое охотно вмѣшивалось теперь во всѣ отправленія народной жизни. Все это практиковалось и раньше середины XVII в. и, между прочимъ, въ Англіи, но нигдѣ и никогда отдѣльныя мѣропріятія подобнаго рода не были соединяемы въ такую цѣльную и стройную систему, какъ во Франціи въ первый періодъ царствованія Людовика XIV, когда во внутреннемъ управленіи первую роль игралъ Кольберъ, завѣдовавшій финансами, промышленностью, торговлею и колоніями, путями сообщенія и флотомъ. Именно его система, въ которой самымъ рельефнымъ образомъ выразились основныя черты меркантилизма, сдѣлалась предметомъ для подражанія въ другихъ странахъ, уже раньше вступившихъ на путь меркантилистической политики: не даромъ и самая система иногда зовется „кольбертизмомъ", хотя неправильно было бы въ кольбертизмѣ видѣть весь меркантилизмъ и полагать, что лишь Кольберъ и былъ творцомъ послѣдняго. Такъ же несправедливо было бы отожествлять вообще абсолютизмъ съ системою Людовика XIV и приписывать этому королю самое установленіе абсолютизма.

Кольберъ оказалъ Франціи весьма большія услуги. Между прочимъ, та роль, какую Франція стала играть въ международной политикѣ, сдѣлалась возможною лишь благодаря тому, что этотъ замѣчательный министръ улучшилъ разстроенные финансы, увеличивъ доходы казны, возстановивъ равновѣсіе въ бюджетѣ, уничтоживъ многія злоупотребленія и на время облегчивъ для народной массы тяжесть налоговъ. До Кольбера Франція была исключительно страною земледѣльческою; покровительственная политика этого министра создала въ ней мануфактуры. Правда, сначала это были лишь искусственныя насажденія правительства, но мало-по-малу они пустили глубокіе корни въ экономической жизни страны. Въ духѣ вообще меркантилистической политики Кольберомъ созданы были и компаніи для заграничной торговли, устроенъ большой коммерческій флотъ (и военный для его охраны), заведены новыя колоніи. Но у кольбертизма была и отрицательная сторона. Отъ покровительства предпочтительно одной обрабатывающей промышленности страдали интересы земледѣлія и притомъ до такой степени, что впослѣдствіи составилось даже представленіе, будто Кольберъ умышленно давилъ сельское хозяйство. На самомъ дѣлѣ послѣдняго не было. Въ числѣ распоряженій Кольбера было не мало такихъ, которыя прямо были расчитаны на поощреніе земледѣлію и скотоводству и на облегченіе положенія сельскихъ жителей; но общая его экономическая политика, дѣйствительно, была неблагопріятна для развитія сельскаго хозяйства и народнаго благосостоянія. Запрещеніе вывозить хлѣбъ за границу, привилегіи, дававшіяся всякому, кто только принималъ какое-либо участіе въ мануфактурахъ, и другія подобныя мѣры дѣлали невыгоднымъ занятіе хлѣбопашествомъ, а потому отвлекали отъ него капиталы къ промышленности и т. д. Въ самой промышленности поощреніе крупнымъ фабрикамъ наносило ударъ основнымъ принципамъ цеховой организаціи. Ссуды и субсидіи, выдававшіяся предпринимателямъ, ложились тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ и на плательщиковъ налоговъ. Хотя Кольберъ и уменьшилъ значительно размѣръ таліи, падавшей главнымъ образомъ на крестьянъ, но при немъ страшно возросли остальные налоги, особенно косвенные, сторонникомъ которыхъ онъ былъ, такъ какъ ими привлекались къ платежу и привилегированные. Дорого обходились государству и другія предпріятія Кольбера — пути сообщенія (каналы, дороги, мосты), морское дѣло (гавани, верфи и флотъ), новыя колоніи. Не нужно забывать и того, что у своего министра финансовъ постоянно требовалъ денегъ самъ Людовикъ XIV на свой роскошный дворъ, на свои предпріятія въ области внѣшней политики. Франція должна была напрягать всѣ свои силы, но силы эти истощались, и

все величіе царствованія Людовика XIV, весь внѣшній блескъ куплены были цѣною народнаго обнищанія, въ которомъ многіе даже прямо винили Кольбера. Министру финансовъ славолюбиваго короля приходилось изворачиваться всевозможными способами, и несмотря на то, что онъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы удовлетворить короля, въ послѣдніе годы онъ былъ все-таки въ немилости. Вотъ какъ возрастали расходы государства при Кольберѣ: въ 1672 г. 88 м. ливровъ, въ 1679 г.—131 м., въ 1681 г.—141 м., въ 1682 г.—200 м. Въ годъ смерти Кольбера (1683) дефицитъ, однако, снова образовавшійся въ бюджетѣ, не превышалъ 7 милліоновъ[1]).

Со смертью Кольбера *прекращается органическая работа французской монархіи:* столѣтіе, протекшее отъ этого момента до начала великой революціи, было временемъ не дальнѣйшаго устроенія, а, наоборотъ, разстройства государства, и то, что въ жизни Франціи совершалось новаго, происходило не только безъ содѣйствія правительства, но даже вопреки ему и противъ него. Кольберъ былъ великимъ почитателемъ Ришелье, что вызывало даже шутки со стороны Людовика XIV. Они—и Ришелье, и Кольберъ—строили новое государство и новое общество, одинъ—въ сферѣ политической, другой—въ области экономической. Это была пора, когда *на смѣну военному обществу среднихъ вѣковъ приходило промышленное общество новаго времени:* меркантилизмъ, выдвинувшій на первый планъ заботу объ экономическихъ интересахъ, — какъ бы узко и исключительно онъ ихъ ни понималъ, — является полною противоположностью всѣмъ феодальнымъ традиціямъ европейскаго общества. При Кольберѣ органическая работа французской монархіи принимаетъ характеръ меркантилистическій: государство, пріобрѣтающее теперь такую силу, какой оно раньше не имѣло, когда съ нимъ соперничали феодализмъ и католицизмъ (послѣдній, какъ политическая система), пользуется теперь своею силою для созданія національнаго богатства, какъ его тогда понимали, и въ этомъ заключался одинъ изъ главнѣйшихъ фактовъ соціальной исторіи новаго времени. Если средневѣковой католицизмъ создалъ соціальную мощь духовенства, если феодализмъ былъ опорою соціальной силы дворянства, то *новое государство, вступившее на путь меркантилистической политики, не мало*

---

[1]) Указываемъ здѣсь на сочиненія по исторіи внутренняго управленія вообще въ царствованіе Людовика XIV: *P. Clément.* Le gouvernement de Louis XIV. *Его же.* La police sous Louis XIV.—*A. Chéruel.* De l'administration de Louis XIV.—*Ravaisson.* Les archives de la Bastille.—*Clamageran.* Histoire de l'impôt en France.—*Depping.* Correspondance administrative sous Louis XIV (документы съ введеніями).—*Eug. Sue.* Histoire de la marine sous Louis XIV.—*Pauliat.* Louis XIV et la compagnie des Indes.

содѣйствовало подъему промышленно-торговыхъ классовъ общества, или, вѣрнѣе говоря, буржуазіи, соціальное значеніе которой основывается на капиталѣ. Въ общественномъ отношеніи „кольбертизмъ“, какъ наиболѣе рельефное выраженіе меркантилизма, былъ направленіемъ, весьма благопріятнымъ именно для развитія средняго сословія, и совершенно въ томъ же самомъ смыслѣ дѣйствовалъ и англійскій меркантилизмъ, однимъ изъ видныхъ представителей котораго былъ Кромвель. Разъ старый военный типъ общества начиналъ уступать мѣсто типу промышленному (хотя обоимъ пришлось, такъ сказать, проникаться другъ другомъ), и разъ государство брало подъ свою особую защиту индустріальныя и коммерческія предпріятія, разница политическихъ формъ не оказывала никакого вліянія на экономическую систему, которой слѣдовали государственные люди Англіи и Франціи. Только во Франціи, — нужно замѣтить, лишь гораздо позднѣе, чѣмъ въ Англіи,—буржуазія достигла того значенія, какое она получила въ этой послѣдней благодаря не только экономическимъ, но и соціально-политическимъ условіямъ.

Смотря съ только-что установленной точки зрѣнія на новый періодъ, въ который вступила Западная Европа въ XVII в., мы можемъ сказать, что „вѣкъ Людовика XIV“ былъ какъ бы задержкою въ ея развитіи. Людовикъ XIV былъ наслѣдникомъ власти, консолидированной Ришелье, но не былъ преемникомъ его государственной идеи: на мѣсто отвлеченнаго государства, которому служилъ кардиналъ, онъ поставилъ свое личное *я*. Органическая работа монархіи прекращается со смертью Кольбера, потому что самого Людовика XIV занимаютъ прежде всего военная слава и завоеванія, шедшія, конечно, въ разрѣзъ съ интересами промышленнаго развитія. Можно сказать, что Людовикъ XIV пользуется властью, созданною Ришелье, и средствами, данными ему Кольберомъ, совсѣмъ не раздѣляя ихъ стремленій. Оба эти министра стояли на точкѣ зрѣнія вѣротерпимости, а Людовикъ XIV уничтожилъ нантскій эдиктъ (черезъ два года по смерти Кольбера) и сталъ преслѣдовать протестантовъ. Это было уже прямо возвращеніемъ къ системѣ Филиппа II Испанскаго послѣ того, какъ не только въ самой Франціи, но и въ другихъ мѣстахъ (вспомнимъ вестфальскій миръ и вѣротерпимость въ эпоху англійской республики) пришли къ сознанію необходимости терпѣть иновѣріе. Если въ чемъ-либо и можно сравнить внѣшнюю политику этого періода съ эпохою борьбы католицизма съ протестантизмомъ, то именно по отношенію къ указанному вопросу: Людовикъ XIV возобновилъ стремленія Карла V къ всемірной монархіи и Филиппа II къ реставраціи католицизма, а вторая англійская революція, совершившаяся какъ „въ защиту протестантизма и свободы“, такъ и въ

связи съ ходомъ тогдашней международной политики, напомнила старую борьбу двухъ направленій, раздѣлявшихъ всю Европу. Сама французская монархія выросла въ политической борьбѣ съ католическою церковью (впрочемъ, и самому Людовику XIV пришлось столкнуться съ папою), но, уничтожая нантскій эдиктъ, королевская власть во Франціи прямо отступалась отъ того, что̀ съ такимъ трудомъ выработало новое время, и какъ бы возвращалась къ среднимъ вѣкамъ. Другою основою средневѣковой жизни былъ феодализмъ: и съ нимъ боролась французская монархія, но борьба остановилась въ тотъ моментъ, когда политическая сторона феодальнаго строя была сокрушена. При Людовикѣ XIV феодальная аристократія окончательно превратилась въ придворную знать, но именно королевскій дворъ, который сталъ какъ бы центромъ національной жизни, и для котораго Людовикъ XIV основалъ даже новый городъ, и сдѣлался убѣжищемъ, гдѣ въ союзѣ съ королевскою властью искала спасенія соціальная сторона феодализма. Понятно, что „вѣкъ“ короля, мечтавшаго о военной славѣ въ эпоху промышленныхъ стремленій,—короля, уничтожавшаго вѣротерпимость послѣ того, какъ самые крупные государственные люди признали ее за политическую необходимость (Ришелье) и даже за неотъемлемое право личности (Кромвель), наконецъ, короля, поддерживавшаго соціальную сторону феодализма послѣ полнаго крушенія его политическаго значенія, *можетъ разсматриваться, какъ „вѣкъ“ задержки въ культурно-соціальномъ развитіи Западной Европы*. Другія большія государства Западной Европы, кромѣ Англіи, во всѣхъ отношеніяхъ были по сравненію съ Франціей Людовика XIV странами отсталыми, но если Франція была впереди всѣхъ, а въ ней самой господствовала система, бывшая отрицаніемъ всего выработаннаго предыдущимъ историческимъ развитіемъ, то это только вообще характеризуетъ тогдашнее историческое положеніе. А между тѣмъ „вѣкъ Людовика XIV“ окруженъ ореоломъ блеска, кромѣ военной славы и пышныхъ празднествъ Версаля, благодаря еще процвѣтанію изящной литературы, искусства, отчасти и науки. Но умственная и художественная дѣятельность, которую королевское меценатство лишало самостоятельности и независимости, перестала играть роль живой общественной силы.

XLI. Характеръ, идеи и политическое поведеніе Людовика XIV [1]).

Людовикъ XIV и люди, его окружавшіе. — Двѣ разныя эпохи въ царствованіи Людовика XIV. — Ришелье и Людовикъ XIV. — Личный характеръ Людовика XIV. — Его политическія идеи. — Боссюэтъ и сервилизмъ окружавшей Людовика XIV среды. — Обращеніе Людовика XIV съ людьми и придворный бытъ. — Значеніе этого быта въ политической и соціальной исторіи Франціи.

Мы можемъ говорить о господствѣ того или другого принципа въ исторической жизни, когда, съ одной стороны, онъ или не встрѣчаетъ никакой оппозиціи въ обществѣ, или когда эта оппозиція по своей слабости не имѣетъ практическаго значенія и потому легко подавляется, и когда, съ другой стороны, наиболѣе выдающіеся дѣятели эпохи служатъ этому принципу, являясь или прямыми его представителями, или дѣйствуя въ одномъ съ нимъ направленіи. Людовикъ XIV былъ счастливъ въ обоихъ отношеніяхъ: *оппозиціонные элементы какъ бы совсѣмъ исчезли изъ Франціи*, которая, наоборотъ, скорѣе увлекалась своимъ королемъ, любя въ немъ, по вѣрному замѣчанію венеціанскихъ посланниковъ, самоё себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти *все, что выдвигалось по таланту и энергіи надъ общимъ уровнемъ французскаго общества, содѣйствовало утвержденію принциповъ самого Людовика XIV* (особенно въ первую, лучшую половину царствованія, которая совпадаетъ съ временемъ Кольбера). Вообще, однако, въ долгомъ царствованіи Людовика XIV нужно различать двѣ разныя эпохи: одну—ближе къ началу, время успѣховъ системы и во внутреннихъ начинаніяхъ, и во внѣшнихъ дѣлахъ, и другую—ближе къ концу, періодъ разложенія и пораженій. Въ эту вторую эпоху уже раздаются оппозиціонныя ноты, старые дѣятели, прославившіе первую половину царствованія, одинъ за другимъ сходятъ со сцены; новыхъ людей, которые могли бы ихъ замѣнить, не является,

---

[1]) Во французской исторической литературѣ существуетъ масса монографій объ отдѣльныхъ выдающихся (или просто извѣстныхъ) личностяхъ эпохи, каковы труды *Chéruel'я* (о суперъ-интендантѣ финансовъ Фуке, попавшемъ подъ судъ въ самомъ началѣ самостоятельнаго правленія Людовика XIV и о герцогѣ С. Симонѣ, оставившемъ мемуары о царствованіи Людовика XIV), *Clément* и *Neymarck* (о Кольберѣ), *Rousset* (о военномъ министрѣ Лувуа), *A. Houssaye* (о г-жахъ ла-Вальеръ и Монтеспанъ, которымъ посвящены еще работы *Clement* и *Lair'a*), *Réaume* (о Боссюэтѣ), *duc de Noailles* и *Geffroy* (о г-жѣ де-Ментенонъ), *Michel'я* и *Ambert'a* (о маршалѣ Вобанѣ), *Valfrey* (о Ліоннѣ), *Feugère* (о Бурдалу), *Roy* (о Тюреннѣ), *Baschet* (о Сенъ-Симонѣ), *L. Guerrier* (о г-жѣ Гюйонъ, представительницѣ такъ называемаго квіетизма), *de Broglie* (о Фенелонѣ) и др.

да и самъ король отталкиваетъ отъ себя все, что было выше посредственности, и даже особенно покровительствуетъ всякимъ бездарностямъ. Нужно имѣть въ виду, что Людовикъ XIV нашелъ, такъ сказать, уже совсѣмъ готовыми тѣхъ людей, которымъ суждено было помогать ему или прославлять его царствованіе; въ 1661 г., когда самому королю шелъ только двадцать третій годъ, Кольберу было уже сорокъ два года, Боссюэту—тридцать четыре, принцу Конде—сорокъ, Тюренну — пятьдесятъ, Вобану—двадцать восемь, изъ писателей „классическаго" періода — Корнелю—пятьдесятъ пять, Мольеру и Лафонтену около сорока и т. п.; другіе дѣятели, какъ Лувуа, Расинъ и Буало, было сверстниками Людовика XIV, т.-е. выросли и воспитались также въ предыдущую эпоху, и лишь очень немногіе дѣятели, стяжавшіе славное имя (напр., Фенелонъ), были еще ребятами въ то время, когда Людовикъ XIV вступилъ въ управленіе Франціей. Достигши самъ семидесятисемилѣтняго возраста, король пережилъ всѣхъ знаменитыхъ своихъ современниковъ. Въ концѣ царствованія онъ не имѣлъ уже болѣе выдающихся совѣтниковъ и помощниковъ и не оставилъ своему преемнику сколько-нибудь способныхъ людей, если не считать родившихся въ эту эпоху корифеевъ оппозиціонной литературы XVIII вѣка—Монтескье (род. въ 1689) и Вольтера (род. 1694). И въ другомъ отношеніи обѣ половины царствованія Людовика XIV рѣзко отличаются одна отъ другой. Смуты фронды заставили Францію искать внутренняго мира и порядка, которые могли быть обезпечены только крѣпкою властью: страна шла навстрѣчу своему молодому королю, оказавшемуся энергичнымъ, дѣятельнымъ и трудолюбивымъ монархомъ; лучшіе люди націи приходили къ нему на помощь, и органическая работа государства, прерванная безпорядками фронды, возобновилась съ новою силою, когда одновременно предприняты были и устраненіе разныхъ золъ общественной жизни, происходившихъ отъ безнаказанности вельможъ [1]), отъ произвола и хищенія чиновничества и т. п., и введеніе преобразованій въ разныхъ частяхъ управленія. Все это дѣлалось, однако, не по иниціативѣ короля, который только-что вступалъ въ жизнь, все это было предпринято людьми старше его годами,—людьми, вышедшими изъ школы Ришелье и Мазарини; послѣдній, напримѣръ, умирая, сказалъ молодому королю, что оставляетъ ему въ наслѣдство послѣ себя Кольбера, а Кольберъ, какъ было сказано, былъ проникнутъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ Ришелье; у самого же Людовика XIV Кольберъ впослѣдствіи впалъ въ немилость, подобно тому, какъ это случилось и съ Расиномъ, и съ Фенелономъ, и съ Вобаномъ.

---

[1]) *Fléchier* (1632—1710). Les grands jours d'Auvergne.

Людовикъ XIV даже прямо отдалялъ отъ себя людей, проявлявшихъ самостоятельный характеръ, предпочитая имъ угодливыхъ куртизановъ, съ которыми, однако, было мудрено продолжать начатую работу. Впрочемъ, и не къ такой работѣ лежало сердце Людовика XIV: его увлекали военная слава, расширеніе границъ государства, первенствующая роль въ Европѣ, а внутри страны онъ добивался только одного—безпрекословнаго повиновенія королевской волѣ, подавленія всего, что̀ имѣло хотя бы лишь отдаленный намекъ на оппозиціонный характеръ. На смѣну замѣчательнымъ дѣятелямъ первой половины царствованія пришли люди во вкусѣ Людовика XIV, часто настоящія бездарности въ родѣ Шамильяра, которому въ началѣ войны за испанское наслѣдство король передалъ все, чѣмъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ завѣдовалъ Кольберъ (и даже Лувуа), или въ родѣ Вильруа, одного изъ самыхъ неудачныхъ вождей арміи въ названной войнѣ. Военныя предпріятія, страшная роскошь двора и дурное управленіе матеріально разоряли страну, а внутренній деспотизмъ убивалъ всякую общественную самодѣятельность. Старымъ традиціямъ, которыми жила Франція, уже нанесенъ былъ сильный ударъ кардиналомъ Ришелье, но онъ все-таки противополагалъ имъ извѣстную идею, идею государства, какъ ни была она одностороння. Людовикъ XIV окончательно добилъ старыя традиціи, но какъ бы только для того, чтобы замѣнить и самыя эти традиціи, и государственную идею Ришелье культомъ собственной власти, „на обоготвореніе которой онъ потратилъ все свое царствованіе“. Въ самомъ дѣлѣ, *по мысли знаменитаго кардинала все должно было склониться передъ государствомъ, по мысли Людовика XIV государствомъ была его собственная особа:* хотя подлинность знаменитаго „l'état c'est moi“ и подвергается сильному сомнѣнію, тѣмъ не менѣе это изреченіе вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ собственнымъ заявленіямъ Людовика XIV и въ особенности всему его поведенію. XVII вѣкъ создалъ своего рода культъ государства, наиболѣе видными представителями котораго были въ области практики Ришелье, въ области теоріи Гоббзъ, но у Людовика XIV было слишкомъ много эгоизма, чтобы подчинить и себя служенію государственной идеѣ: въ этомъ отношеніи у него было очень мало общаго и съ Петромъ Великимъ, написавшимъ извѣстныя слова во время прутскаго похода о своемъ отношеніи къ Россіи, и съ Фридрихомъ II, который называлъ себя „первымъ слугою государства“. Въ политической литературѣ XVII в., благопріятной для абсолютизма, было, собственно говоря, двѣ идеи: одна ставила впереди всего государственную цѣль, для достиженія которой требовалось всемогущество власти, тогда какъ другая исходила уже изъ представленія о всемогуществѣ этой власти, ставя на задній

планъ вопросъ о цѣли, ради которой власть должна была существовать, и выдвигая, напротивъ того, впередъ теологическія объясненія, выводившія безусловныя права этой власти изъ ея божественнаго происхожденія. На первой точкѣ зрѣнія стояли Гоббзъ и отчасти Ришелье, на второй — епископъ города Мо Боссюэтъ, написавшій „Политику, извлеченную изъ св. писанія“, и англичанинъ Фильмеръ, авторъ „Патріарха или естественной власти королей“: Людовикъ XIV примыкалъ именно ко второму взгляду, и ему казалось, что не онъ долженъ служить государству, а наоборотъ, государство—ему.

Людовику XIV нельзя отказать въ качествахъ, необходимыхъ для хорошаго правителя государства. Конечно, онъ не былъ геніемъ ни на какомъ поприщѣ государственной жизни, и ни къ кому изъ тѣхъ, кого называли „великимъ“ (Louis le Grand), не подходитъ столь мало этотъ титулъ, какъ къ нему, но онъ не былъ лишенъ ни здраваго смысла, ни хорошей памяти, ни сильной воли, ни умѣнія внушать къ себѣ уваженіе, хотя, съ другой стороны, его умъ былъ не творческій, и во всякомъ случаѣ въ своемъ политическомъ поведеніи онъ обнаружилъ гораздо болѣе силу своего характера, чѣмъ свои умственныя способности, — именно въ прямолинейности, вообще отличающей людей, у которыхъ воля оказывается гораздо болѣе сильною, чѣмъ умъ. Людовикъ XIV былъ, кромѣ того, человѣкомъ дѣятельнымъ и трудолюбивымъ, но цѣли, которыя онъ себѣ ставилъ, были крайне себялюбивыя. Это была натура, цѣликомъ сотканная изъ властолюбія и гордости съ примѣсью страсти къ пышности, льстившей его чванству, когда онъ былъ помоложе, и ханжества подъ старость, когда его существомъ овладѣла забота о спасеніи души. Однимъ словомъ, это былъ великій эгоистъ, не умѣвшій и не могшій сочетать личное честолюбіе съ служеніемъ какой-либо идеѣ. Людовикъ XIV поэтому былъ проникнутъ сознаніемъ своихъ правъ, но въ немъ слабо было развито сознаніе своего долга, своей отвѣтственности передъ страной, передъ потомствомъ. Въ самомъ юномъ возрастѣ онъ былъ свидѣтелемъ смутъ фронды, униженія королевскаго достоинства, понимавшагося имъ весьма высоко еще тогда, когда еще онъ былъ чуть не ребенкомъ, и изъ этой поры своей жизни онъ вынесъ самую глубокую ненависть ко всему, что такъ или иначе могло бы ограничить его личное право. Англійская революція также не прошла безслѣдно для образованія его политическихъ воззрѣній, и онъ сдѣлался принципіальнымъ противникомъ народнаго представительства. Онъ и вообще не хотѣлъ дѣлиться властью съ кѣмъ бы то ни было: около 1661 г. онъ начиналъ уже тяготиться и опекою самого Мазарини, которому былъ такъ много обязанъ, и потому, когда, по смерти кардинала, молодого короля

спросили, кому онъ прикажетъ докладывать дѣла, онъ объявилъ, что отнынѣ онъ самъ будетъ лично всѣмъ завѣдовать. И онъ, дѣйствительно, не допускалъ впослѣдствіи, чтобы кто-либо игралъ при немъ сколько-нибудь самостоятельную роль. Въ самомъ началѣ своего личнаго правленія онъ смѣнилъ главноуправляющаго финансами Николая Фуке, считая его прямо опаснымъ для своей власти, уничтожилъ должность перваго министра, занимавшуюся прежде Ришелье и Мазарини, и назначилъ министрами новыхъ людей, которые, въ сущности, были лишь его секретарями или приказчиками (commis du roi).

Людовикъ XIV самъ помогъ историкамъ проникнуть въ его внутренній міръ. Именно онъ оставилъ записки (mémoires), въ которыхъ, желая оставить наставленіе своему преемнику, онъ излагаетъ свое политическое міросозерцаніе и свой взглядъ на прошлое Франціи и на современныя событія [1]). Здѣсь мы находимъ цѣлую теорію абсолютизма. „Франція, писалъ онъ, есть монархія; король представляетъ въ ней всю націю, и передъ королемъ каждый—только отдѣльная личность. Поэтому вся власть, вся сила сосредоточена въ рукахъ короля, и въ королевствѣ не можетъ существовать иной власти, кромѣ той, которую онъ установляетъ. Будьте господиномъ, совѣтуетъ онъ своему сыну, выслушивайте своихъ совѣтниковъ, но рѣшайте сами. Богъ, поставившій васъ королемъ, просвѣтитъ вашъ умъ въ необходимыхъ случаяхъ, насколько намѣренія ваши будутъ хороши“... „Въ государствѣ, въ которомъ вы должны послѣ меня царствовать, писалъ онъ еще, вы не найдете власти, которая бы не гордилась тѣмъ, что отъ васъ она истекаетъ и лишь потому имѣетъ значеніе“. Равнымъ образомъ въ курсѣ государственнаго права для герцога Бургундскаго (его внука) Людовикъ XIV велѣлъ написать слѣдующее: „Нація во Франціи не составляетъ тѣла (ne fait pas corps); она цѣликомъ заключается (réside tout entière) въ особѣ короля“. Понятно послѣ этого, что Сенъ-Симонъ имѣлъ полное право въ своихъ мемуарахъ сказать о Людовикѣ XIV, что „абсолютный безъ возраженія этотъ король уничтожилъ и искоренилъ до послѣднихъ слѣдовъ, до самыхъ идей, до остатковъ воспоминанія всякую другую силу, всякую другую власть во Франціи, кромѣ тѣхъ, которыя происходили отъ него: передъ Людовикомъ XIV, прибавляетъ онъ, одно названіе законовъ, права было преступленіемъ“. Какъ ревниво оберегалъ онъ свою власть, можно видѣть еще и изъ такого рода совѣтовъ дофину: „Сыны Франціи (т.-е. короли) для безопасности государства не должны

---

[1]) Записки Людовика XIV изданы *Dreyss*'омъ (Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin). О нихъ статья *Chéruel*'я въ Séances et travaux de l'académie des sciences morales et politiques (за 1886 г.).

нигдѣ искать прибѣжища, кромѣ двора и сердца своего старшаго сына"... „Въ моихъ видахъ не было, признавался онъ далѣе, брать въ министры выдающихся людей (des hommes d'une qualité éminente). Нужно было первымъ дѣломъ дать понять публикѣ по самому званію, изъ котораго я ихъ бралъ, что моимъ намѣреніемъ не было дѣлиться съ ними властью". Въ народномъ представительствѣ Людовикъ XIV видѣлъ только собраніе черни (une populace assemblée): „порабощеніе, говорилъ онъ, заставляющее государя подчиняться закону своихъ подданныхъ, есть самое послѣднее бѣдствіе, которому можетъ подвергаться человѣкъ нашего сана". По его теоріи королевская власть заключала въ себѣ даже нѣчто прямо божественное. „Тотъ, писалъ онъ, кто далъ королей людямъ, желаетъ, чтобы насъ почитали, какъ Его намѣстниковъ, себѣ одному предоставляя судить ихъ поведеніе. Воля Его въ томъ, чтобы тотъ, кто родился подданнымъ, былъ въ безпрекословномъ повиновеніи. Въ христіанствѣ нѣтъ правила прочнѣе установленнаго, какъ смиренное подчиненіе властямъ предержащимъ". Весьма естественно, что такая власть должна была быть обставлена настоящимъ церемоніаломъ восточныхъ теократій. „Грубо тѣ ошибаются, — читаемъ мы еще въ мемуарахъ Людовика XIV, — которые воображаютъ, что это простыя церемоніи. Народы, надъ которыми мы царствуемъ, не умѣя проникнуть въ суть дѣла, судятъ обыкновенно по внѣшности и большею частью соразмѣряютъ свое уваженіе и послушаніе съ мѣстомъ и чиномъ. Такъ какъ для общества важно быть управляемымъ однимъ, то важно также, чтобы тотъ, кто исполняетъ эту должность, былъ такъ возвышенъ надъ остальными, дабы не было никого другого, съ кѣмъ его могли бы смѣшивать и сравнивать. Нельзя, не нанося вреда государственному тѣлу, лишить его главу мельчайшихъ признаковъ его превосходства, отличающаго его отъ другихъ членовъ". Любопытно также одно мѣсто, гдѣ Людовикъ XIV прямо приписываетъ королевской власти божественныя свойства. „Есть нѣкоторые случаи, разсуждаетъ онъ, когда мы (т.-е. короли), такъ сказать, заступая мѣсто Бога, какъ бы раздѣляемъ съ Нимъ всевѣдѣніе и всемогущество, какъ, напримѣръ, въ распознаваніи умовъ, въ распредѣленіи должностей и въ раздачѣ милостей. Не благіе совѣты, не хорошіе совѣтники дѣлаютъ королей мудрыми; напротивъ, мудрость королей сама создаетъ министровъ и производитъ всѣ хорошіе совѣты, которые ему подаются". Поэтому совершенно вѣрно было сказано въ извѣстномъ анонимномъ письмѣ къ Людовику XIV, приписывавшемся Фенелону: „вы все себѣ приписываете, какъ будто вы — земной Богъ". По словамъ Сенъ-Симона, „Людовикъ XIV почти обоготворялъ себя въ собственныхъ глазахъ вслѣдствіе постояннаго пользованія самымъ безграничнымъ деспотиз-

момъ и идолопоклонствовалъ передъ своею властью, на обоготвореніе которой онъ потратилъ все свое царствованіе“. Слава короля—вотъ цѣль, которую Людовикъ XIV ставилъ государству. „Увеличивать свои владѣнія, писалъ онъ,—самое достойное, самое пріятное занятіе для государя. Трудно удерживать возвышенное сердце: оно вполнѣ можетъ насытиться только славой. Я вполнѣ пользовался своими удачами и своимъ благоразуміемъ, чтобы извлекать для себя выгоду изъ всѣхъ представлявшихся мнѣ случаевъ увеличивать свое государство на счетъ моихъ враговъ. Я весьма радъ, что справедливость открыла мнѣ двери славы и дала мнѣ случай показать всей землѣ, что на свѣтѣ есть еще король“. Ему казалось, что эти же самыя чувства воодушевляютъ и всѣхъ его подданныхъ. „Сколько храбрецовъ, говоритъ онъ, которыхъ я видѣлъ воодушевленныхъ служеніемъ мнѣ, казалось, меня ежечасно только о томъ и просили, чтобы дать имъ поводъ показать свою храбрость“. И онъ не останавливался передъ тѣмъ, что его личная слава дорого обходилась народу: все достояніе своихъ подданныхъ онъ разсматривалъ, какъ свою собственность, которою онъ могъ распоряжаться по личному усмотрѣнію“. Короли, сказано еще въ его мемуарахъ, суть полновластные господа (seigners absolus) и естественно имѣютъ полное право свободно распоряжаться всѣми имуществами, находящимися во владѣніи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы употреблять ихъ во всякое время, какъ это дѣлаютъ умные хозяева, т.-е. сообразно съ общими нуждами ихъ государства. Все, что находится въ предѣлахъ ихъ государствъ, къ какому бы разряду предметовъ это ни относилось, принадлежитъ имъ на этомъ основаніи — и деньги, находящіяся въ ихъ казнѣ, и тѣ, какія имѣются въ рукахъ ихъ казначеевъ, и тѣ, которыя они оставляютъ въ оборотѣ своихъ подданныхъ“. Такъ смотрѣли и другіе: въ 1716 году аббатъ Дюбуа, ведя переговоры съ лордомъ Стэнгопомъ, сказалъ, что „французскій король будетъ всегда богаче англійскаго, потому что по праву можетъ смотрѣть на себя, какъ на собственника всей территоріи королевства“. „Какъ, господинъ аббатъ! воскликнулъ англійскій министръ: неужели вы учились государственному праву въ Турціи?!“

Людовикъ XIV тѣмъ болѣ долженъ былъ утверждаться въ своей теоріи, что повсюду встрѣчалъ только одно раболѣпство. Уже ранѣе во Франціи появлялись политическіе трактаты въ духѣ крайняго абсолютизма, но наиболѣе послѣдовательно развита была абсолютистическая теорія Боссюэтомъ, знаменитымъ проповѣдникомъ, обратившимъ на себя въ первый разъ вниманіе Людовика XIV проповѣдью на текстъ: „Бога бойтесь, царя чтите“. „Послѣдній отецъ церкви“, какъ его называли поклонники, церковный писатель, оставившій

между прочимъ „Discours sur l'histoire universelle“ и „Histoire des variations des églises protestantes“, въ своей „Политикѣ, извлеченной изъ св. писанія“, Боссюэтъ какъ бы прямо обоготворилъ королевскую власть. Она представлялась ему въ формѣ восточной деспотіи съ теократическимъ характеромъ: „королямъ, говоритъ онъ, данъ титулъ Христа, и вотъ потому мы и видимъ, что ихъ вездѣ называли христами или помазанниками Господними... О, короли восклицаетъ онъ еще, вы—боги! Въ вашей власти, на челѣ вашемъ есть нѣчто божественное“. Дурные отзывы о королѣ, по Боссюэту, равны богохульству. Богословскому писателю вторили поэты, сомнѣвавшіеся, могутъ ли быть несчастные при такомъ королѣ (l'univers sous ton règne a-t-il des malheureux? спрашиваетъ Буало), а художники наперерывъ изобрѣтали новые способы изображать славу „короля-солнца“. Такимъ образомъ Людовикъ XIV, можно сказать, дышалъ воздухомъ, насыщеннымъ сервилизмомъ, отъ самой ранней юности до глубокой старости. Еще въ дѣтствѣ, обучаясь чистописанію, онъ имѣлъ пропись, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что короли могутъ дѣлать все, что имъ угодно, а за пять лѣтъ до смерти его духовникъ и доктора Сорбонны успокоили его совѣсть насчетъ того, что онъ имѣетъ право налагать на своихъ подданныхъ сколько угодно податей.

Проникнутый сознаніемъ своего величія и повсюду встрѣчая одно раболѣпство, Людовикъ XIV въ обращеніи съ людьми, во всемъ своемъ поведеніи старался быть важнымъ и величественнымъ и умѣлъ, когда было нужно, выражать высокомѣрное презрѣніе или проявлять убійственный гнѣвъ. Вся жизнь его была обставлена мелочнымъ церемоніаломъ. Онъ окружилъ себя самымъ блестящимъ дворомъ и для своей постоянной жизни среди куртизановъ создалъ внѣ Парижа новую резиденцію—Версаль, стоившій ему баснословныхъ денегъ. Все времяпрепровожденіе короля было размѣрено, и каждый его шагъ, отъ вставанія съ постели утромъ до отхожденія ко сну вечеромъ, сопровождался какою-либо церемоніей, въ которой принимали участіе тѣ или другія лица многочисленнаго придворнаго штата. Это было какое-то сплошное священнодѣйствіе; требованія этикета, манеръ, тона были разработаны до послѣднихъ мелочей, и самъ Людовикъ XIV былъ, конечно, высшимъ, недосягаемымъ образцомъ для всеобщаго подражанія. Условность была основнымъ закономъ этой жизни: она господствовала въ обращеніи, въ языкѣ, въ увеселеніяхъ, господствовала въ архитектурѣ, въ живописи и въ скульптурѣ, господствовала, наконецъ, и въ литературѣ; недаромъ Буало рекомендовалъ писателямъ изучать прежде всего вкусы двора. А эти вкусы были, понятно, вкусы самого Людовика XIV или тѣхъ „метрессъ“, которыя

въ данную минуту владѣли его сердцемъ, была ли то нѣсколько сантиментальная ла-Вальеръ, или разбитная Монтеспанъ, или, наконецъ, черствая и сухая Ментенонъ, отличавшаяся притомъ сильною наклонностью къ ханжеству. Людовикъ XIV сумѣлъ сдѣлать изъ версальскаго двора вообще центръ великосвѣтской жизни. Масса придворныхъ должностей, продававшихся за деньги и потомъ оплачивавшихся хорошимъ жалованьемъ, веселая жизнь на королевскій счетъ, близость къ монарху, какъ источнику милостей,—все это влекло ко двору французское дворянство. Жизнь у себя, въ родовомъ помѣстьѣ была признакомъ или фрондерства, которое не прощалось, или королевской опалы, непремѣнно ронявшей человѣка во мнѣніи его равныхъ, если только прямо не считали смѣшнымъ чудакомъ богатаго и знатнаго дворянина, не являющагося faire la cour. Благодаря такому взгляду старая феодальная аристократія превратилась въ придворную знать. Ея еще недавнія стремленія исчезли, особенно послѣ того, какъ въ началѣ царствованія Людовика XIV казнили нѣсколькихъ провинціальныхъ вельможъ. Мало того: король сумѣлъ заставить протестантскую знать перейти въ католицизмъ, такъ какъ никто не хотѣлъ „оставаться протестантомъ, боясь сдѣлаться смѣшнымъ", и потому мало-по-малу реформированная религія стала простою „мѣщанскою вѣрой". Привлекая дворянство ко двору, Людовикъ XIV тѣмъ самымъ лишалъ феодальную аристократію всякаго мѣстнаго значенія, превращая сеньеровъ въ куртизановъ, и тѣмъ отнималъ у нихъ политическое вліяніе. Жизнь въ Версалѣ стоила дорого, а король былъ щедръ на денежныя выдачи, и это, конечно, ставило дворянъ въ полную отъ него зависимость. *Съ середины XVII в. французское дворянство поэтому страшно измельчало*: уже въ концѣ XVI столѣтія его покорность покупалась деньгами, но тогда все еще деньги вымогались борьбою, а тутъ настала пора — и кончилась она лишь съ революціей,—когда деньгами оплачивалось раболѣпство. Можно даже сказать, что *придворный бытъ при Людовикѣ XIV придалъ особенный характеръ французскому абсолютизму*. При версальскомъ дворѣ заключенъ былъ союзъ между монархическимъ абсолютизмомъ и феодальными привилегіями: когда-то мятежная аристократія признала безусловно королевскій авторитетъ, а абсолютная монархія столь же безусловно признала соціальныя привилегіи дворянства. Абсолютизмъ Людовика XIV можно было бы назвать придворнымъ съ такимъ же правомъ, съ какимъ абсолютизмъ Филиппа II можно назвать вѣроисповѣднымъ, а абсолютизмъ Фридриха II — просвѣщеннымъ. Король, видѣвшій въ себѣ воплощеніе цѣлой націи, не отказывался и отъ стараго взгляда, по которому его предки были только первые между равными: глава государства счи-

талъ себя первымъ дворяниномъ въ королевствѣ, но такъ какъ все выдающееся въ дворянствѣ было при дворѣ, то онъ самъ сдѣлался, въ сущности, первымъ придворнымъ. Такимъ образомъ, если версальскій бытъ измѣнялъ прежній характеръ аристократіи, то онъ же измѣнялъ и характеръ самой монархіи: Людовикъ XIV и оба его преемника въ XVIII в. совсѣмъ не походятъ на основателя династіи, Генриха IV. Французская монархія все болѣе и болѣе проникалась воззрѣніями и стремленіями двора, и въ XVIII в. король былъ уже настоящимъ рабомъ этикета, у котораго уже не оставалось времени для серьезнаго труда; можно даже сказать, что онъ былъ лишь простою составною частью цѣлаго, называвшагося дворомъ. Передъ этимъ учрежденіемъ стушевались тогда старыя общественныя силы—церковь и дворянство, генеральные штаты и парламенты, но такъ какъ дворъ былъ созданъ, повидимому, только для увеселеній, то дѣйствительная власть перешла въ руки чиновничества, которое и заняло въ XVIII в. мѣсто, освободившееся вслѣдствіе того, что сама монархія, такъ сказать, превратилась изъ учрежденія государственнаго въ учрежденіе придворное.

Между прочимъ Людовикомъ XIV было положено начало и женскому вліянію въ политикѣ, хотя самъ онъ и не давалъ большой воли надъ собою своимъ метрессамъ (кромѣ Ментенонъ, сумѣвшей до извѣстной степени подчинить себѣ короля). Придворныя интриги получаютъ теперь значеніе государственныхъ событій, чтò кладетъ особенный отпечатокъ на исторію XVIII вѣка: уже Кольберу, напримѣръ, пришлось ѣхать уговаривать дѣвицу ла-Вальеръ, чтобы она вернулась ко двору, когда она удалилась-было въ монастырь подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти [1]).

XLII. Правительственная система Людовика XIV [2]).

Система Людовика XIV. — Паденіе провинціальнаго и муниципальнаго самоуправленія.—Централизація и бюрократія.—Интенданты.—Полиція.—Остатки феодализма.—Церковныя отношенія при Людовикѣ XIV.—Янсенизмъ и квіетизмъ.—Преслѣдованіе протенстатизма и отмѣна нантскаго эдикта.—Бѣдствіе въ концѣ царствованія Людовика XIV.—Покровительство литературѣ и наукѣ при Людовикѣ XIV.—Критика его системы и зарожденіе оппозиціонной литературы.

Результаты системы Людовика XIV сказались главнымъ образомъ уже въ XVIII вѣкѣ: то, чтó получило во Франціи названіе l'ancien

---

[1]) Придворный бытъ французской монархіи очень ярко изображенъ у Тэна, въ сочиненіи „Происхожденіе современной Франціи".

[2]) *Chéruel*. De l'administration de Louis XIV. — *Depping*. La correspondance administrative sous Louis XIV.— *Clément*. Le gouvernement de Louis XIV.—

régime, было именно главнымъ результатомъ этой системы — соединенія политическаго абсолютизма съ старымъ соціальнымъ строемъ. Впрочемъ уже во вторую половину царствованія Людовика XIV, послѣ смерти Кольбера (1683) и уничтоженія нантскаго эдикта (1685), нанесшаго странѣ большіе моральные и матеріальные убытки, равно какъ послѣ второй англійской революціи (1689), бывшей пораженіемъ системы французскаго короля и въ дѣлахъ международныхъ, все указывало на наступленіе совсѣмъ другой эпохи, непохожей на блескъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ XVII в. Система Людовика XIV заключалась въ томъ, чтобы уничтожить въ странѣ все, что только имѣло характеръ самостоятельности, такъ какъ ревнивое отношеніе короля къ власти доходило до того, что даже, по собственному его признанію, ему было обидно, если кто-либо пріобрѣталъ вліяніе или славу помимо него.

Мы уже видѣли, что послѣ 1614—15 гг. во Франціи не собирались болѣе генеральные штаты, но что тѣмъ не менѣе въ малолѣтство Людовика XIV парижскій парламентъ думалъ-было играть политическую роль, которая, собственно, должна была принадлежать штатамъ. Разсказъ о появленіи Людовика XIV съ хлыстомъ въ рукахъ въ парламентѣ принадлежитъ къ числу историческихъ выдумокъ, но несомнѣнно, что еще при Мазарини (1655) тогда еще весьма юный король довольно строго заявилъ членамъ парламента, что онъ не потерпитъ обсужденія ими правительственныхъ мѣропріятій. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ парламенты съ другими центральными учрежденіями даже перестали называться верховными (souveraines) куріями, и начали именоваться высшими (supérieures). Послѣ этого

Его же. La police sous Louis XIV.—*Его же.* Histoire de Colbert et de son administration. — *Его же.* Histoire du système protecteur en France depuis Colbert.—*Neymark.* Colbert et son temps.— *Hecht.* Colbert's politische und volkswirthschaftliche Grundanschauungen. — *Monnier.* Lamoignon et Colbert. — *Farnam.* Die französische Gewerbepolitik von Colbert bis Turgot. — *Gougeard.* La marine de guerre Richelieu et Colbert. — *E. Sue.* Histoire de la marine sous Louis XIV.—*Pauliat.* Louis XIV et la compagnie des Indes.—*Philipps.* Das Regalienrecht in Frankreich. — *Michaud.* Louis XIV et Innocent XI. — *Ch. Gérin.* Recherches historiques sur l'assemblée du clergé de France en 1682.—*Tabarand.* Histoire critique de l'assemblée générale du clergé de France en 1682.—*Lièvre.* Du rôle que le clergé a joué dans la révocation dé l'édit de Nantes. — *Puaux et Sabatier.* Etudes sur la révocation de l'édit de Nantes.—*Schott.* Die Aufhebung des Edict von Nantes.—*Reuss.* Louis XIV et l'église protestante de Strassbourg au moment de la révocation de l'édit de Nantes.— *Weiss.* Histoire des réfugiés protestants de France.— *Pelletan.* Jarausseau, pasteur du désert. — *Coquerel.* Les églises du désert.—*Sainte-Beuve.* Histoire du Port-Royal.—*Boislisle.* La proscription de la „Dîme royale".—*Н. Бржескій.* Податная реформа. Французскія теоріи XVIII вѣка.

было еще нѣсколько случаевъ столкновеній, но каждый разъ парламентъ терпѣлъ новое пораженіе. Въ 1665 г. онъ задумалъ-было протестовать противъ нѣкоторыхъ королевскихъ распоряженій, собрался съ этою цѣлью на засѣданіе, но не осмѣлился что-либо предпринять изъ опасенія арестовъ и ссылокъ: члены сошлись, посидѣли молча, такъ какъ никто не рѣшался говорить, и когда одинъ членъ молча вышелъ, то и другіе послѣдовали его примѣру. Въ 1667 г. нѣсколько членовъ парламента было сослано, а въ слѣдующемъ году Людовикъ XIV собственноручно вырвалъ изъ парламентскаго регистра постановленія временъ фронды. Въ 1673 г. онъ прямо запретилъ парламенту дѣлать ремонстранціи. Лишь по смерти Людовика XIV это учрежденіе поднялось изъ своего униженія.

Провинціальные парламенты равнымъ образомъ были подчинены губернаторамъ и интендантамъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи еще сохранялись мѣстныя сословно-представительныя учрежденія, такъ называемые провинціальные штаты (états provinciaux), но они были исключеніями изъ общаго правила, да и тутъ старыя права стали стѣсняться. Уже Ришелье уничтожилъ провинціальные штаты въ Дофинэ, временно отмѣнялъ ихъ въ Провансѣ и Нормандіи и отнялъ у лангедокскихъ штатовъ право вотированія субсидіи; при Мазарини были совсѣмъ уничтожены штаты въ Нормандіи. Вообще съ 1651 по 1663 г. лишился своихъ штатовъ цѣлый десятокъ провинцій [1]). Тамъ, гдѣ эти учрежденія сохранились, они мало-по-малу потеряли (около 1680 г.) право обсуждать вопросъ о налогахъ и должны были только вотировать, а въ депутаты очень часто попадали лишь правительственные кандидаты. Представители духовенства и дворянства согласились на всякіе налоги, отъ которыхъ были освобождены оба сословія, а третье сословіе было представлено одними горожанами, да и то фиктивно, такъ какъ депутатами отъ городовъ были муниципальныя власти, а онѣ не были уже выборными. Несговорчивыхъ членовъ подкупали, а иногда и застращивали. Вообще къ этому жалкому остатку провинціальнаго самоуправленія административныя лица относились весьма недружелюбно. То же самое можно сказать и о муниципальномъ самоуправленіи, и ранѣе уже находившемся въ упадкѣ. Оно все болѣе и болѣе дѣлалось простою фикціей, и въ числѣ лицъ, наносившихъ удары штатамъ и коммунальнымъ учрежденіямъ, былъ самъ Кольберъ. Мало-по-малу къ восьмидесятымъ годамъ XVII в. надъ городами установилась полная интендантская опека, и административныя власти

---

[1]) Rouergue, Quercy, Périgord, Berry, Maine, Anjou, Touraine, Orleannais, Auvergue (раздѣлявшаяся на верхнюю и нижнюю съ отдѣльными штатами).

стали весьма широко пользоваться городскими доходами на негородскія нужды. Въ 1692 г. Людовикъ XIV прямо отмѣнилъ всѣ выборныя должности въ городахъ, превративъ ихъ въ продажныя: мэры и засѣдатели должны были покупать свои мѣста.

Если падало областное и городское самоуправленіе, зато развивались централизація и бюрократія. Людовикъ XIV, однако, озаботился, чтобы важныя правительственныя мѣста не попадали въ руки знати. За феодальною аристократіей оставлялся почетъ, оставлялись феодальныя права, оставлялись привилегіи, но на сколько-нибудь вліятельныя должности назначались лица изъ мелкихъ дворянъ и изъ третьяго сословія. Вся власть въ провинціяхъ находилась теперь въ рукахъ интендантовъ, которыхъ на всю Францію было 34, по одному на каждое генеральство (généralité). Интенданты пользовались безграничнымъ произволомъ и завѣдовали всѣми мѣстными дѣлами — полиціей, юстиціей (съ правомъ изымать процессы изъ вѣдѣнія судовъ и судить по своему усмотрѣнію) и финансами, муниципальными, военными и вѣроисповѣдными дѣлами, народнымъ просвѣщеніемъ, торговлею, промышленностью, земледѣліемъ. Словомъ, этими „пашами" или „сатрапами", какъ ихъ называли въ XVIII в., приводилась въ движеніе вся жизнь страны изъ единаго правительственнаго центра. Интенданты подавляли всякое проявленіе мѣстной самостоятельности, подчиняли себѣ независимые элементы общества, духовенство, дворянство, города. Они же приводили въ исполненіе всѣ предначертанія центральной власти, касались ли послѣднія насажденія промышленности или преслѣдованія протестантовъ. У интендантовъ въ качествѣ помощниковъ, ими самими назначаемыхъ и смѣняемыхъ, были такъ называемые субделегаты. Однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ интендантовъ второй половины XVII в. былъ нѣкій Бавиль (Basville), который обращалъ въ католицизмъ протестантовъ посредствомъ драгунскихъ постоевъ (драгонадъ) въ Лангедокѣ. Это былъ юристъ, проповѣдовавшій, что король есть собственникъ всей земли во Франціи: онъ толковалъ въ такомъ смыслѣ извѣстный принципъ феодальнаго права — „nulle terre sans seigneur".

Особое развитіе получила при Людовикѣ XIV полицейская власть, которая вмѣшивалась во всѣ проявленія общественной жизни. Полицейскому произволу было подчинено все—до цензуры книгъ включительно. Въ это время особенно развились знаменитыя lettres de cachet такого содержанія: „посылаю вамъ это письмо, извѣщающее васъ о моей волѣ, чтобы вы (сдѣлали то-то и то-то). Молю Бога, чтобы онъ хранилъ васъ своею милостью. Людовикъ". Посредствомъ такого документа можно было посадить кого угодно въ Бастилію

или другую подобную тюрьму и держать тамъ заключеннаго безъ слѣдствія, безъ суда, безъ обозначенія срока, даже безъ объявленія вины кому бы то ни было. Случалось, что о заключенномъ забывали, и никто потомъ не могъ припомнить, за что несчастный сидитъ въ тюрьмѣ. Мало-по-малу такія lettres de cachet появились въ распоряженіи интендантовъ и интендантскихъ чиновниковъ. Полицейскимъ учрежденіемъ былъ и „черный кабинетъ", гдѣ вскрывали частную переписку. Полиція завѣдовала, наконецъ, и дѣлами совѣсти: ея роль была весьма значительна въ преслѣдованіяхъ протестантовъ, янсенистовъ и т. п.

Эта политическая система, выросшая на развалинахъ средневѣкового католико-феодальнаго быта, въ соціальномъ и культурномъ отношеніяхъ какъ-разъ поддерживала всею своею силою всѣ тѣ стороны феодальнаго и католическаго наслѣдія среднихъ вѣковъ, которыя, не представляя никакого препятствія для развитія самого королевскаго абсолютизма, отзывались тяжело на обществѣ и личности. Намъ уже приходилось отмѣчать и придется не разъ указывать на то, что вообще, *разрушая политическій феодализмъ, королевская власть не касалась феодализма соціальнаго*, и въ этомъ отношеніи система Людовика XIV не только не была исключеніемъ изъ общаго правила, но, наоборотъ, самымъ блестящимъ его примѣромъ. Оставляя до другого мѣста разсмотрѣніе того сочетанія политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, которое характеризуетъ вообще дореволюціонные порядки во Франціи [1]), мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на то, что правительство Людовика XIV и по отношенію къ католицизму держалось такой же двойственной политики, т.-е. *всячески стѣсняло права церкви по отношенію къ государству и, наоборотъ, всячески помогало ей господствовать надъ обществомъ*. Другими словами, какъ „первый дворянинъ" своего королевства, Людовикъ XIV не затрогивалъ соціальнаго феодализма, на которомъ основывались дворянскія привилегіи, а какъ „старшій сынъ" церкви поддерживалъ безусловное господство католицизма надъ совѣстью своихъ подданныхъ, хотя въ то же самое время, какъ живое воплощеніе государства, онъ и сокрушалъ политическую мощь аристократіи и клира.

Духовенство во Франціи давно уже было въ полной зависимости отъ королевской власти благодаря болонскому конкордату 1516 г. Съ папствомъ монархія Бурбоновъ жила вообще въ полномъ согласіи и мирѣ, но при Людовикѣ XIV эти добрыя отношенія нарушились, такъ какъ между нимъ и папою Иннокентіемъ XI произошло весьма

---

[1]) См. первый отдѣлъ III-го тома.

рѣзкое столкновеніе и какъ-разъ на почвѣ конкордата 1516 г. Впрочемъ, оно только обострило взаимное неудовольствіе обѣихъ сторонъ по поводу неодинаковыхъ стремленій и во внѣшней политикѣ, а отчасти было связано и съ тѣмъ, что французское духовенство продолжало сочувствовать доктринѣ о галликанскихъ вольностяхъ. Дѣло въ томъ, что условіямъ конкордата 1516 г. подчинялись не всѣ епархіи, находившіяся въ предѣлахъ Франціи, а Людовикъ XIV въ семидесятыхъ годахъ самовольно распространилъ и на привилегированныя епархіи свое королевское право (droit de régale), заключавшееся въ томъ, что король распоряжался замѣщеніемъ вакантныхъ каѳедръ и пользовался епископскими доходами, когда та или другая каѳедра была вакантна. Папа Иннокентій XI вмѣшался въ это дѣло, но Людовикъ XIV былъ поддержанъ французскимъ духовенствомъ, которое, руководимое Боссюэтомъ, на чрезвычайномъ собраніи 1682 г., объявившемъ себя національнымъ соборомъ, провозгласило четыре основныя положенія галликанизма. Первымъ изъ нихъ за папою отрицалась всякая власть въ дѣлахъ свѣтскихъ; вторымъ объявлялось главенство вселенскихъ соборовъ надъ папами въ дѣлахъ духовныхъ; третье охраняло неприкосновенность правилъ, обычаевъ и статутовъ, принятыхъ во Франціи государствомъ и церковью; въ четвертомъ говорилось, что въ вопросахъ вѣры папскія постановленія получаютъ окончательную силу лишь по принятіи ихъ церковью. Эти тезисы должны были теперь сдѣлаться основою каноническаго права во Франціи и преподаваться въ высшихъ школахъ. Конечно, папа отвергъ эти положенія и отказалъ въ инвеститурѣ епископамъ, только-что передъ этимъ назначеннымъ Людовикомъ XIV и уже принимавшимъ участіе въ соборѣ. Хотя вскорѣ послѣ того между французскимъ королемъ и преемникомъ Иннокентія XI произошло примиреніе, и епископамъ было при этомъ приказано подписать новое заявленіе, въ которомъ они, въ сущности, должны были отказаться отъ принциповъ 1682 г., тѣмъ не менѣе декларація о вольностяхъ галликанской церкви, внесенная въ регистръ парижскаго парламента, продолжала считаться однимъ изъ основныхъ законовъ государства даже среди значительной части духовенства. Людовикъ XIV не желалъ поступиться своими королевскими правами по отношенію къ папѣ, но все-таки, если онъ и поддерживалъ независимость французскаго клира отъ куріи, то вовсе не для того, конечно, чтобы галликанская церковь пользовалась какими-либо вольностями по отношенію къ государству. На самомъ дѣлѣ ея освобожденіе отъ Рима было лишь необходимымъ условіемъ, безъ котораго ее трудно было бы подчинить окончательно королевской власти. Средство оказалось дѣйствительнымъ: французскій епископатъ сталъ въ полнѣйшую зависимость отъ короля, а если

какой-либо епископъ оказывался недостаточно послушнымъ, у него отбиралось данное ему имущество (le temporel), и онъ лишался своихъ доходовъ. Мало-по-малу прелаты превратились или въ придворныхъ вельможъ, или въ агентовъ королевской власти въ провинціяхъ. Любопытно, что сами французскіе іезуиты шли по стопамъ остального духовенства. Въ 1682 г. они выражали желаніе, чтобы ихъ освободили отъ власти жившаго въ Римѣ генерала, давъ имъ особаго викарія, который находился бы во Франціи. Равнымъ образомъ они согласились учить въ своихъ коллегіяхъ и семинаріяхъ въ духѣ деклараціи французскаго собора и не только не проповѣдовали прежнихъ своихъ доктринъ о главенствѣ папы надъ монархами и объ его правѣ низлагать ихъ съ престола, но даже прямо воспитывали подростающее поколѣніе въ строго-монархическомъ духѣ. Правда, за это, въ свою очередь, они пользовались большимъ вліяніемъ на всю внутреннюю политику государства, тѣмъ болѣе, что духовниками королей часто дѣлались члены ихъ ордена. Такимъ образомъ, если придворный бытъ былъ самымъ рельефнымъ проявленіемъ союза абсолютной монархіи съ соціальнымъ феодализмомъ, то *королевскіе духовники изъ іезуитовъ были главными проводниками католическихъ вліяній во внутренней политикѣ.*

Соединеніе абсолютизма съ католической реакціей, характеризирующее систему Людовика XIV, выразилось особенно ярко въ преслѣдованіяхъ, которымъ подверглись янсенисты, квіетисты и гугеноты. Между янсенистами и іезуитами вражда была старая, но чѣмъ болѣе члены Общества Іисуса забирали силы при дворѣ, тѣмъ труднѣе становилось положеніе янсенистовъ. Незадолго до начала самостоятельнаго правленія Людовика XIV іезуитамъ былъ нанесенъ сильный ударъ знаменитыми „Провинціальными письмами“ (Lettres provinciales, 1656—1657) Паскаля [1]), но при Людовикѣ XIV какое бы то ни было публичное обсужденіе спорныхъ вопросовъ должно было прекратиться, и открытая борьба перешла въ закулисную при помощи средствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ литературной полемикой. Янсенисты были заподозрѣны въ политической неблагонамѣренности, главнымъ образомъ потому, что ихъ сторону держали парламенты, что̀ было крайне непріятно для Людовика XIV. У янсенистовъ былъ свой центръ въ монастырѣ Port-Royal, и вотъ противъ него было воздвигнуто настоящее гоненіе: монахинь оттуда выдворили, всѣ зданія разрушили и даже выкопали трупы похороненныхъ

[1]) Они недавно появились въ русскомъ переводѣ (въ изд. Л. Ѳ. Пантелѣева). О самомъ Паскалѣ см. *Boudrou* (есть русск. пер.), *Dreydorff* (Pascal, sein Leben und seine Kämpfe) и др.

тамъ янсенистовъ (1709 г.). Людовика XIV іезуиты увѣрили, будто ихъ противники составляли республиканскую партію въ церкви и въ государствѣ, и король однажды признался, что онъ скорѣе готовъ примириться съ атеистомъ, нежели съ янсенистомъ. Галликанскія воззрѣнія янсенистовъ были непріятны и папству, а потому и оно ихъ осудило своею буллою „Unigenitus" (1713 г.). Подверглось преслѣдованію равнымъ образомъ въ эту эпоху и мистическое направленіе, извѣстное подъ названіемъ квіетизма, главной представительницей котораго была нѣкая г-жа Гюйонъ. Это была экзальтированная піетистка, вполнѣ вѣрная догматамъ католической церкви, проповѣдовавшая „покой въ Богѣ", дающійся безкорыстною къ нему любовью и экстазомъ. Въ этомъ духѣ она написала нѣсколько сочиненій, но особая духовная коммиссія осудила ея ученіе, и г-жа Гюйонъ попала послѣ этого въ Бастилію, откуда ее перевели, впрочемъ, въ одинъ монастырь (1695). За нее заступился-было Фенелонъ, написавшій книгу объ ея ученіи, но это имѣло результатомъ не только вторичное заточеніе г-жи Гюйонъ, но и большія непріятности для самого Фенелона. Боссюэтъ и Сорбонна вооружили противъ него и короля, и папу: король выслалъ его изъ столицы въ епархію, гдѣ онъ былъ епископомъ (Камбрэ), а папа строго осудилъ его книгу.

Съ наибольшею силою реакціонный въ религіозномъ отношеніи характеръ царствованія Людовика XIV выразился *въ преслѣдованіи протестантизма и отмѣнѣ нантскаго эдикта*. Главною опорою кальвинизма во Франціи была феодальная аристократія, но она, во-первыхъ, смирилась, а во-вторыхъ, стала переходить въ католицизмъ, причемъ однимъ изъ первыхъ (1667) перешелъ Тюреннъ. Людовикъ XIV самъ объясняетъ намъ свое поведеніе по отношенію къ кальвинистамъ въ началѣ своего царствованія. „Съ самаго 1661 г., говоритъ онъ, я составилъ себѣ планъ всего моего поведенія относительно подданныхъ якобы реформированной религіи. Я думалъ, что лучшимъ средствомъ постепенно ихъ уничтожить было, прежде всего, не подчинять ихъ новымъ строгостямъ, соблюдать все, что они получили отъ моихъ предшественниковъ, но сверхъ этого имъ ничего не давать, и даже исполненіе того, чѣмъ они пользовались, заключить въ самые тѣсные предѣлы, какіе только могутъ быть дозволены справедливостью и приличіемъ. Что касается до милостей, которыя зависятъ отъ меня одного, я рѣшился не оказывать имъ никакихъ, дабы заставить ихъ самихъ и безъ принужденія подумывать время отъ времени о томъ, благоразумно ли отказывать себѣ по доброй волѣ въ тѣхъ выгодахъ, которыя у нихъ могли бы быть наравнѣ съ другими моими подданными". Но Людовикъ XIV не удержался на этой точкѣ зрѣнія. Уже въ шестидесятыхъ годахъ онъ запретилъ

протестантское богослуженіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (1665), не позволилъ собрать національный синодъ (созывавшійся каждые два года), уничтожилъ въ парламентахъ такъ называемыя chambres de l'édit (1669). Вскорѣ затѣмъ онъ началъ разрушать протестантскія церкви въ городахъ, гдѣ жили католическіе епископы, освободилъ обратившихся въ католицизмъ гугенотовъ отъ уплаты долговъ ихъ бывшимъ единовѣрцамъ и отсрочилъ на три года уплату ихъ долговъ католикамъ, а также освободилъ ихъ на два года отъ налоговъ и даже сталъ выдавать преміи обращеннымъ (caisse des conversions, 1677), понизилъ до семи лѣтъ возрастъ дѣтей, которыя могли бы переходить по собственной волѣ въ католицизмъ (1681), и послѣ этого ревнители католицизма стали нерѣдко отбирать дѣтей у гугенотовъ и отдавать ихъ на воспитаніе въ монастыри. Кромѣ того, Людовикъ XIV запретилъ протестантамъ занимать общественныя должности, быть адвокатами, нотаріусами, врачами, фельдшерами, аптекарями, повивальными бабками, вступать въ цехи и т. п. Религіозныя права протестантовъ также стѣснялись все больше и больше: ихъ духовенство не могло носить знаковъ своего званія и собираться на провинціальные синоды; хоронить своихъ покойниковъ кальвинисты должны были только ночью. Въ 1684 г. начались знаменитые драгунскіе постои (dragonnades) въ протестантскихъ домахъ, и миссіонеры въ ботфортахъ (missions bottées) какъ нельзя лучше дѣлали свое дѣло, насильно даже крестя дѣтей протестантовъ въ католическую вѣру. Эти драгоннады получили дальнѣйшее развитіе, когда въ слѣдующемъ году Людовикъ XIV формально уничтожилъ нантскій эдиктъ (22 окт. 1685 г.). Послѣдователямъ „якобы реформированной религіи“ (religion prétendue réformée) запрещалось теперь собираться даже на домашнее богослуженіе; ихъ духовнымъ лицамъ предлагалось или сдѣлаться католиками, или въ теченіе двухъ недѣль покинуть королевство подъ страхомъ каторги; но всѣ остальные гугеноты отнюдь не смѣли эмигрировать подъ страхомъ каторги и конфискацій; правда, имъ разрѣшалось тайно исповѣдовать свою вѣру, но это было только позволеніе на словахъ, и во всякомъ случаѣ своихъ дѣтей они должны были крестить не иначе, какъ въ католическую вѣру. За уничтоженіемъ нантскаго эдикта послѣдовали гоненія: драгунскіе постои усилились; эмигрантовъ ловили, ссылали на галеры, сажали въ тюрьмы; монастыри наполнялись дѣтьми протестантовъ; не мало погибло въ это время гугенотскихъ духовныхъ лицъ, пойманныхъ на территоріи королевства; молитвенныя собранія въ разныхъ пустынныхъ мѣстахъ разгонялись ружейными выстрѣлами, и даже бывали случаи отправки на галеры пятнадцатилѣтнихъ, даже двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, захваченныхъ на молитвѣ

вмѣстѣ съ своими родителями. Людовика XIV отъ такихъ преслѣдованій отговаривалъ его сынъ, ссылаясь между прочимъ на экономическій вредъ, причиняемый всѣмъ этимъ, и на опасность возстаній; но король находилъ, что спасеніе души дороже матеріальнаго благосостоянія, и что противъ недовольныхъ у него есть войско. Зато Людовика XIV прославлялъ Боссюэтъ, называвшій его новымъ Константиномъ, новымъ Θеодосіемъ, новымъ Карломъ Великимъ. Преслѣдованіе иновѣрія вызвало сильную эмиграцію: несмотря на всѣ строгости и задержки, около четырехсотъ тысячъ трудолюбивыхъ и предпріимчивыхъ протестантовъ покинуло страну, чтобы найти пріютъ въ протестантскихъ государствахъ: въ Англіи, въ Голландіи, въ Германіи (между прочимъ въ Бранденбургѣ), куда они принесли свои знанія, свои капиталы, свою промышленность. Гугеноты были слишкомъ малочисленны, чтобы оказывать сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе въ самомъ началѣ XVIII в. въ долинахъ Севеннъ преслѣдованія протестантовъ вызвали возстаніе такъ называемыхъ „камизаровъ".

Общимъ результатомъ системы Людовика XIV было экономическое разореніе Франціи. Особенно тяжело давало себя знать возрастаніе налоговъ, вызывавшее мѣстныя вспышки народнаго неудовольствія. Разоренная къ концу XVII в. Франція не въ силахъ была поправиться вплоть до самой революціи. Бѣдственное положеніе провинцій было засвидѣтельствовано оффиціально, когда герцогъ Бургундскій (внукъ Людовика XIV) пожелалъ познакомиться съ состояніемъ страны, надъ которой ему, повидимому, суждено было царствовать. По его иниціативѣ интенданты составили описанія ввѣренныхъ имъ провинцій, и собраніе этихъ документовъ, подтвержденныхъ массою другихъ свидѣтельствъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что около 1700 г. Франція была доведена до послѣдней степени нищеты. Особенно сильно было вліяніе голода 1709 г., въ то время, когда и внѣшняя политика Людовика XIV терпѣла страшныя пораженія въ войнѣ за испанское наслѣдство.

Конецъ царствованія Людовика XIV былъ и временемъ зарожденія оппозиціонной литературы. Въ систему этого короля входило подавленіе всякой независимой мысли и, наоборотъ, покровительство такой литературѣ, которая служила его цѣлямъ и прославляла его царствованіе. Еще слабо въ то время развитая литература сама искала меценатства: до середины XVII в. многія аристократическія фамиліи оказывали покровительство поэтамъ и художникамъ. Людовикъ XIV сдѣлался главнымъ и единственнымъ меценатомъ въ странѣ, когда въ 1663 г. назначилъ жалованье (feuille des pensions) не только всѣмъ наиболѣе выдающимся писателямъ, но и многимъ очень посредственнымъ авторамъ, причемъ въ списокъ королевскихъ пенсіонеровъ по-

пали даже кое-какіе иностранные литераторы и ученые. Многочисленныя учрежденія, возникшія въ Парижѣ на пользу наукъ и искусствъ, также содѣйствовали процвѣтанію знаній и художественному развитію [1]). Покровительство вело за собою, однако, самую мелочную опеку. Напримѣръ, королевскіе исторіографы были прямо стѣснены въ своихъ работахъ даже надъ далекимъ прошлымъ Франціи, такъ какъ хвалебный тонъ долженъ былъ распространяться и на предковъ короля; касаться сколько-нибудь свободно политическихъ вопросовъ, хотя бы и по отношенію къ давно минувшимъ временамъ, было при такомъ режимѣ также невозможно. Людовикъ XIV хотѣлъ быть законодателемъ литературнаго и художественнаго вкуса, а въ области отвлеченной мысли не допускалъ ничего, что̀ сколько-нибудь сталкивалось съ установленными авторитетами. Въ этомъ отношеніи король вполнѣ сходился съ Сорбонною: послѣдняя, напримѣръ, запретила во Франціи философію Декарта, и Людовикъ XIV не позволилъ въ 1667 г. произнести похвальное слово покойному философу.

Къ концу царствованія Людовика XIV прежній хвалебный тонъ литературы начинаетъ смѣняться оппозиціоннымъ, хотя лишь за границей могли издаваться сочиненія, въ которыхъ система Людовика XIV подвергалась критикѣ и изображалось бѣдственное положеніе Франціи. И между людьми, преданными монархіи, нашлись такіе, которые сочли своимъ долгомъ раскрыть глаза королю, ослѣпленному постоянною лестью. Въ числѣ такихъ людей былъ Фенелонъ, воспитатель его внука, авторъ извѣстнаго „Телемака“, написаннаго въ назиданіе будущему королю Франціи. Такъ какъ Фенелонъ косвенно не одобрялъ политики Людовика XIV, то былъ отставленъ отъ своей должности. Молва ему приписала, между прочимъ, анонимное письмо королю. „Вы, сказано было тамъ, родились съ сердцемъ правымъ, но воспитатели ваши, вмѣсто искусства управлять народомъ, вложили въ васъ подозрительность, удаленіе отъ добродѣтели, боязнь передъ всякою блестящею заслугою, высокомѣріе и вниманіе къ одному только вашему интересу... Вся Франція представляетъ громадную больницу, какъ бы лишенную необходимыхъ припасовъ. Народъ, который прежде такъ любилъ васъ, начинаетъ терять привязанность, довѣріе и даже уваженіе къ вамъ. Народныя волненія становятся часты. Вы поставлены въ печальную необходимость или оставлять бунты безнаказанными, или избивать приведенный вами въ отчаяніе народъ, ежедневно погибающій отъ болѣзней, послѣдствія голода...

---

[1]) Реорганизація французской академіи въ 1672 г., академіи „надписей и медалей“ (1663), возобновленіе академіи живописи и скульптуры (1664), академіи наукъ (1666) и т. п.

Вы вовсе не любите Бога, вы его боитесь, но боитесь рабскимъ страхомъ: вы боитесь ада, а не Бога. Ваша религія состоитъ въ суевѣріяхъ, въ исполненіи мелкихъ обрядовъ. Вы все относите къ себѣ, какъ будто бы вы были земнымъ богомъ". Въ девятидесятыхъ годахъ поэтъ Расинъ осмѣлился передать г-жѣ де-Ментенонъ свое мнѣніе о состояніи французскихъ финансовъ и поплатился за это королевской немилостью. Та же судьба постигла знаменитаго маршала Вобана, прославившагося на поприщѣ инженернаго искусства. Вобанъ, укрѣплявшій восточныя границы Франціи, отлично зналъ положеніе народа и рѣшился изложить свой взглядъ на причины нищеты, господствовавшей во Франціи, въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Королевская десятина" (1707). Этотъ мемуаръ имѣетъ большое значеніе, какъ одно изъ первыхъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ высказываются мысли физіократическаго характера. Сторонникъ сельскаго хозяйства, находившагося въ пренебреженіи во Франціи, Вобанъ въ то же время совѣтовалъ реформировать податную систему посредствомъ замѣны всѣхъ прежнихъ налоговъ однимъ, а именно „королевскою десятиною" (dîme royale).

Что касается до заграничной оппозиціонной литературы въ царствованіе Людовика XIV, то *главными ея дѣятелями были эмигрировавшіе протестанты*, которые въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ напали на нетерпимый католицизмъ французскаго короля и духовенства и на политическій деспотизмъ, водворившійся во Франціи. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій: „Жалобы протестантовъ, жестоко тѣснимыхъ во французскомъ королевствѣ" Клода (Claude), „Права государей въ дѣлахъ вѣры" Жюрье, автора многихъ другихъ подобныхъ произведеній, между которыми особенно важны „Вздохи порабощенной Франціи, стремящейся къ свободѣ" (1687), далѣе „Неотмѣняемость нантскаго эдикта" и „Интересъ Франціи возстановить нантскій эдиктъ" Давида Ансильона, который вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Карломъ, историкомъ французскихъ эмигрантовъ (refugiés) въ Бранденбургѣ, защищалъ наравнѣ съ вѣротерпимостью и политическую свободу. Въ числѣ выходцевъ изъ Франціи былъ и знаменитый Бэйль, скептическій философъ, одинъ изъ родоначальниковъ философіи XVIII в., столь критически и оппозиціонно относившейся вообще къ системѣ Людовика XIV.

XLIII. Внѣшняя политика Людовика XIV [1]).

Войны и территоріальныя присоединенія Людовика XIV.—Испанское наслѣдство и противодѣйствіе Голландіи и Англіи видамъ Франціи. — Политическая роль Голландіи въ эту эпоху.—Вильгельмъ Оранскій и вторая англійская революція.—Третья война Людовика XIV.—Священная Римская имперія и Австрія при Людовикѣ XIV и его самовольные поступки. — Неудачи Франціи во время войны за испанское наслѣдство.—Общій характеръ внѣшней политики Людовика XIV.

Внѣшняя политика Людовика XIV весьма характерна для этого короля и для международнаго положенія Франціи во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII в., и только *въ связи съ этою политикою можетъ быть понято общеевропейское значеніе второй англійской революціи*. Въ царствованіе Людовика XIV, но еще до начала его единодержавія Франція пріобрѣла по вестфальскому миру черезполосный Эльзасъ, отдѣленный отъ нея Лотарингіей съ вкрапленными въ нее французскими территоріями Меца, Туля и Вердёна, но безъ Страсбурга и другихъ мѣстностей, которыя остались за имперій, а по пиренейскому миру получила отъ Испаніи Руссильонъ, Аррасъ и большую часть Артуа, причемъ и здѣсь была черезполосица. Въ самомъ началѣ самостоятельнаго правленія Людовикъ XIV купилъ у Англіи Дюнкирхенъ. Затѣмъ Людовикъ XIV велъ четыре войны въ 1667—1668, 1672—1679, 1688—1697 и 1701—1713 гг., что въ общей сложности составляетъ болѣе двадцати лѣтъ войны на пятидесятичетырехлѣтнее правленіе. Результатомъ этихъ войнъ и самовольныхъ захватовъ Людовика XIV въ промежутокъ между второю и третьею войнами было расширеніе французской территоріи съ

---

[1]) *Laurent*. La politique royale.—*Waldteufel*. La politique étrangère de Louis XIV. Conquête de Hollande.—*Valfrey*. La diplomatie française au XVII siècle —*Mignet*. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV. — *Scheichl*. Leopold I und die österreichische Politik während des Devolutionskrieges.—*H. Peter*. Der Krieg des grossen Kurfürsten gegen Frankreich.—*Legrelle*. Louis XIV et Strasbourg.—*F. Fester*. Die armierten Stände und die Reichskriegsverfassung.—*De Piépape*. Hist. de la réunion de la Franche-Comté à la France.—*Neuhaus*. Der Friede von Ryswyk.—*Reynald*. Louis XIV et Guillaume III.—Главное сочиненіе по исторіи войны за испанское наслѣдство *Noorden'a* (Europ. Geschichte im XVIII Jahrhundert).—*Hippeau*. Avénement des Bourbons au trône d'Espagne.—*Gaedeke*. Die Politik Oesterreichs in der spanischen Erbfolgefrage.—*M. Landau*. Kaiser Karl VI, als König von Spanien.—*Его же*. Rom, Wien und Neapel während des spanischen Erbfolgekrieges. — *Courcy*. La coalition de 1701 contre la France. — *Я. Г. Гуревичъ*. Война за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи. — *А. С. Трачевскій*. Международная политика въ эпоху Людовика XIV (Ж. М. Н. Пр. 1888).

уменьшеніемъ черезполосицы, существовавшей раньше. Испанія и Священная Римская имперія были слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться съ успѣхомъ стремленію Людовика XIV къ „округленію“ восточныхъ границъ Франціи, и по всѣмъ мирнымъ договорамъ, которыми оканчивались указанныя войны, что-либо прирѣзывалось къ французской территоріи отъ одного изъ этихъ государствъ. Ахенскій миръ (1668 г.) утвердилъ за Франціей со стороны испанскихъ Нидерландовъ нѣсколько городовъ (Дуэ, Турнэ, Лилль и др.), нимвегенскій (1679 г.) — еще нѣсколько пунктовъ съ той же стороны (Камбрэ, Валансьенъ) и цѣлую область—Франшъ-Конте; послѣ этого Людовикъ XIV самовольно присоединилъ къ Франціи нѣсколько эльзасскихъ мѣстностей, остававшихся за имперіей, и захватилъ Страсбургъ (1681), что было подтверждено рисвикскимъ миромъ (1697); наконецъ, трактатъ утрехтскій (1713) далъ Франціи власть надъ значительною частью Фландріи и надъ многими областями, считавшимися дотолѣ за имперіей. Въ общемъ та граница, какой Франція достигла на с.-в., совпадаетъ съ теперешней бельгійско-французской границей, но на востокѣ присоединеніе Франшъ-Конте и Страсбурга далеко не уничтожало еще черезполосицы, главнымъ образомъ благодаря тому, что Людовику XIV не удалось пріобрѣсти Лотарингію, на которую онъ имѣлъ виды [1]). То, что Франція присоединяла къ своей территоріи земли, которыя съ нею соприкасались и потомъ сливались, было одною изъ выгодъ ея географическаго положенія и историческаго роста, особенно по сравненію съ Испанской монархіей, владѣнія которой были страшно разбросаны и не составляли одного органическаго цѣлаго.

Франція, находившаяся въ постоянномъ соперничествѣ съ Испаніей, не могла не воспользоваться ослабленіемъ этой монархіи для того, чтобы сдѣлать отъ нея кое-какія пріобрѣтенія. Монархія Карла V и Филиппа II видимо разлагалась. Въ 1640 г. отъ Испаніи отдѣлилась Португалія, а черезъ восемь лѣтъ сдѣлалъ попытку отложиться и Неаполь (возстаніе Мазаньелло). Франція давно имѣла виды на нѣкоторыя сосѣднія земли, принадлежавшія Испаніи, и нужно было лишь найти поводъ, чтобы заявить на нихъ свои притязанія. Людовикъ XIV былъ женатъ на Маріи-Терезіи, дочери Филиппа IV, отказавшейся отъ всѣхъ правъ на испанскія владѣнія, но это не помѣшало Людовику XIV, по смерти своего тестя, потребовать себѣ испанскіе Нидерланды. Онъ сослался на существовавшее въ нѣко-

[1]) Эльзасъ послѣ присоединенія Франшъ-Конте слился съ французской территоріей посредствомъ узкой полосы земли, но только пріобрѣтеніе Лотарингіи при Людовикѣ XV округлило съ этой стороны французскую границу.

торыхъ мѣстностяхъ Бельгіи „деволюціонное право“, по которому дѣти отъ второго брака не были наслѣдниками при существованіи дѣтей отъ перваго брака, а Марія-Терезія была какъ-разъ дочерью отъ первой жены Филиппа IV, тогда какъ наслѣдовавшій ему Карлъ II (1665—1706) былъ сыномъ отъ второго брака. Отсюда первая война Людовика XIV и получила свое названіе „деволюціонной“. Такимъ образомъ уже въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в. былъ поставленъ Людовикомъ XIV вопросъ объ „испанскомъ наслѣдствѣ“, который во всемъ своемъ объемѣ долженъ былъ рѣшаться черезъ сорокъ лѣтъ по смерти бездѣтнаго Карла II. Но притязанія французскаго короля на испанскія владѣнія должны были встрѣтить сильный отпоръ со стороны Голландіи и Англіи, которыя, кромѣ того, и въ отношеніяхъ религіозномъ и политическомъ, какъ страны протестантскія и съ свободными учрежденіями, рѣзко столкнулись съ католическими и деспотическими стремленіями Людовика XIV. Уже первое заявленіе имъ правъ на Бельгію заставило Голландію и Англію вступить между собою въ союзъ, чтобы не допустить Францію захватить страну, изъ которой она могла бы угрожать одной изъ нихъ и вредить торговымъ интересамъ другой. Къ этимъ двумъ государствамъ присоединилась и Швеція, какъ блюстительница вестфальскихъ трактатовъ. Образовавшійся такимъ образомъ „тройственный союзъ“ помѣшалъ Людовику XIV осуществить его планы. Еще болѣе и Голландія, и Англія должны были воспротивиться переходу всей Испанской монархіи съ ея колоніями во французскія руки, такъ какъ вся иностранная торговля какъ европейскихъ, такъ и внѣевропейскихъ частей монархіи велась голландцами и англичанами. Въ 1698—1700 годахъ Франція, Голландія и Англія думали-было даже раздѣлить наслѣдство между разными на него претендентами, но Людовикъ XIV въ концѣ концовъ устроилъ дѣло такъ, что всѣ свои владѣнія Карлъ II завѣщалъ его внуку Филиппу Анжуйскому; тогда Голландія съ Англіей стали на сторону Австріи, претендовавшей на Испанскую монархію въ пользу одного изъ своихъ эрцгерцоговъ (впослѣдствіи императора Карла VI).

Захватъ Бельгіи и переходъ всѣхъ испанскихъ владѣній къ внуку Людовика XIV грозили политической независимости и коммерческимъ интересамъ Голландіи. Людовикъ XIV былъ сильно раздраженъ противъ этой республики за то, что она помѣшала его „деволюціоннымъ“ притязаніямъ, но тутъ еще подѣйствовало и другое обстоятельство: въ 1667 г. Кольберъ издалъ крайне стѣснительный для голландской торговли тарифъ, на что республика отвѣтила исключеніемъ французскихъ товаровъ изъ своихъ рынковъ. Послѣ ахенскаго мира Людовику XIV удалось отвлечь отъ союза съ Голландіей и

Швецію, и Англію, — послѣднюю потому, что между нею и Голландіей существовало старое торговое соперничество, да и возстановленные Стюарты тяготѣли къ Людовику XIV. Тогда началась вторая война противъ Голландіи, на сторону которой сталъ, однако, курфюрстъ Бранденбургскій. Франціи скоро пришлось имѣть противъ себя и обѣ габсбургскія державы. Отъ Испаніи Людовикъ XIV, по нимвегенскому миру, окончившему эту войну, получилъ Франшъ-Конте. Для внутренней исторіи Голландіи эта война имѣла то значеніе, что вызвала политическій переворотъ, низвергнувшій аристократическую партію и поставившій во главѣ республики Вильгельма Оранскаго, который и сдѣлался главнымъ политическимъ противникомъ Людовика XIV. Вышедши изъ борьбы побѣдителемъ и получивъ значительное приращеніе территоріи, Людовикъ XIV началъ въ восьмидесятыхъ годахъ совершенно безцеремонно среди глубокаго мира присоединять къ своимъ владѣніямъ пограничныя мѣстности, пользуясь розныо, существовавшею между его противниками. Это заставило Вильгельма Оранскаго заняться организаціей тайнаго оборонительнаго союза противъ Людовика XIV. Въ 1686 г. штатгальтеру Голландіи удалось заключить такъ называемую аугсбургскую лигу, къ которой кромѣ, конечно, Голландіи, примкнули Австрія, Баварія, Бранденбургъ, Испанія, Швеція, Савойя. Это была громадная коалиція противъ завоевательныхъ стремленій французскаго короля Людовика XIV: душою коалиціи былъ Вильгельмъ Оранскій. Послѣднему было весьма важно имѣть на своей сторонѣ и Англію, но здѣсь царствовалъ въ это время (съ 1685 г.) Іаковъ II, католикъ и клевретъ Людовика XIV. Вторая англійская революція, совершившаяся при помощи Вильгельма Оранскаго, который и вступилъ самъ на престолъ Англіи подъ именемъ Вильгельма III, рѣшила вопросъ о томъ, на какой сторонѣ должна была быть Англія въ готовившейся грандіозной борьбѣ. Между тѣмъ Людовикъ XIV предъявилъ притязаніе на открывшееся наслѣдство въ пфальцскихъ земляхъ, основываясь на томъ, что сестра послѣдняго курфюрста была замужемъ за его, Людовика XIV, братомъ, герцогомъ Орлеанскимъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ навязать въ кёльнскіе архіепископы своего кандидата. Онъ внезапно напалъ на Пфальцъ и завладѣлъ почти всѣмъ Рейномъ отъ Базеля до Голландіи, но устроенная Вильгельмомъ III коалиція заставила его отступить, такъ что французы только успѣли разорить занятую ими на время страну. По рисвикскому миру Людовикъ XIV былъ даже вынужденъ вернуть и нѣкоторыя другія сдѣланныя имъ въ этой войнѣ завоеванія, предоставить Голландіи кое-какія торговыя выгоды и признать Вильгельма III англійскимъ королемъ. Франція даже должна была вступить съ Англіей въ переговоры по поводу открывавша-

гося испанскаго наслѣдства. Планъ новаго англійскаго короля заключался въ томъ, чтобы это наслѣдство раздѣлить между французскимъ и австрійскимъ претендентами, лишь бы цѣликомъ оно не досталось ни тому, ни другому, но при этомъ онъ думалъ выговорить значительныя торговыя выгоды для Голландіи и Англіи. Людовикъ XIV захотѣлъ, однако, получить для своего внука все испанское наслѣдство, и Вильгельмъ III опять явился главнымъ противникомъ французскаго короля. Но въ самомъ началѣ войны этотъ главный врагъ Людовика XIV умеръ.

Таковы были взаимныя отношенія Франціи, Испаніи, Голландіи и Англіи при Людовикѣ XIV. Разсмотримъ теперь его отношенія къ имперіи и къ Австріи, стоявшей въ ея главѣ.

Только крайнее ослабленіе Германіи, бывшее результатомъ тридцатилѣтней войны, позволило Людовику XIV расчитывать на безнаказанность захватовъ на французско-нѣмецкой границѣ. По вестфальскому миру нѣмецкіе князья получили право заключать союзы между прочимъ и съ иностранными государствами, и нѣкоторые изъ нихъ воспользовались этимъ правомъ, вступивъ въ союзъ съ Людовикомъ XIV. Въ планъ французскаго короля входило расширеніе предѣловъ своего государства на счетъ Германіи: отсюда его самовольные захваты, о которыхъ мы будемъ еще говорить; отсюда же его нападеніе на Пфальцъ, вызвавшее третью войну. Людовикъ XIV мечталъ еще при благопріятныхъ обстоятельствахъ пріобрѣсти императорскую корону, считая себя истиннымъ наслѣдникомъ Карла Великаго. Понятное дѣло, что такія стремленія Франціи должны были встрѣтить отпоръ со стороны Австріи. Она заняла враждебную позицію по отношенію къ Людовику XIV уже со времени второй войны, когда и курфюрстъ Бранденбургскій,—отчасти изъ непріязни къ союзной съ Людовикомъ XIV Швеціи, отчасти по религіознымъ побужденіямъ,—также выступилъ противъ Франціи, но послѣ второй войны самой Австріи угрожали турки, сдѣлавшіе, какъ извѣстно, въ 1683 г. нападеніе даже на Вѣну. Въ третьей войнѣ противъ Людовика XIV Австрія снова принимала участіе, но еще болѣе столкнулись интересы обѣихъ сторонъ, когда открылось наконецъ испанское наслѣдство. Именно, на это наслѣдство заявилъ притязаніе, кромѣ Людовика XIV и императоръ Леопольдъ, желавшій возложить испанскую корону на голову своего младшаго сына Карла, опираясь на династическія права Габсбурговъ. Такимъ образомъ въ войнѣ, начавшейся въ 1701 г., опять Франція и Австрія принадлежали къ противоположнымъ лагерямъ. Извѣстно, что когда Австрійскій претендентъ самъ сдѣлался императоромъ подъ именемъ Карла VI (1711), противники Людовика XIV не захотѣли допустить прямого соеди-

Швецію, и Англію, — послѣднюю потому, что между нею и Голландіей существовало старое торговое соперничество, да и возстановленные Стюарты тяготѣли къ Людовику XIV. Тогда началась вторая война противъ Голландіи, на сторону которой сталъ, однако, курфюрстъ Бранденбургскій. Франціи скоро пришлось имѣть противъ себя и обѣ габсбургскія державы. Отъ Испаніи Людовикъ XIV, по нимвегенскому миру, окончившему эту войну, получилъ Франшъ-Конте. Для внутренней исторіи Голландіи эта война имѣла то значеніе, что вызвала политическій переворотъ, низвергнувшій аристократическую партію и поставившій во главѣ республики Вильгельма Оранскаго, который и сдѣлался главнымъ политическимъ противникомъ Людовика XIV. Вышедши изъ борьбы побѣдителемъ и получивъ значительное приращеніе территоріи, Людовикъ XIV началъ въ восьмидесятыхъ годахъ совершенно безцеремонно среди глубокаго мира присоединять къ своимъ владѣніямъ пограничныя мѣстности, пользуясь рознью, существовавшею между его противниками. Это заставило Вильгельма Оранскаго заняться организаціей тайнаго оборонительнаго союза противъ Людовика XIV. Въ 1686 г. штатгальтеру Голландіи удалось заключить такъ называемую аугсбургскую лигу, къ которой кромѣ, конечно, Голландіи, примкнули Австрія, Баварія, Бранденбургъ, Испанія, Швеція, Савойя. Это была громадная коалиція противъ завоевательныхъ стремленій французскаго короля Людовика XIV: душою коалиціи былъ Вильгельмъ Оранскій. Послѣднему было весьма важно имѣть на своей сторонѣ и Англію, но здѣсь царствовалъ въ это время (съ 1685 г.) Іаковъ II, католикъ и клевретъ Людовика XIV. Вторая англійская революція, совершившаяся при помощи Вильгельма Оранскаго, который и вступилъ самъ на престолъ Англіи подъ именемъ Вильгельма III, рѣшила вопросъ о томъ, на какой сторонѣ должна была быть Англія въ готовившейся грандіозной борьбѣ. Между тѣмъ Людовикъ XIV предъявилъ притязаніе на открывшееся наслѣдство въ пфальцскихъ земляхъ, основываясь на томъ, что сестра послѣдняго курфюрста была замужемъ за его, Людовика XIV, братомъ, герцогомъ Орлеанскимъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ навязать въ кёльнскіе архіепископы своего кандидата. Онъ внезапно напалъ на Пфальцъ и завладѣлъ почти всѣмъ Рейномъ отъ Базеля до Голландіи, но устроенная Вильгельмомъ III коалиція заставила его отступить, такъ что французы только успѣли разорить занятую ими на время страну. По рисвикскому миру Людовикъ XIV былъ даже вынужденъ вернуть и нѣкоторыя другія сдѣланныя имъ въ этой войнѣ завоеванія, предоставить Голландіи кое-какія торговыя выгоды и признать Вильгельма III англійскимъ королемъ. Франція даже должна была вступить съ Англіей въ переговоры по поводу открывавша-

гося испанскаго наслѣдства. Планъ новаго англійскаго короля заключался въ томъ, чтобы это наслѣдство раздѣлить между французскимъ и австрійскимъ претендентами, лишь бы цѣликомъ оно не досталось ни тому, ни другому, но при этомъ онъ думалъ выговорить значительныя торговыя выгоды для Голландіи и Англіи. Людовикъ XIV захотѣлъ, однако, получить для своего внука все испанское наслѣдство, и Вильгельмъ III опять явился главнымъ противникомъ французскаго короля. Но въ самомъ началѣ войны этотъ главный врагъ Людовика XIV умеръ.

Таковы были взаимныя отношенія Франціи, Испаніи, Голландіи и Англіи при Людовикѣ XIV. Разсмотримъ теперь его отношенія къ имперіи и къ Австріи, стоявшей въ ея главѣ.

Только крайнее ослабленіе Германіи, бывшее результатомъ тридцатилѣтней войны, позволило Людовику XIV расчитывать на безнаказанность захватовъ на французско-нѣмецкой границѣ. По вестфальскому миру нѣмецкіе князья получили право заключать союзы между прочимъ и съ иностранными государствами, и нѣкоторые изъ нихъ воспользовались этимъ правомъ, вступивъ въ союзъ съ Людовикомъ XIV. Въ планъ французскаго короля входило расширеніе предѣловъ своего государства на счетъ Германіи: отсюда его самовольные захваты, о которыхъ мы будемъ еще говорить; отсюда же его нападеніе на Пфальцъ, вызвавшее третью войну. Людовикъ XIV мечталъ еще при благопріятныхъ обстоятельствахъ пріобрѣсти императорскую корону, считая себя истиннымъ наслѣдникомъ Карла Великаго. Понятное дѣло, что такія стремленія Франціи должны были встрѣтить отпоръ со стороны Австріи. Она заняла враждебную позицію по отношенію къ Людовику XIV уже со времени второй войны, когда и курфюрстъ Бранденбургскій,—отчасти изъ непріязни къ союзной съ Людовикомъ XIV Швеціи, отчасти по религіознымъ побужденіямъ,—также выступилъ противъ Франціи, но послѣ второй войны самой Австріи угрожали турки, сдѣлавшіе, какъ извѣстно, въ 1683 г. нападеніе даже на Вѣну. Въ третьей войнѣ противъ Людовика XIV Австрія снова принимала участіе, но еще болѣе столкнулись интересы обѣихъ сторонъ, когда открылось наконецъ испанское наслѣдство. Именно, на это наслѣдство заявилъ притязаніе, кромѣ Людовика XIV и императоръ Леопольдъ, желавшій возложить испанскую корону на голову своего младшаго сына Карла, опираясь на династическія права Габсбурговъ. Такимъ образомъ въ войнѣ, начавшейся въ 1701 г., опять Франція и Австрія принадлежали къ противоположнымъ лагерямъ. Извѣстно, что когда Австрійскій претендентъ самъ сдѣлался императоромъ подъ именемъ Карла VI (1711), противники Людовика XIV не захотѣли допустить прямого соеди-

ненія Испанской монархіи съ Австріей, и дѣло кончилось тѣмъ, что по утрехтскому миру (1713) наслѣдство было подѣлено такимъ образомъ: Филиппъ Анжуйскій, отказавшійся за себя и за свое потомство отъ правъ на французскую корону, получилъ Испанію съ ея колоніями, а Бельгія и итальянскія владѣнія испанскихъ Габсбурговъ (Миланъ, Неаполь и Сардинія, вскорѣ затѣмъ вымѣненная на Сицилію) отошли къ Австріи.

Наибольшаго могущества достигъ Людовикъ XIV въ періодъ времени между нимвегенскимъ миромъ и началомъ третьей войны. Образованіе противъ него аугсбургской коалиціи (1686) и вторая англійская революція (1688—89) были первымъ сильнымъ ударомъ его стремленіямъ: это совпало и съ началомъ внутренняго упадка страны послѣ смерти Кольбера (1683) и отмѣны нантскаго эдикта (1685). Въ войнѣ за испанское наслѣдство Людовикъ XIV понесъ уже настоящее пораженіе. Въ это время и внутри Франція была доведена до крайней степени разоренія и въ ней зарождалось оппозиціонное направленіе, играющее столь важную роль въ исторіи XVIII вѣка.

Послѣ нимвегенскаго мира Людовикъ XIV, дѣйствительно, былъ наверху своей славы. Онъ былъ теперь объявленъ Великимъ (Louis le Grand), и могъ думать, что для исполненія его желаній не должно существовать никакихъ препятствій. Тогда именно онъ и сталъ совершенно самовластно распоряжаться въ Европѣ. Поплатилась въ это время болѣе всего Германія, князья которой притомъ соперничали между собою и заискивали у Франціи. Людовикъ XIV заявилъ притязанія на всѣ мѣстности, которыя когда-либо принадлежали землямъ, пріобрѣтеннымъ Франціей по мирамъ вестфальскому и нимвегенскому, но вмѣсто того, чтобы рѣшать спорные вопросы путемъ дипломатическихъ переговоровъ, онъ учредилъ особыя возсоединительныя палаты (chambres de réunion), которыя должны были устанавливать права французскаго короля на тѣ или другія мѣстности. Понятно, что эти палаты приговаривали въ его пользу все, что только онъ самъ считалъ своимъ въ Эльзасѣ, въ Лотарингіи, въ Люксембургѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, хотя бы то были самые незначительные клочки земли. Напримѣръ, у трирскаго архіепископа были отняты три мѣстности на томъ основаніи, что онѣ были отданы этому архіепископу Пепиномъ Короткимъ, удержавшимъ въ дарственномъ актѣ верховныя свои права надъ ними. Но особенно важнымъ для Франціи пріобрѣтеніемъ этого времени былъ имперскій городъ Страсбургъ, захваченный среди глубокаго мира. Людовикъ XIV распоряжался и въ Италіи, гдѣ имъ была пріобрѣтена крѣпость Казале у герцога Мантуанскаго. Герцогъ Савойскій

былъ женатъ на племянницѣ Людовика XIV, и потому послѣдній смотрѣлъ на его владѣніе, какъ на зависящее отъ Франціи. Генуя попробовала-было не подчиниться Людовику XIV, потребовавшему, чтобы она не увеличивала своего флота, и вотъ городъ подвергся за это бомбардировкѣ, и для умилостивленія прогнѣваннаго короля генуезцы должны были отправить въ Версаль посольство, во главѣ котораго находился самъ дожъ.

Совсѣмъ инымъ было международное положеніе Франціи въ началѣ XVIII вѣка. Послѣ рисвикскаго мира и назначенія Филиппа Анжуйскаго королемъ Испаніи Людовикъ XIV снова вообразилъ себя хозяиномъ Европы. Когда этотъ его внукъ занялъ испанскій престолъ (подъ именемъ Филиппа V), считая себя, въ сущности, лишь первымъ министромъ дѣда, то Людовикъ XIV рѣшился объявить его своимъ преемникомъ на французскомъ престолѣ въ томъ случаѣ, если бы прекратилось потомство его старшаго сына. Повидимому, не должно было существовать Пиренеевъ (извѣстное восклицаніе Людовика XIV: „нѣтъ больше Пиренеевъ“), и Людовикъ XIV снова хотѣлъ доказать, что старыя границы Франціи могутъ быть еще расширены, захвативъ бельгійскіе города, которые по рисвикскому миру должны были служить „барьеромъ“ противъ Франціи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ провозгласилъ сына Іакова II королемъ Англіи и запретилъ ввозъ во Францію англійскихъ и голландскихъ товаровъ. Начавшаяся послѣ этого война за испанское наслѣдство была весьма бѣдственной для французовъ, такъ какъ англійскій министръ герцогъ Мальборо и принцъ Евгеній Савойскій, ненавидѣвшій Людовика XIV, да и другіе полководцы союзниковъ разбивали войска Людовика XIV на всѣхъ театрахъ войны—и въ Бельгіи, и на Рейнѣ, и въ Италіи, и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Уже въ самомъ началѣ войны дѣла Франціи были такъ плохи, что Людовикъ XIV долженъ былъ просить мира, но ему были предложены условія, на которыя онъ никакъ не могъ согласиться; между прочимъ ему предложено было собственными войсками выгнать изъ Испаніи Филиппа V. Только смерть императора Іосифа I и избраніе его брата, австрійскаго претендента на испанскій престолъ, въ римскіе императоры да недовольство англичанъ, тяготившихся войною, спасли Людовика XIV отъ продолженія тягостной для Франціи борьбы. Какъ было уже сказано, противники его не желали соединенія Испанской монархіи съ Австріей подъ скипетромъ Карла VI, такъ какъ это возвратило бы Западную Европу къ временамъ Карла V.

Разсматривая внѣшнюю политику Франціи въ царствованіе Людовика XIV, мы имѣемъ право видѣть въ ней продолженіе старой борьбы французской династіи съ Габсбургами, осложненное, съ одной

стороны, стремленіемъ Франціи къ округленію восточной своей границы, дѣйствительно, требовавшей исправленія, съ другой, вліяніемъ торговыхъ интересовъ, которые въ эту эпоху играли уже очень значительную роль въ международныхъ отношеніяхъ. Однако, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать въ расчетъ и личнаго властолюбія Людовика XIV. Какъ король французскій, онъ считалъ себя преемникомъ франкскаго короля Карла Великаго, сдѣлавшагося римскимъ императоромъ, и стремился къ первенству въ Европѣ. Наемные публицисты доказывали его права на такія страны, которыя никогда не были подъ властью французскихъ королей,—и прямо проводили ту мысль, что онъ, какъ государь абсолютный и наслѣдственный, выше императора, избираемаго князьями и ограниченнаго въ своей власти. Людовикъ XIV не прочь самъ былъ быть избраннымъ въ императоры, но, къ своему несчастью, былъ какъ-разъ въ войнѣ съ имперіей, когда скончался Леопольдъ I. Членовъ своей династіи онъ охотно видѣлъ бы на престолахъ Испаніи и Польши. Одно время, казалось, Англія должна была навѣки войти въ сферу его вліянія, такъ какъ оба послѣдніе Стюарта (въ особенности Іаковъ II) болѣе или менѣе явно ему симпатизировали и ждали отъ него поддержки въ своихъ политическихъ замыслахъ относительно внутреннихъ дѣлъ самой Англіи. Людовикъ XIV стремился къ первенству даже въ мелочахъ: напримѣръ, Англія въ первую половину его царствованія обязалась, чтобы ея корабли при встрѣчѣ съ французскими первые салютовали ихъ установленнымъ порядкомъ, а Испанія должна была уступить равнымъ образомъ первенство французскимъ посламъ на разныхъ торжественныхъ собраніяхъ. Однажды Людовикъ XIV прямо протестовалъ противъ того, что во время войны съ турками императоръ Леопольдъ I назвалъ себя главою христіанскаго міра. Однимъ словомъ, *Людовикъ XIV съ своею системою внутренней политики, заключавшеюся въ абсолютизмѣ и въ поддержкѣ феодальныхъ привилегій дворянства на ряду съ властью католическаго клира надъ духовною жизнью народа, соединялъ еще стремленіе къ всемірной монархіи въ области политики внѣшней.* Ему поэтому были ненавистны страны, которыя не только противодѣйствовали его политическимъ планамъ, но и были представительницами принциповъ, противоположныхъ его идеямъ. Такими странами были Голландія и Англія, — вторая изъ этихъ странъ послѣ революціи 1689 г., обезпечившей въ ней политическую и религіозную свободу. Эти два государства стояли поперекъ дороги Людовика XIV не только потому, что препятствовали его завоевательнымъ планамъ и вредили торговымъ интересамъ Франціи, но и потому, что въ нихъ было свободное политическое устройство, господствовалъ протестантизмъ, развивалась вѣротерпимость и

были въ упадкѣ феодальныя традиціи. Голландія притомъ помогла Англіи совершить вторую ея революцію, которая получила значеніе событія общеевропейскаго не только потому, что послѣ этого Англія присоединилась къ большой коалиціи противъ Франціи, но и потому, что эта революція была торжествомъ принциповъ, достигшихъ въ XVIII в. большого вліянія и на культурно-соціальную жизнь материка. Вотъ почему можно сказать, что 1689 г. былъ годомъ, когда системѣ Людовика XIV нанесенъ былъ особенно страшный ударъ.

XLIV. Реставрація Стюартовъ [1]).

Значеніе англійской исторіи во второй половинѣ XVII в.—Королевская и парламентская партіи въ эпоху реставраціи.—Реакція въ Англіи.—Стремленія и поведеніе Карла II и Іакова II.—Реакціонное настроеніе націи и шансы абсолютизма въ эпоху реставраціи.—Англиканизмъ и реставрація.—Парламентская борьба при Карлѣ II.—Test-act и habeas corpus act.—Вопросъ о престолонаслѣдіи и возникновеніе партій торіевъ и виговъ.—Реакція въ концѣ царствованія Карла II.—Царствованіе Іакова II.

Приступая къ изложенію исторіи Франціи и Англіи въ XVII в., мы указали на то, что на этихъ двухъ странахъ мы знакомимся съ двумя политическими противоположностями исторической жизни Запада въ указанную эпоху. Къ такому заявленію можно еще прибавить, что та же противоположность продолжаетъ существовать и въ XVIII в., и что даже въ наибольшей полнотѣ и съ особою силою она проявляется именно въ прошломъ столѣтіи, потому что лишь уничтоженіе Людовикомъ XIV нантскаго эдикта, съ одной стороны, завершило систему французскаго абсолютизма, и лишь вторая революція, съ другой стороны, окончательно упрочила въ Англіи политическую и религіозную свободу, оба же эти событія, т.-е. и отмѣна нантскаго эдикта, и вторая англійская революція совершились въ

---

[1]) По исторіи реставраціи Стюартовъ и второй революціи въ Англіи см., кромѣ общихъ исторій Англіи, сочиненія, указанныя въ главѣ XXXII (*Маколея*, *Ранке* и др.), а также *Арманъ Каррель*. Исторія контръ-революціи въ Англіи (1827). *Amos*. The english constitution in the reign of Charles II.— *O. Klopp*. Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Grossbritannien und Irland.—*О. Эйри*. Реставрація Стюартовъ (въ одной книгѣ съ соч. *Гардинера:* Пуритане и Стюарты).—*Аммонъ*. Политическая жизнь Англіи въ эпоху реставраціи Стюартовъ (Юр. Вѣстн., 1885) и Вліяніе революціи 1688 г. на государственный строй Англіи (тамъ же).—О Habeas corpus-act'ѣ *Дайси*. Основы государственнаго права Англіи (155—178) и соч. *В. Ѳ. Дерюжинскаго*. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву.

самомъ концѣ XVII в. Мы указывали также на то, что переворотъ 1689 г. наносилъ сильный ударъ политикѣ Людовика XIV, сдѣлавъ изъ Англіи врага Франціи въ двухъ послѣднихъ войнахъ этого короля, но и въ другомъ отношеніи вторая революція получила значеніе важнаго факта въ исторіи вообще Западной Европы. Низложеніе Іакова II и возведеніе на англійскій престолъ Вильгельма III обезпечило въ Англіи существованіе конституціонной монархіи, окончательно развившей въ XVIII в. свои учрежденія путемъ внесенія въ нихъ новыхъ началъ и сдѣлавшейся впослѣдствіи цѣлью политическихъ стремленій въ континентальныхъ странахъ. Вмѣстѣ съ этимъ установилась въ Англіи и духовная свобода, благодаря которой возникла здѣсь философская и политическая литература, оказавшая въ XVIII в. столь сильное вліяніе на мысль передовыхъ націй материка и прежде всего самой же Франціи, гдѣ въ концѣ царствованія Людовика XIV уже зародилось оппозиціонное направленіе, представлявшее удобную почву для принятія англійскихъ идей. Съ такой точки зрѣнія мы и разсмотримъ теперь все, что представляетъ наибольшій интересъ въ англійской исторіи во второй половинѣ XVII в., а такими явленіями нужно считать *продолженіе борьбы съ королевскою властью за свободу въ эпоху реставраціи Стюартовъ и торжество свободы, вслѣдствіе второй революціи*, съ одной стороны, а съ другой—развитіе деизма и свободныхъ политическихъ идей.

Когда въ 1640 году собрался долгій парламентъ, въ немъ не было никакихъ разногласій относительно той правительственной системы, которой держался Карлъ I въ предыдущія одиннадцать лѣтъ. Партіи кавалеровъ и круглоголовыхъ, какъ извѣстно, образовались нѣсколько позднѣе, причемъ главный вопросъ, ихъ раздѣлившій, касался новыхъ гарантій для парламента, которыхъ желала одна партія и которыя другая, наоборотъ, находила излишними. Междоусобіе, начавшееся въ 1642 г., выдвинуло впередъ третью политическую силу, доставившую круглоголовымъ побѣду надъ кавалерами, но въ то же время установившую въ Англіи республику, о которой въ началѣ конфликта никто не думалъ. Извѣстно, что въ періодъ борьбы между пресвитеріанскимъ парламентомъ и индепендентской арміей, предшествовавшей казни короля и провозглашенію республики, круглоголовые готовы были итти на всякія уступки съ своей стороны, лишь бы достигнуть примиренія съ королемъ и вырвать тѣмъ самымъ изъ рукъ индепендентскаго войска власть, находившуюся фактически въ его рукахъ, но имъ не удалось достигнуть своей цѣли. Если, однако, пресвитеріане не сумѣли или не смогли помѣшать низверженію монархіи, то и республика, бывшая дѣломъ весьма незначительнаго меньшинства націи и вынужденная вдоба-

вокъ опираться на военную силу, не имѣла прочной будущности, такъ какъ была лишена твердой опоры въ націи и вызывала противъ себя нерасположеніе одинаково въ обѣихъ большихъ партіяхъ, на которыя раздѣлились правящіе классы. Реставрація Стюартовъ въ 1660 году была не только вообще побѣдою конституціонной монархіи надъ республикою, но и побѣдою въ частности кавалеровъ надъ круглоголовыми, такъ какъ *Карлъ II былъ возстановленъ на престолъ Англіи безъ какихъ бы то ни было гарантій*, какихъ пресвитеріане добивались у его отца. О возстановленныхъ Стюартахъ можно сказать то же самое, что полутора вѣками позже сказано было о возвратившихся во Францію Бурбонахъ: въ изгнаніи они „ничего не позабыли и ничему не научились". Но и англійская нація не желала поступиться тѣми правами, за сохраненіе которыхъ боролась съ Іаковомъ I и Карломъ I. Поэтому реставрація въ исторіи Англіи и была эпохою возобновленія борьбы между королевскою властью и парламентомъ. Полная неудача республиканской и демократической попытокъ и возстановленіе стараго строя заставили индепендентовъ и левеллеровъ совершенно сойти съ политической арены, и взаимныя отношенія находившихся между собою въ борьбѣ силъ были теперь приблизительно такими же, какими были въ моментъ начала разлада между кавалерами и круглоголовыми. Въ царствованіе Карла II прежній антагонизмъ возродился даже въ образованіи двухъ парламентскихъ партій (торіевъ и виговъ), ставшихъ въ неодинаковыя отношенія къ королевской прерогативѣ. Этимъ партіямъ суждено было впослѣдствіи находиться въ постоянномъ антагонизмѣ, но былъ моментъ, когда обѣ онѣ, какъ и въ 1640 г., дѣйствовали опять заодно въ защиту политической свободы, которой снова угрожала серьезная опасность. Это было въ 1688—89 г., когда произошла вторая революція, лишившая Стюартовъ престола. Но на этотъ разъ осуществились уже стремленія парламентской партіи, такъ какъ призванный на престолъ штатгальтеръ голландскій долженъ былъ дать новыя гарантіи въ пользу того, что впредь на права парламента не будетъ дѣлаться покушеній, хотя этимъ гарантіямъ было еще далеко до извѣстныхъ требованій 1642 г. Что касается до республиканскихъ и демократическихъ элементовъ, игравшихъ такую видную роль въ исторіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII в., то въ новомъ переворотѣ они не принимали участія. Между прочимъ какъ-разъ боязнь правящихъ классовъ передъ новымъ выступленіемъ этихъ элементовъ заставила роялистовъ не оказывать сопротивленія ихъ противникамъ, когда послѣдніе рѣшили отнять власть у царствующаго монарха и обставить права его преемника новыми гаран-

тіями въ пользу парламента. Таковъ былъ смыслъ революціи 1689 г. во внутренней англійской исторіи.

Послѣ междоусобной войны и военнаго деспотизма, продолжавшихся около двадцати лѣтъ, возвращеніе Стюартовъ, сопровождавшееся возстановленіемъ старой конституціи, казалось, однако, громадному большинству англичанъ началомъ эпохи мира и свободы, тѣмъ болѣе, что Карлъ II обѣщалъ всеобщую амнистію, исключивъ изъ нея лишь тѣхъ, кого найдетъ нужнымъ изъять самъ парламентъ, а также обѣщалъ и свободу совѣсти и справедливый разборъ въ парламентѣ вопроса объ отчужденныхъ и пріобрѣтенныхъ въ революцію имуществахъ. Хотя нѣкоторые пресвитеріане и указывали въ парламентѣ на необходимость точнѣе опредѣлить мѣру предоставляемой королю власти, но большинство не желало этого, довольствуясь сдѣланными Карломъ II обѣщаніями. Парламентъ исключилъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ амнистіи остававшихся въ живыхъ „цареубійцъ" и вмѣстѣ съ ними, напримѣръ, Генри Вена, которые и были преданы казни, а также подвергъ разнаго рода взысканіямъ множество другихъ лицъ, такъ или иначе выдвинувшихся въ эпоху революціи и республики. У людей, пріобрѣтавшихъ секуляризованныя и конфискованныя имѣнія, послѣднія отбирались безъ всякаго вознагражденія. Наконецъ, королю вотированы были весьма значительныя суммы. Это была реакція со стороны партіи, понесшей сначала пораженіе, но теперь считавшей себя побѣдительницей. Происходила одновременно и другая реакція—противъ суроваго пуританскаго режима, не смогшаго окончательно задушить настроеніе „старой веселой Англіи", и во главѣ этой реакціи сталъ самъ король, блестящій весельчакъ, любитель развлеченій и удовольствій, довольно безпечный насчетъ требованій морали и какихъ бы то ни было убѣжденій, и потому бывшій полною противоположностью пуританизма. Но въ этой-то самой безпринципности короля, въ его нравственной распущенности, въ его чрезмѣрной погонѣ за удовольствіями и заключалась одна изъ тѣхъ бѣдъ, какія онъ принесъ съ собою въ Англію. Другою бѣдою было то, что, подобно отцу и дѣду, онъ былъ совершенно чуждъ національному духу англичанъ: воспоминанія молодости не могли внушить ему привязанности къ родинѣ, и жизнь на чужбинѣ, въ изгнаніи, въ средѣ, проникнутой совсѣмъ не англійскими идеями и стремленіями, еще болѣе дѣлала его чуждымъ традиціямъ и интересамъ націи, возвратившей ему престолъ. Въ Карлѣ II возродились притязанія его отца и дѣда на абсолютную власть. Правда, онъ не рѣшался открыто нападать на привилегіи парламента, но онъ пользовался всѣми зависѣвшими отъ него средствами, чтобы обратить эти привилегіи въ ничто. Продолжительность депутатскихъ полномочій зависѣла, на-

примѣръ, исключительно отъ усмотрѣнія короля, и Карлъ II не распускалъ первый свой парламентъ въ теченіе 18 лѣтъ, хотя этотъ парламентъ уже и не соотвѣтствовалъ въ концѣ своего существованія настроенію избирателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ II широко пользовался, когда находилъ нужнымъ, и своимъ правомъ отсрочивать парламентскія сессіи, такъ что палаты иногда собирались лишь для того, чтобы разойтись. Вопреки трехгодичному акту долгаго парламента, утвержденному его отцомъ, Карлъ II съ 1681 г. по 1685 г. и совсѣмъ не созывалъ парламента. Созданіе новыхъ бурговъ съ правомъ представительства, оффиціальныя кандидатуры на выборахъ, подкупъ членовъ нижней палаты были также средствами, которыми широко пользовался Карлъ II въ интересахъ своей политики. Черезъ парламентъ онъ старался, далѣе, проводить постановленія, въ частныхъ случаяхъ расширявшія власть и значеніе правительственныхъ лицъ, и ничѣмъ не стѣсняясь, примѣнялъ свою диспенсивную и суспендивную власть, т.-е. дѣлалъ частныя изъятія изъ законовъ или временно пріостанавливалъ ихъ дѣйствіе. Министровъ, совершавшихъ противоконституціонные проступки, онъ прямо бралъ подъ свою защиту, прикрывая ихъ королевскимъ авторитетомъ или прибѣгая, въ случаѣ судебнаго ихъ преслѣдованія, къ своему праву помилованія. Въ самомъ же началѣ своего царствованія Карлъ II сталъ, наконецъ, сближаться съ Людовикомъ XIV, которому продалъ Дюнкирхенъ, чтобы растратить затѣмъ значительную часть вырученной суммы на свои удовольствія. Впослѣдствіи французскій и англійскій короли вошли даже въ тайное соглашеніе, которое было направлено противъ англиканской церкви, парламента и голландской республики. Въ силу этого соглашенія Карлъ II за свое содѣйствіе планамъ Людовика XIV и ради того, чтобы имѣть деньги, не прибѣгая къ созыву парламента, сталъ получать отъ французскаго короля большую денежную пенсію, которая шла туда же, куда уходили иногда и суммы, вотировавшіяся парламентомъ, т.-е. на любовницъ и на разгульную жизнь.

Съ Карломъ II возвратился въ Англію и его младшій братъ, герцогъ Іоркскій, который за неимѣніемъ у короля законнаго потомства долженъ былъ послѣ него царствовать. Между тѣмъ наслѣдникъ престола, ставшій вдобавокъ во главѣ англійскаго флота съ титуломъ генералъ-адмирала, открыто перешелъ въ католицизмъ, бывшій для англичанъ со временъ Маріи Кровавой и борьбы противъ Филиппа II какъ бы синонимомъ измѣны національной независимости и политической свободѣ. Герцогъ Іоркскій даже еще ближе, чѣмъ его братъ, входилъ въ планы Людовика XIV, такъ какъ у него съ стремленіемъ къ абсолютизму соединялся католическій фанатизмъ,

съ желаніемъ подавить политическую свободу—надежда на возможность возстановленія въ Англіи римской церкви. Въ послѣдніе годы своего царствованія Карлъ II даже подпалъ подъ вліяніе своего брата, и воцареніе Іакова II въ томъ же году, когда Людовикъ XIV уничтожалъ нантскій эдиктъ, должно было казаться особенно опаснымъ англійскимъ патріотамъ, тѣмъ болѣе, что герцогъ Іоркскій, сдѣлавшись королемъ подъ именемъ Іакова II, вполнѣ унаслѣдовалъ отъ своего брата его политику по отношенію къ парламенту. Тѣмъ не менѣе роялистическія чувства были такъ сильны, — а еще сильнѣе былъ страхъ передъ новой революціей,—что большинство въ правящихъ классахъ не только переносило все, что ни дѣлали и Карлъ II, и его министры, и его братъ, но даже *становилось на сторону правительства, дабы противодѣйствовать всякой такой оппозиціи, изъ которой могли бы выйти новыя замѣшательства, новая революція.* Правда, это большинство надѣялось, что по смерти обоихъ братьевъ престолъ перейдетъ къ одной изъ дочерей второго брата, или къ Маріи, женѣ Вильгельма Оранскаго, или къ Аннѣ, бывшей замужемъ также за протестантскимъ принцемъ (Георгомъ Датскимъ). Поэтому опасности, грозившія свободѣ и протестантизму, казались англичанамъ временными, преходящими, и лишь тогда, когда само большинство стало опасаться, какъ бы не ошибиться въ своихъ расчетахъ, оно дало совершиться второму паденію Стюартовъ. Въ такомъ настроеніи большинства проявлялся, впрочемъ, не одинъ страхъ передъ новой революціей, но и увѣренность въ жизненной силѣ старыхъ учрежденій, въ томъ, что они благополучно выйдутъ изъ переживавшагося кризиса. И для такой надежды основаніе, дѣйствительно, было, потому что сила вещей все-таки давала себя знать. Уже одно то, что вмѣсто открытаго нападенія на самый принципъ народнаго представительства Карлъ II въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго царствованія велъ противъ него скорѣе глухую борьбу отдѣльными и разрозненными мѣрами, все-таки свидѣтельствовало о перемѣнѣ къ лучшему сравнительно съ временами Іакова I и Карла I, хотя реакціонное настроеніе націи, повидимому, и должно было бы благопріятствовать болѣе смѣлой и принципіальной борьбѣ. Мало того: Карлу II не разъ приходилось нехотя подчиняться тому, чего отъ него требовали парламентъ и общественное мнѣніе, напримѣръ, участвовать въ борьбѣ съ Людовикомъ XIV, отказываться отъ министровъ, возбудившихъ неудовольствіе палатъ, давать свое согласіе на статуты, бывшіе лично ему крайне антипатичными и пр. Можно даже сказать, что частные успѣхи, которые, повидимому, дѣлалъ въ Англіи произвольный режимъ въ царствованіе Карла II, *совсѣмъ не гармонировали съ общимъ характеромъ тѣхъ отношеній,*

какія упрочивались между королемъ и палатами, какъ это доказывается всею парламентской исторіей реставраціи. Именно открытаго нападенія на право вотированія налоговъ болѣе не дѣлается; законодательная инціатива членовъ парламента въ эту эпоху даже окончательно упрочивается; королю приходится считаться съ парламентомъ и въ дѣлахъ внѣшней политики; происходитъ не одинъ разъ смѣщеніе министровъ по желанію палатъ; наконецъ, намѣчается будущій конституціонный бюджетъ, такъ какъ субсидіи начинаютъ вотироваться прямо на опредѣленныя цѣли. Однимъ словомъ, *шансы абсолютизма нисколько не возросли въ Англіи въ эту реакціонную пору ея исторіи,* если уже при самыхъ, повидимому, неблагопріятныхъ для свободы условіяхъ парламентъ продолжалъ не только удерживать свою позицію, но даже и прямо расширять свои прежнія права. Реакціонное настроеніе, порожденное революціонной бурей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, во многомъ, конечно, способствовало произвольной политикѣ Карла II и Іакова II, но въ общемъ оно не заходило такъ далеко, чтобы сдѣлаться почвою, на которой могъ бы вырости въ Англіи абсолютизмъ. Роялисты, выводившіе изъ божественнаго права королей ихъ безотвѣтственность передъ подданными и требовавшіе со стороны послѣднихъ безпрекословнаго повиновенія королевской власти, отнюдь не думали выводить отсюда необходимость уничтоженія парламента. Если даже крайніе теоретики божественнаго права и становились на точку зрѣнія абсолютизма, то вся партія отстаивала лишь королевскую прерогативу, не думая объ уничтоженіи парламента и вооружаясь лишь противъ его притязаній на ограниченіе этой прерогативы. Конечно, логическіе выводы изъ посылокъ политической теоріи какъ кавалеровъ, такъ и смѣнившихъ ихъ торіевъ могли бы и должны были бы дѣлаться другіе, именно въ духѣ притязаній Стюартовъ; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ лишь дѣло съ такою же непослѣдовательностью, какая обнаруживалась раньше въ теоріяхъ и въ поведеніи круглоголовыхъ и индепендентовъ. Кавалеры (и торіи) не были абсолютистами, какъ и круглоголовые (виги) не были республиканцами: и тѣ, и другіе были сторонниками конституціонной монархіи и только различнымъ образомъ понимали взаимныя отношенія между королевской прерогативою и парламентскими привилегіями, заимствуя свои аргументы изъ противоположныхъ теорій—божественнаго права королей и народовластія. Они даже умѣли дѣйствовать заодно, если что-либо грозило прямо конституціонной монархіи, какъ то было и въ 1640 г., когда еще не произошло раздѣленіе на партіи, и въ 1660 г., когда подъ знаменемъ роялизма республику смѣняла конституціонная монархія, и въ 1688—89 гг., когда, наоборотъ, вопреки роялистическимъ прин-

ципамъ новая революція спасала эту конституціонную монархію отъ абсолютизма. Если для Страффорда могла служить образцомъ система Ришелье, то для двухъ послѣднихъ Стюартовъ такимъ примѣромъ для подражанія была система Людовика XIV, но между этими двумя образцами была все-таки маленькая разница. Континентальный абсолютизмъ въ борьбѣ съ аристократическими классами опирался на народныя массы; выступленіе послѣднихъ на сцену политической исторіи въ Англіи указывало на то, что если бы онѣ еще разъ появились на этой сценѣ для низверженія конституціонной монархіи, то произошло бы это уже никакъ не въ пользу абсолютизма, такъ какъ традиція политической свободы не была совсѣмъ чужда и тѣмъ общественнымъ классамъ, которые въ общемъ не играли особой роли въ государственной жизни Англіи. Главною защитницею парламента была, конечно, джентри, заключавшая въ себѣ около 340 т. человѣкъ; но если изъ нея преимущественно вербовались члены нижней палаты, то избирательными правами, обусловленными извѣстнымъ цензомъ, пользовалась въ Англіи все-таки цѣлая почти половина ея тогдашняго населенія, именно около $2^1/_2$ изъ $5^1/_2$ милліоновъ.

Столь же безуспѣшнымъ предпріятіемъ, какъ введеніе абсолютизма, долженъ былъ быть и планъ обращенія Англіи въ католицизмъ. Религіозное состояніе населенія въ эту эпоху представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Во-первыхъ, несмотря на всю ту роль, какую пуританизмъ игралъ въ исторіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ лишь меньшинство населенія, хотя бы и весьма зажиточное и наиболѣе развитое и очень энергичное. Можно допустить для всѣхъ пуританъ цифру въ 300 т. человѣкъ, среди которыхъ лишь около 20 т. приходилось на чистыхъ пресвитеріанъ. Что касается до массы населенія, то она оставалась вѣрною умѣренному англиканизму, давно сдѣлавшемуся національнымъ вѣроисповѣданіемъ англичанъ. Реставрація Стюартовъ сопровождалась возстановленіемъ епископальной церкви, какъ государственной религіи со всѣми послѣдствіями акта объ единообразіи, а въ англиканскомъ духовенствѣ Карлъ II нашелъ одну изъ самыхъ надежныхъ опоръ для своего трона. Покушаться на англиканизмъ значило поэтому подрывать одну изъ основъ политической власти, лишать реставрацію одной изъ наиболѣе прочныхъ ея опоръ. Правда, въ Англіи существовали и католики, но это была только горсть — какихъ-нибудь 25, много 30 тысячъ, и католическая партія, во главѣ которой стоялъ Іаковъ II, еще бывши герцогомъ Іоркскимъ, могла, конечно, расчитывать не столько на силы своихъ приверженцевъ въ странѣ, хотя сама партія, повидимому, все-таки ихъ преувеличивала, сколько на силы правительства, на содѣйствіе іезуитовъ и на помощь

Людовика XIV. *Своимъ сочувствіемъ католицизму Стюарты и оттолкнули отъ себя самую консервативную силу въ странѣ — англиканское духовенство.* Однимъ словомъ, роялизмъ и англиканизмъ, побѣжденные пуританскою революціей, видѣли въ реставраціи законной династіи торжество своего дѣла, но реставрація стала какъ-разъ угрожать обѣимъ своимъ опорамъ, проявивъ стремленіе къ абсолютизму и симпатію къ католицизму и ставъ въ подчиненное положеніе относительно главнаго представителя этихъ двухъ принциповъ — Людовика XIV. Спасти конституціонную монархію, англиканскую церковь и національную независимость оказалось возможнымъ лишь при помощи новой революціи, но при этомъ роялисты прямо сознали необходимость поступиться кое-чѣмъ въ пользу партіи, унаслѣдовавшей нѣкоторые принципы первой революціи.

На то, чтобы реставрація окончательно порвала свои связи съ тѣми силами, которыя ее совершили и потомъ поддерживали, потребовалось, однако, двадцать восемь лѣтъ. Въ началѣ реакціонное настроеніе націи, особенно выразившееся въ мести дѣятелямъ революціоннаго пуританизма и даже не остановившееся передъ повѣшеніемъ труповъ „цареубійцъ" (между прочимъ Кромвеля), было весьма удобною почвою для развитія правительственнаго произвола. Карлъ II могъ похвалиться передъ Людовикомъ XIV, что противъ желанія страны началъ войну съ Голландіей (окончившуюся, впрочемъ, для Англіи, какъ извѣстно, самымъ позорнымъ образомъ, такъ какъ голландскій флотъ входилъ даже въ Темзу). Сначала главнымъ совѣтникомъ Карла II былъ графъ Кларендонъ, служившій еще его отцу и раздѣлявшій вмѣстѣ съ нимъ изгнаніе: но король недолюбливалъ его за суровую серьезность и властолюбивый нравъ и охотно принесъ его въ жертву сильному общественному неудовольствію, нашедшему поддержку и въ парламентской оппозиціи, когда палата общинъ обвинила Кларендона въ государственной измѣнѣ. Опальный министръ долженъ былъ уѣхать на континентъ. Карлъ II вынужденъ былъ сдѣлать и другую уступку, примкнувъ къ тройственному союзу противъ Людовика XIV, хотя вскорѣ по тайному договору (дуврскому) съ Людовикомъ XIV онъ обязался принять католицизмъ и содѣйствовать видамъ французскаго короля на Голландію и Испанію за денежную субсидію и за обѣщаніе военной помощи въ случаѣ надобности противъ мятежныхъ подданныхъ. Этотъ договоръ развязывалъ руки Карлу II. Онъ подобралъ себѣ министровъ по собственному вкусу и образовалъ кабинетъ, получившій презрительную кличку „Кабаль"— по начальнымъ буквамъ фамилій его членомъ (Клиффордъ, Арлингтонъ, Бёкингэмъ, Ашли и Лодердаль). Въ это же самое время и герцогъ Іоркскій открыто перешелъ въ католицизмъ (1669). Мало того:

Карлъ II задумалъ воспользоваться своею диспенсивною властью и якобы во исполненіе своего обѣщанія о вѣротерпимости, но въ сущности для исполненія обязательствъ своихъ передъ Людовикомъ XIV, издалъ прокламацію объ „индульгенціи", пріостанавливавшую дѣйствіе респрессивныхъ законовъ противъ нонконформистовъ (1672). Характеръ деклараціи не обманулъ, однако, протестантскихъ диссидентовъ, говорившихъ, что они не желаютъ пользоваться выгодами, которыя даются „слугамъ антихриста", англиканъ же декларація, разумѣется, прямо раздражила. Парламентъ тоже былъ недоволенъ въ виду того, что ею самовольно отмѣнялись парламентскіе статуты. Поэтому недовольный еще и внѣшнею политикою Карла II [1]), парламентъ сдѣлалъ въ 1673 г. нападеніе на министерство Кабаль, настоялъ на отмѣнѣ деклараціи и принудилъ самого короля согласиться на такъ называемый „актъ о присягѣ" (test-act), который былъ направленъ главнымъ образомъ противъ католиковъ. По этому закону никто не могъ занимать какой-либо государственной или общественной должности, не принесши присяги королю, какъ главѣ церкви, и не принявши причастія по англиканскому обряду. Что законъ былъ направленъ преимущественно противъ католиковъ, это явствуетъ изъ требованія, чтобы лица, желавшія занимать ту или другую должность, собственноручно подписывали заявленіе противъ догмата о пресуществленіи въ таинствѣ евхаристіи. Въ силу test-act'а герцогъ Іоркскій вынужденъ былъ сложить съ себя должность генералъ-адмирала, а католикъ Клиффордъ — выйти изъ министерства, которое скоро затѣмъ распалось, такъ какъ самый даровитый изъ его членовъ, гр. Шэфтсбери (Ашли), не отличавшійся вообще постоянствомъ, измѣнилъ Карлу II и перешелъ на сторону оппозиціи. Враждебное къ католикамъ настроеніе англичанъ выразилось еще въ возникновеніи слуха, которому охотно тогда повѣрили, будто бы, какъ оффиціально доносилъ нѣкій Титъ Отсъ, католики съ герцогомъ Іоркскимъ во главѣ составили страшный заговоръ противъ Англіи. Подъ вліяніемъ паники, охватившей тогда общество, парламентъ издалъ самыя суровыя мѣры противъ папистовъ, и многіе изъ нихъ были даже казнены.

Въ 1678 г. Карлъ II распустилъ свой первый парламентъ, продолжавшійся 18 лѣтъ и заслуживающій потому названіе второго долгаго парламента. Созванный въ 1660 г. и выражавшій собою тогдашнее реакціонное настроеніе націи, онъ былъ теперь распущенъ уже за свое оппозиціонное направленіе. Палата общинъ начала процессъ противъ тогдашняго главнаго министра (Дэнби), обвинивъ его въ полученіи субсидій отъ Людовика XIV, въ тайныхъ измѣнниче-

[1]) Въ это время Англія была въ войнѣ съ Голландіей.

скихъ сношеніяхъ съ иностранной державой, въ расточеніи государственныхъ денегъ и въ приверженности къ папизму, при чемъ былъ выставленъ принципъ, что министръ отвѣчаетъ не только за законность, но и за „честность, справедливость и полезность“ своихъ дѣйствій. Послѣ распущенія парламента дѣло, имъ начатое, продолжалъ, однако, и новый парламентъ, хотя Карлъ II, открывая его засѣданія, объявилъ, что онъ помиловалъ Дэнби и вмѣстѣ съ этимъ уволилъ его отъ должности. Палата общинъ съ своей стороны не хотѣла признавать за королемъ права помилованія въ дѣлахъ подобнаго рода и даже постановила считать измѣнникомъ всякаго своего члена, который сталъ бы поддерживать подобное право короны. Но особенно прославился второй парламентъ Карла II изданіемъ Habeas corpus act'а, этой „третьей великой хартіи“ (считая вторую петицію о правахъ 1628 г.). Произвольные аресты были вообще однимъ изъ золъ, на которыя съ самаго начала реставраціи стали жаловаться въ Англіи. Уже раньше существовало у англійскихъ судей право требовать, чтобы каждый заключенный въ тюрьму былъ представленъ въ судъ съ объясненіемъ причины ареста, послѣ чего судъ могъ бы или поступить съ нимъ по закону, т.-е. начать противъ него процессъ, или же въ случаѣ отсутствія законныхъ основаній для начатія дѣла освободить арестанта, и приказа [1]) могли просить у суда въ такомъ смыслѣ не только самъ заключенный или его довѣренное лицо, но и всякій другой, считавшій арестъ несправедливымъ. Въ числѣ причинъ неудовольствія, возбуждавшагося въ Англіи политикой Стюартовъ, было то, что какъ сами судьи, такъ и тюремщики подъ разными предлогами уклонялись отъ примѣненія habeas corpus'а. Парламентскій актъ 1679 г. и былъ изданъ ради устраненія всѣхъ предлоговъ къ тому, чтобы судьи уклонялись отъ выдачи приказовъ, ограждавшихъ личную неприкосновенность, а тюремщики—отъ необходимости повиноваться такимъ приказамъ. Новымъ парламентскимъ актомъ обезпечивалось право заключеннаго въ случаѣ незаконности ареста требовать освобожденія, въ случаѣ маловажности проступка—быть выпущеннымъ на поруки, въ случаѣ обвиненія въ тяжкомъ преступленіи — не дожидаться долго суда. Вмѣстѣ съ этимъ письменное объявленіе схваченному о причинѣ ареста, представленіе арестованнаго суду въ теченіе извѣстнаго срока (три дня) и запрещеніе переводить его въ тюрьму другого графства сдѣлались главными

[1]) Habeas corpus act былъ изданъ при министерствѣ, въ которомъ участвовалъ Темпль и Шэфтсбери. Настоящее значеніе habeas-corpus (какъ въ сущности назывался указываемый въ текстѣ приказъ) вытекаетъ изъ подразумѣваемаго „ad subjiciendum“: этими словами судъ повелѣваетъ доставить ему „тѣло“ (личность) заключеннаго.

условіями, которыя реальнымъ образомъ стали обезпечивать въ Англіи индивидуальную свободу. Англійскій habeas corpus и французскія lettres de cachet—полнѣйшая противоположность.

Скоро въ парламентѣ 1679 г. возникъ и другой важный политическій вопросъ. Герцогъ Іоркскій, предполагаемый наслѣдникъ престола, былъ католикъ, и Англіи грозила опасность имѣть королемъ паписта, который долженъ былъ бы стать и во главѣ государственной церкви. Образовалась поэтому партія, задумавшая исключить парламентскимъ актомъ герцога Іоркскаго изъ права престолонаслѣдія, причемъ у этой партіи былъ и кандидатъ на престолъ въ лицѣ побочнаго сына Карла II, герцога Монмута. Противъ такой комбинаціи образовалась другая партія, которая видѣла въ отнятіи у законнаго наслѣдника престола принадлежавшихъ ему правъ шагъ прямо революціоннаго характера,—шагъ, наносящій ударъ исконнымъ правамъ монархіи и грозящій новыми смутами. Въ этомъ раздѣленіи партій по вопросу объ „исключеніи“ герцога Іоркскаго—и притомъ въ связи съ разнымъ пониманіемъ отношеній между націей и монархомъ — возродилась старая противоположность между кавалерами и круглоголовыми. Теперь былъ лишь другой поводъ и явились другія клички — „виговъ“ для партіи, противной герцогу Іоркскому, „торіевъ“ — для защитниковъ его правъ (виги были крайними пресвитеріанскими фанатиками, бунтовавшими въ Шотландіи, а торіи католическими фанатиками, бунтовавшими въ Ирландіи). Свои аргументы противъ билля объ исключеніи новая роялистическая партія заимствовала изъ теоріи о божественномъ происхожденіи королевской власти, тогда какъ новая парламентская партія ссылалась на ученіе о томъ, что между королемъ и народомъ существуетъ обязывающій обѣ стороны договоръ, и что нарушеніе этого договора королемъ даетъ народу право сопротивляться. Карлъ II воспользовался своимъ правомъ отсрочки засѣданій палатъ, чтобы не допустить парламентъ до принятія билля объ исключеніи, и перемѣнилъ министровъ (Темпля и Шэфтсбери), благопріятствовавшихъ притязаніямъ парламентскаго большинства. Это, впрочемъ, не остановило непріятной ему агитаціи, и она продолжала волновать страну и во время отсрочки парламента. Когда послѣдній снова былъ созванъ (осенью 1680 г.), билль объ исключеніи прошелъ въ нижней палатѣ, но верхняя палата его отвергла, и Карлъ II опять отсрочилъ засѣданія парламента. Заручившись новымъ тайнымъ договоромъ съ Людовикомъ XIV и получивъ отъ него денежную субсидію, Карлъ II созвалъ отсроченный парламентъ, но уже не въ Лондонѣ, а въ Оксфордѣ, боясь вигистскаго настроенія столицы (1681). Новая сессія, однако, не привела ни къ какому соглашенію, и парламентъ былъ опять распущенъ. Послѣ этого нача-

лась репрессія виговъ, въ которой правительство находило поддержку со стороны большинства населенія, боявшагося революціи, а виги прибѣгли къ обычному средству слабыхъ партій—къ заговорамъ. Правительство открыло большой заговоръ, получившій названіе райгаусскаго, и лишь очень немногіе изъ его участниковъ (Шэфтсбери и Монмутъ, испросившій себѣ помилованіе у короля) спаслись на материкъ, остальные же подверглись казни. Между казненными былъ Альджернонъ Сидней, одинъ изъ дѣятелей первой революціи и политическихъ писателей эпохи, засѣдавшій въ судѣ надъ Карломъ I, но подававшій голосъ противъ его казни. Во время реставраціи онъ жилъ на материкѣ до 1677 г., когда оказалось возможнымъ вернуться на родину вслѣдствіе амнистіи; въ качествѣ члена парламента онъ сдѣлался потомъ однимъ изъ горячихъ эксклюзіонистовъ (какъ называли противниковъ герцога Іоркскаго). Другимъ выдающимся членомъ заговора былъ лордъ Россель, защищавшійся на судѣ ссылкою на право сопротивленія въ случаѣ нарушенія королемъ своихъ обязанностей по отношенію къ подданнымъ. Но какъ-разъ въ день казни Росселя оксфордскіе богословы провозгласили торжественное осужденіе доктрины о договорномъ происхожденіи королевской власти, какъ ученія, противнаго христіанской вѣрѣ (1683). Реакція теперь была въ полномъ разгарѣ. Парламентъ болѣе не созывался. Герцогъ Іоркскій получилъ снова свою прежнюю должность и пріобрѣлъ большое вліяніе на брата. Католицизму явно оказывалось покровительство.

Карлъ II умеръ въ началѣ 1685 г. Нѣкоторые виги, не хотѣвшіе признавать Іакова II наслѣдникомъ престола, когда онъ былъ герцогомъ Іоркскимъ, рѣшились теперь отнять у него корону посредствомъ возстанія, но попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи ихъ кандидатомъ на престолъ герцогомъ Монмутомъ (и Аргайлемъ въ Шотландіи), окончилась полнымъ пораженіемъ. Претендентъ, высадившійся въ Англіи въ іюнѣ 1685 г., не нашелъ поддержки въ населеніи: парламентъ, созванный еще въ маѣ того же года и въ самомъ началѣ вотировавшій новому королю большія субсидіи, состоялъ преимущественно изъ торіевъ и при извѣстіи о высадкѣ Монмута съ приверженцами далъ Іакову II значительныя средства на подавленіе мятежа; въ іюлѣ Монмутъ уже былъ разбитъ королевскими войсками, находившимися подъ начальствомъ Чёрчиля (впослѣдствіи герцогъ Мальборо), взятъ въ плѣнъ и казненъ послѣ того, какъ мстительный дядя заставилъ его поваляться у себя въ ногахъ съ мольбами о пощадѣ. Возстаніе Монмута (и еще ранѣе его также потерпѣвшаго неудачу Аргайля) только усилило консервативныя чувства въ націи, боявшейся повторенія революціонныхъ смутъ. При такомъ на-

строеніи населенія месть безсердечнаго Іакова II могла не стѣсняться ничѣмъ. Начались казни, продажа въ неволю въ колоніи и другія тяжкія кары для всѣхъ, кого только можно было обвинить, какъ участниковъ въ дѣлѣ Монмута, или даже какъ людей, хоть сколько-нибудь къ нему прикосновенныхъ. Главный руководитель „кровавыхъ ассизъ", Джеффризъ, въ награду за ту ревность, какую онъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ, получилъ отъ короля должность верховнаго судьи. Руководимый іезуитами, Іаковъ II какъ-будто сталъ теперь торопиться, не теряя времени, съ подготовкою католической реставраціи. Въ арміи, численность которой была увеличена въ виду возстанія Монмута, въ высшемъ управленіи, въ королевскомъ совѣтѣ, въ университетахъ, при своемъ дворѣ, король раздавалъ мѣста папистамъ; католики получали отъ него даже церковныя должности; въ Лондонѣ появились іезуиты и другіе католическіе монахи и стали основывать свои учрежденія. Іаковъ II дѣлалъ все это и все это допускалъ, основываясь на своемъ диспенсивномъ правѣ. Съ другой стороны, онъ отрѣшалъ всѣхъ должностныхъ лицъ и судей, которые оказывали неповиновеніе его незаконнымъ распоряженіямъ. Въ своемъ нападеніи на англиканскую церковь онъ готовъ былъ даже соединиться съ крайними сектантами, думая, что провозглашеніе вѣротерпимости пойдетъ лишь на пользу католицизму; но нападеніе на англиканскую церковь вызвало оппозицію даже въ этомъ учрежденіи, представители котораго были дотолѣ главными проповѣдниками пассивнаго сопротивленія. Въ 1686 г. Іаковъ II возстановилъ (подъ новымъ только названіемъ „коммиссаровъ духовныхъ дѣлъ") прежнюю верховную коммиссію, чтобы карать духовныхъ, мѣшавшихъ его католическимъ планамъ. Весною 1688 г. дѣло дошло уже до серьезнаго столкновенія; король издалъ декларацію объ индульгенціи (эдиктъ о вѣротерпимости), приказавъ читать ее въ церквахъ, но духовенство не исполнило его требованія, а семь епископовъ подали ему петицію съ протестомъ противъ „индульгенціи". Іаковъ II отвѣчалъ на петицію угрозами, но она распространилась въ массѣ экземпляровъ среди народа. Тогда король возбудилъ противъ епископовъ преслѣдованіе, какъ противъ распространителей лживаго и злокозненнаго памфлета; епископы были заключены въ тюрьму и преданы суду (такъ называемой „королевской скамьи"), на которомъ предсѣдательствовалъ знаменитый Джеффризъ. На судѣ адвокаты подсудимыхъ оправдывали ихъ тѣмъ, что подача петицій есть исконное право всякаго англичанина, и послѣ долгаго совѣщанія присяжные оправдали епископовъ, что вызвало бурю восторга въ залѣ суда, а затѣмъ и во всей странѣ. Замѣчательно, что адвокаты епископовъ принадлежали къ торійской партіи, и что сами судьи приняли сторону подсуди-

мыхъ. Въ томъ же самомъ 1688 г. у Іакова II послѣ долгаго безплодія его второй жены родился сынъ. Хотя и распространился слухъ, будто королева вовсе не была беременна и ребенокъ былъ подложный, и что все было поддѣлано папистами, желавшими, чтобы у короля-іезуита былъ католическій наслѣдникъ [1]), тѣмъ не менѣе надежда роялистовъ и англиканъ на то, что по смерти Іакова II престолъ перейдетъ къ его дочери-протестанткѣ, Маріи Оранской, исчезла, и это рѣшило судьбу Стюартовъ. Въ концѣ 1688 г. произошла вторая революція, которая въ 1689 г. была консолидирована возведеніемъ на престолъ Маріи и ея мужа, Вильгельма. Мы и перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію этого факта, которымъ заканчивается въ исторіи Англіи долговременная борьба между королевскою властью и парламентомъ.

XLV. Вильгельмъ Оранскій и вторая англійская революція.

Голландія въ XVII в.—Ея роль въ культурной и политической исторіи Европы.—Возвышеніе Вильгельма Оранскаго.—Его характеръ.—Родство Вильгельма Оранскаго съ Стюартами.—Виги и Вильгельмъ Оранскій.—Его планы относительно Англіи.—Въ чемъ состояла вторая англійская революція?—Декларація правъ 1689 г.—Протестантскій характеръ революціи 1688—89 гг.

Революція, вторично лишившая Стюартовъ аглійскаго престола, произошла не только въ связи съ внутренней борьбою, совершавшеюся въ самой Англіи, но и въ связи съ борьбою, которую давно уже вели между собою на материкѣ Европы Франція и Голландіи, т.-е. реакціонный католицизмъ и абсолютизмъ, съ одной стороны, а съ другой—протестантизмъ и политическая свобода. Іакова II низвергли виги при попустительствѣ торіевъ, но вигамъ оказалъ дѣятельную помощь и голландскій штатгальтеръ, что̀ въ свою очередь стояло въ тѣсной связи съ его иностранной политикой. Спасеніе протестантизма и политической свободы оказано было Англіи Голландіей, которая сама обязана была и религіозною, и политическою свободою также революціи, совершившейся за цѣлое столѣтіе передъ тѣмъ и также имѣвшей характеръ расторженія договора между королемъ и націей вслѣдствіе того, что король нарушилъ права націи, а нація сочла себя въ правѣ отказать въ повиновеніи королю. Благодаря счастливому географическому положенію, предпріимчивости населенія, свободному государственному строю и развитію просвѣщенія, Голландія въ XVII в.

---

[1]) Въ указанной выше книгѣ А. Карреля разсказывается еще вся эта исторія, какъ вполнѣ достовѣрная.

играла такую важную роль, какая рѣдко выпадаетъ на долю второстепенныхъ государствъ. Въ борьбѣ своей съ Испаніей, окончившейся лишь въ 1648 г., она не только отстояла свою независимость, но завладѣла многими колоніями, принадлежавшими раньше испанцамъ или португальцамъ. Вскорѣ по окончаніи этой войны республикѣ пришлось выдержать другую—съ Англіей при Кромвелѣ, а потомъ и при Карлѣ II. Во всѣхъ союзахъ, устраивавшихся противъ Людовика XIV, Голландіи принадлежала даже особенно видная роль. Отстаивая свою независимость, республика должна была искать союзниковъ, въ числѣ которыхъ одною изъ наиболѣе желанныхъ была Англія, но обстоятельства складывались такимъ образомъ, что привлеченіе этой страны на сторону Голландіи могло совершиться лишь подъ условіемъ оказанія ею помощи партіи, замыслившей въ Англіи государственный переворотъ. Такимъ образомъ Голландія въ теченіе одного столѣтія сначала сама освобождается отъ иноземнаго ига, потомъ удачно борется противъ короля, мечтавшаго объ европейской гегемоніи, и съ успѣхомъ составляетъ противъ него коалиціи, а подъ конецъ содѣйствуетъ утвержденію свободы въ другой странѣ, которой угрожали абсолютизмъ и католическая реакція. Кромѣ того, не нужно еще забывать и того, что жертвы фанатизма и деспотизма въ разныхъ странахъ Европы привыкли находить въ Голландіи вторую родину. Первыя выселенія англійскихъ диссидентовъ на ея территорію начались еще въ XVI в. и продолжались въ XVII столѣтіи, такъ что многіе англійскіе бѣглецы вернулись въ отечество только съ Вильгельмомъ Оранскимъ; пріютъ польскимъ антитринитаріямъ, изгнаннымъ изъ родной страны въ серединѣ XVII в., дала опять-таки Голландія, гдѣ они получили возможность напечатать свои книги и разсказать міру о бѣдствіяхъ своего вѣроисповѣданія въ Польшѣ; сюда же въ Голландію направилась позднѣе и масса французскихъ гугенотовъ, когда ихъ стали насильно обращать въ католицизмъ, и здѣсь же, наконецъ, зародилась оппозиціонная французская литература послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XIV. Рука объ руку съ развитіемъ вѣротерпимости въ республикѣ совершалось также развитіе образованія и научной дѣятельности въ области филологіи, юриспруденціи и философіи. Однимъ словомъ, въ наиболѣе мрачныя времена, когда въ XVII в. одерживали побѣду фанатизмъ и деспотизмъ, *Голландія хранила въ себѣ лучшіе задатки будущей свободы для другихъ странъ Европы*.

Правда, республику долго раздирала борьба религіозныхъ и политическихъ партій, начавшаяся еще при штатгальтерѣ Морицѣ Оранскомъ, сынѣ Вильгельма Оранскаго, основателя республики. Сочетаніе въ этомъ федеративномъ государствѣ республиканскаго на-

чала съ монархическимъ (штатгальтерство, поставленное во главѣ исполнительной власти и получившее въ исключительное свое завѣдованіе сухопутныя и морскія силы страны) повело къ образованію двухъ партій, боровшихся за преобладаніе того или другого начала. Когда въ 1650 г. умеръ четвертый штатгальтеръ, Вильгельмъ II, сынъ Генриха, младшаго брата Морица, наслѣдовавшаго ему къ штатгальтерствѣ, званіе это досталось его малолѣтнему сыну Вильгельму III, но вскорѣ было у него отнято, отчасти по требованію Кромвеля, не желавшаго видѣть во главѣ сосѣдней республики родственника бывшей англійской династіи [1]). Правленіемъ завладѣла тогда республиканская партія, во главѣ которой стоялъ великій пенсіонарій Іоаннъ де Виттъ, энергично и успѣшно ведшій потомъ войну съ Карломъ II и добившійся торжества своей партіи вѣчнымъ эдиктомъ 1668 г. По закону, получившему это названіе, военное начальство на сушѣ и морѣ должно было быть отдѣлено отъ штатгальтерства, и лишь подъ такимъ условіемъ послѣднее могло быть возстановлено. Нападеніе Людовика XIV на Голландію черезъ четыре года все это измѣнило. Успѣхи французовъ дали поводъ оранской партіи обвинить передъ народомъ Іоанна де Витта въ соумышленіи съ французскимъ королемъ, съ которымъ онъ, дѣйствительно, былъ прежде въ союзѣ, и напасть на всю республиканскую партію за то, что она ослабила оборону страны. Тогда произошло народное возстаніе, де Виттъ былъ умерщвленъ на улицахъ Гаги, вѣчный эдиктъ отмѣненъ, и молодой Вильгельмъ III былъ возстановленъ въ штатгальтерскихъ правахъ своихъ предшественниковъ (1672). Мы уже указывали на то, какую роль онъ игралъ, какъ главный политическій противникъ Людовика XIV; теперь мы займемся исключительно имъ самимъ и его отношеніями къ Англіи.

Между прадѣдомъ и правнукомъ, изъ которыхъ одинъ положилъ основаніе голландской республикѣ, а другой содѣйствовалъ упроченію въ Англіи конституціонной монархіи, было нѣкоторое сходство—и въ ихъ характерѣ, и въ ихъ политическомъ положеніи. Замкнутый въ самомъ себѣ, сосредоточенный на своихъ планахъ, задумчивый и молчаливый, сухой и холодный въ обращеніи, Вильгельмъ III, подобно своему знаменитому предку, отличался большимъ честолюбіемъ, которое умѣлъ, однако, связывать съ служеніемъ не однѣмъ личнымъ цѣлямъ,—отличался вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожною предусмотрительностью, дѣлавшею изъ него недюжиннаго политика, отличался и неутомимою энергіею въ достиженіи своихъ плановъ. Благодаря перевороту, доставившему ему власть, когда Людовикъ XIV

[1]) Вильгельмъ III приходился по матери племянникомъ Карла II и Іакова II.

напалъ на Голландію, онъ съ самаго начала своего правленія былъ поставленъ въ положеніе въ высшей степени затруднительное, но зато это позволило ему сразу проявить, несмотря на свои двадцать съ небольшимъ лѣтъ, замѣчательныя силы духа. Ходомъ тогдашнихъ событій Вильгельмъ III былъ поставленъ приблизительно въ такую же оппозицію къ Людовику XIV, въ какой находился его прадѣдъ по отношенію къ Филиппу II: ему также приходилось защищать протестантизмъ и свободу противъ католической реакціи и абсолютизма,— и въ этомъ заключалась вся его историческая роль. Онъ сдѣлался душою всѣхъ коалицій противъ Людовика XIV, какъ бы поставивъ задачею всей своей жизни униженіе этого французскаго короля. Для него, конечно, было весьма важно, чтобы въ борьбѣ, которую онъ велъ съ Франціей, Англія была на сторонѣ Голландіи, а не во враждебномъ ей лагерѣ. Географическая близость Англіи къ Голландіи, ея положеніе на морѣ, ея значительный флотъ дѣлали изъ нея весьма опасную соперницу и уже въ силу одного этого особенно желательную союзницу. Голландія уже испытала на себѣ, что значилъ союзъ Англіи съ Франціей, начавшей войну съ республикой въ 1672 г. Правда, Карлъ II вынужденъ былъ вскорѣ отстать отъ союза съ Людовикомъ XIV и даже заключить миръ съ республикою, но всѣ хорошо знали, что въ глубинѣ души англійскій король былъ вѣрнымъ сторонникомъ Людовика XIV. Между тѣмъ и въ Англіи Вильгельмъ Оранскій съ самаго начала выступленія своего на политическое поприще снискалъ большое сочувствіе и уваженіе. Война съ Голландіей среди англичанъ не пользовалась популярностью, а тутъ еще молодой штатгальтеръ проявилъ такую энергію и храбрость, защищая свою страну отъ Людовика XIV. Лично штатгальтеръ имѣлъ притомъ отдаленныя права на англійскій престолъ, какъ внукъ Карла I по своей матери; въ Англіи даже образовалась партія, которая была непрочь итти на то, чтобы посадить принца Оранскаго на престолъ, когда герцогъ Іоркскій объявилъ себя католикомъ. Карлъ II, всячески старавшійся укрѣпить положеніе своего брата, обратился въ это время къ комбинаціи, которая, какъ онъ думалъ, должна была уничтожить неудовольствіе, существовавшее въ обществѣ противъ герцога Іоркскаго: старшая дочь послѣдняго Марія, предполагаемая послѣ него наслѣдница, была по приказанію короля конфирмирована, какъ протестантка, а затѣмъ выдана замужъ за Вильгельма (1677). Бракъ старшей дочери англійскаго наслѣдника престола съ голландскимъ штатгальтеромъ былъ весьма популяренъ въ Англіи: въ этомъ бракѣ видѣли и залогъ союза между обѣими странами, и гарантію того, что послѣ герцога Іоркскаго корона перейдетъ къ протестанту. Но зато Людовикъ XIV, конечно, былъ этимъ крайне недоволенъ.

Съ самой своей женитьбы Вильгельмъ Оранскій, отличавшійся гордымъ и властнымъ характеромъ, уже считалъ за собою неоспоримыя права на вмѣшательство во внутреннія дѣла Англіи, хотя и продолжалъ держать себя съ большою осторожностью. Когда въ парламентѣ былъ поднятъ вопросъ объ исключеніи его тестя изъ права престолонаслѣдія, нѣкоторые политическіе дѣятели имѣли въ виду уже прямо призвать въ Англію Вильгельма, но Шэфтсбери, самъ въ 1674 г. ведшій съ принцемъ переговоры насчетъ признанія его наслѣдникомъ престола, на этотъ разъ выставилъ кандидатуру побочнаго сына Карла II, герцога Монмута, думая, что „плохое право дѣлаетъ короля хорошимъ“, и опасаясь, что Вильгельмъ, пожалуй, не согласился бы поступиться чѣмъ-либо изъ королевской прерогативы.

Послѣ нимвегенскаго мира Людовикъ XIV былъ наверху своего могущества и совершенно произвольно распоряжался въ Европѣ, и Карлъ II снова былъ въ союзѣ съ французскимъ королемъ. Вильгельмъ Оранскій, приготовлявшійся тогда къ новой борьбѣ съ Франціей и замышлявшій большой европейскій союзъ противъ Людовика XIV, не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому обороту, который приняло дѣло объ исключеніи его тестя. Сначала онъ ожидалъ, что парламентъ прямо объявитъ его жену наслѣдницей, а потому и не думалъ что-либо предпринимать съ своей стороны, но кандидатура герцога Монмута заставила его выступить въ качествѣ защитника правъ своей жены и даже правъ своего тестя. Въ то же время онъ хлопоталъ еще и о примиреніи Карла II съ парламентомъ. Такимъ образомъ *общія политическія отношенія и семейныя связи Вильгельма Оранскаго съ Стюартами давно уже давали ему и поводъ, и право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи.* У него были и сторонники среди англійскихъ политическихъ людей, проводившіе его взгляды въ той борьбѣ, которая происходила въ странѣ по поводу билля объ исключеніи. Между разными другими комбинаціями, возникавшими въ это время, одна была такая: по смерти Карла II его брату принадлежалъ бы лишь титулъ короля, а регентомъ („протекторомъ“) былъ бы Вильгельмъ Оранскій (1681). Понятно, что съ своей стороны Людовикъ XIV всячески, наоборотъ, поддерживалъ права герцога Іоркскаго.

Въ царствованіе Іакова II, когда въ Англіи господствовалъ терроръ и подготовлялась католическая реакція, взоры всѣхъ патріотовъ весьма естественно были обращены на Голландію и на ея штатгальтера. Въ Голландію бѣжали въ ту пору многіе диссиденты и стали удаляться протестантскіе офицеры, а съ Вильгельмомъ Оранскимъ все болѣе и болѣе сносились теперь самыя вліятельныя лица изъ партіи виговъ. Іаковъ II между тѣмъ хотѣлъ вовлечь и дочь

свою, и ея мужа въ политику, благопріятную для реставраціи католицизма, но встрѣтилъ съ ихъ стороны самый рѣзкій отказъ. Это еще болѣе сблизило принца съ вигами и вообще со всѣми защитниками протестантизма и свободы въ Англіи. Рожденіе у Іакова II сына, страшно обрадовавшее папистовъ, повергло, наоборотъ, націю въ полное отчаяніе, но событіе это было непріятно и Вильгельму Оранскому. Вдобавокъ на материкѣ начиналась война съ Людовикомъ XIV, которую должна была вести большая коалиція, составленная Вильгельмомъ Оранскимъ, и въ этой войнѣ Іаковъ II собирался стать на сторону французскаго короля. Вильгельмъ нѣкоторое время колебался притти ли ему на помощь англійскимъ патріотамъ, такъ какъ онъ сомнѣвался, будетъ ли ему дана правительственная власть въ Англіи, когда его жена сдѣлается королевой, но сомнѣнія эти были разсѣяны самою Маріей, которая ему во всемъ подчинялась. Правда, послѣдователи англиканизма долго относились недружелюбно къ Вильгельму, какъ къ кальвинисту, но сознаніе опасности, грозившей ихъ исповѣданію, хлопоты церковной партіи (латитударіанцевъ), стремившейся къ союзу всѣхъ протестантовъ, и обѣщаніе самого принца уважать англиканскую церковь устранили и это препятствіе къ союзу. Окончательно вопросъ былъ рѣшенъ все-таки, впрочемъ, рожденіемъ у Іакова II сына, подставного, какъ тогда думали, ребенка, выданнаго за рожденнаго королевой для устраненія отъ престола протестантки Маріи. Патріоты тогда уже прямо рѣшились на возстаніе противъ Іакова II и убѣждали Вильгельма помочь имъ, такъ какъ безъ его содѣйствія имъ трудно было бы чего-либо достигнуть: у короля все-таки было войско въ самой Англіи и еще болѣе многочисленное войско въ Ирландіи, да еще ему могъ бы оказать военную помощь и Людовикъ XIV.

Вильгельмъ Оранскій безповоротно рѣшился на вмѣшательство во внутреннія дѣла Англіи лишь тогда, когда вполнѣ удостовѣрился, что предпріятіе будетъ имѣть успѣхъ и когда наиболѣе вліятельныя лица изъ англичанъ формально пригласили его на помощь. Онъ понялъ, что въ случаѣ всякаго съ его стороны промедленія революція въ Англіи могла бы окончиться провозглашеніемъ республики. Вильгельму оставалось только еще преодолѣть недовѣріе нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ, такъ какъ они опасались его властолюбія, и лишь опасность союза Англіи съ Франціей заставила и ихъ согласиться на выдачу штатгальтеру необходимыхъ денежныхъ средствъ. Весьма искусно приготовленія, дѣлавшіяся Голландіей для нападенія Іакова II, выставлялись какъ направленныя противъ Франціи, и Людовику XIV, проникшему въ замыселъ Вильгельма, такъ-таки и не удалось убѣдить Іакова II въ томъ, что Голландія готовилась

сдѣлать нападеніе какъ-разъ на него. Когда, однако, англійскій король понялъ, къ чему клонится дѣло, онъ попытался-было спасти свою корону необычайною уступчивостью по отношенію къ подданнымъ, и только по отношенію къ своей диспенсивной власти онъ не шелъ ни на какія уступки. Ему удалось расположить въ свою пользу торійскую партію и даже англійское духовенство. Между тѣмъ въ началѣ октября 1688 года Вильгельмъ получилъ формальное согласіе генеральныхъ штатовъ на экспедицію въ Англію. Тогда Голландскій штатгальтеръ послалъ въ Англію манифестъ, въ которомъ извѣщалъ о своемъ скоромъ прибытіи по приглашенію духовныхъ и свѣтскихъ пэровъ. Кромѣ голландцевъ, въ войскѣ Вильгельма Оранскаго было много англійскихъ выходцевъ, значительное количество французскихъ гугенотовъ, не мало нѣмцевъ (между прочимъ, присланныхъ курфюрстомъ Бранденбургскимъ), такъ что это войско имѣло характеръ протестантскій, безъ какой-либо болѣе узкой конфессіональной окраски. Враги Людовика XIV сочувствовали предпріятію, и даже папа былъ успокоенъ обѣщаніемъ принца содѣйствовать смягченію строгихъ англійскихъ законовъ противъ католиковъ. Вильгельму Оранскому ни на морѣ, ни на сушѣ, когда онъ наконецъ высадился на берегъ въ началѣ ноября [1]), не было оказано ни малѣйшаго сопротивленія. Наоборотъ, его вездѣ хорошо принимали, и даже королевское войско, которое должно было его остановить, перешло на его сторону. Іаковъ II самъ поѣхалъ-было къ арміи, но, опасаясь ея враждебнаго настроенія и видя, что отдѣльные военачальники его оставляютъ [2]), возвратился въ Лондонъ, откуда вскорѣ (въ ночь съ 10 на 11 декабря) бѣжалъ во Францію, предварительно отправивъ туда жену и сына. Сначала его поймали и возвратили въ Лондонъ, гдѣ въ это время уже находился его зять, но ему не помѣшали бѣжать и въ другой разъ.

Всѣ эти событія дали рѣшительный перевѣсъ партіи виговъ. Постановлено было прежде всего собрать конвентъ (т.-е. парламентъ безъ короля), а пока Вильгельмъ Оранскій временно управлялъ государствомъ. Палаты собрались 22 января (стар. ст.) 1689 г., вотировали принцу благодарственный адресъ и приступили къ разрѣшенію вопроса о томъ, что дѣлать дальше. Виги требовали, чтобы Іаковъ II былъ объявленъ низложеннымъ съ престола, но торіи были противъ этого, хотя и признали тронъ вакантнымъ, такъ какъ сочли отъѣздъ короля равносильнымъ отреченію. Большинство націи было

---

[1]) По старому стилю, тогда еще существовавшему въ Англіи.

[2]) Его оставила и другая дочь (Анна) съ своимъ мужемъ, датскимъ принцемъ.

на сторонѣ виговъ, но послѣдніе, не желая вооружать противъ себя торіевъ, согласились на формулу, въ которой ничего не говорилось о низложеніи. 28 января было объявлено, что „король Іаковъ II, стремясь уничтожить законное устройство государства, тѣмъ самымъ разорвалъ договоръ короля и народа и, руководимый іезуитами и другими зловредными людьми, нарушилъ основные законы королевства, а своимъ отъѣздомъ изъ страны отказался отъ правленія, сдѣлавъ престолъ вакантнымъ". По вопросу о томъ, кому же передать власть, голоса раздѣлились: одни думали о сынѣ Іакова II подъ регентствомъ Вильгельма Оранскаго, другіе—объ одной Маріи съ переходомъ отъ нея короны къ Аннѣ и т. д., но Вильгельмъ Оранскій объявилъ вождямъ виговъ, что отъ регентства онъ рѣшительно откажется, что будетъ радъ видѣть королевою англійскою свою жену, но что въ такомъ случаѣ жить въ Англіи не останется. Съ своей стороны Марія выразила желаніе, чтобы власть была передана ея мужу; ея сестра Анна также согласилась на то, чтобы Вильгельмъ удержалъ власть и въ томъ случаѣ, если бы пережилъ свою жену. На сторонѣ Вильгельма было и большинство націи: торіямъ пришлось уступить. Тогда на престолъ были возведены оба супруга, но дѣйствительныя королевскія права предоставлены одному Вильгельму III, и онъ долженъ былъ ихъ сохранить въ томъ случаѣ, если бы (какъ это и случилось) онъ пережилъ жену. Послѣ этого конвентъ (въ серединѣ февраля) превратился въ парламентъ, а 11 апрѣля совершился обрядъ коронаціи.

Такъ окончилась вторая англійская революція, которую англичане назвали „славой" (glorious): *она не стоила ни единой капли крови и не сопровождалась ни малѣйшимъ потрясеніемъ политическихъ устоевъ страны,* такъ какъ все дѣло заключалось въ замѣнѣ короля Іакова II королемъ Вильгельмомъ III, т.-е. на этотъ разъ *не было ни религіознаго переворота, ни соціальнаго движенія,* какъ въ первую революцію. Въ 1688—89 г. окончился не только споръ между династіей Стюартовъ и англійской націей, но и *прекратилась вообще борьба между королевскою властью и парламентомъ:* вторая революція имѣла прецедентъ въ низложеніи Ричарда II и возведеніи на престолъ ланкастерской династіи въ 1399 г., но если за три вѣка до „славной" революціи только начиналась борьба между сторонниками королевской прерогативы и парламентской привилегіи, то теперь этой борьбѣ пришелъ конецъ. Ближайшимъ результатомъ революціи было принятіе парламентомъ и утвержденіе новымъ королемъ „билля и декларація правъ" (bill and declaration of rights), *одного изъ основныхъ законовъ англійской конституціи.* Въ этомъ актѣ перечислялись всѣ злоупотребленія Стюартовъ и объявлялось, что король не дол-

женъ совершать подобныхъ нарушеній законовъ страны, перечислялись затѣмъ основныя права англійской націи и прибавлялось, что король долженъ присягать въ томъ, что будетъ ихъ соблюдать. Далѣе декларацiей признавались противными законамъ: 1) „существующее будто бы право пріостанавливать дѣйствіе законовъ королевскою властью безъ согласія парламента"; 2) „существующее будто бы право королевской власти освобождать отъ дѣйствія законовъ или отъ исполненія ихъ"; 3) учрежденіе новаго духовнаго или всякаго иного суда; 4) „всякое взиманіе денегъ для надобностей короны подъ предлогомъ королевской прерогативы, безъ разрѣшенія парламента, такъ же какъ и на болѣе долгій срокъ, нежели было указано, и не тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ"; 5) „всякое заключеніе въ тюрьму или другое преслѣдованіе подданныхъ, представляющихъ королю прошеніе" и 6) „собираніе и содержаніе арміи въ королевствѣ въ мирное время безъ согласія парламента". Кромѣ того, декларація провозглашала 7) право протестантскихъ подданныхъ имѣть для самозащиты оружіе; 8) свободу выборовъ въ члены парламента; 9) подсудность рѣчей, произносимыхъ въ парламентѣ, лишь ему самому; 10) отмѣну черезчуръ тяжелыхъ наказаній; 11) правильное составленіе списковъ присяжныхъ, причемъ для дѣлъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи присяжные должны были браться изъ общинъ; 12) запрещеніе заранѣе кому-либо отдавать или обѣщать имущества, конфискованныя у обвиняемыхъ, и 13) тотъ общій принципъ, чтобы парламентъ по возможности былъ созываемъ почаще „для изысканія средствъ къ отвращенію всѣхъ этихъ золъ, для исправленія и утвержденія законовъ и для ихъ поддержанія". Передавая престолъ Вильгельму, „котораго всемогущій Господь соблаговолилъ избрать славнымъ орудіемъ для освобожденія этого королевства отъ папизма и деспотизма", и супругѣ его Маріи, парламентъ исключалъ изъ права занимать престолъ всякое лицо, которое или само исповѣдуетъ римскую вѣру, или вступитъ въ бракъ съ такимъ лицомъ. Актъ единообразія и актъ о присягѣ (test-act) были сохранены, но нонконформистамъ обѣщана была терпимость.

Вторая англійская революція имѣла вполнѣ протестантскій характеръ, какъ абсолютизмъ Людовика XIV — характеръ реакціоннаго католицизма. Протестантизмъ породилъ принципъ свободы совѣсти, и принципъ этотъ вышелъ съ торжествомъ изъ этой революціи благодаря установившейся въ Англіи терпимости, которая была впослѣдствіи распространена и на самихъ католиковъ. Хотя реформація и относилась непріязненно къ свободѣ мысли, но сама содѣйствовала ея развитію: вторая революція въ Англіи обезпечила и умственную свободу въ этой странѣ. Переворотъ совершился, нако-

нецъ, въ силу того самаго политическаго принципа, который еще въ XVI в. защищался кальвинистическими писателями и былъ впервые примѣненъ въ эпоху нидерландской революціи, когда генеральные штаты низложили Филиппа II съ престола. Эти *протестантскія начала отразились и на тогдашней англійской литературѣ, — философской и политической*, но эта литература къ концу періода уже покидаетъ теологическую почву, чтобы *открыть собою эпоху раціонализма въ религіи и политикѣ*, характеризующей „просвѣщеніе" XVIII вѣка. Англійская мысль конца XVII столѣтія была послѣднимъ словомъ кончавшагося протестантскаго движенія и первымъ словомъ начинавшагося раціоналистическаго, свѣтскаго „просвѣщенія" слѣдующаго столѣтія. Правда, главнымъ органомъ новыхъ культурныхъ и политическихъ идей сдѣлалась Франція при преемникѣ Людовика XIV, но *на нее сильное вліяніе оказала англійская литература конца XVII и начала XVIII в.*: это было тоже побѣдой англійскихъ началъ надъ началами, воплотившимися въ реакціонномъ абсолютизмѣ Людовика XIV.

XLVI. Англійскія религіозныя и политическія идеи [1]).

Зарожденіе просвѣтительной литературы XVIII в.—Культурное развитіе Англіи во второй половинѣ XVII в.—Естествознаніе и раціонализмъ.—Возникновеніе и развитіе деизма.—Свобода совѣсти и свобода мысли. — Теологическая и раціоналистическая точки зрѣнія въ политической литературѣ. — Мильтонъ, Генри Венъ, Фильмеръ и Альджернонъ Сидней.—Государство и личность въ политическихъ теоріяхъ.—Гоббзъ и Локкъ.—Вліяніе англійской философской и политической мысли на французскую.—Заключеніе.

Оканчивая реформаціонный періодъ новой западно-европейской исторіи серединой XVII в., мы можемъ разсматривать совершившіяся въ концѣ этого вѣка уничтоженіе нантскаго эдикта во Франціи и вторую революцію въ Англіи, какъ послѣднія проявленія побѣдонос-

---

[1]) *Hallam*. Introduction to the literature of Europe in the XVI, XVII and XVIII centuries.—*Геттнеръ*. Всеобщая исторія литературы XVIII в., томъ I.— *Laurent*. La philosophie du XVIII siècle et le christianisme. — *Lechler*. Geschichte des englischen Deismus.—*Goss*. History of the literature of XVIII century. — *Stephen*. History of english tought in the XVIII century. — О Спинозѣ *Куно Фишеръ*. *Camerer* и др., о Бэйлѣ *Feuerbach*, *Levient* и др., о Гоббзѣ *Robertson*, о Локкѣ *Fowler*, *Bourne*, *Schärer*. *Серебрениковъ*, о Шэфтсбери *Spicker*, *Gizycki* и др., о Болингброкѣ *M'Knight*, *Collins*. *Haropp*, *Brosch*. См. Исторіи политическихъ ученій (*Б. Н. Чичерина* Исторія политическихъ ученій или *его же* политическіе мыслители древняго и новаго міра и др.).— *Rüscheler*. Die Staatstheorie des Thomas Hobbes.

ной католической реакціи и воинствующаго протестантизма, борьба между которыми наполняетъ столь продолжительный періодъ въ исторіи европейскаго Запада. XVIII в. отличается уже совсѣмъ инымъ характеромъ, чѣмъ два предыдущія столѣтія: реформа религіи и церкви уступаетъ мѣсто реформѣ общества и государства, и богословскія идеи протестантизма и возрожденнаго католицизма смѣняются философскими идеями „просвѣщенія“, разумѣя подъ послѣднимъ чисто свѣтское культурное направленіе XVIII вѣка. *Зарожденіе просвѣтительной литературы еще въ концѣ XVII столѣтія было какъ бы возвращеніемъ къ свѣтскому направленію гуманизма, какъ бы новой секуляризаціей духовной культуры* послѣ длиннаго періода религіозныхъ движеній и теологическихъ споровъ. Не нужно, однако, думать, что это было лишь простое возвращеніе къ покинутой позиціи: *„просвѣщеніе“ XVIII в. восприняло въ себя конечные результаты и протестантскаго движенія въ наиболѣе передовыхъ его проявленіяхъ, сочетавъ ихъ съ тѣмъ, что мы можемъ разсматривать, какъ главное наслѣдіе, оставленное гуманизмомъ XIV — XV вѣковъ.* Это наслѣдіе заключалось въ свѣтской культурѣ, смѣнившей церковную философію и науку среднихъ вѣковъ, заключалось въ той эманципаціи мысли, которая была необходимымъ слѣдствіемъ гуманистическаго индивидуализма: вотъ въ этомъ-то отношеніи „просвѣщеніе“ XVIII в. и было прямымъ продолженіемъ ренессанса. Но у гуманизма, играющаго такую важную роль въ умственной исторіи Западной Европы, были крупные недостатки. Онъ часто былъ лишенъ моральной силы и политическаго интереса, но какъ-разъ эти два недостатка и были восполнены реформаціей, которая—въ направленіяхъ, наиболѣе вѣрныхъ своимъ принципамъ — содѣйствовала развитію идей свободы совѣсти и свободы политической, идей, бывшихъ почти неизвѣстными гуманистамъ и, наоборотъ, сдѣлавшихся двумя основными принципами „просвѣщенія“ XVIII в. Новое культурное направленіе съ наибольшею силою развилось въ XVIII в., во Франціи, ставъ тамъ, конечно, въ рѣзкую оппозицію ко всему, что̀ только можно назвать наслѣдіемъ системы Людовика XIV. Оно питалось во Франціи еще традиціями ренессанса, но настоящее идейное свое содержаніе оно восприняло все-таки изъ Англіи, такъ камъ *именно въ этой странѣ зародилось „просвѣщеніе“ XVIII в.* Оно и понятно: въ то самое время, какъ въ другихъ главныхъ странахъ европейскаго Запада культурная жизнь падала или получала одностороннее развитіе отъ соединенныхъ усилій католической реакціи и политическаго деспотизма, въ то самое время, какъ гуманизмъ окончательно погибъ въ Италіи, гдѣ курія, іезуиты и испанское правительство искореняли всякую независимость мысли, въ то самое время, какъ

Германія совсѣмъ одичала послѣ ужасовъ тридцатилѣтней войны, а во Франціи философія, наука, литература и искусство были взяты подъ разслабляющую опеку абсолютизма, Англія съ успѣхомъ боролась за свою религіозную и политическую свободу, развивала въ своей духовной культурѣ наиболѣе прогрессивныя протестантскія начала и въ своей философской и политической литературѣ вырабатывала идеи, которымъ суждено было овладѣть въ слѣдующемъ вѣкѣ историческимъ движеніемъ на самомъ материкѣ. Здѣсь же, *въ Англіи конца XVII и начала XVIII в. совершился и переходъ отъ теологическихъ началъ протестантизма къ философскимъ началамъ „просвѣщенія“*.

Въ исторіи этого перехода, однако, и вообще важную роль играютъ *возникновеніе на Западѣ въ XVII в. самостоятельной философіи и развитіе естествознанія*. Къ числу недостатковъ классическаго ренессанса, подъ вліяніемъ котораго главнымъ образомъ и совершалось до того времени чисто интеллектуальное развитіе, нужно именно отнести отсутствіе въ созданномъ ренессансомъ направленіи самостоятельной философіи и интереса къ научному изслѣдованію природы. Въ исторіи философскаго и научнаго движенія, начавшагося въ Западной Европѣ съ XVII в., Англіи принадлежитъ весьма важное мѣсто: въ началѣ этого столѣтія она дала Европѣ отца индуктивной философіи Бэкона Веруламскаго, въ концѣ—великаго Ньютона (1642—1727): „Novum Organum“ (1620) перваго и „Philosophiae naturalis principia mathematica“ (1687) второго отмѣчаютъ собою цѣлыя эпохи въ исторіи философіи и естествознанія. Далѣе, въ Англіи XVII в. былъ такъ силенъ интересъ къ естествознанію, что даже въ сороковыхъ годахъ этого вѣка, т.-е. во время междоусобной войны возникло маленькое ученое общество натуралистовъ (the invisible college), которое въ самомъ началѣ реставраціи уже имѣло значительное количество членовъ и обратилось къ Карлу II съ просьбою о формальномъ утвержденіи и поддержкѣ. Король далъ на это свое согласіе, и такимъ образомъ въ 1662 г. открылось „Королевское общество въ Лондонѣ“, посвятившее себя исключительно разработкѣ естественныхъ наукъ. Пуританская революція нанесла сильный ударъ классицизму, и прежній интересъ къ нему болѣе не возрождался, но зато въ эпоху реставраціи естествознаніе сдѣлалось положительно модною наукою дня, такъ что все, что̀ считало себя принадлежащимъ къ хорошему обществу, увлекалось своего рода диллетантизмомъ въ областяхъ механики, астрономіи, физики и химіи. Конечно не этотъ диллетантизмъ, часто очень поверхностный, дѣлалъ великія открытія въ наукѣ, но онъ весьма характеренъ для эпохи. Наконецъ, въ XVII же столѣтіи впервые и къ самой религіи стали

прилагаться новыя научныя понятія, вырабатывавшіяся тогдашнимъ естествознаніемъ: именно открытія, сдѣланныя въ наукахъ о природѣ, стали прилагаться къ объясненію и критикѣ Библіи. Въ сороковыхъ годахъ ученый врачъ Томасъ Броунъ написалъ двѣ книги: „Religio medici" (1642) и „Pseudodoxia epidemica" (1646), въ которыхъ мы встрѣчаемся съ попыткою подведенія библейскихъ чудесъ подъ естественныя объясненія. Точно такъ же нѣсколькими десятилѣтіями позднѣе геологъ Борнетъ въ своихъ сочиненіяхъ „Telluris sacra theoria" (1680) и „Archaeologia philosophica" (1692) вооружался противъ моисеевой исторіи творенія, считая ее противною разуму и допуская ее лишь въ качествѣ аллегоріи, расчитанной на слабое пониманіе народа. Въ эпоху реставраціи въ высшемъ англійскомъ обществѣ было даже очень сильно развито вольнодумство, опиравшееся преимущественно на успѣхи естествознанія.

Но гораздо большее значеніе имѣлъ вообще *раціонализмъ, столь характерный для всей философіи XVIII в. въ Англіи.* Однимъ изъ первыхъ его провозвѣстниковъ былъ Гербертъ изъ Чербери, ставившій библейское откровеніе подъ контроль разума. Въ своихъ книгахъ „Объ истинѣ въ ея отличіи отъ откровенія, отъ вѣроятнаго, отъ возможнаго и отъ ложнаго" (De veritate etc., 1624) и „О религіи язычниковъ и причинахъ ея возникновенія" (De religione gentilium, 1645) онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что есть нѣкоторая общая всѣмъ людямъ и единственно разумная религія, заключающаяся въ нѣсколькихъ врожденныхъ идеяхъ, которыя мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ. Такими истинами Гербертъ считалъ: 1) существованіе Божества, 2) необходимость богопочтенія, 3) благочестіе и добродѣтель, въ качествѣ главной принадлежности послѣдняго, 4) обязанность человѣка каяться въ грѣхахъ и оставлять ихъ и 5) справедливое воздаяніе человѣку за содѣянное имъ добро и зло въ этой жизни и въ будущей. Все остальное во всѣхъ религіяхъ Гербертъ признавалъ за простыя выдумки властолюбивыхъ учителей и думалъ, что нужно отъ этихъ прибавокъ очистить естественную и разумную религію, заключающуюся въ указанныхъ пяти истинахъ. Идеи Герберта были довольно распространенными въ англійскомъ обществѣ реставраціонной эпохи, и съ чисто раціоналистической точки зрѣнія толковалась сама откровенная религія. Очень рельефнымъ выразителемъ такого религіознаго вольнодумства былъ еще Чарльзъ Блонтъ, авторъ сочиненія „О душѣ міра" (1679) и переводчикъ филостратовой „Жизни Аполлонія Тіанскаго", написанной, какъ извѣстно, врагомъ христіанства. Блонтъ уже прямо нападалъ на божественность евангельскихъ чудесъ и самого откровенія. Одновренно съ этимъ аналогичное движеніе совершалось и въ Голландіи, гдѣ Спиноза и

Бэйль защищали свободу философскаго и научнаго изслѣдованія. Именно въ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ Спинозы (1670) проводилась та идея, что нельзя оправдывать насилій надъ человѣческою мыслью и притомъ ни съ точки зрѣнія религіи, ставящей своимъ исходнымъ пунктомъ нравственное и полезное, но отнюдь не истинное, ни съ точки зрѣнія государства, имѣющаго дѣло лишь съ человѣческими поступками, поскольку они касаются общественнаго спокойствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружился противъ боговдохновенности писанія. Далѣе, гугенотъ Бэйль издалъ по-французски въ 1696 г. „Историческій и критическій Словарь“, сдѣлавшійся одною изъ наиболѣе вліятельныхъ книгъ XVIII в. Бэйль былъ прежде всего скептикъ, вскрывшій всѣ противорѣчія между знаніемъ и вѣрой, какія только представлялись его безпокойному уму; Вольтеръ очень хорошо охарактеризовалъ его, указавъ на то, что самъ Бэйль не былъ невѣрующимъ, но другихъ приводилъ къ невѣрію. Авторъ знаменитаго словаря „анатомировалъ“ (собственное его выраженіе) государство, церковь, религію, нравственность, науку и искусство, становясь на чисто свѣтскую точку зрѣнія. Однимъ изъ его требованій была самая широкая терпимость, между прочимъ, по отношенію къ евреямъ, магометанамъ и открытымъ атеистамъ.

Съ паденіемъ Іакова II въ Англіи все болѣе и болѣе стали распространяться эти новыя идеи, и ихъ приверженцы получили названіе „свободныхъ мыслителей“ (freethinkers). Однимъ изъ проявленій свободомыслія въ области религіи и былъ деизмъ.

Мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, что раціоналистическое отношеніе къ христіанству было однимъ,—хотя и не особенно сильнымъ по своему вліянію, проявленіемъ реформаціонныхъ стремленій, не касаясь уже раціонализма гуманистическаго, съ какимъ мы, напримѣръ, встрѣчаемся у Эразма или у Рабле. Между прочимъ мы знаемъ, что въ реформаціи рядомъ съ библейскимъ направленіемъ существовало еще направленіе мистическое, вѣрившее во внутреннее откровеніе и даже ставившее его выше откровенія внѣшняго. Таковъ былъ именно анабаптизмъ, и какъ-разъ среди анабаптистовъ зарождаются первыя проявленія антитринитаризма. Послѣдній въ XVI и XVII вв. имѣетъ цѣлую исторію: его первымъ и крупнымъ систематизаторомъ былъ Серветъ, его организаторомъ сдѣлался Фавстъ Социнъ, послѣдователи котораго въ серединѣ XVII в. бѣжали изъ Польши въ Голландію и здѣсь оказали свое вліяніе на зарожденіе новыхъ теологическихъ идей. *Англійскій деизмъ былъ въ сущности новою формою антитринитаризма*: подобно тому, какъ антитринитаріи XVI в. считали себя завершителями реформаціи, начатой Лютеромъ, такъ и первые англійскіе деисты, называвшіе себя „христіанскими“, думали,

что они лишь очищають откровенную религію отъ людскихъ выдумокъ, а потому самое зарожденіе деизма стоитъ въ тѣсной связи съ англійскимъ сектантскимъ движеніемъ XVII вѣка. Дѣйствительно, въ этомъ сектантствѣ было много родственнаго и съ болѣе раннимъ нѣмецкимъ анабаптизмомъ, и съ болѣе позднимъ деизмомъ; левеллеры въ религіозномъ отношеніи стояли за полный индивидуализмъ, за автономію личности; квакеры учили, что религія каждаго находится въ его сердцѣ, а ихъ богословъ, Бэрклей, въ сочиненіи „Защита истинъ христіанской теологіи" (1676) проводилъ ту идею, что основою религіозной истины является внутреннее озареніе. Мистическое настроеніе, принимавшееся сектантами за внушеніе свыше, стало мало-по-малу замѣняться болѣе спокойною дѣятельностью разума, но самъ разумъ для многихъ все еще продолжалъ сохранять значеніе „божественнаго озаренія", въ которомъ открывается религіозная истина. Отсюда и возникъ „христіанскій деизмъ", мало-помалу отождествившійся съ „естественной и разумной религіей" въ духѣ Герберта. Впослѣдствіи деизмъ порвалъ свои связи съ христіанствомъ и уже въ новой стадіи своего развитія перешелъ въ XVIII в. во Францію, гдѣ главнымъ его представителемъ сдѣлался Вольтеръ, хотя и въ XVIII столѣтіи мы все еще встрѣчаемся, особенно въ Германіи, съ родственнымъ англійскому христіанскому деизму раціоналистическимъ христіанствомъ. Нужно еще прибавить, что въ Англіи въ эпоху реставраціи и второй революціи было развито направленіе, получившее названіе латитудинаризма: это была весьма „широкая" форма протестантизма, отличавшаяся большою терпимостью, и настроеніе, ее вызвавшее и ею поддерживавшееся, было наиболѣе благопріятнымъ для религіозной свободы, окончательно восторжествовавшей съ восшествіемъ на престолъ Вильгельма III.

Въ числѣ англійскихъ эмигрантовъ, вернувшихся на родину съ Вильгельмомъ Оранскимъ, былъ и извѣстный философъ Джонъ Локкъ (1632—1704), учившій объ опытномъ происхожденіи человѣческаго знанія и потому отвергавшій всякія врожденныя идеи (Essay on human understanding). Локкъ своими философскими, религіозными, моральными, педагогическими и политическими воззрѣніями оказалъ вообще громадное вліяніе на все умственное движеніе XVIII в. Человѣкъ, учившійся въ диссидентскихъ школахъ, самъ испытавшій на себѣ преслѣдованія реставраціонной эпохи, онъ еще въ Голландіи издалъ первое свое письмо „О терпимости" (1685), которое было потомъ переиздано въ Англіи для оправданія объявленной Вильгельмомъ III вѣротерпимости; въ 1690 и 1692 гг. вышли второе и третье письма. За ними слѣдовало сочиненіе о „Разумности христіанства" (The reasonablenes of Christianity, as delivered in the scriptures, 1695),

написанное въ самомъ латитудинаристическомъ направленіи. Сущность христіанства, по Локку, заключается въ вѣрѣ въ Мессію, связанной съ покаяніемъ и добродѣтелью, а потому Локкъ не становится на исключительную точку зрѣнія одного какого-либо исповѣданія; придавая особенно важное значеніе моральному элементу религіи, онъ признаетъ извѣстныя права за евреями, магометанами и язычниками, такъ какъ и они могутъ быть безукоризненно нравственными людьми, хотя имъ это и стòитъ бòльшаго труда, чѣмъ христіанамъ. Стоя на точкѣ зрѣнія согласія откровенія съ разумомъ, Локкъ думалъ, что откровеніе лишь безъ труда даетъ истины, которыхъ разумъ или не могъ бы открыть, или открылъ бы самъ только съ величайшимъ трудомъ. Изъ общей вѣротерпимости философъ исключалъ однихъ католиковъ, какъ людей, образующихъ государство въ государствѣ, да атеистовъ за отрицаніе ими откровенія.

Своимъ отношеніемъ къ христіанству Локкъ оказалъ весьма сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе деизма. Если онъ еще дѣлалъ различеніе между тѣмъ, чтò противорѣчитъ разуму, и тѣмъ, чтò его превышаетъ, то его послѣдователи уничтожили черту, которая у Локка все-таки какъ бы составляла границу дѣятельности разума. Въ 1713 г. Коллинзъ издалъ „Разсужденіе о свободномъ мышленіи“ (A discourse of free thinking), въ которомъ прямо требуетъ вполнѣ свободнаго мышленія безъ всякихъ ограниченій со стороны вѣры и съ одною отвѣтственностью лишь передъ самимъ собою. Основаніе его требованія—то, что границею мысли можетъ служить только мысль, а всякій предметъ, самъ себя ограничивающій, свободенъ. Подобные же взгляды одновременно съ Коллинзомъ проводилъ и Лайонзъ въ сочиненіи о „Непогрѣшимости человѣческаго сужденія“ (The infallibility of human judgment): отрицая внутреннее откровеніе, онъ замѣняетъ его сужденіемъ разума. Если одни послѣдователи Локка объявляли войну теологіи, то другіе примѣняли его принципы къ этой самой теологіи. Въ 1696 г. Толандъ издалъ „Христіанство безъ тайнъ“ (Christianity not mysterious), гдѣ доказывалъ разумность откровенія. По его представленію, однако, откровеніе истинно не потому, что оно есть откровеніе, а потому, что оно разумно. Все, что въ христіанствѣ не подходило подъ его теорію, онъ объявилъ позднѣйшими прибавками и искаженіями, которыхъ оно не могло-де избѣжать, возникнувъ въ іудейскомъ народѣ и распространившись среди язычниковъ. Поэтому Толандъ, подобно реформаторамъ XVI в., говорилъ о необходимости очищенія религіи отъ людскихъ выдумокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Тиндаль въ книгѣ „Христіанство столь же древне, какъ міръ“ (Christianity as old as the creation, 1730) отождествилъ христіанство съ естественной рели-

гіей, существующей съ созданія міра. Вся разница между этой естественной религіей и христіанствомъ, по его мнѣнію, не въ содержаніи, а въ способѣ его раскрытія; Іисусъ Христосъ пришелъ не для того, чтобы учить новой религіи, а чтобы напомнить исконное богопознаніе человѣчества. Свою „естественную религію" Тиндаль и назвалъ христіанскимъ деизмомъ. У него оставался еще открытымъ вопросъ о томъ, почему первоначальная чистота религіи пришла въ упадокъ, и отвѣтомъ на него занялся Морганъ, открыто перешедшій въ аріанство. Въ сочиненіи „Нравственный философъ" (The moral philosopher, 1737), онъ, давая волю своему воображенію, разсказываетъ, что падшіе ангелы внушили людямъ мысль поклоняться имъ, какъ богамъ, откуда и произошли ложныя религіи, а учители, думавшіе исправить религію,—въ томъ числѣ и реформаторы XVI в.,—еще болѣе запутали вопросъ. Въ концѣ концовъ деистическая религія сводилась къ проповѣди разумности и нравственности, что̀ выразилось особенно рельефно въ сочиненіи ремесленника Чобба, находившагося подъ вліяніемъ аріанина Уистона. Въ книгѣ своей „Истинное евангеліе Іисуса Христа" (The true Gospel of J. C., 1738), въ которой подводились итоги подъ другими сочиненіями автора, Чоббъ устранялъ всю догматическую и чудесную сторону религіи, чтобы выдвинуть впередъ разумъ и мораль. Вообще деизмъ представлялъ собою выходъ изъ историческаго христіанства, разъ его послѣдователи отвергали, подобно антитринитаріямъ XVI в., троичность Божества, но деисты долгое еще время старались держаться христіанства, только толкуя его по-своему, т.-е., напримѣръ, объявляя, какъ это дѣлалъ Вульстонъ (ум. въ 1733 г.), что воскресеніе и чудеса Іисуса Христа нужно понимать аллегорически, не въ смыслѣ дѣйствительно случившагося, а въ смыслѣ наглядныхъ представленій о нѣкоторыхъ отвлеченныхъ истинахъ. Съ другой стороны, иные свободные мыслители прямо стояли на точкѣ зрѣнія одного раціонализма безъ всякой вѣры въ какое бы то ни было откровеніе.

Двое изъ англійскихъ представителей этого направленія оказали наиболѣе сильное вліяніе на развитіе религіознаго раціонализма во Франціи XVIII в. Одинъ изъ нихъ былъ Шэфтсбери (1670—1713), внукъ знаменитаго политическаго дѣятеля реставраціонной эпохи. Въ своихъ сочиненіяхъ, отличавшихся легкостью и изяществомъ изложенія и идеалистическимъ одушевленіемъ (главное сочиненіе Characteristics of men, manners, opinions, times, 1711), онъ развивалъ особую этическую систему, основанную на признаніи врожденныхъ идей, но безъ теологической подкладки, доказывая тождество красоты и добра, и требуя отъ религіи прежде всего любви, а потомъ уже истины. Другимъ писателемъ, вліявшимъ на французскихъ „про-

свѣтителей“ XVIII в., былъ Болингброкъ (1672—1751), политическій дѣятель начала XVIII в., проводившій ту идею, что всякая положительная религія была изобрѣтена съ политической цѣлью.

Раціонализмъ проникъ и въ область политическаго мышленія. Послѣ того, какъ на смѣну гуманистической политики пришли государственныя теоріи протестантовъ (особенно кальвинистовъ) и католиковъ (главнымъ образомъ іезуитовъ), политическая мысль, какъ и въ средніе вѣка, получила теологическую окраску. Весьма естественно, что борьба между народнымъ представительствомъ и королевскою властью въ Англіи вызвала и въ этой странѣ, какъ это было въ Шотландіи, Нидерландахъ и Франціи во второй половинѣ XVI в., горячую литературную полемику по вопросу о происхожденіи и правахъ государственной власти. Въ этой-то полемикѣ мы и наблюдаемъ тотъ фактъ, что сначала обсужденіе политическихъ вопросовъ совершается на почвѣ религіозныхъ воззрѣній англиканства, пресвитеріанства или индепендентства, а потомъ уже переходитъ прямо на почву философскаго мышленія. Конечно, происходило это не въ одной Англіи, но нигдѣ, во-первыхъ, такъ ясно не замѣчается переходъ политическаго мышленія отъ религіозныхъ началъ реформаціи къ свѣтскимъ началамъ „просвѣщенія“, какъ именно въ Англіи, а во-вторыхъ, наибольшее вліяніе оказали на политическую литературу XVIII в. опять-таки англійскія политическія теоріи, явившіяся на свѣтъ не путемъ отвлеченнаго кабинетнаго мышленія, а въ самой тѣсной зависимости отъ происходившей тогда политической борьбы. Всѣ сочиненія, о которыхъ будетъ далѣе итти рѣчь, были вызваны этою борьбою, но если индепенденты Мильтонъ, Венъ и Сидней еще примыкаютъ къ предыдущему развитію протестантской политической мысли, завершая начатое въ XVI вѣкѣ такими писателями, какъ, положимъ, Ланге́ или Бьюкананъ, а защитникъ королевской власти Фильмеръ, подобно Боссюэту, строитъ свою теорію абсолютизма на теологическихъ началахъ, то Гоббзъ и Локкъ являются уже родоначальниками совершенно новаго направленія политической мысли, которое, будучи по существу своему раціоналистическимъ, проявилось съ особою силою уже въ философіи XVIII в. Религіозная реформація выдвинула снова на первый планъ такъ сильно интересовавшій средніе вѣка вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, осложнивъ его вопросомъ о правахъ государственной власти въ дѣлахъ совѣсти. Индепендентскіе писатели въ этомъ послѣднемъ вопросѣ выступили съ защитою правъ индивидуальной совѣсти, понятіе о которой деисты расширили еще, присоединивъ къ нему идею свободы мысли, и все это—уже на почвѣ чисто свѣтской философіи — обобщилъ Локкъ, выставившій всеобъемлющій идеалъ инди-

видуальной свободы. Другими словами, можно сказать, что этотъ философъ переработалъ понятіе свободы личности, какъ оно представлялось уму реформаціонной эпохи, въ идею свободы личности, какъ ее должно было понять „просвѣщеніе“ XVIII в. *Индивидуалистическіе принципы реформаціи такимъ образомъ, какъ мы это увидимъ на самомъ дѣлѣ, нашли въ философіи Локка чисто свѣтское выраженіе.* Не нужно, однако, забывать, что XVII в. былъ вѣкомъ развитія и государственности. Если идея государства на теологической почвѣ приводила къ ученію о божественномъ правѣ королей и этимъ давала какъ-бы религіозную санкцію абсолютизму, то на иной почвѣ идея эта равнымъ образомъ могла обобщиться и выразиться въ такой теоріи, которая вполнѣ отвлеченно развивала положенія, лежавшія въ основѣ практической дѣятельности такого государственника, какимъ былъ Ришелье. Въ самомъ дѣлѣ, политическій философъ этой эпохи Гоббзъ въ своихъ сочиненіяхъ *и является главнымъ теоретикомъ всепоглощающаго государства, передъ всемогуществомъ котораго исчезаетъ всякое самостоятельное личное право.* Противоположность между Гоббзомъ и Локкомъ сводится такимъ образомъ къ противоположности между ученіемъ о государственной необходимости и ученіемъ о личной свободѣ, сама же эта противоположность была извѣстна реформаціонной эпохѣ, какъ противоположность между государственною церковью и личною вѣрою. Локкъ, отстаивавшій права послѣдней, продолжалъ дѣло индепендентскихъ публицистовъ, тогда какъ Гоббзъ, ставя религію въ зависимость отъ государства, какъ-бы находился подъ вліяніемъ принципа установленной церкви. Таковы взаимныя отношенія тѣхъ политическихъ идей, представителями которыхъ являются названные англійскіе публицисты второй половины XVII в. Познакомимся теперь съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, особенно съ Гоббзомъ и Локкомъ.

Намъ уже извѣстна въ общихъ чертахъ дѣятельность Мильтона и Вена во время первой революціи. Въ эпоху республики Мильтонъ занималъ должность секретаря государственнаго совѣта, вѣдая иностранныя дѣла. Къ этому времени относятся главнѣйшіе его политическіе трактаты. Во-первыхъ, онъ написалъ „Защиту англійскаго народа“ (Defensio pro populo anglicano), чтобы опровергнуть рѣзкія нападки извѣстнаго французскаго ученаго Салмазія (Сомеза) на революцію. За этой апологіей послѣдовала другая—„О державѣ королей и сановниковъ“ (On tenure of kings and magistrates), въ которой Мильтонъ становится на точку зрѣнія народовластія и старается этимъ принципомъ оправдать казнь Карла I. Далѣе, мы упоминали уже объ его „Иконоборцѣ“, написанномъ въ опроверженіе „Королевскаго образа“, въ которомъ современники видѣли сочиненіе самого

Карла I. Наконецъ, передъ самой реставраціей Мильтонъ написалъ еще небольшой трактатъ „О возможномъ и легкомъ пути къ установленію свободнаго правленія“. Извѣстно, что Мильтонъ ослѣпъ отъ чрезмѣрнаго напряженія своего зрѣнія, а въ эпоху реставраціи едва избѣжалъ казни. Конецъ своей жизни онъ провелъ въ бѣдности. Въ это время (1667 г.) онъ окончилъ свою поэму „Потерянный рай“, проникнутую строгимъ пуританскимъ духомъ. Послѣ этого онъ прожилъ еще семь лѣтъ и умеръ въ 1674 году. Мы можемъ смотрѣть на Мильтона, какъ на одного изъ представителей индепендентскихъ идей. Сторонникъ индивидуальной свободы, которую онъ защищалъ въ „Ареопагитикѣ“, написанной въ доказательство необходимости свободы печати, и въ особомъ „Трактатѣ о вмѣшательствѣ государства въ церковныя дѣла“, доказывающемъ, что никакая власть не имѣетъ права надъ религіозною совѣстью, великій поэтъ и политическій дѣятель стоялъ въ вопросѣ о происхожденіи власти на той же точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривали этотъ вопросъ и кальвинисты XVI в. Человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, родился свободнымъ, а потому призванъ къ властвованію, а не къ повиновенію; но грѣхопаденіе Адама привело родъ человѣческій къ раздорамъ и несогласіямъ, выходомъ изъ которыхъ было установленіе правительства. Такимъ образомъ, по Мильтону, правители устанавляются народомъ, вручающимъ имъ власть исполнять требованія правосудія, верховенство же принадлежитъ народу, и оно не можетъ быть у него отнято безъ того, чтобы не были нарушены тѣмъ самымъ прирожденныя права гражданъ. Нужно, однако, замѣтить, что у Мильтона, какъ и у кальвинистическихъ защитниковъ народовластія, понятіе народа далеко не соотвѣтствуетъ всей совокупности гражданъ, вслѣдствіе чего Мильтонъ, напримѣръ, возражалъ левеллерамъ, требовавшимъ неограниченнаго права голосованія. Въ этомъ отношеніи и другіе республиканскіе писатели эпохи были противниками настоящей демократіи. Для Мильтона лучшей формой правленія была аристократія, несмѣняемый совѣтъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей, хотя и выбранный народомъ: еврейскій синедріонъ былъ бы, по его мнѣнію, наиболѣе подходящимъ образцомъ. Право избранія, однако, предоставлялось у него не „шумной и крикливой толпѣ“, а людямъ, имѣющимъ на то законную правоспособность.

Другимъ дѣятелемъ первой революціи, защищавшимъ въ печати религіозную и политическую свободу, былъ Генри Венъ. Признавая источникомъ верховной власти народъ, онъ находилъ противнымъ закону природы, чтобы, установляя правительство, люди безусловно отказывались отъ своей свободы въ его пользу. Какъ теоретикъ народовластія, Венъ требовалъ, однако, чтобы не только пра-

вительство было ограничено въ своихъ правахъ по отношенію къ державному народу, но чтобы и у послѣдняго не было безусловной власти въ дѣлахъ совѣсти. Между прочимъ, для обезпеченія свободы совѣсти онъ совѣтовалъ наложить ограниченіе на верховную власть, прежде нежели она будетъ установлена, сдѣлавъ изъ указаннаго требованія одинъ изъ основныхъ пунктовъ конституціи. По его словамъ, „народы пріобрѣли себѣ право на свободу совѣсти цѣною крови Іисуса Христа, который смертью и воскресеніемъ своимъ сдѣлался естественнымъ господиномъ надъ совѣстью. Іисусъ Христосъ, — развивалъ Венъ свою мысль,—умеръ и возсталъ изъ гроба для того, чтобы быть Господомъ живыхъ и мертвыхъ и чтобы каждый во всемъ, касающемся религіи, отдавалъ отчетъ только Богу и Іисусу Христу, на судѣ которыхъ будетъ рѣшена участь каждаго; люди же, прибавлялъ Венъ, не должны ни стѣснять, ни судить въ дѣлахъ совѣсти“.

И Мильтонъ, и Венъ основывали право личности на свободу на религіозныхъ соображеніяхъ: человѣкъ былъ созданъ по образу и подобію Божію и тѣмъ былъ призванъ къ свободѣ; Іисусъ Христосъ искупилъ родъ человѣческій и тѣмъ самымъ освободилъ совѣсть каждаго отдѣльнаго лица отъ какой бы то ни было земной власти. Но теологическими основаніями пользовались и писатели противнаго лагеря. Такъ, напримѣръ, Салмазій, съ которымъ полемизировалъ Мильтонъ, доказывалъ въ своей „Defensio regia pro Carolo primo“, ссылаясь при этомъ на Библію, что королевская власть имѣетъ божественное происхожденіе. Однимъ изъ сторонниковъ этого ученія въ самой Англіи былъ Фильмеръ, написавшій трактатъ въ доказательство той мысли, что короли пользуются верховною властью независимо отъ воли народа. Опираясь на св. писаніе, онъ развивалъ теорію патріархальнаго происхожденія королевской власти, откуда и названіе его трактата—„Патріархъ или естественная власть королей“ (Patriarcha or the natural power of kings). Богъ, говоритъ Фильмеръ, далъ власть Адаму надъ женою и дѣтьми, а отъ него эта власть переходила по наслѣдству отъ старшаго сына къ старшему сыну, когда же возникло много народовъ, она перешла къ старшему въ каждомъ народѣ; отъ такихъ-то патріарховъ и произошли короли, которымъ поэтому должны принадлежать всѣ права, какими только пользуются отцы по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Фильмеръ считалъ избраніе королей противнымъ волѣ Божіей, ибо и въ Библіи Саула выбираетъ не народъ, а пророкъ Господень Самуилъ. Выводъ изъ этой теоріи дѣлался тотъ, что власть, имѣющая высшее происхожденіе, не можетъ подчиняться человѣческимъ законамъ и, слѣдовательно, не подлежитъ никакому ограниченію, даже въ томъ случаѣ, если бы король далъ клятву подчиняться какимъ-либо условіямъ. Фильмеръ не отри-

цалъ парламента, но допускалъ его лишь какъ уступку, существующую по королевской милости. „Патріархъ" былъ написанъ еще во время республики, но увидѣлъ свѣтъ въ печати лишь въ концѣ царствованія Карла II (1680).

Этотъ трактатъ тогда же вызвалъ опроверженіе со стороны Альджернона Сиднея, который свои взгляды на предметъ спора изложилъ въ „Разсужденіи о правительствѣ" (Discourses concerning government). Альджернонъ Сидней — сторонникъ народовластія. Не соглашаясь съ мыслью о „королевствѣ Адама", онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ аргументы Фильмера противъ него же самого: если власть патріарха могла раздѣлиться, то только поровну между всѣми отцами, т.-е. каждый отецъ былъ королемъ, пока всѣ они не сошлись и не договорились между собою подчиняться общему закону. Верховная власть въ представленіи Сиднея принадлежитъ народу, который, передавая ее королю, не обязанъ терпѣть отъ него насилія: нарушая законы, основанные на договорѣ съ народомъ, король заслуживаетъ наказанія. Не нужно, впрочемъ, думать, чтобы Сидней былъ защитникомъ чистой демократіи, логически вытекающей изъ идеи народовластія: онъ самъ признается, что не могъ бы ничего сказать въ ея пользу, ибо лучшіе и разумнѣйшіе люди древности тоже стояли за аристократію.

Одною изъ идей, общихъ индепендентскимъ политическимъ писателямъ, была идея о договорномъ происхожденіи государства, которую мы находимъ и у двухъ важнѣйшихъ философовъ эпохи, оставившихъ политическіе трактаты, у Гоббза и Локка. Томасъ Гоббзъ (Hobbes, 1588—1681) былъ *первымъ писателемъ новаго времени, давшимъ полное и систематическое ученіе о государствѣ*, основанное на чистыхъ началахъ естественнаго права безъ теологической подкладки [1]). Въ философіи онъ держался воззрѣній, близкихъ къ матеріализму и сенсуализму, и объяснялъ чисто-механическимъ путемъ не только явленія внѣшней природы, но и то, что происходитъ во внутреннемъ мірѣ человѣка. Политическія убѣжденія и общественныя связи сдѣлали изъ Гоббза сторонника кавалеровъ, и уже въ 1640 г. онъ изложилъ свои воззрѣнія въ небольшомъ рукописномъ трактатѣ „De corpore politico". Покинувъ добровольно Англію въ 1641 г., Гоббзъ поселился въ Парижѣ, гдѣ нашелъ себѣ занятіе въ качествѣ преподавателя математики у принца Уэльскаго, впослѣдствіи Карла II. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ первое свое систематическое сочиненіе — „О гражданинѣ" (De cive), которое вскорѣ было имъ переработано, издано вторично

[1]) Починъ былъ сдѣланъ голландскимъ ученымъ и публицистомъ Гуго Гроціемъ (или де-Гротомъ), авторомъ сочиненія „De jure belli ac pacis" (1625).

въ Голландіи и затѣмъ самимъ имъ переведено на англійскій языкъ. Въ 1651 г. появилось другое болѣе обширное его сочиненіе подъ заглавіемъ „Левіаѳанъ, или матерія, форма и власть государства" (Leviathan or the matter, form and power of a commonwealth). Гоббзу не пришлось долго прожить при дворѣ Карла II, такъ какъ послѣдній подъ вліяніемъ духовенства удалилъ его отъ себя, и въ 1652 г. философъ вернулся въ Англію. Въ эпоху реставраціи на него было воздвигнуто сильное гоненіе: въ 1666 г. „Левіаѳанъ" былъ даже осужденъ парламентомъ, и самъ авторъ вынужденъ былъ оправдываться отъ обвиненія въ атеизмѣ. Хотя Гоббзъ началъ свою дѣятельность съ защиты правъ королевской власти противъ мятежныхъ подданныхъ, тѣмъ не менѣе англійскіе роялисты не пользовались его аргументами, и причинъ на то было двѣ: во-первыхъ, философъ въ своей политической теоріи отрѣшился отъ какихъ бы то ни было теологическихъ соображеній и даже напалъ на стремленіе къ самостоятельности со стороны какой бы то ни было церковной власти, а во-вторыхъ,—и это самое главное,—идеи, выраженныя имъ въ „Левіаѳанѣ", были какъ бы своего рода оправданіемъ возникавшей въ Англіи диктатуры Кромвеля. Уже въ самый годъ выхода въ свѣтъ этой книги Фильмеръ, соглашаясь съ идеей Гоббза относительно неограниченности верховной власти, находилъ все-таки ересь въ его ученіи о томъ, что основою власти является воля народа. Во Франціи „Левіаѳанъ" былъ запрещенъ при первомъ же появленіи книги, и ея авторъ даже и возвратился въ Англію главнымъ образомъ потому, что не считалъ себя во Франціи безопаснымъ. Самъ Гоббзъ въ 1656 г. говорилъ, что его книга расположила не мало англичанъ къ добросовѣстному повиновенію существующему правительству, а таковымъ тогда была диктатура Кромвеля. На политической философіи Гоббза отразились двѣ стороны тогдашняго историческаго момента: во-первыхъ, на ней *сказалось начало новаго освобожденія политической мысли отъ теологической опеки*, послѣ того, какъ гуманистическое движеніе было оттѣснено реформаціоннымъ, а во-вторыхъ, *Гоббзъ явился, какъ теоретикъ того государственнаго начала, которое утверждало тогда свое господство въ общественной жизни*. Гоббзъ былъ сторонникомъ идеи государственнаго абсолютизма, но относился совершенно равнодушно къ принципу божественнаго происхожденія королевской власти, защищая ее тѣми же аргументами, какими можно было защитить, напримѣръ, и республиканскую диктатуру и всякое иное фактическое правительство. Однимъ словомъ, въ его политической теоріи *нашла наиболѣе полное свое выраженіе идея свѣтскаго государства, безусловно господствующаго въ жизни націи*, а такое государство не могло быть симпатично теологическимъ защитникамъ

королевской власти въ родѣ Фильмера. Въ 1669 г. кембриджскій университетъ даже отнялъ у одного изъ послѣдователей Гоббза дипломъ баккалавра за то, что онъ раздѣлилъ ученіе названнаго философа о необходимости повиноваться свѣтской власти даже въ томъ случаѣ, если она требуетъ чего-либо противнаго Закону Божію.

Въ своемъ политическомъ ученіи Гоббзъ исходитъ изъ представленія объ естественномъ состояніи, которое (логически, а не исторически) предшествовало образованію человѣческихъ обществъ. Человѣкъ вовсе не общежительное животное: господствующая его страсть — эгоизмъ, и „человѣкъ для человѣка есть волкъ" (homo homini lupus), откуда въ естественномъ состояніи возникаетъ „война всѣхъ противъ всѣхъ" (bellum omnium contra omnes). Такъ какъ, однако, это противорѣчитъ инстинкту самосохраненія (saecuritas), то люди вынуждены искать мира (quaerendam esse pacem), но достигнуть его они могутъ, лишь отказавшись отъ своего права на все путемъ перенесенія его на другихъ. Такое перенесеніе требуетъ согласія двухъ воль, или договора (contractus). Становясь на точку зрѣнія договорнаго происхожденія государства, Гоббзъ понимаетъ изначальный договоръ въ смыслѣ единенія (unio), создающаго какъ бы одно лицо съ единою волею: „государство, говоритъ онъ, есть единое лицо (civitas est persona una), воля котораго въ силу обязательствъ многихъ лицъ должна считаться волею всѣхъ, вслѣдствіе чего оно можетъ пользоваться силами и способностями отдѣльныхъ людей для общаго мира и защиты". Лицо или собраніе, волѣ котораго подчиняются люди, обладаетъ верховною властью, права которой вездѣ одинаковы, какія различія ни существовали бы между самими государствами. По ученію Гоббза, она выше законовъ, безотвѣтственна и безнаказанна, безгранична или абсолютна. Съ точки зрѣнія такого пониманія Гоббзъ отрицаетъ смѣшанное правленіе, какъ противорѣчащее единству верховной власти, и раздѣленіе властей, какъ ведущее къ анархіи, и отдаетъ предпочтеніе монархіи передъ другими формами, особенно же передъ демократіей. Въ королѣ Гоббзъ видитъ какъ-бы воплощеніе народа или самый народъ. Всѣ свои права подданные получаютъ только отъ государства, а потому по отношенію къ нему лишены какихъ бы то ни было правъ. Въ естественномъ состояніи нѣтъ собственности, такъ какъ у каждаго каждый можетъ все отнять, но разъ государство установляетъ собственность, то оно же можетъ ее и отнять. Въ естественномъ состояніи люди еще могутъ имѣть свое сужденіе о добрѣ и злѣ, но въ государственномъ быту правила добра и зла опредѣляются закономъ, и подданный не долженъ воображать, что онъ имѣетъ право по-своему разсуждать объ этомъ предметѣ. Вотъ почему, думаетъ Гоббзъ, под-

данные никогда не совершаютъ грѣха, дѣйствуя по предписаніямъ власти, ибо считать грѣхомъ исполненіе велѣній власти значитъ присвоивать себѣ сужденіе о добрѣ и злѣ. Государство же у Гоббза является истолкователемъ естественнаго закона, въ которомъ открывается воля Божія, а что касается до откровенной религіи, то и тутъ право ея толкованія не можетъ быть предоставлено каждому вѣрующему, потому что это повело бы къ анархіи, а должно быть отдано церкви; но сама церковь съ независимою верховною властью существовать не можетъ, такъ какъ тогда въ обществѣ было бы два государства, т.-е. возникла бы анархія, такъ что въ концѣ концовъ и тутъ компетентно лишь одно государство. Однимъ словомъ, это было *ученіе о полномъ поглощеніи личности государствомъ*, какія бы частныя оговорки ни дѣлались самимъ Гоббзомъ, когда онъ не хотѣлъ или не умѣлъ быть вполнѣ послѣдовательнымъ. Мы знаемъ, что въ новое время въ обществѣ феодальнаго происхожденія, воспитавшемся въ принципахъ католицизма, происходило параллельное развитіе началъ государственности и личности, нерѣдко сталкивавшихся между собою, напримѣръ, въ реформаціонную эпоху по вопросу о томъ, что такое религія, т.-е. есть ли она дѣло государства или дѣло единичной личности, а кромѣ того, сталкивавшихся между собою и по другимъ поводамъ: въ политической теоріи Гоббза, какъ было сказано, и выразилось развитіе государственнаго начала, достигшаго къ срединѣ XVII в. уже весьма значительной силы. Совершенно такъ же другое начало, т.-е. *начало личности нашло наивысшее свое выраженіе въ политической философіи Локка.*

Локкъ, какъ сынъ провинціальнаго адвоката, принадлежалъ къ тому классу общества, который привѣтствовалъ съ радостью реставрацію Стюартовъ. Въ 1660 г. ему было уже подъ тридцать лѣтъ, и онъ тогда самъ писалъ, что, достигши сознательнаго возраста въ эпоху свирѣпыхъ бурь, онъ съ великою радостью видитъ наступленіе внутренняго мира въ странѣ, ибо, прибавлялъ онъ, „общая свобода сдѣлалась общимъ рабствомъ", а тѣ, которые объявляли себя ея защитниками, оказались, наоборотъ, ея настоящими врагами. Въ этомъ заявленіи сказалось вліяніе тогдашней общественной реакціи, но Локкъ оставался вѣрнымъ политическимъ традиціямъ страны. Вскорѣ онъ сблизился съ Ашли, будущимъ Шэфтсбери, сдѣлавшимъ его врачомъ, и уже тогда онъ написалъ недавно лишь изданный „Опытъ о терпимости" (которую защищалъ и Ашли). Сближеніе Локка съ этимъ государственнымъ человѣкомъ дало ему возможность близко познакомиться съ политическою жизнью родины. Неизвѣстно, зналъ ли что-либо философъ о томъ заговорѣ, который устроилъ Шэфтсбери въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ; но и къ Локку послѣ бѣгства его

покровителя стали относиться подозрительно. Его положеніе было тяжелое, и ему оставался одинъ выходъ, къ которому тогда прибѣгали весьма многіе англичане: этимъ выходомъ была эмиграція. Въ 1683 г. Локкъ переселился въ Голландію, гдѣ онъ долженъ былъ нѣкоторое время скрываться, такъ какъ англійское правительство потребовало у республики выдачи многихъ англійскихъ выходцевъ, въ числѣ которыхъ назывался и Локкъ. Вскорѣ онъ сблизился съ Вильгельмомъ Оранскимъ и даже принялъ участіе въ тайныхъ переговорахъ, которые привели ко второй революціи. Мы видѣли, что въ 1685 г. имъ было написано первое письмо о терпимости. Вторая революція вернула Локка на родину. Хорошія отношенія, установившіяся между нимъ и Вильгельмомъ III еще въ Голландіи, продолжались до самой смерти новаго англійскаго короля, казавшагося философу образцомъ конституціоннаго монарха. Вильгельмъ III, высоко цѣнившій Локка, предлагалъ ему даже мѣсто посланника въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, дипломатическій постъ въ Парижѣ, но онъ отклонялъ эти предложенія. Поддерживая связи со всѣми выдающимися политическими дѣятелями эпохи, онъ оказывалъ самъ нѣкоторое вліяніе на внутреннюю жизнь страны, хотя и былъ лишь членомъ коммиссіи для разбора петицій, подававшихся парламенту частными лицами, и членомъ комитета торговли и плантацій (т.-е. колоній). Между прочимъ, ему приписываютъ, напримѣръ, участіе въ дѣлѣ отмѣны въ Англіи (въ 1695 г.) книжной цензуры, такъ какъ предполагаютъ, что онъ именно былъ авторомъ доклада, составленнаго по этому поводу особой коммиссіей.

Свой „Трактатъ о правительствѣ“ (Treatise on government) Локкъ началъ писать еще до выселенія въ Голландію въ опроверженіе теоріи Фильмера, но съ составленнымъ тогда разсужденіемъ онъ соединилъ другое, написанное уже въ оправданіе революціи 1689 г. Онъ прямо объявлялъ, публикуя это сочиненіе въ томъ же 1689 г., что поставилъ своею цѣлью „утвердить престолъ великаго возстановителя англійской свободы, короля Вильгельма, вывести его права изъ воли народа и защитить передъ свѣтомъ англійскую націю за ея новую революцію“. Интересно, что исходнымъ пунктомъ политической теоріи Локка было то же самое положеніе, отъ котораго отправлялся и Гоббзъ, но выводы у него получились совсѣмъ иные. Люди живутъ сначала въ естественномъ состояніи, а государство является результатомъ договора,—вотъ общая исходная мысль обоихъ философовъ. Локкъ, однако, идеальнѣе, нежели Гоббзъ, понимаетъ человѣческую природу и считаетъ возможнымъ сохранить за человѣкомъ свободу и въ государственномъ быту. Въ естественномъ состояніи всѣ люди свободны и равны, т.-е. никто не долженъ пови-

новаться чужой волѣ, но свобода не есть произволъ, потому что она подчинена естественному закону, который есть въ то же время законъ разума, т.-е. подчинена повелѣнію природы не посягать на чужую личность и свободу. Поэтому у Локка естественное состояніе есть состояніе мира, а не войны, какъ у Гоббза. Нарушители естественнаго закона должны наказываться, и право наказанія въ естественномъ состояніи принадлежитъ каждому, ибо нарушители этого закона объявляютъ себя врагами всего человѣческаго рода, а слѣдовательно и каждаго человѣка въ отдѣльности. Если въ силу этого и возникаетъ состояніе войны, то причиною послѣдней является не эгоизмъ, дѣлающій у Гоббза одного человѣка „волкомъ" по отношенію къ другому, а право наказывать нарушителей естественнаго закона, и въ сущности лишь отъ этого права отказываются у Локка люди, вступая въ общественный договоръ, тогда какъ Гоббзъ отнимаетъ у нихъ при этомъ всѣ права. Мало того: у Локка человѣкъ приноситъ съ собою въ общество, какъ прирожденное и неотъемлемое свое право, кромѣ свободы и равенства, еще и собственность. До Локка право собственности выводили или изъ первоначальнаго захвата (jus primi occupantis) безхозяйной вещи (res nullius), или изъ передачи этого права лицу государствомъ. На послѣдней точкѣ зрѣнія стоялъ Гоббзъ: онъ думалъ, что такъ какъ въ естественномъ состояніи владѣніе вещью ничѣмъ не обезпечено, то собственность возникаетъ лишь какъ даръ государства. Локкъ, однако, не сталъ и на точку зрѣнія, съ которой собственность вытекала изъ личнаго произвола перваго захватывающаго вещь, придумавъ свое собственное, тоже индивидуалистическое объясненіе собственности: уже въ естественномъ состояніи, когда все принадлежитъ всѣмъ, у человѣка существуетъ исключительное право на его личность, на трудъ своего тѣла и на произведеніе своихъ рукъ, хотя бы весь трудъ заключался въ томъ, чтобы поднять съ земли жолудь или сорвать съ дерева яблоко, не говоря уже объ обработкѣ участка земли. Это право каждаго въ естественномъ состояніи ограничивается порчею предметовъ, подлежащихъ употребленію: человѣкъ не можетъ накоплять ихъ болѣе того, что̀ для него необходимо, но возможность ихъ обмѣна на драгоцѣнные металлы уже создаетъ право накопленія. Кромѣ собственности, Локкъ считаетъ и семью учрежденіемъ, предшествующимъ возникновенію государства: она состоитъ между прочимъ въ родительской власти отца и матери (не одного отца, какъ у Фильмера) надъ дѣтьми, такъ какъ дѣти лишь тогда получаютъ прирожденныя имъ свободу и равенство, когда приходятъ въ разумъ; кромѣ того, подчиненіе дѣтей родителямъ вытекаетъ у Локка изъ наслѣдованія собственности, оставляемой родителями дѣтямъ. Основу

семьи составляетъ союзъ мужа и жены, долженствующій продолжаться, по крайней мѣрѣ, до совершеннолѣтія дѣтей. Кромѣ брачнаго союза, есть еще союзъ родителей съ дѣтьми и можетъ наконецъ существовать союзъ господина съ рабомъ. Государство относится Локкомъ къ одной категоріи съ этими частными союзами, что весьма характерно для его индивидуалистической концепціи: государство—результатъ договора частныхъ лицъ, отказывающихся отъ права наказывать нарушителей естественнаго закона. *Такой взглядъ на происхожденіе государства до-нельзя ограничиваетъ его функціи,* тогда какъ, наоборотъ, взглядъ Гоббза, заставляющаго людей отказываться отъ всѣхъ своихъ правъ, *до-нельзя ограничиваетъ права подданныхъ государства.* Другими словами, оба ученія діаметрально противоположны. Если у Гоббза личность передаетъ государству всѣ свои права, то у Локка она почти всѣ естественныя права свои, наоборотъ, сохраняетъ, въ силу чего государство пользуется лишь правомъ наказывать нарушителей естественнаго закона, опредѣляя преступленія и мѣру ихъ наказанія (власть законодательная), приводя такіе законы въ исполненіе (власть исполнительная) и защищая общество отъ посягательствъ на него со стороны другихъ обществъ (власть союзная, federative power). Если Гоббзъ настаивалъ на единствѣ верховной власти, то Локкъ, наоборотъ, считалъ возможнымъ раздѣленіе властей. У Гоббза верховная власть является неограниченной, у Локка, наоборотъ, не безграничной: разъ человѣкъ въ естественномъ состояніи не имѣлъ абсолютнаго права на все, онъ и государству не могъ передать такого права. Граница верховной власти опредѣляется ея обязанностью охранять жизнь, свободу и имущество каждаго; власть, дѣлающая нападеніе на эти блага личности, противорѣчила бы основѣ своего собственнаго бытія. Первенство въ государствѣ принадлежитъ законодательной власти, и ея установленіе есть основной законъ общества, но эта власть въ силу только-что сказаннаго не можетъ лишать гражданъ жизни, свободы и имущества, не можетъ нарушать ихъ естественнаго равенства путемъ частныхъ законовъ (привилегій), или изъятій и т. п., и не можетъ безъ ихъ согласія брать у нихъ часть ихъ имущества (налоги) на государственныя нужды. Все это вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ, существующихъ всегда, какъ вѣчныя правила, одинаково обязательныя и для подданныхъ, и для правителей. Кромѣ того, законодательная власть не можетъ передавать своихъ правъ кому бы то ни было. Локкъ занимается также вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ законодательной и исполнительной власти (парламента и короля), изложивъ на этотъ предметъ взгляды, впослѣдствіи повторенные Монтескье; но обѣ эти власти имѣютъ, по его представленію, надъ собою

высшаго судью—народъ, который можетъ потребовать къ отвѣту и законодательную, и исполнительную власти, если онѣ злоупотребляютъ своими правами. Послѣднее случается, напримѣръ, если глава исполнительной власти, участвующій въ законодательствѣ посредствомъ своего „veto“, захватываетъ всю законодательную власть, когда онъ не созываетъ законодательнаго собранія или покушается на свободу его засѣданій, когда устраняетъ избирателей или измѣняетъ порядокъ выборовъ, и когда народъ бываетъ покинутъ правителемъ и подчиненъ иноземному игу: во всѣхъ такихъ случаяхъ подданные имѣютъ право возстать на защиту своей свободы. Утверждая это положеніе, Локкъ выступалъ защитникомъ второй англійской революціи, которая, съ точки зрѣнія его теоріи, и получила тутъ свою принципіальную санкцію. Это было въ сущности повтореніемъ того же ученія, которое проповѣдовали за сто лѣтъ до Локка кальвинисты. Защищая право сопротивленія, онъ, впрочемъ, прибавляетъ, что революціи не такое легкое дѣло, чтобы народъ бросался въ нихъ очертя голову. Взятая съ этой стороны, теорія Локка въ частности была не чѣмъ инымъ, какъ систематизаціей принциповъ вигизма, и въ этомъ заключается ея связь съ политическою дѣйствительностью, ее породившею. Съ другой стороны, эта теорія отмѣчена печатью индивидуализма: у человѣка есть извѣстныя прирожденныя и неотъемлемыя права, существующія въ силу естественнаго закона, которымъ, далѣе, вполнѣ опредѣляется и самое пользованіе этими правами. Между прочимъ къ числу сферъ личной жизни, не подлежащихъ вмѣшательству со стороны государства, Локкъ относилъ религію, какъ дѣло индивидуальной совѣсти, опять-таки въ противоположность Гоббзу съ его принципомъ государственной религіи. Локкъ не былъ, однако, вполнѣ послѣдовательнымъ въ своемъ индивидуализмѣ, такъ какъ съ его точки зрѣнія налоги должны были бы замѣниться добровольными взносами, а арміи—состоять изъ однихъ волонтеровъ, чего онъ, однако, не требовалъ. Точно такъ же онъ не признавалъ права выхода изъ даннаго общества, разъ человѣкъ объявлялъ себя его членомъ. Зато весьма послѣдовательно съ индивидуалистической точки зрѣнія онъ съуживаетъ задачи государства: послѣднее у него только охраняетъ личность и собственность, какъ будто однѣ полицейскія функціи исчерпываютъ все содержаніе политической жизни. Т.-е. въ его государствѣ нѣтъ мѣста для органической работы, создающей многое такое, что выходитъ за предѣлы тѣсной сферы охраны жизни и имущества гражданъ отъ убійцъ и воровъ. XVIII вѣкъ, открываемый философіей Локка, вообще защищалъ права человѣка, въ чемъ была великая заслуга этой эпохи и заслуга Локка, но этотъ же XVIII вѣкъ поставилъ и новыя задачи государству — вести общество къ

лучшему будущему путемъ воздѣйствія на культурную и соціальную жизнь, на что, впрочемъ, нѣтъ еще и намека ни у Локка, ни у Гоббза. Государство новаго времени унаслѣдовало отъ средневѣковаго католицизма многія его права и притязанія, но стало сознавать свои обязанности только позднѣе, и именно общее развитіе индивидуализма, однимъ изъ яркихъ выраженій котораго была теорія Локка, указало на цѣль, какой должно было служить государство: въ XVIII вѣкѣ она была понята, какъ благо личности и благо народа, какъ совершенствованіе культурныхъ и соціальныхъ условій индивидуальнаго бытія и народной массы.

Англійская философская и политическая литература оказала громадное вліяніе на культурное и соціальное развитіе Франціи. Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Людовика XIV въ этой странѣ зарождается оппозиціонная литература. Во французской литературѣ всегда была извѣстная струя скептицизма, но послѣдній весьма мало направлялся на политику. Въ концѣ царствованія Людовика XIV именно внутреннія дѣла Франціи начинаютъ обращать на себя вниманіе. Уничтоженіе нантскаго эдикта вызвало цѣлую литературу, и вотъ нетерпимый католицизмъ возбуждаетъ противъ себя передовые умы XVIII в.: борьба съ нимъ въ первый ея фазисъ *ведется подъ знаменемъ идей англійскаго деизма*. Вмѣстѣ съ этимъ внутренніе порядки Франціи пришли въ полное разстройство. Уже за десять лѣтъ до „Королевской десятины" Вобана Буагильберъ въ книгѣ „Le détail de la France, la cause de la diminution de ses biens etc.", ставитъ вопросъ, почему бѣдствуетъ страна, такъ богато одаренная природою: за ту же тему онъ берется въ одинъ годъ съ Вобаномъ и въ новомъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Factum de la France". Отвѣтомъ служатъ у Буагильбера, какъ и у Вобана, ссылки на дурные порядки, требующіе реформы. Поэтому оба они рекомендовали административныя и финансовыя преобразованія, а рядомъ съ ними представители средневѣковыхъ силъ католицизма и феодализма, епископъ камбрейскій Фенелонъ и герцогъ Сенъ-Симонъ мечтаютъ объ ограниченіи королевской власти въ пользу духовенства и дворянства. И въ политическомъ движеніи, начинавшемся во Франціи, опять *получили перевѣсъ англійскія идеи и надъ тѣмъ, что создано было Ришелье и Людовикомъ XIV, и надъ той реставраціей средневѣковой католико-феодальной старины*, которую думали вернуть Фенелонъ и герцогъ Сенъ-Симонъ. Такимъ образомъ изъ двухъ политическихъ противоположностей, развившихся на Западѣ въ XVII в., побѣда склонилась въ концѣ концовъ на сторону принциповъ, нашедшихъ выраженіе въ англійской философской и политической литературѣ, но сами они были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ исторіей реформаціоннаго движенія.

СОДЕРЖАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ТОМОВЪ

„ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ“.

Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.

Западно-европейская исторія.—Католицизмъ и феодализмъ.—Культурно-соціальная исторія. — Феодальное устройство. — Муниципальный бытъ. — Сословно-представительныя учрежденія.—Великая хартія.—Возникновеніе парламента. — Права парламента. — Королевская власть во Франціи.—Политическое раздробленіе Германіи. — Политическіе вопросы новаго времени.—Крѣпостничество во Франціи.—Эпоха освобожденія французскихъ крестьянъ.—Положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.—Соціальный строй Англіи.—Церковное землевладѣніе. — Цеховое устройство промышленности. — Начало денежнаго хозяйства.—Общественный характеръ литературы.—Положеніе личности въ обществѣ.—Католическая церковь и свѣтское общество.—Отношеніе католицизма къ личности. — Политическая оппозиція церкви. — Зарожденіе литературной оппозиціи католицизму. — Средніе вѣка и классическая древность. — Петрарка, какъ первый гуманистъ.—Гуманистическое значеніе Боккачіо.—Главные итальянскіе гуманисты.—Ренессансъ внѣ Италіи.—Гуманистическая мораль. — Гуманистическая политика.—Гуманистическая наука.—Упадокъ папства и монашества.—Суевѣрія и злоупотребленія религіей.—Обличенія духовенства въ литературѣ. — Неудача соборной реформы. — Предшественники реформаціи.—Внѣ-церковныя силы въ дѣлѣ религіозной реформы.—Общественное значеніе религіозныхъ движеній.—Главные общіе выводы.

Томъ II. Исторія XVI и XVII вѣковъ.

Изученіе реформаціоннаго періода. — Политическое состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка.—Культурная борьба и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.—Карлъ V и его общеевропейская политика. — Лютеръ до отпаденія отъ церкви. — Эпоха вормскаго сейма.—Начало религіозной реформаціи въ Германіи. — Рыцарское возстаніе. — Происхожденіе крестьянской войны. — Крестьянская война и ея программы.—Сектантство и соціальныя движенія.—Нѣмецкіе князья и лютеранская реформація.—Борьба князей съ императоромъ.—Цвингліанская реформація. — Происхожденіе кальвинизма. — Характеръ и историческое значеніе

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Вступленіе.

Реформаціонный періодъ.

Эпоха католической реакціи.

Тридцатилѣтняя война.

Французскій абсолютизмъ и англійскія революціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Вступленіе.

Реформаціонный періодъ.

Эпоха католической реакціи.

